This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Slav 4350.56.1

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОЛНОЕ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. Ѳ. ПОГОССКАГО

съ портретомъ, біографіей автора и примѣчаніями.

Томъ II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія и Литографія В. А. Тиханова, Садовая № 27.
1900.

Digitized by Google

o(w-7350.56.1 (2)
V

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОГО ТОМА.

Повѣсти, разсказы, сказанія и сказки.

	стран.
Дѣдушка Назарычъ. (Повѣсть)	1
Маіорская дочка. (Повѣсть)	35
Сорочьи гнѣзда. (Повѣсть)	117
Злодѣй и Петька. (Уличный разсказъ)	171
Отставное счастье	205
Изъ старыхъ записокъ	225
Два кольца. (Разсказъ на бивуакахъ)	243
Покойный Иванъ Ивановичъ Ивановъ. (Разсказъ изъ Крымской войны)	251
Суходольщина	277
Двѣ службы и одна репетичка. (Солдатскія замѣтки)	323
Подосиновики. (Повѣсть)	349
Всѣмъ шильямъ шило! (Повѣсть)	381
Анчутка-безпятый. (Древняя сказка)	403
Бобыль Наумъ-Сорокодумъ. (Истинное происшествіе)	413
Медвѣжья наука. (Разсказъ)	419
Собачій застрѣльщикъ	435
Куча денегъ. (Три разсказа. Изъ воспоминаній банкрота. I. Сатана-Пѣргеле, II. Большой носъ. III. Господинъ Сковородинъ)	441
Первый винокуръ. (Древнее сказаніе)	479
Птичій даръ. (Восточное сказаніе)	491
Лѣшевъ хуторъ. (Очень страшное, но сомнительное происшествіе)	497
Солдатское пиво. (Повѣсть)	515
Чертовщина. (Повѣсть)	533

Digitized by Google

СТРАН.

Путешествіе на луну изъ корчмы, по пути домой. 559
Мудрый судья. (Восточное сказаніе). 567
О славномъ мугучемъ богатырѣ Алешѣ Голопузомъ. (Сказка) . . 573
Счастливая рубашка. (Восточное сказаніе) 585
О Соколѣ Сизокрыловичѣ, о Соколихѣ Сизокрыловнѣ и о Куликѣ-мудрецѣ носатомъ. (Сказка) 591
Божеское правосудіе. (Три разсказа. Судъ Провидѣнія. Молитвенникъ моей жены. Висячій гость). 595
Судъ Бого-Человѣка въ Іерусалимѣ на праздникѣ Кущей . . . 643
Лѣсъ и книжка 649

Стихотворенія.

Лагерь. (Отрывокъ изъ сказки „Солдатъ Искра“). 651
Штыкъ и пуля. (Басня). 655
Пѣсня 656
Морскія пѣсни. (Бригъ „Меркурій“. Фрегатъ „Александръ Невскій“) 657
Три желанія. (Сказка) 663
Жизнь безъ горя и печали. (Солдатская сказка) 666

Очерки.

Походныя замѣтки для пѣхоты. 703
Наши добрые слуги четвероногіе. 709

Примѣчанія ко второму тому въ концѣ „Полнаго Собранія“.

Примѣч. ред.

Digitized by Google

ДѢДУШКА НАЗАРЫЧЪ.

Повѣсть.

„Жди не отъ богатаго, а отъ тароватаго".

I.

Не знаю, какъ теперь, а лѣтъ двадцать тому назадъ, на опушкѣ Темниковскаго бора, при самомъ перекресткѣ проселка, стояла—словно сирота на перепутьѣ—уютная, сѣренькая избенка. Задумчиво, изъ подъ нахлобученной крыши, поглядывала она двумя свѣтленькими окошечками своими на дорогу. Крыльцо, съ соломеннымъ навѣсомъ и съ вытертой лавочкой, тоже выходило на дорогу, другую, перекрестную.

Помню, какъ сидѣлъ я на этомъ крылечкѣ. Дѣло было очень давно; проѣздомъ отдыхалъ я тутъ отъ зноя и глядѣлъ на зеленый, полный, какъ снопъ, огородъ; онъ тянулся отъ избушки вдоль лѣса.

Правда, что огородомъ назвать бы его нельзя,—не огородъ, а огородишко — грядокъ съ десятокъ, не больше. Но всего-то было насажено тутъ густо и въ порядкѣ: капуста, рѣпа, брюква, бураки, огурцы—разрослись кудрявой зеленью.

Дальше: горохъ, бобы, конопли—какъ лѣсъ стоятъ, и потомъ небольшой клинъ картофеля. А въ самомъ углу огорода—хрѣнъ сердитый гвоздемъ влѣзъ въ землю. Прочая мелкая зелень, подспорье приварное,—морковка, чесночишко, лукъ,—все это разсажено кругомъ грядокъ. Мѣстами взбѣгалъ буйный макъ махровый, разноцвѣтный, отъ бѣлаго до чернаго, словно подкопченнаго, а ино мѣсто, въ зелени, горѣлъ онъ, какъ жаръ. Поверху зелени, на высокихъ стебляхъ, колыхались золотыя подсолнечники. А кругомъ всего этого, уютнаго и полнаго всѣмъ надобнымъ огорода, разсажены были разныя хорошія травы и кусты,—

Digitized by Google

была тутъ и рута ярко-зеленая, и аглицкая мята душистая, и мелкотравчатое божье-дерево; а ближе къ лѣсу—широкіе кусты бузины и калины.

Огородецъ похвалила бы и самая строгая хозяйка, потому что, въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ какъ игрушка.

Къ задней стѣнѣ избенки построена была вплотную клѣть, или комора; дальше — хлѣвишко для коровы и свиней, потомъ еще небольшой навѣсъ, и передъ всѣмъ этимъ строеніемъ былъ огороженный дворикъ, съ колодцемъ въ углу. По этому двору слонялась, похрюкивая, пара свиней, съ мелкимъ семействомъ своимъ; копошились куры и цыплята; пѣтухъ, переступая очень важно, поднималъ голову на каждую пролетавшую мимо, лѣсную птицу, и кудахталъ съ безпокойствомъ, какъ будто спрашивая:—это что такое опять! ужъ не ястребъ ли?—но птицы пролетали безъ всякаго вниманія.

Кажется, больше никакой скотины на дворѣ и не было; а только у навѣса, изъ за старой, опрокинутой, бездонной бочки, торчалъ значительный и очень пушистый хвостъ. Самого господина этого хвоста не было видно,—отъ жары забился онъ весь въ бочку,—но, судя по хвосту, господинъ былъ изъ брехуновъ важныхъ, и выставилъ хвостъ какъ будто нарочно затѣмъ, чтобъ показать, что, молъ, для такого дворишки одного хвоста моего будетъ полно.

Все описанное здѣсь имѣніе плотно прилегало къ опушкѣ темнаго дремучаго бора. Надъ избушкой, дворомъ и веселенькимъ огородомъ, старыя, огромныя сосны широко развѣсили свои крѣпкія вѣтви, словно жилистыя старушечьи руки надъ тихой колыбелькой. Покачиваясь, будто шептали онѣ:—будь спокоенъ живущій тутъ человѣкъ,—мы тебя осѣнимъ и прикроемъ!

А вотъ, кстати, и самъ жилецъ;—на крылечко вышелъ человѣкъ, довольно еще храбраго и очень почтеннаго вида, и сейчасъ же сдѣлалъ себѣ изъ своей ладони козырекъ надъ глазами отъ солнца Обвелъ онъ взоромъ огородъ, глянулъ на темный лѣсъ, приподнялъ голову и чихнулъ такъ звонко, что и въ лѣсу кто-то отвѣтилъ ему тѣмъ-же. Человѣкъ перекрестился,—и тогда открылось его почтенное старческое лицо, опушенное бакенбардами и усами, бѣлыми, какъ молоко. Въ ту же минуту, откуда-то, изъ-за огорода, а, можетъ быть, изъ лѣса, а, можетъ быть, и съ крыши послышался звонкій дѣтскій голосокъ:—будь здоровъ, дѣдушка!

— Спасибо, Васютка!—отвѣтилъ дѣдъ, а самъ началъ оглядываться, улыбаючись:—да гдѣ ты, разбойникъ?

Digitized by Google

— Здѣсь, дѣдушка! — звенѣлъ отвѣтъ и опять неизвѣстно откуда.

— Экой пострѣлъ!

Дѣдъ продолжалъ озирать всѣ густые кусты и скрытыя мѣста, а голосокъ какъ будто дразнилъ его:—а я здѣсь, дѣдушка!

Но шутка длилась недолго; черезъ тынъ, со двора, махнулъ пушистый, важный хвостъ,—разумѣется, не одинъ хвостъ, а цѣлая собака при немъ, — замахалъ этотъ хвостъ въ зелени огорода, еще разъ махнулъ чрезъ прясла и, остановившись подъ рябиной, завилялъ очень размашисто; затѣмъ послышался баситый собачій зыкъ, означающій собачье удовольствіе.

— А-га, плутишка, вотъ гдѣ ты!—промолвилъ ласково дѣдъ; а изъ вѣтвей рябины зазвенѣлъ уже сердитый голосишко: — ну постой же, Закатайка! я-жъ тѣ за то опять къ хвосту вѣникъ привяжу,—будешь ты у меня крутиться!

Затѣмъ съ рябины полѣзъ и соскочилъ на траву румяный, курчавенькій, бѣловолосый мальчишка въ рубашенкѣ и разсказалъ дѣду, что опять попался въ западню свиристель; но онъ его опять выпустилъ и снова насторожилъ ловушку.

— Ну, и ладно! —отвѣтилъ дѣдъ,—а теперь, сбѣгай-ка съ Закатаемъ, погляди Машку, не зашла-бъ она далеко; а я табачокъ просѣвать пойду.

— А развѣ все смололъ, дѣдушка?

— Все, братъ.

Мальчишка свистнулъ Закатаю и побѣжалъ съ нимъ въ лѣсъ, поглядѣть, что дѣлаетъ Машка, ихъ коровенка пестрая. Дѣдъ поглядѣлъ вслѣдъ за мальчуганомъ, прислушался еще къ его свисту и хрясту по лѣсу, чуть-чуть ухмылился и, вздохнувъ слегка, ушелъ въ свою избенку.

Вотъ вамъ и всѣ жильцы темниковской лачуги. Однако, самъ я вижу, что этого сказать о нихъ мало; поглядимъ-ка лучше формулярный списокъ старика почтеннаго. Съ перваго же взгляда вѣдь видно, что онъ, — хоша и не въ формѣ, всего въ рубахѣ, да въ полотняныхъ шароварахъ, — а военнаго поля ягода, то есть—солдатъ. А ужъ извѣстно, что никакой на свѣтѣ сочинитель не опишетъ и не отработаетъ старослужащаго человѣка такъ вѣрно, какъ опишутъ и отработаютъ его въ полковой канцеляріи. Тамъ все по графамъ, по годамъ, да по примѣтамъ; тамъ нельзя сбиться. А сочинитель валяетъ сплошь, да иногда навалянетъ такой портретъ—что Сидоръ, что Макаръ, все равно... а, впрочемъ, и на Авдотью похоже! Это оттого, что сочинители, по большей части, сами народъ неслужащій, пишутъ безъ справокъ, а

Digitized by Google

иногда и совсѣмъ наобумъ. Мнѣ самому случалось подчасъ описать такую бабусю, что, пройди свѣтъ, и собаками не отыщешь подобной: только улыбается, а сама на себя непохожа. Ну, а что касается солдатскаго званія, такъ ужъ извините, — каждый солдатъ мной описывается такъ, что сейчасъ же видно, что онъ либо былъ, либо есть, либо непремѣнно будетъ такой самый. Въ томъ ужъ я ручаюсь, ибо пишу по формуляру.

Такъ и теперь запишемъ.

— „Илья Назаровъ, сынъ Назаровъ, Костромской губерніи, изъ помѣщичьихъ крестьянъ, отъ роду 18 лѣтъ; зачисленъ рядовымъ въ Великолуцкій пѣхотный полкъ...—ахти батюшки! страшно сказать—въ 1792-мъ году!—Холостъ; въ штрафахъ не бывалъ; въ сраженіяхъ противъ непріятеля...—ай родимые! цѣлыхъ три листа исписано:—и противъ поляка, и противъ шведа, и противъ француза, турка, персіянина, египтянина, — противъ всего значитъ свѣта! Лучше бы такъ и написать:—со всѣми, молъ, передрался! Раненъ — пулей въ бедро, штыкомъ въ плечо, саблей черезъ лобъ и по-посу, а картечью—только контуженъ. И все-таки, видно, не сконфуженъ!.. Еще что?—Знаки отличія имѣетъ: медали—за Шведскую, Французскую, Турецкую, Персидскую кампаніи, за взятіе Парижа—особенно, за помощь турецкому султану противъ египетскаго паши—опять особенно, на Владимірской лентѣ медаль „за спасеніе погибавшихъ“—опять таки особенно. Кресты:—Св. Георгія, Кульмскій и Св. Анны—за двадцать лѣтъ безпорочной службы. На лѣвомъ рукавѣ мундира нашивки:—три изъ желтой тесьмы, а три — за вторительную службу, изъ чистаго, отцы мои, золота!—По вторительной же службѣ произведенъ въ унтеръ-офицеры; и прибавлено въ графѣ о наукахъ—читать умѣетъ“...

Бездѣлица!!

Вотъ вамъ весь тутъ, какъ за стеклышкомъ, дѣдушка Илья Назарычъ. Поди-ка, сочини такого! Ты будешь сочинять и описывать его одинъ, гусинымъ перомъ, а около этого дѣдушки работали да описывали его на его вѣку разные народы—свинцомъ, сталью, мѣдью, чугуномъ, прикладомъ, чортъ знаетъ какимъ дубьемъ! И работали нисколько ни хуже, какъ у добраго попа на толокѣ, надъ снопомъ овсянымъ, работаютъ цѣпомъ набожные прихожане.

Но Илья Назарычъ смиренный зла не помнилъ, обо всѣхъ народахъ отзывался хорошо:—народы, говоритъ, хорошіе!—Служилъ онъ вѣрно, тянулъ лямку усердно. Съ натуги, трудовымъ потомъ позаливало всѣ изъяны его тѣлесные: срослись попорчен-

Digitized by Google

ныя кости, затянуло раны, и только черезъ переносье лежалъ наискось рубецъ, и поэтому носъ, точно починенный сапогъ на колодкѣ, лоснился больше, нежели слѣдовало бы цѣльному носу. А, впрочемъ, Назарычъ былъ здоровъ, и когда стукнуло 25 лѣтъ его службѣ, то на доброе слово капитана:—а что, братъ, Назаровъ, не послужимъ ли еще?—онъ отвѣтилъ: — радъ стараться служить Богу, государю и отечеству подъ вашимъ добрымъ начальствомъ, ваше благородіе! — и опять потянулъ лямку, еще усерднѣе прежняго, коли только могло это быть.

И таки опять, какой то Абдала, подъ Браиловымъ, свиснулъ своей кривой саблей по почтенной головѣ Ильи Назарыча, въ ту минуту, когда онъ черезчуръ глубоко всадилъ свой штыкъ другому Абдалѣ въ самое подсердечіе. И вотъ тутъ-то, скользнувъ по крѣпкому черепу Назарыча, кривая сабля чуть было совсѣмъ не отхватила ему конецъ носа.

— Ну, мошенникъ! попадешься же ты мнѣ въ другой разъ!—сказалъ Назарычъ, придерживая свѣсившійся на усы, какъ у индѣйскаго пѣтуха, свой носъ—и пошелъ на перевязку.

Хотя на перевязочномъ пунктѣ и подтрунили надъ нимъ земляки-зубоскалы:—свой-ли, говорятъ, носъ принесъ? гляди, не перемѣшалъ ли—не приклеитъ бы турецкій!—хоть и подсмѣялись надъ нимъ маленько, однако, очень можетъ быть, что мошенникъ Абдала въ самомъ дѣлѣ попался ему потомъ, ибо, провалявшись мало время въ госпиталѣ, Назарычъ, съ починеннымъ носомъ, опять явился во фронтъ передъ разными Абдалами, и нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ онъ самъ признался:—грѣшнымъ дѣломъ—уколошматилъ!

— Ну, пропала Турстчина!—подсмѣивались бывало ранжирщики, когда Назарычъ вызывался въ *охотники*:—ужъ не проститъ Назарычъ Салтану своего носа!

— Это онъ Абдалу идетъ отыскивать!—трунили зубоскалы;—ужъ лучше-бъ выдали его головой, а то и невиноватымъ достанется!

Одначе, въ Андріанополѣ помирился Назарычъ съ Салтаномъ:—миръ такъ миръ, говоритъ; за изъянъ въ носу, не своротить же весь Царьградъ въ море! пусть пока постоитъ!

Кончилъ Назарычъ войну и былъ произведенъ въ унтера, хотя долго онъ отпрашивался отъ этой чести. А отпрашивался онъ—во первыхъ—потому, что, по его словамъ, было немало товарищей, подостойнѣе его—а во вторыхъ—потому, что тридцать лѣтъ отходилъ въ передней шеренгѣ:—жаль мѣста,—толковалъ Назарычъ,—тутъ и на глазокъ веселѣе цѣлиться, да и штыкомъ

Digitized by Google

работать сподручно! — И была еще у Назарыча немаленькая причина, по которой не хотѣлось ему мѣнять своего чина: былъ онъ страшенный охотникъ и искусникъ рѣдкій въ табачномъ производствѣ. А ужъ извѣстно, что унтеру, по старому повѣрью, какъ-то не подобаетъ возиться съ горшками, макитрами, ситами и прочими инструментами табачнаго молотья. А назаровскій табачокъ былъ въ славѣ даже по цѣлой бригадѣ: и не только сапожники, портные и прочіе безотмѣнные набиватели носовъ высоко уважали этотъ табачокъ, но на ученьяхъ, по командѣ—„стоять вольно, поправсь!“—около Назарыча всегда собиралась кучка народа немаленькихъ чиновъ, и не одна высокоблагородная рука навѣщала его берестяную тавлинку.

— Ахъ, чтобъ тѣ треснуть! Эхъ, забрало! Вотъ такъ пертюнецъ!—раздавались вокругъ него похвалы. вмѣстѣ съ чиханьемъ и сморканіемъ. И по командѣ—„смирно“—долго еще слезились глаза и горѣли благородные носы, отвѣдавшіе досыта назаровскаго табачку.

И унтеромъ Назарычъ тянулъ лямку вѣрно. Но, наконецъ-таки, самъ замѣтилъ, что старость беретъ свое: разъ, на инспекторскомъ смотру, подъ ранцемъ, зарябило у него въ глазахъ, потомъ потемнѣло, потомъ позеленѣло, да — ни съ того ни съ сего—трахъ! обрушился старикъ, какъ колесо подъ возомъ; врозь полетѣли доспѣхи ратные — и ружье и киверъ. Правда, всталъ онъ, сконфузился:—ахъ я, старый дуракъ! говоритъ, этакъ опустился! Еще попробовалъ подтянуться—да нѣтъ: шестой десятокъ вѣрной, нелицемѣрной и полезной жизни отозвался въ косточкахъ. А тутъ и докторъ подошелъ: — пора старику на покой!—говоритъ.

— Куда на покой? Что такое—на покой? Зачѣмъ на покой? — думалось Назарычу всю ночь напролетъ послѣ этого происшествія.—Сорокъ лѣтъ ни слуху, ни духу отъ родныхъ,—зачѣмъ идти?

Однако дѣло кончилось на томъ, что разсчитали его артельными деньгами и дали билетъ. Назарычъ сдалъ аммуницію и сполъ погоны:—прощай, служба! Маршъ, старикъ, на родину: она тебя ждетъ!

Да, полно, ждетъ-ли?.. Полвѣка блыкаясь по бѣлу свѣту, забылъ ты, человѣкъ, все, что было тамъ, на твоей родинѣ;—старики твои давно ужъ въ землѣ; ровестники — давно какъ лунь посѣдѣли; ребятишки—ужъ бороды отпустили безъ тебя, дѣтей нарожали. Ничего ты не узнаешь тамъ; не только люди, а и

Digitized by Google

камень, чай, выросъ послѣ тебя, обросъ мохомъ сѣрымъ. Все тебя забыло, никто тебя не знаетъ тамъ. Какая же она родина!

А вотъ какая: течетъ, журчитъ, пробирается промежъ камешковъ струйка свѣтлая, спѣшитъ и бѣжитъ она далеко-далеко! и день, и ночь бренчитъ она свою походную пѣсню, то съ травкой шепчется, то съ запрудой, да съ пнемъ спорить: — пропусти, молъ, дяденька, меня сироту!—то тихошенько обтекаетъ кругомъ сонный камень лежачій—и точитъ себѣ дорожку все впередъ, впередъ! — Спроси ее: —куда ты течешь, куда день и ночь бѣжишь, струя свѣтлая?

— Въ море, въ море, добрый человѣкъ! въ мое родимое море!— сказала бы тебѣ струя, да сказать-то человѣку она ничего не можетъ, и бренчитъ себѣ, все впередъ утекаючи.

И у насъ, братцы, у всѣхъ есть свое родимое море. Есть оно у каждаго, у кого не высохла въ щепку грудь, у кого осталось отъ растраченной трудной жизни хотя капля свѣжаго, дѣтскаго чувства въ сердцѣ.

Охолодѣлъ, отвердѣлъ, умудрился ты, старикъ сѣдой, — все видѣлъ, все испыталъ и ничего тебѣ, кажись, ужъ не хочется видѣть. А помнишь ли свою колыбель, гдѣ ты въ первый разъ заплакалъ, въ первый разъ засмѣялся, въ первый разъ увидѣлъ глупенькими глазенками этотъ прекрасный свѣтъ Божій — увидѣлъ и изумился?.. Неужели тебѣ не хочется видѣть ее, твоей колыбели дѣтской?

Эй, почтенный! тебѣ не только хочется хоть однимъ глазкомъ взглянуть на твою родимую сторонку,—а только то и мерещится въ сѣдой головѣ твоей, какъ бы тамъ тебѣ сложить свои усталыя кости. Вѣрь, почтенный, что это такъ. Право слово такъ, хоть побожиться!

Какъ заяцъ, поднятый чуткими гончими, даетъ стречка, вертится, мечетъ концы и узлы, искружитъ полъ лѣса и всетаки опять сыщетъ свою тропу и удираетъ по ней туда-же, откуда далъ стречка, такъ точно и ты, добрый человѣкъ, какъ ни вертись, какъ ни скачи по бѣлому свѣту, а все же, уставши, наровишь опять туда, откуда началъ свой бѣгъ, хоть тамъ и сторожитъ тебя зоркій охотникъ, стрѣлокъ безъ промаха—смерть.

Все на свѣтѣ спѣшитъ туда, откуда пришло, стремится къ своему родному началу.

Вотъ отчего и любезна такъ родина каждой доброй душѣ.

Digitized by Google

II.

Распрощался старина Назарычъ съ товарищами и начальствомъ. Сосчиталъ свое богатство,—и вышло серебра немногимъ больше вѣсомъ въ карманѣ, чѣмъ насколько его пришпилено на шинели на груди у него: цѣлковичковъ съ десятокъ было. Капиталы очень невеликіе; но, съ Богомъ, пойдемъ!

И поперъ онъ на родину.

Долго-ли, коротко-ли, пришелъ Назарычъ въ свою деревеньку; на той же горушкѣ, надъ той же рѣчушкой стоитъ, должно быть все таже, родная деревенька Назарыча. Какъ во снѣ припомнилась ему эта рѣченка, по которой бродилъ онъ еще мальчишкой, пискарей пугаючи. И бережокъ крутой, съ котораго, бывало, зимой катался онъ съ однолѣтками на скользкой ледянкѣ. И за полями лѣсокъ синій—все тотъ же, кажися. Затрепетало стариковское сердце, брызнуло оно на радостяхъ горячей слезинкой:—здравствуй моя родина, моя колыбель теплая!..

— Здравствуй, старина; поди ко мнѣ, странникъ усталый!—слышался ему одному этотъ безмолвный привѣтъ.

Онъ пришелъ; окружили его ребятишки, бабы, хозяева;—солдатъ, солдатъ, каваleръ-служивый!—шептали люди, а никто не зналъ и не вспомнилъ, что у нихъ есть землякъ, Илья Назарычъ, никто къ старику и не признался. Одинъ только нашелся дѣдъ слѣпой:—помню, помню!—сказалъ онъ,—помню, какъ покойный Назаръ сына сдавалъ въ рекруты: парнишко былъ изъ себя ничего, бравый!

— Это я, землякъ ты мой почтенный!—сказалъ Назарычъ, кинувшись къ слѣпому.

— Ничего, отецъ мой, не вижу,—сказалъ слѣпой;—а коли ты, такъ, стало быть, это ты самъ и есть! милости твоей просимъ!

Никого изъ родни не нашелъ Назарычъ. Отдохнулъ онъ денька три и отправился въ село, къ помѣщику; помѣщикъ случился, человѣкъ добрый, самъ отставной воинъ;—живи, — говоритъ—старина, у меня, при дворѣ.

Но Назарычъ еще не ѣдалъ хлѣба даромъ, и попросилъ себѣ должности. Помѣщикъ думалъ, гадалъ, съ своимъ управителемъ Христофоромъ Христофорычемъ совѣтовался, и наконецъ рѣшилъ—опредѣлить Назарыча лѣсникомъ въ Темниковскій боръ, въ урочище Придорожье.

Digitized by Google

Тутъ-то мы и познакомились съ Назарычемъ;—это его-то и есть избенка, и весь, состоящій при ней, огородъ.

И такъ жилъ-служилъ Назарычъ одинъ, какъ перстъ, круглымъ бобылемъ; ни души живой не было при немъ пять лѣтъ. Только изрѣдка, разъ въ мѣсяцъ, а иногда и въ два мѣсяца, навѣщалъ его камратъ, такой-же, какъ и онъ, древній, увѣшанный крестами и медалями, отставной кавалеристъ Архипычъ, объодной ногѣ, очень любившій разсказать, при всякомъ случаѣ, какъ въ 1794 году, съ Ферзеномъ, они Костюшку брали:—взяли, говоритъ, поглядѣли, а онъ маленькой, сухонькой, и семи копеекъ не стоитъ; а ужъ былъ герой! ой-ой витязь былъ! раскоси твоя малина—герой!

Кромѣ этого камрата, да иногда проѣзжаго какого-нибудь, никто не бывалъ у старика нашего;—хата его словно дремала подъ шумъ боровой, въ затишьѣ.

Но въ одно воскресенье вернулся Назарычъ отъ обѣдни съ погоста Верховскаго, верстъ за 12, и вернулся самъ-третей. Нашелъ онъ промежъ нищихъ, на паперти церковной, женщину съ грудным ребенкомъ. Старикъ подалъ ей грошъ, разговорился съ нею, и—сказано, что милосердіе созидаетъ домы—эта нищая оказалась его родная внучка по сестрѣ, Авдотья. Взялъ онъ ее съ мальчишкой къ себѣ жить, въ избенку свою.

И вотъ, зажилъ Назарычъ семьяниномъ, хозяиномъ; ожила, повеселѣла избенка нашего лѣсника. Бывало, прежде только сверчокъ за печкой, да гдѣ-нибудь въ углу, въ паутинѣ запутавшаяся муха, али шмель, залетѣвшій въ отворенное окно, заводили свою нехитрую музыку въ тихой горенкѣ, да, какъ мельничный жерновъ, гулко ходилъ по макитрѣ дубовый пестъ Назарыча, растирая въ табачную муку сухіе корешки махорскіе,—все смирно и тихо было въ избушкѣ Назарыча, — теперь — то утромъ, то подъ-вечеръ, то въ самую полночь—вдругъ зазвенитъ въ ней голосишко мальчишки, то смѣхомъ звонкимъ, то плачемъ неутѣшнымъ; всякій день, въ одну и ту же пору, слышится плавная пѣсенка—„баюшки-баю!“ И, прежде сумрачная, какъ будто нежилая, горенка просвѣтлѣла, просіяла, наполнилась теплотой; поселилась въ ней чистая, непорочная душа человѣческая—младенецъ крохотный.

Помолодѣлъ какъ-то и самъ Назарычъ; выучился онъ, на старости лѣтъ, ходить на пальчикахъ мимо спящаго въ колыбелькѣ ребенка, чихать и кашлять себѣ въ пригоршню; почувствовалъ вольный, безначальный старикъ надъ собою начало, старшину, командира; этотъ командиръ былъ восьми-мѣсячный

Digitized by Google

Васютка. И хорошо стало старику-солдату; опять, какъ будто, зажилось не зря, не какъ угодно и какъ попало, а зажилось по правилу, въ подчиненіи, съ оглядкой и уваженіемъ. Подтянулся старый хрѣнъ.

Бережно возьметъ, бывало, нашъ табачникъ на свои костлявыя руки свѣженькаго, какъ макъ махровый, мальчишку, защелкаетъ ему и пальцами и языкомъ какой-нибудь маршъ церемоніальный, по которому еще въ Парижъ вступалъ онъ, засѣменитъ дряхлыми ногами,—и вцѣпится смѣющійся мальчишка прадѣду своему въ усы бѣлые, тянетъ ихъ изо всей силенки, такъ что морщины расправитъ на лицѣ древнемъ;—и счастливъ старикъ. Такъ счастливъ, что только Бога благодаритъ потихоньку; а пока спитъ малютка, онъ и самъ, какъ ребенокъ, ждетъ не дождется, скоро ли пробудится маленькій забавникъ, и заглядываетъ издали въ люльку.

Какъ-то, вскорѣ послѣ того воскресенья, съ стукомъ и шумомъ влѣзъ на крыльцо, съ своей деревянной ногой, храбрый Архипычъ, побѣдитель витязя Костюшки; но въ дверяхъ торопливо остановилъ его Назарычъ:—тссъ! нишкни!—и указалъ ему пальцемъ на колыбельку.

Архипычъ вытаращилъ глаза, выглянулъ—и ошалѣлъ.

— Это откуда Богъ далъ?

— Молчи, ничего не говори! пойдемъ лучше въ огородъ, братецъ мой, — шепталъ старикъ, съ такою гордостью, какъ будто онъ самъ все это наработалъ тайно отъ людей.

Потащилъ онъ съ собою гостя подъ развѣсистую рябину, и тамъ, усѣвшись въ травѣ, разсказалъ ему о своей находкѣ.

Мать Васюткина дана была старику также на счастье. Она была женщина слабая, тихая, рабочая, и такъ обрадовалась новому пріюту своему, что долго-долго не переступала и шагу за границы владѣній Назарыча.

Понемногу начало распространяться хозяйство лѣсника: завелась коровенка, курчатъ парочка, щенокъ косматый. Исподоволь устраивались прясла, копались гряды; туго шло дѣло.

У трудящагося человѣка наростаетъ добро; какъ въ природѣ у Бога, помаленьку. Только въ сказкахъ волшебныхъ, да у богачей несмѣтныхъ словно изъ земли выскакиваютъ домы-хоромы, полные какъ чаша. А у труженика бѣднаго, каждый кустикъ въ землѣ, каждое бревешко въ стѣнѣ—должны быть политы кровавымъ потомъ; не наберешься его вдругъ на цѣлый садъ, на цѣлое жилище; а безъ него, безъ трудоваго пота, ничего не будетъ.

Digitized by Google

Но зато въ каждой былинкѣ, въ каждой щепкѣ, политой этимъ трудовымъ потомъ, притаилось счастіе; ты глядишь на дѣло рукъ твоихъ, и дѣло это какъ будто улыбается тебѣ,—ты творилъ его любя, и оно тебѣ родное. А сады и хоромы, вдругъ выросшіе по прихоти богача, хоть и прекрасны, но не вѣетъ отъ нихъ ничѣмъ дружественнымъ, любезнымъ; имъ приказано было—они и есть, а тотъ, кто ихъ строилъ, да сооружалъ — имъ чужой; онъ думалъ только о томъ, чѣмъ богатъ богачъ—о деньгахъ.

Вотъ отчего бываетъ иногда такъ весело, легко на душѣ, даже постороннему человѣку, въ какой-нибудь лачугѣ убогой; а въ золоченыхъ палатахъ, и скучно, да иногда и страшновато бываетъ. Все свое, хорошее и худое, душа вноситъ невидимо въ каждое свое дѣло, въ каждое свое твореніе. Затѣмъ-то каждому честному, трудящемуся, усердному, человѣку, будь онъ бѣднякъ послѣдній, вездѣ хорошо и спокойно,—и въ шалашѣ соломенномъ онъ счастливъ. А мало ли есть и богачей, которые въ великолѣпныхъ палатахъ всѣми своими тысячами не откупятся отъ безпричинной тоски, безпокойства и даже страха?

У Назарыча хозяйство прибывало медленно, туго, но прочно: все тамъ было свое, трудовое, безобманное. Зато же и веселилось сердце старика, глядя на свое, тихо выростающее добро.

Прошло еще три-четыре года, и Назарычъ, не грѣхъ сказать — разбогатѣлъ; все у него выросло и расплодилось такъ, что тѣсновато становилось на маленькой Темниковской усадьбѣ. А ко всей этой благодати было еще у старика подспорье вотъ какое: все свободное, отъ нетрудной лѣсной службы, время онъ употреблялъ на старинное свое мастерстве, то есть на табачное производство.

Нюхалъ онъ самъ порядочно, снабжалъ безденежно табачкомъ земляка-кавалера, одноногаго Архипыча; и еще былъ у него на табачномъ пенсіонѣ пономарь Верховскаго погоста, куда хаживалъ Назарычъ по воскреснымъ днямъ и годовымъ праздникамъ къ обѣднѣ Но и за всѣмъ этимъ расходомъ, выручалъ Назарычъ кое-какіе гроши съ табака, продажей, и имѣлъ въ клѣти, на полкѣ, очень изрядный запасецъ товара: восемь бутылокъ самолучшаго зеленчака, заправленнаго аглицкой мятой и божьимъ-деревомъ, изъ собственнаго огорода, стояли нетронутыми, про всякій случай, и закупорены были вплотную.

А при хозяйствѣ извѣстно, что значитъ грошъ, что значитъ запасъ. Хорошо жилось старику.

Въ одно ясное, раннее утро, сквозь брехотню Закатая, слышитъ Назарычъ—подкатилъ кто-то къ крылечку.

Digitized by Google

— Здорово Васютка!.. дѣдушка дома?—спрашиваетъ голосъ.

— Дома!—отвѣчаетъ Васютка, копавшійся въ песочкѣ около крыльца.

Узналъ Назарычъ голосъ пономаря; давно обѣщалъ онъ навѣстить старика.

— Накрывай-ка столикъ, Авдотьюшка,—сказалъ Назарычъ внучкѣ и пошелъ гостю навстрѣчу.

— Здравія желаю!

Пономарь вошелъ, перекрестился, поздоровался съ хозяевами. Назарычъ объявилъ, что онъ не отпуститъ его раньше ночи:— распрягай, молъ, коня; — ну, и вышли они опять на крылечко.

— Ай-ай, какъ-же тутъ у васъ хорошо, Илья Назарычъ!— молвилъ пономарь, озираючи огородъ. — Экая благодать, экое благоутробіе и изобиліе плодовъ земныхъ!

Назарычъ только вздохнулъ на эти слова.

— Не помнитъ Богъ грѣховъ,—сказалъ онъ,—радостью одарилъ на старость.

— Да-съ, да-съ,—продолжалъ пономарь; какъ видно, и самъ онъ былъ хозяинъ домовитый.

Полюбовавшись огородомъ, лѣсомъ и всѣмъ положеніемъ, завелъ онъ коня съ телѣжонкой во дворъ и распрегъ его. Назарычъ приволокъ лошади большое беремя свѣжаго сѣна и самъ пошелъ распоряжаться закуской. Поставили на столъ все, что было въ печи.

И вотъ, сударь мой, отворяется дверь, влѣзаетъ въ хату тотъ же пономарь и тащитъ что-то очень большое, обвернутое простыней, а что такое—узнать нельзя; только вещь несоразмѣрная—аршина въ полтора будетъ. Пономарь поставилъ ее на полъ, противъ самаго свѣта.

Прибѣжалъ и Васютка,— какъ безъ него обойтись?—надо поглядѣть, что тутъ такое. Авдотья тоже пришла; и даже Закатай, промежъ людскихъ ногъ, морду просунулъ впередъ. Всѣ смотрятъ.

— Вотъ-съ,—началъ рѣчь пономарь,—столько и столько лѣтъ ублаготворяюсь я по носовой части на вашъ, Илья Назаровичъ, счетъ, остаюсь премного доволенъ и чувствую благодарность. И такъ, какъ не безъизвѣстно вамъ, что, при всѣхъ моихъ познаніяхъ, Господь сподобилъ меня еще одною залишнею мудростію, то есть искусство получилъ я малярское, и могу изобразить въ краскахъ всякое происшествіе, то въ благодарность мою, и въ пользу вамъ, примите отъ меня сіе!

И пономарь сдернулъ простыню.

Ну, господа, я могу описать многое: можно описать, коли

Digitized by Google

хошь, цѣлое сраженіе, и описать такъ, что сейчасъ видно будетъ, которые свои и которые чужіе, и кто кого бьетъ. Можно даже нѣкоторые знаки небесные описать, и глубину водную,— ужъ ничего, кажется, не видно тамъ, а описать можно. А тутъ, извините, на сей разъ, никакъ не могу описать того, что всѣ увидѣли. То есть, пожалуй, отчего не описать, но это будетъ все не то; невозможно изобразить всю суть.

Довольно сказать, что не успѣли всѣ ошалѣть отъ удивленія, какъ Закатай сначала взрычалъ и забрехалъ очень свирѣпо, да вдругъ, завилялъ хвостомъ, подошелъ къ картинѣ и началъ облизывать изображенное на ней лицо. А Васютка во все дѣтское горло возопилъ:—дѣдушка, дѣдушка! самъ дѣдушка табакъ мелетъ!

Такъ оно и было представлено на картинѣ.

Назарычъ совсѣмъ какъ будто провалился отъ удовольствія, раскисъ какъ кисель. Авдотья развела руками да такъ и осталась съ отвореннымъ ртомъ, улыбаючись. Васютка принагнулся къ портрету, уперся рученкой въ колѣнко и другой рученкой пробовалъ взять написаннаго дѣдушку за носъ. Всѣ изумились. А пономарь стоялъ, точно какъ какой-нибудь богачъ, который сейчасъ выдалъ изъ кармана пятьсотъ рублей серебромъ денегъ голоднымъ бѣднякамъ и поглядываетъ:— ну, что, молъ, теперь, бѣдняки?

Этакъ бы стояли всѣ долго; но Закатай обошелъ картину сзади, обнюхалъ ее съ угла и сталъ было, по собачьему обычаю, приспособлять заднюю ногу свою на уголъ.

— Стой, мерзавецъ! – вскрикнули почти всѣ такъ, что Закатай, взвизгнувъ со страха, отскочилъ.

Экая тварь, въ самомъ дѣлѣ,—чуть не испортилъ картины!

На картинѣ было изображено живьемъ: дѣдушка Илья Назарычъ сидитъ въ облакахъ и огромнымъ пестомъ мелетъ въ макитрѣ табакъ; а надъ головой, полукругомъ, надписано золотой краской большими литерами—„*Преотмѣнный табакъ*!“

— А что?—спросилъ всѣхъ пономарь.

Но никто ничего не могъ отвѣтить. Назарычъ только вытянулъ шею и какъ будто глотнулъ что-то сладкое. Авдотья качнула голову на бокъ и улыбнулась еще шире. Васютка приткнулъ свой носъ къ носу портрета и, что имѣлъ самъ подъ носомъ, то и припечаталъ дѣду подъ носъ;—портретъ еще живѣе вышелъ. Закатай глядѣлъ на все это изъ подъ лавки.

Дѣйствительно, тутъ трудно было что-нибудь отвѣтить, потому трудно, что, если вдругъ сунуть тебѣ въ глаза хорошую и ужъ

Digitized by Google

слишкомъ диковинную вещь, такъ это иногда все равно, что дубиной по лбу ошарашить человѣка.

Это-то и значитъ большое удивленіе: поневолѣ замолчишь.

Да и картина-то хороша была.

Не только что носъ, глаза, лобъ, макитра, пестъ, руки и облака,—все это было какъ настоящее, живое,—но каждая морщина, каждая жилка, и даже рубецъ на носу—все это выведено было краской, точно такъ, какъ оно есть въ самомъ дѣлѣ. Ну, всѣ и молчали.

— Я,—началъ рѣчь пономарь, указывая пальцемъ себѣ на грудь, и окинувъ глазами собраніе,—я могъ бы изобразить все сіе просто, на полотнѣ, и вставить въ золотую раму; но это было бы не важно. А я придумалъ вотъ что,—и пономарь перенесъ указательный палецъ себѣ въ лобъ:—мало того, чтобы вамъ, почтенный Илья Назарычъ, принести удовольствіе, а надобно принести вамъ и пользу; ибо суета есть всякое удовольствіе, и ничто есть безполезная благодарность. Затѣмъ-то написалъ я ваше изображеніе въ томъ дѣйствіи, которое вы производите съ искусствомъ, и написалъ оное на доскѣ деревянной, для прибіенія внѣ стѣнъ хижины вашей, на общее всѣхъ проходящихъ и проѣзжающихъ воззрѣніе; да видитъ и соблазнится всякъ: здѣсь „*преотмѣнный табакъ*!“—ну, такъ возьми и купи его! А дорога-то здѣсь хоть не большая, но торная; люди ѣздятъ всякіе. А доску сію слѣдуетъ прибить на имѣющихся при ней крючьяхъ, вмѣсто ставня оконнаго,—и въ томъ двойная будетъ польза.

Всѣ слушали, прослушали, и тогда Назарычъ обнялъ пономаря и стиснулъ его съ такою усердною благодарностью, что у искусника начали потрескивать кое-какіе швы.

Ставень съ изображеніемъ былъ тотчасъ же прилаженъ къ окошку. И всѣ, отошедши на средину дороги, долго-долго озирали его съ великимъ удовольствіемъ На воздухѣ еще пуще заиграли краски, заблистали золотыя буквы, и казалось даже, что пестъ начиналъ ходить по макитрѣ.

— Пошелъ!—вскрикнулъ Васютка; всѣ даже вздрогнули,—въ самомъ дѣлѣ, ставень пошелъ и закрылся.

— Вотъ онъ!—опять закричалъ мальчикъ; а ставень опять потихоньку отворяется, и дѣдушка словно лѣзетъ изъ окна съ своей макитрой.

Да этакъ раза три: пошелъ!..и—вотъ онъ!

Пока догадались, въ чемъ штука, даже морозъ по кожѣ прошелъ у другаго: ходитъ на петляхъ малеваный дѣдушка, какъ живой!

Digitized by Google

Экая оказія!

Пономарь просто торжествовалъ, ибо пріятно было ему видѣть, какъ искусство побѣждаетъ сердца простыя. Но это еще не все; сказано, что доброе дѣло никогда не гибнетъ, а очень часто тутъ же, на мѣстѣ, вознаграждается,—такъ и вышло. Пока глядѣли да дивовались наши богатыри на ставень, послышался стукъ колесъ господскаго экипажа; кучеръ кричитъ:—эй, берегись!

Наши любопытствующіе посторонились.

Въ экипажѣ сидѣли два господина, взглянули на ставень,—стой!—закричали оба.—*Васъ-истъ-дасъ?* (Это что такое?).

Надобно же было случиться такъ, что это проѣзжалъ самъ Христоферъ Христоферовичъ, управитель нѣмецъ, съ братомъ своимъ, тоже Христоферомъ Христоферовичемъ, и тоже нѣмцемъ. А оба они, по нѣмецкому нраву своему, были первые по всей губерніи табачники и оба любили, какъ слѣдуетъ нѣмцамъ, именно только табакъ, пиво и искусство.

Нѣмцы вышли изъ экипажа, сложили каждый свою ручку въ кулакъ съ дырочкой, и въ эту дырочку стали разсматривать ставень.

— Который мелетъ?—спросилъ управитель, поглядывая то на ставень, то на Назарыча.

— Оба мелютъ, Христоферъ Христоферовичъ, — отвѣтилъ Назарычъ.

— *Гютше арбейтъ!*—то есть прекрасная работа! — промолвилъ братъ управителя, добывая табакерку.

А Назарычъ досталъ скорѣе свою тавлинку и поподчивалъ его.

Нѣмецъ понюхалъ, сморщилъ носъ, чихнулъ. Еще взялъ, понюхалъ, еще чихнулъ и, прослезившись, произнесъ, какъ будто про себя:—*зеръ-гутъ!*—а это значитъ—очень хорошо!

— *Эрляубензи?*—сказалъ управитель, адресуясь въ тавлинку Назарыча:—позвольте и мнѣ.

Понюхалъ, крякнулъ, еще взялъ большую щепоть, оттопырилъ нижнюю губу, понюхалъ и чихнулъ такъ, что ажъ въ лѣсу загудѣло.

— *Доннеръ веттеръ!*—воскликнулъ онъ.—Ви сами работаль этого табакъ?—спросилъ онъ ласково Назарыча

— Самъ, Христоферъ Христоферычъ!—отвѣтилъ Назарычъ.

— Есть у васъ готовый теперь?

— Есть, Христоферъ Христоферычъ.

— *Ви филъ?*—то есть, сколько?—а Назарычъ,—еще бы не понималъ онъ по нѣмецки!—отвѣчалъ:—*ахтъ* бутылокъ, Христоферъ Христоферычъ!—восемь, значитъ, бутылокъ

Digitized by Google

— Отнесите,—говоритъ управитель,—всѣ *ахтъ* бутылокъ въ мой шарабанъ,—телѣгу, значитъ,—и приходите *моргенъ фри* за разсчетомъ.

— И мнѣ тоже *ахтъ* бутылокъ,—попросилъ братъ управителя;—и вотъ вамъ задатокъ,—и сунулъ онъ въ руку удивленнаго Назарыча два цѣлковичка.

Авдотья притащила бутылки, кучеръ уложилъ ихъ въ передокъ, подъ козлы. Еще разъ поглядѣли нѣмцы на ставень.

— *Гютшс арбейтъ!..* а кто ризовалъ?—спросили.

— Рисовалъ я,—отвѣтилъ пономарь, съ важнымъ поклономъ.

— И ви приходите *моргенъ фри* ко мнѣ,—сказалъ управитель.

— Слушаю-съ!

Нѣмцы сѣли, поклонились и уѣхали.

— Я прежде къ вамъ заѣду, Назарычъ, и вмѣстѣ пойдемъ когда слѣдуетъ,—сказалъ пономарь, и сказалъ это потому, что не понималъ, который часъ означаетъ *моргенъ фри*, а спросить Назарыча совѣстился.

— Ладно-съ!

И хозяинъ, и гость не знали, что и начать на радостяхъ.

Но не станемъ описывать, какъ они точно будто помутились отъ этого удовольствія; не слѣдуетъ, да и нельзя вѣрно представить радость добрыхъ людей, все равно, маляры ли они искусные, или просто табачники. Горе, заботы, бѣдность и неурядицу людскую описать можно вѣрно: руби какъ дрова, съ плеча, будетъ хорошо. Выставляй лохмотья, слезы, хлѣбъ черствый, трудъ кровавый, а не то бутылки да штофы, да посы разбитые, хриплые голоса, брань и, пожалуй, хотя драку какую угодно, — все идетъ! и будетъ очень похоже. Но какъ тутъ описывать тихое, почитай что безмолвное счастіе простой души, коли ничего въ немъ нѣтъ, ни пированій, ни веселья громкаго. Да иногда совсѣмъ и не примѣтишь этого счастія, потому что оно, какъ запахъ луговыхъ цвѣтовъ, какъ свѣтъ солнечный, или какъ теплота родной хаты, тихо обнимаетъ простаго человѣка и убаюкиваетъ его, словно мать своего младенца. Разумѣется, хорошо счастливому человѣку; да онъ и самъ не разскажетъ иногда, какъ и отчего ему хорошо. А мы и не будемъ пытаться разсказывать; это, стало быть, такая тайна.

А вотъ это не тайна, что сказалъ пономарь объ искусствѣ за столомъ, когда ужъ выпилъ *вторую*, и немножко покраснѣлъ у него носъ Произнесъ онъ очень разумную рѣчь, только надо понять да раскусить ее, господа. Вотъ что онъ сказалъ.

Digitized by Google

— Искусство,—разсказывалъ пономарь,—великое дѣло! Изъ всѣхъ тварей земныхъ одному человѣку дано оно отъ Бога, все единственно, какъ даръ слова. Словомъ можетъ человѣкъ высказать все, что чувствуетъ душа его, можетъ славословить Творца своего и, познавая всю природу, можетъ поучать всякаго невѣдущаго. Искусство то же самое: въ немъ изображаетъ человѣкъ то, что чувствуетъ душа его; въ искусствѣ онъ изображаетъ природу, которую онъ понялъ, узналъ тонко. Искусствомъ человѣкъ хвалитъ и прославляетъ Творца своего.

— Посему,—продолжалъ пономарь,—тотъ, кому Господь открылъ искусство, кому данъ талантъ, долженъ потребить его на добро, на пользу братій своихъ. А какъ употреблять, что изображать искусствомъ?—этого разсказать нельзя: все изображай что хочешь и что можешь, но изображай такъ, чтобы никому худа и соблазна отъ того не вышло, а вышла бы польза, поученіе и удовольствіе. Изобрази святаго, мученика, али просто добраго, трудящагося человѣка,—есть польза. Изобрази, коли хочешь, и пьянаго, но не для прославленія и лести пьяницамъ, а для отвращенія людскаго,—вотъ что-съ! Можно и самаго сатану изобразить; но тутъ-же изобрази и святаго побѣдоносца Георгія, поражающаго его копьемъ, или же святаго Архистратига Михаила, поражающаго огненнымъ мечомъ. Но оставлять сатану одного, безъ покоренія и наказанія—не подобаетъ. Вотъ въ чемъ искусство!

И пономарь выпилъ *третью*, и сказалъ:—а больше не стану. Экой искусникъ!—знаетъ человѣкъ свою силу!.. да!..

III.

Безсомнѣнная есть правда въ томъ, что всякій честный трудъ непремѣнно идетъ въ прокъ, и все, созданное руками добраго человѣка—вѣрно и прочно. Но и то правда, что каждый искренній даръ любящаго и хорошаго человѣка также проченъ и вѣренъ, и никогда не бываетъ безплоденъ.

Всегда перепадала кой-какая копейка Назарычу за его табачокъ, а теперь—куда копейка!—не одинъ разъ и рублишко прыгалъ на столѣ у него.

— Давай на весь табачку, кавалеръ служивый!—просилъ иногда проѣзжій,—и ужъ старикъ нашъ не успѣвалъ и наготовлять товара.

Digitized by Google

Съ легкой пономаревой руки пошло дѣло въ большой ходъ. Да только, жаль, ни времени, ни силы не доставало у Назарыча, чтобы завести настоящую торговлю. А всетаки въ табакѣ имѣлъ онъ подмогу большую.

Зажилъ старикъ хорошо; годъ, другой прошелъ, и что дальше, то лучше. Но бѣда у насъ не за горами,—стряслась она и надъ нимъ,—захворала Авдотья. Ходила верстъ за 20-ть отыскивать, по людскимъ слухамъ, тетку свою, тоже побиравшуюся по-міру, хотѣла ее къ себѣ пристроить. Тетки она не нашла, а выходила себѣ болѣзнь: простудилась и слегла. Недолго помаялась бѣдняга, и разъ, на зарѣ, позвала Назарыча, взяла его руку обѣими руками своими и взмолилась:—дѣдушка, родный, не встать мнѣ больше; я отхожу, на то воля Божья; призрѣлъ ты насъ, сиротъ горькихъ — не покинь-же Васютку, будь ему отцомъ; а Господь тебѣ пусть отдастъ за то!

Благословила она сына—и отдала Богу душу. Васютка остался на пятомъ годку,

А скоро и старику не въ мочь стало нести господскую службу.

— Ноги, братецъ, ноги отказываются!—жаловался онъ Архипычу;—вотъ она, пѣхота-то!

Пошелъ онъ, закручинившись, во дворъ къ управителю, и сказалъ ему:—Христофоръ Христофорычъ, такъ и такъ, отслужилъ я господину нашему десять годовъ безъ пороку; больше и желалъ бы, да не могу—старость одолѣла; корпусъ-то и ничего бы, да ноги, Христофоръ Христофорычъ, плохи. Доложите барину, что покорно прошу милостивой его отставки.

— Карошо,—сказалъ Христофоръ Христофорычъ, понюхавъ Назарова табачку, и доложилъ обо всемъ господину.

Добрый господинъ призвалъ дѣда, поблагодарилъ его за службу и предложилъ ему жить во дворѣ, на пенсіи, то есть не при чемъ и на всемъ готовомъ.

— Ваше высокоблагородіе, добрѣйшій господинъ мой!—сказалъ Назарычъ,—поправилъ я избенку вашу лѣсную, огородецъ устроилъ при ней, небольшую худобу, то-есть скотинку, завелъ; не дологъ мой вѣкъ. Вы посадите туда другаго лѣсника, а мнѣ, съ моимъ мальчишкой, правнукомъ, окажите божескую милость, позвольте дожить тамъ вѣкъ,—ужъ не проживу сколько жилъ!

— Ладно!—сказалъ помѣщикъ.—Но лѣсника я посажу въ другое мѣсто, выстрою ему хату, а тебѣ, дѣдушка Назарычъ, за вѣрную твою службу, дарю въ вѣчное и потомственное, слышь, въ потомственное владѣніе, всю твою усадьбу и къ оной

Digitized by Google

двѣ десятины сѣнокосу. Христоforъ Христоforычъ, чтобъ это былъ такъ!—прибавилъ помѣщикъ, обращаясь къ управителю; а управитель только поклонился.

Открылъ ротъ Назарычъ, хотѣлъ что-то сказать, схватился за свою грудь, за свои кресты и медали, да только—икъ, икъ!—заикалъ и больше ничего. И, ужъ когда самъ помѣщикъ сказалъ ему:—ну, прощай, старикъ!—такъ онъ забормоталъ что-то очень неловкое,—какъ же это, говоритъ, отецъ вы, благодѣтель!.. какъ-же это такъ... да развѣ, говоритъ, это можетъ быть?

Помѣщикъ поглядѣлъ, улыбнувшись, подошелъ къ нему, взялъ его за руку и поцѣловалъ въ лобъ.

— Выдавайте ему,—сказалъ онъ управителю,—ежемѣсячный провіантъ;—а самъ повернулся и ушелъ въ свои покои.

Назарычъ совсѣмъ помутился; и дверей не нашелъ, куда выйдти; зашатался сердечный, словно съ хмѣлю. Управитель вывелъ его въ переднюю, и только успѣлъ посадить на стулъ, какъ старикъ нашъ осунулся и заплакалъ какъ баба, просто горючими слезами.

— Васютка, Васютка!—бормоталъ онъ, — ну, теперь хоть умерѣть сейчасъ готовъ!

Но устыдился Назарычъ своей слабости и, оправившись, скорѣй всталъ, перекрестился и хотѣлъ прошептать, а сказалъ громко:—благослови, Господи, сей домъ милостиваго человѣка!—и ушелъ домой.

Идти домой вообще не штука; но каково бездомному бобылю, минутку назадъ ни кола, ни двора не имѣвшему, вдругъ подходить къ своему собственному, *потомственнаго владѣнія*, дому, этого, братцы, я и самъ не знаю.

Я думаю, что это все равно, есл ивдругъ схватить тебя изъ задней шеренги, да прямо на куцаго коня—марщъ по фронту галопомъ, и вдругъ, всѣ тебѣ кричать: — рады стараться, ваше превосходительство!..—и провожаютъ глазами,—а?

Да нѣтъ, это не то!.. это еще больше и удивительнѣе, ибо не у каждаго генерала есть свой домъ.

Назарычъ шелъ домой, ногъ подъ собой не слыша, и ничего предъ собою не видѣлъ; разъ хлопнулся лбомъ въ сосну—экой грѣхъ!—другой разъ въ другую—экое заблужденіе!—и, почесавши лобъ, пошелъ ужъ посреди дороги, а не краемъ. Идетъ, и вдругъ, поднимаются у него плечи, хмурятся брови, слышитъ онъ, что въ груди у него много духу, и что-то видится ему великолѣпное; онъ глянулъ—и разсмѣялся;—это ничего, такъ себѣ, выросъ человѣкъ. А вотъ—и перекрестокъ; еще двадцать

Digitized by Google

шаговъ: сперва—уголъ, а потомъ открылся и весь домишко его. Остановился онъ, опять поднялъ плечи, подбоченился, глянулъ,—это все мое!—говоритъ,—а луговъ-сѣнокосовъ моихъ даже и не видать!

Закатайка первый выбѣжалъ настрѣчу.

— Закатайка, это все мое! слышишь, потомственное мое владѣніе!

Дуракъ Закатайка, должно быть ничего не понялъ, а только вилялъ хвостомъ. Выбѣжалъ Васютка; и ему объявилъ старикъ, что:—это-де все мое, то есть—наше!

— А чье же больше, дѣдушка?—сказалъ мальчикъ.

Тоже, значитъ, ничего не понялъ; тоже дурачекъ, стало быть.

Ну, а больше и разсказывать некому. И тогда старикъ задумался.

— Грѣхъ, грѣхъ,—прошепталъ онъ,—всякая гордость—грѣхъ! затѣмъ и не понимаютъ ее ни младенцы чистые, ни твари безсловесныя!

Былъ уже вечеръ. Вздулъ Назарычъ огня, зажегъ лампадку, поставилъ ее на столъ, Васюткѣ приказалъ сѣсть рядомъ съ собою; изъ-подъ маленькой божницы досталъ онъ книжку; а въ ней были очки, перевязанныя нитками посрединѣ; онъ ущемилъ ими свой носъ, перекрестился и началъ чтеніе вслухъ:

„1) Начальнику хора. На Геѳскомъ *орудіи*, Коревыхъ сыновъ. Псаломъ.

„2) Коль вожделѣнны жилища Твои, Господи силъ!

„3) Истомилась душа моя, желая во дворы Господни; сердце мое и тѣло мое рвутся къ Богу живому.

„4) И птичка находитъ домъ, и ласточка гнѣздо себѣ, въ которомъ кладетъ птенцовъ своихъ, у алтарей Твоихъ, Господи силъ, Царю мой и Боже мой!...“

Назарычъ читалъ протяжно; Васютка глядѣлъ ему въ глаза и какъ будто ловилъ каждое прочитанное слово. Въ хижинѣ была тишина,—и успокоивалось отъ суетной радости доброе сердце богобоязненнаго старика.

Для души есть что-то выше и отраднѣе на свѣтѣ, нежели собственная, хотя и потомственная, и даже съ сѣнокосными лугами, усадьба.

Однако зажилъ Илья Назарычъ полнымъ господиномъ. Прошелъ годъ, другой, третій; Васютка подросталъ; и сколько время отнимало силы у старика, столько придавало ея внуку его. Хозяйство не пышное, не важное, а велось своимъ заведеннымъ порядкомъ. Табачокъ мололся и — жаловаться нельзя — прода-

Digitized by Google

вался не худо, на чистыя деньжонки; а у кого не было—пожалуй, и въ долгъ безсрочный.

— У старика должна быть деньга!—поговаривали люди, охочіе считать въ чужомъ карманѣ; но мы про это не знаемъ.

А только, чай, извѣстно табачникамъ, на этомъ промыслѣ далеко ли уѣдешь? ась, какъ думаете?

IV.

Однимъ морознымъ, раннимъ утромъ старикъ Назарычъ тащилъ ворохъ сушняку изъ лѣсу. Вышелъ на дорогу, а на ней, по порошѣ, замѣтилъ слѣдъ, да и слѣдъ какой-то чудный: одна ступня человѣчья, а другая какъ будто волчья; одна—какъ есть сапогъ, а другая—только тычокъ, а отъ тычка бороздка, какъ будто волкъ лапой поволокъ.

— Гмъ, пришелъ!—промолвилъ Назарычъ, улыбаясь, и поспѣшилъ домой.

На крылечкѣ стоялъ одноногій побѣдитель Костюшки и кричалъ навстрѣчу:—другу Назарычу, здравія желаю!

— Откуда Богъ несетъ, Архипычъ почтенный?

— Съ далека, братъ Назарычъ, отсель не видно!

— Милости просимъ, дорогой гость!

Что тутъ толковать, какъ ахалъ да прищелкивалъ пальцами Архипычъ, слушая скромный разсказъ Назарыча, о томъ, какъ Господь вдругъ одѣлилъ его такимъ богатствомъ.

— Съ неба, съ неба слетѣло!—кричалъ одноногій герой,—прямо, братецъ ты мой, съ неба!

На радостяхъ засидѣлся Архипычъ, хоть путь ему былъ еще дальній. А тутъ, кстати, поднялся вѣтерокъ, посыпалъ снѣгъ, заиграла мятель; а къ вечеру засвистѣла такая завируха, что зги не стало видно.

— Ну, братъ Архипычъ, въ такую погоду добрый хозяинъ и пса не выгонитъ; хошь, не хошь—ночуй.

— Я думалъ *привалить* маленько, а впрочемъ—ночлегъ, такъ ночлегъ,—отвѣтилъ Архипычъ.

И засѣли старики толковать. Толковалъ Назарычъ о томъ, что вотъ, благодареніе Богу, оставитъ онъ правнука своего не то, чтобъ ни при чемъ; усадьбишка усадьбой, ну, да и грошъ кой-какой, надо признаться, есть; а это главное, въ этомъ нынчѣ

Digitized by Google

вся сила,—есть съ чѣмъ дотянуть до лѣтъ, да изъ ребячества выбраться. Потомъ предложилъ Назарычъ земляку перебраться къ нему на житье;—вѣрнѣе дѣло будетъ,—говорилъ Назарычъ;—я ли тебѣ, ты ли мнѣ, а все лучше, коли есть кто изъ близкихъ, чтобъ глаза закрыть. Мы, братъ, ужъ на очереди; а мальчишкѣ-то одному вѣдь и страшновато станетъ; такъ, что-ли?

— И то дѣло; а вотъ переговорю со своими, — отвѣчалъ Архипычъ.

Въ это время, сквозь завыванье мятели, послышался съ улицы лай Закатая.

— Видно волка чуетъ?—спросилъ гость; но Назарычъ отвѣтилъ, что эта брехня не на волка.

Принаровился онъ къ лаю своего Закатая и не ошибался въ немъ. На все были свои ноты у Закатая: на звѣря одна, на человѣка другая. У скотины есть свой смыслъ, и смыслъ вѣрный, только не каждый вѣритъ и не каждый хочетъ заняться этакими, дескать, пустяками; однако еще неизвѣстно, пустяки ли то, что дѣлается около тебя хоть бы и съ мелкою тварью.

— Накинь-ка, Васютка, шубенку, да выбѣги на крыльцо; что тамъ?—сказалъ Назарычъ.

Мальчишка ушелъ, свиснулъ на Закатая и, черезъ минутъ пять, вернулся, весь въ снѣгу и очень испуганный.

— Человѣкъ, дѣдушка, замерзъ никакъ; лежитъ при дорогѣ, я самъ ощупалъ его...

— Господи, помилуй!

Оба старика живо встали, вышли и скоро вернулись въ избу, неся на рукахъ безчувственную, видно замерзшую женщину.

Засвѣтили лучину, опахнули снѣгъ съ бѣдняжки оглядѣли ее. Молодая женщина казалась совсѣмъ безъ признаковъ жизни: лицо побѣлѣло какъ воскъ, губы посинѣли, и полуоткрытые глаза занесены были снѣгомъ. Но опытные старики не оробѣли.

— Тащи, Васютка, снѣгу! отвори двери, пусти сюда холодку!.. Раздѣвай ее, Архипычъ! разводи огня, грѣй воду!

Все у нихъ закипѣло подъ руками; а прежде всего положили на полъ замерзшую и начали оттирать ее снѣгомъ. Долго шла работа будто безъ успѣха. Какъ трупъ, лежала полураздѣтая женщина; темныя, густыя косы ея разсыпались перепутанныя, бѣлыя груди были полны и напружились такъ, что всѣ синія жилки видны были по нимъ, руки лежали какъ окостенѣлыя. Долго не было признака жизни. Однако, понемногу, на лицѣ вспыхнулъ румянецъ, руки зардѣли,—больная вздохнула и простонала.

Digitized by Google

— Ахти, братецъ ты мой!—вскрикнулъ Архипычъ,—да вѣдь эта Олена Митрохина, молодица съ Чудинова; вотъ вѣдь грѣхъ!—я и не узналъ ее... Она, она и есть!

Влили ей въ уста капельку водки—женщина глотнула; поднесли къ носу зажженаго трута—она чихнула.

— Слава Тебѣ, Господи!—прошептали старики.

И вдругъ она широко открыла глаза, приподняла голову, схватила себя за грудь и вскрикнула:—Ванюша, Ванюша мой!—и опять опрокинулась въ безпамятствѣ.

— Теперь можно теплаго,—сказалъ Назарычъ и влилъ ей въ уста ложку заваренной мяты.

— Ахъ Ты, Господи! совсѣмъ изъ ума вонъ!—сказалъ Архипычъ;—вѣдь она кормитъ мальчишку! совсѣмъ крохотный дѣтенокъ; я же знаю, видѣлъ ихъ!

— Господи помилуй!—шепталъ Назарычъ.

Понемногу, однако, опять привели молодицу въ чувство; не жалѣли старики своихъ силъ,—и растертое тѣло ея все разгорѣлось; паръ пошелъ отъ нагихъ плечъ ея и грудей. Но сама она вся дрожала, щелкала бѣлыми зубами и корчилась, какъ въ лихоманкѣ.

— Ну, слава Богу, теперь ничего; морозъ выходитъ изъ нея,—промолвилъ Назарычъ, и приказалъ затворить дверь избы.—Теперь только-бы согрѣть ее!

Въ самомъ дѣлѣ, хотя все тѣло молодицы рдѣлось, словно отъ пару въ жаркой банѣ, но видно было, что она прозябла до костей; и тогда только, когда хорошенько напоили ее горячей мятой и укутали, она успокоилась, согрѣлась и тихо опустила голову на свое плечо.

Такъ отдыхала она съ часъ добрый. Потомъ очнулась и попросила, чтобы ее посадили. Ее посадили на лавку. Оглядѣлась она усталыми глазами, задумалась съ минутку и горько-горько заплакала, ломая свои руки. Какъ ни старались успокоить ее старики, но ничего не помогало.

— Ой, лучше бы умереть мнѣ, лучше бы замерзнуть горемычной!—голосила она, рыдая;—бѣдная, бѣдная моя головушка!..

— Никто, какъ Богъ, родная! не убивайся такъ,—уговаривали ее, но бѣдная женщина заливалась слезами.

— Ой, ничего вы, добрые люди, не знаете! пропало мое счастьице! мои дѣтушки, кровиночки мои, сгинули, сгинули!.. — и громкое рыданіе замирало все тише и тише, только слышался тонкій писк, какъ будто кипѣло у нея внутри, подъ сердцемъ.

Грудь поднималась такъ, что, вотъ-вотъ лопнетъ, кажется,

Digitized by Google

отъ страшной натуги; но опять раздавались рыданія, вопли, и текли горькія слезы.

Онѣ-то и спасли страдалицу. Выплакала она эти слезы, что лежатъ, какъ свинецъ холодный, на сердцѣ,—бѣдное сердце облегчилось. И все еще плача, разсказала несчастная женщина свое великое горе; правда, что горе это было чуть-ли не хуже самой смерти.

Мужъ ея былъ посланъ своимъ начальствомъ, съ конвертомъ съ деньгами, изъ волости на окружной дворъ; прозябнувъ дорогой, онъ зашелъ въ корчму погрѣться, выпилъ чарку съ морозу, и съ непривычки охмѣлѣлъ маленько. Какіе-то люди примѣтили у него въ шапкѣ конвертъ съ деньгами, поднесли ему еще чарку и у хмѣльнаго вынули деньги изъ конверта. Онъ, ничего не зная, принесъ бумаги; разумѣется, денегъ не оказалось. Его засадили въ сибирку, подъ караулъ. Было слѣдствіе,—ничего не нашли. Цѣловальникъ отперся отъ всего. А денегъ было триста рублей ассигнаціями; и теперь, коли не внесетъ онъ за себя сумму, сказано по законамъ ему:—плетьми, да на поселеніе. Таковы были законы встарь.

— И металась я по всѣмъ добрымъ людямъ,—разсказывала Олена,—и молила, и въ ногахъ валялась, а кто-жъ тутъ дастъ, коли у насъ начивошеньки и въ хатѣ-то нѣтъ?—позапрошлаго года погорѣли, остались какъ мать родила, и скотинка-то сгорѣла вся!

— Дѣйствительно,—сказалъ Архипычъ,—помню, знаю, посѣтилъ ихъ Господь; да и мужъ-то твой непьющій, кажись?

— Кабы онъ пьющій-то, отецъ ты мой родной, не послали бы пьющаго съ такой деньжищей, батюшка ты мой! Грѣхъ, грѣхъ, попущеніе Господне приключилося. Человѣкъ онъ у меня не благой какой, смиренный и старательный; ну, убилъ Господь, убилъ—и способу никакого нѣтути! осиротилъ троихъ дѣтокъ моихъ пташечекъ!.. О, Господи, Господи!—и залилась, какъ рѣка, бѣдная женщина.

Напрасно пытался Назарычъ увѣщевать ее покорнымъ словомъ, положиться на единаго Бога,—нельзя было дойти до сердца словамъ покорнымъ; не о себѣ надрывалось сердце это, а о дѣтяхъ безпомощныхъ.

— И послѣдняя была у меня еще надежда, хоть какая-нибудь,—говорила Олена;—кузнецъ на Верховкѣ свой приходится... Богъ знаетъ, никакъ есть у него денежка; была и у него, къ ногамъ падала, пороги слезами залила—ничего нѣтъ! Кто-жъ

Digitized by Google

намъ бѣднымъ, убогимъ, кто-жъ намъ помочь можетъ, коли ничего и за душой-то нѣтъ у насъ?

Даже хряснули всѣ суставы рукъ бѣлыхъ, такъ молодица заломила ихъ и, откинувши назадъ свою голову, зарыдала такъ, что, хоть бы каменное сердце, такъ разсѣлося-бы, глядя на горе этакое.

— Хоть бы тѣло то казненное выдали бы моего родненькаго,—а то въ чужую сторонушку, далеко-далеко, въ степи песчаныя, ушлютъ его отъ пташечекъ моихъ!..—и она скатилась съ лавки и совсѣмъ замолкла.

Подняли ее, уложили на кровать, опять дали выпить мяты чуточку.

— Ванюша, Ванюша мой!—вскрикивала женщина и хваталась за свои полныя груди.

— Экое, Господи, помилуй, горе!

Назарычъ постоялъ минутку, насупившись и глядя въ землю, глянулъ на образа, на Васютку и опять въ землю, вдругъ—поднялъ голову, взялъ топоръ, горшокъ и лучину.

— Васютка, накинь шубу,—сказалъ онъ, и кивнулъ мальчишкѣ головой.

Оба вышли за дверь. Храбрый Архипычъ смотрѣлъ на старика въ недоумѣньи, и, когда взялъ онъ эти снадобьи и кивнулъ на мальчишку—нашъ храбрецъ, самъ не зная отчего, струсилъ; не разумѣлъ онъ ничего, что хочетъ дѣлать его товарищъ.

А Назарычъ вышелъ съ Васюткой на дворъ; мятель выла и сыпала снѣжныя хлопья; трепетало и металось полымя лучины въ горшкѣ. Отомкнулъ дѣдъ камору и, войдя туда съ мальчишкой, притворивъ за собой дверь.

Всталъ противъ Васютки старикъ, съ топоромъ въ рукѣ, и съ минуту глядѣлъ на него молча. Огонь лучины, изъ горшка, освѣщалъ круглое и какъ яблоко румяное лицо мальчишки; задравши кверху кудрявую головенку, онъ съ дѣтскимъ любопытствомъ глядѣлъ въ глаза своему дѣду. Кругомъ было совсѣмъ темно.

— Ты знаешь, Васютка, что у тебя есть деньги? — сказалъ старикъ спокойнымъ голосомъ.

— Есть, дѣдушка, цѣлыхъ четырнадцать копѣекъ, — заминаясь отвѣтилъ Вася и полѣзъ было въ карманъ своихъ шароваръ;—это я все сбиралъ, хотѣлъ купить конъ бабокъ и двѣ свинчатки у пономаренка, какъ пойдемъ на Верховку.

Старикъ улыбнулся.

— Есть, братъ, больше у тебя... А ты слышалъ, что у мужа этой молодицы украли триста рублевъ?

Digitized by Google

— Слышалъ.

— А кабы у тебя было триста рублевъ, что бы ты съ ними теперь сдѣлалъ?

Мальчикъ задумался.

— Да у меня четырнадцать копѣекъ,—я всякой день считаю.

— А, коли бы триста рублевъ теперь было, отдалъ ли бы ты ей?

— Да я и эти отдамъ, погожу покупать бабокъ;—это ничево!

Старикъ поцѣловалъ въ голову мальчишку.

— Свѣти-ка сюда!—сказалъ онъ ему; пройдя въ уголъ каморы, отодвинувъ отъ стѣнки корзину съ отрубями, боченокъ и разную мелкую посуду, топоромъ приподнялъ въ углу половицу, запустилъ подъ нее обѣ руки и вытащилъ оттуда небольшой каменный кубышекъ, завязанный сверху тряпицей, опять заложилъ половицу, вогналъ ее обухомъ въ свое мѣсто и заставилъ все, какъ было, по старому.

Мальчишка все время сидѣлъ на корточкахъ, свѣтилъ лучиной надъ горшкомъ и не спускалъ своихъ глазенокъ со всей этой продѣлки. Когда кончилось дѣло, онъ всталъ и уже никакъ не могъ удержать своего любопытства:—что это такое, дѣдушка?

— Это, братъ, все твое; тутъ денегъ есть порядочно... А теперь, поди, отдай это молодицѣ той,—пусть выкупитъ мужа, отца дѣтокъ маленькихъ; понимаешь?

— Ну, хорошо!—сказалъ весело мальчикъ, принимая кубышку.

— Только, гляди,—молвилъ старикъ,—если тебѣ не жаль, такъ отдай; а ужъ послѣ, и выростешь, такъ никогда не жалѣй;—грѣхъ будетъ, Васютка!

Мальчикъ махнулъ головенкой кверху, улыбнулся:—ну, это ничево!.. чего тутъ жалѣть?—А дѣтокъ-то этихъ когда я увижу?.. гдѣ они?—спросилъ онъ.

— А ужъ увидимъ.

— Ну, хорошо, дѣдушка!

И, прежнимъ порядкомъ, заперъ дѣдъ клѣть, вошелъ съ Васюткой въ избенку и придержалъ за плечо мальчика, который направился было съ своей кубышкой прямо къ больной женщинѣ.

— Погоди, Вася, надо поговорить съ ней.

Молодица лежела на постели и металась въ истомѣ горя и болѣзни; но она была въ памяти.

Не будемъ разсказывать, братцы, всего, что тутъ было; все

Digitized by Google

было такъ, какъ обыкновенно бываетъ со всѣми горемыками.

Болѣзно глядѣть на свирѣпое горе, которое не можетъ принять никакой утѣхи; страдаетъ человѣкъ и ничего не слышитъ,—нѣтъ у него разума, нѣтъ разсужденія, а только огнемъ горитъ, больно щемитъ и надрывается бѣдное сердце; что тутъ будешь дѣлать?—слабъ человѣкъ; а женщина—и говорить нечего.

Опытный старикъ зналъ, что если этой страдалицѣ вдругъ показать спасеніе ея мужа, то она не выдержитъ такой радости.

Да и какъ выдержать?

Поетъ, дрожитъ, даже нагрѣвается вытянутая и напруженная струна; еще, еще натягивай ее помаленьку—выдержитъ, хоть, кажется, вотъ-вотъ лопнетъ. Но вдругъ спусти ее неосторожной рукой—она такъ метнется, что выдернетъ и накручивавшій ее колышекъ, и вся спутается въ комокъ; нескоро ее и распутаешь.

Какъ струну, лихое горе натягиваетъ душу человѣка; много, много выдержитъ душа эта, вся дрожитъ отъ натуги— а все цѣла; но разомъ освободи ее отъ горя, обрадуй ее вдругъ—и она надорвется и помутится такъ, что иногда ничѣмъ не пособишь ей.

Какъ ни хитрилъ Назарычъ передъ больной молодицей, какъ ни подходилъ онъ сдалека все ближе и ближе къ дѣлу, но когда показалось ему, что ужъ совсѣмъ ее урезонилъ, и онъ сказалъ ей тихимъ голосомъ:—не отъ насъ, и не отъ нашей гордости, а отъ милости Божіей прими, молодица, изъ чистыхъ рукъ ребенка, эту помощь!—и когда Васютка поставилъ передъ ней на постель кубышку и при ней положилъ свои собственныя четырнадцать копѣекъ мѣдью, то женщина вдругъ вспрянула, вся выпрямилась, глаза ея словно загорѣлись, и, какъ полоумная, глядѣла она на посудину, ничего не понимая.

— Здѣсь, должно, кажется, хватитъ на выкупъ твоего мужа,—промолвилъ тихо Назарычъ.

Молодица дрожащей рукой схватила за кубышку, а другой рукой такъ сдернула тряпицу, что кубышка опрокинулась, и разное серебро, отъ цѣлковаго до пятачковъ, зазвенѣло на полу. Кинулась бѣдная съ постели, упала какъ снопъ на серебро разсыпанное—и залилась сердечнымъ смѣхомъ. Ну, тутъ никакъ и ничѣмъ пособить не могли ей долго.

Свѣжій человѣкъ, со стороны глядя и нивѣсть что худое подумалъ бы объ этой женщинѣ, когда она съ нагой грудью, съ распущенными косами, чуть прикрыта одежишкой, хохотала и ловила жадными руками бренчащія по полу деньги. Но мы

Digitized by Google

знаемъ, что она видѣла въ этихъ деньгахъ, знаемъ, что тутъ была цѣна крови и свободы ея мужа, отца троихъ безпріютныхъ младенцевъ.

Обезсилѣвъ отъ неудержнаго смѣха, женщина опять обезпамятѣла; старики опять захлопотали; примочили холодной водой грудь, дали испить,—и, когда, очнувшись, она заплакала, то слезы опять облегчили ей сердце.

Однако, долго не могли уговорить ее кавалеры остаться переночевать, переждать непогоду; то ложилась, то вскакивала она и падала въ ноги то старикамъ, то Васюткѣ, просилась домой, скорѣй-скорѣй домой! Разумѣется ее не отпустили. Старики не спали и провозились съ ней до утра; а Васютка—дѣтское дѣло—прикурнулъ въ углу на лавкѣ, опершись на свой кулачишко.

Чуть забрежжалъ свѣтокъ, молодица одѣлась и закуталась; она была блѣдна, какъ полотно, и совсѣмъ слаба. Кавалеры тоже приготовились проводить ее до деревни домой.

Утро Богъ далъ совсѣмъ ясное. Взяли они свои посохи старческіе, попрощались съ Васюткой; но, какъ разъ кстати, на улицѣ послышался конскій топотъ,—вышелъ Назарычъ на крыльцо, закричалъ проѣзжему мужику и сговорилъ его, безъ большаго торга, довезти молодицу до ея деревни. Архипычъ вызвался проводить ее одинъ, а Назарычу посовѣтовалъ остаться дома.

И вотъ, усадили въ дровяшки закутанную бабенку, поставили ей въ колѣни кубышку; крѣпко стиснула она ее въ колѣняхъ, накрыла обѣими руками и еще привалилась на нее покрѣпче грудью. Архипычъ сѣлъ подлѣ нея. Мужикъ стегнулъ своего сивку—и онъ поплелся въ притрусочку, рысцой, по пуховой дорогѣ, въ такту бренча кольцомъ на кривой дужонкѣ.

— Съ Богомъ!—сказалъ имъ вслѣдъ старикъ Назарычъ, и долго глядѣлъ за ними, пока совсѣмъ не ушли они изъ вида.

Вошелъ старикъ въ избу—и остановился передъ своимъ спящимъ правнукомъ; первый лучъ солнца изъ-за лѣса, помимо дѣдовскаго портрета, пролился въ окошко прямо на свѣтлое личико Васютки; онъ спалъ, улыбаясь, какъ улыбаются ангелы Божіи.

Digitized by Google

V.

Вотъ и все почти. Да и что тутъ еще разсказывать? что же больше можетъ сдѣлать простой человѣкъ? Все отдалъ Назарычъ, все, что десять лѣтъ мололъ, копилъ и сбиралъ для своего Васютки; и Васютка отдалъ свои четырнадцать копѣекъ;—а затѣмъ въ избѣ, хоть всю ее разрой, не нашлось бы и мѣднаго гроша

Не было больше денегъ, да зато какъ отрадно было на сердцѣ у добраго старика! Радостнѣе наврядъ ли бываетъ у кого-нибудь на свѣтѣ.

Разумѣется, это радость простая, тихая; веселья шумнаго тутъ нѣтъ никакого.

Если ты видалъ пышную радость и веселье богачей вельможныхъ, если видалъ, какъ стекаются, будто волны морскія, толпы людей на пиры ихъ, какъ мелькаютъ поклоны, льются льстивыя рѣчи и всѣ воздаютъ хвалу и почтеніе богачу и вельможѣ, словно побѣдилъ онъ полъ-свѣта; — честь, молъ, и слава тебѣ, богачъ знатный!.. исполать тебѣ, вельможа важный,—угостилъ ты, молъ, и удивилъ насъ всѣхъ!—и гордо, и самодовольно принимаетъ вельможа эту хвалу и почтеніе:—ничево-съ, говоритъ, намъ нипочемъ!—если ты видалъ это,—то понимаешь, что значитъ у людей честь и слава, что значитъ радость и веселіе.

А поглядѣлъ бы ты, какъ склонилъ покорную голову свою убогій старикъ, отдавшій послѣднее свое добро на выкупъ незнакомаго ему брата по Христу, отъ лютаго горя, побѣдилъ онъ это свирѣпое горе, разсѣялъ и истребилъ его, возвратилъ мужа женѣ, отца сиротамъ, осушилъ горькія слезы, и благодарилъ Господа силъ за то, что сподобилъ его сотворить доброе дѣло... Никто не видитъ праведнаго старца, никто не скажетъ ему льстиваго слова,—не знаютъ его люди; никому неизвѣстно, какое такое великое дѣло сдѣлалъ онъ. Но дѣло сдѣлано не для людей, а для Бога, и самъ невидимый Богъ бесѣдуетъ съ милостивымъ человѣкомъ, и слышитъ праведная душа святыя слова:—аще кто сотворилъ единому изъ малыхъ сихъ—Мнѣ сотворилъ.—И трепещетъ праведная душа радостію святою.

Вотъ, что у Бога значитъ честь и слава, радость и веселіе!

Эту-то, никому невидимую отраду и чувствовалъ Илья Назарычъ. Хоть крѣпко любилъ онъ своего Васютку, хоть слышалъ старикъ, что день ото дня падали его силы, хоть зналъ, что Васютка теперь остается безъ гроша, но твердо уповалъ онъ,

Digitized by Google

что Богъ не оставитъ его племя. И это упованіе было непреложно вѣрно; большое право на Божію милость завѣщалъ онъ въ наслѣдство Васюткѣ,—право это—доброе дѣло.

Попрежнему пошла жизнь нашего лѣсника отставнаго; приглядывалъ онъ за своимъ хозяйствомъ, мололъ табачишко.

— Не сегодня-завтра молоть перестану,—думалось ему мелючи, и покрѣпче нажималъ онъ дубовый пестъ на макитру:—работай, молъ, поспорчѣе!. времени мало впереди!

Проходила уже недѣля съ того дня, какъ подняли и спасли старику молодицу. Въ субботу пообѣдалъ съ Васюткой Назарычъ и прилегъ отдохнуть маленько; а мальчишка хлопоталъ съ ножемъ и устраивалъ себѣ салазки. Вздремнулъ старикъ, и, видно, пригрезилось ему что-нибудь хорошее, потому что, положа руку на грудь, онъ улыбался во снѣ и произнесъ внятно:—иду, иду,—готовъ!

Мальчикъ пересталъ работать, глянулъ на дѣда и тоже улыбнулся,—дѣдушка бредитъ!—думалось ему.

Въ это время Закатай залился изъ своей будки, и дѣтъ проснулся. А у крылечка послышалось фырканье коня и голоса дѣтскіе

Въ избу вошелъ Архипычъ; за нимъ—незнакомый крестьянинъ съ дѣвчонкой на рукяхъ, а за нимъ—знакомая молодица съ ребенкомъ у груди, и еще вела за руку махонькаго мальчишку.

— Здравія желаемъ, другъ почтенный, Илья Назарычъ! а я съ гостями къ вамъ!—закричалъ Архипычъ, остороняясь и открывая гостей.

Крестьянинъ снялъ съ мальчика шапку; всѣ гости обратились къ образамъ, перекрестились, и, какъ по командѣ, подошли къ Назарычу и—бухъ ему въ ноги; а молодица положила къ его ногамъ своего крохотнаго младенца.

Ошалѣлъ Назарычъ, и Васютка, прижавшись къ нему, немножко испугался.

— Отецъ родной! — завопилъ со слезами, лежа лицомъ на полу, крестьянинъ,—Илья Назарычъ, избавитель нашъ!

Молодица рыдала; дѣти подхватили и тоже законючили.

Назарычъ нахмурилъ свои бѣлыя брови, покраснѣлъ маленько, словно стыдъ пробѣжалъ у него по лицу. Хотѣлъ онъ разсердиться, но глянулъ себѣ подъ ноги,—а тамъ, лежа на спинкѣ и вытянувъ рученки, барахтался крошечный человѣчекъ.

Архипычъ стоялъ всторонѣ, покручивая немилосердно свой, порудѣлый отъ старости, усъ.

Digitized by Google

— А грѣхъ же вамъ, перестаньте, добрые люди! — промолвилъ Назарычъ, поднялъ съ полу младенца, взялъ его на руки и отвернулся.—Говорить же я такъ не могу съ вами!—сказалъ онъ немножко гнѣвно.

Встали бѣдные люди, но никакой разговоръ долго не могъ завязаться; черезъ пятое слово слезы да припаданія разсердили, наконецъ, старика Назарыча. Пуще нахмурился онъ и повелъ передъ гостями своими такую строгую и разумную рѣчь, что слѣдовало слушать ее, нельзя было не слушать, и всѣ слушали внимательно. Но сказано: глухому толковать—время терять; на самой серединѣ строгой и разумной рѣчи, ни съ того, ни съ сего, какъ всплеснетъ молодица руками — и полилась, защебетала, какъ соловей въ девятомъ часу.

— Родной ты нашъ, Илья Назарычъ, кормилецъ!.. ужъ и позволь-же ты намъ поплакать да порадоваться на тебя, нашего добродѣтеля, глядючи! Ужъ не гнѣвайся на насъ, хоть побей ты насъ,—вся твоя въ томъ волюшка,—а не терпитъ, не терпитъ сердце то наше... да опять—бухъ въ ноги, — и прахомъ пошла вся разумная рѣчь Назарыча.

Испортила баба дѣло.

— Эхъ ты, баба слабоязычная!—сказалъ Назарычъ, и махнулъ рукой.

Что тутъ больше будешь дѣлать? — радость-то вѣдь иногда совсѣмъ глупа;—это бываетъ.

Къ вечеру, однако, истомилась и опомнилась и радость эта. Засвѣтили лучину, усѣлись старшіе по лавкамъ, ребятишки на полу, и зажурчали спокойныя, хорошія рѣчи. Нарушенъ былъ покой, и то на минутку, вотъ чѣмъ: Назарычъ все больше молчалъ, откашливался и поглядывалъ на Васютку, и, будто собравшись съ духомъ, заговорилъ Митрохѣ такъ: — вижу я, что ты, братъ, человѣкъ не худой, а такъ въ несчастье попалъ; ну, на все такое есть воля Божія!... и вотъ что у тебя, и у хозяйки твоей, попрошу нижайше... — Митроха и жена его при этихъ словахъ совсѣмъ двинулись головами впередъ и слушали въ глубокой тишинѣ.—Я старъ, крѣпко старъ, — продолжалъ Назарычъ—сами видите, человѣкъ ходитъ подъ Богомъ: не нынчѣ, завтра—почемъ знать, что будетъ; а мое время прошло. И вотъ, останется послѣ меня весь родъ и племя мое, одинъ, какъ перстъ, сирота этотъ... и онъ кивнулъ головой на Васютку;— не оставьте, добрые люди, иногда...

Старикъ заслонилъ ладонью свои глаза; а молодица такъ и метнулась, крѣпко притиснула къ груди Васютку и завопила:—

Digitized by Google

родныхъ дѣтей моихъ забуду скорѣй, перстъ урѣжу свой, батюшка ты нашъ, изъ подъ горячаго сердца...—и принялась она цѣловать кудрявую головку Васютки, а все припѣваючи и забоживаясь.

— Постой, баба, помолчи!—молвилъ Митроха, всталъ и съ большимъ толкомъ, безо всякой божбы, сказалъ Назарычу; что, пока онъ, Митроха, живъ, не сынъ и не дочь будутъ у него первые на памяти, не о нихъ первая забота, а всегда о Васюткѣ, и что онъ, Митроха, надѣется крѣпко и знаетъ, что и жена его Олена будетъ имѣть къ Васюткѣ такую же самую любовь и опеку.—А всѣмъ дѣтямъ моимъ,—продолжалъ Митроха,—подъ заклятіемъ накажу почитать Васютку за старшаго своего брата и вѣковѣчно помнить, что всѣхъ ихъ онъ высвободилъ отъ горькаго сиротства. А въ томъ, что говорю вѣрно и все исполню—порукою Господь!

Просказалъ это Митроха, положилъ передъ образомъ земной поклонъ, всталъ, снялъ съ полочки икону Пресвятой Богородицы, поцѣловалъ ея ризы и, перекрестясь, поставилъ на мѣсто.

Разумѣется, тутъ опять не обошлось безъ слезъ и обниманья. Ужъ гдѣ завяжется баба,—хоть и молодая еще, и быстренькая,—а безъ слезъ, да припѣваній и цѣлованій никогда не обойдется.

Митроха кстати хватился за пазуху, вспомнивъ, что у него осталось шесть рублей съ копѣйками отъ всей суммы, которая пошла на взносъ за покражу, и отдавалъ ихъ обратно Назарычу; но старикъ не принялъ.

— Дано для Бога—пусть для Бога и пойдетъ!—сказалъ онъ.

Деньги положено роздать нищимъ, завтра-же, послѣ обѣдни, въ Верховскомъ погостѣ.

И вотъ, въ какомъ видѣ закончился день субботній въ убогой избенкѣ старика Назарыча. Разумѣется, не въ диковинномъ, а совсѣмъ въ простомъ видѣ; однако, видъ этотъ былъ хорошій,—хоть бы и въ хоромахъ золоченыхъ—такъ впору.

Ясно горѣла лучина и освѣщала счастливыхъ простыхъ людей и веселыя головки ребятишекъ. Правда, что на каждомъ лицѣ, сквозь радость и счастіе, какъ будто мелькала истома; видно было, что дюжій Митроха, словно только-что всталъ и еще не оправился отъ тяжкой болѣзни. Быстрые глаза красивой Олены обведены были наплаканными, темными кругами. Даже ребятишки, казалось, умаялись порядкомъ. Видимо, устали и старики-

Digitized by Google

служивые; а все же радость покоилась на ихъ задумчивыхъ лицахъ. И хорошо было глядѣть на эти древнія лица, словно инеемъ и снѣгомъ, опушенныя сѣдинами.

А всетаки обмолвился я, господа: въ золоченыхъ палатахъ, пожалуй, что и не подъ стать былъ бы видъ такой, — не того тамъ ищутъ.

Въ хоромахъ золоченыхъ — блескъ и свѣтъ, отбиваясь въ хрусталяхъ зеркальныхъ, льется отъ яраго воску, а тутъ льется свѣтъ всего-на-все—отъ лучины сосновой. Оно, конечно, ничего, свѣту довольно,—огонь все одинъ у Бога.

Въ каменныхъ палатахъ—пиры-балы, шаркотня и разговоры, все тонкіе, заграничные; отъ нѣжной деликатности барыни чуть не таютъ; а слова все такія диковинныя и пріятныя,—другой скажетъ, да и самъ не вѣритъ:—можетъ ли, молъ, быть, что это я сказалъ?—ахти хорошо!—а тутъ, подъ сермягой, бесѣда простая,—что на душѣ, то и на языкѣ: коли есть почтеніе и благодарность, такъ она есть въ простомъ сердцѣ; а сказалъ человѣкъ простое слово—что клинъ вогналъ! Только и добра-то, что все это вѣрное, безобманное.

Тамъ, все въ тѣхъ же хоромахъ—шумятъ шелки, шелестятъ бархаты и коленкоры разные, золото чуть не капаетъ, а куражу-то сколько, и пышности сколько,—ахти, красиво! продавай глаза, заглядишься на нихъ!—тутъ всей красоты — въ головахъ дѣтскихъ, въ глазахъ жены любящей, да въ простыхъ лицахъ стариковъ, зажившихся на свѣтѣ; и все—команда сермяжная, да рядная! Только и хорошаго, что безъ всякой поддѣлки; все—какъ Богъ далъ!

Тамъ, братецъ ты мой, въ этихъ палатахъ пышныхъ жемчугу, да алмазу многоцѣннаго, что у насъ гороху,—горитъ да сверкаетъ,—сторонись, ожгу!—а здѣсь, то есть у нашихъ друзей, въ лачугѣ, только и блеску [горячаго, что слезы. А цѣна имъ, извѣстно, какая;—мало-ль что это чистыя слезы?...

И тамъ, гордый баринъ бросилъ вдругъ тысячи: — ѣшьте, веселитесь!—и никто ему и спасибо не сказалъ, и онъ не поморщился,—бросилъ и забылъ:—пришлютъ, молъ, съ деревни не столько еще!—а здѣсь — экая невидаль—триста ассигнацій!.. мало-ль что послѣднія!..

Словомъ, господа, въ нашей убогой лачугѣ, не смотря на всеобщую радость, важнаго виду никакого не было; тутъ не важный видъ, а жизнь вседневная. То есть совсѣмъ простое, подходящее дѣло. Правда, что дѣло хорошее!

И такое оно хорошее дѣло, что если-бы каждый домъ бога-

Digitized by Google

тый завѣщалъ дѣтямъ своимъ хотя по одному подобному дѣлу, то на свѣтѣ было бы вдвое больше счастія и радостей, нежели теперь есть горя и слезъ,—ибо радовались бы и осчастливленные и дающіе счастіе, и благословеніе Божіе было бы на всѣхъ...

Когда, благодаря и благославляя старика Назарыча, уѣхала счастливая семья Митрохи, Васютка уже заснулъ на своей постелькѣ, и два богатыря наши остались одни, тогда Архипычъ подумалъ маленько и заговорилъ было вотъ что:—ну, другъ почтенный, Илья Назарычъ!.. хоша теперь у тебя почесть-что ровно ничего нѣтъ...

— Теперь-то у меня *все есть*, братъ Архипычъ!—перебилъ рѣчь его Назарычъ и махнулъ рукой.

Архипычъ маленько смѣшался и тоже махнулъ рукой, промолвивъ:—я, братъ, не то хотѣлъ сказать!..

Digitized by Google

МАІОРСКАЯ ДОЧКА.

Повѣсть.

I.

Весною 1846 года, 7-я мушкетерская рота одного изъ нашихъ пѣхотныхъ полковъ вступила на свои новыя кантониръ-квартиры, Тамбовской губерніи, того же уѣзда, въ село Благодатское, съ деревнями и приселками.

День былъ ясный, теплый: послѣ дождя по дорогѣ стояли свѣтлыя лужи; луговая свѣжая трава и распустившіеся листья деревьевъ еще не обсохли и сверкали дождевыми каплями. Прясла, пни и старые срубы домовъ чернѣли, точно чугунные; новыя постройки и свѣжая солома нѣкоторыхъ крышъ желтѣли и блестѣли, какъ вызолоченныя; вороны сушили свои мокрыя крылья, сидя кучками на каждомъ суховерхомъ деревѣ; вдали пѣли пѣтухи къ погодѣ. Весело шлепала по грязи и тарабарила усталая пѣхтура, чуя близкій *„отбой“*.

А вонъ—и квартирьеры...

— Должно быть хороши квартиры: у Андрея Ильича нѣшто носъ лоснится! — замѣтилъ мухрыжистый мушкетеръ, человѣкъ, какъ видно, примѣтливый, ибо глядѣлъ изъ-подъ своего козырька какъ-то мелькомъ, чуть вскидывая глазами.

Въ самомъ дѣлѣ, у квартирьера, унтера Андрея Ильича, носъ лоснился и глаза были очень веселы. Нѣсколько голосовъ подтвердили, что квартиры должны быть хороши,

Андрей Ильичъ поправилъ портупею и подошелъ къ капитану.

Капитанъ поздоровался. Человѣкъ не торопкій и не любопытный, онъ не допрашивалъ, хороши ли квартиры, а прямо началъ съ самонужнѣйшаго: сколько всѣхъ дворовъ на роту, да въ серединѣ ли роты ротный дворъ, да каковъ сарай подъ цейх-

Digitized by Google

гаузъ, и каковъ подъ манежъ, да истоплены ли для роты бани—и ужъ потомъ, послѣ всего, спросилъ о своей избѣ.

Но господа офицеры, (при ротѣ ихъ было два кромѣ капитана), первое слово изволили полюбопытствовать у отдѣльныхъ квартирьеровъ на счетъ села, т. е. мызы, однимъ словомъ—есть ли барышни?

— Цѣлое капральство, ваше благородіе! — отвѣчалъ лихой квартирьеръ;—да никакъ онѣ сами изволятъ катить въ рыдванѣ навстрѣчу ротѣ.

— Да хорошенькія ли?—торопливо спросилъ прапорщикъ.

— Первый сортъ, ваше благородіе, и всѣ подъ соломенными шляпками; точно огурчики покрыты отъ заморозковъ-съ.

Офицеры разсмѣялись.

Вдали, на взгоркѣ, зеленѣлъ большой садъ; изъ него торчала какая-то стеклянная башенька, надстроенная надъ зеленой крышей господскаго двора. Внизу сверкала рѣка, а по дорогѣ показалась большая темная движущаяся точка.

— Это самъ рыдванъ и есть, ваше благородіе, и съ барышнями,—шепнулъ квартирьеръ.

Барабанщикъ подтянулъ уши барабану. Прапорщикъ что-то доложилъ капитану.

— Фельдмаршъ!—сказалъ капитанъ,—и барабанъ загремѣлъ.

— Въ отдѣленіяхъ! ближе идти!.. не отставай!—прокатилось по ротѣ.

„И ахъ, и не одна, таки не одна во полѣ дороженька“...

Завелъ запѣвало, затрепеталъ горломъ, икнулъ, махнулъ рукой—и длинный фронтъ 1-го отдѣленія дружно подхватилъ:

„Въ полѣ про—ле—га—а—а—ла!..“

Какъ одурѣлый, выскочилъ изъ придорожныхъ кустовъ заяцъ, метнулся со страху, по ошибкѣ, прямо на роту, вдругъ присѣлъ на корточки, уши кверху, зиркнулъ въ испугѣ, да какъ ударится налѣво-кругомъ, на утекъ—только заднія ножки задрыгали въ воздухѣ...

— Здорово, косой! чево спужался, хозяинъ?.. А-ту его! ай-ай-ай-ай, катай во всѣ лопатки! — кланяйся нашимъ, увидишь своихъ!—кричали голоса изъ фронта; а онъ пропалъ, какъ изъ лука стрѣла.

— Ну, спасибо—дороги не перебѣжалъ; а то бы нехорошо!..

— Молодецъ, косой! съ правой стороны зашелъ, — добрая примѣта!—шутили солдаты.

Digitized by Google

— А вонъ, гляди—еще лучше примѣта!..

Шагахъ въ двухъ стахъ отъ роты остановилась щегольская коляска четверней, полнымъ полна барышень, и всѣ подъ зонтиками.

„Здравствуй, милая, хорошая моя!..“

зачастилъ запѣвало,

„Чернобровая, похожа на меня!..“

подхватили пѣсенники; барабанъ рѣзанулъ дробь.

— Тпру, стой! ай, ай! — подъ форейторомъ шарахнулись уносные кони, зафыркали, встали на дыбы, пѣсенники смолкли, какъ оборвались на словѣ:

„Что ты, милая, не жалуешь ко мнѣ!..

А барабанщикъ, заглядѣвшись, лупитъ себѣ дробь...

— Чортъ гремучій, стой! Аль не видишь — лошади взбѣсились?

Но квартирьеры уже держали ихъ подъ-уздцы, и капитанъ съ офицерами подбѣжали къ коляскѣ; взяли подъ козырьки, извинились передъ барышнями.

— Рота, стой!—крикнулъ капитанъ.

— Стой, стой! — волной прокатилось по ротѣ; люди стали, задирали головы.

— Что тамъ впоперекъ стало?..

Рыдванъ повернулъ налѣво-кругомъ; распрекрасная барыня очень благодарила господъ офицеровъ, протянула руку капитану и всѣхъ просила:—ежели не противно, откушать пожалуйте.

— Покорнѣйше благодаримъ!

Какое тутъ противно—проперши тридцать верстъ, хорошенько пообѣдать!..

— Непремѣнно явимся!

Дѣвицы очень умильно кланялись.

— Ай да барышни!—толковали люди; — маковъ цвѣтъ! цѣлый садъ, ребята!

— Много добра, да толку мало,—промолвилъ примѣтливый мушкетеръ:—аль не видите, что только юпченки раздуты; а все подростки, ребятишки еще,—ни одной какъ слѣдующе, невѣсты!

— А и то правда; только сама барыня-то вальяжная, а прочее все ребятье и есть.

— То-то!.. нѣшто того нашимъ господамъ требуется?

Дѣйствительно, въ коляскѣ была одна барыня и пятеро дѣтей,

Digitized by Google

барышень, на солдатскій глазъ—распрекрасныя, какъ вишеньки, да ужъ больно молоды — старшей не больше будетъ лѣтъ 14, или около;—совсѣмъ раннія невѣсты; не того требуется женихамъ офицерамъ. А, впрочемъ, и за то спасибо: все же лучше, чѣмъ ничего; да притомъ, видно, семья гостепріимная.

Коляска уѣхала; рота двинулась; пѣсенники затянули свое; всѣ пошли веселѣе; каждый думалъ:—доброе начало есть!..

Такова была встрѣча 7-й мушкетерской ротѣ въ с. Благодатскомъ. Уже квартирьеры успѣли разсказать все, что видѣли въ селѣ и деревняхъ, и что слышали отъ старостъ и десятскихъ о помѣщицѣ села; а, впрочемъ, солдаты почти все смекнули и сами по первой встрѣчѣ. Старый, бывалый солдатъ, какой-нибудь мухрышка съ виду, дѣйствительно, видѣлъ все, чуть не насквозь. Кинулъ взглядъ направо, налѣво, на всходы густые, на прясла поправленныя, — гм!.., говоритъ, мужички заможные, хозяйство исправное, порядокъ есть! пѣтухи густо поютъ, скотина часто реветъ, собаки лѣниво лаютъ,—всего, значитъ, полно, не бѣдно, значитъ—сыто!..

А тутъ щегольская коляска, да добрая, гостепріимная барыня, да веселыя дѣтки—чего тебѣ больше примѣтъ?—все единственно, будто въ книжкѣ вычиталъ:—стоянка будетъ отмѣнная!

II.

Поручику Сухареву назначена была квартира на приселкѣ, версты полторы отъ господской усадьбы. Такъ ужъ было распредѣлено между господами напередъ, потому, во-первыхъ, что поручикъ былъ человѣкъ серьезный, очень образованный и отлично игралъ па скрипкѣ, — то есть, не какъ нашъ братъ, ротный скрипачъ, что семь пѣсенъ и два танца отдеретъ на заслушанье, а дальше—ни гугу!—а игралъ поручикъ по нотамъ, съ капельмейстеромъ и первыми полковыми музыкантами сыгрывался; глядитъ въ ноты, какъ грамотный въ книжку, и рѣжетъ безпрепятственно до самаго конца. Въ 9-й ротѣ капитанша отмѣнно играла на клавикордахъ; онъ съ ней игрывалъ, — говорили вѣстовые,—плакать надобно, такъ хорошо.

Во-вторыхъ, ротный дворъ былъ довольно далеко отъ усадьбы—верстъ за десять. Поручику тутъ и назначили квартиру, какъ старшему по капитанѣ.

Деньщикъ поручичій, старикъ и великій хлопотунъ, Петровичъ, скоро устроилъ своему барину квартиру.

Digitized by Google

И былъ въ ротѣ солдатикъ, еще рекрутъ почти, Илья Борисовъ, мальчишка, не больше лѣтъ 18-ти, красивый, какъ дѣвушка, и проворный, да ужъ слишкомъ суетливый. Усердіе у него было большое, но все какъ-то выходило неладно; кликнутъ его—побѣжитъ, и непремѣнно за что-нибудь задѣнетъ, или самъ споткнется; тарелку, или бутылку несетъ очень проворно, да вдругъ—и кокнетъ объ уголъ, или косякъ; чистить что нибудь начнетъ—отлично, да непремѣнно оборветъ, или дыру прочиститъ;—все отъ горячности, усердія и по малоопытности. Но имѣлъ такое мягкое сердце и пріятный, услужливый нравъ, что всѣ въ ротѣ любили его.

Понравился Борисовъ поручику и онъ часто требовалъ его къ себѣ, за вѣстоваго. Самъ человѣкъ спокойный, поручикъ любилъ посмѣяться надъ его неловкостью и суетой.

— Поучилъ-бы я тебя, Борисовъ, на скрипкѣ играть, да ты мнѣ всѣ струны порвешь,—говаривалъ ему поручикъ.

— Радъ стараться, ваше благородіе!—отвѣчалъ, краснѣя, Борисовъ.

— Ну, нѣтъ, братъ, спасибо!.. знаю твое стараніе!..

Зато Борисовъ имѣлъ одно очень важное достоинство: всякое приказаніе онъ исполнялъ по всей точности, слово въ слово, какъ ему прикажутъ. Сходи за тѣмъ-то—онъ непремѣнно *сходитъ* шагомъ, сбѣгай за тѣмъ-то—непремѣнно *сбѣгаетъ*, хоть бы пришлось бѣжать пять верстъ. И дѣлалъ онъ это не по глупости, напротивъ,—онъ былъ очень бойкой головы,—а видно было, что точность эта происходила отъ давней привычки, внушенная ему съ малолѣтства; вѣроятно, родители воспитали его такъ. А извѣстно, что точность, полезное качество вообще,—для службы же—это первое достоинство. Можетъ быть, именно за это достоинство онъ и понравился такъ поручику. Илья Борисовъ былъ почти постоянно при немъ какимъ-то безсмѣннымъ ординарцемъ.

Прошло недѣли двѣ-три съ прихода роты; поручикъ сталъ чуть не ежедневнымъ гостемъ въ барскомъ домѣ. Солдаты слышали отъ дворовыхъ людей, что больше играетъ тамъ съ старшей барышней и самой барыней; онъ на скрипкѣ, а онѣ на клавикордахъ, все равно какъ съ капитаншей 9-й роты. И дворовые люди очень хвалили его игру; — этакъ, говорятъ, вамъ, братцы, и служить весело!

— А извѣстно, нескучно. Ну, а вамъ какъ?

— Ничего, и намъ хорошо!—отвѣчала дворня.

Квартиры оказались хорошія, хозяева достаточные, хозяй-

Digitized by Google

ство исправное, и помѣщица---добрѣйшій человѣкъ. Но еще ни одному солдатику не удалось заглянуть въ господскій домъ, или въ садъ; многіе видѣли издали сквозь окна, или черезъ заборы, что тамъ должно быть великолѣпіе удивительное, однако никому не привелось поглядѣть поближе на это великолѣпіе. Это не то что у какого-нибудь мелкопомѣстнаго барина, простаго человѣка, куда ходъ и нашему брату есть, не только на кухню, а иногда, если ты мастеровой, столяръ, сапожникъ, или портной, то баринъ просто потребуетъ тебя къ себѣ, въ покои,—вотъ, молъ, сдѣлай, или почини то и то, да, пожалуй, еще тутъ же прикажетъ поднести тебѣ чарку и честь сдѣлаетъ;—а великолѣпныхъ палатъ барскихъ нашему брату иногда и во вѣкъ не увидать; развѣ какой-нибудь необыкновенный случай, вродѣ пожара, или другое непредвидѣнное обстоятельство поможетъ.

Именно непредвидѣнное обстоятельство помогло нашему рекрутику, Ильѣ Борисову, побывать въ барскихъ хоромахъ и увидѣть разное великолѣпіе. Но пичтожное обстоятельство это надѣлало ему сперва немалаго страха, а потомъ стало незамѣтной причиной счастія всей его послѣдующей жизни.

Странно, подумаешь, какъ иногда самый пустой и, кажется, ничего незначащій случай измѣняетъ даже судьбу человѣка! Но, какъ это ни странно, однако вполнѣ справедливо: если какой-нибудь глупый кирпичъ, камень, или бревно, упавшее съ высоты на прохожаго, можетъ убить его на мѣстѣ и, значитъ, окончательно измѣнить его судьбу, то почему же нечаянный взглядъ, или нежданная встрѣча не можетъ осчастливить человѣка, ничего не помышляющаго о такой встрѣчѣ?

Всѣ такія происшествія и приключенія мы называемъ *случаями*, и иногда считаемъ ихъ безпричиннымъ и необъяснимымъ дѣломъ. Но безпричиннаго на свѣтѣ нѣтъ, и если, напримѣръ, кирпичъ, или бревно плохо прикрѣплены на какой-нибудь стѣнѣ, а подъ ней ходятъ люди, то ничего нѣтъ удивительнаго, что бревно свалилось и убило прохожаго,—тутъ все было какъ будто подготовлено къ этому несчастному случаю. Дальше увидимъ, изъ повѣсти нашей, что и въ счастливой встрѣчѣ бѣднаго солдата съ нѣжной барышней было, хотя и безъ вѣдома ихъ, но все какъ будто подготовлено.

Вотъ что случилось съ Борисовымъ.

Одинъ изъ ротныхъ охотниковъ ухитрился какъ-то поймать бѣлку; зная, что на мызѣ есть дѣти, и что поручикъ часто гоститъ тамъ, онъ принесъ ему бѣлку эту.

Digitized by Google

— Да куда мнѣ съ нею братецъ?—спросилъ его поручикъ, разсматривая звѣрька.

— А барскимъ ребятишкамъ подарите, ваше благородіе.

— И то правда!

Поручикъ далъ ему гривенникъ; достали у хозяйки лукошко, засадили туда звѣря и завязали тряпицей.

— Позвать,—говоритъ,—Борисова!—и приказываетъ ему поручикъ:—отнеси эту бѣлку на мызу, барышнямъ, да, смотри, не говори, что тутъ бѣлка, а отдай ее въ руки меньшой барышнѣ отъ меня.

— Слушаю, ваше благородіе!

Дѣло было вечеромъ. Приноситъ Борисовъ бѣлку въ барскій домъ, говоритъ людямъ, что онъ отъ поручика съ посылкой къ младшей барышнѣ.

— Ну, давай сюда!—говорятъ ему лакеи.

— Никакъ нѣтъ-съ, а долженъ отдать собственноручно.

Надъ нимъ засмѣялись; берутъ отъ него лукошко, но онъ никакъ не отдаетъ: — приказано представить собственноручно барышнѣ; ни за что не отдамъ.

Старикъ дворецкій пробовалъ уговаривать его—слушать не хочетъ, зарядилъ свое:—приказано отдать собственноручно!—и все тутъ.

— Ну, молодецъ же ты!—говоритъ дворецкій,—вѣрный ты человѣкъ; одначе наврядъ-ли тебя прикажутъ пустить въ покои. Впрочемъ, погоди, я доложу.

Ушелъ, доложилъ и воротился;—приказано,—говоритъ,—отдать посылку.

— Никакъ нѣтъ-съ; начальникъ мнѣ приказалъ представить собственноручно.

Видитъ дворецкій, что съ нимъ не сговоришь, разсмѣялся и опять пошелъ въ покои. Оттуда послышался хохотъ дѣтскій; дворецкій отворилъ дверь въ переднюю и говоритъ Борисову:—пожалуйте-съ!

Вошелъ Борисовъ съ лукномъ въ большую залу и, разумѣется, ошалѣлъ. Зала съ ротный манежъ; стѣны показались ему изъ серебра; по стѣнамъ огни; столъ застланъ бархатомъ; на столѣ, какъ мѣсяцъ, круглый, огонь; въ углу еще столикъ со свѣчкой. А кругомъ—настоящіе черномазые херувимчики, дѣвочки: всѣ въ кудряхъ, ручки голенькія и сами смѣются; одна между ними, какъ звѣздочка, вся свѣтленькая. И неизвѣстно зачѣмъ—точно голова ротной лошади, воткнутая на палку—съ

Digitized by Google

рыжими пуклями, торчала въ кружкѣ дѣтей длинная гувернантка. Вѣроятно для порядку.

— Здравія желаю, ваше превосходительство!—трепетно промолвилъ Борисовъ.

— Здравствуйте, здравствуйте!—и барышни весело закивали ему головками, а гувернатка подняла брови и прищурила на него глаза.

Онъ оробѣлъ еще пуще, однако собрался съ духомъ:—которая изъ васъ, ваше превосходительство, самая маленькая?—отъ поручика извольте принять посылку въ подарокъ,—проговорилъ онъ довольно твердо.

— Я самая маленькая,—пропѣлъ голосишко, и къ нему подскочила крошка лѣтъ четырехъ, какъ ангельчикъ, и вся покраснѣла.

— Извольте получить-съ!..

И онъ сунулъ ей въ протянутыя рученки плетеное лукно.

Малютка не удержала, коробка треснулась о полъ, тряпка развязалась,—всѣ такъ и вскрикнули,—испуганная бѣлка выскочила изъ лукна и сѣла на корточки, навостривши уши и задравши хвостикъ..

— Ахъ, что за прелесть!—крикнули барышни.

Борисовъ хотѣлъ-было взять эту прелесть за уши, но бѣлка стреконула въ уголъ.

— Поймайте ее!—кричала малютка.

Свѣтленькая дѣвочка, а за ней и Борисовъ кинулись за бѣлкой; молодецъ нашъ, съ извѣстной ловкостью своей, разогнавшись по вощеному полу, такъ-таки и врѣзался головой въ уголъ, да на лету толкнулъ дѣвочку; та задѣла столикъ и опрокинула его вмѣстѣ съ хрустальнымъ шандаломъ,—только брызги разлетѣлись, да хрусталь зазвенѣлъ!

А нашъ богатырь и встать не можетъ,—скользитъ своими лыжами, какъ гусь по гололедицѣ.

Дѣти смѣялись; длинная гувернантка глядѣла съ нѣкоторымъ страхомъ, удивленіемъ и презрѣніемъ, вытянувъ свое лицо еще вершка на полтора; она какъ будто хотѣла сказать:—такъ вотъ какіе уроды колотили моихъ земляковъ!

Изъ другихъ комнатъ послышался строгій окликъ:—это опять что такое?—и приближались мягкіе шаги.

Когда Борисовъ всталъ, то онъ увидѣлъ передъ собой грозное лицо барыни; она глядѣла на него и строго спрашивала:—что ты тутъ надѣлалъ?

Онъ весь дрожалъ; гувернантка громко рапортовала что-то

Digitized by Google

на неизвѣстномъ языкѣ, видимо оговаривая солдата; но подлѣ него стояла дѣвочка и умоляющимъ взоромъ глядѣла на барыню.

— Это я виновата, нечаянно опрокинула столъ,—торопливо говорила она со слезами на глазахъ.

— Ахъ ты, дрянная! пошла въ дѣвичью, вѣчно наповѣсничаешь!

Дѣвочка пошла, опустивъ свою свѣтленькую кудрявую головку, а барыня спокойно и важно обратилась къ солдату:—ты присланъ отъ Сухарева, мой милый?

Но у посланника прильнулъ языкъ къ гортани; весь красный, какъ буракъ, онъ только глоталъ что-то такое, не попадая зубъ на зубъ. Между тѣмъ бѣглянку поймали и дѣти разсказали мамашѣ, что Сухаревъ прислалъ бѣлку въ подарокъ Еленѣ, младшей сестрицѣ.

Маленькая Елена хлопала ручонками отъ радости; длинный лакей убиралъ разбитое стекло. Барыня ласково сказала солдату: — поблагодари Сергѣя Ивановича Сухарева и попроси завтра ко мнѣ кушать. А ему дайте на чай,—примолвила барыня дворецкому.

— Пожалуйте-съ!—мигнулъ дворецкій, и нашъ Илья Борисычъ, какъ настоящій сычъ, ничего не видя, зашагалъ по паркету.

Но, какъ ни былъ онъ сконфуженъ и ошеломленъ, однако вспомнилъ неясно, какъ во снѣ, свѣтленькую дѣвочку, Богъ знаетъ по чему, оговорившую себя, прогнанную,—и испуганная голова его невольно повернулась на походѣ въ ту сторону и на ту дверь, въ которую ушла, понуривъ головку, его странная защитница.

Въ передней онъ получилъ цѣлковый; ему что-то говорили, кто-то смѣялся, кто-то назвалъ его при томъ остолопомъ... Онъ едва слышалъ, едва помнилъ слова и, весь въ поту, вздохнулъ только тогда, когда очутился на дворѣ. Тутъ онъ припустилъ было на утекъ, да вдругъ остановился и оглянулся, разиня ротъ на барскій дворецъ.

Окна блестѣли огнемъ; кругомъ темно. И въ этой глубокой темнотѣ стоялъ неподвижно, съ раскрытымъ ртомъ, нашъ рекрутъ, вглядываясь въ сверкающія окна, какъ будто искалъ именно одно, очень нужное ему; но всѣ окна блистали ровно. Онъ снялъ шапку, тихо вздохнулъ и шепталъ себѣ подъ носъ:— экая какая душа дѣтская!..

И, задумавшись, побрелъ своей дорогой.

Digitized by Google

Экіе, подумаешь, пустяки шевелятся въ рекрутской пугливой головѣ!...

Но это были не пустяки, господа.

Въ это же время въ барскихъ палатахъ происходили другіе пустяки. Прогнанная изъ залы, свѣтленькая дѣвочка вошла въ дѣвичью комнату и преспокойно подсѣла къ старухѣ нянѣ. У стола, подъ окномъ, ущемивши мѣдными очками свой маленькій, похожій на кукишъ, носъ, сидѣла старушка и что-то шила при свѣчкѣ. Она почти и не взглянула на подсѣвшую къ ней дѣвочку, а только спросила тихо:—ну, что, опять наколобродила, свѣтикъ мой?

— Да, няня, уронила столикъ и разбила хрустальный подсвѣчникъ,—еще тише отвѣтила дѣвочка.

— Ай-ай, стрекоза ты, непосѣда этакая! ай нехорошо! стыда-то у тебя нѣтъ, Женичка!

Дѣвочку называлъ такъ весь домъ; имя ея было — Евгенія.

Женичка подняла свои свѣтлые глаза на няню, покраснѣла и засмѣялась тихонько.

— Ахъ ты, безстыдница,—еще смѣется!

Няня положила шитье свое на колѣни и досадливо глянула сверхъ очковъ на смѣющагося ребенка.

— Ахъ, срамница!.. Ну, развѣ не грѣхъ? — нашалила, да еще и смѣшно ей!

— Мнѣ не смѣшно, няня, а я рада, что бѣднаго солдата не бранили, и тетенька еще приказала дать ему денегъ.

— Какого солдата?

И Женичка разсказала нянѣ все происшествіе съ бѣлкой: какъ солдатъ, смѣшной такой, но молоденькій, и вѣрно добрый, со страху толкнулъ ее на столъ, самъ упалъ, и столъ упалъ, и онъ ужасно испугался.

— Такъ испугался, няня, что когда тетенька вошла и закричала на него, то онъ вѣрно бы заплакалъ, но я скорѣе сказала, что я уронила столъ. И я не солгала, няня, право нѣтъ: вѣдь въ самомъ дѣлѣ я опрокинула столъ, а не онъ!.. Онъ самъ упалъ, няня, и такъ перепугался, что даже жалко его стало.

Няня слушала и пристально глядѣла на ребенка; морщины на лицѣ ея расправлялись, губы сжимались въ старческую улыбку, глаза чуть подернулись слезой.

— Ахъ ты, Божіе дитятко, сиротка моя,—пробормотала она, и, притянувъ рукой ея свѣтлую головку, нѣжно поцѣловала ее; но вдругъ, спохватившись, принялась за шитье и пошла ворчать

Digitized by Google

себѣ подъ носъ:—ой, стрекоза! ой, блудяшка! ты вѣдь, гляди, дня не проходитъ, чтобъ тебя барыня не прогнала сюда!.. вѣдь стыдно же, надо бы стыду быть, а съ тебя все какъ съ гуся вода!.. ай, нехорошо!

— Такъ что же такое, что прогнали?—солдату гораздо хуже было бы: ихъ вѣдь не такъ наказываютъ, а мнѣ все равно; мнѣ и тутъ хорошо! Дай, няня, что-нибудь пошить.

И дѣвочка начала копаться въ корзинкѣ, стоявшей на столѣ.

Няня вздохнула, сердито продолжая свою работу и, не поднимая глазъ, пробормотала:—шей себѣ, Господь съ тобой!..

— Опять къ намъ въ гости, Женичка?—насмѣшливо поздравила дѣвочку вбѣжавшая молодая горничная.

— А ты молчи!—строго отозвалась няня;—вотъ ты такъ настоящая стрекоза, безстыдница,—только бы зубы скалить!..

III.

Такъ завязывалось живое начало нашей повѣсти. Никто, разумѣется, не могъ и подумать, что эта случайная и минутная встрѣча необразованнаго мальчишки съ маленькой барышней могла имѣть хоть какія-нибудь серьезныя послѣдствія.

Безграмотный, полуотесанный солдатъ, чуть не рекрутъ, недавно взятый отъ сохи, и нѣжная барышня-ребенокъ, воспитанный въ богатомъ барскомъ домѣ,—что же можетъ быть общаго между ними? Какая такая связь можетъ быть между этими существами, стоящими на двухъ разныхъ концахъ общества? Кажется—никакой...

Но это только такъ кажется, а въ сущности, въ природѣ, между всѣми на свѣтѣ людьми, къ какому бы состоянію они ни принадлежали, есть не только много общаго, но существуетъ и та неразрывная связь, которая дѣлаетъ ихъ даже равными другъ другу. Эта связь указана прежде всего завѣтомъ Христа: всѣ люди—братья, ибо всѣ созданы по одному и тому же подобію Божію.

Въ самомъ дѣлѣ, неужели же нѣтъ самой причинной, душевной связи между двумя, напримѣръ, добрыми, честными и разумными людьми, хотя бы одинъ изъ нихъ былъ необразованъ и бѣденъ, а другой образованъ и богатъ? Неужели нѣтъ ничего общаго между двумя негодяями, хотя бы одинъ изъ нихъ былъ грубый простолюдинъ, а другой—образованный баринъ?

Между образованными и необразованными людьми, дѣйстви-

Digitized by Google

тельно, есть преграда, которую, однако, можно перешагнуть; стоитъ только необразованному образоваться—и преграда сама рушится.

И никакими усиліями нельзя порвать прирожденной духовной связи между людьми, хотя бы и различныхъ состояній, но одинаковыхъ душевныхъ свойствъ; всегда будутъ добрые искать добрыхъ, честные—честныхъ и разумные—разумныхъ; рано ли, поздно ли, даже мимовольно—они найдутъ другъ друга.

Илья Борисовъ былъ сынъ добрыхъ и честныхъ родителей, небогатыхъ и безграмотныхъ пахарей. Выросшій въ добродушной и любящей семьѣ, привыкшій видѣть въ ней примѣръ честнаго труда, онъ, разумѣется, и на службу принесъ съ собой все, что усвоилъ дома: мягкость характера, повиновеніе, усердіе и честность. Прежній солдатскій бытъ, конечно, былъ суровъ и грубоватъ,—особенной нѣжности межъ нами не встрѣчалось;—удивительно ли послѣ этого, что добродушная и нежданная защита его нѣжнымъ ребенкомъ пала ему прямо на сердце? И какъ было этому мягкому, привычному къ родной ласкѣ, сердцу не затрепетать горячей, хоть и безсознательной, благодарностью.

Оно и затрепетало. Давно, вдалекѣ отъ семьи, въ кругу новыхъ, еще чужихъ ему людей, онъ уже забывалъ это дѣтское ощущеніе теплой ласки, и вдругъ почувствовалъ ее тамъ, гдѣ пока ничего не видѣлъ, кромѣ страха. Онъ удивился, и вспомнилъ свою родимую семью... Естественно, что онъ долго-долго, а, можетъ быть, и никогда, не забудетъ этой неожиданной встрѣчи.

Почти тоже было и съ маленькой барышней, Женей. Она была сиротка, дочь стараго армейскаго маіора; мать ея была почтенная и добрѣйшая женщина. Оставшись вдовой, съ четырехъ-лѣтнимъ ребенкомъ, маіорша кое-какъ жила небольшимъ пенсіономъ въ уѣздномъ городѣ, на родинѣ, и всю свою радость полагала въ единственной дочери своей. Сама изъ хорошей, образованной, но обѣднѣвшей семьи, она воспитывала свою малютку такъ, какъ только любящая и умная мать способна воспитать родное дитя; по восьмому году Женичка была настоящій ангелъ. Вдругъ, мать захворала, и болѣзнь ея обратилась въ смертельную. Съ ужасомъ думала она о судьбѣ своего ненаглядного дитяти; но добрый человѣкъ, докторъ, принялъ въ ней участіе, и, по его ходатайству, богатая помѣщица взяла къ себѣ сиротку. И твердо помнила бѣдняжка завѣщаніе своей умирающей, честной матери:—„будь добра, терпѣлива, люби всѣхъ, особенно бѣдныхъ, трудись и никогда не лги—и Богъ тебя не оставитъ, мой

Digitized by Google

ангелъ!".—И на ея утлыхъ ручкахъ мать испустила послѣднее дыханіе...

Дѣвочка попала въ новую семью. Ее полюбили всѣ. Но жизнь сиротки рѣдко бываетъ красна; на бѣду, сверстницы ея, дочери помѣщицы, были на такъ красивы, какъ она, не такъ понятливы въ ученьи и, разумѣется, избалованнѣе. Матери это было досадно, и, нельзя слишкомъ обвинять ее, она не всегда умѣла скрывать свою досаду; она стала строже и холоднѣе обходиться съ своимъ пріемышемъ и исподволь дошла даже до несправедливаго обращенія съ нею. За все, про все виноватою оказывалась Женя; даже правдивость ея стали называть просто упорствомъ. Дѣтская душа требуетъ горячей любви, какъ цвѣтокъ теплаго солнышка, — иначе она потеряетъ свою прелесть, благоуханье, чистоту. Къ великому счастію сиротки, такая душа нашлась въ домѣ; это была старая няня, Климовна. Опасаясь ревности барыни, она, конечно, скрывала свою любовь къ чужому для всего дома ребенку. Но истинную любовь можно скрыть ото-всѣхъ, кромѣ того, кого любишь; Женичка прилѣпилась къ ней душою и, понимая, не по лѣтамъ, притворство своей милой Климовны, точно также, какъ она, бережно скрывала отъ всѣхъ свою привязанность къ ней. Есть, впрочемъ, вездѣ такіе зоркіе наблюдатели чужихъ сердецъ, что и эта любовь не для всѣхъ была тайной,—вся дѣвичья видѣла эту скрытую, взаимную нѣжность няни и сиротки.

Но няню—старѣйшую и вѣрнѣйшую изъ слугъ всего дома—уважали всѣ, начиная съ барыни; никто и не смѣлъ, и не хотѣлъ разглашать ихъ невинной тайны. Притомъ же, никто не имѣлъ причины не любить и прелестнаго ребенка.

Была еще и другая немаловажная причина, которая усиливала привязанность къ сироткѣ няни;—старуха знала, что отецъ Жени былъ старый заслуженный офицеръ, а у нея, у самой, родной племянникъ, единственный близкій родственникъ, служилъ солдатомъ въ гвардіи. Это еще больше связывало старуху съ дѣвочкой. И часто, выручивъ удобный часокъ, когда всѣ дѣти уже спятъ, она склонялась надъ дѣтской постелькой своей любимицы, и шептались они вдвоемъ до глубокой ночи, уговаривая другъ друга, и ни одна не желая кончить бесѣды. Теперь понятно, съ какимъ чувствомъ прослушала старуха оправданіе своей сиротки, когда она, сосланная въ дѣвичью, разсказала ей, какъ защитила отъ напасти бѣднаго, испуганнаго солдата.

И вынь, да положь,—захотѣлось доброй, привередливой старухѣ поглядѣть, что это за солдатъ такой?

Digitized by Google

— Не похожъ ли, чего добраго, на племянника моего, гвардейца?.. Да какъ бы устроить себѣ такое удовольствіе?—ломала свою сѣдую голову няня.

А по чувству привязанности къ ней, того же самаго страхъ какъ захотѣлось и маленькой Женѣ:—ахъ, кабы Сергѣй Ивановичъ прислалъ опять бѣлку! — думала она днемъ и ложась въ свою постельку, подъ теплое одѣяльце.

Надобно же, что тоже самое мерещилось и нашему лоботрясу:—какъ бы взглянуть, хоть мелькомъ, на эту распрекрасную и предобрѣйшую барышню, на ея ангельское милостивое личико!..

И какъ-то промолвился бѣдняга объ этомъ своемъ желаніи передъ суровымъ Петровичемъ, деньщикомъ поручичьимъ.

— Ахъ ты, вымолотокъ овсяный! вишь, что ему въ соломенную башку лѣзетъ! барышню поглядѣть! Да знаешь ли ты, подсвинокъ худой, что ты однимъ глазищемъ-то твоимъ глупымъ испачкаешь ее, необразованный ты вахлакъ! — взъѣлся на него деньщикъ;—не токмо что на барышню, въ господскомъ дворцѣ, а на пушку-то, на батарею еще не достоинъ ты глядѣть! швабру тебѣ въ руки, чортъ ты неотесанный, въ помои глядись!.. Вишь, выдумалъ, на барышню посмотрѣть! Съ твоимъ-то рыломъ въ калачный рядъ!.. ахъ, ты!..

И ни за-што, ни про-што изругалъ и искостилъ нетерпящій деньщикъ дурачка мальчишку такъ, что тотъ, не токмо говорить, а и думать-то боялся о своемъ горячемъ желаніи, хоть желаніе это было совершенно невинно, естественно и очень исполнимо не только человѣку, а даже ротному козлу и каждой уличной шавкѣ. Но деньщикъ поролъ свое.

— И, поди же, вчера на службу поступилъ, а сегодня—барышню поглядѣть давай ему! Я не тебѣ чета, при господахъ нахожусь завсегда, обхожденіе всякое имѣю, могу говорить, а и то ничего не говорю. А ему — барышню давай! Ахъ, ты, шишимора!..

И нашъ шишимора совсѣмъ было успокоился на этотъ счетъ; онъ не только отказался отъ своего горячаго желанія, а ежели бы встрѣтилъ свою барышню нечаянно, на улицѣ, то навѣрно убѣжалъ бы отъ нея подальше, куда-нибудь съ глазъ.

— Богъ же съ ней!—думалось ему;—за что же я буду причинять ей такую непріятность, глядѣть на нее, коли она мнѣ же сдѣлала добро? Ни во вѣкъ! Нѣшто я совсѣмъ собака, что ли?..

Однако, часокъ-другой спустя, опять закопошится у него въ башкѣ думка:—эхъ, поглядѣлъ бы! Отчего не взглянуть? Вѣдь

Digitized by Google

же всякая, даже свинья можетъ глядѣть. . Ничего ей, желаненькой, оттого не причинится худаго, мало что Петровичъ оретъ...

И вотъ, такимъ образомъ, имъ всѣмъ троимъ — барышнѣ, нянѣ и солдату — очень захотѣлось непремѣнно свидѣться. Къ чему, зачѣмъ, на что имъ пригодилось бы это свиданіе?—никому изъ нихъ и въ голову не приходило: вотъ, просто, хочется—да и дѣло съ концомъ.

— „Покрѣпче захоти—сбудется!"—говорятъ старые люди.

Можетъ быть это и правда; не больше, какъ дня черезъ три послѣ происшествія съ бѣлкой, поручикъ возвратился съ обѣда, изъ дворца, и позвалъ Борисова. Свернувъ въ трубку какія-то ноты, поручикъ приказалъ ему отнести и отдать старшей барышнѣ.

— Слушаю, ваше благородіе! — отвѣтилъ Борисовъ, покраснѣвъ отъ радости.

Почти бѣгомъ припустилъ онъ на господскій дворъ.

Старикъ дворецкій встрѣтилъ его въ передней съ прежней улыбкой:—опять собственноручно бѣлку принесъ?

— Никакъ нѣтъ-съ; бумагу самъ отдать долженъ.

— Ну, что съ тобой дѣлать,—пожалуйте, пожалуйте!—и онъ отворилъ передъ нимъ дверь въ залу.

Уже смѣлѣе прежняго явился нашъ богатырь и ничуть не оробѣлъ, увидѣвъ передъ собою веселый кружокъ барышень; довольно бойко представилъ онъ посылку старшей барышнѣ, началъ было учтивую рѣчь, и вдругъ замялся... изъ кружка дѣтей выскочила одна барышня и стремглавъ полетѣла изъ залы. Онъ успѣлъ однако же взглянуть на нее, узналъ свою свѣтленькую защитницу и сконфузился. Глядя на него, дѣти стали посмѣиваться втихомолку, и посланникъ нашъ совсѣмъ покраснѣлъ, вспотѣлъ и одурѣлъ окончательно.

— Пожалуйте-съ! — съ усмѣшкой просилъ его дворецкій, очень вѣжливо приглашая къ дверямъ.

— Прощай, прощай!—кивали головенками смѣющіеся дѣти.

Борисовъ сдѣладъ налѣво-кругомъ и замаршировалъ къ дверямъ.

Тѣмъ часомъ Женичка какъ вѣтеръ ворвалась въ дѣвичью и кинулась къ нянѣ.

— Пришелъ, пришелъ! Голубушка, няня, пришелъ нашъ солдатъ! Скорѣе, скорѣе—онъ сейчасъ уйдетъ,—шептала она скороговоркой.

Няня кинула свое шитье, снявъ и уронивъ очки, вскочила.

— О, Господи! съ ума ты сошла, свѣтикъ мой,—такъ спу-

Digitized by Google

жала меня!—ворчала она дѣвочкѣ, а сама спѣшной и грузной походкой направилась къ двери, въ дверяхъ обернулась къ барышнѣ и промолвила ей:—ступай, душенька, въ залу, сиди тамъ!

Обѣ онѣ вышли.

Тутъ же сидѣла горничная, съ навостреннымъ горячимъ ушкомъ, мимо котораго не уйдетъ никакой на свѣтѣ шопотъ; она тоже кинула свою работу, вскочила и на пальчикахъ побѣжала слѣдомъ за старухой.

— Что у нихъ за женихъ тамъ?—шепнула она, улыбаясь.

Другими дверями, черезъ буфетную, Климовна проковыляла въ сѣни, на дворъ, и забѣжала на парадное крыльцо. Въ эту же минуту изъ передней вылѣзъ на крыльцо нашъ красный герой.

— Вы отъ кого?—проговорила запыхавшаяся старуха, желая завязать съ нимъ разговоръ

— Отъ его благородія,—отвѣтилъ Борисовъ.

— Вы здѣшняго полка?

— Никакъ нѣтъ-съ; я 7-й мушкетерской роты,—отвѣчалъ солдатъ на походѣ, улепетывая скорѣе во свояси.

— Экой ты какой, Богъ съ тобой!—словно съ цѣпи сорвался!..—бормотала вслѣдъ ему старуха, а онъ убѣжалъ уже далеко.

Повернулась няня на крыльцѣ, покачала головой и пошла въ свою дѣвичью, причитая что-то—должно быть не очень лестное—про неловкаго необычливаго солдата.

Но солдатъ нашъ уже былъ далеко отъ барскаго дома, внѣ опасности. Онъ успѣлъ уже придти въ себя и поразмыслить объ этомъ вторичномъ свиданіи съ своей барышней. Не смотря на свою конфузію, онъ остался очень доволенъ и только ума не могъ приложить, зачѣмъ она стрекнула изъ-за стола и выбѣжала изъ залы? Онъ ровно ничего не подозрѣвалъ, ничего не предполагалъ, ни въ чемъ не сомнѣвался, а только никакъ не могъ придумать, зачѣмъ и для чего она убѣжала? Да и надъ этимъ недолго ломалъ свою голову.

— А вотъ, всетаки увидалъ!—думалъ онъ, какъ будто на зло Петровичу;—а дастъ Богъ—и еще увижу!

А зачѣмъ еще увидѣть?—и этого вопроса не приходило ему въ голову; а пришла въ голову другая и совсѣмъ нелѣпая мысль: представлялся ему страхъ и трепетъ въ господскомъ домѣ.

— Отчего, откуда происходилъ этотъ страхъ—ничего неизвѣстно, а только бросаетъ человѣка въ жаръ, въ дрожь, въ потъ.

Digitized by Google

— Неужели же и на сраженіи такъ страшно? — задавалъ онъ себѣ вопросъ.

Онъ силился представить себѣ сраженіе, съ пальбой, но не выходило такъ страшно;—потому, извѣстно, что кругомъ все свои, пальба, шумъ—ну, и, разумѣется, не страшно! А тутъ—одинъ одинешенекъ, между барышнями, и ни откуда помощи нѣтъ. Еще-ль не страшно? О старухѣ Климовнѣ онъ и не вспомнилъ; онъ даже совершенно забылъ, встрѣтилъ ли ее.

Въ то же время, какъ богатырь нашъ въ раздумьи пробирался домой, въ дѣвичью опять впорхнула Женичка, кинулась къ нянѣ и вполголоса стала спрашивать ее:—ну что, няня, видѣла? не правда-ли славный солдатъ, умненькой, бѣдняжка?

— Какъ есть дуракъ!—отвѣтила Климовна:—куда ему до племянничка моего! Тотъ и собой картина, и поговорить съ нимъ пріятно; а это—ни съ рожи, ни съ кожи... одно слово—пень!

Барышню очень опечалили эти слова; она задумалась и надула губенки.

— Нѣтъ, няня, это тебѣ такъ показалось; я знаю, что онъ хорошій, умный...

— Какъ тебѣ не знать, красавица!—пожила на свѣтѣ, слава Богу! А всетаки солдатъ твой дуракъ!

На эти слова Женичка вдругъ разсмѣялась, вскочила, обняла няню и начала ее такъ цѣловать, что очки опять полетѣли подъ столъ.

— Уймись же, стрекоза ты моя! отстань, перестань!—кричала няня, слегка обороняясь.

Женичка чмокнула ее и громко сказала:—неправда, няня, солдатъ мой умница!—и убѣжала къ дѣтямъ.

IV.

Не будемъ вдаваться въ подробности о томъ, какъ видѣлись и встрѣчались герои нашей повѣсти третій, четвертый и, можетъ быть, двадцатый разъ; все это было просто, отчасти глупо, ничуть не любопытно, и, пожалуй, выйдетъ скучно въ печати. Но такова всякая исторія на свѣтѣ, такова сама жизнь; никогда не бываетъ въ натурѣ самыхъ веселыхъ похожденій безъ того, чтобы не было въ нихъ хоть немножко скуки, и самыхъ мудрѣйшихъ происшествій безъ нѣкоторой глупости. Все на свѣтѣ идетъ вперемежку, и та книга, которая описываетъ только веселье, умъ и счастье какого-нибудь безпечальнаго и мудраго героя, мо-

Digitized by Google

жетъ быть и хорошая книга, но либо не договариваетъ дѣла, какъ оно было, либо вретъ.

Въ сущности, самыя необычайныя и самыя невѣроятныя дѣла на свѣтѣ творятся также, какъ и самыя простыя и ежедневныя. И наша повѣсть разсказываетъ далеко не обыкновенное дѣло; но совершалось это дѣло въ теченіе многихъ лѣтъ, и совершалось какъ нельзя проще и обыкновеннѣе, что мы и увидимъ.

Прошло уже полгода стоянки 7-й мушкетерской роты въ селѣ Благодатскимъ, съ деревнями и приселками. Всѣ постояльцы обжились и коротко ознакомились съ своими хозяевами. А нашъ Илья Борисовичъ не только хорошо былъ знакомъ со всѣмъ приселкомъ, гдѣ обиталъ онъ, въ избѣ, рядомъ съ поручичьей квартирой, но и въ барской усадьбѣ онъ частенько въ людской кофеекъ попиваетъ. Это онъ почасту гоститъ у старушки Климовны, которая, обругавъ его дуракомъ послѣ перваго свиданія, понемножку такъ привязалась къ нему, что теперь и души въ немъ не слышала. За что?—неизвѣстно. Вѣдь старые люди причудливы. Да и свѣтленькая барышня не только здоровалась съ нимъ при встрѣчѣ, а даже черезъ няню посылала ему конфектъ да пирожковъ, которыхъ онъ прежде не то что не ѣдалъ, но даже и не видалъ. За что такая благодать?—тоже неизвѣстно.

Правда, что въ эти полгода Борисовъ значительно выпрямился, подтянулся и сталъ смахивать даже на плохаго ефрейтора. Правда и то, что по его усиленной просьбѣ, шлепанцы и башмаки Климовны всегда чинилъ капральный пригонщикъ аммуниціи—второй по всей ротѣ сапожникъ.

Но лѣто приходило къ концу; стало извѣстно, что барыня съ дѣтьми собирается на зиму въ Москву. Солдатамъ это было все равно, а Ильѣ Борисовичу вдругъ стало скучно, даже скучнѣе, чѣмъ поручику. Борисовъ все еще былъ не вполнѣ солдатъ, который всегда и хорошо знаетъ, что ему и дѣла нѣтъ до господской семьи и до барышень, поѣзжай они хоть въ Парижъ; Борисовъ продолжалъ быть мальчишкой, и, не разсуждая по-солдатски, заскучалъ, дѣйствительно, какъ балованный мальчишка.

Ему все думалось, авось барыня, по какому-нибудь нежданному случаю, не поѣдетъ, и его барышня, со старой няней, опять останутся на всю зиму, для его удовольствія.

— А не то, я вѣдь совсѣмъ изскучаюсь...

Разумѣется, онъ скрывалъ эту скуку свою, въ особенности отъ Петровича. И хорошо дѣлалъ, ибо, узнай Петровичъ, онъ бы задалъ такую скуку, что, дѣйствительно, хоть со свѣту бѣги отъ нея.

Digitized by Google

Но ужъ кого судьба учнетъ баловать, тому все въ руку; что ни задумаешь—все исполнится.

Не больше какъ за недѣлю до господскаго отъѣзда Женичка вдругъ занемогла; начала такъ кашлять, что докторъ объявилъ, что ей долго нельзя и на воздухъ выйти, — причинился *крупъ*, или *коклюшъ*; говоритъ, бѣда, если застудить! Барыня рѣшила оставить Женичку въ деревнѣ, впредь до выздоровленія. А няня Климовна стала проситься также освободить ее, по старости лѣтъ, отъ дальней дороги; при томъ же, говоритъ, и племянникъ пишетъ, что придетъ въ отпускъ на цѣлые три мѣсяца; а я-де его ужъ пятый годъ въ глаза не видала. Рѣшено оставить и Климовну. Все вотъ, что намъ съ Ильей Борисычемъ и надо! Ужъ истинно счастье;—везетъ человѣку!

И прежде всѣхъ узналъ объ этомъ рѣшеніи Борисовъ. Поручикъ какъ-то пошутилъ надъ нимъ:—что, братъ, повѣсилъ носъ?.. полно кофейничать,—уѣзжаютъ наши хозяева!

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше благородіе,—мои остаются,—отвѣтилъ онъ весело.

— Какъ такъ?

И онъ разсказалъ поручику о рѣшеніи барыни оставить Женичку и Климовну въ Благодатскомъ.

Дѣйствительно, въ одно прекрасное утро господа уѣхали; поручикъ провожалъ ихъ, а Борисовъ издали, съ трепещущимъ сердцемъ, глядѣлъ, какъ биткомъ набитая барынями карета и горничными бричка укатили изъ села.

Пожелалъ онъ имъ въ мысляхъ счастливаго пути, вздохнулъ, перекрестился и сейчасъ же повернулъ къ Климовнѣ.

Рѣдкій день послѣ того не навѣдывалъ онъ своей почтенной благопріятельницы, которая осталась полной хозяйкой въ опустѣломъ домѣ и приняла къ себѣ въ сожительство и услугу дѣвочку лѣтъ 12-ти, которую почему-то всѣ прозывали „Чумичкой“, хотя по христіански звали ее Дарьей. Борисовъ, чуть улучитъ свободное отъ службы время, тотчасъ спѣшитъ къ Климовнѣ. Тамъ, въ дѣвичьей, почасту сиживалъ онъ, разстегнувшись, какъ дома, у стола, по большей части, передъ кофейникомъ. И Климовна наливала ему чашку за чашкой, приговаривая:—гдѣ-то мой племянничекъ теперь и пьетъ-ли онъ хоть разъ въ недѣльку кофей, вотъ этотъ же?.

Некому было увѣрить Климовну, что племянникъ ея непремѣнно пьетъ кофе. Еще бы, гвардеецъ и молодчинище собой въ Питерѣ остался безъ кофею! Тамъ въ каждой кухнѣ рѣки кофею текутъ у кухарокъ и горничныхъ; большую барку спустить

Digitized by Google

можно, и она поплыла бы по всему тому кофею, который каждый день выпивается въ Питерѣ. Хватитъ его и на солдатскую долю,—стоитъ только отыскать какую-нибудь, хоть дальную, сродственницу. А и въ этомъ никакой мудрости и трудности нѣтъ, ибо нашъ братъ—всѣмъ братъ и, каждой сестрицѣ—братецъ, двоюродный, или около того. Если племянничекъ Климовны не совсѣмъ телепень, то непремѣнно пьетъ кофе.

Но не о томъ рѣчь; говорится о томъ, что Климовна, по добродѣтели своей, подчивала нашего солдатика въ той надеждѣ, что доброе дѣло не пропадетъ;—я, молъ, чужаго солдатика побалую тутъ, за то и моего племянника кто-нибудь побалуетъ тамъ, на чужой сторонѣ. И это совершенная правда. Балуй, тетушка! Извѣстно при томъ же, что во всемъ народѣ православномъ, помимо всякаго родства и свойства, течетъ особнякомъ еще одна житейская струя, это—струя солдатская. И всѣ, кого втянула судьба въ струю эту, живо снюхиваются другъ съ другомъ и сейчасъ же считаются *своими*.

Тетушка Климовна и барышня Женичка были—*наши*.

Приходя къ Климовнѣ, Борисовъ всякій разъ справлялся о здоровьѣ своей барышни. По мнѣнію старухи, никакой особенной болѣзни и не было у Женички;—а, вѣстимо, эти лѣшіе доктура изъ ничего болѣзнь сотворятъ: положи-ко и тебя на перину, да на Божій свѣтъ глядѣть не вели, да по часамъ давай ихнее зелье—небось, тоже крякнешь!

Какъ бы то ни было, барышня отлежала положенный срокъ и поправилась. Разъ, подъ вечеръ, Борисовъ принесъ Климовнѣ починенные въ капральствѣ теплые ея сапожки; въ дѣвичьей онъ засталъ и барышню. Сидѣла она съ няней и „Чумичкой“ у стола и громко читала какую-то книжку. Послѣ обычныхъ привѣтствій и поздравленій съ выздоровленіемъ, няня осмотрѣла сапожки, осталась очень довольна починкой, но не желала прерывать чтенія любопытной книги; въ ней описывалось кораблекрушеніе, изъ котораго одинъ только человѣкъ спасся, попалъ на необитаемый островъ и тамъ сталъ устраиваться.

Старинная и занимательная книжка эта извѣстна всѣмъ образованнымъ людямъ; называется она „Приключенія Робинзона Крузе“.

Женя пригласила Борисова послушать чтеніе и объяснила ему начало исторіи, которое было уже прочтено до его прихода.

Первый разъ въ жизни привелось Борисову слышать что-то не совсѣмъ похожее на сказку, но не меньше любопытное, какъ любая волшебная сказка. Женичка разсказывала просто и хо-

Digitized by Google

рошо, объясняя все, что казалось ему непонятнымъ. Въ книжкѣ были и картинки; барышня показала ему первую. Усиленно глядѣлъ на нее солдатъ, но молчалъ, и въ напряженномъ взорѣ его видѣлось недоумѣніе.

— Вы видите, какъ хорошо тутъ нарисовано? — спросила его барышня.

Онъ улыбался, какъ-то сожалительно, и молчалъ. Дѣвочка догадалась, что онъ плохо понимаетъ картинку и спросила:—ну, вѣдь вы видите же, что это?

— Человѣкъ, долженъ быть,—рѣшительно отвѣтилъ Борисовъ.

— Да въ чемъ же онъ?

— А въ перьяхъ, значитъ...

Барышня покатилась со смѣху; солдатъ покраснѣлъ; няня уставила на нихъ свои очи:—что ты, Богъ съ тобой! неужто-жъ въ перьяхъ?.. покажите на милость!

Женя не могла сдержать смѣху и показала нянѣ картинку въ книжкѣ. Тамъ былъ изображенъ спасающійся вплавь Робинзонъ; волны, нарисованныя, какъ обыкновенно, тоненькими черточками, штрихами, показались солдату перьями. Разумѣется, нѣтъ ничего удивительнаго, что безграмотный человѣкъ, увидѣвшій, можетъ быть, впервые, въ книжкѣ тонкій рисунокъ, не понялъ и не умѣлъ разглядѣть его. Даже Климовна, хоть и часто видала картинки, не совсѣмъ ясно понимала ихъ. Но барышню разсмѣшило то, что вообразилъ себѣ Борисовъ: — человѣкъ плаваетъ въ перьяхъ! Насилу уняла она свой дѣтскій, неудержимый смѣхъ.

Кое-какъ дѣло уладилось. Картинку объяснили сконфуженному солдату, и чтеніе продолжалось далѣе. Слушалъ Борисовъ внимательно и исподволь начиналъ понимать, входилъ во вкусъ и завлекался разсказомъ. Все яснѣе и отчетливѣе представлялись ему описываемыя картинки, все живѣе принималъ онъ участіе въ удачахъ и неудачахъ спасшагося мореплавателя. Уже почти часъ читала барышня; солдатъ не спускалъ съ нея глазъ, не проронилъ ни одного слова, и, наконецъ, когда барышня прочла, какъ истомленный и голодный Робинзонъ, бродя со страхомъ по необитаемому и пустынному острову, увидѣлъ деревья со вкусными плодами, то Борисовъ вдругъ произнесъ вполголоса:—ну, слава тебѣ Господи!—и на лицѣ его выразилось полное удовольствіе.

Это былъ первый въ жизни дѣльный урокъ нашему неотесанному герою. Правда, не разъ слыхивалъ онъ ротныхъ чтецовъ, весьма рѣдкихъ въ то малограмотное время; чуть что не

Digitized by Google

по складамъ читывали они и „Бову Королевича“, или „Франциля Венеціана съ распрекрасною Королевною Ренцывеной“, читывали и серьезныя, священныя книги — Псалтирь и Часословъ; но то было совсѣмъ другое чтеніе, ровное, однозвучное, безостановочное. Передъ слушателями, изъ устъ читателя, выходили слова, одно за другимъ, въ одну такту, точно, какъ шеренга рекрутовъ на смотру: другъ за другомъ, на шагъ дистанціи, тихимъ шагомъ!... Гудѣли эти ровныя слова не одно только то, что напечатано въ книгѣ, а гудѣли еще нѣчто свое, мало понятное, таинственное и даже немножко страшное. По десяти и двадцати человѣкъ разомъ, и всѣ не переводя духу, слушали это чтеніе по часу, и по два, всѣ и всегда оставались премного довольны этимъ трепетнымъ, однозвучнымъ гуденіемъ, и почти никто не понималь, о чемъ именно гудѣлъ читающій. Да и самъ-то читатель, тоже — за весьма рѣдкими исключеніями — едва-ли могъ бы разсказать то, что онъ читалъ такъ таинственно.

А тутъ читала маленькая дѣвочка, какъ-то просто до странности, точно будто не читала, а разсказывала. И хмурились ея бровки, и поднимался голосъ, когда она по книгѣ разсказывала о свирѣпой бурѣ морской; прибѣднивалось ея прекрасное личико, когда читала она объ истомленіи и голодѣ бѣднаго мореходца, и какой-то теплый свѣтъ разливался по этому дѣтскому лицу, когда въ разсказѣ, голодный морякъ, блуждая по острову, вдругъ находилъ себѣ нежданную вкусную поживу.

Все это было ново для нашего простячка; но сразу понравилась ему неиспытанная новость, искоркой заронилась она въ темную его голову и запала на сердце.

— Ай, хорошо, барышня! Вѣкъ бы слушалъ васъ, ваше высокоблагородіе!—говорилъ онъ, когда чтеніе кончилось.

— А вотъ, ты приходи послѣзавтра,—примолвила Климовна:—у насъ по субботамъ божественное читается.

Женичка повторила приглашеніе, и обрадованный Борисовъ попрощался до субботы.

Съ этого дня сталъ нашъ Илья Борисовичъ иногда задумываться; зашевелились у него кой-какія безотчетныя ожиданія; понемногу додумался онъ до той истины, что нельзя же, дескать, такъ оставаться на свѣтѣ, помышляя только о томъ, какъ бы поѣсть поплотнѣе, да выспаться, да натянуться хоть-бы какого-нибудь кофеишку, или еще хуже чего-нибудь. Запала ему въ голову счастливая мысль, какъ бы поучиться чему-нибудь, какъ бы пообразоваться маленько.

Недаромъ сказано:—„около пчелки—медокъ, около жука—

Digitized by Google

навозъ.“ Въ сообществѣ прекрасной и умной малютки солдатикъ нашъ невольно замѣтилъ свою грубоватость и невѣжество, весьма обыкновенное въ трудовомъ солдатскомъ быту, но вовсе не необходимое и очень исправимое при удобныхъ обстоятельствахъ.

Въ субботу, послѣ бани, надѣвъ чистое бѣлье, стянувъ и разгладивъ складки шинели своей, назудивъ пуговки и сапоги, Борисовъ молодцомъ явился въ комнату Климовны.

— Вишь ты, щеголь какой сегодня,—встрѣтила его старуха, взглянувъ на свѣжее—кровь съ молокомъ—лицо молодца.

И онъ пріосанился.

Вошла Женичка и тоже поглядѣла на него, какъ ему показалось, пристальнѣе прежняго. По обѣщанію, сѣли за книгу. Женичка спросила Борисова:—вѣдь вы знаете немножко Священную исторію?

— Никакъ нѣтъ-съ!

— Неужели совсѣмъ не знаете?

— Незнаю-съ.

— А Евангеліе вамъ читали когда-нибудь?

— Не могу знать, Евгенія Александровна,—отвѣчалъ онъ, запинаясь.

— Какъ же это можно?—промолвила тихо барышня, качая своей свѣтленькой головкой;—я вамъ прочитаю все.

— Сдѣлайте божескую милость!

Женичка улыбнулась и покраснѣла; она не слыхивала еще этого сердечнаго солдатскаго выраженія, *божеской милости*, которое, впрочемъ, употребляется безграмотными людьми до такой степени безъ разбора, что спроси иного—не хочешь ли водки?—онъ, пожалуй, отвѣтитъ:—сдѣлайте божескую милость!

Борисовъ, конечно, самъ того не понимая, на этотъ разъ выразился совершенно вѣрно: именно о *божеской* милости просилъ онъ ребенка, о просвѣщеніи разума его святымъ Евангеліемъ. И Женичка покраснѣла, можетъ быть, отъ душевнаго удовольствія, услышавъ, что человѣкъ ждетъ отъ нея *божеской милости*.

По обыкновенію, Климовна, въ своихъ очкахъ, усѣлась съ шитьемъ у стола, съ другой стороны приказано сѣсть гостю, а посрединѣ помѣстилась Женичка съ книгой.

Прежде чтенія она разсказала Борисову первыя три главы Евангелія, прочтенныя и Климовнѣ въ прошлую субботу; разсказала подробно о Рождествѣ Іисуса Христа, о поклоненіи

Digitized by Google

волхвовъ, о избіеніи Иродомъ младенцевъ и о путешествіи Святаго Семейства въ Египетъ.

Съ величайшимъ вниманіемъ слушалъ Борисовъ Святое повѣствованіе; все, что прежде, еще въ деревнѣ своей, слышалъ онъ отъ старыхъ богомольныхъ людей, или въ церковной службѣ—все припомнилось ему. Но еще въ первый разъ онъ услышалъ точное и внятное изложеніе божественной книги и сразу понялъ это мудрое и высокое ученіе, потому что оно доступно всякому, даже самому темному и неразвитому уму: въ устахъ же невиннаго и прекраснаго ребенка какою-то неземною чистотою звучало каждое слово святой книги. Плавно лилась ея тихая, пѣвучая и нѣжная рѣчь. Чуть дыша, слушалъ солдатъ; старуха набожно сложила на колѣняхъ сухія руки свои; и оба они глядѣли на ребенка.

Женя читала V главу:

„Блажени нищіи духомъ, ибо ихъ есть Царствіе небесное. Блажени плачущіе, ибо они утѣшатся. Блажени кроткіе, ибо они наслѣдуютъ землю. Блажени алчущіе и жаждующіе правды, ибо они насытятся. Блажени милостивые, ибо они будутъ помилованы. Блажени чистые сердцемъ, ибо они Бога узрятъ. Блажени миротворцы, ибо они нарекутся сыновьями Божіими"...

Какъ пѣніе херувима сладко звенѣлъ въ тишинѣ голосокъ малютки. Свѣтъ разливался сквозь кудри ея, наклоненной надъ книгою, головки и словно озарилъ ее лучами; умиленно и твердо произносила она святыя слова. Въ самомъ дѣлѣ, казалось, что благословеніе самого Учителя осѣняло учащихся Его божественной наукѣ.

V.

Почти каждый изъ насъ помнитъ въ своей жизни какой-либо случай, который имѣлъ большое вліяніе на всю нашу будущность. И непремѣнно съ каждымъ изъ насъ—хотя бы мы того и не помнили—были такіе случаи, которые совсѣмъ измѣняли обычное направленіе нашихъ мыслей и даже весь ходъ нашей дѣятельности, словомъ—измѣняли нашу судьбу. Немногіе, разумѣется, помнятъ всѣ обстоятельства, приключившіяся съ ними съ дѣтства,—по большей части люди не слѣдятъ и не наблюдаютъ за ходомъ собственной своей жизни даже въ зрѣлыхъ лѣтахъ,—но, если бы мы могли помнить, или записывали бы все, что случается съ нами замѣчательнаго, то для насъ было бы

Digitized by Google

ясно, почему именно мы стали такими, какими есть, почему жизнь наша сложилась такъ, а не иначе.

Иногда одна прочитанная книга, одна случайная бесѣда съ человѣкомъ, одинъ видѣнный примѣръ какой-нибудь—открываютъ намъ глаза и заставляютъ насъ идти по новому, лучшему пути, или же—ослѣпляютъ насъ и ведутъ къ паденію.

Субботнее чтеніе у Климовны было именно такимъ случаемъ, который навсегда измѣнилъ направленіе всей жизни Борисова. Онъ, конечно, остался тѣмъ же добрымъ и исправнымъ солдатомъ, какимъ былъ и до этого случая, но съ этого дня онъ уже окончательно понялъ необходимость поучиться уму-разуму, пообразовать себя немножко; прилѣпясь къ этой мысли, онъ ни на минуту не забывалъ ее.

Вотъ какъ случилось это.

Когда барышня окончила чтеніе Евангелія, то, закрывъ книгу, взглянула на Борисова. Богъ знаетъ, что выражало лицо его; только оно показалось ей такимъ грустнымъ и жалкимъ, что она захотѣла сказать ему что-нибудь отрадное и утѣшительное.

— Когда вы будете знать все Евангеліе, вамъ будетъ гораздо лучше.

— Нѣтъ, барышня!—отвѣтилъ ей солдатъ;—вотъ, вы изволили читать, и какъ это хорошо слушать васъ! Боже мой, какъ хорошо! А не будетъ васъ — и опять скучно станетъ, и, Господи, какъ скучно! Мы люди темные, сударыня; и хотѣлъ бы, да ничего, значитъ, не поможетъ...

И у ребенка мелькнула счастливая мысль.

— Да, хотите, я васъ выучу читать?—живо спросила она.

Борисъ вперилъ въ нее глаза.

— Можетъ ли это быть, Евгенія Александровна?

Няня тоже поглядѣла недовѣрчиво на ребенка.

— Да, непремѣнно выучу, только не лѣнитесь; а я точно также выучу, какъ и меня выучили; я все помню, какъ меня учили!..

Никто не отвѣчалъ ей на это.

— Непремѣнно выучу!—покрикивала барышня, напередъ восхищаясь своей новой учительской должностью.

Но ни Борисовъ, ни няня не раздѣляли ея восхищенія. Солдатъ думалъ:—гдѣ мнѣ выучиться—наше дѣло глупое! А няня подумывала:—гдѣ ей выучить—ея дѣло совсѣмъ ребяческое! Даша слушала съ улыбкой и съ удивленіемъ этотъ разговоръ. Однако, всѣ согласились, что надо попробовать: — авось, Богъ поможетъ!—на томъ и порѣшили дѣло.

У Борисова было три главныхъ покровителя въ ротѣ, кото-

Digitized by Google

рымъ онъ вѣрилъ безъ всякихъ разсужденій. Первый покровитель, и главная власть надъ его умомъ и сердцемъ, былъ его прежній *дядька*, ефрейторъ Онуфрій Ткаченко, малороссъ твердый, но немножко хитрый и себѣ на умѣ; второй покровитель—Петровичъ, деньщикъ поручика, натура добрая, прямая, но упорная и ругательная, и третій—самъ поручикъ Сухаревъ. Перваго онъ любилъ, втораго боялся, третьяго—любилъ и боялся.

Къ нимъ, по порядку, и обратился Борисовъ, съ несмѣлымъ докладомъ о намѣреніи своемъ учиться грамотѣ.

На пользу этой простой науки въ наше, старое время глядѣли очень различно: одни полагали, что грамотность — вещь очень полезная человѣку и служитъ къ его умственному совершенствованію; другіе думали, что грамотность есть чистый вредъ и служитъ къ окончательному мошенничеству.

Правду сказать, глядя на большинство прежнихъ грамотеевъ, трудно было и рѣшить, что лучше: грамотность, или безграмотность? И неудивительно было слышать о какомъ-нибудь преступникѣ мнѣніе въ народѣ и войскѣ: проходимецъ и мошенникъ первой руки—грамотей бѣдовый! Да и не въ одномъ народѣ и солдатствѣ,—это мнѣніе можно было услышать очень часто и въ обществѣ образованныхъ людей.

На докладъ Борисова о намѣреніи учиться грамотѣ, Ткаченко покрутилъ усы, подумалъ и только минутъ черезъ пять отвѣчалъ.

— Что я тебѣ скажу, братику?—не вѣдаю — вотъ и все!.. коли бы я самъ былъ грамотный—вѣрно сказалъ бы. А ты самъ приглядись: фельдфебель у насъ грамотный—по всѣмъ частямъ молодецъ и отмѣнный начальникъ; и писарь еще лучше грамотей, а безъ дули на лбу, либо на носу, чай, никто и не видалъ его, и черезъ день подъ присмотромъ... Ничего не знаю... самъ суди. Мнѣ сдается—попробуй, коли смѣлость имѣешь! — таково было мнѣніе Ткаченко.

Петровичъ, на докладъ Борисова, взялся подъ боки и поглядѣлъ такъ на солдата, что тотъ совсѣмъ оробѣлъ.

— Да какой же тебѣ еще пятой собачьей ноги надо? — возопилъ онъ,—ахъ ты, свинопасъ, недавній!..

И, предварительно обругавъ солдата на всѣ четыре корки, выкричавшись, зарядилъ носогрѣйку и началъ давать ему свои отеческія наставленія.

— Грамотный человѣкъ!.. А знаешь ли ты, что за птица—грамотный человѣкъ?.. Либо онъ тебя купитъ и продастъ всегда, когда ему угодно, либо самъ себя долженъ продать каждую ми-

Digitized by Google

нуту,—вотъ что такое грамотный человѣкъ!.. Сдѣлать билетъ, паспортъ, росписаться за начальство — все это онъ можетъ;— затѣмъ, что человѣкъ онъ сибирный. А хочешь жить по чести— другая бѣда: гдѣ счетъ, деньги, пріемка, приказаніе—въ первую голову—грамотный человѣкъ, ступай! Значитъ, всегда ступай! Мнѣ дали рубль—я принесъ невѣрно сдачи; мнѣ говорятъ—невѣрно!.. а я почемъ знаю,—нѣшто я грамотный? Тебѣ дали рубль—принесъ сдачи невѣрно;—ахъ ты, подлецъ, говорятъ, — вѣдь ты грамотный! Вотъ тебѣ и грамотный! А, впрочемъ—ступай, учись. Ну, а выучишься, такъ ужъ на меня не пѣняй: я тебѣ все сказалъ. Только помни, что потомъ, братецъ ты мой, разучиться ужъ нельзя: такъ и помирай съ грамотой своей. Вотъ и все!..

Борисовъ не совсѣмъ повѣрилъ Петровичу, но крѣпко задумался. Улучивъ удобное время, съ трепетомъ доложилъ о своемъ намѣреніи поручику.

— Вотъ это такъ дѣло!—крикнулъ поручикъ такъ, что нашъ любомудрый солдатикъ весь встрепенулся. Въ добрый часъ, молодецъ! на это благословляю тебя! — и поручикъ перекрестилъ ему лобъ.—Ты и теперь молодецъ, — прибавилъ поручикъ,—но молодецъ не полный, а полъ-молодца; а выучишься грамотѣ — за двухъ отвѣтишь! Съ Богомъ, учись!

— Покорнѣйше благодарю за отеческое наставленіе,—отвѣтилъ обрадованный Борисовъ:

— Кто же тебя учить будетъ?

— А барышня Евгенія Александровна.

— Ай да барышня! сегодня же пойду поблагодарю ее за это; вотъ такъ умница! Только ты, смотри, держись почище, пощеголеватѣе, не потѣй да не икай тамъ, понимаешь,—съ барышней будешь сидѣть...

— Понимаю, ваше благородіе!

— Ну, то-то.

На другой день поручикъ дѣйствительно отправился навѣстить нашу барышню. Посѣщеніе это произвело несказанный сумбуръ въ комнатѣ Климовны; такъ какъ парадное крыльцо было заперто наглухо, то поручикъ направился къ дѣвичьей, черезъ заднее крыльцо. „Чумичка“ забѣжала впередъ его и, ворвавшись въ дѣвичью, взвизгнула:—баринъ идетъ! — и кинулась убирать разное бѣлье да корзины. Климовна такъ испугалась и вздрогнула, что очки опять съ носу свалились.

— Ошалѣла ты! какой баринъ?

— Офицеръ идетъ!

Digitized by Google

Сухаревъ стоялъ на порогѣ и спрашивалъ:—а гдѣ барышня Евгенія Александровна? Можно ли ее видѣть?

— Можно, батюшка, ваше высокородіе, можно, Сергѣй Ивановичъ!.. только всѣ мы, прости Господи, ажъ безъ памяти!—пѣла Климовна.

И няня провела поручика въ комнаты.

Свиданіе это закончилось на томъ, что поручикъ, поблагодаривъ маленькую барышню за ласковую опеку ея надъ его подчиненнымъ, предложилъ самъ давать ей уроки музыки и разныхъ предметовъ, въ свободное время, котораго зимой у насъ довольно. Разумѣется, все это было принято съ дѣтской радостью и искреннею благодарностью. Сейчасъ же написали барынѣ въ Москву о такомъ предложеніи и стали приготовляться къ урокамъ.

— А ты, Даша, хочешь учиться? — спрашивала барышня „Чумичку“; но та комкала конецъ своего передника, вывертывалась и очень глупо улыбалась вмѣсто отвѣта.

— Выучишься грамотѣ—гляди, и „Чумичкой“ перестанутъ тебя звать,—отозвалась Климовна.

„Чумичка“ все еще какъ будто не вѣрила; но тутъ же рѣшено было учиться и ей вмѣстѣ съ Борисовымъ.

VI.

При всей простотѣ своей, Климовна хорошо понимала всѣ домашнія отношенія барскаго дома; она давно замѣтила, что сиротка Женя становилась какъ будто лишнею въ семьѣ. Дѣвицы росли, и хорошенькая Женя все больше и больше хорошѣла, а не очень смазливенькія дѣтки барыни слишкомъ замѣтно отставали отъ нея въ этихъ успѣхахъ. Климовна догадалась, что барыня не поторопится вытребовать въ Москву выздоровѣвшую Женичку и, вѣроятно, оставитъ ее на всю зиму въ деревнѣ. Такъ оно и случилось. И вотъ, въ барскихъ хоромахъ учредились, по этому случаю, двѣ школы разомъ: Женичка учила грамотѣ Борисова и Дашу, а поручикъ—училъ Женичку.

Время шло быстро; зима приходила къ концу. Нашъ Борисычъ, въ перегонку съ бывшею „Чумичкой“, нынѣ Дашей, уже отлично читаютъ безъ складовъ букварь, а по складамъ—какую угодно русскую книгу. Вся 7-я мушкетерская рота знала объ успѣхахъ Борисова; но, по тогдашнимъ понятіямъ, такія успѣш-

Digitized by Google

ныя упражненія все еще считались не болѣе, какъ позволительнымъ, хотя и не совсѣмъ надобнымъ баловствомъ.

Иногда, слушая его протяжное чтеніе, Ткаченко покручиваетъ усы и, прослушавъ, дѣлаетъ свое снисходительное замѣчаніе:— это, братику, все ничего,—отчего и не потѣшиться, пока ты справенъ по службѣ и ловокъ по фронту? — а, Боже тебя избави, пошатнешься въ чемъ-нибудь — ну, и пропалъ ты съ твоей грамотой!..

Петровичъ насилу привыкъ вѣрить, что Борисовъ дѣйствительно книгу читаетъ; сперва онъ считалъ это однимъ непристойнымъ морокомъ. Но, убѣдившись, что онъ въ самомъ дѣлѣ читаетъ, всетаки сомнительно покачивалъ головой, приговаривая:—не дочитался бы ты, гляди, до великаго сибирнаго художества! вотъ что!

Только поручикъ, проэкзаменовавъ его, былъ совершенно доволенъ, похвалилъ, шлепнулъ его по лбу книжкой и подарилъ ему четвертакъ.

— А учительница твоя,—сказалъ онъ Борисову,—такая дѣвица выйдетъ, что и не найдешь подобной: все понимаетъ! А играть начинаетъ такъ, что старшую барышню за поясъ заткнетъ!

— Дай Богъ ей и вашему благородію всякаго благополучія,— шепталъ солдатъ.

Но время шло быстро. Вотъ уже стаивалъ вешній снѣгъ, взгорки темнѣли землей, проглянувшей изъ-подъ ледяной коры, солнышко горѣло въ небѣ ярче; начинало пахнуть весной. Очень заскучалъ нашъ новый грамотей, безпокоилась и няня, да не слишкомъ радовалась и Женя, предвидя скорое возвращеніе сверстницъ своихъ; имъ было хорошо и безъ нихъ. Однако, дѣлать нечего,—весна, а съ нею и срокъ возвращенія барыни изъ Москвы, приближались.

Вдругъ, эстафетой барыня требуетъ въ Москву своего управляющаго и со всѣми деньгами, какія только есть въ имѣніи и въ его конторѣ...

— Вона что!—промолвила таинственно Климовна; —увидите, мои родные, что барынька къ намъ на лѣто не пріѣдетъ!..

И это было сказано при Борисовѣ. Схватилъ онъ свою шапку, да въ двери, и бѣгомъ припустилъ къ поручику. Запыхавшись, вбѣжалъ онъ нему въ комнату.

— Ваше благородіе! барыня изъ Москвы не пріѣдетъ на лѣто!..

— Право?.. жаль, братецъ, очень жаль! ну, ступай себѣ.

Digitized by Google

Борисовъ вытаращилъ глаза и вышелъ какъ ошпаренный;—онъ почему-то вообразилъ, что поручикъ тоже непремѣнно ужасно обрадуется этому извѣстію. Онъ думалъ, что барыня и всѣму свѣту мѣшаетъ точно также, какъ ему.

Какъ бы то ни было, однако черезъ нѣсколько дней извѣстно было доподлинно, что барыня на лѣто не пріѣдетъ въ свое село. Съ нею случилось очень обыкновенное барское происшествіе; прожила она въ Москвѣ зиму черезъ-чуръ весело, много танцовала, много кушала, по ночамъ не спала и такимъ образомъ разстроила свое здоровье. Послала за докторами, осмотрѣли ее и порѣшили:—вамъ, сударыня, никакія наши рецепты не помогутъ; а поѣзжайте съ Богомъ на теплыя воды, заграницу, ибо мы ничего съ вами не подѣлаемъ...

Затѣмъ, черезъ недѣльку, и поручикъ получилъ отъ нея письмо, въ которомъ она описывала свое несчастіе, благодарила его за участіе къ сироткѣ Женѣ и просила—если это удобно—переселиться совсѣмъ въ барскій домъ и принять его въ свое распоряженіе до ея пріѣзда, или до выхода полка, если это случится, на другую стоянку

На этотъ разъ и поручикъ остался премного доволенъ такимъ извѣстіемъ, тѣмъ болѣе, что барская усадьба расположена была какъ разъ на серединѣ между обоими отдѣленіями его взвода. Дня черезъ два поручикъ уже перебрался на мызу со всѣмъ своимъ небольшимъ штабомъ. Къ этому штабу принадлежалъ и Илья Борисовъ. По протекціи Климовны, его помѣстили во ста шагахъ отъ усадьбы, въ чистой избѣ огородника Родіона, кума старой няни.

Барскій домъ значительно оживился вслѣдствіе этого переселенія. Почти каждый день въ стѣнахъ его происходило обученіе; въ дѣвичьей гудѣло громогласное чтеніе Борисова и писклявое Даши, прерываемое нѣжнымъ пѣвучимъ голоскомъ маленькой учительницы; въ покояхъ почасту раздавались трели поручичьей скрипки и барышниныхъ фортепіанъ, не то—твердый голосъ поручика, объяснявшаго барышнѣ то ариѳметику, то географію, а иногда и составныя части и силу пороха, и прочія любопытныя вещи, не исключая даже кровопролитныхъ сраженій. Въ домѣ была богатая библіотека; у всѣхъ времени было довольно; охоты цѣлая пропасть,—чего же больше? Знай-читай, да набивай молодыя головенки добрымъ запасомъ всякаго знанія,—все пригодится въ свое время; еще никто не жаловался на то, что *много* знаетъ, а о томъ, что *мало* знаетъ—не разъ люди даже плакивали очень горько.

Digitized by Google

Но не будемъ слѣдить за работами и успѣхами нашихъ почтенныхъ школьниковъ. Охочее дѣло, разумѣется, идетъ скоро: они умнѣли не по днямъ, а по часамъ; имъ и книги въ руки. При томъ же, еще неизвѣстно, что изъ всего этого выйдетъ, и мы не намѣрены противорѣчить цѣлой храброй ротѣ. А храбрая 7-я мушкетерская поголовно думала такъ:—ну, развѣ виданное дѣло, чтобы дѣвчонка, хоть бы и барышня, и штабъ-офицерская дочь, дѣйствительно *выучила* совсѣмъ дурачка почти, рекрута?—ни въ жизнь!.. Конѣчно, худого въ этомъ нѣтъ—пусть забавляются; ей же пристойнѣе, по отцѣ, держаться нашего брата. А только наука, братецъ ты мой, никакая безъ поту, безъ притуги и безъ всякаго бою не дается! Это всякій дуракъ знаетъ!..

И мы съ этимъ выводомъ совершенно согласны,—въ самомъ дѣлѣ, знаетъ.

Замѣтимъ кстати еще два обстоятельства: первое, что поручикъ нашелъ въ маленькой ученицѣ своей большія способности и такое прилежаніе, что самъ пристрастился къ ней искренно, и, казалось, трудно было бы рѣшить, кто изъ нихъ ревностнѣе,—онъ ли училъ, или она училась?

А второе—онъ ни на минуту не забывалъ, что ученица его—сирота, да еще дочь храбраго человѣка.

Сирота — чинъ печальный, но очень важный. Отчего, при взглядѣ на осиротѣлаго ребенка, у каждаго сколько-нибудь добраго человѣка, шевельнется что-то подъ сердцемъ, даже на самое суровое лицо выступаетъ жалость?.. Что такое сирота? Вѣдь мы безпрестанно видимъ, что многимъ сиротамъ гораздо лучше живется на свѣтѣ, нежели очень и очень многимъ дѣтямъ при убогихъ, или нищихъ родителяхъ, и всетаки говоримъ: — это сирота!—и почему же это жалостью отзывается въ нашемъ сердцѣ? Потому, что сирота, лишившись отца и матери, лишается самаго высокаго блага, которымъ Богъ надѣлилъ всѣхъ безъ изъятія дѣтей на землѣ; это благо даетъ силу младенческой немощи, гонитъ отъ ребенка всякую печаль, приноситъ ему нѣгу и веселіе попеченіемъ, ласками—оно уравниваетъ жизнь ребенка самаго убогаго батрака съ жизнію, рожденнаго во дворцѣ, дитяти.

Святое благо это *родительская любовь*. Ея-то и нѣтъ у сироты! Больше этого отнять у него нельзя;—лишится онъ богатства, даже способностей, ума, здоровья — любовь матери замѣнитъ ему все; чѣмъ безпомощнѣе, хилѣе ребенокъ, тѣмъ живѣе и горячѣе пылаетъ это божественное чувство въ груди матери.

И ни одинъ ребенокъ подъ крыломъ матери своей никогда не позавидуетъ ни счастію, ни здоровью, ни уму сверстника

Digitized by Google

своего; но нѣтъ сироты, который, глядя на материнскія ласки къ ея дитяти, не вздохнулъ бы, не потупился бы...

Такъ глубоко, неисцѣлимо и безнадежно грустное чувство сиротства!...

Да зато же, съ другой стороны, какимъ плутишкой, вострякомъ и сорви-головой глядитъ почти каждый сиротка! Какъ спозаранку пріучается онъ самъ справляться, безъ всякой посторонней помощи, со всѣми своими мелкими дѣлишками! Какъ самъ умѣетъ устроить себѣ изъ ничего великую радость, и какъ ловко отбояривается даже отъ неизбѣжной печали!

И сколько ихъ есть, этихъ шустрыхъ, замысловатыхъ и пребойкихъ ребятишекъ-сиротокъ, впослѣдствіи твердыхъ, дѣльныхъ и безтрепетныхъ людей, которые, можетъ быть, избаловались бы, изнѣжились и въ конецъ разслабли бы при своихъ, любящихъ безъ мѣры, поблажающихъ и слѣпо-преданныхъ имъ, родителяхъ!

Женичка была прекрасный, добрый безпечный ребенокъ; но сквозь эту безпечность просвѣчивала порой какая-то дѣтская заботишка и затаенная грусть; въ шаловливости ея было подчасъ что-то серьезное, самостоятельное и не по лѣтамъ умное.

Въ силу обоихъ вышесказанныхъ обстоятельствъ, поручикъ любилъ ее безъ ума; Климовна еще прежде его любила ее безъ памяти; а Борисовъ—тотъ только что не молился на нее, какъ на образъ.

Слѣдовательно, дѣла шли у нихъ какъ нельзя и желать лучше.

И такъ шли дѣла что-то ужъ очень долго, а барыни изъ-заграницы нѣтъ какъ нѣтъ! Видно, и тамъ ей хорошо

— Дай, Богъ, тамъ ей еще лучше!—молился Борисовъ...

Между тѣмъ прошла зима, а за ней и лѣто; и опять пришла зима, и оканчиваюсь другое лѣто,—7-я мушкетерская была въ лагерномъ сборѣ. Ее ожидали на дняхъ на квартиры, и особенно ожидали въ барскомъ домѣ села Благодатскаго.

VII.

Не успѣли журавли отлетѣть въ теплые края, а ужъ въ село Благодатское пришли квартирьеры; и въ одинъ прекрасный вечеръ, по липецкой дорогѣ загудѣли басы и подголоски,—7-я мушкетерская валила домой съ пѣснями.

Ребятишки и старье высыпали на улицу, навстрѣчу.

— А, здорово, родненькіе, желанные, такіе-сякіе, усатые,

Digitized by Google

очень хорошіе!.. Соскучились мы, васъ дожидаючи, — давно табачкомъ не пахнетъ!

— А мы-то къ вамъ на крыльяхъ летѣли—каблуки растеряли.

И пошли привѣтствія.

И вотъ, опять по избамъ установились старые порядки; въ переднемъ углу, на гвоздикѣ, мундиръ съ шапкой, въ сѣняхъ ружье въ чехлѣ подъ аммуниціей, на завалинкѣ самъ кавалеръ съ носогрѣйкой, а за ужиномъ—стукъ въ окно:—приказаніе!

— Тсс-съ, молчи! не мѣшай слушать!—всѣ ложки остановились, и мальчишка въ люлькѣ ревѣть пересталъ — прислушивается и косится на темное окно...

— Ни-шкни, Сенька! за тобой пришли,—шепчетъ ему матка; а онъ, какъ волченокъ, зарылся носомъ въ свою подушку и со страстей всю рубашенку стянулъ на голову.—Эй, ни-шкни!..

Все по старому въ ротѣ, только командиръ новый. Капитанъ произведенъ въ маіоры, и поручикъ Сухаревъ ротой командуетъ, живетъ уже на ротномъ дворѣ и только изрѣдка навѣдываетъ свою ученицу. Да и Борисовъ въ гору пошелъ—ужъ стоитъ въ спискѣ ефрейторовъ и живетъ въ приселкѣ, на первой своей квартирѣ. Но чуть улучитъ часокъ—опять по старому: бѣжитъ къ Климовнѣ на кофеишко и къ барышнѣ на урокъ.

Чему бы кажется больше и учиться человѣку?—читаетъ какъ дьячекъ и пишетъ какъ секретарь; всѣмъ рекрутамъ домой грамотки строчитъ, а въ лагеряхъ, чуть писарь загулялъ, такъ Борисовъ же и строевой рапортъ такъ намахаетъ, что только читай! Полный грамотей.

Но барышня Евгенія Александровна увѣрила его, что надо еще учиться, что наукѣ и конца нѣтъ.

Что за прорва эта наука! Одно слово:—вѣкъ живи, вѣкъ учись, да, пожалуй, и помрешь дуракомъ. Уже онъ давно разсматривалъ въ библіотекѣ господской шкапы, полные книгъ.

— Господи! сколько люди понаписали!—голова у нихъ не болитъ... Неужто же можно все это прочесть одному человѣку?—спросилъ онъ невольно барышню.

Она засмѣялась и обѣщала ему давать самонужнѣйшія книги и даже нѣкоторыя читать вмѣстѣ съ нимъ.

Какой-то мудрецъ сказалъ, что нѣтъ человѣка несноснѣе того, который прочелъ одну только книгу. Но всѣ мы, грѣшные грамотеи, перебыли эту несносность. И, дѣйствительно, прочитавъ первую въ жизни книгу, Богъ вѣсть что вообразитъ человѣкъ о своей премудрости; судитъ и рядитъ обо всемъ на свѣтѣ вкось и вкривь,—и никто съ нимъ спорить не смѣй; ему

Digitized by Google

кажется, что онъ чуть что не умнѣе всего свѣта. Но чѣмъ больше книгъ читаетъ человѣкъ, чѣмъ больше пріобрѣтаетъ свѣдѣній, тѣмъ основательнѣе убѣждается, что онъ мало знаетъ, тѣмъ усерднѣе ему хочется узнать больше, и онъ становится все скромнѣе и воздержнѣе въ своихъ сужденіяхъ.

Разъ понялъ человѣкъ эту истину, разъ убѣдился въ ней, онъ уже перешагнулъ за черту, отдѣляющую невѣжество отъ истиннаго образованія, онъ уже поставленъ на вѣрный путь образованія.

Перевести темнаго, невѣжественнаго человѣка за эту черту, поставить его на этотъ путь—это, разумѣется, трудный подвигъ. И, кажется, нельзя не удивляться, какъ могъ такой ребенокъ, какъ Женичка, совершить этотъ подвигъ. Однако это было очень просто и естественно.

Между учителемъ и его ученикомъ всегда существуетъ *точно такая же связь*, какая есть между *дающимъ* и *принимающимъ* даяніе. Кто даетъ добровольно, охотно, любезно, у того принимаютъ съ радостію и искреннею благодарностію, и принятое пойдетъ въ прокъ Отсюда и вышла вѣрная пословица — „не жалѣй даючи, а то въ прокъ не пойдетъ“. Дающаго образованіе, науку, воспитаніе, еще ближе можно сравнить съ кормилицей, питающей ребенка. Лучше всѣхъ исполняетъ это благодѣяніе сама мать именно потому, что она любя питаетъ его и переливаетъ въ него тоже самое чувство, любовь.

Такое же чистое, взаимное чувство случайно сблизило барышню съ нашимъ солдатомъ. Какъ все чистое и свободное, оно, естественно, росло и усиливалось и въ дѣтской прекрасной душѣ ребенка, и въ мягкомъ, неиспорченномъ сердцѣ неразвитаго и покорнаго мальчишки. Такое ученье не могло быть безплодно.

Конечно, для учителя необходимо еще и умѣнье, искусство учить; но вѣдь и искусство дается всѣмъ свободно любящимъ, усердно желающимъ его. Женичка пріобрѣла это искусство, уча Борисова.

И онъ не только образовался, а совсѣмъ перевоспитался въ сообществѣ благовоспитаннаго ребенка; въ эти три года его нельзя было сравнить съ тѣмъ, что онъ былъ прежде. Но никто особенно не занимался этимъ сравненіемъ; только поручикъ ясно видѣлъ такое чудесное перерожденіе неотесаннаго молодца и не безъ удивленія глядѣлъ на его маленькую учительницу.

Извѣстно, что развитому человѣку всякое дѣло дается въ

Digitized by Google

десять разъ легче, нежели необразованному; — Борисовъ былъ лихой фронтовикъ и зналъ службу превосходно.

Не даромъ старикъ Ткаченко, выправляя на одиночкѣ новыхъ плямешей своихъ, серчая приговаривалъ иногда:—постой, братику!.. изъ такой же соломы вымолачивали мы и ефрейторовъ!—и поглядывалъ на Борисова. Одно только не совсѣмъ нравилось старику въ бывшемъ племяшѣ, что онъ ужъ черезчуръ молодъ былъ, жидковатъ.

Фельдфебель тоже не разъ замѣчалъ ему: — плохо у тебя, Борисовъ, усы ростутъ,—совсѣмъ отстали, братъ!

А они у него только еще пушились.

Вообще, видно было, что нашего ефрейтора заѣдалъ одинъ только порокъ, молодость. Въ прежнее время это считалось въ самомъ дѣлѣ недостаткомъ; — будь хоть ты семи пядей во лбу, а усовъ нѣтъ — еще глупъ, говорятъ. Да и точно, среди бывалыхъ, опытныхъ усачей, изъ которыхъ многіе дотягивали свой 20-й годъ службы, безусый, двадцатилѣтній мальчишка поневолѣ казался глупъ.

Приближалась зима 1848 года. На ротномъ дворѣ заново перебирали и мшили большой сарай, отданный обывателями подъ манежъ; ротные маляры замѣшивали известь, готовились класть печи; каптенармусъ хлопоталъ надъ окончательнымъ устройствомъ цейхгауза; уже стлали на немъ подъ гребень новую соломенную крышу, ротную баню осыпали землею. Бездѣлица оставалась работы—и весь ротный дворъ снаряженъ противъ какой угодно зимы.

Иди хоть *французская*, двѣнадцатаго года—7-я мушкетерская рота готова!

Вдругъ—Петровичъ заговорилъ со стариками нѣчто неясное, но саморугательнѣйшее до дикости; вѣстовые изъ штаба принесли что-то еще хуже: цесарецъ и венгерецъ—кто-то кого-то колотитъ такъ, что чертямъ тошно, а за что—неизвѣстно! А тутъ фурштатъ, верхомъ изъ штаба, пріѣхалъ съ бумагой къ поручику; и плотниковъ, и маляровъ отъ манежа разогнали по капральствамъ.

Понасупилися старики, корневики ротные, и стали скупы на слово, заважничали...

— Да неужто же, дядюшка, походъ?.. отчего же по сю пору приказа нѣтъ?—допрашиваетъ молодежь.

— А тебя не спросили, и забыли,—отвѣчаетъ бакенбардистъ.

Старикъ-хозяинъ прикинетъ слово и тоже подтверждаетъ, что

Digitized by Google

ужъ коли старый солдатъ говоритъ, такъ это все тоже, что „самъ приказъ"!—Ужъ сколько я запримѣтилъ на вѣку,—говоритъ;—молодежь учнетъ болтать—ну, болтаетъ, болтаетъ, и все вретъ, ничего не выходитъ, а старый солдатъ разъ сказалъ — какъ отрѣзано: такъ тому и быть!

Бакенбардистъ только покрякиваетъ съ удовольствіемъ и, поплевывая, куритъ свою носогрѣйку. А старикъ-хозяинъ тѣмъ пуще подсыпаетъ ему пріятныя рѣчи.

— Это все то-жъ, какъ, не къ худу сказать, щенки вотъ, и ахъ какъ по ночамъ заливаются, — а ты спи, затѣмъ, что брехня пустая, значитъ,—проснется и брешетъ, ни къ чему, въ потьму лаетъ. А старый песъ брехнетъ—и слушай, безпремѣнно не даромъ брехнулъ: али звѣря, али вора слышитъ. Вотъ что!

— Истинно такъ,—ворчитъ бакенбардистъ, весьма довольный, что похвалили, какую ни на есть, хоть собачью, старость.

И похвалили ее не даромъ; пришло приказаніе изъ полкового штаба:—„немедленно, съ полученіемъ сего, представить въ штабъ на смотръ, въ боевой аммуниціи, самыхъ отборныхъ и и способнѣйшихъ ефрейторовъ, по четыре человѣка съ роты".

— Дѣло ясное!—буркнули старики:—походъ на носу!..

Въ числѣ ефрейторовъ пошелъ и Борисовъ.

— Молоко не обсохло, а тоже — *отборный*, поди! — опять проворчали старики, смекая, зачѣмъ требуютъ отборныхъ.

Но Ткаченко прикинулъ слово: — чули вы, братцы, сказку, якъ молодой песъ стараго волка заѣлъ?—Надо быть, отборный песъ былъ!

И всѣ согласились и даже одинъ отозвался, что нынче, молъ, вообще что-то начинаютъ считать „не по годамъ, а по ребрамъ?"

Не успѣли *отборные* выступить въ штабъ, какъ потребовали фельдфебелей—и грянула вѣсть о походѣ. На ротномъ дворѣ закипѣло, да и въ капральствахъ пузырьки поскакивали;—всѣ готовились къ походу.

Роты были некомплектны, рядовъ 25 во взводѣ, (тогда былъ трехъ-шереножный строй); но стало извѣстно, что человѣкъ по 20—30 въ роту молодежи примкнутъ къ полку на маршѣ изъ резервовъ. И унтеръ-офицеровъ былъ недочетъ въ каждой ротѣ, въ томъ числѣ и въ 7-й мушкетерской.

Не прошло трехъ дней, отборные ефрейторы вернулись въ ордту съ приказомъ по полку, — всѣ произведены въ унтера. А Борисовъ прибылъ совсѣмъ готовъ: землякъ, полковой каптенар-

Digitized by Google

мусъ подарилъ ему новехонькіе галуны; молодецъ еще на вершокъ выросъ.

Поручикъ поздравилъ новыхъ чиновниковъ; по капральствамъ пошли поздравленія своимъ чередомъ; старики требовали „спрысковъ“, — дѣло безотказное. Безъ этого, говорятъ, галуны скоро линяютъ, выгораетъ позолота. Поручикъ приказалъ Борисову прійти къ нему завтра, послѣ обѣда.

Въ сказанный часъ онъ явился на поручичью квартиру. Петровичъ на порогѣ чистилъ походный самоваръ.

— Доложите, Петровичъ!

— Какъ же скоро надо! Поручикъ почиваютъ, вотъ что! — ворчалъ Петровичъ.

— Подожду.

— А ужъ подождешь!—ворчалъ деньщикъ, пошмаргивая самоваръ и, помолчавши, опять началъ:—вотъ вы и—сударь, въ чины произошли! Вотъ, ужъ и два дни старшинства минетъ; а, небось, „вспрыснулъ“, что-ли?... а тоже—доложи, Петровичъ! а?..

— Твое не ушло, Петровичъ,—поспѣемъ!

— То-то—не ушло... Теперь поспѣемъ! А давно-ли, поди, поступилъ въ роту совсѣмъ—съ дозволенія сказать—поросенкомъ? Тогда, небось, дядюшка ногу стеръ, дядюшка Петровичъ, слабъ всѣмъ корпусомъ! да еще—Ермолай Петровичъ! А кто тебѣ—то чаишку нальетъ, то супцу плеснетъ?—все тотъ же Петровичъ!.. А теперь, вишь ты, золотомъ обшился!..

Борисовъ улыбался:—я же вамъ всегда и останусь благодаренъ, не забуду добра!..—промолвилъ онъ.

— Такъ мнѣ твоя, сударь, благодарность и надобна,—небось, помру безъ нея!.. Скоро 20 лѣтъ служу, а этакой оказіи не было! поглядись на себя,—вонъ, юнкеръ, полковничій сынъ,—а усы больше твоихъ... Вѣдь, не во гнѣвъ, мальчишка—и тоже, въ тесакъ нарядился. А въ пору бы вашему брату—на рѣчку, со шваброй! ась, какъ думаете?

— Я и отъ нея не отказывался. Да за что, братъ Петровичъ, ты не долюбливаешь меня?

— А кто тебѣ это сказывалъ?.. Я къ тому говорю, что не законъ, значитъ; по мнѣ хоть ты себѣ въ прапорщики выходи,—дай тебѣ Богъ! А только, извѣстно, старымъ-то людямъ на тебя смотрѣть, самъ знаешь, ужъ прослѣпило начальство на этотъ разъ,—вѣдь ужъ на меня же не осерчаете,—одно слово—глупъ еще! аль не правда?

Борисовъ покраснѣлъ, разумѣется, больше отъ удовольствія, и деньщикъ остался этимъ доволенъ.

Digitized by Google

— Кто тамъ?—послышался изъ избы голосъ поручика.

— Сейчасъ!—отозвался протяжно Петровичъ, не торопясь всталъ, безъ всякой надобности заглянулъ сперва въ дверь хозяйской избы на тѣхъ же сѣняхъ, только затѣмъ, чтобы помедлить, потомъ потянулся, зѣвнулъ и насилу пошелъ къ поручику.

— Доложите,—шепнулъ Борисовъ.

— Поспѣешь!—буркнулъ деньщикъ и хлопнулъ дверью.

И все это ненужное грубіянство производилъ онъ такъ-себѣ, здорово-живешь, только для того, чтобы придать себѣ побольше важности. Онъ не подозрѣвалъ, что и безъ того всѣ любили бы его, какъ честнаго и исправнаго человѣка.

Поручикъ позвалъ Борисова и, собравъ всѣ свои ноты, приказалъ отнести ихъ къ Евгеніи Александровнѣ и сказать, что онъ непремѣнно явится къ ней попрощаться.

Нашъ унтеръ чуть не бѣгомъ побѣжалъ на барскій дворъ.

Не совсѣмъ спокойно вошелъ онъ къ Климовнѣ. Радостно ахнула она, увидѣвъ своего любимца, и не могла надивиться, съ чего это онъ такой „праздничный?“ Она не сразу разглядѣла его галуны;—„что это на тебѣ, нѣшто мундиръ другой?“

— Да, я произведенъ въ унтеръ-офицеры, Настасья Климовна!

— Въ офицеры!—крикнула старуха и со всѣхъ ногъ кинулась въ покои.

Евгенія Александровна впорхнула въ дѣвичью и съ разбѣгу едва остановилась посреди комнаты; она чуть было не кинулась на своего ученика. Новый чиновникъ подошелъ къ ней къ ручкѣ; она вся вспыхнула.

— Поздравляю васъ,—вы произведены, Илья...

— Покорнѣйше благодарю, Евгенія Александровна.

И Борисовъ глядѣлъ на нее тоже почти съ удивленіемъ: она сама, казалось, была произведена въ какой-то неизвѣстный, но изумительно-прекрасный чинъ. Она выросла, кудри ея взбились пышнѣе, глазки очертились выразительнѣе и, видимо, начинали круглѣть дѣтскія плечики и грудь красавицы...

— Ну, батюшка ты мой, Илья Борисычъ!—запѣла старуха Климовна, разглядывая унтера,—не знаю, какъ величать тебя,—Царь-то тебя пожаловалъ, а только же и барышня моя, чай, причинилась маленько къ милости царской! какъ ты думаешь?

Женичка сгорѣла съ этихъ словъ, а Борисовъ еще подбавилъ огня.

— Вѣкъ не забуду, Евгенія Александровна, какое благодѣяніе вы оказали мнѣ...

Digitized by Google

Она юркнула отъ нихъ въ дверь.

— Вишь ты, ангелъ-то какой,—прошептала няня.

Борисовъ подтвердилъ эту правду.

Дѣло, разумѣется, не обошлось безъ кофе; и въ концѣ концовъ онъ вручилъ-таки самой барышнѣ ноты отъ поручика.

— Вы придете еще попрощаться?—спросила Женя.

Въ глазахъ ея была грусть, уже не похожая на ту, которою омрачаются прелестныя дѣтскія личики при видѣ разбитой любимой куклы или игрушки. Она протянула ему рученку, чтобы дружески пожать его крѣпкую руку, а онъ опять поцѣловалъ эту рученку.

— Ужъ позвольте до самаго похода приходить... промолвилъ онъ.

— Да, непремѣнно.

Онъ ушелъ.

Еще по крайней мѣрѣ разъ десятокъ послѣ этого онъ былъ у своихъ благопріятельницъ. Поручикъ тоже пріѣзжалъ проститься. Уже назначенъ былъ день выступленія, въ 5 часовъ утра.

Наканунѣ, вечеромъ, явился Борисовъ на послѣднее прощанье...

Мысль, что это послѣднее прощанье, въ самомъ дѣлѣ и скорѣе всего, могло быть „послѣднимъ“ въ жизни прощаньемъ мелькнула въ умахъ всѣхъ прощающихся.

Случайные друзья и пріятели разстаются легко, особенно когда они не должны другъ другу:—прощай, дружище! что-жъ дѣлать, на вѣки прощай!—и все тутъ.

Но между нашими друзьями были такія безкорыстныя одолженія, которыя не уплачиваются никогда. Поэтому прощанье ихъ было безотрадно-грустно и, не смотря на привычку другъ къ другу, какъ-то застѣнчиво; они не находили словъ на прощанье.

Борисовъ попросилъ позволенія писать къ ней,—она очень обрадовалась этому и обѣщала отвѣчать на его письма.

Наконецъ, Борисовъ всталъ, перекрестился на образъ; Климовна захлипала въ передникъ. Онъ попрощался съ барышней, потомъ обнялъ старуху, цѣловалъ ее какъ мать. И, когда уже отвѣсилъ послѣдній поклонъ, собираясь выйти, Женичка вдругъ, не по-дѣтски твердо подошла къ нему, сняла съ своей шеи серебрянный образокъ на снуркѣ, молча надѣла его на шею солдата, безъ всякой застѣнчивости поцѣловала его прямо въ уста и осѣнила крестомъ.

Двѣ слезы сверкнули въ глазахъ Борисова, а Женя ушла, закрывъ лицо платочкомъ.

Digitized by Google

Няня глядѣла ей вслѣдъ, и плачущее лицо ея точно окаменѣло въ изумленіи и умиленіи...

VIII.

Освѣжающая и отрезвляющая вещь—походъ; все, что въ роскошной стоянкѣ маленько расползлось и обабилось, все подтягивается и крѣпнетъ на походѣ. Конечно, первое время—переходовъ пятокъ—особеннаго удовольствія не ощущается: ранецъ немножко оттягиваетъ плечи,—все кажется, что кто-то колѣномъ уперся тебѣ между лопатокъ и гнетъ къ себѣ,—сапогъ ѣздитъ на пяткѣ, впившись въ мозоль на маломъ пальцѣ, а портянка норовитъ свернуться рубцомъ черезъ подъемъ; ружье все просится съ плеча на плечо и даже „отъ дождя“. Вся твоя амуниція какъ будто сговорилась надѣлать тебѣ непріятностей и грубостей, вродѣ ссадинъ и мозолей. Но—человѣкъ основательный и строгій—ты скоро приведешь ее въ порядокъ и повиновеніе: ранецъ уложишь поспособнѣе, мягкими вещами къ спинѣ, въ сапогъ сунешь соломенную стелечку, а портянку попробуешь обвернуть около ступни поплотнѣе, ружья слушать не будешь,—оно тебя пусть слушаетъ. И пойдешь ты точно за городъ, на прогулку, въ свободное время, точно будто путешествуешь, для осмотра различныхъ путей и прекрасныхъ мѣстоположеній, или для наблюденія нравовъ и обычаевъ: какъ, молъ, тамъ живутъ въ такой-то губерніи, и какъ въ такой-то, а наконецъ—какъ поживаютъ хоть бы и за границею?

Все это теперь, почитавъ немножко книжекъ, разумѣется, очень любопытно.

Стоитъ, напримѣръ,—все равно съ чего ни начать,—какой-нибудь городъ Цареградъ, цѣлая столица, и безъ церквей, а все каланчи; по улицамъ ходятъ женщины—и безъ лица, а все тряпочки на носу. На часахъ стоитъ солдатъ, и безъ сапогъ, а въ туфляхъ и притомъ навѣрное неизвѣстно, дѣйствительно ли солдатъ? А, можетъ быть, и комедіантъ, только прикинулся солдатомъ.

Попробовать бы его, думается, какой онъ выкинетъ артикулъ?.. Все это чрезвычайно любопытно.

И когда проперъ ты верстъ 500, да еще 500, то ужъ третье 500 въ 500 и не покажутся; а дальше и считать не приказано. Дальше не говорится:—„дивизія прошла столько-то верстъ“, а просто—„дивизія двинулась по направленію...“ и проч.. и проч.

Digitized by Google

Тутъ ужъ главное — *направленіе*. И главное достоинство этого направленія—впередъ; хотя, конечно, случается и въ полъ-оборота, но ни какъ не „налѣво кругомъ“. Но ужъ это дѣло тактики, тутъ только къ слову пришлось.

Говоря вообще, походъ — дѣло очень пріятное и полезное. Очень давно былъ у меня дядька, человѣкъ — вѣчная ему память—точно изъ камня вытесанъ, и георгіевскій кавалеръ. Онъ всю жизнь человѣческую раздѣлялъ только на три похода: — первый походъ—на Божій свѣтъ, второй — противъ непріятеля, и третій—на погостъ; а остальное все—одна тамаша, говоритъ, провожденіе времени, и только.

И объяснялъ онъ эти походы вѣрно: — въ первый походъ плохо тому, кто посылаетъ тебя, во второй—плохо тому, на кого посылаютъ тебя, а въ третій — плохо тебѣ самому, — конецъ!

Наша рѣчь—о *второмъ* походѣ; 7-я мушкетерская, въ числѣ прочихъ, посылалась въ помощь Австріи, на усмиреніе венгерца. Этотъ походъ кончился, разумѣется, точно такъ, какъ говорилъ мой дядька. Но не станемъ забѣгать впередъ и будемъ слѣдить за нашимъ героемъ.

Нигдѣ такъ ярко не выказывается достоинство человѣка, какъ въ дѣлѣ серьезномъ, на практикѣ, выходящей изъ колеи обычной жизни. На кантониръ-квартирахъ заведена нехитрая машина, и все идетъ, какъ по писанному, сегодня какъ вчера. Но походъ военнаго времени, разумѣется, не прогулка въ лагерь и обратно,—тутъ на каждомъ шагу требуется разсторопность, смѣтливость, умѣлость, и при этомъ грамотность — первое подспорье.

Новый, твердо-грамотный унтеръ нашъ оказался нужнѣйшимъ человѣкомъ въ ротѣ;—заготовки, пріемки, справки разныя, словомъ—всякое дѣло счета и отчета, гдѣ и самая лучшая память оказывается безсильною, и гдѣ не обойдешься бирками да крестиками—ему было ни почемъ.

— Послать Борисова! — то и дѣло раздавалось въ ротѣ, и вездѣ, куда ни пошлютъ его, онъ справлялся отлично.

— Вишь ты, какъ вывозитъ!—толковали ротные старики,— за стараго отвѣчаетъ, — и уже никто не называлъ его, какъ прежде, мальчишкой, хоть отъ этой клички не защищали галуны тѣхъ изъ унтеровъ, которыхъ иногда производили только за одно наружное молодечество, какъ „показныхъ“ ординарцевъ.

Борисовъ дѣйствительно вывозилъ и отвѣчалъ за стараго не одной грамотностью, а разумнымъ и точнымъ исполненіемъ каждаго дѣла. Конечно, у него не хватало еще опытности, которою

Digitized by Google

были такъ знамениты наши служивые старики. Но опытность—дѣло наживное вообще — развитому человѣку оно дается очень скоро.

Не разъ задумывался нашъ унтеръ, вспоминая свою прекрасную барышню; не разъ приходило ему въ голову, что безъ ея дѣтскаго усердія онъ по сію пору былъ бы только что не лоботрясомъ. Сколько сверстниковъ своихъ видѣлъ онъ вокругъ себя, несущихъ рядовую службу, и рѣдкому изъ нихъ выпадала даже временная честь отстоять въ караулѣ, или сходить патрульнымъ за „ефрейтора“. Старые солдаты, правда, не помыкали молодежью, дружественно обходились съ нею, но непремѣннымъ долгомъ считали „пообтереть, промять“ ее хорошенько. И такихъ обтирателей да проминателей въ каждой ротѣ было достаточно.

— Дядюшка, Сидоръ Макарычъ, какъ это дѣлается?—просить иногда молодой солдатикъ старика о какомъ-нибудь дѣлѣ,—разскажите, сдѣлайте милость!

— Разсказалъ бы я тебѣ—чаще всего отвѣчаетъ дядюшка: да боюсь—какъ полюбишь ты сказки, такъ навѣкъ и останешься дурачкомъ. А ты попотѣй, поломай башку, да своимъ умомъ добейся—какъ, что и почему?—ну такъ навѣкъ поумнѣешь!—и не разскажетъ какъ дѣлается.

Или на походѣ, бывало, кряхтитъ да потѣетъ молодецъ, претъ ранецъ и ума не приложитъ, что это такъ тяжко сегодня? И только на дневкѣ полѣзетъ въ ранецъ за сорочкой, или портянками чистыми—и вытащитъ оттуда неизвѣстную вещь, глядитъ на нее выпуча глаза—это откель?.. Всѣ хохочутъ, а какой-нибудъ дядюшка только улыбается сквозь дымокъ махорки, — это онъ же тайно угодилъ ему фунта въ четыре кирпичину...

Зачѣмъ? Аль глумиться надъ простякомъ хочется?

— Нѣтъ,—говоритъ,—одно дѣло—сперва обнюхай, потомъ—надѣвай каждую аммуницію; другое дѣло — учись вѣсу, до золотника чувствуй; а третье дѣло—послѣ кирпича пойдешь какъ безъ ранца,—и не слышишь его. Тебѣ же лучше!

Всѣ такіе горькіе опыты разомъ миновалъ Борисовъ, и, словно сказочный Емеля, умной водой умывшися, вдругъ сталъ и красавецъ, и мудрецъ руки первой.

Квартирьеромъ-ли пойдетъ, за пріемкой-ли пошлютъ его—всюду онъ соблюдетъ выгоды своей роты, ко всеобщему удовольствію.

— Экой молодчинище нашъ Илья Борисычъ! — говаривали даже старики; а это честь—всѣмъ честямъ честь!

Digitized by Google

Но особеннаго благоволенія и почтенія этихъ строгихъ стариковъ удостоился онъ за свои обширныя книжныя познанія и за безотказность просьбамъ любопытныхъ. Бывало, полъ капральства растянется на соломѣ, въ повалку,—обыкновенно передъ дневкой нескоро засыпается человѣку—потому что не на зарѣ вставать,—идутъ толки и разсужденія, лясы язычническія, зубоскальство происходитъ. И кто-нибудь изъ стариковъ серьезныхъ попроситъ: — а чѣмъ молоть язычищемъ да ушами хлопать, не прочтете ли намъ, Илья Борисычъ, божественнаго чего ни на есть?

— Изволь, съ нашимъ-де удовольствіемъ!—а божественная книжка у него въ ранцѣ; вынетъ ее, всѣ откашляются, подвинутъ ему каганецъ—и онъ читаетъ, а всѣ слушаютъ влежку...

И читаетъ онъ:—во время оно—какъ братья, сыновья Іоаковлевы, продали царю Фараону брата своего Іосифа Прекраснаго, какъ полюбился онъ женѣ царедворца Фараонова, Пентефрія, и какъ въ благочестіи своемъ отказался отъ любви ея,—и за то оклеветанъ былъ ею и ввергнутъ въ темницу мрачную. И какъ привидѣлся царю Фараону сонъ удивительный—о семи коровахъ сытыхъ и семи тощихъ. И никто изъ мудрецовъ не могъ объяснить царю тотъ сонъ предостерегающій. И объяснилъ ему тотъ сонъ Іосифъ Прекрасный. И какъ за такую мудрость царь назначилъ его правителемъ Египта...

— Вотъ такъ производство!.. шепнетъ кто-нибудь вздохнувши; и въ глубокой тишинѣ всѣ слушаютъ исторію, сдерживая не токмо кашель, а даже вздохи громкіе.

И льется плавный, внятный на заслушанье разсказъ, пока на самой иногда любопытной страницѣ, вдругъ дуракъ-пѣтухъ рѣзонетъ свое „кукареку“.

— Ахъ, подавись ты, красная башка! на самомъ что ни на есть важномъ мѣстѣ рѣзонулъ подлецъ!..

— Ай зачитался!—хлопнетъ Илья Борисычъ книжкой,—до дневки братцы!

— Спокойной ночи, господа: туши каганецъ! — и отлично захрапываетъ капральство, наслушавшись удивительной исторіи.

— А мнѣ, господа, всю ночь царь Фараонъ снился—на утро объявляетъ иной лоботрясъ.

— А мнѣ — хозяйка Пантехи-царедворца! увѣряетъ какой-нибудь мухрыга.

— Вишь, куда она заблудила!—отзовется кто-нибудь; и всѣ опять похваливаютъ Илью Борисыча.

— Одно слово—дьякъ!

Digitized by Google

— Это все его барышня умудрила такъ! поди же!

— А бываютъ, братцы, и изъ ихняго званія по божественной части!..

— Какъ не бывать?—младенчеству всякая суть открыта!..

На Курскъ, Кіевъ, и чрезъ Бердичевъ бригада прошла къ Каменецъ-Подольску и остановилась тамъ, въ ожиданіи дальнѣйшаго назначенія. Туда же стягивали остальные полки дивизіи и прибыла артиллерія. Уже наши дивизіи пѣхоты и дивизія кавалеріи давно перешли границу. Знаменитый полководецъ венгерскій Бемъ, со своими деревянными пушками, уже разъ былъ разбитъ нашимъ отрядомъ; и стало слышно, что утекающій Австріецъ повернулся опять лицомъ къ непріятелю и жметъ его на насъ, къ городу Германштадту.

Наша 7-я мушкетерская, съ полкомъ, была расположена на тѣсныхъ квартирахъ, подъ самымъ Каменецъ-Подольскомъ.

Борисовъ только считался десяточнымъ унтеромъ, а состоялъ всегда при ротномъ дворѣ, для разныхъ порученій. Почасту посылали его въ городъ, для закупокъ на роту.

Въ одну изъ такихъ командировокъ, кончивъ дѣло, Борисовъ задумалъ написать письмо своей прекрасной учительницѣ.

И вотъ, вечеромъ, сидитъ онъ въ уединенной каморкѣ еврейскаго дома; передъ нимъ канцелярскія принадлежности; онъ пишетъ письмо.

Писалъ онъ, писалъ, кусалъ перо, рвалъ бумагу, опять писалъ—и опять рвалъ исписанный листъ на мелкіе лоскутки.— Вотъ тебѣ и твердо-грамотный!

„Милостивая государыня! Ваше высокоблагородіе! Великодушнѣйшая Евгенія Александровна!“—всячески пробовалъ онъ начинать письмо - и все никуда не годилось.

Уже другую грошевую свѣчку жидовскую дожигалъ онъ— а письма нѣтъ какъ нѣтъ. Все, что ни придумывалъ, казалось ему неловкимъ, тупымъ, совсѣмъ глупымъ.

— Что за оказія! неужели же я дѣйствительно такъ глупъ?— думалъ онъ съ горькою досадой, не подозрѣвая, что точно такая же необоримая тупость и глупость находитъ *иногда* на людей и поумнѣе и далеко пообразованнѣе его... Потомъ объяснится дѣло, когда и почему случается это *иногда*.

Скрѣпя сердце, написалъ онъ послѣднее, вѣроятно десятое, письмо и даже не рѣшился прочесь его со страху, чтобы не изорвать. — Письмо, впрочемъ, вышло очень не дурно. Онъ написалъ:

„Благодѣтельница моя, незабвенная Евгенія Александровна!

Digitized by Google

„Разставаясь съ вами, я испыталъ то, что чувствовалъ, разставаясь съ матерью моей и сестрою. Простите мнѣ мою смѣлость, но вы сами приказывали мнѣ говорить всегда правду. „Вы осчастливили меня и я всегда буду молить Бога о вашемъ „счастіи. Образокъ, которымъ вы благословили меня, неразлучно „будетъ на моей груди, до конца моей жизни"...

Далѣе онъ описывалъ походъ, со всѣми его трудностями и удовольствіями; разсказалъ обо всемъ, что увидѣлъ замѣчательнаго, о настоящей стоянкѣ близъ границы и о нетерпѣливомъ ожиданіи встрѣтиться съ непріятелемъ.

„Вы мнѣ открыли глаза—писалъ онъ—и теперь я понимаю, „что человѣкъ долженъ всегда учиться и трудиться и конца „труду его нѣтъ. И желаю я потрудиться для Царя и Отечества „моего, хотя бы сложить свою голову пришлось, если это „угодно Богу!"

Письмо оканчивалось поклонами Климовнѣ, Дашѣ, его хозяину огороднику и прочимъ благопріятелямъ.

Не прошло недѣли послѣ этого, какъ дивизія, въ которой состояла наша 7-я мушкетерская рота, получила приказъ — перейти границу. Всѣ вздохнули вольнѣе и, благословясь, тронулись по баталіонно къ границѣ. Все гористѣе и живописнѣе становилась мѣстность, и въ нѣсколько переходовъ дивизія была уже за границею. Снова остановилась она, занявъ нѣсколько деревень и селъ; каждое строеніе было занято войсками; въ сараяхъ и подъ навѣсами, всюду, гдѣ была крыша, поселились солдаты.

Это было въ половинѣ іюня. А ужъ съ мѣсяцъ назадъ, слышно было, что дивизія генерала Панютина вступила въ Венгрію и была въ дѣлѣ.

Подвигаясь все далѣе отъ границы, наконецъ привелось 7-й ротѣ нашей участвовать въ дѣлѣ на рѣкѣ Сучанѣ, въ селеніи *Мартонь*. Тутъ мятежники, засѣвшіе въ дома, встрѣтили нашъ отрядъ сильнѣйшимъ ружейнымъ огнемъ. На долю 7-й роты досталась горячая работа, въ которой, передъ глазами начальства, Борисовъ отличился храбростію и замѣчательною распорядительностію. При этомъ онъ былъ раненъ въ руку и слегка въ високъ; но самъ наскоро перевязалъ руку и до конца дѣла оставался во фронтѣ.

Вѣрно опредѣляютъ старые солдаты всякое достоинство и всякій недостатокъ товарищей и начальниковъ своихъ—и нѣтъ въ ихъ глазахъ достоинства выше — *простоты*, и недостатка ниже—*суеты*, т. е. суетливости. „Простой человѣкъ" — эта по-

Digitized by Google

хвала въ солдатскихъ устахъ, равно высокая, относится ли она къ начальнику или къ рядовому товарищу, точно также какъ „суета-человѣкъ“—совсѣмъ плохая аттестація. Въ боевомъ отношеніи аттестація эта еще важнѣе: наперед безошибочно отгадываетъ старый солдатъ боевыя способности своихъ товарищей всѣхъ чиновъ.

— Этотъ поведетъ, выведетъ!—или: — этотъ заведетъ и затормошитъ!—скажетъ старикъ, какъ напечатаетъ.

Вѣрно. И тутъ ужъ не принималась въ разсчетъ молодость, которую не долюбливали старики вездѣ, кромѣ боеваго дѣла. Дворянчикъ-юнкеръ, или безусый рекрутъ, храбро работавшіе въ дѣлѣ — вдругъ уважаются наряду со старыми служивыми, какъ будто нежданно отыскались ими затерянныя десять лѣтъ службы.

Послѣ описанной стычки, нашъ Илья Борисычъ сразу постарѣлъ въ глазахъ всего баталіона; особенно же понравилось всѣмъ то, что онъ не пошелъ на перевязку и не вышелъ изъ фронта.

— А безпардонная башка!—вполголоса толковали солдатики у бивуачнаго огня:— видѣлъ ты, какъ онъ это ловко отгрызался!..

— Есть обо что приклады ломать,—даромъ что жидковатъ съ виду, а духу у него полно!..

Черезъ нѣсколько дней въ роту прислано было два знака отличія, для награды храбрѣйшихъ. Одинъ изъ нихъ былъ тотчасъ же надѣтъ на грудь храбраго старика, рядоваго Созонтова. Онъ уже былъ въ горячкѣ, но увидѣвъ ротнаго командира и въ рукѣ его крестъ, вдругъ очнулся и перекрестился.

Другой крестъ представленъ былъ приговору собранной роты. Среди общаго молчанія слышенъ былъ полушопотъ: называли имена фельдфебеля и Борисова. Рота любила командира и знала, что онъ очень доброжелательствуетъ Борисову. Фельдфебель самъ громко сказалъ:—Илья Борисычъ заслужилъ Царскую милость!

Рота заговорила громче; тогда Борисовъ снялъ фуражку и твердымъ голосомъ произнесъ: — благодарю васъ, братцы; но только я начинаю службу, и въ первый разъ Богъ привелъ мнѣ оказать только то, что я не трусъ, а Иванъ Никитичъ кончаетъ свою честную службу и всѣ мы давно знаемъ его мужество!

— Честно!—сказалъ поручикъ громкимъ голосомъ, — и вся рота крикнула за нимъ поздравленіе, въ которомъ только и слышались имена фельдфебеля и Борисова.

Поручикъ надѣлъ крестъ фельдфебелю, поздравилъ его; рота прокричала ура; а фельдфебель, послѣ того, подошелъ къ Борисову и обнялъ его молча.

Digitized by Google

Съ той минуты Борисова зналъ уже весь полкъ и все начальство глядѣло на него особенно привѣтно. На другой день онъ случайно встрѣтилъ полковаго командира и сталъ передъ нимъ во фронтъ.

— Какъ тебя зовутъ?—спросилъ полковникъ.

— Илья Борисовъ, ваше высокоблагородіе.

— 7-й роты?

— Точно такъ-съ, ваше высокоблагородіе.

— Первый крестъ по полку на слѣдующій разъ твой,—весело сказалъ полковникъ и, взявъ подъ козырекъ, прибавилъ:—считай царскую милость за Царемъ!

— Радъ положить жизнь за Его Величество!—отвѣтилъ Борисовъ.

Полковникъ обратился къ адъютанту и приказалъ сообщить объ этомъ Сухареву.

Черезъ пять минутъ весь полкъ зналъ о первомъ кандидатѣ къ Георгіевскому кресту.

Не спалось эту ночь счастливому унтеру; онъ передумалъ чуть ли не всѣ дни недавней службы своей, самъ дивился своему счастью и, силясь объяснить себѣ причину этого счастья, разумѣется, остановился на своей „барышнѣ“.

— Все это она мнѣ сдѣлала,—думалось ему;—безъ ея дѣтской заботливости и настойчиваго терпѣнія, безъ ея неребячески-разумныхъ бесѣдъ со мною—вѣкъ не видѣть бы мнѣ такого счастія!..

И смерть захотѣлось ему опять подать ей вѣсточку о себѣ;—съ нетерпѣніемъ ждалъ онъ утра, чтобы пораспытать полковыхъ писарей, не будетъ ли удобной оказіи для пересылки письма въ Россію.

Между тѣмъ рана, казавшаяся ему ничтожною, понемногу развередилась: прибавилось воспаленіе, а къ утру явилась сильная лихорадка, готовая обратиться въ горячку. Пуля оцарапала ему руку выше локтя, но царапина эта оказалась довольно глубокою,—она не повредила жилъ, однако разорвала тѣло до кости. Другую царапину нельзя было назвать и раной: это была ссадина ниже праваго виска, неловкимъ сабельнымъ ударомъ по чешуѣ каски. Все это показалось ему сгоряча бездѣлицей, не стоющей и разговора; на другой день, когда запекло руку и зашумѣло въ правомъ ухѣ, уже ему совѣстно было обращаться къ лекарю. Да и не нужно было, потому что капральный сапожникъ, великій мастерище залѣплять всякія наружныя болѣсти и тѣлесныя проторы, взялъ его подъ свою опеку, смазалъ онъ все это масломъ,

Digitized by Google

не безъ купороса разумѣется, и залѣпилъ варомъ. А противъ шуму въ головѣ—прописалъ онъ больному два патрона, безъ пуль разумѣется, на водѣ;—черезъ часъ, а много два—все оттянетъ!—завѣрялъ сапожникъ и очень удивился, когда на утро увидѣлъ, что пацiента его трепала свирѣпая лихорадка.

— Какъ такъ? и ничего не было? — допрашивалъ онъ Борисова.

— Ничего,—отвѣчалъ Борисовъ, не попадая зубъ на зубъ.

— Значитъ, *прыпорцiя* мала, не по вашему нутру,—и уже добывалъ изъ сумы другую *прыпорцiю*; къ счастью подошелъ офицеръ и приказалъ сапожнику-доктору спрятать свои боевые медикаменты, а позвать настоящаго.

Дня черезъ два дивизiя опять тронулась съ мѣста. Венгерскiй полководецъ Гергей шелъ на соединенiе съ корпусомъ Дембинскаго; приказано перерѣзать имъ путь.

Наши шли форсированнымъ маршемъ; Борисовъ слѣдовалъ въ фургонѣ, вмѣстѣ съ четырьмя больными. Его мучили не раны, а безпрестанныя ожиданiя встрѣчи съ непрiятелемъ;—нѣтъ! не улежу—по первому выстрѣлу буду у своихъ!—вскрикивалъ онъ, къ великому неудовольствiю больныхъ товарищей своихъ.

Но извѣстно, что Гергей, которому хорошо была знакома мѣстность своего отечества, прошелъ незнакомыми путями и соединился съ Дембинскимъ у города Темешвара.

Черезъ недѣлю съ небольшимъ стало извѣстно, что тамъ было сраженiе и дивизiя генерала Панютина на голову разбила венгерцевъ.

Вѣсть о побѣдѣ, одержанной товарищами, разумѣется радуетъ всѣхъ; но сквозь эту общую радость всегда просвѣчиваетъ то благородное чувство, которое нельзя назвать завистью, а болѣе точнаго имени ему не прiищешь. Это не то, что, напримѣръ, при разсказахъ о какомъ нибудь забубенномъ пирѣ, замѣчается на иныхъ лицахъ:—эхъ, насъ тамъ не было!—однако, въ родѣ того же.

Лежащiй въ растяжку Борисовъ, при извѣстiи о побѣдѣ нашей, даже перевернулся въ своемъ фургонѣ, точно не своей силой, однако промолвилъ:—слава Тебѣ, Господи!

Шли толки, что теперь, молъ, безпремѣнно на дняхъ окончательно зададимъ чосу непрiятелю.

Дивизiя шла къ Темешвару; погода была великолѣпная; поля желтѣли кое-гдѣ несжатой, а кое-гдѣ сложенной въ копны пшеницей; какъ лѣсъ стояла саженная кукуруза,—въ гущавникѣ ея могъ скрыться не только пѣхотинецъ, а даже кавалеристъ съ

Digitized by Google

конемъ своимъ. Буковые лѣса синѣли по скатамъ горъ; войска выступали въ походъ до свѣту и немного позже полудня приходили на ночлеги. Всѣ бодро и весело шли на предстоящія дѣла.

Выпросился у доктора и Борисовъ; блѣдный и похудѣлый явился онъ въ роту, но черезъ два-три дня такъ поправился, какъ будто и не хворалъ.

Все громче и чаще говорили о близкой встрѣчѣ съ Гергеемъ.

30-го іюля, въ полдень, офицеры генеральнаго штаба встрѣтили полки и расположили ихъ для ночлега, въ томъ боевомъ порядкѣ, въ какомъ на завтра должна была выступить дивизія. Приказано осмотрѣть ружья; многіе солдаты перемѣниил на себѣ бѣлье; къ вечеру батареи застучали своими колесами,—ихъ располагали между полками. Раньше обыкновеннаго водворилась тишина передъ ночью, хотя никто не спалъ, и у всякаго огонька темнѣлъ большой кружокъ спокойно бесѣдующихъ людей.

Но вотъ—по ротамъ раздались голоса: фельдфебеля и дежурные приказывали „выспаться хорошенько“,—и все полегло, какъ жито послѣ ливня...

Лежалъ и Борисовъ, но онъ не спалъ; молодая кровь его бушевала, и въ головѣ, какъ журавли, Богъ знаетъ, куда летѣли безконечной вереницей разныя мысли.

Отецъ, мать, барышня, старуха Климовна и длинный строй непріятеля—смѣняли передъ нимъ другъ друга, и надо всѣми ими, на полосатой лентѣ, въ воздухѣ, висѣлъ Георгіевскій крестъ... Очень хорошій сонъ.

Насвѣту тронулась дивизія въ порядкѣ. Солдатики толковали вполголоса. Прошли верстъ шесть, — вдругъ, отъ головнаго полка прослышался крикъ и передавался отъ роты къ ротѣ.

— Пѣсенники впередъ!—а ужъ впереди заводили:

„И ахъ, что ты, Маша, душа пріуныла...“

— Что-бъ тѣ лопнуть!—вставилъ словцо какой-то невоздержанный басъ...

„И эхъ, не слыхать твоихъ рѣчей!..“

И загомонили по-ротно всѣ баталіоны:—кто про „Машу“ кто про „соколовъ крылатыхъ“, кто въ лѣсъ, кто по дрова. На пять верстъ стоялъ гулъ, какъ обыкновенно въ мирныхъ переходахъ.

Сверху передавали, что изъ главной квартиры пріѣхалъ адъютантъ, какое-то новое приказаніе привезъ.

— Ергей сдался! слышали братцы? — вопила могучая грудь съ праваго фланга.

— Какой Сергѣй?

Digitized by Google

— Ну... Ивановичъ... не все ему равно какой!

— Что вы врете! оборотни!.. Ергей, венгерскій главнокомандующій, значитъ, сдался!.. понимаешь?

— Кто сказалъ? кому сдался?—сыпались вопросы.

— Небось, нѣмцу! тотъ и самъ гораздъ!..

— Ахъ, чтобъ тѣ!..

— Галстуки снимай!—кричали отъ головы колонны.

— Шабашъ! ребята! посмотри, что будетъ отбой!..

Въ самомъ дѣлѣ ворчалъ барабанъ.

— Вотъ тѣ—и разогналися!..

Толки и разговоры гудѣли во фронтѣ; офицеры подбѣгали къ головамъ баталіоновъ; ряды растягивались; изъ колоны переска кивали люди за дорогу, съ ружьями на ранцахъ...

Илья Борисовичъ шелъ молча, въ глубокомъ раздумьи. Старикъ отдѣленный нагналъ его и хлопнулъ по плечу:

— Что братъ, Борисычъ! надулъ венгерецъ?.. Ничего, — у тебя все впереди. Другое дѣло—нашъ братъ, кандидатъ на печку!..

— А на все воля Божія,—отвѣтилъ Борисовъ.

На правомъ флангѣ колотили „отбой“.

IX.

Къ радости и удивленію храбрыхъ австрійцевъ, венгерская кампанія кончилась скорѣе, нежели всѣ ожидали. Наши войска тронулись восвояси.

Многіе полки потянулись на свои прежнія квартиры; наша 7-я мушкетерская рота не вернулась на свою стоянку, по дислокаціи направилась съ полкомъ въ Смоленскъ.

На нѣсколько лѣтъ повѣсть наша почти прерывается; нечего разсказывать объ этихъ нѣсколькихъ годахъ однообразной мирной жизни. Упомянемъ только о томъ, что замѣчательнаго приключилось въ это время съ героями нашего разсказа.

Во-первыхъ, на обратномъ маршѣ, на одной изъ дневокъ, подъ самой границей, изъ штаба полученъ-былъ въ роту толстый конвертъ; въ числѣ бумагъ и писемъ, въ немъ было одно поручику Сухареву, а въ томъ письмѣ другое—на имя Борисова.

Что и говорить, съ какимъ трепетнымъ чувствомъ распечаталъ Борисовъ письмо, написанное знакомымъ ему почеркомъ. Евгенія Александровна отвѣчала на его письмо. Отвѣтъ ея былъ написанъ съ обычной дѣтской простотой; она благодарила его за то, что онъ не забылъ ее даже на войнѣ, и просила Бога,

Digitized by Google

чтобы Онъ помогъ ему побѣдить непріятеля,—точно какъ будто храбрый ученикъ ея, если постарается, то сможетъ окончить одинъ судьбу всей кампаніи. Но въ концѣ письма простодушный лепетъ ея вдругъ смѣнился задушевнымъ и важнымъ, хотя и дѣтскимъ, словомъ; она писала:

— „Мнѣ стыдно было послать вамъ прилагаемое письмо, но „няня заставила меня списать его и непремѣнно послать къ „вамъ. Не подумайте, что я хвастаюсь сама; если бы жива была „моя любезная маменька, то никому, кромѣ ея, я не показала „бы его. Поэтому, я списала письмо вашего сельскаго священ„ника ко мнѣ и посылаю вамъ. А настоящее его письмо я буду „хранить вѣчно. Добрый мой, Илья Борисовичъ, когда я васъ „учила, то думала, что дѣлаю обыкновенное и пріятное для меня „самой дѣло; но прочтите это письмо; мы съ няней плакали надъ „нимъ отъ радости! Богъ благословитъ васъ, родителей вашихъ „и почтеннаго священника; я молюсь за васъ каждый день“...

Борисовъ въ нетерпѣніи развернулъ письмо священника. Передаемъ его цѣликомъ.

„Благословенная Богомъ сирота,

„Евгенія Александровна!

„Почтенный селянинъ нашего села, Борисъ Антоновъ, обра„тился ко мнѣ съ просьбою прочесть ему письмо, полученное „имъ отъ сына его, находящагося на воинской службѣ цар„ской и просилъ при семъ написать ему отвѣтъ отъ него, отца, „Бориса Антонова. Знавъ лично и коротко сына его, Илью Бо„рисова, такъ недавно сданнаго въ рекруты и не имѣвшаго ни „малѣйшаго образованія, ниже грамотности, я былъ пораженъ „удивленіемъ, читая собственноручное письмо его, и еще болѣе „удивился, прочтя, что онъ уже удостоенъ унтеръ-офицерскаго „чина. Но когда я сталъ читать оное письмо до конца, гласно „передъ семействомъ моимъ, то всѣ мы воистину облились сле„зами и призывали на васъ благословеніе Божіе!..

„Да благословитъ тебя Отецъ Небесный, отроча сиротствую„щее и умудренное Господомъ!

„Благословляю тебя отъ имени всѣхъ поселянъ нашихъ и „христолюбиваго воинства нашего—отъ имени всего Отечества „нашего: ибо счастлива и благословенна страна, порождающая „дѣтей подобныхъ!..

„Чистою рукою твоею посѣвай въ нѣдрахъ невѣжества бла„гое просвѣщеніе, которымъ сподобилъ тебя Господь. А мы всѣ молимъ за твое здравіе“...

Борисовъ и самъ никогда не думалъ, чтобы дѣло это могло

Digitized by Google

казаться такимъ важнымъ и великимъ въ глазахъ просвѣщеннаго и почтеннаго человѣка. А именно таковъ былъ старецъ, сельскій священникъ его села. Борисовъ хорошо помнилъ, съ какимъ уваженіемъ обращались къ старцу всѣ: начальство и духовныя лица.

Понятно послѣ этого, какую радость почувствовалъ онъ, видя, что его обожаемая ученица награждена за дѣтскіе труды ея такъ достойно; понятно и то, до какой степени подобныя ощущенія облагораживали и его самого. Таково, впрочемъ, свойство каждаго истиннаго благодѣянія: оно непремѣнно поднимаетъ душу, принимающую благодѣяніе на столько же, на сколько возвышаетъ и дающаго; точно также, какъ добро, дѣлаемое изъ тщеславія, равно унижаетъ обоихъ: и того, кто дѣлаетъ добро, и того, кому оно дѣлается.

По приходѣ полка на квартиры, въ Смоленскую губернію, Борисовъ получилъ отвѣтъ отца своего, написанный тѣмъ же самымъ священникомъ. Изъ этого отвѣта онъ еще яснѣе вычиталъ всю великость обязанности своей—заплатить за сдѣланное ему безкорыстное добро строго-честною и полезною собственною своею жизнью. Онъ это понялъ глубоко.

И вотъ, утлымъ вліяніемъ невиннаго ребенка создана твердая и неутомимая воля и честнѣйшая будущность человѣка. Вѣдь ужъ, конечно, Борисовъ скорѣе умретъ, нежели опятнаетъ себя какимъ-нибудь нечестнымъ поступкомъ и, конечно, не усомнится положить жизнь для честнаго и славнаго дѣла.

Годъ и другой переписывались наши друзья довольно исправно. Въ судьбѣ ихъ никакихъ особенныхъ перемѣнъ не произошло. Евгенія Александровна увѣдомляла Борисова въ послѣднемъ письмѣ своемъ, что помѣщица благодатская пріѣзжала на короткое время въ свою усадьбу, одна безъ дѣтей, и снова отправилась заграницу, оставивъ ее и няню Климовну опять въ деревнѣ.

Борисовъ донесъ Евгеніи Александровнѣ, что онъ назначенъ отдѣленнымъ унтеръ-офицеромъ, а Сергѣй Ивановичъ давно произведенъ въ штабсъ-капитаны.

Переписка эта начинала принимать довольно большіе размѣры и становилась очень интересною, ибо учительница въ письмахъ своихъ видимо заботилась о продолженіи начатаго ею образованія своего питомца и даже какъ-то прислала ему порядочную посылку книгъ. Съ другой стороны, питомецъ, какъ говорится, ѣлъ поѣдомъ эти книги, и приводилъ въ немалое недоумѣніе все свое капральство.

— Всѣ уставы знаетъ—какого жъ рожна еще ему тре-

Digitized by Google

буется?—пошептывали люди, никогда не видавшіе на службѣ такого примѣра.

Неизвѣстно, до чего дочитался бы нашъ отдѣленный, если бы—на его же, можетъ быть, счастье полкъ не двинули вдругъ въ Кіевскую губернію. Онъ написалъ Евгеніи Александровнѣ письмо, другое, третье,—отвѣта не получалось. Прошелъ годъ,—не было и вѣсточки. Борисовъ сперва тужилъ, потомъ скучалъ полегче въ свободное отъ службы время, а наконецъ вздохнулъ и порѣшилъ:—вѣкъ не забуду, а только же и не рука: вѣдь барышнѣ уже шестнадцать лѣтъ!... Дай Господь ей всякаго счастья; всегда помолюсь за нее!—и, вздохнувши, запряталъ, какъ кладъ подъ камень, всѣ свои напрасныя думки.... Только иногда задавалъ себѣ потаенный вопросъ:—неужели же Евгенія Александровна могла подумать, чтобы я когда-нибудь осмѣлился возмечтать?.... Господи меня сохрани отъ такой неблагодарности!

Но, кстати, фельдфебелю Ивану Никитичу вышла *чистая*, съ двумя третями прапорщичьяго жалованья. Борисову приказано принять его должность. Конечно, болѣе способнаго къ этой должности человѣка нельзя бы было найти и по дивизіи. Тутъ онъ оказался въ полномъ блескѣ; въ занятіяхъ съ утра до ночи скоро позабылъ онъ свое горе, и когда вспоминалъ о своей барышнѣ, то всегда съ такимъ же точно благодарнымъ и чуждымъ надежды чувствомъ, съ какимъ вспоминаются безвозвратно прожитыя минуты счастья...

Не сѣтуйте, добрые, снисходительные читатели, за то, что на столькихъ страницахъ изображается такъ мало достойныхъ вниманія предметовъ и происшествій: всего одинъ человѣкъ выучился грамотѣ, и почти одна дивизія хорошенько подралась! Послѣдняго обстоятельства и считать нечего, ибо о немъ сказано только нѣсколько словъ; собственно всѣ девять главъ повѣсти нашей посвящены описанію самыхъ мелкихъ обстоятельствъ обыденной жизни. Стоятъ ли описанія и стоятъ ли вниманія эти мелкія, обыденныя обстоятельства?...

Непремѣнно стоятъ.

Назидательно и любопытно прослѣдить, какъ ничтожное сѣмячко, или желудь, постепенно полнѣетъ, выпрыскиваетъ, наслоняется и выростаетъ въ великолѣпное могучее дерево. Еще любопытнѣе и назидательнѣе прослѣдить и уразумѣть, какими легкими способами и простыми путями темный, невѣжественный, почти ничтожный мальчишка доходитъ иногда до степени до-

Digitized by Google

стойнаго и полезнаго человѣка. Конечно, скучна та книжка, которая наводитъ дремоту на читателей и слушателей; но если эта книжка хоть одного разбудитъ отъ крѣпкаго сна и прирожденнаго коснѣнія, то со сторицею выкупитъ она свою скучливость. И цѣны ей нѣтъ тогда. Оправляй ее хоть въ золото.

Положимъ, въ золото насъ и не оправятъ; а всетаки читайте, господа! громко читайте, одолѣвая дремому. Ибо многомного есть между вами такихъ, которымъ довольно самой легкой, но дѣтски-дружеской опоры, чтобы стать дѣльными, достойными и полезными людьми.

X.

Ранней весною 1853 года пронесся слухъ о безпокойствахъ въ Турціи; стали поговаривать о походѣ, и вскорѣ всѣ войска, расположенныя въ южной Россіи, двинулись къ границѣ Придунайскихъ Княжествъ.

Наша 7-я мушкетерская рота, въ составѣ своего полка, опять направилась къ знакомой сторонѣ—въ Подольскую губернію.

Борисовъ какъ-то весь засіялъ при вести о походѣ. Несомнѣнный кандидатъ георгіевскаго креста, онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ начала военныхъ дѣйствій.

Ждать пришлось не долго: 21 іюня два корпуса наши перешли за Прутъ.

Здѣсь случилось съ Борисовымъ обстоятельство, конечно неважное, но оно сильно смутило его; на походѣ, когда рота приваливала, по большой дорогѣ тянулся мимо остатокъ обоза перваго полка той же бригады. Рота почти вся лежала вповалку, головами на ранцахъ; нѣсколько старыхъ солдатъ торчали, сидя и покуривая свои носогрѣйки. Борисовъ стоялъ близъ дороги, разговаривая съ отдѣленнымъ, и поглядывалъ на тянувшіеся возы.

При одномъ изъ возовъ шелъ молодой солдатъ въ боевой аммуниціи; онъ пристально вглядывался въ Борисова и, поровнявшись съ нимъ, остановился, вытянулся и радостно проговорилъ:—здравія желаю, Илья Борисычъ!

— Ба! Родіонъ!—крикнулъ Борисовъ, тоже вглядѣвшись въ него,—давно ли подъ красной шапкой?

— Да вотъ, сударь, скоро годъ будетъ!

Родіонъ былъ сынъ огородника благодатскаго, тоже Родіона, у котораго Борисовъ квартировалъ когда-то.

Digitized by Google

Оба они обрадовались нечаянной встрѣчѣ; у обоихъ было такъ много разспросить и разсказать другъ другу, и обоимъ было некогда вести желанную бесѣду; возы проходили, и какой-то фурштатъ крикнулъ рекруту:—эй, ты тамъ! не прилечь ли хочешь?

Борисовъ пошелъ съ нимъ вмѣстѣ и на пути сталъ разспрашивать о любезныхъ жителяхъ села Благодатскаго. Какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, онъ какъ будто бы совѣстился начать разспросы съ самаго задушевнаго и дорогого ему имени.

— Ну, что твои—здоровы ли?

— А благодареніе Богу, здоровы!

— Ну, а кумушка ваша, Настасья Климовна, каково поживаетъ?

— При мнѣ здравствовала, да вотъ,—недѣли двѣ письмо изъ дому получилъ,—пишутъ—померла!...

Борисовъ снялъ фуражку и перекрестился; онъ очень опечалился этимъ извѣстіемъ, поминая дружбу къ нему почтеиной старушки, и наконецъ спросилъ:—а какъ здравствуетъ барышня Евгенія Александровна, благодѣтельница моя?

— А ничего, слава Богу! я прощался съ ними, такъ онѣ еще сказали мнѣ:—не встрѣтишь ли Илью Борисовича,—кланяйся ему отъ меня, пожури его, что онъ забылъ меня...

— Можетъ ли быть?

— Ей Богу!—отвѣчалъ Родіонъ;—скажи, говоритъ, ему, что я его все люблю...

— Братецъ ты мой,—промолвилъ Родіону Борисовъ,—въ самомъ дѣлѣ, я все равно, что родного брата встрѣтилъ—разсказывай же. Очень плакала барышня по нянѣ?...

— Такъ плакала, пишутъ, какъ по матери родной,—пріѣзжала сама и хоронить ее...

— Какъ пріѣзжала?.. откуда?

— Да изъ своей усадьбы! я и забылъ сказать вамъ: вотъ, я въ службу пошелъ, а онѣ за недѣлю до того замужъ вышли!

— Эй ты! говорятъ тебѣ, не отставай, мякина!—опять крикнулъ фурштатъ, и Родіонъ, наскоро попрощавшись, побѣжалъ къ переднимъ возамъ.

Часа черезъ два ударили подъемъ; рота построилась; загремѣлъ „фельдмаршъ!“

Проходя мимо фельдфебеля, капитанъ спросилъ его:—что это ты, Борисовъ, нездоровъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе; такъ что-то-съ.

Digitized by Google

Но пока это *что-то-съ* прошло совсѣмъ, пока молча, и никому на свѣтѣ невидимо, отгрустилъ онъ свою тайную грусть и распрощался съ своимъ надуманнымъ и несбыточнымъ счастіемъ—какъ перетосковалъ онъ, бѣдняга!...

И какъ здорово и полезно человѣку оттосковать и окончательно похоронить какую бы то ни было, хотя и очень прекрасную, но несбыточную мечту. Однако, онъ написалъ Евгеніи Александровнѣ *послѣднее* письмо.

— Дай Богъ ей счастія, — подумалъ онъ отъ души, отъ сердца—и съ сердца его, наконецъ, свалился этотъ ненужный камень.

Уже слава Богу, ничто на свѣтѣ не мѣшало ему отдаться всей душой своему долгу, своей службѣ.

А было гдѣ послужить!... Въ передвиженіяхъ и боевыхъ приготовленіяхъ время летитъ, какъ на крыльяхъ. Но общее нетерпѣніе и желаніе помѣряться съ бритоголовыми богатырями опережало время. Приходилось ждать, не дождаться, скоро ли ударятъ на кашу, на ту кашу, которую расхлебываютъ сами же кашевары.

Въ концѣ сентября прошелъ слухъ, что турецкій главнокомандующій написалъ письмо князю Горчакову, чтобы онъ въ 15 дней очистилъ Придунайскія Княжества.

— Что такъ скоро надобно?—отвѣтили солдаты на этотъ слухъ.

3-го октября раздался первый выстрѣлъ на Дунаѣ.

— Слава Тебѣ, Господи!—отвѣтили всѣ на выстрѣлъ.

И выстрѣлъ сказалъ все: грянулъ онъ, какъ дуракъ на именинахъ, который чаще всего даетъ сигналъ всѣмъ умнымъ людямъ:—а не начнемъ ли, господа?—и всѣ пріударяютъ въ ковши—пиръ идетъ коромысломъ!..

Турки начали показываться на лѣвомъ берегу Дуная. При малочисленности нашихъ силъ, мы не могли препятствовать имъ занять укрѣпленіе Калафатъ и городъ Ольтеницы.

Да, правду сказать, всѣ и рады были, что звѣрь бѣжитъ на охотника. Кто же и когда въ нашей арміи опасался турокъ? Гдѣ же и когда не улепетывали они отъ нашихъ войскъ?

Нѣсколько частныхъ стычекъ въ разныхъ мѣстахъ, отодвигали назадъ за Дунай турокъ, великихъ неохотниковъ мѣряться съ нами въ чистомъ полѣ; но рѣшительныхъ дѣйствій не было.

24-го декабря грянуло дѣло подъ *Четати*, покрывшее славою Тобольскій и Одесскій полки. Каждому извѣстна эта битва героевъ съ врагомъ, превосходившимъ ихъ числомъ чуть-что не въ *десять* разъ.

Digitized by Google

Наконецъ, боевая звѣзда мелькнула и Борисову.

Полкъ его былъ расположенъ противъ *Рущука*, въ *Журжѣ*; отрядомъ командовалъ удалой и любимый всѣми генералъ Сойконовъ. На разсвѣтѣ, 22-го января, турки переправились на лодкахъ противъ Журжи и, какъ снѣгъ на голову, напали на нашъ отрядъ.

По тревогѣ всполошились баталіоны; закипѣлъ бой. 3-й баталіонъ, съ своею 7-ю ротою, кинулся въ штыки на отрядъ турокъ, смѣшалъ ихъ и преслѣдовалъ. Увлеченный побѣдою, онъ слишкомъ отдѣлился отъ главныхъ силъ и, въ свою очередь, былъ атакованъ непріятелемъ, неожиданно ударившимъ во флангъ. Здѣсь-то 7-я рота, быстро перемѣнивъ фронтъ, штыками откинула атакующихъ, и на челѣ этихъ молодцовъ работалъ Борисовъ. Баталіонный командиръ самъ засвидѣтельствовалъ о его примѣрномъ мужествѣ.

Черезъ нѣсколько дней, въ числѣ присланныхъ на баталіонъ георгіевскихъ крестовъ, былъ одинъ на имя фельдфебеля Ильи Борисова.

И вотъ, самое горячее желаніе его сбылось; онъ былъ счастливъ...

Въ это время прибылъ въ армію инженерный генералъ Шильдеръ, извѣстный почти всѣмъ старымъ солдатамъ. Всѣ встрепенулись.

Проѣхалъ онъ въ Журжу и все закипѣло; на островѣ *Родоманѣ*, между Рущукомъ и Журжею, рубили просѣки, прокладывали дороги, росли и вооружались батареи, — и загремѣла пальба день и ночь.

Оторопѣли турки; всполошилась ихняя флотилія; часть ея уже пошла ко дну, другая разбита въ щепки; остальныя ушли, куда глаза глядятъ.

Подъ *Каралашемъ* нашъ отрядъ атаковалъ 6000 турокъ, сыпнулъ картечью и приперъ ихъ къ Дунаю; около 500 человѣкъ египетской пѣхоты не успѣло сѣсть на суда и засѣли за крутымъ берегомъ.

Казаки, уланы и артиллерійская прислуга спѣшились и опрокинули египтянъ въ рѣку.

11-го марта наши переправлялись за Дунай. Переправа эта знаменита въ военныхъ лѣтописяхъ.

Въ два часа пополудни всѣ наши батареи, пароходы и канонерскія лодки открыли огонь. Турки молчали.

Но мы пишемъ не военную исторію, а повѣсть, поэтому ска-

Digitized by Google

жемъ вкратцѣ, словами сподвижника этой войны, нашего стараго военнаго писателя.

— „День былъ ясный, вѣтерокъ едва рябилъ поверхность „Дуная.

„Въ 4 часа пополудни, по данному сигналу, широкое про„странство водъ Дуная покрылось нашими судами... Громкое „ура!“ и заповѣдная пѣснь—„За Царя и Русь святую!..“—огла„сили Дунайскія воды и, сливаясь съ гуломъ артиллеріи, по„трясли окрестность...

„То была одна изъ тѣхъ чудныхъ минутъ, которыя не скоро „изглаживаются изъ памяти; при воспоминаніи о ней—весело „на сердцѣ, и слеза-измѣнница, тихо скатясь по зачерствѣлому „лицу, тонетъ въ сѣдыхъ усахъ...“

Вскорѣ прибылъ къ арміи генералъ-фельдмаршалъ, Князь Варшавскій. Начались осадныя работы противъ *Силистріи*.

9-го іюня назначенъ штурмъ... Офицеры потирали руки; солдатики покрякивали одобрительно.

Вдругъ, изъ штаба пронеслась какая-то неясная, смутная вѣсть, озадачившая всѣхъ... Черезъ два дня объявлено повелѣніе генералъ-фельдмаршала: — „снять осаду въ Силистріи; войскамъ отступить за Дунай...“

Войска наши стали стягиваться къ своей границѣ. 4-го сентября главныя силы переправились за Прутъ и расположились въ Скулянахъ.

4-го же сентября получено извѣстіе о высадкѣ непріятельскихъ *союзныхъ войскъ* въ Крыму.

Во все продолженіе сказанныхъ дѣйствій, 7-й мушкетерской ротѣ нашей приводилось быть раза три-четыре въ мелкихъ стычкахъ.

Борисовъ всегда былъ примѣромъ распорядительности и мужества. Но для блистательнаго, выходящаго изъ ряда вонъ подвига, кромѣ беззавѣтной храбрости человѣка, нуженъ еще и случай: тутъ разница между плохимъ и достойнымъ воиномъ та, что плохой—упуститъ этотъ случай, а достойный — никогда. Трудное какое-нибудь обстоятельство, отъ котораго плохой человѣкъ насилу отдѣлается, мужественный воинъ непремѣнно возведетъ въ подвигъ и совершитъ со славою, въ честный примѣръ всѣмъ.

Такого случая Борисову не встрѣтилось; но и начальство, и еще ближе—вся рота видѣли, что въ общемъ трудѣ, усердіи и

Digitized by Google

самоотверженіи почтенный фельдфебель выносилъ на себѣ одинъ за многихъ.

Во всякой средѣ, во всякомъ трудящемся обществѣ такіе люди стоятъ какъ будто головою выше другихъ, и въ трудную минуту всѣ взоры невольно обращаются на нихъ; начальство глядитъ на нихъ съ полнымъ довѣріемъ, подчиненные—съ слѣпою вѣрою.

— Сказано—Илья Борисычъ велѣлъ—ну, значитъ, и ступай, будь надеженъ!—часто слышалось между солдатиками, и это было яснымъ доказательствомъ его нравственной власти надъ умами людей.

А кто же не знаетъ, какія чудеса можетъ творить эта власть съ нашимъ солдатомъ?

17-го мая, въ атакѣ *Арабскаго* укрѣпленія, Борисовъ, съ горстью смѣльчаковъ, изъ первыхъ вскочилъ на брустверъ; 7-я мушкетерская кинулась туда очертя голову—все лѣзло и карабкалось на стѣнку... Въ минуту „отбоя“ осколкомъ гранаты съ Борисова сорвало каску; съ окровавленнымъ лицомъ вернулся онъ оттуда съ своей ротой. Полковой командиръ, проѣзжая мимо строющейся роты, сказалъ ей громко:—молодецъ у васъ фельдфебель!

— Рады стараться!—крикнуло невпопадъ нѣсколько голосовъ, а за ними и рота; но это былъ не нечаянный крикъ,—рота благодарила командира за похвалу своего любимца.

Вернемся однако назадъ, къ прерванному разсказу.

Послѣ 4-го сентября полки потянулись восвояси. Нѣсколько дивизій направились въ Крымъ. Наша 7-я мушкетерская рота опять расположилась въ Кіевской губерніи. Тамъ было бы хорошо на привольной стоянкѣ; но каждый день доносились новыя вѣсти изъ Севастополя. Слышно было, что тамъ жарко: безчисленные снаряды непріятельской артиллеріи грызли и терзали стальными и чугунными зубами своими многострадальную крѣпость; пламя жгло ее неугасимо; она стояла и дышала огнемъ на враговъ, отгрызаясь отъ напасти.

Невесело жилось при такихъ вѣстяхъ, хоть бы и на роскошной стоянкѣ. Всякая честная душа тужила и просилась въ дѣло, къ товарищамъ.

Наконецъ, въ половинѣ мая вышелъ приказъ: 7-я мушкетерская съ полкомъ своимъ направилась въ Крымъ.

Digitized by Google

XI.

Крымская война была уже въ самомъ разгарѣ. Враги схватились съ нами не на животъ, а на смерть: ломились они въ Севастополь, какъ въ ворота Россіи. Мы не уступали ни пяди и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ схватились, тамъ же пришлось и мириться. И не оказалось другого способа, какъ разойтись подобру по-здорову—*до свиданья*!

Пока шла эта упорная борьба, совсѣмъ изоврались всѣ иностранныя газеты, за время похваляючись; вдосталь зарапортовались въ пышныхъ донесеніяхъ ихъ штабы—а дѣло-то походило на извѣстную прибаутку:

— Татарина поймалъ!
— Тащи его сюда!
— Да онъ не идетъ!
— Ну, такъ самъ уходи!
— Да онъ не пущаетъ!

Нельзя было союзникамъ отойти ни съ чѣмъ отъ Севастополя,—а онъ не сдавался и ничего не отдавалъ: затопилъ въ поперегъ бухты корабли свои, еще такъ недавно ко дну пустившіе турецкій флотъ подъ Синопомъ. Похоронилъ онъ много отцовъ-богатырей своихъ въ каменныхъ своихъ нѣдрахъ, насыщенныхъ дорогою кровью... И вѣрный сынъ безтрепетно стоялъ на отцовскихъ могилахъ, дорожа каждой пядью родного праха.

Здѣсь уже спали священнымъ сномъ смерти бойцы за оскорбленное врагомъ отечество:—Лазаревъ, Истоминъ, Нахимовъ и Корниловъ.

Но жили въ памяти живыхъ и носились въ воздухѣ Севастополя знаменитыя, полныя ужаса и восторга, слова этого Корнилова, сказанныя въ совѣтѣ флагмановъ:—**готовьтесь къ выходу; будетъ данъ сигналъ—что кому дѣлать**;—этого Корнилова, котораго только повиновеніе главнокомандующему удержало отъ грозно-отчаяннаго подвига—выйдти съ Черноморскимъ флотомъ въ море, противъ соединенной непріятельской армады...

Кто же знаетъ, кто осмѣлится сказать, что сталось бы съ этимъ флотомъ и съ этой армадой!..

Мы знаемъ только то, что видѣли собственными глазами и что почувствовали изумленной душой; знаемъ и видѣли великій духъ павшихъ вождей, обнявшій собою всѣхъ—отъ матроса до адмирала, отъ рекрута до генерала, отъ женщинъ и дѣтей малолѣтнихъ до сѣдыхъ и дряхлыхъ старцевъ.

Digitized by Google

Насквозь проникнутые этимъ геройскимъ духомъ, солдаты не знали ни изнеможенія, ни мѣры трудовъ, ни возможности страха смерти.

Обокъ себя, подъ тѣмъ же градомъ вражьихъ снарядовъ, безпрестанно видѣли они своихъ командировъ, и молча поглядывали на нихъ, какъ будто хотѣли вглядѣться навсегда памятью своею въ эти безтрепетныя лица и унести образы ихъ съ собой — все равно куда: домой, или въ могилу—куда Богъ велитъ!

Генералы и всѣ офицеры дѣлали свое дѣло, не обращая ни малѣйшаго вниманія ни на какую опасность; ее всѣ забыли.

Кто спѣшно, кто вольнымъ шагомъ — ходятъ, наблюдаютъ, указываютъ.

Бомбардировка гремитъ...

На лѣвомъ флангѣ, за стѣнкой, выстраивается какая-то охочая команда; вниманіе выростаетъ во всѣхъ глазахъ:—что-то будетъ?... А тамъ жарко...

Кучка офицеровъ, съ полковникомъ генеральнаго штаба, спѣшитъ къ правому флангу... Тамъ усиливается канонада. А оттуда, имъ навстрѣчу, утекаютъ въ припрыжку два солдатика; одинъ несетъ какую-то добычу...

— Вы куда это?—строго спрашиваетъ полковникъ, поневолѣ заподозривъ, бѣгущихъ не туда, гдѣ была опасность.

— Маіора похоронить, ваше высокоблагородіе, баталіонъ приказалъ у церкви... вернуться скорѣй хочется,—отвѣчаетъ солдатъ и развернулъ передъ начальствомъ тряпку.

Въ ней было все, что осталось отъ разбитаго въ дребезги ядромъ любимаго начальника: нѣсколько растерзанныхъ кусковъ— и весь тутъ маіоръ.

Солдатъ свернулъ узелокъ, и самъ — въ ноги: скорѣй вернуться ему хочется!..

Офицеры сняли фуражки и перекрестились. И покраснѣлъ честный полковникъ за свой невольный грѣхъ минутнаго сомнѣнія...

— Скорѣй вернуться хочется!—повторилъ онъ про себя.

Въ такихъ-то обстоятельствахъ былъ Севастополь, когда съ полкомъ своимъ вступила въ него 7-я мушкетерская рота.

Ошибло свѣжихъ молодцовъ боевымъ хмѣлемъ славы; послѣднимъ на пиру захотѣлось догнать товарищей.

Чуткая душа Борисова сразу упилась этимъ всеобщимъ духомъ самозабвенія; но голова не потеряла ни на минуту фельдфебельской трезвости. Онъ понялъ, что тутъ и рѣчи не можетъ

Digitized by Google

быть о геройствѣ: всѣ тутъ были герои, презрѣвшіе все на свѣтѣ, кромѣ долга своего—лечь костьми.

— Поработаемъ и мы!—думалъ онъ, засыпая поздно ночью подъ стѣнкой бастіона, въ кругу своей роты.

И, правда, надо было поработать! Но 7-я мушкетерская сразу, какъ ученая, дѣлала свое дѣло: лихо стрѣляли штуцерники, живо починялись ночью разбитыя днемъ амбразуры и насыпи бруствера, хладнокровно недосчитывалось каждый день по десятку товарищей...

Съ перваго же дня Борисовъ сталъ какъ дома на своемъ бастіонѣ. Съ перваго утра, еще не успѣла загремѣть канонада—рота была на ногахъ, и человѣкъ пятокъ, любопытныхъ молодцовъ, столпились съ ружьями у амбразуры: захотѣлось поглядѣть—что тамъ за ней дѣлается.

— Чего бѣльмы-то пучите, сычи?—встрѣтилъ ихъ хриплый голосъ.

Это спозаранку забрался къ своему орудію матросъ; лицо въ сажѣ, *бушлатикъ* оборванъ, руки — какъ чугунныя. Солдатики сконфузились.

— Не серчай, морякъ, дай молодцамъ *у васъ* поучиться!—громко произнесъ привѣтливый голосъ проходящаго Борисова.

Морякъ кивнулъ головой, солдатики заняли свои мѣста, канонада загремѣла...

Не будемъ описывать этой музыки; она очень краснорѣчиво описана самыми простыми и краткими ежедневными донесеніями: „выпущено снарядовъ столько-то, выбыло изъ фронта столько-то". Такъ, напримѣръ, въ это время—съ 17 іюля по 4-е августа—въ севастопольскомъ гарнизонѣ выбыло изъ строя убитыми и ранеными: офицеровъ—41, нижнихъ чиновъ—4,973.

Ночью съ 21 на 22-е іюля, съ 3-го отдѣленія оборонительной линіи произведены были двѣ вылазки на ближайшія непріятельскія траншеи.

Въ одной изъ нихъ участвовала и 7-я мушкетерская рота. Кромѣ капитана въ ротѣ не было офицеровъ—всѣ *убыли*. Баталіонный командиръ велъ двѣ роты на вылазку. Въ тишинѣ ночи осторожно подкрались мушкетеры къ англійской передовой траншеѣ и дружно кинулись на оплошныхъ; завязалась свалка,—англичане были живо выбиты изъ траншеи; наши принялись разрушать ихъ работы.

Тревога распространилась по всей линіи: къ англичанамъ шла помощь. Храбрый маіоръ встрѣтилъ толпу, ударилъ на нихъ съ горстью своихъ мушкетеровъ—и очутился среди непріятеля:

Digitized by Google

десятокъ солдатъ кругомъ него отбивались штыками и прикладами... Капитанъ Сухаревъ кинулся на выручку, но, пораженный пулею, упалъ. Фельдфебель крикнулъ: — за мной! — вмигъ толпа была опрокинута; непріятель бѣжалъ

Эта стычка была почти мгновенна; но побѣда обошлась не дешево: вернулась команда на свой бастіонъ, въ 7-й мушкетерской ротѣ,—подъ руки привели окровавленнаго маіора и принесли два тѣла: капитана и фельдфебеля... Тѣла положили пока у стѣнки и покрыли лица платками.

Маіоръ сказалъ „спасибо“ ротѣ, погоревалъ о храбрыхъ—капитанѣ и фельдфебелѣ:

— Они сложили головы за меня!—сказалъ онъ, вздыхая и крестясь; его отвели въ госпиталь.

Тревога унялась по всей линіи. Еще не свѣтало; многіе прикурнули на отдыхъ; въ полутишинѣ слышались только вздохи, да порой шопотливыя восклицанія:—эхъ-ма! ахъ ты бѣда!—Большое горе стряслось надъ 7-й ротой. Всѣ скорбѣли безмолвно.

— Братцы, вздохнулъ!—раздался громкій голосъ: вотъ тѣ Христосъ, вздохнулъ!

Вскочилъ старикъ унтеръ, за нимъ другой и третій — подошли къ мертвецамъ, наклонились на колѣнахъ, прислушиваются...

— Давай воды! дышетъ!—вглядываясь въ лицо, едва освѣщенное блѣднымъ свѣтомъ луны, крикнулъ унтеръ.

Подставили манерку; старикъ сдернулъ платокъ съ лица Борисова, наклонилъ ему къ губамъ манерку и потомъ, набравъ себѣ въ ротъ воды, прыснулъ ему на лицо. По блѣдному лицу побѣжали капли, сливаясь въ струю; оно не шевелилось ни однимъ мускуломъ; всѣ, припавъ, глядѣли, притая дыханіе; кто уже и залегъ на сонъ, и тѣ встали...

— Вздохнулъ,—шепнулъ хрипло унтеръ, — и всѣ перекрестились.

Сейчасъ же фельдфебеля понесли въ госпиталь, а съ общаго совѣта—и капитана; пока принесли ихъ, оба они равно казались мертвыми.

Подошелъ лекарь, взялъ руку мнимаго мертвеца и сейчасъ же приказалъ осторожно снять съ него все, до рубахи... Потомъ поглядѣлъ на капитана и мрачно покачалъ головой.

— Вишь, антихристы, прости, Господи, какъ ловко трафили!—шепталъ служитель, снимая окровавленную шинель съ Борисова;—сквозь кровь, двѣ штыковыя раны зіяли на его груди...

— Да и тутъ течетъ, ваше благородіе, — тихо докладывалъ доктору солдатикъ, поддерживавшій голову фельдфебеля.

Digitized by Google

Докторъ посмотрѣлъ.

— Дѣйствительно—течетъ! давайте-ка скорѣе воды да корпіи.

— А капитанъ, ваше благородіе?—спрашивалъ кто-то молящимъ голосомъ.

— А ужъ капитана похоронимъ...—тихо отвѣчалъ онъ.

— Господи Боже мой!..

XII.

Во всѣхъ военно-походныхъ госпиталяхъ уже давно были сестры милосердія, эти истинныя сестры во Христѣ. Сестринскимъ, не брезгливымъ и полнымъ любви попеченіемъ облегчали онѣ палящую боль ранъ страдальцевъ, возвращали къ жизни отчаянныхъ, услаждали ангельскимъ сочувствіемъ послѣднія минуты умирающихъ...

Кромѣ ранъ тѣлесныхъ, открытыхъ даже незоркому искусству, было немало страждущихъ душевными недугами: умирающій отецъ дѣтей, сынъ, мужъ—способный переносить безропотно всевозможную терзающую боль—неутомимо страдалъ душой, въ безъисходной сердечной скорби; десять, пять словъ свинцомъ лежали у него на разбитомъ сердцѣ—и некому было высказать, шепнуть этихъ пяти словъ, иногда ничего незначущихъ, дѣтскималомысленныхъ, но непремѣнно требующихъ теплаго, дружескаго вниманія.

Да развѣ и всѣмъ-то намъ нужны мудрецы, а не женщины да дѣти у изголовья нашего смертнаго ложа?.. Что же тогда, особенно мудраго, мы сочинимъ и разскажемъ?

Къ сестрамъ милосердія присоединилось нѣсколько честнѣйшихъ женщинъ, добровольно принявшихъ на себя, въ полной строгости, обязанность сестры милосердія.

Одна изъ такихъ появилась въ госпиталѣ, устроенномъ изъ инвалидныхъ казармъ, при въѣздѣ въ Симферополь, у Перекопской заставы. Тамъ были двѣ большія палаты, не отличавшіяся, впрочемъ, особеннымъ удобствомъ: онѣ были съ низкими потолками и потому душны, и воздухъ въ нихъ заражался очень скоро.

Эта добровольная сестра прибыла уже послѣ Крестовоздвиженскихъ сестеръ, откуда-то издалека, изъ центральнаго мѣста Россіи. Она была молода и красива; но лицо ея было блѣдно, глаза обведены темными, какъ будто наплаканными кругами, и истомленіе виднѣлось и въ движеніяхъ, и во взорахъ ея. Сол-

Digitized by Google

даты очень полюбили ее и прозвали „*Бѣлой сестрой*“, потому, вѣроятно, что она не носила общей, форменной темной одежды сестеръ милосердія.

Черезъ три недѣли послѣ описанной вылазки, позднимъ вечеромъ, пришелъ транспортъ съ „новыми“ ранеными. Въ одну изъ этихъ палатъ ввели шесть человѣкъ и внесли двухъ. „*Бѣлая Сестра*“, истомленная за день, еще прежде этого сказалась доктору и ушла домой.

Докторъ, собравшійся тоже на отдыхъ домой, встрѣтилъ раненыхъ и назначилъ мѣста, куда помѣстить ихъ. Препроводившій ихъ солдатъ подалъ ему конвертъ. Докторъ прочелъ и, когда хотѣли уже положить послѣдняго, повидимому, тяжело раненаго, то поглядѣлъ на него и приказалъ помѣстить на койку у стѣны—мѣсто болѣе спокойное.

Изъ комнатки, которая была аптекой, принесли свѣчку, осторожно положили раненаго на койку. Голова его была забинтована; на шинели сверкалъ Георгіевскій крестъ. Открытое, еще юное, лицо его было мрачно, но спокойно; мертвенная блѣдность покрывала его; глаза его были сомкнуты.

Докторъ распахнулъ его шинель, раздвинулъ рубашку,—высокая грудь была перебинтована какъ ремнями аммуниціи накрестъ. Докторъ потребовалъ спирту и воды. Черезъ десять минутъ раненый открылъ глаза и слабымъ голосомъ сказалъ, что ему печетъ грудь. Сейчасъ же стали перемѣнять перевязку; докторъ провозился съ прибывшими часа два и ушелъ.

На утро онъ встрѣтился на дорогѣ къ госпиталю съ „*Бѣлой Сестрой*“.

— А къ вамъ еще гости,—сказалъ докторъ;—и двое—не приведи Богъ—плохи!

— Какъ же ихъ такъ посылаютъ?—спросила сестра.

— Да, видно, и безъ нихъ тамъ довольно такихъ же! А, впрочемъ, вѣрно дорогой укатало ихъ: вѣдь переѣздъ — чистая бѣда.

Они вмѣстѣ пошли въ госпиталь. Докторъ осмотрѣлъ вчерашнихъ. Георгіевскій кавалеръ спалъ.

— Хорошо!—промолвилъ докторъ.

Сестра присѣла къ первому, вчера принесенному, раненому солдату; онъ увидѣлъ ее, протянулъ ей руку и не хотѣлъ выпустить ея руки.

Докторъ ушелъ въ аптеку.

Разбитый солдатъ сидѣлъ на нарахъ, прислонившись къ соломенной подушкѣ, и держалъ въ своихъ черствыхъ рукахъ

Digitized by Google

теплую руку сестры. Глядѣлъ-глядѣлъ на нее, молча, не моргая впалыми глазами... и они начали полузакрываться, слипаться... пробовали вскинуться, взглянуть—и сомкнулись. Онъ захрапѣлъ въ минуту. А ужъ сколько сутокъ не засыпаетъ онъ ни на часъ, отъ нестерпимой боли.

Тихо высвободила сестра свою руку, поправила его подушку, перекрестила спящаго и пошла къ другимъ. Вездѣ задерживали ее—то жалобой на боль, то просьбой поправить бинтъ, или повязку, то—на милость Бога, такъ посиди минутку, мать родная!...

И съ сестринскою готовностію служила она всѣмъ, исполняя даже привередливыя желанія и капризы больныхъ. Не обращала она вниманія на удушливый спертый воздухъ, не брезгала окровавленнымъ, закоруэлымъ бѣльемъ на немытомъ тѣлѣ. Во всей этой печальной и неопрятной картинѣ она двигалась какимъ-то свѣтлымъ, глаза и душу освѣжающимъ, видѣніемъ.

Проходя мимо спящаго кавалера, она взглянула на него, вдругъ вздрогнула—и встала, какъ вкопанная. Лицо ея вспыхнуло на мигъ—и поблѣднѣло, какъ полотно; трепеща, она опустилась у него въ ногахъ и не сводила съ него глазъ.

Близъ-лежащій солдатъ вполголоса сказалъ ей.

— Это трудный!

Она не слышала... Тихо взяла руку раненаго и все глядѣла на него... Больной пробудился, съ усиліемъ приподнялъ рѣсницы, взглянулъ— и они вскрикнули разомъ:

— Боже!...

— Илья!...

Всѣ, кто могъ, подняли головы. Вотъ гдѣ встрѣтились наши герои, послѣ долгой разлуки!

Полуживой Борисовъ плохо вынесъ эту неожиданную встрѣчу: онъ лишился чувствъ и лежалъ передъ Евгеніей Александровной неподвижный, какъ мертвецъ.

Заломивъ руки и шатаясь, она просила помощи:—помилуйте, ради самаго Бога!

Вошелъ докторъ, взглянулъ на кавалера и на все.

— Это что такое?...

— Онъ узналъ меня!—рыдая сказала она.

— То-то и есть! отведи-ка ее туда!—указалъ докторъ служителю пальцемъ на аптеку и позвалъ фельдшера.

Почти волокомъ отвелъ служитель сестру и опустилъ ее на развязанный тюкъ бинтовъ и тряпокъ; она была безъ памяти.

Черезъ добрыхъ полчаса докторъ вернулся въ аптеку и при-

Digitized by Google

перъ за собою дверь. Чуть слышнымъ голосомъ сестра спросила воды.

Докторъ подалъ стаканъ. Глотнувъ раза два, она подняла на него испуганные глаза:

— Ради Бога,—что *онъ?*

— Ничего; сперва успокойтесь, а потомъ поговоримъ немножко,—хладнокровно отвѣтилъ докторъ и повернулся къ ней спиной, къ своему столу. Минуты черезъ двѣ, не оборачиваясь, спросилъ ее:—ну успокоились?

— Да,—шептала сестра.

— Теперь поговоримъ.

Докторъ стоялъ передъ нею, раздвинувъ ноги, по привычкѣ къ духотѣ—безъ галстуха и безъ жилета; запятнанная рубашка висѣла на груди мѣшкомъ,—онъ вытиралъ ею свои кривыя ножницы. Спокойнымъ, но грубоватымъ голосомъ, онъ началъ допросъ. Сестра глядѣла испуганно.

— Позвольте же васъ спросить: неужели вы не понимаете, что тутъ не мѣсто чувствительныхъ встрѣчъ да оханья?

Она чуть могла отвѣчать, стала объяснять, что это ученикъ ея,—и голосу у нея не хватило.

— И, разумѣется, очень способный ученикъ,—возразилъ хладнокровный докторъ;—тѣмъ паче надо беречь его,—вѣдь онъ чуть живъ!...

— Я не ожидала...

— Напрасно! тутъ надо ожидать! тутъ надо не о своей чувствительности думать,—и докторъ какъ-то небрежно окинулъ ее съ ногъ до головы,—о людяхъ-съ, о людяхъ-съ, сударыня!

Сестра заплакала.

— Я десять лѣтъ не видала его, докторъ...

Но онъ перебилъ ее.

— Сто лѣтъ-съ! гораздо лучше—сто! тѣмъ паче можно подождать съ мѣсяцъ! Однако, какъ же это ухитрились вы десять лѣтъ не видѣться, сами имѣя—я полагаю—двадцать съ чѣмъ-нибудь?.. А? разскажите-ка пожалуста! И, говоря это, онъ презрительно улыбался.

— Да... двадцать...

— То-то-съ!

Сквозь слезы она проговорила, что еще ребенкомъ учила его и съ тѣхъ поръ не видала...

— Что-о-съ?—и докторъ вдругъ пересталъ чистить ножницы, вытаращилъ глаза и вытянулъ шею;—не видали?

— Нѣтъ.

Digitized by Google

Докторъ какъ-то оторопѣлъ: началъ не то извиняться, не то опять допрашивать, и, когда она сказала ясно, какъ было дѣло, нашъ хладнокровный докторъ видимо сконфузился, призастегнулся и заговорилъ совсѣмъ другимъ голосомъ.

— Я не понялъ! сдѣлайте милость—совсѣмъ не то!..

Сестра протянула ему руку и сама ободрилась; докторъ объяснилъ, что онъ получилъ изъ штаба бумагу, въ которой просятъ приложить особенное попеченіе объ этомъ больномъ.

— Позвольте, я взгляну на него!—и съ этими словами выскочилъ изъ аптеки, пыхнувъ за дверями, какъ будто онъ выскочилъ изъ бани.

Благородный человѣкъ самъ испугался своего минутнаго подозрѣнія.

Дѣло кончилось на томъ, что докторъ поручилъ Евгеніи Александровнѣ уходъ за больнымъ, но только „ввидѣ опыта“:—мы увидимъ, какъ будетъ дѣйствовать на него ваше постоянное присутствіе.

Черезъ два дня это присутствіе стало оказываться—къ удивленію доктора и къ отчаянію сестры—помѣхой въ ходѣ леченія. Больной былъ такъ еще слабъ и безкровенъ, что ему ни слушать, ни говорить нельзя было; а ему хотѣлось и слушать и говорить.

— Самое лучшее, еслибы вы его совсѣмъ здѣсь не встрѣчали; но такъ какъ этого воротить уже нельзя, то мой совѣтъ: попробуйте не являться сюда недѣльку,—совѣтовалъ докторъ.

А въ эти два дня она пережила такъ много, покончила съ своимъ прошедшимъ горемъ и думала, что вотъ, наконецъ, передъ другомъ дѣтства облегчитъ душу, разскажетъ и выплачетъ ему свою печальную долю...

Но судьба рѣшила иначе; надо было оставить друга дѣтства въ покоѣ и удалиться...

Кстати, изъ главной квартиры получено распоряженіе: немедленно откомандировать нѣсколькихъ сестеръ милосердія изъ Симферополя въ Севастополь.

Евгенія Александровна, по пріѣздѣ въ Крымъ, добровольно подчинившаяся общинѣ сестеръ милосердія, была послана, вмѣстѣ съ другими, по требованію.

Digitized by Google

XII.

Разскажемъ вкратцѣ, какими судьбами Евгенія Александровна наша очутилась въ Крыму.

Выпорхнувъ на свѣтъ изъ гнѣзда, хоть чужаго, но пригрѣвшаго ея дѣтство, она вдругъ очутилась беззащитною и безпріютною; на свою бѣду она была красавица.

Въ народныхъ сказкахъ говорятъ, что во сто лѣтъ разъ, на Ивана Купалу, въ дремучемъ лѣсу разцвѣтаетъ чудный цвѣтокъ папоротника. Невообразимо трудно добыть его и вынести изъ-за очарованнаго круга: огненные зміи, вепри и чудища грозятъ истребить и пожрать смѣлаго счастливца, несущаго цвѣтокъ.

Такой же чудный цвѣтокъ бережно несетъ, хоть и не по дремучему лѣсу, но—все равно—по бѣлому свѣту каждая прекрасная женщина. А въ этомъ бѣломъ свѣтѣ хоть и нѣтъ огненныхъ зміевъ и вепрей, но довольно есть чудищъ и всякихъ чертей, грозящихъ красотѣ.

И одинокой душѣ много надо мужества и разума, чтобы, непоруганной и неизобиженной, пройти съ своей красотой по этому бѣлому свѣту; не безопаснѣе онъ для нея всѣхъ лѣсовъ дремучихъ.

Евгеніи Александровнѣ, прекрасной и беззащитной, пришлось бороться самой за себя.

Не станемъ перечислять всѣхъ ея попытокъ, трудовъ и неудачъ, скажемъ коротко—два года провела она по домамъ учительницею дѣтей. Мелкое горе преслѣдовало ее всюду: то ревность хозяйки, то навязчивость хозяина, то сплетни и подозрѣнія. Измаявшись безполезно, вернулась она, полубольная, на отдыхъ, къ своей Климовнѣ. А тутъ благодатская барыня пріѣхала на время изъ заграницы. Она тоже немного пособила сиротѣ.

— Не прилично было бы тебѣ, другъ мой,—объясняла ей благодѣтельница,—проживать одной здѣсь, сложа руки, въ пустомъ домѣ; не совѣтую и по чужимъ домамъ странствовать. Мое мнѣніе—тебѣ надо замужъ!

Такія прекрасныя мнѣнія часто приходятъ въ голову старымъ барынямъ также легко и просто, какъ и мнѣніе о покупкѣ новой шляпки. Хоть народная поговорка „мужъ не сапогъ—не скинешь съ ногъ“—и напоминаетъ всѣмъ истину, но кто же ее слушаетъ?

Кстати нашелся и женихъ. Похвалами, подольщеніями, суе-

Digitized by Google

той и всевозможнымъ пустословіемъ—барыни сразу напустили такого мороку и туману, въ которомъ задыхается, да и не родится никакая здравая мысль. Обошли и жениха, и невѣсту, и Климовну, и, не давъ опомниться, выдали барышню замужъ.

— Славу Богу! поздравляемъ! сдѣлано доброе дѣло!—радовались барыни.

А доброе дѣло оказалось чистымъ бѣдствіемъ.

Черезъ двѣ недѣли поѣхала Климовна провѣдать свою „барышню-сиротку", теперь уже барыню, пріѣхала, взглянула, всплеснула руками—и покатилась покатомъ:—заѣли же они вѣкъ твой, моя красавица!

Зато ее сейчасъ же выгнали. И, каясь передъ образами, что пособила загубить свою ненаглядную, Климовна отдала Богу душу.

Молодой-то оказался, правда, не злой человѣкъ, но немножко похуже, по страсти—псовый охотникъ, по привычкѣ—къ вечеру пьянъ, по глупости—покорнѣйшій слуга своей многосемейной ключницы,—чѣмъ она зарядитъ его, тѣмъ онъ и выстрѣлитъ. И сразу она зарядила его ненавистью къ молодой женѣ, ибо женился онъ вовсе непредвидѣнно, сгоряча, во время долгаго отсутствія ключницы, странствовавшей, Бога-для, къ отдаленнымъ монастырямъ.

Въ домѣ зашипѣлъ и закипѣлъ тотъ крошечный, но кромѣшный адъ, въ мелкомъ и медленномъ огнѣ котораго безпощадно страждутъ и гибнутъ ввергнутыя туда души. А эта душа была нѣжна и чиста, какъ душа дитяти.

Но аду надобенъ полный позоръ. И за нимъ дѣло не стало: именно—невинное, но уже очень высокопарное письмо Борисова, представленное барину, чуть не послужило страшному дѣлу. Но Богъ нежданно спасъ страдалицу.

Честь и, можетъ быть, жизнь ея висѣли на волоскѣ; но въ то же утро, когда получено было письмо Борисова, къ великому счастію, доѣзжачій обошелъ теплый слѣдъ „матераго" волка,—пытку жены баринъ отложилъ до вечера и поспѣшилъ на охоту. А вечеромъ привезли его съ отъѣзжаго поля, во хмѣлю убившагося до-смерти. Черезъ буреломину, за „матерымъ", за псами, скакнулъ онъ; лошадь, спасибо, споткнулась; кубаремъ выскочилъ изъ сѣдла всадникъ, шапка слетѣла—и, какъ свайка, изъ сильной, да не ловкой руки, тупымъ концомъ — рѣзонулся бѣдняга темянемъ въ намерзшее дерево...

Коршунами нагрянули наслѣдники, насилу позволили женѣ отдать послѣдній долгъ мужу.

Digitized by Google

Ровно на четвертый день послѣ этой удачной охоты, пара доморощенныхъ клячъ подвезла измученную вдову къ крыльцу домика огородника въ Благодатскомъ. Выбѣжали Родіонъ съ Родіонихой и всѣ ребятишки.

— Матушка наша, ангелъ небесный, Евгенія Александровна!—вопили они, взяли ее изъ саней, повели въ свою избенку, мигомъ очистили ей свѣтелку.

Прибѣжала Даша, прежняя „Чумичка“; цѣлуя руки она объявила гостьѣ, что будетъ служить ей, пока барыня останется заграницей.

— А и какъ же злодѣи-то тебя высушили!—пѣла Родіониха и плакалась надъ нею.

Тихо, но безъ цѣли и безъ надежды, потекла надорванная молодая жизнь ея. Но по мѣрѣ того, какъ отдыхала она отъ пережитыхъ тревогъ, являлась тоска бездѣйствія: она искала труда и занятій.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ закипѣли дѣла въ Крыму. Севастополь переживалъ свои страдные дни; извѣстія о битвахъ разносились по всѣмъ захолустьямъ Россіи. Въ газетѣ, принесенной отъ священника, она прочла о подвигахъ „сестеръ милосердія“. Сказалась отцовская кровь!

— Тамъ страждутъ воины, товарищи моего отца—а я здѣсь праздная, никому не нужная!.. Нѣтъ, этого не будетъ!..

Она рѣшилась ѣхать въ Крымъ.

Живо собрала все, что имѣла, снарядилась въ путь. Узнавъ о ея намѣреніи, изъ всѣхъ ближнихъ селъ—дѣды, старухи, жены, дѣти, у кого были родные на службѣ—всѣ явились къ ней, умоляя со слезами непремѣнно отыскать сродниковъ сражающихся. Вмѣстѣ отслужили молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ. Новая „сестра“ пріобщилась Святыхъ Таинъ и, напутствуемая всеобщимъ благословеніемъ, тронулась въ путь...

И вотъ—мы видимъ ее въ Крыму, въ госпиталѣ, передъ умирающимъ Борисовымъ.

Чтобы спасти его, по первому слову доктора, она удаляется отъ него.

Изъ Севастополя, навстрѣчу ей, неслись страшныя вѣсти; тамъ неистовствовала смерть. Точно будто разобиженная общимъ презрѣніемъ, эта смерть силилась возстановить въ людяхъ уваженіе и страхъ къ ней; она валила трупы на трупы, камни на камни. Тысячами считали ежедневно убитыхъ; разбитыя стѣны шатались... Но ни страха, ни унынія не было..

Digitized by Google

— Завыла, вѣдьма!—встрѣчали солдаты просыпающуюся канонаду и дѣлали свое дѣло.

Не ужасалась и молодая сестра; она уже сама пережила бѣду, освоилась со страхами и именно съ сестринскимъ чувствомъ участія глядѣла на всѣхъ земляковъ своихъ, на каждаго солдатика Встрѣча съ Борисовымъ еще усилила это благородное чувство: онъ первый когда-то порадовалъ ея сиротскую жизнь, надъ нимъ осмыслилась эта жизнь... И вотъ, онъ, ученикъ, питомецъ ея, стоитъ такъ честно... надъ могилой...

Она невольно задумалась о немъ, и припоминала все свое прошедшее. И такъ проходили томительные дни и ночи, среди вздоховъ страждущихъ людей и въ громѣ неумолкающей битвы...

27-го августа, ночью, истомившись отъ трудовъ надъ ранеными, вышла она изъ госпитальнаго барака и сѣла на землѣ, впивая грудью прохладный воздухъ. Это была скорбная ночь.

Глухой шумъ и стукъ оружія и колесъ неслись отъ Севастополя; армія переправилась на сѣверную сторону. Какъ громовые удары и раскаты, разражались взрывы верковъ и пороховыхъ погребовъ на оставленныхъ бастіонахъ, потрясая и землю, и воздухъ... Зарницей сверкали эти взрывы, освѣщая клубы дыма, и гасли въ темнотѣ...

„Сестра“ глядѣла, и какое-то невыразимо болѣзненное, горячее, отчаянное и, вмѣстѣ, вождѣленное чувство теплилось въ ея груди: все это раззореніе и эти удары какъ будто сочетались съ ея раззоренной и измученной душой! Но она слышала, что въ глубинѣ ея души, какъ и подъ всѣми этими обломками, таится, чуть брежжетъ горячая искра надежды...

Мелькала передъ ней мысль и о Борисовѣ:—зачѣмъ я оставила его? Зачѣмъ не умеръ онъ на моихъ рукахъ? Зачѣмъ бы не умереть намъ вмѣстѣ?..

Въ эту же ночь тридцать колонистскихъ подводъ прибыло къ госпиталю. Торопливо уложили на нихъ раненыхъ и повезли въ Бахчисарай. Въ числѣ другихъ сестеръ при нихъ слѣдовала и Евгенія Александрова.

Три недѣли пробыла она въ Бахчисарайскомъ госпиталѣ. И тамъ посильно несла свою святую службу; но душа ея просилась на отдыхъ... Наконецъ, ей удалось получить назначеніе въ Симферополь.

Уже отвыкла она отъ грезъ и нетерпѣнія; уже не вѣрилось такъ часто обманувшимъ надеждамъ: она приготовилась встрѣтить все...

И не ошиблась. Прибывъ въ Симферополь, она кинулась въ

Digitized by Google

свой госпиталь; ни одного знакомаго лица не нашла она въ *своей* палатѣ: докторъ, прислуга, страдальцы—все были новыя лица. Прежніе—многіе похоронены, многіе увезены внутрь Россіи, нѣкоторые ушли къ своимъ полкамъ.

Гдѣ же Борисовъ?

Никто и ничего не могъ разсказать ей путемъ. Одинъ служитель увѣрялъ, что молодой унтеръ, георгіевскій кавалеръ, что лежалъ вотъ тутъ, у печки, увезенъ неизвѣстно куда — въ Рассею значитъ, — и что онъ поправился, даже вставалъ. Сестра трепетала, слушая. Другой спорилъ:—коли же я самъ выносилъ его,—померъ, вотъ, какъ стою—померъ!

— Не вѣрьте, матушка, оба врутъ!—завѣрялъ третій;—такой самый, какой вы сказываете, съ недѣлю назадъ выписался! вонъ, спросите его,—ему двѣнадцать копѣекъ далъ!

— Точно такъ, далъ, дай Богъ ему здоровья! бравый такой, изъ себя чернявый...

— Нѣтъ, онъ бѣлый!—вздыхая сказала сестра.

— А я говорю—померъ! самъ выносилъ.

— А погляди, что ушелъ!..

Понуривъ голову, вздохнула сестра и побрела на *„солдатскія могилы“*, на берегу Салгира, за Симферополемъ.

Тамъ помянула она *всѣхъ*, молилась на колѣняхъ и, оросивъ горячей слезой землю, покрывшую родной и милый прахъ, ушла, совсѣмъ изнеможенная...

Только недѣлю отдохнула она въ Симферополѣ, разспрашивая и разузнавая при случаѣ о Борисовѣ. Но кто же могъ помнить о какомъ-то неизвѣстномъ фельдфебелѣ тамъ, гдѣ не успѣвали запоминать имена генераловъ?

Встрѣтила она случайно добрыхъ людей: осиротѣлое семейство отправлялось въ Николаевъ; съ удовольствіемъ согласились отъѣзжающіе взять съ собою и ее. Она уѣхала.

Черезъ мѣсяцъ послѣ этого Евгенія Александровна уже опять была въ своей свѣтелкѣ, въ домѣ добраго Радіона.

Но трудно было узнать такъ недавно цвѣтущую женщину: лицо зачерствѣло, темные круги рѣзче обвели впалые глаза, вся она похудѣла... Только въ грустномъ взглядѣ затаилась та искра молодости, которую гаситъ время, но никакъ не погасить ее никакой на свѣтѣ невзгодѣ...

Digitized by Google

XIII.

Въ деревенскомъ захолустьѣ, въ бѣдности и одиночествѣ, медленно возстановлялись силы Евгеніи Александровны: слишкомъ глубоко была потрясена она и душой, и тѣломъ. Притомъ же, у нея не было друзей,—такъ незаслуженно печально сложилась ея сиротская жизнь!... Прошло полгода; средства, какія у нея были, истощались, приходили въ концу; она не рѣшалась еще искать уроковъ и занятій,—силы ея еще не укрѣпились. Помаленьку учила она дѣтей своего хозяина, да еще дѣтей священника и нѣсколькихъ дѣвочекъ на селѣ. Притомъ же, ей уже было объявлено рѣшеніе о выдачѣ ей седьмой части изъ имѣнія покойнаго мужа; небольшая сумма эта хоть сколько-нибудь обезпечивала ее.

Между тѣмъ въ уѣздномъ обществѣ много говорили о молодой сестрѣ, возвратившейся изъ Севастополя; и въ этихъ многихъ разговорахъ немало было сомнѣній и даже клеветы.

— Это, помните, та красавица, учительша, что нигдѣ не уживалась!

— Не та ли, что уморила мужа?

— Помилуйте, онъ самъ былъ безпутникъ!

— Ну, и она не поставила же его на путь.

Такъ поговаривала въ своихъ праздныхъ бесѣдахъ мелкопомѣстная деревенская публика, жадная до слуховъ и сплетень. Даже несчастное письмо Борисова не было забыто въ разсказахъ иныхъ пустомелей.

Конечно, многіе брали сторону „сестры“, защищали ее, многіе прямо съ почтеніемъ говорили о ней. Но, по большей части, людямъ нужны были доказательства, ясныя, видимыя, а сестра даже не имѣла медали, которыми украшены всѣ сестры милосердія...

— Ни съ чѣмъ вернулась,—поговаривало деревенское общество.

Но вездѣ есть честные люди и вездѣ они одинаковы. Какъ *часовые*, неподкупно и зорко охраняютъ они всюду и всегда, точно такъ же чужую честь, какъ и свою собственную. Это ужъ ихъ душевная забота.

Такая честная душа нашлась и для нашей бѣдной сестры.

Верстахъ въ двадцати отъ Благодатскаго, стояла господская усадьба, съ большимъ садомъ и всѣми угодьями; называлась она Пріютомъ. Усадьба эта была словно покинута и давно запущена.

Digitized by Google

Мѣсяца за три до возвращенія нашей сестры изъ Крыма, Пріютъ вдругъ оживился и обновился; вскорѣ пріѣхала туда старенькая-престаренькая барыня доживать свой недолгій вѣкъ.

Какъ и всегда бываетъ, старушкѣ предшествовала молва о ней. Прежде всѣхъ въ простомъ сельскомъ народѣ толковали что—вотъ, пріѣдетъ барынька, честнѣйшая душа.

Дѣйствительно, чуткость народная безобманна: какъ только пріѣхала барыня—сразу полегчалъ бытъ ея крестьянъ, и многіе міроѣды присмирѣли и опустили головы. Не смотря на преклонную старость свою, барыня хотѣла знать все, и приступъ къ ней оказался свободенъ каждому просящему.

Ей было за восемьдесятъ лѣтъ; сгорбленная, сморщенная, всегда съ зеленымъ козырькомъ надъ мутными глазами, она сохранила однако такую свѣжесть разума и теплоту сердца, какихъ дай Богъ каждому, хотя бы и не совсѣмъ устарѣвшему человѣку. На все глядѣла она добродушно и милостиво, но здраво и отчетливо; не было въ ней этой старческой жажды жить, не было страха смерти...

— Я, отцы мои, свое отжила давно, и каждую минуту готова встрѣтить волю Божію; ничего я никому не должна; каждый день мой оплаченъ впередъ. Жду, когда Господь милосердный прикажетъ—и отойду съ миромъ!...

Такъ говорила почтенная старушка всѣмъ знавшимъ ее, и простымъ людямъ, и господамъ. И всѣ, даже не видавшіе ее никогда, знали почтенное имя Маріи Павловны.

Любопытные сосѣди почали являться къ ней съ поклономъ. Всѣмъ было извѣстно, что она барыня важная и, всю жизнь проживая въ столицѣ, была тамъ въ большомъ почетѣ; но не брезгала никакимъ и скромнымъ знакомствамъ: всѣ честные люди равны!—говаривала она.

Въ бесѣдахъ съ нею, нѣкоторыя барыни промолвились, между прочимъ, о нашей сестрѣ; разумѣется, хвалили ее, да кое-что и прикинули, такъ что вышло—ни то, ни се. Но старушка любила правду и потому видѣла ее ясно, хотя и мутными своими глазами.

— Не понимаю, матушка,—отвѣчала она барынямъ;—не бываетъ этого на свѣтѣ, чтобы худой человѣкъ дѣлалъ такіе почтенныя дѣла: съ ничѣмъ, съ доброй воли, поѣхала страждущимъ воинамъ помогать!... Кажется мнѣ, нельзя быть ей нехорошимъ человѣкомъ!...

Чистая душа старушки не терпѣла сомнѣній; она сама за-

Digitized by Google

хотѣла узнать молодую сестру, помочь ей своими совѣтами и участіемъ.

И вотъ, въ одно прекрасное утро къ крыльцу Родіоновой избушки подъѣзжаетъ коляска, и кучеръ представляетъ записку на имя Евгеніи Александровны. Записка отъ Маріи Павловны. Извиняется она, что по слабости силъ не можетъ ѣхать такъ далеко сама, но проситъ сестру сдѣлать ей честь—навѣстить ее.

Она поѣхала. Нечего и говорить, что съ первыхъ же словъ, съ перваго взгляда, „честныя души“ признали другъ друга.

— Нѣтъ, красавица моя, это бы всѣмъ намъ было грѣшно, если бы оставили тебя безпомощной. Ты должна быть счастлива, ты нужна на свѣтѣ; стыдно всѣмъ было бы твое горе,—съ твердымъ убѣжденіемъ говорила почтенная старушка.

Молодая женщина, какъ дочь, цѣловала ея сморщенную руку и грустно качала головою; она не смѣла противорѣчить этому великодушному убѣжденію, но она видѣла неизцѣлимость своего горя, не вѣрила никакимъ надеждамъ.

Старушка, однако, вызвала ее на откровенность и она вылилась передъ ней:

— На свѣтѣ для меня ничего нѣтъ,—говорила она;—горе мнѣ не будетъ горемъ, и никакая радость не будетъ радостью: мнѣ нечѣмъ радоваться и печалиться нечѣмъ; даже слезъ нѣтъ у меня,—я ужъ ихъ всѣ выплакала...

Вся наклонившись впередъ, слушала ее старушка, глядѣла на нее своими мутными глазами; изъ нихъ катились двѣ слезы. Она взяла ее руку и тихо сказала:—молись Богу! грѣхъ говорить такъ. Ты добрая, но тебя обманули, тебя ожесточили. Ты никого не любишь?

— Я любила!.. —прошептала сестра.

— И еще люби, еще любить будешь, только не самое себя, а кого Богъ велитъ!. Почемъ ты знаешь, что впереди? А многимъ на свѣтѣ нужна любовь добрыхъ...

„Сестра“ плакала и молчала.

Два дня оставалась Евгенія Александровна у почтенной старушки. Когда вернулась она домой, то даже простые люди, хозяева ея, замѣтили какую-то перемѣну.

Перемѣна эта была обыкновенной: тупая, безслезная тоска ея облегчилась обильными слезами. Но все же оставалась она съ тою же безнадежною, безвыходною грустью...

Дня черезъ три, вечеромъ, она сидѣла въ своей свѣтелкѣ, съ дѣвочкой хозяйской, за букваремъ; малюткѣ приспичило учиться въ неуказанное время. А не то было на душѣ „сестры“: передъ

Digitized by Google

ней носился милый образъ старушки; ей слышались слова ея:—еще люби!—а ей и жизнь уже постыла...

Дѣвочка тянула по букварю свои склады...

Въ сѣняхъ послышался чей-то твердый голосъ,—спрашивали Евгенію Александровну...

Она вздрогнула, но громко и спокойно сказала:—войдите!

Вошелъ офицеръ, сдѣлалъ два шага и остановился... Она взглянула, вскочила, протянула трепещущія руки и только вскрикнула какимъ-то дѣтскимъ, тихимъ вскрикомъ...

Радость, говорятъ, не убиваетъ; но если бы она убивала, то, конечно, Евгенія Александровна не ожила бы теперь. Она и то обезпамятѣла...

Но она очнулась—и на лицѣ ея отразилось все, что происходило въ душѣ ея: тутъ и радость, и стыдливость, и страхъ, и изумленіе—все слилось въ слезы, въ улыбку и въ горячій вспыхнувшій румянецъ...

— Илья!.. откуда?

Да, это былъ—уже его благородіе—Илья Борисовичъ Борисовъ, за отличіе въ дѣлѣ противъ непріятеля произведенный изъ фельдфебелей въ подпоручики, въ тотъ же полкъ, и даже зачисленъ въ 7-ю мушкетерскую роту.

Въ эту минуту новый подпоручикъ оказался не въ состояніи произнести рѣшительно ничего болѣе, какъ только то, что онъ произносилъ когда-то, еще лоботрясомъ: —Евгенія Александровна!.. ангелъ Божій!—и цѣловалъ ея руки.

Тутъ нечего и описывать.

Черезъ три дня послѣ этого, Евгенія Александровна сидѣла у Марьи Павловны. Она не походила на себя и видимо не могла совладѣть съ своимъ хорошимъ лицомъ. Точно прекрасный цвѣтокъ подъ теплымъ вѣтромъ растрепалъ этотъ вѣтеръ всѣ листочки и лепесточки и ни на минуту не даетъ цвѣтку покрасоваться спокойно. Евгенія Александровна не могла унять своего волненія; духу не хватало у нея въ груди...

А старушка была спокойна, только улыбалась, глядя на нее.

Человѣкъ доложилъ о Борисовѣ, и въ комнату вошелъ подпоручикъ, въ полной формѣ, съ серебрянымъ крестомъ на груди. Почтенная старушка встала ему навстрѣчу. Онъ поцѣловалъ ея руку и благодарилъ ее, что она позволила ему представиться ей.

Digitized by Google

— Это высокая честь для меня... — началъ было очень складно подпоручикъ, но старушка перебила его слова: — вы, батюшка, дѣлаете намъ честь, всѣмъ намъ, всей Россіи,— мы должны отдавать ее вамъ...—говорила она твердо и выразительно.

Онъ опять крѣпко поцѣловалъ ее руку. Евгенія Александровна стояла, вся разцвѣтшая.

— Вы за насъ кровь свою лили,—еще бы намъ не чествить и не благодарить васъ!—продолжала она, и вдругъ, обратясь къ Евгеніи Александровнѣ, сказала: — дай-ка мнѣ, родная, очки мои, вонъ, на столѣ,—и, поворачиваясь отъ свѣта, подняла свой зеленый козырекъ.

— Ужъ извините, отецъ родной, а мнѣ хочется разглядѣть васъ,—и, надѣвъ очки, подняла голову и пристально глядѣла на офицера.

— Ужъ прости любопытную старуху... Ахъ, какой красавецъ!.. стоитъ по комъ потужить! право, стоитъ!

Молодые люди горѣли полымемъ!... Добрая старушка замѣтила это, но не церемонилась.

— Нечего стыдиться! хорошія лица, а хорошихъ людей всѣ любятъ! А родители ваши...

— Пахатные крестьяне, Марья Павловна,—слегка поклонившись, отвѣчалъ Борисовъ.

— Знаю, отецъ вы мой; я говорю, что родители ваши, значитъ, тоже почтенные люди, когда Богъ такъ наградилъ ихъ. Садитесь же, садитесь!

Они сѣли, и всякая неловкость, обыкновенная въ такихъ случаяхъ исчезла: разговоръ завязался и молодые люди поуспокоились и перестали краснѣть безъ всякаго толку. Прошло полчаса.

Вдругъ старушка примолкла, точно устала; на древнемъ, добромъ лицѣ ея мелькала умилительная улыбка и она начала тихо:— не взыщи, Илья Борисовичъ, я вѣдь оченѣ-очень стара, устаю скоро...

Борисовъ всталъ.

— Да и таиться намъ нечего,—она вѣдь все мнѣ сказала:— когда же это вы думаете?..

— Марья Павловна!—умоляющимъ голосомъ прошептала вдова, вся вспыхнувъ и наклонясь къ ней...

— Что же такое?—спрашивала Марья Павловна:—развѣ вы объ этомъ не переговорили еще?.. Экое горе! такъ ужъ позволь мнѣ быть на старости свахой!...

Digitized by Google

Борисовъ стоялъ какъ на угольяхъ; Евгенія Александровна спрятала лицо свое на плечо старушки. Марья Павловна съ трудомъ встала, взяла ее за руку и серьезнымъ голосомъ сказала:

— У нея нѣтъ матери, Илья Борисычъ,—я эту честь возьму на себя; Царь тебя наградилъ—пусть же и Богъ тебя наградитъ,—Онъ и назначилъ васъ другъ другу!..

Борисовъ кинулся къ рукамъ ея; Евгенія Александровна плакала, припавъ лицомъ на грудь ея...

— Богъ благословитъ васъ, честныя дѣти!—и она благословила ихъ...

— Теперь поцѣлуйтесь же!...

И, какъ-то невидимо, у груди древней старушки слились они горячими устами. Медленно поднимались ихъ головы и надъ ними старческія руки... И уже дрожали эти усталыя руки, а поцѣлуй все еще не совершался; какъ будто звукъ его, не то стыдился раздаться, не то жалѣлъ разомкнуть горячо слившіяся уста...

— Дай вамъ Господь счастія...—тихо произносилъ усталый голосъ...

Неизвѣстно—да и зачѣмъ знать?—кто изъ нихъ тамъ задерживалъ поцѣлуй. Можетъ быть оба; а можетъ быть самъ-то поцѣлуй держался долго, какъ и всякая, хорошо и крѣпко сдѣланная, вещь. Вѣдь и то сказать—это былъ *первый* поцѣлуй. Нельзя же считать, десять лѣтъ тому назадъ, полученнаго имъ передъ походомъ, отъ ребенка...

Старушка, какъ будто припоминая что-то, сказала:—подождите,—и вышла.

Совершенно неизвѣстно, какимъ образомъ случилось это, но когда Марья Павловна входила опять въ комнату, то они этого не замѣтили, ибо—доканчивали *первый*, или совершали *второй* —ничего неизвѣстно...

Старушка улыбнулась.

— Дайте-ка сюда ваши руки!.. это отъ меня на память!—и надѣла имъ по перстеньку.

— Вотъ, вы и обручены;—ну, и поцѣлуйтесь же!

Третій сорвалъ исполнительную команду, ибо начался раньше, нежели старушка кончила свои хорошія слова.

Правда, команда немножко затянулась; тутъ фронтъ почти невиноватъ.

Digitized by Google

Черезъ два дня подпоручикъ Борисовъ летѣлъ на почтовыхъ, на родину, за „родительскимъ благословеніемъ, навѣки нерушимымъ“.

Досталось же, надо полагать, бѣднымъ лошадямъ!..

Безнадежное горе Евгеніи Александровны вдругъ прошло, какъ по командѣ, какъ будто его и не было никогда. Съ прекраснаго лица ея очень проворно исчезла печаль, и слѣдовъ не оставила. На мѣсто ея сталъ пробиваться румянецъ, появилась улыбка, и полузадумчивые голубые глазки ея опять заискрились по прежнему, почти по-дѣтски.

Иногда, наединѣ, задумывалась она на минутку объ исповѣди своей передъ Марьей Павловной,—мнѣ уже нечѣмъ радоваться, нечѣмъ печалиться—ужъ слезъ у меня нѣтъ!.. надежды нѣтъ!..

И она краснѣла до слезъ:—ну, какъ такъ безсовѣстно обмолвиться передъ почтенной старушкой?..

Черезъ четыре года послѣ всего этого, въ той самой „Серебряной“ залѣ, въ которую лоботрясъ Борисовъ нѣкогда принесъ бѣлку и въ углу которой тогда же растянулся во весь ростъ, сидѣло небольшое общество.

Передъ каминомъ, въ огромномъ креслѣ, лежала благодатская старая барыня, неподвижная, разбитая параличемъ.

У круглаго стола—поджарая, черномазая барышня изрядныхъ лѣтъ, другая, такая же — бездѣлицей помоложе, между ними — цвѣтущая, не какъ роза, а какъ осыпанный розами кустъ, (она таки была толстенька по своему *положенію*) помѣщалась прекрасная Евгенія Александровна.

Напротивъ сидѣлъ поручикъ и кавалеръ двухъ орденовъ, солдатскаго и офицерскаго, Илья Борисовичъ.

Двухъ барышень не доставало:—одна осталась въ Парижѣ, замужемъ, и только разъ пять въ годъ писала, прося родительскаго благословенія и денегъ, другая застряла гдѣ-то въ Италіи, а можетъ быть и далѣе...

Вокругъ стола путешествовалъ уморительный пузырь-мальчишка, красивый, какъ херувимчикъ, въ красной рубашонкѣ, и съ бумажной солдатской сумой, стараго образца, черезъ плечо. Онъ все добирался до черной моськи, которая отъ него залѣзла даже подъ платье своей хозяйки, черномазой барышни.

Digitized by Google

Длинные лакеи разносили на серебряныхъ подносахъ чай.

— А какъ странно, вы все въ томъ же полку! — говорила барышня Борисову.

— Мы въ томъ же баталіонѣ,—отвѣчалъ онъ.

— Да мы той же и ротой командуемъ!—пропѣла Евгенія Александровна.

— Какъ, и ты, Женя, командуешь?—спросила, смѣясь, барышня.

Евгенія Александровна слегка покраснѣла, а мужъ подбавилъ, улыбаясь:—я ротой, а она командиромъ.

Вдругъ, пузырь, скитавшійся по всѣмъ угламъ, подбѣжалъ къ офицеру и, картавя по дѣтски, закричалъ:—папка! покажи, какъ ты въ этотъ уголъ давно повалился?..

— Ну, братъ, Саша,—отвѣтилъ, смѣясь, папка,—я свою очередь отбылъ,—повались-ка ты такъ счастливо!..

И всѣ разсмѣялись, повторяя:—что за милый мальчикъ!..

А онъ былъ—вылитая маменька...

А маменька утверждала:—по портрету, онъ — вылитый дѣдушка!

То есть вылитый покойный маіоръ...

И это очень вѣроятно!

Digitized by Google

Digitized by Google

СОРОЧЬИ ГНѢЗДА.

Повѣсть.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

1856 года, въ день Рождества Христова, вышелъ незабвенный для всѣхъ родителей и добрыхъ людей царскій указъ—„повелѣно освободить всѣхъ солдатскихъ и матросскихъ дѣтей отъ обязанности вѣчной послуги государству и обратить ихъ въ свободныя податныя сословія“. До 400 тысячъ дѣтей, числившихся въ кантонистахъ, въ этотъ день получили право вернуться къ семействамъ своимъ и располагать своею судьбою по своей волѣ. Святой праздникъ Рождества Христова ознаменовался по всей Россіи *возрожденіемъ* многихъ тысячъ бѣдныхъ мальчиковъ.

Вся Россія привѣтствовала милостивую отмѣну этого закона, но, конечно, не всѣ могли вполнѣ понимать, какою несказанною радостью встрѣтили эту нежданную вѣсть многіе родители, давно помирившіеся съ мыслью о безвозвратной потерѣ дѣтей своихъ. Чтобы оцѣнить благодѣяніе новаго узаконенія, надо близко знать прежнее положеніе солдатскихъ дѣтей.

Всѣмъ извѣстна участь прежнихъ солдатокъ,—немногія изъ нихъ находили пріютъ въ семьѣ своей, или при мужѣ; большинство вело бездомную, скитальческую жизнь, а въ этомъ положеніи едва-ли можно быть доброю матерью. Не красна была жизнь солдатскихъ дѣтей и въ казармахъ при отцѣ, и безъ отца, при безпріютной матери.

Послѣ семилѣтняго возраста, солдатскій сынъ поступалъ въ баталіонъ кантонистовъ. Туда-же опредѣляли и разныхъ покинутыхъ, и незаконнорожденныхъ дѣтей. Въ этомъ сообществѣ

Digitized by Google

солдатскіе сыновья привыкали къ свойственному всѣмъ безроднымъ ожесточенію и презрѣнію всякихъ семейныхъ отношеній. Въ баталіонѣ ихъ учили грамотѣ, ариѳметикѣ и военно-служебнымъ обязанностямъ. Воспитаніемъ ихъ заниматься было некогда. Лишенные всего, чѣмъ прекрасна жизнь даже самаго бѣднаго ребенка, эти мальчики спозаранку вырабатывали въ себѣ самостоятельность: хитрость, обманъ, рѣшимость на самыя отчаянныя шалости—были ихъ свойствами. Противъ этого, разумѣется, принимались строгія мѣры, по прежнимъ понятіямъ заключающіяся въ тѣлесномъ наказаніи. Мѣры эти росли, вмѣстѣ съ привычкой къ нимъ—боль притуплялась, страхъ исчезалъ, и мальчики щеголяли своею выносливостью: *„порція лапши, или березовой каши“*—какъ они называли порку розгами—съѣдалась нипочемъ, въ какомъ угодно количествѣ.

17—18 лѣтъ они поступали на дѣйствительную службу, преимущественно въ учебно-карабинерные полки. Тамъ къ безполезной *лапшѣ* подбавляли нѣмецкую приправу, ввидѣ фухтелей, и проч. Все это, на учебно-карабинерномъ языкѣ, называлось *шлифовкой*. Дѣйствительно, кто выносилъ эту шлифовку, тотъ истинно сверкалъ, какъ его ни поверни.

По службѣ учебные карабинеры славились недосягаемымъ совершенствомъ. Такой, какъ у нихъ, чистки и щеголеватости не было нигдѣ во всей арміи.

Ружейные пріемы, не говоря о неуловимой глазомъ быстротѣ рукъ, изучались *на обѣ руки*. Въ маршировкѣ многіе ходили „тихимъ и скорымъ“ шагомъ съ полнымъ стаканомъ воды на киверѣ; *подходили* на ординарцы такъ, что этишкетъ не болтался, а *плылъ* въ воздухѣ.

При этомъ грамотностію и языкомъ (по карабинерному—*язычищемъ*) владѣли въ такомъ-же, къ сожалѣнію совсѣмъ извращенномъ, совершенствѣ. Они могли переписываться и говорить межъ собой на всевозможные, никому, кромѣ ихъ, непонятные лады: *оборотными* словами, *сокращенными*, *по херамъ*, и т. п. А такого, какъ у нихъ, *сборника* поговорокъ, скороговорокъ, изрѣченій и анекдотовъ, конечно, не было и не будетъ ни въ какой на свѣтѣ литературѣ.

Разумѣется, истинная военная цѣль терялась безвозвратно во всей этой художественности. Объ исключеніяхъ скажемъ послѣ; но, говоря вообще, таково было общее достоинство этой *чортовой куклы*, какъ прозывали учебнаго карабинера втихомолку въ твердомъ фронтѣ. Поэтому естественно, что женатые

Digitized by Google

солдаты частенько призадумывались о судьбѣ своихъ сыновей, поступающихъ непремѣнно въ кантонисты.

Конечно, привычка брала свое, и отпускаемый *до возраста* сыновей провіантъ представлялъ родителямъ немалое утѣшеніе. Но нерѣдки были случаи уклоненія солдатъ и солдатокъ отъ закона: случалось—облыжно показывали сыновей умершими; иныя солдатки, съ вѣдома мужей, мѣняли своихъ новорожденныхъ мальчиковъ на крестьянскихъ дѣвочекъ, одновременно съ ними родившихся. Мѣна эта устраивалась, безъ особеннаго труда, съ малосемейными и бѣдными крестьянами, вообще предпочитающими сыновей, какъ будущихъ работниковъ. И подобныя преступленія совершались чаще всего не негодями, а добрыми людьми; именно горячая любовь къ своимъ дѣтямъ подвигала ихъ на это Какъ ни рѣдко выходили путные люди изъ *утаенныхъ* и *вымѣненныхъ* ребятишекъ, но естественная надежда—увидѣть сына своего свободнымъ и имѣть въ немъ подпору старости своей—ослѣпляла родителей.

Одинъ изъ такихъ проступковъ описывается въ этой повѣсти. Вымысла тутъ нѣтъ, да и къ чему бы взводить на людей вымышленное горе. Можно бы не вспоминать о немъ, но прошлое горе—не горе; а всякое горе отцовъ и матерей нашихъ есть драгоцѣнное наслѣдство нашей памяти Зная и помня его, мы сами чувствуемъ себя счастливѣйшими.

Почтимъ же вздохомъ это прошлое горе и поблагодаримъ Бога за нашу лучшую долю. Поблагодаримъ въ душѣ и милостиваго Царя-законодателя, который однимъ почеркомъ пера, однимъ честнѣйшимъ указомъ, уничтожилъ навсегда эту причину людскаго горя.

А такъ какъ на свѣтѣ „нѣтъ худа безъ добра“, то справедливость требуетъ не умолчать и о тѣхъ достойныхъ удивленія и полнаго почтенія людяхъ, которые вышли чистыми изъ этой среды.

Конечно, такихъ было не особенно много; но несомнѣнно то, что каждый старослужащій непремѣнно встрѣчалъ не разъ подъ карабинерными *плечевыми перемычками* изъ желтой тесьмы благородныхъ и честнѣйшихъ людей, которыми можетъ гордиться армія и которые, вмѣстѣ съ лучшими людьми, составили нашу солдатскую честь.

Да, наконецъ, кто же можетъ порѣшить, что и самое это неестественное искусство и это *шлифованье*, не оставило по себѣ своей доли пользы, развязавъ и уничтоживъ нашу былую

Digitized by Google

прирожденную аляповатость и привычку жить-служить „спустя рукава“?

Не помянемъ же лихомъ того, что было и прошло; а оглянувшись кругомъ себя, еще и теперь увидимъ такихъ *солдатскихъ дѣтей*, передъ безкорыстіемъ и правотой которыхъ преклонить голову каждый честный человѣкъ и за честь сочтетъ водить съ ними хлѣбъ-соль и дружбу.

Имъ-то и посвящается эта повѣсть; помнятъ они родную поговорку—„*изъ пѣсни слова ни выкинешь, а былъ молодцу не укоръ*“—и прочтутъ безъ гнѣва.

I.

Въ одной изъ мѣстностей, неособенно плодородныхъ, въ средней полосѣ Россіи, лежитъ село Побылово. Выстроилось оно на высокомъ и пологомъ берегу рѣки, когда-то глубокой, но обмелѣвшей; только въ весеннее половодье рѣка эта разливалась иногда версты на двѣ вширь и потопляла зарѣчные луга. Поля побыловскія лежали сплошь, безъ всякой черезполосицы, за селомъ; а за ними синѣлъ боръ и, въ перемежку съ чернолѣсьемъ, тянулся далеко вглубь.

Кромѣ этихъ выгодъ, въ недалекихъ разстояніяхъ отъ села, раскинуто было побольше десятка деревенекъ, порядочно заселенныхъ, все побыловскаго прихода. Каждое воскресенье, и по годовымъ праздникамъ, на побыловскій погостъ съѣзжалось и сходилось большое число богомольцевъ. А послѣ обѣдни, на широкой лужайкѣ близъ церкви, открывался торгъ, чуть что не ярмарка. Кромѣ своихъ торговокъ, полу-вдовыхъ солдатокъ съ драчонами да гречневиками, прибывали иногда мелкіе прасолы, съ пряниками, рожками и леденцами, заходилъ и коробейникъ съ галантерейнымъ товаромъ, наѣзжали гончары съ посудой; подчасъ и *рыльскій* молодецъ съ косами да серпами; а случилось въ разгаръ торгу, словно изъ земли выскакивалъ, на вымуштрованной клячѣ и самъ цыганъ косматый. Тогда ужъ ярмарка оказывалась въ полной формѣ — и къ вечеру ужъ безпремѣнно кто-нибудь былъ надутъ и облапошенъ. Впрочемъ, тутъ же имѣлось и всякому горю утѣшеніе: стоялъ кабачокъ честной, и долго тужить никому не приходилось.

Словомъ, село веселое. А изъ-за рѣчки, съ проселка, видъ на него открывался — что твоя картина; улица вытянулась версты

Digitized by Google

на двѣ; одна половина ея — сѣренькая, — избы старыя, съ темными крышами, а другая — желтѣла новыми срубами и ворохами свѣжей соломы, — значитъ, по недавнемъ пожарѣ. Вправо отъ села, въ купѣ зеленыхъ липъ и вербы, высилась старая церковь съ колокольней; за ней — кладбище. Внизу лежалъ черезъ рѣчки мостъ, съ зеленымъ кустомъ лопухи посередкѣ, а о-бокъ его вился торный и очень способный объѣздъ бродомъ. Тутъ же торчала древняя, покинутая мельница водяная. Побольше десятка бань — съ дверями и безъ дверей, съ крышами и безъ крышъ — чернѣло вдоль рѣчки. Влѣво отъ села, на высокомъ взгоркѣ, два вѣтрака задирали свои ободранныя крылья, какъ два пѣтуха, собираясь запѣть, или подраться.

А еще лѣвѣй отъ этого взгорка темнѣлъ глубокій оврагъ; стремкій спускъ его отъ взгорка наежился разнымъ кустовьемъ и бурьяномъ, дно было каменистое, а другой берегъ стоялъ бѣлопесчаной стѣной; въ обвалахъ его пятнами темнѣли ямы и дырья: это ребятишки повыкопали себѣ „печи“, а стрижи — норы. Черезъ оврагъ, промежъ лопуха и бурьяна, вилась торная тропинка, пропадала въ каменьяхъ и опять оказывалась на другомъ берегу, точно лѣстница по крутому обрыву. Тамъ, вверху, изъза сорныхъ кустовъ, за цѣлымъ лѣсомъ крапивы, торчали какія-то груды, издали похожія на сваленное въ кучи обгорѣлое корчевье.

Особенно при солнечномъ закатѣ, по алой золотистой полосѣ неба рѣзко торчали изъ этихъ кучъ, вкривь и вкось, черныя рогатины, и въ нѣсколькихъ мѣстахъ курился тонкій голубой дымокъ.

Это и есть „Сорочьи гнѣзда“. Помимо села мы туда и пойдемъ.

Если карабкаться на „Сорочьи гнѣзда“ по тропинкѣ, которая, ломаясь крутыми поворотами по сыпучей и обрывистой крути, ведетъ туда, какъ лѣстница на колокольню, то — первое дѣло — не оглядывайся назадъ, карабкайся внимательно, ставь ногу передъ ногой, отнюдь не раскачиваясь, — не то какъ разъ оборвешься и полетишь вверхъ тормашкой и внизъ головой; а такъ какъ на лету удержаться не за что, то можно сломать себѣ шею. Если же идешь какъ слѣдуетъ, спокойно и вѣрно, то, влѣзши на вверхъ, очутишься точно въ непроходимыхъ конопляхъ, такъ разрослась густая крапива на дикомъ привольѣ. Сквозь нее замѣтишь протоптанную тропинку; пройдя сотню шаговъ этимъ жгучимъ лѣсомъ, за бурьяномъ и за широко-листной лопухой, открывается удивительная усадьба.

Digitized by Google

Точно лѣшіе съ медвѣдями, ночью, натаскали всякаго гнилаго лѣснаго хлама и наворотили его, въ насмѣшку людямъ, ввидѣ трехъ избенокъ. Но этотъ видъ только сразу огорошитъ тебя, а приглядѣвшись, замѣтишь у каждой избенки по крылечку и по окошечку; и въ каждомъ окошечкѣ, будто отливы радуги, сверкаютъ заправленныя въ лучинки, бутылочныя стекла. Увидишь при избенкахъ и прясла, и изгороди, точно поваленный сухоподстой, или нарочно сложенные лѣсные завалы.

Въ самомъ дѣлѣ, усадьбы эти больше походили на сказочныя гнѣзда нѣкіихъ великанскихъ птицъ, нежели на пріютъ человѣческій.

Но нѣсколько пѣтуховъ и куръ встрѣтятъ гостя безпокойнымъ кудахтаньемъ, козелъ скосится на него, пріостановя свою жвачку, изъ-за корчевьевъ и угловъ выскачутъ брешущія шавки,—видимое дѣло—здѣсь живутъ люди. А за изгородями виднѣются небольшіе огородцы; тамъ, въ свѣжей махровой зелени, пестрѣетъ яркій макъ, золотятся подсолнечники и стрѣлой торчатъ тычины, обвитыя кудрявымъ хмѣлемъ. Дальше, за огородами, опять дичь: бурьянъ, паростникъ и кривыя березки; и въ этомъ дикомъ раздольѣ ныряетъ, перепархиваетъ и безъумолку стрекочетъ цѣлое населеніе сорокъ.

Должно быть за эту-то сорочью силу урочище и прозвано *„Сорочьими гнѣздами“*. Вотъ, что извѣстно было на селѣ, и верстъ на сто кругомъ села, о заселеніи этого пустыннаго урочища.

Давнымъ-давно, еще передъ персидскимъ походомъ и турецкой войной, на селѣ Побыловѣ жилъ-былъ не то хозяинъ, не то бобыль—Самсонъ Зуй, и съ женой своей Маврой Зуихой. Самсонъ былъ настоящій Самсонъ—силачъ безмѣрный; а и баба по немъ, — „племянницей Полкана богатыря“ прозвали ее люди. Жили они въ любви и совѣтѣ и пребывали больше въ праздности; а когда брались за работу, то у нихъ въ рукахъ дѣло истинно горѣло: вдвоемъ за десятерыхъ въ день наработаютъ—и на бокъ, почиваютъ недѣлю. Въ этомъ сожительствѣ прижили они себѣ дочь Марѳушу; а черезъ годъ Самсону и лобъ забрили,—какого-то міроѣда во хмѣлю за обиду пришибъ. Самсона сдали за буйство въ солдаты, и попалъ онъ, по своимъ статьямъ, въ артиллерію; тамъ онъ и вѣкъ скончалъ. А пока онъ служилъ, съ женой его вотъ что случилось Осталась Зуиха самъ-другъ съ дочкой; лелѣяла и берегла ее, какъ зеницу ока; дѣвчонка росла-выростала и выросла въ красавицу — перомъ не описать. На пятнадцатомъ году по рекрутствѣ мужа, получила отъ него

Digitized by Google

Самсониха грамотку, и съ посылкой;—пишетъ Самсонъ:—лежу за ранами въ госпиталѣ, приходи навѣстить.

Собралась баба въ походъ и оставила дочку сосѣдкѣ, своей сродницѣ И подъ заклятіемъ просила:—береги ее, какъ зеницу ока; а я тебѣ за то отслужу.

Ладно! Ушла Самсониха.

Дѣло было подъ осень; походу ей верстъ сотъ пять, — неизвѣстно, когда вернется. Пришла зима—Самсонихи нѣтъ-какъ нѣтъ; а въ село какъ-то наѣхалъ вотчинный конторщикъ—парень молодой, гулящій и зоркой. Впала ему въ глазъ солдаткина дочь — и пошли переговоры. Какъ, что — было неизвѣстно, а только черезъ мѣсяцъ-мѣста дѣвка пропала, и пропадала она до самого Егорья. А на Егорья привезли ее вечеркомъ, свинули къ Улитѣ; дѣвка чуть жива, лица на ней нѣтъ, сама безъ памяти—больна шибко. А черезъ два дни какъ разъ и мать вернулась съ походу. Глянула она на дочь—и только руками сплеснула, и слезы не выронила, перенесла ее въ свою избенку, уложила, сѣла надъ ней, глазъ съ нея не спускаетъ, и на лицо ей дышетъ, сидитъ день и ночь, и сама какъ камень молчитъ. Одначе отхухала она дочку, приняла отъ нея покаянье и позвала священника:—отпусти, говоритъ, рабы Божіей душу!

Послѣ исповѣди и причастія дочь померла.

Схоронила она ее, поставила крестъ, и, что ночь, то придетъ и сядетъ на могилу, сидитъ, не шевелится и молчитъ какъ каменная.

Никто не видѣлъ, чтобы она ѣла, или пила когда-нибудь, никто не слышалъ голосу ея, а только стали замѣчать, что глаза у нея по часамъ столбенѣютъ, сама она не порушится, а платъ на головѣ шевелится,—волосъ дыбомъ, значитъ, встаетъ,—и грозитъ она передъ собой кулаками. Ни съ кѣмъ она не водилась; а была на селѣ нищенка-дѣвчонка глухонѣмая, Фишкой прозывалась,—ее видывали у Мавры часто.

Разъ пришла Мавра къ старостѣ, помолилась на образа и говоритъ:—выселиться хочу, на селѣ жить не могу!

— Куда-жъ тебѣ выселиться?

Она и указала на „Сорочьи гнѣзда“.

— Ладно, поспрошаю міръ,—говоритъ староста.

Міръ сразу далъ свое согласіе, и порѣшили еще—перенести ей избу туда. Перенесли; кругомъ бревна возили, версты четыре объѣзда.

Живетъ Самсониха одна одинешенька на „Сорочьихъ гнѣздахъ“; конторщикъ изрѣдка наѣзжаетъ въ село.

Digitized by Google

Разъ увидѣлъ его священникъ, зазвалъ его къ себѣ и сталъ увѣщевать:—какъ-нибудь примирись съ матерью, которую изобидѣлъ кровно.

— Ладно, помирюсь!—и послалъ онъ къ Самсонихѣ со старушонкой двадцатипятирублевую бумажку...

Пришла старушонка къ Самсонихѣ на „Сорочьи гнѣзда“:—такъ и такъ, говоритъ, конторщикъ проситъ у тебя прощенія и прислалъ мировое,—и отдаетъ ей бумажку.

Самсониха остолбенѣла, но потомъ приняла деньги, поставила старухѣ поѣсть, а послѣ того накрылась платомъ и говоритъ:—пойдемъ со мной.

Пошли они прямо къ священнику. И проситъ солдатка отслужить панихиду за упокой души, даетъ ему бумажку,—двадцать рублей за панихиду,—а на пять рублей проситъ свѣчей образамъ поставить. Пошли они въ церковь; священникъ сталъ служить панихиду, а она взяла у пономаря всѣ, что были свѣчи и почала ставить къ иконамъ свѣчи, все *оборотныя*.

— По чьей душѣ служить?—спросилъ священникъ.

— По Марфѣ,—отвѣтила баба.

Началась панихида; Самсониха посреди церкви пала лицомъ на помостъ, такъ до конца и оставалась.

Послѣ службы увѣщевалъ ее священникъ простить злодѣя своего, но Мавра отвѣтила:—печаль моя между мною и Богомъ!—и ушла.

Долго не являлся на село конторщикъ. Каждое воскресенье приходила Мавра на село, садилась на базарѣ, продавала алякиши да драчоны, и ни съ кѣмъ ни единаго слова не молвила. Только нищенка глухонѣмая подбѣгала къ ней иногда, и та давала ей горячихъ алякишей. Прилша зима; базары, что воскресенье, что праздникъ, полны народу. Самсониха, всегда на своемъ мѣстѣ, сидитъ съ своимъ товаромъ.

И вотъ — разсказывали старики — что было на нашихъ глазахъ.

Пріѣхалъ къ старостѣ конторщикъ, — стало-быть званый, или жданый, потому что у старосты столъ накрытъ, пироги и закуски, водочка и наливка на столѣ. Сидятъ они и пируютъ, а старостина дочка на подносѣ чай подноситъ... А на базарѣ въ это-жъ время сидитъ Самсониха; и вдругъ, подбѣгаетъ къ ней нищенка глухонѣмая, Фишка; махнула она бабѣ рученкой, вывела кругъ, указала куда-то и горготнула по своему.... Встала и выпрямилась Самсониха, вздохнула тяжко и, сбросивши съ себя шубейку, накинула ее на дѣвчонку, указала ей свое мѣсто,

Digitized by Google

а сама—маршъ, прямо въ кабакъ. Кинула на стойку гривну:—наливай!—говоритъ Цѣловальникъ удивился и налилъ стаканъ; баба выпила;—наливай другой!—опять выпила, и, крякнувши, говоритъ:—ай, спасибо за живую воду!—и ушла...

А у старосты пиръ горой. Дьяконъ пришелъ чаи наводить, сотскій съ бляхой, стоючи, тоже чай похлебываетъ. Конторщикъ развалился у окна, куритъ трубку въ бисерный чубукъ, пробуетъ и хвалитъ наливку...

Шасть!—дверь пріотворилась; тихо крадучись, вошла въ одномъ сарафанѣ Мавра, поклонилась образамъ...—а вотъ, и я!—говоритъ Всѣ такъ и уставились на нее, словно ошалѣли... И летомъ, какъ взбѣсившаяся кошка, кинулась баба на конторщика; не успѣлъ сотскій чашку уронить, не успѣлъ староста шевельнуться съ мѣста, ужъ жилистая рука Самсонихи впилась въ лицо конторщика, а другая сжала ему глотку...

— Стой, извергъ, вѣдьма!—возопилъ дьяконъ.

Мужики, опомнившись, накинулись на нее, схватили за руки; но, какъ желѣзныя, напружились ея руки; правая—въ горсть сжимало окровавленное лицо конторщика, и указательный палецъ глубоко вонзился ему въ глазъ—хлынула кровь, и глазъ потекъ ей по рукѣ; а лѣвой рукой она давила его и, крѣпко потряхивая, стучала головой объ оконную притолоку.

— Аспидъ! шельма!... отдай мою дочь!—кричала она изступленно и взвизгивая;—зачѣмъ заклевалъ ее, подлецъ? сдохни!—и брызгала пѣна изъ ея кровавыхъ устъ...

Ошеломленный конторщикъ судорожно схватилъ ее за платокъ, за волосы, вырвалъ клокъ сѣдой, вцѣпился ей въ руки,—она ничего не слышала, не выпускала свою жертву, трясла, давила ее и стучала о стѣну головой... Съ общимъ воплемъ, насилу оторвали бабу. Конторщикъ, весь въ крови, покатился на полъ... И дикимъ хохотомъ залилась душегубка:—сдохъ! сдохъ! отцы мои, сдохъ Иродъ, развязалъ печаль мою!—вопила она,—и, какъ „лѣшева дудка“, катился ея трясущійся хохотъ...

Потащили простоволосую, растрепанную бабу, въ изорванномъ сарафанѣ, съ окровавленными и связанными руками, а она дико закатывалась на весь базаръ, вскрикивая:—сдохъ аспидъ! кровопійца!

Въ ужасѣ толпился и провожалъ ее народъ, а она все хохотала и кричала:—развязалъ, извергъ, печаль мою!

Ее увели въ сибирку.

Но аспидъ всетаки не „сдохъ“; онъ очнулся, кривой, полу-

Digitized by Google

удавленный, исцарапанный и избитый. Окутавъ, его увезли восвояси, на излеченіе.

Самсонихѣ грозилъ судъ; но она ничего на свѣтѣ не боялась.

— Хоть вы себѣ жилы тяните изъ меня, а я доѣду Ирода-кровопійцу!—говорила она ожесточенно, узнавъ, что конторщикъ еще живъ.

Неизвѣстно, что было бы ей по суду, но на селѣ никто не осуждалъ ее. Да въ такомъ дѣлѣ, какъ поступокъ Самсонихи, и законъ стоитъ за обиженную сторону.

Какъ бы то ни было, дѣло это замялось; штурмъ солдатки остался безнаказаннымъ, а конторщикъ остался кривымъ на всю жизнь. Да недолго и продолжалася эта жизнь: хотя онъ и оправился, и переселился верстъ за семьдесятъ отъ Побылова, и опять праздновалъ да охотился, однако, подъ осень, нашли его въ лѣсу не то застрѣлившимся, не то застрѣленнымъ и порядочно помятымъ. Уголъ этого лѣса примыкалъ къ „Сорочьимъ гнѣздамъ“ Когда розыскивали это убійство, подослали поглядѣть и на Самсониху; она лежала въ лихорадкѣ и тряслась подъ шубой. Никакихъ слѣдовъ не оказалось.

Глухонѣмая Фишка была при ней, призрѣвала ее.

— Развязалъ, Иродъ, печаль мою! — вскрикнула больная и хохотала дико.

Глухая дѣвчонка взглядывала на нее и злостно улыбалась.

Черезъ недѣль шесть Мавра оправилась. На селѣ узнала она отъ солдатика отпускнаго, что мужъ ея, бомбардиръ Самсонъ Зуевъ, убитъ прошлаго года въ персидскую войну; ядромъ разорвало его пополамъ. Смирилась Мавра, полгода не входила она въ церковь, а во все время службы Божіей всегда стояла на паперти, на колѣняхъ. Она отказалась отъ всякой скоромной пищи, ничего не пила, кромѣ воды, всегда молчала, какъ каменная, и кромѣ дѣтей ни съ кѣмъ не водилась.

Зато, Боже избави, при ней обидѣть, или изругать кого нибудь невинно: встрепенется и осычится бывало такъ, что и жизни не радъ обидчикъ. И всѣ, въ чемъ-нибудь виноватые, не исключая подчасъ и сельскаго начальства, считали за лучшее обходить стороной, да подальше, то мѣсто, гдѣ сидитъ, или идетъ Самсониха. Такова была основательница и первая обитательница выселокъ на „Сорочьихъ гнѣздахъ“.

Въ слѣдующій затѣмъ рекрутскій наборъ, еще одна рекрутка переселилась изъ села на „Сорочьи гнѣзда“ и, рядомъ съ Самсонихой, поставила свою хибурку. А года черезъ два и еще одна перебралася изъ ближайшей деревни и тоже сколотила себѣ,

Digitized by Google

съ помощью родни и ондосельцевъ, приземистую избушку. Но сосѣдки Маврины, на первыхъ порахъ тихія и работящія, вскорѣ оказали свои нравы: по недѣлямъ пропадали онѣ неизвѣстно гдѣ, и возвращались по домамъ, то съ разными удивительными заработками—платами узорными, ситцами да бисерами,—то еле прикрытыя, захирѣлыя, и не безъ видимыхъ синяковъ и царапинъ. Мавра не водила съ ними дружбы, жила особнякомъ; сосѣдки побаивались ея, хороводились и ссорились между собой втихомолку.

Но не обходилось безъ шуму, а иногда и погрому и на „Сорочьихъ гнѣздахъ". Вчастую виднѣлись тамъ огоньки по ночамъ, доносилась невнятная музыка гармоники, злой посвистъ и нескладныя пѣсни.

— Загуляло сорочье безпутное!—ворчали на селѣ старухи;—о-охъ! выжечь бы, да выкурить ихъ!

Случалось, являлся туда, въ самый разгаръ пирушки, и кабачникъ, съ десятскимъ и понятыми, и тутъ же уличалъ веселыхъ хозяекъ въ корчемствѣ. Но всѣ эти дѣла улаживались и кончались, какъ кончается всякой привычный и распутный порядокъ, то мировой, то кулачной сдѣлкой;—поругаются, постонутъ, поплачутъ горестно, позатихнутъ на недѣлю-другую — и опять взвоютъ пѣсни да гармоники. Въ ночномъ мракѣ и тишинѣ, далеко на селѣ, слышно, бывало, какъ гудитъ пиръ непотребный...

II.

Въ Побыловѣ считалось болѣе 400 ревизскихъ душъ. Въ наборъ 1828 года село поставило двухъ рекрутовъ.

Одинъ изъ нихъ былъ человѣкъ неказистый, тихій и трудолюбивый; всего другой годъ пошелъ, какъ женился онъ на красивой дѣвушкѣ изъ небогатой семьи. Прозывался онъ Калистратъ Панфиловъ, а жена его Палагея. Калистрату нельзя было миновать красной шапки: семью держала мать вдова, старшій сынъ женатый заправлялъ всѣмъ хозяйствомъ, меньшакъ былъ еще молодъ и малъ ростомъ,—дѣло, значитъ, безспорное. Да и былъ Калистратъ человѣкъ безотвѣтный, законный; самъ видѣлъ неминучую судьбу свою и не отказывался отъ нея. Но Палагею вѣсть эта совсѣмъ пришибла; затосковала она, все плакала и тихо жаловалась мужу, что не выжить ей безъ него. Дѣйстви-

Digitized by Google

тельно, мать была женщина слабая, а домомъ правила невѣстка, жена большака, бабенка скорая, крикливая, и не долюбливала она Палагею именно за то, что всѣ ее любили. Еще въ дѣвкахъ Палагею называли въ селѣ „бѣлоличкой", „дворянкой";— въ самомъ дѣлѣ, въ красотѣ ея было что-то непростое, не деревенское; но это не мѣшало ей быть работящей, простой сердцемъ и привѣтливой. Дѣвичьи прозвища замужемъ забываются, и обычливые люди не поминаютъ ихъ въ лицо честнымъ замужнимъ женщинамъ, развѣ пошутитъ кто. А невѣстка Палагеина иначе и не называла ее, какъ „дворянкой" да „бѣлоличкой". Ничего не было бы тутъ обиднаго, еслибъ это говорилось любя; но досадно день въ день слышать все одно и тоже, ни заштони прошто, а изъ одной глупой бабьей зависти.

— Изведутъ они меня,—шептала мужу Палагея, усѣвшись съ нимъ за овиномъ, въ пріютной ямочкѣ, на ворохѣ молоченной соломы,—ой, изведутъ!..

Сидѣли они, обнявшись, всплакивали, прощались потаенно.

Калистратъ уговаривалъ ее:—потерпи — все обойдется; матушка любитъ тебя, братъ тоже не дастъ въ обиду...

— Ахъ, желанный ты мой! ни матушка, ни братъ-сестра— никто не пожалѣетъ такъ, какъ...—и она не договорила, заплакала и приникла къ груди мужа.

Такъ они сидѣли, молча, вздыхая, похлипывая и все крѣпче прижимаясь другъ къ другу. Въ томъ было все и прощанье.

Но, разумѣется, тяжело было на душѣ у бѣдняжекъ...

Въ самый день отъѣзда Калистрата въ городъ, въ „рекрутское присутствіе", помолившись всей семьей передъ образами, всѣ стали прощаться съ нимъ. Палъ онъ въ ноги матери, и старуха зарыдала и заголосила надъ головой его. Сталъ онъ было молить да просить ее за молодую жену свою, да ничего не вышло: перемѣшались слова со слезами и не вязались въ толковую просьбу. Палъ онъ въ ноги брату:—побереги, братъ, ты мой, жену мою,—будь ты ей отцемъ, заступимое мѣсто...—и тутъ голосъ оборвался. А невѣстка сквозь слезы всетаки усмѣхнулась:— заступи мѣсто, молъ!... Вишь, что выдумалъ!

Онъ и ей палъ въ ноги:—сестрица, желанная, пожалѣй ея младость глупую, не кори ты ее!..—и опять замялся.

Со всѣми простился Калистратъ, а ужъ какъ съ женой прощался, такъ нечего и говорить

Уѣхалъ онъ скоро, не съ тѣмъ, разумѣется, чтобъ вернуться. Палаша долго ходила, какъ одурѣлая, ничего не помнючи...

Первое время семья утѣшала Палагею; мать вчастую при-

Digitized by Google

плакивала съ ней втихомолку; братъ былъ очень ласковъ, даже иногда слишкомъ ласковъ, такъ что сама невѣстка похваливала:— по завѣту братнему—заступи, молъ, его мѣсто! добрая ты душа!.. Всѣ берегли ее сначала; но понемножку забывалось ея сиротское положеніе; а не прошло и полгода, какъ Палашу нашу, какъ говорится, запрягли, сѣли, да всѣ и поѣхали на ней; — такой крѣпостной работницы ни у кого и не было, какъ она у нихъ. Черезъ силу работала безотвѣтная бабенка и, измаявшись въ день, кинется, бывало, на свою одиновую постель, и горько плачетъ, пока сонъ не замкнетъ усталыхъ глазъ. Но, не смотря на трудную работу съ утра до вечера, не смотря на безъисходную печаль, солдатка наша все еще цвѣла какъ макъ.

— И бѣда ее не беретъ! — болтали дѣвки, да молодицы;—а румянецъ-то бьетъ, ажъ по надъ ушами горитъ!.. а плечи-то, гляди, словно выточенныя! Вишь, горюшки ей мало!

Однако, не смотря на эту зависть, Палагею любили на селѣ, и никто не отзывался о ней худымъ словомъ. Да и поводу къ тому, по правдѣ, не было

Конечно, „выросла малина—придутъ по малину“: не безъ того, что и къ Палашѣ пробовали подсыпаться разные, все больше праздные, легкимъ трудомъ промышляющіе, балагуры, вродѣ сидѣльцевъ питейныхъ, приказчиковъ, да писарей-конторщиковъ; но непривѣтливо встрѣчала ихъ наша печальная красавица, еще хуже провожалъ своякъ и змѣей сычала на нихъ старуха.

— Неуломливая бабенка!—порѣшили балагуры.

А житье Палаши часъ-отъ-часу становилось хуже, и дошло до того, что иногда хоть изъ дому бѣги; завладѣла помаленьку нравная невѣстка безотвѣтной молодицей: то изругаетъ ее словами послѣдними, то швырнетъ ей въ лицо какую-нибудь тряпку,—не даромъ же, говоритъ, кормить тебя: капиталовъ по мужѣ не оставлено!—то ворчитъ отъ зари, до зари, пилитъ да ѣстъ-поѣдомъ. А мать и заступаться забыла; сама была въ загонѣ старуха Братъ прикрикнетъ ино на жену, такъ та ему просто отрѣжетъ:—небось, *заступи мѣсто* по мужнину прошенію... Чтожъ, *дворянка*—не намъ чета!

И начинала точить тоска Палагею, узнала она безсонныя долгія ночи и страхъ беззащитнаго одиночества. Чувствовала она, какъ силы ея съ каждымъ днемъ слабѣли, какъ усталость сказывалась, поламывая молодыя кости.

Такъ прошло уже три года по уходѣ Калистрата. А на четвертый годъ, осенью, въ самую заговѣнь, случилось вотъ что.

Съ утра перепархивалъ снѣгъ и застилало порошей новое

Digitized by Google

первопутье. Пообѣдавши, большакъ съ малышомъ заткнули за пояса по топоришку, сѣли на дровни и поѣхали въ лѣсъ по дрова. Бабы убрались, обрядились и, какъ стемнѣло, воткнули въ свѣтецъ лучину, и засѣли за пряжу. На дворѣ посвистывала мятель; въ избѣ тепло и тихо. Послышалось—хлопнула калитка.

— Нѣшто рано вернулись?—промолвила старуха.

— Не они,—отвѣтила невѣстка.

А двери скрипнули, и въ избу вошелъ запорошенный снѣгомъ солдатъ.

Взглянула Палагея и, вскрикнувши, кинулась къ нему на шею. Бабы опустили руки, разинули рты, а лучина вспыхнула поярче, и погасла.

— Отцы мои, свѣты! никакъ Калистратушка!—всхлипнувъ, вымолвила старуха; а огня такъ никто и не вздуваетъ,—у всѣхъ руки трясутся.

Поднялся темный сумбуръ. Первымъ дѣломъ опрокинули свѣтецъ на дѣвчонку, и она залилась, что было духу; вторымъ дѣломъ—баба соскочила съ коника и наступила на кошку, и та замяукала, какъ передъ смертью; къ этому—ребенокъ разразился въ зыбкѣ.

— Кой лѣшій давитъ васъ въ потьмѣ?—спрашивалъ, стоя въ дверяхъ и ничего не видя въ темнотѣ, большакъ;—они, какъ разъ, кстати пріѣхали изъ лѣсу.

— Это я!—рапортовалъ солдатъ.

— А ты кто такой?—кричалъ большакъ, не узнавши погрубѣлаго голоса брата;—вздувай огня!

Насилу засвѣтили лучину въ потьмахъ.

Переобнимавшись всѣ по очереди, наконецъ, усадили солдата, и жена усѣлась, не спуская съ него глазъ и не выпуская его руки изъ своихъ трепетныхъ рукъ,—родня оглядывала его съ любовью и съ удивленіемъ.

— А какой же ты сталъ, Калистратушка, родненькой!..—распѣвали бабы.

Калистратъ улыбался, поглядывая на нихъ.

— Не хошь ли поѣсть, желанинькой? накрой, дѣвка, столъ!—хлопотала старуха.

— Погоди, матушка, дай наглядѣться на васъ.

И онъ опять обвелъ всѣхъ глазами и остановился на женѣ; обняла его Палагея и отшатнулась; заплакала она, закрывши лицо рукавомъ сорочки.

— А, братъ ты мой, таки-совсѣмъ ты сталъ другой,—промолвилъ, улыбаясь, братъ.

Digitized by Google

— Да, братъ любезный, значитъ, служба,—отвѣтилъ Калистратъ.

И въ самомъ дѣлѣ, на первый взглядъ, онъ совсѣмъ былъ не тотъ, что прежде; сталъ онъ коренастый, осадистый служивый; короткіе волоса стояли у него на головѣ щетиной; усы, баки и брови точно сливались въ одинъ кружокъ и очень храбро торчали вокругъ глазъ и носа. Движенія его были попрежнему медленны, но уже увѣсисты и тверды по-солдатски. А доброта и спокойствіе на лицѣ остались тѣ же, и вся невзрачная фигура его была какъ то пріятна и казалась очень почтенной. На груди свѣтлѣлись медали.

— А и какъ же тебя, дитятко, Господь въ полкахъ милуетъ?—спрашивала, приплакивая, мать.

— А, благодареніе Богу, матушка, служу не изъ самыхъ послѣднихъ; я же притомъ и сапожничаю.

— Откуда жъ тебѣ разуму этого послалъ Господь?.. аль начальство приказало?

— Самъ собой, подъ рукой у стараго солдата, выучился.

— А и награди его, Господи, за то,—и набожно перекрестилась старушка..

Такимъ-то побытомъ пришелъ Калистратъ на побывку и зажилъ у семьи своей. Въ первое время всѣмъ казался онъ какимъ-то непохожимъ на себя человѣкомъ; но скоро увидѣла семья, что онъ все тотъ же добрякъ, спокойный Калистратушка; а не прошло и недѣли—всѣ позабыли даже, что онъ только въ отпуску на шесть мѣсяцевъ; ужъ онъ, въ полушубкѣ и въ братниномъ треухѣ, поѣхалъ въ лѣсъ за дровами. Можно было подумать, что и жена позабыла на радостяхъ, или не хотѣла разсказать ему про все свое горькое житье и притѣсненіе, которое терпѣла она отъ невѣстки. Но дѣло было не такъ.

Солдату съ женой приладили постель въ коморѣ, и тамъ они шушукались иногда до вторыхъ пѣтуховъ. До слова вышептала и выплакала Палагея мужу всю свою горькую долю; разсказала, какъ работаетъ она безъ устали, изо всѣхъ силъ старается, а за все-про-все, кромѣ попреку, руганья да насмѣшки обидной, ничего не видитъ, какъ выбивается она изъ силъ, ни сна, ни покоя не знаетъ, а тоска, что змѣя подъ сердцемъ, сосетъ ее день и ночь.

— И вижу сама,—говорила она,—что извожуся не по днямъ, а по часамъ, пока въ щепку высохну...

Понялъ мужъ, что не выжить ей въ домѣ матери, припом-

Digitized by Google

нилъ онъ и прощальныя слова жены:—ой, изведутъ они меня!—Да дѣлать-то было нечего,—дѣваться некуда.

Принесъ онъ съ собой деньжонокъ малость, десятка два рублей,—настучалъ еще неискуснымъ мастерствомъ своимъ, приберегъ въ три года, не расходуя на себя безъ крайней надобности перепадавшую ему копейку. Но съ такимъ капиталомъ недалеко уѣдешь. Подумывалъ онъ:—не взять ли жену съ собой въ полкъ?—и на этой мысли остановился. Будетъ заниматься шитьемъ, стиркой офицерской... Но припоминалъ полковыхъ солдатокъ, ихъ жизнь—невѣрную, случайную,—и наеживались его брови, морщился лобъ,—неладно дѣло! а всетаки другаго способа не имѣется...

И въ этой неизвѣстности, что дѣлать, порѣшилъ онъ молчать передъ семьей до времени; такъ и женѣ наказалъ:—дѣлай свое дѣло, молчи, ничего не говори; а тамъ—что Богъ дастъ.

Повеселѣла и скоро поправилась при мужѣ Палагея; опять вспыхнулъ румянецъ во всю щеку и глаза посвѣтлѣли; но Калистратъ, что день, становился заботливѣе и задумчивѣе:—какъ бы пристроить, какъ защитить и обезпечить свою женушку? А ужъ оставить ее въ домѣ матери, съ сварливой невѣсткой, все равно, что за время выкопать ей могилу.

Странно, подумаешь, какъ это въ доброй и безбѣдной семьѣ нѣтъ мѣста смирному, трудолюбивому человѣку? Но лиха бѣда, человѣкъ-то этотъ—женщина, да еще молодая и пригожая. Не будь невѣстки—другой разсчетъ; а между двухъ молодыхъ бабенокъ точно какой-то лѣшій безустанно пороху подсыпаетъ: чуть тронуло ихъ за язычекъ—трахъ! трахъ! и пошелъ батальный огонь перебранки! да и не всегда холостыми зарядами—то тряпкой, какъ пыжомъ выстрѣлить, а попалъ подъ-руку горшокъ—пожалуй, и бомбу пуститъ. Слабоязычно это племя, золовки, невѣстки, да кумушки! Такой имъ зарокъ на роду положенъ:—стрекочите, бабы, до-смерти.

— Намъ свѣту не перестроить,—подумывалъ Калистратъ,—а бабѣ моей пребывать въ семьѣ нашей невозможно;—чистое дѣло—изведутъ ее!

И носился онъ съ этой мыслью, ни на минуту она его не оставляла:—будь, что будетъ—повезу ее въ полкъ.

А такъ какъ всѣмъ и каждому давно извѣстно, что „одна бѣда не ходитъ“, непремѣнно приплетется къ ней и другая, то и съ нашими любезными супругами тоже самое вышло. Однажды, поужинавши въ избѣ и пожелавъ всѣмъ своимъ „покойной ночи“, отправились они въ свой, хоть холодный, но очень пріют-

Digitized by Google

ный ночлегъ, въ комору. Помолились Богу, улеглись подъ шубы, и давай шушукаться:—вотъ, молъ, прошло и восемь недѣль побывки твоей; и не увидимъ, какъ конецъ подойдетъ!—шепчетъ жена.

— А ты, слава Господу, поправилась, покруглѣй стала,—отшепнулъ мужъ.

— Да я вотъ что, голубчикъ ты мой...—и она зашептала такъ, что и мыши въ коморѣ не услышали бы ..

— Можетъ ли быть?—вскрикнулъ Калистратъ, вскочилъ на постели и сидя выпрямился какъ во фронтѣ...

Жена молчала и все крѣпче прижималась горячимъ лицомъ къ груди его.

— Я такъ и зналъ!—пробормоталъ онъ, перекрестился, легъ.—Такъ я всегда предполагалъ, что вотъ еще *онъ* устроитъ мнѣ, прости, Господи, этакую пакость!...

— Что ты! Калистратушка, Господь съ тобой!.. — шептала жена.

— Да я же любя *его* говорю; я ничего, Боже избави, супротивъ *него* не имѣю!—оправдывался мужъ;—одначе, сама посуди, намъ и вдвоемъ—хоть въ петлю головой, а тутъ еще *третій*... не могъ *онъ* подождать?..—И, чувствуя, что онъ несетъ дичь, Калистратъ зачихалъ и крестился, и тихонько промолвилъ:—я, братецъ мой, совсѣмъ не съ тѣмъ говорю...—но опять помолчавъ, зашепталъ:—такъ вотъ оно што! фю-фю-фю!—присвиснулъ шепотомъ.

Воцарилось молчаніе...

— А можетъ быть тебѣ только такъ примерещилось? а?

На это ему отвѣта не было, а только въ темнотѣ круглая женская рука вылезла изъ подъ шубы,—жена перекрестилась.

— Ну, такъ ты и молчи! слышь?

— А ужъ какъ и молчать!...

— И, Боже мой—молчи!...

Опять настало глубокое молчаніе. Палагея засыпала... Солдатъ не смыкалъ глазъ.

И, если можно было безъ шуму-шелесту пораздвинуть чуть-чуть тесовую крышу коморы, да освѣтить маленькое лицо почтеннаго Калистратушки, да невидимо заглянуть не него, открылось бы прелюбопытное зрѣлище: уморительныя рожи онъ выдѣлывалъ, двигая своими усами и бровями, шевеля своей щетинистой прической и вытаращивши глаза въ потьму. Попробуемъ разсказать, что мерещилось бѣдному солдату.

Лежитъ онъ, глядитъ и видитъ: родился у него сынъ, скор-

Digitized by Google

ченный, красный мальчишка, и сосетъ свои кулаченки; бабка поскорѣе шлепнула его; — потише! — буркнулъ Калистратъ; а мальчишка залился:—ува! ува!—и ничего не стало видно: слезищей заволокло глаза Калистрату.

Но онъ отеръ слезу,—опять видитъ—пришелъ священникъ и спрашиваетъ: — какое имя дать младенцу?—Сейчасъ!—солдатъ задумался.—А вотъ какое имя: Калистратъ!—нѣтъ, постой: Панфилъ, что-ли? Погоди, не то: развѣ дать ему имя дядьки, Василія Прохоровича? Во-первыхъ, онъ меня во фронтъ поставилъ и человѣкъ раздобрѣйшій; во-вторыхъ, на Гроховскомъ полѣ Егорія получилъ... Василій, батюшка, имя младенцу!

И сейчасъ же видится ему, что Васька уже смѣется и протягиваетъ ему рученки.

— Отъ чего у тебя, тятька, такіе черные рубцы на рукахъ?—лепечетъ.

— Оттого, братецъ ты мой, соплякъ любезный, что я сапожникъ! понимаешь? шью на вашу босоногую братью сапоги, тебѣ же дурачку деньжонки зарабатываю, слышь ты!

Мальчишка смѣется и уцѣпился за усы.

— А отчего у тебя, тятька, такіе стриженные усы?

— А оттого, что я солдатъ; понимаешь ты, колпачище мой, что такое солдатъ? Солдатъ есть имя честное, и прочее, и прочее... разумѣешь? ась?—

— А я-то что?—спрашиваетъ мальчишка.

— Ты? а ты—солдатскій сынъ, то-есть—кантонистъ...

И Калистратъ сдвинулъ свои наеженныя брови.

Глядитъ—а ужъ передъ нимъ пляшетъ сорванецъ въ казенной курткѣ и солдатской фуражкѣ, кривляется и дразнитъ его:—не поймаешь! не поймаешь!

И, точно на яву, видитъ Калистратъ: вотъ проходитъ купецъ, а сорванецъ — шмыгъ ему въ карманъ,—и опять выскочилъ изъ кармана какъ чертенокъ, опять пляшетъ, прищелкивая и припѣвая: — не поймаешь! не поймаешь! — Прошла баба съ пряниками, онъ ей метнулъ песку въ глаза, схватилъ горсть пряниковъ, убѣжалъ и опять пляшетъ и поетъ:—не поймаешь! не поймаешь! — Тащи сюда добычу! штыковая работа, кремень околоченный, обоешь, бѣсенокъ!—кричитъ ему такой же, только большаго роста штукарь, и грозитъ предлиннымъ пукомъ моченыхъ розогъ,—а Васька—шмыгъ, по стѣнѣ, по потолку бѣгаетъ, какъ китаецъ, какъ крыса, какъ фокусникъ индѣйскій Но большой фокусникъ поймалъ его за ухо, стащилъ съ потолка,—грымъ объ землю, и, словно спицы колеса на ходу, засверкали

Digitized by Google

розги по всему тѣлу мальчишки; — ай, ай, ай! дядюшка, катай еще-еще! пощекочи-пощекочи! а мнѣ только смѣшно,—ха-ха-ха-ха! хоть ты себѣ возъ прутьевъ измочаль на мнѣ! Ухъ, какъ славно отпоролъ!..—И опять висѣльникъ скачетъ-пляшетъ и въ трезвонъ припѣваетъ:—не поймаешь! не поймаешь! чорта взялъ, —не поймаешь!..

Калистрата кинуло въ дрожь: — неужъ-то же это ты, Васютка?—спрашиваетъ онъ.—Я, батька, я самъ; родился на камешкѣ, окунутъ въ косушку, подкуренъ махоркой, отшлифованъ мелкимъ прутикомъ, крупной палочкой, со всѣхъ четырехъ сторонъ! я, я, батька! — и захохоталъ шельмецъ-мальчишка. Калистратъ видитъ, что это худой сонъ, бредъ, дьявольское наваждѣніе; но наваждѣніе лѣзетъ ему въ глаза.

— А вотъ погляди, — мерещится Калистрату, — что дальше будетъ!—кричитъ ему отпоротый мальчишка,—гляди.

И видитъ Калистратъ одиночное ученье въ манежѣ. Передъ рекрутомъ стоитъ — Господи помилуй! — Васютка его. Пуговки блестятъ, сапоги скрыпятъ и сверкаютъ, фуражка, изогнутая кораблемъ, на бочекъ, на правое ухо, галуны горятъ, и на погонахъ желтая перемычка, — значитъ — учебно-карабинерный унтеръ; весь онъ, словно подъ зубокъ вылощенъ, выхуханъ и причесанъ.—Ай да, Васютка мой!

— Тихимъ учебнымъ шагóмъ, въ три пріема! ра-азъ!—командуетъ онъ рекруту. Трепеща выноситъ рекрутъ ногу. — Не такъ-съ! чучело воронье-съ, моховикъ! а вотъ какъ-съ—и, двинувъ рекрута въ зубы, самъ показываетъ ему какъ выносить ногу.

— Теперь—два-а, а!—не дыша, колыхаясь, рекрутъ тихо поднимаетъ ногу... — Колѣнко-съ, колѣнко-съ! мухоморъ-бестіанской!.. Теперь—три! всѣмъ корпусомъ вались впередъ, отбей носкомъ и застынь на мѣстѣ!

Все это насильно мерещилось Калистрату; пробовалъ онъ задумать о чемъ-нибудь другомъ, но всѣ думки сбивались опять на сына, на Васютку въ унтерскомъ мундирѣ; и безотвязно чудился ему этотъ карабинеръ, со своимъ нещаднымъ муштрованьемъ и кулачной расправой.

— Неужъ-то же, въ самомъ дѣлѣ, мой Васютка будетъ такой же строгій?—думалъ онъ, вытаращивъ глаза въ потьму.

И опять видитъ Калистратъ Васютку;—передъ нимъ становится бравый ефрейторъ; вглядывается Калистратъ и узнаетъ своего дядьку, почтеннаго Василія Прохорова Начинаетъ Васютка муштровать и шлифовать браваго солдата; — являйсь! —

Digitized by Google

командуетъ ему. Ефрейторъ подходитъ, беретъ на караулъ. — Врешь! плыви лебедемъ, а рѣдьку не сади, ружьемъ не ляпай, а сверкай какъ молніей! То есть—вотъ такъ:—и онъ самъ взялъ ружье подъ прикладъ, поплылъ, дѣйствительно, лебедемъ, сверкнулъ ружьемъ и отрапортовалъ—какъ дробь по барабану, слова посыпалъ. Калистратъ даже улыбнулся отъ удовольствія: — ай, да сынъ!—подумалъ онъ, забывая что все это—одно привиденіе, бредъ полусонный.

— Являйсь!—снова командуетъ Васютка Прохорову, — тотъ не успѣлъ и подойди,—врешь!—крикнулъ унтеръ и замахнулся на него рукой ..

— Ахъ ты, подлецъ! — вскрикнулъ Калистратъ, сорвавшись съ постели;—это-жъ мой дядька!

— Все единственно!—отвѣчаетъ ему улыбающійся Васютка:—подъ горячую руку можно-съ!

— Ахъ, ты, извергъ! сгинь, провались!..—въ ужасѣ шепталъ Калистратъ, — и привиденіе исчезло, провалилось въ глубокую тьму...

Только въ ушахъ у него трещало, словно издалека, складное оправданіе карабинерной скороговорки:—безъ ума голова—шалыга, безъ проворства пальцы—грабли, а нешлифованный человѣкъ—болванъ-съ!..

— Тфу ты бѣсъ!—Калистратъ сталъ креститься.

— Чего не спишь, желанный? — спрашивала спросоня жена; а онъ все еще припоминалъ весь этотъ бредъ, не разъ испытанный имъ самимъ на яву.

Именно, *десяточный* унтеръ его былъ образецъ шлифованнаго учебно-карабинера; со страхомъ и непріязнью вспомнилъ онъ его и подумалъ о своемъ родномъ *сынѣ*; онъ вспотѣлъ какъ въ банѣ и давай молиться.

Но вдругъ, пришло ему въ голову:—да съ чего же я взялъ, что будетъ сынъ? а развѣ не можетъ быть дочь?..

И отлегло ему отъ сердца. Съ этой утѣшительной мыслью задремалъ усталый солдатъ.

Заря уже занялася.

III.

Поздно проснулся Калистратъ, и не успѣлъ лобъ перекрестить, а ужъ „Васютка“ влѣзъ ему въ голову и сидитъ тамъ, улыбаясь и издѣваясь надъ цѣлымъ свѣтомъ. Оборонялся солдатъ

Digitized by Google

отъ мысли, насильно задумывалъ о дочери, даже убѣждалъ себя, что, авось, и ничево не родится,—какъ-нибудь такъ пройдетъ,—но неотвязный „Васютка“ торчалъ передъ глазами какъ живой, приподнималъ свою фуражку и съ улыбкой докладывалъ: — невозможно-съ мнѣ не родиться; необходимо шлифовать людей-съ, ибо не шлифованный человѣкъ—болванъ-съ!..

— Чтобъ тебя лѣшій въ проруби утопилъ!

Благовѣсть ударилъ къ обѣдни. Калистратъ пошелъ въ церковь, поставилъ къ образу свѣчу и молился со всеусердіемъ.

Дьячокъ, читая и припѣвая на клиросѣ, косился на молящагося солдата; былъ онъ великій охотникъ до христолюбиваго и бывалаго въ походахъ воинства;—у него у самаго сродственникъ служилъ въ арміи. Послѣ литургіи дьячекъ поднесъ солдату просфору и пригласилъ къ себѣ на чарку водки. А былъ онъ человѣкъ великаго ума; хозяйка его была особа весьма любознательная; а Калистратъ былъ, хотя скромный и отчасти мѣшковатый, но обстоятельный человѣкъ; конечно, онъ не могъ бы, напримѣръ, развеселить собесѣдниковъ разсказами своими,—былъ онъ нерѣчистъ и негораздъ на выдумки,—но то, что зналъ, умѣлъ разсказать толково, ясно и даже какъ-то внушительно.

Вотъ, сидѣли они у дьячка втроемъ передъ столикомъ съ закуской и выпивкой. Полюбопытствовалъ дьячекъ о военныхъ дѣйствіяхъ послѣдней кампаніи, и говоритъ: — не имѣю писемъ отъ сродника, а служитъ онъ въ Елецкомъ пѣхотномъ полку;—вамъ, можетъ статься, извѣстенъ полкъ?

Надобно же такого рѣдкаго счастія, что какъ разъ Калистратъ видѣлъ собственными глазами знаменитый штурмъ непріятельскаго редута, на которомъ именно этотъ полкъ, что называется, покрылъ себя славою.

— Какъ неизвестенъ!—сказалъ, улыбнувшись, Калистратъ,—передъ нашимъ носомъ *Ельцы* (такъ называли полкъ) брали батарею, т. е. редутъ истребляли.

— Какой такой редутъ?—тихо спросилъ дьячекъ.

— А вотъ какой... Намъ слѣдовало подойти къ непріятельской крѣпости, а онъ намъ на самомъ пути взялъ да и выставилъ на взгоркѣ батарею, т. е. редутъ. Ну, лаетъ, какъ собака, на всѣ стороны и ядра мечетъ, а подойдешь поближе—сыпнетъ картечью,—пройдти, значитъ, и нельзя; а обойдти—мѣстность не позволяетъ,—возьми сперва редутъ.

Для ясности, Калистратъ показалъ, какъ и кто стоялъ подъ этимъ редутомъ.

— Вотъ тутъ—редутъ,—онъ развелъ въ кружокъ пальцемъ по

Digitized by Google

столу пролитую водку;—тутъ—мы, а тутъ—Елецкій полкъ. Батарея безпокоитъ насъ ядрами; и тронулся первымъ елецкій баталіонъ въ атаку..

— Господи, Іисусе Христе!—шептала дьячика.

— Молчи! — буркнулъ дьячокъ; и оба влѣпили глаза въ солдата.

— И слышимъ мы, приказано имъ—померѣть, а взять батарею. А она бьетъ-разитъ дымомъ, огнемъ, картечью такъ и стелетъ навстрѣчу... Какъ темная волна съ бѣлымъ гребнемъ претъ баталіонъ; знамя развѣвается; штыки играютъ. Бьютъ *наступленіе*, слышимъ. Ревма-заревѣла батарея и вся зазіяла,—смерть чуетъ. И вотъ, сударь мой, видимъ мы, мелькнули ружья—*на руку*! въ самый дымъ наклонялось знамя; слышимъ—ура-а!—и, какъ глазомъ моргнуть—все взлетѣло на воздухъ, только поле стонуло!.. По всей нашей линіи покатилось—ура! а черный взгорокъ только дымится вверху. Редута какъ не бывало,—взорвали значитъ... Вотъ они, *Ельцы*, какіе!

Выпивши еще по шкалику-другому, по убѣдительной просьбѣ хозяевъ, началъ-было разсказывать Калистратъ дальнѣйшій ходъ кровопролитнаго дѣла; говорилъ хорошо, мѣтко, да на самомъ жаркомъ мѣстѣ разсказа вдругъ—запнулся, выпучивъ глаза, и совсѣмъ замолкъ. Что за причина? А это опять „Васютка“ вскочилъ ему въ голову и перепуталъ тамъ всѣ мысли: какъ ни поправлялся солдатъ, какъ ни пробовалъ установить порядокъ въ головѣ, толку не было. Перепакостилъ сынокъ всю бесѣду.

Радушные хозяева дивились такой внезапной перемѣнѣ гостя, подкрѣпляли его шкаликомъ; но ничего не помогло. И тутъ-то, онъ откровенно высказалъ имъ главное свое горе, именно, трудное положеніе жены въ семьѣ, съ неуживчивой невѣсткой.

Разговоръ перемѣнился; началось сѣтованіе, соболѣзнованіе.

— Знаю, знаю молодицу вашу,—говорилъ хозяинъ;—тихая, обычливая женщина.

— И невѣстку вашу знаю, — примолвила хозяйка: о-охъ, языкъ!—цѣлая яга-баба!

Придумывали они, какъ помочь этому горю; но что же можно было придумать, коли у солдата и средствъ никакихъ не было? Дѣло оказалось непоправимымъ, а утѣшенія безполезными. Всѣ замолчали.

— А что вы скажете о „Сорочьихъ гнѣздахъ“? — вдругъ спросилъ значительнымъ голосомъ хозяинъ,—и точно онъ узелъ развязалъ, надъ которымъ всѣ возились и хлопотали безуспѣшно.

Объяснилъ дьячекъ, что главный комендантъ „Сорочьихъ

Digitized by Google

гнѣздъ", Мавра Самсониха, хотя женщина нелюдимая и строгая, хотя много грѣшна она передъ Богомъ, но никто о ней ничего худаго сказать не можетъ, ибо она—*человѣкъ справедливый*.

— Ступай къ ней, бей челомъ, и, если она согласится принять жену твою, то лучшаго пріюта и желать нельзя,—завѣрялъ дьячекъ.

— А что ты думаешь?—вѣдь истинно такъ!—подтвердила дьячиха.

— А благослови, Господи,—къ ней и пойду,—отвѣчалъ солдатъ.

На томъ и порѣшили дѣло.

Черезъ два дня послѣ этого порѣшенія, по крутой тропинкѣ, что какъ лѣстница вилась изъ оврага на „Сорочьи гнѣзда", поднимался Калистратъ. Добрался онъ доверху, до самой крапивы и остановился вздохнуть и оправиться. Сердце его стучало и отъ крутаго всхода, и отъ опасенія отказа въ предстоящей просьбѣ, и отъ робости: съ Маврой Самсонихой говорить—это не со своимъ братомъ; на всемъ селѣ никто, кромѣ ребятишекъ, не задѣвалъ ее ни единымъ словомъ; каждый только шапку приподыметъ, проходя мимо ее. А тутъ надо являться въ ея собственную усадьбу, да еще съ просьбой.

Обдернувъ шинель и отерѣвъ платчишкомъ потъ съ лица, прошелъ Калистратъ чрезъ крапивный лѣсъ, вошелъ въ бурьянъ, раздвинулъ его огромные листья, глядь—а передъ нимъ сумрачное лицо Самсонихи, съ крыльца глядитъ на него.

Солдатъ немножко оторопѣлъ.

— Чего тебѣ?—спросила она строго.

— Не бойсь, тетушка,—началъ было Калистратъ, но Самсониха перебила его:—эва!.. еще не родился тотъ, кого я боялась бы!—и пошла къ прясламъ развѣшивать какую-то ветошку.

— Я не хотѣлъ спужать васъ,—проговорилъ Калистратъ, но Самсониха еще грубѣе отвѣтила, не оборачиваясь къ нему:—и пушкой не спужаешь насъ, родимый,—сами изъ *антиреліи*!—и показала ему кулакъ.

Калистратъ снялъ фуражку и мягкимъ голосомъ сказалъ:—я къ вамъ съ просьбой, Мавра Самсоньевна, наше вамъ почтеніе.

Самсониха обернулась.

— Добро жаловать, коли такъ,—сказала помягче и пригласила солдата въ избу.

Свои люди—сочтутся. По недолгомъ объясненіи выложилъ солдатъ, какъ на счетахъ, всю суть дѣла, разсказалъ, какъ претерпѣваетъ жена его въ семьѣ отъ невѣстки и просилъ:—явите

Digitized by Google

божескую милость, Самсоньевна, примите жену къ себѣ въ сожительство, на нашемъ иждивеніи.

Самсониха молчала, слушала и, помолчавши, отозвалась: — такъ это ты хочешь брату срамъ сдѣлать?

— Ни въ жизнь! а что касается жену — оставить въ обидѣ не могу!

— Такъ, такъ!—молвила баба;—знаю я и хозяйку твою; — правда, человѣкъ она красивый, да тихій; знаю и невѣстку вашу,—ой, долгоязычный Иродъ! Знаю всѣхъ, хорошо знаю...

По недолгой бесѣдѣ, почти согласилась Самсониха принять къ себѣ Палагею, но хотѣла сперва переговорить съ нею сама.

— У васъ, отецъ ты мой, свое правило—у меня свое; вотъ, живутъ тутъ, — и она ткнула пальцемъ себѣ черезъ плечо, — прости, Господи, сороки непутныя; но я съ такими и сама не вожусь, да и никому того не желаю. Приходите съ хозяйкой, переговоримъ.

Черезъ недѣлю послѣ этого свиданія, дѣло было совсѣмъ улажено. Посердился старшій братъ, поплакали всѣ бабы въ избѣ, но Калистратъ стоялъ на своемъ;—гнѣвайтесь вы на насъ, откажитесь отъ всякой помощи намъ, — въ томъ воля ваша,—а мы желаемъ разстаться полюбовно!

Положили разойтись по доброму и помочь Палагеѣ чѣмъ могутъ.

Былъ у нихъ на задахъ, за огородами, сарайчикъ еще не ветхій; — рѣшено перевезти его на „Сорочьи гнѣзда“ и пристроить изъ сруба къ хижинѣ Самсонихи комнатку для Палаген, а, по возможности, и одарить ее всякимъ добромъ. Ударили по рукамъ, поцѣловались, дали крѣпкое слово другъ другу,—быть при томъ и дьячекъ, онъ же и руки рознялъ,—быть слову тверду, какъ стоитъ оно въ самомъ букварѣ! — сказалъ разумный причетникъ, — и для пущей крѣпости запили это *„слово-твердо“* извѣстнымъ порядкомъ.

IV.

Дьячекъ оказался не только мудрымъ совѣтникомъ, но и благодѣтельнымъ помощникомъ нашего бѣднаго Калистрата. Однажды, въ воскресенье, послѣ обѣдни, складывая на клиросѣ свои книжки, онъ окликнулъ старосту да треxъ-четырехъ богатеевъ сельскихъ, потолковалъ съ ними и выхлопоталъ Калистрату помощь: міромъ,

Digitized by Google

„толокой“ перевезти амбаръ, подаренный солдату братомъ, и сколотить какъ-нибудь комнатку на „Сорочьихъ гнѣздахъ“ для солдатки.

— Отчего-жъ не помочь?—порѣшили богатеи,—надо помочь!

И, недѣли черезъ двѣ, на „Сорочьихъ гнѣздахъ“, къ хижинѣ Самсонихи пристроена была чистенькая свѣтелка и съ сѣнцами. Богатеи не положили охулку на руку, одарили солдатку сверхъ обѣщанія: кто пожертвовалъ оконце запасное, кто досокъ на двери да лавки, нашелся и печникъ немудрый, который, не смотря на морозъ, умудрился-таки поставить изъ дароваго битаго кирпича, валявшагося въ кучѣ при „сборной избѣ“, печь, да еще бѣлую, съ трубой. И братъ удѣлилъ, что могъ;—въ сѣнцахъ сложены были: и мѣшокъ съ мукой, и коробъ съ крупой, и льну бунтъ маленькой, и разная хозяйственная утварь.

А въ комнатѣ было такое тепло и удобство, что лучше требовать нельзя; когда черезъ недѣльку дьячокъ завернулъ къ солдату на новоселье, то онъ просто удивился.

— Да у васъ тутъ, какъ у Христа за пазухой!—приговаривалъ онъ, озирая теремокъ солдаткинъ.

Теремокъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ пріютенъ: столикъ, лавка, кровать съ пологомъ — все было въ лучшемъ видѣ; въ углу — образа подъ ручникомъ узорнымъ; даже „жаръ-птица“ наклеена была на стѣнѣ; а подъ этой картинкой, на гвоздикѣ, качалась пуговичная досечка, точно часы ходили.

— Да, и фабрика открыта, — замѣтилъ дьячекъ; — передъ лавкой подъ окномъ стоялъ низенькій чурбанъ, а на лавкѣ, промежъ потяга, дратвы, шильевъ-копыльевъ, лежалъ неоконченный башмакъ.

Дьячекъ удивлялся, какъ это живо и великолѣпно все устроилось?

И удивлялся онъ простодушно до глупости, совсѣмъ забывая, что безъ его ходатайства никакого этого великолѣпія и тѣни не было бы. Даже, когда солдатъ сказалъ ему, краснѣя отъ благодарности:—все это черезъ вашу добродѣтель получили мы,—то добрый причетникъ сконфузился; ему пришло въ голову:—вотъ, молъ, люди помогли, а я-то ни на ломанную иголку пособить не догадался.

На столикѣ, между тѣмъ, явилась закусочка кой-какая, съ непремѣннымъ шкаликомъ. Гость поздравилъ хозяевъ съ новосельемъ; пошла бесѣда. Калистратъ и жена его сіяли отъ несказаннаго счастія,—они угощали *у себя* своего доброжелателя.

Разумѣется, нынѣшнему, хоть бы и женатому, солдату несо-

Digitized by Google

всѣмъ понятно это несказанное счастіе: онъ знаетъ, что жена его осталась дома *у себя*, а прослужа недолгій срокъ, и самъ онъ вернется *къ себѣ*; подъ родную крышу. Но *въ то время*, для солдата такой *собственный* пріютъ справедливо считался роскошью и великолѣпіемъ. Каждая, самая малая *собственность* тогда была неоцѣненна; и, бывало, другой женатый воинъ, овдовѣвъ, торопился поскорѣй пріискать себѣ невѣсту только потому, что послѣ жены остались у него: платокъ да одѣяло, салопъ, утюгъ, или иная *собственность*, съ которою ему жаль было разстаться. Какъ можно поскорѣй пріискивалъ онъ этой собственности законную хозяйку, все равно — рябую, кривую, — съ лица намъ воду не пить!—главное къ вещамъ бабу пристроить, да поскорѣй, пока вещи цѣлы.

Какъ же было Калистрату не считать несказаннымъ счастіемъ такую благодать, какъ собственный дворецъ, хоть бы и на „Сорочьихъ гнѣздахъ?“

И таково велико было счастіе нашего Калистрата, что отъ радости онъ чуть не позабылъ думать о своемъ безотвязномъ горѣ. Однако, „Васютка“ не замедлилъ опять влѣзть ему въ башку, и очень мѣшалъ счастію родителей этотъ, еще нерожденный сынокъ.

Разъ, какъ-то, сидѣли они вечеркомъ. Мавра зашла къ нимъ съ прялкой; Калистратъ точалъ башмаченки передъ огаркомъ. Вдругъ, вздохнулъ, снялъ съ колѣнка потягъ, призадумался и и говоритъ: — эхъ-ма! и какъ бы все это распрекрасно было, коли бы далъ намъ Господь дочь!..

Палагея тоже вздохнула; никто ничего не отвѣтилъ, и онъ снова принялся за работу. А минутъ черезъ пять Мавра отозвалась:—а и сына Богъ дастъ—и то не бѣда!

— Какъ не бѣда?—отложивъ работу, повернулся солдатъ на своемъ осиновомъ сѣдалищѣ и давай высчитывать бабѣ, не одну, а всѣ семьдесятъ семь бѣдъ, которыя предстоятъ солдатскому сыну, и безпомощность свою и жены своей на старости лѣтъ.

— Безъ тебя знаю!—перебила его Самсониха:—нечево разсказывать!

— Ну, такъ какъ же не бѣда? суди сама, тетушка:—то-ли дѣло дочь!

— За сына дѣвчонку всегда найдешь,—отвѣтила Самсониха.

— Какъ такъ?

Въ короткихъ словахъ объяснила нерѣчистая солдатка простой способъ—на сына вымѣнять дочь.

— На селѣ трое бабъ *ходятъ* съ твоей разомъ; перегово-

Digitized by Google

рить только, — отъ мальчишки ни одна не откажется, сами не изъ замужнихъ.

— Можетъ ли быть?—Калистратъ и ротъ разинулъ.

Но и самъ онъ слыхивалъ о подобныхъ мѣняхъ; удавались онѣ безъ всякихъ худыхъ послѣдствій. Самсониха указала даже на одного хозяина сосѣдней деревни: — тоже *подмѣненный*; отецъ и со службы не вернулся, а мать прошлую зиму при немъ померла.

Палагея слушала, сложивъ руки на колѣняхъ; солдатъ задумался, улыбаясь самъ себѣ. Самсониха пряла и раза два тихо повторила:—все можно!

Когда черезъ часокъ улеглись спать, опять вытаращилъ Калистратъ глаза въ потьму; но уже не пугливо глядѣлъ онъ въ эту бездонную потьму, не жмурился и не отворачивался отъ своего „Васютки", а какъ будто самъ призывалъ его: — покажись, молъ, скорѣе сынокъ! И жаль было ему, за что онъ ругалъ его, за что обидѣлъ нелюбовью своею... И таки вызвалъ его изъ потьмы, увидѣлъ его въ фуражкѣ-корабликомъ, болтающаго свою *учебную* скороговорку: — „нешлифованный человѣкъ болванъ-съ!"

— Нѣтъ ужъ, Господь съ тобой!—подумалъ Калистратъ, повернулся набокъ и скоро уснулъ крѣпкимъ сномъ.

Участь „Васютки," если бы онъ вздумалъ въ самомъ дѣлѣ народиться на свѣтъ, была рѣшена. Въ Самсонихѣ нельзя было сомнѣваться: ужъ если она сказала — *можно*, то отложи попеченіе, — все равно, что дѣло сдѣлано. Оставалось только рѣшиться самому, да уговорить Палагею. И то и другое было очень не трудно: ни онъ, ни жена не понимали ясно, на какое неестественное дѣло они рѣшаются. Втолковала имъ Самсониха, что *промѣненный* сынъ избавится отъ бѣды и всетаки останется ихнимъ сыномъ и пріютитъ ихъ подъ старость. Ничего не предвидѣли они, кромѣ своей темной и заманчивой цѣли.

Единственнымъ условіемъ въ этомъ дѣлѣ постановила Самсониха держать его въ тайнѣ, — никому не говорить ни полъ слова.

— Шила въ мѣшкѣ, разумѣется, не утаишь,—сказала она;— пусть говорятъ люди: побрешутъ и перестанутъ; а вы—ни гу-гу!

Срокъ отпуска Калистрата подходилъ къ концу. На великую силу уговорилъ онъ Самсониху довѣрить ихнюю тайну одному только человѣку, дьячку, для того собственно, что некому больше извѣстить письмомъ въ полкъ о рожденіи *дочери*; а записать ее въ послужной списокъ непремѣнно надо.

Digitized by Google

Ошалѣлъ и дьячокъ, услышавъ тайную просьбу солдата,—сразу понялъ въ чемъ дѣло и шопотомъ воскликнулъ:—да вѣдь это, отецъ ты мой, подлогъ, уголовное, свѣтъ ты мой, дѣло!...

Солдатъ оторопѣлъ, смутился; онъ давно понималъ, что это подлогъ, но никакъ непозрѣвалъ, что за такой обманъ грозитъ ему судъ... Онъ уже думалъ отказаться отъ преступленія передъ закономъ; честная душа его не могла примириться съ такой мыслью. Побѣжалъ онъ къ Самсонихѣ съ отказомъ: но та отвѣтила ему такой презрительной улыбкой:—эхъ, ты! еще медали носишь!.. Кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ? А какъ твое же чадо да тебѣ же когда-нибудь въ зубы заѣдетъ,—небось, не больше грѣха будетъ, что-ли?..

И, по недолгомъ колебаніи и размышленіи, солдатъ рѣшился твердо:—мѣняй сына!.. мой грѣхъ!

И опять побѣжалъ ублажать дьячка.

Ублажалъ онъ его до того, что и дьячокъ махнулъ рукой:—быть такъ, грѣхъ пополамъ! А милосердіе Господа Бога неизрѣченно!..

Онъ подалъ руку солдату.

— Обо всемъ напишу именно такъ, что только ты да я, а никто больше, не токмо въ полку, а и на всемъ свѣтѣ ни единой іоты изъ письма не уразумѣютъ о тяжкомъ, прости Господи, общемъ нашемъ согрѣшеніи!

Вскорѣ затѣмъ, отслушавъ обѣдню, распростившись со всѣми благопріятелями, въ особенности съ дьячкомъ, слезно простившись съ матерью и съ семьей, подъѣхалъ солдатъ съ малышомъ на телѣгѣ братней къ своему дворцу; на первый переходъ братъ непремѣнно захотѣлъ дать ему коня.

Когда уже все было готово къ отъѣзду, посидѣли они въ четверомъ: съ женой, Самсонихой и меньшимъ братомъ въ комнаткѣ своей; всталъ Калистратъ, всѣ помолились Богу, и жена кинулась къ нему на грудь и долго рыдала, обнявъ его. Калистратъ не мѣшалъ ей выплакаться, стоялъ смирно, пошмаргивая носомъ. Меньшакъ тоже молчалъ. Самсониха, поджавъ руки, глядѣла всторону.

Минутъ съ пять стояли они такъ.

Тихонько разведя руки жены, поцѣловалъ ее солдатъ и осѣнилъ крестомъ:—Господь съ тобой; храни тебя Мать пресвятая Богородица!

Палагея повалилась ему въ ноги.

Онъ поднялъ ее рыдающую и потомъ обратился къ Самсо-

Digitized by Google

нихѣ:—прощай, тетушка! Только на Бога, да на ваше сердце доброе вся моя надежда!—и онъ поклонился ей въ ноги.

Самсониха перекрестила его, три раза поцѣловала и холодно промолвила:—а ужъ будь покоенъ; сказано, за дочь приняла—дочь она и будетъ!...

— Человѣкъ она, сами видите, молодой, еще глупый...—бормоталъ солдатъ, съ любовію глядя на жену:—ужъ поберегите ее отъ всякаго глаза... да и сынка тоже...

— Съ Богомъ!—отвѣтила Мавра.

Еще разъ обнялъ солдатъ почти обезпамятѣвшую жену, сѣлъ въ телѣгу, перекрестился и поѣхалъ.

Зашлепала грязь, подскакивали колеса и прыгала телѣга по неторной дорогѣ, стрекотали, какъ будто провожая его, сороки, а за нимъ несся горько рыдающій голосъ жены... Надвинулъ шапку на глаза и ѣхалъ нашъ Калистратъ, не замѣчая никакой тряски.

V.

Лѣто стояло жаркое; кругомъ Побылова поля зажелтѣли спѣлые хлѣба и волновались, какъ золотое море. Подходила страдная пора.

На „Сорочьихъ гнѣздахъ“ прибавился еще одинъ огородецъ, исправно огороженный пряслами: это Калистратъ отмежевалъ его передъ своимъ отъѣздомъ; а на весну Палагея, съ помощію добрыхъ людей, разбила грядки и засадила ихъ всякой овощью.

Въ одинъ изъ этихъ лѣтнихъ дней, съ полночи, закурился дымокъ надъ свѣтелкой Палагеиной; Самсониха, съ бабкой-повитухой, хлопотала около постели больной; ожидали на свѣтъ „Васютку“. Но бабка завѣряла и божилась, что по всѣмъ признакамъ будетъ совсѣмъ не „Васютка“, а „Макрина“. Кстати это было какъ разъ 19-го іюня, именно въ день преподобныхъ Макрины и Дія.

— Не впервой мнѣ около этого дѣла ходить; слава Богу, не ослѣпла еще; такъ ли *идетъ* мальчишка-то? Часу не пройдетъ—дѣвчонку представлю; съ мѣста не сойти—дѣвчонку!

Самсониха качала головой. Роженица стонала и мучилась нестерпимо.

Но и часъ, и два, и три прошли, а дѣвчонка не являлась. Повитуха однако не робѣла и несла свое:—бываетъ, бываетъ,

Digitized by Google

супротивъ пятницы оченно трудно бываетъ! Потерпи, потерпи, желанная!

По всему урочищу уже стрекотали сороки, сосѣдки ужъ встали и успѣли переругаться, на селѣ выгоняли стадо, а „Макрины“ нѣтъ какъ нѣтъ. Только часамъ къ пяти, на ясномъ свѣту, вдругъ раздалось въ свѣтелкѣ разомъ: вскрикъ, шлепки и голосокъ—сердитъ, да не силенъ—ува, ува!

— Съ дочушкой!..—самодовольно поздравляла повитуха мать и удивленную Самсониху и вдругъ—остановилась на самой середкѣ поздравленія:—ахъ ты, подлецъ, прости, Господи,—вѣдь сынъ!..

Вмѣсто „Макрины“ дѣйствительно родился Васютка и кричалъ безъ всякой надобности, невоздержно, какъ будто понималъ, что его при самомъ рожденіи обругали.

— Вотъ тебѣ и „Макрина“!—проворчала Самсониха.

Ничего неизвѣстно, что чувствовала и думала сама мать; „Васютку“ такъ долго и настойчиво ждали, что если бы родилась „Макрина“, а не онъ, то, можетъ быть, всѣ обидѣлись бы.

Къ вечеру того же дня прибѣжала глухонѣмая Фишка и, запыхавшись, что-то объясняла пальцами по воздуху Самсонихѣ и повитухѣ. Собравъ свои снаряды, повитуха убѣжала на село. По этимъ сигналамъ новорожденному приготовлялся скорый походъ. Самсониха сбирала разныя ветошки, все разглаживала, складывала, вязала, въ узелокъ. А онъ, между тѣмъ, лежалъ носомъ подъ грудью матери и—не будь дуракъ—давай налаживать пухлыя губенки свои на теплое мѣсто. Въ этомъ отношеніи каждый новорожденный точно такъ же ловокъ и сметливъ, какъ любой учебный карабинеръ. Откуда и какъ приходитъ ему эта наука неизвѣстно; но нервымъ дѣломъ, не моргая еще своими оловянными глазенками, ищетъ онъ и ловитъ губами себѣ поживу; дескать, голодъ не тетка,—позвольте-ка мнѣ пососать!

Улыбаясь и чуть дыша, глядѣла на него мать и бережно помогала ему словить грудь; словивши, онъ началъ ее тянуть такъ жадно, какъ будто только что воротился изъ штаба съ караула, гдѣ двое сутокъ былъ на сухомъ довольствіи. Мать корчилась отъ боли и рѣзни въ груди, закинула за голову свою сжатую руку, чуть держалась отъ крика; а у него только салазки ходили, да губенки отдулись.

— Вишь ты, какъ клещъ впился,—проговорила Самсониха и чуть ли не въ первый разъ улыбнулась на людяхъ.

Часовъ въ пять Фишка побѣжала на село и сейчасъ же вернулась. Съ крыльца, завидѣвъ ее, Самсониха вошла въ свѣ-

Digitized by Google

телку и стала разстилать въ ногахъ роженицы пеленки;—простись съ нимъ, Палашенька,—сказала она. Палагея заплакала тихо. Ребенокъ сладко спалъ, наѣвшися.

Фишка, еще въ дверяхъ, вывела пальцемъ свои круги и загорготала.

— Ахти, грѣхъ!—сказала Самсониха,—и у нихъ мальчишка!..

За этимъ словомъ Палагея подняла голову, глянула, открывъ свои бѣлые зубы, и покраснѣла какъ макъ. А Васютка вдругъ закричалъ свое:—ува! Вѣрно, обрадованная мать крѣпко тиснула его къ груди.

Это была первая радость, первая минута еще неиспытанной сладости материнской любви.

Но дорого обошлась Палагеѣ радость эта. Если бы въ тотъ же день у нея взяли ребенка, она не успѣла бы привыкнуть къ нему, разсталась бы съ нимъ легко и безъ послѣдствій. Но только черезъ четыре дня родилась на селѣ дѣвочка, съ матерью которой тоже уговорилась Самсониха помѣняться дѣтьми. Въ эти четыре дня Палагея едва успѣла надышаться на своего малютку, по часамъ заглядывалась на его безсмысленное и ненаглядное личико, истрепеталась отъ мысли разлуки съ нимъ и полюбила его всей горячей любовью матери.

На пятый день, когда смерклось, Самсониха спеленала Васютку, собрала въ узелокъ его тряпичную аммуницію и поднесла ребенка къ матери.

— Простись съ нимъ, благослови его...

Давно, еще въ дѣтствѣ, помню я, въ деревнѣ крестьянка нашла въ лѣсу только что родившихся дикихъ козъ и одну изъ нихъ въ подолѣ принесла къ намъ, на дворъ. Изъ лѣсу, до самаго двора, за ней бѣжала блеющая мать; всѣ ребятишки сбѣжались посмотрѣть на несчастную находку; и бѣдная мать только тогда покинула свое похищенное дѣтище и ударилась назадъ въ лѣсъ, къ оставшимся козлятамъ, когда стая собакъ съ лаемъ кинулась на нее... Сердце сжалось при видѣ этого похищенія, и едва-ли кто изъ свидѣтелей когда-нибудь забудетъ этотъ обыденный, ничтожный случай деревенской жизни.

Каково же матери-человѣку добровольно разставаться съ своимъ, только что родившимся, только что отхуханнымъ и напоеннымъ своею грудью, первенцомъ?..

Палагея рыдала, благословляла сына, цѣловала, и вдругъ—прижала его къ груди и окрысилась на Самсониху;—съ пылающимъ лицомъ, съ дрожащими на щекахъ слезами, гнѣвно вскрик-

Digitized by Google

нула она:—ни за что на свѣтѣ! лучше убейте насъ! не отдамъ, помру,—а не отдамъ!

— Дура, дура!—увѣщевала ее Самсониха,—опомнися!

Но мать ничего слышать не хотѣла; она взбунтовалась всѣми своими силами.

И, всетаки, позднимъ вечеромъ, задами, на селѣ плелась въ темнотѣ Самсониха съ своей ношей, съ Васюткой; въ губенки ему на всякой случай засунута была соска, и дурачекъ трудился надъ нею, разумѣется, ничего не подозрѣвая о своемъ безвозвратномъ переселеніи изъ родительскаго гнѣзда.

А черезъ часокъ, тѣми же задами, Самсониха бережно несла другую такую же ношу на „Сорочьи гнѣзда."

Палагею застала она уже больной. Словно разбитая, разоренная и обезсиленная лежала бѣдная мать въ слезахъ, въ трепетѣ, въ злой лихорадкѣ. Новая гостья малютка тоже заливалась своимъ младенческимъ плачемъ, какъ будто просила тепла и пищи. На счастье бѣдняжекъ, Самсониха была не изъ такихъ, чтобы ее озадачило какое-бы-то ни было горе: она согрѣла водицы, напоила какой-то травкой мать, поругала ее, потомъ утѣшила. Напоила и малютку, покачала ее и уняла ея слезенки. Она водворила порядокъ. Конечно грустенъ и болѣзненъ былъ этотъ холодный порядокъ; лазаретное спокойствіе водворилось въ хижинѣ солдатки; но зато удалилась оттуда безнадежная скорбь и то безсмысленное отчаяніе, которое не хочетъ слушать никакихъ утѣшеній.

По цѣлымъ днямъ тихо плакала и вздыхала Палагея; но уже новая дочушка ея, Соломаха, т. е. Соломонида, кое-какъ приняла ея грудь. По цѣлымъ часамъ сидѣла Соломонида, неподвижно устремивъ свои стеклянные глаза въ окно, или въ уголъ; опять начала она *столбенѣть*. Но забота о живыхъ существахъ разгоняла ея столбнякъ,—она берегла и призрѣвала ихъ.

VI.

Перенесемся теперь, добрый читатель мой, верстъ за семьсотъ, на сборное мѣсто, въ лагерь, гдѣ расположенъ полкъ нашего Калистрата. Поглядимъ на почтеннаго сапожника, на его житье-бытье въ кругу своихъ ротныхъ товарищей, и на работишку его сапожную.

Но, чтобы судить вѣрно о какомъ бы-то ни было искусствѣ, необходимо надо понимать главную *суть* этого искусства. Са-

Digitized by Google

ноги же—дѣло нешуточное; можно быть очень умнымъ и ученымъ человѣкомъ, и даже знать весь свѣтъ—и, не имѣя сапоговъ, пребывать дома на печкѣ. А можно даже не знать грамоты, но въ добрыхъ сапогахъ произойти полъ-свѣта. Если, напримѣръ, надо побывать, хоть бы и у Царьграда,—вѣдь извѣстно, что мы же были и въ Парижѣ,—въ сапогахъ—все можно; это по исторіи извѣстно. А для не сапожниковъ не мѣшаетъ знать еще вотъ что.

Начало и происхожденіе сапожнаго искусства никому неизвѣстно. Первую обувь сочинилъ, вѣроятно, Каинъ, по убіеніи Авеля; ему слѣдовало бѣжать, а на босую ногу это было бы неудобно. Но не въ томъ дѣло; главное дѣло въ томъ, что слѣдуетъ понимать ясно и отчетливо, какъ важно для пѣхоты сапожное искусство, и какое мѣсто въ ряду прочихъ искусниковъ занимаетъ сапожникъ.

Онъ, безъ всякаго сомнѣнія, занимаетъ первое мѣсто,—разумѣется, послѣ кашевара, ибо не поѣвши и въ сапогахъ недалеко уйдешь. Всѣ сапожники раздѣляются на два главные сорта: на *парадныхъ*, и *походныхъ*, или *красиво* шьющихъ, и *здорово* шьющихъ. Первые пользуются уваженіемъ только въ мирное время, при долговременныхъ стоянкахъ, и при казарменномъ расположеніи; въ особенности ихъ жалуютъ: ординарцы, показные ефрейторы, писаря и горожанки. Второй сортъ въ походное время обожается всей ротой безъ исключенія; тогда, даже унтера говорятъ сапожнику этого сорта—„вы“ и называютъ его по батюшкѣ. Да иначе и невозможно: онъ главная, такъ сказать, пружина всего похода.

Добровѣстный и неутомимый сапожникъ—въ военное время есть истинный благодѣтель своихъ товарищей. Когда-то *) мы разсказывали о скромномъ, но знаменитомъ во всей арміи, сапожникѣ *Оринчѣ*, которому рота послѣ Остроленской битвы единодушно присудила Георгіевскій крестъ; — это былъ сапожникъ *походный*, *здорово* шьющій, притомъ безотказный и неутомимый.

Таковъ же былъ и герой нашего разсказа, почтенный Калистратъ. Въ щеголеватости и чистотѣ отдѣлки онъ не былъ грѣшенъ: сапогъ его работы, по фасону своему всегда смахивалъ немножко на карася, или леща, и не блисталъ особенной красотой; *строчка* иногда ползла, какъ литеры письма у плохаго грамотея, — иногда и выскочитъ изъ ряду, — *тачка* тоже

*) „Солдатская Бесѣда“ 1859 г. № 1. „Доблестные люди“. —*Прим. авт.*

Digitized by Google

равнялась больше молоткомъ. Но что касается прочности, то каждая заплата, поставленная Калистратомъ, перенашивала самый лучшій новый сапогъ, а *рубчикъ* отлеталъ не иначе, какъ развѣ съ подметкой, то-есть, до послѣдняго износу. Притомъ же Калистратъ шилъ и чинилъ кому угодно не только въ долгъ, до жалованья, но не брезгалъ и разсчетомъ угольками на томъ свѣтѣ. Въ пять лѣтъ его службы въ ротѣ не оставалось и двадцати человѣкъ, которые не были бы у него въ долгу, хотя онъ ни разу и никому не напоминалъ объ этомъ. Рота любила Калистрата Панфиловича, какъ брата, и онъ вжился въ ней, какъ въ семьѣ.

Вотъ, въ лагеряхъ, фельдфебель принесъ однажды изъ штаба, между прочими бумагами, *солдатское письмо* и передалъ его по адресу отдѣленному.

— Калистратъ Панфиловъ, — крикнулъ голосъ изъ палатки отдѣленнаго.

— Я!—отозвался Калистратъ.

— Письмо къ тебѣ есть!

Калистратъ повернулся отъ радости и какого-то трепета. Черезъ минутъ десять, на задней линейкѣ, у кухни, собралась значительная кучка любопытныхъ солдатиковъ и при ней кашеваръ, тоже любопытный, съ половникомъ; въ кружкѣ стоялъ Калистратъ съ красными, какъ у окуня, глазами, и ротный писарь бойко читалъ ему во всеуслышанье грамотку. Передаемъ ее цѣликомъ:

— „Свѣту моему, пресвѣту, дражайшему сожителю Кали„страту Панфиловичу, къ стопамъ ногъ вашихъ слезно припа„даю и обнимаю васъ, и цѣлую въ уста заочно, вѣрная сожи„тельница ваша Палагея. И припадаетъ къ стопомъ ногъ ва„шихъ слезно новорожденное чадо ваше, а моя дочь, нареченная Соломонида, двоюродная сестра младенца Василія“...

На этомъ мѣстѣ Калистратъ не то вздохнулъ, не то икнулъ, а только запыхтѣлъ такъ, какъ будто насилу освободился отъ лишняго духу.

— Эва! двойниу Панфилыча...—вполголоса промолвилъ кто-то.

— Кто тамъ вретъ?—строго сказалъ писарь и продолжалъ чтеніе.

Однако чтеніе оказалось таково мудрено, что и самъ писарь пріостанавливался.

— Что за притча?..—„Двоюродная сестра младенца Василія, „родившагося за пять денъ до нее, то-есть, 19-го іюля теку„щаго нынѣ года, противъ самой утрени“...

Digitized by Google

— Да кто-жъ тутъ изъ нихъ, собственно, *твой* родился-то?— спрашивалъ писарь, щелкнувъ по письму.

— Не могу знать..—шепталъ Калистратъ;—читайте дальше.

Писарь продолжалъ:

— „И состоитъ оная, ваша дочь, нареченная Соломонида...— а, вотъ оно!..—„при груди моей; а младенецъ Василій, тоже— „при груди Ульяны Морозихи“...

— Да Морозиха-то тебѣ своя, что-ли?—спросилъ писарь.

— Своя... читай дальше.

—... „И нижайше прошу я, вѣрная сожительница ваша, Бо„гомъ данному дѣтищу нашему, твоего родительскаго заочнаго „благословенія, навѣки нерушимо“...

Калистратъ перекрестился и тяжело вздохнулъ.

— Неужто жъ это сама хозяйка такъ пишетъ жалостливо?— прошепталъ голосъ.

— Молчать!—буркнулъ писарь и читалъ далѣе:

—... „Затѣмъ, что дочь наша, нареченная Соломонида не со„всѣмъ при здравіи; а младенецъ Василій, сказываютъ, нахо„дится во здравіи и, по дѣтскому возрасту своему, въ полномъ „благополучіи“...

Калистратъ опять перекрестился.

— О чемъ бесѣда?—спросилъ, проходившій мимо, десясочный унтеръ, изъ учебныхъ карабинеровъ, и остановился у кружка.

— Да вотъ, сударь, письмецо,—сказалъ, улыбаясь, писарь;— развѣ въ корпусномъ штабу разберутъ, такъ премудро написано.

Унтеръ, бойкій грамотей, взялъ письмо, прочелъ про себя, съ презрительной улыбкой, и съострилъ, по своей привычкѣ:

— Ну, братъ, либо у тебя тамъ двѣ жены, либо двое дѣтей тебѣ родилось, либо одинъ дуракъ письмо сочинилъ!—и, сказавши это, пошелъ далѣе, да вдругъ на походѣ обернулся и прибавилъ:— а если не дуракъ, такъ плутъ напуталъ.

Всѣ молчали, а Калистратъ засмѣялся, но только засмѣялся какъ-то безъ смѣху, и самъ поблѣднѣлъ. Никто однако не замѣтилъ его блѣдности, никто не находилъ въ письмѣ смѣшнаго; напротивъ, всѣмъ понравилось приведенное въ письмѣ уподобленіе обоихъ новорожденныхъ „младенцу Моисею, сокрытому въ „камышахъ рѣки Нила, и найденному купающейся дочерью царя „Фараона“, хотя, разумѣется, ни къ селу ни къ городу приплетено было это вѣтхозавѣтное уподобленіе. Оно оправдалось только въ концѣ письма припиской: „причемъ и я нижайше поздрав„ляю съ новорожденнымъ *младенцемъ* и отъ всей души моея „желаю вамъ благодати Божіей, о чемъ молю Всевышняго. Пи-

Digitized by Google

„савый сіе, Даніилъ Глухарь, штатный дьякъ Побыловской цер„кви и вашъ богомолецъ“.

Калистратъ, не моргая, прослушалъ письмо и потомъ спряталъ его въ нагрудникъ; онъ очень хорошо понялъ, какой такой Моисей скрылся въ камышахъ рѣки Нила; еще разъ перекрестился и поблагодарилъ писаря.

— Важно пишутъ по деревнямъ!—толковали солдаты.

И имъ всѣмъ особенно понравился Моисей.

Дѣло кончилось по обыкновенію. Дня черезъ два, по докладу фельдфебеля, капитанъ приказалъ занести въ послужной списокъ Калистрата, въ графу о семействѣ:—„имѣетъ дочь Соломониду“.

Однако всѣ товарищи Калистрата замѣтили, что со дня полученія письма, онъ по часту задумывался, хмурился и даже во снѣ плелъ что-то неподобное и неразборчивое. Больше всѣхъ запримѣтилъ это бывшій дядька Калистрата, прозорливый кавалеръ Василій Прохоровъ.

— Ты, братъ, мнѣ не толкуй; я тебя пять лѣтъ всего насквозь вижу; говори мнѣ правду,—что-то есть?

— Погодите, Василій Прохорычъ, скажу.

Калистратъ застегнулся и пошелъ къ фельдфебелю; онъ просилъ позволенія отлучиться съ Прохоровымъ до переклички въ ближайшую деревню,—крайнѣ нужно, говоритъ.

— Ступай оба, а къ зарѣ быть,—разрѣшилъ фельдфебель.

Въ деревнѣ этой былъ у Калистрата знакомый хозяинъ,—онъ какъ-то сшилъ ему сапоги. По дорогѣ къ нему забѣжалъ Калистратъ въ кабакъ, взялъ штофчикъ пѣннаго;—и вотъ, засѣли они съ своимъ дядькой въ хатѣ и поздравляютъ новорожденныхъ, Прохоровъ пробовалъ допрашивать его; но только по пятому стаканчику раскраснѣлся сапожникъ и объявилъ свое сердце.

— Я выпилъ, Василій Прохорычъ, принялъ отъ васъ поздравленіе и—шабашъ!—онъ стукнулъ шкаликомъ по столу;—больше вы меня не поздравляйте съ *дочкой*, полно!..—и, опять наливъ чарки, твердой рукой поднесъ одну Прохорову, другую взялъ самъ, крякнулъ и, съ глазами полными слезъ, сказалъ громкимъ голосомъ:—поздравляй съ *сыномъ!*

— Какъ такъ?—Прохоровъ даже вытянулся отъ удивленія,—съ какимъ сыномъ?

— Поздравляй, Василій Прохоровичъ,—теперь все какъ на духу разскажу передъ тобой, душа не терпитъ!—кричалъ охмѣлѣвшій Калистратъ;—поздравляй съ сыномъ, съ моимъ роднымъ

Digitized by Google

сыномъ Василіемъ!.. Ахъ, ты Васютка мой!..—и слезы посыпались у него, какъ горохъ.

— Что ты, братъ, городишь?..—промолвилъ кавалеръ.

— Не горожу... все скажу... поздравляй съ Василіемъ! По твоему честному имени сына приказалъ назвать! передъ Богомъ тебѣ въ благодарность мою... Поздравляй!—твердо сказалъ Калистратъ.

— Можетъ ли быть?

— Есть!

Прохоровъ всталъ, отеръ усы и также твердо промолвилъ:—поздравляю, братъ, Калистратъ Панфилычъ, съ новорожденнымъ роднымъ сыномъ твоимъ Василіемъ,—дай Богъ ему здравія!

Оба выпили и обнялись.

— А теперь разсказывай, что и какъ, коли не охмѣлѣлъ.

— Не съ этой дряни охмѣлѣть, Василій Прохорычъ,—отвѣтилъ сапожникъ, презрительно швырнувъ чарку,—горе хмѣлитъ.

И онъ разсказалъ кавалеру всю исторію подмѣны сына.

Хмурился и качалъ головой старый солдатъ, слушая разсказъ и не перебивая ни единымъ словомъ Калистрата; а когда онъ кончилъ, то кавалеръ сказалъ прямо:—неладно дѣло! Разскажи это кто другой, а не ты—не повѣрилъ бы, братецъ ты мой!

Онъ даже совѣтовалъ бѣдному отцу скорѣй сознаться во всемъ передъ начальствомъ, и Калистратъ уже соглашался на это; но обоимъ имъ представился вопросъ: какъ же размѣнять дѣтей, привыкшихъ къ своимъ кормильцамъ? какъ выдать всѣхъ, причастныхъ къ дѣлу? Думали и разсуждали они и, порѣшивъ весь штофъ, порѣшили оставить все какъ есть, молчать объ этой тайнѣ. Дѣло сдѣлано—назадъ не воротишь. Съ тѣмъ и отправились обратно въ лагерь порядочно разопрѣвшіе.

На перекличкѣ капитанъ, взглянувъ на Прохорова, сказалъ съ улыбкой:—никакъ ты носомъ клюкву клевалъ?

Носъ кавалера дѣйствительно рдѣлъ, какъ клюква; а Калистратъ стоялъ блѣдный, какъ полотно.

Но съ того дня, словно камень свалился съ души Калистрата: онъ пересталъ хмуриться и задумываться. Все шло по старому.

Оставимъ же мы Калистрата служить, со своимъ полезнымъ искусствомъ и со своей неладной тайной, и вернемся опять на „Сорочьи гнѣзда“. Какъ тамъ идутъ дѣла...

Digitized by Google

VII.

А на „Сорочьихъ гнѣздахъ“ дѣла идутъ плохо. Палагея захворала какой-то „лихоманкой, или трясучкой“ непостоянной: то черезъ два дни, то черезъ три приступала къ ней болѣзнь. Дѣвочка, нитавшаяся ея грудью, день ото дня худѣла, сохла, и, мѣсяца черезъ четыре, померла, все равно какъ уснула, безъ всякаго мученья.

Раза два до этого видала Палагея своего Васютку. Мальчишка былъ—кровь съ молокомъ, круглый, какъ булка. И въ грустномъ сиротствѣ провожала безотрадную жизнь молодица; поддерживала ее только строгая Самсониха, да безустанныя мелкія работишки по хозяйству. Но „живой живое думаетъ“,—никому умирать не хочется,—и она жила кой-какъ день за день.

Зимой стала она навѣщать Васютку, зачастила было, даже вечерами съ прялкой приходила; тамъ на время отводила она душу, глядя на своего сына; но, воротясь домой, еще пустыннѣе казалась ей свѣтелка ея, еще печальнѣе горькое одиночество. Да и у Морозихи недружелюбно принимали ее въ названной семьѣ Васюткиной, а подъ конецъ приревновали ее къ ребенку, перессорились и на-просто выругали:—нечего лазить! извела дочь—нѣшто на мальца завидно? полно пороги-то обивать!

И со стыдомъ ушла бѣдняжка, поздно чувствуя нелюдскую и непоправимую вину свою.

Такъ шли мѣсяцы и годы.

Часто видывала она украдкой и мелькомъ Васютку: то у обѣдни, то въ полѣ, въ страдное время, то въ лѣсу, когда всѣ ходили по ягоды да по грибы. Видѣла оно его здороваго румянаго какъ яблочко, рѣзваго, и при всемъ томъ похожаго на отца; слѣдила за нимъ сподтишка, далеко провожала глазами; а онъ убѣгалъ припрыгивая, смѣясь.

— Мамка, мамка!—кликалъ иногда по лѣсу мальчишка.

— Ау, Васютка!—отзывался чужой и ей и ему голосъ,—и онъ бѣжалъ на этотъ голосъ мимо своей трепещущей матери, а она не смѣла и окликнуть его... Страдало ея бѣдное сердце; но, выплакавшись наединѣ, раздумывала она про свою и сына своего долю и утѣшалась хотя тѣмъ, что онъ здоровъ, веселъ, счастливъ. А о своемъ счастьи ужъ и не думала.

Простой, нежданный случай озарилъ ея грустную жизнь, помогъ встрѣтить и прижать къ сердцу свое ненаглядное и навсегда потерянное для нея дѣтище.

Digitized by Google

Была сѣнокосная пора. Луговой участокъ, который отъ рѣки тянулся длинной полосой вплоть до оврага, косилъ названный отецъ Васюткинъ. Разъ, въ полдень, Палагея пошла на село; спускаясь по тропинкѣ, услышала она подъ горой, въ кустахъ, дѣтскій плачъ,—что-то кольнуло ее подъ сердце: голосъ ребенка показался ей знакомымъ, роднымъ. Какъ коза стреконула она по тропинкѣ обрыва и побѣжала прямо на плачь. Глядь—подъ кустомъ стоитъ Васютка и заливается распрегорькими слезами; а ведерко лежитъ у ногъ его опрокинуто, и слѣды пролитаго молока видны на травѣ...

— Желанный мой, кровиночка моя родная!—зашептала со слезами мать и кинулась обнимать его.

— Отстань!—крикнулъ, вывернувшись, мальчишка и заревѣлъ еще пуще.

Палагея даже задрожала отъ страха, чтобы не подошелъ кто-нибудь, или чтобы не убѣжалъ Васютка.

— Что съ тобою, родненькій ты мой?... Не плачь, молчи!—умоляла она его.

— Татка бить будетъ. Отстань!. Вишь, молоко розлилъ,—всхлипывая, сердито несъ свое мальчишка.

— Да я тебѣ сейчасъ налью полное ведерко, ласточка ты моя!

Мальчишка вдругъ пересталъ плакать, скосился на Палагею, и не отнимая отъ глазъ кулака, глядѣлъ на нее съ подлобья.

— Пожди здѣсь, молчи; я духомъ сбѣгаю и принесу тебѣ молока...

Она ждала отъ него хоть слова. А онъ сбычившись, озиралъ ее, какъ будто узнавая, насилу пробормоталъ тихо:—пожду!

Подняла ведерко и кинулась бѣдная мать въ оврагъ; точно птицей полетѣла она, чуть касаясь ногами каменьевъ, кошкой взобралась по крутой тропинкѣ, обрываясь и цѣпляясь пальцами за сыпучую землю, такъ и ринулась въ крапиву и бурьянъ, — сарафанъ ея поролся и рвался о колючки,—а она не слышала даже, какъ стучало ея сердце и замирало дыханье. Второпяхъ налила, пролила молоко, не притворила сѣнцы и кинулась въ обратный путь, только молилась:—Господи, перенеси!—такъ отуманило ее счастье. Увидѣлъ мальчишка полное ведерко молока и улыбнулся сквозь слезы.

— Побѣгу теперь,—говоритъ.

— Постой минуточку, вишенька ты моя!.. поцѣлуй ты меня, обними ты меня—вотъ такъ, такъ!

И, стиснувши его въ объятіяхъ, она цѣловала кудрявую головку его.

Digitized by Google

Мальчишка оробѣлъ, сталъ упираться.

— Пусти, къ татѣ побѣгу,—бормоталъ онъ.

— Еще, еще, крошечку бѣдную дай поглядѣть на тебя, радость ты моя!

А онъ все вырывался и какъ будто собирался заплакать.

Поцѣловала его Палагея крѣпко, перекрестила и выпустила изъ рукъ. Онъ схватилъ ведерко за дужку и давай улепетывать. Она осталась на колѣняхъ, сидя, сложа передъ собой руки, словно молилась на убѣгающаго ребенка. Еще разъ мальчуга остановился на минутку, поставилъ ведерко, подтянулъ свои портишки и, оглянувшись на нее, опять припустилъ съ своимъ ведеркомъ.

Съ этого свиданья какая-то отрадная тревога не давала покою Палагеѣ: ей все мерещился Васютка, она безпрестанно высматривала и искала его. Ей нельзя было и думать зайдти къ Морозихѣ; тамъ старая Ѳекла, мать самаго хозяина, уже при людяхъ грозилась:—на порогъ не пущу этихъ сорочьихъ! взашей прогоню!

Однако Самсониху знали всѣ ребятишки, а Васютка чаще другихъ получалъ отъ нея—то пирожокъ, то орѣховъ пригоршню. Палагея тоже исподволь завела дружбу со всѣмъ мелкимъ народомъ сельскимъ,—и такъ-удалось ей поймать наединѣ мальчишку. Напихала она ему полну пазуху всякихъ сластей и уговорила придти на „Сорочьи гнѣзда“, когда всѣ уйдутъ въ поле на жниво.

Долго отнѣкивался онъ,—все боялся, что бабушка бить будетъ,—наконецъ повѣрилъ Палагеѣ, что никто не узнаетъ, если онъ придетъ на часокъ; и когда она разсказала, какихъ сластей наготовитъ ему, Васютка поддался.

— Ладно, приду!—сказалъ онъ, улыбаючись.

— Гляди-жъ, завтра, ласточка моя, безпремѣнно приходи!

— А ужъ приду.

И разстались они въ нетерпѣливомъ ожиданіи завтрашняго дня..

Экаго горя, трепету и непокою натворили себѣ бѣдняги, спорожденные для неразлучнаго любовнаго житья!..

И смѣшно, и странно, и прискорбно было бы поглядѣть со стороны, какъ на другой день, когда вся семья Морозова, вернувшись съ поля, пополдничала и опять, собираясь въ поле, оставляла мальчишку дома, и какъ бабка строго-на-строго наказывала ему:—гляди, ты, шельмецъ, отъ избы ни шагу у меня! А онъ—дѣйствительно шельмецъ завѣрялъ ее:—а куды мнѣ

Digitized by Google

идти?—И лгалъ, какъ выученный, а самъ только и думалъ, какъ бы стрекануть на „Сорочьи гнѣзда?“

Еще смѣшнѣе и прискорбнѣе было бы поглядѣть на Палагею. Чуть приткнувшись, сидѣла она на своемъ крылечкѣ, то прислушивалась, то пристально вглядывалась въ чащу лопухи да крапивы. Высоко стояло солнце; ни одинъ листокъ не шелохнулся, кругомъ свѣтло и тихо—самый что ни есть красный день для поры рабочей... А она, красивая, сильная, и, какъ гулящая балованная дѣвка, сложа руки, навострила уши, прислушивается, не хрястнетъ ли сухой прутикъ подъ ногой воровской дружка милаго; не сморгнувъ глядитъ, не шевельнется ли кустикъ раздвинутый ..

Долго сидѣла она; въ глазахъ зарябило глядючи.

— Ну, что, какъ не придетъ?—думалось ей..

А широкіе листья зашевелились—и оттуда пугливо выглядываетъ бѣлая кудрявая головенка... Такъ подкрался шельмецъ, что и мать не услышала;—солдатская кровь!

Можно навѣрно полагать, что никакой на свѣтѣ полюбовникъ не ожидался съ такимъ трепетомъ; да никакой и не былъ встрѣченъ такими горячими объятіями. Не знала она, куда его вести, куда посадить и что съ нимъ дѣлать. И на рукахъ-то носила, и по травѣ, то съ нимъ каталась, и въ свѣтелку, и въ огородъ съ нимъ бѣгала,—сдурилась баба съ радости.

Наконецъ, усѣлись они въ огородѣ, въ капустѣ, подъ подсолнечникомъ, и, вся раскраснѣвшаяся, съ полными слезъ глазами, тихо заговорила Палагея:—а вѣдаешь ли ты Васютка, кто я тебѣ? а?

Мальчишка улыбался и глядѣлъ на нее сподлобья.

— Кто твоя мамка, Васютка?.. скажи.

Онъ переставъ улыбаться и молчалъ. Голосъ Палагеи задрожалъ:—вѣдь я твоя мамка родная, родненькой ты мой!—она обняла его крѣпко.—Я, я—твоя мамка!

— Чего-жъ ты у насъ не живешь?—робко спросилъ мальчикъ.

Она отвѣчала слезами да поцѣлуями; но, догадавшись, что слезы только пугаютъ его, засмѣялась насильно, все повторяя ему:—я твоя родная мамка, я!

Васютка всталъ, опять поглядѣлъ на нее сподлобья, улыбнулся и вложилъ палецъ въ ротъ;—ты мамка?—бормоталъ онъ.

— Мамка, мамка твоя!

Она опять расцѣловала его и все ждала отъ него услышать свое родное имя.

Digitized by Google

Пузырь стоялъ съ пальцемъ во рту, улыбался и тихонько произнесъ:—мамка!

Мать затрепетала отъ радости; онъ постоялъ-постоялъ — и давай прыгать обѣими ноженками вдругъ на мѣстѣ, какъ дурачокъ...

— Мамка! — вскрикнулъ онъ и, кинувшись, спряталъ свою головенку ей въ колѣни.

Мать задыхалась отъ счастія... А солнце все клонилось ниже и ниже; сороки застрекотали; пахнулъ вечерній, передзакатный ветерокъ.

Развалился шельмецъ на колѣняхъ у сидящей матери, закинулъ голову, выпятился и барахтался съ полной безпечностію балованнаго сынишка. Она распрашивала его о разныхъ пустякахъ; онъ—то хохоталъ, то отвѣчалъ, плетя дѣтскую дребедень. И ужь какъ все это было хорошо и даже умно казалось для матери. Они бы вѣкъ тутъ сидѣли, не разстались...

А солнце ужъ совсѣмъ низко; вѣтерокъ притихъ; вечерняя заря хотѣла заниматься. Но ни мать, ни сынъ-дурачокъ не догадывались, что пора разставаться; да, можетъ быть, и не догадались бы, если бы вдругъ надъ прялами не показалась сѣдая голова въ платкѣ.

— Такъ вотъ гдѣ ты, шельмецъ!.. А это ты безпутница, смѣешь отъ семьи дитя отваживать!.. — дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ, говорила старая Морозиха.

Палагея только ахнула; а Васютка вскочилъ, какъ ошпаренный, юркнулъ подъ прясла и, какъ заяцъ, въ лопуху головой такъ и шмыгнулъ...

— Постой, висѣльникъ! ужотко я тебя крапивой вышмаргаю, подлецъ!—грозилась слѣдомъ гнѣвная баба.

— А ты, непутная, а!.. что ты задумала, — все громче и громче ругалась старуха; — извела дочку — мальца прикармливаешь, а? Погодитко-сь! аль на васъ страху нѣтъ?..

— Бабушка! — взмолилась Палагея, но это пуще взорвало старуху.

— Молчи, подлая! — закона на васъ нѣтути, што-ли? Пого-о-ди!

И, грозясь костлявымъ кулакомъ, пошла въ лопуху...

Еще разъ взмолилась Палагея:—бабушка, прости ты насъ!—она только о сынѣ думала.

Но старуха обернулась и плюнула, еще обругавъ бѣдняжку. Она ушла въ крапиву.

— Погоди, шельмецъ, я тѣ задамъ! я тѣ ожгу! будешь ты

Digitized by Google

бѣгать! — несся въ заревой тишинѣ ея дребезжащій со злости голосъ.

А Палагею охватывалъ ужасъ.

Поздно вернулись съ жнитвы сосѣдки-солдатки, прошли въ свои лачуги; Самсониха не обѣщала придти домой. Усѣлась Палагея на краю оврага, глядѣла на село, — тамъ посвѣчивали огонки въ темнотѣ; прислушивалась она, — на селѣ понемногу унимался говоръ; становилось все тише... Вотъ и огоньки гаснутъ одинъ за однимъ; совсѣмъ тихо... Никакъ крикъ ребенка? — послышалось ей... Это запѣлъ пѣтухъ, за нимъ другой, третій,— перекликнулось все село. Опять тихо. Палагея глядитъ, слушаетъ,—все спитъ, всюду тихо; колотится только ея сердце въ груди. Опять ей мерещится, что кричитъ Васютка...

А онъ давно ужъ уснулъ, преисправно отпоротый крапивой, и только почесываетъ сквозь сонъ свербящее мѣсто.

Ужъ зашелестилъ по листьямъ утренникъ, предвѣстникъ зари, а наша бабенка все сидитъ, да прислушивается...

VIII.

Но — „страшно первый страхъ перебыть“ — говорятъ люди. Послѣ перваго же разу ужъ никакое руганье и никакая крапива не отвадили нашихъ милыхъ дружковъ отъ тайныхъ свиданій; — то въ полѣ, то въ лѣсу, то въ оградѣ церковной безпрестанно видѣлись они и въ четыре-раза-пятый непремѣнно попадались кому-нибудь изъ Морозовыхъ.

— Ахъ, ты, сорванецъ прокаженный! ахъ, ты безпутница окаянная!—то и дѣло распѣвала злющая бабушка Ѳекла;—да неужто-жъ на васъ расправы нѣтъ?.. Погодико-сь!..

— Опять Ваську Подмѣннаго порютъ, — толкуютъ, прислушиваясь ребятишки.

А и то порютъ: — ай! бабушка, не буду! — слышно на всю улицу; а черезъ часъ опять глядитъ изъ-за угла плутишка, не дернуть ли на „Сорочьи гнѣзда“?..

Было и грѣха и смѣху на все село. Почти всѣ ребятишки сельскіе, какъ водится, держали сторону мальчишки и давали ему вѣсти отъ матери:—приходи туда, или жди тамъ. А и бабушка Ѳекла не дремала,—и у нея была своя полиція: — бѣги, бабушка, за гумномъ сидятъ! И, вооружившись длиннымъ голикомъ, крадется злая бабушка черезъ дворы да огороды за гумно, какъ лиса въ курятникъ.

Digitized by Google

— А, ты опять тутъ, шельмецъ?..

И опять Ваську Подмѣннаго порютъ.

Пробовали сельскіе старики, по просьбѣ бѣдной матери, уговаривать Ѳеклу:—да покинь ты ихъ, пущай себѣ шепчутся! Но старуха и слушать не хотѣла.

— Чтобы я имъ, озорникамъ, насмѣяться дала! — и ни въ жизнь не быть тому, распутники эдакіе!..

И никто не могъ вдолбить въ голову упорной бабѣ, что ничего озорнаго нѣтъ въ свиданіи этихъ распутниковъ, а есть тутъ то, чего не передѣлаешь ни ругней, ни боемъ: — сама, значитъ, природа *дѣйствуетъ*!—вотъ что толковали ей старики.

— А вотъ увидимъ, кто кого *передѣйствуетъ*! — несла свое сварливая старуха.

Но природа оказалась посильнѣе: дѣйствовала она такъ, что старуха совсѣмъ изморилась, слѣдя за своимъ *шельмецомъ* и подкарауливая *распутницу*.

Притомъ же Васютка такъ привыкъ къ поркѣ и къ крапивѣ, что кричалъ больше изъ пристойности и, отпоротый, сейчасъ же бѣжалъ за ворота похвастать ребятишкамъ:—и вотъ, совсѣмъ не больно, такъ только—кричать хочется!

Да и Палагея такъ прислушалась къ руганью, что ужъ отвѣчала на него улюбкой и шуткой: — эхъ, бабушка, желанная, сердце-то ты себѣ не покоишь только, а насъ не уймешь!

Къ большому счастію для всѣхъ ихъ Морозихѣ Богъ далъ сына; — съ этой самой минуты на Васютку и рукой махнули. И ужъ почти не было надобности *озорникамъ* нашимъ устраивать съ большимъ страхомъ тайныя свиданія: Васютка сталъ частенько прибѣгать на „Сорочьи гнѣзда“.

Такъ шло время, проходили годы; уже Васютка подростокъ, полъработника стоитъ. И еще сынъ народился у Морозихи. И что лѣто, что годъ—то покрѣпче налегаетъ на Васютку названный батюшка:—эй, парень, даромъ хлѣбъ не ѣшь—гляди у меня, работай!

Старикъ Морозовъ, правду сказать, любилъ его и обходился съ нимъ довольно ласково; но этотъ-то попрекъ даровымъ хлѣбомъ разрушалъ всю любовь и напоминалъ парню его безродное положеніе въ чужой семьѣ. Понемногу и совсѣмъ отшатнулся онъ отъ своего нероднаго отца.

Иначе и быть не могло, потому что каждому ребенку, какъ бы онъ бѣденъ ни былъ, безпрестанно нужна горячая материнская любовь, точно такъ, какъ вѣшнему цвѣтку и каждому растенію необходимо свѣтлое и горячее солнце. Ничто на свѣтѣ

Digitized by Google

не замѣнитъ любви материнской. Въ роскоши и нѣгѣ воспитываются богатыя дѣти иногда вдали отъ родителей; ихъ балуютъ, лелѣютъ, исполняютъ всѣ ихъ прихоти,—и всетаки выростаютъ они холодныя, ни къ чему непривязывающіяся, безучастныя, потому — что они росли *безъ любви.* А какой-нибудь бѣднякъ, въ нуждѣ и горѣ проведшій все дѣтство, подъ теплымъ крыломъ своей бѣдной матери, бойко вступаетъ въ широкій свѣтъ: ничего нѣтъ у него — зато есть сердце горячее, участливое, способное къ привязанности, есть *сила любви.*

Не зналъ нашъ бѣдный Калистратъ, и еще менѣе понимала жена его, что приготовляли они своему Васюткѣ, рѣшаясь отдать его въ чужую семью. Обѣгая законъ, конечно, и не думали они, что устроятъ ему еще худшую будущность; а вышло почти такъ. Выросъ парень и сталъ понимать отчетливо, что оторванъ онъ отъ дома родительскаго и не слился съ семьей, которая его усыновила. Еще великое счастье было въ этихъ тайныхъ свиданіяхъ его съ матерью: они не дали въ конецъ порваться той связи, которою природа скрѣпляетъ родныя души между собою.

Но вотъ, ему уже семнадцатый годъ; въ семьѣ, кромѣ его, ростутъ еще два родные сына. Прошелъ слухъ о рекрутскомъ наборѣ; пошли толки на селѣ; во всѣхъ многосемейныхъ домахъ только и рѣчи о томъ, что надо ставить рекрута.

— Велятъ ставить пятерыхъ, слышь ты, а десятерыхъ повезутъ въ подставку, баютъ люди,—разсуждали старики.

И, по прежнимъ порядкамъ, давай высчитывать молодцовъ, что ни есть изъ самыхъ безпомощныхъ семей.

— У вдовы Козлихи три парня,—вѣдь одному надыть идти.

— А какъ не идти?

— У Ѳеклиста опять три,—одинъ придурковатъ,—слѣдуетъ?

— Безпремѣнно слѣдуетъ!

— А еще у кого?

— А хоть бы у Морозова;—два своихъ мальца,—а Ваську Подмѣннаго куды беречь? что ты думаешь?

— А, вѣстимо, не въ соль солить.

— Изволочится непричемъ парнюга.

— Нельзя ему не изволочиться,—гляди, ни туды, ни сюды, не присталъ!

Еще за полгода до объявленія набора начались такіе толки, и все село наизусть заучило имена будущихъ сдаточныхъ и подставныхъ рекрутовъ. Сельское начальство зорко поглядывало за ними, какъ бы который нечаянно не вышибъ себѣ зубы, или

Digitized by Google

не вытравилъ праваго глаза; а Козлиха, Ѳеклистъ, и съ братіей, втихомолку придумывали, какъ бы ухитриться сынку ненарочно сунуть хоть бы палецъ въ жернова, или что-нибудь такое подобное. Одинъ Морозовъ ни о чемъ не думалъ и сказалъ женѣ:— а пусть идетъ съ Богомъ,—на то и спородился; а чередъ нашъ отбудетъ.

— Свѣчу Богу поставлю,—захрипѣла съ печи Ѳекла; а была она ужъ больно стара;—мало-ль грѣха за нимъ натерпѣлися!..

Но у нашего суженаго рекрута жива еще мать. Дошла вѣсть до „Сорочьихъ гнѣздъ", и чуть не пришибла вѣсть эта Палагею. Еще недавно получила она отъ мужа письмо и съ деньгами; пишетъ мужъ:—жди меня, родная, послѣдній годъ до *безсрочнаго* дослуживаю; кой-какую деньжонку наколотилъ въ 20 лѣтъ; отдохнуть пора; съ тобой пожить хочется, да и на Васютку—ахти—поглядѣлъ бы на родного!..

Вотъ тебѣ и поглядѣлъ!

— Самъ же устроилъ, прости, Господи, разореніе этакое!— думаетъ баба, позабывши, что такъ, или иначе,—куда не кинь, все клинъ,—а Васюткѣ и безъ того не миновать было *красной шапки*, ибо такъ на роду ему написано, стало-быть.

И расплакалась она передъ Самсонихой.

Но Самсониха и смолоду слезъ не любила, а теперь, какъ лунь сѣдая, ужъ ни въ какое горе людское не только не вѣритъ, а и слушать-то о немъ не хочетъ.

Однако, какъ-то, у обѣдни, встрѣтила она Василья и послѣ службы, на паперти, шепнула ему:—приди, парень, подвечеръ,— нѣшто сказать тебѣ надо. Да кругомъ пройди, слышь!

— Значитъ, чтобъ люди не видали,—смекнулъ парень.

Дѣйствительно, приходилъ онъ подвечеръ къ Самсонихѣ; ни матери, ни сосѣдокъ дома не было. О чемъ они тамъ бесѣдовали—никому неизвѣстно. А только то всѣмъ извѣстно, что черезъ три недѣли повезутъ рекрутовъ въ губернію.

Уже пошили имъ кумачовыя косоворотки; уже по селу ходитъ съ гармоникой, въ плисовыхъ портканъ, въ солдатской шапкѣ, и всегда въ *подпитіи*, наемщикъ: это булыня Карпуха за своего ставитъ, а у него шесть сыновей, и всѣхъ — хоть въ гренадеры брей.

Всѣ рекрута праздничаютъ, съ красными масленными лицами, да и съ глазами красными, а нашъ Василій день ото дня блѣднѣетъ да чернѣетъ, а потомъ и зеленѣть началъ.

— Эхъ, не хочется ему, бобылю, подъ ружье идти! — тол-

Digitized by Google

куютъ люди; — темнѣе матушки-земли ходитъ; а какой ражій былъ!

— Гляди, ты, у меня! — окрикивалъ его при встрѣчѣ сотскій;—чаво изводишься-то? аль чемерицы обожрался?

— Нутро болитъ, дядюшка... ужъ другой годъ слышу...

— То то—другой годъ!.. какъ бы тѣ нутро по наружѣ не вылечили!

Наконецъ, подошелъ день отправки рекрутовъ *въ губернію*, въ присутствіе. Чуть свѣтъ съѣхались подводы перед домомъ старшины. Пріѣхали сотскіе и сдатчики; писарь прибылъ. Гомонятъ они, списки читаютъ, свѣряютъ рекрутъ. Тутъ же тѣснятся въ избу къ старшинѣ старики и хныкающіе старухи.

— Ступай, ступай!—слышенъ изъ избы грозный голосъ; — порѣшенное дѣло,—не самому же мнѣ за твоего мальца *въ стойку* идти!

Это старшина гонитъ безотвязныхъ просителей.

— Да, родный, желанный, помилуй!

— Чего вы тутъ клянчите?—увѣщеваетъ красноносный писарь; — въ *губернію* ступай, — тамъ скорѣй какъ-нибудь дѣло уладимъ...

— Ой ли? голубчикъ ты, ваша милость!

— Тамъ и я буду,—понимаешь?

И расходится обнадеженное старье; пойдутъ, значитъ, въ губернію.

А на селѣ тамаша своимъ чередомъ; запрягаютъ коней, — родня провожать рекрутовъ собирается. Плачутъ и голосятъ матери и старухи. Все въ движеніи.

Когда хозяинъ Морозовъ вышелъ съ Василіемъ на улицу, вдругъ подбѣжала къ нимъ заплаканная Палагея и кинулась сыну на шею. Морозовъ не сказалъ ни слова, и бѣдная мать уже не отставала отъ своего Васютки ни на шагъ; она проводила его вмѣстѣ со всей партіей верстъ десять за село, оставила ему биткомъ набитый всякимъ снадобьемъ мѣшочекъ, и, прощаясь, надѣла ему на шею и засунула за пазуху небольшую кожаную калиту, вѣроятно, собранныя лѣтъ въ пятнадцать, всѣ свои капиталы.

Послѣ обычныхъ слезъ и благословеній они разстались; Палагея побрела, понуря голову, на свои „Сорочьи гнѣзда“...

Digitized by Google

IX.

Губернія, то-есть, губернскій городъ, въ которомъ было открыто „рекрутское присутствіе“, отстоялъ отъ Побылова около ста верстъ. Въ то же самое время, какъ партія побыловскихъ рекрутъ, въ сопровожденіи сдатчиковъ и родни, тянулась туда, въ тотъ же городъ, передъ квартирой начальника баталіона внутренней стражи, стояла команда безсрочноотпускныхъ солдатъ, разныхъ полковъ и разнаго рода оружія. Тутъ были и пѣхотинцы, и кавалеристы, и артиллеристы, и матросы: все народъ пожилой, послужилый, съ медалями, а многіе и съ крестами на потертыхъ шинеляхъ. Стояли они кучками и разсуждали, кому съ кѣмъ по пути продожать походъ до своей родной деревни.

Много почтеннаго и важнаго было въ этихъ зачерствѣлыхъ, потрудившихся лицахъ; примѣтливый человѣкъ почти безъ ошибки прочелъ бы на каждомъ—и прошлую службу его, и настоящее душевное состояніе, и недалекія будущія надежды. Сыто и довольно глядѣли одни, строго и спокойно другіе, задумчиво поглядывали нѣкоторые; а были и такіе, у которыхъ на темныхъ лицахъ ни одинъ мудрецъ, кажется, не вычиталъ бы никакой мысли.

— Стройся!—громко сказалъ имъ, сходя съ крыльца командирской квартиры, старикъ унтеръ.

Солдаты построились въ двѣ шеренги, безъ ранжира и безъ особеннаго порядка, но выравнялись по правому флангу. Черезъ нѣсколько минутъ, въ сопровожденіи адъютанта и писаря, вышелъ и баталіонный командиръ, довольно тучный полковникъ. Онъ поздоровался и пошелъ по фронту, приказывая что-то адъютанту.

— А, Панфиловъ, здорово!—весело промолвилъ онъ и остановился;—во второй шеренгѣ солдатъ снялъ фуражку и радостно отвѣчалъ на привѣтствіе начальника.

Это былъ нашъ герой, Калистратъ; начальникъ, бывшій когда-то ротнымъ командиромъ его, узналъ стараго своего сослуживца и не забылъ, какъ называла его вся рота.

— Ну, что, Калистратушка, домой идешь, къ бабѣ на печь?

— Точно такъ, ваше высокоблагородіе, отдохнуть слѣдуетъ,— отвѣчалъ Калистратъ, съ тою живою радостію на лицѣ, съ которою солдатъ всегда встрѣчаетъ бывшаго своего добраго начальника.

Digitized by Google

— А ребятишки есть?—спросилъ командиръ.

Калистратъ какъ-то замялся и, будто раздумавши отвѣтъ, сказалъ:—не имѣю, ваше высокоблагородіе...

— Ну, да ты еще молодецъ,—и начальникъ подмигнулъ ему очень ласково.

Послѣ смотра, въ большой пріемной комнатѣ, отбирали билеты и записывали ихъ; когда проходилъ полковникъ, онъ опять замѣтилъ Калистрата и остановился передъ нимъ: распрашивалъ, далеко ли ему до дому, давно ли видѣлся съ родней, спрашивалъ о ротѣ, припоминалъ многихъ солдатиковъ и унтеровъ.

— Ну, дай Богъ тебѣ всякаго счастья; ты человѣкъ хорошій, очень хорошій,—такихъ Богъ не оставляетъ.

Глаза Калистрата засверкали, и весь онъ какъ будто разсѣялся и покраснѣлъ. Почти всѣ безсрочные оглянулись на него.

Полковникъ былъ когда-то именно такимъ ротнымъ командиромъ, который ворочалъ сердцами людей своей роты. Каждое доброе слово такого начальника солдатъ помнитъ всегда; а похвала его—верхъ награды для честнаго человѣка. Калистратъ отвѣтилъ:—покорнѣйше благодарю, ваше высокоблагородіе, Иванъ Алексѣевичъ!—и въ голосѣ его слышался какой-то всхлипывающій звукъ; благодарность вырывалась изъ самаго сердца.

Полковникъ приказалъ ему послѣ переписки еще зайти въ его покои.

— Экое счастье, добраго начальника встрѣтили!—обратился къ Калистрату близъ стоящій кавалеръ.

— Да, такого и по всей арміи поискать; Иванъ Алексѣичъ былъ душа,—отца роднаго не надо,—объяснилъ сапожникъ.

— Да, братецъ ты мой,—былъ и у насъ одинъ такой, продли, Господи, ему вѣку!—и кавалеръ попотчивалъ Калистрата табачкомъ;—прозывался онъ...

Но писарь выкликнулъ имя кавалера, и тотъ пошелъ за своимъ билетомъ.

Калистратъ былъ у полковника, говорилъ съ нимъ довольно долго и, наконецъ, осмѣлился попросить, нельзя ли зачислить ему, для *пропитанія* и призрѣнія подъ старость, единственнаго сына его.

— Не только можно, но и должно,—сказалъ полковникъ:—непремѣнно зачислю... а гдѣ же твой сынъ?

И тутъ-то, краснѣя и заикаясь, заговорилъ нашъ Калистратушка такую безсвязную дичь, что полковникъ и брови поднялъ и ротъ разинулъ.

— Да ты съума сошелъ!.. можетъ ли это быть?

Digitized by Google

— Точно такъ,—подтвердилъ убитымъ голосомъ солдатъ, разсказавъ всю нелѣпую подмѣну своего сына;—виноватъ, ваше высокоблагородіе.

Онъ стоялъ, чуть переводя духъ.

Полковникъ нахмурился, помолчалъ съ минуту и сказалъ тихо, но строго:—по долгу службы, я тебя долженъ бы арестовать, но ты честный человѣкъ,—будемъ же оба виноваты. А только смотри (и онъ погрозилъ ему пальцемъ), никому и никогда лучше не говори объ этомъ!.. Слышь?

— Слушаю, ваше высокоблагородіе,—прошепталъ солдатъ.

— Я все понимаю: и у меня есть дѣти; но, другъ мой, коли ты передъ закономъ отказался отъ сына—такъ его у тебя и нѣтъ.

Лица не было на Калистратѣ, когда онъ вышелъ отъ начальника. Товарищи замѣтили это, но никто не зналъ причины его видимаго горя и никто не разспрашивалъ его.

Получивъ билеты, трое попутчиковъ пошли съ Калистратомъ къ Побылову. Они хорошо знали всѣ дороги и выбрали кратчайшую, лѣсомъ; проселокъ оставался всторонѣ.

X.

Что это за милыя мѣста,—будь то пески сыпучіе, травы колючія, и хоть пустыня дикая,—но что это за мѣста заглаженныя, которыя если завидишь послѣ долгой разлуки, то застучитъ твое сердце, замираетъ духъ и тебѣ плакать хочется?

Что это за мѣста такія, еще издали тянущія тебя къ себѣ, не за полы, не за руки, а прямо за твое сердце, за всю твою душу?

Какія это чудныя мѣста, что земля на нихъ кажется тебѣ такою милою, что кинувшись на нее, ты цѣлуешь ее какъ друга, какъ вѣрную любовницу, родную мать?...

Эти несравненныя мѣста и есть—твоя *мать-родина*. Если, скитаясь по широкому бѣлому свѣту, не растратилъ ты своихъ чистѣйшихъ сокровищъ, теплой любящей души и горячаго сердца, то, Боже мой, какимъ богачемъ возвращаешься ты на свою родную землю!

Точно такимъ богачемъ возвращался домой Калистратъ; правда, несъ онъ съ собой не печаль по сынѣ своемъ, безвозвратно потерянномъ, и тѣмъ болѣе любезномъ, Васюткѣ; но, разъ вздохнувши о немъ, разъ сокрушась и оплакавъ его, душа осво-

Digitized by Google

бодилась отъ печали, и еще дороже казалось оставшееся на его долю счастіе: добрая жена и пріютный уголъ.

Шибко шли наши молодцы, какъ будто быстриной тянуло ихъ. Знакомымъ путемъ вылѣзъ изъ крапивы и бурьяна нашъ Калистратъ на Сорочьи гнѣзда. Послышавъ шаги, Палагея глянула въ намерзлое оконце поглядѣть, кто тамъ скрипитъ по морозу, и вылетѣла къ нему навстрѣчу...

Такъ обрадовались, что оба заплакали... Надо полагать, опять-таки замѣшался въ эти слезы и Васютка: вѣдь онъ не только всю свою жизнь, а еще и до рожденія своего привыкъ мѣшаться въ дѣла и помыслы родительскія. Ну, да Богъ съ нимъ,—чай, ужъ подъ красной шапкой щеголяетъ себѣ...

На пятый день по приходѣ домой, Калистратъ ужъ былъ, какъ слѣдуетъ, хозяинъ, точно пять лѣтъ прошло, какъ вернулся со службы. Былъ поздній вечеръ. Палагея пряла, а онъ, пристроившись у лавки, на прежнемъ осиновомъ чурбанѣ, передъ сальнымъ огаркомъ, пошмаргиваетъ варными концами,—сапоги строитъ. Точно, какъ это было лѣтъ семнадцать тому назадъ. Только прибавилась небольшая новость:—черезъ каждыя минуты десять, воткнетъ онъ шило въ товаръ, концы въ зубы, а съ лавки возьметъ тавлинку и большимъ пальцемъ вкатитъ себѣ щепоть зеленчака въ носъ, да такъ усердно вкатитъ, что только носъ хруститъ и слеза въ носу навернется.

— Вотъ этакъ само, мать ты моя родная, Палагеюшка,— понюхавши припомнилъ онъ, — лѣтъ не меньше шестнадцати тому назадъ, сижу я,—и только наставилъ шило—вдругъ, смотрю...

А мерзлыя двери вдругъ запѣли. Калистратъ обернулся на чурбанкѣ,—а въ ноги ему—бухъ! точно мѣсяцъ съ неба свалился,—бритая башка лежитъ въ ногахъ:—батюшка, родный ты мой!—мычитъ ему въ сапоги.

Калистрата тряхнула дрожь; а Палагея, бросивъ прялку, сама кинулась на мѣсяцъ, то есть на бритый затылокъ;—Васютка мой!..—запѣла она.

Мѣсяцъ дѣйствительно принадлежалъ Васюткѣ; оказалось, что ему забрили *затылокъ*. И забрили очень основательно; цырульникъ, въ сердцахъ, долго точилъ на ремнѣ бритву, поглядывая на руки забракованнаго рекрута; а глупыя руки эти только тряслись съ радости и не догадались сходить въ карманъ, въ которомъ, впрочемъ, кромѣ шиша тоже ничего не было; за эту-то недогадливость цырульникъ, въ справедливыхъ сердцахъ, со всего размаху, отскоблилъ дурачку ровно три четверти го-

Digitized by Google

ловы, такъ что остался у него, какъ у цесарки, одинъ только чубокъ.

Все это объяснилось только къ ночи, а то—съ удивленія, радости и робости—никто не спросить, ни сказать ничего путнаго не могъ, только обнимались, радовались, плакали да смѣялись.

— Ну, теперь, молись Богу, ложись спать, ребята!—скомандовалъ Калистратъ,—онъ самъ себя не понималъ на радостяхъ,—завтра потолкуемъ!

Назавтра пришла къ нимъ старуха Самсониха; разглядѣли они порядкомъ сынка, и Калистратъ завладѣлъ собою, подбоченился, поглядѣлъ маленько съ подлобья и говоритъ:—одначе, мать писала мнѣ, что ты—кровь съ молокомъ молодецъ; а ты, братъ, совсѣмъ, такъ сказать, словно изъ тавлинки вылѣзъ,—зеленый какой!..

— Затѣмъ-то, батюшка, мнѣ и затылокъ забрили... негожъ, говорятъ.

Самсониха, даромъ что глуховатая, разслышала о чемъ рѣчь, (а можетъ и такъ догадалася: вѣдь баба не одними ушами слышитъ) улыбнулася и махнула рукой.

Калистратъ поглядѣлъ на нее вопросительно.

— И мѣсяца не поживетъ—вся зелень пройдетъ,—промолвила она.

И Калистратъ улыбнулся на это; однако покачалъ головой и вполголоса промолвилъ съ важностію:—во истину, сказалъ царь Саломонъ,—это я самъ слышалъ, читали у насъ:—яко нѣтъ слѣда на волнахъ пучины морской, такъ нѣтъ конца лукавства жены... или вотъ что-то такое... ей Богу, не помню!...

Василья *Подмѣннаго* забраковали по *нутреной болѣзни*. Калистратъ съ Палагеей и съ дьячкомъ просили Морозова, оставить его родному отцу-матери. Добрый мужикъ согласился;—пока мои малыши подростутъ, онъ ужъ состарѣется,—за нихъ не пойдетъ. Богъ съ вами—владѣйте сыномъ на здоровье!—сказалъ онъ обрадованнымъ родителямъ.

По сказанному Самсонихой, какъ по писанному, зелень прошла,—Василій оказался здоровеннымъ парнемъ; только съ одной стороны отшлифованъ былъ порядкомъ: бабушка Ѳекла крапивы не жалѣла, и потому малецъ былъ отчасти сорви-голова, но оказался добрымъ сыномъ.

И, очень часто, постучавъ молоткомъ по подошвамъ оконченныхъ сапоговъ и разгладивъ до лоску оныя подошвы ручкой молотка, вставалъ Калистратъ съ своего осиноваго сѣдалища, оптягивался, расправляя спину, заряжалъ здоровенною щепотью

Digitized by Google

свой растравленный табачищемъ носъ и, прочхавшись громогласно оглядывалъ, съ самодовольной улыбкой, свой собственный дворецъ.

И, почти всегда, вздохнувши, приговаривалъ, обращая рѣчь къ женѣ:—не въ примѣръ прочимъ, и не въ силу нашего хитраго беззаконія, мать ты моя Палагеюшка, а единственно въ силу божескаго милосердія и снисхожденія начальства, живемъ мы, какъ видишь—сами себѣ господа! И притомъ, вона какую подпору имѣемъ на случай древности лѣтъ!..

— Ни кто, какъ Богъ!—обыкновенно отвѣчала Палагея.

А *подпора* была дѣйствительно здоровенная. Василій былъ весь въ отца крѣпышъ; только лицомъ покрасивѣе, вышелъ по матери.

Пришла весна. Однажды Калистратъ, *съ подпорой* своей, обошелъ все урочище „Сорочьи гнѣзда", остановился посреди широкой и пустой поляны и заглядѣвшись, задумался... Передъ нимъ сѣрѣла безплодная поляна, вся поросшая сорными кустарниками и негодными травами: хворостъ, вересковъ, лопуха и репейникъ чуть шевелились подъ вѣтеркомъ и шершали, точно шептались о чемъ-то... И въ этомъ шершаніи послышалась Калистрату шепотливая рѣчь:

„Добрый ты человѣкъ, господинъ отставной служивый! По„гляди ты на нашу убогую долю: изъ-вѣка мы ростемъ-прозя„баемъ ни себѣ на честь и красу, ни звѣрю, ни людямъ на „пользу! Прозываемся мы — сорныя травы; засорили мы Божію „землю. И звѣри, и птицы, и люди—всѣ брезгаютъ нами; только „заяцъ-трусишка ино прошмыгнетъ, да денъ-деньской тутъ стре„кочутъ сороки... Смилуйся, добрый ты человѣкъ, господинъ „отставной служивый! Будь ты намъ добрый хозяинъ, приложи „ты свои могучія руки, распаши ты нашу поляну. Вѣдь сынъ— „батракъ у тебя плечистый, и хозяюшка твоя досужа. Пора„ботайте, добрые люди, а мы всѣ для васъ ради стараться: по„гніемъ, перепрѣемъ и станемъ отличнымъ навозомъ; что ни по„сѣешь—все мы для тебя напитаемъ и согрѣемъ! Будь же отецъ— „распаши ты нашу пустынную поляну!"

— Что, батька, задумался?—спросилъ, улыбаясь, Василій.

— А? кто—я?

— Да!

— А вотъ что, братъ Вася: лошаденка у меня уже приготовлена,—только литки выпить,—коровенка тоже будетъ... И на-

Digitized by Google

мѣренъ я произвести тутъ кой-какое хлѣбопашество. Мѣсто важное;—какъ ты думаешь?

— Ничево, будетъ способное,—отвѣтилъ Василій;—это только слава, что, молъ, „Сорочьи гнѣзда“.

— Такъ чтожъ, что „Сорочьи“?—Не Жаръ-птицы искать.—и на „Сорочьихъ“ жить можно.

И живутъ они на „Сорочьихъ гнѣздахъ“, какъ у Христа за пазухой, должно быть, и по настоящее время.

Digitized by Google

ЗЛОДѢЙ И ПЕТЬКА.

Уличный разсказъ.

I.

Извозъ на Руси всегда былъ промысломъ выгоднымъ; еще понынѣ цѣлыя села промышляютъ только извозомъ и вовсе не занимаются полевымъ хозяйствомъ. А въ иныхъ ямахъ не у каждаго холяина и огородъ есть: живутъ на городскомъ положеніи,— все съ копѣйки.

Правда, теперь подъѣла ямщиковъ чугунка; столбовой трактъ отъ Москвы до Питера травой порости хочетъ; отъ Питера до Варшавы и отъ Москвы до Нижняго тоже загудѣла машина. А черезъ лѣтъ нѣсколько, надо быть, полетитъ она по всѣмъ концамъ Россіи; тогда ломовымъ извозчикамъ обознымъ — шабашъ! отдохнуть надо, или за другое ремесли приниматься.

Мудрыя дѣла творятся нынѣ на свѣтѣ: поглядишь — и глазамъ не вѣришь. Разъѣзжалъ по *Россейскому* царству на печи горячей Иванъ-дурачекъ,—ну, такъ это было въ сказкѣ; а нынѣ на печи горячей поѣхали разумные люди, и поѣхали взаболь *). Въ той-же сказкѣ уродъ Иванъ-дурачекъ, живой воды испивши да росой умывшися, сталъ красавцемъ разумнымъ; того и гляди, что такое же чудо приключится и съ нами...

А давай Богъ, пусть приключается!

Вотъ, хоть-бы чугунка, — какая важная выдумка! — корабль сухопутный, милліоны пудовъ вали на нее—весетъ. А время-то сколько сберегаетъ! Бѣдуютъ старые люди, что дровъ она жретъ много, лѣсу переводитъ безъ числа, да и у ямщиковъ работу отбила.

---

*) *Бѣлор. выраж.*—на самомъ дѣлѣ. *Прим. ред.*

Digitized by Google

Такъ-то оно такъ, да только не совсѣмъ такъ. Во-первыхъ и добрый битюгъ много овса переводитъ, до зато хорошо везетъ, окупаетъ, значитъ, хлѣбъ съѣденный; ну, и машина окупаетъ съ избыткомъ расходъ лѣсу. Во-вторыхъ, на машинѣ выгоднѣе жечь не лѣсъ, а каменный уголь; у насъ отысканы на Дону и въ Сибири богатыя копи каменнаго угля; — придетъ время—разработаютъ находку и лѣсъ сберегутъ; нужда научитъ калачи ѣсть. А еще, слышно, одинъ дока, ученый, выдумалъ такую штуку, что и топлива машинѣ не надо,—воздухомъ попретъ ее. И хитро, и мудро, и дешевымъ коштомъ. Умудряетъ нужда человѣка, учитъ на обухѣ рожь молотить; извивайся, какъ угорь въ мережѣ. Ну, чтожъ, поѣдемъ и на *воздушкѣ*, а пока—на парàхъ.

А что касается ямщиковъ, такъ вѣдь на всѣхъ угодить нельзя; въ Россіи земли много, рукъ мало,—значитъ, выгоднѣе, если ямщицкія руки обратятся на земледѣльческую работу. О лошадяхъ и говорить нечего;—сколько пропадало ихъ отъ почтоваго загона, да отъ перетуги—и не высчитаешь. Лошадь—животина дорогая; плохо было ей на нашихъ безконечныхъ и безобразныхъ дорогахъ,—чугунка ее выручитъ.

А, всетаки, что ни толкуй, извозчикамъ да ямщикамъ жаль стараго времени! Ужъ не станемъ тужить объ обозникахъ; а тройка—потѣха молодецкая... прощай, не увидимся!

Годовъ двадцать тому назадъ былъ у меня въ яму Мшагѣ, что подъ Новгородомъ, пріятель ямщикъ Семенъ Даниловичъ; удаль такая, что—все прочь! Чего тебѣ лучше?—почтмейстерская дочка втюрилась въ него, уѣхала съ нимъ отъ отца и обвѣнчалась; надѣла сарафанъ, да такая бабенка вышла изъ нея, что очамъ загляженье, уму помраченье! Коромысло на плечи—да за водой, засучитъ рукава—да къ печи съ ухватомъ; любую природную хозяйку за поясъ заткнетъ; а выйдетъ въ праздникъ на улицу—просто заря взошла! Ну, да и Семенъ Даниловичъ какой хошь красотѣ былъ подъ пару.

И была у него тройка рыжаковъ, въ полторы тысячи, по тогдашнему на ассигнаціи. На этой тройкѣ онъ и жену себѣ увезъ.

Выѣдетъ, бывало, въ полной упряжкѣ: шлеи бѣлыя, сыромятныя, съ мѣднымъ наборомъ, тяжи моржевые, дуга ветловая подъ золотомъ, и звонокъ валдайскій... Въ корню звѣрь идетъ, на пристяжкахъ змѣи вьются, а самъ въ портkахъ плисовыхъ, въ александрійкѣ, и шапочка съ павлиномъ, на облучкѣ сидитъ, чуть приткнувшися... Выѣхалъ—и пошла ходуномъ тройка;

Digitized by Google

коренная только переваливается, дугой поколыхиваетъ, пристяжныя свернулись мордой подъ пузо, бѣльма кровью налились, изъ ноздрей дымъ клубомъ, и ушами поигрываютъ. А онъ возжи натянулъ и по сѣделочкѣ постегиваетъ, кнутишкомъ все по сѣделочкѣ, да сквозь зубы посвистываетъ и коней попридерживаетъ...

Поетъ звонокъ говоромъ гулкимъ, гудитъ телѣга, словно сердится—Семенъ Даниловичъ ѣдетъ! Всѣ глядятъ,—нельзя не глядѣть,—молодицы-дѣвки встрѣчныя кланяются, ямщикъ шапочку потрогиваетъ, жена у воротъ изъ-подъ ручки во слѣдъ глядитъ. И выѣхалъ онъ на столбовую дорогу широкую...

И ничего, злодѣй, не сказалъ, не порушился, а только повелъ правой рукой и чуть вымолвилъ:—э-эхъ вы, сердечные!—и, скажи, проснулась тройка: во всю ходу пошелъ коренникъ, пустились вскачь пристяжныя, забираютъ, шельмы, рвутъ землю, заговорилъ звонокъ частымъ говоромъ, загремѣли колеса, пошла тройка!... глядѣть любо — пошла!... А онъ пригнулся и еще пропѣлъ:—аль вы забыли, какъ прежде любили?—и, что изъ лука стрѣла, метнулася тройка, только вихрь трубой закрутился слѣдомъ, земля стонула и звонокъ разрыдался... Вся распласталась, такъ и стелется, и земли, кажись, не трогаетъ; что на летъ стрѣлы, то на нее глядѣть. А ямщикъ, злодѣй—кудри по вѣтру, чуть прижмурился, молчитъ да зло усмѣхается, а самъ, что на крыльяхъ плыветъ на орлиныхъ!... Ужъ нельзя быстрѣй—такъ вѣдь нѣтъ, и еще онъ чуть вскрикнулъ, словно вскрикомъ младенческимъ:—ай, милы, потѣшь дружки! — вѣтеръ завылъ, звонокъ зычитъ, замоловшися—и не видно ихъ, только дорога закурилася... Это *колѣнце*!.. Займи-духъ колѣнце потѣшное. Ушла тройка съ глазъ, скажи, провалилася...

А чугунка-то свиснетъ мимо ея—и прощай, тройка; дожидаться некогда. Вонъ оно что.

И что будешь дѣлать, голова?—заѣла нѣмецкая хитрость удаль русскую! Надо разуму покориться; на то онъ разумъ—всему на свѣтѣ начало!

Да не въ томъ дѣло, и не къ кому тутъ рѣчь начата, а это къ слову пришлось; а рѣчь идетъ вотъ о чемъ.

Пока еще не выдумали уличныхъ городскихъ чугунокъ (вѣрно и ихъ скоро выдумаютъ), теперь въ городахъ промышляютъ извозчики: для тяжестей ломовые, а для людей легковые. Въ Питерѣ, напримѣръ, гдѣ народу, что мурашей въ муравейникѣ, къ зимѣ наѣзжаетъ побольше десятка тысячъ легковыхъ извозчиковъ изъ разныхъ губерній. Разумѣется, больше есть ихъ

Digitized by Google

изъ ближайшихъ мѣстъ: изъ Тверской, Новгородской, Псковской, а еще больше Петербургской губерніи; а изъ этой-то больше всего *желтоглазыхъ*, — такъ называютъ всѣхъ чухонъ Ямбургскаго, Нарвскаго, Петергофскаго уѣздовъ, да, кстати, и всѣхъ деревенскихъ петербургскіе *лихачи* и постоянные извозчики прозвали желтоглазыми.

И есть между петербургскими извозчиками всякіе люди, разныхъ обычаевъ и разныхъ состояній; и лошади у нихъ, разумѣется, всяческихъ породъ и мастей; и всѣ снаряды и упряжи, какъ водится, все разные.

Лихачъ—чернобородый, армякъ съ иголочки, пуховая шляпка на кудряхъ примасленныхъ, дрожки блестятъ подъ лакомъ, и въ подножіи коверъ бархатный. А конь — либо вороной, изъ-сиза, либо гнѣдой, въ маслѣ, либо сѣрый, въ яблокахъ, въ тоненькой плетѣ, уздечка серебромъ набрана, и звѣздочка подъ шеей поблескиваетъ; хомутъ на немъ, точно галстучекъ на приказчикѣ, съ серебряной застежкой. И самъ, шельма, стоитъ у колоды биржевой, какъ лебедь, шею выгнувши, только уздечку грызетъ, ушами прядетъ, большимъ глазомъ покашивается, фыркаетъ да весь лоснится, и жрать, бестія, не хочетъ: овесъ шастаный пріѣлся, на душистое сѣно и глядѣть надоѣло!

И этакой лихачь-извозчикъ пребываетъ безъ малаго весь день *въ заведеніи*, все чаи наводитъ, въ разговорахъ упражняется; сѣдока онъ не ищетъ—его сѣдокъ найдетъ. Простоитъ онъ безъ дѣла хоть день, хоть два, а катнулъ на три часа — синюю бумажку въ мошну прячетъ, а на полдня — есть и красная. Этакому извозчику давай барина—что-бъ звенѣло, давай барыню—чтобъ шумѣло. Зато, что шапочку приподнимаетъ, на чаекъ ему прикидываютъ столько, сколько другой работяга горькой въ два дня, хоть надорвись, не заработаетъ!

Знаетъ лихача сынокъ маменькинъ, что родительскимъ денежкамъ глаза протираетъ, да сводитъ домокъ въ одинъ уголокъ. Знаетъ его и красавица, что бархатнымъ подоломъ мететъ улицу, и, что взглянетъ на тебя—рублемъ подаритъ,—а сотняга въ карманѣ у тебя заплакала!..

Словомъ, лихачъ родился отъ лиха, лиху и служитъ; не трудовая копѣйка въ мошнѣ у него, а звенятъ тамъ шальные рублевички; ему что день—то праздникъ, что ночь—то веселье. Дурь да непотребство распутное потѣшаетъ онъ удалью, летитъ сломя голову; — сторонись, бѣднякъ, — лиха-бѣда ѣдетъ! Еще-ль не лихачъ!

Ну, зато же есть и *Ваньки* бѣдовые; особенно изъ слѣпней

Digitized by Google

ночныхъ, извозчики. Самъ—не то въ дядиномъ балахонѣ, не то въ теткиномъ зипунѣ: заплата на заплатѣ, а гдѣ нѣтъ — тамъ продушина. Кляченка косматая, бѣжитъ въ притрусочку, и все призадумывается:—эй, не стать-ли ни съ мѣста?—а кнутишко свиститъ надъ ушами,—берегись, ожгу! и только — хлесь да хлесь по бокамъ тощимъ. А экипажъ-то звенитъ всѣми гайками, скобами да шурупами, поетъ пѣсню—„чѣмъ тебя я огорчила?“...

— Пошелъ, пошелъ!—покрикиваетъ сердитый сѣдокъ;—гривенникъ—деньги; пошелъ, пошелъ!

И тащитъ сивка косматый всю эту музыку; пляшутъ дрожки, разбитыя по мостовой; то тамъ лопнуло, то тамъ развязалося; трещитъ *обоянская* снасть, а ѣхать надо: овесь — четверикъ — шесть гривенъ нынчѣ.

Да и спасибо скажи, коли день-то проѣздишь, концы хоть по гривеннику; а то ловкій сѣдокъ и рубль посулитъ, да въ *сквозныя* ворота стреконетъ,—жди его, о полы руками похлопывая: — ахъ, чтобъ тѣ въ смолѣ кипѣть! А въ Питерѣ дворовъ сквозныхъ по десяти на улицу, по пяти на переулочекъ.

И всетаки извозъ — прибыльное дѣло, особенно въ зимнее время, когда въ деревнѣ дѣлать почти что нечего, а бурмистръ, или староста, при встрѣчѣ на поклонъ твой все одно поетъ:—а скоро-ль оброкъ внесешь?—Извозъ выручаетъ.

II.

На концѣ улицы, по которой я живу, стоитъ извозчичья колода. Еще недавно при колодѣ этой вчастую можно было видѣть бодрую пѣгую лошаденку, правда кривую на одинъ глазъ, но веселую и сытую. Запряжена она была въ старенькія дрожки; упряжь вся посредственная — неважная, да и не худая. При этомъ экипажѣ всегда находился старичекъ извозчикъ, тоже одѣтый не попраздничному, однако, пристойно. Извозчикъ былъ таки порядочно старъ: борода совсѣмъ сѣдая, и за плечами средственный горбокъ; время погнуло человѣка.

И всегда ухаживалъ онъ за своей кривой лошаденкой. Не посидитъ, не отдохнетъ, а все—то приглаживаетъ ее, то сѣнца съ руки даетъ, и при томъ весело заговариваетъ съ ней:—что, Петька, усталъ, шельмецъ кривой?.. а? что ушами-то стрѣляешь?.. ну, что не ѣшь? ахъ, ты подсвинокъ мой!—И начнетъ ему чесать подъ салазками, или и за ухомъ. А Петька, каналья,

Digitized by Google

только жмурится отъ удовольствія и хвостомъ помахиваетъ, настоящe, какъ собака ластится, да еще морду старику на плечо положитъ. Ну, старикъ и обнимаетъ его да гогочетъ ему въ самое ухо:—охъ, ты, Петька, Петька! охъ, ты, розбойникъ шустрый, ого-го, ты, Петинька!..

Случалось мнѣ ѣзжать со старикомъ на Петькѣ его; и замѣтилъ я, что у старика и кнута нѣтъ, а Петька слушаетъ его голоса лучше кнута, хоть никогда старикъ не кричалъ на него сердито, а все вполшутя, ласково.

Разъ выпалъ намъ добрый конецъ пути; поѣхалъ я за городъ, на кладбище,—тамъ у меня дѣло было. За городомъ дорога не мостовая, мягкая; колесо безъ шуму катится. И, слышу я, заговариваетъ старикъ съ Петькой своимъ, не къ худому сказать, все равно какъ съ сыномъ ласково: — ну, вотъ, тебѣ, разбойникъ, и мягко бѣжать! отдохнутъ копытцы-то; о-охъ, ты, воръ-Петька!—а Петька взмахнетъ головой, вильнетъ хвостомъ, да еще глазомъ зиркнетъ, назадъ покосившися, и бѣжитъ очень весело. Словно онъ понимаетъ рѣчь хозяйскую.

— Никакъ тебя разумѣетъ конишко твой?—спросилъ я извозчика.

— А разумѣетъ, сударь ты мой!.. Еще-ль ему не разумѣть, коли онъ двѣнадцать лѣтъ живетъ, и двѣнадцать лѣтъ другаго хозяина, кромѣ меня, не знаетъ,—безотлучно при мнѣ и выросъ; все разумѣетъ.

— Ой-ли?

Петька въ это время бѣжалъ полной рысью.

— А ужъ все разумѣетъ!—громко сказалъ старикъ;—вотъ, только скажу:—стой,Петька!—онъ и станетъ!

Не успѣлъ старикъ докончить словъ, Петька на всемъ ходу вдругъ остановился; я клюнулъ носомъ въ шапку старика; оба мы разсмѣялись.

— Ахъ, ты, воръ! пошелъ!—крикнулъ извозчикъ,—и Петька опять пустился рысью, а все помахивая хвостомъ.

— Вишь ты, проворъ кривой!—посмѣиваясь журилъ его старикъ, и лошаденка, какъ будто въ самомъ дѣлѣ понимала шутку, рысила, присбакивала и головой поматывала.

— Онъ у меня сроду кнута не пробовалъ; онъ—животина дружественная; онъ, то есть, прости Господи согрѣшеніе, души не имѣетъ, а все единственно—другъ!..

И старикъ заминался, не умѣлъ прибрать словъ, какъ бы похвалить пристойнѣе своего Петьку.

Я попросилъ его ѣхать шагомъ и разсказать мнѣ про Петьку

Digitized by Google

отъ начала, какъ онъ его воспиталъ. Старикъ помолчалъ, потомъ тронулъ возжу:—легче, легче, шажкомъ пойдемъ,—промолвилъ тихо; Петька поубавилъ рыси, и совсѣмъ пошелъ шагомъ.

Старикъ немножко обернулся ко мнѣ и началъ вотъ такую, впрочемъ, не хитрую повѣсть.

—

Повѣсть о кривомъ Петькѣ.

Былъ еще въ живыхъ, царство ему небесное, мой батюшка; купили мы у прохожихъ гуртовщиковъ жеребую кобылу,—лошадь хорошая-бы, да обосоножилась, издалека пришла. Дали небольшія деньги — шесть рублевъ серебра. Черезъ три мѣсяца она ожеребилась, да немного и пожила потомъ, недѣль черезъ семь пала. Остался вотъ этотъ самый жеребенокъ — Петька. Это есть у людей повѣрье, что коли кобыла жеребится и въ ту минуту запоетъ пѣтухъ—ну, такъ жеребенокъ не жилецъ, а волчья добыча,—значитъ, заѣдятъ его волки. Ну, да это бабы бредятъ, а вотъ же онъ и живетъ, даромъ что какъ разъ подъ пѣтушиную пѣсню спородился...

Старикъ попримолкъ, поправилъ на Петькѣ шлею, пробормоталъ что-то себѣ въ бороду, сплюнулъ и продолжалъ.

— Вотъ, и назвали мы его Петькой... Господа все думаютъ, что это по человѣчьи зовется онъ; ну, да какъ же можно!—это такъ только дана ему такая кличка, и больше ничего. Правду сказать, я и самъ въ точности не помню, когда его прозвали мы Петькой, а только теперь и вся деревня кличетъ его такъ. А внучатъ у меня цѣлыхъ девятеро,—такъ тѣ, какъ завидятъ насъ, какъ это мы изъ Питера домой наѣзжаемъ, такъ, и Господи! не кричатъ—дѣдушка!—а все наперво:—Петька, Петька прибѣжалъ!—на всю деревню ажно завизжатъ съ радости большой. А онъ, мошенникъ, то есть, Петька, тоже разумѣетъ, стало быть:—го-го-го!—загогочетъ имъ настрѣчу. Ну, мнѣ это смѣшно, знашь ты, тѣшитъ это сердце-то мнѣ, потому что я такъ сказать... то есть...

И старикъ опять замялся маленько, попримолкъ.

Чтобы связать рѣчь, я спросилъ его:—а тебя какъ зовутъ, дѣдушка?

— А меня?—да меня-то зовутъ Петромъ,—отвѣтилъ онъ, улыбаючись и не глядя на меня.

— А по батюшкѣ?

Digitized by Google

— Да Захарычемъ.—Батюшка то мой скоро вотъ послѣ этого случая и померъ, царство ему небесное!

— Старъ, стало быть, былъ?

— Да, за восьмой десятокъ еще годовъ шесть надо быть прожилъ. Мнѣ въ тѣ поры побольше полсотенки было. Ну вотъ, Петька-то жеребенкомъ безъ матки и привыкъ ко мнѣ; все съ рукъ моихъ и питался, да какъ собака присталъ ко мнѣ; воръ такой: бывало, куда въ люди идти, такъ насилу его отгонишь, запрешь въ хлѣвишко—ну, такъ ржетъ, ломится, визжитъ, какъ подсвинокъ худой;—такая удача вышла. Вѣдь съ баловства и окривѣлъ мошенникъ: съ козломъ все баловали; ну, козелъ его боднулъ—да на утекъ, онъ за нимъ; а на дворѣ куча, возовъ десять, хворосту лежала... козелъ скочилъ на кучу, и онъ за нимъ, да провалился въ хворостъ, глазъ-то себѣ и накололъ. Ну, разболѣлся глазъ, а дуракъ-отъ у насъ есть такой,—присовѣтуй мнѣ купоросомъ сжонымъ присыпать,—я присыпалъ, а глазъ-то у него и вытекъ. Такая бѣда! Одначе, выходился и, годика черезъ три, въ боронѣ пошелъ отмѣнно хорошо; только-жъ все рѣзвый, бестія, былъ. А тутъ я послѣднюю дочку замужъ выдалъ,—принялъ въ домъ къ ней хорошаго парня. А потомъ и хозяйка моя, царство ей небесное, Богу душу отдала, да и я свалился: безъ мала полгода маялся,—день ходишь, а два лежишь. Спасибо, солдаты проходили, лекаря къ намъ поставили,—переночевалъ только, а такую добродѣтель оказалъ, что и по вѣкъ его не забуду. Это у меня въ душкѣ совсѣмъ душило-было, и ѣсть не могъ, и ноги чуть таскалъ, и все это на сердцѣ мутило, да такъ сряду шесть мѣсяцевъ,—весь въ щепку изсохъ. Бабы и знахарку кликали. Есть у насъ деревенька за мхами; тамъ она и живетъ. Ну, приходила, глядѣла, нащупывала;—трудное, говоритъ, дѣло:—*волосъ*, говоритъ, въ гнилой водѣ выпилъ; гнѣздо, говоритъ, есть, въ требушинѣ-то, то есть. Надо, говоритъ, на Іова многострадальнаго кукушкино гнѣздо варить, да отваръ заправлять чернобыльникомъ, да черезъ рукавъ посконной сорочки цѣдить на уголь, да пить...—Да и чего-то не пробовано! все вышло не то: либо вретъ, либо не узнала баба, а только облегченія мнѣ нѣтъ. А лекарь, дай Богъ ему здоровья, сразу помогъ. Правда, что нехорошо и сказать какъ, а ужъ продрало дѣло,—помогъ! Вотъ, милый ты мой, въ тѣ поры міромъ и приказомъ освободили меня отъ всякаго тягла и работы:—живи, говорятъ, какъ птица вольная, безданно-безпошлинно!—Какая-жъ тутъ и птица: не токмо летать, а насилу я ползалъ, и то съ костылемъ. Не бывалъ я лядащимъ, а тутъ вижу, что

Digitized by Google

мое время прошло. И не захотѣлъ я мѣшать никому: сдалъ дѣтямъ избу, все хозяйство, подѣлилъ имъ животину и всякое, что имѣлось, добро; ничего не утаилъ, все, какъ передъ Богомъ, представилъ имъ:—пользуйтесь, дѣтки; дай Богъ вамъ впрокъ трудовое добро родительское; а неправеднаго, Богъ миловалъ, нѣтъ тутъ и соломенки. Развѣ, грѣшнымъ дѣломъ, по незнанію, скорыстничалъ, но обману на душѣ не имѣю. А себѣ я выговорилъ Петьку, да стожокъ сѣна ему на зиму, да по четверти овса въ лѣто съ дѣтей, т. е. съ трехъ хатъ, да себѣ на жительство оговорилъ старую баню у ручья, и тамъ Петькѣ конюшню самъ пристроилъ. Дѣти, было, и не пущать меня,—ну, да нельзя: порѣшилъ я это крѣпко, безъ всякаго сердца, по добру, и выдѣлился. И послѣ такого дѣла сталъ я очень поправляться въ себѣ; слышу, вернулась мнѣ сила. Только вотъ что сталося. Ѣздилъ отъ насъ изъ деревни каждую зиму въ Питеръ молодецъ въ извозъ, и разъ пошутилъ онъ мнѣ такъ:—поѣдемъ-ка, Захарычъ, въ Питеръ извозничать; твой Петька самый такой номерной, говоритъ,—у него, говоритъ, и побѣжка не деревенская, городская!—И скажи ты, пожалуйста, что сталося?—всяческія слова, шутки и рѣчи я въ жизнь мою слыхивалъ—и ничего: въ одно ухо войдетъ, въ другое вылетитъ; а тутъ попалъ онъ такимъ словомъ мнѣ въ сердце, ровно камешкомъ въ воробья,—такъ оно у меня и задрыгало! и съ чего, подумаешь? Одначе, и ночь не спалъ,—все одна думка: поглядѣть, какъ Петька по Питеру побѣжитъ. Что-жъ ты думаешь?—съ первой порошей махнули мы въ Питеръ, и вотъ, четвертый годъ работаемъ такъ, что и куда тебѣ! И, не стану грѣшить, не солгу—заработки такіе, что и мнѣ и ему, да и еще кое-кому полно, и еще лишки не малые остаются. Да и сила-то словно отмолодѣла во мнѣ!.. Ну, Петька, прокатимъ господина!—прикрикнулъ старикъ, и Петька вдругъ дернулъ такъ, что шапка слетѣла у меня съ головы.

Смѣхъ да и только!

Съ часъ времени пробылъ я за городомъ. Когда мы возвращались назадъ, я спросилъ Захарыча о внукахъ его:—ты сказалъ, что у тебя ихъ девятеро,—ну-ка, разскажи, почтенный, какъ вы съ ними встрѣчаетесь-то?

— Да я тебѣ, родной ты мой, только кое-что сказалъ, а говорить-то у меня есть о чемъ много,—всего не разскажешь! Благодареніе Господу, въ четыре года я видалъ радостей столько, что другому на весь вѣкъ полно было бы! Вотъ теперь только

Digitized by Google

маленько позамутилось у насъ дѣло такое... ну, да что это! оно бы пустякъ,—и говорить-то стыдно...

Но я просилъ старичка Захарыча разсказать мнѣ въ подробности всѣ послѣдніе четыре года его жизни, и онъ опять попридержалъ своего Петьку и продолжалъ разсказъ.

— И вотъ, душевный ты мой, первую зиму началъ я извозничать на чужихъ санишкахъ: по двугривенному въ день платилъ. И пошла мнѣ удача сразу: черезъ два мѣсяца свои сани купилъ; двадцать семь рублевъ далъ. Попалъ я на добрыхъ людей, съ нашимъ же деревенскимъ землякомъ остановился на одномъ дворѣ; квартерный хозяинъ нашъ—и теперь у него живу—человѣкъ тихій, разсчетливый, а большой жадности къ деньгамъ нѣтъ въ немъ. Ну, новое дѣло, бывало, и посовѣтуетъ, и купить, что надо, укажетъ, гдѣ вѣрнѣе, а не то и пособитъ купить. И постомъ поѣхалъ я домой, въ гости, весь справленный: армякъ, шапка, шлея—все новое, санишки крѣпкія, и привезъ съ собой больше двадцати рублевъ, да еще и ребятишкамъ гостинцевъ всякихъ. И какъ это я пріѣхалъ, вытопилъ печку во дворцѣ своемъ, да какъ нахлынули ко мнѣ ребятишки, внучата мои, попробовали пряниковъ, орѣшковъ, стручья сладкаго—такъ и остались всѣ ночевать у меня; а назавтра и домой идти никто не хочетъ. Вотъ тебѣ и выселки новые на ручью!—полюднѣло у насъ съ Петькой такъ, что и на улицу идти не надобно; еще чужіе дѣтенки понабѣжали,—цѣлый цыганскій таборъ, сударь ты мой!

А тамъ и постарше пришли: дочки да племянницы. Ну, помнилъ я и ихъ, одарилъ, почитай-что, каждую: кому платочекъ, кому ситцу на передникъ.—Э-ге-ге! такъ вотъ онъ какой!—запѣли бабы на деревнѣ,—такъ ты вотъ, молъ, какъ, Петро Захаровичъ! И таки въ мѣсяцъ ущупали мою казну такъ, что въ карманахъ и въ мошнѣ не звонъ-звенитъ, не шумъ-шумитъ, а только пустой вѣтерокъ продуваетъ. Ну, и меня угощали, и утыкивали; три двора на деревнѣ—свои: родной сынъ, да двѣ родныхъ дочери—хозяева полные, да еще полъ-деревни—все недальняя родня приходится. За день есть гдѣ разгуляться; а ночью у меня во дворцѣ ребятишекъ, что сверчковъ, а назавтра—опять гуляй по гостямъ! Одначе, вижу я, что прошло два мѣсяца и прогулялся я вдосталь. Землякъ извозчикъ пріѣзжалъ тоже погостить недѣли на двѣ и назадъ въ Питеръ собирался;—я опять махнулъ съ нимъ вмѣстѣ.

Опять-таки повезло намъ съ Петькой. Вотъ эти дрожки взялъ сперва на выплатку за сорокъ пять рублевъ, обладилъ ихъ со-

Digitized by Google

всѣмъ заново; и вотъ, братецъ ты мой, ужъ другой годъ, какъ я расплатился начисто, обзавелся всякимъ экипажомъ, упряжкой, одеждой; еще и на людяхъ кой-какой грошъ имѣю. И, благодареніе Господу, живу такъ, что дай Богъ дѣтямъ и внучатамъ моимъ и каждому доброму человѣку такъ жить до гробовой доски. А за все про все спасибо ему, вотъ этому Петькѣ кривому.

Старикъ мой примолкъ, призадумался и, вздохнувши, опять заговорилъ.

— Вишь ты, какъ это чудно и неизрѣченно у Бога на свѣтѣ происходитъ; откуда милость человѣку насылается и изъ чего берется?—животина такая, что надо бы пропасть ей безъ матки,—ну, мѣдной полтины никто не далъ-бы, все единственно—котенокъ слѣпой, немногимъ больше!—а, поди ты, человѣка призрѣваетъ, старость покоитъ; да еще не одно: я тѣ не сказалъ—взята у меня старуха хворенькая, сидитъ во дворцѣ у меня на ручью-то, ну, въ банѣ значитъ; а безъ того надо бы ей по міру ходить, да и то не смогла бы; вотъ онъ и ей кормилецъ, кривой-то мой, Петька, всѣхъ насъ держитъ. А ребятишки, слышь ты, вѣдь даромъ что глупы, а слышутъ, стало быть, сердцемъ, значитъ, понимаютъ это дѣло, такъ любятъ Петьку-то, что бѣда! Пріѣдемъ это мы съ нимъ домой,—одинъ сѣнца ему тащитъ, другой хлѣбца корочку, третій соломки на подстилку волокетъ; такъ подъ ногами у него и лазаютъ. А на водопой—всѣ до одного съ нимъ вмѣстѣ въ самый ручей такъ и влѣзутъ.

И все было хорошо, и все это у насъ происходило такъ душевно, что, бывало, ждешь—не дождешься срока домой ѣхать; да вотъ поди-же, вдругъ, словно оборвалося: и теперь ужъ давно пора бы мнѣ домой ѣхать,—ну, не могу! И хочется, и ужъ какъ бы поѣхалъ,—нѣтъ, не могу. Все день за день таки откладываю; все думается:—погожу, авось душа попросится, потянетъ меня туда—да нѣтъ, не тянетъ!

И опять старикъ призадумался.

Я спросилъ его, что за причина такая, отчего ему домой не хочется:—али денегъ мало наѣздилъ?

— И-и, родной ты мой!.. есть его деньжища-то полно съ меня. А причина такая, что и признаться стыдно, говорить бы не хотѣлося... Ну, да ужъ пусть скажу,—можетъ это разобьетъ тоску. Вотъ какой пустой случай вышелъ,—послушай, да ужъ и осуди меня, старика... На Илью пріѣхали мы это домой съ Петькой;—радость такая, что и куда тебѣ: вопятъ ребятишки на всю деревню. Сейчасъ всѣ, слышь ты, и знаютъ, что мы съ Петькой

Digitized by Google

пріѣхали. И вотъ хорошо!.. Распрягли мы Петьку, пустили его по бережку ходить,—онъ это любитъ, мошенникъ, только ржетъ да фыркаетъ и сейчасъ давай валяться,—ну, развязалъ я ребятишкамъ платъ съ гостинцами; рады, сопляки, запрыгали и захохотали, увидѣвши. Пришелъ сынъ поздороваться, дѣло было подъ-вечеръ, ужинать зоветъ; пошелъ я къ нему со всей ватагой малышей. Ну, дочки пришли, поздравили меня, поужинали, и опять тѣмъ же порядкомъ отправился я съ ребятишками домой къ себѣ, на ночлегъ, значитъ. Соломки, вѣдашь ты, натрусили наземь, армячишко, шубку, кой-какую ветошь дѣтямъ кинули; всѣ и прикурнули въ повалку; посмѣиваются да шушукаютъ; улеглись. И есть у меня внученокъ, у сына сынъ значитъ, шестой годъ пошелъ, а шустрый мальчишка такой, что другого и на деревнѣ нѣтъ похожаго; все это онъ понимаетъ и знаетъ, какъ старый. Ну, а только быстеръ, что птица крылатая, огневой мальчуга, такой проворъ, что бѣда. Это былъ живъ еще дѣдъ мой покойный, царство ему небесное, тоже Петромъ прозывался; помню, говорилъ онъ, что каждому ребенку до семи годовъ все открыто; Господь открываетъ ему всякое понятіе, потому что онъ безгрѣшенъ еще, и все онъ знаетъ, только разуму не имѣетъ такого, чтобъ выговорить словесно, а душа, значитъ, у него чистая, и всякую мудрость должна понять. А ужъ послѣ семи годовъ испытуетъ онъ грѣхъ,—душа ангельской чистоты не имѣетъ, и правда Божеская ужъ становится ему невнятна, забываетъ, значитъ. И чѣмъ дальше живетъ человѣкъ, тѣмъ грѣховнѣе и, стало быть, темнѣе становится. Это ужъ такъ! Вотъ и этотъ внученокъ-то мой точно такой: глядитъ на тебя глазенками, словно онъ все знаетъ и всего тебя насквозь видитъ, а пытать не хочетъ. Такъ, что если у тебя въ мысляхъ худое что-нибудь, такъ ты и не можешь въ глаза-то ему поглядѣть прямо, и онъ тебѣ въ глаза не глядитъ. Значитъ, худое-то твое свѣтлыхъ глазокъ его боится, а и они глянутъ на тебя, словно жалѣючи тебя... Внученокъ этотъ прозывается по мнѣ, тоже Петька, и онъ всегда ужъ со мной, и спимъ съ нимъ рядомъ, подъ однимъ кожухомъ. Вотъ, улеглись мы; шугнулъ я маленько ребятишекъ:—спите, молъ, пострѣлы; полно ворошиться! А Петька ко мнѣ пригорнулся, скорчился, головенку-то спряталъ мнѣ подъ бороду и шепчется со мной,—спать ему не хочется. Ну, я его люблю, ужъ грѣшенъ, покрѣпче всѣхъ люблю, не могу я ему никакого отказа дать; онъ это что хочетъ, то и дѣлаетъ со мной старымъ,—знаетъ, разбойникъ, что мнѣ любо ему, поросенку, угодить, все понимаетъ. Вижу, спать онъ не хочетъ, а хочетъ бол-

Digitized by Google

тать, пошептаться; ну, и спрашиваю:—что-жъ ты, Петя, радъ, что Петька-то прибѣжалъ?—Радъ, дѣдушка,—говоритъ.—Ну, а радъ, что я пріѣхалъ?—Радъ, дѣдушка.—Ну, а гостинцамъ радъ?—Радъ, дѣдушка!—Ну, а что ты безъ меня тутъ дѣлалъ?—Ничего, дѣдушка!—Чай, озорничалъ, поди, баловалъ, мальчишка, ась?—Баловалъ, дѣдушка!—Ахъ ты, поросенокъ!—говорю ему,—и смѣшно мнѣ это съ дурачкомъ толковать и спать хочется; а онъ все копошится, не спитъ. Поцѣловалъ я его въ башку, въ кудряшки его; попримолкли мы оба, съ дороги дремота подошла, и всѣ ужъ заснули, а онъ мнѣ и шепчетъ:—а меня высѣкли, дѣдушка...—Какъ сказалъ онъ это слово, такъ я и самъ не знаю что... такъ и похолодѣло у меня въ серединѣ; вотъ, словно шкура съ меня отстаетъ,—не больно, а такъ вотъ, и замертвѣло все. Одначе, спохватился я:—что-жъ за важность, постегали баловня?—Ну, хочу взять это въ разсудокъ, а не могу; сердце у меня будто дрогнуло.—Кто тебя высѣкъ?—спрашиваю.—А тятька...—А за што?—А мамку обругалъ.—Ахъ ты, грѣховодникъ, ахъ ты, стрямецъ!—шепчу ему;—какъ же это ты смѣлъ?—А тятька самъ ее ругаетъ, такъ вотъ и я обругалъ!—Ахъ ты, поросенокъ!.. какъ же ты ее обругалъ?—Да разсомахой обругалъ; вотъ какъ!—Ахъ ты, волчонокъ дикой!—И вижу я въ потемкахъ-то, что онъ головенку приподнялъ, глядитъ на меня, да никакъ еще и усмѣхается. Сталъ я его бранить, а онъ опять свернулся у меня подъ бородой и нишкнетъ. Я и спрашиваю его:—что-жъ, больно высѣкли?—Нѣтъ,—говоритъ,—теперь не больно.—А тогда-то, какъ сѣкли?—Ничего,—говоритъ;—я хотѣлъ топиться тогда и на ручей бѣгалъ!—Ахъ ты, Иродъ!.. да вѣдь ты бы утонулъ?—Да я побоялся, что глубоко, такъ вернулся, да тутъ вотъ, подъ банькой, оплакалъ маленько—и ничего!—Сталъ я это корить его,—онъ молчитъ; и стало мнѣ жалко его;—вѣдь вотъ же, и не хорошо, Петюшка,—говорю ему, а онъ опять зашепталъ такъ жалостливо:—да, дѣдушка, погляди, какъ не хорошо,—поворотился и рубашонку-то завертываетъ,—гляди,—говоритъ,—дѣдушка. А изъ окна краешекъ мѣсяца чуть свѣтится. Надо-же было мнѣ, старому дураку, поглядѣть!.. глаза-то затуманило мнѣ—и капни слезинка на Петьку...—засмѣялся, варваръ, свернулся, прижался ко мнѣ и обнялъ мнѣ шею ручонками. А у меня, братецъ ты мой, такъ и посыпалась слезища-то, и стало мнѣ Богъ знаетъ какъ стыдно!.. Онъ уснулъ, а я всю ночь промаялся: только глаза-то закрою—покажется мнѣ вдругъ, что мальчишка стонетъ, погляжу—ничего. Опять зажмурюсь—слышится, Петька бьется:—ужъ не домовой-ли объѣз-

Digitized by Google

жать его хочетъ?.. выду—ничего!—стоитъ да жуетъ, и загогочетъ, послышавши меня. Да такъ всю ночь провозился; то туда, то сюда, весь измаялся и глазъ не сомкнулъ. Ну, и стало-же мнѣ съ того дня въ деревнѣ скучно; обѣдалъ я по очереди, то у дочекъ, то у сына; а тутъ ни разу и попасть не могъ къ сыну на обѣдъ, къ батькѣ-то Петькиному: то не хочется, то забуду;—такъ и не былъ ни разу. А начнетъ мнѣ это невѣстка жалиться, да выговаривать на людяхъ:—что, молъ, батюшка, насъ позабылъ?—сердце-то у меня и отойти хочетъ:—добро, говорю, хочу сказать, приду;—а соплякъ-отъ Петька поглядитъ на меня такъ, шельма, будто съ усмѣшечкой, зиркнетъ и убѣжитъ—и опять я ни за што не могу къ сыну въ домъ войдти. Да такъ и уѣхалъ скорѣй изъ деревни, опять сюда—и теперь такая тоска одолѣла: хочется ѣхать посмотрѣть на нихъ,—ну, ни за што собраться не могу! Три раза выбираться хотѣлъ—три раза остаюсь, и не знаю, какъ и быть!

Старикъ опять призадумался, молчалъ, вздыхалъ, улыбался какъ-то жалостливо...

— А что, какъ его опять отпороли?—громко сказалъ онъ и, усмѣхаясь, глядѣлъ мнѣ въ глаза.

— Отчего-жъ не отпороть, дѣдушка?—отвѣтилъ я;—разъ отпороли, такъ можно и десять разъ, и хоть сто разъ пори—все это не большой счетъ.

— Такъ, какъ-же ты, господинъ, думаешь, скажи-же мнѣ на милость, какъ ты, къ примѣру, полагаешь, поступилъ я, значитъ, невѣрно?

— Вѣрно,—отвѣтилъ я.

— Такъ отчего-жъ оно такъ?—я вѣдь не хотѣлъ никакого поступка сдѣлать,—само оно такъ дѣлается, что мнѣ противно родное мѣсто стало?

— Оттого-то и вѣрно, что само такъ дѣлается,—сказалъ я старику.

— Такъ нѣшто не слѣдуетъ баловня поучить за руганье? Нѣшто не должно высѣчь ребенка?

— А выходитъ — не должно.

— Что ты шутишь, родной?—обругалъ матку—и не трожь его, не виноватъ нѣшто?

— Виноватъ тотъ, кто выучилъ.

— Да кто-жъ его училъ? самъ, пострѣлъ, выучился.

— Нѣтъ, батька выучилъ: не слѣдуетъ жену ругать,—дѣти услышали—повторять будутъ.

Digitized by Google

— Да вѣдь онъ и насторонѣ, отъ людей, тоже услышитъ да перейметъ.

— Каждый виноватъ, кто дѣтей на грѣхъ наводитъ, да ругается.

— Эва, сказалъ! Такъ, по твоему, ни за что не слѣдъ карать ребенка, и пальцемъ не тронь его?

— Эхъ, старичина! самъ-же ты говорилъ, что у ребенка чистая душа· какъ-же ты смѣешь за людей карать чистаго младенца? Люди научили его пакости и осквернили чистую душу его—чѣмъ-же онъ виноватъ?

— Ахъ ты, человѣкъ Божій! какую ты мнѣ занозину въ сердце всадилъ!—заговорилъ, насупившись старикъ.—Лучше бы я тебя и не спрашивалъ!..

И нахмурившись, покачивалъ онъ головой, все вздыхалъ и помалчивалъ.

И я молчалъ. Мы ѣхали шагомъ. Такъ прошло минутъ пять.

— Да скажи, ну, мнѣ толкомъ,—вдругъ заговорилъ старикъ,—какъ же быть-то съ шальными ребятишками? И можетъ ли статься, чтобы отецъ не долженъ былъ наказать свое непослушное дѣтище, чтобъ не могъ поучить неразумнаго? Говори-ко, ну, баринъ, слышь ты!

— Эхъ, старина! — а отчего-же у тебя-то кнута нѣтъ?— спросилъ я его.

— Какъ отчего? не надобенъ, такъ и нѣтъ его: Петька его и сроду не пробовалъ, онъ у меня и такъ работаетъ.

— То-то и есть;—животинѣ погонялка не надобна, а человѣку надобна, что-ли?

— Коли, понимаешь ты, онъ выученъ у меня, слова слушаетъ.

— Нѣшто ты его кнутомъ выучилъ?

— Да не кнутомъ; а ребенку-то вереды никакой нѣтъ, что стегнутъ его за баловство; порчи ему отъ того нѣтъ.

— Какъ же не быть порчи?—ударь топоромъ дерево молодое, заруби хотя слегка—черезъ два-три года затянетъ зарубину, а черезъ десять лѣтъ и знаку не будетъ. А дерево-то испорчено: подъ корой, да подъ слоями, наросшими; уже сидитъ язвина: и все ширится, да здоровые слои захватываетъ. А если здоровые соки не пересилятъ гнили, дойдетъ она до сердцевины, ну, такъ ударится и вверхъ, и внизъ, и въ корень, и въ маковку, черезъ весь стволъ пройдетъ, да въ сучья тонкіе проникнетъ. И на глазъ, кажись, ничего, дерево какъ дерево, стоитъ да кудрявится, а возьми-ка его въ дѣло, свали, отеши, распили—

Digitized by Google

понюхаешь да и плюнешь: табачища гнилова набито все нутро,—не токмо въ подѣлку, а и въ печь-то мало годится; больше насмердитъ, чѣмъ нагоритъ...

— Вишь ты, прировнялъ къ чему, голова... дерево бездушное съ человѣкомъ въ рядъ поставилъ,—перервалъ рѣчь старикъ.

— У Бога все рядомъ стоитъ: вотъ и Петька твой, скотъ, а людей кормитъ; значитъ—рядомъ съ ними стоитъ.

— Эй, что-то ты не туда гнешь, баринъ!—промолвилъ старикъ—пусть дерево отъ зарубки спорчено, на то оно дерево; а мальчишкѣ-то что станется, коли ты стегнешь его за дѣло?

— А пожалуй, тоже, что и дереву: коли дойдетъ ему до сердца обида твоя, такъ тамъ и заведется гниль, то есть злость, лукавство и всякая ложь.

— Господи, помилуй!.. Господи, помилуй!..—бормоталъ Захарычъ, вслушиваясь внимательно.

— Не хотѣлъ бы я огорчать тебя, почтенный ты мой, а огорчить надо,—сказалъ я ему;—болитъ у тебя сердце за внука твоего Петьку,—по дѣломъ тебѣ! Это не чужой, а твой грѣхъ на немъ отзывается, оттого-то тебѣ такъ и тяжко теперь.

Старикъ весь встрепенулся и шапку снялъ:—Господи Христе! что это ты сказалъ! — молвилъ онъ, перекрестясь. — Эва, брякнулъ!.. а я-то что тутъ виноватъ?

— А бивалъ ты сына своего когда-нибудь?

— Какъ не бивать,—сызмала, надо быть, случалось-таки.

— Ну, вотъ, теперь твой сынъ передаетъ своему мальчишкѣ все, что отъ тебя получилъ; небось, разсчитаются вѣрно. А ты, дѣдушка, тѣшься, жни, что посѣялъ.

Старикъ совсѣмъ потупился и тихо упрашивалъ:—говори, говори, ей Богу, говори!

— Что говорить-то, другъ ты мой! Грошъ въ грошъ, капля въ каплю—все человѣку на свѣтѣ заплотится; не уйдешь отъ разсчету вѣрнаго; можетъ быть съ той самой березки, съ которой ты вѣникъ на сына вязалъ, съ нея же и на внука твоего пучокъ связали.

— Что это ты сказалъ!.. кабы ты зналъ, что сказалъ, ты бы этого мнѣ не захотѣлъ говорить,—молвилъ старикъ тихимъ голосомъ, и, какъ будто самъ съ собою разсуждаючи, проговорилъ:—вишь ты, какая бѣда, какое дѣло непоправимое! ничего тутъ значитъ и не подѣлаешь;—опостыло сердце...

Жаль мнѣ стало почтеннаго старика. Замѣтно было, что онъ не хотѣлъ продолжать разговора; тяжело, знать, было любящему сердцу его, однако я продолжалъ бесѣду нашу. И когда вымол-

Digitized by Google

вилъ ему, что не только такая бѣда, но и всякая на свѣтѣ поправима: захоти—поправишь! то старикъ опять оживился и сталъ меня допрашивать:

— Ну, такъ что-жъ теперь-то дѣлать? какъ же я могу сердце-то мое унять, когда опостыло мнѣ, слышь ты, и гнѣздо мое?—самъ вижу—пустое дѣло, а домой ѣхать не хочется!

— Ничего, старикъ, потерпи, жди поры да времени, да случая сподручнаго—захочется. Къ доброму человѣку бѣда безъисходная не прививается; и самъ не увидишь, какъ бѣда пройдетъ!

— Эхъ, кабы твоими устами да медъ пить!—отвѣтилъ старикъ, призадумавшись.

Колеса застучали по мостовой, мы въѣхали въ городъ; разговаривать некогда, да и не слышно за стукомъ. Я пріѣхалъ домой.

Неохотно принималъ отъ меня старикъ деньги за извозъ; лицо его было нахмурено, онъ что-то ворчалъ про себя.

— Ну, прощай, почтенный!

— А прощай, баринъ! Заклинилъ ты мнѣ эту печаль мою, Господь съ тобой!

— Что-жъ дѣлать, старина?—правда прежде насъ родилась; не наша воля.

— А ужъ не наша!

Мы распрощались.

III.

Почти что каждый день видывалъ я Петра Захаровича съ кривымъ Петькой его у колоды, на углу улицы. Мы здоровались издали, какъ знакомые.

Небольше, какъ черезъ недѣлю, послѣ поѣздки нашей, увидѣлъ я у этой же колоды другого извозчика. Конь у него былъ большой, заводскій, съ выгнутой шеей, съ оскаломъ и зарѣзомъ, дрожки хорошія, сбруя подъ серебро. Самъ извозчикъ, немолодой человѣкъ, обритый, въ хорошемъ кафтанѣ и шляпѣ.

„Шила въ мѣшкѣ не утаишь“, говорятъ люди,—какъ ни снаряди и изукрась стараго солдата, а только взглянешь — и видно, что служивый. Извозчикъ былъ отставной солдатъ; да тоже самое и конь его—бракованный изъ фронта. Полковая муштровка не пропадаетъ: какъ печать на тебѣ такъ и останется до гробовой доски.

Одначе, служивый, со всей запряжкой своей, глядѣлъ лиха-

Digitized by Google

чемъ; вся и повадка такая: прохожимъ не навязывался—„прикажите подать!“—развѣ ужъ въ бобрахъ баринъ идетъ, или плыветъ барыня въ куницахъ, да соболяхъ. А крикнетъ кто:—извозчикъ!—онъ и не тронется, и не поглядитъ даже; Захарычъ, съ Петькой, вмѣсто его подкатитъ.

Дня черезъ три понадобилось мнѣ ѣхать недалеко; вышелъ я, увидѣлъ Захарыча, кивнулъ ему; мы и поѣхали.

Захарычъ что-то повертывался на козлахъ и озирался на меня.

— Что, старикъ, каковы дѣла твои?—спросилъ я.

— Ой, не спрашивай, родной; стряслась это на насъ съ Петькой такая бѣда, что хоть со свѣту бѣги!—заговорилъ старикъ, улыбаючись.

— Что-жъ еще такое?

— Да вотъ, видѣлъ ты, при колодѣ нашей какой богатырь сталъ,—все съ того и пошло. Утѣсненіе большое терпимъ. Ужъ четвертый день стоитъ. Конь-то у него—гора, заводской, слышь ты; а самъ онъ кавалерію носитъ, служивый; а дрожки у нихъ лахтированныя; по два двугривенныхъ въ день за прокатъ плотитъ. Ну, намъ съ ними верстаться и нельзя, мы на то и не осмѣливаемся. Только, видишь ты, ужъ больно горды они со слономъ-то своимъ заводскимъ. Извѣстно, у одной колоды стоючи, всякъ бываетъ: мой Петька, вольница, пошалитъ, да у него сѣнца рванетъ,—ну, и задерутся. Конь у этого извозчика прозывается Злодѣй; ну, ужъ истинно—злодѣй! да извозчикъ-то, кажись, и добрый человѣкъ, а за своево Злодѣя тянетъ. Это вчера задрался Петька съ Злодѣемъ, да зубомъ его за морду укусилъ, такъ что тотъ завизжалъ; извозчикъ-то возьми кнутъ да Петьку по ушамъ, по глазамъ, такъ безъ разбору и лупитъ. А онъ у меня отъ роду не видывалъ этого,—весь ажно задрожалъ. Что ты рехнулся никакъ?—кричу извозчику, а онъ толкуетъ:—учитъ надо! Вишь ты, учитель какой!

— Ну такъ какъ-же вы, поссорились?

— Чего ссориться,—тутъ просто бѣги. Четвертый годъ стою у колоды, къ мѣсту привыкъ, каждый камешекъ кругомъ знаю; ну, куда я пойду?

— Да ты не мѣшаешь ли ему? не отбиваетъ ли твой Петька сѣдоковъ у Злодѣя?

— Куда намъ съ Петькой! у насъ сѣдоки все простенькіе; мы никѣмъ не брезгаемъ, и за гривенничекъ веземъ. А у него свои сѣдоки: все въ шубахъ медвѣжьихъ да въ салопахъ дорогихъ, все больше *по часамъ* ѣздятъ. Мы „конецъ“ сдѣлаемъ—

Digitized by Google

пятиалтынничекъ дадутъ, и то спасибо; а онъ и на четвертакъ говоритъ:—маловато будетъ. Вотъ онъ какой кучеръ важный! Онъ мнѣ кричитъ:—эй, Петро!—а я ему:—что прикажете, Демьянъ Корнѣевичъ?—откликаюсь. Вотъ у насъ бесѣда какая!

На этотъ разъ больше и не было у насъ съ Захарычемъ разговора,—время не позволяло; довезъ онъ меня до мѣста, мы разсчитались и попрощались.

Назавтра я видѣлъ—стоитъ у колоды Злодѣй, въ самомъ дѣлѣ, что твой слонъ и глазища, какъ плошки. Извозчикъ стоитъ, нахмурившись, да посвистываетъ; съ коня паръ валитъ,—пришелъ сейчасъ съ гону, видно; дрожки блестятъ; упряжь тоже сверкаетъ на солнышкѣ; парадный экипажъ, нечего сказать. Въ тотъ-же день опять привелось мнѣ ѣхать на Петькѣ.

— Ну, что дѣдушка,—спросилъ я Захарыча,—не удался тебѣ сосѣдъ?

— А ужъ не удался; неча сказать, гордый человѣкъ! Ну, только видится мнѣ, что богатырство его не долгое: Злодѣй-то у него настоящій злодѣй: пуститъ онъ пѣшкомъ своего хозяина.

— Это-же отчего?

— А ужъ примѣта есть простая: овса не жретъ, а если и хватитъ пригоршню, такъ цѣликомъ ее и проглонетъ; жерны, значитъ, не дѣйствуютъ, попримололися. Вѣдь онъ, Злодѣй, конь мудрый,—годовъ ему будетъ немного меньше чѣмъ хозяину его; скотина, значитъ, изстрадалася, изъѣздилася. Вотъ, теперь дня четыре поработала, по камню-то постучала ногами—ребры у ней и обозначились, пашина западать стала, кость-то и претъ въ шкуру. Ну, извѣстно, грива да холка расчесана, глазъ строгой, шея выгнута, а сила—шабашъ, отслужила! Только у него, у Злодѣя, остался одинъ видъ храбрый, а мой Петька разсердится, такъ лѣвой ногой убьетъ его смаху, право убьетъ! А что, Петька, убьешь? ну, что, кривой, убьешь Злодѣя?—заговорилъ старикъ ласково своей лошаденкѣ; а Петька и хвостомъ вильнулъ, да головой махнулъ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ отвѣтить хочетъ:—а ужъ убью!

Старикъ помолчалъ, улыбаючись, и опять заговорилъ.

— Богъ съ нимъ, и съ Демьяномъ Корнѣичемъ,—я ему зла не желаю; онъ человѣкъ не худой, самъ страдалъ на свѣтѣ, видѣлъ всего. Ну, обманули люди простоту его, втюрили въ бѣду,—прозритъ, спокается; а только ужъ шибко насмѣялись надъ нимъ безбожники, отуманили человѣка; въ гордые его поставили, а кошель нищій спошили ему.

Digitized by Google

— Какъ такъ, что ты говоришь?—спросилъ я Захарыча.

— Да вотъ что я говорю: купилъ онъ коня—разбогатѣть думалъ; а теперь ужъ и самъ догадывается—плохо дѣло.

— Вона, куда дѣла пошли!

— А ужъ пошли, сударь ты мой! напретъ бѣда, что вода, прорветъ—не удержишь ее.

Мы разстались съ Захарычемъ.

Небольше какъ недѣли черезъ двѣ послѣ этого разговора ходилъ я куда-то по дѣлу и возвращался къ обѣду домой. Погода была ясная, но по улицамъ стояли лужи, грязь, извѣстно, дѣло осеннее. Однако, мнѣ хотѣлось пройтись пѣшкомъ, поразмяться послѣ работы сидячей.

Переходя черезъ одну улицу, встрѣтилъ я какого-то извозчика; шелъ онъ по грязи возлѣ своей длинноногой клячи. Я не обратилъ на него никакого вниманія и прошелъ было мимо, но слышу вслѣдъ за мной тихія слова:—прикажите подать,—вѣдь ѣсть-то намъ нечего!

— Подавай!

Сѣлъ я, гляжу—знакомый; это Петькинъ сосѣдъ, богатырь, на своемъ Злодѣѣ.

— Это ты, братъ, Демьянъ Корнѣичъ?—спрашиваю.

— Я, сударь,—отвѣтилъ онъ понуро.

А ихъ съ Злодѣемъ-то и узнать нельзя. На извозчикѣ кафтанишко старенькій, дрожки такія горестныя, что каждый винтикъ плачетъ у нихъ, шины рыдаютъ и всѣ-то онѣ трясутся, скрыпятъ, брянчатъ, словно цыганъ-коновалъ инструментами обвѣшанный. Кромѣ грязи, никакого лаку не видно на нихъ, а гдѣ слѣдуетъ быть сукну, или кожѣ, тамъ только лохмотья торчатъ. Но во всей упряжкѣ этой самый печальный предметъ былъ Злодѣй; кости такъ, кажется, и хотѣли пробиться черезъ потертую шкуру его; всѣ до единаго ребра, какъ грядки на катальникѣ, такъ и вылѣзли наружу: спина зазубрилась, какъ пила, и на самомъ крупѣ, на свиноватомъ заду его, рядомъ торчали двѣ мозолистыя шишки. Лопатки развалились въ стороны точно крылья у нетопыря, грудь провалилась, и ко всему этому безобразію надо же еще бѣдной скотинѣ выгнуть шею по пряничному и оскалить свои изъѣденные зубы. Ноги у этого Злодѣя были точно костыли; казалось, больше онѣ упираются, нежели идутъ, и дрожки потому катятся, что хотятъ совсѣмъ разсыпаться.

Демьянъ не жалѣлъ изстеганнаго кнута и стучалъ по костямъ своего Злодѣя кнутовищемъ, а черезъ каждые десять шаговъ толкалъ его каблукомъ сапога въ хвостъ. Но Злодѣй стрѣ-

Digitized by Google

лялъ длинными ушами, отмахивался облинялымъ въ рѣпицѣ хвостомъ и стучалъ по камнямъ своими ходулями, напрасно стараясь подняться хоть какой-нибудь собачьей рысью: ноги не служили бѣднягѣ, силы не было никакой,—онъ едва тащилъ насъ.

Мимоѣзжіе извозчики и прохожіе мальчишки подтрунивали надъ нашимъ поѣздомъ.

— Эй, извозчикъ!.. подопри кнутомъ—лошадь свалится!

— Эй, держи, разнесетъ, народу передавитъ!—кричали разные сорванцы.

Извозчику было не до того: онъ понукалъ, чмокалъ, билъ кнутомъ, махалъ руками и, кажется, пуще самого Злодѣя истомлялся напрасными усиліями своими; ручьемъ лился потъ у него со лба.

— Да ты, братъ, не бей ее,—уговаривалъ я его.

— Встанетъ, извергъ!—отвѣчалъ извозчикъ и продолжалъ хлестать и суетиться.

Насилу я его уговорилъ покориться своей долѣ и ѣхать шагомъ; да, кстати, просилъ разсказать, какъ добылъ онъ это четвероногое сокровище, и какъ такъ въ какія-нибудь двѣ-три недѣли переродился онъ, съ окаяннымъ Злодѣемъ своимъ, изъ лихача въ самаго отчаяннаго *ваньку*.

Не сразу расшевелился языкъ у бѣднаго Демьяна. Но и горе людское не меньше радости болтливо: хочется человѣку облегчить стиснутое сердце свое, выговорить всѣ охи да ахи свои, и чуть замѣтитъ бѣдняга, что ты его слушаешь не съ насмѣшкой и не съ пустымъ любопытствомъ, а съ дружеской жалью, онъ такъ и хлынетъ на тебя всѣмъ своимъ горемъ, все выскажетъ тебѣ.

Потупился мой Демьянъ Корнѣичъ головой на грудь себѣ и молчалъ сперва на мою просьбу; пересталъ онъ погонять коня, и конь пошелъ шагомъ, чуть переставляя ноги. Потомъ поднялъ извозчикъ голову, махнулъ рукой и захохоталъ тихо, но какъ-то дико, болѣзненно...

— Въ люди захотѣлъ, Демьянъ Корнѣичъ!—промолвилъ онъ, смѣючись;—вишь, на комъ выѣхать задумалъ,—вотъ тѣ и выѣхалъ!..

Онъ присвиснулъ протяжно, мотнулъ головой и вдругъ повернулся ко мнѣ.

— Хочется вамъ, сударь, знать про эту скотину?—и онъ, не глядя, ткнулъ кнутишкомъ въ Злодѣя; но Злодѣй какъ будто и не слышалъ тычка, шелъ по старому отмѣнной раскорякой.

— Разскажи, сдѣлай милость,—отвѣтилъ я.

Digitized by Google

— Ну, такъ извольте же слушать и про него, и про меня, стараго дурака; дурное слушать будете...

Корнѣичъ вздохнулъ, попритиснулъ на головѣ шапку, весь опустился какъ-то, и началъ слѣдующую повѣсть.

Повѣсть о покупкѣ Злодѣя.

Служилъ я въ пѣхотѣ почти что двадцать лѣтъ и ничего особеннаго себѣ не выслужилъ, нехуже того батрака, что служилъ семь лѣтъ, выслужилъ семь рѣпъ и ни одной красненькой. Солдатъ былъ я не важный, нечего тутъ хвалиться; вы не сватъ, да и я не женихъ, а лучше сказать всю правду, такъ хоть на душѣ-то полегчаетъ. Служба моя вся прошла то въ потемкахъ, то въ закрытыхъ и дальнихъ мѣстахъ; бывалъ и дневальнымъ — только ночью, бывалъ вѣстовымъ — у писарей на кухнѣ, стаивалъ на часахъ—все больше на такихъ постахъ, гдѣ либо заборъ въ двѣ версты, либо канава въ три сажени, и гдѣ, кромѣ собачьей свадьбы, никакой публики не гуляетъ. Ну, да что тутъ поминать, одно слово—*крендель*. Это фельдфебель, чтобъ ему пусто было! шутнулъ такъ надо мной съ рекрутства еще:— вона, говоритъ, крендель какой,—а я такъ прошутилъ двадцать лѣтъ *кренделемъ*. Вишь, язычникъ, прицѣпилъ слово какое къ человѣку!.. Ну, вотъ служилъ я, и никакого рукомесла или занятія не зналъ ни на мѣдный грошъ. Были у насъ и портные, и сапожники, и столяры, и маляры, и даже грамотники стали заводиться—а до меня ничего не прикоснулося. Ну, пока служилъ, далъ мундиръ, переводилъ хлѣбъ—и ничего; не хуже людей храпѣлъ по ночамъ, стучалъ ложкой въ миску и ругался въ свободное отъ службы время. А вотъ, какъ вышелъ *въ чистую*, оглянулся кругомъ да около, и вижу, сударь мой, что я человѣкъ, прямо сказать пустой! Больно стало мнѣ, да что прикажешь дѣлать; всѣ люди, какъ люди, одинъ чортъ въ колпакѣ— и я тоже—рукъ приложить ни къ чему не могу. И, спасибо, былъ у меня капиталъ невеличкой: артельныхъ, рабочихъ, смотровыхъ да имянинныхъ набралось сорокъ рублевъ, какъ дровъ. А тутъ повстрѣчался землякъ—на дрожкахъ кучеромъ сидитъ, прежде еще хорошо знакомы съ нимъ были;—а! крендель, здорово!—кричитъ;—а у самого морда, какъ коровай, толстая.— Здорово!—говорю,—гдѣ это ты такъ отъѣлся?—А вотъ, извозничаю!—И выдираетъ дѣло?—Да и какъ еще: то катайся, то чаекъ распивай;—круглый годъ масляница!—Ну, сталъ я его

Digitized by Google

разспрашивать, какъ и что,—онъ и разсказалъ мнѣ, что началъ всего съ полсотни рублей, а теперь все обзаведеніе имѣетъ. А тутъ какой-то баринъ крикнулъ:—подавай!—Онъ подкатилъ круто, мнѣ рукой махнулъ и полетѣли... И загорѣлось у меня съ этого самаго случая сердце: постоялъ я, постоялъ и порѣшилъ—куплю коня! Да вотъ, и купилъ!..—А никакъ мы стоимъ?—спохватился Корнѣичъ, оглянувшись на своего Злодѣя; а онъ и вправду остановился; колесо попало въ ямку, попридержало, Злодѣй понатужился,—не беретъ,—онъ и сталъ.

Мимоѣзжіе хохотали надъ нами; Корнѣевъ ударилъ кнутовищемъ, и мы опять тронулись.

— Ну, разсказывай, братъ, мнѣ не къ спѣху, поѣдемъ помаленьку,—сказалъ я Корнѣеву.

Извозчикъ мой опять повернулся ко мнѣ въ полъ оборота и продолжалъ свою обидную, насмѣшливую надъ самимъ-же собой рѣчь...

— Да, купилъ! Не имѣла баба хлопоту—купила порося! Вишь, онъ какой аспидъ, подлецъ долгоногой—и прозывается Злодѣй,—Корнѣевъ глянулъ на своего коня, усмѣхнулся злостно,—у-у, Злодѣй!—проворчалъ и вытянулъ его кнутовищемъ.

Злодѣй только взмахнулъ хвостомъ, да развелъ ушами, а впрочемъ продолжалъ переставлять свои ноги, какъ циркули.

— Напрасно, братъ, бьешь,—замѣтилъ я ему.

Онъ улыбнулся горько.

— А и то напрасно... Самъ знаю, сударь, что напрасно; и жаль мнѣ его, подлеца безсчастнаго, и болитъ сердце и за него, и за себя,—ну, да что-жъ будешь дѣлать?—вѣдь пропадать надо!..

— Разсказывай, какъ ты его купилъ.

— Да вотъ, какъ я его купилъ... Послѣ того, какъ повстрѣчался мнѣ землякъ-извозчикъ, ходилъ я дня два, словно очадѣлый; и все мнѣ какъ будто шепталъ кто-то въ ухо:—купи коня, эй, купи коня!—Но я на это не осмѣлился; дѣло мое пѣхотное, никакого толку въ животинѣ не понимаю; мнѣ, пожалуй, въ сумеркахъ большую собаку замѣсто коня продадутъ. Да оно бы, можетъ статься, и лучше было бы, чѣмъ вонъ, этакая охлоботина... Ходилъ я какъ не свой и все приглядывался къ извозчикамъ; все мнѣ хотѣлось земляка того встрѣтить, да совѣту у него попросить, какъ быть. Вотъ, одного разу иду, да присматриваюсь на проѣзжающихъ — и насунулся на человѣка: бѣжитъ какой-то халатникъ, да объ меня стукнулся.—Вишь ты, съ цѣпи сорвался!—говорю ему, а онъ мнѣ:—наше почтеніе,

Digitized by Google

честь имѣю поздравить съ отставкой!—Гляжу, а это знакомый штукарь какой-то; продавалъ онъ прежде калачи около казармъ; ну, и познакомились тогда. Потомъ пропалъ куда-то, потомъ часто встрѣчалъ я его то въ сибиркѣ, то въ халатѣ, то въ дубленкѣ, и всегда то носъ, то лобъ, а не то и вся морда зеленая; битка человѣкъ былъ. Привязался онъ ко мнѣ съ поздравленіемъ:—попотчуйте, кавалеръ! надо съ отставкой поздравить!—Я и разступился; больно учтиво просилъ, съ почтеньемъ большимъ. Зашли мы въ заведеніе, выпили. И замѣтилъ онъ, бестія, что у меня есть своя думка и спрашиваетъ:—что вы не веселый такой, о чемъ тужите?—Дерни меня чортъ за языкъ; я и разсказалъ:—хочу, молъ, въ извозчики; сплю и вижу—коня купить!—Э-ва!—запѣлъ мой сорванецъ,—давно бы сказали! Да у меня есть пріятель по этой части такой знатокъ, что только глянетъ—насквозь скотину видитъ; слово скажу ему—онъ вамъ такого коня укажетъ и приторгуетъ, что только держись!—А у самого, сорванца, вижу я, глаза такъ и загорѣлися!..—Ставьте еще стаканчикъ!—кричитъ,—а я вамъ такъ отслужу, что по вѣкъ не забудете!—И точно, услужилъ: по вѣкъ сукина сына не забуду!.. Условились мы съ нимъ, съ пострѣломъ-то, назавтра тутъ-же сойдтися: приведу, говоритъ, самыхъ что ни на есть дошлыхъ и честнѣйшихъ знатоковъ по всѣмъ барышническимъ продѣлкамъ.—Пришелъ я назавтра въ заведеніе, ну, и знатоки пришли; вижу—дѣйствительно знатоки; а ихъ трое. Одинъ съ клокомъ рыжей бороды на правой салазкѣ,—лѣвую кто-то ободралъ, должно быть; у другаго и вся морда на бекрень, кривая совсѣмъ, и только одинъ глазъ во лбу, а другой словно тараканъ въ темномъ углу—только чернѣетъ подъ бровью у него. Третій знатокъ какой-то такой, что и не словить его глазомъ: моргаетъ, чихаетъ, кашляетъ, голову закидываетъ и весь, шельма, вертится, точно колесо на ходу—ни одной спицы не увидишь, а только трещитъ. Вижу—знатоки! Стало мнѣ сначала страшно; потомъ выпили; потомъ, бодрость вступила въ меня,—вѣдь деньги-то у меня за нагрудникомъ: не дамъ обобрать себя, не ребенокъ вѣдь! И пошли мы на конную... А знаете вы, сударь, что такое конная?—спросилъ меня Демьянъ, и сложилъ руки свои на груди, прищурился и глядитъ на меня усмѣхаючись.

— Маленько знаю,—отвѣтилъ я.

— То-то и есть—маленько...—промолвилъ Демьянъ и вздохнулъ очень тяжело.—Это, сударь ты мой, чортовъ балъ, дьявола потѣха; это чортова травля дураковъ мошенниками—вотъ оно, что значитъ, по настоящему. Надо бы, чтобы это мѣсто прова-

Digitized by Google

лилося, и чтобы тутъ стало озеро бездонное огненное: столько тамъ грѣха натворено, столько людей обезвѣчено, и слезъ горькихъ исплакано! Это мѣсто, сударь, проклятое!..

— Ну, не совсѣмъ мѣсто виновато,—промолвилъ я,—вѣдь это почти вездѣ такъ въ торговомъ дѣлѣ; на слѣпаго купца гнилой товаръ.

— Нѣтъ, это не-то; во всякомъ торговомъ дѣлѣ путь есть, слѣдъ бываетъ; на всякій обманъ законъ есть. А тутъ: ни пути, ни закона—ничего нѣтъ! Тутъ, братецъ ты мой, ровно въ морѣ: продалъ—нырнулъ, купилъ—утонулъ, и нѣтъ тебѣ ни суда, ни расправы, ни слѣда, ни закона! Потому что, говорятъ, лошадью надуть, собаку сманить—все единственно, что по пути изъ рѣки воды испить,—запрету нѣтъ, и грѣха, говорятъ, нѣтъ; стыда стало быть нѣтъ. Какой же тутъ путь, или законъ можетъ быть? Нѣтъ тутъ закона никакого, потому что это дѣло цыганское, обманное, безбожное дѣло!

— Ну, какъ же тебя-то обманули?

— Что меня... меня обмануть не хитро, все равно что малаго ребенка: кто Бога не боится, тотъ и обманетъ. Снюхали это знатоки, что деньги у меня есть, сейчасъ же допросили, сколько ихъ. Не сказать нельзя, потому что надо же знать, на какой капиталъ торгъ вести; ну, а какъ сказалъ, такъ и пропалъ: весь въ ихъ рукахъ. Я, однако, по осторожности говорю, что больше не могу выложить казны, какъ рублей тридцать. Знатоки переглянулись, поморщились, однако—ничего: идемъ, говорятъ, на конную!.. Пошли. Кривой крикнулъ извозчика: заѣхать надо, говоритъ, къ одному человѣку, по одному дѣлу. Поѣхалъ. Пришли мы на конную; народу, лошадей, крику, топоту—видимо-невидимо, слышимо-неслышимо.—Сразу меня, словно долбней по-лбу огорошило, въ глазахъ зарябило, и въ ушахъ шумитъ: слышу, что я еще не совсѣмъ дуракъ, а ужъ полъ-дурака есть. Одначе я еще подтянулся, оказываю храбрость. Суетятся около насъ барышники, оченно честятъ, за руки тянутъ,—коней посмотри! не купи, говоритъ, а только облюбуй, взгляни—и на томъ спасибо,—почтенный человѣкъ хорошимъ глазомъ глянетъ, торгъ направитъ.—Ну, знатоки мои все какъ будто меня удерживаютъ. А тутъ кругомъ ржаніе, щелканіе, божба, ругня!.. и, Боже, мой! Приглянулась мнѣ мимоходомъ кляченка косматенькая,—мужичекъ держалъ въ поводу;—я было къ нему:—что цѣна?—спрашиваю.—Да недорога, служивенькой!.. доморощенная; кабы не нужда, ни за что бы не привелъ сюда. Сорокъ пять всего прошу.—Но знатоки мои, какъ заорали, какъ захо-

Digitized by Google

хотали:—ахъ, ты,—кричатъ на мужика,—мухоморъ слѣпой! Кавалера-то, слугу царскаго въ трубу пустить хочешь, вишь, простотой прикинулся! Да кляченка твоя сама себя не сволокетъ, вишь, насилу стоитъ!—И толкнулъ мошенникъ лошаденку; правда, что чуть устояла она, такъ и шарахнулась. Мужичекъ совсѣмъ оробѣлъ, однако оговорился:—Богъ съ вами, говоритъ, я обиды ничьей не желаю; а лошадь моя, извѣстно, деревенская, зато безобманная: на всю ее смотри,—по десятой травѣ пошла, дома выгодована...—И пуще расхохатались знатоки,—ты, говорятъ, повѣрь ему!.. развѣ не видишь, что это переряженецъ?.. московской мигачъ, вахлакомъ прикинулся:—и захохотали на всю площадь. Я глянулъ, мужикъ въ самомъ дѣлѣ покраснѣлъ весь и отвернулся... Нечистое дѣло. А тутъ, кривой знатокъ подбѣгаетъ, запыхавшись;—а я васъ, говоритъ, по всей площади ищу,—виноходецъ изъ рукъ уйдетъ; бѣжимъ скорѣй! Протерлись мы сквозь народъ.—Эй, *шибай!*—кричитъ мой знатокъ; какой-то черный косматый чортъ сидѣлъ верхомъ, обернулся, повернулъ коня, соскочилъ съ него и представляетъ намъ:—весь тутъ!.. это иноходецъ.—Гляжу я,—чортъ его знаетъ,—морда отвислая, уши развѣшенныя, смотритъ въ землю, и точно сѣсть хочетъ на хвостъ. А знатоки мнѣ на ухо:—а что, каковъ, а ну, а какъ думаешь?—А косматый чортъ не смигнетъ:—я, говоритъ, ничего не скажу, я молчу!.. тутъ, говоритъ, толковать нечего,—тутъ весь онъ, какъ на ладони!—Да это же вѣдь свинья! сказалъ я такъ, что и самъ не знаю какъ сказалося; потому что иноходецъ-то былъ—ни дать ни взять—свинья. Косматый чортъ ничего не отвѣтилъ, поглядѣлъ на меня, поправилъ шапку, и загоготалъ какъ лошадь:—да ты, говоритъ, табаку понюхай, служивый, да прочихайся,—вѣдь ты спишь и худой сонъ видишь!—повернулся и ушелъ.—Да какъ же не свинья, гляди, насилу ноги волокетъ!—указываю я знатокамъ.—Эхъ голова! да виноходецъ и долженъ свиньей глядѣть: у виноходца вся штука въ томъ, что пошелъ—такъ соколъ, а сталъ—свинья свиньей! за это одно и деньги платятся. Эй, *шибай!* вернись!—шибай нехотя повернулся.—Говори слово—какая цѣна?—Девяносто рублей!—сказалъ не глядя мохнатый. Я и рукой махнулъ. Но знатоки шепчутъ:—эй, не упускай, торгуйся—будетъ твой!—Мы въ это время шли вотъ мимо этого сатаны.

Демьянъ указалъ кнутомъ на Злодѣя.

— Стоитъ, какъ печь, да озирается.—Я только подумалъ:—вотъ бы этакого! одначе скорѣй отвернулся и вижу я, что толку мало. Еще трехъ-четырехъ коней показывали: шведку, казанку съ рѣ-

Digitized by Google

заннымъ ухомъ и настоящую вятскую, съ полосой черезъ всю спину; а все такія, что—спасибо. Прошелъ мимо офицеръ, добрый человѣкъ, усмѣхнулся мнѣ да и говоритъ:—что ты мертвыхъ возить собираешься, что-ли?—Знатоки было отлили ему пулю, но онъ только арапникъ показалъ; а арапникъ очень хорошій. И порѣшилъ я поскорѣй удрать по добру по здорову, и удралъ бы аккуратно, да нанеси лѣшій земляка-извозчика—ну, и погубилъ злодѣй, совсѣмъ погубилъ!.. Оказалось, что кривой знатокъ ему короткій знакомый; ну, они обрадовались, что свидѣлись, и какъ будто на меня и не глядятъ, собой не натѣшатся. А я, съ нечего дѣлать, все поглядываю на этого сатану, на Злодѣя-то. Стоитъ онъ, какъ левъ, шею выгнулъ, шельма, отважно такъ, ушами прядетъ, да еще бестія и землю рыть началъ—бьетъ копытомъ. А при немъ кучеръ: оперся о холку и, такъ себѣ, позѣвываетъ. Опять оказалось, что извозчикъ-землякъ знакомъ и съ этимъ кучеромъ; поздоровался съ нимъ и спрашиваетъ:—что подѣлываешь?—А вотъ, купца поджидаю;—приказалъ полковникъ одинъ пождать до втораго часу;—пождемъ да и уйдемъ... Нашъ товаръ не лежачій.—А славный конь! это ему въ дрожки видно?—Да, пофорсить хочетъ, стало быть.—Я и спроси, такъ изъ любопытства:—а что ему цѣна?—Сто двадцать,—отвѣтилъ кучеръ и зѣвнулъ.—Ну, чего кажется еще тебѣ?.. Я отвернулся и совсѣмъ отошелъ и забылъ ужъ о немъ—такъ вѣдь нѣтъ: какъ пошли они за мной ходить, какъ пошли шептать, да божиться, да ругаться, да опять божиться,—томили они меня томили, пока совсѣмъ не отуманили.—Вѣдь для тебя, лопни глаза, для тебя, чудака, по дружбѣ убиваюсь!—завѣрялъ меня землякъ;—для меня только и уступка-то будетъ, ужъ я ему за тебя отслужу... И какъ почали спускать цѣну, часа полтора бились и довели до пятидесяти рублевъ. Я говорю имъ, божусь, что нѣтъ, и нѣтъ, и не бывало у меня капиталовъ такихъ—а они тащутъ меня, да Злодѣя передо мной муштруютъ:—подъ генерала конь! гляди, коли не слѣпъ! А онъ только поводъ грызетъ, да глазами перекатываетъ, а самъ какъ гора, и весь лоснится. А, тутъ, какъ нарочно, еще виноходца подвели, другую свинью, рядомъ съ Злодѣемъ поставили и просятъ послѣднее слово—восемьдесятъ рублей. При Злодѣѣ, гляжу, совсѣмъ собака виноходецъ этотъ. Но я всетаки уперся и началъ грубить, свою послѣднюю храбрость оказывать. А лучше-бы мнѣ было покориться передъ ними, помолиться имъ, попросить честью и совѣстью:—не обезвѣчьте, молъ, добрые люди, пожалѣйте бѣдность мою и глупость мою великую!—Ну, можетъ быть, дошелъ бы я имъ до

Digitized by Google

сердца, можетъ статься, сжалился бы который нибудь, да и сказалъ бы: — брось, братъ, не иди въ обманъ! Такъ вѣдь нѣтъ-же, одолѣла гордость; я это понадѣялся на себя, обругалъ ихъ, такъ, не шибко, а свысока, маленько, и хотѣлъ уйти.— Ну, коли такъ,—говоритъ землякъ,—Богъ съ тобой! лѣзъ кладь въ руки, а у тебя и руки врозь;—ты, братъ, меня извини, а ужъ дѣло-то ясное: даютъ, значитъ, свиньѣ холстъ, а она говоритъ— толстъ! не осудите на словѣ, просимъ прощенья!—И всѣ отвернулись отъ меня. Я хотѣлъ идти, а эта шельма-то возьми да и заржи во всю утробу свою;—ахъ, ты, злодѣй!—промолвилъ я.— Злодѣй и есть!—отозвался кучеръ;—вѣдь это конь по случаю такому, прямо изъ фрунта купленъ, такъ и записанъ былъ Злодѣемъ. Говори послѣднее слово, даешь тридцать пять? а не то проваливай!—Я совсѣмъ зашатался. Почти и не помню какъ выложилъ деньги, изъ полы въ полу поводъ принялъ.—На, смотри, который номеръ,—говоритъ мнѣ кучеръ, приподнялъ гриву Злодѣю, а подъ гривой явственно видѣнъ номеръ *восьмой*. Еще зашли мы въ заведеніе, и еще рубль серебра пропили, и ужъ тутъ я послышалъ въ себѣ великую робость: если-бы они захотѣли, то и сапоги бы съ меня сняли, а я ужъ ничего сказать и не могъ. Есть у меня знакомый парнишка извозчикъ—прямо туда во дворъ и привелъ я Злодѣя. Было ужъ подъ вечеръ; вышли извозчики, кто былъ дома, поглядѣли на Злодѣя, въ зубы ему заглядывали—никто ничего не сказалъ;—по деньгамъ хорошъ конь, говорятъ. Хозяинъ согласился дать новыя дрожки,—по два двугривенныхъ въ день за прокатъ,—далъ, тоже на прокатъ, всю сбрую и одежу;—не выплатишь, говоритъ, лошадь заберу; а сперва давай паспортъ сюда.—Изволь, говорю.—И опять вступила въ меня бодрость, обнадежился я. Выѣхалъ въ первый разъ и къ вечеру привезъ домой три цѣлковыхъ,—чего тебѣ лучше. Внесъ хозяину деньги сполна, и еще впередъ за день, купилъ овса, сѣна. И съ извозчиками-то не очень дружу: показалось мнѣ, что они мнѣ неровни. На другой день еще лучше посчастливилось: ѣздилъ утро съ какимъ-то женихомъ купчикомъ— получилъ зеленую, да послѣ обѣда близко двухъ рублей наѣздилъ. А никто мнѣ и не говоритъ, отчего Злодѣй мой стоитъ, шельма, и овса не жретъ; я и замѣчаю это, да все думаю— ничего, будетъ жрать, какъ пошибче поработаетъ. И на третій день хорошо ѣздилъ. А съ четвертаго—стали обозначаться у него, у скотины, ребра, и что-то на самого меня тоска нападать стала... У колоды стоялъ я со старикомъ Захарычемъ; человѣкъ онъ смирный, одначе я съ нимъ поспорилъ; гляжу, у него

Digitized by Google

лошаденка маленькая и кривая, да такая, бестія, вострая—такъ и уписываетъ, каналья, овесъ и сѣно; а мой Злодѣй только зубы скалитъ, да шею выгибаетъ. Старикъ, правда, и сказалъ мнѣ:—эй, говоритъ, Корнѣичъ, не брагой-ли только у него зубы отбиты?—Но я говорить съ нимъ не хотѣлъ за это. Ну, а черезъ недѣлю и самъ вижу—пошла вода на убыль! И какъ пошелъ, какъ пошелъ тощать да сохнуть подлецъ, такъ вотъ, досохъ до того, что ни жретъ, ни везетъ, а только воду пьетъ какъ въ прорву,—и чуть, распрегъ его, такъ онъ и на бокъ—лежитъ да стонетъ... Вотъ вамъ и все пока; что впередъ будетъ, не знаю; а только бѣда наша съ Злодѣемъ неминучая! ой, неминучая!.. И надо же мнѣ, дураку, двадцать лѣтъ прослужить, все равно что въ лѣсу проблудить; ну, хоть бы шиломъ, иглой, какимъ ни есть инструментомъ ковырять научился, ужъ не купилъ-бы стерву такую!.. ковырялъ-бы что-нибудь, жилъ-бы день за день кой-какъ. А теперь... поди, живи... Убьетъ Злодѣй, безпремѣнно убьетъ!

Демьянъ замолчалъ.

Мы были уже недалеко отъ дому, но Злодѣй насилу тащилъ насъ. Напрасно принимался Демьянъ нукать, чмокать и колотить его: нельзя было поднять его рысью.

— Брось, братъ, доѣдемъ шагомъ.

— А ужъ доѣдемъ,—промолвилъ, вздыхая, извозчикъ.

— Довхалъ онъ меня въ конецъ; ужъ и дрожки-то взялъ такія, что въ ломъ идти надо имъ;—и то другой день заплатить за нихъ нечѣмъ. Все въ конецъ прохарчевалъ, ни копѣйки нѣтъ. И пусть бы это чужіе люди насмѣялися, а то свой, землякъ убилъ, этакъ, что и не подымешься; — совсѣмъ, совсѣмъ пришибъ!..

Въ это время мы завернули въ улицу; оставалось шаговъ триста, не больше, до моей квартиры. На самомъ поворотѣ идетъ по мостовой ложбинка, словно канавка, чтобъ водѣ стекать лучше,—только переднія колеса въѣхали въ нее—Злодѣй и сталъ, не вытянулъ бѣдняга. Извозчикъ засуетился, давай дергать и хлестать его—не тутъ-то было;—уперся Злодѣй, пятится и лѣзетъ назадъ изъ хомута. Ватага мальчишекъ-школьниковъ бѣжала съ сумками своими; всѣ остановились; веселый крикъ и хохотъ ихъ раздался кругомъ насъ:—распрягай, извощикъ! корми жеребца своего!—вопили они. Кнутовище стучало по бокамъ Злодѣя... Онъ понатужился, рванулъ было впередъ...

— Тпру!—крикнули шалуны,—и Злодѣй опять остановился.

Digitized by Google

— Ахъ вы, разбойники, разбойники! — промолвилъ Демьянъ жалкимъ голосомъ.

Мальчишки разразились смѣхомъ еще пуще.

Подошелъ стоявшій у колоды извозчикъ и со смѣхомъ вытянулъ кнутомъ Злодѣя, Демьянъ поддалъ еще кнутовищемъ— выперло дѣло: Злодѣй дотащилъ меня домой. Кажется—еще-бы сотню шаговъ, и онъ грохнулся бы оземь.

Пока я доставалъ деньги изъ кармана, Демьянъ всталъ съ козелъ, зашелъ съ переди Злодѣя, поглядѣлъ на него свирѣпо и замахнулся кнутовищемъ прямо противъ его морды вздернулъ голову Злодѣй, попятился, задрожалъ и мокрые глаза его захлопали со страхомъ...

Демьянъ тихо опустилъ кнутъ и проговорилъ чуть слышно: —эхъ ты, бѣдняга безсчастный! такой-же ты старый, неспособный чортъ, какъ и я... отстрадали мы съ тобой!.. пора!..

И горькая, распрегорькая улыбка мелькнула на его старомъ, истомленномъ, ожесточенномъ и всетаки добромъ лицѣ!..

IV.

Передъ самыми моими окнами, черезъ улицу, стоитъ приземистый, старенькій домишко; другаго такого нѣтъ не только на нашей улицѣ, а, я думаю, и во всемъ кварталѣ. Три оконца его, всего на аршинъ отъ земли, глядятъ изъ подъ плоской досчатой крыши; на каждомъ по два-три горшечка цвѣтовъ, и виднѣются занавѣски; у оконъ привѣшены ставни, когда-то зеленыя, теперь полинялыя. Ворота выпятились впередъ на улицу; они новѣе, выше и параднѣе дома и всѣхъ пристроекъ его. Пристройки эти выведены кругомъ дворика, на задней сторонѣ сарай да камора, что-ли; на право тянется домишко, а слѣва навѣсъ. Изъ подъ него почти всегда торчатъ оглобли, а иногда и хвостъ лошаденки. Весь этотъ дворикъ виденъ отъ меня изъ оконъ, со всѣмъ своимъ хозяйствомъ, потому что я живу напротивъ, въ третьемъ этажѣ.

Почти каждый день изъ оконъ вижу я жильцовъ этого дома: плотный человѣкъ въ ермолкѣ цвѣтной, татаринъ; онъ и жена его, въ полосатомъ халатѣ, разъ десять въ день выходятъ на крылечко, моютъ руки—тутъ же привѣшенъ и рукомойникъ глиняный. Вчастую заѣзжаютъ къ нимъ какіе-то извозчики: то съ кулями, неизвѣстно мнѣ чѣмъ набитыми, то съ мѣшками, а чаще всего съ говядиной, покрытой рогожей. Разгрузка вся отъ меня

Digitized by Google

виднехонька, и я не разъ дивился темному и синеватому цвѣту этой говядины, очень длиннымъ окорокамъ съ большущими копытами и какимъ-то несоразмѣрнымъ, ободраннымъ башкамъ.

На дворѣ этомъ постоянно можно видѣть задумчивое засѣданіе разныхъ собакъ, заботливыя прогулки воронъ и галокъ, и любопытныя путешествія по крышамъ кошекъ. Скотскія собранія эти отбываются то скучливо и нешумно, то съ немалымъ задоромъ и междуусобицей, особенно когда послѣ разгрузки говядины птицы и звѣри займутся подбираніемъ крохъ и лизаніемъ крови. Тутъ иногда какой-нибудь мордастый голодный богатырь разгонитъ всю компанію и задастъ кому слѣдуетъ изъ мелкихъ лавокъ значительную трепку. На крышахъ тоже происходятъ часто кошачьи схватки за какой-нибудь кусочекъ мясца, или требухи: фырканье, мяуканье и визгъ слышны тогда на всю улицу.

Кажется, собаки, кошки и воронье всего нашего квартала исправно надзираютъ за привозомъ говядины: не успѣетъ возъ въѣхать во дворъ — вдругъ они, какъ по набату, сбѣгаются и слетаются къ моему сосѣду.

На воротахъ этого двора прибиты три жестяныя досечки — чорная, красная и голубая, всѣ съ надписями: на красной написано—*Застрахованъ отъ огня*, на голубой № 8, а на черной выведено бѣлыми буквами—*Домъ Злодѣева*.

Такъ все это есть и теперь *).

Господинъ татаринъ, проживающій въ семъ домѣ приказчикъ скупщика конятины—все равно какой, хоть дохлой: кости, мозгъ, кожа, мясо—все идетъ въ дѣло. Такъ оно и слѣдуетъ: на свѣтѣ ничего не должно пропадать, ибо нѣтъ такой дряни, которая на что нибудь не пригодилась-бы.

Шагахъ въ десяти отъ воротъ дома Злодѣева есть фонарь; стоитъ онъ у садового забора и привыкъ горѣть съ вечера еще туда-сюда, а ночью только мигаетъ, словно окривѣлъ въ одиночествѣ своемъ.

Дней черезъ пять послѣ поѣздки моей съ Демьяномъ, на его Злодѣѣ, сижу я разъ подъ окномъ, покуриваю, чаишко попиваю и вижу, господинъ фонарщикъ приставилъ лѣстницу къ вышесказанному фонарю и зажегъ въ немъ свѣтильню, или спиртъ—не знаю, чѣмъ онъ горитъ. Наканунѣ этого дня выпалъ такой снѣгъ, что весь Питеръ сразу поѣхалъ на саняхъ; свѣтъ отъ фонаря вдругъ заигралъ золотомъ по бѣлоснѣжной улицѣ. Смотрю, къ воротамъ Злодѣева подъѣзжаютъ розвальни; на розваль-

*) Писано въ 1862 году.

Digitized by Google

няхъ, подъ рогожей, лежитъ какая-то длинная ободранная охлоботина, и четыре копыта торчатъ въ разныя стороны; за санями припрыгивали и семенили штукъ пять разнаго калибера собаченокъ. А при саняхъ шли два человѣка: старикъ съ бородой, и другой безъ бороды, съ усами. Показались они мнѣ какъ будто знакомые.

Скоро отворились ворота, и бодрая лошаденка втащила во дворъ сани. Ворота прихлопнулись, ущемили было оплошавшую собаченку, но она таки выкарабкалась изъ бѣды. По крышамъ засновали коты.

Начиналъ напархивать снѣгъ. Мнѣ надо было идти неподалеку за дѣломъ. Я пошелъ, не засталъ дома, кого нужно было, и возвращался домой. Подъ самымъ фонаремъ, черезъ улицу, вижу опять эту лошаденку, съ розвальнями, уже порожними, и два человѣка о чемъ-то торгуются между собою.

— Сдѣлай-же ты милость, покинь все, поѣдемъ со мной!— уговаривалъ старикъ.

— Какъ же это можно?—посуди: человѣкъ я тебѣ чужой и ниначто негодный, — нельзя, нельзя, поштенный, — отвѣчалъ другой.

— Ей Богу, покинь! садись, право, ну, слушай!

— Нѣтъ! два цѣлковыхъ эти отдамъ хозяину... квитъ, никому не долженъ! Пусть и нѣтъ ничего,—значитъ моя доля такая злодѣйская. А, Богъ дастъ, не совсѣмъ пропаду!

Старикъ продолжалъ усердно уговаривать усача; усачъ замялся...

— А ну, садись! грѣхъ пропадать, еще и намъ пригодишься, пособишь мнѣ, старику!

Онъ почти толкнулъ въ сани усача и самъ сѣлъ;—завтра же и въ дорогу,—и вотъ, какъ прокатитъ насъ Петька!.. Пошелъ, Петька!—крикнулъ старикъ; Петька рванулъ съ мѣста.

Я крикнулъ имъ вслѣдъ:—прощай, Захарычъ, кланяйся отъ меня высѣченному Петькѣ!

— А! это ты, господинъ?.. Прощай!—доносился ко мнѣ голосъ и другой кричалъ:

— Прощайте!.. ѣдемъ!..

И, помахивая головой, улепетывалъ рѣзвый Петька съ сѣдоками своими.

Digitized by Google

О Рождествѣ опять возилъ меня почтенный Захарычъ на своемъ Петькѣ и съ большимъ удовольствіемъ разсказывалъ, какъ выросъ внученокъ его шустрый, Петька;—а поклонъ твой ему я отдалъ,—промолвилъ старикъ,—и онъ строго приказалъ тебѣ кланяться. А съ сыномъ я помирился, какъ будто ничего у насъ и не было,—все прошло. А старуха, что дворецъ мой стерегла, царство ей небесное, померла на Филиповку, на самаго Матвѣя.

— Такъ ты и овдовѣлъ; опять бобылемъ живешь?

— Какъ овдовѣлъ?—а Демьянъ-то со мной живетъ! Корнѣичъ то, лихачъ, прости, Господи! И какой онъ человѣкъ смиренный оказался!.. душа-человѣкъ, золотой, то-есть, человѣкъ. Сторожемъ магазиннымъ міру служитъ; ночь-то всю на часахъ, а утромъ чуть прикурнетъ—и весь день на ногахъ; работящій, почтенный человѣкъ! И ребятишки его до смерти любятъ... Страдный человѣкъ, божескій,—помолчавъ, продолжалъ Захарычъ и вдругъ улыбнулся; — сказано — служба! И какая это у него штука есть въ перстахъ—просто диво, братецъ ты мой! Повѣсилъ онъ на сторожкѣ три дощечки, и какую хошь музыку,—пѣсню ли, маршъ какой военный, или камаринскаго—назаслушанье выщелкиваетъ на нихъ палками, на досчечкахъ-то! Просто, всѣ дивятся,—фигура да и только! Никакого дѣла человѣкъ не умѣетъ, а, поди, какъ перстами владѣетъ!

— И домой не идетъ, на родину?—спросилъ я.

— Да куда ему идти?.. И у насъ нехудо, а тамъ еще неизвѣстно что: въ двадцать лѣтъ, пожалуй, что и ты ее и она тебя совсѣмъ не узнаетъ... А три аршина земли матушки и мы отведемъ съ почтеніемъ...

Передъ весной Захарычъ заходилъ ко мнѣ прощаться; онъ *навсегда* уѣхалъ на Петькѣ своемъ домой.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОТСТАВНОЕ СЧАСТЬЕ.

„Почемъ знаешь—гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь?“

Честно и препочтенно, подумаешь себѣ, отслужа службу Богу, царю и отечеству, вытянувъ безупречно, по совѣсти, лямку на столько, сколько совѣсти хватило, получить въ полковой канцеляріи билетъ за печатью, вымѣнять у господина каптенармуса, на пуговицы съ придачей, ремень сверхкомплектный да ранецъ плѣшивый, потомъ, ради „прощенья просимъ“, распить съ задушевными пріятелями посудину одну-другую полугару серебрянаго, зарядить носогрѣйку, полы застегнуть,—и счастливо оставаться отцы-командиры, господа сержанство, ефрейторство, портные, сапожники, кашевары и всѣ прочіе побратимы-камраты почтенные! Маршъ восвояси, на сторонку родимую, туда, откуда пришелъ! Честно, братцы, отдать свой долгъ отечеству и знать, что жилъ-де человѣкъ не даромъ, не коптилъ неба понапрасну, былъ на свѣтѣ, такъ сказать, не пятая нога собачья, а нужная спица въ колесницѣ.

И не совѣстно тебѣ взглянуть въ глаза ни старому, ни малому, потому что самъ чувствуешь, что я, дескать, не то что—хоть брось, а было время, что и объ наши головы горшки разбивались, то есть—и мы когда-то надобны были; да пришелъ—не грѣхъ, а чередъ—поваляться на печкѣ, отдохнуть старику, старыя кости пораспарить! Уступаемъ честь и мѣсто: вторая смѣна впередъ—маршъ! а мы за себя отстояли!

Пусть теперь при насъ случится, въ вислоухой бесѣдѣ, какой-нибудь краснобай-пройдоха распуститъ лясы о томъ, какъ турокъ стрѣляетъ, рѣжетъ, колетъ и трубку куритъ—разомъ, какъ нѣмецъ пиво пьетъ, траву ѣстъ, табакъ нюхаетъ и въ очки книжку читаетъ—вдругъ, какъ по морю окіану ходитъ корабль Сели-

Digitized by Google

верстъ въ семьдесятъ семь верстъ, а на немъ: что бакъ—то кабакъ, что люкъ—то харчевня. И ври онъ безъ числа и памяти хоть о подземьи и поднебесьи,—вѣдь все, что ни на есть въ бесѣдѣ той и стараго и малаго, прослушаетъ его, да и оборотится къ нашему брату драбанту, какъ будто пытаючи:—а что, дядюшка, правда ли?

И смѣло скажетъ нашъ братъ краснобаю-пройдохѣ:—лжешь, братъ, ты на всѣ четыре ноги, врешь, какъ сивый меринъ!—вотъ, тѣ и вся недолга. И смотрятъ всѣ на тебя, какъ будто ты какой мудрецъ, думныхъ дѣлъ порѣшитель. Ну, ты хоть и не мудрецъ-порѣшитель, а всетаки человѣкъ которому вѣрятъ; а это, братцы, не хуже всякой мудрости. За что-жъ тебѣ вѣрятъ? Разумѣется, не за то, что ты сѣдъ, аль лысъ: и старый волкъ сѣдъ и лысъ, да его сѣрымъ да вытертымъ зовутъ; а за то тебѣ вѣрятъ, что посѣдѣлъ ты не на воровствѣ, или бездѣльи, а на честной службѣ, за міръ послужилъ, за себя выстоялъ. Потому тебѣ вѣрятъ, что видывалъ ты виды самъ, своими глазамм, а не наслушался о нихъ отъ встрѣчнаго и поперечнаго; потому почтенъ ты, и за тѣмъ тебѣ вѣрятъ, что двадцать лѣтъ царь тебѣ вѣрилъ и далъ тебѣ чистую росписку, а въ ней сказано и начальствомъ подписано и припечатано, что ты такой-то отставной, Его Государева Величества солдатъ, то есть—честный человѣкъ. Вотъ, сударь мой, что!

И куда какъ хорошо оно: идешь себѣ домой, идешь день, другой, пятый, десятый, идешь недѣли, мѣсяцы,—матушка Русь-то не клиномъ сошлась, слава Богу, есть гдѣ расшагаться! И вотъ, горитъ заря утренняя, за лѣсомъ синѣетъ гора, изъ-за горы крестъ деревенской церкви блеститъ тебѣ на встрѣчу; дымокъ вьется по-надъ крышами, будто салютуетъ тебѣ изъ трубъ неслышными выстрѣлами; ты прибавляешь шагу; колодезный столбъ, какъ журавль на часахъ, отдаетъ честь, кланяется тебѣ со скрипомъ: можетъ быть, изъ твоей же хаты молодица пришла по-воду и ничего не знаетъ она, что ты вотъ тутъ-тутъ, близехонько, подъ горой; а ты идешь себѣ, маршируешь впередъ, и сердце въ тактъ постукиваетъ. Вотъ, и пѣтухъ на заборѣ захлопалъ крыльями, привѣтствуетъ тебя:—какъ здоровъ, кумъ?—Ты ужъ въ деревнѣ; жучки, сѣрки, шавки здравія желаютъ, суетятся и лаютъ на шинель твою:—къ намъ молъ, къ намъ!—хватаютъ за полы, къ себѣ зазываючи; молодица бѣлолика, съ ведрами, кланяясь, переходитъ тебѣ дорогу: быть добру—ведра полны!

— Небось, служивенькой, наши собаки не кусаются!

Digitized by Google

А ты ей поклонъ мимоходомъ, а самъ думаешь:—эхъ, желанная, одной-ли то деревни собаки насъ облаяли на вѣку!

Впередъ, къ своей хатѣ; калитка отворена; шапку долой, вошелъ, помолясь,—здорово бабенка!...

То есть, коли она есть.

И пойдутъ тутъ, сударь мой, ахи да охи, обниманье и прижиманье, и поклоны съ припаденіемъ и припѣваніемъ:—золотой ты мой, ненаглядный, узорчатый!—ну, и дальше, подчиванье да угощенье; одна рука въ меду, другая въ патокѣ; просто, жизнь лучше губернаторской! Прехорошее оно дѣло—добрая служба; преотличное другое дѣло—чистая отставка; а коли при томъ есть съ чѣмъ домой идти, да есть къ чему придти—и вотъ какъ хорошо тогда на бѣломъ свѣтѣ!...

Вотъ, хоть бы землякъ мой Иванъ Кузьмичъ: кстати слово, разсказать что-ли объ Иванѣ Кузьмичѣ?—Пожалуй, коли никто не проситъ, я не прочь; вотъ только табачку понюхаю. Ну-съ, готово!

Иванъ, по батюшкѣ Кузьмичъ, и по прозвищу Кузьмичъ, былъ распрепочтенный солдатикъ, не мудрый онъ былъ человѣкъ, средственнаго качества; то есть и росту средственнаго, и по фронту былъ такъ себѣ, изъ средственныхъ, и поведенія—ничего такого крупнаго за нимъ не замѣчалось,—средственно велъ себя. Деньжонокъ тоже, почитай, что и не бывало у него, а при нуждѣ и четвертачишко отыщется, а не то и полтинничекъ перепадетъ откуда-нибудь, однако не худымъ какимъ-нибудь путемъ. Мастерства Иванъ Кузьмичъ не имѣлъ никакого; не то чтобы ужъ игла, или шило у него изъ рукъ валилось: бывало, самъ и прорѣху зашьетъ, и рубчикъ на подметку подкинетъ, и заплату положитъ, гдѣ слѣдуетъ. Ну, да ужъ и зашьетъ же и подкинетъ зато: возьметъ иглу съ набойное шило ростомъ, ссучитъ нитку вдвое, да потомъ отъ себя, торчмя ее, впередъ пихнетъ въ рубецъ, выдернетъ черезъ край, да опять отъ себя; другихъ способовъ не зналъ, да и не пробовалъ, говоритъ. Правда, что шовъ его работы обозначался явственно хоть на дивизіонную дистанцію, даже въ сумерки, зато—и ахъ, какъ крѣпко! Въ сапожномъ дѣлѣ тоже у него больше отдувался молотокъ и гвоздики со шляпками; а все же насчетъ прочности ничего нельзя было сказать: желѣзо какъ желѣзо!

Ну, и другіе разные промыслы, ничего, исполнялъ недурно; то есть, воды-ли принести, или дровъ, или швабру всполоснуть—все это, какъ слѣдуетъ быть, принесетъ и всполоснетъ; однимъ словомъ, во всемъ средственный человѣкъ былъ Иванъ Кузьмичъ.

Digitized by Google

И насчетъ удовольствія тоже;—хоть говорятъ старые люди, что и чортъ разомъ двухъ грѣховъ не творитъ, а все по разницѣ, одинъ за однимъ; а онъ бывало трубочки попроситъ затянуться—своей не держалъ—затягивается, а рядомъ кто откроетъ тавлинку, онъ и туда, не выпуская изъ зубовъ чубучишка, два перста заложитъ; и курилъ и нюхалъ—все средственно. Точно также и на случай выпивки—очень средственно выпьетъ бывало.

И притомъ былъ онъ человѣкъ любимый, потому что никому бывало отказу ни въ чемъ не даетъ: коли что у него есть, попроси—изволь, говоритъ; ну, ему тоже ни въ чемъ, и никто отказать не могъ:—изволь, Иванъ Кузьмичъ!—другаго слова на просьбу Ивана Кузьмича никто не произносилъ. Какъ бы кому туго и неладно ни приходилось въ чемъ-нибудь—адресуйся къ Ивану Кузьмичу: большой помощи не будетъ, а всетаки пособитъ средственно; коли ужъ совсѣмъ нечѣмъ пособить, такъ хоть побесѣдуетъ съ тобой; руки въ боки, глаза въ землю, покачаетъ головой,—эхъ-ма!—говоритъ,—совсѣмъ плохо, братецъ ты мой; тутъ и дѣлать нечего!

Зато и ему, если часомъ приспичитъ что-нибудь, совсѣмъ иногда плохо около него, хоть пропадай—смотришь, незнамоневѣдомо откуда, и ему помощь есть; ужъ всегда, бывало, кто-нибудь пособитъ.

Итакъ прослужилъ Иванъ Кузьмичъ ровно двадцать два года, безъ всякаго штрафа и безъ всякаго отличія, и все въ одной ротѣ. Въ той же ротѣ былъ еще Андрей Кузьминъ, и всѣ, разумѣется, называли его Андрей Кузьминъ, или просто—Кузьминъ; а Ивана Кузьмича всѣ величали по батюшкѣ—Кузьмичъ.

И вотъ, сударь мой батюшка, сударыня моя матушка, ефрейторъ разъ какъ-то, въ сумерки вечеромъ, остановясь среди казармы, кричитъ:—Иванъ Кузьмичъ!

— Я!

— Къ фельдфебелю!

Пошелъ Иванъ Кузьмичъ къ фельдфебелю; и пошло съ нимъ, по приказанію, еще трое изъ этой же роты; и черезъ полчаса всѣ четверо вернулись отъ фельдфебеля, трое улыбаючись радостно-разрадостно, а четвертый Иванъ Кузьмичъ, такъ себѣ—средственно. Дѣло такое, что всѣмъ вышли билеты домой, въ чистую.

Всѣ сдали аммуницію; всѣхъ разсчитали артельными; одному пришлось много, рублевъ съ 40 серебра; другому не мало—рублей 25 съ копѣйками, третьему совсѣмъ мало,—вишь, долженъ былъ почитай-что всѣмъ женатымъ, и пришлось ему на дорогу

Digitized by Google

всего три рубля капиталу, больно маловато; а Ивану Кузьмичу пришлось, по обыкновенію, средственно—одиннадцать цѣлковичковъ. И дорога-то—кому лежала съ хвостомъ 2,000 верстъ, кому всего триста, а ему средственно—ровно тысяча.

Солдатскіе сборы—скоры. День прошелъ, другой, третій, и пришелъ часъ прощальный, часъ разставанья съ земляками, пріятелями и товарищами, да кой съ кѣмъ изъ партикулярныхъ человѣчковъ. Питеръ—деревня большая, а двадцать два года не гостины да отвѣдины, а безъ мала что полжизни, коли выключить время, что человѣкъ дурачкомъ-ребенкомъ, да ребенкомъ-старичкомъ промается на бѣломъ свѣтѣ. Въ двадцать два года худой человѣкъ, и тотъ зашибетъ себѣ гдѣ-нибудь насторонѣ душонку пріятельскую; а Иванъ Кузьмичъ былъ человѣкъ средственный: какъ не быть у него пріятнаго знакомаго человѣка? У него и былъ такой: служилъ по кухмистерской части, а ходилъ въ сарафанѣ. Со всѣми надо прощаться.

Простое оно слово, господа, „попрощаться“, и ужъ нашъ-ли братъ, солдатъ, не привыкъ, что-ли, къ разному прощанью: здравствуй да прощай, пришелъ да ушелъ—то и дѣло у насъ, у людей походныхъ.

Простое оно слово, прощай, да великое слово; выковано, или вылито это слово, братцы, изъ души справедливой; мудрый человѣкъ былъ тотъ, кто сказалъ первый это слово. „Прощай“—значитъ „прости меня“, не поминай лихомъ, забудь все худое, если такое и было тебѣ отъ меня, прости, молъ, такъ, какъ Богъ прощаетъ человѣку, прости теперь потому, что только одинъ Богъ знаетъ, *будетъ-ли время* впереди простить.

Иванъ Кузьмичъ, вмѣстѣ съ тремя своими уволенными товарищами, прощался съ ротой; всякъ отвѣтилъ ему отъ чистаго сердца, всякъ пожелалъ счастливаго пути и всякаго благополучія. И нашлось еще человѣкъ съ десятокъ такихъ, что когда подавалъ имъ Кузьмичъ руку на прощанье, рука эта сама стиснулась покрѣпче, глаза сверкнули поярче и слова:—прощай, братъ, Иванъ Кузьмичъ, спасибо на товариществѣ добромъ, Богъ съ тобой!—слова эти сказались какъ-то распріятно, словно подъ музыку, которой, впрочемъ, никто тутъ не слыхалъ. Вышли они, слова эти, какъ тихая пѣсня, и грустно отъ нихъ и весело сердцу. Дѣло простое—20 лѣтъ живучи съ людьми, нельзя, чтобы ты не сдѣлалъ кому-нибудь, или тебѣ кто-нибудь какого одолженія, и тоже нельзя, чтобы ты кому-нибудь, или тебѣ кто-нибудь не сдѣлалъ непріятности какой ни на есть; и незамѣтно любили тебя люди за твое одолженіе, и имѣли на тебя сердце,

Digitized by Google

тоже незамѣтно, другіе, за твою непріятность. И вотъ, теперь, въ послѣдній разъ ты говоришь имъ покорное слово:—прощайте, братцы! не поминайте лихомъ, я, молъ, все равно, что умираю, не увидимся больше! Хошь, не хошь, встрепенется душа у каждаго на твое доброе слово, стиснетъ крѣпко руку твою пріятельская рука, скажутъ тебѣ:—прощай, братъ, спасибо, съ Богомъ!—Языкъ тебѣ скажетъ эти слова, а дружеская душа тебѣ откликнется и въ голосѣ, и въ пожатьи, и въ свѣтломъ взглядѣ; и ты услышишь простыя слова, словно музыку, словно любезную, задушевную пѣсню.

Услышалъ Иванъ Кузьмичъ такія дружественныя слова — и зарябило у него въ глазахъ, что-то жалостливое сказалось на сердцѣ;—нѣтъ,—подумалъ Кузьмичъ,—слѣдуетъ попрощаться съ этими особо,—то-есть слѣдуетъ выпить. И пригласилъ онъ на прощальную пирушку человѣкъ съ десять, что были ему по сердцу. Ну, и изъ одиннадцати рублей, двухъ какъ не бывало; покатились они подъ голубую ленту, въ копченую дверь. Тоже обычай преважный: растоскуйся, дескать, ты, мое ретивое, прощайте, земляки!—и полведра совсѣмъ высохло,—выпили то-есть.

Уговорился Кузьмичъ съ своими тремя попутчиками безпремѣнно сойтись на Средней Рогаткѣ;—тамъ, говоритъ, присядьте въ канавкѣ, и я подойду, а теперь тѣмъ часомъ забѣгу кой съ кѣмъ распроститься.—Затѣмъ помогли ему земляки застегнуть пузатый ранецъ дорожный, съ привязанными поверхъ его запасными сапогами, уколоченными по подошвѣ въ пять рядовъ шляпчатыми гвоздиками; облобызались кавалеры — счастливо оставаться! Снялъ шапку, перекрестился на востокъ Иванъ Кузьмичъ; и вотъ, добрый молодецъ пошелъ вдоль по улицѣ по широкой. На заворотѣ, на углу, остановился, обернулся, еще снялъ шапку,—товарищи смотрѣли ему въ слѣдъ, махнули шапками,—и онъ поперъ далѣе.

А поперъ Иванъ Кузьмичъ ни дальше ни ближе, какъ на Пески, къ домику сѣренькому, съ березкой вмѣсто саду за заборомъ. Кашлянулъ Иванъ Кузьмичъ подъ окошечкомъ косятчатымъ, отворилась Ивану Кузьмичу калиточка скрипучая.

— Матренушка, здравія желаемъ!

— Иванъ Кузьмичъ, желанненькой!

— Можно войдти?

— Что ты, родненькой! чтобъ я съ тобой не простилася? да хоть сейчасъ пусть билетъ дадутъ, пропадай зажитые четыре рубли,—да что мнѣ! Да и хозяйка у меня не таковская, снос-

Digitized by Google

ливая; а хозяинъ въ должности сидитъ. Садись, пріятненькой, кофейку поставлю, да сбѣгаю...

— Нѣтъ, Матрена Савельевна, не бѣгай; я ужъ маленько употребилъ, и таки средственно...

— И что ты, озорникъ! со мной-то что-ли насухо разстанешься?.. Ахъ, головушка моя бѣдная!

И Матренушка сунула въ самый жаръ своего чертенка, ординарца безсмѣннаго, — нафабренный и помятый кофейникъ своей,—а сама съ бутылочкой шмыгнула за дверь.

Разъ, два! — толкнулъ Иванъ Кузьмичъ плечомъ ранецъ и приставилъ его къ печкѣ:—стой, молъ; мы въ гостяхъ!.. привалъ, такъ привалъ! Эхъ-ма! душа-то здѣсь хорошая!

И точно, у Матренушки душа была теплая, добродѣтельная; и насчетъ красоты тоже была она дѣвица ничего себѣ, не изъ послѣднихъ. То-есть, коли хочешь знать ея красоту—щека блиномъ, носъ огурчикомъ, губы стручкомъ, подбородокъ яичкомъ, а лобъ писаннымъ пряничкомъ. Ну, и прочее все, корпусъ съ принадлежностію—совсѣмъ недурно! То-есть не красавица, а лѣтъ въ 40 бабуся очень средственная.

Ну-съ, сдѣлалъ Кузьмичъ привалъ у Матренушки; а мы, господа, въ это дѣло мѣшаться не будемъ: пусть ихъ себѣ попрощаются, какъ знаютъ.

Ужъ былъ поздній вечеръ, и будочникъ полюбопытствовалъ:—кто идетъ?—когда Иванъ Кузьмичъ съ Матренушкой пошли мимо Семеновскаго моста къ куму водовозу и кумѣ водовозихѣ, на Сѣнную, тамъ чайку кой съ чѣмъ выпили, засидѣлись до пѣтуха, котораго косточки въ мискѣ на столѣ стояли возлѣ полуштофа опорожненнаго; тутъ же и ночевать пришлось. А рано, чуть зоричка, распрощался Кузьмичъ съ кумовьями.

— Ну, теперь,—говоритъ,—прощай и ты, Матренушка, касаточка моя! Проклаждались мы съ тобой только четырнадцать годковъ, да видно не вѣкъ вѣковать...

Въ три ручья залилась Матренушка,—разстаться надо! Плакала, приголашивала она — да дѣлать-то нечего; какъ ни пой жалостливо, все на тоже выходитъ;—прощай, соколикъ мой; и вотъ,—говоритъ,—на дорогу, припрятала я тебѣ трехрублевую бумажку.

Но Иванъ Кузьмичъ былъ человѣкъ хоть неважный, да средственный; —нѣтъ,—говоритъ,—золотая моя, серебряная, не годится нашему брату солдату одинокому изобидѣть вашу сестру сиротинушку; хоть ты и на мѣстѣ, да не ровенъ часъ, проштрафишься,—не на улицѣ-же жить тебѣ; денежки пригодятся;

Digitized by Google

а я не возьму. А вотъ,—говоритъ—ты—такъ прими памятку,—намедни у бритаго татарина купилъ для тебя,—и растянулъ Иванъ Кузьмичъ передъ ней платъ.

И ахтительный, распреахтительный платъ: самъ бѣлый, съ синевой, и крутой узоръ по немъ выведенъ,—арбузъ по серединѣ, а кругомъ все травы; да вдругъ алый цвѣтъ въ двугрошовую рѣпу величиной—и опять травы. И вдругъ дуля, опять въ рѣпу-же; и снова все травы, травы, а въ нихъ цвѣтъ-самогаръ: желтъ съ прожилками красными, съ кулакъ обширностью, и опять разныя травы и густыя листвія. Ужъ искусникъ татаринъ; намалевалъ же, бестія,—на то азіатъ, стало быть.

Такъ и всплеснули руками: и Матренушка, и кумъ, и кума водовозиха, не то что съ удивленія: въ Питерѣ чего не увидишь, питерская ворона побойчѣе будетъ деревенскаго коршуна; распиши платъ не то что цвѣтами, а какимъ хошь звѣрьемъ лѣснымъ, и пусть хошь забрешетъ звѣрье писанное, въ Питерѣ никто не задивится,—народъ такой не удивительный,—а всплеснула вся компанія потому, что и вотъ какъ жаль стало Матренушкѣ человѣка такого любимаго, а водовозу съ водовозихой такого желаннаго.

— Да, голубчикъ ты мой, родненькой! — завопила Матренушка,—да какъ-же ты-то съ семью только цѣлковичками пройдешь даль такую?

— Я?—спросилъ, удивляючись, Иванъ Кузьмичъ;—кто?.. я какъ пройду? Да съ чего же мнѣ-то не пройдти?.. ась? Хотѣлось-бы мнѣ оченно знать, отчего мнѣ, солдату, не пройдти, когда нетокма что мнѣ, а каждому и похуже меня можно пройти? Нѣтъ, Матрена Савельевна, я долженъ пройдти; мнѣ нельзя не пройдти! Я, Матрена ты моя свѣтъ-Савельевна, оттого пройду, что никакого большаго худа нѣтъ за мной; грѣшенъ, много грѣшенъ человѣкъ, а все-же никого я не изобидѣлъ, никому большаго худа нетокма что сдѣлать, а и не хотѣлъ никогда. Нѣтъ, Матренушка, я такъ по совѣсти все еще у Бога, то-есть, не клятой человѣкъ, никого не опечалилъ. Вотъ, проститъ-нѣтъ-ли Господь только за тебя, Матрена моя Савельевна, а хуже этого никому отъ меня въ двадцать и одинъ годъ не было!

Иванъ Кузьмичъ, говоря такія слова, широко развелъ руками; и Матренушка, какъ взрыдаетъ, да такъ между рукъ-то и бросилась лицомъ ему на грудь, что на бѣлъ горючъ камень; такъ и зашлась сердечная:—ой, соколъ ты мой, кровиночка моя горячая!..

И залилась въ три ручья.

Digitized by Google

Но Иванъ Кузьмичъ пріудержалъ ее;—нѣтъ,—говоритъ,—Матренушка, ты этого не говори и не рыдай: а мнѣ слѣдуетъ тебѣ и вотъ, честнымъ людямъ, благопріятелямъ и кумовьямъ нашимъ, сказать на прощанье всю какъ есть правду... Слѣдуетъ мнѣ передъ вами оправиться, чтобы вы, то-есть, крѣпко и нерушимо знали, что я не какой-нибудь человѣкъ отчаянный, и что я никогда дружество ваше не безчестилъ.

И пріосанился Иванъ Кузьмичъ; гордости въ немъ прежде не замѣчалось, а тутъ всталъ онъ гордо. И, положивъ фуражку на столъ, высоко поднялъ голову и началъ говорить, и бѣда какъ строго, а все вѣрно; и всѣ стали слушать.

— Я,—говоритъ,—самъ знаю, что я человѣкъ не очень хорошій, да опять-же и не совсѣмъ худой: я—человѣкъ *средственный*. Прослужилъ я двадцать лѣтъ и одинъ еще годъ, по присягѣ, неважно прослужилъ, да и не худо, а вѣрно: какъ присягу далъ Богу, такъ и служилъ царю и отечеству; какую силу имѣлъ—на! весь былъ тутъ передъ самимъ царемъ, откровенно служилъ, ей Богу! Насчетъ начальства, роты товарищей—такой всегда былъ какъ есть: большаго не могу, а что могу—все ваше! Никто ничего сказать не можетъ и не сказалъ; а что мнѣ честь такую сдѣлали и, по отечеству кликалъ меня всякъ—помру, тогда забуду. Насчетъ дружества—сами знаете; если въ чемъ виноватъ—простите; а я васъ люблю все единственно, что вотъ, и чортъ знаетъ, что себя меньше считаю, ей Богу. Ну, а насчетъ того, что мнѣ слѣдуетъ идти—это не безпокойтесь: пойду, куда надо, всюду пойду и пройду; не самъ собой, а съ Богомъ, братцы; пройду и ничего какъ есть, ни одной осьмой, не боюсь!

Иванъ Кузьмичъ сказалъ это и самъ выпрямился, и глянулъ онъ на всѣхъ такъ храбро и свѣтло, что не токмо благопріятели его, а, кажется, и бѣдная горенка кума водовоза вся просвѣтлѣла.

— Ты думаешь,—продолжалъ рѣчь Иванъ Кузьмичъ,—сустрѣтитъ меня хоть-бы становой, или исправникъ,—здравія желаю! скажу.

А онъ спроситъ:—кто ты такой?

— Отставной лейбъ-гвардіи такого-то полка Его Величества солдатъ.

— А ты, можетъ быть, какой-нибудь шляющій?

А я ему:—никакъ нѣтъ-съ, марширующій,—домой иду.

— А онъ мнѣ:—да ты, можетъ быть, врешь?

А я ему—билетъ: разскуси, молъ; и молчу!

Digitized by Google

Ну, можетъ онъ еще надуматься и скажетъ:—да ты, можетъ быть, по міру побирающійся и милостыни просящій?

— А я ему:—никакъ нѣтъ-съ, я самъ дающій!

О скажетъ:—какъ такъ? Какъ можешь ты самъ проживать, не токмо бѣднымъ подавать, коли у тебя нѣтъ никакихъ капиталовъ?

— А вотъ тутъ я ему и отвѣчу:—птица поднебесная безъ капиталовъ у Бога живетъ, ничего не имѣетъ, а и та роняетъ изъ-подъ крылышка перышко для чужаго тепла гнѣзда; и я, все единственно, на Господа моего и на труды мои уповаю; проживу кой-какъ промежъ добрыхъ людей; а для сираго и совсѣмъ убогаго можно-съ и полъ сорочки съ плеча долой;—вотъ и все!

Слушали Ивана Кузьмича всѣ и глазомъ не сморгнули. Водовозъ уперся кулакомъ себѣ въ бороду, уставился глазами въ землю и слушалъ; водовозиха тихонько плакала и слушала; а Матренушка ротъ разинула, крупная слеза бѣжала въ него, а сама, руки заломивши, не шелохнулась.

Иванъ Кузьмичъ сказалъ:—вотъ и все!

— Истинно такъ!—отвѣтилъ водовозъ; — Господь же благословилъ тебя за твое сердце праведное! И таки безпремѣнно поможетъ тебѣ; вездѣ пройдешь ты, Иванъ Кузьмичъ!

И затѣмъ началось у нихъ прощаніе на разставаніе вѣковѣчное.

Ну-съ, и распрощались они, милые дружки, слезно, и по малости опять выпили притомъ. И насилу урезонилъ Иванъ Кузьмичъ Матренушку не сопровождать его далѣе:—дальніе проводы, лишнія слезы!—а уговорилъ остаться у кума, а самъ пошелъ, думаючи: — эхъ, вѣдь неисправность какая!.. заставилъ товарищей пождать себя на Средней Рогаткѣ, на Четырехъ Рукахъ, въ канавкѣ!

И пошелъ онъ было къ заставѣ.

— Пройду,—говоритъ,—вездѣ пройду!—да въ головушкѣ маленько позакружилось, и вдругъ повернулъ онъ круто по Фонтанкѣ, къ Калинкину мосту; дальше, да дальше, и потянулъ къ Бердову заводу.

Вишь, вспомнилъ близкаго земляка, что служилъ тамъ на заводѣ.

— Дай,—думаетъ,—повидаюсь съ нимъ, да попрощаюсь; а то приду домой, станутъ спрашивать о немъ, и сказать будетъ нечего; ужъ мѣсяца три и въ глаза его не видалъ.

Пошелъ Иванъ Кузьмичъ къ Бердову заводу.

Digitized by Google

Идетъ онъ ни шатко, ни валко, ни насторону, да и не совсѣмъ въ прямой линіи, какъ-будто иные камешки обходитъ. Потупилъ онъ очи ясные, задумался онъ пуще раввина жидовскаго: ноги-то работаютъ по Питеру, а думка ажъ въ Вологодскую губернію улетѣла, въ родную деревню; и видится ему и то и се, и все разное хорошее... да вдругъ, лбомъ-то въ заборъ какъ рѣзанетъ—ахъ! чтобъ тѣ огнемъ сгорѣть!.. ажъ искры посыпались. Потеръ онъ лобъ, взглянулъ—передъ нимъ рѣка, что зеркало; а по рѣкѣ плывутъ лодочки, рыбаки неводъ закидываютъ, а на берегу мужичокъ съ стрекулятникомъ торгуется, шляпой поярковой размахиваетъ, бороду поглаживаетъ, проситъ денегъ два рубля, а товару сулитъ на десять. Что за притча, торговля невиданная? Иванъ Кузьмичъ ноги разставилъ, уши развѣсилъ и ротъ отворилъ.

— Что продаешь, землякъ?

— Медвѣдя въ лѣсу, кавалеръ почтенный!

— Какъ такъ?

— А вотъ этакъ: денежки подай, а самъ сядь на берегъ, да глазами моргай; а что Богъ пошлетъ—въ мѣшокъ забирай.

Господинъ стрекулятникъ тоже, какъ видно было, попалъ туда не прямо изъ дому, а съ позднихъ гостей, и, въ большихъ сердцахъ на мужика, объяснилъ Ивану Кузьмичу дѣло.

— Ты, кавалеръ,—говоритъ,—не слушай, что вретъ пустомеля. Продается тутъ тоня; проситъ онъ два рубля, а я даю два двугривенныхъ.

И растолковалъ господинъ стрекулятникъ солдату: — что, молъ, вотъ, тоня закинута; заплатишь ты, примѣромъ, рубль серебра, а что вытянутъ, то все твое; — ино случается — пудовъ пять, шесть и десять доброй рыбы выволокутъ, а ино мѣсто — ерша съ плотвицей, аль колесо безъ спицы, а не то — рака въ черномъ фракѣ, тины на полтину, да камешекъ въ пудъ; все,— говоритъ,—тебѣ и отдадутъ.

Стоялъ, стоялъ Иванъ Кузьмичъ, думалъ, гадалъ, умомъ раскидывалъ.

— Аль счастья хошь попытать, кавалеръ? Для служиваго уступлю, пока народъ не подошелъ, недорого возьму — всего рубль съ трехъ-рублевичкомъ!—затарабарилъ рыбакъ-мужичокъ; а Ивана Кузьмича такъ вотъ за сердце и взяло.

За платъ Матренѣ рубль шесть гривенъ отдалъ, два рубля прогулялъ съ товарищами; всего семь рублей за нагрудникомъ въ бумажникѣ запрятано, да сорокъ копѣекъ на расходъ въ карманѣ; а походу верстъ тысяча.

Digitized by Google

— А ну, какъ пудовъ семь-восемь рыбы вытащу? и Матренѣ занесу, кумовьямъ почтеннымъ отсыплю, и на дорогу щучку въ платчишко заверну, да еще и продать остатки можно... Ахъ, ты, удача задорная! А что какъ ничего? подкузьмитъ Кузьмича участь горькая, надуетъ лютая? А что, опять, какъ пудовъ пятнадцать влѣзетъ въ неводъ то, а можетъ ужъ и влѣзло, а?... Эхъ, была не была, Москву видѣла!..—Меньше чего не отдашь, землякъ? послѣднее слово!

— Полтора рублика, сударь служивенькій. Народъ подойдетъ. пойдетъ дѣло по такціи; уступаемъ за ранью только.

Стрекулятникъ завопилъ:—вретъ борода; два двугривенныхъ, ни алтына больше!

Солдатъ съ рублемъ вызвался.

— Двугривенный на чаекъ прикинь, кавалеръ!

Махнулъ рукой Иванъ Кузьмичъ, идетъ, молъ, и на чаекъ! Стрекулятникъ завопилъ было:—стой, не шевелись, вретъ борода!

Но ужъ добытъ бумажникъ... Ажъ глазамъ больно было взглянуть на желтенькую бумажку; да какой то лѣшій, что-ли, толкалъ его. Отдалъ солдатъ деньги; мужичокъ кивнулъ шляпой на работниковъ, что стояли у ворота, которымъ тянули неводъ; — пошелъ, ребята! — и скрипнула ступа ворота; неводъ пошелъ.

И тутъ, братецъ ты мой, зачалась комедія, ни дать ни взять смаргонское представленіе! Рыбакъ-мужичокъ солдата обнадеживаетъ, словно цыганъ-вожакъ барабанитъ:—ну-ко, Мишенька, поворачивайся, какъ, молъ, теща блины пекла да угорѣла!

Иванъ Кузьмичъ, словно Мишенька, голову на бокъ, да только вздыхаетъ, да покрякиваетъ; а стрекулятникъ—коза козой, кругомъ поскакиваетъ да ляскаетъ челюстями-то:—вретъ, вретъ, вретъ борода! А народъ, тѣмъ часомъ, все подходитъ.

А неводъ идетъ.

И идетъ онъ, братцы, надо быть, хорошо, то-есть не порожнякомъ: какъ струны, сударь мой, натянулись надъ водой снасти: поплавы на нихъ вертко повертываются, а брызга крупная летитъ далеко съ тугой веревки, что пошлепываетъ рѣзко по струѣ зеркальной; идетъ не порожній неводъ.

Стоитъ Иванъ Кузьмичъ, ротъ разинувши, ни чорта не понимаетъ; трудно-претрудно дышется ему, вздохи сами пріудерживаются. Рубль двадцать копѣекъ — верстъ триста походу стоятъ.

— Ой, лопнутъ! Никола Морской, помоги пѣхотѣ!—молится про себя солдатикъ сконфуженный.—Ай, ай!—думаетъ,—кут-

Digitized by Google

нулъ да и закаюся, только вывези!.. а будетъ худо—все, что есть прошью!

А самъ ажъ поблѣднѣлъ.

— Да и дуракъ же ты, Иванъ Кузьмичъ!—думаетъ солдатъ про себя;—ну, хорошее ли дѣло кровный рубль ребромъ ставить безъ надобности? Вишь, въ какую игру взыгралъ! ну, съ нашимъ ли рыломъ да въ калачный рядъ? Купилъ бы себѣ селедку въ три копѣйки, голандскую, коли рыбины съ похмѣлья требуется; а то—самъ ты голандской...—осетрины ему захотѣлося!.. Ай, плохо, нехорошо, дуракъ человѣкъ, какъ вотъ есть чучело гороховое, башка соломенная!

Все это подумывалъ про себя Иванъ Кузьмичъ; стрекулятникъ же совсѣмъ круто перемѣнилъ дирекцію:—не робѣй, кавалеръ! хорошо будетъ!—кричитъ онъ, размахивая руками передъ носомъ осовѣлаго солдата;—отлично будетъ!

— Иди такъ! — кричитъ онъ неводу; — катай, наша возьметъ!—и машетъ на рѣку своимъ лукошкомъ помятымъ, что на башкѣ замѣсто шляпы сидитъ, какъ грибъ на пнѣ подгнившемъ:—иди такъ, говорю тебѣ!

Неводъ идетъ.

Поплескиваютъ веревки; стрекуляторъ замолкъ, вытянулся впередъ, словно хочетъ заглянуть на дно рѣки, какъ журавль въ бутылку, ажъ носъ закрючился, чтобъ глазамъ виднѣе было. Что тамъ въ рѣкѣ, кто тамъ въ неводѣ?.. лосось, бѣлуга, аль осетеръ двухъ-аршинный, али самъ китъ-рыба многосаженная? ничего неизвѣстно.

А неводъ идетъ.

— А, что?—шопотомъ спросилъ работниковъ мужичекъ бородатый.

— Грузъ,—отозвался голосъ себѣ подъ носъ.

Мужичка чуточку покоробило.

Неводъ идетъ.

Пусть его себѣ идетъ.

А мы, господа кавалеры, тѣмъ часомъ, пока тянутъ неводъ, посмотримъ, гдѣ провождаетъ время самъ хозяинъ, откупщикъ тоней, потому что мужичокъ-бородачъ—это только его прикащикъ.

А самъ хозяинъ вотъ гдѣ.

Сидитъ онъ, ни свѣтъ ни заря, въ сибиркѣ синей, въ хоромахъ высокихъ, сидитъ за столомъ, передъ самоварищемъ кипучимъ. Тремя перстами держитъ онъ блюдечко, четвертымъ мизинцемъ чуть его поддерживаетъ; въ другой рукѣ, въ двухъ

Digitized by Google

перстахъ, держитъ сахару кусокъ, съ средственный уголь березовый величиною. Дуетъ онъ поверхъ бороды, а пониже усовъ, вѣтеркомъ прохлаждающимъ, тонкой струей, на чай китайскій. И вспотѣлъ уже четвертымъ потомъ, а до седьмаго еще три осталося.

Рыбный откупщикъ сидитъ, значитъ, въ гостяхъ у купца гильдейскаго, въ гостяхъ-то не въ гостяхъ, а пришелъ къ нему по приказанію, за дѣломъ; ведетъ за чайкомъ въ прикуску откупщикъ съ хозяиномъ такую рѣчь:—такъ ужъ такъ-то-съ, Митрей Спиридонычъ, чтобъ ужъ остановки-то не было; мы такъ и знать будемъ-съ... Рыбку-то сегодня доставьте-съ, — говоритъ хозяинъ.

— Безпремѣнно-съ, Онисимъ Вахрамеичъ; все единственно, что она у васъ въ кастрюлѣ; такъ и полагайте-съ!—отвѣтствуетъ откупщикъ.

— Такъ и знать будемъ-съ.

— Вѣрно-съ слово.

Вышло такое дѣло, что Митрей Спиридонычъ подрядился представить Онисиму Вахрамеичу того же дня живой рыбы, перваго сорта, пудовъ безъ-малаго-около-слишкомъ, т. е. порядочное количество. День-то подошелъ постный, а тутъ разомъ именины сына, что народился, и поминки дѣдушкѣ, что померъ, справлять требовалось, и надо было утыкать гостей разнаго званія, начиная отъ толстопузаго купечества гильдейскаго до поджарыхъ пострѣловъ сидѣльцевъ, окромѣ кучеровъ и разной челяди; а Онисимъ Вахрамеичъ былъ человѣкъ русскій, угостительный;— у меня,—говоритъ,—всѣ ѣшь до отвалу!

Вотъ онъ и порѣшилъ съ Митрей Спиридонычемъ насчетъ постной провизіи.

Митрей Спиридонычъ обтеръ потъ ручникомъ, распрощался съ хозяиномъ, сѣлъ въ свою телѣжку, немного побольше скорлупины орѣха грецкаго, чмокнулъ на коня чуть поменьше слона китайскаго,—и дуга вязовая, расписная въ розанъ-цвѣтъ съ позолотою, заколыхалась по поднебесью, словно радуга послѣ дождика.

Держи правѣй вся Садовая—Митрей Спиридонычъ катитъ!

Катитъ Митрей Спиридонычъ, а самъ думаетъ:—тоней сегодня продавать не будемъ,—дай, Богъ, съ поставкой управиться; задатокъ взятъ... а не поставлю рыбину—стыдъ будетъ. Да стыдъ стыдомъ, а кабы и грѣха не вышло: Онисимъ Вахрамеичъ—человѣкъ. „не задѣвай“, въ думѣ на креслѣ засѣдаетъ, и засѣдаетъ плотно, и притомъ голосъ имѣетъ!

Digitized by Google

И вотъ, думаючи думу такую, поворачиваетъ нашъ Митрей Спиридонычъ на Калинкинъ мостъ, съ моста направо, потомъ налѣво. И въ самую ту минуту, какъ на бердовской пристани, передъ Иваномъ Кузьмичемъ и господиномъ стрекулятникомъ и передъ честнымъ народомъ, неводъ пошелъ, въ самую ту минуту прикащикъ мужичокъ обернулся, глянулъ черезъ площадку, завидѣвъ дугу золоченую и промолвилъ громко:—а вотъ, и хозяинъ бѣжитъ!

Прибѣжалъ, то есть на телѣжкѣ, хозяинъ Митрій Спиридонычъ.

— Помогай Богъ, ребятушки... наше почтенье господамъ!— это сказалъ онъ, приподнявъ шапку передъ стрекулятникомъ и разными людьми, что подошли помаленьку съ разныхъ сторонъ, позѣвать на ловъ рыбы.

— А чья тоня, Трошка?—спросилъ откупщикъ.

Трошкой назывался мужичокъ съ бородой; онъ и отвѣчалъ:— кавалера служиваго тоня, Митрей Спиридонычъ!

— Тэкъ-съ! дай Богъ счастья кавалеру. Погодушка-то, оно правду сказать, не мудрая, не на ловъ денекъ,—примолвилъ откупщикъ, зорко поглядывая па поплавы невода и туго натянутыя снасти,—ну, да всяко бываетъ—ино и ракъ свистнетъ!.. Такъ, что ли, служивый поштенный?

— Вретъ, какъ макомъ сыплетъ, вретъ!—отозвался стрекулятникъ, а самъ глазу не спускаетъ съ поплавковъ;—все вретъ!

Откупщикъ глянулъ на стрекулятника, пошептался съ приказчикомъ.

— А что, кавалеръ,—спросилъ онъ Ивана Кузьмича за дорого пошло, ась?

Ивана Кузьмича давно уже тряхнула чуточку лихорадка; онъ процѣдилъ сквозь зубы отвѣтъ:—цѣлковый съ двугривеннымъ.

— Вишь, какую деньжищу высыпалъ, кавалеръ!.. А не уступишь ли съ барышомъ?—ась?

— Вретъ!—закричалъ, стрекулятникъ, все глядя на рѣку,— вретъ! и ни-ни! ни за что ни свѣтѣ, ибо вретъ!

Иванъ Кузьмичъ только повелъ глазами и тряхнулъ головой.

Тоню тянули совсѣмъ помаленьку; почитай что и не крутился воротъ; видно было, что медлили нарочно.

— А ну, кавалеръ, опять отозвался откупщикъ; вѣдь три рублика деньги; бери, что-ль, ась?

Стрекулятникъ снова завопилъ:—вретъ!

Солдатъ молчалъ да ежился.

Съ минуту спустя, откупщикъ еще два рубля надбавилъ.

Digitized by Google

Иванъ Кузьмичъ попятнулся было, но стрекулятникъ кричитъ:—ни за что! Вретъ борода гильдейская, чуетъ что кладъ въ неводѣ и вретъ!

Откупщика забралъ задоръ; онъ еще ни слова не сказалъ стрекулятнику, и попробовалъ покончить съ Кузьмичемъ разомъ

— Ну,—говоритъ,—все равно, для кануна постнаго, не для тебя, а ради добраго дѣла,—у меня, у самого, есть сродственникъ по бабѣ, царю служитъ, помочь надо;—бери десять цѣлковичковъ, служба, Богъ съ тобой, и отваливай!

Иванъ Кузьмичъ, было, ужъ и рукой шевельнулъ: за рубль-двадцать получить десять рублей,—да это шаль, тутъ и думать нечего! Но стрекулятникъ вскрикнулъ:—стой, равняйсь! врешь, не надуешь! да ты,—говоритъ,—не видишь, что-ли, служивый, что тамъ въ неводѣ-то? аль ты ослѣпъ?—тамъ пятьсотъ рублей идетъ!.. Врешь, тяни, навались! врешь,—кричитъ,—надуть не позволю! И ни-ни!

Ну, тутъ откупщикъ не выдержалъ, вошелъ въ большое сердце и обернулся къ стрекулятнику:—да ты-то, баринъ, чего,—говоритъ,—орешь да суетишься? вишь ты, опекунъ какой! Да я, просто, не съ тобой, а мимо тебя говорю, съ кавалеромъ; я ему, такъ сказать, изъ добродушія моего хочу добро сдѣлать; пусть помнитъ; а тебѣ что за дѣло, ась? Мы,—говоритъ,—могимъ, все единственно, бросить не то что десять, а вотъ, бери двадцать пять рублей, служивый, возьми на здоровье!

— Врешь!—крикнулъ громкимъ голосомъ стрекулятникъ.

Однако Иванъ Кузьмичъ совсѣмъ протянулъ руку, но стрекулятникъ хватилъ его за ладонь, указалъ другой рукой на рѣку и завопилъ:—гляди!

Въ эту самую минуту, за поплавками, на чистой, какъ зеркало, водѣ всплеснуло что-то серебристое; волнистые круги разбѣгались все шире и шире, и опять вода сгладилась какъ стекло. Неводъ чуть идетъ.

— Видѣлъ?—крикнулъ стрекулятникъ:—осетеръ играетъ!

— Эхъ, ты, голова бѣлужья;—промолвилъ откупщикъ;—такая тутъ осетрина, какъ ты сомъ, коли ты, баринъ, хотѣлъ это слышать.

Но баринъ ничего не хотѣлъ слышать, а только кричалъ, какъ кипяткомъ обваренный:—врешь, не надуешь, борода, ибо врешь!

Откупщикъ, наконецъ, совсѣмъ разсердился, ажъ побагровѣлъ; самъ онъ видѣлъ къ тому-жъ, что въ самомъ дѣлѣ сверкнуло что-то серебристое надъ водой: не то головой, не то хво-

Digitized by Google

стомъ плеснуло, а только не маленькое. Показалось ему—сверкнуло разомъ въ двухъ мѣстахъ, аршина на два разстоянія, стало быть большое, не меньше должно быть, двухъ аршинъ. Этакую бы рыбину да на блюдо Онисимъ Вахрамеичу! честь-то какая! А задатокъ-отъ ужъ въ карманѣ. Стрекулятникъ все дѣло портитъ;—какъ бы его да въ шею?

— Эхъ-ма! жаль,—думаетъ себѣ,—нѣтъ куманька Амбросія Забросьевича, то-есть Амбросьевича, помощника квартальнаго!.. вотъ проучилъ бы! А, впрочемъ, развѣ безъ него нельзя, что-ли? А рыба-то есть! голову отдамъ—есть, да еще какая!

— Да чтожъ ты, то есть, изображаешь себѣ, анчутка безпятый, лѣшій кургузый?—завопилъ Митрей Спиридонычъ на стрекулятника;—аль я самъ съ тобой резону не найду?..—Чего ты суешь рыло въ чужое корыто?—ась?

— Врешь!—кричалъ стрекулятникъ;—я съ тобой говорить не намѣриваюсь ни отнюдь; врешь,—ибо шельма,—врешь безъ соображенія!

И на слова такія предался гнѣву лютому откупщикъ; не стало у него никакого терпѣнія; подошелъ онъ въ два шага къ стрекулятнику, совсѣмъ носъ къ носу; и какъ два пѣтуха наставились они глазъ въ глазъ.

— Ахъ ты, сѣмя крапивное!—завелъ Митрей Спиридонычъ,—да я не токма, то есть, двадцать пять... а ты што?.. Да я тысячу брошу; слышь, ты, смѣлость такую имѣешь...

— Врешь!—кричалъ стрекулятникъ, ничего не слушая,—алтынное надувало, совершенно врешь; за грошъ душу продашь!.. на твоемъ не будетъ.

Купецъ вспыхнулъ полымемъ. Какъ будто засвербѣло у него за пазухой,—сунулъ туда руку, добылъ бумажникъ, живо отсчиталъ, штукъ двадцать зелененькихъ, а у самаго глаза ажъ пышутъ, и пѣна на бородѣ.

— На,—говоритъ,—служивый, принимай—купецъ Полупереносьевъ даритъ!.. Такъ и помни: пусть служитъ тебѣ во здравіе и души во спасеніе; мы въ разсчетѣ-съ. А тебѣ, стрекулятнику, вотъ что-съ!—и показалъ ему шишъ; обернувшись къ работникамъ, возопилъ:—налегай, ребята!

И заскрипѣлъ воротъ, захлестали веревки, ажъ заурчала вода за поплавками; ребята налегли,—неводъ пошелъ, да и пошелъ не по-давишнему...

Сверкнула осетрина, что ли?—опять нѣтъ; опять сверкнула—и нѣтъ... И таки опять сверкнула—и опять нѣтъ... Вотъ, выперлась спиной; должно быть съ перомъ китъ-рыба, что ли?—

Digitized by Google

опять ничего нѣтъ: все задернуло струей набѣжавшей; только рябь по водѣ пошла. Всѣ туда, словно пьютъ рѣку глазами; неводъ идетъ. Ахти, рыбы-то, рыбы!.. тяжело идетъ. Молчаніе. тишина; только верви пошлепываютъ,—прочее ни гу-гу!

Глядятъ... и вотъ, скажи вотъ, серебряная—подкова, другая, третья и четвертая... а за ними и самъ битюгъ вороной, важно подкованный; голова наотмашъ, и хвостъ по водѣ, сударь мой, какъ швабра!

Откупщикъ такъ и схватился за голову.

— Ахъ, раздуй те горой!—онъ и въ самомъ дѣлѣ не хуже горы ужъ раздутъ, должно быть, не сегодня еще.—Ахъ, чтобъ тебѣ лопнуть!—и за этимъ, чай, скоро не станетъ дѣло.

— Одначе, сейчасъ же подальше его, за городъ, да закопать поглубже! — раздался высокоблагородный голосъ съ прихрапомъ.

Обернулись всѣ. Никто и не слыхалъ, какъ подкатилъ на иноходцѣ, на пролеткахъ, Амвросій Забросьевичъ, съ его высокоблагородіемъ, самимъ частнымъ приставомъ.

Митрей Спиридонычъ погладилъ себя по бородѣ и глотнулъ принужденно, какъ будто мыла кусокъ въ четверть фунта, повелъ глазами, бѣльмы выкативши. Мѣсто, гдѣ стоялъ Иванъ Кузьмичъ, осталося, а самого Ивана Кузьмича и слѣдъ простылъ, и не пахнуло на томъ мѣстѣ Иваномъ Кузьмичемъ; только вдали, за заборомъ, слышно было, неотвязно брехала какая-то собаченція, будто-бы кого-то утекающаго догоняючи.

Стукнулъ стрекулятникъ кулакомъ себѣ въ лобъ:—вотъ вѣдь, оказія!—возопилъ, снялъ шляпу и началъ пристально въ нее вглядываться, не сидитъ ли тамъ, на самомъ днѣ шляпы-то, Иванъ Кузьмичъ, что-ли.

Одначе, и тамъ его тоже не было.

Да онъ, съ шестидестью цѣлковичками, такого далъ стречка, что, чай, и полчаса не бѣжалъ до Средней Рогатки,—первый разъ въ жизни поступилъ—непосредственно... Но вѣдь тамъ же ждутъ его, въ канавкѣ, земляки распрепочтенные, солдатики отставные, поругивая Ивана Кузьмича, всетаки по по-пріятельски то есть—средственно.

Хорошо что такъ!.. ну, а послушай на грѣхъ стрекулятника, или отступись купецъ, далеко ли ты, Иванъ Кузьмичъ, на битюгѣ-то ворономъ уѣхалъ бы, хоть онъ и на всѣ четыре подкованъ?

Стало быть говорится правда:—„не родись ни уменъ, ни пригожъ, а родись счастливъ“. Или ужъ такъ, чужими молит-

Digitized by Google

вами, за доброе сердце отъ бѣды человѣкъ избавленъ... А, впрочемъ. почемъ знаешь, „гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь?“.

Хорошо, братцы, что дѣло вышло „какъ дышло“, то есть не совсѣмъ „въ дугу кривую“,—ась?

Одначе, теперь Иванъ Кузьмичъ уже въ Вологодской губерніи; проживаетъ онъ въ деревнѣ Верхней Таракановкѣ, что на рѣкѣ Сухонѣ. Женился, коли не знаете, на Прасковьѣ Ѳедоровнѣ, вдовѣ сотчихѣ,—гожая бабенка. О прошлой маслянной Богъ далъ имъ мальчишку, а супротивъ Покрова и самоваръ купили. И живетъ Иванъ Кузьмичъ, съ супружницей, ничего себѣ, средственно. Я-то самъ тамъ не былъ, а вотъ, землякъ, мой побратимъ, такъ онъ тоже не заходилъ туда... Ну, да это все равно.

До свиданія братцы!

Digitized by Google

Digitized by Google

ИЗЪ СТАРЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

I.

Ученый пѣтухъ.

Въ 45 егерскомъ полку, гдѣ я имѣлъ честь начать службу рядовымъ, — товарищи мои были, нечего сказать, ребята теплые,—въ нашей третьей егерской ротѣ, не помню, было ли человѣкъ 50 нештрафованныхъ; а рота была въ полномъ комплектѣ. Что называется, „кто съ борка, кто съ сосняка", кто разъ, другой—два, а нѣкоторые три раза прошлись „по зеленой улицѣ"; кто ужъ двадцать пять лѣтъ вытянулъ безъ нашивки; иной раза два галуны носилъ; а фланговый—какъ теперь его вижу—Захаровъ, ровно 36 лѣтъ въ службѣ, и всегда—въ первой шеренгѣ, на правомъ флангѣ. Помню, онъ говаривалъ, что: — если какой-нибудь чортъ выше меня поступитъ въ роту, то я себѣ въ лобъ пулю всажу, а вторымъ не пойду!

Кремни-люди были, со всѣхъ сторонъ обитые. Я полагаю, что въ сраженіи эти люди наломали бы народу до чорта! А самихъ ихъ и желѣзо не брало.

Въ то время служба была не нынѣшняя. Бывало, поступитъ рекрутъ—пиши пропало: черезъ колѣно гнутъ пеньтюха другаго; не то что швы, а косточки потрескиваютъ. Игрывали мы, братцы, не въ одни палочки,—а коли нѣтъ близко куста лозоваго, такъ шомполъ, а не то и штыкъ съ тесакомъ въ дѣло идутъ. И стоитъ, другой, желѣза объѣвшися—ни гу-гу! померло—смирно! горитъ, сударь мой, какъ свѣча!..

И какъ пройдетъ человѣкъ этакую школу, выдержитъ ее—ну, такъ хоть головой о камень его: камень лопнетъ, пожалуй, а голова—ничего!

Digitized by Google

И былъ народъ все больше мрачный, суровый, неприступный. Но полюбилъ я этихъ товарищей моихъ, и—съ благодарностію вспоминаю—любили и они меня. Почти ребенокъ, нѣжный и малосильный еще, никогда не извѣдалъ я за ними никакой почти тяготы, и малѣйшее желаніе мое удовлетворялось мигомъ. Даже щенокъ мой, котораго я гдѣ-то добылъ, отлично воспитывался въ ротѣ, всѣ походы отбылъ въ ламзакѣ на ранцѣ у фланговаго Захарова, и потомъ былъ большимъ пріятелемъ всѣхъ до одного людей. Пудель этотъ, Медоръ, тоже не видалъ никакой нужды.

Былъ у насъ въ ротѣ чудакъ-солдатикъ Филиповъ. Человѣкъ добродушный, но, бывало, вѣчно что-нибудь сварганитъ и накуралеситъ; подъ-арестомъ сиживалъ частенько. Не имѣлъ онъ никакихъ достатковъ, только завелъ себѣ кота да пѣтуха, выучилъ ихъ преуморительно плясать подъ музыку. Музыка эта состояла изъ деревяной дудочки двухствольной, на которой онъ наигрывалъ очень искусно. Въ казармахъ, бывало, потѣха.

— Эй, Васька, Филька! — такъ онъ кликалъ своихъ танцоровъ—эй, сюда!

Въ минуту оба являлись на средину казармы.

Филиповъ — дудочку въ зубы, насвистываетъ „камаринскаго“—и начинаются танцы: котъ ходитъ на заднихъ лапкахъ, перевертывается, кувыркается, а пѣтухъ—кто въ первый разъ видѣлъ, такъ просто катался со смѣху—самымъ глупѣйшимъ образомъ выступаетъ въ кружокъ, задравши голову, и таращитъ глаза, какъ дуракъ.

Какъ успѣлъ Филиповъ выучить этихъ танцоровъ—этого и не зналъ никто. Рота къ нимъ привыкла; и походомъ, бывало, всегда чудаки животныя эти сидятъ на самой верхушкѣ артельнаго воза. Филиповъ любилъ ихъ, какъ любятъ только дѣтей: лежитъ, бывало, гдѣ-нибудь за казармами на лужку, а Васька и Филька сидятъ на немъ, и онъ будто разговариваетъ съ ними.

Не даромъ Филиповъ любилъ своихъ питомцевъ: кромѣ забавы, очень часто они доставляли ему, порядочный для солдата, доходъ. Походомъ, особенно на мызахъ, шведы любовались этой комедіей, и часто въ фуражку Филипова накидывали изрядную кучку мелкихъ денегъ. При мнѣ разъ торговали у него этихъ животныхъ: какой-то зажиточный мызникъ хотѣлъ купить ихъ для своихъ дѣтей. Филиповъ и призадумался было надъ хорошимъ посуломъ, но отказался отъ денегъ:—они мнѣ дороже денегъ,—сказалъ онъ, улыбаясь.

Стояли мы въ Або. За какую-то неумѣстную храбрость я

Digitized by Google

былъ разъ арестованъ. Храбрость была ужъ черезъ-чуръ дика. Въ военное время за такую храбрость, можно бы было получить Георгія, но въ мирное—нашли достаточнымъ и очень полезнымъ посадить меня на три дня въ „полковую".

„Полковая" эта была весьма неказистая, тѣсная, грязная, душная, и при томъ содержалось тамъ восемь подсудимыхъ, за разное безголовье: трое изъ нихъ—за убійства.

Когда я вошелъ въ этотъ кабинетъ первый встрѣтилъ меня тамъ Филиповъ.

— А—а! здравія желаемъ, милости просимъ къ намъ!

— Здравія желаемъ!

— Я вамъ, сударь, сейчасъ пріуберу мѣстечко въ сторонкѣ!— сказалъ Филиповъ и полѣзъ на нары въ уголъ очищать мнѣ помѣщеніе; по нарамъ застучало дерево,—это была колодка на его ногѣ.

Какой-то бородатый богатырь дремалъ, и обезпеченный заботливымъ Филиповымъ, очнулся и ругнулъ его, приподнявшися; зазвенѣла цѣпь,—богатырь былъ въ кандалахъ.

— Это что за дворянчикъ?—спросилъ онъ густымъ басомъ, но тотчасъ же узналъ меня и сталъ привѣтливъ.

— А—а, это вы?

— Я, братъ, Юшкевичъ!

Дѣло въ томъ, что были сумерки, и ночника еще не зажгли въ арестантской.

Нечего разсказывать, какъ шло у насъ время; то лежали мы въ молчаніи, то слушали сказки,—между арестантами есть всегда отличнѣйшіе сказочники,—то разсказывали анекдоты, да иногда такіе смѣшные, что отъ хохота разомъ звенѣли двѣ-три пары кандаловъ. Ну, да за то-же и такіе безстыжіе, что хоть я былъ и не безъ привычки, однако слышалъ, какъ отъ анекдотовъ этихъ краска выступала у меня на лицѣ. Больно молодъ былъ.

Вечеромъ засвѣтили ночникъ. Тусклый, какой-то мертвый свѣтъ его чуть трепеталъ въ густомъ удушливомъ воздухѣ. Двое подвинулись къ этому свѣту и на нарахъ, по вырѣзаннымъ, или нацарапаннымъ квадратикамъ, стали играть въ шашки; угольки и кирпичики битые замѣняли шашки.

Я завернулся въ шинель и скоро уснулъ подъ какую-то сказку о прекрасной и привередливой царевнѣ, выбравшей себѣ жениха, по приказу строгаго родителя, на-угадъ, изъ трехъ представленныхъ ей героевъ: офицера, купца и хохла. Побѣда осталась за хохломъ, потому что у него оказался... общій смѣхъ заключилъ эту сказку. Я спалъ.

Digitized by Google

Ужъ было совсѣмъ свѣтло, когда я проснулся. Все общество обступило около наръ и внимательно слѣдило за какой-то игрой двухъ противниковъ. Я всталъ, подошелъ къ кружку

— Что тутъ происходитъ?—спросилъ я.

— Это—*тихіе бѣги*,—отвѣтилъ мнѣ, улыбаючись, одинъ изъ играющихъ.

Насилу разсмотрѣлъ я, что это за бѣги такіе были. По доскѣ наръ проведена была черта углемъ; при каждомъ изъ соперниковъ стояла открытая тавлинка съ табакомъ, и въ ней торчала деревянная лопаточка—это мѣрка понюшекъ, которыми расплачивались игроки. А по направленію къ чертѣ ползли два бѣлыя, извѣстныя насѣкомыя: вся штука въ томъ, чье насѣкомое прежде доползетъ до черты—тотъ и выигралъ.

Никто не спускалъ глазъ съ ползущихъ рысаковъ; игра и въ самомъ дѣлѣ была забавна, но не меньше того и отвратительна, на свѣжій глазъ. Однако, на другой день я добылъ себѣ тавлинку и игралъ въ *тихіе бѣги* не совсѣмъ безъ успѣха. Я ужъ обзавелся своими рысаками.

Вечеромъ со мной сдѣлалась лихорадка; всю ночь я промаялся, сначала стуча зубъ объ зубъ, а потомъ словно въ огнѣ, горѣлъ и обливался потомъ.

Принесли кашу; я не могъ не только ѣсть ее, но съ трудомъ выносилъ кислый и тяжелый запахъ капусты. Къ вечеру мнѣ страшно захотѣлось ѣсть; но опять подоспѣла лихорадка опять ночь прощелкалъ зубами; потомъ меня кинуло въ жаръ, и только къ утру уснулъ я.

Однако, молодость брала свое: только что я проснулся—желудокъ вопіялъ, аппетитъ явился звѣриный; но я побаивался снова услышать запахъ вчерашней каши.

Во все время моей лихорадки Филиповъ былъ возлѣ меня и, кажется, не спалъ; онъ прикрывалъ меня шинелью, когда я дрогнулъ, подавалъ воды, когда я, весь въ жару, мучился жаждой, словомъ, какъ самая заботливая нянька онъ ухаживалъ за мною.

— Мнѣ хочется ѣсть, братъ Филиповъ,—жаловался я ему, проснувшись.

— Экая притча!—отвѣчалъ про себя Филиповъ;—ну, а каши не хотите.

— Не могу, братъ,—душа не принимаетъ!

— Экая оказія!—бормоталъ онъ, заботливо;—ну, погодите маленько.

Онъ подошелъ къ рѣшеткѣ дверей, что-то пошепталъ съ

Digitized by Google

унтеръ-офицеромъ караульнымъ; черезъ четверть часа опять подходилъ къ рѣшеткѣ и опять съ кѣмъ-то перешептывался. И все уговаривалъ меня;—погодите; э-эхъ, вѣдь вы, сударь, совсѣмъ еще мальчишка!

Я слышалъ, что, должно быть, краснѣю въ отвѣтъ на эти слова.

— Ей-Богу мальчишка!—бормоталъ Филиповъ.

За часъ до нашего обѣда, вошелъ къ намъ солдатикъ, что-то переговорилъ съ Филиповымъ, вышелъ и черезъ нѣсколько минутъ вернулся съ миской, покрытой деревянною тарелкой.

— Ну-ко-сь, садитесь да поѣшьте!—приглашалъ меня Филиповъ, поставилъ передо мной миску и снялъ съ нея тарелку;—въ мискѣ лежалъ бѣлый, очень чистый и дымящійся пріятнымъ паромъ—вареный пѣтушокъ.

Я съѣлъ его съ волчьимъ аппетитомъ: кромѣ крупныхъ костей—рѣшительно ничего не осталось...

Послѣ нашего ареста Филиповъ часто игрывалъ на своей дудочкѣ,—но плясалъ по ней ужъ одинъ только котъ-Васька. Да и того скоро какія-то собаки разорвали...

II.

Алексѣй Петровичъ Петровъ,

ПОБРАТИМЪ МОЙ КРОВНЫЙ.

Въ 1835 году я уже былъ унтеръ-офицеромъ и переведенъ въ гренадерскій корпусъ.

Я былъ уже старый солдатъ, считался изъ первыхъ ординарцевъ; а вскорѣ всѣ ординарцы, вѣстовые и мельтъ-ефрейторы въ ротѣ были подъ моей командой; я училъ ихъ.

На старости не стать хвастать, но по совѣсти скажу—за поясъ насъ заткнуть нельзя было; стойка, выправка, шагъ, темпы и пріемы—все это у насъ было первый сортъ; комаръ носа не подточитъ, бывало. Образцовые и учебно-карабинерные унтера считались въ то время такими профессорами, что и во снѣ не подумай сравняться съ ними. А мы—ужъ извините! Когда придетъ, бывало, изъ образцоваго полка команда—ночь не спишь: скорѣй хочется потягаться съ ними со всѣми по одиночкѣ. И, разумѣется, я бы захворалъ, еслибъ у кого-нибудь оказалось больше „игры въ носкѣ“ на маршѣ, нежели у меня, или ловче моего вывертъ въ „осадкѣ“.

Digitized by Google

Бывало, въ разводѣ съ церемоніей, въ полной походной аммуниціи подойдти подъ австрійскій маршъ къ какому угодно грозному начальнику... да теперь, кажется, и ложку каши не пронесешь въ ротъ такъ смѣло и плавно, какъ въ то время шелъ человѣкъ!..

У насъ были кавалеры съ Георгіемъ за взятіе пушки, ну, а подходитъ на ординарцы—какъ полотно бѣлъ! А меня и хлѣбомъ не корми, бывало; любилъ пройдтись подъ музыку.

Всѣмъ извѣстно, что одинъ очень почтенный маіоръ, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, глядя на площади, какъ при разводѣ подходили ординарцы, заплакалъ:—тридцать лѣтъ служу—подобнаго подхода не видалъ! – говоритъ.

Осмѣливаюсь думать, что господинъ маіоръ изрыдался бы окончательно, если бы увидѣлъ... хоть бы насъ съ Павловымъ,—это былъ мой парный вѣстовой.

Знаю только то, что одна прекрасная барыня, хорошо знавшая службу, однажды, послѣ развода, поцѣловала Павлова; а Павловъ, съ дозволенія сказать, былъ только мой ученикъ.

Но виноватъ, зарапортовался маленько; „вспомнила бабушка дѣвичъ-вечеръ, да и заплакала!“ Я хотѣлъ только сказать, что мы не боялись никакой на свѣтѣ службы.

И былъ при мнѣ приспѣшникъ, солдатикъ Петровъ; приспѣшниковъ этихъ называли въ гвардіи—камчадалами, въ учебныхъ полкахъ — личардами, въ гренадерахъ и арміи—помощниками. Извѣстно, для чистки аммуниціи, и проч.

Алексѣй Петровичъ былъ пребыватель ящика, т. е. средней шеренги, плохъ по фронту, плохъ памятью, плохъ всѣмъ корпусомъ. Но золотое сердце имѣлъ этотъ человѣкъ, и, конечно, во всю жизнь свою и курицы не обидѣлъ; а его иногда обижали.

Пудель мой, Медоръ, любимецъ всей роты, очень привязанъ былъ къ Петровичу, но и тотъ въ грошь его не ставилъ: хоть для шутки пригрозись на него Петровичъ, такъ онъ, бывало, заворчитъ на него, да еще тявкнетъ.

Добрякъ Петровичъ любилъ меня, какъ родного. Былъ онъ медвѣдеватъ, неповоротливъ, тихъ, но когда видѣлъ иногда, что я скучаю, то выкинетъ, бывало, какую-нибудь штуку, колѣнцо шутовское, чтобы разсмѣшить меня. Петровичъ былъ чистъ, какъ ребенокъ; душа у него была нѣжная, и имѣлъ онъ одну только слабость—выдушить до конца весь самоваръ кипятку, подъ видомъ чая, съ кусочкомъ сахару въ орѣхъ величиной. И когда, наконецъ, вспотѣетъ какъ швабра, то крякнетъ отъ удоволь-

Digitized by Google

ствія:—вотъ такъ ублаготворился!—промолвитъ—и очень счастливъ.

Разумѣется, я берегъ его какъ брата.

Ротный командиръ, покой его косточкамъ, былъ у насъ—гроза, и до меня не большой охотникъ.

Рота боялась его, какъ огня, вся трепетала передъ нимъ.

Были тамъ, на ротномъ дворѣ кой-какія *шуры-муры*, за которыя въ частую доставалось людямъ; я солилъ этимъ шурамъ-мурамъ; словомъ—надо было держать ухо востро. Стоялъ я съ Петровымъ въ деревенькѣ Марининѣ, версты три отъ ротнаго двора.

Однажды, возвратившись домой изъ какого-то пошехонства, съ послѣдними пѣтухами я легъ спать; до ученья оставалось часа два. Пожаловавшись Петрову на сильную усталость, я уснулъ какъ убитый.

Сонъ былъ прекрасный; теперь, небось, такъ не спится!...

Яркіе лучи солнца били прямо въ окно, пробудили меня; гляжу — виситъ на стулѣ мой мундиръ, стоитъ у двери приготовленное ружье. Медоръ сидитъ на хвостѣ и глядитъ на меня нетерпѣливо; солнце уже высоко.

Я долженъ былъ, по обыкновенію, учить ординарцевъ.

Схватился я, мигомъ одѣлся и побѣжалъ въ манежъ. Тамъ давно уже кипѣла одиночка; капитанъ перебиралъ ефрейторовъ. Онъ не обратилъ на меня никакого вниманія, даже не взглянулъ. Я занялся своимъ дѣломъ. Въ углу ефрейторъ училъ Петрова; мнѣ показалось, что Петровъ что-то взопрѣлъ.

Черезъ часъ ученье кончилось, капитанъ приказалъ расходиться и самъ пошелъ домой.

— Ну, прошла гроза!—сказалъ я подошедшему ко мнѣ отдѣленному.

— Прошла-то, прошла,—отвѣчалъ тихо отдѣленный,—а вы посмотрите, какъ придете домой, спину у Петрова.

— Что такое?—меня бросило въ жаръ.

Отдѣленный, мигнувъ мнѣ, просилъ молчать и пошелъ своей дорогой. Я искалъ глазами Петрова; его ужъ не было.

Я пустился домой; нагналъ меня солдатикъ и разсказалъ отчасти дѣло. Вотъ какъ оно было.

Капитанъ вошелъ въ манежъ, оглянулъ всѣхъ.

— А гдѣ такой-то?—спросилъ онъ обо мнѣ спокойнымъ голосомъ.

Всѣ молчали.

— Петровъ! ты отдавалъ ему приказаніе?

Digitized by Google

Петровъ молчалъ.

— Ну—у!—спросилъ капитанъ.

— Запамятовалъ-съ, ваше благородіе,—промолвилъ Петровъ.

— Наказать!...

Я дальше не слушалъ солдатика; вбѣжалъ домой въ ту минуту, когда Петровъ снималъ мундиръ; ситцевая рубашка его была, какъ будто отъ ветхости, посѣкшись. Онъ проворно схватилъ шинель свою и сталъ надѣвать ее.

— Стой!—я кинулся къ нему, схватилъ за шинель и крикнулъ:—покажи спину!

Петровъ не хотѣлъ; онъ вырывалъ у меня свою шинель и даже разсердился. Я повернулъ его круто, рванулъ его рубашку,—спина обнажилась...

Я задрожалъ, въ глазахъ у меня раздвигались какіе-то круги и исчезали, желтѣя... Петровъ съ сердцемъ рванулся и ушелъ, хлопнувъ дверью.

Не помню, долго ли сидѣлъ я на своей постели. У ногъ моихъ лежалъ, не шевелясь, Медоръ, я не слышалъ въ себѣ никакого тревожнаго чувства. Безъ боли, но горячо, какъ будто разрѣзанное и облитое своей же кровью, сердце постукивало во мнѣ слышимо... Мнѣ казалось, что стоитъ передо мной прекрасная, добрая и страстно любившая меня, моя плачущая мать...

Цѣлый день я не могъ ни пить, ни ѣсть, и былъ какъ помѣшанный. Петровъ нѣсколько разъ входилъ и уходилъ, ворча что-то про себя. Страшная тоска давила меня.

Передъ вечеромъ я сѣлъ у отвореннаго окна и тупо глядѣлъ на густую зелень ивы, невдалекѣ растущей. Вдругъ—послышался визгъ настраиваемой струны, затѣмъ звякнула балалайка, кто-то разсмѣялся вполголоса—и подъ рѣзкое брянчанье балалайки, заговорила веселая пѣсня:

„Ужъ какъ Ѳенюшка шла
„Изъ царева кабака!
„Ай дербень, дербень Калуга,
„Дербень Ладога моя!...

Брехнулъ Медоръ; я глянулъ въ окно,—у воротъ, подъ музыку и говоръ ефрейтора Объѣдкова, Петровъ выплясывалъ въ присядку...

Я сунулся къ постели своей и уткнулся лицомъ въ пудушку...

— Да перестаньте, изъ-за пустяковъ-то!—уговаривалъ, стоя у постели, Петровъ, и то смѣялся, то вздыхалъ, не умѣя скрыть своей тревоги...

Digitized by Google

— Эхъ, сударь, ужъ извините, а вижу я, вы маленько—баба,—отзывался у дверей Объѣдковъ...

— Экая гажность, право!—ворчалъ Петровъ;—ну, извѣстно, человѣкъ спитъ съ устатку, да такъ сладко, что, извѣстно, не хочется будить ...

— Плевое дѣло: никакъ и до сотни палокъ не дошли, право... бормоталъ Объѣдковъ.

Петровъ не любилъ водки и никогда не напивался. Но когда полкъ нашъ стоялъ для занятія карауловъ въ Петербургѣ, то я его подглядѣлъ разъ вотъ въ какомъ видѣ.

Возвратившись однажды домой, я прошелъ прямо къ спальнѣ матери моей. Дверь была приперта; въ спальнѣ слышался знакомый голосъ. Я слегка пріотворилъ дверь, заглянулъ туда. На накрытомъ столикѣ стояли бутылки вина, налитые стаканы, дымящіяся паромъ закуски и кофейникъ. Передъ столикомъ, развалившись въ креслѣ, и съ янтарнымъ мундштукомъ въ зубахъ, сидѣлъ страшно раскраснѣвшійся и вспотѣлый Алексѣй Петровичъ и разсказывалъ что-то очень живо, размахивая руками.

Съ любовію устремивъ на него заплаканные глаза свои, сидѣла передъ нимъ неподвижно, вслушиваясь въ каждое слово его, моя почтенная мать...

Они меня не замѣтили; я притворилъ дверь.....

III.

Два грамотея.

Два брата родные, одного отца дѣти, да разныхъ разумовъ люди, шли путемъ дорогой, торной тропой, густымъ перелѣскомъ. Шли они и вели разговоръ про свое убожество; вдругъ видятъ—передъ ними, впоперегъ дороги, лежитъ дубъ-дерево, буреломъ валежный, что-ли; гниль дупло разъѣла — вѣтромъ-то дерево и повалило. Глядь они въ дупло, а тамъ котелъ мѣдный; глядь въ котелъ, а тамъ полнымъ полно серебра да золота. Нашли бѣдняки кладъ—стало быть Богъ далъ: взяли и подѣлили находку промежъ собой поровну.

„Завелась у Кузьки крома—сталъ, значитъ, Кузька Кузьма“; дѣйствительно такъ: пошло у братьевъ, — вчера бѣдняковъ убогихъ, а сегодня богатырей заможныхъ,—пошло житье не прежнее: и сыто, и весело, и всякаго добра по самый край.

Только вотъ что дальше вышло. Младшій братъ былъ чело-

Digitized by Google

вѣкъ скромный, богобоязненный, трудолюбивый; на деньги найденныя завелъ онъ себѣ хозяйство не маленькое, нанялъ батраковъ хорошихъ и за всякой работой сталъ самъ приглядывать. И всякая денежка ему въ прокъ пошла: кругомъ его все въ довольствѣ, сосѣдямъ въ помогѣ отказу нѣтъ, и отъ подоконья убогій нищій отходитъ, Бога моля о здравіи его, ибо былъ онъ человѣкъ милостивый. И каждый говорилъ:—далъ Господь добро доброму, отъ него и всѣмъ хорошо; дай Богъ ему больше!

А старшій братъ былъ другого нрава и обычая. Какъ попалъ ему въ руки такой кладъ, сейчасъ же нарядился онъ въ щегольской кафтанъ, купилъ тройку лихихъ коней и пошелъ по гостямъ гулять;—пей-ка, копѣйка, пятакъ, постой-ка—будетъ и на твою долю попойка! Катай по всѣмъ по тремъ; а чуть гдѣ крылечко подъ елочкой, да калачикъ въ окошкѣ—стой! выпьемъ, да опять поѣдемъ—другую станцію искать. Застанетъ гдѣ человѣка прохожаго—на,—говоритъ,—пей, гуляй со мной! И соблазнилъ онъ такъ не одного и не двухъ, а сколько попалось ему дурачку—всѣхъ дурачками сдѣлалъ; на даровое люди падки.

И, такимъ манеромъ, у младшаго брата добромъ полна хата. все у него ростетъ, да прибавляется; посѣетъ одну четверть пшеницы, девять соберетъ, десятину нищимъ раздастъ—остальныя девять не переводятся; и держится его домъ его же трудомъ и молитвами за него бѣдныхъ людей. Разбогатѣлъ такъ. что и правнукамъ добра полно будетъ; а онъ живетъ да Бога хвалитъ.

Тѣмъ часомъ у старшаго брата все идетъ прахомъ и порядку ни въ чемъ нѣтъ; пропьетъ десять цѣлковыхъ—и ничего съ того, кромѣ шишки на лбу, не выростетъ. Рады ему гуляки да пьяницы, а жены да дѣти ихъ горько плачутся. И, наконецъ, догулялъ онъ и докутился до такого конца, что хоть сначала начинай, да жаль, что вернуться нельзя: во хмѣлю пришибъ кого-то до смерти — и отвели его въ каменны палаты, за желѣзную рѣшетку, по-просту—въ острогъ.

Вотъ вамъ и вся—добро-бы сказка, инъ нѣтъ—вѣрная повѣсть; то есть все это такъ было на міру, разсказано на пиру, перомъ записано, пескомъ засыпано,—вышла притча.

Братья родные, одного отца дѣти, да разныхъ разумовъ люди—это всѣ мы сами, господа. Тропинка торная, что густымъ перелѣскомъ вьется—это нашъ путь жизненный. Вопереръ пути дубъ-дерево дупловатое это—быль молодцу неукоръ—наше, братцы невѣжество, еще не совсѣмъ отесанное. Котелъ въ дуплѣ—книга поучительная, пожалуй, хоть букваръ. А серебро да золото—

Digitized by Google

грамотность: что хочешь, то и купишь на нее, что прочтешь, то и узнаешь.

Вотъ, кстати, разскажу не выдумку, а истинную повѣсть; примѣръ, стоющій вниманія.

Въ одномъ полку со мной служили два солдатика. Молодцы были, ничего-себѣ, старательные; прозывались они одинъ—Иванъ Зыбинъ, а другой—Никифоръ Дергачъ. Зыбинъ то былъ легонекъ маленько, шибкой такой; а Дергачъ—малороссъ обстоятельный, хоть тоже совсѣмъ молодой человѣкъ. Оба служили въ одной ротѣ. Капитанъ у нихъ былъ человѣкъ людской, добрый; видитъ что, стоючи на квартирахъ, досужаго времени у людей много, такъ чтобы молодежь не скучала да не баловалась, приказалъ:—пусть каждый выберетъ себѣ какое хочетъ занятіе, или мастерство:—сапожное ли, портное, пожалуй,—говоритъ,—хоть рыбу уди, да только не блыкайся какъ лунатикъ,—это и самому надоѣстъ, и глядѣть состороны скверно.—Зыбинъ съ Дергачемъ, и еще нѣсколько молодцовъ, пожелали учиться грамотѣ; капитанъ говоритъ:—учись! дѣло, молъ, хорошее.—Зыбинъ понялъ грамоту что то скоро; а, помнится, и двухъ лѣтъ не прошло, какъ онъ сталъ писать бойко и гладко. Бывало ротный писарь палецъ ушибетъ, или глазъ,—ушибался онъ таки частенько, — бывало ушибется какъ-нибудь, да и лечится подъ арестомъ — такъ фельдфебель сейчасъ за Зыбинымъ;—исправляй, — говоритъ, — должность впредь до выздоровленія самого писаря.—Ну, онъ и исправляетъ; важно писалъ. И такъ, исподволь пописываючи, задумалъ онъ себѣ:—хочу, молъ, въ писаря.—Ну, хорошо-съ, въ писаря такъ въ писаря, дѣло не худое. Фельдфебель доложилъ капитану, капитанъ потребовалъ его къ себѣ;—ну, что,—говоритъ,—ты въ писаря хочешь?

— Точно такъ, ваше благородіе.

— А не лучше ли тебѣ,—говоритъ капитанъ, во фронтѣ остаться, да еще поучиться? То есть почитать книжонокъ кой-какихъ хорошихъ да поприглядѣться, какъ люди живутъ на свѣтѣ; вѣдь ты,—говоритъ,—парень проворъ, да пустоватъ; въ штабу-то ты скорѣй избалуешься, а въ ротѣ присмотръ за человѣкомъ сподручнѣе.

Но Зыбинъ зарядилъ одно:—въ писаря желаю—вотъ тебѣ и все.

— Ну, коли желаешь,—говоритъ капитанъ,—будь по твоему; скажу полковому адъютанту. Писарь тоже человѣкъ нужный. Да, смотри, поддержись.

Радъ Зыбинъ; купилъ поскорѣй гитару да четверку табаку

Digitized by Google

Жукова, и чубъ отращиваетъ. Поступилъ въ канцелярію; черезъ мѣсяцъ и узнать нельзя: въ лицѣ что-то штабное, хохолъ подъ масломъ, а въ сапогахъ цѣлая музыка,—скрыпятъ, братецъ мой. Ну, и подтянулся. Служитъ себѣ въ канцеляріи; ноги подъ столъ, руки на столъ, голову на бокъ, носъ въ бумагу—и пошелъ строчить:—„немедленно, съ полученіемъ сего"—и такъ далѣе... Служить очень, стало быть, хорошо.

Въ то же время и Дергачъ выучился читать и писать, и тоже довольно чисто, не такъ какъ Зыбинъ, а одначе — ничево. Заѣдали у него въ письмѣ прописныя буквы, все выходили, хоть и съ крючками, да чортъ ихъ знаетъ, не туда хвостомъ; напишетъ буквину, а она, шельма, точно барыня противъ вѣтру идетъ, да еще иногда подъ зонтикомъ. У Зыбина буква-то выходила пріятная такая, вольная, съ средственнымъ размахомъ; а у него все съ закорючкой. Напримѣръ, буква *В* у Зыбина точно мамзель, аккуратно и красиво; а у Дергача *В* непремѣнно съ пузомъ, какъ баба, и хвостъ притомъ подъ себя; выходило въ самомъ дѣлѣ неаккуратно. И еще была привычка у Дергача — никогда нигдѣ не поставить точки. Ну, да это не важность; я затѣмъ только вспомнилъ все это, что, бывало, надъ Дергачемъ трунили, а хохолъ былъ упорный, не поддавался.

— Что-жъ ты, братъ,—бывало скажутъ ему,—нигдѣ точки не поставилъ?—вѣдь этакъ и смыслу не будетъ.

А онъ на это,—симъ рикъ маку не родыло, да голоду не было!—великая-де важность—точка.

А всетаки Дергачъ выучился грамотѣ твердо; и чуть бывало свободное время—онъ за книжку. Читалъ много священныхъ книгъ, занялся ариѳметикой, добылъ гдѣ-то *землеописаніе*; и въ караулѣ, я самъ слыхивалъ, разсказываетъ, бывало, молодцамъ, что, молъ, есть вотъ море Бѣлое, Черное, Средиземное, Тихое, и еще разныя моря съ океанами. Про земли тоже, горы, города и народы говорилъ, и все на память зналъ.

— Есть,—говоритъ,—турка, австріякъ, итальянецъ, испанецъ, французъ...

— А бѣлый арабъ, дядюшка?—бывало отзовется лоботрясъ какой-нибудь.

— Такого нѣтъ,—говоритъ Дергачъ.

— Какъ-же, молъ, у насъ дома еще дѣдушка,—онъ-ли чего не знаетъ?—разсказывалъ?

— Такого не имѣется; а дѣдушка вретъ,—продолжалъ бывало Дергачъ;—а есть арабъ—такъ, опять, у него рожа, какъ

Digitized by Google

заслонка, и только въ глазахъ бѣльмы бѣлыя, а весь „якъ штаны чумаковы“, словно въ дегтю, ажъ лоснится.

Ну, и нельзя съ нимъ спорить—самъ обо всемъ читалъ.

По фронту онъ тоже былъ—куда хочешь: въ караулѣ за ефрейтора прикладъ откинетъ—какъ тутъ!—на вершокъ не ошибется!

Я и въ отставку вышелъ, они остались на службѣ: Зыбинъ состоялъ въ полковой канцеляріи, писалъ себѣ, да, говорили, и побалывался маленько, извѣстно молодой человѣкъ, а Дергачъ служилъ во фронтѣ, былъ ефрейторъ изъ первыхъ, и человѣкъ очень обстоятельный.

И вотъ, какъ бы сказать, не соврать, годовъ черезъ пятнадцать съ небольшимъ, ѣду я, по дѣламъ тогдашней службы моей, черезъ крѣпость Динабургъ и обгоняю арестантика; идетъ себѣ подъ конвоемъ, съ бубновымъ тузомъ въ спинѣ, посвистываетъ да кандалами позваниваетъ; на работу шелъ, что-ли. Поровнявшись съ нимъ, глянулъ: что за оказія?—лицо знакомое! Онъ тоже взглядывается, — стой! Я къ нему: — Зыбинъ? — Точно такъ-съ!—Ахъ, ты, такой-сякой, братецъ ты мой! этакъ-то встрѣтиться привелось! ай, ай, сердечный ты мой! Какъ же тебѣ не грѣхъ?—Ну, и разспрашиваю.

— Да вотъ, цѣпочкой обзавелся, а часы совсѣмъ прогулялъ!—отвѣтилъ Зыбинъ; гляжу—безстыжій такой, веселый, какъ есть отчаянный.

— Постой, потолкуемъ, братецъ,—говорю ему.

— Дѣло-то было на форштатѣ, время раннее, проходящихъ мало; никто не помѣшаетъ.

Вотъ, мы сѣли всторонкѣ на камешки.

Что я ни начну бѣдовать надъ судьбой его, а онъ все отшучивается. Ну, а всетаки, самъ шутитъ и сквернословитъ, а глаза не то говорятъ—бѣгаютъ, да по сторонамъ моргаютъ,—души-то ему показать не хочется. Вѣдь въ глазахъ—весь человѣкъ: какъ ни таись, какъ ни прикрывайся смѣшками, а на глаза можно вызвать всѣ твои помыслы.

И началъ я ему говорить по дружески, по бывалому:—намъ-де съ тобой минута времени вмѣстѣ; брось штуки, больно глядѣть на тебя, братецъ; вѣдь не совсѣмъ-же ты пропалъ; есть же надежда какая-нибудь впереди?

Онъ и рукой махнулъ:—пропалъ, землякъ!—говоритъ, да еще и улыбается.

— Неправда, братецъ! вѣдь же есть хоть одна душа, что и о тебѣ вздохнетъ.

Digitized by Google

— Некому вздыхать!—промолвилъ онъ, а самъ какъ камень не порушится.

— Неправда,—сказалъ я ему,—незаконно говоришь; можетъ быть не одинъ прохожій, глядя на тебя, свой перстъ здоровый подложилъ бы подъ желѣзо твое,—пусть его третъ, только-бы тебя-то облегчить...

Зыбинъ глянулъ всторону, какъ будто примѣтилъ тамъ что-то.

— Не грѣши, братъ,—говорю;—Богъ не сотворилъ отчаянія.

— Какъ?—пробормоталъ онъ тихо, словно про себя.

— И разбойника, и того Христосъ помиловалъ.

Зыбинъ поглядѣлъ на меня пристально; я ему все тоже продолжаю:—нѣтъ пропасти человѣку вѣрующему; есть божеское прощеніе всякому...

Пошевелился онъ—и заиграло желѣзо. Порушилась душа скаменѣлая. И разсказалъ онъ мнѣ всю свою бѣду отъ самаго начала, какъ онъ зажилъ было хорошо въ штабу, и начальство было довольно имъ, да не выдержалъ и сталъ помаленьку пошаливать.

— Занялся, — говоритъ,—пустяками, загулялъ; а водочка, гулянье, да карточки деньжонокъ требуютъ; а тутъ подвернулись ловкіе люди:—да ты,—говорятъ,—чего зѣваешь? дѣло-то у тебя въ рукахъ золотое: ты не то что подскоблить да подчистить, а возьми, попробуй какъ есть сочинить, документъ, то есть, сварганить! — Ну, и попробовалъ; сварганилъ, ни больше ни меньше, какъ сибирному бѣглецу паспортъ — да самъ и угодилъ въ желѣза. И, бывало, въ казематѣ-то учнетъ меня, — говоритъ, — сосать по ночамъ тоска; лежишь-лежишь, глядишь въ темень, и видится, что тамъ кто-то будто плачетъ надъ тобой... Вскочешь—никого нѣтъ, опять забудешься, глаза закрывши; а она, старушка, качаетъ надъ тобой головушкой бѣдной, руки заломивши:—сынокъ ты мой!—шепчетъ рыдаючи. А сердце-то словно въ клещахъ горячихъ защемлено, и силы нѣтъ пальцемъ шевельнуть, да такъ и уснешь, какъ придушенный; завтра—опять тоже. И не разъ порѣшалъ я, прости Господи, наложить на себя руку, да всякой разъ все хочется родную-то увидѣть, попрощался бы съ ней. А Богъ-же вѣдаетъ, можетъ быть ея молитвами отъ послѣдняго грѣха удержался... И часто раздумье брало: что это я надѣлалъ? Говорили же добрые люди и капитанъ уговаривалъ:—послужи, поучись, стань, молъ, сперва твердымъ человѣкомъ!—Не повѣрилъ тогда,—теперь и вѣрю, да не поворотишь прошлаго!.. И такъ, сударь мой, мало-по-малу попривыкъ я къ своей долѣ; желѣзо облежалось

Digitized by Google

на тѣлѣ, кости поонѣмѣли, въ головѣ и на сердцѣ поулеглась тоска, словно затянуло тамъ паутиной да плѣсью, что-ли; какъ камнемъ душу-то привалило—молчи человѣкъ! Молчи, говорить, не плачь, все тебѣ есть: работа и пища, сонъ, пѣсни, а ужъ о слезахъ не заботься; ложку-ли тронешь, къ дѣлу прикоснешься повернешься-ли во снѣ—оно не забудетъ всхлипнуть да звякнуть, желѣзо-то сердечное! Такъ оно, сударь мой, и есть, позваниваетъ!

Что толковать братцы, самъ-то я какъ въ желѣзахъ поѣхалъ отъ него,—сердце защемило; былъ человѣкъ добрый, способный и вотъ, поди, до чего дошелъ! Умудрился скоро: — въ писаря хочу! — Захотѣлось, стало быть, своей бѣды и пропасти... Вѣдь писарь—знаніе важное; въ рукахъ у него дѣло и способы большіе; твердому надо быть человѣку и богобоязненному, чтобы не соблазниться, да способы свои не повернуть на зло и кому-нибудь на погибель, хотя бы себѣ самому. Да полно о немъ...

А послѣ того случилось,—опять ѣздилъ я по службѣ-же,—въ одной малороссійской деревнѣ заѣхалъ на станцію, потребовалъ лошадей; жидокъ, лупоглазый такой, держитъ станцію, говоритъ: — заразъ будутъ кони, только вотъ овесъ съѣдятъ. — Сижу я тѣмъ часомъ на крыльцѣ; по улицѣ мальчишки все въ одинъ конецъ идутъ; у иныхъ книжонки въ рукахъ. Спрашиваю жидка:—что, молъ, видно тутъ школа есть?

— Іосць!—отвѣчалъ жидокъ.

— Кто-жъ учитъ?

— Дзярехтыръ *).

— Какой дзярехтыръ?

— Циновникъ; храсты и миндали маетъ.

— Какіе-такіе миндали?

— Все разныя,—говоритъ;—онъ сперва на войнѣ служилъ, а теперь книжку читаетъ.

— Толкуй по пятницамъ!—думаю себѣ.

Подали лошадей; я поѣхалъ.

Село большое; въ концѣ села, гляжу—хатка чистенькая, вся въ зелени; въ садикѣ, надъ окномъ, досчечка; написано—*школа*. Смотрю, изъ огорода закинулъ ногу черезъ плетень какой-то, почтеннаго вида, человѣкъ, глянулъ на меня; я на него; онъ такъ и остановился съ ногой перекинутой.

— Стой, ямщикъ! Ничипоръ, братику!—кричу человѣку; онъ ко мнѣ,—это Дергачъ почтенный.

*) Въ Малороссіи учитель въ народѣ называется директоръ, жидъ и говоритъ—дзярехтыръ.

Digitized by Google

Ну, обрадовались мы какъ родные; шутка сказать — лѣтъ двадцать пять не видались! Онъ отправилъ ямщика моего назадъ, на почту; — не пущу васъ,—говоритъ,—безъ хлѣба соли; вотъ моя хата! Гей, Одарка! а, Одарья! чи чуете?

— Або що?—зазвенѣлъ изъ за кустовъ голосишко.

— А бѣжите-бо, да нацѣдите сливняку: о се-жъ добродія Богъ послалъ!

Гурьба мальчишекъ, съ книжками, собралась кругомъ насъ, глазенки вытаращили, а Дергачъ имъ:—по хатамъ, гайдамаки! гуляй сего дня до вичира!—И грянуло—ура!—рады мальчуганы, и побѣжали съ крикомъ на все село.

Зашелъ я къ Дергачу въ хатку. Чисто, пріютно, ладно; въ уголку кіотъ съ образами, весь убранъ барвинками и разными цвѣтами; на полкѣ книжекъ съ десятокъ. Столъ дубовый лоснится, тапчанъ застланъ коврикомъ, и чистый полъ высыпанъ свѣжимъ аиромъ, — духъ такой пріятный по горенкѣ. А у постели колыска къ потолку привѣшена и завѣшена. Я заглянулъ туда— а тамъ крохотный Дергаченокъ спитъ, улыбаючись.

— Ну, и какъ-же живешь, землякъ дорогой?—спрашиваю.

— А якъ бачете, родный мой!

Скрыпнула дверь; свѣжая, какъ яблочко, бабусенька, съ графинчикомъ,—должно быть сливняка,—въ рукѣ, съ огурцами въ подолѣ, вошла въ горницу; а уцѣпившись за юбку ея, вбѣжала за ней и дѣвчоночка крохотная,—тоже чистый Дергачъ, только хорошенькая.

— Слава Богу!—этимъ словомъ, поздоровалась хозяйка, по мѣстному обычаю тамошнему.

— Слава во вѣки!—отвѣтилъ я.

— А ну, жинка, ставь сливняку, давай макухи, да меду; бачишь якого гостя Богъ далъ? — вмисти лямку терли, службу служили. А обнимите же Маньцу, дочушку мою крохотекную!

Я взялъ на руки дѣвочку.

А на улицѣ еще раздавалось — ура!! и крики радостныхъ мальчишекъ.

— Вотъ народъ!—улыбаючись, говорилъ Дергачъ;—за книжкой—чуть не плачетъ, а гулять—вишь, какъ заливается! Учи пострѣловъ такихъ! Теперь ему даешь да суешь—такъ не беретъ; а подъ старость просить будетъ — такъ не дадутъ: вѣдь наука все тотъ же хлѣбъ!

И Дергачъ глядѣлъ въ окно, улыбаючись и покручивая свой посивѣлый усъ.

— А наливайте же, Ничипоръ,—молвила жена.

Digitized by Google

И остался я у Дергача въ его тепломъ гнѣздѣ, не то что закусить, а до позднихъ пѣтуховъ досидѣли со старымъ товарищемъ;—аль мало о чемъ нашлось побесѣдовать?

Видимо, благословилъ его Господь.

Вотъ вамъ, господа, два грамотея: люди невыдуманные, а коли Богъ грѣхи терпитъ, такъ и теперь еще оба живутъ; да житье то у нихъ неровное, одно на другое непохожее. А поди-же! изъ одного котла кашу хлебали, по одному букварю оба учились, да неравному разуму выучились.

Да, братцы, всѣ мы одного Отца дѣти, а все разныхъ разумовъ люди!

Digitized by Google

Digitized by Google

ДВА КОЛЬЦА.

(Разсказъ на бивуакахъ).

Жили, служили и не тужили въ полку два солдата, земляки-гренадеры, два названные брата. Были они по роду односельцы и однолѣтки, по службѣ однополчане, а по сердцу разные люди: одинъ имѣлъ сердце, что воскъ мягкое, а другой—что камень твердое. Одинъ жилъ и служилъ, что свѣча передъ Богомъ: тихо, ясно, трепетно; другой жилъ и служилъ, что кочерга кривая—вездѣ наровилъ какъ-бы что-нибудь себѣ заграбаздить, хоть изъ полымя, хоть изъ пожара. Оба они звались Иванами; а товарищи прозвали ихъ для отлички—добраго Тихимъ Иваномъ, а жестокаго—Гордымъ Иваномъ. И вотъ, послѣ войны оба Ивана вышли въ чистую отставку. И пришли они въ родное село жизнь доживать. Были они люди лѣтами не старые, силами крѣпкіе и лицомъ молодцы не хуже другихъ; а подфабривши усъ, пригладивъ височки, да подправивши мундирную амуницію—хоть подъ вѣнецъ женихи.

Изстари толкуютъ люди:—солдатъ отрѣзаный ломоть—къ короваю не пристанетъ; солдатъ,—говорятъ, и дома гость.—Одначе наши молодцы пришли домой не въ гости и высмотрѣли на селѣ себѣ по красоткѣ: Тихій Иванъ, по сказанному, какъ по писанному, нашелъ себѣ вдовью дочку, тихую, красивую, бѣдную. Гордый Иванъ нашелъ себѣ по нраву—дочку цѣловальника, гордую, осанистую и богатую. По извѣстному хожденію и обхожденію, по обычаю и приличію, оба Ивана послали къ своимъ зазнобамъ сватовъ, сотворили рукобитье и по рукамъ да въ баню; стало быть, честнымъ пиркомъ да за свадебку. Положили они разомъ сыграть обѣ свадьбы. А передъ тѣмъ стали они дарить своимъ суженымъ-нарѣченнымъ невѣстамъ подарки.

Digitized by Google

Приходитъ Гордый Иванъ къ своей богатой невѣстѣ и говоритъ ей такую рѣчь:—распрекрасная ты моя невѣста, я беру тебя изъ семьи богатой, да и самъ я человѣкъ не бѣдный, и дарю тебѣ не кой-какой подарокъ, а подарокъ очень драгоцѣнный; вотъ тебѣ колечко-перстенечекъ, изъ червоннаго литаго золота, и съ каменьями самоцвѣтными, очень дорогими.

Ухмылилась гордая невѣста, приняла отъ жениха подарокъ и промолвила ему, а все съ усмѣшкой:—въ сундукахъ у меня есть много всякихъ дорогихъ нарядовъ, а все же твой подарокъ мнѣ по сердцу.—И надѣла она перстенекъ на лѣвую руку, на средній пальчикъ—и словно горячая искра пробѣжала отъ пальца по рукѣ до самаго сердца и припекла ей подъ сердцемъ. Но это въ минуту прошло, усмѣхнулась она, поцѣловала жениха за подарокъ и глядитъ на перстень, любуясь. А перстень золотой сіяетъ на пальцѣ, самоцвѣтный камешекъ горитъ, какъ свѣжая кровинка; а кругомъ его свѣтлѣютъ алмазы, словно горячія слезы...

Приходитъ Тихій Иванъ къ своей бѣдной невѣстѣ и говоритъ ей тихую рѣчь:—ненаглядная ты моя невѣста! я люблю тебя пуще Божьяго свѣту, одарилъ бы я тебя и златомъ и жемчугомъ, и атласомъ и соболями, да ничего у меня нѣтъ, кромѣ горячаго сердца. И вотъ еще есть у меня для тебя подарокъ—перстенекъ-колечко, простое недорогое, серебряное. Облито оно горячими слезами, отдано оно мнѣ съ благословеніемъ и положенъ на немъ завѣтъ хорошій. Носи его, не снимая, и будь такъ счастлива и благополучна, какъ я съ нимъ былъ счастливъ и благополученъ.

Закраснѣлась тихая невѣста, приняла отъ жениха подарокъ завѣтный и промолвила, словно пѣсню запѣла:—мнѣ не дорогъ, дескать, твой подарокъ, а дорога твоя любовь! — Надѣла она перстень на правую руку, на средній пальчикъ, и показалось ей — словно горячая струйка пробѣжала отъ пальца по рукѣ до самаго сердца, и тихо-радостно, разымчиво-тепло стало у ней на сердцѣ. Крѣпко обнявши добраго друга, поцѣловала она его въ уста своими горячими устами и глядитъ на перстенекъ. А перстенекъ на пальцѣ бѣлѣетъ, какъ чистая снѣжинка, и блеститъ по краешкамъ, словно слезка по немъ прокатилась.

И вотъ насталъ день вѣнчанія. Набралось народу полна церковь. Впереди стоятъ двѣ пары новобрачныхъ.

На гордой невѣстѣ—алый штофъ, кисея и въ ушахъ колышутся тяжелыя жемчужныя серьги. А золотой перстенекъ на лѣвой рукѣ сверкаетъ самоцвѣтнымъ камнемъ, какъ свѣжей

Digitized by Google

кровинкой, оточенной горячими слезами. На тихой невѣстѣ— ситецъ, каленкоръ и серебряныя со стеклышками серьги. А перстенекъ на правой рукѣ бѣлѣетъ, какъ чистая снѣжинка и блеститъ по краешкамъ, будто слезка по немъ прокатилась.

Поставили налой, зажгли свѣчи; вышелъ священникъ престарѣлый и почтенный. Положили молодые на серебряную тарелку свои обручальныя кольца, невѣсты положили свои подарки. Священникъ благословляючи кольца, взглянулъ на нихъ и ничего не сказалъ, только на лицѣ его старомъ промелькнуло не то удивленье, не то сомнѣнье. Но онъ кончилъ священный обрядъ, сказалъ молодымъ доброе слово о жизни въ любви, мирѣ и совѣтѣ, велѣлъ имъ поцѣловаться и шепнулъ солдатамъ, чтобы зашли къ нему вечеркомъ и принесли съ собой перстеньки ихъ женъ молодыхъ.

Вечеромъ, улучивъ минутку, пошли оба Ивана съ перстеньками къ священнику. Старецъ принялъ ихъ почтенно, посадилъ въ горницѣ на почетное мѣсто и сталъ просить ихъ признаться по чистой правдѣ, откуда добыли они такія необычайныя кольца?

Гордый Иванъ показалъ свой перстень и началъ говорить такъ:

— Разсказывать людямъ о томъ, какъ добыто это колечко, я не сталъ бы; но передъ вами, батюшка, не утаю ничего и разскажу всю правду. Вотъ, какъ добылъ я это колечко. Были мы на войнѣ и было у насъ кровополитное дѣло, — приступомъ брали мы богатое мѣстечко. Разгромили мы мѣстечко и произошелъ въ немъ пожаръ. Дѣло было па разсвѣтѣ; полымя разыгралось; дымъ валитъ клубами; а непріятель все держался. И затрубили рога, забили барабаны „въ атаку!“ Взяли мы ружья на руку, крикнули—„ура!“ и кинулись въ огонь, на приступъ. Я былъ въ застрѣльщичьей цѣпи, на лѣвомъ флангѣ. Передъ нами непріятель засѣлъ въ богатомъ домѣ. Выбили мы его оттуда и, проходя покои, наткнулся я на женщину; лежала она на полу, словно мертвая, руки у нея врозь, а на правой рукѣ у нея, вижу — блеститъ перстенекъ съ самоцвѣтнымъ камнемъ.— Не я, такъ другой, а кто-нибудь да сниметъ этотъ перстенекъ,— подумалъ я, взялъ да и снялъ перстенекъ, вотъ этотъ самый. Признаться, женщина стонула и промолвила мнѣ въ слѣдъ на своемъ языкѣ одно слово — а какое, я того не знаю, но сталобыть не очень привѣтное—и я побѣжалъ безъ оглядки. Вотъ и все тутъ сполна, признаюсь передъ вами, все равно какъ на духу.

Digitized by Google

И сказалъ на то священникъ Гордому Ивану: — господинъ кавалеръ, не хорошее дѣло ты сдѣлалъ; худое сѣмя ты посѣялъ— худая будетъ и жатва. На все воля Божья; но не гибнетъ ни слеза страждущихъ, ни стонъ слабыхъ передъ Богомъ. Перстень сей драгоцѣненъ: алый камень въ немъ — рубинъ, а свѣтлые камни брилліанты; но и цѣлыя горы камней драгоцѣнныхъ не стоютъ одной слезы и единаго вздоха обиженной слабой женщины. Кайся, сынъ мой, въ грѣхѣ своемъ Богу.

— А ты, кавалеръ, откуда имѣешь свой перстень?—спросилъ священникъ Тихаго Ивана.

И началъ Тихій Иванъ говорить такъ: — хвалиться передъ людьми какъ добылъ я этотъ перстень, непристойно; а передъ вами, батюшка, не утаю ничего и разскажу всю правду. Вмѣстѣ съ этимъ товарищемъ были мы въ этомъ самомъ сраженьи, вмѣстѣ шли въ застрѣльщикахъ; только я былъ на правомъ флангѣ. И какъ затрубили рога и ударили барабаны, на приступъ, кинулся я впередъ вмѣстѣ со всѣми. И выпала улица передъ нами: дома пылаютъ въ огнѣ, народъ бѣжитъ безъ оглядки, а въ громѣ пальбы и трескѣ пожара слышались взвизги женщинъ и крики дѣтей. И вдругъ, вижу я, бѣжитъ передо мной ребенокъ, мальчишка; запнулся бѣдняга на мертвое тѣло, упалъ и громко плачетъ и жалобно кричитъ:—мама, мама! — Вижу я всю младенческую бѣду его — и взяла меня жалость; побѣжалъ я къ нему, поднялъ, погладилъ и говорю:—не отставай отъ меня, мальчишка! поѣдутъ тутъ пушки, конница помчится—растопчутъ тебя какъ козявку; а ты будь при мнѣ, держись покрѣпче, кудрявый, за суму мою; авось я тебя дурачка выведу изъ огня невредимымъ? — И понялъ меня мальчуганъ, уцѣпился рученкой за суму, я стрѣляю, наступаю, а онъ ни на шагъ отъ меня и не плачетъ, а только въ глаза мнѣ зазираетъ и ничего, плутишка, не боится. Идемъ! Вдругъ вижу въ дыму, по улицѣ летаетъ и мечется, словно освирѣпѣлая львица—женщина. Платье ея въ клочьяхъ и обожжено, черныя косы распущены и бѣлыя руки раскинуты.—Гдѣ сынъ мой, сынъ мой?—вопитъ она и рыдаетъ и бросается въ полымя; но полоснетъ полымя и словно откинетъ ее отъ себя.—Сына, сына, отдайте!—вскрикиваетъ она и рыдаетъ...—Мама!—пищитъ изъ за сумы мой кудрявый мальчишка,—моя мама!—А мы наступаемъ... И послышала женщина родной голосишко — какъ птица, какъ стрѣла метнулась чуть не на штыкъ ко мнѣ и ухватилась за мое ружье.—Богъ съ тобой, молодица, — говорю ей, — возьми своего пузыря; вотъ онъ въ цѣлости, да убирайтесь правѣй, а то васъ растопчутъ!—

Digitized by Google

Схватила она за головенку сына, взглянула на меня, да бухъ мнѣ въ ноги, рыдаетъ и ловитъ меня за колѣни. Ну, мнѣ некогда,—цѣпь впередъ наступаетъ: пусти,—говорю,—мой *парный* ужъ впереди! А они оба за меня уцѣпились; стоитъ она на колѣняхъ и торопко снимаетъ съ руки своей перстень и ловитъ мою руку... Ну, признаться, я на минутку поддался; — она мнѣ на палецъ перстенекъ свой надѣла, по своему крестнымъ знаменіемъ меня осѣнила, и вмѣстѣ съ мальчишкой закричала мнѣ въ слѣдъ — что? не знаю, а только, должно быть, привѣтное слово, потому что и бѣжать мнѣ надо было и слушать хотѣлось... Ушелъ я, а перстенекъ такъ у меня и остался. Вотъ и все тутъ до слова; признаюсь передъ вами, какъ передъ самимъ Богомъ.

И сказалъ на то священникъ Тихому Ивану:—милость Божія на тебѣ, кавалеръ! христіанское дѣло ты сдѣлалъ; доброе сѣмя посѣялъ — добрая тебѣ будетъ и жатва. На все воля Господня, а не тебя, такъ въ дѣтяхъ твоихъ наградитъ тебя Богъ; ибо сильна передъ нимъ молитва бѣдныхъ и слабыхъ. Перстень сей малоцѣненъ: колечко и щитокъ изъ серебра; но начертано на этомъ щиткѣ, письменами не нашими, великое у всѣхъ народовъ слово—*Богъ тебя храни*. И сохранилъ тебя Богъ всюду такъ, какъ сохранилъ ты въ огнѣ битвы неповинную душу младенца!

Простился священникъ съ обоими Иванами и они пошли домой, оба разсуждая одно и тоже:—всякъ на моемъ мѣстѣ сдѣлалъ бы то же. И оба они ошибались: Гордый Иванъ ошибался себѣ на срамъ, а Тихій Иванъ ошибался себѣ на честь.

Пришли они къ своимъ женамъ и разсказали то же, что и священнику. Гордая жена, прослушавши отвѣтила мужу:—будь этотъ перстень съ руки хоть княгини, то все же я могу носить его, ибо не считаю себя хуже кого-нибудь на свѣтѣ.

Тихая жена, прослушавши мужа, сказала: — можетъ быть этотъ перстень съ руки женщины достойнѣйшей чѣмъ я, но все же я буду носить его, вспоминая съ почтеньемъ доброе дѣло мужа.

И стали жить домами оба наши Ивана. Тихій Иванъ занялся полевымъ хозяйствомъ, Гордый Иванъ—домашнимъ хозяйствомъ и разной мелкой торговлей.

И пошла у нихъ разная жизнь. Засѣетъ Тихій Иванъ свою небольшую ниву, и какъ бархатъ зеленѣютъ по ней всходы, и что утро, то подернетъ ихъ, какъ серебромъ, медвяной росой. Накупитъ Гордый Иванъ разныхъ мелкихъ товаровъ—косъ,

Digitized by Google

ножей, гвоздей, не успѣетъ привезти въ свою лавку—какъ кровью подернетъ ржа все желѣзо, хоть брось всѣ товары. Однако живутъ оба Ивана ровно: Тихій не богатѣетъ, потому что семья бѣдна; Гордый не бѣднѣетъ, потому что семья богата. Только радости въ жизни у нихъ неровны: у тихаго Ивана всякій день тишина, и всякій праздникъ, благодаренье Богу, добрые люди. пріятели скромные не забываютъ его дома, у Гордаго Ивана—каждый день попрекъ и всякій праздникъ пустые гулящіе гости; а пуще всѣхъ учащаетъ одинъ рыжій сидѣлецъ съ недальняго кабака. И стала ему жизнь не въ жизнь, а жена въ наказанье; да тесть то больно грозенъ и спорить съ нимъ онъ не смѣетъ. Разъ попрекнулъ онъ жену рыжимъ гостемъ, такъ и самъ былъ не радъ,—какъ уперла она руки въ боки, глаза въ потолоки, какъ запѣла да зашипѣла, такъ нашъ Гордый Иванъ несразу и двери нашелъ. И такъ, долго-ли, коротко-ли, жили-поживали оба Ивана: одинъ—благослови, Господи, а другой—чортъ побери совсѣмъ!

Вотъ только, однажды, подъ вечеръ, пришелъ къ Гордому Ивану сельскій пастухъ и говоритъ:—дѣло ваше плохо: вашего борова зарѣзалъ волкъ, да не видать нигдѣ и вашей свиньи съ поросятами; я искалъ и ничего не нашелъ, а только волчью свадьбу видѣлъ.

Осерчалъ Гордый Иванъ, взялъ со стѣны ружье, зарядилъ его картечками и пошелъ на волковъ. Пока дошелъ до того мѣста, гдѣ разсказалъ пастухъ, на дворѣ совсѣмъ стемнѣло. Глядитъ онъ приглядывается, ничего не видать, только въ кустахъ что-то мелькаетъ. И видитъ онъ вдалекѣ словно двѣ свѣчки горятъ, значитъ, волчьи глаза свѣтятъ. Подкрался онъ, подкараулилъ свѣтокъ, приложился—баацъ! Что-то стонуло. Онъ бѣгомъ туда, подходитъ, глядитъ—лежитъ свинья убитая и ногами дрыгаетъ; ловко попалъ, а свинья его собственная. Въ досадѣ идетъ нашъ Иванъ домой, себя ругаючи, а передъ нимъ все свѣтики, какъ искорки помелькиваютъ — знать волчья свадьба бѣгаетъ. Опять заряжаетъ онъ ружье картечками. Идетъ, да идетъ и только дивится, что дорога ему будто вповеречъ ложится, все мѣста незнакомыя. Направо возьметъ—не туда, налѣво—опять не туда.

— Что за чортъ,—говоритъ,—никакъ меня лѣшій водитъ?

А передъ нимъ въ темнотѣ все свѣтики поигрываютъ. И вотъ приходитъ онъ къ прясламъ, и не знаетъ, чьи, это прясла. За прясламъ зеленѣетъ не то садъ, не то лѣсъ, и не знаетъ

Digitized by Google

онъ, чей это лѣсъ. Глядитъ въ темную чащу, а тамъ горитъ и мелькаетъ свѣтикъ, что свѣчка.

— Вотъ она,—думаетъ Иванъ,—гдѣ волчья свадьба!

Прицѣливается, трогаетъ спускъ — бацъ! Ажъ два голоса разомъ стонули; онъ чрезъ прясла, бѣжитъ туда. Господи Боже! такъ и есть—лѣшій водитъ; не узналъ Иванъ своего собственнаго сада. Подбѣгаетъ къ тому мѣсту, гдѣ убилъ волчью свадьбу, глядь—лежитъ его жена, обнявшись съ рыжимъ сидѣльцемъ, и оба на смерть убиты. А перстень у нея на лѣвой рукѣ горитъ самоцвѣтнымъ камнемъ, словно дрожитъ на немъ свѣжая кровинка, и кругомъ сверкаютъ будто горячія слезы...

И пропалъ нашъ Гордый Иванъ по судамъ, острогамъ и допросамъ.

А Тихій Иванъ въ своей тихой семьѣ жилъ безбѣдно многіе годы. И когда пришла къ нему его тихая старость, такъ у него уже было семеро ребятъ; правда, они были небогаты, но большой нужды не знали: Богъ даетъ дѣтей, даетъ и на дѣтей. А подъ самую древнюю старость, вотъ что съ ними приключилось.

Въ лѣтній день, вечеркомъ, старушка, Иванова баба, присѣла отдохнуть на заваленкѣ своей ветхой избенки. Поджидала она съ поля старика мужа съ старшими сыновьями. Сидитъ она и видитъ—идутъ ихнимъ проселкомъ подводы, купцы на ярмарку въ городъ товары везутъ; а купцы издалека, изъ чужихъ сторонъ. Поровнялась съ ихъ домишкомъ послѣдняя кибитка и бравый гость, приподнявши шляпу, проситъ у бабы напиться.

— Бабушка, дай водицы испить,—а говоритъ по русски нечисто.

Встала Иванова старуха, зачерпнула ковшикъ студеной водицы, поднесла и съ поклономъ проситъ гостя откушать; а сама держитъ ковшикъ правою рукою.

Хотѣлъ гость къ ковшу приложиться, глянулъ старухѣ на руку и весь вспыхнулъ:—бабушка, отколь у тебя на рукѣ этотъ серебряный перстень?

— Такъ и такъ, — говоритъ старуха,—подарилъ мнѣ еще женихомъ мой мужъ въ подарокъ.

— А кто твой мужъ?—спрашиваетъ гость.

— А человѣкъ не важный,—солдатъ отставной; да вотъ, онъ и самъ идетъ!

Подходитъ Иванъ, кланяется гостю, а гость какъ шальной вскрикнулъ:—это ты, мой спаситель! соскочилъ изъ кибитки—бухъ ему въ ноги; и шапка свалилась съ головы кудрявой.

— Иванъ глядитъ, лобъ потираетъ, что-то хочетъ вспомнить.

Digitized by Google

— Такъ и есть,—говоритъ;—ни какъ ты и есть тотъ кудрявый мальчишка, что за суму мою когда-то держался?

— Я тотъ мальчишка,—отвѣчаетъ гость, а самъ плачетъ.—Я вѣкъ твоего почтеннаго лица не забуду, и между тысячами узналъ бы тебя!..

— Ну, и слава Богу!—отвѣтилъ Иванъ.

А гость крикнулъ на свои подводы:—стой! сваливай половину всѣхъ товаровъ!—и высыпалъ половину всей казны своей передъ Иваномъ;—бери, милостивый человѣкъ и храбрый воинъ; все это твое, а я должникъ твой вѣковѣчный: ничѣмъ не въ силахъ сполна заплатить тебѣ и твоимъ дѣтямъ!

Собралось все село поглядѣть на великое чудо, на Тихаго Ивана, перваго богача на сто верстъ кругомъ. Гость гостилъ у него три дня и три ночи, оставилъ ему половину всѣхъ своихъ товаровъ; цѣлые три воза, и половину всей своей казны,—ровно тридцать тысячъ, ну, можетъ-быть, съ копѣйками,—и не хотѣлъ принять назадъ перстня матери своей, говоря, что онъ стоитъ во сто разъ дороже всего, что онъ имъ оставляетъ и что самъ имѣетъ. И при томъ разсказалъ Ивану гость, какъ жила его почтенная мать, никогда въ жизни не забывала помолиться за милосерднаго солдата, и умирая сказала свое послѣднее на землѣ и первое въ небесахъ слово—*Богъ его храни.*

И, взглянувъ на дѣтей своихъ, заплакалъ Тихій Иванъ, сѣдой старикашка, и въ слезахъ промолвилъ:—нѣтъ числа милости Божіей къ намъ грѣшнымъ.

Заплакала съ нимъ и его старуха, и закрыла глаза своими руками; а на правой рукѣ ея бѣлѣлъ перстенекъ, какъ чистая снѣжинка...

Digitized by Google

ПОКОЙНЫЙ
ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ИВАНОВЪ.

(Разсказъ изъ Крымской войны).

I.

Послѣ сраженія при Альмѣ, армія союзниковъ, переведя духъ на Бельбекѣ, прошла черезъ Микензіевъ лѣсъ и расположилась съ Южной стороны Севастополя. Тотчасъ же стала она укрѣпляться на всѣхъ высотахъ и обогнула крѣпость нашу отъ Киленбалкской бухты до Карантинной.

Обставясь благонадежно, союзники приступили къ осаднымъ работамъ противъ южной стороны, которую сказать по правдѣ—и осаждать-то было нечего: кромѣ набросанныхъ на-скоро земляныхъ укрѣпленій, никакой тамъ фортификаціи и не было. Но эти земляныя укрѣпленія росли не по днямъ, а по часамъ, и союзники, разъ уже испробовавъ перевѣдаться съ нами подъ Альмой два на одного—рѣшились дѣйствовать осторожно.

Между важнѣйшими изъ укрѣпленныхъ пунктовъ—Кадыкіойскія высоты вооружены были четырьмя турецкими батареями. За лѣвымъ ихъ флангомъ расположена была лагеремъ англійская кавалерія: гвардейскіе драгуны полка королевы Викторіи и Шотландскій полкъ.

Главнокомандующему нашему не очень нравилось такое непріятельское расположеніе, и онъ приказалъ атаковать эту позицію одновременно: пѣхотѣ—батареи, а кавалеріи—лагерь кавалерійскій. Дѣло это извѣстно въ лѣтописяхъ и преданіяхъ подъ тремя разными названіями: Чоргунскаго, Балаклавскаго и Кадыкіойскаго. Солдаты называли его дѣломъ подъ Кадыкомъ,—что все таки правильнѣе первыхъ двухъ прозвищъ.

Digitized by Google

По два дивизіона Веймарнскихъ и Кіевскихъ гусаръ направились къ лѣвому флангу позиціи союзниковъ—на лагерь; а 12-я пѣхотная дивизія пошла на батареи.

Это было до-свѣту 13-го октября.

Кто видѣлъ эту картину, тотъ разумѣется, помретъ—не забудетъ ее. Отъ Чоргуна, подойдя въ туманѣ утра, небольше какъ на пушечный выстрѣлъ, къ кадыкіойскимъ редутамъ, дивизія построилась въ колонны къ атакѣ—и началось наступленіе...

Съ развѣвающимися знаменами двинулась дивизія.

Дѣйствительно гора вздыхала подъ твердымъ, дружнымъ шагомъ молодцовъ, по штыкамъ и стволамъ ружей заигралъ золотой лучъ восходящаго солнца; колонны перли, какъ цѣльныя глыбы скалъ; ряды равнялъ не глазъ, а общая жажда побѣды: всѣ шли къ ней на встрѣчу, безъ малѣйшаго въ томъ сомнѣнія.

На батареяхъ спохватились сонные турки и какъ мураши закишала проснувшаяся рать; взвился бѣлый дымокъ—первое ядро свистнуло въ колонну Одесскаго полка...

Но ужъ было поздно; ударили „наступленіе! ружья на перевѣсъ!“—у каждаго вскипѣло сердце и самъ собою прибавился шагъ, а батареи стонали навстрѣчу... Оставалось полъкартечнаго выстрѣла похода въ гору... каждый осѣнился крестомъ.

— Господи, благослови!—шепнули по рядамъ.

— На руку! бѣглымъ шагомъ—ура! — раздалась звонкая команда и потонула во взрывѣ общаго вопля...

— Ура—пронеслось по колоннамъ.

Какъ посвистъ бури едва успѣваетъ опережать стремящіяся волны,—такъ за этой невоздержной *урой* хлынули волны храбрыхъ и едва успѣлъ разслушать перепуганный Османъ, какъ штыкъ уже сверкнулъ передъ самымъ его побѣлѣлымъ носомъ...

Безъ разговоровъ—вмигъ все пошло къ чорту! Турецкое благоразуміе и смертельный страхъ взяли верхъ надъ ихъ сомнительною храбростію; нѣкогда было защищать орудія, или защищаться; слѣдовало бѣжать, да какъ можно поскорѣе, что и исполнено съ полною быстротою и исправностью, если не считать потери многихъ туфлей и штановъ...

Первая батарея была взята, какъ муха въ сметанѣ, и ногой не дрогнула. Но дальше, за бастіонами, стояли ихнія палатки, съ разнымъ скарбомъ и не безъ деньжуры, разумѣется: такія вещи и отъявленный трусъ не сразу покидаетъ—тамъ оказалось сопротивленіе; приходилось дѣйствовать въ разсыпную, преимущественно штыкомъ.

Въ этой-то свалкѣ, взводный командиръ одного изъ полковъ,

Digitized by Google

подпоручикъ, недавно выпущенный изъ корпуса, бравый, хоть еще безъусый офицеръ, подавая примѣръ храбрости взводу, изволилъ забѣжать маленько несообразно впередъ. Два солдатика, что были съ нимъ, поотстали, расправляясь съ тремя притаившимися подъ палаткой турками; онъ очутился одинъ, съ тульскою саблею своею, носъ къ носу съ четырьмя османами; двое изъ нихъ старались утащить какой-то, вѣроятно, драгоцѣнный тюкъ, а двое какъ будто прикрывали это отступленіе.

Подпоручикъ, разумѣется, крикнулъ:—сдавайсь!—и мазнулъ ближайшаго саблей; пока этотъ схватился за разбитый свой носъ, другой прицѣлился, и—трахъ, осѣчка! такова исправность шалопаевъ. Однако, тянувшіе тюкъ, хватились за ятаганы, а стрѣлокъ насаживалъ новый капсюль, и всѣ четверо кинулись на офицера. Онъ оборонялся; трескъ пошелъ значительный; но одинъ рубанулъ его по плечу ятаганомъ, а осѣкшійся стрѣлокъ, убѣдясь въ полной негодности своей фузеи, повернулъ ее прикладомъ и замахнулся, по способу рубки дровъ, черезъ голову... Одинъ мигъ—и все бы кончено... Смерть на носу!..

— Стой, подлецы!—вмѣстѣ съ выстрѣломъ грянуло русское крѣпкое слово; за нимъ, въ дымкѣ, сверкнулъ штыкъ, а ужъ за нимъ высунулся ядреный носъ, промежъ наеженныхъ бровей и усовъ, и наконецъ-то, при носѣ—самъ человѣкъ, вершковъ безъ малаго четырехъ, наружности кашевара, но очень сердитый...

Гораздо короче, чѣмъ все это сказано, одинъ турокъ безнадежно дрыгалъ ногами, держась за животъ,—видно пуля задѣла,—другой только подскочилъ и упалъ, схватившись тоже за животъ,—вѣрно укололся штыкомъ,—а изъ прочей команды никого на лицо не оказалось: вѣроятно, побѣжали доложить о случившемся по начальству.

Сердитый человѣкъ, заряжая на походѣ ружье, обернулся къ офицеру, произнесъ нравоученіе не по чину:—какъ такъ можносъ, ваше благородіе! Вы изволите тово!... этово...—и прибавилъ шагу.

— Постой, братецъ! любезный мой!..—кричалъ офицеръ вслѣдъ ему.

— Некогда, ваше благородіе; наши—вонъ гдѣ!..—и, взявъ заряженное ружье на перевѣсъ, попридержалъ лѣвой рукой суму и припустилъ бѣглымъ шагомъ...

— Богъ тебя награди!—кричалъ офицеръ;—какъ тебя зовутъ?

Солдатъ бѣжалъ и только, повернувъ голову, крикнулъ:—Иванъ... или Ивановъ;—конца разслышать нельзя было.

Изъ наружныхъ признаковъ подпоручикъ замѣтилъ на немъ

Digitized by Google

только синіе погоны и ядреный носъ, съ шаршавыми усами и бровями. Больше ничего.

Вскорѣ батареи были взяты, лагерь сбитъ, орудія заклепаны, а кой-какія пущены съ горы вверхъ тормашкой... Побѣда полная.

Подпоручикъ дня три управлялся съ своею раною и, желая непремѣнно отыскать своего избавителя отъ турецкой смерти, имѣлъ время обдумать способъ отысканія этого избавителя. Примѣты его казались ясны, но въ сущности были неблагонадежны. Синіе погоны имѣлъ цѣлый полкъ; это все равно какъ въ маковой головкѣ всѣ зернышки, какъ одно. Насчетъ ядренаго носа—тоже плоха надежда: хоть извѣстно, что всѣ мы, русопеты, супротивъ прочихъ народовъ, и особенно нѣмцевъ, маленько обижены носами, но ядреные носы у насъ не рѣдкость; горбатыхъ носовъ мало, а здоровенныхъ—ввидѣ картофелинъ, достаточно въ каждой ротѣ. Слѣдовательно, носъ—примѣта тоже неблагонадежная.

А что касается Ивана Ивановича, или Иванова—то извѣстно, что въ каждомъ, даже некомплектномъ полку, имѣется около семидесяти Ивановъ, или Ивановыхъ, не говоря объ Ивановичахъ, которые и въ счетъ не идутъ. Ивановыхъ у насъ едва-ли не больше, чѣмъ у нѣмцевъ Карлъ Ивановичей; а у нихъ пятый человѣкъ Карлъ Иванычъ, или около того. У насъ тоже—третій сынъ у отца почти всегда Иванушка; это даже изъ сказокъ извѣстно. Черкесы каждаго русскаго солдата называютъ Иваномъ и рѣдко ошибаются. Словомъ, это такое имя, по которому родной отецъ не всегда сына въ полку отыщетъ, Притомъ же, подпоручикъ и самъ не былъ вполнѣ увѣренъ — точно ли солдатъ отозвался Иваномъ? А можетъ быть—Ивинъ; Ивлевъ, Ивашкинъ, Ивановскій?—дѣло было на походѣ, при стрѣльбѣ. Еще представлялось одно средство: объявить по полку,—авось избавитель самъ скажется; но хорошо, коли попадешь на хвастливаго человѣка—такой скажется:—я-де спасъ, ваше благородіе — а то у насъ во фронтѣ есть немало такихъ людей, что сдѣлаетъ храброе дѣло — да и позабудетъ, молчитъ какъ рыба. Другому и въ башку не вобьешь, что онъ герой; есть много такихъ. Молодой подпоручикъ ломалъ голову, какъ быть и, наконецъ, пожаловался своему деньщику:—говори, Авдеша, какъ отыскать, чортъ побери! вѣдь мнѣ надо же написать отцу!

— Какъ отыскать?—отвѣчалъ Авдеша;—извѣстно, что нельзя

Digitized by Google

отыскать. Одно средствіе — полковаго писаря попотчивать: тотъ безпремѣнно, хотя мертваго отыщетъ; только ужъ попотчивать слѣдуетъ, что называется, во всю сыть!

Улучивъ время, подпоручикъ употребилъ сказанное средство, отыскалъ полковаго писаря съ синими погонами и даже попросилъ полковаго адъютанта того же полка помочь разыскать солдатика, который спасъ его отъ вѣрной смерти. Разысканіе было сдѣлано самоподробнѣйшее: приводили къ подпоручику до сорока Ивановъ и Ивановыхъ и еще полстолько обѣщали привести; но сердитаго человѣка съ наружностію кашевара между ними не оказалось. Всѣ были очень озадачены:—куда же дѣвался герой?

— У насъ, въ ротѣ, солдатикъ, люди поговариваютъ, офицера защитилъ, ваше благородіе, — отозвался одинъ изъ фельдфебелей;—только онъ не Ивановъ-съ.

— А кто же?.. говори, сдѣлай милость!

— Лихаревъ-съ, Сидоръ по имени.

— Ну, мнѣ можетъ послышалось; ради Бога скажи, какой онъ на видъ?

— Похуже средственнаго, ваше благородіе, такой... сѣраго лица!

— Ну, да, да! Крупный носъ, усы и брови такіе... шаршавые.

— Точно такъ-съ, шаршавые!

— Сдѣлай милость, сюда его!..

Черезъ 5 минутъ по 2-му баталіону того полка дежурные выкрикивали:—Сидоръ Лихарева, къ фельдфебелю! Послать Лихарева! — и, ругнувъ про себя, — экая чортова кукла!—опять кричатъ:—Сидоръ Лихарева на линію-ю-ю!

Наконецъ, откуда-то отозвался голосъ:—я!—и заспанная фигурка, вродѣ кашевара, напяливая въ рукава шинель, и съ фуражкой подъ мышкой, застегиваясь на походѣ—предстала, вытянувшись предъ фельдфебелемъ.

— Ты, говорятъ, защитилъ офицера?—спросилъ фельдфебель.

— Когда-съ, сударь?

— Ну, четвертаго дня, на турецкой батарей.

— Никакъ нѣтъ-съ, Илья Андреичъ, я только такъ, шаговъ за десять, стрѣльнулъ-съ въ турку, когда онъ замахнулся на офицера, что ли...

— Ну, и убилъ?

— Не могу знать, сударь!

— Ну турка-то упалъ?

— Какъ не упасть, сударь,—упалъ.

Digitized by Google

— Пойдемъ со мной!

Фельдфебель привелъ его къ адъютанту, гдѣ нѣсколько офицеровъ сидѣли, курили и разговаривали съ подпоручикомъ. Какъ будто опасаясь насмѣшки за такія хлопоты о спасеніи своей драгоцѣнной жизни, подпоручикъ ссылался на своего старика-отца, который никогда бы не простилъ ему небрежности въ отысканіи своего избавителя. Офицеры отчасти соглашались съ этимъ мнѣніемъ, напирая особенно на награду солдата по статуту. Завидѣвъ солдата, подпоручикъ вскочилъ и почти вскрикнулъ:—онъ и есть!—но, по мѣрѣ приближенія солдата, подпоручикъ нѣсколько смущался: лицо героя было совсѣмъ не сердитое, носъ не изъ крупныхъ, а усы и брови нисколько не шаршавые...

— Ты спасъ мнѣ жизнь? — спросилъ онъ новоприбывшаго.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе! — отвѣчалъ тотъ рѣшительно.

Фельдфебель прикинулъ слово:—какъ-же люди говорятъ видѣли, какъ турка совсѣмъ ужъ замахнулся на ихъ благородіе а ты выстрѣлилъ и убилъ турку!

— Ну да,—перебилъ подпоручикъ, — именно въ ту минуту ты спасъ меня!

— Никакъ нѣтъ-съ! — отвѣтилъ солдатъ съ чуть замѣтной улыбкой: — какое это спасеніе?.. да и это были не вы, ваше благородіе.

— Какъ не я?

— Тѣ были маленькіе, чернявые, а вы большіе бѣлые-съ, ваше благородіе; я запримѣтилъ-съ.

Общій смѣхъ завершилъ это объясненіе, солдатъ немножко сконфузился. Но офицеры ободрили его, подарили кой-что изъ мелочи, и онъ, сдѣлавъ налѣво-кругомъ, бодро отправился въ свою роту.

Въ ту самую минуту, когда подпоручикъ, потерявъ надежду отыскать своего спасителя, прощался съ офицерами, вдругъ явился полковой писарь съ открытой книгой и спокойной улыбкой:—отыскалъ ваше благородіе!

— Сдѣлай милость! кто такой?

— 4-й роты Иванъ Ивановъ; извольте читать-съ.

Обрадованный подпоручикъ схватилъ книгу, прочелъ и насупился: противъ имени Ивана Иванова значилась отмѣтка — убитъ...

Онъ вздохнулъ глубоко, сунулъ писарю рублевую бумажку

Digitized by Google

и, попрощавшись съ офицерами, пошелъ, напутствуемый общимъ сожалѣніемъ о „неудачной экспедиціи“, какъ говорится въ арміи.

Сдѣлавъ шаговъ двадцать, подпоручикъ вдругъ остановился, подумалъ что-то и, вернувшись, просилъ позвать фельдфебеля 4-й роты. Послѣ пяти словъ о покойникѣ оказалось, что Иванъ Ивановъ убитъ однимъ изъ первыхъ выстрѣловъ орудія при началѣ штурма. Слѣдовательно—и этотъ—не тотъ!..

Затѣмъ, подпоручику было какъ-то совѣстно продолжать розыски и все дѣло это „предано волѣ Божіей, пока само окажется“...

Но война кончилась, а дѣло не оказалось...

Подпоручикъ подробно описалъ въ письмѣ къ отцу своему этотъ случай, весьма обыкновенный въ бояхъ, и никогда не забываемый въ семейныхъ преданіяхъ. Старикъ, прочитавъ письмо, перекрестился, прослезился и, надѣвъ форменную шинель и теплую шапку, поплелся съ суковатою палкою своею къ сельскому священнику, такому же старичку, какъ самъ онъ.

Матушка-іерейша слушая повѣсть счастливаго отца, зарыдала и разлилась рѣкой: — дай, Господь милосердый, ему здравія и благоденствія, коли онъ живъ! дай ему царствіе небесное и вѣчный покой, коли онъ, богатырь нашъ, померъ! — набожно причитала она.

— Вотъ то-то и есть, матушка, что ничего неизвѣстно и никто во всѣхъ ротахъ не оказывается! — шамшилъ растроганный старикъ;—изъ письма только видно, что вѣрнѣе — убитъ, значитъ — померъ. А прозывается Иванъ, или Ивановичъ, или Ивановъ.

— Померъ! голубчикъ желанный, Иванъ Ивановичъ, померъ!—возопила матушка;—видимо дѣло—убитъ!..

— Вѣрнѣе всего—убитъ;—промолвилъ священникъ, и чрезъ полчаса тихій благовѣстъ уныло пронесся по селу.

Въ церкви у царскихъ вратъ и алтаря, теплились свѣчи и въ черныхъ ветхихъ ризахъ престарѣлый священникъ, дрожащимъ, умиленнымъ голосомъ произносилъ: — упокой, Господи, душу, павшаго въ битвѣ, христолюбиваго воина раба Твоего Ивана!.

Матушка молилась и всхлипывала; нѣсколько старухъ вздыхали тутъ же; забѣжавшіе въ отворенную церковь, ребятишки глазѣли на всѣхъ широко-открытыми глазами и, встряхивая вихрами, клали передъ иконами поклоны.

Колѣнопреклоненъ, опершись обѣими руками на суковатую палку, какъ лунь сѣдой, отставной маіоръ Балдинъ благоговѣйно

Digitized by Google

и слезно глядѣлъ на икону Пресвятой Богоматери. Столько вѣры, сокрушенія, благодарности и любви выражалось на его прекрасномъ и древнемъ лицѣ, до того оно было свѣтло и покорно, что даже шалуны ребятишки заглядывались на него не сморгнувъ, и за каждымъ земнымъ поклономъ его — всѣ невольно клали земные поклоны, усердно постукивая лбами въ гулкій полъ.

Долго молился старикъ за упокой души неизвѣстнаго избавителя отъ смерти его любезнаго и единственнаго сына. По окончаніи службы священникъ поздравилъ его — и оба прослезились...

II.

Прошло шесть лѣтъ послѣ крымской войны. Подпоручикъ Балдинъ еще въ концѣ кампаніи произведенъ былъ въ поручики; всего два года пробылъ въ этомъ чинѣ, потомъ четыре года въ штабсъ-капитанскомъ; и вотъ, съ орденомъ св. Анны съ бантомъ, командуетъ ротою и стоитъ съ нею на хорошихъ обывательскихъ квартирахъ, широко, но не разбросанно.

Особенно удался ему ротный дворъ: была тамъ, встарь, господская усадьба, да перенесена версты за три, а всѣ почти строенія остались впустѣ. Правда, все это досталось ему какъ будто не въ своемъ видѣ: сараи покосившіеся и безъ воротъ, небольшой домъ господскій поободранъ, садишко и огородъ, поросшіе чѣмъ только было угодно, кромѣ путныхъ растеній. Но въ ротѣ плотниковъ не занимать стать, и кромѣ гвоздей и стеколъ, все не покупное; съ согласія управителя, въ три недѣли усадьбы и не узнать было, такъ она обстроилась. Домъ—просто хоромы посредственнаго помѣщика; изъ сарая образовался манежъ, съ окнами и печью; изъ другаго— цейхгаузъ и все прочее по формѣ и въ порядкѣ.

А кромѣ всего этого, при домѣ возникло совсѣмъ не солдатское великолѣпіе—вотъ какое... Но, позвольте, надо оговориться.

Всякій грѣшный человѣкъ, какъ военный, такъ и партикулярный, имѣетъ свою страстишку, слабость, охоту, или вкусъ до чего-нибудь особеннаго. Не то что поѣсть послаще, выпить поосновательнѣе, или поспать;—это вкусы ужъ совсѣмъ простые, общіе, такъ называемые *животные*; — но есть страстишки почище и невиннѣе: напримѣръ, иной до смерти любитъ пѣвчихъ пташекъ, другой непремѣнно держитъ собаку, а безъ собаки ему скучно; у насъ былъ солдатикъ,—(я описалъ это въ разсказѣ,

Digitized by Google

„Изъ старыхъ записокъ"),—который постоянно воспитывалъ кота и пѣтуха вмѣстѣ, и даже въ казармахъ ухитрялся пріискать имъ гдѣ-нибудь уголокъ;—жить, говоритъ, не могу безъ звѣрья.

Вотъ, и у нашего господина капитана и кавалера Балдина была страстишка, и, не смотря на его храбрость, страстишка вовсе не военная, а скорѣе бабья;—онъ до страсти любилъ, совѣстно сказать... *цвѣты!*... Хлѣба не надо—давай ему цвѣтовъ!.. Вотъ такъ вкусъ!

Откуда происходитъ и какъ зарождается въ человѣкѣ такая, иногда совсѣмъ не подходящая, страсть—ничего неизвѣстно. Надо полагать, что сами великіе ученые, прочитавшіе все, что на свѣтѣ напечатано, и сами написавшіе столько, что напримѣръ вся полковая школа не успѣла бы прочесть ихняго писанія въ цѣлый годъ—надо полагать, что и они не больше насъ грѣшныхъ знаютъ, откуда происходитъ въ человѣкѣ подобная не подходящая страсть? Родился ли онъ, чудачище, съ такою страстью, или во младенчествѣ получилъ ее какъ-нибудь случайно, или исподволь въѣлся въ нее и вошелъ во вкусъ—ничего и никому неизвѣстно! Извѣстно только то, что другой философъ, чуть свободная минута, онъ и пропалъ; а гдѣ искать его?—вся рота знаетъ: ступай за деревню, на рѣчку,—онъ ужъ тамъ, какъ монументъ какой-нибудь, сидитъ на берегу, не шелохнется, рыбу удитъ. И изъ-за пары пискарей будетъ тебѣ сидѣть хоть пять часовъ. Страсть, значитъ, пригвоздила человѣка!

А капитана Балдина въ свободное время надо было искать, нигдѣ больше—въ цвѣтникѣ; ходитъ, нюхаетъ, подрѣзываетъ, подвязываетъ свою пеструю команду и пока ты не обзовешь его—„я, молъ, пришелъ, ваше благородіе!" — такъ хоть часъ стой и покашливай, онъ и не замѣтитъ тебя;—весь ушелъ въ цвѣты. Поди-же! а у человѣка ужъ бакенбарды стали завиваться. Этакой грѣхъ!

Въ ротѣ оказался солдатикъ изъ господскихъ людей,—у барыни при оранжереѣ служилъ, — такой цвѣтоводъ, что каждое растеніе зналъ поименно, и, точно фельдфебель по списку,—перекликалъ всякое зелье:—это, — говоритъ,—гвоздика, это повилика, это лупинусъ, это малинусъ, а это—просто усъ! и прочія разныя произрастенія. Повыписывали они съ капитаномъ изъ столицы цвѣточныхъ сѣмянъ, и устроили такой цвѣтникъ, какого по цѣлой губерніи у богатѣйшихъ помѣщиковъ и помѣщицъ, вѣроятно, и не бывало.

Когда въ первый разъ увидѣлъ этотъ цвѣтникъ управитель,

Digitized by Google

то совсѣмъ ошалѣлъ:—да это,—говоритъ,—навожденіе. Этакого цвѣтника у насъ никто и во снѣ не видалъ!..

А одна барыня узнала, написала капитану письмо и просила позволенія пріѣхать съ дочкой:—много наслышавшись, дескать, о вашихъ цвѣтахъ, смертельно желаемъ взглянуть на нихъ!—Пріѣхали, взглянули, сперва на капитана, потомъ на цвѣты, понюхали-понюхали:—ахъ! мнѣ дурно!—вскрикнула маменька, и бухъ—къ капитану на руку.

— Ахъ! и мнѣ тоже!“ — взвизгнула дочка и бухъ — на другую!...

Вотъ такъ цвѣты, значитъ.

Словомъ, капитанскіе цвѣты вошли въ большую славу, особенно промежъ барынь. Да въ такую, наконецъ, славу, что ужъ начинала надоѣдать эта слава не только окрестнымъ женатымъ помѣщикамъ, а и самому капитану. Былъ онъ человѣкъ скромный и не очень любилъ гостей, особенно церемонныхъ и прекраснаго пола,—развѣ изрѣдка;—а тутъ, какъ пришла весна, такъ на ротномъ дворѣ колясокъ, полуколясокъ и бричекъ иногда счету нѣтъ; точно съѣзжій дворъ какой. Барыни на цвѣты слетались, какъ пчелы: только жужжитъ кругомъ.

Шибко надоѣло это капитану; онъ сталъ не сказываться дома, а не то больнымъ объявлялся; но ничего не беретъ! Другая разчуфыренная барыня пріѣдетъ съ полдюжиной дочерей, одна другой краше, или гаже, чуть не расплачутся: — мы ѣхали и летѣли,—говоритъ,—двадцать верстъ, лошадей загнали, и вдругъ—такой сюрпризъ! Нельзя ли посмотрѣть цвѣты, нельзя ли хоть взглянуть на капитана?...

И вскорѣ дѣло это запуталось до такой степени, что ни самъ капитанъ, ни рота, ни помѣщики не въ состояніи были распутать и разобрать, чего именно хочется барынямъ: посмотрѣть цвѣтовъ, или самого цвѣтовода?

Цвѣты были, дѣйствительно, очень хороши, но и капитанъ—еще подпоручикомъ былъ однажды Царскимъ ординарцемъ, притомъ извѣстенъ за храбраго человѣка. А всякій,—и особенно всякая,—знаетъ, что храбрость въ человѣкѣ—это все единственно, что духи въ цвѣтахъ. Можно быть молодцомъ изъ себя и не имѣть храбрости, такихъ иногда величаютъ дубиной; а если молодецъ, да еще извѣстенъ храбростью, такому — отдай все—мало!

Вотъ, въ началѣ лѣта, въ самый разгаръ цвѣтенія цвѣтовъ, фельдфебель при утреннемъ рапортѣ, доложилъ капитану, насчетъ ротной бани, которую почему-то управляющій не хотѣлъ

Digitized by Google

безъ разрѣшенія помѣщика дозволить строить на берегу озера;—вчера пріѣхалъ помѣщикъ на все лѣто; можетъ быть, ваше благородіе, сами изволите спросить его о банѣ?

— Ладно, спрошу.

— Черезъ день-другой капитанъ одѣлся чисто, въ мундиръ, поѣхалъ, разумѣется, не собственно для бани, а съ почтеніемъ къ помѣщику. Баринъ оказался преуважительный, въ лѣтахъ и вдовецъ; попросилъ капитана откушать. Къ столу вышла какая-то барыня, дальняя родственница, и за нею барышня. Помѣщикъ представилъ капитана дочери:—капитанъ Алексѣй Дмитріевичъ Балдинъ, а это—моя дочь, Ольга Борисовна.

Хотя капитану всякія барыни и барышни порядкомъ уже успѣли надоѣсть, и онъ съ ними не церемонился, однако тутъ... не то чтобы сробѣлъ, а вродѣ этого: только поправилъ галстукъ, обтянулъ кафтанъ и молчитъ...

Съ храбрыми людьми такая робость случается, именно тамъ, гдѣ никакого страху нѣтъ; Ольга Борисовна была прехорошенькая, свѣтленькая дѣвица, безъ всякихъ ужимокъ и важничанья. Привѣтливо взглянувъ на капитана и протянувъ ему ручку, она тоже какъ будто покраснѣла. Съ хорошенькими и умненькими дѣвицами это случается тоже не отъ страху, а именно тогда, когда они замѣчаютъ, что молодой человѣкъ при нихъ будто робѣетъ. Она тоже—поправила свой рукавчикъ, и ничего...

Но все это живо обмололось, и за столомъ, помѣщикъ, наливая вино капитану, сказалъ:—а я слышалъ, что вы, любезный сосѣдъ, страстный любитель цвѣтовъ; о вашихъ цвѣтахъ слава даже въ Петербургъ прошла,—мнѣ писалъ и управитель и предводительша дворянства!

Капитанъ признался, что онъ очень любитъ цвѣты, хотя это вовсе и не походное дѣло. Помѣщикъ указалъ на дочь;—вотъ, —и она у меня цвѣточница такая, что увидитъ гдѣ какой-нибудь ранункулъ, или карбункулъ (можетъ быть онъ, или я тутъ совралъ), такъ вынь да положь — подавай ей; просто уши прожужжитъ! Ну, а отказать я ей ужъ никакъ не могу!—и шутя предостерегъ капитана:—вы берегите отъ нея ваши цвѣты!

Капитанъ, поклонившись, очень ловко отвѣтилъ вродѣ того, что лучшей участи своимъ любимымъ цвѣтамъ онъ и желать не можетъ.

Только онъ сказалъ это какъ-то еще ловчѣе, словомъ, такъ ловко, что оба—и капитанъ и барышня покраснѣли; а отецъ, улыбаясь, опять налилъ ему вина за это.

Digitized by Google

Возвратясь домой, капитанъ былъ очень веселъ. Но когда при вечернемъ рапортѣ фельдфебель спросилъ его насчетъ ротной бани, то онъ какъ-будто спохватился: — а я, братецъ, насчетъ бани совсѣмъ и забылъ!

Фельдфебель слегка крякнулъ; это всегда такъ случалось, когда онъ чего-нибудь не одобрялъ.

На другой день дежурный по ротѣ потащилъ цѣлый вѣникъ, или букетъ, самыхъ лучшихъ цвѣтовъ на барскій дворъ,—это Ольгѣ Борисовнѣ. Фельдфебель на это крякнулъ. А вскорѣ пришлось ему покряхтывать такъ часто, что капитанъ однажды даже осерчалъ:—ты, братецъ, хоть лакрицы прими, или огуречнаго разсолу натощакъ, — что у тебя тамъ въ горлѣ? — и притомъ отдалъ приказаніе:—одиночку завтра сдѣлать безъ меня; я поѣду.

— Слушаю-съ!—и, повернувъ на лѣво-кругомъ, фельдфебель опять-таки крякнулъ.

Какъ человѣкъ, душой и тѣломъ преданный службѣ, онъ ничего подобнаго одобрять не могъ; хотя онъ очень любилъ своего капитана и уважалъ даже его слабость къ цвѣтамъ, но когда еще разъ капитанъ забылъ насчетъ ротной бани и опять-таки послалъ дежурнаго съ ворохомъ цвѣтовъ, приказавъ при томъ „одиночку“ производить безъ себя—то фельдфебель почти и говорить пересталъ, а только все кряхтѣлъ.

— Этакъ служить нельзя!—думалъ онъ про себя.

Однако, отдавая однажды приказаніе отдѣленнымъ унтеръ-офицерамъ, не удержался и промолвилъ: — теперь старайтесь сами, господа: были у насъ цвѣточки—это ничего, а вотъ, пошли ягодки,—ну, такъ... тово!—и крякнулъ очень сердито.

Отдѣленные только дернули носами;—этакъ служить нельзя!—подумали они сами.

Не удивляйтесь, господа нестроевые читатели мои и прекрасныя читательницы (у насъ и такія бываютъ), что подобные пустяки, какъ покряхтываніе фельдфебеля, описываются здѣсь такъ подробно. Если бы вы послужили лѣтъ, по крайней мѣрѣ, нѣсколько, въ твердомъ фронтѣ, подъ начальствомъ господина основательнаго фельдфебеля, или имѣли бы его подъ вашимъ начальствомъ, (а съ нами случалось и то и другое), то вы поняли бы досконально, пустяки ли это, когда онъ крякнетъ неодобрительно...

Гдѣ ты, Иванъ Никитичъ Бурлаковъ, фельдфебель и кавалеръ 2-й гренадерской роты Генералъ-Фельдмаршала Графа Румянцева Задунайскаго храбраго полка? Здравствуешь ли ты, почтенный и

Digitized by Google

уважаемый до того, что ни одинъ офицеръ изъ всего полка никогда не проходилъ мимо тебя, не спросивъ о твоемъ здоровьѣ?..

А здоровье это я вамъ скажу, было такого сорта, что, когда, скомандовавъ „смирно“, разсчитывалъ онъ роту и назначалъ пальцемъ *первые* и *вторые* ряды, то султаны этихъ рядовъ качались, какъ сыръ-боръ дремучъ подъ вѣтромъ; такая была ручка у него, и только онъ одинъ не понималъ ея невольной тяжести...

И этакой-то богатырь бывало крякнетъ тебѣ неодобрительно!..

Поди-же, и душу имѣлъ онъ шелковую, и сердце добрѣйшее, а какъ крякнетъ кому-нибудь—трепетъ беретъ человѣка, сконфузитъ даже храбраго.

Это, надо полагать, потому, что если такой, всѣми уважаемый человѣкъ оказывалъ знакъ своего неодобренія, то для людей честныхъ неодобреніе это было хуже и страшнѣе всякаго наказанія.

Гдѣ же ты, мой почтенный и любезный Иванъ Никитичъ? Вѣроятно—померъ... Ну, такъ царство тебѣ небесное и вѣчная память!...

Но возвратимся къ капитану и въ короткихъ словахъ разскажемъ всю его цвѣточную исторію. Опишемъ нѣсколько подробнѣе только одно важное обстоятельство. Ольга Борисовна весьма скоро пожелала видѣть цвѣтники капитана. Батюшка ея, какъ онъ самъ сказалъ, ни въ чемъ и никогда не имѣлъ силъ отказать ей; а капитанъ очень радъ. Назначенъ день посѣщенія.

Какая наканунѣ этого дня чистка поднялась на ротномъ дворѣ, объ этомъ предоставляется судить каждому. Довольно того, что фельдфебель, смекнувъ, что дѣло идетъ уже не „пуръ се ле петанъ“, то есть, не нашутку, а можетъ кончиться исправно и благополучно, не только пересталъ кряхтѣть, а даже самъ принялъ дѣятельное участіе въ чистотѣ и распоряжался, точно какъ будто передъ инспекторскимъ смотромъ.

Въ это время жары стояли пекучія, и потому посѣщеніе назначено было послѣ обѣда. Капитанъ расчиталъ просить гостей откушать у него чай; лиха бѣда—почувствовался нѣкоторый недостатокъ посуды и чайныхъ ложекъ. Хотя субалтернъ-офицеръ и юнкеръ приглашены были на чай съ собственными ложками, но, во-первыхъ, серебро оказалось уже слишкомъ разнокалиберное, во-вторыхъ—его всетаки не хватало на цѣлую персону. Но ловкій Авдѣичъ, деньщикъ капитанскій,—взялся „обработать“ это дѣло и дѣйствительно обработалъ, досталъ у солдатки ложку, почти серебряную. Два походные четвероногіе самовара, раскорячившись, сверкали на кухнѣ;—стаканы тоже блестѣли хруста-

Digitized by Google

лемъ, и чашка съ надписью „кого люблю тому дарю“, а на оборотѣ—„въ день вашего ангела“, красовалась на подносѣ, заново выкрашенномъ въ послѣдній разъ, когда въ штабу крыли киноварью погоны...

Словомъ, все было „обработано“, какъ нельзя пристойнѣе и великолѣпнѣе; и, когда на другой день пріѣхали гости, то и папенька и дочка были въ конецъ очарованы и этимъ великолѣпіемъ и радушнѣйшимъ пріемомъ, и угощеніемъ, какое задалъ имъ господинъ капитанъ.

Но все это пустяки въ сравненіи съ тѣмъ восхищеніемъ, какое поразило гостей передъ отъѣздомъ ихъ, когда совсѣмъ стемнѣло. Передъ балкономъ, на которомъ пили чай, посреди цвѣтника, вдругъ ни съ того ни съ сего выросла изъ цвѣтовъ фигура, удивительно живо намалеванная на прозрачномъ полотнѣ и освѣщенная плошками сзади; она изображала какую-то прекрасную иностранную богиню цвѣтовъ и, хотя была мѣстами плохо одѣта, но улыбалась точно живая; а по бокамъ у нея два, совсѣмъ неодѣтые, купидона, и съ золотыми стрѣлами, тоже скалили зубки. Это смастерилъ юнкеръ. И въ тоже время изъ за кустовъ послышался мягкій трепещущій запѣвъ:

„Лишь только занялась заря“...

И вдругъ грянулъ хоръ:

„И солнце встало вверхъ горя!...
„И освѣтило земной кругъ!...

Это дернули ротные пѣсенники.

„Пошла пастушка съ стадомъ въ лугъ,
„Къ пото-о-камъ чи-истыхъ во-о-о-одъ!

Ольга Борисовна такъ и ахнула.

— Подобной прелести,—воскликнула она,—я не видала во всю мою жизнь!—и покраснѣла.

А помѣщикъ взглянулъ на дочь, и, просто, растаялъ!

— Вы подарили намъ, Алексѣй Дмитріевичъ, прелестнѣйшій вечеръ!

Капитанъ кланялся;—помилуйте!..—и дальше въ этомъ родѣ.

Съ этого вечера началось дѣло не на шутку. Дальше пошли разныя прогулки—то на пасѣку, то съ пѣсенниками на лодкѣ, по озеру, то по грибы да по ягоды. Дальше въ лѣсъ, больше дровъ—и нашего капитана отъ Ольги Борисовны ужъ и не оторвать; а она, чуть глазки съ утра открыла,—подавай ей Алексѣя Дмитріевича. А старикъ отецъ, какъ лунатикъ: и ходитъ, и ѣздитъ, и гуляетъ, самъ не знаетъ куда, куда потащутъ его.

Digitized by Google

Старость, господа вы мои милостивые, вещь столько же почтенная, сколько и скучная. Что же касается молодости, то никто ничего глупѣе и своевольнѣе, да зато же и радостнѣе—и вѣкъ не видалъ. Напримѣръ, у капитана съ Ольгой Борисовной и будней не было, все праздники...

Короче сказать, къ осени всѣ эти праздники, удовольствія и прелести кончились извѣстнымъ рапортомъ полковому командиру:—„имѣя намѣреніе вступить въ первый законный бракъ „съ дѣвицею Ольгою Борисовною такою-то“ и проч. и проч. Подписалъ—„Ротный командиръ Балдинъ“.

А въ добрый часъ, коли вамъ этого хочется, Господь съ вами! Начальство не прекословило, разрѣшило.

III.

Не станемъ описывать свадьбы,—это было-бы и длинно, и безполезно;—упомянемъ только о томъ, что, когда прекрасная *молодая* ѣхала рука въ руку съ мужемъ отъ вѣнца, то, крѣпко пожавъ ему руку, сказала:—Боже мой! какъ мнѣ хорошо!—и, вздохнувъ, прибавила:—ничего этого не было бы, если бы не *онъ*, нашъ добрый, храбрый Иванъ, или Иванычъ, или Ивановъ, царство ему небесное!“—и перекрестилась.

— Да,—промолвилъ капитанъ,—*онъ* мнѣ подарилъ еще разъ жизнь, и жизнь такую прекрасную!

Кучеръ, конечно, не видалъ, но весьма правдоподобно, что молодые поцѣловались крѣпко

И еще упомянемъ о томъ, что офицеры всего полка и множество помѣщиковъ съ семьями своими пировали на этой свадьбѣ три дня. Помѣщикъ былъ богатъ и, выдавая замужъ единственную горячо-любимую дочь, раскошелился по-русски.

Полковой казначей сосчиталъ и увѣрялъ потомъ, что винъ выпито столько, что, если бы все слить въ узкое русло, то рота не могла-бы перейти эту рѣчку въ бродъ. Ну, это, положимъ, немножко слишкомъ,—обчелся его благородіе;—можетъ быть, трудно бы было добраться до половины брода, а другую-то половину вѣрно прошли бы по-суху. На этотъ счетъ у насъ, сами знаете, ходоки: рѣку выпьютъ!

На свадьбу прибылъ и почтенный отецъ капитана, старикъ маіоръ, еще съ Ермоловымъ служившій на Кавказѣ. Рота въ особенности рада была этому гостю. Старый служака вставалъ всегда съ пѣтухами, съ солнцемъ, и бродилъ съ своею суковатою дубинкою по всему расположенію роты. Съ каждымъ встрѣч-

Digitized by Google

нымъ солдатомъ непремѣнно останавливался, разговаривалъ очень привѣтно и почти всегда договаривались собесѣдники до того, что солдатъ похвалитъ своего ротнаго командира:—отца родного не надо, ваше высокоблагородіе!

— На это только я его и благословлялъ, братецъ ты мой!..— проговоритъ довольный старикъ и попрощается очень почтенно; встрѣтитъ другаго—и опять тѣ же разговоры.

— Вотъ оно, сударь ты мой,—толковали по этому случаю межъ собою солдатики,—что значитъ истинная пословица—„каковое дерево—таковъ клинъ, каковъ батька—таковъ сынъ!“—вѣрное слово, ребята!

— Дѣйствительно, вѣрное!

Вскорѣ послѣ свадьбы старикъ-помѣщикъ сталъ просить, чтобы зять его, со всѣмъ штабомъ своимъ, переселился къ нему въ усадьбу;—я вамъ сдамъ все мое обзаведеніе въ полное ваше распоряженіе; живите, дѣти, при мнѣ, старикѣ, а одному мнѣ крѣпко скучно что-то!

Но капитанъ не очень желалъ переселяться съ мѣста, которое было ему такъ *по-двору*; онъ намекнулъ объ этомъ фельдфебелю, но и тотъ отвѣтилъ уклончиво:—воля ваша, ваше благородіе,—однако слегка крякнулъ. А капитаншѣ такъ понравилось новоселье, что всякій разъ, какъ только отецъ заговаривалъ о переселеніи, она обнимала его и щептала на ухо:—еще немножко позвольте пожить намъ тутъ!

— Воля твоя, воля твоя,—отвѣчалъ старикъ, и задумывался съ чуть замѣтною улыбкою.

Точно также и старый маіоръ на приглашеніе капитанши поселиться при нихъ, ласково отвѣчалъ всегда одно и тоже:—я васъ, дѣти, люблю пуще Божьяго свѣту, но мое правило: ни сынъ у отца, ни отецъ у сына—не жильцы! Гостить къ вамъ—явлюсь, только кликните, и васъ милости просимъ ко мнѣ; а гнѣзда своего не покину. Развѣ, чего Боже сохрани, ужъ совсѣмъ одряхлѣю.

Такъ все и оставалось въ прежнемъ видѣ.

Однажды вечеромъ, въ концѣ медоваго мѣсяца, вся эта родственная компанія сидѣла за чаемъ; въ окна стучалъ дождь, въ каминѣ пылалъ огонекъ; всѣ помалчивали съ удовольствіемъ. Капитанша замѣтила:—тихій ангелъ пролетѣлъ надъ нами.

— Вообрази, душенька,—отозвался капитанъ,—семь лѣтъ тому назадъ, именно въ этотъ день, я былъ на волоскѣ отъ смерти!

Капитанша встрепенулась:—ахъ, въ самомъ дѣлѣ, сегодня

Digitized by Google

13-е октября!—вспомнила она и какъ-то особенно нѣжно поглядѣла на мужа.

Маіоръ сконфузился.

— Въ первый разъ въ жизни—забылъ; вотъ, что значитъ счастье!—сказалъ онъ недовольнымъ голосомъ.

Дѣло въ томъ, что шесть лѣтъ сряду онъ не забывалъ, живя въ своей хижинѣ, въ казенномъ селѣ, отслушать 13-го октября въ церкви панихиду „за раба Божія Ивана"... И вдругъ забылъ.

— А разскажи намъ, кстати, Алексѣй Дмитріевичъ, поподробнѣе эту исторію, знаешь—со всѣми оттѣнками; а то ты все какъ-то слегка, вскользь говоришь,—попросилъ тесть, и отецъ прикинулъ слово:—разскажи, Алеша.

Въ эту минуту вошелъ фельдфебель и, обращаясь къ маіору, отрапортовалъ:—ваше высокоблагородіе, рота обстоитъ благополучно!—маіоръ во время рапорта привсталъ, опустивъ трубку. Капитанъ тоже всталъ и, отойдя съ фельдфебелемъ къ окну, отдалъ кой-какія приказанія. Капитанша очень серьезно полоскала чашки и, наливъ стаканъ чаю, позвала человѣка; онъ понесъ чай за фельдфебелемъ въ другую комнату.

Молодая капитанша уже успѣла привыкнуть ко всѣмъ этимъ формальностямъ и дѣйствовала какъ по писаному. Не смотря на богатство отца, она хозяйничала сама и не допускала никакой роскоши; чудакъ капитанъ терпѣть не могъ барства, то есть, не вошелъ еще во вкусъ.

— Ну-съ, такъ разскажи исторію-то,—повторилъ отецъ.

Изъ другой комнаты раздался басъ:—покорнѣйше благодарю, ваше высокоблагородіе! Счастливо оставаться!—фельдфебель выкушалъ чай, значитъ, залпомъ, и затѣмъ капитанъ началъ разсказъ.

Повторять то, что уже разсказано, намъ нѣтъ надобности; другое дѣло родственной компаніи; — ей не надоѣстъ двадцать разъ сряду слушать эту повѣсть, объ Иванѣ Ивановичѣ Ивановѣ, которому главнымъ образомъ всѣ были обязаны настоящимъ ихнимъ счастіемъ. А капитанша никогда не забывала въ ежедневныхъ молитвахъ своихъ помянуть спасителя своего мужа, возставъ отъ сна — Ивана, въ полдень — Ивановича, а ложась спать—Иванова; ибо, какъ мы видѣли, навѣрно неизвѣстно было его имя. Ну, да это все равно;—Богу извѣстно.

Нельзя, однако, умолчать и намъ, во-первыхъ о томъ, что когда капитанъ описывалъ „наступленіе" 12-й дивизіи, то маіора,—какъ ни справедливо, но очень картинно выражаются

Digitized by Google

нѣкоторые храбрые люди, — брали черти: онъ силился притвориться совершенно спокойнымъ, а самого его такъ и коробило...

— Прекрасно было смотрѣть, — говорилъ капитанъ, — какъ эти колонны двинулись впередъ и пошли...

— И пошли... — тихо подхватилъ маіоръ, семеня подъ столомъ ногами, какъ будто и онъ пошелъ.

— Ну, и на полъ-картечнаго выстрѣла, крикнули—на руку!..

— Ага! на руку! — повторилъ маіоръ, влѣпивъ глаза въ сына;—ну, и того!..—онъ взялъ чубукъ на руку.

— Ну, и съ воплемъ—ура! какъ громъ ударили на батарею...

Старикъ сжалъ зубы и чуть не пырнулъ чубукомъ въ самоваръ, однако спохватился; — ну, а дальше?— спросилъ холодно.

— Ну, а дальше, я вамъ скажу, и разсказывать нечего: пошла такая ломота, что не приведи Богъ!

— Ломота-а,—прошепталъ маіоръ.

— Вотъ-съ, въ это время и самъ не помню, какъ я очутился между палатокъ; правый флангъ 1-го баталіона сосѣдняго полка взялъ, вѣрно, вправо, а лѣвый флангъ 3-го баталіона нашего полка принялъ, должно быть, влѣво; мы, значитъ, немножко перемѣшались;—это случается въ рукопашкѣ...

— Случается, случается!—подтвердилъ маіоръ.

— И вдругъ,—продолжалъ капитанъ,— передо мной четыре турка, а со мной—ни одного изъ нашихъ... Минута — и вашъ покорнѣйшій слуга—трупъ

Ольга Борисовна насупила брови; въ полуоткрытыхъ малиновыхъ губкахъ ея, точно перлы въ бархатѣ, бѣлѣли зубки...

— Но вдругъ—выстрѣлъ! гляжу — какъ змѣя сычитъ и лѣзетъ фигура и суетъ впередъ штыкъ; ударъ-другой...

— Молодчинище! Мо-о-шенникъ! — проворчалъ маіоръ и, опять спохватившись, сотворилъ скорѣе чуть замѣтно крестное знаменіе: какъ въ самомъ дѣлѣ такъ отзываться, прости Господи, о храбромъ покойникѣ?..

— И изъ четырехъ турокъ остались два трупа; а я — какъ видите!..

— Ну, а онъ-то?—спросилъ маіоръ.

— А онъ — побѣжалъ своей дорогою! Я ему кричу:—стой, стой! кто ты? какъ ты?..—Иванъ!—говоритъ,—или Ивановъ, или въ родѣ этого,—какъ тутъ разслышать? да еще, кажется, противъ вѣтру...

И исторія кончилась опять тяжкими вздохами и тайными душевными поминаніями храбраго неизвѣстнаго покойнаго Ивана, Ивановича, или Иванова,—Господь его знаетъ!.

Digitized by Google

Вечеръ, какъ обыкновенно, кончился возгласомъ: — ну, однако, пора и по домамъ!—Первый всегда отзывался такъ тесть—компанія расходилась.

А поутру, бывало, старики опять какъ тутъ; сойдутся спозаранку и, немножко конфузясь другъ друга, что такъ поторопились, начинаютъ извѣстный пустой разговоръ: — какъ ваше здоровье? Какой прекрасный день, даромъ что осень!

— Не пройтись ли пока?

— Съ удовольствіемъ!..

И они прохаживаются по садику передъ домомъ, все покашиваясь на окна капитанской спальни; тамъ сторы спущены, и ни признака жизни.

Иногда подойдетъ издали и фельдфебель, тоже покосится на окно; Авдѣичъ съ крыльца шепчетъ:—спятсъ-съ, — фельдфебель только крякнетъ слегка и отретируется куда-нибудь подъ прикрытіе.

А старики гуляютъ по палисаднику и въ глубокомъ молчаніи считаютъ—отъ нечего дѣлать свои шаги.

— Семьдесятъ два!..

— А у меня, вообразите—восемьдесятъ три!

И снова, покосившись при поворотѣ на окно, пойдутъ и опять повѣряютъ шаги.

— У меня теперь ровно восемьдесятъ!

— А у меня, представьте, семьдесятъ девять!..

— Оказія!

— Именно, оказія!..

Наконецъ-то, изъ-за приподнятаго уголка сторы покажется розовый носикъ и послышится легкій, полусмѣющійся вскрикъ: ахъ, какой срамъ!.. такъ поздно!..

Но въ сущности, никакого тутъ сраму не было: хорошо спится—вотъ и все.

IV.

Мѣсяцевъ черезъ пять послѣ свадьбы своей капитанъ получилъ, вмѣсто теперешней телеграммы, тогдашнюю эстафету, т. е. экстренное письмо. Священникъ села задрыгалова, — именно тамъ, гдѣ жилъ капитанскій отецъ,—извѣщалъ сына такъ:

— Его высокоблагородіе, высокопочитаемый господинъ „маіоръ и кавалеръ, а вашего благородія достойный родитель, „весьма занемогъ внезапу: въ субботу посѣтилъ баню, на полкѣ, „нарочито горячемъ, изволилъ сильно выпариться и вытереться

Digitized by Google

„скипидаромъ, рѣдькой и перцовкой единовременно; за симъ „пѣше прибылъ домой, испилъ чаю, легъ — и встать уже не „могъ. Находится въ полномъ чувствіи и желаетъ васъ видѣть“ и проч.

— Оленька, я ѣду,—сказалъ капитанъ, войдя къ ней въ комнату, съ письмомъ въ рукѣ.

Ольга Борисовна переполошилась, но успокоившись объявила, что ни за что на свѣтѣ одного его не отпуститъ:—къ тому же, и мнѣ надо съѣздить къ папенькѣ—я обѣщала ему.

Сказано—сдѣлано: въ штабъ полетѣлъ нарочный, съ рапортомъ. Богатѣйшій возокъ, обшитый кругомъ цыновкой, — какъ кулебяка на широкомъ серебряномъ блюдѣ, стоялъ къ утру на расчищенной бѣлоснѣжной площадкѣ у крыльца. Ключница, бывшая нянька барыни, до свѣту начиняла его подушками, погребцами, корзинками съ разнымъ съѣстнымъ.

Поручикъ, юнкеръ и прочій штабъ прибыли со свѣтомъ; пріѣхалъ старый баринъ — и не прошло часа, какъ всѣ, забутанные, усѣлись на минутку, помолились, облобызались и путешественники полѣзли въ возокъ. Авдѣичъ въ форменной шинели съ однимъ басономъ и богатѣйшей собакой на воротникѣ—подсадилъ въ возокъ горничную, а самъ помѣстился въ крытомъ нарочно устроенномъ сзади возка мѣстѣ, точно баринъ какой: „пошелъ!“ говоритъ.

— Счастливый путь! съ Богомъ!

И зазвенѣлъ гулкій валдайскій колокольчикъ.

Ѣзды было всего двое сутокъ съ небольшимъ.

Дражайшаго родителя застали на ногахъ. Увидѣвъ дѣтей, старикъ отъ радости такъ растерялся, что даже ничего не сказалъ складнаго:—этакъ, такъ... вдругъ, Господи! какъ же это?

Но, разцѣловавшись, спохватился и принялъ совершенно спокойный видъ.

— Какъ же вы, папенька, перепугали насъ!—пропѣла ему въ самый носъ Ольга Борисовна, сжавъ въ ладоняхъ своихъ его сѣдую голову, и поцѣловала его прямо въ правый глазъ.

Маіоръ заморгалъ, опять растерялся и непривычныя слезы вытиснулись изъ его старыхъ глазъ...

Однако, подобравъ трясущіяся и готовыя зарыдать губы, выпрямился, глянулъ на сына, на образъ, и довольно твердо сказалъ:

— Это братъ, Алеша, молитвами покойной матери твоей наградилъ насъ Богъ такимъ.. та-а-кимъ... ангеломъ! — и безъ шапки ушелъ въ сѣни...

Digitized by Google

— Ахъ какой онъ добрый, милый! ахъ какой почтенный твой папаша!—Ольга Борисовна отвернулась и начала рыться въ дорожномъ мѣшкѣ, ничего однако не доставая оттуда...

Черезъ десять минутъ, въ сопровожденіи маіора, вошелъ сѣденькій [священникъ, перекрестился на образа: — съ пріѣздомъ имѣю честь поздравить!

Чета подошла къ нему подъ благословеніе.

— Просимъ садиться, батюшка!

Но въ углу подъ иконами дьячекъ уже зажегъ свѣчи на столѣ, положилъ Св. Евангеліе, крестъ—и, надѣвъ эпитрахиль, священникъ началъ тихо: „Благословенъ Богъ нашъ всегда нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ!“

— „Аминь!“

Молебствіе началось.

И опять чистое, покорное, свѣтлое лицо колѣнопреклоненнаго старца обратилось съ вѣрою къ святой иконѣ, но уже не ветхія старухи окружали его: молодая чета, Авдѣичъ, горничная и мальчуганъ въ полушубкѣ—камердинеръ маіора,—всѣ стояли на колѣняхъ. И когда послѣ молебствія священникъ началъ краткое поминаніе по душѣ усопшей рабы Божіей Наталіи—имя матери капитана—и павшаго въ битвѣ христолюбиваго воина Ивана, то капитанъ поникъ головою, а на румяныхъ щечкахъ молодой жены его засверкали двѣ искорки,—огонь свѣчей отразился въ крупныхъ слезинкахъ...

Недѣлю прогостили наши молодые у своего почтеннаго отца. Старикъ не только выздоровѣлъ, а даже помолодѣлъ. Часто, по вечерамъ, бывалъ у нихъ и престарѣлый священникъ, и, по требованію маіора, однажды за чаемъ, и тоже передъ камелькомъ, капитанъ долженъ былъ разсказать, неизвѣстно въ который разъ, исторію своего избавленія храбрымъ Иваномъ, а можетъ быть—Ивановичемъ, или же—Ивановымъ.

— И вотъ, двинулись колонны...

— Простите, не дослышу; послышалось — колонны...—спросилъ удивленный священникъ.

— Да, да, колонны, съ барабаннымъ боемъ ..

— Насчетъ барабановъ я понимаю-съ, а касательно колоннъ—какъ-же-съ? на ходу... относительно высоты-съ...

Маіоръ сталъ-было объяснять священнику, да вдругъ обратился къ сыну:—ты вообрази себѣ, что батюшка сорокъ лѣтъ отсюда ни съ мѣста, и въ уѣздѣ не бывалъ; а ужъ лѣтъ шестьдесятъ, по словамъ старожиловъ, прошло, какъ тутъ проходилъ, на возвратномъ пути изъ французскаго похода, какой то полкъ

Digitized by Google

въ полномъ составѣ. А потомъ, кромѣ этапу, никто никого и въ глаза не видалъ изъ „нашихъ“,—и маіоръ ткнулъ пальцемъ въ грудь.—Какое же тутъ понятіе о колоннахъ, послѣ этого?.. Батюшка думаетъ—столбы.

Однако, разсказъ про покойнаго Ивана, помимо всѣхъ недоразумѣній священника, состоялся. Покойному богатырю всѣ воздали честь, хвалу и великую благодарность; и если, послѣ всего этого, храбрый и сердитый богатырь не попалъ въ царствіе небесное, то ужъ это была бы его собственная вина, ибо много и сокрушенно поминали его и молились о немъ весьма достойные люди.

Ровно черезъ недѣлю за тѣмъ, богатѣйшая кибитка, или возокъ, великолѣпно катила восвояси.

На другой день путешествія поднялась та именно мятель и завируха, пользуясь которой лѣшіе и полевики сбиваютъ съ пути путешественниковъ, особенно хмѣльныхъ. Но такъ какъ Авдѣевъ изъ предосторожности пересѣлъ изъ своего прикрытія на козлы, ибо ямщикъ жаловался, что ему „снѣжище залѣпляетъ глаза“,—да, кажется, и винище залило ихъ маленько,—то наши путники съ дороги не сбивались.

До дому оставалось всего двѣ станціи, на третьей должна была ждать подстава, собственная четверня.

Ольга Борисовна немножко истомилась; въ возкѣ ей было душно; она прислонилась лицемъ къ окошечку возка и вдыхала въ себя холодный воздухъ. Вьюга визжала, свистѣла и мела столбы снѣгу, то вдоль, то поперекъ дороги.

Вдругъ Ольга Борисовна крикнула:—стой!

— Что съ тобою, ангелъ мой?

— Солдатъ, душенька!

— Какой солдатъ?

— Прикажи скорѣе остановиться!—просила она мужа;—солдатъ, бѣдняжка, старичокъ идетъ, и совсѣмъ занесло его.

Возокъ остановили. Капитанъ приказалъ Авдѣичу подождать прохожаго солдата и посадить его сзади возка,—пусть сидитъ.

Солдатъ громко поблагодарилъ черезъ стекло окошка и усѣлся.

— Трогай!.. съ Богомъ.

На станціи живо перепрягли свѣжихъ лошадей.

— Что солдатъ?—спросила барыня.

— Спитъ, какъ убитый,—отвѣтилъ, улыбаясь, Авдѣичъ.

— Пошелъ!—и колокольчикъ залился съ вьюгой, словно рас-

Digitized by Google

плакавшійся упрямый мальчишка, пѣлъ и хныкалъ, онъ, перекрикивая разразившуюся пѣвучею бранью злую сѣдую мачиху—кто кого перевопитъ?

На второй станціи та же исторія—солдатъ спитъ. Экой сонный богатырь!

На третьей онъ пожаловался, что весь продрогъ. Приказано поднести ему стаканъ водки.

Пока закладывали лошадей, онъ подошелъ къ дверцамъ возка; капитанъ опустилъ стекло.

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше благородіе. Богъ васъ награди! Теперь и до дому недалече!..—объяснялъ онъ капитану.

— Да гдѣ же твой домъ?

— А въ селѣ Хорошиловѣ, ваше благородіе; верстъ небольше сорокъ отсель.

— Да вѣдь тамъ стоитъ 3-я рота? — спросилъ капитанъ Авдѣева.

— Да, коли тебѣ въ Хорошилово,—сказалъ Авдѣевъ солдату,—такъ отъ насъ всего верстъ восемнадцать.

— Да ты, кажется, и кавалеръ?—спросилъ капитанъ, замѣтивъ подъ снѣгомъ ленточку на груди солдата.

— Точно такъ, ваше благородіе; получилъ таковую честь отъ Государя!

Кавалеру приказано сѣсть на старое мѣсто.

— А я тебѣ завтра дамъ кляченку до Хорошилова... Пошелъ, ямщикъ!

— Насилу-то пріѣхали! ахъ, какъ же я устала, Варварушка! чаю, чаю, скорѣе! ради Бога, чаю!—просила старухуняню Ольга Борисовна, разоблачась изъ всѣхъ своихъ шубокъ, муфтъ, ботинокъ и десяти платочковъ, которыми мужъ опуталъ ее, какъ жадный паукъ опутываетъ золотистую мушку, попавшую въ его хитрыя сѣти.

— Да тебѣ нехорошо, ангелъ мой?—спрашивалъ паукъ... виноватъ, мужъ.

— Нѣтъ, только устала, дружокъ мой.

За чаемъ вспомнили о солдатѣ:—ну, что—не замерзъ-ли нашъ кавалеръ?

Авдѣичъ улыбался:—чево ему мерзнуть—старый кремень! совсѣмъ отошелъ теперь!

Барыня сказала на это, что она ужасно рада, что хоть не-

Digitized by Google

множко облегчили ему дорогу:—вѣдь ужасно, какъ, они, бѣдные, ходятъ!

Капитанъ тоже улыбался.

— Однако, постой! позови-ка его сюда!—крикнулъ онъ Авдѣеву;—хочу разспросить, гдѣ онъ получилъ крестъ. Можетъ быть, мы дрались вмѣстѣ.

Кавалеръ успѣлъ пришпилить свой крестъ, поочистился, пообтянулся и явился капитану молодцомъ: то есть былъ приземистъ, сутуловатъ, бѣлобрысъ, съ здоровымъ носомъ и только глядѣлъ не по чину строго,—весь тутъ и молодецъ.

— Здорово!

— Здравія желаю, ваше благородіе!

— Гдѣ ты, братецъ, получилъ орденъ?

— Въ крымскую кампанію, ваше благородіе!

— А гдѣ именно?

— Мы, ваше благородіе, отошли это, послѣ—изволите знать—отъ Чоргуна къ Чорной...

— Какъ?.. ты былъ подъ Чоргуномъ? ты 12-й дивизіи?

— Точно такъ, ваше благородіе! подъ самымъ *Кадыкомъ* дрался.

— Вотъ счастіе-то! вообрази, душенька, землякъ: вмѣстѣ дрались,—объяснялъ капитанъ женѣ.

Бѣлобрысое лицо солдата нѣсколько оживилось, и онъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ продолжалъ:—что Кадыки! какая тамъ драка, коли онъ, ваше благородіе, извините на словѣ,—солдатъ обратился при этомъ къ барынѣ,—а такъ сказать, ваше благородіе, все единственно—свинопасъ, бѣжитъ и штаны теряетъ и больше ничего не предпринимаетъ.

Всетаки, братецъ, какъ, напримѣръ, мнѣ случилось наткнуться на четверыхъ, такъ тутъ не всегда и со свинопасами управишься.

— Богъ не выдастъ—свинья не съѣстъ, ваше благородіе; я самъ такое счастіе имѣлъ: этто, гонимъ ихъ, какъ барановъ, гляжу, а—нехуже вашего благородія—четверо ихъ, и одинъ цѣлитъ въ офицера...

Капитанъ вскочилъ:—ну!..—и вглядывался въ солдата.

Кавалеръ понизилъ голосъ:—ну, я ничево, ваше благородіе,—приложился и положилъ...

— Ивановъ!—вскрикнулъ капитанъ; капитанша ахнула, а капитанъ кинулся на шею солдату.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше благородіе, Андроновъ-съ.

— Да ты—Иванъ?

Digitized by Google

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, Артамонъ.

— Но ты меня спасъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе,—сомнительно продолжалъ кавалеръ;—тѣ были, помнится, совсѣмъ молодые-съ, то есть безъ баковъ.

— Разсказывай, какъ?

И по разсказу сразу же оказалось, что именно онъ спасъ капитана, въ то время почти безусаго подпоручика...

Боже мой, что за радость! Капитанша даже поцѣловала бѣлобрысаго героя.

— Да какъ же ты отозвался мнѣ—Иванъ, или Ивановъ?..

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, не могъ я такъ облыжно отзываться, извините ваше благородіе. А меня—я это какъ сейчасъ помню—ихнее благородіе хотѣли задержать, а наши ушли—ну, я, извините ваше благородіе, изволилъ сказать: некогда...

— Ну, да-да! а Ивановъ-то какъ же?

— А ужъ не могимъ знать, ваше благородіе, а только они это сказали: — дай тебѣ Богъ за то счастья;—ну, я на этотъ счетъ, извѣстно, изволилъ отвѣтить просто:—и вамъ тоже.

— *И вамъ, и вамъ!* Вотъ оно!—разсмѣявшись, кричалъ капитанъ, и капитанша смѣялась сквозь слезы;—и вамъ, и вамъ,—вотъ тебѣ и Иванъ!

— А мы, другъ мой, давно тебя похоронили, и отпѣли, и оплакали!...

Кавалеръ улыбнулся.

— Какъ можно, ваше благородіе, живаго человѣка хоронить. А только я осмѣлюсь доложить,—и по спискамъ такъ, да вотъ и билетъ мой—Артамонъ Андроновъ числюсь!..

Въ дверяхъ стоялъ помѣщикъ, отецъ Ольги Борисовны.

— Папенька!.. какое счастье!.. вотъ кто спасъ Алексѣя; и отыскала его—я!

— Какъ такъ?..

Оставимъ всѣхъ ихъ ихней великой радости!..

Въ тотъ же день полетѣла эстафета къ старику маіору, чтобы и тамъ *оставили* попеченіе о душѣ раба божія Ивана, ибо онъ здравствуетъ, ничего общаго съ покойникомъ не имѣетъ и преспокойно живетъ въ чистой отставкѣ, подъ собственнымъ именемъ Артамона Андронова.

Digitized by Google

Вообразите, какъ вскочилъ и побѣжалъ маіоръ къ священнику, и какъ ахнула, всплеснувши руками, матушка іерейша!..

Черезъ недѣлю въ дѣвичьей капитанши сидѣла совсѣмъ дряхлая, сухая и почти слѣпая старуха, — ее отпаивали чаемъ. А по кабинету шагалъ капитанъ и объяснялъ вытянувшемуся, но совсѣмъ уже не сердитому кавалеру: — я тебя, братъ Артамонычъ, посажу тутъ, при дворѣ, дамъ тебѣ съ матушкой твоей,—вѣдь этакой счастливецъ, мать жива!—дамъ тебѣ теплую хату; барыня у меня, самъ ты видишь, добрая, призритъ васъ; и живите себѣ, какъ у Христа за пазухой.

— Чюфствительно благодарю, ваше благородіе, Алексѣй Дмитричъ!.. по гробъ жизни будемъ молить Бога за васъ. А всякое дѣло, какое прикажите, исправлю, то есть какъ отцу родному!..

Да какое жъ тебѣ я дамъ, братецъ, дѣло?.. погоди!.. развѣ вотъ что...

Въ эту минуту въ кабинетъ вошла Ольга Борисовна.

— Предоставь это мнѣ Леша: я Андронова нашла — онъ и будетъ мнѣ служить.

— Матушка, ваше благородіе, дѣловъ этихъ женскихъ, ваше благородіе, не могу знать я... смыслу такого нѣтъ-съ.

— Можешь смотрѣть за цвѣтами?—перебила его капитанша.

Кавалеръ вытаращилъ глаза, зашевелилъ пальцами, и на носу у него выступилъ легкій потъ.

— Можешь ухаживать за цвѣтами?—повторила барыня—и кавалеръ вдумываясь въ эту странную обязанность, даже испугался:—куда жъ ихъ понесетъ нелегкая, цвѣты-то?—мелькнулся ему вопросъ,—какъ за ними ухаживать?.. Что это за маршевые цвѣты такіе?.

— Все равно, ты, Андронычъ, будешь мой главный садовникъ, будешь цвѣты поливать; и, кромѣ меня, никто тебѣ не начальникъ,—пропѣла прекрасная барыня, положа ему обѣ руки на плечи.

— Радъ стараться, ваше благородіе! — гаркнулъ кавалеръ *во всю ивановскую*, отъ всего сердца, такъ что барыня вся вздрогнула съ испугу... покраснѣла и разсмѣялась:— какой онъ чудесный.

Digitized by Google

СУХОДОЛЬЩИНА.

Всякъ своего счастья кузнецъ.

I.

О томъ какъ Алеха уѣзжаетъ изъ Суходоловъ.

Деревня Суходолы раскинулась широкой и длинной улицей, промежъ необозримыхъ пахатныхъ полей. Далеко за этими полями, съ одной стороны синѣетъ лѣсъ, съ другой, еще дальше, виднѣются вѣтряныя мельницы села, садъ и крыша барской усадьбы, а въ ясную погоду крестъ приходской церкви блеститъ надъ темнымъ куполомъ. Съ остальныхъ же сторонъ—все поля, ровныя какъ море, словно и конца имъ нѣту.

Не весела улица суходольская. Тоскливо тянется она промежъ серенькихъ приземистыхъ избушекъ. Двѣ-три хоромины еще желтѣютъ свѣжими срубами своими; на одной даже выведенъ не то конекъ, не то поросенокъ рѣзной на свѣсѣ крыши, а остальныя избенки все больше стоятъ покривившись, съ прислѣповатыми оконцами, съ почернѣлыми и дырявыми крышами. На рѣдкость при которой-нибудь свѣсились черезъ прясла на улицу зеленыя вѣтки рябины, черемухи и кой-гдѣ по тычинкамъ вьется кудрявый хмѣль. Нѣсколько колодцевъ съ скрипучими очепами, вдоль улицы и на задахъ; на иныхъ дворахъ шесты со скворѣчниками и голыми вѣниками—и поодаль, деревни, подлецъ-кабачекъ съ своимъ вѣночкомъ еловымъ и бутылкой на шестѣ; болтается она, какъ змѣя присвистываетъ въ вѣтряную погоду. Вотъ и всѣ почти украшенія деревни Суходоловъ.

Впрочемъ, было тамъ и пріютное мѣсто, довольно красивое: по загуменьямъ, вдоль деревни точился ручеекъ; за кабакомъ звонко падалъ онъ въ небольшой ярокъ и этимъ яркомъ незамѣтно извивался промежъ низкихъ кустарниковъ ивняка и осинника—и убѣгалъ далеко въ поля деревенскія. Вотъ тутъ именно,

Digitized by Google

въ этомъ ярку, было очень пріютное и милое мѣсто; сюда сбѣгались ребятишки поиграть въ камешки и, подобравши рубашонки, побродить по водѣ студеной.

Было раннее осеннее утро; моросилъ мелкій дождикъ; уже скотъ ушелъ въ поле, и только кой-гдѣ запоздалый хозяинъ спѣшилъ со двора на работу. Изъ воротъ одного двора выѣхала одноконная подвода: телѣга съ коробомъ, лошаденка гладкая, дуга зеленая—видать не здѣшняя. Подвода выѣхала и остановилась посреди грязи. Въ синемъ армякѣ, подъпоясанъ краснымъ поясомъ и въ хорошей фуражкѣ на головѣ, сидѣлъ въ телѣгѣ, должно быть, дворовый человѣкъ и позѣвывая, прихлестывалъ кнутишкомъ по лужѣ. Сидѣлъ онъ такъ минутъ съ пять и соскучалъ, видно.

— Скоро-ли, эй сватъ, Сидоръ! — крикнулъ онъ громко и сталъ стегать по сѣделочкѣ, придержавъ возжей тронувшуюся лошаденку.

Отвѣта не было; но чрезъ минуту вывалила изъ избы цѣлая семья—и старъ, и малъ; лица у всѣхъ были скучныя, заплаканныя. Семья провожала въ дальнюю дорогу мальчишку, сынка хозяйскаго: отродясь не бывалъ онъ дальше погоста, что видѣнъ изъ деревни,—а тутъ приходится извѣдать свѣта, далеко-далеко отъ родной деревни...

Отецъ велъ его за руку; старуха-бабка шла съ другого боку, положивъ свою костлявую руку на головенку мальчишки, и тихо шептала что-то. Мать шла позади ихъ, утирая слезы, и вела за руку дѣвчонку лѣтъ пяти.

— Ну, братъ Леха! садись; катнемъ съ тобой!—промолвилъ, улыбаючись дворовый человѣкъ и посторонился въ телѣгѣ, очищая мѣсто новому дорожнику.

Мальчикъ глянулъ на него большими голубыми глазами своими, потомъ робко покосился на отца—и вдругъ повернулся, припалъ къ старухѣ и заплакалъ тихонько, притискиваясь къ ней.

— Прощай, Леша, дай Богъ въ добрый часъ!—проговорилъ отецъ не то ласковымъ, не то строгимъ голосомъ.

Мать захныкала въ голосъ, дѣвчонка взглянула на нее и на батюшку своего, вцѣпилась въ сарафанъ матери и также залилась своимъ дѣтскимъ плачемъ. Старуха-бабка не плакала; обѣими костлявыми руками притиснула она къ себѣ кудрявую головенку мальчишки, съ которой шапка свалилась на-земь; сухіе глаза старухи горѣли злою скорбью, острый подпородокъ шевелился, двѣ-три сѣдыя косы волосъ упали изъ подъ платка на

Digitized by Google

лицо; она шопотомъ причитала что-то и безсмысленно глядѣла передъ собою.

— Не хочу, бабушка! не поѣду!—зарюмилъ мальчикъ, вцѣпившись въ старуху;—пойдемъ назадъ, бабушка!

— Эхъ, ты, дурачекъ!—отозвался улыбаючись дворовый человѣкъ:—своево счастья боишься! садись, полно кукситься! знаешь, какъ катнемъ съ тобою!

— Простись, матушка,—промолвилъ отецъ старухѣ и взялъ мальчика за плечо.

Старуха приникла къ головѣ внука своего.

Въ эту минуту отодвинулось волоковое окошко въ избѣ и показалось въ немъ старенькое, сухое и прислѣповатое лицо дѣда, а изъ дверей избы выбѣжалъ невзрачный парень, лѣтъ двадцати слишкомъ. Парень принесъ мѣшокъ, сунулъ его въ телѣгу и обратился къ мальчику:

— Ну, братъ Леха, совсѣмъ прощай! дай тебѣ Господь пути счастливаго!

— Прощай, Леша! прощай, внукъ любезный! Господь съ тобой! храни тебя Пресвятая Владычица небесная!—кричалъ изъ окна дѣдъ глухимъ и хриплымъ голосомъ и сотворилъ крестное знаменіе.

Всѣ стали прощаться съ мальчикомъ; всѣ перецѣловали и осѣняли его крестомъ; онъ только плачемъ отвѣчалъ на поцѣлуи.

— Сажай!—сказалъ дворовый человѣкъ, примигнувъ хозяину—и отецъ поднялъ мальчика, посадилъ въ повозку, и самъ вскочилъ на облучокъ.

— Съ богомъ!

— Прощай, бабушка! прощай, сватьюшка! всѣмъ поклонъ нашъ!—приподнялъ фуражку дворовый—и чмокнулъ на лошаденку.

Лошадь рванулась съ мѣста, грязь заплепала.

— Съ Богомъ, путь добрый!—кричали въ слѣдъ уѣзжающимъ—и звонко заплакала мать, въ голосъ стала причитать старуха; изъ телѣги пронеслось отвѣтное рыданье, а рысистая лошаденка усердно тропотала по грязной улицѣ — только брызги летѣли отъ колесъ.

Семья осталась у воротъ, провожая глазами уѣзжающихъ путниковъ, а старуха тихо побрела вдоль избъ за ними, какъ будто еще надѣялась попрощаться съ внукомъ своимъ.

Не доѣзжая кабака, Сидоръ, сидѣвшій на облучкѣ, оглянулся; передъ самымъ кабакомъ повозка остановилась. Но никто не

Digitized by Google

тронулся съ нее,—а вынесъ цѣловальникъ бутылку да чарку, два раза налилъ дворовому; онъ выпилъ, поклонился и опять погналъ лошаденку. Еще разъ оглянулся хозяинъ.

Проводилъ онъ сына версты двѣ за деревню; попрощался съ нимъ, попрощался съ дворовымъ; съ минутку постоялъ на дорогѣ. глядя въ слѣдъ за ними,—и вернулся назадъ.

Подходя къ кабаку, онъ принагнулся—обувь поправить на ногѣ; поправляетъ, а самъ глядитъ съ-подлобья вдаль, на избенку свою: тамъ у воротъ никого уже не было. Сидоръ шмыгнулъ въ кабакъ, и не замѣтилъ бѣдняга, что изъ-за угла крайней избы зорко глядѣлъ сухой глазъ старухи, и тонкія безкровныя уста ея шептали свое беззвучное причитанье...

— Ну, что, проводилъ?—спросилъ входящаго Сидора цѣловальникъ, разставляя на полкѣ свои косушки.

— Проводилъ,—отвѣтилъ Сидоръ и задумался.

Стоялъ онъ, пощипывая бородку свою; подлядѣлъ въ окно, крякнулъ и опять призадумался.

— Что жъ, доброе дѣло,—молвилъ цѣловальникъ: нѣшто лучше безъ дѣла-то блыкаться? а мальчишка у тебя вѣдь баловной!

— Вѣстимо, оно нехудо; да всежъ—жаль: бабы-то подикакъ ноютъ.

— Мало-ль чего! человѣкомъ выйдетъ: свѣту повидаетъ—разговоръ другой!

— А ужъ другой,—промолвилъ Сидоръ и вздохнулъ.—Налей-ко, Ѳедосѣичъ, восьмушку:—нѣшто у меня на животѣ мутитъ!

Цѣловальникъ молча налилъ стаканчикъ; Сидоръ выпилъ, процѣживая водку сквозь зубы и присмоктывая; крякнулъ, отерся полой и продолжалъ рѣчь:

— Оно извѣстно, малышъ-то и дома былъ почитай, что, непричемъ: птицы у насъ нѣтъ, скотинка небольшая—приставить его не къ чему. Да вѣдь слышь ты: его, дурачка. прямо въ Питеръ везти велѣно—ну, такъ только его, значитъ, и видалъ: отрѣзанный ломоть.

Цѣловальникъ неохотно толковалъ съ своимъ гостемъ и довольно грубо сказалъ наконецъ:—эхъ, вы, не мимо сказано —сиволапые; плачетъ въ Суходолахъ, что сынъ Питеръ увидитъ! Жаль ему, что человѣкъ не помретъ дуракомъ! Да понимаешь ли ты, голова, что тамошняго дурачка здѣсь хоть воеводой сажай: разсудокъ есть! примѣръ видалъ, обхожденіе и правило знаетъ!...

Digitized by Google

— Вѣстимо,—промычалъ Сидоръ.

— Ну то-то и есть! Моли Бога, что парнишка-то на путь попалъ, а то сгинулъ бы ни за нюхъ табаку!...

Сидоръ стоялъ, переминался, почесывался и въ раздумьи проговорилъ:—такъ-то такъ! да все думается—жаль сына: вѣдь ужь теперь онъ пошелъ!—и махнулъ опъ рукой, не договоривъ рѣчи.

— Толкуй,—думается;—по шляпѣ тужишь, а головы нѣтути.

Ничего не отвѣтилъ на это мужичокъ, а попросилъ налить еще стаканчикъ—развести тоску какъ-нибудь!

Цѣловальникъ несразу налилъ другой стаканчикъ; указалъ онъ Сидору на стѣнку, испещренную черточками, выписанными мѣломъ: это счетъ незаплаченнымъ чаркамъ. Такіе счеты пестрѣлись во всю стѣну. Но Сидоръ побожился, что вотъ, только какъ продастъ овесъ, такъ и заплатитъ весь долгъ. Цѣловальникъ умилостивился, налилъ стаканъ; Сидоръ выпилъ и вышелъ изъ кабака.

Тихо, въ раздумьи, брелъ онъ домой,—кажись, и развелъ тоску, а все какіе-то непривѣтныя мысли лѣзли ему въ голову, и мерещилась ему какая-то обида. И самъ онъ разобрать не могъ: кто, за что, чѣмъ и какъ обидѣлъ его,—а сердце-то хорошо слышало, что сбида есть! Сиволапый мужикъ.... дурачокъ тебѣ воевода... И этакое слово, какъ грязью въ лицо, бросаетъ тебѣ изъ-за стойки, чортъ знаетъ кто!....

— Тфу, ты лѣшій!—Сидоръ плюнулъ и опять задумался;—а безъ этого хлѣбца, овса и льну и всякаго добра, что пропиваетъ у тебя человѣкъ рабочій, чѣмъ бы ты держался, кабакъ?

— Гмъ! Мужикъ—дуракъ—и Сидоръ покачалъ головою, насупился и не замѣтилъ, что онъ уже у своихъ воротъ.

— А и то—дуракъ! сказалъ онъ громко и поднялъ голову: передъ нимъ стояла старуха, мать его, глядѣла ему прямо въ глаза своими впивчивыми взорами и шептала свое всегдашнее причитанье.

Сидоръ оторопѣлъ, прошелъ мимо ея, на задворокъ, и почалъ копошиться около приставленной къ прясламъ сохи.

Старуха проводила его глазами и съ пришептомъ пошла въ избу...

Но, догонимъ-ка, нашего путника, мальчугана сердечнаго, поглядимъ на него на прощанье.

Телѣга неслась спорой и ровной рысью и потряхивала сѣдоковъ. Забившись въ уголъ короба, плакалъ мальчишка и пошмаргивалъ носомъ, потомъ заглядѣлся на колечко, прищелки-

Digitized by Google

вавшееe по дугѣ, въ тактъ съ бѣгомъ лошаденки, потомъ съѣхалъ съ своего сидѣнья и очутился лежмя на спинѣ. Дворовый не обращалъ на него никакого вниманія, а только подгонялъ лошаденку.

И вотъ, нашъ Леха глядитъ сквозь слезы въ сѣрое небо да провожаетъ глазенками несущіяся въ поднебесьи облака. Сѣрѣе и темнѣе становилось небо передъ глазами его; почали слипаться рѣсницы, сталъ клонить сонъ; еще раза два канули невольныя слезенки; онъ ужъ началъ дремать... И вдругъ, видитъ на небѣ сѣромъ длинную вереницу птицъ; тихо летятъ они, высоко-высоко, подъ самымъ облакомъ ходячимъ...

— Путь-дорога, гуси-лебеди! Путь-дорога, гуси-сѣрые!—раздались звонкіе голоса.

Леша встрепенулся, привсталъ, глянулъ черезъ облучокъ телѣги: вблизи дороги паслось стадо, и мальчишки-пастухи, позадиравъ лохматыя головенки свои, кричали напутное привѣтствіе улетающимъ въ теплые края сѣрымъ гусямъ.

— Гришка!—крикнулъ Леша, узнавъ знакомаго мальчишку-пастуха.

— Куда, Леша?—окликалъ его Гриша.

— Далеко, далеко! прощайте братцы!—отвѣтилъ Леша, махая рученкой.

— Путемъ дорога, Леша! Путь-дорога!—кричали вслѣдъ ему голосишки.

Пастухи махали шапками.

Взглянулъ на нихъ Леша, поклонился, глянулъ на гусей перелетныхъ— зарябило у него въ глазахъ... Опустился онъ, прижался плотнѣе въ свой уголъ и заплакалъ горько, но тихо, закрывши лицо свое обѣими ручонками...

II.

О деревнѣ Суходолахъ, о семьѣ Сидора и о сдачѣ въ рекруты Андрея.

Познакомимся теперь со всей семьей хозяина Сидора, и скажемъ кое-что обо всей деревнѣ.

Суходолы,—какъ значилось на столбу, поставленномъ при въѣздѣ въ деревенскую улицу,—деревня господская, дворовъ —42, душъ мужескаго пола—168, женскаго—173. По числу десятинъ пахатной земли, луговъ и угодій—деревня совсѣмъ не бѣдная. Лѣсу—тоже шматъ; хоть не подъ бокомъ, а верстъ за

Digitized by Google

10 добрыхъ, одначе, цѣлыхъ четыре урочища, и лѣсъ какой тебѣ угодно: строевой, подѣлочный; о дровахъ и говорить нечего—вволю.

И вода есть, хотя не глубокая, но чистая, вкусная, ручьевая.

Словомъ, красоты и роскоши большой хоть и нѣтъ, а всякая выгода хозяину есть: все Богъ далъ и всего не въ обрѣзъ, не скую, а вдоволь.

Но если бывалый и толковый человѣкъ, хоть мимоходомъ, взглянетъ на Суходолы, на избенки да на дворики непорядные, да метнетъ глазомъ подальше, по загуменья, гдѣ слѣдуетъ скирдамъ стоять—такъ и рукой махнетъ: плохо сѣно—половина травы! Одно слово—бѣдность! А если еще увидитъ на концѣ деревни, поодаль, кабачокъ честной, съ тесовыми воротами, заборами да навѣсами, такъ дѣло-то и совсѣмъ объяснится; отыскалась дыра, куда брага ушла!..

Кому случалось заглядывать хоть мелькомъ въ камору господина цѣловальника суходольскаго, тотъ уже не дивился и не сомнѣвался, почему илохи непорядны мужички суходольскіе; въ каморѣ этой ворохомъ навалены были тулупчики, шапки, кафтаны, хомуты, кушаки, все поношенные. А закромы—овсомъ, житомъ, гречкой въ край понасыпаны. Кабы все это межъ людей подѣлить, на всю деревню хватило бы.

Самъ Кирикъ Ѳедосѣичъ, то есть цѣловальникъ, былъ козырь-человѣкъ, упитанный, красный; такъ глазами-то и постреливаетъ на гостей своихъ:—ну-ко, молъ, ребята, раскошеливайся!

А попробуй поговорить съ Ѳедосѣичемъ, что твоя книга!—все тебѣ порѣшитъ.

Спроси-ко его:—что, молъ, это у васъ деревня-то совсѣмъ обнищала?

— Нельзя, сударь, не обнищать ей: народъ у насъ безталаный такой, все ему нейдетъ какъ-то въ руку! отвѣтитъ Кирикъ Ѳедосѣичъ и разведетъ врозь своими коротенькими руками.

— Стало быть, хмѣль одолѣваетъ, что-ли?

— И, Боже, избави! грѣхъ клепать; оченно умѣренно пьютъ, совсѣмъ мало пьютъ!—и Кирикъ Ѳедосѣичъ жалостно вздохнетъ при этомъ.

— Ну, такъ помѣщикъ нелюдимый!.. ась?

— И, Господи помилуй! Отецъ дѣтямъ, добрѣющая душа. Тутъ его никто не видалъ и не слыхалъ—смирнѣйшій человѣкъ и важнѣйшій баринъ, въ Питерѣ проживаютъ-съ.

— Да что-жъ за причина?

Digitized by Google

— А есть, стало быть, маленькая... народъ, сударь, плоховатъ, невѣжество большое—вся и причина.

И пойдетъ затѣмъ разсуждать, что твой царь Соломонъ, и осудитъ изъ конца въ конецъ поименно всю деревню, и представитъ великое огорченіе о томъ всего начальства, и при этомъ ткнетъ большимъ пальцемъ наотмашь, и себя въ грудь, какъ будто и онъ начальство; и столько наговоритъ и насчитаетъ начальства разнаго. что, кажется и козла на становомъ дворѣ не забудетъ; и тотъ, какъ будто. весьма огорчается безталанностію суходольскихъ мужиковъ. Но мы все это дѣло оставимъ, а пойдемъ-ка лучше въ избу къ Сидору и познакомимся со всей его семьей, авось разъяснится бѣдность суходольская.

Семья Сидора состояла всего изъ семи душъ. Старый дѣдъ, отецъ Сидора, былъ совсѣмъ древенъ; лѣтъ двадцать ужъ какъ не отвѣдывалъ онъ ни мяса, ни пива, почти слѣпой, онъ не могъ ничѣмъ заниматься, кромѣ того что плелъ на всю семью лапти; старуха, мачиха Сидора, жена дѣда, тоже неспособная къ работѣ по малосилію; была она баба суровая, молчаливая и, какъ говорили люди, *съ нюхомъ баба*, лечила вывихи, надрывы, утюны, переполохи, знала разныя пользительныя травы, а по тайности и рѣшето на ножѣ крутила, и бобы метала, и слыла у людей за знахарку. Никого не любила она въ семьѣ, кромѣ внука своего, красиваго и кучерявенькаго Лешу, который вотъ въ дорогу уѣхалъ; старуха души въ немъ не слышала и баловала его, какъ только могла.

Хозяинъ, Сидоръ, пасынокъ старухи, былъ ражій и сильный мужикъ, но о хозяйствѣ не очень-то радѣлъ; главное дѣло — любилъ онъ, при случаѣ, шмыгнуть къ Кирику Ѳедосѣичу; а такъ какъ поле его было въ той же сторонѣ, гдѣ сидѣлъ Ѳедосѣичъ, то пошмыгивалъ онъ туда частенько.

Хозяйка Степанида, жена Сидора, женщина смирная, хорошая, съ пригожимъ, но истомленнымъ лицомъ; и хоть была она выдана за Сидора изъ дворни господской, но скоро пріучилась къ хозяйству и свыклась съ трудомъ. Не очень-то любилъ мужъ накинутую ему жену, а отъ свекрови сперва и совсѣмъ житья ей не было, но, переплакавши да перетуживши время, добрая женщина перемогла нелюбовь ихнюю, и теперь, почитай что, ею и домъ держался.

А главный-то работникъ былъ сводный братъ Сидора, родной сынъ мачихи его, Андрей, лѣтъ 25-ти, смиренный и усердный парень.

Digitized by Google

Ну, еще Леша, мальчишка лѣтъ 10-ти, теперь отрѣзанный ломоть, и Ѳеня, дѣвочка пяти или шести лѣтъ.

Хозяйство у Сидора, какъ и по всѣмъ Суходоламъ, велось плохо. Изба старенькая, тѣсная, дворъ засоренный и заваленный разнымъ, больше ненадобнымъ, хламомъ; хлѣвишки грязные; гумно, кабы неподперто кольями да плахами, такъ и совсѣмъ бы рухнуло. Подъ масть постройкамъ и скотинка была ледящая: лошаденка да коровенка, пара свиней, да пятокъ куръ подъ началомъ весьма ободраннаго пѣтуха—вотъ и все.

Только и держался кое-какъ получше небольшой огородецъ, со всѣми нужными овощами и даже съ высокими золотистыми подсолнечниками. При яркихъ цвѣтахъ этихъ еще бѣднѣе и приземистѣе казалось все ветхое хозяйственное заведеніе и постройки.

Семья, въ которой здравствуютъ старики многолѣтніе, растутъ дѣтки малыя, и живутъ работники способные—такая семья благословенна Господомъ: дано ей все, что нужно для спокою, радости и довольства.

А у нашего Сидора были и старики, и ребятишки, и способные работники—но ни спокою, ни довольства не было: хата непріютная, лица пасмурныя, съ утра до вечера воркотня, охи да вздохи—и только изрѣдка дѣтскій смѣхъ звенѣлъ гдѣ-нибудь на задворкѣ.

И всякая работа отбывалась тоже скучливо, неохоче и лѣниво, словно на барщинѣ.

Какъ и съ коего часу вселилась къ нимъ нужда и тоска такая, этого никто не вѣдалъ; вся деревня жаловалась на тоже самое:—худыя времена пришли!—вотъ тебѣ и все.

Разсказывалъ иногда дѣдъ, что еще за его память не такъ отцы жили: не было избы безъ сада, а въ каждомъ саду у хозяина пчелъ колодъ нѣсколько; а о хлѣбѣ, окромя божескаго наказанія—голодныхъ годовъ—никто и не тужилъ!... Ну, распустился народъ, годъ отъ году сталъ бѣднѣть и дошелъ до того, что хуже ужъ и нельзя...

А что за причина тому?—этого и дѣдъ не порѣшалъ. Ужъ нестать же вѣрить толстяку Ѳедосѣичу: — невѣжество большое, что ли?

Какъ бы то ни было, а съ этого-ли „большаго невѣжества“, или по другой причинѣ, но въ немалой нуждѣ жила-поживала, вмѣстѣ съ прочими суходольцами, и Сидорова семья.

Еще скучнѣе стало въ избѣ по отъѣздѣ баловня бабушкинаго, Леши. Долго ходила старуха, совсѣмъ понурившись, какъ

Digitized by Google

будто похоронила кого; почасту глаза Степаниды были красны, словно наплаканы, и дѣдъ что-то вздыхалъ чаще прежняго; но, спустя время, небольшое горе позабылося — жили по старому. Всю ласку и любовь свою перевела старуха на сына Андрея; за то еще строже и суровѣе прежняго стала къ Сидору и никогда не отзывалась къ нему съ добрымъ словомъ.

Такъ прошло года съ два. Была имъ вѣсть, что Леша отправленъ съ обозомъ въ Питеръ къ господамъ, взятъ въ комнаты, одѣтъ казачкомъ и поступилъ въ слуги молодому барченку; а хорошо-ли, худо-ли ему тамъ—ничего неизвѣстно. Это разсказалъ мимоходомъ лакей управляющаго, встрѣтившись съ Сидоромъ на погостѣ, у обѣдни. Еще разъ поплакала Степанида и горячо помолилась Господу, да хранитъ ея дѣтище.

Вскорѣ прошла молва о войнѣ. Самъ Кирикъ Ѳедосѣичъ, въ одно большое кабацкое засѣданіе, разсказалъ очень обстоятельно о худыхъ мысляхъ турецкаго салтана насчетъ всѣхъ православныхъ христіанъ, и порѣшилъ храбрый Ѳедосѣичъ, что, по настоящему, давно бы пора дать салтану послѣдній конецъ, а по крайности—чувствительно поколотить всю его некрещеную силу. Все засѣданіе согласилось съ Кирикомъ Ѳедосѣичемъ безпрекословно. Только одинъ изъ компаніи всталъ, попросилъ налить стаканчикъ и замолвилъ слово за салтана: — а, кажись, лучше бы—шутъ съ нимъ и съ салтаномъ-то,—вѣдь, пожалуй, что наборъ скажутъ! — и, выпивъ стаканчикъ, жалобно поглядѣлъ на собесѣдниковъ.

Дѣло въ томъ, что онъ былъ „троякъ“,—не миновать ставить рекрута.

Отгадалъ защитникъ салтана: не прошло и мѣсяца, какъ сказанъ былъ рекрутскій наборъ. Съ Суходоловъ приходилось ставить двоихъ. Череда выпала и на семью Сидора.

Разумѣется, сразу порѣшено было и въ конторѣ имѣнія, и на міру, ставить Андрея, и Сидоръ бѣдовалъ только о томъ, что останется онъ, какъ безъ рукъ, безъ такого работника.

Но ужъ никакъ не думалъ онъ о томъ горѣ, которое ждало его дома. Когда онъ печально объявилъ матери, что вотъ, по приказанію господскому и по мірской чередѣ, приходится ставить Андрея въ рекруты, старуха поглядѣла на него пристально сверкающими глазами своими, пошептала что-то невнятное и отвернулась. Сидоръ повторилъ ей порѣшеніе объ отдачѣ въ рекруты Андрея.

— Ужь мнѣ-ль не тяжко, матушка, да что будешь дѣлать, пойдетъ съ твоимъ благословеніемъ!

Digitized by Google

— Не пойдетъ,—сухо отвѣтила мать, и не взглянула на пасынка.

— Что ты, матушка!.. супротивъ приказу начальничьяго ничего не подѣлаешь.

Старуха молчала.

Сидоръ продолжалъ говорить ей все ту же рѣчь, и съ досады на гнѣвное молчаніе матери, прибавилъ:

— Не мнѣ-же отъ жены и дѣтей идти за него!

— Иди, а онъ не пойдетъ! — строго промолвила старуха, встала и вышла изъ избы, хлопнувъ дверью.

— Господи, прости согрѣшенія! — молился вполголоса дѣдъ; а Сидоръ, словно остолбенѣлъ, стоитъ, раскрывши ротъ, да на двери глядитъ, и съ мѣста сойти не можетъ.

Вошла въ избу жена съ подойникомъ; сталъ было Сидоръ говорить ей, но дѣдъ перебилъ его слова:

— Молчи, ужо-кось я съ маткой перемолвлю, — и тихо поплелся изъ избы.

Степанида догадалась, что есть тутъ что-то неладное, уставила испуганные глаза на мужа, но онъ махнулъ рукой и ничего не сказалъ ей.

Назавтра была суббота. Рано поднялась вся семья Сидора. Онъ запрегъ въ дровешки своего „буланку“ — такъ прозывалась худенькая лошаденка ихняя, — перехватилъ хлѣбца съ водицей и поѣхалъ на лѣсосѣку, по дрова; а Андрею старуха приказала наносить дровецъ въ баню. Баня эта черная, точно горѣлая, безъ крыши, съ торчащими стеблями бурьяну и травъ, что росли на потолкѣ ея — стояла у самаго ручья, довольно далеко отъ избы.

Степанида хлопотала около печи; дѣдъ стоялъ передъ краснымъ угломъ, молился и клалъ земные поклоны; Андрей понесъ дрова въ баню. Незамѣтно сунулась изъ избы старуха и съ горшечкомъ угольевъ пошла скорехонько за Андреемъ.

Онъ уже сложилъ костеркомъ дрова подъ каменкой и хотѣлъ было идти въ избу, какъ вошла въ баню старуха и приказала ему остаться; вздула она огню къ лучинкѣ, подложила подъ дрова; сѣла старуха на приполкѣ, подперла лицо обоими кулаками своими и, глядя на сына, долго шептала, вздыхала и пріохивала.

Андрей понялъ, что мать хочетъ попрощаться съ нимъ. Онъ самъ ужъ покорился своей судьбѣ, и не только что не пытался избавиться отъ рекрутчины, а и слова супротивнаго не вымолвилъ, когда ему повѣстили его долю.

Digitized by Google

— Что-жъ, коли есть на то воля Божія—съ родительскимъ благословеніемъ пойду!—вотъ и все было порѣшеніе его.

Стоялъ онъ, потупившись, передъ матерью, и начала она тихо говорить ему такъ:—послышь, Андрюша, что я скажу тебѣ; скажу я мать горькая, сыну моему единому дитяткѣ родному: живу я въ семьѣ—что чужая, все едино, что въ людяхъ сирота нелюбимая; ни къ кому не лежитъ сердце мое, ни къ кому!.. Нелюбимы мнѣ дѣти чужія, братъ твой сводный и невѣстка... ой нелюбимы!.. Сердце-то мое все изсушилося, глядѣть на нихъ не хочется, слышать-то голосъ ихъ мнѣ тошнехонько!..

Попримолкла съ минутку старуха, сверкнула глазами, глянула на сына и опять продолжала громче, и съ рыданьемъ безслезнымъ:

— Сынъ ты мой милый! одинъ ты у меня, какъ свѣтъ въ глазахъ, какъ зѣница въ окѣ. Немного вѣку моего горькаго осталося, немного житья моего постылымъ людямъ въ тяготу, себѣ на страданіе. Будь же ты повѣки при матери, не покинь меня старой, слышь не покинь!..

И голосъ старухи дрожалъ, становился все громче и крикливѣе; дрова трещали въ разыгравшемся полымѣ, дымъ валилъ густыми клубами. Андрей стоялъ, наклонившись передъ ней, молчалъ и трепеталъ какъ осина.

— Ой, не покинь мать убогую! — сказала она и смолкла, точно будто не стало духу въ груди, она только тяжко дышала.

— Нельзя же, матушка, нельзя!... — завелъ было печально Андрей, но старуха не дала ему и словъ домолвить.

— Молчи!.. охъ, молчи! убьешь мать—душу свою погубишь, молчи! Не покинь: я тебя схороню отъ людей,—перейдетъ время, поищутъ—другого поставятъ, пусть Сидоръ идетъ, а ты не иди, не иди, сынокъ! а то прокляну!—вскрикнула она и подняла надъ головой своей сжатую руку.

Въ эту минуту прибѣжала, запыхавшись Ѳеня, и остановилась въ дверяхъ, вся скорчившись отъ стужи:—дядюшка, бѣги, тебя кличутъ!—позвала она Андрея.

Старуха осунулась и захрипѣла; Андрей метнулся изъ бани; глянула Ѳеня на бабушку; испугъ выступилъ на хорошенькомъ личикѣ ея,—она побѣжала за Андреемъ.

Въ избѣ засталъ Андрей старосту; разговаривалъ онъ съ заплаканной Степанидой. Староста пришелъ повѣстить Андрея, чтобы онъ собрался къ завтраку, вмѣстѣ съ другими очередными, идти въ контору, къ управляющему.

Digitized by Google

На другой день судьба Андрея уже была порѣшена. Ему велѣно приготовляться къ отправкѣ. Черезъ недѣлю приказано представить рекрутовъ въ уѣздный городъ.

Не хотѣлъ Андрей открывать брату замысловъ матери и уговоровъ ея, не хотѣлъ скрѣплять вражду и раздувать нелюбовь между мачихой и пасынкомъ, положилъ онъ молчать объ этомъ и покориться своей долѣ. Но старуха опять-таки вылучила минутку и наединѣ приступила къ нему съ своими уговорами: просила, молила, ублажала его, заклинала его и свѣтомъ Божіимъ, и своею могилою, грозила проклятіемъ родительскимъ— и парень совсѣмъ помутился.

Слышало его сердце, какую бѣду накликалъ бы онъ на всю семью свою, если бы покорился волѣ матери; но овладалъ имъ страхъ, смутились въ головѣ мысли, и онъ ни на что не могъ рѣшиться.

Отуманенный заклятіями матери, потерялъ онъ всякую волю и ходилъ, словно лунатикъ, самъ себя не помнючи. Старуха, между тѣмъ, тайно приготовила все къ побѣгу его. И вотъ, вылучивъ время, въ самую глухую ночь, встала она, тихо разбудила Андрея, приказала ему одѣться, и, какъ тѣни, выскользнули они изъ избы, прошли за гумно и пошли, крадучись, вдоль ручья. Старуха несла мѣшочекъ съ разными припасами, молчала и все прибавляла шагу. Андрей ничего не зналъ и не спрашивалъ, куда его вела мать.

Уже они за деревней, уже проходятъ за дворомъ кабака; остается перейти небольшой оврагъ и выйти на проторенный санями проселокъ, въ поле.

Ясный мѣсяцъ словно глядѣлъ на нихъ съ безоблачнаго неба и спокойно провожалъ бѣглецовъ. Снѣгъ подъ торопливыми шагами скрипѣлъ, точно посмѣивался надъ ними. Кругомъ было тихо; Андрей задыхался отъ страха.

— Иди-же скорѣе! — шептала старуха и еще прибавила шагу...—Скорѣе за оврагъ!

Вдругъ, раздался отчаянный вопль во все горло: караулъ! держи его!

Старуха такъ и присѣла въ снѣгъ, только застонала глухо. Андрей сталъ, какъ окаменѣлый.

Вопилъ знакомый голосъ,—Кирикъ Ѳедосѣичъ дралъ горло какъ на пожарѣ; двѣ собаки зычно вторили ему. Въ окнахъ кабака заблестѣлъ свѣтъ; послышался топотъ людскихъ шаговъ. Цѣловальникъ кричалъ безъ памяти:—бѣги по дорогѣ, а ты, Филька, въ яръ, въ яръ! тамъ мошенники!

Digitized by Google

Въ самомъ дѣлѣ, въ одно и тоже время раздался крикъ на дорогѣ:—сюда, сюда! здѣсь разбойникъ!—и другой голосъ гремѣлъ надъ самой головой старухи:—вотъ они, голубчики, мошенники, попалися!

— Тащи, вяжи, чтобы не бѣжали, анаѳемы!—вопилъ Ѳедосѣичъ.

Съ разныхъ сторонъ привели двѣ партіи: съ дороги тащилъ работникъ какого-то оборваннаго молодца, а съ яра, ночевавшіе въ кабакѣ проѣзжіе, привели старуху съ Андреемъ.

— Эва-на!... свои!—восклицалъ удивленный Ѳедосѣичъ, присунувъ фонарь къ самому носу старухи.

— Вишь, на что, корга, передъ смертью пустилася!

Она дрожала всѣмъ тѣломъ и молчала; Андрей стоялъ, какъ убитый.

Выбѣжала цѣловальница, поглядѣла, всплеснула руками и разлилася пѣвучимъ голосомъ:—мать моя, вѣдьма кіевская! и глазамъ моимъ не вѣрится! нѣшто это мнѣ чудится, али свѣтъ повернулся кверху исподомъ!

Пойманныхъ увели въ кабакъ.

Назавтра, разумѣется, судъ и расправа. Дѣло объяснилося. Какой-то бродяга подломалъ камору у кабачника, стянулъ коечто и пойманъ съ поличнымъ. А старуха съ сыномъ подвернулись кстати, ко всей тревогѣ этой. Но они отговорились тѣмъ, что будто бы ходили прощаться къ сестрѣ старушкиной въ сосѣднюю деревню. И точно, тамъ жила у нея сестра.

Продержавъ однако дня два Андрея подъ арестомъ, пока совсѣмъ разобрали и покончили дѣло, его выпустили безъ всякаго подозрѣнія. Но Сидоръ смекнулъ, что тутъ затѣвалося.

На другой день, какъ выпустили Андрея, пополудничавши, вышелъ Сидоръ на дворъ, кликнулъ брата, пошелъ съ нимъ на гумно и приперъ за собою ворота.

— Что-жъ, Андрюша! такъ-то ты насъ всѣхъ подкатить задумалъ; не пожалѣлъ, значитъ, ни отца дѣтей, ни роду-племени, всѣхъ осиротить хотѣлъ, ась?—молвилъ Сидоръ.

Андрей повалился въ ноги брату и зарыдалъ въ три ручья. Сплаконувъ печаль, разсказалъ онъ все дѣло по правдѣ и по совѣсти, и еще разъ, чебурахнувъ въ ноги, примолвилъ:—вотъ же, Господь свидѣтель, иду! и не токма что на тебя не плачуся, а иду охотою, за себя иду, и радъ, что заспокою тѣмъ семью нашу, и домъ безъ головы не останется!

— Ну, ладно!

Братья обнялись.

Digitized by Google

Наканунѣ разставанья, когда уже все было готово къ отъѣзду, Андрей попросилъ благословенія у преклоннаго отца своего. Отецъ благословилъ его на вѣрную и честную службу и слезно молилъ Бога о защитѣ и покровительствѣ своему дѣтищу.

Андрей, весь въ слезахъ, искалъ глазами мать—въ избѣ ея не было. Ѳеня видѣла, что прошла бабушка въ баню; Андрей отправился звать ее оттуда.

И тамъ опять стала причитать, приголашивать и ублажать мать сына, но онъ уже былъ твердъ, стоялъ на одномъ—просилъ ея родительскаго благословенія. Долго упорствовала она, но Андрей валялся въ ногахъ ея, плакалъ и просилъ жалостливо—сердце матери порушилось, она благословила сына.

На другой день, распрощавшись со всей семьей, всѣмъ поклонясь въ ноги и помолившись Богу, уѣхалъ Андрей въ сопровожденіи брата своего.

III.

О томъ, какъ Андрей въ солдатахъ пребываетъ, а Алексѣй въ Питерѣ ума-разума набываетъ.

Время шло своей чередой; проходили за годами годы, день за день, сегодня, какъ вчера,—и никакой перемѣны не видѣлось въ житьѣ-бытьѣ нашихъ суходольцевъ. Та-же вялая, неохочая и малоплодная работа барщинская, та-же бесѣда тупая, ругня да выпивка у Ѳедосѣича въ долгъ. Изрѣдка сходъ къ обѣднѣ на погостъ ближайшій, да вечерняя сходка и болтовня у воротъ на улицѣ.

Все жило, росло и ветшало въ какомъ-то отупѣніи, полузабытьи; люди только поохивали подчасъ, да жаловались на времена тяжкія. И не только разумнаго и виднаго дѣла какого-нибудь,—постройки-ли хорошей, торговаго промысла, или ремесла полезнаго,—не затѣвалъ никто, но и рѣчи-то дѣльной что-то не слыхать было въ бесѣдахъ и сходкахъ деревенскихъ. Какъ будто, въ самомъ дѣлѣ, не совралъ кабачникъ жирный, когда утверждалъ, что и очень плоховатъ народъ въ Суходолахъ.

„Сто головъ—сто умовъ“,—говоритъ пословица;—какъ-таки сообща ничего хорошаго для себя не выдумать?

А вотъ же и не выдумали.

Офени, коробейники, проѣзжіе и прохожіе заносили вѣсти о томъ, что дѣлается въ разныхъ концахъ Святой Руси: идутъ, разсказывали, полки, что волна въ морѣ, къ цесарской границѣ,

Digitized by Google

сила на силу пошла; быть битвѣ лютой. Въ другомъ концѣ холера, слышно, полосой прошла, словно метлой народу повымела. А тутъ слухъ пронесся, что турка на насъ снаряжается, и правда-ли, нѣтъ-ли, баютъ, китаецъ ему въ подмогу прислалъ свои полки,—медвѣдевъ въ латахъ;—какъ напуститъ тѣхъ медвѣдевъ, пріученныхъ на воинство—только трескъ идетъ, ломота такая—спаси, Господи!.. Здоровы врать люди! Но все это далеко, Богъ вѣсть гдѣ происходитъ: до насъ, слава Богу, не касается. У насъ въ Суходолахъ все по старому: углы въ избенкахъ осыпаются, — на то время, — носы у людей подбиваются, — на то праздникъ, — ребятишки да недоимки ростутъ, — дѣла, значитъ, хорошо идутъ. Только Кирикъ Ѳедосѣичъ оченно ужъ толстѣть почалъ; а все стаканчиками, да косушками позваниваетъ, глазкомъ подмигиваетъ, дурачковъ поругиваетъ. А у его,—что человѣкъ—дуракъ; ужъ такая у мудреца удача.

Между тѣмъ служилъ-тужилъ Андрей, ломалъ походы дальніе, землю русскую исхаживалъ, повидалъ и цесарскихъ земель. А оттоль и на Дунай-рѣку съ полкомъ прошелъ, познакомился и съ туркой некрещенымъ. А съ Дунаю-рѣки тронулась армія походомъ скорымъ въ Крымъ, пошли отстаивать крѣпость Севастополь. Бились тамъ полки наши съ арміями непріятельскими, народами разными: съ французомъ, англичаниномъ, итальянцемъ и опять съ тѣмъ-же туркой гололобымъ.

Бились годъ, другой и третій; много полегло тамъ и нашей рати, и непріятельской; много потоплено кораблей военныхъ и чужихъ, и нашихъ; безъ числа поистрачено казны дорогой и нашей, и ихней.

Въ разныхъ дѣлахъ и случаяхъ бывалъ Андрей, во многихъ сраженіяхъ бился, получилъ раны, служилъ вѣрно и терпѣливо. А въ сраженіи на рѣкѣ Черной ударила его картечь въ правую руку, такъ что больше въ строю оставаться онъ не могъ и ушелъ въ госпиталь на долговременное излеченіе.

Въ то же время, въ другомъ концѣ Россіи, выросталъ и учился жить на свѣтѣ другой выходецъ изъ Суходольщины: Леша, племянникъ Андрея, сынъ Сидора. Сперва взятъ онъ былъ въ барскій домъ на кухню. Живо пообтерся мальчишка и *ошлифовался* въ большой дворнѣ господской. Безпрестанно на побѣгушкахъ — то за квасомъ да кислощами, то за табачкомъ да папиросками, а ино и за полуштофчикомъ для поваровъ, кучеровъ и лакейства,—*увидѣлъ свѣту* мальчишка въ мелочныхъ, ведерныхъ и прочихъ лавочкахъ—въ этихъ первыхъ продувныхъ школахъ, гдѣ начинается порча городскихъ ребятишекъ. Тутъ

Digitized by Google

увидѣлъ онъ много худого; наслышался всякой брани, а добру поучить некому было. Ребенокъ на чужой сторонѣ—все равно что сирота.

Скоро взяли его въ комнаты и одѣли казачкомъ. По цѣлымъ часамъ сиживалъ онъ тишкомъ въ передней, играя въ носки засаленными картами съ какимъ-нибудь старымъ лакеемъ: „дай-кось съ этой стороны оболванить тебя, поросенка!“ приговаривалъ обшитый потертыми галунами „дяденька“ — и въ скукѣ бездѣльнаго сидѣнія докрасна наколачивалъ носъ мальчишкѣ. За то, натѣшившись, позволялъ ему покурить папироску, засунувъ пол-головы въ душникъ трубы, чтобъ не надымить въ передней.

Къ счастію Алешки, молодой баринъ его поступилъ въ университетъ; начали хаживать въ домъ студенты, съ голубыми воротниками. Однажды собралось ихъ много къ молодому барину и пили у него чай. Когда Алешка, вслѣдъ за лакеемъ съ подносомъ чайнымъ, разносилъ сухари, одинъ изъ студентовъ заговорилъ съ нимъ очень ласково.

— Какой славный мальчикъ! А умѣешь ли ты читать?

Въ первый разъ покраснѣлъ Леша, не отъ щелчка по носу, а отъ ласковаго слова, на которое стыдно было отвѣтить.

Но и барину его неменьше стыдно стало, когда товарищи разсмѣялись надъ нимъ и сказали:—самъ учишься, а мальчишку учить не хочешь; это все равно, что самъ ѣшь, а другой хоть съ голоду помирай.

На другое же утро молодой баринъ позвалъ Лешу, приказалъ ему сѣсть за столъ, самъ сѣлъ возлѣ него и два часа училъ его азбукѣ.

— Что, небось, взопрѣлъ, поросенокъ!—встрѣтилъ обшитый галунами „дядька“ раскраснѣвшагося Лешу, когда онъ вернулся съ урока въ переднюю.

— Погоди, еще не такъ прижмутъ хвостъ, — примолвилъ онъ, доставая изъ бокового кармана ливреи засаленныя карты; но Леша отказался играть: баринъ задалъ ему цѣлыхъ двѣ строчки азбуки выучить къ завтраму.

— Эхъ ты, грамотей! — сказалъ съ неудовольствіемъ лакей и, отвернувшись, закурилъ въ трубу папироску.

Черезъ два года Леша уже отлично писалъ; его уже перестали кликать Лешей да Лешкой, а всѣ называли Алексѣемъ. Не только что отъ барина получалъ онъ разныя книжки для прочтенія, но у Алексѣя уже было немало собственныхъ книгъ. Почасту собирались у господина его молодые студенты, толко-

Digitized by Google

вали, судили, спорили; Алексѣй по цѣлымъ часамъ слушалъ ихъ разговоры: ему не запрещалось оставаться тутъ же въ комнатѣ, и даже случалось, что иные изъ гостей во время споровъ обращались къ нему съ вопросомъ:

— Ну вотъ, посторонній человѣкъ; ну, говори, какъ ты думаешь объ этомъ?

Алексѣю опять приходилось краснѣть: вопросъ иногда былъ совсѣмъ простой, а онъ ничего о немъ и не думалъ никогда,— что тутъ будешь отвѣчать?

— Что братъ, Алексѣй Сидорычъ?—трунилъ надъ нимъ подслушавшій мимоходомъ разговоры такіе „дяденька“,—глупъ супротивъ людей, ась? тото-съ, не намъ дуракамъ съ сахаромъ чай пить?... Эй, сыграемъ лучше въ носы по малости!

И распространялся старый лакей въ широкихъ разсужденіяхъ.

— На что крѣпостному человѣку грамотность? Только для одного отвѣта,—говоритъ. — Съ письмомъ послать кого—ступай грамотный! Сосчитай да запиши что ни-на-есть—грамотный!... И потомъ не досчитаются—поди-ка сюда, грамотный!... Я принесу сдачи не сполна—не могу знать, говорю,—я неграмотный;— не принеси ты гроша одного — да ты, говорятъ, подлецъ, грамотный! А что касается—выпить: такъ это извѣстно, что нашъ братъ простой человѣкъ выпиваетъ такъ себѣ, при случаѣ, а грамотные ужъ всегда запоемъ! Это потому, братецъ мой, что на свободную голову вино не вредитъ, а если у тебя въ головѣ сидитъ бука такая, грамота — ну такъ на эту-то буку — вина плеснуть, все единственно, что холодной воды на каменку: буката и зашипитъ—поддай пару! совсѣмъ, значитъ, отуманиваетъ тебя и дуракомъ дѣлаетъ.

Слушалъ Алексѣй и только дивился чепухѣ лакейской, и было ему не смѣшно, а обидно слушать, какъ самодовольно вретъ закоснѣлое невѣжество. Вретъ да еще и похвалится безстыжествомъ своимъ.

А лакей продолжалъ нести свое: „ну, мастерство какое ни есть знать — понимается, дѣло искусное, прибыльное. А и при немъ грамота все больше къ запою приводитъ; возьми кого хошь—наши же оброчные: Данило сапожникъ, Парѳенъ портной— все пьяницы! Нельзя: двѣ силы въ одной головѣ не уживутся, братецъ, — нельзя допущать этого! Хоть, конечно, я не супротивъ ремесла, науки то есть, но одна грамота—пустое, братецъ ты мой, дѣло, какъ орѣхъ гнилой пустое! будь я подлецъ— пустое!...“

Digitized by Google

И задумался Алексѣй, слушая безсвязныя рѣчи такія. Но и въ этомъ хламѣ словесномъ блеснула подъ-часъ случайная мысль человѣческая: Алексѣй задумался о ремеслѣ, о мастерствѣ какомъ-нибудь.

Мысль эта гвоздемъ засѣла ему въ голову, но никакъ не могъ онъ прибрать мастерства или ремесла, которое было бы ему особенно по сердцу. Незнающему человѣку—всѣ искусства равны.

Дня черезъ два послѣ лакейскаго нравоученія, Алексѣй былъ посланъ съ письмомъ куда-то. Это было ранней весной; извощики хорошо знаютъ, каковы петербургскія улицы для ѣзды въ это время года: тутъ въ одну недѣлю бываетъ неменьше ломки колесъ, осей, винтовъ, чѣмъ во все остальное время цѣлаго года.

Алексѣй возвращался изъ своей посылки. Передъ черными, задымленными большими дверями одного дома, онъ увидѣлъ толпу спорящихъ людей. Въ Петербургѣ—это находка для проходящихъ: сломалось колесо, разбилась бутылка, или, просто, лежитъ пьяный человѣкъ,—живо соберется кругомъ толпа зѣвакъ: „что такое? что случилось? пропустите, сдѣлайте милость!“ и каждый тискается въ толпу, какъ будто безъ него тутъ никакъ невозможно обойтись: надо же взглянуть, что за комедія?

Алексѣй подошелъ къ толпѣ. Четыре извощика съѣхались у кузницы чинить свои поломанныя дрожки и переругивались во все горло: каждый увѣрялъ, что онъ пріѣхалъ первый и ждетъ уже два часа очереди. Передъ ними въ дверяхъ стоялъ порядочно закопченный, почтеннаго вида человѣкъ; рукава рубашки его были засучены, самъ онъ подвязанъ кожанымъ фартукомъ съ нагрудникомъ, видимое дѣло—кузнецъ. Онъ улыбался и уговаривалъ извощиковъ не шумѣть.

— Всѣ будете довольны,—сказалъ кузнецъ и сталъ разсматривать ихъ дрожки: у кого винтъ, у кого шкворень, а у одного и рессора лопнула.

Кузнецъ живо порѣшилъ споръ, помирилъ извощиковъ и началъ починку съ винта, чтобы изъ-за бездѣлицы не задерживать рабочаго человѣка.

Вернувшись домой, Алексѣй долго сидѣлъ, призадумавшись, и не обращалъ вниманія на насмѣшки и подтруниванье обшитаго галунами „дядюшки“. Наконецъ, выучивъ удобное время, вошелъ въ комнату къ молодому барину и сталъ просить его убѣдительно, опредѣлить его въ ученье какому-нибудь мастерству. Онъ представилъ барину бѣдное положеніе семьи своей, которой неоткуда было ждать подмоги, — онъ одинъ изъ семьи

Digitized by Google

могъ бы поддержать ее,—но вы сами видите,—сказалъ онъ,—что я могу сдѣлать для семейства, и какой я хозяинъ?

Подумалъ молодой баринъ, обѣщалъ поговорить съ отцомъ своимъ, и того же вечера призвалъ Алексѣя и спросилъ, какому ремеслу желаетъ онъ учиться?

— Да хотѣлось-бы... кузнечному дѣлу понаучиться, сударь,—отвѣтилъ Алексѣй; и на томъ рѣшилась судьба его; онъ поступилъ въ науку къ кузнецу.

Нечего разсказывать, какъ началъ Алексѣй новую науку, какъ таскалъ онъ сперва воду, дрова да уголья, пока всталъ къ мѣху и, наконецъ, поставленъ былъ молотобоемъ, къ наковальнѣ. Парень здоровый, сильный, понимающій пользу того дѣла и науки, за которую взялся, онъ скоро сталъ примѣромъ всѣхъ работниковъ; далось ему дѣло, и хозяинъ при всѣхъ сказалъ ему прямо въ глаза:—двадцать лѣтъ я мастеромъ, а такихъ у меня, кажись, еще не бывало; проворъ дѣтина,—будь же подмастерьемъ.

Дѣтина въ самомъ дѣлѣ былъ хоть куда. Въ 1860 году, въ первый разъ оповѣщено было газетами объ открытіи въ Петербургѣ „безплатныхъ воскресныхъ школъ“ для всѣхъ желающихъ учить и учиться. Алексѣй прочелъ это случайно и въ первое же воскресенье отпросился со двора: ему хотѣлось поглядѣть на это новое, еще небывалое у насъ дѣло. Отпросился съ нимъ также мальчикъ, недавно поступившій въ ученье: онъ еще почти ничего не видалъ въ Петербургѣ.

Они пошли искать школу. На одномъ изъ красивыхъ домовъ по набережной Невы, прочелъ Алексѣй печатное объявленіе, прибитое къ стѣнѣ—„Воскресная школа“.

Черезъ чистый подъѣздъ они вошли въ сѣни; сторожъ указалъ имъ комнату, гдѣ учатся дѣти. Какой-то господинъ увидѣлъ ихъ, проводилъ въ большую комнату и сказалъ вполголоса:—слушайте; читаютъ законъ Божій.

Въ длинной комнатѣ этой было больше ста человѣкъ, все больше мальчики; нѣсколько дѣвочекъ сидѣли всторонѣ отъ нихъ. Всѣ стояли, или сидѣли смирно и слушали священника. Онъ говорилъ тихо, но внятно; лица дѣтей прояснялись, словно какой-то теплый свѣтъ упалъ на нихъ; они не спускали глазъ съ учителя. Только вдали комнаты, за тѣснымъ кружкомъ слушающихъ, перешептывались и задирались шалуны, еще непривычные къ тихому поученію. Священникъ поглядѣлъ на нихъ кротко,—не мѣшайте другимъ слушать, дѣти,—сказалъ онъ и продолжалъ поученіе.

Digitized by Google

Онъ говорилъ о любви христіанской; простыми и внятными словами объяснилъ онъ завѣтъ Спасителя—„любить Бога и людей, любить все доброе и страждущее“. Онъ разсказалъ примѣты и всѣ свойства добраго, любящаго человѣка:—взглядъ такого человѣка всегда привѣтливъ, слова—всегда разумны, дѣла его всегда добры и полезны. Всякое слово, сказанное отъ любви—есть слово живое: оно услышится и не будетъ забыто. Всякое дѣло, сдѣланное съ любовію—есть дѣло живое, плодотворное, вѣчное. Кто бы ни былъ человѣкъ,—труженикъ-ли убогій, вельможа-ли знатный, царь-ли сильный, что бы ни дѣлалъ онъ: деревцо-ли въ землю сажаетъ, благотворитъ-ли бѣднымъ, или судьбу людей устроиваетъ,—пусть приложитъ сердце свое къ своему дѣлу, пусть полюбитъ его всею любовію своею—и дѣло его исполнится вѣрно. Исполнится оно вѣрно потому, что на любовь его откликнется не только сердце каждаго человѣка, а отзовется все, до чего бы не прикоснулся онъ. И никакая въ мірѣ власть, никакая мудрость не сдѣлаетъ того силою, что творитъ тихо, спокойно и вѣрно одна любовь. Любовь есть сила божественная, и всѣ сердца радостно идутъ къ ней навстрѣчу. Дѣти! если вы встрѣтите кроткаго человѣка, услышите разумныя рѣчи, увидите доброе дѣло, поклонитесь такому человѣку,—въ немъ есть именно та сила, которую завѣщалъ Спаситель всѣмъ людямъ,—въ немъ есть *любовь*. Аминь.

Священникъ кончилъ поученіе. Дѣти всѣ размѣстились около столовъ; у каждаго стола сѣлъ учитель; учители были господа,—офицеры, студенты, дворяне,—были и солдаты между ними.

Дѣвочки съ барынями ушли учиться въ другую комнату.

Съ большимъ любопытствомъ глядѣлъ Алексѣй на это дѣло, а маленькій товарищъ его и совсѣмъ оробѣлъ сначала. Но увидѣли они, какъ ласково обращались всѣ учители съ учениками своими, и какъ смѣло спрашивали ученики,—кто книжку, кто бумагу,—ободрился Алексѣй. И когда одинъ господинъ подошелъ къ нему и спросилъ, не желаетъ-ли онъ съ товарищемъ своимъ учиться, то оба отвѣтили громко:—желаемъ!

Ихъ помѣстили за разные столы. Въ школѣ было довольно шумно; кто читалъ вслухъ, кто твердилъ азбуку, другіе писали со словъ учителя, иные у черной доски учились ариѳметикѣ; но никто не мѣшалъ другъ другу.

Въ три часа ученье кончилось, и всѣ разошлись изъ школы.

Послѣ этого Алексѣй съ мальчикомъ ходилъ въ эту школу каждое воскресенье. И такъ прошло полгода. Однажды, вернувшись домой, онъ засталъ гостя;—„дядюшка“ въ галунахъ при-

Digitized by Google

шелъ навѣстить его и уже успѣлъ познакомиться съ хозяиномъ и наводилъ съ нимъ чаи.

— А-а! Алеха Сидорычъ!—кричалъ лакей, входящему Алексѣю,—гдѣ это, братъ, былъ? а я къ тебѣ въ гости!

— Милости просимъ!—отвѣтилъ Алексѣй и сказалъ ему, гдѣ былъ.

— Ну, что-жъ, братецъ ты мой, чай, у васъ тамъ комедь важно идетъ?—спрашиваетъ лакей.

Алексѣй отвѣчалъ, что *комедь* тамъ никакой нѣтъ, а дѣлается тамъ *доброе дѣло*.

Но лакей что-то плохо вѣрилъ этому доброму дѣлу: все ему казалось почему то, что это одна прихоть, праздность барская.

Въ это время мальчикъ, ходившій съ Алексѣемъ въ школу, проходилъ мимо лакея; онъ поймалъ его за ухо и, смѣясь, сталъ допрашивать:

— Ну, скажи правду, поросенокъ, что тамъ видѣлъ? говори какъ есть—ну, что тамъ было?

Мальчикъ стоялъ покраснѣвши и глядѣлъ куда-то подъ столъ?

— Что-жъ, говори,—промолвилъ хозяинъ.

— Скажи правду!— вопилъ лакей;—вѣдь изъ васъ, дурачковъ, комедь строютъ, ась?

— Добру учатъ, — прошепталъ мальчишка совсѣмъ тихо и, ловко вывернувшись изъ подъ руки лакея, юркнулъ, какъ въ глубину рыбка, за двери.

Лакей съ недовольнымъ смѣхомъ подмигнулъ хозяину на графинчикъ рябиновки, что стоялъ на столѣ; хозяинъ налилъ рюмку; лакей взялъ ее, вздохнулъ, проговорилъ, покачивая головой: — все это, сударь мой, отъ собачьей скуки происходитъ на свѣтѣ!— выпилъ, крякнулъ и сплюнулъ. Алексѣй молчалъ и глядѣлъ на него такимъ сожалительнымъ взглядомъ, какъ глядятъ добрые люди на пьянаго калѣку.

Только черезъ часъ, при прощаньи, вспомнилъ гость, что принесъ онъ Алексѣю письмо, полученное изъ деревни. Проводивъ „дядюшку“, Алексѣй забрался въ пустую кузницу, сѣлъ у окна и съ трепещущимъ сердцемъ распечаталъ письмо съ родимой сторонки. Прочелъ онъ первыя строки,—и градомъ посыпались у него слезы, потемнѣло въ глазахъ; писалъ дьячокъ, съ погоста, отъ матери Алексѣевой. Она извѣщала его о своемъ горькомъ горѣ: Богъ прибралъ ея мужа, а его отца, Сидора; вся семья осталась въ безпомощномъ сиротствѣ....

Digitized by Google

IV.

О томъ какъ суходольцы встрѣтили дорогую гостью, золотую волюшку.

А въ деревнѣ Суходолахъ дѣла шли всетаки по старому. И шли дѣла эти ужъ такъ плохо, работа отбывалась такъ лѣниво, и хозяйство велось такъ беззаботно, что старики древніе и рукой махнули на дѣтокъ глядючи;—никакъ подходитъ послѣдній конецъ!—толковали, вздыхая, дѣды сѣдые.

И, вправду, народъ бродилъ, словно тараканы въ заморозки, а все больше по дорожкѣ къ Ѳедосѣичу.

Какъ головешка, въ полѣ забытая, непогашенная, не то горитъ, не то тлѣетъ, и только дымитъ да небо коптитъ, точно такъ шла жизнь почти всѣхъ суходольскихъ хозяевъ.

И вотъ, какъ-то разъ, ночью, зазвенѣлъ по улицѣ звонокъ; прикатила тройка, остановилась.

— Эй, староста! — вопилъ въ темнотѣ сердитый и гулкій голосъ.

Во многихъ избахъ мужички пробудились. Это пріѣхалъ засѣдатель, потребовалъ лошадей и вошелъ въ избу къ старостѣ. Пока всполошился народъ, да добрались толку, кто очередной, пока сбѣгали за конями, ночлежничавшими на выпасѣ, засѣдательскій писарь, тѣмъ часомъ, шепнулъ старостѣ насчетъ косушки. Писарь остался у повозки; къ нему сошлись человѣкъ съ десять хозяевъ. Притащили и косушку отъ Ѳедосѣича, налили стаканчикъ писарю.

— Ну, честной народъ, разѣвай ротъ!—промолвилъ балагуръ писарь, держа стаканчикъ, я выпью, а вы облизывайся. Съ доброю вѣстью поздравляю!

— Что такое, Мокѣй Ермилычъ?—спросили голоса.

— Тссъ! молчать, ни-гу-гу! а передъ бабами и во снѣ не проговорись!—опасливо говорилъ Ермилычъ и почти шопотомъ сказалъ:—Царь хочетъ дать волю всему народу!—и Ермилычъ поднялъ указательный перстъ; — тссъ! ишкни! поздравляю!—прибавилъ громко,—и стаканчикъ блеснулъ въ темнотѣ.

И сряду еще разъ блеснулъ,—пуста косушка.

Никто не отозвался изъ народа, только кто-то вздохнулъ громко.

— Ни-гу-гу!—кричалъ писарь и копошился въ повозкѣ своей.

Никто и не говорилъ ничего; всѣмъ казалось ужъ черезъчуръ хороша, совсѣмъ диковинна и несбыточна вѣсть.

Digitized by Google

— Спасибо, что и совралъ-то по душѣ, — пробормоталъ кто-то.

— Ни-гу-гу!—крикнулъ писарь, опять пошепталъ старостѣ,— и опять босоногій парень побѣжалъ къ Ѳедосѣичу.

Тѣмъ часомъ привели лошадей, живо перепрягли. Засѣдатель сѣлъ съ писаремъ въ повозку.

— Пошелъ!

И, скажи вотъ, заплакалъ звонокъ въ ночной темнотѣ, все тише, тише, и скоро совсѣмъ замолкъ вдали. Хороша вѣсточка, да что-то не вѣрилось ей,—и стало скучно на душѣ..

Не вдругъ разошлась толпа по домамъ.

— А что думаешь, ребята?—отозвался хриплый голосъ.

— Нечего думать-то,— проговорилъ другой,—вѣстимо, человѣку выпить хотѣлось.

— А и то—хотѣлось выпить

— А еще что-жъ? совралъ, чтобъ потѣшить.

— Эхъ-ма!—вздохнулъ кто-то, и люди разошлись втихомолку по домамъ.

И опять пошло все по старому.

Однако, небольше какъ черезъ недѣлю, проѣзжалъ съ попутчикомъ отставной кавалеръ, домой изъ службы ѣхалъ; остановились они на часокъ покормить лошаденку у кабака.

Часъ былъ рабочій; всѣ суходольцы были въ полѣ; но нашелся одинъ „безсмѣнный“ гость кабацкій, и кавалеръ разсказалъ ему, что есть слухъ объ увольненіи крѣпостныхъ.

— Ой-ли?

— Ей Богу, право!

„Безсмѣнный“, уже немножко хмѣльной, потребовалъ полуштофъ, но Ѳедосѣичъ отказалъ:—не хочешь ли того, чѣмъ ворота запираютъ? ты и то за полъ-ведра долженъ!

Гость скинулъ съ плечъ кафтанишко.

— Давай на весь!—крикнулъ онъ, покачиваясь,—завтра выкуплю!—и бросилъ кафтанъ за стойку.

Полштофчикъ поданъ, и почалась бесѣда съ кавалеромъ. Сначала кавалеръ разсказывалъ только дальніе слухи о волѣ, на половинѣ посуды—увѣрялъ, что уставъ о волѣ пишется, подходя ко дну—уставъ написался; а когда, наконецъ попутчикъ усадилъ нагруженнаго кавалера въ повозку и ударилъ по лошади, то храбрый кавалеръ крикнулъ: — все готово и подписано!—и такъ качнулся, что ноги очутились выше головы.

Дня три всѣ бабьи языки звонили объ этой вѣсти по всѣмъ

Digitized by Google

Суходоламъ и по сосѣднимъ приселкамъ. Но сотскій при людяхъ окрикнулъ бабу свою, которая больно раскудахталась.

— Да, слышь ты, не я говорю, люди сказывали: подписано!—несла свое баба.

— Гляди, чтобъ тѣ не подписали перомъ ременнымъ!—промолвилъ сотскій; а за-ноясомъ у него былъ заткнутъ недоуздокъ.

Люди засмѣялись. Скоро слухи совсѣмъ примолкли.

Но когда самъ Кирикъ Ѳедосѣичъ, однажды, въ воскресный день, объявилъ всѣмъ гостямъ своимъ, что *изъ вернѣющихъ источниковъ* знаетъ дѣло: — созваны бояре въ совѣтъ, судятъ, рядятъ, умомъ раскидываютъ—быть дѣлу такъ!—сказалъ и треснулъ кулакомъ по стойкѣ, — то у иныхъ и не пьяныхъ лица вспыхнули полымемъ и многіе осѣнились крестомъ.

И потиралъ руки Ѳедосѣичъ, зная, что народъ будетъ пить на радостяхъ; пойдетъ водка въ ходъ, будетъ торгъ и пожива!

— Знаемъ мы,—говоритъ Ѳедосѣичъ,—какъ встрѣтить волюшку: припасемъ винца на красный день!—будутъ, молъ, барыши важные!

Анъ не дуракъ былъ тотъ, кто первый брякнулъ пословицу:—„и на старуху бываетъ проруха!“ — ошиблись всѣ Ѳедосѣичи, искони доившіе карманы крестьянскіе. Имъ-ли, кажись, не знать человѣка простого: сами всѣ изъ баръ лыковыхъ, помыслы людскіе угадывать выучились, а тутъ — просчиталися, совсѣмъ ошиблись.

Какъ только пронеслась въ народѣ вѣсть надежная—скажи вотъ, рукой сняло: кто прежде пилъ умѣренно, тотъ совсѣмъ бросилъ пить, и даже записные пьяницы стали попридерживаться. И стала пробиваться травка зеленая около крылечка кабацкаго, стала заростать къ кабаку тропиночка; и что дальше, то ростетъ по ней трава гуще. А Кирикъ Ѳедосѣичъ только отплевывается,—и ума,—говоритъ,—не приложу, что за оказія!

А дѣло-то простое: на погостѣ, по праздникамъ, все тѣснѣе толпился народъ въ храмѣ Божіемъ; чаще отбивались поклоны земные, слышались вздохи молитвенные, и передъ иконами затеплилось свѣчей небывалое множество...

— Разбой, ваше благородіе!—вопилъ Ѳедосѣичъ, остановившемуся у него проѣздомъ, становому приставу,—дневной разбой, ваше высокоблагородіе,—люди замышляютъ супротивъ меня великую пакость.

— Что же такое?—спрашивалъ приставъ.

— Страхъ сказать, ваше благородіе!.. водка первый сортъ,

Digitized by Google

законной пробы, — извольте еще откушать, — а какъ привезено двѣ сороковки, такъ два мѣсяца и стоятъ, двѣ слишкомъ еще! Просто, гибель мою строютъ!

Но все это были еще только цвѣтки.

А вотъ, какъ собрались въ воскресный день въ церковь всѣ суходольскіе хозяева, да пошли старики въ алтарь къ священнику, да попросили его благословенія и сказали: — неладно идетъ у насъ, батюшка, житье наше; совсѣмъ народъ распускается! — ну, порѣшили мы міромъ, поудержаться маленько, порѣшили не пить винища окаяннаго, и просимъ на такое начало твоего благословенія! — вотъ тутъ-то созрѣли для Ѳедосѣича и ягодки.

Похвалилъ престарѣлый священникъ рѣшимость своихъ прихожанъ, сказалъ имъ теплое, отеческое слово, представилъ, что благословеніе есть великое дѣло: — пораздумайте, дѣти мои; знайте, что давши слово передъ Господомъ, великій грѣхъ будетъ не сдержать слово!

Но всѣ единогласно просили принять обѣщаніе ихъ съ крестнымъ цѣлованіемъ, и старецъ благословилъ благое начинаніе и просилъ Бога дать силу и крѣпость слову паствы своей.

Ѳедосѣичъ ахнулъ, какъ свѣдалъ объ этомъ, и скорѣе приказалъ запрягать въ телѣжку своего тропотуна-иноходца.

— Не допущу такой пакости! — вопилъ онъ разъяренно; — разбой, грабежъ! Послѣ эвтаго и жить на свѣтѣ нельзя честному человѣку! — но на послѣднемъ словѣ Ѳедосѣичъ поперхнулся.

Однако, несмотря на всѣ происки и хлопоты „честнаго человѣка“, *общество трезвости* въ Суходолахъ состоялось. Въ первый разъ пошевелилась тамъ *сила мірская* и сказалась народу; и стала разъясняться людямъ правда старинной и забытой пословицы — *„гласъ народа — гласъ Божій“*.

Внятно сказалась эта сила суда мірскаго надъ первымъ нарушителемъ зарока, надъ Сидоромъ.

Въ воскресный день, подъ вечеръ, ровно черезъ недѣлю послѣ зарока, на завалинкѣ одной избы сидѣли человѣкъ пять стариковъ суходольскихъ. Кажется, въ первый разъ еще собрались дѣды почтенные вмѣстѣ; а то привыкли они въодиночку, втихомолку охать да вздыхать о безпутствѣ ледащей молодежи. Въ первый разъ свело ихъ общее доброе дѣло, — и не стыдно было за дѣтей да внучатъ своихъ старцамъ поглядѣть въ глаза другъ другу. Тихо шла немногословная бесѣда ихъ.

И вотъ, опираясь на тоненькій посошокъ ракитовый, подходитъ къ нимъ старуха; остановилась, поклонилась; старики всѣ отвѣтили на поклонъ.

Digitized by Google

— Что скажешь, Макаровна?—спросилъ одинъ изъ нихъ.

Старуха шевелила устами, причитала что-то про себя и не вдругъ начала рѣчь.

— А вотъ, что скажу, люди добрые: никакъ состарѣлись мы на смѣхъ, посѣдѣли на поруганье! Дѣти старше отцовъ сдѣлались,—головѣ хвостомъ быть приходится!

И пожалилась старуха на своего пасынка, на Сидора, что онъ послѣ обѣдни сходилъ въ кабакъ, напился, побилъ жену и согрубилъ ей.

— Міру жалуюсь!—кричала она, грозясь клюкой своей,—отъ міра суда прошу; поглядѣть хочу правды вашей!

И сверкнувши на стариковъ глазами своими, легонько поклонилась и ушла, а все про себя причитаючи.

Міръ показалъ свою правду. Сидора позвали на сходъ, укорили и оштрафовали деньгами Деньги пошли на церковь.

Ѳедосѣичъ опять бѣгалъ на тропотунѣ своемъ куда-то;— это— чортъ знаетъ, что происходитъ такое;—лапти по головамъ ходить хотятъ! – ворчалъ онъ, стегая тропотуна и нахлобучивая шапку себѣ на брови.

А всетаки сороковки стояли въ кабакѣ почитай что непочатыя; плохо дѣло, Кирикъ Ѳедосѣичъ! Прошла осень; стояла крѣпкая зима; въ это время, бывало, гребломъ гребетъ денежки кабакъ, а нынчѣ словно оборвалося: на богатую свадьбу и то ведра два возьмутъ, крестины да похороны и четвертью обходятся, а телушка да лошадка и совсѣмъ безъ „литокъ“ изъ рукъ въ руки переходятъ. Ѳедосѣичъ ажно похудѣлъ.

И по сосѣдству, всюду, слыхать было объ обществахъ трезвости: то тамъ, то сямъ цѣлыми селами переставали пить люди.

Кабачники суетились и изворачивались, какъ ужи, и цѣнуто сбавляли, и водку-то закрашивали, и по начальству они лазили; а одинъ хитрецъ, слышно было, на храмовомъ праздникѣ въ большомъ селѣ выкатилъ бочку людямъ на распой *даромъ*,— пей честной народъ, ничего не плати,—любя подчую!—Вишь ты, добродѣтель какая!

Разумѣется, не безъ того было, что мѣстами поддавались люди обольщеніямъ, забывали слова и ломали зарокъ. Но всякое добро на свѣтѣ ростетъ помаленьку; и на полѣ не каждое зерно всходитъ: которое червякъ съѣстъ, а другое птица склюнетъ; а все же нива-то засѣяна. Да и промежъ людей тоже самое; — главное дѣло — зерно добра въ народъ кинуть: будетъ жатва современемъ.

Digitized by Google

А тутъ еще донеслися слухи о школахъ какихъ-то деревенскихъ: всѣхъ дѣтей хотятъ грамотѣ учить.

— Статочное ли дѣло, каждому сопляку книжку читать!— разсуждалъ Ѳедосѣичъ, и опять-же раздумывалъ:—а не будетъ ли лучше? грамотный человѣкъ, надо быть, не обойдется безъ водочки!

И волной ходили разные слухи: чего-то надѣялся народъ и томился въ долгомъ ожиданіи.

Въ то время вся Русь, словно невѣста-дѣвка запуганная, ждала судьбы своей, трепетно прислушивалась къ рѣчамъ людскимъ и знала, сердечная, что за столомъ сваты сидятъ, о ней толкъ ведутъ, судьбу ея порѣшаютъ. Близокъ часъ рукобитья послѣдняго! Ой, что-то, дѣвка, тебѣ выпадетъ?—счастьеце ли желанное, или горькая недолюшка!... Всѣ ждали воли!

— Прежде ворона соловьемъ запоетъ, нежели бывать дѣлу такому!—кричалъ какой-то проѣзжій пузанъ, вышедши отъ Ѳедосѣича и влѣзая въ свою колымагу.

Ѳедосѣичъ поклонился ему до ступицы колеса. Народъ шелъ съ работы и слышалъ слова эти. И какъ сиверикъ вѣетъ полосой холодной, такъ пронеслась тоской молва эта въ народѣ и на всѣхъ наводила унынie..... Но вскорѣ опять слышались другія вѣсти.

Проѣзжалъ черезъ Суходолы всѣмъ знакомый сосѣдній баринъ, остановился на минутку противъ избы старосты, напиться попросилъ. Вынесла красавица, дочь старосты, кваску проѣзжему, поклонилась; онъ напился,—спасибо, красавица, дай Богъ на твоей свадьбѣ поплясать,—сказалъ ласково проѣзжій.

— Ой, не до свадьбы теперь, желанный баринокъ: и сами не знаемъ, что съ нами будетъ!—отвѣтила старостиха, стоя у воротъ.

— Молитесь Богу, друзья! судьба ваша порѣшается; быть на Руси радости великой,—сказалъ помѣщикъ и уѣхалъ.

И ночь не спалъ никто въ Суходолахъ; вся деревня перебѣгала къ старостихѣ желанныхъ словъ такихъ послушать. Всѣ благословляли добраго барина за вѣсть радостную.... А время шло....

Въ одно воскресенье, въ ясное и раннее утро, по всѣмъ дорогамъ къ погосту пестрѣли толпы; волной валилъ народъ; никогда еще не было столько богомольцевъ.

Началась ранняя обѣдня. И половины людей не вмѣстилось въ церковь; стояли на паперти и кругомъ церкви. Всѣ молились усердно.

Digitized by Google

И вотъ, по окончаніи литургіи, выходитъ изъ алтаря престарѣлый священникъ съ печатнымъ листомъ. Въ тѣсной толпѣ прихожанъ замолкъ шепотъ, женщины притиснули къ груди своихъ плачущихъ младенцевъ, уняли ихъ; воцарилась тишина...

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!..—крестясь промолвилъ священникъ.

Вся церковь вздохнула однимъ вздохомъ; всѣ осѣнились знаменіемъ крестнымъ.... И сталъ читать священникъ Манифестъ Высочайшій, данный 19 февраля 1861 года:

— ... „Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ“...— тихо, медленно и внятно читалъ старецъ слова, сила которыхъ разрывала вѣковую неволю....

Какъ каждый ударъ молота крушитъ и разбиваетъ крѣпко скованныя цѣпи невольника и облегчаетъ его изнуренныя руки и ноги, такъ каждое прочитанное слово, кажется, по кольцу снимало цѣпи неволи съ сердца каждаго слушающаго. Въ радости не слышитъ невольникъ звонкихъ ударовъ молота, — онъ только видитъ свое близкое счастье, — точно такъ и тутъ, не слышали люди ничего, кромѣ звуковъ, отдающихся у каждаго въ сердцѣ....

Въ тишинѣ внимающей толпы раздавался иногда минутный вздохъ, какъ будто очнувшагося человѣка, и порой вдругъ вылеталъ изъ груди тихій вскрикъ; — это былъ невольный голосъ освобожденной души...

Но когда священникъ прочелъ послѣднія слова манифеста:— „осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ,— залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго“, —...то всѣ разомъ упали на колѣни, и нѣкоторые зарыдали въ голосъ....

Священникъ поздравилъ прихожанъ съ этой радостной, великой перемѣной ихъ быта — и радость эта сіяла на всѣхъ лицахъ, горѣла во всѣхъ взорахъ; люди обнимались и плакали, поздравляя другъ друга.

Въ эту минуту къ паперти, сквозь толпу, пробирался какой-то молодецъ; по синей сибиркѣ и шелковому платку на шеѣ онъ походилъ на мѣщанина; никто не опознавалъ его, и всѣ давали ему дорогу, хотя онъ пробирался скромно и не лѣзъ въ тѣсноту. Въ дверяхъ народъ сперся, выходя изъ церкви; молодецъ остановился и искалъ кого-то глазами въ толпѣ.

Онъ не спускалъ глазъ съ выходящихъ на паперть людей; а въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, сбоку, стояла женщина съ

Digitized by Google

красивой дѣвушкой; обѣ одѣты были бѣдно; онѣ всматривались въ молодца, не моргнувъ глазкомъ.

— Леша!—крикнула женщина,—молодецъ вздрогнулъ, обернулся и кинулся ей въ ноги.

— Матушка!...

Народъ окружилъ ихъ.

— Кто такой?—шептали люди.

Но и безъ отвѣта узнали кто это: Алексѣй Сидоровъ встрѣтилъ мать и сестру свою, Ѳеню.

V.

Не помутясь и море не уставится.

Разскажемъ въ короткихъ словахъ, какъ очутился Алексѣй на родинѣ своей.

Какъ только получилъ онъ письмо о смерти отца, то сейчасъ-же пошелъ къ господину своему и сталъ просить его позволенія отправиться домой, въ Суходолы.

Господинъ согласился и даже взялся уговорить мастера-кузнеца, у котораго Алексѣй былъ въ ученьи, отпустить его до сроку. Дѣло уладилось скоро; у Алексѣя былъ запасъ деньжонокъ, прибереженныхъ имъ еще съ того времени, какъ служилъ онъ во дворѣ; а потомъ, уже подмастерьемъ, поработывалъ онъ въ свободное время и сколотилъ изрядный, для крестьянина, капиталецъ.

Проѣхавъ до Москвы на чугункѣ, сейчасъ-же нашелъ онъ себѣ попутчиковъ; вѣсть о манифестѣ застала его въ дорогѣ; онъ спѣшилъ домой къ тому радостному дню, въ который объявится манифестъ въ ихъ приходской церкви.

Какъ мы видѣли, Алексѣй опоздалъ на какой-нибудь часъ времени, и встрѣтилъ на паперти мать и сестру.

Только развѣ чуткое сердце матери могло отгадать сына,—такъ мало походилъ Алексѣй на прежняго пузыря Лешу. Высокій, статный, румяный, въ полугородскомъ нарядѣ своемъ, онъ былъ не то мѣщанинъ, не то купецъ; а широкія плечи и жилистыя руки были именно такія, какія бываютъ у сильнаго, работящаго человѣка. Видать птицу по полету, а молодца по ухваткамъ: взглянувши на Алексѣя, каждый сразу сказалъ бы, что это разумный и дѣльный парень.

Не узналъ онъ въ толпѣ матери своей: постарѣла, осунулась и вся потемнѣла она отъ домашняго горя; она похоронила мужа

Digitized by Google

и дѣда стараго, жила въ бѣдѣ и нуждѣ съ ворчливой и никого не любившей дряхлой свекровью своей.

Не узналъ онъ и сестры: въ десять слишкомъ лѣтъ разлуки выровнялась дѣвчонка, разцвѣла, пошла красотой по матери. А дома ждалъ его, еще незнакомый ему, братишка его, лѣтъ шести, оборванный, но хорошенькій сорванецъ.

Вмѣстѣ съ суходольскими сосѣдями отправились всѣ они домой.

Что и говорить, какъ забилось сердце Алексѣя при видѣ родной деревеньки. А когда увидѣлъ онъ осунувшуюся, почернѣлую и слѣпенькую избенку свою, то слезы выступили у него на глаза. Бабка и братишка, разумѣется, тоже не узнали его.

И долго, долго плакала мать, глядя на свое милое дѣтище. И ночь не смыкала она глазъ, и солнце застало ее надъ спящимъ Алексѣемъ; всматривалась она въ пригожее лицо его, складывала худыя руки свои, улыбалась то на него, то на зарю ясную взглядывая, и все плакала горячими и многими слезами...

— Перестань, матушка,—тихо упрашивалъ ее пробудившійся сынъ.

— Охъ, дай-же ты, голубчикъ мой, дай сердцу моему предъ Господомъ выплакаться! За что мнѣ, бѣдной, Онъ такую радость послалъ!—и разливалась она, что рѣка водой полою, весеннимъ солнышкомъ пригрѣтою....

Въ самомъ дѣлѣ, къ общей радости Алексѣй принесъ еще радость въ свою обѣднѣвшую семью. Совсѣмъ бобылихой перебивалась послѣ смерти мужа бѣдная Степанида. Лошаденка ихняя пала, послѣднюю корову продали въ приселокъ, когда пришлось вносить подать, да и дома-то хлѣба не хватало. Правда, получила она отъ Алексѣя изъ Питера десять рублей, а нуждъто двадцать оказалося; только духъ перевели да перемоглись горемыки—и опять та же нищета. А ужъ какъ вселится она, неотвязная, въ семью сиротскую, какъ полюбитъ домъ безпомощный—такъ и рукой махни; большую силу надо, богатырское стараніе, чтобы выжить нужду-нищету изъ дома убогаго и поселить туда спокой и довольство.

Алексѣй и былъ такой богатырь; мало того, что принесъ онъ съ собой денежку порядочную, а, главное, сила въ рукахъ, разумъ въ головѣ, ремесло и досужество — все у парня было. Прошелъ свѣтлый праздникъ; близилась весна,—надо было подумать о хозяйствѣ. Купилъ онъ коня, корову, сейчасъ же нанялъ работника, снарядился къ веснѣ хозяиномъ и думалъ самъ заняться сельской работой. Да какъ пришлось то за лемешь, то

Digitized by Google

за топоръ да подковку денежки отсчитывать, такъ и вспомнилъ молодецъ:—я-де и самъ кузнецъ. До весны можно поковать; а тамъ пойдемъ поле орать!

Недолго думаючи, съѣздилъ въ городъ, купилъ мѣхъ, наковальню, щипцы да молоты и кожаный фартукъ. Баня у ручья чѣмъ не кузница? — и недѣли не прошло, какъ съ бѣлой зари по Суходоламъ раздавался еще небывалый тамъ стукъ въ два молота. Надъ баней валитъ дымъ съ искорьемъ, ребятишки,— кто съ шугаемъ на головѣ, кто въ батькиномъ треухѣ, спустивъ рукава рубашенки на кулаки,—дрогнутъ, да поглядываютъ удивленно; а тутъ — фабрика въ ходу; кипитъ работа. Поставилъ Алексѣй работника молотобоемъ, самъ засучивъ рукава, молоты въ руки—и бѣлое желѣзо брыжжетъ искрами.... Глядишь, и подходятъ одинъ за другимъ хозяева суходольскіе: кто съ топоришкомъ зазубреннымъ, кто съ лемешомъ старенькимъ.

— Богъ помочь, Ляксѣй, да еще Сидорычъ!

— Вона, еще какой мастакъ завелся!—промурлыкалъ и Ѳедосѣичъ, проходя какъ-то мимо кузницы.

Одначе, пораздумавъ, что и денежки въ казнѣ, надо быть, кузнецы куютъ, пріостановился и сказалъ мастеру: — помогай Богъ!

А скоро на много верстъ кругомъ извѣстно стало, что суходольскій кузнецъ—всѣмъ мастерамъ мастеръ. И отъ просьбъ да заказовъ у Алексѣя не стало и отбою. Пришлось нанять къ хозяйству и другого работника, да еще съ села мальчишку взялъ и поставилъ къ мѣху;—учись, молъ, дурачокъ—мастеромъ будешь.

Притомъ же и избенка совсѣмъ ужъ плоха была. Выпросилъ Алексѣй лѣсу у управителя, прикупилъ кой-какихъ матеріаловъ и по санному пути свезъ на мѣсто все, что нужно было для постройки. Суходольцы только головой покачивали:—не въ батьку сынъ Алеха!

Между тѣмъ прошли вѣсти, что въ дальнихъ деревняхъ народъ непокоенъ, воли хотятъ люди, — не тотъ манифестъ имъ прочитали,—жалуются. И мѣстами начались непорядки; не идутъ на барщину,—мы-де вольные! Не платятъ оброковъ,—мы, молъ, слободны отъ всякихъ поборовъ!

— А мы чѣмъ хуже людей?—вопилъ какъ-то разъ на улицѣ одинъ изъ неважныхъ хозяевъ суходольскихъ, Макарка Хвостинъ, и задрался было со старостой;—не иду на работу! кто дуракъ—пусть идетъ; а вона, слышно, за Тереховомъ ужъ и никто не ходитъ; воля сказана всѣмъ!

И нашлись мудрецы въ Суходолахъ, завели ту же пѣсню, и

Digitized by Google

когда староста, по старому обычаю, принялся было за Хвостина, то человѣкъ пять вступилось за него и заорали такъ, что и Боже мой!

— Ты чаво, міроѣдъ, насѣдаешь-то! аль указу не слышалъ?— кричали люди.

А изъ иныхъ воротъ и бабенки высунулись: — не спущайте ему, отцы родные; прошло его времечко безотвѣтное! — подпѣвали, словно на гусляхъ, на тонкой струнѣ.

И замутили-было все село. Не прошло трехъ дней, а въ Суходолахъ и трехъ хозяевъ не осталось спокойныхъ; всѣ толковали только одно:—воля-де дана, вотъ что!

Изъ дальнихъ селъ приходили худыя вѣсти и, разумѣется, разносились въ народѣ съ прибавкой и привираньемъ; изъ иголки вырастало копье. Все это подавало худой примѣръ и ободрило ослушниковъ; люди перестали ходить на работу, съ нечего дѣлать, разумѣется, толконулись, по старой памяти, въ кабачокъ.

Ѳедосѣичъ подтянулся; одначе, насчетъ воли не говоритъ ни черно, ни бѣло, только руками разводитъ, глазкомъ подмигиваетъ и косушки на столѣ мѣняетъ,—моя-де хата съ краю— ничего не знаю; а пить очень совѣтую!

Непорядокъ ширился все больше.

А разъ, какъ-то, сидѣло въ кабакѣ человѣкъ съ пятокъ, и нанеси туда бѣда какого-то стрекулятника съ подбитымъ глазомъ;—за правду,—говоритъ,—пострадалъ маленько.

Мужички ну его спрашивать:—слыхалъ-ли что о волѣ?

— Какъ не слыхать?—нынче и глухіе слышутъ, какъ нѣмые вопятъ!... самъ читалъ народу царское положеніе, — отвѣчалъ стрекулятникъ.

— Эва какой! А что-жъ тамъ про волю писано?

— А все, какъ есть—чистая воля!

— Ой, разскажи, родименькой!

— А вотъ, сейчасъ, — что-то въ горлѣ пересохло, — и онъ закашлялъ, сердечный, такъ что того и гляди, подавится.

Ну, разумѣется, поднесли ему винца; глотка-то расправилась — и навралъ онъ, съ большаго кашля, такую небыль, что мужички и рты поразѣвали:—есть обманъ,—говоритъ,—я самъ читалъ—всѣ вольные!

И словно искорку въ порохъ закинулъ злодѣй; совсѣмъ народъ перебаламутилъ и самъ натрескался.

— Старосту допросить надо, міроѣда! — вопили хмѣльные мужички.

Digitized by Google

— Еще бы не допросить! — подстрекалъ пьяный стребулятникъ; — бороду ему взъерошь, мо-о-о-шеннику!—и насилу языкомъ ворочалъ подъ конецъ.

И было бы плохо всѣмъ: и старостѣ, и управителю, и еще плоше горланамъ суходольскимъ; пошли они гурьбой къ старостѣ и нескладно вопили угрозы разныя:—давай сюда царское Положеніе! а не то—хату своротимъ!

Вотъ тутъ-то сослужилъ важную службу всему селу своему кузнецъ Алексѣй. Пришелъ онъ къ толпѣ и, одинъ трезвый между пьяными, уговорилъ разсудить дѣло толкомъ, т. е. разойтись по домамъ, выспаться, а назавтра—какъ привезетъ староста отъ управителя Положеніе,—такъ прослушать это Положеніе. Онъ обѣщалъ прочитать и растолковать его и потомъ разумно порѣшить дѣло.

— Слышь, кузнецъ, Леха! раздуй те горой! ты не врешь-ли, слышь? надуть хошь, ась?—кричали ему пьяные голоса.

Но Алексѣй отвѣчалъ имъ съ усмѣшкой: — проспитесь — не то скажете, а теперь и толковать нечего.

Ночью махнулъ староста въ контору къ управителю,—тамъ ужъ привыкли къ переполохамъ; растрепанный со сна, управитель выбѣжалъ къ нему;—что сталося?—спросилъ со страхомъ.

Староста объявилъ, что народъ хочетъ знать „Положеніе“, книгу проситъ.

— Шишь вы въ книгѣ увидите!—кричалъ управитель;—въ ведро гляди, сатана ты безграмотный; некому читать у васъ, у пьяницъ!

— Лаксѣй кузнецъ, изъ Питера, *прочтетъ*, баитъ,—отвѣчалъ староста;—башковый парень,—что хошь *прочтетъ*!

Управитель далъ Положеніе. Староста перекрестился и во всѣ лопатки пустился домой.

Народъ не забылъ обѣщанія кузнеца и поутру началъ сбираться у избы старосты. Небольно-то красивы были, неумытые съ похмѣлья, богатыри суходольскіе; всклокоченные вихры да бороды, отстегнутыя и давно мытыя у другихъ косоворотки, кафтанишки да полушубки дырявые,—все это было по старому, ветхо и неопрятно... Но сквозь всю эту неумытность и ветошь проглядывала какая-то небывалая смѣлость, гордость невиданная: глаза, недавно у всѣхъ мутные, прислѣповатые, глядѣли прямо, бойко, свѣтло; понурыя головы поднялись; выучились люди избочениваться и стоять съ развальцемъ,—сказалась *воля* въ человѣкѣ. Но зато орали всѣ вмѣстѣ во все горло; ругательныя слова сыпались въ запуски; всѣмъ-то грозили они по-заочью,

Digitized by Google

не изъ тучи громъ слышался, — сказалось, значитъ, и *невѣжество*. Громко сказалось то самое невѣжество подневольное, которое и золотую *волюшку* въ кандалы желѣзныя оправляетъ и шлетъ звонить „по владимiркѣ“.

— Эй, дядя Спиридонъ!.. выходи, слышь, воротами, пока окномъ не вылетѣлъ! — кричалъ хриплый мужикъ, постукивая кулакомъ въ подоконникъ избы старосты.

— Не хошь пѣшкомъ, пойдешь волокомъ!—оралъ другой.

— Знать, передъ зеркальцемъ причесывается,—пропѣла бабенка, стоя въ калиткѣ сосѣдней избы.

— А вотъ, постой, живыми гребнями расчешемъ,—посмѣиваясь, говорилъ ободранный мужиченокъ.

Собралось почти все село. Начинали ужъ безобразно пошумливать; нельзя было разобрать, о чемъ кто говоритъ...

— Стой, робяты,—кузнецъ идетъ!

— Леха идетъ!

— Вона, купецъ Лаксѣй Сидорычъ валитъ!—раздались голоса; шумъ унялся.

Алексѣй, въ хорошей дубленкѣ, съ платочкомъ на шеѣ, опрятный, причесанный, подошелъ и поклонился міру.

— А ну, братъ Алеха, прочти-ка намъ!

— Да, гляди, не выдавай своихъ; хорошее читай!—покрикивали голоса.

— А, вѣстимо, хорошее,—отвѣтилъ кузнецъ, улыбаясь.

Староста вынесъ Положеніе, сычомъ глянулъ на людей и передалъ книгу Алексѣю.

Алексѣй попросилъ всѣхъ смолкнуть, взялъ книгу и началъ чтеніе.

Глубокая тишина настала. Староста кашлянулъ и обозрѣлся изъ-подлобья. Всѣ слушали. Алексѣй читалъ громко и внятно.

Когда онъ прочелъ слова: — *„при впаденіи иногда помѣщичьихъ правъ въ руки людей, ищущихъ только собственной выгоды... открывался путь произволу, отяготительному для крестьянъ...“*—въ толпѣ кой-кто кашлянулъ и прошепталъ:—правда, правда...

Алексѣй пріостановился, оглянулъ слушателей продолжалъ:—*...„чему въ крестьянахъ отвѣчала неподвижность къ улучшеніямъ въ собственномъ бытѣ...“*

— Ну, такъ чтожъ?—отозвался кто-то вполголоса.

Алексѣй опустилъ книгу и началъ такую рѣчь:—а вотъ тожъ, что *неподвижность-то* теперь и сказывается...

— Кака така неподвижность?

Digitized by Google

— А погляди хоть на камень, и увидишь какая,—продолжалъ Алексѣй:—камень лежитъ мертво, да мохомъ обростаетъ,—тожъ самое и о лѣнивомъ человѣкѣ говорится: коли лѣнивъ, глухъ, глупъ, ничего не разумѣетъ—стало-быть неподвиженъ.

— Вишь ты, прокуратъ какой! Ну, ладно, читай дальше.

— То-то—дальше,—и Алексѣй опять принялся читать.

Но, опять, при слѣдующихъ словахъ:—*въ силу означенныхъ новыхъ Положеній, крѣпостные люди получаютъ въ свое время полныя права свободныхъ сельскихъ обывателей...*“ — Алексѣя прервали.

— Ну, вотъ оно и есть: полныя права; слышишь, ребята? чего тебѣ больше!—громко произнесъ хриплый голосъ;—получай права, сказано.

— Постой съ полученіемъ, — громко сказалъ Алексѣй; — сказано—„*въ свое время*!“

— Въ како время?

— Вотъ то-то и есть, дядя Трифонъ, — коли ни числа ни времени не знаешь, такъ лучше молчи да слушай;—люди скажутъ когда придетъ время.

И Алексѣй прочелъ громко:—...„*въ семъ состояніи, которое есть переходное, крестьяне именуются временно-обязанными...*“—и объяснилъ всѣмъ, что значитъ слова: „*переходное состояніе*“ и „*временно-обязанные*“; и когда сталъ читать окончаніе манифеста — „*осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ...*“ то всѣ перекрестились и вздохнули единогласно, и уже не сказалось ни одного голоса супротивнаго.

Алексѣй подробно разсказалъ людямъ, что значитъ „*добровольныя соглашенія*“ крестьянъ съ помѣщиками, что значитъ „*сохраненіе до время существующаго порядка*“, растолковалъ имъ о „*Мировыхъ посредникахъ*“ и объ „*Уставныхъ грамотахъ*“, и покончилъ объясненіе такъ:—дѣло это широкое; пока-то оно установится, да уладится—воды утечетъ много. Не обидь того, у кого берешь, угоди тому, кому даешь: семь разъ отмѣрь, да разъ отрѣжь—это, братцы, не шутку шутить! Упрѣетъ и тотъ, кто надъ этимъ дѣломъ умомъ раскидываетъ да устанавливаетъ его. А намъ хочется—тяпъ-ляпъ да и корабль! порѣшай и скоро, и вѣрно! И вѣдь каждому, у кого глотка широкая, покричать хочется, разсуждать желательно,—врешь, говоритъ, обманъ, не такъ!—Другой, къ примѣру сказать, тремъ осламъ соломы не подѣлитъ, а тоже, берется людей разсудить! Ну, оттого и шумъ, и непокой, и всякая глупость.

Digitized by Google

— Да неужто-жъ всѣ дураки?—отозвался кто-то изъ толпы;—вездѣ слышно шумятъ, не покоятся,—обманъ, значитъ, есть.

— Какъ не быть обману, — продолжалъ Алексѣй, — пьянчушки-то народъ поджигаютъ, да за полштофа хоть всю волость въ Сибирь гони—ему ничочемъ, вотъ те и обманъ; а послушайте слова добраго: погодимъ, что тамъ, гдѣ шумятъ, будетъ, поглядимъ, еще успѣемъ пошумѣть, коли спина чешется; наше не уйдетъ! Будетъ хорошо имъ—и насъ не минетъ; а будетъ худо—мимо насъ пройдетъ.

— Что баить, правда, истинная правда,—годить надо,—раздались голоса.

— Значитъ, за дѣло, братцы?... на работу надо?

— Да и какъ надо,—идемъ, ребята!

— Ну, а со старостой-то какъ?—вѣдь ему согрубили, братцы...

— Ну, ужъ ты прости, Спиридонъ Тарасычъ, ужъ прости, забудь, слышь!—отозвались люди.

Староста и рукой махнулъ, только засмѣялся, и всѣ стали посмѣиваться.

— Ну, а что-жъ сказать-то управителю?—завелъ Алексѣй:—вѣдь ужъ съ недѣлю, почитай, никто и на работу не являлся... Нѣшто онъ проститъ?

Мужички почесалися;—что тутъ скажешь? — виноваты, сказать надо, твоя воля, молъ, наказывай!

— Эхъ, нехорошо, дяди!—молвилъ Алексѣй:—думка-то у васъ все подневольная; не спины жаль, а жаль безстыжества; ужъ какой это вольный человѣкъ, что чести не знаетъ?... наказывай его!...

Всѣ замолчали, только переглянулись.

— Какъ же быть то, Сидорычъ, говори.

— Нѣтъ, ужъ это сами порѣшите,—сказалъ Алексѣй и, отвернувшись, пошелъ-сѣлъ на завалинку.

И сидѣлъ на завалинкѣ этой старый слѣпой старикъ, отецъ сотскаго; всталъ онъ, опираючись, на костыль свой и ощупалъ руками голову Алексѣя; всѣ притихли и глядѣли на нихъ.

— Не тебѣ кланяюсь, — сказалъ Алексѣю старецъ дрожащимъ голосомъ,—не твоему младенчеству, Олексѣюшка: батька твой помоложе сына моего былъ, царствіе ему небесное,—нельзя мнѣ тебѣ кланяться,—а кланяюсь я твоему разуму ясному, дитятко, и твоему сердцу людскому!..—и старикъ низко поклонился удивленному Алексѣю.

Всѣ стояли въ молчаніи.

— Вишь ты, дѣло какое,—шептали голоса.

Digitized by Google

А старикъ слѣпой обернулся къ народу и сказалъ дрожащимъ, но внятнымъ голосомъ: Господь намъ послалъ человѣка, грѣховъ нашихъ непомнючи; поклонимся Богу, а его послушаемъ. Честно сказалъ Алексѣй: порѣшай міръ самъ; я старый человѣкъ скажу: надо міромъ просить управителя, чтобы простилъ вину мірскую, чтобы забылъ наше дѣло глупое; а мы прогулянное отработаемъ. Пусть всѣ хозяева выходятъ на работу, а старики пусть въ контору идутъ, за своихъ дѣтей просить,—авось проститъ добрый человѣкъ.

Всѣ безпрекословно согласилися; толпа порушилась и стала расходиться по домамъ.

Староста не зналъ, что и сказать Алексѣю, такъ былъ доволенъ. Въ толпѣ слышались слова:—башка-кузнецъ, разсудилъ какъ размаралъ! Вишь ты, губа пухомъ не поросла, а, поди, рѣчистый какой! сказано — Питеръ бока вытеръ! Разуменъ парень,—толковали расходясь старики,—неча сказать—голова!

Алексѣй тоже направился домой. Въ калиткахъ стояли молодицы и дѣвушки; всѣ кланялись ему привѣтливо:—здравствуй, Алексѣюшка, здравствуй, родненькой!

Кружокъ женщинъ стоялъ у одной избы. Алексѣй, проходя, приподнялъ шапку, и подошла къ нему изъ кружка Степанида, стиснула въ рукахъ кудрявую голову его и зарыдала тихо: — сынокъ ты мой, соколикъ ясный, красно солнышко!..

Молодицы—даже прослезились иныя,—у бабы слезы, что у зори роса. Дѣвушки умильно поглядывали на Алексѣя;—женихъ, небось, завидный.

— Наградилъ Господь твое вдовство-сиротство горькое, Карповна,—молвила древняя старушка, глядя на слезную радость материнскую; опиралась она на клюку свою, головой покачивала и творила крестное знаменіе:—о-охъ, разуменъ сынокъ!

VI.

О томъ, какъ на Суходольщинѣ прошло житье подневольное и настало привольное; и какъ Алексѣй съ дядей міру послужилъ, да и себя не забылъ.

А скоро и всѣ суходольцы догадались, отъ какой бѣды отвелъ ихъ молодой кузнецъ; и стали понимать люди, что значитъ одна разумная и бывалая голова промежъ людей непривычныхъ къ порядку.

Міръ начиналъ устроиваться; на сходкахъ поменьше разда-

Digitized by Google

валось болтовни; ругатели поприкусили языки. Иногда вдругъ замолкали шопотныя рѣчи, и въ тишинѣ слышался голосъ Алексѣя: говорилъ онъ звонко, твердо, но всегда привѣтно, покладливо и покорно; и никто не перебивалъ его ясной рѣчи; старики слушали ее со вниманіемъ.

Староста зачастую ходилъ къ Алексѣю, не то посылалъ по него, и держалъ совѣтъ съ разумнымъ парнемъ. Не разъ, бывало, позднимъ вечеромъ, сидитъ вся семья Тарасыча за лучиной; дѣвки прядутъ, или шьютъ, мать прибираетъ посуду послѣ ужина; входитъ Алексѣй, привѣтно всѣмъ поклонится, и начинается бесѣда: старый хозяинъ у парня безбородаго совѣта ищетъ.

— А и я, слѣпой, васъ послушаю,—отзывается дѣдъ и сунется съ печи своей, на лавку, подъ окно.

И пойдетъ разговоръ дѣльный, плавный; а ино шелохнется рѣчь и горячимъ словомъ:—неладно, дядюшка, совсѣмъ неладно у насъ дѣется, — заговоритъ Алексѣй, — не по совѣсти житье идетъ безстыжее: въ кабакѣ, что день, людей полно, на улицѣ ругня да брань стоитъ, женщинѣ безъ сраму пройти нельзя, а дѣвушкѣ честной—хоть и не показывайся. Гляди—ребятишки-то всѣ излаялись; а въ избу ни къ кому и не заглядывай!.. чести нѣтъ, дядюшка, стыдъ позабыли,—безобразіе дикое завелось.

И, войдя въ задоръ, заговоритъ молодецъ такъ востро и мѣтко, да разумно и задушевно, что слова его подъ сердце такъ и подкатываются.

Слушаетъ и не моргаетъ слѣпыми глазами дѣдъ столѣтній; насупится и потупится въ широкую свою бороду хозяинъ; и пряха—красавица дочь хозяйская—заслушалась и работу свою забыла: веретено на полу лежитъ, а у самой только глазки да зубки поблескиваютъ, и уста растворилися; глядитъ не порушится...

— Олена,—шепнетъ ей сестренка;—встрепенется дѣвка, вся вспыхнувши, и зажужжитъ веретеномъ скорѣе...

И бесѣды эти отбывались всегда не даромъ; почти послѣ каждой бывала сходка. Что-нибудь новое и всегда дѣльное на міру сказывалось. Разъ какъ-то, на сходкѣ, староста въ глаза укорялъ кой-кого изъ питущихъ хозяевъ.

— Дать конецъ надо безстыжему!—громко сказалъ староста,—полно пропиваться-то да озорничать. Если кто отнонѣ снесетъ въ кабакъ одежишку, али хлѣбецъ какой—и Боже сохрани,—міромъ карать будемъ! Да и начальство попросимъ унять цѣловальника. Пусть знаетъ кабачникъ, и ему спуску не будетъ!

Digitized by Google

Міръ молчалъ, никто не буркнулъ ни слова супротивнаго.

Ѳедосѣичъ зналъ, что собралась сходка, и вышелъ будто прогуляться; онъ давно ужъ смекнулъ, кто *мутитъ народъ*, давно добирался онъ до кузнеца.

— А вотъ, поглядимъ ихнихъ мудрецовъ,—промолвилъ онъ женѣ, выходя изъ дому, — только, гляди, чтобы эфти мудрецы дурачками не оказалися!

Черезъ минутъ пять Ѳедосѣичъ подходилъ къ сходкѣ; на немъ была александрійка, плисовыя портки, и накинута сибирка синяя — просто купецъ. Чуть приподнялъ онъ картузъ свой и избоченился передъ міромъ.

— О чемъ судъ, господа честные?—спросилъ онъ.

Староста объяснилъ ему, о чемъ идетъ судъ, да кстати попросилъ и его не принимать отъ людей никакихъ закладовъ.

— Такъ нѣшто я подрядился даромъ народъ поить? Не прикажешь-ли лучше жолобъ съ пѣнникомъ у *заведенія* выставить,— я только посвистывать буду: — пейте, молъ, родные; тутъ водопой!—сказалъ Ѳедосѣичъ, усмѣхаючись.

— Кто хочетъ пить, пусть на чистыя деньги пьетъ; а и съ тѣмъ поговоримъ міромъ,—отвѣтилъ староста.

— Знаю я, кто тутъ народъ бунтуетъ,—понесъ Ѳедосѣичъ, и все входилъ въ сердце;—знаемъ вашихъ мудрецовъ-то съ необтертымъ носомъ!

Онъ грозно поглядывалъ на Алексѣя, но кузнецъ молчалъ; видѣлъ онъ, что цѣловальникъ приступаетъ прямо къ нему, и видѣлъ еще, что издали, изъ толпы молодицъ и дѣвушекъ, глядитъ на него, глазъ не спукаючи, красавица Олена. Онъ стоялъ, не шелохнувшись.

А Ѳедосѣичъ кричалъ пуще, все набывалъ сердца; порѣшилъ онъ покончить дѣло сразу и осадить кузнеца.

— Да ты знаешь, мигачъ питерской! — крикнулъ онъ, подступилъ къ нему и покраснѣлъ какъ печеный ракъ,—слышь ты подсвинокъ, я тѣ могу около пальца обвернуть; а ты противъ кого пошелъ?... ась?

— Не ругайся, дядя! — твердо отвѣтилъ Алексѣй, — уйми языкъ, а о рукахъ и думать забудь!

Ѳедосѣичъ вспыхнулъ со злости и, мотнувъ головой, двинулся къ нему.

— Ахъ ты, то есть, сволочь питерская! да я те!...

— Не краснѣй до-бѣла—остудись водицей!—промолвилъ спокойно Алексѣй и подперся рукой въ бокъ.

— Ахъ, ты, щенокъ!...—ревнулъ кабачникъ и рука его съ

Digitized by Google

розмаху свиснула въ воздухѣ; но другая рука поймала ее на лету: врешь кабакъ!—сказалъ кузнецъ, какъ клещами стиснулъ дерзкую руку и свернулъ ее прочь отъ себя—только хряснуло.

Въ толпѣ женщинъ кто то ахнулъ; а кабачникъ взвизгнулъ ужъ не то что подсвинкомъ, а цѣлой свиньей, ибо на сосѣднемъ дворѣ залаяла собака и послышалось тревожное хрюканье свиней, какъ будто въ отвѣтъ ему.

— Сломалъ, сломалъ! анаѳема, сломалъ!—вопилъ Ѳедосѣичъ, сжимая между колѣнъ своихъ руку и заливаясь отъ боли.

Алексѣй глянулъ на него такимъ звѣремъ, что у кабачника душа въ пятки ушла.

— Вотъ такъ кузнецъ! — приговаривали люди;—подковалъ, неча сказать.

— Сломалъ, обезвѣчилъ!... прощеніе подамъ!—вопилъ, утекая въ кабакъ, цѣловальникъ.

— Поглядимъ, какъ-то и тебя похвалятъ, что смѣешь на міру озорничать.

Сходка разошлась, подтрунивая надъ неудачнымъ богатырствомъ Ѳедосѣича и похваливая Алексѣя: — ай, да кузнецъ! къ нему въ клещи не попадайся! Эка удача-парень; какъ это онъ ему ручку-то тиснулъ—только хряснуло!

Такимъ-то манеромъ на этой сходкѣ памятно вразумили Ѳедосѣича, что, молъ, старое время прошло: — не шали кабакъ, держи руки покороче.

Да инымъ и изъ пьющихъ подъ носъ накивали.

Весна стояла въ цвѣту; въ первый разъ послѣ многихъ лѣтъ живѣе зашевелилась работа на поляхъ крестьянскихъ и господскихъ. На деревнѣ стала проглядывать чистота и порядокъ. Бывало, всегда, весной и осенью, стояла тамъ посереди улицы лужа. зажорина глубокая, — теперь спустили ее и засыпали. Прясла вездѣ были исправлены, колодцы вычищены, разбитыя стекла въ окнахъ повставлены; не видно было сермяжныхъ затычекъ да тряпокъ и лучинъ вмѣсто стеколъ, и горшковъ бездонныхъ вмѣсто трубъ дымовыхъ на крышахъ. Съ зорь постукивали топоры по деревнѣ; въ трехъ мѣстахъ росли срубы новые; кузнецъ широкій домъ строилъ, да еще кой-кто на него глядя избенки ляпалъ.

Подтянулась суходольщина.

Однимъ вечеромъ, только что семья Алексѣева садилась за столъ, вошелъ въ избу дорожный человѣкъ, служивый. Перекрестился онъ въ уголъ передній: — здравія желаю, хозяева! позвольте переночевать,—попросился.

Digitized by Google

— Милости просимъ; садитесь хлѣба соли отвѣдать съ нами!

Солдатъ поблагодарилъ, снялъ ранецъ и сталъ у печи. Лицо его было темно, издорожено; густые усы лежали до плечъ. На груди блестѣли двѣ медали.

— Садись, служивенькой,—сказала Степанида, наливая изъ горшка щей въ миску, глянула на него—и миска выпала у нея изъ рукъ;—это-жъ Андрей!

— Дядя!—крикнулъ Алексѣй; застонала старуха, заслышавъ изъ-закута голосъ сына; всѣ кинулись обнимать дорогаго гостя.

И онъ обнималъ родныхъ своихъ; но только одной рукою крѣпко притискивалъ ихъ къ своему сердцу, а другая слегка обнимала друзей милыхъ: была она какъ-то скрючена и не разгибалась въ локтѣ.

— Это французъ укоротилъ маленько,—объяснялъ съ улыбкой Андрей любопытной роднѣ, — замѣтилъ, вишь, что руки у насъ длинны, что-ли.

И всѣ поахали да головами покачали. Аханью и радости не было конца.

— А это что у васъ за пострѣлъ?—спросилъ Андрей, указывая на мальчишку.

— Это племянникъ твой—Гриша,—отвѣтила Степанида.

Солдатъ обнялъ мальчишку и обѣщалъ ему завтра дать медали свои поиграть.

Полюбовался онъ и племянницей; — хоть подъ вѣнецъ дѣвушка!—сказалъ, похваливая. Ѳеня краснѣла какъ макъ и улыбалась дядѣ.

Вся семья сидѣла до утреннихъ пѣтуховъ; у всѣхъ нашлось о чемъ потолковать на радостяхъ, и спать никому не хотѣлось.

На другой день, утромъ, дядя Андрей сталъ разбирать свой ранецъ и свое походное богачество, все больше потертое да заплатанное; выпала изъ ранца и стукнула объ полъ картечь чугунная и покатилась подъ лавку.

— Это памятка крымская; она-то и удружила прямо въ косточку, шельма!—сказалъ дядя, указывая на свою кривую руку.

И еще изъ ранца шлепнулись на полъ два какіе-то блина. Гриша поднялъ ихъ живо; блины эти оказались—двумя усердно зачитанными книжонками,—темнымъ жиромъ лоснились закругленные листки ихъ.

— Доброе дѣло, дядя,—сказалъ Алексѣй;—это вы, значитъ, и грамотны?

Digitized by Google

— Эва! да нончѣ, братецъ ты мой, въ полку безграмотный и за человѣка не считается, такъ себѣ, въ полчеловѣка, или въ цѣлаго дурачка идетъ!

— Слышь, Гришутка?—примолвила мать, улыбаючись,—и тебѣ пора.

— Доберемся, братецъ ты мой, до всѣхъ!—пропѣлъ солдатъ и ласково взъерошилъ чуприну мальчишкѣ.—Да и васъ, сударыня, не забудемъ, — примигнулъ онъ племянницѣ. — У насъ, братецъ ты мой, — повелъ онъ рѣчь, подпершись въ боки своей кривой рукой,—я вамъ доложу, ни одно сраженіе не истребило столько дурачковъ, сколько перевела ихъ грамотность. Примѣромъ сказать, былъ человѣкъ глупъ,—такъ и по спискамъ значился—ничего не умѣетъ,—а поучился—сталъ другой человѣкъ, и списокъ ему другой: грамотѣ знаетъ, написано. Ѳедотъ да не тотъ, вотъ что-съ.

Подъ вечеръ, накинувъ шинель, вышелъ Андрей пройтися по деревнѣ; суходольцы уже слышали о новомъ гостѣ: всѣ встрѣчные привѣтливо здоровались съ нимъ, ребятишки малые сопровождали его по улицѣ. Съ несказанной утѣхой на душѣ истомленной глядѣлъ Андрей на свою родную деревню; каждый домъ, каждый колодезь, прясла и деревья старыя—все припоминалось ему, все словно глядѣло на него привѣтно, и снова знакомилось послѣ многолѣтней разлуки.

Прошелъ Андрей за деревню; лежалъ тамъ большой камень сѣрый, и надъ нимъ остановился солдатъ и призадумался... Старый знакомый! Ребенкомъ сиживалъ на немъ, приглядывая за гусями пасущимися; работникомъ взрослымъ не разъ задѣвалъ за него то осью телѣги, то бороной; всякій день видѣлъ его съ дѣтства. Двѣнадцать лѣтъ бродилъ далеко по чужимъ сторонамъ, и вотъ—опять свидѣлись... Солдатъ вздохнулъ и улыбнулся привѣтно... И дальше, прошелъ къ ручью, присѣлъ на бережку и надъ ручьемъ тоже задумался; передъ нимъ бѣжали звонкія струйки, то какъ будто лепетомъ дѣтскимъ перешептываясь, то урчали и роптали они, то весело звенѣли по камешкамъ и утекали одна за одной...

И мерещится человѣку въ забытьи, что всѣ эти воды, камни, травка каждая—глядятъ на него и даютъ безмолвный отвѣтъ на его тихую радость. Это любовь къ родной землѣ, стало быть, сказывается.

Разумѣется, поселился Андрей у племянника, и хоть уже не было отъ него большой помощи въ работѣ, но хорошій чело-

Digitized by Google

вѣкъ не лишній въ семьѣ,—и онъ, чѣмъ могъ, услуживалъ въ хозяйствѣ.

Къ концу лѣта убирались хлѣба и сѣно; Андрей свозилъ ихъ съ полей и луговъ; здоровая рука его не была праздной.

Передъ осенью староста собралъ какъ-то сходку, повѣстилъ, что управляющій объявилъ ему о скоромъ пріѣздѣ молодаго барина,—договоръ съ людьми баринъ писать хочетъ, „Уставную грамоту", значитъ. Всѣ глянули на Алексѣя:—у насъ есть кому сговориться съ бариномъ,—подумалъ каждый.

Потомъ староста повелъ рѣчь о дорогахъ сельскихъ и прибавилъ вотъ что:—совѣтуютъ люди осадить дороги березкой, а гдѣ и соснякомъ по пескамъ, а на низинахъ ивняку натыкать. Ну, такъ вотъ, и порѣшайте, по сколько на человѣка деревцовъ съ корнями изъ лѣсу вывезти. Тебѣ, кумъ Антипъ, — сказалъ староста, улыбаючись одному хозяину,—побольше другихъ придется: прошлую-то зиму тебя лѣшій водилъ всю ночь, инда носъ тебѣ отморозилъ—ну, такъ вотъ, какъ провѣшимъ живыми вѣхами дорогу, лѣшій-то впередъ не станетъ шалить!

Сходка смѣялася. Антипъ согласился побольше другихъ хозяевъ березокъ притащить.

— Да ужъ за одно, братцы, навозить и деревцовъ разныхъ: рябины, липы, клену, да кустовника хорошаго, — прибавилъ Алексѣй,—надо бы кой-какія садочки почать разводить при дворахъ. Кромѣ того, что-это—въ книгахъ пишутъ—здорово для воздуху чистаго, такъ и для ребятишекъ въ жары хорошо, и для пчелъ есть куда улей поставить. А главное, храни Богъ пожару, это отъ огня важная защита: полымя не переметывается такъ скоро съ избы на избу.

Всѣ согласились съ Алексѣемъ. И вотъ, кашлянувъ, приподнялъ шапку дядя-Андрей солдатъ, и тоже попросилъ *слова*.

— Говори, дядя, говори,—отвѣтили въ толпѣ.

— Я насчетъ грамотности хочу объявить, — завелъ дядя Андрей;—у насъ въ полкахъ, господа, безтолочь совсѣмъ выводится; учатся люди. Не токма молодежъ, а и старикъ другой книжку-то между усищами вправитъ — потѣетъ, чуть не подавится азами, сердечный, а читаетъ. Ну, а здѣсь ребятишки только балуются; это не законъ: поучить мелюзгу надо-бы.

И предложилъ Андрей міру услуги свои.

Алексѣй вызвался по воскреснымъ днямъ уступать свою избу для школы; а изба у него уже достраивалась, была свѣтла и просторна.

До слова припялъ міръ такое предложеніе; всѣ съ радостію

Digitized by Google

обѣщали посылать дѣтей своихъ, а иные изъ молодыхъ хозяевъ и сами объявили желаніе поучиться въ свободное время.

Тутъ-же порѣшили собрать по пятаку съ души на первое обзаведеніе, — на буквари да книжки, — поблагодарили дядю Андрея и обѣщали ему вознагражденіе по мѣрѣ силъ.

— Да ты, родненькой, хорошенько ихъ пострѣловъ шальныхъ,— хотя бы вотъ и моего мальчишку,—пригрози хорошенько, обстегай его,—просилъ одинъ хозяинъ.

Но Андрей засмѣялся на это: — нынчѣ, братъ, наука безъ грозы да бою идетъ; лаской скорѣе выучишь.

— Э-ва, а въ полку-то какъ?

— А все также, какъ говорю; за науку человѣка и пальцемъ не тронутъ.

— Вишь ты што!

— А вотъ, лучше съѣздимъ къ священнику, попросимъ къ намъ, чтобы освятилъ да благословилъ начало—и съ Богомъ, за книжку! дѣло-то будетъ вѣрнѣе.

На томъ суходольцы и порѣшили дѣло міромъ.

Зима нынчѣ, во многихъ мѣстахъ, стала сразу; въ ночь навалилъ снѣгъ, и открылось первопутье, что твоя масляница. Въ Суходолахъ тоже вдругъ стала дорога.

Немного прошло времени, а деревни нашей, пожалуй, что и узнать нельзя: воля пригрѣла, счастье ростетъ! Почти всѣ избенки подновлены, и при каждой виднѣется заиндевѣлый садишко,— деревцовъ съ десятокъ, а гдѣ и больше посажено. Правда, кабачекъ какъ-будто осунулся и заскучалъ маленько, зато улица повеселѣла, стала чистая, порядочная.

А на серединѣ деревни высится новая бѣлая изба, и конь съ крутой шеей на крышѣ выведенъ. Словно лебедь, раскинула она крылья свои съ полотенцами узорными, и крыша на ней вся крыта тесомъ гладкимъ, будто перьями ровными.

Подъ вечеръ, въ одинъ воскресный день, у крыльца избы этой стояли сани; вышелъ изъ избы старецъ почтенный, съ молодою женщиною. Ихъ провожали хозяева и цѣлая ватага ребятишекъ, мальчиковъ и дѣвочекъ, а между ними—солдатъ, съ двумя медалями на груди.

Къ крыльцу подошло нѣсколько хозяевъ деревенскихъ, и попросили у старца благословенія; это былъ приходскій священникъ, а молодая женщина — его дочь. Пріѣзжали они въ суходольскую школу поучать дѣтей, и теперь отправляются обратно домой, на погостъ.

Попрощались они со всѣми, усѣлись въ сани и уѣхали. Хо-

Digitized by Google

зяева вернулись въ избу, а ребятишки, весело покрикивая, побѣжали по домамъ.

По отъѣздѣ священника другія сани изъ воротъ подкатили къ крыльцу; сытый конь потряхивалъ дугой и позванивалъ бубенчиками. А черезъ минуту вышелъ изъ избы статный молодецъ, въ дубленкѣ, и поверхъ ея въ сибиркѣ; на шеѣ у него былъ шелковый платчишко узорный, на головѣ шапка съ опушкой. Сѣлъ онъ въ сани, а на крыльцо выбѣжала молодица, и такая раскрасавица, что вотъ—картинка писаная: двуличневый платочекъ гладко повязанъ на головѣ, какъ снѣгъ бѣлые широкіе рукава коленковые, и пестрый ситцевый сарафанъ на ней, а сама, что яблочко крымское—такъ и горитъ лицо пригожее. За ней вышелъ солдатъ.

— Прощай, Оленушка, до свиданья! — кивнулъ головой молодецъ.—прощай, дядя!

— Съ Богомъ!—проговорилъ солдатъ

— До свиданья, Алексѣюшка! — поклонилась Олена.

Онъ тронулъ вожжей; бубенчики зазвенѣли; но позвончѣе ихъ запѣлъ въ слѣдъ ему серебряный голосокъ Олены:—да гляди-жъ, желанниньку, вернись скорѣе, не заночуй тамъ, Алексѣюшка!

Солдатъ улыбнулся чуточку.

— А ужъ какъ выпадетъ!—кричалъ Алексѣй, уѣзжая бойкой рысью.

Это кузнецъ Алексѣй Сидоровъ попрощался съ дядей и съ молодой женой своей, дочерью старосты; еще и медовый мѣсяцъ не прошелъ у нихъ.

А поѣхалъ онъ въ село господское; дали вѣсть, что молодой баринъ пріѣхалъ: ну, повидаться да за науку поблагодарить надо, да, кстати, перемолвить и о дѣлѣ, — вѣдь баринъ-то пріѣхалъ писать со всей своей вотчиной „Уставную грамоту“. Какъ бы дѣло-то полюбовнѣе покончить!

Но суходольцы ничего не боятся: есть у нихъ плечо, есть человѣкъ, даромъ, что никакъ вчерась только борода почала пробиваться у него.

Постояла молодичка на крыльцѣ, проводила глазками милаго дружка, муженька молодаго, прислушалась,—ужъ не слыхать и бубенчиковъ,—бровенки-то сдвинула и ушла въ избу.

Экая красавица загляженная!... Ну, Алексѣй Сидорычъ — исполать тебѣ: и землякамъ удружилъ, да и себя не забылъ. Не мимо сказано: *„всякъ своего счастья кузнецъ!“*—выковалъ!

Digitized by Google

ДВѢ СЛУЖБЫ И ОДНА РЕПЕТИЧКА *).

СОЛДАТСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Дѣло было, не дальше, не ближе, въ полуденномъ краѣ, гдѣ хозяинъ — хохолъ, управитель—панъ, купецъ и мелкій бѣсъ—жидъ, а нашъ братъ, москаль-червоная-шапка **) — гость до перваго фельдъ-марша. А благодатная сторонка, эта полуденная Россія! Солнце жаркое, вѣтеръ теплый, земля жирная, и вся тамъ природа-матушка, словно старая дочка капитальнаго купца гильдейскаго,—разубрана, расхолена и упитана во здравіе. И время то круглый годъ идетъ тамъ не по нашему, не по сѣверному. У насъ, напримѣръ, весна распуститъ свои лужицы, растопыритъ прутья голые и только кое-гдѣ зазеленится почками древесными, да крапивой подъ заборомъ, не хуже посестры нечесаной, что пестрымъ платкомъ накроется, а въ остальной аммуниціи, кромѣ грязи, никакихъ цвѣтовъ на ней не распознаешь; потомъ лѣто улыбнется тебѣ десяткомъ-другимъ-третьимъ деньковъ красныхъ,—не успѣешь вглядѣться въ него—ужъ и слѣдъ простылъ!.. Ни дать ни взять кума-непосѣда съ базара, съ зеленью, на часокъ завернула, похвалилась петрушкой, да пустернакомъ, да тыквиной ядреной—и была такова! Смотришь—ужъ и тащится, пришлепывая по грязи, сиротинушка, осень горькая, и ведетъ за собой, въ траурѣ волчьемъ, слѣпца сѣдаго, скрипача-морозовича; а онъ, сердечный, какъ зачнетъ отканифоливать свою трескучую музыку—„какъ по улицѣ метелица мететъ!“—только уши да носъ придерживай; а путь-дорожка гладкая предъ тобой,

*) Разсказъ „Двѣ службы и одна репетичка“ въ первый разъ былъ напечатанъ въ журналѣ „Чтеніе для солдатъ“, откуда нынѣ и перепечатывается.

Прим. ред.

**) Хохлы называютъ солдата москалемъ; солдатъ красная шапка.

Прим. авт.

Digitized by Google

словно ординарская портупея, подъ зубокъ налощенная, сама стелется,—прошу, молъ, разгуляться!

А въ полуденномъ краѣ, правду сказать, зима-то копѣечная, только слава что зима; а сама и за добрую осень не выстоитъ,—чуть землю снѣжкомъ подбѣлитъ—какъ вотъ аммуниція на безсрочномъ кавалерѣ—и нивѣсть какихъ цвѣтовъ тамъ нѣтъ! Зато весна, лѣто и осень—не нашему чета... Подъ жаркимъ солнцемъ полуденнымъ быстро выпрыскиваетъ густая зелень весенняя; къ лѣту густо и ярко зеленятся рощи дубовыя, и разростается въ трущобахъ ихъ непроходимой чащей орѣшникъ кустарный, грасъ мелколиственный, кленъ прямоствольный и черешня дикая; чуть вѣтерокъ пробьется туда—и разносится въ воздухѣ запахъ душистой липы, да черемухи; оттуда скользнетъ онъ по кустамъ дикаго терна и шиповника, что лепятся по обрывинамъ овраговъ, тамъ зарябитъ теплыя струи ручья и вмѣстѣ съ нимъ выпорхнетъ въ чистое поле. А тутъ, глядишь, стелются сочныя травы, изукрашенныя всѣми цвѣтами, какіе есть только въ радугѣ небесной; за лучами этими, какъ золотое море, волнуется цѣлая степь пшеницы, и далеко за нею бѣлѣютъ раскиданныя привольно мазанки, *) словно стадо лебедей.

Таковы точно околицы деревни Будеевъ, въ которой приключилось то, о чемъ будетъ разсказано далѣе.

Въ деревню эту слѣдуетъ въѣзжать промежду двухъ кривыхъ столбовъ, которые громада **) воротами величаетъ, черезъ ветхой мостъ, который громада починить собирается, и по тонкой греблѣ, ***) за которую громада жида допекаетъ. Въ тѣхъ сторонахъ безъ гребли нѣтъ деревни и безъ жида не бываетъ гребли, затѣмъ, что гребли дѣлаются для мельницъ, а мельницы арендуются жидами, точно также какъ и корчмы. Въ то время, о которомъ рѣчь идетъ, еще не было на то жидамъ запрещенія, и потому въ Будеянской корчмѣ засѣдалъ господинъ Янкель, винокуръ, такой „цесный зидъ“, что по его высокой честности не прибрать бы ему и осины для висѣлицы. Янкель угнѣздился въ корчмѣ со всей своей фамиліей;—жена Сара, тетка Рохля, сестра Девора, дочька Перля, сыны: Гицель, Берка, Гиршка, и прочіе разные, всего поменьше двухъ и побольше одной дюжины. Хозяйство „цесный“ еврей держалъ не какое-нибудь, не маленькое: козу комолую, индѣйку съ зобомъ и полторы курицы, окромя

*) Мазанки—хаты, вымазанныя глиной и выбѣленныя.

**) Громада—міръ, общество.

***) Гребля—часть плотины. *Прим. авт.*

Digitized by Google

цыплятъ, которыхъ еще не было. Конюшня его приплетена была изъ хворосту къ углу корчмы и вся заставлена кобылой пѣгой о трехъ ногахъ съ копытами и четвертой безъ всякой обуви, ибо копыто съ нее, при возвращеніи съ ярмарки, какъ завязло на громадскомъ мосту, такъ съ тѣхъ поръ тамъ и осталось, если собаки не затащили за гумно. Вмѣсто воротъ и запоровъ этой конюшнѣ служила двуколая бѣда *), на которой Янкель каждое воскресенье путешествовалъ въ ближайшее мѣстечко, на ярмарку.

День былъ очень жаркій. Янкель скинулъ свой лапсердакъ **), въ грязныхъ и дырявыхъ чулкахъ и въ скорёженныхъ пантуфляхъ, вышелъ на крыльцо и, почесывая подъ ермолкой и въ бородѣ, зѣвнулъ противъ солнца, потомъ чихнулъ какъ-то со скрипомъ и подержалъ свои пантолоны, которые неизвѣстно на чемъ и какъ держатся у жидовъ. Онъ ужъ собирался обругать сегодняшній день, какъ увидѣлъ вдали двухъ человѣкъ и тотчасъ закричалъ женѣ что-то по своему. Сара высунулась изъ окна и болтала съ нимъ въ носъ, вѣрно о томъ, куда-де эти люди идутъ? не къ намъ-ли, молъ, въ корчму? Въ самомъ дѣлѣ, два кавалера, заломя фуражки, держали такую дирекцію. Вскорѣ вышла Рохля и тоже стала болтать съ супругами, за ней Перля, за ней Гиршка; выползъ и крохотный жиденокъ на порогъ; черезъ голову ему перескочила коза; наконецъ, и кобыла высунула черезъ бѣду свою отвислую морду,—и вся честная компанія уставила глаза на идущихъ кавалеровъ. И кавалеры шли, растабарывая, прямо къ корчмѣ; одинъ былъ пѣхотный солдатъ, другой—матросъ, какъ видно по воротникамъ, да по ногамъ.

— Здорово жидъ, жидовка и вся жидовская куча!—закричалъ усатый пѣхотинецъ.

Жидъ приподнялъ ермолку; индѣйка закурлыхала; кобыла заржала; и трое жиденятъ принялись ревѣть-ревмя.

— Хорошо, ребята! полный походъ, какъ слѣдуетъ!

— Со всѣхъ портовъ салютуютъ; никакъ весь экипажъ высыпалъ навстрѣчу?

— Ну-ка, Янкель и Янкелиха, попотчуй насъ поважнѣе,—барбованецъ куда не шелъ,—говорилъ пѣхотинецъ;—сто лѣтъ со днемъ не видались съ землячкомъ! На радость давай-ка сюда полугару серебрянаго...

— Да, смотри, чуръ, водой не мутить!—прибавилъ матросъ.

*) Бѣда—двуколка телѣжка—сущая бѣда.

**) Лапсердакъ—камзолъ съ тесемочками узловатыми. *Прим. авт.*

Digitized by Google

— А ты, сударыня-растрепа, зажарь закуску, хоть рыбину какую; коли нѣтъ порося, давай хоть карася, за то тебѣ хвостъ, да голову.

— И весь киль съ кокорами, на чемъ карась построенъ.

Жиды увѣрили кавалеровъ и разъ десять побожились, что все есть и все будетъ, и принялись за свое дѣло. Янкель вытащилъ всѣхъ до одной мухъ и паутину изъ двухъ стаканчиковъ и нацѣдилъ изъ бочки полуштофъ полугара; а Янкелиха отковыряла со сковороды всѣхъ до единаго таракана, и нѣкоторыхъ прусаковъ, между двумя кирпичиками развела огонь и при немъ посадила въ печурку самаго маленькаго жиденка, а сама пропала за карасемъ, стало-быть, да за масломъ.

Между тѣмъ земляки расположились за столомъ, вытащили изъ-за голенищъ по носогрѣйкѣ; стаканчики заходили—и пошла бесѣда дружная, теплая, задушевная.

— Эхъ, братецъ ты мой, Лаврентій Потаповичъ, — началъ пѣхотинецъ;—право, десять лѣтъ съ костей свалилось, какъ увидѣлъ тебя, сердечнаго; совсѣмъ вѣдь помолодѣлъ, глядя на тебя; а вѣдь побольше десятка годовъ не видались, ась?

— Да, штукъ двѣнадцать будетъ, Григорій Панкратьевичъ,— отвѣчалъ морякъ.—Я, признаться, къ деревнѣ подходя, о тебѣ подумывалъ, хоть и не чаялъ застать тебя тутъ; а какъ завидѣлъ—такъ и себя забылъ.

— Да кончай-же стаканчикъ, разлюбезный мой.

— Спасибо, Григорій Панкратьевичъ; повершимъ тотчасъ.

И кавалеры разомъ выпили, стукнули стаканчиками объ столъ и налили ихъ снова до краевъ.

— Ну, скажи же ты мнѣ, Лаврентій мой, Потапычъ дорогой, какъ живется-можется, какъ царскую службу несешь, какъ тебя Богъ милуетъ и начальство жалуетъ?

— Ништо, помаленьку, благодареніе Богу, служимъ, братецъ мой, Григорій Панкратьевичъ; не то чтобъ изъ первыхъ. да и не послѣднихъ,—марсовымъ по списку значимся.

— То есть какой это? ну, примѣромъ, ефрейторскаго званія, что-ли?...

— Да, по вашему, полевому, будетъ ефрейторъ, стало быть, а по-нашему—марсовой такой, что, вотъ, рифы беретъ да паруса убираетъ, то есть, такъ-сказать, не меньше какъ того, марсовой, видишь!

— Вотъ оно что! ну, и слава Богу!.. да и гдѣ-жъ такому молодцу въ послѣднихъ служить?

Digitized by Google

— Ну, а вы какъ, Григорій Панкратьевичъ?.. вѣдь вы никакъ и кавалеръ, по милости царской?

— Да такъ, братецъ, по правдѣ сказать, ничего отличнаго и не повершали, да, спасибо начальству, не забываетъ, жалуетъ; такъ вотъ тамъ, маленько, коли слышалъ, подъ Кулевчами, туркубестію пощипали. Дѣло то не наше совсѣмъ было, а конное, да дуракъ турка самъ наткнулся, патрулиръ, или разъѣздъ какой. Мы, изволишь видѣть, держали цѣпь застрѣльщичью... а ну, тово, опрокидывай дурную-то, что она стоитъ, да лоснится!

— Здравіе ваше!

— И вамъ также!

Земляки опять перекувырнули стаканчики и опять налили ихъ.

— Такъ, вотъ, сударь ты мой, Потапычъ, держали мы цѣпь; а день то, какъ сегодня, жаркой такой.—Унтеръ у насъ былъ, царство ему небесное, ловкая дока,—какъ бы, ребята, говоритъ, воды промыслить?—А вдругъ, откуда ни возьмись... Янкель, карася давай!—закричалъ Панкратьичъ.—Тьфу ты, какая водчишка дрянная,—нужно бы подзакусить.

Янкель явился и униженно спросилъ:—а ци панамъ золнерамъ самого карася треба? а не мозно, цасомъ, другую рыбину?

— А развѣ у тебя карася нѣтъ?—громко спросилъ Панкратьичъ и треснулъ кулакомъ по столу, не то чтобы сгоряча, а такъ, къ слову пришлось.

— Нехай Богъ боронитъ! якъ мозно, цтоби карася не было?.. Я только такъ спыталъ панство золнерей,—завизжалъ жидъ и обратилъ оглобли въ свою кухню.

А если правду сказать, карася и въ самомъ дѣлѣ не было, а нашлось пятокъ плотицъ, которыя были припасены на цѣлую недѣлю для всей жидовской семьи; но у Янкеля такой былъ характеръ, что онъ и на виселицѣ не признался бы, что у него нѣтъ карася, и потому онъ до того скребъ ногтями въ головѣ, что, наконецъ, выдумалъ сотворить карася изъ плотицъ.

Онъ обрѣзалъ аккуратно со всѣхъ плотицъ мясо, связалъ ниткой кости изъ двухъ рыбокъ въ одну и обложилъ мясомъ тѣмъ; Янкелиха ободрала бережно, цѣликомъ, шкурку съ двухъ плотицъ и прикрыла сверху складнаго карася того; тоже сдѣлала съ головами двухъ рыбъ, изъ которыхъ вышла одна голова о четырехъ глазахъ. И вотъ, заливъ всѣ щели масломъ, принялись они жарить эту сводную команду рыбью.

— Такъ вотъ, сударь ты мой, батюшка,—продолжалъ тѣмъ часомъ Панкратьичъ,—и откуда не возьмись—турецкій объѣздъ,

Digitized by Google

да какъ гаркнетъ—али-алла!.. „наша взяла и рыло въ крови!“ — а вышло дѣло плохое... Унтеръ нашъ, сердечный, вонъ этакой былъ!—солдатъ указалъ на печку;—а кулакъ у него вонъ этакой, — Панкратьичъ сложилъ свои два кулака;—а голова—что твоя Академія!.. Эхъ, былъ башковатъ!..—Гей!—вскрикнулъ,—ребята! строй кучки!—Мы всѣ къ нему,—какъ ощетинимся штыками, да пустимъ горохомъ батальнымъ... ну, и кусай, коли зубъ не хряснетъ!

— То есть какой это горохъ-то батальной?..

— Да простой, братецъ, — шелуха-то бумажная, ядрышко свинцовое, а подгнилокъ-то синя пороху!

— Да, понимаю, братецъ мой, понимаю; ну, такъ вы...

— Ну, такъ мы... что—быть мы?.. Да быть, мы всѣ къ нему; а онъ, царство ему, Самсонычу, небесное, горячій малый, выстрѣлилъ,—турецкой вершникъ чебурахнулся; ружье у другаго выхватилъ, еще выстрѣльнулъ,—конь подъ туркомъ скопытился; онъ ружье у третьяго, да самъ впередъ какъ рванется... а этого, самъ знаешь, не слѣдуетъ противъ кавалеріи, — вершники наскакали; мы за нимъ, — куда тебѣ!.. Какъ заварилъ покойный Самсонычъ кашу, такъ и ротѣ не расхлебать; а насъ всѣхъ-то человѣкъ пятнадцать... Что дѣлать?.. катай, не страшно! Началась потасовка; пошелъ чортъ по горшкамъ; трескотня такая... гляжу—Самсонычъ свалился и кричитъ:—бей басурмана, въ мою голову, ребята!.. Христосъ съ нами! Коли нехристя!—а самъ и придушилъ его своимъ тѣломъ, какъ камнемъ завалилъ. Я остался старшій; вижу—плохо.—Въ кучку, братцы! — крикнулъ такъ, что чуть самъ не оглохъ и сталъ у богатырскаго тѣла Самсоныча. Ребята всѣ ко мнѣ; смотрю—и турка тащатъ, наряднаго такого; видно—начальникъ,—затѣмъ, что раза три бросались они на насъ въ атаку, стало быть выручить командира хотѣли; а на немъ, на командирѣ-то, сидѣлъ кашеваръ нашъ, Никита, да Самсонычу рану тряпицей затыкалъ. Гдѣ ужъ тамъ тряпья хватитъ,—ранъ то было штукъ шесть. Вотъ, отецъ ты мой, все это произошло не долѣе, какъ вотъ чарку налить да выпить... А то, въ самомъ дѣлѣ, за упокой души отца-командира, горячаго Самсоныча!

Земляки опять выпили.

— Глядимъ, слава Богу, къ намъ бѣжитъ взводъ сикурсу. Турокъ вздумалъ послѣдній разъ ударить—али-алла!—чорта съ два взяла! Передній-то съ размаху какъ врѣзался въ кучку, такъ—просимъ прощенія—у меня на штыкѣ и остался. Взводъ подоспѣлъ; турки дали тылъ; а начальство потомъ смотритъ и

Digitized by Google

видитъ, что слѣдовало бы наградить Самсоныча; ну, да мертвый все равно что отставной...—Кто, говоритъ, старшій? впередъ!—Я вышелъ два шага; полковникъ говоритъ:—тебѣ по статуту Св. Георгія, ты взялъ вплѣнъ офицера...—Я говорю: — самъ, ваше высокоблагородіе, на штыкъ влѣзъ, а я не причиненъ.—А капитанъ шепнулъ:—молчать!—да и повѣсилъ крестъ. Вотъ, сударь ты мой, въ честь и славу покойника носимъ его, и хоть не точно сами мы по себѣ заслужили, а все же, коли не ему, такъ мнѣ,—на то я старшій! И, не въ похвалу сказать, охулки не положилъ ни на руку въ таскѣ, ни въ начальническомъ распоряженіи, какъ тамъ нашлось, на скорую руку, сударь мой. Вотъ что-съ!

Матросъ, выслушавъ все до конца, застегнулъ крючки воротника, всталъ, вытянулся и громко произнесъ:—желаю здравія земляку и господину кавалеру, храброму Григорію Панкратьевичу, впредь на много лѣтъ, и честь имѣю поздравить съ монаршею милостію, чего дай вамъ Господь и на будущее время!

— Вотъ, спасибо, землякъ!—отвѣтилъ Панкратьичъ, и глаза его заблистали по-соколиному; — я знаю, что коли дѣйствуешь праведно, не щадя себя,—не пропадетъ твое дѣло ни предъ Богомъ, ни предъ Царемъ, ни предъ добрыми людьми. Ты распотѣшилъ меня двумя словами, и за такія слова давай сюда всю Туретчину... пока есть куда пулѣ втиснуться, да штыку воткнуться—ставлю тѣло мое и душу за Бога и отечество! Ну!.. братъ ты мой, любезнѣйшій, поздравляй, а я благодарствую!

И Панкратьичъ, съ свѣтлымъ взглядомъ, подалъ полно-наполно налитый стаканъ моряку, чокнулся съ нимъ, обнялъ его крѣпко, и кавалеры выпили за Царя и Русь святую. Потомъ пили за храбраго Самсоныча, за Панкратьича, за Потапыча, за полковника, за капитана, боцмана, фельдфебеля, и пили очень важно. Наконецъ явился и вице-карась, въ сопровожденіи оберъшельмы Янкеля.

— Насилу приплылъ,—молвилъ Панкратьичъ;—а я ужъ думалъ, не сѣлъ ли онъ на мель съ тобой.

— А вотъ, какъ отворимъ шлюзы, такъ пойдетъ по фарватеру глубокому,—прибавилъ морякъ.

— Да что это, братъ, Янкель, какой мудреный карась твой!—сказалъ Панкратьичъ, когда жидъ поставилъ на столъ миску;—никакъ у него четыре глаза? Да это чудо-юдо, рыба-китъ, должно быть! Присмотрись-ка, землякъ, это вѣдь по твоей части.

Землякъ присмотрѣлся и покачалъ головой: — нѣтъ, это не

Digitized by Google

китъ, да и не карась, а если и карась, то какой-то некалиберный.

— Якъ-зе мозно, цтоби я, бидный зидокъ, ошукалъ такихъ пановъ золнерей *)! Ци мозно только этому повѣрицъ?

— Ну, да вѣдь это не карась... Признайся, все равно мы заплатимъ какъ за карася.

— Ну, а ци мозетъ биць, цтоби я обманулъ панство золнеровъ?.. Ге!

— Да что-жъ это? вѣдь ужъ не карась,—дѣло видимое.

— Ну, и нехай паны сказутъ, ци мозетъ это биць? Ци у мене двѣ галявы? Ге-ге...

Говоря это, Янкель Мардохеевичъ сдѣлалъ такую постную рожу, что грѣшно было бы и подумать что онъ вретъ.

— Да неужели же это карась? Зачѣмъ же, коли онъ карась, у него четыре глаза? или ужъ такой неформенный, стало быть!— сомнительно говорили кавалеры.

— А якъ-зе зробиць два, коли ихъ цатыре?.. ге... Ци мозетъ биць, цто-бы я сталъ обманывать?.. Ци я не слухалъ, якъ панъ вельмозный золнеръ турку бралъ изъ Турецины? Ой! я все слухай!..

И Янкель объяснилъ, что у него ухо какъ у зайца, „всегда къ вѣтру дырой“, и еще объяснилъ, что онъ самъ, какъ разсердится, такъ дѣлается „якъ якой-нибудзь леу“ **), и что онъ любитъ „хвабрыхъ и всякое стразенье“, и, наконецъ, тоже поздравилъ Панкратьича съ монаршей милостью и съ своей стороны пожелалъ ему три короба всякаго благополучія.

— Ну, спасибо, Янкель, выпей во здравіе; а карась пусть себѣ останется такъ, какъ онъ есть.

И земляки принялись за рыбу.

Между тѣмъ ободренный еврей выпилъ водки и началъ разсказывать, что это диковинный карась, и что даже онъ хотѣлъ отвезти его въ уѣздъ, къ ученому доктору, который сбираетъ всякую уродливую дрянь и описываетъ ее на цѣлый свѣтъ, да, говоритъ, для такихъ гостей онъ не только диковиннаго карася, а хоть сына роднаго радъ зажарить. Наконецъ, видя, что земляки начинаютъ уписывать некалибернаго карася того такъ, какъ будто бы онъ былъ самый калиберный, Янкель свелъ рѣчь на свою собственную храбрость; кромѣ того, что ему надобно было заговорить кавалеровъ и отвести вниманіе ихъ отъ сомни-

*) Ошукамъ—обманулъ, жолнеръ—солдатъ.

**) Левъ. *Прим. авт.*

Digitized by Google

тельной рыбины, онъ таки весьма желалъ разсказать и о себѣ „страсенную“ исторію, которая приключилась съ нимъ недавно, когда онъ ночью возвращался пѣшкомъ черезъ лѣсъ, домой, съ ярмарки. Онъ умолчалъ о томъ, хоть это всѣмъ извѣстно, что на этой ярмаркѣ его немножко напоили и побили.

— Мозе паны золнеры не хоцуть слухаць?.. ге?

— Говори, говори... ври, что было!

— Але хето страсно! хето не зарты *), а все цистая правда.

— Ну, ври, жидоморъ, твою цистую правду!

Янкель, послѣ этой просьбы, сдѣлалъ все что слѣдуетъ — отплевался, выкашлялся, высморкался по-штабъ офицерски и началъ свою „страсную“ исторію.

— Иду я,—говоритъ,—по темной дорогѣ, темнымъ лѣсомъ. Березовые дубы, еловые дубы, сосновые дубы стоятъ, не мотнутся; кругомъ темно и тихо, якъ въ сабасъ въ каминѣ **). Я одинъ какъ перстъ иду и ницего себѣ не думаю; вдругъ, кто то свиститъ!.. Вей миръ ***). Морозъ пробѣзалъ по козѣ!..

— Ну, такъ что-жъ за важность, что свиститъ?—спросилъ пѣхотинецъ.

— Якъ!.. ци хето еще не вазность?

— И пуля свиститъ, и сабля свиститъ, и вѣтеръ свиститъ, и боцманъ свиститъ,—прибавилъ морякъ,—да и то бѣда не велика!

— Добре,—подхватилъ жидъ; — тамъ я знаю, цто свиститъ пуля, шабля, вѣтеръ, боцманъ; а ци я знаю, цто тутъ свиститъ?

Солдаты переглянулись серьозно.

— Что ужъ это, по-змѣиному свистѣло, или звѣремъ какимъ?—спросилъ Панкратьичъ.

— Горсе!—отвѣчалъ жидъ,—тонко, великатно, страсно! А кругомъ тихо и темно, якъ въ гробу!

— Правда,—толковали солдаты,—ничего нѣтъ хуже, какъ не знаешь, отколь и какая бѣда. Ну, ты бы запѣлъ пѣсню; это здорово, когда струсишь,—сказалъ Панкратьичъ.

— А якую мозно пѣць тогда пѣсню? — спросилъ лукавый жидъ.

— Ну, хоть, аданое барахатаное шабашъ гутъ. Какъ тамъ у васъ поется?

---

*) Не шутки.

**) Каминъ—труба. Къ субботѣ многіе евреи замазываютъ печи наглухо.

***) Бѣда мнѣ.

Прим. авт.

Digitized by Google

Еврей просилъ этимъ не шутить, потому что тамъ былъ страхъ и продолжалъ:—я говоритъ, прибавилъ рыси, чуть духъ перевожу; еловые дубы, осиновые дубы стоятъ — не качнутся; темно и тихо; послушаю — близехонько свиститъ!.. Свартъ юръ! холодный потъ пробилъ весь лапсердакъ, ермолка шевелится на головѣ со страху; сосновые дубы, осиновые дубы стоятъ якъ мертвецы; я бѣгу; темно и тихо, только пантуфли пошлепываютъ въ пятку, да зубы постукиваютъ; ни живъ, ни мертвъ... Еще разъ слухаю—свиститъ!.. Ой, гвалдъ! и ницого больсе не паментую!.. Какъ бросился я,—говоритъ, — бѣжать, сорочка смокла, пантуфли потерялъ, штаны чуть держатся и, можетъ быть,—говоритъ,—я на самый край свѣта забѣжалъ бы, потому что все свиститъ, нехай Богъ боронитъ!.. да къ великому моему, молъ, счастію, увидѣлъ огонекъ, — бурлаки проѣзжіе кашу варили; я туда какъ стрѣла; но, думаю самъ себѣ: что жъ вдругъ пугать добрыхъ людей, — дай еще разъ прислушаюсь; пріостановился, вздохнулъ, слушаю...—азно это у мене въ носѣ свиститъ! Вотъ, якой страхъ мозетъ биць съ цаловѣкомъ!

— Ахъ, въ носъ тебѣ волдырь! да и петлю на шею! — пожелали ему кавалеры.

Янкель согласился только на волдырь, а отъ петли рѣшительно отказался и объявилъ: — нехай Богъ боронитъ отъ нее каждаго цаловѣка.

— Ахъ, ты, трусъ окаянный!

Но и этому Янкель не повѣрилъ, потому что „каби я билъ трусъ, я би давно померъ съ такого страха, и каждый померъ бы, а я ницего“... только,—говоритъ, — два мѣсяца въ горячкѣ провалялся; вотъ и все.

Какъ ни ругали Янкеля кавалеры, однако онъ сдѣлалъ свое дѣло, потому что карась тѣмъ часомъ былъ уже съѣденъ, и теперь самъ чортъ не доказалъ бы ему, что это былъ не карась.

— А зачѣмъ же въ костяхъ у карася нитка то?—спросили солдаты, разсматривая начисто объѣденную кость покойника.

— А ци я знаю? Не я робилъ косци, не я робилъ нитку,—карась не сынъ мой; я за него не отвѣцаю.

— А страшенный ты, однако, мошенникъ, Янкель!

И на это Янкель объявилъ, что онъ не самъ по себѣ на свѣтъ народился и отвѣчать за себя не можетъ; а отца его давно ужъ на свѣтѣ нѣтъ;—„да и кто-зе теперь не мосенникъ?“—прибавилъ онъ и вздохнулъ такъ тяжко, какъ будто въ самомъ дѣлѣ всѣ мошенники перебивали ему дорогу.

Потомъ кавалеры, единственно для того, чтобы всполоснуть

Digitized by Google

языкъ, привязались къ Янкелю за излишнюю порцію перцу въ карасѣ; а Янкель, съ своей стороны, объяснилъ, что его женка „знаець палитику“ и что безъ перцу ничего нельзя сдѣлать „великатнаго“.

— Ну, братъ Янкель, коли ужъ ты такой дошлый собака, такъ вотъ что... хочу я угостить земляка распочтеннаго по нашему, знаешь, по морскому.

— Ой, ой! и якъ-зе мнѣ не знаць!

— То есть, не достанешь ли бутылочку ямайскаго, ромцу, тово? Ась? Ужъ карбованецъ куды ни шелъ!

— И цто тамъ за хитрость, пане золнерве! заразъ будзе.

Жидъ побѣжалъ, а пѣхтура крикнилъ вслѣдъ ему: — да и огурчиковъ свѣже-просольныхъ, на закуску, Каиново племя!

— Заразъ, заразъ!—раздавалось изъ кухни.

Земляки, тѣмъ часомъ, принялись разсуждать о службѣ; а жидъ держалъ совѣтъ съ жидовками, какъ бы не упустить посуленный карбованецъ? Дѣло въ томъ, что ни рому, ни соленыхъ огурцовъ въ корчмѣ и запаху не имѣлось, не только самой натуры.

Однако, покусавъ ногти, почесавъ всѣ мѣста, куда рука хватаетъ, да повторивъ разъ десять „свартъ юръ!“ еврей подпрыгнулъ, ухмылился подъ самый уши и схватилъ полуштофъ. Сара, по командѣ его, кинула въ жаръ пробку, да хлѣбную корку, и вскорѣ, сквозь грязный передникъ ея, чрезъ сженую корку и пробку цѣдился полугаръ красноватой струей на дно полуштофа. Потомъ подсыпано туда маленько перцу толченаго, для „великатности“ стало-быть, влита рюмка уксусу—и вотъ, слито все это въ бутылку съ ярлыкомъ, на которомъ грамотный и зоркій человѣкъ прочиталъ бы подъ грязью — „Лучшій Ямайскій ромъ № 1“. Цѣна выскоблена ногтемъ. Ромъ готовъ; жидъ отеръ потъ. Рохля пропала за огурцами.

— Ну, такъ то-съ, землякъ ты мой, побратенекъ дорогой, Лаврентій Патаповичъ! Какъ, бишь, ты сказалъ, въ которомъ ты служишь, тово?

— Въ двадцать седьмомъ экипажѣ, Григорій Панкратьевичъ.

— Да, и то, въ двадцать седьмомъ экипажѣ! Ишь ты, какъ оно это, тово, странно, братецъ, — экипажъ! А у насъ, опять, экипажъ совсѣмъ не то; нашъ экипажъ вотъ то, что походомъ на подводы складывается, хозяйственная часть: мѣшки, братецъ, колодки, шилья, копылья и прочій, знаешь, экипажъ такой.

— А у насъ, Григорій Панкратьевичъ, такой то экипажъ, все равно, что у васъ такой то полкъ, изволишь видѣть.

Digitized by Google

— Да, знаю, братецъ, знаю, понимаю.

— Разумѣется; случалось слышать господскіе разговоры, — такъ у нихъ и кареты, и сани, и дровни, и всякая дрянь—все, говорятъ, экипажъ.

— А у насъ и теперь еще подпоручикъ, какъ идетъ въ грязную погоду со двора, такъ деньщику кричитъ:—Трошка, экипажъ!—тотъ и тащитъ его благородію двѣ калошины.

— Всякой, братецъ мой, Григорій Панкратьевичъ, бываетъ экипажъ; а настоящій-то нашъ, что пишется—номера такого-то.

— Ну, и нашъ, нельзя сказать, что бы былъ не экипажъ! Да видишь, слово-то оно нѣмецкое больше, такъ его и такъ и сякъ суютъ и ломаютъ; а, впрочемъ, передъ лагерями, или походомъ, фельдфебель отдаетъ приказаніе:—не брать съ собой лишняго экипажу!—Ну, такъ и понимаешь, что онъ говоритъ не то чтобы не брать съ собой кареты, или рыдвана,—а такъ, то-есть, обносковъ да опорышковъ не накласть въ мѣшокъ не въ пропорцію.

— Оно такъ! да слово-то это всетаки не нѣмецкое; не приходится ему быть нѣмецкимъ, коли войско наше этимъ словомъ именуется.

— Правда, Потапычъ, правда! то есть оно было нѣмецкое еще Богъ знаетъ когда, а теперь ужъ и не тово... Ну, да что съ нимъ, съ словомъ-то! Какъ ни зови, да хлѣбомъ корми, говорится по русски. А что, небойсь, много свѣту повидалъ на службѣ-то? Вѣдь вы, не то, что нашъ братъ землемѣръ; по морю то, какъ по маслу, ась?

— Да, ништо, компаній съ пятокъ отбылъ.

— Да какихъ же съ пятокъ? Ихъ и всѣхъ то на твоемъ житьѣ только три было: персицкая, турецкая и съ полякомъ.

— Изволишь видѣть, Григорій Панкратьевичъ, у насъ всякій шестимѣсячный практическій походъ въ морѣ называется компаніей.

— Вотъ оно что!.. Да, да, помню, братецъ, помню; говаривалъ съ моряками. А у насъ компанія,—извѣстно компанія,—съ кѣмъ ее Царь заведетъ, такая она для насъ и компанія: съ туркомъ—такъ турецкая, съ французомъ—французская... Давай сюда кого хочешь!

— Да, вѣдь, вотъ и теперь у насъ веселая компанія, вѣдь и это компанія!

— И какая еще!.. ужъ разумѣется компанія... Ну-ка, для компаніи!

Земляки осушили стаканы.

Digitized by Google

— Эй, Янкель!—крикнулъ Панкратьичъ;—для компаніи жидъ удавился,—поди сюда, такой-сякой, компаніонъ.

Но компаніонъ хлопоталъ надъ ромомъ ямайскимъ и еще не совсѣмъ кончилъ это сложное дѣло, однако явился на зовъ и, бережно принимая полную чарку изъ рукъ солдата, началъ разсказывать, что на свѣтѣ есть и просто ромъ, и ромъ ямайскій, и еще ромъ ямайскій лучшій и, наконецъ, ромъ ямайскій самый лучшій № 1, и вотъ, что этотъ-то № 1 только и можно достать во всемъ ихъ уѣздѣ у одного погребщика, перваго виннаго торговца и спекулятора по питейной части, Янкеля Мордохеевича, въ селѣ Будеяхъ,—вотъ именно здѣсь,—прибавилъ онъ,—уткнувъ указательнымъ пальцемъ себя въ високъ.

— И что-жъ, онъ настоящій ромъ?—спросилъ матросъ.

— Я ницаго не буду говорить,—отвѣчалъ Янкель,—нехай панство, скоштуйте *), сами зобачите.

— Ну, однако, вкусъ-то ромовой-таки?

— Я ницого не сказу, панове! Нехай паны увазаютъ № 1-й.

— И такъ, какъ настоящій ямайской?.. припахиваетъ клопомъ?—допрашивалъ морякъ.

— Зачѣмъ же клопомъ?—спросилъ Панкратьичъ;—этакой дрянью, братецъ!

— Нѣтъ, землякъ любезный! это не дрянь, а духъ такой; значитъ, что ромъ неподдѣльный, важный, натуральный.

— Скажи, пожалуй! Не слыхивалъ, братецъ!..

— Нехай только паны зобацуць и посмакуюць, нехай и сказутъ цего тамъ нѣтъ и якой духъ, а я ницего не сказу, коли это № 1-й,—бормоталъ жидъ;—я вижу, якъ паны добре знаетесь на всемъ, я увазаю, якіе паны кавалеры!

— Ну, тащи его сюда! какой тамъ клоповикъ такой!—промолвилъ пѣхотинецъ;—не знаю, чего я не пивалъ, а съ клопами, съ доброй воли, не случалось; попадетъ что нечаянно развѣ!

— Нѣтъ, Григорій Панкратьевичъ! тутъ клопа самаго нѣтъ, а такъ-вотъ только, душина маленько, то есть, примѣта такая...

— Да примѣта-то, братецъ, поганая; а, впрочемъ, кто васъ знаетъ, мнѣ все равно. Янкель, бестія, тащи клоповика! да огурчиковъ не забудь!

Какой ни былъ мошенникъ Янкель, однако смекнулъ, что кавалеровъ не надуешь.

— Вой, вой, якій,—прошепталъ онъ, пошепталъ на кухнѣ, задумавшись и сложа руки, взялъ бутылку рому № 1-й, поню-

*) Попробуйте. *Прим. авт.*

Digitized by Google

халъ ее, сморкнулся, еще подумалъ маленько и вдругъ, сверкнувъ глазами отъ радостной мысли, бросился къ своей супружеской кровати.

Въ то время на кровати этой, между двухъ грязныхъ перинъ, почти безъ всякой дурной мысли, ходилъ одинъ клопъ; онъ выползъ съ друзьями и родственниками изъ щели единственно для прогулки и, кстати, хотѣлъ посмотрѣть, не валяется ли на постели, какъ обыкновенно, который-нибудь жиденокъ; а, впрочемъ, онъ былъ доволенъ и сытъ; надобно же такого примѣрнаго несчастья, или, какъ говорится, судьбы, что, прогуливаясь такъ безпечно, онъ попалъ прямо между указательнымъ и большимъ пальцемъ руки Янкеля, который, разумѣется, вытащилъ его, раздавилъ, и въ ту же минуту кругомъ жида пошелъ такой точно духъ, какъ-будто раскупорили большой анкерокъ самаго лучшаго № 1-го рому.

Янкель помазалъ этимъ клопомъ пробку на бутылкѣ и понюхалъ; но, видно, ему показалось этого мало, потому что онъ еще понюхалъ и потомъ взялъ остроконечный ножъ, разщелилъ пробку, засадилъ туда поглубже всего клопа и замазалъ этотъ казематъ слегка варомъ.

Между тѣмъ солдатики разговаривали и рѣшили, что „компанія“ слово иногда и нѣмецкое, не смотря на то, что и самимъ нѣмцамъ приходится иногда отъ этого слова плохо; и ужъ Потапычъ описалъ Сицилію;—говоритъ,—островъ такой, какъ слѣдуетъ быть острову, и кругомъ вода; а Неаполь, такъ какъ слѣдуетъ быть городу,—вода сама по себѣ, а Неаполь своимъ чередомъ, стоитъ на твердой землѣ; а,—говоритъ,—Мальта—опять островъ, еще хуже чѣмъ Сицилія; а Гибралтаръ—проливъ; то есть крѣпость-то Гибралтаръ, а проливъ, стало-быть, Гибралтарскій; а за нимъ океанъ, такой, Атлантической, а дальше—Нѣмецкое море.

— Ну, и, стало-быть, тамъ все нѣмцы? — спросилъ Панкратьичъ.

— Нѣтъ, братецъ мой, оно почти нѣмцы; однако въ Неаполѣ, Сициліи и въ прочихъ мѣстахъ больше итальянцы.

— И какіе-жъ такіе эти итальянцы?

Потапычъ объяснилъ, что такіе, просто-вотъ, итальянцы, народъ веселый, славный, горячъ маленько, а впрочемъ добрый малый и на штуки гораздъ. А дальше, говоритъ, французъ—человѣкъ пустой, хоть не трусъ и не глупъ, да только зубы скалитъ, а самъ ни на что не взялъ,—просто шелопай, братецъ.

Вотъ англичанинъ, молъ, правда, собака—да зато съ нимъ

Digitized by Google

другое пріятство,—и пьетъ, говоритъ, неизвѣстно во что, какъ въ прорву, и на морѣ—дока, и терпѣть не можетъ француза; а съ нами, молъ, пріятель, угощаетъ важно! Хоть по-русски ни въ зубъ толконуть, а кулаки, говоритъ, не хуже казанскихъ, и все наровитъ подъ девятое ребро, или въ сусалы. Къ тому-жъ и счетъ знаетъ. А нѣмецъ, говоритъ, просто, какъ есть—нѣмецъ!.. больше по табачной и колбасной части и пивному отдѣленію; однако—добрый человѣкъ, и сальныхъ свѣчъ не ѣстъ, да притомъ разную науку произошелъ на порядкахъ, и самъ, изъ собственной головы, „облизьяну“ выдумалъ. Вотъ шведъ, такѣ человѣкъ знатный, и тоже пятерня костистая, зеленоватъ отчасти, однако душа прямая, и выпить больно не дуракъ.

— Такъ вотъ они какіе, скажи пожалуйста, нѣмцы-то! Гмъ! вишь, какіе разные!

Къ рѣчи о шведѣ Янкель поставилъ передъ кавалерами бутылку и, пальцемъ указавъ на № 1-й, прибавилъ:—нехай только паны заувазутъ якой это ромъ.

По такому уваженію матросъ началъ раскупоривать попавшимся подъ руку гвоздемъ бутылку и расковырялъ клопову могилу такъ, что духъ его сказался носу, а тѣло осталось на гвоздѣ; но служивые тѣла не замѣтили, а духъ начали похваливать.

— Онъ и есть,—сказалъ матросъ,—знакомая душина.

— Оно и мнѣ-то знакомо,—перебилъ Панкратьичъ;—да я, братъ, что-то не вѣрю такому смаку; по моему пѣнное будетъ уважительнѣе.

— А вотъ мы его раскусимъ!

Нечего и толковать, что раскусываніе это производилось точно такимъ же родомъ и тѣми же пріемами, какъ былъ выкушанъ полуштофъ серебрянаго полугара. Морякъ пилъ и похваливалъ, а пѣхтура пилъ и поплевывалъ, находя, что ромъ № 1-й отзывается карасемъ и разными „великатностями“. Жидъ подходилъ къ собесѣдникамъ только для того, чтобы побожиться, что эта бутылка рому № 1—послѣдняя во всемъ уѣздѣ, и другую ужъ нельзя достать ни за сто раковъ; но, можетъ-быть, карбованца за полтора, онъ постарался бы какъ-нибудь добыть еще бутылочку, точно такого, развѣ немножко получше, и то только для такихъ вельможныхъ пановъ жолнеровъ.

Но вельможные паны не добрались до половины этой № 1 бутылки, а ужъ были нагружены крѣпко, не обращали вниманія на жида, и уже поволокли рѣчь о томъ, какъ бы, молъ, перейти одному изъ нихъ для совмѣстнаго служенія къ другому.

Digitized by Google

А затѣмъ народился дружескій споръ о томъ, какая служба лучше, полевая, или морская?

Матросъ утверждалъ, что морская.

Панкратьичъ и слышать не хотѣлъ, что можетъ быть какая-нибудь служба лучше пѣхотной.

— И не говори, землякъ! не говори! Ну, какъ же можетъ это случиться, чтобъ морская была лучше? Скажи только это!

— Да такъ же, Григорій Панкратьичъ!

— Постой, постой!—перебилъ пѣхотинецъ;—ты только возьми въ толкъ: морская, понимаешь, морская, такая служба, водяная! Ась? Ну, какъ же она можетъ быть лучше полевой, пѣхотной, твердой, братецъ ты мой? Нѣтъ, Лаврентій Потаповичъ, далеко куцому до зайца! Нѣтъ, ваша служба, правда, легкая, быстрая, глубокая, братецъ ты мой, да плохо тѣмъ, что опереться не во что; а наша—крѣпкая, звонкая, шагистая, братецъ, упористая служба! Вотъ что!

— Нѣтъ, Григорій Панкратьевичъ! воля ваша, а наша не будетъ хуже. Наша безстрашная, бойкая, летучая служба, то есть, такъ сказать, орлиная; штормъ, не штормъ, бурунъ, не бурунъ—летишь соколомъ,—волна, сторонись, носомъ расшибу! Гдѣ-жъ, Григорій Панкратьичъ, вашей-то службѣ, ощупью выползти противъ нашего? Никакъ нѣтъ-съ! Не та, стало-быть, линія! На водѣ, аль на землѣ?

— Вода, сказано—вода она и есть, не то что мать сыра земля, братецъ мой; далеко кулику до Петрова дня; хоть каждый, братецъ, куликъ свое болото хвалитъ! Нѣтъ, Лаврентій Потапычъ! наша-то видно потемпистѣе!

— Да-съ, Григорій Панкратьичъ, хоть, извольте, видѣть. куликъ не великъ, а всетаки птица! Оно и не извѣстно — чья будетъ почище; а сказано, что „заяцъ не звѣрь“, вотъ что-съ!

Споръ этотъ, который могъ бы плохо кончиться, показался Янкелю очень важнымъ и занимательнымъ, а потому онъ, сложа руки, молча, кивалъ головой на каждое громкое слово обоихъ земляковъ. Наконецъ померещелось ему, дураку, что лучше будетъ пристать къ которой-нибудь сторонѣ, и, когда матросъ сказалъ между прочимъ:—да ты только ранецъ возьми въ уваженіе, Григорій Панкратьичъ, да инструментъ разный, что прешь ты, не оглядываясь, на своей спинѣ, неизвѣстно сколько сотъ верстъ!.. какая-жъ она такая, пѣхотная служба?--еврей не удержался и съ своей стороны прибавилъ:—нехай Богъ боронитъ отъ такой слузбы! нехай дѣти мои не увидятъ,—хотѣлъ онъ проговорить, какъ тридцати-шести-фунтовая ручка георгіевскаго

Digitized by Google

кавалера упала молотомъ и охватила дряблое плечо жидкокостаго еврея.

— Ахъ, ты, гнилая ракалія!—загремѣлъ Панкратьичъ;—какъ смѣешь поганить языкомъ своимъ честную службу? а?

Янкель скорчился, присѣлъ; ему представилось, что цѣлый потолокъ рухнулся на его плечо, и онъ горестно вопилъ:—гвалдъ! швартъ-юръ!

— Мы больше пролили поту и крови нашей, чѣмъ ты горѣлки на твою стойку. Знаешъ ли ты, мошенникъ, что такое служба?.. Говори!

— Ей-Богу-зе знаю!—въ испугѣ кричалъ жидъ;—ци смѣлъ бы я слово сказать, кабы не зналъ пѣхотной слузбы?—и объяснилъ еврей, что однажды, давно какъ-то, онъ былъ факторомъ у пѣхотнаго капитана и получилъ, за то и другое, разное платье, кромѣ наличныхъ, пятидесяти палокъ въ спину, дай Богъ ему, то есть капитану, здоровья.—И якъ-зе мнѣ не знаць пѣхотной слузбы?

Панкратьичъ начиналъ смягчаться и перенесъ руку отъ плеча къ пейсикамъ. Жидъ уже ободрялся; но нелегкая дернула его за языкъ болтнуть, что онъ знаетъ морскую службу.

— И якъ мозно поровнять пихотную слузбу съ морской? Морская совсѣмъ дрянная, диравая слузба!..

А за этимъ словомъ стукнулась о другое плечо, словно курокъ съ бойкой пружиной, цѣпкая ручка Лаврентія Потапыча.

— Гдѣ ты, рыло поганое, знаешь морскую службу? а? свинобой проклятый, говори, не то раздавлю, какъ крысу подтрюмную!

— А ей-Богу-зе знаю!—возопилъ жидъ, совсѣмъ разсѣвшись на полу отъ такого удовольствія, и, сидя такъ, разсказалъ, что онъ тонко знаетъ морскую службу съ тѣхъ поръ, какъ, торгуя водкой въ Николаевѣ, нечаянно обмѣрилъ батальера одного, а капитанъ, тоже, дай Богъ ему здоровья, послалъ за нимъ и приказалъ влѣпить ему въ самую мякоть пятьдесятъ линьковъ.—Нехай—Богъ забьець меня, коли я оби-двѣ слузбы не знаю!

Еврей такъ пищалъ, что, конечно, весь домъ прибѣжалъ бы на пискотню эту, но Сара была въ командировкѣ за свѣжепросольными огурцами, Рохля — за водой, Перля — за дровами, а жиденята, стоя и ползая около порога, никакъ не понимали навѣрное, какую роль разыгрываетъ тутъ дрожайшій родитель ихъ.

Какъ ни были хмѣльны земляки, однако узнали такого ученаго человѣка и признались, что, въ самомъ дѣлѣ, онъ маленько

Digitized by Google

знаетъ обѣ службы, а потому рѣшили дать ему стаканъ рому. Янкель еще не совсѣмъ оправился и дрожалъ немножко, принимая стаканъ изъ рукъ солдата, но когда увидѣлъ, что гнѣвъ промѣненъ на милость, то честолюбіе заговорило въ немъ снова, и, отпивъ глотокъ рому, онъ скромно признался, что знаетъ еще и артиллерійскую службу и знаетъ ее лучше всѣхъ другихъ службъ потому, что очень недавно съ этого ученья, и что вотъ, эта-то служба и есть самая дурная, бомбардиры стрѣляютъ мѣтко, но прескверныя путлища держатъ въ артиллеріи.

Той порой возвращались три жидовки изъ командировокъ разныхъ: Рохля несла въ разбитомъ, склеенномъ и снова подбитомъ кувшинѣ мутную воду изъ чистаго ручья, въ который она со-слѣпа забрѣла, возмутила струю и поскорѣй зачерпнула ее вонючимъ кувшиномъ на веревочкѣ; Перля тащила беремя разной гнили, собранной съ сосѣдскихъ плетней и загородей; Сара несла въ передникѣ десятокъ свѣжихъ огурцовъ, которыхъ ей, за копѣйку, да два бублика, хохленокъ нащипалъ въ огородѣ, украдкой отъ матки,—а туда онъ посланъ былъ выгнать куръ;—свѣжепросольныхъ ей достать не удалось, потому что пономарь вытолкалъ ее въ зашей, приговаривая: — скажи, молъ, мужу, чтобъ поменьше грубилъ, да горѣлки водой не губилъ.—Старостиха сказала на просьбу ея:—що се таке за кирмашъ у насъ для тебя?—говоритъ;—свѣчи соленыя, трещатъ, а не горятъ; такъ, стало быть, лучше огурцы посоли. А головиха и въ избу не пустила;—поменьше бы песку въ соль сыпала нехристіанка этакая!—въ одно ей сказала, да скверное слово прибавила и плюнула. Сара, впрочемъ, была совершенно довольна и свѣжими огурцами, потому что она намѣревалась посолить ихъ въ двѣ минуты, заваривъ въ соленой водѣ и выстудивъ потомъ на крышѣ конюшни.

Всѣ трое пригнали онѣ такъ ловко походъ свой, что пришлось входить въ корчму всѣмъ вдругъ; а такъ какъ ни жиды, ни жидовки, ни все жидовское племя простаго дѣла не сдѣлаютъ по-человѣчески, то и поперлись онѣ, не считая козы навстрѣчу, разомъ въ дверь, причемъ какой-то сукъ, высунувшись изъ беремя Перли, рогатой вершиной своей вцѣпился въ рукавъ Сары, а острымъ комлемъ уперся въ кувшинъ, въ одну секунду вырвалъ лоскутъ грязнаго платья и отбилъ черепокъ отъ инвалида-кувшина; по этому случаю всѣ четверо, коли считать козу, которую прижали мордой въ дверную щеколду, заорали благимъ матомъ.

Въ избѣ, между тѣмъ, происходило обстоятельство нисколько

Digitized by Google

не лучше этого. Земляки обнялись и рѣшили, что обѣ службы лучше, и никому изъ нихъ, какъ старому служивому, мѣнять свою службу, для совмѣстнаго служенія, не приходится, и затѣмъ обнялись еще и поцѣловались. Рѣшили также, что хоть четыреглазный карась и № 1-й ромъ—чортъ знаетъ что такое, а не карась и не ромъ, и хоть соленые огурцы къ сроку не поспѣли, но заплатить Янкелю слѣдуетъ, и потому вынули по карбованцу и бросили на столъ. И еще рѣшили они, земляки распочтенные, что хоть Янкель Мордохеевичъ знаетъ обѣ службы, кромѣ третьей еще, а все жъ не мѣшало бы ему „репетичку“ сдѣлать малую, ни для чего больше, какъ для твердости одной, и „репетичку“ эту, для твердости, они и сдѣлали бы, потому что ужъ все было готово,—да на несчастье Янкеля, вотъ почему не случилось „репетички“.

Пока жидъ завѣрялъ солдатъ и божился передъ ними, до какой тонкости онъ знаетъ пѣхотную и морскую и сверхъ того артиллерійскую службу, пока жиденята, расковыривая пальцами дирки лапсердаковъ другъ на другѣ и вылупя телячьи глаза, слушали родителя своего, и пока, наконецъ, три еврейки бранились въ дефилеи, возвращаясь изъ фуражировки въ свой балаганъ, пока это все происходило,—какъ было сказано,—самый маленькій и самый грязный жиденокъ ползалъ по землѣ, за кошкой, намѣреваясь укусить ее за хвостъ. Умная кошка, готовая играть во всякую игру, гдѣ не ей больно, спрятала свой хвостъ подъ бочку съ водкой, а высунула оттуда только лапки, которыя кусать, какъ извѣстно, не совсѣмъ ловко; какъ ни глупъ былъ жиденокъ, однако, послѣ первой попытки укуситъ лапку, завизжалъ и, оглянувшись, увидѣлъ, что никто его не унимаетъ; слѣдовательно лучше, разсудилъ онъ, и не визжать, а зато искалъ чѣмъ бы хватить кота по мордѣ, и ручонка его ухватилась за затычку бочешную. Заткнута она была не крѣпко, потому что жиды дѣлаютъ все скоро, да нездорово; мальчишка смотрѣлъ на кота, а котъ на мальчишку; а рученка все елозила по затычкѣ и пошатывала ее до той самой минуты, пока струя спиртительнаго напитка, нашедши истокъ, толкнула затычку и хлынула быстрымъ потокомъ жиденку въ мордочку.

Разумѣется, мальчишка опрокинулся; котъ убѣжалъ на печку и съ любопытствомъ поглядывалъ сверху, вытянувъ пушистую свою шею; жидъ божился въ другой комнатѣ, гдѣ собирались сдѣлать ему „репетичку“; жидовки и коза орали за прорѣхъ, черепья и стиснутую морду; мальчикъ ревѣлъ, какъ зарѣзанный,—а водка, между тѣмъ, улепетывала изъ темной бочки на про-

Digitized by Google

сторъ свѣтлый, какъ арестантъ бѣглый изъ тюрьмы, и напрудила въ хатѣ цѣлое море, въ которомъ барахтался бѣдный жиденокъ, словно китъ-рыба на мели.

Само-собою разумѣется, что изъ всего этого вышла такая плачевная чепуха и такой гвалдъ, какого, со времени Содома и Гоморры никто и не упомнитъ. Все вопіющее племя сбѣжалось съ страшнымъ гвалдомъ.

— Вотъ тебѣ и „репетичка“!—говорили земляки, глядя на этотъ кагалъ.

— А не лучше-ли намъ того, ретираду этакъ? — сказалъ морякъ и обрасопилъ носъ къ двери.

— То есть — тра-тата-татата-тата-та-та!—пропѣлъ Панкратьичъ, и, по исполнительному сигналу „ти!“ — который самъ же онъ сыгралъ на язычекъ, повернулся на каблукахъ къ двери же.

Въ дверяхъ матросъ задѣлъ за порогъ, сказавъ однако:— извините-съ!—а кавалеръ отвѣтилъ:—ничего-съ,—и щелкнулся о притолку. Не теряя резону, вышли они изъ корчмы, — гдѣ отъ воплей можно бъ было оглохнуть,—на чистый воздухъ, обнялись на походѣ, заломили фуражки до крайности, и, — черезъ два шага впередъ, третій назадъ,—двинулись соединенными силами въ село, держа дирекцію на мостъ.

— Вишь ты, какъ хорошо на воздухѣ-то!

— И то знатно! а что, развѣ затянуть закатимую?

— А закатывай, братецъ!

И Панкратьичъ закатилъ, выводя голосомъ неизвѣстныя выкрутасы:

„Не одна, таки не одна въ полѣ, въ полѣ дорожка“...

А Потапычъ мурлыкалъ про себя съ нимъ въ ладъ:

„Какъ на ма... да на матушкѣ-Невѣ на пристаньицѣ“...

Панкратьичъ, кончая фигурину—„въ полѣ дорожка“...—подхватывай!—сказалъ и вмѣстѣ гаркнули:

„Пролега-пролега-а-ла“!..
„Корабе-корабельны-имъ“!..

И вмѣстѣ же вывели подголоскомъ: Панкратьичъ, вытянувъ рожу, съ баска съ прихрапомъ, старой собакой, а Потапычъ—рыльце насторону, мелкой свиньей, завязшей въ заборѣ, дишканта-ухорѣза запустилъ, и, не потрафивъ на мостъ—оба рухнули въ канаву.

Стадо шло съ поля и остановилось. Быки уставили любо-

Digitized by Google

пытныя морды свои и выпучили глаза въ кавалеровъ; бараны толпились между крупнымъ скотомъ и притопывали ногами; разное свинье хрюкало съ удивленіемъ; съ дальнихъ дворовъ озотвались гуси, да собаки, и проходящій хохолъ искоса поглядѣлъ съ подъ капелюха своего, молвя подъ-носъ:—о-се, москаль яку дрибедень спивае!..

На другой день рано проснулся марсовой Лаврентій Потаповичъ. Еще маленько поглушливало у него въ головѣ; однако, умывшись, пригладивъ виски, назудилъ онъ пуговицы какъ жаръ, вычистилъ фуражку и молодцомъ пошелъ отдать свое почтеніе земляку-кавалеру и его симьѣ, съ которой онъ былъ въ дальнемъ родствѣ и еще не видался съ прихода въ отпускъ. Тепло, какъ брата меньшаго, принялъ его хохолъ Грицко, своякъ Панкратьича, горячо обняла его пожилая жинка Грицка, Маруся.

— Бій Бігъ; нэ пизнала-бъ, сердце мій! — воскликнула она и принялась разсматривать его передъ окномъ, какъ будто на немъ были нивѣсть какіе узоры.—О-се, якій гарный москаль! дай, Боже, здоровьенько!—и слезы проступили у нее отъ радости.

Хохленокъ лѣтъ десяти, сынъ Грицка. Нечипоръ, тоже обнялся съ москалемъ и поглядывалъ на него съ любопытствомъ.

— А гдѣ-жъ Маньца *)?—спросилъ Панкратьичъ.—Помнишь, чай, Маньцу-то, Потапычъ?

— Ну, и какже не помню Маньцу-крошку? Еще звонаренка бивалъ за нее; чай, ей лѣтъ пять было?.. Гдѣ жъ она, любко?.. разцѣловалъ бы ее.

— А чи ни на чиришни пійшла, може, — отвѣчала мать и сама принялась уставлять въ печкѣ горшечную команду.

Грицко усадилъ матроса на лавку, подалъ ему люльку, а другую началъ заряжать себѣ. Устроилась бесѣда.

— Плохо, братъ, Лаврентій Потаповичъ; вчера мы съ тобой, тово, маленько,—завелъ пѣхтура.

— И какъ еще плохо-то! ужъ не говори, Григорій Панкратьевичъ! чортъ этотъ, карась четвероглазый, всю ночь мерещился.

— Ну, братъ, и ромъ-то твой, номеръ первый, съ клопомъ, чтобъ ему въ тартарары!—Панкратьичъ плюнулъ;—вѣришь, братецъ, покою не далъ, — только улегся было, глаза сомкнулъ—вижу, братецъ, турка номеръ первый... Самсонычъ, царство небесное, кричитъ:—въ кучку!—Я того, стрѣльнулъ,—турка номеръ первый — на меня; я ему штыкъ!.. гляжу — на штыкѣ клопъ,

*) Маша. *Прим. авт.*

Digitized by Google

съ котелъ артельный величины... Тьфу, ты, бѣсъ! Пошла душина такая!.. такъ-таки сонный и слышу все. Я скорѣй заряжать— онъ штыкъ не пускаетъ, и не вытащишь, — застылъ въ клопѣ-туркѣ; а Янкель, чортъ знаетъ откуда, стоитъ тутъ и дразнитъ языкомъ:—знаю пѣхотную слузбу; дрянь-слузба! нехай Богъ боронитъ этой слузбы!.. Просто, братецъ, радъ что проснулся,— инда потъ насквозь пронялъ.

— Надобно бы этому шельмѣ, Янкелю, сдѣлать „репетичку“.

— И то надо! и таки порядочную сдѣлать слѣдуетъ „репетичку“.

— Да, таки и сдѣлать безотмѣнно!

— А вотъ же и сдѣлаемъ „репетичку“ ему, мошеннику!

— А що се таке за перетычка, чи репердычка?—спросилъ Грицко кавалеровъ.

Ну, кавалеры и объяснили ему, что это, молъ, не перетычка и не репердычка, а почти тоже, такъ-себѣ, „репетичка“, больше, то есть, для твердости; и что слѣдуетъ ее эту перетичку, или „репетичку“ сдѣлать мошеннику Янкелю за карася и ромъ № 1.

— А плюньте, паны жолнеры, не чепляйте его, дідько *) ему, жидовѣ!—посовѣтовалъ Грицко.

— Пожалуй, и такъ... оно можно. Ну, дідько ему жидомору!

— И, конечно, дідько ему, жидовину!—прибавилъ морякъ.

— Що тамъ съ жидовскимъ племемъ чепляться, стрясца ему въ животъ! **)—добавилъ Грицко.

— И точно, трясца ему! и даже, наконецъ, въ носъ ему муху и волдырь!

На томъ и порѣшили, что „репетички“ Янкелю не дѣлать и не вязаться съ нимъ, мошенникомъ, а что, молъ, довольно съ него и волдыря въ самый носъ, тѣмъ болѣе, что и Маруся отозвалась отъ горшковъ своихъ не въ пользу этой перепердычки. „чи якъ ее тамъ“

Такимъ образомъ чинно сидѣли около стола и толковали земляки, покуривая люльки; поодалъ глядѣлъ на нихъ, не моргая, Нечипоръ и любовался свѣжимъ молодцомъ матросомъ; а хозяйка управлялась въ печи. Пузатый котелъ влѣзъ въ самое полымя и сердито клокоталъ наваромъ, въ которомъ переворачивалось цѣлое стадо варениковъ; барапій бокъ, съ чеснокомъ и шмальцемъ, на противнѣ, какъ слѣпецъ съ лирой ***), визжали

*) Старый бѣсъ, лѣшій.

**) Лихорадка ему въ животъ,—обычный хохлацкій комплементъ.

***) Слѣпцы съ лирами называются тамъ старцы-лирники—ходятъ по селамъ и ярмаркамъ; они всегда слѣпые. *Прим. авт.*

Digitized by Google

какую то рацею; а крутобокой горшокъ, съ грудой макухъ, *) только грѣлся всторонкѣ, и пузырьки похлопывали по немъ, какъ въ дождь на водѣ. Сама же вѣдьма, стало-быть, сидя въ трубѣ, гудитъ себѣ на цѣлый чердакъ, дымъ черезъ крышу переметываетъ, пыхтитъ, трещитъ, да еще и угольком горячимъ изъ печи въ хату швырнетъ. Угощеніе готовилось отличительное. Хозяинъ поглаживалъ усы и оселедецъ **), и видно было, что онъ доволенъ, счастливъ и радъ дорогимъ гостямъ.

Хозяйка повернулась около стола, и на чистой скатерти сверкнула красоуля. Панкратьичъ что-то призадумался.

— О чемъ это задумались, Григорій Панкратьевичъ?—спросилъ морякъ.

— Да все о томъ-же, Лаврентій Потаповичъ.

— О чемъ это?

— А о томъ, что плохо, братецъ мой; и чѣмъ дальше думаю, тѣмъ хуже; очень плохо! И стыдно намъ, братецъ, и маленько грязновато.

Морякъ покраснѣлъ; онъ понялъ, о чемъ говорилъ кавалеръ. А кавалеръ не хуже искуснаго сапожника, выворачивающаго изношенное голенище стараго сапога для разныхъ заплатъ, выворотилъ на лицо и наружу весь вчерашній день. И безтолковая попойка, и грязная закуска и безпорядочные споры, и всякое глупое, необдуманное слово, словно рванины, прорѣхи и разное дырье, — все видимо предъявилось оконфуженному моряку.

— Пусть ужъ ты, Лаврентій Потапычь,—продолжалъ Панкратьичъ,—молодой человѣкъ, безъ-усый, почитай что, ну, такъ, сплалилъ маленько; а я то, прости Господи, старая собака!... да еще и кавалеръ, примѣръ другимъ... Вотъ тебѣ и примѣръ другимъ!.. Совсѣмъ плохо, братецъ ты мой!

Напрасно утѣшалъ его Грицко и каялся Потапычъ.

— Вѣдь, ей-Богу, Григорій Панкратьевичъ, и совѣстно, и больно... Вотъ, лучше-бъ сто липьковъ...

— Что тамъ, братецъ мой, хоть лѣсъ палокъ переломай на насъ съ тобой—не воротишь пакости-то; у честнаго человѣка совѣсть—палка. Нѣтъ, Лаврентій Потапычъ, совсѣмъ таки пропадшее дѣло! Очень, очень плохо.

Морякъ уже заклинался было во всю жизнь не заходить въ корчму,—вышло еще хуже.

---

*) Груда макухъ—родъ варениковъ изъ маковыхъ отолочей.

**) Оселедецъ—чуприна посереди бритой головы, на темяни.

Прим. авт.

Digitized by Google

— Съ глупымъ разумомъ и въ церкви худо,—возразилъ кавалеръ;—коли ты заклинаешся, стало-быть ты боишься, а чего ты боишься—то тебя и одолѣетъ. И въ корчмѣ, вѣдь, только глупому гибелъ лихая, а разумному—отдыхъ полезный.

— Ну, зато ужъ никогда не свяжусь съ жидомъ-мошенникомъ.

— И то не резонъ!.. Жидъ только съ дуракомъ мошенникъ; а мошенникъ разумнаго человѣка боится, какъ ракъ свѣтлой воды. Нѣтъ ужъ, Лаврентій Потаповичъ, никого не вини, кромѣ нашей собственной глупости.

Тутъ кавалеръ опять началъ высчитывать всѣ вчерашнія пакости: и карася, и клоповикъ, и споры:—вѣдь,—говоритъ,—если-бы со стороны кто-нибудь послушалъ насъ,—ну, просто, братецъ...—дурни,—сказалъ бы,—а не солдаты! вѣдь не то что рѣчь ведутъ, а какого-то мороку въ глаза напускаютъ другъ другу, вотъ что!—Да и Янкель то,—хоть чортъ его возми, однако все же человѣкъ,—считаетъ насъ не менѣе какъ за записныхъ, братецъ, чтобъ не сказать—дуралеевъ.

Наконецъ, онъ отозвался и о „репетичкѣ“:—какъ говоритъ своякъ:—ну, какая честь двумъ здоровымъ людямъ тѣшиться надъ гнилымъ жидомъ, на котораго, если прикрикнуть порядкомъ, такъ онъ, съ дозволенія сказать, надѣлаетъ со страху того, о чемъ и говорить не приходится?—И такъ нализаться, натрескаться!.. Что въ селѣ то скажутъ!.. Совсѣмъ, братъ, плохо!

— Ну, и що тамъ, — уговаривалъ Грицко;—повисилились маленько.

— Нѣтъ, братецъ, своякъ любезный, не говори! Напиться чортъ вѣдаетъ какой дряни, наѣсться не лучше того, да и треснуться въ канаву!.. Это, братецъ, не солдатъ, а грязь... Срамная, братецъ, послѣдняя грязь. Вѣдь даже скотъ, братецъ, остановился; то есть каждая, что тамъ была, свинья,—могла бъ только выговорить,—сказала бы непримѣнно:—и я тутъ была, въ канавѣ-то.—Вотъ вѣдь честь какая!

— Право, ужъ я не знаю, что и дѣлать!.. Григорій Панкратьевичь,—просительнымъ голосомъ говорилъ матросъ;—ужъ простите, Григорій Панкратьичъ; вѣдь совѣсть убиваетъ.

— Да что, братецъ, Лаврентій Потапычъ, какъ же мнѣ и не простить тебѣ, когда я самъ-то такой негодяй? Ну, еще тебѣ я скажу:—не хорошо, братъ, стыдно братъ!—пожурю маленько—и дѣло съ концомъ; а кто-жъ меня то, стараго дурака, проститъ? Вѣдь вотъ, напакостилъ, какъ послѣдній фурлейтъ, а съ меня и взыску нѣтъ... Нѣтъ, братъ, плохо, очень плохо, совсѣмъ

Digitized by Google

никуда не годится!.. Опустились мы съ тобой, а насъ и подтянуть некому.

Однако и Грицко, и морякъ крѣпко принялись успокаивать кавалера. Вареники стояли на столѣ, и Маруся, наливъ стаканъ винца, поклонилась братцу Панкратьичу низешенько и просила выкушать „на здоровэнько,—цуръ ему жидовѣ поганьскому, тому Янкелю!“—прибавила она; не сердись, позабудь, молъ, прошлое.

— Да что, сестра моя любезная,—говорилъ Панкратьичъ,—на кого-жъ мнѣ и сердиться то?.. Я съ перваго слова полюбилъ молодца Потапыча; да ктому-жъ самъ то я, главное, и виноватъ,—все же вѣдь я старшій! Ну, вотъ, поперла нелегкая въ корчму;—то-ли дѣло тутъ дома, братецъ мой, сестра возлюбленная! чисто, ясно, душѣ тепло...

Кавалеръ совсѣмъ смягчился, даже просилъ и марсоваго не сердиться за все это.

— Ты, говоритъ, братъ, Лаврентій Потаповичъ, извини меня; не могу. Ужъ, братъ, характеръ такой... Служба, братецъ!.. И хотѣлъ бы, такъ не могу! Я бы себя самого отвалялъ на всѣ четыре корки, не только что подчиненнаго, то есть младшаго. Ужъ, братецъ, такая азартная натура; а, впрочемъ, прости братецъ, великодушно;—самъ не радъ, да нельзя иначе! Такъ слѣдуетъ, стало быть.

Тревога унялась. Кавалеръ повысказалъ таки всю правду-матку, самъ покаялся и видѣлъ сокрушеніе земляка. Всѣ вчерашніе проступки уже разобралъ онъ до тонкости и растянулъ во всѣ стороны, „якъ тый швецъ шкуру“ *), по словамъ Грицка.

— А ну, бувайтэ-жъ здоровэньки!—своякъ перекувыркнулъ стаканчикъ и, крякнувъ, адресовался къ мискѣ варениковъ.

Хозяйка тоже пожелала всякаго добра, выпила, чуть-чуть поморщилась и передала стаканъ брату. Кавалеръ взялъ за руку Потапыча.

— Братъ,—сказалъ онъ,—всѣ мы грѣшны, всѣ хромаемъ, да подчасъ и падаемъ; но падай, да не марайся, а согрѣшивши—кайся, братецъ ты мой; и будь первый судья тебѣ—твоя совѣсть,—во вѣкъ не пропадетъ! Мы съ тобой роднѣе братьевъ кровныхъ; такъ, стало быть, правда между нами рогатиной не растопырится,—не взыщи другъ, Лаврентій Потаповичъ! что на сердцѣ, то и на языкѣ. Твое здоровье!

---

*) Какъ тотъ сапожникъ кожу. *Прим. авт.*

Digitized by Google

И хрустальное донышко стаканчика сверкнуло въ дремучихъ усахъ господина кавалера. Налитый снова, стаканчикъ поднесенъ марсовому.

Потапычъ, держа рюмку, чуть не со слезами благодарилъ стараго служаку.

— И вѣкъ,—говоритъ,—не забуду, Григорій Потаповичъ! Ты мнѣ тутъ отецъ и командиръ; на путь ты навелъ и потьму освѣтилъ... И такъ желаю здравъ....

Потапычъ, стоявшій прямо противъ дверей, на этихъ словахъ и замеръ. Всѣ обернули головы къ двери. Какъ въ рамѣ картина, стояла на порогѣ красавица чернобровая, Маньца; свѣтлая головка ея была убрана свѣжими барвинками, зеленью и цвѣтами; монисты блестѣли, падая на бѣлую сорочку со стрѣлками, расшитыми цвѣтнымъ шелкомъ; она держала деревянную тарелку, полную спѣлой черешни.

Потапычъ тихо опустилъ руки по-швамъ, позабывъ о полной рюмкѣ... Дивчина потупила очи и алѣла сама, какъ барвиночка.

— Отъ тоби маешь! *)—бормоталъ отецъ, выпуская изъ зубовъ люльку.

Однако и до сихъ поръ неизвѣстно, къ чему это было сказано: удивилъ ли его ошорохъ Потапыча? или, можетъ быть, добрый хохолъ въ первый разъ разглядѣлъ, какъ хороша его дочка, ясноокая Маньца? или,—почемъ знать,—и то и другое вмѣстѣ?

*) Вотъ тебѣ—на! *Прим. авт.*

Digitized by Google

ПОДОСИНОВИКИ.

Повѣсть.

«Въ дорогѣ пѣшь мужъ—
женѣ деверь».

I.

Въ 1841 году, въ самый сердитый рождественскій морозъ, чуть свѣтъ, когда еще ни одна ворона не проснулась, выходилъ изъ сѣренькой избенки на широкую улицу села, одинъ одинешенекъ, странный человѣкъ. Шинель на немъ была солдатская, а воротникъ на ней собачій, да такой обширный, что только бѣлая гранатка на киверѣ да сизый носъ на лицѣ торчали изъ этого мохнатаго воротника. Подъ шинелью тоже былъ очень теплый полушубокъ, и хоть тренчикъ сзади былъ разстегнутъ, все-таки шинель насилу сошлась, такъ обтянуло человѣка; при этомъ просторныя валенки на ногахъ и огромныя сѣрыя рукавицы на рукахъ. Еще бы не тепло? Ну, да и морозъ же золъ былъ, собака,—скрипитъ подъ ногами.

Странный человѣкъ сей оказался—инвалидный барабанщикъ, ибо, кашлянувъ, онъ ударилъ по висѣвшему у него на колѣнѣ барабану „сборъ“. Барабанъ подъ палками отзывался что-то глухо, какъ будто былъ очень недоволенъ тѣмъ, что въ такой холодъ и такъ рано его поколотили. Одначе, дѣлать нечего, на то служба,—стучитъ „сборъ“.

По „сбору“ начали выходить изъ всѣхъ домовъ все сѣрые люди: и шинели, и штаны, и шапки, и наушники, и даже ранцы—все на этихъ людяхъ было сѣраго, шинельнаго сукна. Только кой у кого платчишко намотанъ на шею черезъ бороду красный, или синій, не-то пестрый; а у иныхъ, какъ у барабанщика, воротъ на шинели былъ—то заячій, то кошачій; были тоже и собачьи.

Digitized by Google

Дѣло ясное—это рекрутская партія; здѣсь она дневала.

— Становись! стройся къ локтю, въ затылокъ, лоботрясы!—покрикивалъ очень почтеннаго вида старикъ-унтеръ, въ амуниціи.

Лоботрясы становились въ три шеренги, по ранжиру, и поспаривали втихомолку про свои мѣста.

— Куда влѣзъ, безносый? — крикнулъ унтеръ курносому мальчишкѣ-рекруту, который помѣстился между двухъ восьмивершковыхъ ребятъ, въ задней шеренгѣ, и приходился имъ по плечо головой.

Курносый засуетился и никакъ не могъ найти своего мѣста.

— Эхъ, ты, баранъ, баранъ! — ворчалъ сзади фронта старикъ конвойный, понюхивая табачокъ.—Дурачокъ ты сердечный, совсѣмъ поросенокъ; третій переходъ идемъ—мѣста не сыщетъ!

Но курносый совсѣмъ сбился съ панталыку, и куда ни сунется—отовсюду его турили со смѣхомъ.

— Да подлѣ кого стоишь? говори, — спросилъ его старикъ конвойный.

— А съ Ондрюшкой Заболотскимъ стою, дядюшка, да его-то нѣтути,—отвѣчалъ рекрутъ.

— Ондрюшка Заболотской!—крикнулъ солдатъ;—голосъ отозвался:—я-о!—и курносый бѣгомъ пустился къ Ондрюшкѣ.

Однако оказалось, что и Ондрюшка затесался не въ свое мѣсто; и опять прогнали съ нимъ и курносаго.

Тамаша по фронту была не маленькая; нѣкоторые Ондрюшки да Ванюшки—кто съ Заболотья, кто съ Бѣжина луга—не токмо что не могли скоро сыскать своихъ мѣстъ, а даже не откликались иные, если ихъ назовутъ, какъ значились они въ спискѣ, полнымъ именемъ. Съ непривычки другой и самъ себя не узнавалъ.

— Пантелеймонъ Саватѣевъ!—десятый разъ кричалъ унтеръ; а долговязый молодецъ стоитъ, да другому ухмыляется:—вишь ты, какое, молъ, хитрое чье-то прозвище!

— Пеньтеха, никакъ тебя кличутъ,—шепнулъ ему сосѣдъ—и Пеньтеха спохватился:—такъ и есть—это я!

— Экая дубина глухая!—сказалъ унтеръ.

— Ай-ай, ворона!—ворчалъ старикъ конвойный, опять понюхивая табачокъ;—ай, ворона! а самъ вѣдь на версту въ гору ушелъ,—вишь, его вытянуло...

Пеньтеха краснѣлъ, рекрута посмѣивались; а тамъ опять кто-нибудь турилъ сосѣда; и пожилой унтеръ начиналъ ужъ серчать.

Digitized by Google

Тѣмъ часомъ, за лѣвымъ флангомъ, происходило совсѣмъ иное дѣло — нѣсколько рекрутовъ прощались со своей родней. Дальше провожать не велѣно; тутъ было послѣднее разставанье. Толпа немаленькая.

Прощаются. Стиснули двѣ костлявыя руки остриженную голову рекрута, и безутѣшная старуха, то откроетъ морщинистое лицо свое, то приникнетъ имъ на милую голову сына своего, плачетъ, заливается, приголашиваетъ: —ой же ты, сынокъ мой, моя пташечка!.. ой, соколикъ мой ненаглядный!..

Промежъ исхудалыхъ перстовъ ея льются на голову сына горячія слезы.

И плачетъ сынъ любезный, покачивая отъ рыданія своей поникшей головой.

— Ой, тяжко-же будетъ тебѣ, моему родненькому, на чужой, дальней сторонушкѣ!

И опять въ три ручья зальется старуха дряхлая.

А тутъ—другой новобранецъ кланяется отцу родному въ ноги и цѣлуетъ ихъ. Трепетной рукой творитъ старикъ надъ припавшимъ сыномъ своимъ крестное знаменіе:—служи, сынокъ мой!.. — хотѣлъ сказать старикъ разумное слово сыну, да слезы мѣшаютъ, и онъ только молится: — Мать, Пресвятая Богородица, сохрани тебя, роднаго моего! Господь милостивый, помилуй тебя!...

И текутъ слезы на сѣдую бороду отца любящаго.

Дѣти разныхъ возрастовъ тоже обнимаются со своими братьями и дядями, на службу идущими, цѣлуются, плачутъ, а сами заглядываются на фронтъ, да на толстаго барабанщика:—Ванька, а Ванька, глянь-ка—во какой!

А у одного рекрута на рукахъ бѣлокурый двухлѣтній мальчишка улыбается и глядитъ въ глаза своему „таткѣ“. Не понимаетъ онъ, чего это у татки по щекамъ текутъ слезы. А подлѣ стоитъ мать, держитъ въ рукѣ рекрутскую шапку своего мужа и, закрывъ лицо полой, хнычетъ и всхлипываетъ.

— Пойдемъ, тата, домой, — лепечетъ мальчуганъ, улыбаючись и обнимая тату;—и ажь зашаталася отъ рыданья молодая рекрутка.

Народъ окружилъ толпу. Стоятъ, подперши подбородки руками, женщины и плачутъ. Ребятишки глядятъ изъ подъ полушубковъ, накинутыхъ на головы, и жмутся на морозѣ. Старики оперлись на свои посохи, молчатъ, вздыхаютъ да крестятся.

— Смирно! — скомандовалъ громогласно унтеръ; всѣ про-

Digitized by Google

нающіеся рекрута еще разъ поцѣловали своихъ родныхъ торопливо.

— На мѣста, ребята, на мѣста! — сказалъ старикъ конвойный.

Вырвались они изъ объятій и каждый спѣшилъ бѣгомъ на свое мѣсто.

Въ эту минуту раздался пронзительный женскій крикъ и замеръ. Какъ будто ножемъ до сердца пырнули кого-то; ни рыданія, ни стона не было за этимъ крикомъ. Вся толпа двинулась туда. Очень молодая женщина обняла шею рекрута такъ крѣпко, что онъ не могъ отъ нея оторваться, совсѣмъ свѣсилась на своихъ рукахъ и блѣдная, словно мертвая, не шевелилась и какъ будто не дышала. Платокъ сдернулся съ ея головы, и густые, темные волосы упали на щеки и плечи; кушакъ, распоясавшись, опустился съ шубы, и вся шея ея открылась.

Рекрутъ, молодой статный парень, одной рукой поддерживалъ ее, а другой пробовалъ разнять ея руки. Но руки сложились крѣпко пальцами, на замокъ, и словно застыли у него на шеѣ.

Плачущая старуха суетилась около нихъ и старалась закрыть грудь и повязать голову обезпамятѣвшей женщины.

Къ фронту подошелъ офицеръ и поздоровался: — здорово ребята!

— Здравія желаемъ! — гаркнулъ фронтъ.

— Эй, братъ, на мѣсто, — вполголоса сказалъ рекруту старикъ конвойный.

И рекрутъ качнулъ головой, съ силой рознялъ руки женщинѣ и побѣжалъ къ фронту.

Какъ бездыханная, повалилась на снѣгъ молодая женщина; тутъ же присѣла и старуха, придерживая ея голову.

— Обмерла, обмерла,—говорили въ толпѣ.—Снѣгу дайте ей! несите воды!

— Душку-то снѣгомъ потри,—слышались совѣты; и жалостливыя бабы начали помогать старушкѣ.

Подняли онѣ на руки женщину и все еще держали совѣтъ:— да потереть бы подъ сердцемъ снѣгомъ... вишь, какая она младешенькая, желанная!.. снѣгомъ потрите, водой вспрыснуть!

— Ой, родные мои, лучше въ избу!—просила плачущая старушка; — вѣдь она у меня ужъ по другой половинѣ ходитъ. шестой мѣсяцъ, кормилицы мои!

И замотала головой старуха, глотая текущія слезы свои.

Digitized by Google

— Ахти, Пресвятая Богородица! скорѣй въ избу!—кричали женщины и понесли ее въ избу.

Въ это время офицеръ шелъ по фронту и, поровнявшись съ лѣвымъ флангомъ, взглянулъ черезъ фронтъ.

— Что тамъ случилось?—спросилъ онъ.

— Егора Савельева хозяйка сомлѣла, ваше благородіе, — отвѣтилъ старикъ конвойный.

— Богъ знаетъ, ваше благородіе, не было-бъ хуже! — примолвила какая-то старуха;—молодица-то тяжела, вишь.

Офицеръ глянулъ на фронтъ; — Егоръ Савельевъ!— кликнулъ онъ.

Въ первой шеренгѣ бравый, но печальнаго лица, рекрутъ снялъ шапку.

— Ну, братъ, останься тутъ на часокъ. Да, гляди, догнать скорѣй,—сказалъ ласково офицеръ Савельеву и приказалъ оставить въ деревнѣ конвойнаго и одну изъ подводъ, слѣдующихъ съ вещами за командой.

Савельевъ побѣжалъ къ женѣ.

— По отдѣленіямъ, на право, маршъ! — скомандовалъ офицеръ.

Барабанщикъ ударилъ фельдмаршъ, и рекрута, крестясь, тронулись; партія пошла.

— Пѣсельники впередъ! — раздались голоса; черезъ минуту послышалась и пѣсня.

— Путь-дорога, молодые слуги государевы!—хрипло сказалъ сѣдой старецъ, опираясь на клюку свою, перекрестился и поклонился вслѣдъ удаляющемуся новобранному войску...

Между тѣмъ Савельевъ прибѣжалъ въ избу, въ которую внесли его жену. Только припалъ къ женѣ испуганный мужъ— она очнулася, и опять обнялись сердечные, крѣпко-на-крѣпко. Ухмылилась сквозь горькія слезы молодица, прильнувъ горячей щекой къ сѣрой шинели, къ груди своего мужа. Кажись, никакая сила не оторвала бы ее; тутъ вотъ и умереть-бы, съ нимъ обнявшися!

Но какъ ни обнимайся, а разстаться надо; пришла разлука неминучая.

Разлука!.. экое, подумаешь, слово-то вострое. Какъ ножемъ кроитъ пополамъ сердце горячее, да еще и обольетъ его какою горечью.

Вѣрной, крѣпкой рукой обнялъ ты свою милую, родную-ненаглядную; вся прилипла она къ тебѣ, и слышишь ты своимъ сердцемъ чуткимъ, какъ постукиваетъ ея сердце любящее... А

Digitized by Google

тутъ, вдругъ, судьба, череда твоя неминучая, протиснулась между вами.

А Егоръ Савельичъ крѣпко любился съ своей молодой женкой. И взялъ-то онъ дѣвку себѣ, правду сказать, нахрапомъ. Парень красивый, сильный, работящій, былъ онъ круглый сирота, жилъ съизмала у дяди своего въ работникахъ. Дядя и ничего-бы, человѣкъ покладливый, нестрогій; да дядина-то, то есть тетка больно ужъ неуломливая и неспокойная баба была. Ничѣмъ ей не угодишь, бывало: и это не такъ, и то не эдакъ, — то—зачѣмъ сидишь? то—зачѣмъ лежишь? а пошелъ, такъ—куда пошелъ? А сѣлъ ѣсть — плеснетъ въ миску щей пустыхъ; весь тутъ и обѣдъ. Плохо было жить Егорушкѣ, и всѣ жалѣли его. И дѣвки — ахти они жалостливыя!—на распѣвъ жаловались на недолю его сиротскую. Но сказано „про горькаго Егорку поютъ и пѣсню горькую!“ — а толку съ того не было никакого. И махнулъ не все рукой Егорушка, работалъ за троихъ и жилъ припѣваючи. Больше некуда было приткнуться нашему сиротѣ. Но такъ какъ бѣда одна не ходитъ, а все по двѣ вдругъ, то и съ нимъ приключилась еще бѣда, и не маленькая, а вотъ какая.

На краю родной деревни его стояла избушка, на одинъ бочокъ повихнувшись. Да это бы еще ничево... Въ избушкѣ жила старушка, вдова горькая. Ну, и это бы ничего; но не въ одной только пѣснѣ поется, а и взаболь оно такъ сбывается,—„у вдовушки дочь хорошая росла“...

Дѣйствительно, у вдовушки Карповны выростала дочь Настушечка, что вотъ вишень спѣлая,—ужъ такая была загляженная.

И Егоръ съ Настушкой приглянулись другъ другу, но держали они это въ тайнѣ, и отъ себя, и отъ людей, и держали тайну безъ малаго цѣлый годъ. И переговорить-то имъ промежъ собой не удавалось;—то все на работѣ, а праздникъ—все на людяхъ; сшептаться-то и не пришлось. Да на косовицу вышла имъ такая линія... При самой деревнѣ ихней былъ лѣсокъ, „островъ осиновой“; черезъ него проторены двѣ стежки: одна вдоль, другая впоперегъ; а на перекрестѣ камень лежитъ. Вотъ, какъ-то разъ, Егорка выкосилъ нивку за „осиновымъ островомъ“ и идетъ съ косой впоперегъ „острова“ на другую ниву. А Настушечка, въ другой сторонѣ, тоже убирала сѣно, да у граблей зубья поломала, бѣгала домой за граблями, да матушка велѣла кваску кувшинчикъ захватить; и идетъ она походочкой мелкой вдоль „острова“, тропинкою. А у самаго-то бѣлъ-горюча камня,—

Digitized by Google

ахти мнѣ, ажь я испужалася!—крикнула дѣвка; а передъ ней Егоръ, какъ листъ передъ травой.

— Аль я звѣрь лютый, желанная моя? — ласково говоритъ онъ ей.

Ну, ребята оглянулися, прислушались—нѣтъ ничего и никого; и пошла бесѣда.

Какъ, что, и про что шла бесѣда, это—никому неизвѣстно. Видѣли, нѣтъ-ли пташки щебетливыя, слышалъ, нѣтъ-ли вѣтерокъ перелетный—мы про то, какъ есть ничего не знаемъ, да и знать не хотимъ. Дурныя тѣ вилы, что сквозь снопъ лѣзутъ, а подъ вязку не захватываютъ,—дурной тотъ глазъ, что чужія потаенныя дѣла высматриваетъ, да какъ разъ проглядитъ свои дѣла собственныя. Мѣшай вору-мошеннику замки ломать, мѣшай языку пакостливому унижать чужую добрую славу, а ребятишки сойдутся—да Богъ же съ ними! только бы и грѣха на свѣтѣ, только-же у нихъ и радости... А то вѣдь старшіе-то ой-ой зубаты!—пилитъ-ворчитъ цѣлый день корга иная, инда тошноту нагонитъ. Пусть-же молодежь-то душу отведетъ себѣ, какъ умѣетъ.

Не знаемъ мы, о чемъ шла бесѣда у Егора съ Настушечкой; да хоть бы кто и подслушалъ ихъ, такъ совралъ бы, ибо въ лѣсу есть голоса разные: иволга, напримѣръ, кричитъ:—шу-ги!.. были милы, да, значитъ, улетѣли. А подорожникъ щебечетъ:—оглянись-берегись! А есть и такія пташки, что только:—чмокъ-чмокъ! Ну, поди тутъ, и разбирай по пятницамъ. Долго-ли оболгать парня съ дѣвушкой? А хоть бы и поцѣловалися,—мало-ль что?

Однако, дѣло это кончилось на томъ, что молодежь терпѣла мѣсяцъ, и два терпѣла, а на третій, какъ-то вечеромъ, только что Карповна приладила кудели къ прялкѣ, только крутнула веретеномъ, а двери—скрипъ:—ахти, Господи!

Передъ ней стоитъ Егоръ; а Настушечка лучину хотѣла поправить, да руки затряслись, уронила, и въ избѣ, какъ въ печи стало—ни зги не видно.

Ну, разумѣется, огня вздули и дѣло объяснили. Егоръ просилъ позволенія сватовъ прислать. Было тутъ и слезъ, и поклоновъ земныхъ, и ругни, и отнѣкиванья. И всетаки Настушечка, плача, побожилась, что ни за кого на свѣтѣ больше не хочетъ идти и не выйдетъ, коли не за Егора.

— Хоть ты убей меня, матушка родная, а благослови!

Нечего было дѣлать,—мать любила дѣвку, души въ ней не слышала, согласилась. Долго-ли коротко-ль—сыграли свадьбу.

Digitized by Google

У Егора было запасено на это дѣло рублей съ восемь. Неважная и свадьба была,—всего одна скрипка, и четверо пьяныхъ оказалося, больше не хватило,—да зато-же наши молодые только шушукались, и какъ макъ цвѣли.

— Ну, ужъ приняла въ домъ Карпиха голыша!—толковали старыя дѣвки; а, небось, при встрѣчѣ до ушей улыбаются:—здравствуй, Егоръ; свѣтъ Савельевичъ!—вотъ какъ.

И зажилъ Савельевъ съ молодой женкой своей и старухой матерью, зажилъ небогато, а хорошо; работалъ онъ усердно, хозяйство поправлялось. Спасибо дядѣ,—и онъ помогъ кой-чѣмъ, тайно отъ тетки.

— Еще годика два-три,—думалъ Егоръ,—и я—полный хозяинъ.

И быть бы ему хозяиномъ полнымъ, кабы вдругъ да не наборъ.

Пришибла вѣсточка эта всю семейку Савельева, и самъ онъ совсѣмъ осунулся; но противъ воды не уплывешь...

Собрали всѣхъ, кто былъ на очереди, въ томъ числѣ и его, повезли въ уѣздный городъ, привели въ присутствіе, и только для формы поставили Савельева въ мѣру

— Лобъ!—сказали присутствующіе.

Еще-бы такому молодцу да не „лобъ!“

Не станемъ и разсказывать, какъ плакали, голосили, шили, обшивали Егора, а все приголашивали бабы. Наконецъ, проводили его верстъ за семьдесятъ отъ деревни; и вотъ, теперь идетъ послѣднее прощанье.

Настасья сидѣла возлѣ мужа, на лавкѣ, и держала обѣ руки его въ своихъ рукахъ. Хоть голова ея была повязана платкомъ, но она совсѣмъ не походила на молодицу; въ хорошенькомъ лицѣ ея было что-то дѣтское, и жаль было глядѣть на это нѣжное, молодое личико, на которомъ еще не высохли слезы. Глядя мужу въ глаза, она какъ будто забыла все горе, она даже улыбалася; но судорожно передергивались уголки ея алыхъ устъ, хмурились чуть-чуть ея темныя брови, и, того гляди, что слетитъ эта улыбка, и градомъ посыплются крупныя слезы. Она сняла съ своей шеи бумажный клѣтчатый платочекъ и повязала его на шею мужу.

— А пора, братъ сердечный,—промолвилъ старикашка солдатъ, выколачивая въ ладонь золу своей носогрѣйки, и, выколотивъ, сунулъ трубку за сапогъ.—Сбирайся, любезный!

И опять зарыдала Настасья, обнявъ своего мужа. Потомъ вдругъ кинулась она къ солдату прямо въ ноги:—дядюшка, род-

Digitized by Google

нинькой! еще бѣдную минуточку! желанный мой!—молила она плача.

— Да не можно же, красавица ты моя! а Богъ-же съ тобой!—отворачиваясь, говорилъ беззубый солдатъ;—аль тутъ моя воля, што-ль? Нѣшто я тутъ что такое?.. экое, ты дѣло!—и, нагнувшись, застегивалъ онъ свой ранецъ и продолжалъ ворчать что-то себѣ подъ носъ; онъ бранилъ ремень и кольцо, которое никакъ не попадало на ранечный крючокъ:—чтобъ тебя всѣ черти побрали!

Не пустили Настасью изъ избы проводить мужа; попрощалась она съ нимъ, падала къ ногамъ его, цѣловала въ глаза и въ уста; онъ ушелъ, какъ ошалѣлый.

Усѣлся солдатъ въ сани; присѣлъ и Савельевъ. Мальчишка-подводчикъ чмокнулъ на коня,—поѣхали...

Старуха стояла на улицѣ, плача, и глядя на своего удаляющагося зятя; онъ махнулъ ей шапкой. Вдругъ—дверь избы хлопнула, отпахнувшись настежъ.

— Стой, стой!.. тпру!—закричалъ подводчику старикъ солдатъ и схватился за возжи; а Савельевъ ужъ соскочилъ съ саней и бѣжалъ назадъ;—навстрѣчу къ нему летомъ летѣла въ одномъ сарафанѣ Настасья.

И упали они другъ другу въ объятья.

— А Богъ-же съ вами! Экіе вы, право-ну, люди!—кричалъ солдатъ, слѣзая съ саней

Опять насилу розняли нашихъ любезныхъ. Но ужъ старикъ посадилъ Егора въ сани передъ собой и просунулъ два перста свои за тренчикъ его шинели.

— Теперь, братъ, не уйдешь,—бормоталъ служивый.

Лошадь побѣжала рысью; солдатъ понукалъ подводчика; а Егоръ, не сморгнувъ, глядѣлъ назадъ, на свою жену, и по лицу его бѣжали слезы.

Настасья опять лежала лицомъ въ снѣгу; опять суетились около нея добрыя женщины.

Сани понеслись съ горы. Еще пригорокъ, еще разъ мелькнулъ синій сарафанъ, и опять съ горы—и ничего не стало видно болѣе... Какъ придавленный камнемъ, тяжело вздохнулъ Савельевъ и крѣпко сжалъ зубы.

— Эхъ, братецъ ты мой, братецъ! — глянувъ на него, промолвилъ старый солдатъ;—экой ты какой, любезный мой братецъ! эхъ-ма!

Скоро вдали передъ ними зачернѣлъ длинной полосой народъ по дорогѣ. Наши догоняли рекрутскую партію.

Digitized by Google

II.

— Прощай, Настушечка! прощай, моя кровиночка горячая! По вѣкъ жизни моей не забуду твою любовь!—думалъ про себя любезную думу нашъ Егоръ.

И вкоренилась и росла эта думушка задушевная въ добромъ молодцѣ, какъ вкореняется и ростетъ плакучая ива надъ звонкимъ ручьемъ; до сердца прошли корни кручинные; зашумѣла кудрявая въ головѣ побѣдной и тѣнью ложилась кругомъ. Грустно ему стало на свѣтѣ.

Но не бобыль тотъ, братцы, на бѣломъ свѣтѣ, по комъ хоть одна душа кручинится, кто и самъ вздыхаетъ по душѣ милой. Пусть и грустно ему, да небезрадостно, и все мерещется что-то хорошее впереди.

Жаль—долга пѣсня-то до конца хорошаго.

Поступилъ Егоръ Савельичъ въ мушкетеры.

Нечего разсказывать, какъ началъ онъ службу съ третьяго разряда, какъ на плацу, да въ манежѣ, начали его щупать да подтягивать, какъ дошелъ онъ до премудрости всѣхъ трехъ учебныхъ шаговъ и, наконецъ, попалъ въ ружье.

Нынчѣ не тѣ времена, не та и наука; а старослужащіе помнятъ, чай, какъ все это происходило прежде. Какъ, бывало, скомандуетъ обучающій:—ра-а-азъ—два-а-а!— да, пока ты на одной ногѣ покачиваешься, онъ и табачку понюхаетъ, и на здоровье себѣ начихается, и опять тавлинку бережно въ платчишко завернетъ, и за голенище уложитъ, и, только зѣвнувши раза два,—типъ!—говоритъ,—впередъ, чортова кукла! впередъ всѣми средствіями!—а у тебя ужъ и средствій нѣтъ, и нога не служитъ, окостенѣла вся на вѣсу, а самъ ты ажь взопрѣлъ, какъ швабра... Дѣло прошлое! Крута гора—да сбивчива, лиха бѣда—да сбывчива. Къ концу перваго года службы своей Савельевъ былъ уже бравый солдатъ.

— Завтра, къ караулу, приготовить его мнѣ мельтъ-ефрейторомъ,—приказалъ однажды капитанъ фельдфебелю, и у Савельева пошла чистка да снаряжанье, какъ у дѣвки на смотрины.

— Ну, братъ, ты совсѣмъ старый солдатъ,—улыбаючись молвилъ усатый ранжирщикъ его, наколачивая трубчонку и глядя на его сборы;—вотъ бы только еще отдуться тебѣ—совсѣмъ драбантъ!

— Тьфу! что-бъ вамъ, дядя Сидорычъ,—слѣдовало бы сказать,—типунъ на языкъ!

Digitized by Google

Но Савельичъ былъ учтивъ и обычливъ, и только сказалъ:— и пробовать не желаю!

А ефрейторъ въ дверяхъ кричитъ:—Савельевъ, къ фельдфебелю!

— Ага...—шепнулъ Сидоровъ,—вотъ оно.

Сбѣгалъ Савельевъ къ фельдфебелю и вернулся какъ изъ бани, весь зацвѣлъ, а на глазахъ слезы.

— Что такое?—спрашиваютъ товарищи,—что случилось?

— Прочитайте, Сидорычъ, мнѣ грамотку, — попросилъ Савельевъ усача, подавая ему письмо; а самъ только что не распадается, такъ его разобрало.

И началъ Сидорычъ чтеніе.

Стоитъ передъ нимъ Савельевъ, перекрестился и духъ притаилъ. Прочіе кругомъ слушаютъ; Сидорычъ читаетъ, слово за словомъ разбираючи.

— „Свѣтъ мой, радость, законный сожитель мой, Егоръ Савельевичъ! съ любовію нижайше вамъ кланяюсь и припадаю къ стопамъ ногъ вашихъ и цѣлую ихъ, горько плачучи. И прошу я для себя вашего супружескаго благословенія, на вѣки нерушимо“...

Посыпались слезы у Савельева; но онъ стоитъ и пальцемъ не пошевелится. Сидорычъ читаетъ.

— „И вмѣстѣ со мной горькой, съ любовію припадаетъ къ стопамъ ногъ вашихъ и цѣлуетъ слезно, Богомъ данная намъ, любезная дочь наша Афросинья Егоровна и проситъ надъ собой вашего родительскаго благословенія, на вѣки нерушимо“...

И расколыхали Савельева дорогія слова эти,—ручьемъ всплакнулъ онъ отъ радости и грусти.

— Стой, не шатайсь! — промолвилъ Сидоровъ; — письмо хорошо писано,—и продолжалъ читать; въ письмѣ кланялись съ любовію: и матушка Авдотья Карповна, и тетушка, и еще какая-то сватьюшка.

И написано было дальше:—„и отъ сего письма, облитаго слезами моими горючими, остаюся я, жена твоя законная, и дочка наша, Фросюшка милая, слава Господу Богу, живы и здоровы, чего и вамъ желаемъ отъ Бога. И не вижу я, горемычная, себѣ ни въ день ясный, ни въ ночку темную ни единой радости и провожаю время мое одинокое въ слезахъ и печали. Имѣю только единую мысль о тебѣ, моемъ соколѣ ясномъ, какъ страдаешь ты, супругъ мой возлюбленный, на чужой, горькой сторонушкѣ“...

И все такое-прочее читалъ Сидорычъ, ровно, внятно и очень

Digitized by Google

хорошо. Всѣ были очень довольны письмомъ, поздравили Савельева и похвалили Сидорыча.

— Вотъ, ужъ сколько разъ, а я еще и не слыхалъ, чтобъ онъ прочемъ что-нибудь худое,—замѣтилъ одинъ солдатъ;—хорошо читаетъ, одно слово—хорошо!

— Савельевъ! въ старой амуничкѣ, съ ружьемъ, къ фельдфебелю!—опять крикнулъ въ дверяхъ ефрейторъ; стало быть—на „репетичку".

Эхъ вы „репетички, репетички"! заѣдаете вы время подчасъ у нашего брата, а нельзя! — у меня, у самого, кума-хозяйка безъ „репетички" полоть гряды, что ли, присѣла, вся какъ есть ожглась, на крапиву трафила.

„Репетичка" — дѣло неминучее, очень нужное.

А Савельеву и „репетичка" не помогла; возился онъ до ночи съ своей аммуниціей: кремень ввинчивалъ, о женѣ задумался—рука тряслась, портупею пристегивалъ—а Фроська ему рученки протягиваетъ, привидѣлось,—и брызнула слеза на ремень вычищенный.

Назавтра, послѣ развода, идетъ Савельевъ съ капитаномъ къ рапорту. Пришли, доложили генералу; вышелъ генералъ. Савельевъ подходитъ, взялъ хватку — трахъ! — а кремень и запрыгалъ по паркетному полу. Генералъ только сказалъ: — ну, теперь и вороны не застрѣлишь!

— Ваше превосходительство, всѣ караулы и посты Его Императорскаго Величества обстоятъ исправно... — рапортуетъ Савельевъ; ну, и дальше надо-бы сказать, что новаго ничего нѣтъ; — Фроська опять у него передъ глазами и рученки вытянувши:—какъ, молъ, тятенька, а я то не новая, что-ли?

— Тямъ-тямъ...—и ничего не сказалъ Савельевъ, только тямкаетъ, — такъ и замялся у него языкъ въ зубахъ, какъ на почетной свадьбѣ женихова тройка въ воротахъ.

— Ну,—говоритъ генералъ капитану,—не хитеръ же вашъ ефрейторъ, и не рѣчистъ, да и не чистъ; посмотрите, аммуницію оплевалъ себѣ, — повернулся и ушелъ; только въ дверяхъ еще крикнулъ:—снаряды-то подберите ваши; мнѣ вашихъ камней не нужно!—и хлопнулъ дверью.

Когда вышли на улицу, капитанъ поздравилъ Савельева: — спасибо, раздуй-те горой, дурака! — и послалъ его капитанъ прямо на гауптвахту;—скажи,—говоритъ,—чтобъ тебя поставили безсмѣнно, къ фронту на часы!

И еще прибавилъ нѣкоторыя слова: — слѣдовало-бы, молъ.

Digitized by Google

тебя маленько пересыпать перцомъ, чтобъ не портился; ну, да на первый разъ прощается; однако, держи ухо востро!

А у Савельева — все своя думка. Всталъ онъ на часы; въ которую сторону ни глянетъ, все ему Фросечка ручонки вытягиваетъ и улыбается. Вотъ летитъ коляска, и видитъ онъ, что въ колясклѣ сидитъ—опять Фросечка.

— Ахъ, ты, дочь моя милая!

Коляска остановилась передъ нимъ.

— Это все тотъ же дуракъ?—грозно спрашиваетъ генералъ.

— Точно такъ, ваше превосходительство!—отвѣчаетъ Савельевъ и очень удивляется,—куда же дѣвалась Фросечка?—а самъ и зазвонить позабылъ.

Ну, разумѣется, вышло такъ, какъ капитанъ сказалъ: смѣнили молодца и пересыпали помалости, чтобы не испортился.

— Вотъ, теперь ты совсѣмъ старый солдатъ,— сказалъ ему на ухо Сидорычъ, бывшій тутъ за ефрейтора.

А Савельевъ только улыбается, словно видитъ передъ собой что-то очень хорошее. И вышелъ онъ подъ вечеръ, съ горячей спиной, изъ караульни, забрался куда-то въ самый уголъ двора, за дрова, добылъ изъ-подъ нагрудника свою милую грамотку, развернулъ ее и, хоть читать не умѣлъ, а горько-горько заплакалъ надъ этой грамоткой.

— Ахъ, ты, жена моя любезная! ахъ, ты, дочь моя родная! кровь моя собственная! — думалось ему; и никакой боли своей не слышалъ онъ, словно ни разу и не попали по немъ; а слышалъ онъ только одну радость, горячую, отеческую—человѣческую радость.

Бываетъ человѣку худо и досадно на свѣтѣ; тогда все не по немъ, все противно ему; муха на носъ сядетъ—и та мѣшаетъ и надоѣдаетъ ему. А зато бываетъ же человѣку подчасъ такъ хорошо, такъ забывчиво-радостно, что хоть ремень вырѣжь ему изъ спины—и то не услышитъ на радостяхъ. Такъ было теперь и съ Савельевымъ.

Но и горе, и радости у людей переходчивы; помаленьку человѣкъ совсѣмъ свыкается, и, глядишь, до новаго горя, аль до новой радости старое-то горе износилось, какъ стоптанные сапоги. А всетаки Савельевъ не забывалъ своей семьи, любилъ подумать да покручиниться о ней втихомолку.

Прошелъ годъ, другой, третій. Савельевъ ужъ старый солдатъ, ефрейторъ; занялся самоучкой и грамотой; еще разъ получилъ отъ жены грамотку и разобралъ ее самъ, еще разъ порадовался.

Digitized by Google

Полкъ выступилъ въ походъ; служба пошла повеселѣе; полюбилъ онъ пѣсни, которыми нашъ братъ тѣшится походомъ. А одна пѣсенка прямо доходила ему до сердца.

Бывало, послѣ заунывной, протяжной пѣсни, изготовится бубенъ, ложки, тарелки, примкнетъ поближе къ пѣсельникамъ барабанщикъ, и вотъ, какъ соловей въ кустахъ, заведетъ въ хору запѣвало:

„Ахъ, уточка луговая,
„Молодушка молодая,
„И—ахъ, молодая!..“

И треснетъ бубенъ, зазвенятъ ложки, тарелки, и разсыплется дробь барабана, а хоръ подхватитъ:

„Молодушка молодая,
„Солдатушка полковая!
„И—эхъ, полковая!..
„Гдѣ ты спала, спала-ночевала?
„Гдѣ-жъ ты, радость, гдѣ ты ночевала?
„О—охъ, ночевала!“

И весь вздрогнетъ, весь помутится нашъ Егоръ Савельевъ; такъ и задернетъ у него глазъ слезой. А пѣсня-то лѣзетъ, сверлитъ подъ самое сердце:

„Ночевала въ темномъ лѣсѣ,
„Подъ ракитовымъ кусточкомъ,
„И—ахъ, подъ кусточкомъ!..
„Подъ ракитовымъ кусточкомъ,
„Подъ малиновымъ листочкомъ!
„Ахти—подъ кусточкомъ!
„Ай-ай—подъ листочкомъ!..“

Мало мѣста въ груди,—такъ оно, сердце-то, и рвется у Савельева.

И подмѣтили, подстерегли воры-товарищи кручину Савельича. И, бывало, идутъ на зорѣ дорогой лѣсною; гудитъ протяжная пѣсня; и, вдругъ, махнетъ рукой запѣвало, замирая; смолкаютъ подголоски...

— А ну-ка, братцы, Савельевскую!—крикнетъ какой-нибудь балагуръ—и пошла-поплыла:

„Ахъ, уточка луговая,
„Солдаточка полковая!,
„Э—эхъ, полковая!“

Digitized by Google

Ажъ въ лѣсу захохочетъ отголосокъ:—„э-эхъ, полковая!“—Лѣшему пѣсня, вишь, понравилась:—„эхъ, ты, полковая!“—Да мошенники-же и товарищи! ужъ не спрячешь, не укроешь передъ ними никакую кручину завѣтную; насквозь видятъ человѣка и ужъ доймутъ.

Ну, да и Савельевъ плутъ не маленькій,—молчитъ, никогда не попроситъ, а самъ и вотъ какъ любитъ эту „уточку луговую“, даромъ, что всегда слеза прошибаетъ и вся душа откликается на завѣтную пѣсню.

Ходилъ полкъ Савельича немало; попробовалъ онъ и тѣста калужскаго, и мязги смоленской, и галушекъ украинскихъ, и калачей московскихъ, и мякины витебской; всего было на свѣтѣ...

Исполать вамъ, братцы, добры молодцы, солдаты армейскіе, землемѣры неистомные, сердечные! Ахти злы вы ходить, служивые почтенные!

Ну, да исполать-же и тебѣ, земля Русская, широкая! Развѣ въ семи-мильныхъ сапогахъ, въ двадцать пять лѣтъ, обойдешь тебя, сторонушку родимую, да и то, коли на полпути отставка не захватитъ. А тутъ еще иногда и въ чужія земли маршировать приходится. Такъ оно и вышло...

Сидѣлъ-сидѣлъ Султанъ турецкой, и вдругъ шлетъ гонца къ Царю нашему:—скажи, говоритъ, что я неспокоенъ!

И вышелъ приказъ:—успокоить его!

Тронулись полки на быстеръ Дунай, пошелъ и Савельевъ. А Савельевъ теперь ужъ не кто-нибудь, а отдѣленный, сударь, ефрейторъ.

Идутъ. Проходятъ поля широкія, лѣса темные, степи песчаныя.

Горитъ въ небѣ зорюшка. Вѣетъ утренникъ свѣжій. Звенитъ надъ нивой жаворонокъ. Блеститъ золотой крестъ вдали, надъ церковью. Деревня виднѣется. Идетъ колонна по отдѣленіямъ. Авангардъ ужъ въ деревнѣ.

— А заводи, Герасимычъ,—молвитъ фланговый.

И польется заунывная пѣсня.

— Фельдмаршъ!.. Ближе идти! не отставать!—покрикиваютъ въ разныхъ мѣстахъ, по фронту.

Пѣсня льется. Входятъ въ деревню.

Высыпали ребятишки на улицу поглядѣть на солдатъ. Въ кучкахъ народа пестрѣютъ платки молодицъ и ленты дѣвокъ. Вынесла хозяйка ведро съ ковшикомъ и поставила у самой канавки при дорогѣ;—квасу не завгодно-ли, служивенькіе!—приговариваетъ и низко кланяется. Тутъ же стоитъ старушка и горько

Digitized by Google

плачетъ, глядя на идущій фронтъ,—знать и у нея сынокъ гдѣ-нибудь далеко служитъ Царю. У калитки сидитъ, какъ лунь сѣдой, дѣдъ и тихо молвитъ напутное доброе слово христолюбивому воинству.

Идетъ батальонъ; поютъ пѣсельники; бѣгутъ по обочинамъ улицы мальчишки. Тамъ и сямъ стоятъ въ кучкѣ дѣвки да молодицы.

— Глянь, глянь, Аксюша!.. это начальникъ ѣдетъ на конѣ!

Всѣ зарятся; а изъ фронта какой нибудь пролазъ-балагуръ прокрадется, какъ лисица къ курятнику, обойдетъ сзади зазѣвавшихся дѣвокъ, да промежъ нихъ голову просунетъ:—а вотъ и я!

И съ визгомъ и смѣхомъ бросятся во всѣ ноги къ воротамъ дѣвки испуганныя;—вишь ты, какой!.. проворъ-парень!—смѣются вслѣдъ ему.

— Не отставать!—покрикиваетъ дежурный.

Батальонъ идетъ. Похлопываютъ окошки по всей улицѣ; — бабенкамъ поглядѣть на солдатушекъ хочется. И вотъ, одна подошла къ канавкѣ, поближе всѣхъ, не въ толпѣ стоитъ молодичка, а одна, какъ перстъ; и еще издали горитъ, какъ макъ, яркій платъ, на головѣ повязанный; и сложила она свои опущенныя руки бѣлыя, склонила на плечо головушку; на щекѣ блеститъ отъ солнышка слезинка жемчужная;—прикручинилась молодичка.

— Нашего поля ягодка!—покрикиваютъ изъ фронта; а молодица низешенько кланяется.

— Котораго полка, красавица?

— А Сѣвскаго, братцы мои желанные, — отвѣчаетъ звонко голосокъ.

— О-го!—кричатъ изъ колонны,—знатный полкъ!

И повыше подняла она голову, и по румянымъ щечкамъ въ три ручья слеза бѣжитъ.

— Савельевскую, ребята!—и завелъ соловей-запѣвало:

„Ахъ, уточка луговая,
„Солдаточка полковая!
„Ужъ таки полковая!..“

Заходила бѣлая грудь молодицы; всплаконулась по своемъ муженькѣ странствующемъ, и бѣлымъ рукавомъ она утирается. А глянулъ на нее—и Савельевъ не выдержалъ, вздохнулъ тяжко: развѣ у самого у него не такая же красавица Настушечка?.. почемъ знать, не проходятъ-ли и тамъ солдатики-пѣсельники...

А ничего неизвѣстно о прекрасной Настасьюшкѣ. Ужъ сколько

Digitized by Google

лѣтъ прошло, а Савельевъ не получилъ никакой вѣсточки. Эхъма!.. не мимо въ пѣснѣ сказано:

„Жена плачетъ — что роса падетъ, —
„Взойдетъ солнце — росу высушитъ!“

Почемъ знать, не взошло ли и ей какое-нибудь ясное солнышко! Всяко бываетъ, господа,— „и на старуху случается проруха“; а на молодичку—хорошо коли одна, а не двѣ.

Но, пришли на Дунай-рѣку. Не до бабъ тутъ нашему брату, не до вздоховъ да кручинушки; подошли дѣла покрупнѣе. Обложили Силистрію; вздохнула крѣпость мѣдными пушечками; заплакали батальоны слезами свинцовыми; зарыдали штыки желѣзнымъ лоскотомъ; — крѣпись ребята! Цѣлые мѣсяцы провелъ полкъ Савельева въ чистомъ полѣ; не часто доставалось переночевать въ какой нибудь землянкѣ, — все больше подъ открытымъ небомъ.

Уже нѣсколько разъ былъ Савельевъ въ дѣлѣ, успокоилъ кой-кого изъ воиновъ султанскихъ, да и самъ недѣли на двѣ успокоился; — царапнуло его по боку картечью; но Богъ миловалъ,—совсѣмъ легко. Настушечкинъ платокъ клѣтчатый принялъ въ себя первую кровь Савельева.

И вотъ, стало слышно, что непріятель поплылъ къ Севастополю, и полученъ приказъ:—въ походъ, въ Крымъ.

Шли безъ дневокъ, форсированнымъ маршемъ; третья часть людей посмѣнно ѣхала на подводахъ.

Въ октябрѣ, въ первыхъ числахъ, вступалъ полкъ въ Симферополь. Какъ ежи вползали въ городъ двуколесныя *арбы*, и на нихъ сидѣли, поджавъ ноги по турецки, по четыре и по пяти человѣкъ; а на четырехколыхъ, двуконныхъ *мажарахъ*—по семи и по восьми человѣкъ, и торчали штыки кверху, ощетинившись.

На первыхъ возахъ ѣхали пѣсельники. Народъ вывалилъ навстрѣчу;—да и было же на что посмотрѣть.

Словно мѣдныя, лоснились навѣтренныя лица у солдатъ. Густо было видно крестовъ Георгіевскихъ на шинеляхъ сѣрыхъ. По краямъ улицы шли унтера и господа офицеры, тоже съ такими же лицами мѣдными.

Вотъ такъ сила ужъ несокрушимая!

И тутъ таки, съ бубнами да ложками, грянули съ посвистомъ „уточку луговую.“ И,—замѣчать-то было некому,—а у одного Георгіевскаго кавалера по лицу пробѣжало какое-то облачко; все равно, какъ на мѣдь дохнуть,—притуснетъ она на минуту,

Digitized by Google

и опять отойдетъ, — такъ побѣлѣло оно на минутку и опять прояснилось.

Кавалеръ этотъ былъ Савельевъ. Вишь, съ кой поры шагаетъ сердечный по свѣту, а все помнитъ свою „уточку луговую!“

Черезъ Симферополь полкъ Савельева прошелъ прямо на позицію. 23 ноября, день знаменитой битвы Инкерманской, крѣпко остался памятенъ Савельеву. Съ разсвѣтомъ, пройдя каменистыя балки Инкерманскія, отрядъ нашъ подошелъ втихомолку къ позиціи непріятеля, молодецки пріударилъ въ штыки, переполошилъ сладко спавшихъ въ своихъ палаткахъ англичанъ, погналъ ихъ на лагорь французскій; ладно шло дѣло.

Но, вдругъ, откуда ни возьмись, треснули намъ во флангъ зуавы — и все пошло навыворотъ. Французы остановили бѣгущихъ англичанъ; англичане повернулись на лѣво-кругомъ; нашимъ данъ сигналъ отступленія. Ретируясь, Савельеву пришлось отбиваться отъ двухъ зуавовъ; и быть бы бѣдѣ, коли бы не вздумали они забрать нашего кавалера живьемъ въ полонъ; одинъ забѣжалъ ему спереди, другой сзади.

— Господи, благослови!—подумалъ Савельевичъ и двинулъ ружьемъ — разъ-два!.. хорошо пришлось: одному угодилъ штыкомъ, другому прикладомъ; а самъ — давай, Богъ, ноги!

Потомъ леживалъ Савельевъ и въ секретахъ, на берегу рѣчки Черной, и, бывало, переругиваясь шопотомъ съ непріятелемъ, переплевывался съ нимъ черезъ рѣчку; стаивалъ онъ и въ цѣпи, по этой же рѣчкѣ, ввиду непріятельской цѣпи. И разъ подошли два француза-застрѣльщика къ самому берегу и вступили съ нимъ въ разговоръ.

— *Бонъ журъ, камратъ!*—говорятъ ему.

— *Бонъ журъ, мусье!*—отвѣтилъ онъ.

— *Кеске се?*—спрашиваютъ, указывая на крестъ, — покажи-ка. молъ, его намъ.

И одинъ ловкій французикъ, отшпиливъ съ своей груди крестъ, швырнулъ его черезъ рѣчку, Савельеву; а Савельевъ перебросилъ имъ своего Егорія.

— *Тре бьенъ!*—кричатъ французы, разсматривая крестъ.

— А извѣстно, что *требье*,—отвѣтилъ Савельевъ, тоже вертя въ рукахъ ихъ крестъ;—да какъ его завутъ?.. *парле, камратъ*: а мой, значитъ, Егорій.

— *Лежьонъ доннеръ!*—кричатъ французы.

— И то дѣло! тре жоли, молодца-камратъ!

И опять перебросились застрѣльщики своими крестами.

Вскорѣ наступило перемиріе, а потомъ заключенъ и миръ.

Digitized by Google

И вотъ, въ концѣ 1857 года, пришелъ полкъ Савельева на постоянныя зимнія квартиры. Послѣ постоянныхъ трехлѣтнихъ походовъ, бивуакированія, траншейныхъ работъ и всякой военной нужды—валяйся, сколько хошь, на печкѣ. Ну, да и было-же послужено! помаялся человѣкъ по свѣту недаромъ!

Однажды, послѣ ужина, вся семья, у которой Савельевъ стоялъ на квартирѣ постоемъ, собиралась на покой. Самъ хозяинъ пріѣхалъ изъ лѣсу, маленько продрогъ, залегъ на полати и, свѣсивъ оттуда голову, толковалъ кой-что со служивымъ. Дѣдъ, почти слѣпой, покряхтывалъ на печи,—не пожалѣла невѣстка дровъ,—ужъ больно бока припекло ему. Хозяйка перемывала посуду послѣ ужина. Двѣ дѣвушки шептались, прикидывая на лавкѣ какой-то алый лоскутокъ; то вдоль положатъ его, то впоперегъ; а мальчишка-пузырь все мѣшалъ имъ и дразнилъ ихъ и ужъ раза два получилъ щелчка по башкѣ кудрявой.

Савельевъ расположился на лавкѣ и разсказывалъ любопытному хозяину о французѣ, англичанинѣ, туркѣ и прочихъ воинскихъ чинахъ непріятельскихъ.

— Такъ ефто, ты баешь, Савельичъ, что турка совсѣмъ дуракъ?—допрашивалъ хозяинъ.

— Ну, нѣтъ,—отвѣчалъ Савельевъ,—не то что-бы ужъ совсѣмъ, одначе человѣкъ онъ не безъ глупости и супротивъ союзниковъ своихъ—больно плохъ.

— Эва какой, поди же ты! А съ Царьграда срушить его не можно, ась? сидитъ, значитъ, онъ тамъ крѣпко?

— Это тоже, такъ сказать, не совсѣмъ,—продолжалъ Савельичъ;—извѣстно, сидитъ, снаровка есть у него мухаметанская; гордости много, и задоръ великъ, и блудливъ-же притомъ, да пакостливъ: самъ же задерется, а чуть видитъ плохо:—пардонъ!.. или помогите, кто вѣруетъ въ Бога!.. а я, молъ, пропадаю! Вотъ какой характеръ.

— Сказано—бусурманъ, бусурманъ и есть,—порѣшилъ хозяинъ, перекрестясь и поблагодаривъ Бога про себя, за то, что родился онъ въ Рязанской губерніи, далеко, значитъ, отъ всякой Туретчины

И съ турка разговоръ круто свернулся на свои губерніи; начали разсуждать о томъ, что вотъ-де теперь замиреніе и, значитъ, старыхъ солдатовъ прикажетъ Царь домой распустить, а другому идти—ахти далеко!

— А вѣдь, слышь, Савельичъ,—отозвалась хозяйка,—у другаго служивенькаго дома и хозяюшка есть?

Савельичъ вздохнулъ:—какъ не быть!—говоритъ.

Digitized by Google

— А може и съ дѣточками другая перебивается, горькая?

— И то бываетъ, тетушка, всякъ бываетъ, желанная,—сказалъ Савельичъ и задумался.

— Егоръ Савельичъ! дома?—послышался за окномъ голосъ, и въ оконницу кто-то стукнулъ съ улицы.

— Дома!—крикнулъ Савельевъ.

Вошелъ въ избу солдатъ, отряхнулъ съ себя снѣгъ.

— Здравія желаю Егору Савельичу, хозяевамъ! приказаніе вамъ есть!

Это вошелъ ефрейторъ и принесъ такое приказаніе: всѣмъ *пятнадцатилѣтнимъ* завтра утромъ на ротный дворъ; изъ штаба присланъ нарочный, съ конвертомъ, съ перомъ. Говоритъ:—всѣ *пятнадцатилѣтніе* домой пойдутъ по билету; а есть слухъ, что и *десятилѣтнихъ* нѣкоторыхъ пустятъ.—Вотъ бы намъ съ вами, по дорогѣ, Савельичъ!—прибавилъ весело ефрейторъ.

— Ну, слава Тебѣ, Господи!—промолвилъ Савельичъ;—спасибо за добрую вѣсточку; садись братъ!

— Нѣтъ, надо бѣжать дальше, еще къ четверымъ,—отвѣтилъ ефрейторъ, досталъ изъ-за обшлага носогрѣйку съ кисетомъ, зарядилъ ее, запалилъ у лучины;—ну, счастливо оставаться!—и ушелъ.

III.

Таютъ снѣга, тронулись рѣки, по взгоркамъ зачернѣлись поля. Съ утра горитъ ясное солнце и разстопляетъ ледяную кору земную; въ поляхъ пахнетъ землей, а по борамъ хвойнымъ пошелъ духъ гарью и смолкой. Весна идетъ.

И по деревнямъ отъ ранняго утра копошатся люди, прилаживаютъ свои снаряды рабочіе, вытаскиваютъ съ-подъ навѣсовъ телѣги; прошла зима. Ужъ давно, по зорямъ, выбѣгали изъ хатъ босые мальчишки и подкарауливали кого-то, поглядывая на голые прутья яблонь и на высокіе шесты, съ привязанными къ нимъ вѣниками и боченками. Наконецъ-таки вбѣжалъ въ избу запыхавшійся соплякъ и отрапортовалъ: — бабушка, скворцы летятъ!

— Ну, дитятко, весна пришла,—отвѣчала старушка;—накосъ за то тебѣ, съѣшь;—и доставала ему изъ-подъ скатерти, со стола, кусокъ вчерашняго пирога.

Въ это-то самое весеннее время, на перекресткѣ одного проселка, стояли два кавалера въ походной отпускной аммуниціи и о чемъ-то межъ собой торговались.

— Эй, зайди! право, зайди, говорю тебѣ, вѣдь ты совсѣмъ

Digitized by Google

чудакъ!—уговаривалъ приземистый мушкетеръ другаго мушкетера, человѣка браваго вида и Георгіевскаго кавалера.

— И не проси, братъ, напрасно,—отвѣчалъ кавалеръ;—сказано, какъ отрѣзано! что Богъ дастъ, то и мое, а напередъ и знать ничего не хочу. Прощай!

Приземистый солдатъ подалъ ему руку и жалостливо проговорилъ:—чтожъ съ тобой сдѣлать, кремень-человѣкъ! У насъ бы все узналъ, по крайности, жива-ли хоть хозяйка-то!

— Это, братъ, какъ Богу угодно... Прощай!

— Ну, такъ въ воскресенье увидимся, безпремѣнно будь; до свиданья, Егоръ Савельичъ,—и солдаты сняли шапки, поцѣловались три раза крестъ-на-крестъ, чтобы носы не мѣшали цѣлованію.

— До свиданья, Степанычъ!—и каждый пошелъ своей дорогой, очень полнымъ шагомъ; приземистый пошелъ похрамывая.

Разумѣется, это былъ нашъ кавалеръ, Егоръ Савельевъ; а другой, коли помните—Ондрюшка Заболотской. Ужъ теперь онъ давно не Ондрюшка, а Андрей Степановъ, штуцерникъ и важный стрѣлокъ. Пошелъ онъ въ свое Заболотье, всего верстъ семь отъ этого перекрестка; а прихрамываетъ затѣмъ, что носитъ съ собой, чудакъ, французскую пулю въ ляжкѣ. Такъ засѣла анаѳемская, что надо поджидать, пока опустится изъ-подъ косточекъ, и тогда, докторъ сказалъ, всякій дуракъ ее вынетъ; а теперь нельзя.

Андрей Степановъ шелъ домой не на-фуфу; батюшка прислалъ ему на дорогу цѣлыхъ десять рублей и написалъ, что молъ, „всѣхъ насъ Господь милуетъ; только вотъ матушка твоя“, „а моя жена, да тетушка твоя, а моя сестра, да твоя сестра“, „а моя дочь—приказали долго жить... а, впрочемъ, все благополучно“...

А Егоръ Савельевъ ничего не зналъ, что у него дома дѣлается; ровно двѣнадцать лѣтъ изъ деревни ему—ни гугу. И уговаривалъ его землякъ Степанычъ, благопріятель его великій, зайдти въ Заболотье, къ нему.

— Тамъ, молъ, отдохнешь ночку и все узнаешь.

Но Савельевъ ничего не хотѣлъ знать.

— Никто, какъ Богъ!—сказалъ онъ, и поперъ домой, въ деревеньку свою, „Осиновый островъ“; а ходу ему тридцать верстъ.

Савельевъ шелъ ходко и твердо, за версту было видно, что пѣхтура дошлая. Но нельзя сказать, чтобы шелъ онъ ровно; маленько что-то его то пометывало, то попридерживало.

Это представится ему вдругъ—избушка на краю деревни,

Digitized by Google

сѣренькая; на завалинкѣ, видитъ онъ, сидитъ молодица румяная, и сама задумчивая. А на колѣняхъ у нее дѣвчоночка, ручонки вытянула и лепечетъ:—тата!—И, какъ битютъ ломовой рванетъ возъ изъ ухаба, такъ и сунется грудью впередъ, по дорогѣ, нашъ Савельевъ. Только кусты, да камешки все мимо-мимо, назади остаются; полтора аршина шагъ,—вотъ какъ идетъ, сердечный.

И вдругъ, хмурятся у него брови, носъ опускается,—идетъ, и не идетъ, а только ногами семенитъ. И видится ему все таже избушка; только окна досками заложены и коломъ подперты, крыша съ дырой-прорвой, только кроквы торчатъ почернѣлыя; ворота, гдѣ стояли, тамъ и повалилися; а на завалинѣ худой щенокъ, морду задравши, завываетъ,—чтобъ тебѣ на погибель!—Морозъ пробѣжитъ у него по спинѣ. Но—воля Божія! подтянись человѣкъ!

Идетъ Савельевъ ..

Вотъ, вдали вынырнуло передъ нимъ что-то темное; опять провалилось... Ажно сердце жмется у солдата. Идетъ. Вотъ—опять какія-то вилы, изъ-за горы—на воздухѣ показались, ростутъ... Никакъ крыша? А глазъ-то, дуракъ, ничего не видитъ, словно сквозь волну глядитъ. Отеръ Савельевъ глаза кулакомъ, глянулъ—и, какъ на ладони, передъ нимъ „Осиновый островъ“, и, лѣвѣе его, словно крыло сизое—лѣсокъ осиновый распространяется.

Остановился солдатъ на минутку духъ перевести. Глядитъ; кажись, съѣлъ былъ все, что видитъ передъ собой, и прислушивается; какіе-то голоса, чуть-чуть слышно, вдали перекликаются. Ахти, голоса хорошіе, родные! Да полно, слышно-ли? вѣдь еще добрыхъ шесть верстъ до деревни твоей! Но не одно ухо, братцы, иногда и сердце слышитъ.

Эко колесо, подумаешь, ходитъ у человѣка въ груди! Какъ шестерней рвутъ, да теребятъ тебя мысли: то радостныя, ажь духъ занимается, то горькія-горькія, такъ что свѣту не видишь! А иногда и самъ не знаешь, изъ-за чего самъ же себя казнишь и тиранишь.

Видѣлъ-же ты передъ собой черное жерло пушки. Трескомъ оглушило тебя; дымомъ обдало, осколками осыпало; но разсѣялся дымокъ—и ты здравъ и невредимъ, опять копошишься и заряжаешь свое ружье.

А тутъ, безъ звука, безъ страстей всякихъ, мирно глядитъ на тебя твоя избенка опустѣлая; и сердце твое чуть-чуть не

Digitized by Google

лопнетъ отъ горя, въ глазахъ у тебя темнѣетъ, и лица на тебѣ нѣтъ...

А лучше не думай, махни рукой, добрый человѣкъ; ничего не пособишь думками своими; положись на Бога.

Такъ и сдѣлалъ Савельевъ.

Верстахъ въ двухъ отъ деревни бѣжалъ ручьишко. Савельевъ остановился надъ нимъ, умылся, оправился и пошелъ.

— А, что будетъ, то будетъ! Никого не спрошу, никому не скажусь,—прямо иду домой,—думалъ онъ и шелъ твердо.

Прошелъ полъ деревни. Два три окна хлопнули,—поглядѣли люди на солдата. Еше баба прошла, поклонилась. Мальчишка на возу проѣхалъ, шапку приподнялъ. Кавалеръ отвѣчалъ на поклоны. Въ десяти шагахъ передъ нимъ дѣвушка несетъ воду; подолъ синяго сарафана заткнутъ за поясомъ; въ длинной темной косѣ играетъ алая ленточка; рукава сорочки вздернуты подъ плечо. Вишь ты, стройная какая, плыветъ какъ уточка, да подъ коромысломъ перекачивается.

— Ничего не спрошу,—думаетъ солдатъ; а приходится идти все слѣдомъ за ней.—Чья бы это? изъ которой хаты? Ну, да мало-ль ихъ въ шестнадцать лѣтъ повыросло!

Дѣвушка, видно, заслышавъ за собой шаги, оглянулась, а оглянувшись, пріостановилась и, пропуская солдата мимо, поклонилась ему.

Солдатъ приподнялъ фуражку,—вишь, какая обычливая,—думаетъ;—а красавица-то какая писаная! Вотъ, кабы...

И онъ кашлянулъ безъ всякой надобности. Идетъ. Еще пройдти дворовъ съ десятокъ, завернуть за уголъ, направо; тутъ она и есть, избенка-то его.

А дѣвушка все идетъ за нимъ. И таки не выдержалъ Савельевъ, обернулся, дернулъ за спускъ подъязычный, и полетѣло слово:—а какъ ты, красавица, прозываешься?

Дѣвушка подняла голову, глянула большими глазами своими.

— Афросиньей зовуся, служивенькой,—отвѣтила она и покраснѣла; а сама идетъ.

— Да ты... ахти, Господи!—бормочетъ солдатъ; — другой-то Афросиньи и нѣтъ у васъ на деревнѣ? — и Савельевъ остановился.

Дѣвушка оглянулась.

— Что люди-то скажутъ? — подумалось ей; — ну, да пусть, что хотятъ говорятъ, такое мое дѣло сиротское!.. Были и еще двѣ, опричь меня, служивенькій; да одна Афросинья на Илью замужъ вышла, а другую Фросечку-то,—ужъ такая была хоро-

Digitized by Google

рошая, — на прошлой недѣлѣ, батюшка ты мой, на погостъ свезли...

И дѣвушка, глянувъ на солдата, спужалася; словно, вотъ, полотно побѣлѣлъ онъ, сердечный, и глядитъ какъ шальной.

— Чья это?—спросилъ глухо Савельевъ.

— Я-то, батюшка, солдаткина, а вотъ та...

И опять дѣвушка испужалася; чего это солдатъ вспыхнулъ весь?

— Не Настасьина-ли?—спрашиваетъ Савельевъ торопко.

— А ты, служивенькой, почемъ знаешь?— сказала дѣвка и улыбнулася.

Сунулся Савельевъ къ ней, обѣими руками взялъ ея голову.

— Ахти, тошнехонько!—вскрикнула дѣвка.

Оконница хлопнула надъ ними.

— Солдатъ Фроську цѣлуетъ! Мамка, ей Богу, цѣлуетъ!—кричалъ въ избѣ замурзанный мальчишка.

— Дочь моя, дитя мое любезное!—бормоталъ Савельевъ,—и дѣвушка, сбросивъ съ плечъ коромысла, пала въ ноги отцу своему.

У воротъ показались двѣ бабы.

— Настасьинъ солдатъ пришелъ, — болтали онѣ; — вотъ тѣ Христосъ онъ! а сказывали:—убитъ!—вишь, какой, Богъ съ нимъ, гладкой! Да и съ крестомъ...

Между тѣмъ Савельевъ распадался надъ своей милой дочерью: — да какая же кравица! — самодовольно приговаривалъ онъ, вглядываясь въ нее, взялъ ее за ушко и поцѣловалъ въ лобъ.—Пойдемъ же домой.

Но надо было подобрать и ведра и ранецъ Савельича, который свалился у него черезъ плечо, когда онъ нагнулся, чтобы поднять, припавшую къ ногамъ, дочь.

Савельевъ взялъ коромысло и ведра. Фрося подняла ранецъ и, держа за ремень, хотѣла было вскинуть его себѣ на плечо; но другой ремень съ размаху щелкнулъ ее ребромъ прямо въ локоть; отъ боли она вскрикнула легонько.

— Что, братъ, кусается?—улыбаясь, молвилъ солдатъ.

— Въ самую косточку трафилъ,—отвѣтила дѣвушка, краснѣя, смѣясь, и со слезами на глазахъ.

Они пошли домой.

— Эва! и ставни выкрашены! — подумалъ про себя Савельевъ.

А передъ нимъ стоитъ веселенькая избенка, и, въ самомъ

Digitized by Google

дѣлѣ, оконныя ставни свѣжо расписаны ахтительными цвѣтами: все розанъ, да райскій цвѣтъ по горшкамъ насажены.

Хотѣла было Фрося шмыгнуть впередъ, но отецъ удержалъ ее:—войдемъ, говоритъ, вмѣстѣ.—Поставилъ онъ ведра въ сѣняхъ, перекрестился, отворилъ двери,—передъ нимъ сидѣла на лавкѣ Настасья, красивая ужъ не по-прежнему.

Глянула она на солдата, вся подалась впередъ, всплеснула руками;—ахти мнѣ, бѣдной!—вскрикнула,—и съ колѣнъ ея покатомъ покатился засыпавшій ребенокъ. Савельевъ подхватилъ его у самаго пола. Испуганный крошка-мальчишка раскричался, расплакался и вытянулъ ручонки къ Фросѣ; она взяла его и стала унимать.

Упала въ ноги Настасья своему мужу, обняла его колѣни и зарыдала такъ, что не могла промолвить ни слова. У окна стояли два мальчика въ рубашенкахъ и, открывъ свои губенки, съ удивленіемъ глядѣли на гостя. За перегородкой слышался старушечій кашель, и хриплый голосъ спрашивалъ: — что тамъ опять? Господи, Іисусе Христе!

Солдатъ, нагнувшись, держалъ въ своихъ рукахъ голову рыдающей жены своей.

— А тамъ кто? — спросилъ онъ Фросю, послышавъ голосъ изъ-за перегородки.

— Бабушка тамъ,—отвѣтила Фрося.

И Савельевъ поднялъ жену, поцѣловалъ ее крѣпко, посадилъ на лавку и самъ пошелъ за перегородку; а жена, закрывъ лицо руками, рыдала и, всхлипывая, не могла промолвить ни слова.

За перегородкой, на низенькой койкѣ, держась за нее обѣими руками, сидѣла старушка; она была сѣдая, какъ лунь, и въ сухомъ лицѣ ея не было ни кровинки. Поглядѣла она тусклыми глазами на солдата.

— Кто это, кормилецъ мой?—спросила она робко.

Савельевъ припалъ къ ногамъ ея.

— Господи, Іисусе, мать Пресвятая Богородица, помилуй насъ!—шептала старуха, не трогаясь ни единымъ перстомъ.

— Это батюшка пришелъ, бабушка! — стоя въ дверяхъ, громко сказала ей Фрося.

Савельевъ всталъ, взялъ ее за руку; но старуха глядѣла на него неподвижными, словно оловянными глазами и шептала молитву.

Савельевъ поглядѣлъ на Фросю; она кивнула ему головой и сказала вполголоса:—ничего, батюшка; вѣдь бабушка къ вечеру ничего не помнитъ у насъ.

Digitized by Google

Савельевъ вышелъ изъ-за перегородки, остановился, глянулъ изъ подлобья ..

— А это что за команда?—спросилъ онъ, кивнувъ головой на мальчишекъ.

И опять Настасья упала къ ногамъ его, зарыдала и заголосила жалобно. Савельевъ не трогался съ мѣста. Насупился онъ, поблѣднѣлъ,—видно отъ боли занѣмѣло въ груди горячее сердце. Обида и гнѣвъ выступили на лицо. Ребенокъ, на рукахъ у Фроськи, залился во всю свою мочь. А мальчишки, вложивъ каждый по персту въ свои губенки, надулись, отвернулись и искоса поглядывали на солдата.

Были сумерки; но и въ сумеркахъ краснѣлись и блестѣли рыжими кудряшками ихъ головенки.

— Это что за подосиновики?—громко спросилъ солдатъ.

Настасья такъ зарыдала, ажъ зашлась и притихла.

Фроська тоже плакала тихо; подошла она къ мальчишкамъ и, толкнувъ одного и другого, прошептала имъ:—въ ноги, Федька; ну-же, Кузька!.. батюшка нашъ пришелъ.

Зарюмили пузыри-мальчишки, подошли къ солдату, припали къ землѣ и стукнули ему въ сапоги своими красными головенками.

Глянулъ на Фроську Савельевъ, — а она дрожитъ, глядитъ ему въ глаза и тихо молится: — батюшка нашъ, родной, милосердный...

— Ну, здорово ребята!—молвилъ, вздрогнувъ, солдатъ, поднялъ, перекрестилъ каждаго и поцѣловалъ въ лобъ; вдругъ перемѣнилъ гнѣвъ на милость—ужъ улыбался.

Старшій мальчуга сейчасъ-же утеръ слезы и носъ и, задравъ голову, спросилъ потихоньку: — а это што у тебя, батюшка?—и боязливо протянулъ ученку, указывая на Георгіевскій крестъ.

— Ну, молодецъ братъ!—весело говорилъ солдатъ, гладя его по головѣ;—это крестъ; Царь далъ за то, что и я, братъ, не трусилъ; слышь?

Мальчишка кивнулъ головой; а другой мальчуганъ заложилъ назадъ руки и, вертя немилосердно пальцами, поглядывалъ то на брата своего, то на солдата.

— Ну, Настюшка,—обратилъ рѣчь къ женѣ Савельевъ,—прошло!.. не убивайся, не плачь; грѣхъ теперь тужить! Ты, вижу, думаешь я Богъ знаетъ что; а нѣшто я звѣрь? Такой же, братъ, грѣшный человѣкъ, какъ и прочіе; вставай, жена!

Подняла свою голову Настасья, глянула на мужа; не то пугливо, не то удивляючись. Она что-то хотѣла сказать, но, видно

Digitized by Google

было, что голосъ замеръ у нея въ груди. Встала она, все еще трепетная, поглядѣла въ глаза мужу.

— А намъ же сказали, что ты убитъ давно, родной ты нашъ,—промолвила она, плача.

— Живъ, братъ; вынесъ Господь!.. значитъ, простилъ—и я прощаю. Одинъ Богъ безъ грѣха; а кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ. Поцѣлуемся-ка лучше, Насточка!—отвѣтилъ Савельевъ, и, вскрикнувъ, какъ одурѣлая, Настасья бросилась ему на шею...

Обнялись и заплакали они оба. И опять заплакали, глядя на нихъ, всѣ до единаго дѣти. Но еще никто изъ нихъ, я полагаю, отродясь не смѣялся съ такой горячей радостью, съ какой теперь они проливали слезы.

— Все Богъ прощаетъ,—тихо говорилъ женѣ солдатъ,—все, кромѣ гордости и жестокости человѣческой. На то мы не звѣри, а люди.

Фрося кинулась въ ноги отцу...

— Господи, Іисусе Христе! Мать Пресвятая Богородица!—слышался хриплый голосъ изъ-за перегородки.

И у всѣхъ сквозь слезы, помаленьку, разцвѣла на устахъ ясная улыбка.

А Подосиновики,—видятъ, что всѣ заняты своей радостью и на нихъ никто не смотритъ,—ужъ отстегнули ранецъ батеньки названнаго и вытащили оттуда, за кончикъ, клѣтчатый худенькій платчишко.

Настасья глянула, хотѣла ругнуть ихъ, увидала платокъ и, опять заплакавъ, обняла крѣпко своего мужа.

— Назадъ принесъ, Настюшка,—молвилъ Савельевъ;—есть на немъ и кровь моя; шестнадцать лѣтъ берегъ его пуще своего глаза.

— Ахъ я, окаянная! — и Настасья, плача, спрятала лицо свое въ колѣняхъ мужа.

— Полно,—сказалъ солдатъ,—все забыто!

IV.

Утро Божіе давно разыгралось въ небѣ зарей, и въ свѣтлой избенкѣ солдаткиной давно всѣ встали и обряжаются.

День былъ будній, а всѣ убрались и начуфырились по-праздничному; Настасья, въ ситцевой юбкѣ, въ бѣлой коленкоровой сорочкѣ, и шелковый платочекъ повязанъ на головѣ, суетится около затопленной печи; что-то много горшечковъ и латокъ поприготовила, словно большихъ гостей ждетъ сегодня.

Digitized by Google

Ѳедька съ Кузькой—въ кумачныхъ косовороткахъ, и рыжія кудряшки ихъ примазаны и разчесаны, такъ и горятъ на солнышкѣ. И крохотный мальчишечка, тоже весь красненькій, сидитъ въ своей зыбкѣ въ чистой сорочкѣ.

Вошла Фрося съ ведромъ воды. Экая загляженная красавица! Свѣжая, какъ ягодка, стройная, какъ липочка; да и воръже дѣвка! умѣетъ пріосдобить себя,—ничего нѣтъ,—только юбченка пестрая, рукава тонкіе, да повязка шелковая,—а, поди-же, краше картины писаной! Ткнула за повязку, въ темные свои волосы, пясточку цвѣтковъ махровыхъ, и сама глядитъ такъ радостно, что, куда взглянетъ,—тамъ, кажись, тоже цвѣты выростутъ.

Въ избѣ тишина, и слово молвится шепотомъ. Задрались, однако, Кузька съ Ѳедькой, за поясокъ мальчишки поссорились, зашумѣли было.

— Ни-шкни, пострѣлята! вотъ, ужо я тебѣ! — пригрозила Настасья.

— Тсс-съ!.. батюшка спитъ,—шепнула Фрося; а за пологомъ, въ углу избы, послышалось потягиванье и громкое позѣвыванье хорошо выспавшагося человѣка.

Мальчуганы схватили каждый по большому сапогу и встали передъ самымъ пологомъ. Пологъ открылся — и на постели сидѣлъ Егоръ Савельевъ.

— Доброе утро,—промолвилъ онъ, улыбаючись;—и не помню, когда такъ спалъ.

Всѣ пожелали и ему добраго утра.

— Ай, знатно отдохнулъ!—сказалъ Савельевъ и задумался.

— Да, братъ, это маленько не похоже на Силистрію, да на бивуаки Инкерманскіе!—такъ думалъ про себя солдатъ, и, оглядываючись кругомъ, на всю свою тихую радостную семь, какъ будто побаивался, ужъ не попалъ-ли онъ въ какую нибудь сказку волшебную?... какъ-бы, молъ, все это вдругъ не прошло, какъ сонъ?.. но эта боязливая думка сама пролетѣла мигомъ; онъ видѣлъ свое полное, солдатское, да еще и съ припекомъ, счастье на яву.

— Спасибо, „подосиновики!“—весело молвилъ Савельевъ, надѣвая сапоги, поданные ему проворными ребятишками.—А вѣдь совсѣмъ подосиновики! Погляди, маковки-то чуть что не горятъ у нихъ.

— „Подосиновиками“ и всѣ ихъ кличутъ, батюшка,—замѣтила, смѣясь, Фрося.

— „Подосиновики“ и есть,—и, говоря это, Савельевъ ласково ерошилъ хохлы улыбающимся мальчишкамъ.

Digitized by Google

А Настасья такъ усердно хлопотала у печки, что чуть вся не влѣзла въ полымя; лица ея не было видно, а только какъ жаръ горѣлъ краешекъ уха.

— Чистое дѣло—„подосиновики“, — повторялъ Савельевъ, и самъ все улыбается съ глупенькими мальчишками.

А дурачки и рады; не знаютъ, что имъ-то смѣшно, а кой-кому и до сердца дошло.

Всталъ Савельевъ, умылся, и, вытираясь ручникомъ съ узорными концами, который подала ему Фрося, поглядывалъ на свою красавицу дочь. Съ вечера-то не разглядѣлъ еще хорошенько; вишь, далъ Богъ пригожество какое! И опять задумался солдатъ. Хотѣлъ что-то вымолвить, и промолчалъ. Ужъ не вспомнилъ ли, какъ подъѣхала она въ коляскѣ, къ платформѣ, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, когда онъ стоялъ у фронта на часахъ? Нашелъ что вспоминать...

Поцѣловалъ онъ свою женку румяную, оглядѣлъ ее съ большимъ любопытствомъ.

— Фу, братъ! какая-же ты стала пышная! — промолвилъ, все еще оглядывая ее; потомъ взялъ изъ люльки ребенка и поцѣловалъ его рыженькую головку. — А этому который годъ?— спросилъ онъ жену.

Но жена молчала, а Фрося отвѣтила, что съ Петровки пойдетъ третій годокъ.

— Ну, молодецъ „подосиновикъ“, — промолвилъ солдатъ и опять поцѣловалъ мальчишку.

Въ это время закашляла и отозвалась бабушка Карповна:— а покажите-же мнѣ роднаго нашего Егорушку, — и Савельевъ пошелъ къ ней, за перегородку.

Весь день пробылъ Савельевъ дома. Приходили двѣ-три сосѣдки, поздравляли Настасью съ дорогимъ гостемъ. Разумѣется, не съ однимъ поздравленіемъ приходили кумушки, а главное— смерть хотѣлось узнать имъ, какъ-то баба передъ мужемъ оправдается? да и мужъ каковъ — грозенъ, аль милостивый? но Савельевъ былъ веселъ, со всѣми привѣтливъ, и кумушки, уходя, шептались дорогой:—ахти сердеченъ, хорошъ человѣкъ!

Ну, бабамъ того и надо. Да, правду сказать, кому же не любъ добрый человѣкъ на свѣтѣ?

А Савельевъ былъ,—мало что добрый человѣкъ,—былъ онъ притомъ и разуменъ; и увидѣлъ онъ, что съ такой семьей можно жить, да Бога хвалить, но сперва надо порѣшить два важныхъ дѣла: первое дѣло—обзавести полное хозяйство хлѣбопашное, а

Digitized by Google

второе дѣло—снять худую славу съ своего дома, съ семьи своей любезной.

Порѣшилъ онъ просить у міра тягло пахатной земли, просить въ долгъ,—разживусь, молъ, за все заплачу. А на лошаденку, да на первыя надобности, кой-какой грошъ принесенъ съ собой, изъ полка.

И еще порѣшилъ онъ признать навсегда всѣхъ своихъ „подосиновиковъ“ родными своими дѣтьми. А что и на деревнѣ ихъ кличутъ „подосиновиками“—невелика важность, ужъ коли банка красная, такъ и грибъ—подосиновикъ; какъ ни зови его—боровикомъ не будетъ. Только бы и бѣды! А что люди строги, не простятъ худой славы, ну—такъ начхать имъ, строгимъ людямъ, коли имъ того хочется; не они, а мужъ женѣ судья.

И вотъ, навѣстилъ Савельевъ всѣхъ хозяевъ деревни своей; всѣ были ему рады. А вскорѣ и дѣла его повершились благополучно.

Въ первое-же воскресенье, подъ вечеръ, сидѣли. по обыкновенію, деревенскіе старики около часовни сельской; кто на травѣ, кто на бревнахъ, и толковали о разныхъ своихъ дѣлахъ. Подошелъ Савельевъ поклонился имъ; хозяева попросили и его присѣсть. Разговоръ продолжался.

— Ну, а какъ-же ты, батюшка, кавалеръ Савельичъ, что ты думаешь съ собой дѣлать?—спросилъ солдата сѣдой старикъ.

Савельичъ всталъ и началъ такую рѣчь:—мое дѣло, господа почтенные, новое; запасы мои, извѣстно, солдатскіе, небольшіе; ну, а сила у меня есть, сами знаете; семьей Богъ не обидѣлъ,—желалъ бы я заняться хозяйствомъ.

— Дѣло, дѣло говоришь,—промолвилъ старикъ.

И Савельевъ уже посмѣлѣе продолжалъ свою рѣчь; поклонился онъ добрымъ людямъ, *міру* билъ челомъ, просилъ помощи:—не отрѣжете-ли мнѣ, — говоритъ, — поля кусокъ подъ землепашество? А я теперь ничего не могу, а съ часомъ, не оставитъ Господь, окажу свою благодарность.

— А что-же,—отвѣтило нѣсколько голосовъ,—можно, еще-ль не можно!.. Надыть помочь служивому. А сила у него есть. Вѣдь у тебя баба, и дѣвка на возрастѣ, да и самъ ты, Господь съ тобой—ничево.

— Ну, да и парнишки у тебя подростаютъ, къ работишкѣ какой пригожи, чать?—замѣтилъ одинъ хозяинъ

Во время этого разговора подошло нѣсколько поселянъ.

— Это „подосиновики“-то?—брякнулъ одинъ изъ подошедшихъ,

Digitized by Google

кривой мужикъ; ахти баловники, въ батьку пошли; худая съ нихъ работа.

Савельевъ поглядѣлъ на криваго и сказалъ очень спокойно:—криво глядишь, землякъ, криво и видишь. Я прошу міръ, прошу добрыхъ людей:—помогите, чѣмъ можете.—И просить мнѣ больше некого; пусть же міръ такъ и порѣшитъ какъ хочетъ; это дѣло мірское. Ну, а насчетъ моихъ дѣйтей мнѣ знать лучше, на что они гожи. А подосиновики, или мухоморы они — это вамъ все равно; моя семья — мое дѣло. И въ это колесо никто, братъ, пальца не клади; колеса не остановишь,—а не быть-бы безъ пальца!

— Правда, вѣрно,—отозвались многіе; а кривой всетаки прикинулъ свое словцо:—я не къ худому къ чему, а къ тому сказываю, что по батькѣ-то они, то есть, не работники...

— Теперь я ихъ батька, по мнѣ и пойдутъ,—отвѣтилъ Савельевъ;—такъ, молъ, и знайте и вѣдайте, всѣ добрые люди.

И старики одобрили слова его. И тутъ-же порѣшилъ міръ исполнить просьбу Савельева; тутъ же обсудили какой участокъ поля нарѣзать ему. Какъ разъ вышла полоса земли подъ „осиновымъ островкомъ“. Двое хозяевъ, изъ сродниковъ его, побратимовъ по покойномъ дядѣ его, обѣщали помочь зерномъ на посѣвъ; другіе предложили: кто соху, кто борону на время; а всѣ обѣщали толоку.

Поклонился Савельевъ міру, и поблагодарилъ за такое дружество.

Ну, вотъ, онъ и хозяинъ. Зажилось хоть трудно съ почину, да хорошо; и свѣтло было на душѣ добраго Егора Савельева.

Мелькнула, признаться, разокъ туча пасмурная;—пріѣхалъ откуда-то, на чертопхайкѣ крашеной, въ сибиркѣ синей, съ рыжей окладистой бородой, сказывали, цѣловальникъ изъ „Горькой осинки“,—такъ недальній кабачокъ прозывался; — повертѣлся онъ издали, и около Савельева, и пытался въ разговоръ затянуть его, словно неводъ въ быстрину закидывалъ, но вытащилъ шишъ-рыбу; Савельевъ только поглядѣлъ съ подъ бровей на него, а ужъ добрые люди присовѣтовали: — проваливай по добру по здорову, пока цѣлъ!

И съ „Горькой осинки“ ко вдовьей избушкѣ заросла и дорожка.

Въ ясный осенній вечеръ, за „осиновымъ островкомъ“, на пожатыхъ широкихъ поляхъ густенько стояли полныя копны

Digitized by Google

жита. Сдалека неслась плавная, хоровая пѣсня женскихъ голосовъ; возвращались жницы съ „*дожинокъ*“.

Высоко наложилъ возъ сноповъ Савельевъ, туго перетянулъ веревкой прижимъ, вскинулъ мальчишекъ своихъ наверхъ, на снопы.

— Везите, — говоритъ, — дѣтки, домой, да распрягите тамъ коня; Фрося, ступай къ дѣвкамъ, — пѣсня пойдетъ веселѣе;— а мы съ мамкой только вздохнемъ минутку, и сейчасъ за возомъ слѣдомъ будемъ.

Распорядился Савельевъ и присѣлъ съ женою подъ широкую копну жита.

Заскрипѣли колеса воза. Фрося побѣжала къ пѣсельницамъ.

Солнце было на закатѣ. Отъ осиноваго лѣска ложилась длинная тѣнь; въ тихомъ воздухѣ неслась заунывно-веселая пѣсня возвращающихся на село жницъ. Тутъ то и отдохнуть натрудившемуся человѣку.

— Ну, вотъ, слава милосердному Богу, мы и убрались съ тобой,—промолвилъ Савельевъ женѣ.

— Ай, и глядѣть то радостно, Егорушко! Не помнитъ Господь грѣховъ, и вотъ какой урожай далъ,—отвѣчала Настасья, а сама, такая блѣдная, истомленная, прислонилась къ нему головой, и ознобъ пробѣжалъ у нея по всему тѣлу.

— Ужъ нѣшто больно умаялась, Настушечка; жнитво то одолѣло тебя,—замѣтилъ Савельевъ.

А Настасья крѣпко сжала его руку, глянула ему въ глаза;— нѣтъ, не то, Егорушко,—сказала и зарумянилась.

— А что-жъ такое?

— Не знаю... что Богъ дастъ,—промолвила она и припала лицомъ къ груди его.

И, перекрестясь, обнялъ солдатъ милую жену, мысленно благословляя *свое* будущее дитя.

А у края поля какой-то другой солдатъ встрѣтилъ возъ жита и кричалъ „подосиновикамъ“:—а чье жито, ребята?

— А наше!—отвѣчали дружно „подосиновики“.

— А вы чьи, грибки красненькіе?

— А солдатскіе!.. вонъ, батюшка нашъ подъ копной сидитъ съ матушкой!

— Вижу, вижу,—и громогласно, черезъ все поле, закричалъ отдыхающей четѣ бывшій Ондрюшка Заболотской:—наше почтеніе Егору Савельевичу и съ хозяюшкой!

Digitized by Google

ВСѢМЪ ШИЛЬЯМЪ ШИЛО!

ПОВѢСТЬ.

I.

На Подоліи, въ летичевскомъ уѣздѣ, верстахъ въ трехъ отъ мѣстечка Зинькова, есть фольварокъ, или хуторъ, Станиславовка. Хуторъ этотъ расположенъ на крутомъ скатѣ глубокаго оврага, промытаго, Богъ вѣсть въ кои вѣки, потокомъ воды. Мѣстоположеніе самое разнообразное и прихотливое, — горы, холмы, обрывы, то поросшіе густымъ орѣшникомъ и бурьяномъ, то голые, словно выложѣннные бѣлымъ известнякомъ. Въ лощинѣ, на скатѣ этого оврага, въ зелени орѣшника и черешень, виднѣется бѣлый домикъ съ крылечкомъ, передъ нимъ небольшой дворъ съ хозяйственными постройками, за которыми тянутся огороды и конопляники; а на дворѣ, точно какъ кусокъ огромнаго зеркала, сверкаетъ крохотный прудъ, обросшій мелкимъ кустарникомъ и густой травой. Ручейки изъ двухъ криницъ бѣгутъ съ горы въ этотъ прудъ, промежъ терна и лопуха, журчатъ день и ночь, словно милые дружки, свидѣвшись, не нашепчутся.

На противоположномъ скатѣ оврага, по холмамъ и косогору, вьется проселочная дорога; а на самомъ краю этой дороги, подъ кучей хворосту, очерета, соломы и разнаго лому, отъ зари до полуночи чернѣется какая то нора. Все это было такъ лѣтъ двадцать тому назадъ, а теперь—Господь его знаетъ, какъ оно тамъ есть.

Около этой норы, бывало, день-деньской, на самой дорогѣ, возятся съ собаченквми трое почти голыхъ ребятишекъ. Ребятишки эти были сиротки, дѣти горькой вдовы Зайчихи; а нора эта представляла ихъ домъ и все ихъ богачество.

Каждый день, спозаранку, уходила вдова на заработки по дворамъ хозяйскимъ, а чаще всего въ мѣстечко; тамъ у евреевъ занималась она мытьемъ бѣлья и другими такими работами,

Digitized by Google

которыми сами господа *мѣстечковые* евреи заниматься не любятъ и всегда находятъ, за нѣсколько грошей и за *горілку*, работниковъ и работницъ. Нужны были гроши вдовѣ горькой для дѣтокъ маленькихъ, а сама она не прочь была отъ *горілки*. Правда, что никакое дѣло не валилось изъ рукъ досужей бабы; ну, да зато же и чаркой владала,—не пролей капли.

Говорили люди, что вдова *спорчена*. Еще-ль не спорчена? — рѣдкій вечеръ возвращалась она съ своихъ заработковъ безъ синяка на тѣлѣ и безъ свѣжей прорѣхи на *спидниці*. Судили ее люди, и грозили, и увѣщевали—ничего не помогало; съ утра баба плачетъ да кается, а къ вечеру—опять *готово*. Махнули всѣ рукой, и хоть не любили ее, но принимали на заработки, ради досужества ея голенькихъ.

Ребятишки всегда были, дѣйствительно, почти нагіе, потому что лохмотья на нихъ ничуть не больше закрывали ихъ загорѣлое тѣльце, какъ неводъ закрываетъ пойманную рыбу. Надо полагать, что ни мать, ни люди, ни сами они не знали, зачѣмъ было напутано на нихъ это отчаянное тряпье; со всѣмъ бы нагишемъ, кажется, и имъ бы вольнѣе и со стороны смотрѣть легче.

Всегда, съ уходомъ матери, эти трое оборванцевъ, и съ ними два щенка мохнатыхъ, высыпали на дорогу. Начиналась возня, крикъ, пѣсни, плачъ, смѣхъ—гвалтъ на всю окрестность. По сосѣдству другихъ ребятишекъ не было, а дальнихъ хозяева къ нимъ не пускали; но Зайченята втроемъ шумѣли за десятерыхъ. Проѣдетъ паробокъ на волахъ, или шляхтичъ въ бричкѣ, крикнетъ на нихъ, или щелкнетъ по воздуху бичемъ—ребятишки на мигъ разбѣгутся съ дороги и какъ бѣсенята кинутся вдогонку за проѣзжимъ, прыгаютъ, визжатъ, коверкаются, дразнятъ длинными языками и науськиваютъ избалованныхъ щенковъ. Щелкнетъ бичъ,—взвизгнетъ голосишко, зальются собаченки, столбъ пыли крутится за проѣхавшимъ возомъ; а сорванцы опять усѣлись середи дороги, и на весь оврагъ несется звонко крикливая, точно шумъ колеса мельничнаго, сложенная пѣсня дѣтскихъ голосишекъ:

„А що тоби, мельничку,
„За бида,
„Що на тебѣ робятъ
„Камень и вода?..
„Перестанетъ камень,
„Вода робиты —
„Тогды будэшь, мельничку,
„Бѣдыти!..“

Digitized by Google

Или, завидя жидка на двухколой *бѣдѣ*, погоняющаго свою трехногую клячку, зальются они какъ ошалѣлые:

„Геля-геля, качура, до дому—
„Продамъ тебе жидови рудому!..“

И ужъ непремѣнно осмѣютъ, обрешутъ и постараются разсердить каждаго прохожаго и проѣзжаго. Весь день торчатъ, бывало, на дорогѣ.

Но вотъ, хочетъ садиться солнце; полымемъ загорается край неба на закатѣ; закурился сизый туманъ въ лугахъ и долинахъ... Утомились проголодавшіеся шалуны; ужъ меньшіе всплакиваютъ занывающимъ голосомъ: большакъ съ голодной досады шлепнетъ то одного, то другого; собачонки скучливо побрехиваютъ съ привизгомъ. Возвращаются съ полей плуги и бороны; запылило стадо; вдали бѣлѣютъ овцы; нетерпѣливо похрюкивая и потряхивая ушами, бѣгутъ домой свиньи съ своими гладенькими поросятками. Изъ всѣхъ трубъ потянулъ дымъ синій; на всѣхъ дворахъ движеніе: носятъ воду, встрѣчаютъ худобу, прибираютъ разныя снасти рабочія... Заунывнѣе и пискливѣе плачутъ Зайченята.

Ужъ вездѣ и повечеряли; давно и солнце сѣло; собираются люди на покой, и только кой-гдѣ, запаливши люльку, присядетъ на пріизбу хозяинъ и озираетъ отдыхающимъ глазомъ свой дворикъ, или, перешагнувъ черезъ перелазъ, оглядываетъ колоды пчелъ подъ вишнями, сливами и грушами своего крохотнаго садочка. Ужъ и ночь хозяйская на дворѣ.

А Зайченята ноютъ и прихлипываютъ:—нэма мамки!

Щенки то взвоютъ, то взгрызутся со злости.

— Давже-жъ, напраціовалася! — проворчитъ хозяинъ, глянувъ черезъ зеленые кусты своего сада на зиньковскую гору, сплюнетъ и отвернется.

А съ горы зиньковской идетъ, раскачиваясь, вдова Зайчиха; платъ на головѣ на-бокъ, *спидниця закасана*;—плыветъ, поколыхивается, знать надъ работой умаялась. Завидѣли мамку ребятишки и притихли, щенковъ окликнувши.

Подходитъ Зайчиха; ужъ близко; виднехонька прорѣха новая на сподницѣ затасканной; какъ спѣлый стручокъ турецкаго перцу горитъ ея носъ, а на лбу лоснится какая-то синеватая дуля. Что-то широко разводитъ она руками, головой покачиваетъ; обернется къ Зинькову, погрозитъ пальцемъ, плюнетъ—и опять продолжаетъ путь до дому.

Digitized by Google

— А почекайтэ, сто чортывъ батькови!—издали кричитъ она на дѣтей.

Какъ волченята жмутся у горы голодные и оробѣвшіе ребятишки. Пришла мамка. То съ гнѣвомъ, то со смѣхомъ раздѣляетъ имъ заработанную краюху хлѣба, и тутъ брань, ласки, щелчки и поцѣлуи сыплются на бѣдняжекъ вперемѣжку, какъ дождь сквозь гнилую крышу.

Влѣзетъ Зайчиха въ землянку свою, усядется на приземистомъ топчанѣ, застланномъ лохмотьями; дѣти съ ломтями и краюхами хлѣба расположатся у ногъ ея, и уплетаютъ свои порціи, поглядывая на мамку. Покачивается мамка.

— Ну а що вы, птахоньки малыя, робили безъ меня?— спрашиваетъ она ласково.

— Нычого, мамо.

— На тебя чекали, — лепечетъ маленькій пузырь съ набитымъ ртомъ и уставитъ большіе, веселые глаза свои на мать.

— Ой, ты, серденько мое, моя ласточка, кришиночка моя биднинькая!—запоетъ, разнѣжившись, баба, возьметъ на колѣни, обнимаетъ, цѣлуетъ замурзаннаго мальчишку и, крѣпко прижимая къ груди, всплакнетъ надъ нимъ.

А щенокъ, давно карауливший добычу, тѣмъ часомъ вырветъ ломоть изъ свѣсившейся рученки мальчугана, и нырнетъ подъ топчанъ. Благимъ матомъ вскрикнетъ малютка, братья кинутся за собаченкой; визгъ, писк, шумъ, — и посыплется брань разгнѣванной бабы;—а псярники вы, бодай васъ дидько подавіу! А то-жъ нэма житя за вами, жиденята пострѣляны!—и, раздавая щелчки и шлепки, кому выпадетъ, сама плачетъ-приголашиваетъ, вся растрепавшись: — а бидная-жъ моя головонька! безсчастная я вдова гиркая, а нэма же на васъ погибели!—и вдругъ, опять, будто понадумается, ни съ того ни съ сего ударитъ въ другой тонъ—и заголосила: — ай-же, сыротыночки мои крохотенные! сердэнько-ласточка, радость моя!—звонко цалуетъ плачущаго мальчишку, посадитъ его верхомъ на колѣно свое и трясетъ припѣваючи:

„Ѣхалъ панъ-панъ-пачъ,
„А за паномъ жидъ-жидъ,
„А за жидомъ хлопъ-хлопъ,
„По хожуху—лопъ-лопъ!“...

И, не отерши слезъ, закатывается смѣхомъ звонкимъ вся вдругъ повеселѣлая семья, пока опять — здорово живешь—ляпнетъ щелчокъ по первой подвернувшейся башкѣ, — и опять пошла перепалка:—а бодай васъ трясця змордовала, бисенята

Digitized by Google

прокляты! А горькая я вдова, несчастливая!—и, ударившись безобразнымъ лицомъ въ засаленную подушку, плача, икая и причитая, наконецъ-таки захрапитъ она подъ затихающее хныканье ребятишекъ.

— Т-съ! мамко спытъ!—шепнетъ большакъ-мальчишка; всѣ смолкнутъ, глянутъ на мамку:—побѣжимо по огирки до Расея!—и, какъ мышенки, вышмыгнутъ за дверь мальчишки; держитесь-же огурцы Расея, безпечнаго и лѣниваго сосѣда.

Почти каждый день повторялась все та же исторія; очень рѣдко вдова возвращалась домой трезвою. Только по праздникамъ, съ утра, показывался дымокъ надъ землянкой ея; это значило, что баба разжилась гдѣ-нибудь, у добрыхъ людей, крупицами, горохомъ, или картофелемъ, и стряпаетъ обѣдъ на свою семью. А завтра—опять на обычные заработки...

Грустно и обидно было глядѣть на эту семью и на ихъ нелюдскую берлогу. Горько было подумать, что тутъ неповинныя дѣти гибнутъ и, хуже чѣмъ лютой проказой, заражаются распутствомъ; и отъ кого же, — вымолвить тяжко, — отъ родной своей матери.

Неужели-же никто не спасетъ этихъ бѣднягъ?

Если вихрь и гроза сломитъ, аль вывернетъ съ корнемъ, увѣшанное плодами, деревцо въ саду добраго хозяина, вѣдь не дастъ-же онъ ему сгнить тутъ же и съ его плодами; онъ соберетъ эти, хоть бы и недозрѣлые плоды, приберетъ сломанное деревцо, очиститъ свой садъ, потому что ему жаль своего пріюта, не хочется видѣть у себя такой непорядокъ.

А тутъ—сломила гроза житейская вдову съ сиротами; горе и безпутство одолѣли бѣдныхъ людей. Неужели же пропадутъ они такъ зазорно? Вѣдь позоръ, посмѣшище и бѣда невинныхъ дѣтей падутъ-же на чью-нибудь голову. Надо помочь имъ, добрые люди!

Были и такіе разговоры насчетъ Зайчихи и ребятишекъ ея—просили ей помощи у людей.

— Нычого нэ поможе, — отказались строгіе голоса; — треба ей сгынуты и съ бахурятами;—рады нэма!

И разсказывали старые люди худую повѣсть о хозяинѣ Зайцѣ, объ отцѣ голенькихъ Зайченятъ.

— Давненько жилъ Заяцъ хозяиномъ полнымъ; мазанка была у него свѣтлая, и худоба въ хлѣвахъ, и хлѣбъ въ скирдахъ, и колоды пчелъ въ садочку, и дворъ его былъ полонъ добра. Былъ онъ человѣкъ работящій и непьющій, но нравъ имѣлъ крутой и нелюдимый, никому не умѣлъ прощать никакой вины; и Богъ

Digitized by Google

ему не простилъ. Обманулъ онъ дівчину-сиротинку, сраму ея не прикрылъ—и пропала дівчина безъ вѣсти. Убогая старая матка дівчины горько плакалась, при всей громадѣ, на нелюдимаго Зайца и сыпнула полной горстью золы на дворъ его:—нехай такъ вітеръ розвіе твій домъ и твое племя, якъ ты сгубилъ мою дэтыну!—прокляла его убогая старуха. Горе матери по дѣтяхъ тяжко; скорбное слово ея Богу слышно; — на Илью громомъ спалило дочиста весь дворъ нелюдимаго Зайца. И съ того часу сталъ Заяцъ пить, пропилъ все и самъ пропалъ безъ вѣсти, покинувши вдову и трехъ ребятишекъ.

— Треба имъ гынуты,—ничого нэ поможе,—говорили люди.

— Хиба единъ Богъ поможе,—отозвался сѣдой, какъ лунь, старикъ.

И люди смолкли на это вѣрное слово.

II.

Мѣстечко Зиньковъ лежитъ на крутой горѣ.

Въ ярмарочный день, издали, оно очень похоже на большой муравейникъ, поворошенный палкой. На всей площади его, промежъ возовъ и сидящихъ на землѣ перекупокъ, и по всѣмъ тремъ его улицамъ кишмя-кишатъ евреи. А у лавочки господина Іоселя бѣлобородаго народъ цѣлый день ключомъ кипитъ, словно беретъ ее штурмомъ. Впрочемъ, и въ будни, нехуже муравьевъ въ муравейникѣ, снуютъ по площади ватаги оборванныхъ жиденятъ, бродятъ писклявыя стада индѣекъ, и безпрестанно грызутся цѣлыя стаи собакъ; только въ дождикъ вся эта компанія жмется на пріизбахъ и подъ разными прикрытіями и навѣсами.

Но самая замѣчательная особенность Зинькова, кажется, состоитъ въ томъ, что и въ будни, и въ праздникъ, и въ дождь, и въ ведро, во всякій часъ, и во всякое время на площади можно увидѣть двухъ ругающихся бабъ: жидовка съ бабусей-крестьянкой, или жидовка съ жидовкой, или бабуся съ бабусей—ужъ непремѣнно ругаются на весь Зиньковъ.

— *Щобъ тоби хвороба! бодай ты спухла! а сто вамъ чортывъ*!—а не то и цѣлыхъ триста,—куранты эти какъ будто такъ и прилажены къ площади Зиньковской.

Кто хочетъ выучится *добре лаяться*, поѣзжай въ Зиньковъ. По крайней мѣрѣ, когда въ первый разъ я въѣзжалъ въ Зиньковъ, двѣ бабы ругались; былъ еще двадцать разъ—всякій разъ

Digitized by Google

ругались; послѣдній разъ уѣзжалъ оттуда—опять-таки ругались, и все какъ будто тѣ-же самыя бабы, ибо все тѣ-же *„трясци, хворобы, чорты* и *пухлятина“* раздавались тамъ на разные лады, то звонко и крикливо, то хрипло и съ привизгомъ, но всегда съ такимъ неутомимымъ усердіемъ, какъ будто бабамъ отпускались за то немаловажные раціоны.

Въ осеннее дождливое утро въ Зиньковъ вступала, на кантониръ-квартиры, батарейная батарея. Всѣ жители мѣстечка, накрывши головы чѣмъ попало, высыпали изъ домовъ своихъ поглядѣть на гостей. Босоногіе мальчишки отчаянно шлепали по грязи, провожая орудія. Батарея пришла сдалека; навѣтренныя лица людей казались выкованными изъ того-же матеріала, какъ и орудія ихъ.

— Добрая стоянка будетъ!—промолвилъ канониръ ѣздовому, когда первое орудіе повернуло на площадь;—вишь, дождикъ какой,—примѣта вѣрная.

— Да и на свадьбѣ будемъ!— отвѣтилъ ѣздовой, улыбаючись, и указывая нагайкой на другую примѣту: двѣ бабы переругивались между собой черезъ площадь.

Онѣ умолкли только на минутку, окинули глазами въѣзжающую батарею и снова принялись переругиваться черезъ пушки, возвысивъ голоса, чтобы переглушить стукъ колесъ, храпъ и топотъ коней.

— *Бодай тоби арматой шію переіхало*! — кричала хмѣльная баба, кланяясь въ тоже время ѣдущимъ на коняхъ офицерамъ.

— *Съ пидъ арматы скажу, що ты пѣчка непотрибная*!— открикивалась, надсѣдаючись, разозленная жидовка и, подбѣжавъ къ офицерамъ, какъ ни въ чемъ не бывало, спрашивала ихъ вкрадчивымъ голосомъ:—*мозе панству треба плутно, хустки, перкали*?—но, не получивъ отвѣта, продолжала доругиваться:—*бодай тоби трясця въ зивотъ*!

— *Штиль, штиль! зей штиль!*—командовалъ жидовкѣ мокрый раввинъ *казенный*, провожавшій вмѣстѣ съ квартирьерами батарею.

— *О се-жъ відьмо безстыжа, пся юха!*—продолжала вопить баба.

— *Тай годи вамъ, Зайчиха, бо худо буде,*—вполголоса пригрозилъ бабѣ сотскій, съ бляхой на груди.

Офицеры смѣялись; солдаты подтрунивали: — а ну еще, бабуси!.. подтяни языки-то; аль пороху не хватило?

*) Смирно. *Прим. ред.*

Digitized by Google

Старикъ бомбардиръ покосился на оборванную ругательницу и отвернулся. Батарея остановилась.

— Вишь, какая веселая площадь! — толковали солдаты.

Квартирьеры повели новыхъ постояльцевъ разставлять по всѣмъ деревнямъ и фольваркамъ Зиньковскаго *ключа*, т. е. волости.

На Станиславовку и дальше, въ деревню Буды, пошло тоже нѣсколько человѣкъ съ фейерверкеромъ. Квартирьеръ и десятникъ сельскій провожали ихъ.

Проходя мимо землянки Зайчихиной, солдаты съ любопытствомъ глядѣли на ребятишекъ, высунувшихъ изъ своей норы головенки.

— А что вы тутъ дѣлаете, поросятки? — мимоходомъ спросилъ одинъ шутникъ; но дѣти молчали и поглядывали удивленно на новыхъ гостей.

Старикъ бомбардиръ, съ двумя медалями, пріостановился, поглядѣлъ на дѣтей.

— Это что за цыганята?—спросилъ онъ десятскаго.

Десятскій засмѣялся и объяснилъ ему всѣ ихъ семейныя обстоятельства. Покачалъ головой старый солдатъ и пошелъ догонять товарищей.

И каждый день почали ходить солдаты мимо землянки Зайчихиной. Сначала ребятишки, завидя *москаля*, сбѣгали съ дороги и прятались въ свою нору, потомъ только пріумолкали и, не сморгнувъ глядѣли на проходящихъ, а скоро совсѣмъ освоились и уже посмѣивались прохожему *москалю*.

Однажды, старикъ бомбардиръ, возвращаясь изъ Зинькова, остановился передъ мальчишками, игравшими на дорогѣ, и вынулъ изъ обшлага своей шинели каждому по баранку. На другой день ребятишки подкараулили его еще издали и бѣгомъ кинулись къ нему навстрѣчу, но шаговъ за пять передъ нимъ остановились, ухмыляючись. Бомбардиръ поздоровался съ шалунами; они ничего не отвѣтили, но пошли за нимъ слѣдомъ и проводили далеко за землянку.

— Ну, а какъ тебя зовутъ? — спросилъ солдатъ старшаго, лѣтъ шести быстроглазаго мальчугана.

— Кого—мене?

— Ну-да, тебя.

— А Пилько.

— Какой Пилько? не врешь-ли, братъ?

— А ни, — отвѣтилъ мальчикъ, поглядывая на братишекъ своихъ; и всѣ разсмѣялись.

Digitized by Google

Раза три въ недѣлю бомбардиръ приходилъ въ Зиньковъ и обратно, мимо землянки, и каждый разъ Зайченята встрѣчали и провожали его. Вчастую заносилъ онъ имъ кой-какія гостинцы: то баранковъ, то хлѣба ломоть порядочный. Дѣти перестали звать его *москалемъ* и даже въ болтовнѣ межъ собой называли *дядько*. Самый меньшой, лѣтъ трехъ пузырь, долѣе другихъ нерѣшавшійся поближе подойдти къ солдату, теперь ужъ кидался къ нему съ разбѣгу и вцѣплялся ручонками въ шинель его. На головѣ Пильки уже лоснилась изношенная артиллерійская фуражка, подарокъ *дядьки*.

Разъ пришлось какъ то бомбардиру возвращаться изъ Зинькова довольно поздно. Было темно; кой-гдѣ по дворамъ свѣтились въ окнахъ огоньки; въ воздухѣ было тихо. За добрую версту отъ землянки послышалъ онъ голоса знакомыхъ мальчишекъ; плачъ и крикъ ихъ сливался съ бранью и восклицаніями женскаго голоса.

Потревожилась добрая душа старика за своихъ маленькихъ пріятелей; онъ прибавилъ шагу и, остановившись у землянки, сталъ вслушиваться.

Сквозь широкую щель припертой двери полоса свѣта играла въ темени длиннымъ, искристымъ лучемъ; кругомъ было тихо.

Отчетливо слышалась вся музыка нетрезвой брани, дѣтскаго всхлипыванья, шлепковъ, щелчковъ, и взвизгъ собаченокъ. Минутъ пять стоялъ солдатъ и не зналъ что тутъ дѣлать; нельзя войдти непрошеннымъ судьей въ семью чужую, да не хотѣлось же ему и пройдти мимо, — вѣдь же тутъ пришлось, какъ видно, плохо маленькимъ друзьямъ его. Плачъ и брань не стихали.

— Тетка, а тетка!—громко крикнулъ солдатъ, стукнувъ въ двери; а самъ еще и не сообразилъ хорошенько, о чемъ бы спросить тетку.

— Тсс!.. нишкни!—прошипѣлъ голосъ въ землянкѣ.

Ребятишки разомъ смокли.

— А що вамъ треба? — спросила Зайчиха, высовывая изъ за дверей свою косматую голову.

Щенки залаяли, но, получивъ по удару ногой, повизгивая, обратились въ бѣгство подъ топчанъ.

— А кого вамъ треба?—спрашивала баба и отворила дверь.

Яркій свѣтъ каганца такъ и облилъ всю внутренность землянки. Солдатъ вытаращилъ глаза, — нечего сказать, важную картинку увидѣлъ онъ передъ собою. Все жилище было въ какую-нибудь квадратную сажень величиной, и аршина въ два

Digitized by Google

вышиной; отъ задней, земляной стѣнки выведена была изъ глины печурка; вдоль правой стѣнки—топчанъ, настланный невообразимыми дерюгами и тряпьемъ; у лѣвой — стоялъ ветхій сундучишко и бодня; на колышкѣ висѣло прорванное рѣшето и плетеный кузовокъ, ввидѣ ранца; два три горшечка, подбитый жбанъ и кадка жались въ углу, на крошечной полкѣ.

Стѣнки этой хоромины когда то были вымазаны, но она, видно, давно потрескалась, почти вся осыпалась, и всюду обнаружился главный матеріалъ постройки: хворостъ, очеретъ, солома, сучья и полѣнья.

Съ перваго взгляда во всемъ этомъ зданіи мало замѣтно было искусства человѣческаго; скорѣе могло показаться, что всѣ на свѣтѣ силы, которыя строятъ и сбиваютъ въ случайный ворохъ разный хламъ, всѣ силы такія приложили тутъ свое старанье. Точно какъ будто и руки людскія, и зубы звѣря, и повѣвы буйнаго вѣтра — все вмѣстѣ сперва наломало, натаскало и намело въ одну безобразную кучу ворохъ всякаго лому, а уже потомъ хмѣльная баба, съ глупенькими ребятишками, *вылежали* себѣ въ ней берлогу, повытаскавъ иныя, мѣшавшія имъ, рогатины и корчевья.

Но, присмотрѣвшись, какъ то пріютно казалось это гнѣздо и при яркомъ огнѣ даже походило на очень богатую и прихотливую игрушку; древесныя вѣтви, темныя какъ чугунъ, прутья вербы, красныя какъ коралловый камень, красиво переплетались съ золотистой соломой и толстымъ очеретомъ; словно выбитые изъ мѣди и позеленѣлые, разные листья свѣшивались съ потолка; а по угламъ разстилалась самой тонкой, точно серебряной работы, узорная паутина; тихо качался въ ней ядреный паукъ, и спина его сверкала переливами самоцвѣтныхъ камней...

На полу, кругомъ миски, дымящейся варенымъ картофелемъ, сидѣли почти голенькіе ребятишки. Всѣ повернули свои любопытныя личики къ дверямъ; у всякаго на щекахъ дрожали и сверкали алмазныя слезинки...

— А що же вамъ отъ насъ треба?—гнѣвно запѣла растрепанная Зайчиха, держась за притолоку.

— Дядько, дядько!—вскрикнули дѣти, вскочили, опрокинули миску и, сопровождаемые лаемъ собаченокъ, съ подъ руки матери опрометью кинулись къ солдату.

— Дядько! — шепталъ маленькій пузырь, задралъ головенку и вытянулъ свои рученки кверху, по шинели солдата.

— Що се таке?—бормотала удивленная баба.

Бомбардиръ молчалъ очень неловко, съ улыбкой довольно

Digitized by Google

глуповатой, оглаживалъ головенки ребятишекъ и еще глупѣе отвѣтилъ:—я, тетка, ничего; такъ себѣ, то есть...

Зайчиха тоже попримолкла и тоже, не-то улыбаючись, не-то съ опаской за дѣтей своихъ, поглядывала на солдата..

— Або вы дороги не знаете?—тихо промолвила она.

— А именно, дороги... — но вдругъ ему стало совѣстно, что ли, врать; онъ махнулъ рукой и сказалъ ужъ напрямикъ:— эхъ, ты, чудакъ-баба! да вѣдь я твоихъ ребятишекъ давно знаю; мы вѣдь, слышь ты, тетка, знакомы съ ними добре!—и пошаривая заботливо за обшлагами шинели, промолвилъ: — экая досадища, а я вамъ и гостинца забылъ притащить! ну, да все равно — вотъ вамъ, хлопцы, на баранки! — солдатъ вынулъ изъ кармана мѣдный пятакъ и вручилъ его самому меньшому пузырю.

— Прощайте, ребята!—повернулся и ушелъ.

Выпрямилась хмѣльная баба, большими глазами взглянула на солдата, и все глядѣла, пока совсѣмъ ушелъ онъ, словно нырнулъ въ темноту. Стала поникать на грудь тяжелая голова ея, сами сложились опущенныя руки, а взглядъ изъ подлобья все еще устремлялся вслѣдъ за ушедшимъ солдатомъ.

Ребятишки вертѣлись передъ каганцемъ и разсматривали пятакъ, перевертывали его и орломъ и рѣшеткой, радостно смѣялись и хлопали въ ладоши, и опять принимались разсматривать всѣ буквины на немъ. А Зайчиха стояла, какъ зачарованная, и долго простоявши такъ, вздохнула, нахмурилась и тихо вернулась въ свою землянку.

— Подывись, мамо,—карбованецъ!—кричали ей дѣти, показывая подарокъ.

— Добре, добре, дітки,—промолвила она и опять было встрепенулась и, рукой отмахнувшись, заворчала на нихъ; но вдругъ смолкла и, пошатываясь, усѣлась на свой топчанъ; еще задумалась на минутку, глянула на дѣтей, на двери, улыбнулась горько— и сунулась лицомъ въ подушку.

Скоро погасъ каганецъ, и всѣ жильцы землянки успокоились въ тишинѣ. Ночь была темная...

Надъ усталой головой бѣдняка, надъ охмѣлѣлымъ беззаботнымъ гулякой, надъ богачемъ сытымъ, надъ арестантомъ заточеннымъ—надъ всѣми летаетъ на своихъ крыльяхъ темный тихій сонъ; — отдыхайте, други. Для трудовъ, для пировъ, для тоски и страданья — для всего нужны свѣжія силы; — спите, укрѣпляйтесь!

Уснула и вдова хмѣльная, но не такъ, какъ бывало,—спитъ, что колода лежитъ, — теперь все ей что-то неладно; поворох-

Digitized by Google

нется, привстанетъ, приглядится въ потьму и прислушивается боязливо, какъ будто кто-то есть тутъ.

Да, нетрезвая баба, есть тутъ невидимка безмолвный; какъ ни озирайся, ничего не увидишь, а онъ тутъ; это—*слѣдъ добраго человѣка*, тотъ чудный слѣдъ, который всякая простая душа увидитъ ясно: въ улыбкѣ дѣтей, въ тихомъ вздохѣ страдальца, въ пробужденномъ стыдѣ и тревогѣ разврата..

Безслѣдно добрые люди не ходятъ.

По прежнему хаживалъ мимо землянки бомбардиръ и все по прежнему ласкалъ, радостно встрѣчавшихъ его, ребятишекъ.

Опять какъ-то засталъ онъ дома Зайчиху. Она сидѣла у своей норы и зачиняла какую-то одежишку.

— Богъ помочь, тетка!

Зайчиха поклонилась и поблагодарила его. Солдатъ остановился, потолковалъ о томъ, о семъ и сдѣлалъ онъ бабѣ такое предложеніе: —а прикомандируйте-ка вы, тетка, ко мнѣ вашего старшаго хлопца, Пилипа; чѣмъ такъ блыкаться, попривыкъ бы онъ къ какому ни на есть порядку; какъ думаете?

Вдова не ожидала такого предложенія; смутилась она и не знала что отвѣтить.

— Або я знаю, добродѣю?.. винъ старшій у мене; на него оставляю я малышей... и сама я не вѣдаю.

Солдатъ подумалъ и сказалъ на это: — правда, меньшаки-то ваши совсѣмъ глупы еще. Ну, такъ пусть хоть приходитъ ко мнѣ; поучимся маленько; не все-жъ съ собаченками возиться.

Вертѣлась баба и озиралась кругомъ себя, словно оброненную иголку искала, и всетаки ни на что не могла рѣшиться;— а дайте старыхъ людей поспрошаты, якъ оны порадуютъ,—отвѣтила помолчавши.

— Ну, добре, спрошайте.

— А денькую вамъ, добродѣю! а якъ же васъ величаты?

— Я—бомбардиръ, Демидъ Андреевъ Спорый. Ну, пока что, прощайте! Надумайтесь, тетка; вѣдь жаль мальчишку!

— Простыте, пане Демиде!

Баба встала, поклонилась и пробормотала вслѣдъ солдату свою благодарность.

Не знаемъ какъ и что „порадили“ Зайчихѣ старые люди, но черезъ недѣлю послѣ этого разговора случилось престранное происшествіе. По дорогѣ къ Станиславовкѣ, изъ Будъ, гдѣ стоялъ Демидъ Спорый, шли двѣ бабуси, весело побалтывая, и вдругъ

Digitized by Google

остановились;—а подывись, ну, Евдоха,—сказала одна другой и показала вдаль пальцемъ.

— Бачу,—отвѣтила Евдоха и замѣтно оробѣла; — да се-жъ самъ дидько!

Обѣ бабуси пристально глядѣли вдаль на дорогу;—бачишь—иде!

— А иде...

Обѣ, въ молчаніи, стояли неподвижно. И вдругъ Евдоха разразилась громкимъ смѣхомъ!—да се-жъ птаха!—крикнула она. Другая плюнула и засмѣялась тоже.

— Дрофа! о то-жъ не пизнала!

По дорогѣ, версты за полторы отъ бабусь, дѣйствительно выступала какая-то очень большая птица. Бабы пошли ей навстрѣчу, толкуя промежъ собой, но вдругъ—опять остановились, приглядѣлись опять, залились самымъ отчаяннымъ смѣхомъ:—а бодай тоби!..—и говорить не могли отъ смѣху, держась за бока. По дорогѣ приближалась къ нимъ совсѣмъ не птица, а вприскочку шелъ и ужасно пылилъ очень странный человѣчекъ: мундиръ на немъ былъ артиллерійскій, и такъ пригнанъ, что нижняя пуговка борта приходилась ему какъ разъ противъ колѣнъ, а фалды хлопали его по голымъ пяткамъ; штанишки на немъ держались что-то неблагонадежно, ибо онъ безпрестанно подергивалъ ихъ; на головѣ лоснилась, какъ жирный блинъ, заношенная, но тоже артиллерійская фуражка. Онъ приподнялъ ее очень серьезно, въ знакъ почтенія, проходящимъ мимо бабусямъ; но невоздержанныя бабуси опять покатились со смѣху, а всетаки поклонились человѣку.

— Добры день, пане Пилипе, пане москалю!

Панъ Пилипъ покраснѣлъ весь, и съ ушами, но продолжалъ путь, нисколько не теряя своей важности.

Ѣхавшій навстрѣчу ему, съ пустымъ возомъ, мальчишка совсѣмъ своротилъ воловъ своихъ съ дороги передъ удивительнымъ пѣшеходомъ и заглядѣлся на него, разинувъ ротъ; волы обрадовались случаю пощипать травы придорожной и повернули такъ круто, что ротозѣй полетѣлъ съ воза черезъ драбину, съ воплемъ—а бодай тебѣ дидько взяу!

Наконецъ и кривой жидъ-кушнеръ изъ Зинькова попался навстрѣчу пану Пилипу, очень учтиво осторонился ему и, растопыривъ пальцы, пробормоталъ удивленно: — ой-вей, якій кавалеръ,—страххх!—Кавалеръ шелъ съ большимъ достоинствомъ, и никуда не поворачивалъ головы, спрятанной по самыя глаза въ воротникъ; но когда онъ подходилъ къ землянкѣ своей и

Digitized by Google

увидѣлъ, что даже родные братишки не узнаютъ его, то онъ весь просіялъ отъ радости и, остановившись, закричалъ:—се-жъ я, хлопцы! я, Пилипъ!

Озадаченные хлопцы и тутъ не вдругъ осмѣлились кинуться къ нему, и, только раза два обошедши кругомъ его, одинъ началъ считать „гузики" на мундирѣ, а другой, самый меньшой, присѣлъ за фалдами и сталъ разглядывать и пробовать, какъ онѣ открываются и закрываются.

Такимъ-то образомъ Пилипъ окончательно поступилъ въ науку къ бомбардиру Демиду Спорому. Уже онъ выучился умываться, причесывать свою подстриженную головенку, а наконецъ, въ одно прекрасное утро, засѣлъ и за букварь.

Около этого времени, разсказывали люди, что батарейный командиръ отдалъ приказаніе фельдфебелю и старшимъ фейерверкерамъ насчетъ покупки въ большомъ количествѣ фуража и толковалъ съ ними о наймѣ луговъ для будущаго года.

— Такъ оно и есть... я говорилъ, что простоять намъ тутъ не меньше какъ два, а можетъ и три года, — сказалъ фельдфебель фейерверкерамъ, при выходѣ отъ командира.

Это самъ Лейзеръ факторъ слышалъ.

Вскорѣ и я уѣзжалъ изъ Подоліи въ Петербургъ. Батарейный командиръ, прощаясь со мной, сказалъ, что ему обѣщано не тревожить батарею съ настоящихъ квартиръ по крайней мѣрѣ два года

А подводчикъ мой, паробокъ станиславовскій, отвозившій меня изъ Зинькова до первой почтовой станціи, всю дорогу очень разумно разсуждалъ со мной о многихъ предметахъ и съ большою похвалою отзывался о новыхъ постояльцахъ „москаляхъ пушечныхъ".

— Ма будь, добрыи люди; два тыжня якъ пришли, а вже бачите: — мни коняку пидковали дармо. у дядьки Трохима на левади крыницю деревомъ обложили, а у едной вдовы голаго хлопця ни за нюхъ табаки окрутыли, да ще и писменности учатъ.

— Это у Зайчихи-то?—спросилъ я.

— Да вже-жъ у Зайчихи.

— Пилипъ, зовется?

— Да вже-жъ Пилипъ.

— Добрые люди.

— Або ни? да вже-жъ добры!

И, наложивши люльку свою, запалилъ ее мой подводчикъ, повернулся ко мнѣ и спросилъ съ хитрой улыбкой:—а скажите

Digitized by Google

мни, пане, чи може дурная голова въ два рика писменности выучиться?

— Да вже-жъ може.

Онъ замолчалъ, улыбнулся, покачалъ головой и погналъ лошадей, присвистывая.

III.

Прошло лѣтъ пятнадцать съ тѣхъ поръ, какъ въ послѣдній разъ я былъ въ Зиньковѣ. Давно позабылъ я и о Зайчихѣ, и о Пилипѣ ея, рѣдко вспоминалъ и Станиславовку.

Лѣтъ тридцать отшагавши да проѣздивши по бѣлому свѣту, увидишь много и хорошаго, и худого, всего не упомнить.

Какъ сонъ блѣднѣютъ и стираются съ памяти лица, происшествія, картины, которымъ дивился когда-то и думалъ, что вѣкъ будешь ихъ помнить. Зато-же есть на свѣтѣ и такія картины, такія положенія людей, что если хоть мелькомъ взглянулъ на нихъ, ужъ никогда ихъ не забудешь. Есть звуки, взгляды, движенія такія, что, какъ выстрѣлъ мѣткій, такъ и засядутъ тебѣ подъ сердце, и ужъ ничемъ не вырвешь ихъ оттуда.

Взгрустнешь иногда безпричинно, забудешься; летятъ въ памяти вольныя думки; и, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, причудится тебѣ, Богъ знаетъ когда, и гдѣ слышанная пѣсня, или привидится давнымъ-давно, встрѣченный мелькомъ и позабытый бѣднякъ,—и отчетливо поется у тебя въ душѣ эта пѣсня, и какъ живой стоитъ передъ тобою этотъ забытый образъ...

Память забыла—но сердце помнитъ...

Не очень давно случилось мнѣ, по дѣламъ службы, побывать на Волыни; тамъ провелъ я все лѣто, разъѣзжая по разнымъ уѣздамъ; осенью надо было вернуться въ Петербургъ. Въ уѣздномъ городкѣ сдѣлалъ я кой-какія покупки на дорогу, почти совсѣмъ уложилъ мои вещи и послалъ за лошадьми на почту. Вдругъ, приспѣшникъ мой, товарищъ дорожный, Силичъ, объявилъ, что многія вещи въ чемоданъ не влѣзли; а дорога предстоитъ дальняя,—приходится купить еще маленькій чемоданъ. Услужливый факторъ-жидокъ, Берко торчавшій съ утра у порога моей комнаты, вызвался духомъ принести чемоданъ и увѣрялъ, что здѣсь есть русская лавка, гдѣ имѣется кожаный товаръ „первѣйшій по цѣлому свѣту“.

Черезъ полчаса лошади были готовы, и „первѣйшій по цѣ-

Digitized by Google

лому свѣту“ чемоданъ набивался чуть что не трамбовкой; но никакія усилія не помогали.

— Какую ты сумку принесъ, лѣшій? — ворчалъ Силичъ еврею;—сюда не влѣзетъ и половина нашихъ вещей!

— Сюда влѣзетъ усе и еще цалавѣка запихать мозно,— безъ всякой совѣсти утверждалъ Берко, кряхтя и потѣя надъ чемоданомъ; а когда увидѣлъ, что чемоданъ ужъ полонъ, а вещей еще не уложено много, то порѣшилъ, что бѣдѣ помочь очень легко—стоитъ только купить еще чемоданъ.

Чтобъ покончить эти покупки, я приказалъ отнести всѣ вещи въ бричку и ѣхать прямо къ лавкѣ,—тамъ удобнѣе было выбрать укладистый чемоданъ. Берко прицѣпился на облучокъ и поѣхалъ съ нами.

Хозяина лавки мы не застали. Прикащикъ, разбитной малый лѣтъ двадцати, сейчасъ-же откомандировалъ за нимъ Берку и просилъ меня подождать. Закуривъ сигару, я сѣлъ у прилавка. Изъ лавки была видна вся городская площадь.

Былъ ярмарочный день. Движеніе на площади безпрестанно увеличивалось. Поселяне подъѣзжали изъ окрестностей съ возами овощей, фруктовъ, сѣна, дровъ и разныхъ хозяйственныхъ запасовъ.

Въ лавкѣ стали тѣсниться покупатели, разглядывали и приторговывали разные товары. Разряженныя молодицы и дѣвушки жадно разсматривали пестрые платки и ситцы; глаза разбѣгались у нихъ; каждый развернутый кусокъ пестрѣлъ новыми узорами, — одинъ хорошъ, другой еще лучше — не знаешь, на чемъ и остановиться. Но красивый и бойкій сидѣлецъ не набивался съ товаромъ и не забаживался, по обычаю всѣхъ своихъ одноремесленниковъ; онъ былъ привѣтливъ, умѣренъ на слова, и хотя не дѣлалъ большой уступки въ назначенной цѣнѣ товара, однако торгъ шелъ у него хорошо. Видно было, что многіе изъ покупателей знали его и довѣрчиво полагались на его совѣты.

— Добре, панычу, добре братику; коли такъ кажете—нехай такъ буде,—слышались слова, и покупщикъ ударялъ съ нимъ по рукамъ.

Прикащикъ для каждаго находилъ ласковое слово.

Мнѣ показалось, что гдѣ-то я его видѣлъ. Быстрые, черные глаза его, сдержанная улыбка, особенно звонкій пѣвучій голосъ— какъ будто были мнѣ знакомы. Но мало ли есть на свѣтѣ глазъ, голосовъ и улыбокъ, похожихъ между собою?

Въ лавку вошелъ солдатъ, приземистый, коренастый, съ здоровымъ толстымъ носомъ, настоящій герой бывшаго „ящика“,

Digitized by Google

средней шеренги. Досталъ онъ изъ за обшлага тавлинку и понюхалъ очень основательно.

— Вѣрно сапожникъ,—подумалось мнѣ.

— А имѣются ли у васъ, господинъ прикащикъ,—спросилъ онъ важно,—самолучшія точальныя шилья, ась?

— Есть, господинъ кавалеръ,—и прикащикъ живо досталъ съ полки пачку шильевъ и развернулъ ее передъ кавалеромъ; самъ, между тѣмъ, занялся съ другими покупателями.

Кавалеръ прочихался, отеръ носъ, протеръ глаза и приступилъ къ выбору точальныхъ шильевъ. Бережно бралъ онъ двумя перстами изъ бумажки шило, подносилъ его противъ свѣта, прищуривалъ лѣвый глазъ, а правый прикрывалъ сверху ладонью, какъ козырькомъ, и помаленьку повертывалъ шило въ пальцахъ.

— Хорошо-съ,—бормоталъ онъ про себя, потомъ, поправивъ шапку на затылокъ, нагибался и внимательно пробовалъ остріе шила на ногтѣ большаго пальца.—Очень хорошо-съ!—и, опять выпрямившись, повѣрялъ шило, повертывая его противъ свѣта; и, наконецъ, поколовъ себя слегка по рукѣ, вздыхалъ, приговаривалъ: — ладно! — и откладывалъ всторону выбранное шило; забракованныя же клалъ обратно, въ пачку.

Кавалеръ производилъ выборъ добрую четверть часа и выбралъ четыре шила.

— А какая цѣна имъ?—спросилъ онъ.

— Съ служиваго не возьмемъ лишку,—по полторы копѣйки штука.

Солдатъ медленно полѣзъ рукой за нагрудникъ и спросилъ, улыбаючись: —не будетъ ли уступки?

— Для походнаго человѣка—извольте, копѣйка сбавляется,—пятакъ за всѣ,—привѣтливо отвѣтилъ прикащикъ.

Зная хорошо цѣну товара, солдатъ вынулъ деньги, положилъ на прилавокъ, снялъ фуражку и поблагодарилъ прикащика.

— Откуда идете?—спросилъ прикащикъ.

— Изъ подъ Одессы, сударь мой.

— Значитъ, черезъ Подольскую губернію?

— Точно такъ.

— Которымъ мѣстомъ прошли?

— А съ Балты взялись полѣвѣе, на Ямполь, Зиньковъ и Проскуровъ...

— Знаемъ-съ; у насъ были,—отвѣтилъ прикащикъ.

Солдатъ подалъ ему руку, и попрощались они очень почтенно.

Digitized by Google

— А изъ самыхъ тонкихъ, изъ аглицкихъ, рантовыхъ шильевъ имѣть не желаете-ли?— спросилъ прикащикъ, пока солдатъ завертывалъ свою покупку.

— Не по карману, сударь, аглицкія: хороши да хрупковаты; для насъ невыгодны, хоть и хороши.

Уже солдатъ спряталъ свои шилья за нагрудникъ и, прощаясь направился къ дверямъ, когда прикащикъ проворно досталъ съ полки другую пачку, развернулъ ее и вынулъ одно, насаженное на черенокъ, и съ мѣднымъ колечкомъ, тонкое рантовое шило и, передавая черезъ прилавокъ служивому, съ пріятной улыбкой сказалъ:—прошу принять-съ.

Солдатъ остановился, взялъ шило, вертѣлъ его въ рукѣ, любуясь имъ, и, прищелкнувъ пальцами, промолвилъ протяжно:—вотъ это такъ ши-ло!..—потомъ положилъ его скорѣй на прилавокъ и сказалъ:—не по капиталамъ-съ!.. прощенія просимъ!—и направился опять къ дверямъ.

— За дружбу примите-съ,—молвилъ вслѣдъ ему прикащикъ.

— Какъ такъ?—и сапожникъ вытаращилъ глаза.

Парень уже завернулъ шило въ бумажку и подалъ ему подарокъ.

— Можетъ-ли быть?—проговорилъ солдатъ;—стало быть у васъ братъ, или самъ отецъ на службѣ?

— Братъ-то ничего,—тихо отвѣтилъ прикащикъ,—а есть на свѣтѣ солдатъ, которому я поклонился бы въ ноги; да Господь его знаетъ, гдѣ онъ теперь обращается,—ну, такъ хоть товарищу его радъ служить чѣмъ могу.

— Вотъ оказія-то!—бормоталъ обрадованный усачъ.—Всепокорнѣйше благодаримъ васъ!

Покупатели, толпившіеся въ лавкѣ, поглядывали то на солдата, то на прикащика.

— О се-жъ добру душу далъ Богъ человіку!—пропѣла одна бабенка.

Въ эту минуту на порогѣ показался осанистый казакъ и громко привѣтствовалъ:—пане Пилипе, якъ можете?

— А, господинъ старшина, просимъ милости! — отвѣчалъ прикащикъ.

Я взглянулъ на прикащика,—и точно такъ, какъ иногда, проснувшись, вспоминаютъ позабытый сонъ, такъ вспомнилъ я землянку Зайчихи и вдругъ увидѣлъ въ лицѣ прикащика знакомыя, чуть сохранившіяся, дѣтскія черты, черные умные глаза и улыбку мальчишки Пилипа...

— Заяцъ!—крикнулъ я невольно.

Digitized by Google

Прикащикъ быстро обернулся ко мнѣ.

— Изъ Станиславовки?—спросилъ я его.

Онъ весь вспыхнулъ, вглядѣлся въ меня и, протянувъ ко мнѣ обѣ руки, заговорилъ радостно:—ахъ, Господи! я-же васъ, ей Богу, помню!.. это вы сами! Вы-же знали Демида Андреича, знали мать мою... землянку нашу!..—голосъ его дрогнулъ, глаза подернулись слезой...

Въ лавку вошелъ хозяинъ съ Беркой; онъ сейчасъ-же велѣлъ прикащику сбѣгать въ кладовую и принести нѣсколько чемодановъ; Филиппъ ушелъ съ солдатомъ, повторяющимъ свою благодарность. Старшина усѣлся, пыхтя и жалуясь на жару.

Я спросилъ хозяина о Филиппѣ,—какъ онъ попалъ къ нему въ сидѣльцы?

— Онъ, сударь мой,—разсказывалъ мнѣ хозяинъ,—сирота, но парнишка добрый, проворный да и насчетъ грамоты — собачку скушалъ. Въ торговлѣ, сами знаете, грамота—фундаментъ; все стоитъ на разсчетѣ.

— Ну, а мы, признаться по совѣсти, сами-то не изъ бойкихъ; книжку печати, еще туда-сюда, прочтемъ; ну, а ужъ скоропись—не про насъ писано; неразбираемъ-съ, крючковато дѣло выходитъ... а онъ мальчишка-то—дока!...

— Не разсказывалъ-ли онъ вамъ, кто его выучилъ грамотѣ?—спросилъ я.

— Какъ не разсказывалъ!—все знаемъ-съ, все сиротство и нищенство его. Солдатъ добрый человѣкъ,—говоритъ,—на гулянкахъ выучилъ;—вотъ, и пошелъ парень въ люди.

Хозяинъ расхваливалъ старательность и поведеніе Филиппа, превозносилъ его честность; но, видно правда, что и въ солнцѣ пятна есть,—нашлась одна фальшь и въ Филиппѣ.

— Грѣхъ сказать про него худое слово, а закорючинка есть,—продолжалъ рѣчистый хозяинъ;—строгъ онъ въ разсчетѣ съ каждымъ покупателемъ, ну, а супротивъ солдатиковъ-служивыхъ—все единственно какъ дѣвушка передъ любезнымъ, слабъ, хоть разбери его. Оно извѣстно, Богъ съ нимъ, человѣкъ благодарность на душѣ содержитъ и послабленіе всякое имѣетъ; подметки, табачокъ, иглу — солдату продастъ, что даромъ отдастъ,—себѣ дороже, ей-Богу!.. Да это намъ нипочемъ, не разоритъ-съ... Главное для коммерціи—честность и грамотность;—ну, этакихъ людей мы для себя, для семьи своей бережемъ-съ.

Филиппъ, тѣмъ часомъ, принесъ нѣсколько чемодановъ. Выбравъ удобнѣйшій, Силичъ принялся укладывать въ него вещи; а мы съ Филиппомъ давай припоминать старину.

Digitized by Google

Онъ разсказалъ мнѣ, какъ полюбилъ его добрый бомбардиръ Демидъ Андреичъ,—одѣлъ, обулъ и училъ грамотѣ. Два года, до самаго выступленія батареии зъ Зинькова, Филиппъ былъ при немъ.

— И не хотѣлось мнѣ отставать отъ него,—продолжалъ парень, вздохнувши,—на край свѣта пошелъ бы за нимъ, да что будешь дѣлать?—ушелъ въ походъ, и, сколько лѣтъ прошло,—писалъ, людей распрашивалъ,—а никакого свѣдѣнія о немъ не имѣю За одну вѣсточку Богъ вѣсть что далъ-бы!

О матери сказалъ Филиппъ, что она совсѣмъ одряхлѣла и проживаетъ у одного добродушнаго казака. Одинъ братъ пропалъ безъ вѣсти, а другой, прошлаго года, пошелъ „подъ красную шапку“.

Я спросилъ, помогаетъ-ли онъ матери?

— Какъ-же можно-съ; безъ этого и мнѣ не было бы благословенія.

Обнялъ я Филиппа, распрощался съ нимъ, и съ хозяиномъ, сѣлъ въ повозку; кони тронулись.

Пришлось пробираться черезъ всю площадь въ такой тѣснотѣ, что мы подвигались шагъ за шагомъ.

— На-бокъ, стерегись! а бодай вамъ триста чортывъ!—кричалъ во все горло мой ямщикъ и держалъ лошадей, чтобы звонокъ, привязанный подъ дышломъ, бренчалъ сильнѣе.

Но голоса перекупокъ, крикъ, на всѣвозможные лады, евреевъ и евреекъ, заглушали и звонокъ, и вопли моего возницы. Ярмарка была въ самомъ разгарѣ, и по площади народъ, какъ говорится, ключемъ кипѣлъ.

На военный глазъ вся эта пестрая кутерьма была очень похожа, если и не на дѣйствительное сраженіе, то, по крайней мѣрѣ, напоминала удачные и обширные маневры.

Черезъ всю площадь тянулись въ одну линію горы арбузовъ, дынь, тыквъ, пригорки сливъ, грушъ, яблокъ; вѣнки цыбули и турецкаго перцу; а за этой линіей, какъ крѣпостныя стѣны за передовыми укрѣпленіями, стояли возы сѣна, соломы, гороховины. Перекупки кричали, ребятишки плакали, или играли на возахъ и подъ возами; волы жмурились своими слезливыми глазами и жевали жвачку.

Съ противуположной стороны гончары раскинули цѣлый лагерь своего производства; въ боевомъ порядкѣ стояли густыя колонны горшковъ; какъ орудія и мортиры, блестѣли на солнцѣ поливаныя макитры и миски; а фронтъ высокихъ, расписанныхъ кувшинчиковъ пестрѣлся, точно кавалерійское прикрытіе. Въ

Digitized by Google

резервахъ — бочки дегтю, возы съ поросятами, гусятами, телятами; и на флангѣ—еврей съ висѣлицей, увѣшанной цѣлой сотней шапокъ, отъ крошечной мурмолки, до казацкой бараньей шапки, въ которую навѣрно влѣзъ бы четверикъ гороху.

Сраженіе закипало. Прилетѣлъ цыганъ, на брыкающейся клячѣ, и пошелъ вертѣться промежъ возовъ и людей. Его гнали, ругали, освистывали. Все, что имѣло горло, кричало; возы скрипѣли; бичи хлопали. Перекупки заливались тоненькими голосами:—купите, ой, паночку!.. а-хъ, купите.

— Лейзеръ, Борухъ, Рохля, Сора, герсъ-ду, Лейба! — какъ штуцерная перепалка стрекотали евреи.

— А бодай ты сдохъ! — раздавался могучій басъ, какъ выстрѣлъ орудія.

Вдали щелкнулъ бичъ, и панская коляска, запряженная цугомъ, четверней, колыхалась надъ толпой, какъ корабль по волнамъ.

— Ну, и дай за *факторжу!*—пищалъ жидъ усатому хохлу,—бо я съ тебя шапку сниму!

— А чи бачіу ты о се!—крикнулъ усачъ, и передъ носомъ жида торчалъ такой жилистый кулакъ, какихъ на всей ярмаркѣ только пара, вѣроятно, и была.

— Пли!—скомандовалъ солдатъ, съ удовольствіемъ поглядывая на благонадежный кулакъ,—жидъ юркнулъ въ толпу.

— На-бокъ, берегись!—кричалъ мой ямщикъ.

— Все напрасно; мы чуть подвигались.

— А стой, не задави!—раздались голоса.

Пестрая толпа молодицъ, дивчинъ и дѣтей окружала слѣпаго лирника. Заунывно гудѣла его лира, и рѣзкимъ голосомъ пѣлъ слѣпецъ про мудрость царя Соломона.

— А видчепись-бо! — раздался пронзительный, серебристый крикъ въ толпѣ;—вся въ монистахъ и барвинкахъ, сама свѣжая, какъ барвиночка, нахмурила дивчина тонкія черныя брови и оттолкнула наотмашь какого-то приказнаго франта.

— О се-жъ німецъ — шкляны пышки! — раздался дружный хохотъ.

Гдѣ-то, вдали, разсыпалась и зазвенѣла цѣлая гора стеклянной посуды; ревъ, гамъ, визгъ несся оттуда и сливался въ одно завыванье съ общимъ ярмарочнымъ шумомъ.

„Ой сердце Семене,
„Ходи сядь коло мене—
„И ныжинки пидыгни!“...

Digitized by Google

выпѣвалъ во все горло, подъ звуки жидовскихъ гуслей, веселый цыганъ, въ огромныхъ чоботахъ, и, закинувши назадъ голову, выплясывалъ „голубця“, среди кружка жинокъ, паробковъ растрепанныхъ цыганятъ и цыганокъ.

„Я-жъ тебе поцѣлую,
„А ты мене обними!..
„Гопъ, гопъ, гопъ!“...

вопили цыгане, хлопая въ ладоши.

— О се опшареный! — и хохотъ толпы покрывалъ на мигъ крикливую пѣсню и дребезжащую музыку гуслей...

Насилу выбрались мы изъ этого омута.

Постромки пристяжныхъ волочились, оборванныя въ тѣснотѣ; ямщикъ слѣзъ съ козелъ, чтобы поправить ихъ. Я привсталъ въ бричкѣ, обернулся и глянулъ на полную народомъ площадь. Все кипѣло, какъ въ котлѣ;— какихъ-то цвѣтовъ и переливовъ тутъ не было! Отъ движенія, блеску, и треску рябило въ глазахъ и гудѣло въ ушахъ. Обданная свѣтомъ солнца, вся площадь колыхалась и роптала, словно морскими волнами.

Я кинулъ прощальный взглядъ... Невдалекѣ отъ меня, въ тѣни высокаго дома, столпились въ отдѣльный кружокъ нѣсколько солдатъ, поселянъ и евреевъ; посреди кружка стоялъ знакомый кавалеръ-сапожникъ и, развертывая какую-то бумажку, громко досказывалъ свою повѣсть: —...и за такую добродѣтель мальчишка сталъ нашему брату другъ и одарилъ меня, сударь ты мой...

— Ну, ну, показывай!—кричали ему.

— Вотъ оно! — сапожникъ высоко поднялъ руку и двумя пальцами держалъ надъ головами толпы... шило.

Солнечный лучъ скользнулъ по острому кончику стали и заигралъ на немъ горячей искрой... Всѣ задрали головы, смотрѣли на шило.

— Шило, какъ шило, — промолвилъ голосъ; — есть чему дивиться!

— А дорого заплачено?—спросилъ другой голосъ.

— За любовь дано!—покрикивалъ солдатъ;—вещь безцѣнная!

— Ой-ли?

Толпа расходилась.

— А шило—таки доброе,—сказалъ кто-то.

Ямщикъ мой свиснулъ; колокольчикъ зазвенѣлъ; мы поѣхали рысцой.

Издали доносился ропотъ ярмарки,—и громкій возгласъ кавалера:—вотъ оно—всѣмъ шильямъ шило!..

Digitized by Google

АНЧУТКА БЕЗПЯТЫЙ.

Древняя сказка.

Въ незапамятные годы, въ далекой иностранной землѣ, жилъ-былъ мужичокъ-бобыль Фарафонъ, нравомъ смирный, а судьбой безталанный.

Безъ большой надобности, а съ великой скуки, взялъ онъ себѣ въ женки бабу, изъ приселка на битой дорогѣ, въ кружалѣ, цѣловальницу, вдову Красоулю, Облаеву дочку.

Про вдову Красоулю, Облаеву дочку, въ людяхъ ходила слава, что она кликуша, спорчена отчасти. Другіе болтали, что вся она—цѣлая вѣдьма Были и такіе, что подглядѣли у нея хвостикъ; гдѣ и какъ—не сказали, а только видали; стало быть — баба вѣдьма.

По недолгомъ сожительствѣ, оказалася оная баба, Красоуля, мужу Фарафону во всемъ супротивна и ни въ чемъ непослушна: онъ зоветъ ее горохъ молотить, а она идетъ воду носить, онъ зоветъ сѣно грести, а ей надо избу мести, онъ сядетъ за столъ, а она—шмыгъ за двери; онъ говоритъ: — лѣшій тебя на мою шею наслалъ!—а она говоритъ:—ты самъ меня взялъ!

И ни въ чемъ у нихъ не было согласья, а все шло врозь да впоперегъ.

Живутъ они годъ, живутъ другой. Фарафонъ терпитъ да крѣпится; и стало ему невмоготу, ибо баба что день, то пуще ерпится.

И задумалъ Фарафонъ неладное дѣло; а самъ молчитъ, ничего не говоритъ, случая ждетъ,—время-де придетъ.

На самую Авдотью-мокрую, когда талая земля на сажень въ соку, а на трясинахъ дно насквозь размыто, чуть-свѣтокъ собирается Фарафонъ на работу, въ болото, и приказываетъ женѣ:—я иду на болото, а ты дома сиди, со мной нейди.

— А вотъ же пойду!—говоритъ супротивная баба.

Digitized by Google

— Ну, хорошо, иди, только мѣшка съ собой не бери.

— А вотъ же возьму!

— Ну, хорошо, возьми, только камней въ мѣшокъ не клади.

— А вотъ же положу!

— Ну, хорошо, клади, только съ мѣшкомъ по трясинѣ не скачи.

— А вотъ же буду скакать!

— Ну, такъ что жъ съ тобой и толковать.

— А вотъ же и толкуй!

Махнулъ Фарафонъ рукой, пошелъ; идетъ за нимъ и баба,— мѣшокъ съ камнями за плечами.

Пришли они на болото, перебрались по кочкамъ на самую трясину.

— Гляди же, стой смирно, не скачи, баба!—кричитъ Фарафонъ.

— А вотъ же скакону!

Скаконула баба—провалилась кочка, и только вода заурчала, — такъ и ушла баба въ бездонное болото, съ мѣшкомъ своимъ.

Поглядѣлъ Фарафонъ привѣтно на мѣсто, куда жена провалилась; а на томъ мѣстѣ только пузырьки похлопываютъ.

— Вотъ оно што, — сказалъ Фарафонъ и, прикинувшись скучнымъ, пошелъ домой.

И живетъ Фарафонъ самъ одинъ; живетъ день, другой,— недѣля прошла. Въ избѣ у него тихо, а и въ правду стало скучно. Говорится въ людяхъ—„вмѣстѣ тѣсно, а врозь тошно“;— запечалился Фарафонъ по бабѣ сухой печалью; зѣваетъ, вздыхаетъ и приговариваетъ:—а что теперь станешь дѣлать?

И на Никиту-сухменника опять собирается Фарафонъ въ лѣсъ; заткнулъ за поясъ топоръ да веревку. Идетъ и размышляетъ:—дай, зайду на болото; поглядѣть хоть то мѣсто, гдѣ баба моя провалилась.

Пришелъ, глядитъ и въ затылкѣ почесываетъ; — вотъ, гдѣ она провалилась!

И вдругъ, слышитъ Фарафонъ — подъ землей кто-то вопитъ. Прилегъ онъ кочкѣ ухомъ и прислушивается.

— Спасите! караулъ! вытащите! — кричитъ тонкой голосъ подъ трясиною;—мочушки моей нѣтъ! спасите, добрые люди!

И стало Фарафону и страшно, и жалко, и очень любопытно. Стоитъ онъ на кочкѣ колѣнами; направо поглядѣлъ, налѣво поглядѣлъ, наверхъ глянулъ — ни откуда совѣту нѣтъ; а съ подъ

Digitized by Google

трясины вопитъ голосъ:—спасите, сдѣлайте же милость всякую!— и пузырьки хлопаютъ по водѣ болотной.

Еще поглядѣлъ Фарафонъ, еще подумалъ, вздохнулъ и махнулъ рукою,—а, что будетъ, то будетъ! — сердце не каменное, душа не деревянная,—и, привязавши къ концу веревки топоръ, опустилъ его въ трясину.

— Тяни! завизжалъ изъ болота голосъ.

Потянулъ Фарафонъ, а самъ тянетъ да задумывается:—ой, не пустить-ли?—и опять тянетъ, — поглядѣть на бабу хочется. И опять призадумывается:—ой, не пустить? — да топора стало жаль, и опять тянетъ. И только что хотѣлъ еще подумать маленько, а передъ нимъ... хлопъ! — какъ пробка изъ бутылки, щелкнуло—и передъ самымъ носомъ его, съ рожками и съ хвостикомъ, плюгавенькой чертенокъ сидитъ на корточкахъ и дрожитъ какъ осина.

— Тьфу! наше мѣсто свято! что тебѣ надо?—крикнулъ въ ужасѣ Фарафонъ.

— Ахъ, спасибо тебѣ, отецъ благодѣтель!—запищалъ чертенокъ; — охъ, дяденька, спасибо великое! а я чуть живъ, чуть живъ; всѣ мои косточки переломаны! — и чертенокъ заплакалъ.

Фарафонъ насилу опомнился и сталъ пристально разглядывать плачущаго бѣса. Въ самомъ дѣлѣ, бѣдняга былъ жалости подобенъ: шерсть повыскубана клочьями, глазъ подбитъ, одинъ рожекъ переломанъ, и, когда онъ отворялъ ротъ, то видно было, что недоставало тамъ нѣсколькихъ зубовъ. Очень походилъ онъ на выброшенную за заборъ, растрепанную собаками и переѣханную колесомъ, кошку. Онъ плакалъ; изъ красныхъ глазъ его капали черныя чернила.

— Ахъ, ты, бѣдный, собачій сынъ! — промолвилъ сожалительно Фарафонъ.

— Да, вотъ еще и хвоста какой кусокъ урвала! — жаловался чертенокъ и шевельнулъ обрывышемъ хвоста.—Это въ тысячу лѣтъ не отростетъ; а безъ этого мнѣ и къ *своимъ* нельзя показаться,—и чертенокъ въ три ручья заплакалъ; а ручьи были всѣ тѣ-же чернила, или сапожная вакса.

— Кто-жъ это тебя, щенокъ ты бѣдный, оболванилъ такъ? за что, сдѣлай милость, скажи?

Чертенокъ и лапкой махнулъ, отъ рыданія не могъ собраться съ голосомъ.

— Я ужъ тебѣ, дяденька все разскажу; дай выплакаться.

— Плачь, чортъ те побери!.. такъ и быть, я подожду,— ласково сказалъ Фарафонъ.

Digitized by Google

Чертенокъ сидѣлъ на зеленой кочкѣ и плакалъ въ воду. Отъ каждой его слезинки вскипала вода, какъ отъ свинца растопленнаго, пускала дымокъ сизый и окрашивалась совсѣмъ грязнымъ цвѣтомъ. Кругомъ воняло сѣрой и давно сдохшей собакой. А въ водѣ начали нарождаться и копошиться головастики, черви и всякая дрянь.

Фарафонъ опять струсилъ.

— Не стукнуть ли его обухомъ въ темя? — подумалъ Фарафонъ; и становилось ему очень страшно.

А чортъ все плачетъ.

— Скоро ли выплачешься?—робко спросилъ Фарафонъ.

— А вотъ сейчасъ, — пропищалъ бѣсъ и фыркнулъ какъ кошка;—точно ведро помой плеснуло въ воду,—и закишали тамъ голые черви, змѣенки, пауки и клопы водяные, а по кочкѣ расползались долгоногіе кораморы. — Послѣднюю тоску сплаконулъ! — сказалъ чертенокъ и повеселѣлъ замѣтно. — Теперь слушай, добрый дяденька; я тебѣ все разскажу, какъ отцу родному!

— Тьфу!—Фарафонъ плюнулъ; но чортъ не обидѣлся и началъ разсказъ..

— Я—*Анчутка-безпятый*. Погляди,—и чортъ показалъ свою безпятую козлиную ножку—(дѣйствительно не было пятки);—въ чортовомъ родѣ я не изъ послѣднихъ; по вашему—фигура значительная. Это болото — мое родовое имѣнье, и я жилъ здѣсь тысячу триста лѣтъ, безъ всякой печали. Жабы, лягушки, конскія піявки ходили у меня по оброку; головастики, водяные клопы и пауки исправляли барщину; черепахи завѣдывали кухней, а водяныя ящерицы откармливали къ столу червяковъ и улитокъ. Музыкантъ пугачъ арендовалъ самую середку моей трясины; и семьдесятъ семь цаплей, на моемъ иждивеніи, присматривали за всѣмъ имѣньемъ. Мнѣ было очень хорошо. Бывало, намаявшись за-день въ глубинѣ болота, вечеркомъ, подымешься кверху, заляжешь себѣ въ самой кислятинѣ перепрѣлаго мха и, пошлепывая хвостомъ, слушаешь музыкантовъ; лучше моихъ жабъ на тысячу верстъ кругомъ пѣсельниковъ нѣтъ. Вѣдь ты, дяденька, самъ слышалъ?

— Какъ не слыхать,—промолвилъ Фарафонъ.

— И было все прекрасно. Я уже намѣревался жениться на рыжей вѣдьмѣ, проживающй въ сосѣднемъ яру, на бурьянѣ, подъ гнилой колодой буреломной осины. Вѣдьма — первая красавица на Лысой горѣ изъ всѣхъ труболетокъ, играетъ на сковородѣ и тянетъ второй голосъ въ пѣснѣ *абракадабръ*, въ осен-

Digitized by Google

ній шабашъ, на воробьиную ночь. Все шло очень хорошо. Вдругъ—провалилась прямо въ мой дворецъ баба съ того свѣта, то есть съ этого, гдѣ мы теперь. Я былъ очень радъ,—милости просимъ!—Баба изъ себя вотъ какая...

— Знаю, — сказалъ Фарафонъ и махнулъ рукою; — говори дальше.

— Вотъ, хорошо-съ... Баба сначала оробѣла, потомъ заплакала, потомъ осовѣла. Я сталъ ее утѣшать, а она фыркнула кошкой,—и пошла потѣха. Дальше я распространяться не стану, а скажу коротко:—въ одну недѣлю избила, изщипала, исцарапала меня такъ, что, какъ у васъ говорится, всѣмъ чертямъ тошно, — переломила рогъ, выбила шесть зубовъ, обломала копыто, а вчера откусила, страшно сказать—хвостъ.

Чортъ опять заплакалъ.

— Вишь, о чемъ нашелъ плакать! — промолвилъ Фарафонъ.

— Да, вамъ хорошо, что у васъ нѣтъ хвостовъ, — продолжалъ бѣсъ слезно,—вы ничего и не знаете; а у насъ вся сила въ хвостѣ; безъ хвоста; я все равно, что не чортъ, лишенъ силы для большихъ пакостей и считаюсь не старше лѣшаго между чертей. Рогъ у меня выростетъ во сто лѣтъ, зубы — въ пятьдесятъ, копыто заживетъ на-дняхъ, а хвостъ ростетъ по вершку въ семьсотъ лѣтъ;—ну, теперь и разсчитывай.

— Да—а! — сказалъ Фарафонъ, безъ ариѳметики и не разсчитаешь.

— Ну, то-то и есть!.. а кто-же ее знаетъ на свѣтѣ?

Однако поблагодарилъ чортъ Фарафона за избавленіе отъ лихой бабы и сталъ прощаться съ нимъ.

— Теперь я долженъ маяться по свѣту, пока отростетъ хвостъ. Прощай, добрый человѣкъ! За твою великую милость, я отслужу тебѣ *три* службы. Когда тебѣ понадобится сдѣлать большое дѣло, то ты только перекувырнись и скажи сіи три слова:—(Анчутка шепнулъ Фарафону три неизвѣстныя слова),— но четвертой службы отъ меня не требуй;—а если потребуешь, то будетъ тебѣ, мой отецъ, худой конецъ. Прощай!

Свиснулъ вѣтеръ; по болоту зарябило воду; заквакали жабы. Фарафонъ оглянулся — никого нѣтъ, только улетала отъ него вдаль долгоносая цапля.

Въ воздухѣ похолодѣло.

А Анчутки-безпятаго—какъ не бывало.

— Тьфу ты, бѣсъ! да не сонъ ли это?—подумалъ Фарафонъ и пошелъ.

Въ самомъ дѣлѣ, все это было похоже на худой сонъ.

Digitized by Google

Фарафонъ живетъ-поживаетъ, зѣваетъ да скучаетъ. Въ избѣ у него паукъ съ тараканомъ разсуждаютъ: — какъ бы зима не пришла бы.—На огородѣ крапива съ дурманомъ шепчутся тайно, что не боятся хозяина; но бѣда, если могла бы изъ болота вернуться баба. Подъ стрѣхой идетъ писк и воробьиные вопли, что по сю пору не всходятъ конопли. Хозяинъ встаетъ поздно, ложится рано и провожаетъ житіе безталанно. Только сорока-бѣлобока сидитъ передъ хатой, на частоколѣ рогатомъ, и все одно стрекочетъ:—быть тебѣ богатымъ!

А люди ужъ поговариваютъ:—куда дѣвалась Облаева дочка, вдова Красоуля, жена Фарафона?.. пропала, какъ сквозь земь провалилась. Фарафонъ, должно быть, что-нибудь знаетъ, ибо молчитъ.—А Фарафонъ молчитъ, ибо все знаетъ.

Время идетъ и проходитъ.

Вдругъ, пронеслась молва, что у перваго богатея на селѣ Кривомъ, Кулака-Обиралы, жена взбѣсилась. Бѣсъ вселился въ бабу, завѣряли люди; сидѣла, ѣла, икнула, чорта вспомянула—а онъ тутъ и есть! И пошла поголоска, что Кулакъ-Обирала тому, кто вылечитъ его бабу, даетъ мѣрку серебра и разнаго добра,—кой-что изъ ветоши.

Приходили знахари, наѣзжали волхвы,—лечили бабу: распаривали, ошпаривали, растирали, притирали, вѣки выворачивали, ноги за шею заворачивали, дули, плевали, шептали, на ножѣ крутили рѣшето,—все выходитъ не то... Ну, и признались, что дѣло таково, что нельзя сдѣлать ничего!

А баба лѣзетъ на стѣну, поетъ совой, бьется объ уголъ головой,—хозяинъ хоть волкомъ вой!

И вотъ, прослышалъ Кулакъ-Обирало, что живетъ невдалекѣ мужичокъ Фарафонъ, человѣкъ смирный, и странный, и притомъ совсѣмъ безталанный. Шлетъ кулакъ къ Фарафону гонца. Привезъ гонецъ Фарафона. Кулакъ-Обирала бьетъ ему челомъ:—слышалъ я,—говоритъ,—что ты человѣкъ смиренный, и странный и притомъ совсѣмъ безталанный; а въ писаніи сказано, одно мѣсто, что черти такихъ боятся. Сдѣлай милость, полечи мою бабу! Выгонишь изъ нея бѣса—получишь мѣрку серебра и разнаго добра,—кой что изъ ветоши.

Ничего не сказалъ Фарафонъ, а велѣлъ привести оную бабу, и всѣхъ выслалъ вонъ; шепнулъ бабѣ въ ухо три неизвѣстныя слова, перекувырнулся и сказалъ:—готово!—Взвизгнуло-пискнуло въ избѣ, въ печи загудѣло, труба лопнула и разсыпалась; а съ надворья, видѣли люди, какъ нетопырь вылетѣлъ изъ трубы и улетѣлъ за село, въ осинникъ.

Digitized by Google

Баба уснула и, скоро проснувшись въ полномъ умѣ, объявила, что ей теперь очень хорошо, только темно. А что голова побаливаетъ, такъ, видно, потому, что стѣны да углы покрѣпче черепа; а впрочемъ все благополучно.

Получилъ Фарафонъ мѣрку серебра и разнаго добра,—кой что изъ ветоши,—отправился домой и зажилъ припѣваючи.

А сорока-бѣлобока, сидя на частоколѣ рогатомъ, стрекочетъ все свое:—быть тебѣ очень богатымъ!

Фарафонъ живетъ, всѣмъ на зависть, отлично. Люди говорятъ:—Фарафонь чорта знаетъ;—а Фарафонъ молчитъ, ибо его знаетъ.

Время идетъ и проходитъ.

Вдругъ, пронеслась молва, что въ сосѣднемъ посадѣ, у гильдейскаго купца Лупы-Долгокарманнаго жена взбѣсилась. Лѣзетъ баба на стѣну, поетъ совой, бьется объ уголъ головой,—хозяинъ хоть волкомъ вой. По совѣту людей, купецъ Лупа Долгокарманный посылаетъ гонца прямо за Фарафономъ.

Пріѣзжаетъ Фарафонъ. Молится ему купецъ тѣмъ же порядкомъ:—ты-де человѣкъ смиренный, и странный, и притомъ совсѣмъ безталанный,—а такихъ черти боятся,—вылечи мою бабу; за то тебѣ дамъ полъ корабля дорогихъ товаровъ.

Фарафонъ ничего не сказалъ и, прежнимъ порядкомъ, потребовалъ бабу, шепнулъ ей на ухо три неизвѣстныя слова, перекувырнулся и сказалъ:—готово!

И таки тѣмъ же порядкомъ бѣсъ улетѣлъ въ трубу; труба лопнула, баба заснула; а Фарафонъ получилъ полъ корабля дорогихъ товаровъ. Товары все иностранные: ворсистые, съ одной стороны совсѣмъ чистые, клеймомъ припечатаны и всѣ дырки залатаны. А цѣна имъ—сто тысячъ фальшивыми ассигнаціями.

Фарафонъ зажилъ еще шире. Всего у него вдоволь: кумачу—не хочу, китайки—не надо!.. все шелкъ да плисъ и веницейской бархатъ. На столѣ пироги, осетрина; заморскія вина и кислыщи рвутъ пробки.

А сорока по частоколу скачетъ и стрекочетъ тѣмъ паче: —быть тебѣ еще богаче!

Люди завидуютъ, а всетаки ему съ поклономъ шапочки снимаютъ; Фарафонъ на поклонъ только головой киваетъ.

И вдругъ, пронеслась молва, что у самаго воеводы жена ошалѣла. И все тѣмъ же порядкомъ послалъ гонца воевода по Фарафона. Молитъ его воевода:—вылечи мою бабу,—дамъ тебѣ за то цѣлую волость, съ полями, съ озеромъ и лѣсомъ,—только развяжи меня съ бѣсомъ!

Digitized by Google

Заперся Фарафонъ съ воеводиной бабой, шепнулъ ей въ ухо три неизвѣстныя слова, перекувырнулся и сказалъ: — готово! — Чортъ улетѣлъ въ трубу, а баба—здорова.

Развязавши воеводу съ бѣсомъ, получилъ Фарафонъ волость, съ полями, озеромъ и лѣсомъ.

Зажилъ Фарафонъ такъ сыто и знаменито, что на тысячу верстъ налѣво и направо прошла его слава.

А сорока ему все одно стрекочетъ:—богатъ ты, Фарафонъ; одначе—быть тебѣ еще богаче!

И народъ Фарафона прославляетъ; а онъ и вниманія не обращаетъ, и только удивляется, что сорока завирается, ибо это третья и послѣдняя Анчуткина служба.

Проходятъ дни, недѣли, мѣсяцы; люди живутъ, бабы не бѣсятся. Фарафонъ очень доволенъ,—отъ всѣхъ дѣлъ съ чортомъ уволенъ.

Вдругъ, по всему королевству прошеслась удивительная вѣсть, яко-бы въ королевскую дочь, красавицу, чудо изъ чудесъ, влѣзъ нѣкій бѣсъ.

По всѣмъ городамъ звонятъ въ колокола, стучатъ въ барабаны, на площадяхъ указъ читаютъ, о королевнѣ прекрасной народъ повѣщаютъ, мудрецовъ, чародѣевъ, знахарей и ученыхъ людей призываютъ. И сказано въ одномъ указѣ:—кто вылечитъ королевну посредствомъ слова, дѣла, или хорошей мази, тотъ,—да знаютъ народы,—будетъ пожалованъ въ воеводы, и, къ тому же—будетъ нарѣченъ ея мужемъ. А въ приданое королевнѣ назначены многія деревни, и при нихъ безъ числа угодій. Вылечи хоть мужикъ—будетъ воеводой!

Со всѣхъ концовъ королевства собираются въ столицу разныя ученыя и мудрыя лица. Спорятъ, разсуждаютъ и держатъ совѣтъ; кто говоритъ:—да,—кто говоритъ:—нѣтъ. Пишутъ протоколы, мнѣнія сводятъ; однако, ничего не выходитъ. Чернокнижники и мудрецы смотрятъ на звѣзды и въ морскія бездны, взираютъ зодіаки, чертятъ тайные знаки, читаютъ книги древни;—бѣсъ сидитъ въ королевнѣ.

Проходитъ одинъ день,—выходитъ у мудрецовъ все та-же дребедень; прошла и еще ночь,—иныхъ велѣно прогнать прочь; многихъ, за разсужденіе руками и за распущеніе глотки, повелѣно засадить въ колодки. Словомъ, дѣло приняло такой оборотъ, что кто что ни скажетъ, то совретъ. Весь совѣтъ погруженъ во мракъ ужасный... А чортъ сидитъ въ королевнѣ прекрасной.

И вотъ, наконецъ, въ одной древней, заклятой книгѣ, изъ-

Digitized by Google

ѣденной крысами и молью, углядѣли мудрецы нѣкое тайное слово; на пергаментѣ арабскомъ, египетской тростью, халдейской рукою начертано оное слово и, по древности лѣтъ, было почти все стерто. Одначе, мудрецы углядѣли, что оно обозначаетъ *чорта*, и, предавшись радости великой, испустили крикъ дикой:—нашелъ, нашелъ!—кричали всѣ единогласно.

Ну, и прекрасно! Дальше ужъ легко, посредствомъ зеркалъ волшебныхъ, подзорныхъ трубъ, линій и угломѣровъ, отыскать весь смыслъ тайнаго слова книги заклятой. Означало оное слово—*въ королевнѣ сидитъ Анчутка-безпятый.*

И тогда только мудрецы столь догадливы были, (между ними всѣго чаще есть простофили), что послали гонцовъ,—верхами, и съ фургономъ, — за извѣстнымъ всѣмъ Фарафономъ, знающимъ смыслъ тѣхъ словъ заклятыхъ, кои устрашаютъ всѣхъ бѣсовъ безпятыхъ.

Привезли Фарафона. Предсталъ Фарафонъ предъ королевскій тронъ. И вѣщаетъ печальный король, сидя на тронѣ:—о, Фарафонѣ! изцѣли мою дочь младую отъ бѣсова коварства—пожалую тебѣ полъ царства!

Но Фарафонъ палъ на колѣни и произнесъ: — о, король! не казни твоего раба и слугу,—я тутъ ничего сдѣлать не могу!

И воспылалъ гнѣвомъ король, зардѣлъ лицомъ грознымъ и возопилъ гласомъ зычнымъ:—если ты, непокорный рабъ, не вылечишь мою дочь, то слетитъ твоя голова прочь!

Коротко и ясно. Не избѣжать тебѣ, Фарафонъ, лютой смерти, или же возьмутъ твою душу черти,—выбирай любое.

— Двумъ смертямъ не бывать, одной не миновать! — подумалъ Фарафонъ и махнулъ рукою; — знать такова моя судьба, что самъ себѣ гибель строю,—и говоритъ:—о король! не взирай на меня гнѣвно, — берусь лечить королевну... Одначе, — подумалъ онъ, — авось вывезетъ кривая, — и приступилъ къ дѣлу хитро.

Приказалъ Фарафонъ выискать, изо всей столицы, трехъ бабъ, самыхъ голосистыхъ, доставилъ ихъ за дверьми покоя королевны и наказалъ имъ строго поступки такіе:—какъ только услышите слово — „готово!“ — то вопите согласно, во всю бабью силу:—„держи его!“—и больше ничего.

Вошелъ въ покой королевны Фарафонъ, всѣхъ выслалъ вонъ, взглянулъ и ошалѣлъ, отъ великаго дива, — передъ нимъ была красота—ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. И жаль ему стало королевны прекрасной, и того жальче своей доли безсчастной.

Digitized by Google

— Хоть на минутку, смѣнилъ бы я Анчутку, — подумалъ Фарафонъ;—да король-то больно страшонъ!

Нечего дѣлать, — принялся за леченье; шепнулъ королевнѣ три неизвѣстныя слова, перекувырнулся и не успѣлъ крикнуть:—„готово!“—а передъ нимъ стоялъ самъ Анчутка-безпятый.

— Подавай, Фарафонъ, свою душу! — и выставилъ свои когти.

— Сторонись!—кричитъ Фарафонъ и подбираетъ полы своего кафтана; и еще громче крикнулъ:—„готово“!

Въ три голоса завопили за дверьми бабы:—„держи его“!

— Это что?—спросилъ Анчутка, а самъ струсилъ.

— Бѣда! — кричитъ Фарафонъ,— догоняетъ насъ моя баба, Красоуля!—и ударился бѣжать

Какъ стрекнетъ Анчутка черезъ Фарафона — только вихрь пошелъ по всему королевству; такъ утекалъ безпятый чортъ отъ бабы.

А Фарафонъ, не будь дуракъ, остался, съ прекрасной королевной повѣнчался; три дня и три ночи пиръ пировали, сладкіе меды и распивали; молодые шептали другъ другу рѣчи пріятныя, имъ двоимъ только внятныя. Кричали гости:—ура!—дескать, кончить пора.

А конецъ во какой.

Летѣлъ, со страстей, Анчутка, какъ стрѣла калена, перомъ оперена; сорокъ дней и ночей летѣлъ онъ, какъ птица, въ дальнія мѣста, чужія границы, и, съ размаху, попалъ лбомъ въ шлагбаумъ—и разсыпался на семь тысячъ чортовыхъ дребезговъ; а всѣ они пошли въ дѣло.

И вотъ, теперь, на распутьяхъ, стоятъ семь тысячъ кабаковъ; сидятъ въ нихъ семь тысячъ безпутныхъ чудаковъ, изъ разумныхъ людей творятъ дураковъ, мухоморомъ водку подслащиваютъ, куцому чорту хвостъ отращиваютъ. Пьяницы пьютъ до чортиковъ, бѣсятся, опиваются до смерти, не то вѣсятся...

А завѣдуетъ сей работой проклятой—все онъ же—Анчутка-безпятый!

Digitized by Google

БОБЫЛЬ НАУМЪ-СОРОКОДУМЪ.

Истинное происшествіе.

Жилъ-былъ бобыль, Наумъ-Сорокодумъ, по прозвищу,—сказать непригоже,—Ольховая рожа. Человѣкъ онъ былъ неглупый, да къ тому же мало смыслилъ, хозяйство велъ больше самъ, да только не у себя, а по чужимъ дворамъ. Одначе, худоба и разный скотъ водились и проходили мимо его воротъ. И былъ онъ, Наумъ-Сорокодумъ, очень богатъ на карманы: двое въ портканхъ, четверо въ кафтанѣ,—два сзади, да два боковые,—всѣ пустые, и еще одинъ сверхъ положенія, на спинѣ для украшенія. А деньги были въ сундукахъ, на двѣнадцати замкахъ, на храненіе отъ злодѣйства заперты въ казначейство; суммы все мильонныя—такъ опять все казенныя. Ну, Наумъ ихъ и не трогалъ, даже не подходилъ близко; а въ кабакѣ пилъ въ долгъ, все больше на записку.

И вотъ, какъ-то разъ, съ вечера, баба Науму шибко перечила. Сѣлъ Наумъ поужинать, поглядѣлъ во шти, видитъ—тараканъ; взъѣлся Наумъ на бабу:—зачѣмъ у тебя, баба; во штяхъ тараканъ?

А баба, на язычокъ слаба, говоритъ:—никакъ ты ужъ пьянъ? Оботри-ка губы, да возьми глаза въ зубы, да помѣшай ложкой во штяхъ немножко, такъ и увидишь, что шти чисты и пусты; не токма таракана, а нѣтъ тамъ и капусты. А тараканъ-то на потолкѣ, надъ лучиной грѣется, а потолокъ-отъ съ тараканомъ во штяхъ и виднѣется.

— Нѣтъ, — говоритъ Наумъ-Сорокодумъ, — сказать непригоже, — Ольховая рожа,—я, говоритъ, тебѣ, баба, не вѣрю; а выйду на огородъ да дѣло самъ повѣрю.

Наумъ былъ и самъ проворъ, вышелъ съ миской на дворъ, вылилъ на землю шти, а шти въ землю ушли; и не оказалось ни прибытка, ни изъяна; не осталось на землѣ ни капусты, ни

Digitized by Google

таракана; а только на травѣ стало мокро, какъ на бородѣ у лихаго свекра, когда гулящая золовка спечетъ ему блинъ неловко.

Вернулся въ избу съ миской Наумъ и говоритъ бабѣ Сорокодумъ:—ну, теперь вѣрю, баба,—шти сварены слабо. — Одначе сказано, что баба вѣкъ проживетъ, а все обманомъ:—вишь ты, въ пустые шти, для вкусу, свела потолокъ, да еще съ тараканомъ!

Ну, такъ вотъ, господа,—хвостъ-то не ходитъ одинъ, а все съ прихвостнемъ,—и сказка сказывается всегда съ присказкой.

Покончивши о Наумовомъ кушаньѣ, просимъ честную компанію о послушаньѣ, а потомъ—о вашемъ разсужденіи и сего мудренаго дѣла порѣшеніи.

Спитъ голодный Наумъ послѣ бабьяго обмана, и грезятся ему во снѣ все цыганы. Одначе, разбудила баба Наума ухватомъ поутру,—и это было ему совсѣмъ не по нутру, а пришлось по наружѣ,—значитъ, тѣмъ хуже; — вставай, говоритъ, мужичекъ Наумъ-Сорокодумъ,—сказать непригоже, — Ольховая рожа;—полно тебѣ на боку лежать, а ступай ѣжу промышлять!

Наумъ глаза продралъ, бабу обругалъ, самъ всталъ, шапку взялъ, попробовалъ засвистать; вѣтру бы и хватило въ брюхѣ, да губы очень сухи,—онъ и пошелъ ѣжу промышлять.

Приходитъ Наумъ къ рѣкѣ. Лежитъ челнокъ бокомъ на пескѣ. Перевернулъ онъ челнокъ—подъ нимъ весло закрыто въ песокъ; спустилъ челнокъ, сѣлъ, оттолкнулся, переплылъ рѣку и назадъ оглянулся,—какъ бы за такую затѣю, не далъ кто въ шею, али хозяинъ челнока не помялъ бы ему бока... Никого не видать, не слыхать. Затянулъ Наумъ челнокъ въ камыши, а самъ пошелъ искать барыши. И вотъ, по бабьему велѣнью, а своему соображенью, идетъ Наумъ ѣжу промышлять, не сѣявши жать и своимъ собственнымъ рыломъ чужой хрѣнъ копать.

Идетъ дорога темнымъ лѣсомъ; бредетъ дорогой Наумъ, озираючись мелкимъ бѣсомъ, слышитъ, кто-то стучитъ, глядь—на деревѣ цыганъ сидитъ, и топоромъ—стукъ-стукъ, въ тотъ самый сукъ, на которомъ сидитъ, въ него и стучитъ, да его же и рубитъ;—никакъ сдуру самъ себя цыганъ губитъ? — Остановился Наумъ и кричитъ:—эй, цыганъ! никакъ ты дуракъ, или до свѣту пьянъ? Вѣдь ты себѣ шею сломаешь!

— А ты почемъ знаешь?—вопрошаетъ цыганъ Наума.

А Наума взяла такая дума:—семъ-ка я дураку цыгану открывать истины не стану,—сказать короче—я его поморочу. Вотъ, и говоритъ ему онъ въ отвѣтъ:—все бы тебѣ разсказалъ,

Digitized by Google

да времени нѣтъ;—самъ я нахожусь въ немалой печали;—и пошелъ дале.

Идетъ Наумъ путемъ-дорогой; стучитъ цыганъ топоромъ понемногу; гулъ все слабый раздается, сукъ все больше подается. Еще Наумъ изъ-виду не скрылся, а ужъ подъ цыганомъ сукъ обломился, и цыганъ съ дерева свалился; летѣлъ очень хорошо и довольно быстро, попалъ лбомъ въ пень; а изъ глазъ посыпались искры. Но въ лѣсу ничего не загорѣлось, а только у цыгана шея разболѣлась.

Лежитъ цыганъ носомъ кверху и глазами моргаетъ, а между тѣмъ такъ въ умѣ разсуждаетъ: — мужичокъ-отъ сказалъ мнѣ слово вѣрно, что-то у меня около шеи скверно! Видно, онъ пророкъ, или знахарь, а не простой, стало быть, пахарь; надо бы его догнать, да кой о чемъ пораспытать.

Всталъ цыганъ, а самъ шатается, то за лобъ, то за шею хватается; однако догналъ Наума-Сорокодума и, середь самой дороги—бухъ ему въ ноги:—ой, батенько! ты мнѣ правду прорекъ, значитъ, ты знахарь, али пророкъ; ты, батенько, только глазомъ взглянешь—и все, что будетъ, ужъ знаешь! Ой, скажи мнѣ, бѣдному человѣку, много ли моего вѣку? А я за то твоей чести скажу три хорошія вѣсти.

— Ладно,—говоритъ Наумъ-Сорокодумъ,—скажу тебѣ вѣрно, въ томъ покоенъ будь, только, гляди, слушай, да какъ-нибудь не позабудь... Будешь ты, — говоритъ цыгану Наумъ, — все жить, жить, жить да вдругъ—и помрешь; а ужъ какъ вдругъ помрешь, такъ и трехъ дней не проживешь! Это я сказалъ очень вѣрно; а если не будетъ такъ, то ты меня на весь лѣсъ обругай примѣрно; и пусть будетъ тотъ изъ насъ первый дуракъ, съ кѣмъ это дѣло сдѣлается какъ-нибудь не такъ.

Испугался цыганъ:—ой, что же мнѣ теперь распочати? а кто же будетъ красть коней и варганы ковати?

— Одначе,—говоритъ Наумъ,—какъ печально ни пой, а въ словѣ твердо стой, разсказывай моей чести три хорошія вѣсти.

И сталъ разсказывать цыганъ Наумовой чести три хорошія вѣсти.

— Первая хорошая вѣсть—за лѣсомъ деревня есть; а не доходя деревни стоятъ прясла древни; а за пряслами огородъ, и въ немъ гряды не пусты, насажено тамъ не мало капусты. Хотѣлъ было я набрать ее со двѣ охапки,—лиха-бѣда, въ межѣ сидитъ хозяинъ безъ шапки, глаза большенные, уши полсаженные, кожухъ навыворотъ, съ хвостикомъ въ перстъ, а бѣжитъ на четверинкахъ, въ часъ сорокъ девять верстъ. Я отъ него бѣжалъ, насилу

Digitized by Google

ушелъ, ажъ заболѣло чрево; а со страстей я залѣзъ отъ него на еловое древо.

— Добро,—думаетъ Наумъ,—цыганъ со страху завирается; это не хозяинъ, а заяцъ.

— Вторая хорошая вѣсть—за деревней корчемка есть; надъ окошечкомъ корчемки все связки луку сушатся. Хотѣлъ было я въ окошко прислушаться, анъ въ окнѣ свѣтъ; въ корчмѣ никого нѣтъ, только жидъ надъ книгой сидитъ, да самъ качается, то поетъ, то воетъ, то весьма заикается. Я было протянулъ руку къ луку, а меня кто-то сзади рогами; погляжу—сатана хлопаетъ ушами: шерсть длинная, уши ослиныя, борода мала, самъ около кола, съ снаровкой, ходитъ на веревкѣ, грамотѣ знаетъ и вслухъ читаетъ со двора, черезъ окно, книгу въ избѣ и кричитъ слово:—„бе“!

— Добро,—думаетъ Наумъ; —у страха велики глаза, — это коза.

— Третья хорошая вѣсть—въ лѣсу поляна есть; на полянѣ колъ вбитъ, а на колу гусь сидитъ, все гогочетъ, а летѣть не хочетъ. Я было его захватилъ за крыло, да подо мной землю прорвало; ажъ заняло духъ, какъ я въ яму-то — бухъ! а яма, какъ горенька, въ землѣ рыта; а въ углу сидитъ хозяинъ, глядитъ сердито, въ волосяномъ армякѣ, самъ стучитъ зубами, — знать, не доволенъ гостями. Какъ я ушелъ, и какъ душа моя не погибла — ничего не помню, потому что со страху память отшибло.

— Добро,—думаетъ Наумъ;—знаешь же ты толкъ,—это не хозяинъ, а волкъ.

— И вотъ, — промолвилъ цыганъ, — разсказалъ твоей чести всѣ три хорошія вѣсти; а теперь меня отпусти, надо домой дровишекъ отнести.

— Хорошо,—сказалъ Наумъ,—теперь ступай прочь, не мѣшай мнѣ гулять; хороша, вишь ты, ночь.

И пошелъ Наумъ, во-первыхъ, къ деревнѣ, гдѣ прясли древни; а чтобы не блыкаться по-пусту, набралъ тамъ вязанку капусты; потомъ пошелъ къ корчмѣ, увидѣлъ свѣтъ въ окошко и набралъ въ карманъ луку немножко; подъ окномъ коза отозвалася:—бе! — онъ и ее взялъ себѣ, и повелъ на веревкѣ, повелъ на веревкѣ, потому что за рога вести неловко; потомъ пошелъ на поляну лѣсную, сдѣлалъ изъ веревки петлю глухую, нагнулся въ яму, какъ стрѣлокъ въ траншею, и накинулъ волку петлю на шею; а дальше немного ужъ надо толка, чтобы выволочь изъ ямы волка.

Digitized by Google

И вотъ, проходилъ Наумъ ночь не даромъ; возвращается онъ къ челну съ товаромъ, а самъ думаетъ насчетъ своей бабы: — что-же теперь она мнѣ сказать могла бы? я промыслилъ ѣжу,— мнѣ честь и слава,—и бабу мою поколотить всегда имѣю право!

Думаючи такую думу, Наумъ-Сорокодумъ приволокъ сперва капусту въ челнокъ. Глядь—а въ челнокѣ ужъ и тѣсно, нѣтъ другому товару мѣста. Надо, стало быть, дѣло разсудить и поштучно товаръ перевозить.

— Ну, сперва перевезу капусту,—думаетъ онъ себѣ; отчалилъ, а слѣдомъ кричитъ коза:—бе!—оглянулся Наумъ,—волкъ козу деретъ;—плохо!—думаетъ Сорокодумъ и назадъ гребетъ.— Этакъ, молъ, не будетъ толку, коли козу оставить волку, извѣстному съ козами невѣждѣ; перевезу-ка я его попрежде.

Заволокъ въ челнокъ волка Наумъ, поплылъ Сорокодумъ; слышитъ—за нимъ что-то хруститъ, оглянулся—коза кочерыжки лущитъ;—плохо,—думаетъ Наумъ, — этакъ тожс нѣтъ толку; а оставлю я капусту волку.

Взялъ и перевезъ Наумъ козу, вытащилъ ее на берегъ и поставилъ въ лозу; а самъ вернулся назадъ, дѣлу оченно радъ, потому что оно пошло на ладъ.

— Теперь,—думаетъ,—перевезу капусту и вернусь за волкомъ, и все покончу съ превеликимъ толкомъ.

Сказано — сдѣлано; ловко отрѣзано, да невѣрно отмѣрено.

Перевезъ Наумъ капусту и стащилъ въ лозу, вернулся назадъ, да забылъ про козу; только слышитъ — что-то хруститъ, глядитъ—коза опять кочерыжки лущитъ.

— Не то я сдѣлалъ! — размышляетъ Наумъ; вернулся, забралъ капусту;—пусть съѣзжу,—думаетъ,—этотъ разъ по-пусту, да зато дѣло направлю и весь товаръ сполна къ бабѣ доставлю.

Сбросилъ капусту, перевезъ волка и приволокъ его въ лозу; самъ въ лодку, за капустой; а волкъ за козу; коза, смерть увидя себѣ, завопила:—бе!

Ошалѣлъ совсѣмъ Наумъ и завопилъ на волка Сорокодумъ:— ахъ, ты, лѣсной невѣжда! не свезешь тебя ни послѣ ни прежде!

Взялъ онъ волка за шиворотъ, положилъ въ челнокъ ногами навыворотъ, самъ сѣлъ, руки заломилъ и на всю рѣку громогласно завылъ. А волкъ, на него глядючи, ногами кверху лежучи, предался великому вою; и вотъ, они заревѣли обое; на одномъ берегу коза кричитъ:—бе!—на другомъ капуста лежитъ

Digitized by Google

такъ-себѣ; а посередь рѣки, само собою—идетъ двойной гулъ отъ двойнаго вою...

Вскорѣ, на сей великій вой, прибѣжилъ цыганъ самъ не свой. И, завидѣвши его, Наумъ, взмолился Сорокодумъ: — за мое-де тебѣ пророчество, помоги мнѣ въ моемъ одиночествѣ; хоша ты видишь меня и въ богачествѣ, да нахожуся я въ дурномъ качествѣ; дай совѣтъ, какъ мнѣ дѣло повести и черезъ рѣку имѣніе мое перевезти!

А цыганъ отвѣтствуетъ:—другъ мой милый! сіе не по моимъ силамъ, ибо, къ великому твоему несчастію, не занимаюсь я сею частію; отродясь не учился я сему искусству, какъ перевезти волка, козу и капусту; и потому, за твое пророчество, не могу пособить тебѣ въ одиночествѣ

И такъ, пожелавъ Науму всякаго благополучія, повернулся цыганъ на лѣвомъ закаблучіи, то есть къ Науму, значитъ, спиной, и пошелъ себѣ домой. А Наумъ съ волкомъ продолжаютъ великій вой; коза продолжаетъ блеять: — бе! — капуста лежитъ такъ-себѣ.

И можно заключить смѣло, что вышло бы худое дѣло, и даже смерть приключиться могла бы, безъ помощи Наумовой бабы. Но она, заслышавъ великій вой, разсудила, что: — воетъ никто другой, какъ, дескать, дуракъ вотъ мой! — и, прибѣжавши на берегъ, дала наставленіе, какъ безъ изъяну перевезти все имѣніе.

И такъ оное дѣло порѣшилось.

А если-бы впередъ съ кѣмъ-нибудь тоже самое случилось, и, если у кого въ башкѣ не столь густо, чтобы могъ перевезти волка, козу и капусту, то при такомъ разумѣ слабомъ, пусть пождетъ лучше своей бабы; ибо и онъ, — хоть сказать непригоже,—а тоже, не во гнѣвъ его милости—ольховая рожа!

Писано сіе не кому-либо въ поношеніе, а единственно для свѣдѣнія и соображенія.

Списано с-о-словъ разныхъ.

Digitized by Google

МЕДВѢЖЬЯ НАУКА.

Разсказъ.

„Отольются волку овечьи слезки".

Ефремъ Ефремычъ былъ солдатикъ ловкой. Рота въ караулъ идетъ—ужъ онъ не иначе, какъ за ефрейтора, а по меньшей мѣрѣ—къ фронту на часы. Ординарцевъ готовятъ къ пріѣзду начальника—онъ непремѣнно вѣстовой; подойти съ носка, отмахнуть на-краулъ, явиться—наше дѣло!

Переѣзжалъ какъ-то съ персидской границы въ Питеръ Хозревъ-Мирза, принцъ персидской; ординарцевъ ему на станціи представляли; унтеръ на ординарцы былъ выбранъ первый по своему полку, а вѣстовой, разумѣется, Ефремъ Ефремычъ. Да такъ подошелъ, мошенникъ, и брякнулъ на осадку, что Хозревъ-Мирза только языкомъ щелкнулъ:—ай, молъ, цаца!

А Ефремычъ два червонца получилъ, вышелъ изъ покоевъ отъ принца, да еще и хвастается:—знай нашихъ!.. Его персидское высочество и не замѣтилъ, какъ я ему осадку-то съ вывертомъ сдѣлалъ,—только сверкнуло!

Эдакой разбойникъ!

Ну, и насчетъ знанія службы: застрѣльщичьей, аванпостной, гарнизонной, пунктиковъ и артикула—собаку съѣлъ, кошкой закусилъ. Молодецъ былъ Ефремычъ: далъ Богъ ему всякое понятіе.

Но, позвольте, скажемъ сперва маленькое разсужденіе.

Мудрецы на свѣтѣ теперь ужъ порѣшили все; то есть, почитай что все; вотъ только остался небольшой утолъ разсмотрѣть на небѣ, по части звѣздъ, да еще, признаться, насчетъ пригонки аммуниціи; ранецъ бы какъ-нибудь облегчить нельзя-ли? а прочее—все порѣшено.

Но еще мудрецы не отыскали въ книгахъ и не порѣшили одной очень важной причины: отчего это, когда Богъ дастъ человѣку всякій талантъ, всякую способность, то чортъ непремѣнно подсыплетъ этому же человѣку хоть горсточку какой-нибудь па-

Digitized by Google

кости? Желательно знать, отчего это? А это такъ есть. Напримѣръ, музыкантъ, или сапожникъ искусный—непремѣнно запиваетъ; другой механикъ какой-нибудь, портной, или фронтовикъ отличный—то урѣжетъ, то просто стянетъ что-нибудь, или иныя скверныя привычки имѣетъ. И это почти всегда. Отчего это рѣдко-рѣдко, а можетъ быть и совсѣмъ никогда, нѣтъ такого человѣка, который былъ бы чистъ со всѣхъ сторонъ? И въ каждомъ человѣкѣ непремѣнно есть хоть маленькій фальшъ.

Вотъ, и въ Ефремѣ Ефремычѣ былъ только одинъ фальшъ, да зато пребольшущій,—до страсти любилъ онъ сладко поѣсть курятинки, гусятинки, поросятинки; прескоромный имѣлъ языкъ! При этомъ, разумѣется, не прочь и съ пригожимъ человѣчкомъ побаловать; ну, да это постороннее дѣло.

Однако, Ефремыча такъ всѣ и звали — Сахаръ-Медовичъ. А онъ—себѣ на умѣ,—то курочку печеную въ караулѣ изъ сумы вынетъ, да еще и старшаго унтеръ-офицера попотчуетъ, то гуся жаренаго, то поросенка половинку.

— Да откуда ты взялъ?—спроситъ унтеръ.

А Ефремычъ и не запнется: то ему кума подарила, то купилъ ужасно дешово, то,—говоритъ,—какой-то офицеръ проѣзжій остановилъ меня:—на, братъ,—говоритъ,—съѣшь на здоровье, а мнѣ надоѣло!—и далъ мнѣ, дай Богъ ему здоровья, — удивительное дѣло,—полъ теленка жаренаго.

Въ самомъ дѣлѣ удивительно; однако вкусно

И всѣ съѣстныя продѣлки свои обдѣлывалъ Ефремычъ такъ ловко, что на квартирахъ никогда не было на него никакихъ жалобъ. Какъ онъ ухитрялся, какъ изворачивался — это особь-статья.

— Эй, тетка!—кричитъ, бывало, подъ окномъ Ефремычъ,—ваши, что-ли, гуси подъ мельницей ходятъ?

— А наши, батюшка,—отвѣтитъ старуха, окно отворивши:—а что-же?

— А вотъ, то-же, что кромѣ гусей на свѣтѣ и лисицы водятся. Гляди-ка, одного гусака уже въ кусты поволокли. Своими глазами видѣлъ! — кричитъ на всю улицу Ефремовъ; ну, и надѣлаетъ переполоху.

— Ахъ, чтобъ ей сдырдиться! — вопитъ баба, бѣжитъ къ мельницѣ, считаетъ гусей,—самолучшаго гусака нѣтъ;—чтобъ тѣ подавиться!

Однако въ караулѣ, на завтра, будетъ на ужинъ гусятина, и никто притомъ не подавится. Это вѣрно.

Или, на задахъ, за гумнами, натворитъ Ефремычъ шуму и

Digitized by Google

гаму:—а-шу! а-га! а-ту! а, шельма, мошенникъ!—кричитъ онъ и ругается.

Набѣжатъ ребятишки.

— Глядите, мальчишки, вонъ-вонъ чернѣется! вонъ, за лѣсъ спускается!

— Вижу, вижу, дядюшка! — кричитъ мальчишка, завидѣвъ ворону какую-нибудь.

— Это ястребъ курицу унесъ; я самъ видѣлъ и камнемъ швырнулъ, да не попалъ,—увѣряетъ Ефремовъ.

И побѣгутъ ребятишки врать по деревнѣ, что сами видѣли:—орелъ, молъ, курицу унесъ, въ березнякъ полетѣлъ.

Ну, пожалуй, завтра въ березнякѣ и перышки отыщутъ. Ефремовъ-же и посовѣтуетъ ребяткамъ:—а поищите, ребята, тамъ должны быть перышки.

Какъ-же не быть имъ тамъ?

А у Ефремыча опять на завтракъ курочка есть.

И случалось ему такими способами зашибать, что называется, однимъ камнемъ двухъ воробьевъ.

Это разъ, сварганилъ онъ гдѣ-то поросеночка, сосунка небольшаго, сжарилъ втихомолку, съѣлъ и вышелъ прогуливаться. Слышитъ — бабы что-то горячку порютъ; видно хватились. А тутъ, на завалинкѣ, старики хозяева сидятъ, толкуютъ кой о чемъ.

— Ну,—думаетъ Ефремъ,—не про поросенка-ли покойника судъ идетъ? — Одначе, онъ резону не теряетъ, подходитъ къ людямъ, шапочку приподнялъ; — здравія желаемъ, хозяева почтенные!

Ому отвѣтили тоже очень почтенно,—попросили:—присядьте съ нами!

А онъ присѣлъ,—и такой вѣдь Лазарь:—вы,—говоритъ,—добрые люди, одного дѣла не знаете.

— Какого это?—спрашиваютъ его.

— А вотъ какого... Чей это черный кобель по деревнѣ бѣгаетъ?—Хватаемъ мальчишки кличутъ.

— Мой, батюшка,—отозвался одинъ хозяинъ.

— Ну, хорошо,—говоритъ Ефремъ; — а у кого сегодня поросенокъ пропалъ?

— А никакъ моя баба сосунка не доищется,—молвитъ другой хозяинъ.

— Вотъ то-то и есть!—продолжалъ Ефремъ.—А кабы допросить кобеля Хватая, дѣло-то и оказалося-бы!

— Ой-ли?

Digitized by Google

— Ну, да ужъ такъ,—и набрехалъ Ефремъ цѣлую исторію про чернаго кабеля, совсѣмъ опорочилъ его; увѣрилъ всѣхъ, что самъ видѣлъ, какъ Хватай за шиворотъ поросенка тащилъ, и такъ разсердилъ всѣхъ хозяевъ, что порѣшили они повѣсить Хватая.

— Ну, зачѣмъ такая строгость?—замѣтилъ на это Ефремъ;— лучше поучить мошенника, слегка подстрѣлить его.

Хозяева согласились и на это: — а коли вашей милости не противно, такъ что-жъ, порохъ у васъ есть—катайте,—предлагаютъ Ефрему.

Онъ было и обидѣлся, и отнѣкивался: — я, — говоритъ,— не фурманщикъ и не живодеръ, а ефрейторъ.

Одначе дѣло кончилось тѣмъ, что онъ-же принесъ поручику шкуру Хватая на теплые сапоги, да еще полтинникъ получилъ.

Поступали отъ Ефрема также разные доносы хозяйкамъ на кошекъ; и по многимъ слѣдствіямъ оказалось только то, что у Ефрема къ зимѣ была славная куртка теплая. Подъ шинель,— зимой бѣжать на-вѣсти, въ штабъ,—очень хорошо. А прозывалъ онъ эту куртку „кошуркой".

По сарафанной части, то есть по части баловства съ пригожими человѣчками, Ефремовъ тоже былъ ходокъ и большой сочинитель. Наскажетъ, навретъ, подстроитъ и устроитъ дѣло, какъ не надо лучше. И никакъ вѣдь не попадется, изъ воды сухъ выйдетъ.

Одначе, долго-ли, коротко-ли, наскочилъ и онъ на бѣду; нашла коса на камень. Прорвалась удача вдругъ по обѣимъ частямъ: и по части баловства съ пригоженькими, и по съѣстной части.

Вотъ, какъ оно вышло. Матрешѣ, хозяйской дочкѣ, на своей же квартирѣ, ужъ крѣпко надоѣлъ онъ приставаньемъ своимъ.

— Ну, чортъ съ тобой, приходи до пѣтуховъ на сѣновалъ,— говоритъ она ему;—тамъ потолкуемъ.

— Ладно, касаточка!—у Ефрема и ушки на макушкѣ.

Полѣзъ онъ, до пѣтуховъ, во мракѣ ночномъ, на сѣновалъ. Лѣстница длинная. Лѣзетъ; вотъ ужъ и наверху, берется за послѣднюю кладочку... трахъ! да съ трехсаженной высоты и треснулся о-земь, — только подъ сердцемъ іокнуло у него; до избы доползъ на корячкахъ;—удружила Матреша. Какъ тамъ устроила она разрушеніе—сіе ничего неизвѣстно; а только Ефремушка съ недѣлю походилъ *въ околодкѣ*;—слабъ,—говоритъ,— всѣмъ корпусомъ.

Да, я думаю, что слабъ.

Однако отыгрался Ефремъ и отъ этой шутки. Отелилась у

Digitized by Google

его хозяевъ корова; дѣло было на заморозкахъ; разумѣется, теленка взяли на ночь въ избу.

— Я,—говоритъ съ вечера Ефремъ Матрешѣ,—покою тебѣ всетаки не дамъ.

— А что,—молвитъ Матреша,—видно бока зажили? ну, ладно;— а сама принесла подъ передникомъ скалку и, ложась спать, положила ее подлѣ себя.

Ефремъ какъ будто ничего не видитъ. Вотъ, какъ всѣ въ избѣ захрапѣли, онъ всталъ, взялъ теленка, подкрался къ Матренѣ, да носомъ теленка-то въ ногу ей—тыкъ!

Свиснула скалка; теленокъ только:—ме-э!—закричалъ по-нѣмецки и грохнулся о-земь. Старики, услышавъ переполохъ, проснулись, вздули огня. Глядятъ, а теленокъ только ножкой дрыгаетъ;—оказалось, что скалка-то угодила ему прямо по лбу.

Въ избѣ шумъ, руготня и допросы; а Ефремычъ храпитъ съ посвистомъ, будто и не его дѣло. Этакой вѣдь пройдоха!

А по съѣстной части попался онъ немножко похуже. Сидитъ, однажды, за скирдой, за гумнами, и ощипываетъ довольно жирнаго пѣтуха. И, ощипавши, только началъ заламывать ему голову подъ крыло, какъ настоящіе повара дѣлаютъ, глядь— а передъ нимъ старуха.

— Ахъ, чтобъ тѣ такъ медвѣдь ломалъ, какъ ты моего пѣтушка коверкаешь!—завопила старая корга;—ахъ, ты, курятникъ проклятой!—и пошла причитать.

— Бабушка, сдѣлай милость, не серчай и не кричи!—молвитъ Ефремовъ;—ну, я же тебя прошу, не дѣлай мнѣ сраму!

— Ахъ, ты, чортъ усатый!—пуще завопила старуха;—пѣтуха скубетъ да ломаетъ и еще сраму не дѣлай ему!

— Бабушка,—уговариваетъ Ефремовъ,—сдѣлай милость, сама не срамись, потому что я имянинникъ.

— Ну, такъ что-жъ, что ты имянинникъ?

— Какъ, что-жъ? ну, и придетъ ко мнѣ съ поздравленіемъ разное начальство; я и доложу:—такъ и такъ, позвольте мнѣ изъ казенной суммы заплатить почтенной старушкѣ Ѳетиньѣ Михѣевнѣ двадцать пять копѣекъ серебромъ. А начальство, можетъ быть, прикажетъ:—объявить ей за то благодарность по полку!.. Понимаешь?

Старуха разинула ротъ;—ничего, отецъ мой, не понимаю,— говоритъ;—на что мнѣ твоя благодарность по полкамъ?

— Эхъ, ты, охлоботина, прости Господи, на что благодарность? Ты не пробовала благодарности, такъ и молчи! А то зна-

Digitized by Google

ешь-ли, что за это,—только развѣ по старости лѣтъ,—на покаянье пошлютъ тебя, волшебницу!

Старуха струсила, махнула рукой, и на-утекъ. Одначе, дорогой, видно, одумалась, повернулась и еще разъ посулила Ефремычу чорта и опять прибавила: — чтобъ те такъ медвѣдь ломалъ!

У Ефремыча что-то кольнуло подъ сердце, и онъ продолжалъ уламывать ощипаннаго пѣтуха.

Навѣрное неизвѣстно, правда-ли, одначе старые люди говорятъ, что не ровенъ часъ, въ который слово скажется, и не ровно слово, въ какой часъ оно скажется. Иногда, напримѣръ, ругаютъ тебя:—аспидъ ты, звѣрь лютый, протоанафема!—какъ съ гуся вода, все ничего, все мимо; а вдругъ скажутъ: — ахъ, ты, дуракъ!—какъ стрѣлой попали;—самъ ты слышишь, что попопали какъ разъ въ жилу, такъ весь и покраснѣешь. Это, значитъ, что пришлось въ тактъ: аспида и звѣря, значитъ, въ тебѣ нѣтъ,—ну, и ничего! а дуракъ-отъ изъ нутра и отозвался. Услышалъ, значитъ, свое собственное имя.

Ну, тоже самое, или почти тоже самое случается, коли клянутъ человѣка. Какъ сказала старуха Ефремову!—чтобъ те такъ медвѣдъ ломалъ!—всего его ажно покоробило. Вѣрно попало въ такту; или въ такой часъ слово сказано, что сказалось не мимо. А вотъ увидимъ.

Продолжалъ службу Ефремычъ все по своему, то есть, по фронту очень хорошо, а по продовольствію—очень скоромно; и все безъ малѣйшихъ жалобъ. Былъ и въ Венгріи. Неизвѣстно, много-ли онъ повредилъ войску венгерскому, и неизвѣстно, какіе причинилъ убытку венгерскому хозяйству. Одно только было извѣстно, что въ сраженіяхъ былъ онъ всегда очень храбръ, а на квартирахъ всегда былъ очень сытъ.

Прошли и изъ Венгріи; кончились и двадцать лѣтъ службы Ефремыча; назначили его въ безсрочный отпускъ; а всетаки Ефремыча называли по старому, то есть Сахаръ-Медовичемъ. И когда капитанъ выдавалъ ему безсрочно-отпускной билетъ и отправлялъ на родину, то сказалъ тоже по-старому:—спасибо за службу, — служилъ ты молодцомъ, хоть и не безъ тайныхъ закорючинъ. А теперь—съ Богомъ, прощай Сахаръ-Медовичъ!

И Сахаръ-Медовичъ Ефремовъ пошелъ домой.

Сказано, куда идетъ человѣкъ—туда и тѣнь его за нимъ; понесъ человѣкъ съ собой все свое хорошее—несетъ и все худое свое. Надо бы дрянь-то свою бросить, такъ нѣтъ,—погожу

Digitized by Google

маленько, думаетъ, да такъ и тащится домой съ дрянью, то есть, со всѣми своими пороками и непотребностями.

Однако, должно быть, часто икалось старухѣ Ѳетиньѣ Михѣевнѣ, ибо Ефремову частенько приходили на память ея посулы, да пожеланьице—„чтобъ те медвѣдь ломалъ!“ Экъ, какое тяжелое слово ляпнула снаруха! И въ Венгріи былъ—и тамъ припоминалось оно, и вотъ ужъ пятьсотъ верстъ по дорогѣ домой ушелъ—и тутъ оно въ ушахъ позваниваетъ:—„чтобъ те медвѣдь ломалъ!“—и Ефремычъ, идя черезъ лѣсъ, на всякой хрястъ оглядывается.

— Эй, землякъ! — спрашиваетъ онъ иногда проѣзжаго,—а что, въ здѣшнихъ сторонахъ, не слыхать, чтобъ это медвѣди ходили, ась?

— Что ты, служивенькой; да у насъ и зайцевъ-то лѣсники всѣхъ повыстрѣляли, а про медвѣдя ужъ и въ сказкахъ рѣдко слыхать,—отвѣтитъ проѣзжій и проѣдетъ.

Ну, и не страшно.

— Вѣдь старуха, какъ и всякая старуха;—ей бы обругать позаористѣе; за одного пѣтуха она рада выклясть хоть всю роту. Эка важность! Правда, слово вышло скверное; ну, да мало-ль есть словъ сквернѣе? Пустяки!

Такъ разсуждаетъ про себя Ефремычъ и идетъ уже шестую сотню верстъ. Разъ, по-утру, нагоняетъ онъ двухъ, тоже прохожихъ; оборванцы порядочные, но идутъ ничего, твердо, и даже въ ногу. Поровнялся съ ними:—путь-дорога, господа!

— И вамъ также!

И пошли рядомъ.

Разговорились. Оказалось, что они мастеровые, а какого мастерства—не сказали; идутъ домой, съ заработковъ; до Нижняго приходится по пути; уговорились идти вмѣстѣ. Хорошо; идутъ. Ну, разумѣется, какъ тамъ не финти, какъ не закрывайся заработками, однако отъ зоркаго человѣка не скроешься, и трудолюбіе твое всплыветъ наружу. Такъ было и тутъ. Снюхали оборванцы, что за человѣкъ Ефремовъ; да раскусилъ же и онъ, что это за мастеровые. И они оказались Сахары-Медовичи

„Воронъ ворону глазъ не выклюетъ“,—промышлять надо сообща, всѣмъ вмѣстѣ. А Ефремычу и то рука, что втроемъ медвѣдь-то небольно страшенъ, хоша ему и подумывается о немъ частенько.

Одного дня прошли они уже верстъ двадцать слишкомъ. Солнце печетъ; тѣнь показываетъ полдень. Открывается передъ ними село Пѣтушки,—значитъ, по Владиміркѣ. Кто Владимір-

Digitized by Google

ской губерніи, да еще уѣзда Покровскаго, тотъ, чай помнитъ:— на правой рукѣ домъ ахти расписанъ, и подъ кровлей, подъ самымъ шеломомъ написано такъ: — „красилъ мастеровой не московской, а мужичекъ крутковской, Никита Битковъ.*)“ Ну, вотъ и пришли наши сахары-свѣты-медовичи въ Пѣтушки.

— А что, братцы, теплынь и вотъ какая! мочушки нѣтъ идти!—отозвался одинъ.

— Распарило до костей, и перекусить хочется,—отозвался другой.

— Да вѣдь нашъ походъ—дѣло несрочное; пожалуй, и переночуемъ,—отозвался третій.

А всѣ трое подумали:—какъ бы промыслить чего-нибудь повкуснѣе?

Видятъ—домъ двухжилый; низъ каменный, верхъ деревянный, и самъ хозяинъ у воротъ сидитъ.

— Наше почтеніе!

— Милости просимъ!

— А не позволите-ли намъ, прохожимъ людямъ, отдохнуть у васъ, почтенный?

Хозяинъ поглядѣлъ на всѣхъ троихъ. Служивый, какъ служивый, и на шинели ленточка отъ кавалеріи; да товарищи-то нѣшто шибко пооборваны.

— А откель Богъ несетъ?—спрашиваетъ онъ Ефремыча.

— Да изъ-за Москвы. Я—безсрочный, а это—побратимы. Были они на заработкахъ, поободрались по малости; ну, да вѣдь знаютъ попа въ рогожѣ; было бы что въ мошнѣ. Вотъ что, почтеннѣйшій!

— Гость въ домъ—Богъ въ домъ, милости просимъ!—промолвилъ хозяинъ.

Ну, значитъ, ничего онъ и не разумѣетъ; а человѣкъ, видно, очень добрый. Такого Богъ бережетъ, а мошенники такихъ самыхъ ищутъ.

Вошли наши пошехонцы въ избу. Солдатъ снялъ ранецъ,—набитъ онъ туго; у оборванцевъ по большому мѣшку, да мѣшки-то оба тощіе. Перекусили кой-чего и завалились на отдыхъ. А какъ стало солнце садиться, то, одинъ за однимъ, по очереди, повыходили они на дворъ, какъ будто такъ-себѣ, низачѣмъ. Потомъ спросили хозяина, нѣтъ ли поблизости рѣчушки, выкупаться бы съ походу не дурно. Хозяинъ сказалъ, что за селомъ есть небольшая. Пошли они купаться.

*) Не знаю, какъ теперь, а еще въ 1851 году самъ я былъ въ этомъ домѣ, въ деревнѣ Пѣтушкахъ. Тамъ же, по близости, и почтовая станція.

Digitized by Google

И вотъ, раздѣлись, влѣзли все трое въ воду, обозрѣлись кругомъ, и начинается разговоръ.

— Видѣлъ?—спрашиваетъ одинъ оборванецъ другаго.

— Видѣлъ!

— А вы, служба?—спрашиваютъ Ефремыча.

— „Всѣхъ семерыхъ“,—отвѣчаетъ Ефремычъ.

Оборванцы только переглянулись:—вотъ, молъ, дока!

— Какъ дѣлу быть?—опять спрашиваетъ.

— Надо выйдти вчетверомъ,—отвѣчаетъ другой.

— Нѣтъ, въ мѣшокъ да вдвоемъ; оставить его за деревней и самому вернуться,—молвитъ Ефремычъ.

— Знаетъ чистоту!—похвалили его оба оборванца.

Экой глупый разговоръ! Чортъ же васъ и разберетъ; а они разобрали.

Въ каменной подъизбицѣ, у хозяина, загнано было семеро телятъ; приперты они были дверцами плохими; а телятину сахары-медовичи любятъ. Вотъ и все.

Выкупались други.

— Ахъ, чтобъ тѣ лопнуть! — бормочетъ Ефремовъ, надѣвая сапогъ на мокрую ногу.

Ни съ того ни съ сего примерещилась ему старуха съ своимъ пожеланьицемъ:—„чтобъ те медвѣдь ломалъ!“—а онъ ей на то про себя и отвѣтилъ:—чтобъ тѣ лопнуть!

— А что такое?—спросилъ оборванецъ.

— Да ничего бы,—говоритъ Ефремъ,—кабы у меня въ головѣ не было одной худой мысли...

— Одная худая мысль въ головѣ не счетъ, коли при ней девяносто девять хорошихъ; а у васъ оно такъ,—молвилъ оборванецъ.

И то правда.

А того понять не хотятъ, что одна ложка дегтя цѣлую бочку меду перепакоститъ. Девяносто девять разъ великими подвигами удиви весь свѣтъ, а одинъ только разъ возьми да и повѣсься—вотъ и узнаешь, что значитъ одна худая мысль.

— Ну, теперь пройдемся по деревнѣ; не притрафится-ли что-нибудь въ сумеркахъ?

Прошлись молодцы по деревнѣ; однако ни что имъ не притрафилось, ибо на большихъ дорогахъ живутъ бабы все бывалыя, смѣтчивыя; куръ, гусей, поросятъ и прочую живую мелкоту загоняютъ онѣ во дворъ до сумерковъ.

— Неровенъ часъ,—говорятъ,—не поступилъ бы иной поро-

Digitized by Google

сеночекъ куда-нибудь вольноопредѣляющимся да не ушелъ бы въ походъ.

— На нѣтъ и суда нѣтъ, — толкуютъ молодцы, и, возвращаясь въ избу, уговорились такъ: спать до пѣтуховъ; а по первому пѣтуху: — одинъ оборванецъ храпи, а самъ гляди — чуть кто въ избѣ шелохнется, кашляни два раза, съ отбоемъ; другой оборванецъ—бери мѣшокъ и спущайся внизъ, стой у подъизбицы, жди.—А я,—говоритъ Ефремычъ,—встану, напьюсь воды, крякну; коли никто не пошевелится, значитъ спятъ крѣпко; я-же и теленка выберу, ибо брать умѣю: надо брать не съ хвоста, а съ морды, чтобы онъ голосу не подалъ.

— Ладно!

Ложатся хваты. Кто-то у дверей, на лавкѣ, храпитъ въ два голоса. Поглядѣли, а мѣсяцъ прямо соннымъ въ носы свѣтитъ,— спитъ цыганъ съ мальчишкой.

— Ну, эти ничего; чай, умаялись, чужихъ коней отыскивая: намъ не помѣшаютъ.

И всѣ легли.

Въ избѣ тихо. Только сапъ, храпъ, да сонные разговоры безъязыкіе: — куда ѣдеш-ш-шь? — На базар-р-ръ!—Что купиш-ш-шь? — Шля—пууу!—и прочія, все больше глупости, въ нехорошемъ духѣ; не стоитъ вниманія.

Спятъ. А вотъ запѣлъ пѣтухъ; и, по сказанному, какъ по писаному, молодцы тихошенько отправились на промыселъ.

— Ну, держи мѣшокъ, — шепчетъ Ефремычъ, а самъ отворилъ дверь въ подъизбицу и крадется туда бочкомъ.

Сопятъ телята не по-телячьи, словно бѣду чуютъ: вздыхаютъ всѣ, какъ одинъ, вздохомъ бѣлужьимъ. А бѣда тутъ и есть.

— Чтобъ те медвѣдь ломалъ!—подумалось Ефремычу; но онъ тряхнулъ головой:—не мѣшай, вѣдьма, руки не порти!

Крадется, ощупалъ...—о-го!.. такой мохначъ, что и барабанщику на ранецъ не годится!.. А поди-ка сюда, пріятель!—и прямо его за морду.

Какъ ревнетъ во всю пасть, да какъ тряхнетъ цѣпью этотъ мохначъ—и облапилъ солдата, и пошелъ его коверкать да поворачивать..

— Караулъ! спасите! охъ!.. батюшки!— кричитъ Ефремовъ а мохначъ-то его ломаетъ да коверкаетъ, а самъ рычитъ еще; Ефремовъ кричитъ не своимъ голосомъ:—ой, сломалъ! ободралъ! умираю!.. о-хъ! умираю!

Принесли огня. Лежитъ солдатъ, весь въ крови, скомканъ

Digitized by Google

въ тряпку; а медвѣдь только сопитъ, дико морду уставивши; а цыганъ его по башкѣ палкой дуетъ.

Принесли полумертваго солдата наверхъ, въ избу, положили на солому.

— А гдѣ товарищи-то его?—спрашиваютъ.

А ихъ—и слѣдъ простылъ: удрали, да второпяхъ и ранецъ солдатскій унесли никакъ. Догонять некогда; тутъ какъ бы солдатъ не померъ.

Да, дѣло скверное, а очень простое; вотъ какъ оно случилось.

Пока молодцы купались да гуляли по деревнѣ, ища вчерашняго дня, пришелъ вожакъ-цыганъ, съ медвѣдемъ, и попросился переночевать. Въ каменной подъизбицѣ безопаснѣе, молъ.

Хозяинъ, добрый человѣкъ, телятъ вывелъ оттуда въ хлѣвокъ и впустилъ медвѣдя; цыганъ привязалъ его на цѣпь и самъ уснулъ въ избѣ. А прочее, дальше—извѣстно.

Ну, не мимо-же ляпнула словцо Ѳетинья Михѣевна:—„чтобъ те медвѣдь ломалъ!"—аккуратъ такъ и вышло.

Экая, въ самомъ дѣлѣ, волшебница!

Мой разсказъ конченъ, господа. Ободралъ медвѣдь Ефремыча очень хорошо: на спинѣ сдѣлалъ надрѣзъ въ четыре когтя, пониже спины — въ восемь, и чуть-чуть приподнялъ ему черепъ,—видно хотѣлъ поглядѣть, какія-такія тамъ девяносто девять мыслей? Экая любопытная скотина!

Но все это—медвѣжья ломота; а науки медвѣжьей нѣтъ тутъ никакой.

Наука же медвѣжья—вся впереди. Вотъ что разсказывалъ о ней самъ Ефремычъ, выписавшись изъ госпиталя, въ которомъ онъ провалялся *только два мѣсяца*.

— Разскажу я вамъ, братцы, — говорилъ Ефремычъ — все, какъ было, а вы, вѣрьте не вѣрьте,—ваша воля;—а было очень чудно и непріятно... Притащили меня, добра-молодца, въ госпиталь, положили раба Божія на кровать. Пришелъ докторъ, поглядѣлъ и говоритъ: — скверно. — И я чувствую, что скверно. Одначе, налѣпили на раны мои пластыря, перевязали бинтами, дали мнѣ выпить двѣ ложки латинскаго сусла; лежу. Ахти, братцы! тутъ болитъ, тамъ жжетъ, и вездѣ поламываетъ. А въ головѣ все волны-волны ходуномъ ходятъ, и въ глазахъ темно... Вечеромъ опять пришелъ докторъ, пощупалъ пульсъ, поглядѣлъ языкъ, говоритъ:—скверно! горячка большая; дать ему три ложки сусла; — скверно! Висятъ въ палатѣ часы; маятникъ постукиваетъ, все равно что въ голову меня кто-нибудь, добрый чело-

Digitized by Google

вѣкъ, молоткомъ бьетъ, для своего глупаго удовольствія. Поглядѣлъ я на часы—двѣнадцатаго сорокъ пять минутъ; поглядѣлъ кругомъ—всѣ задремали, и фельдшеръ начинаетъ похрапывать; и я вздремнулъ, забылся, уснулъ....

— И вдругъ, слышу—бьетъ полночь. Выступаетъ у меня на лбу холодный потъ; отъ маковки до пятокъ прошла дрожь; гляжу—передо мной стоитъ Ѳетинья Михѣевна и приговариваетъ: — а что, чортъ усатый! хорошо моего пѣтушка ломать? Ты съѣлъ да облизался, а вотъ, пѣтушки за пѣтушка и заступилися. Аль не видалъ ты, воръ-молодецъ, что Русь широка да незабывчива: подъ Курскомъ съѣшь, подъ Владиміромъ отрыгается? Произошелъ ты свѣтъ и науку получилъ,—получай же, голова, науку послѣднюю—медвѣжью!—и баба махнула головой къ дверямъ:—выходи кумъ! — кликнула и пропала... Глянулъ я на двери, а онѣ тихонько отворяются; идетъ, словно въ мягкихъ башмакахъ-мечетяхъ казанскихъ, самъ Михайло Таптыговичъ, медвѣдь муромской, на заднихъ лапахъ идетъ, а передней правой лапой подъ козырекъ держится, а лѣвая по шву виситъ.— Пожалуйте сюда! — промурлыкалъ онъ, на дверь оглянувшися, и идетъ. А за нимъ идетъ гусь, шея перерѣзана и носъ побѣлѣлъ; а за гусемъ, поросенокъ весь осмоленый, бѣжитъ тихошенько и хвостикъ узелкомъ несетъ; а за нимъ — курочка, и еще курочка, и еще гусь, и три уточки, и опять гусь, индѣйки, куры, утки, поросята,—всѣ, кого я при жизни поѣлъ; и ужъ сзади всѣхъ ощипанный пѣтушокъ выступаетъ, — головка съ гребнемъ заломана подъ крылышко; а взводъ кошечекъ ободранныхъ сзади парадируетъ; и передъ взводомъ—поручичьи теплые сапоги на собачьихъ лапкахъ, съ жалостливой мордочкой, и хвостъ поджатъ. Весь церемоніалъ маршируетъ ко мнѣ.—Правое плечо впередъ! стой! во-фронтъ! глаза на пра-во! — и подошелъ ко мнѣ; а самъ все держитъ подъ козырекъ... Душенька во мнѣ вся замерла; а принимать рапортъ надо!.. — Имѣю честь представить вамъ на лицо,—рапортуетъ медвѣдь,—всю сверхштатную вашу продовольственную команду; это вы все скушали. А чтобъ этого во фронтѣ не было впредь, то я буду преподавать вамъ мою науку. А что бы вы, Ефремъ Ефремычъ, не подумали, что я простой лѣсовикъ, и ничего не понимаю, то имѣю честь рекомендоваться:—я самъ изъ первыхъ кончилъ науки въ Сморгонской Академіи и имѣю за то завитушки чистаго желѣза, и, для важности кольцо въ носу, — при этомъ онъ тряхнулъ цѣпью и указалъ себѣ на носъ;—проходилъ я науки по части *чертоломіи*. А какъ я въ сей наукѣ силенъ, сейчасъ увидите... Ну-съ, какъ малыя ребята

Digitized by Google

за горохомъ лазятъ? — И Мишенька почалъ меня ломать и коверкать, приноровляя когти все въ старыя раны. Весь помутился я отъ страха и боли...—Михайло Таптыгичъ! Ваше лѣсное сіятельство! умилосердитесь, отецъ-благодѣтель!.. Ученѣйшій профессоръ! впредь не буду!—кричалъ я придушенымъ голосомъ.—А вотъ сейчасъ, только погляжу ваши мысли, — отвѣчалъ Таптыгинъ.—Какъ теща блины пекла, да угорѣла?—и онъ приподнялъ мнѣ черепъ... — Хмъ-хмъ-хмъ! — пробормоталъ, заглянувъ въ самую мозговню,—не хорошо! — Я обмеръ... однако видѣлъ, какъ проклятый медвѣдь, оставивъ меня въ покоѣ, скомандовалъ всей командѣ шопотомъ:—на-лѣво, скорымъ шагомъ—маршъ!—даже видѣлъ, какъ осмоленый поросенокъ вынулъ изъ-подъ мышки кларнетъ и заигралъ:—„трюмъ-тюр-люлю три-та-та!“..—нашъ же полковой маршъ; и всѣ вышли въ ногу. Я лежалъ какъ мертвый. Когда очнулся, то былъ уже день; передо мной стоялъ докторъ и, держа меня за руку, говорилъ:—скверно, скверно!—Ваше высокоблагородіе!.. явите божескую милость, прикажите на ночь замыкать двери на крюкъ!—меня ломаетъ медвѣдь; мочушки моей нѣтъ!.. Прикажите фельдшеру не спать! — просилъ я доктора.—Хорошо, хорошо, любезный,—отвѣчалъ докторъ, а самъ, обернувшись къ фельдшеру, говоритъ:—скверно! горячка. бредъ... Дать ему пять ложекъ латинскаго сусла!—О, Господи! прости великія согрѣшенія мои!.. Но къ ночи мнѣ сдѣлалось еще хуже со страха. Къ двѣнадцати часамъ всѣ опять заснули, не глядя на мои стоны; а ровно въ полночь опять явился Михайло Таптыговичъ со всей своей командой, и опять ломалъ меня немилосердно, и опять приподымалъ черепъ, и пробормоталъ:—хмъ-хмъ! еще плохо!—Какъ пластъ лежалъ я къ утру; въ чемъ и душа-то моя была — не знаю. Докторъ осмотрѣлъ раны. Подлецъ Тыптыгинъ, съ великаго старанія, сдѣлалъ мнѣ на спинѣ ёще одну царапину. Весь я нылъ отъ боли... Докторъ покачивалъ головой: — горячка, — говоритъ, — большая; больной деретъ себя... Связать ему руки на ночь! Ажъ затряслась вся середка во мнѣ. — Ваше высокородіе, будьте отцомъ роднымъ! опять ломалъ меня медвѣдь проклятый;—прикажите поставить часоваго съ ружьемъ: непремѣнно придетъ онъ и сегодня! Ахъ, я, безчастный! сдѣлайте мнѣ милость! — молилъ я. — Хорошо, хорошо, — отвѣчалъ докторъ, а фельдшеру-то шепчетъ:—скверно, скверно; какой ужасный бредъ!.. Дать ему восемь ложекъ сусла и связать на ночь руки!—А я все слышу... И на третью ночь пришелъ Миша. Вертѣлъ, ломалъ и перевертывалъ по-своему, похвалилъ начальство за то, что меня связали.

Digitized by Google

Я только зубы стиснулъ и глаза зажмурилъ; а отъ боли и дохнуть не могу. Опять таки приподнялъ онъ мнѣ черепъ, заглянулъ подъ него, понюхалъ: — ну, теперь ладно! — и шлепнулъ лапой по головѣ, ажъ искры изъ глазъ посыпались у меня.—Не забудьте же, — говоритъ, — по гробъ моей науки; все основаніе ея въ томъ—*„кто ломитъ откровенно — тотъ молодецъ, а кто воруетъ потаенно—тотъ подлецъ!“* — за симъ—счастливо оставаться!—приложился подъ козырекъ и ушелъ со всей своей командой... Я спалъ, какъ мертвый, трое сутокъ, и когда проснулся, то докторъ держалъ меня за руку и, глядя въ потолокъ, говорилъ:—переломъ прошелъ, все благополучно; дать ему канифоли, сандараку и перцу, а сусла больше не надо.—Ажъ я вздохнулъ свободно первый разъ послѣ всего этого перелому, услышавъ докторское приказаніе, потому что, точно также, какъ обдиралъ меня подлецъ Мишка снаружи, точь въ точь такъ драло по горлу и по всѣмъ требухамъ моимъ проклятое латинское сусло. Однако я вскорѣ выздоровѣлъ, выписался и пошелъ домой, хоть и безъ ранца; и, не взирая на всю сію пакость, вѣковѣчно буду благодаренъ господину доктору за излѣченіе и профессору Михайлѣ Михайлычу Топтыгѣ—за медвѣжью науку его. Оба профессора по своей части весьма сильны, особенно послѣдній; въ этомъ я долженъ признаться, какъ честный человѣкъ.

Вотъ и весь разсказъ самого Ефрема Ефремыча.

Разсказъ маленько чудной, невѣроятный; впрочемъ, чего не можетъ случиться въ лазаретѣ, ночью, въ двѣнадцать часовъ, когда всѣ крѣпко спятъ, и только одинъ бредитъ? Это не мое дѣло.

На томъ бы и надо кончить разсказъ, да что жъ дѣлать, коли на дняхъ повстрѣчался мнѣ землякъ и досказалъ вотъ что.

— Всего двѣ недѣли назадъ видѣлъ я,—говоритъ,—почтеннаго Ефрема Ефремыча. Живетъ, какъ у Христа за пазухой, въ своемъ селѣ, съ женой и ребятишками. По честности считается первымъ человѣкомъ на сто верстъ кругомъ; считался бы и на двѣсти—да съ одной стороны кабакъ, а съ другой острогъ мѣшаютъ; тамъ честныхъ людей не считаютъ. Ведетъ Ефремъ Ефремычъ жизнь трезвую, воздержанную и трудолюбивую. Человѣкъ—первый сортъ по всѣмъ частямъ; любитъ побесѣдовать, потрапезовать; но, чуть увидитъ на столѣ курочку, поросеночка, хоть бы и подъ хрѣномъ, а еще пуще — пѣтушка, онъ и отъ стола прочь.—Нѣтъ,—говоритъ, не хочется! Вотъ, рѣдечки съ квасомъ, грибковъ солененькихъ, аль огурчика съ медомъ—дру-

Digitized by Google

гой разговоръ, а этого не потребляемъ-съ.—Вотъ оно что значитъ—аппетитъ испорченъ!.. Но, если онъ, наложивъ носогрѣйку, заведетъ какую-нибудь рѣчь, такъ всѣ и ротъ разинутъ; умъ прочь—такъ говоритъ! ахти складно, и все справедливо. И на сто верстъ кругомъ извѣстно, что Ефремъ Ефремычъ—человѣкъ разумный и бывалый, и что есть у него въ головѣ девяносто девять мыслей чистыхъ, какъ стеклышко, а есть еще сотая мысль—ясная, какъ само солнышко.

И эту сотую мысль вымолвливаетъ онъ очень коротко, очень ясно и очень вговорчиво. А именно, потирая шрамъ на лбу, оставшійся у него послѣ медвѣжьей науки, говоритъ такъ:—эй, братцы, земляки любезные, сдѣлайте милость — не воруйте. И дикаго звѣря за воровство бьютъ, а Божьему человѣку оно — ахти постыдно! Ну, сдѣлайте-же милость, ни по хозяйственной, ни по продовольственной и ни по какой части не воруйте; ибо все основаніе въ томъ—„*кто ломитъ откровенно—тотъ молодецъ, а кто воруетъ потаенно—тотъ подлецъ*“. Это была, есть и пребудетъ вовѣки—первая на свѣтѣ истина.

Digitized by Google

Digitized by Google

СОБАЧІЙ ЗАСТРѢЛЬЩИКЪ.

Стояли мы на квартирахъ въ Литвѣ. Сторонка небогатая, да угостительная: по всѣмъ трактамъ—что три версты, то корчма и жидокъ на часахъ;—„пане золнерзе, просе на вудецку!“—а цыбуля и баранки въ разбитое окошечко смотрятъ. И былъ у насъ солдатикъ, по спискамъ значился Фроловъ, а въ ротѣ прозывался Берендяй Вралевъ, стрѣлялъ—на оба глаза жмурился, а въ отставку ушелъ „собачьимъ застрѣльщикомъ“. Такъ всѣ и величали его, да подъ-конецъ онъ и самъ привыкъ.

— Эй, „собачій застрѣльщикъ!“ — закричитъ кто-нибудь, а онъ откликается:—я!—вишь, какой молодецъ!

Непригожая кличка, а вотъ изъ за чего вышло это дѣло. Надо сказать, что Фроловъ вралъ и лгалъ такъ, что коли пойдетъ на задоръ—изъ избы святыхъ неси: вретъ да божится. Да и жаденъ-же былъ, не тѣмъ будь помянутъ, въ чистую вышедши; за гривенникъ, бывало, самъ себя оболжетъ, такая сквалыга. Найди кто-нибудь хоть пуговичку,—кто потерялъ?—Я? — кричитъ.—Ну, ему и отдадутъ, — нарочно приготовятъ безъ ушка. Ужъ какъ ни учили его—онъ что дальше, то пуще вретъ. Ужъ такая удача.

Вотъ, какъ-то разъ, вечеркомъ, зашелъ нашъ Берендяюшка къ Гершкѣ, въ шинокъ, что на краю села стоялъ, засталъ тамъ какого-то охотника партикулярнаго, ну, и, по привычкѣ, вретъ съ нимъ, за пивомъ сидя,—радъ, что напалъ на свѣжаго человѣка: хоть слушаетъ, его не знаючи. Слово за-слово, и расхвастался Берендяй:—я-де самъ охотникъ бѣдовой, застрѣльщикъ, то есть, первый по всему полку. Пальба въ цѣль—такъ у меня все это,—говоритъ,—какъ тутъ, въ сердце, да въ сердце. Выйду впередъ—а капитанъ только улыбается:—ты,—говоритъ,—хоть щепки-то оставь отъ мишени; ты,—говоритъ, — дуракъ, всю ее

Digitized by Google

разнесешь,—ей-ей! Ну, я ничего; только, то есть, говорю:—ничего, ваше благородіе! — и тафъ, тафъ! — пуля ужъ, знаете, знаетъ свое мѣсто-съ.

Охотникъ слушаетъ—молчитъ; Гершка слушаетъ, стоя у стойки, да только пожимается:—„ой-вей!“—шепчетъ,—„якзе мозно воеваць съ такимъ?“—А первый стрѣлокъ-отъ стрѣляетъ языкомъ все въ сердце, да въ сердце; промаху нѣтъ. Только—шасть, входитъ еще солдатикъ, Финогѣевъ звался, тоже изъ мѣткихъ и праведныхъ: что слово, то чорту кочерга; свелъ ихъ грѣхъ, на бѣду стало быть.

— Здравія желаемъ!..—Ну, братцы,—говоритъ,—не изъ пугливыхъ я, а набрался же страху, ажъ животъ болитъ!

— Что такое?—спрашиваютъ его.

— Ужъ страсти!—Не больше, вотъ, за полверсты отсюда иду, а мнѣ,—говоритъ,—навстрѣчу семь волковъ, чтобъ ихъ собаки ѣли; свадьба, что-ли, али взбѣсились,—чуть не съ лошадь каждый. Спасибо, случилась сосенка покляпая при дорогѣ; я на нее, какъ кошка; гляжу—а они, оборотни,—нюхъ-нюхъ, да какъ взвоютъ!.. это по душѣ-то моей; ай, чтобъ тѣ сдохнуть! да черезъ ручей—брыкъ-брыкъ! какъ козы. Должно быть, падаль, что-ли тамъ; давай ее рвать да уписывать,—только—трръ, да трръ!.. рвутъ. Я посидѣлъ, поглядѣлъ, потихошеньку слѣзъ, да давай Богъ ноги! ажъ сорочка мокра. Гершка, брюхо болитъ, ставь водки, чтобъ-те волки драли, такія страсти!..

Партикулярный охотникъ къ нему:—полверсты, говоришь, землякъ? за ручьемъ, значитъ, налѣво?.. да вѣдь нельзя подойти къ нимъ; волкъ чутокъ, бестія.

— Чего чутокъ,—отвѣчалъ Финогѣевъ;—отчего не подойти? Теперь какъ разъ противъ вѣтра; ничего не услышитъ.

Охотникъ,—видно, жилка горячая,—недолго думаючи:—мое,—говоритъ,—почтеніе, господа; пойду пытать счастья.

А Фроловъ-то его за руку:—нѣтъ,—говоритъ,—ужъ позвольте-съ! Притраву-то приволокъ я еще съ обѣда, и намѣреваюсь эту ночь сидѣть на волковъ съ товарищемъ однимъ; такъ ужъ извините-съ! Вотъ, только жду его, что-то не идетъ. Еще пожалуй, молъ, для знакомства сдѣлаю уваженіе; пойдемъ вмѣстѣ всѣ. Волкъ вѣдь, сударь мой, не тетеревъ: за хвостъ и уши одни—три рублика-съ въ земскомъ судѣ платится.

Финогѣевъ-то сразу догадался, что вретъ Вралевъ, ну, да своего выдавать не хотѣлось, молчитъ. И порѣшили идти всѣ вмѣстѣ на волковъ; а Гершка, съ ребятишками, на всякой случай

Digitized by Google

почувствовалъ холодъ и забрался на печь, пошептывая:—цыцъ! Янкель, Юдель, Сара, Лапсердакъ,—воуки зьядуць?

Фроловъ попросилъ подождать; — сбѣгаю, молъ, за ружьишкомъ,—вотъ тутъ близехонько, у сосѣда оставилъ.—А самъ бѣгомъ на село, къ экономскому писарю; прибѣжалъ, запыхавшись, какъ на пожаръ, клянется:—одолжите, добродѣй, на часокъ ружья; бѣда,—говоритъ;—заволокъ я съ сумерковъ притраву,—стадо волковъ пришло, штукъ пятнадцать, не меньше! Шли мимо наши солдаты; одинъ убѣжалъ, а двоихъ можетъ быть ужъ и нѣтъ,—безъ вѣсти пропали. Жду товарища, велѣлъ ему съ ружьемъ придти, а его тоже нѣтъ; что сдѣлалось, никому не извѣстно, а жаль: человѣкъ,—говоритъ,—хорошій, и преотмѣнный сапожникъ, и ничего не пьетъ; да вотъ и пропалъ.

Писарь испужался, а писариха какъ смерть побѣднѣла, накинула платчишко, да за дверь.

— Куда?

— Ахти, —говоритъ, — побѣгу, попадьѣ разскажу; жить не могу,—точно такой сонъ видѣла!—и пропала.

— Изволь,—говоритъ писарь,—ружье; да только и я возьму другое и съ вами пойду, а безъ себя ружья не отпущу.

Тоже былъ охотникъ горячій—его и забирюлило.

Пошли. Въ корчмѣ опять совѣтъ: какъ заходить-то, съ разныхъ, что-ли, сторонъ? да и будетъ ли толкъ?—волкъ вѣдь чутокъ, бестія, свѣтритъ.

— Не свѣтритъ!—кричитъ Фроловъ;—я ужъ знаю, что дѣлаю. Притрава положена отсюда какъ разъ противъ вѣтру; нельзя ему свѣтрить; я,—говоритъ,—самъ старый воробей!

— Да вѣдь темень, ничего не увидишь!

— Увидишь! — кричитъ Фроловъ; — положено на взгоркѣ, а мы будемъ подъ взгоркомъ: по небу-то все и видно, какъ волкъ ходитъ; я самъ,—говоритъ,— на томъ зубы проѣлъ!

Пошли, пришли, продрались, подползли. Темно какъ въ печкѣ; однако, въ самомъ дѣлѣ, увидѣли на взгоркѣ, за ручьемъ,—что-то шевелится по небу.

— Т-ссъ! нишкни!

Приложились; шопотомъ, по командѣ—разъ, два, три—бацъ!.. изъ трехъ ружей разомъ, да бѣгомъ туда.

— Повалили шельму!—кричитъ Фроловъ;—гого-го! тащи его!

Ну, и потащили за хвостъ къ корчмѣ.

— А какой дрянненькой! — толкуютъ въ темнотѣ, — это не больше—погодокъ-каналья, должно быть.

— Должно быть такъ!—вопитъ Финогѣевъ;—старики-то свѣ-

Digitized by Google

трили, анаѳемы, разбѣжались. А все-же три рубля — деньги, окромѣ шкуришки!

— Какъ не деньги,—выпьемъ добре.

— А вѣдь, господа, шкура-то, по закону, моя, — говоритъ Финогѣевъ;—я вѣдь повѣстилъ и охоту устроилъ.

— Какъ твоя?—кричитъ Фроловъ; — вишь ты, прыткой какой! Я чуть не вола за пять верстъ тащилъ, да три дни мѣсто пріискивалъ, а теперь твоя... ты, вишь, устроилъ!.. Ишь, братъ, жирно; по бородѣ течетъ,—оботрись-ка!

Приволокли погодка-каналью къ корчмѣ.

— Гершко, тащи фонарь! эй, Гершко!

А Гершко кричитъ съ печи: — за-разъ, панове!—да изъ-за трубы не можетъ вылѣзть,—что не попробуетъ, то все дальше тискается, да, трясучись, думаетъ по-жидовски: — на что тебѣ умирать, Гершко? — два рока аренды пропадетъ... За-разъ панове!.. хиба ютро?—за-разъ!

Ну, наконецъ ужъ Финогѣевъ пошелъ въ корчму за огнемъ. А Фроловъ, тѣмъ часомъ, успѣлъ разсказать компаніи, какъ онъ, въ Минской губерніи, а потомъ на Волыни, а потомъ ещегдѣ-то, попрежде того, сиживалъ на волковъ;—и перевелъ я ихъ, ракалій, безъ числа, то есть одѣлъ,—говоритъ,—въ шубу не одного добраго человѣка и не двухъ!.. все вотъ этакъ же...

Выходитъ изъ корчмы, съ каганцемъ, Финогѣевъ, свѣтъ рукой отслонилъ отъ себя, чтобы освѣтить всего погодка-каналью.

— Вотъ онъ!—завопилъ Фроловъ. Не будешь овецъ душить! каналь...—да и языкъ застылъ,—весь въ крови, лежалъ передъ компаніей, врастяжку, съ высунутымъ языкомъ, рыжій кобель капитанской, гончій „Звонокъ“, первый брехунъ по всей дивизіи.

Вотъ тебѣ и каналья-погодокъ! Разнесли его не хуже мишени Вралева; два-то заряда попало навѣрно.

— Эхъ, ты, *собачій застрѣльщикъ*!—промолвилъ партикулярный охотникъ, глянувъ на Фролова;—теперь цѣлуй его во что попало—да закуси бубликомъ.

Плюнулъ да и ушелъ.

Пока они тутъ убивались да переругивались, глядь—идетъ и деньщикъ капитанскій, Стахѣичъ, посвистывая и покрикивая:—на, на! бывай ту!! на, на! Звонокъ — туу!.. А не видали-ль, братцы...—да и не договорилъ, а самъ увидѣлъ.—Это что?—говоритъ;—кто это?—и выпучилъ глаза на охотниковъ.

Писарь указалъ на солдатъ.

Digitized by Google

— Да вѣдь вы, братцы—подлецы!—возопилъ Стахѣичъ, заломивши руки.

— Что подлецы, хуже этого будетъ,—мурлыкалъ Финогѣевъ, снявъ фуражку и почесывая затылокъ,—гораздо хуже будетъ!

А Фроловъ такъ вперъ глаза въ дохлую собаку, какъ будто онъ самъ всѣмъ корпусомъ непремѣнно хотѣлъ влѣзть въ ея шкуру; да ужъ нельзя!

— Тащи къ капитану; нечего тутъ руками разводить да глаза пялить,—тамъ рѣшенье.

Ну, и пошли всѣ на ротный дворъ. Фроловъ съ Финогѣевымъ несли убитаго брехуна.

Стахѣичъ съ писаремъ шли впередъ. И разсказалъ печальный деньщикъ, что капитанъ подъ вечеръ охотился, подстрѣлилъ зайца, а Звонокъ загналъ его, да видно опотрошили; да вотъ-же и самого опотрошили, сердечнаго. Стахѣичъ чуть не плакалъ:—вѣдь бричку отдали мы вахмистру Подсидѣлѣ за Звонката!—жаловался онъ писарю.

— Ай-ай... бричку!—отвѣчалъ писарь.

— И каку укладисту!.. Заднее колесо какъ новое—куда хошь, хоть подъ артиллерію. Да пришелъ потомъ панъ Подсидѣло, плачется; — не могу жить, пане капитане, безъ пса!.. привезу назадъ бричку!—Мы ему—гитару!—на,—говоримъ,—и это, играй себѣ, только все забудь—песъ все равно, что сдохъ!

— Ай-ай-ай!.. гитару!—повторилъ писарь.

— Въ Варшавѣ, ей-Богу, на укціонѣ купили. Да вѣдь опять же пришелъ панъ Подсидѣло,—плачетъ: — не могу, пане капитане!.. не сплю!—Мы ему—двѣ бритвы; одна совсѣмъ какъ есть, съ черешкомъ даже. — На, — говоримъ, — хоть зарѣжься, нехъ-це дзьяблы возмутъ, а песъ сгинулъ!

— Ай-ай!.. тыле маіонтковъ! (столько, дескать, добра!)—кричалъ писарь. — Да вы совсѣмъ банкруты, панове жолнеры!

А панове жолнеры переругивались межъ собою шопотомъ:—все ты, брехня Финогѣевъ, вишь, — семь волковъ, свинтусъ ты этакой, чтобъ тѣ глаза выскочили!

— А ты-то, вралище, какую тамъ падаль приволокъ?.. Развѣ я те тянулъ за языкъ набрехать силу такую, страмецъ ты безстыжій?

— Одно слово—сто рублей песъ! — кричалъ Стахѣичъ.—Да чего—вотъ теперь, осенью, шесть рублей давали, серебромъ, ей-Богу, — четыре подождать до зимы, — а капитанъ и слышать, почитай-что, не хотѣлъ!.. И вотъ тебѣ капиталы! Экая бѣда!.. Первый брехунъ по дивизіи!

Digitized by Google

— Совсѣмъ банкруты вы, панове жолнеры, — утѣшалъ писарь.

Тѣмъ часомъ замелькали въ темнотѣ огоньки; это ротный дворъ.

— Ай-ай, банкруты!

Ну, да и было же слѣдствіе, — допросъ по дѣлу и судъ по формѣ; — обанкрутили вралей порядочно. Не за собаку, разумѣется,—дѣло нечаянное, не бѣда;—а обанкрутили ихъ за брехню, за лганье. Они, какъ водится, выдали другъ друга цѣликомъ— и все вранье оказалось какъ на ладони.

А Фроловъ съ тѣхъ поръ и остался „собачьимъ застрѣльщикомъ". Всѣ и вездѣ,—развѣ кромѣ списковъ,—а то даже рекрута и мужички-хозяева такъ и звали его; доврался до большой чести.

И съ той поры въ ротѣ, чуть кто учнетъ плести что-нибудь такое неподобное—ему тотчасъ кто-нибудь и шлетъ вопросъ: — *никакъ ты, братъ, въ собаку цѣлишься?*

Вотъ вѣдь какая пословица пошла!

Digitized by Google

КУЧА ДЕНЕГЪ.

Три разсказа.

Изъ воспоминаній банкрота.

Разсказы эти не вымышлены; всѣ они давно извѣстны по преданіямъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи: 1-й—въ Петербургѣ, 2-й—въ юго-западныхъ губерніяхъ и 3-й—въ Москвѣ.

Въ этихъ разсказахъ осмѣяна алчная корысть и зависть, та грѣховная и слѣпая страсть къ деньгамъ, которая во всѣхъ видахъ отвратительна.

Конечно, воспоминанія эти назидательны только для жадныхъ къ деньгамъ,—не всѣ же подвержены этому пороку; однако, нѣкій мудрецъ сказалъ: — никто на свѣтѣ не жалуется только на два обстоятельства: 1-е) что онъ слишкомъ богатъ, и 2-е) что онъ слишкомъ глупъ; хотя и то и другое случается въ людяхъ частенько.

Собственно на случай такихъ встрѣчъ и печатаются сіи достовѣрные воспоминанія остроумнаго банкрота.

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

Сàтана-Пѐргеле *).

Въ одной изъ богатыхъ петербургскихъ гостиницъ расположился пріѣзжій помѣщикъ тамбовской губерніи съ своимъ лакеемъ. Помѣщикъ пріѣхалъ въ столицу только за тѣмъ, чтобы получить изъ ломбарда сорокъ тысячъ рублей денегъ.

Былъ онъ баринъ добрый, но горячій, избалованный, торопкій, разсѣянный, и безъ лакея никакъ не могъ управиться съ своею кругленькою особою; и привычный лакей никакъ не могъ управиться ни съ бариномъ, ни съ собою безъ того, чтобы не выпить при каждомъ случаѣ. Такъ они и проводили жизнь въ разныхъ прорухахъ, но очень привыкли другъ къ другу и къ прорухамъ своимъ.

У лакея каждый день оказывалось что-нибудь прорвано въ амуниціи, или разбита посуда въ передней. Баринъ обругаетъ его:—на тебя не напасешься, разгильдяй!—Зато и у барина—то платка, то перчатокъ, то и всего кошелька въ карманѣ не оказывается:—потерялъ, или забылъ гдѣ-нибудь.

— То-то и есть! — проворчитъ лакей;—на васъ, сударь, не накупишься,—что ребенокъ малый.

— Ну, ну! молчи, глупый человѣкъ!

— Я человѣкъ, какъ человѣкъ! Всѣ, сударь, значитъ, люди, какъ люди...

Противъ этого и возражать нечего.

Вотъ, поутру, напившись чаю, баринъ собирается въ ломбардъ, получить по билетамъ сорокъ тысячъ и потомъ — домой, въ свою любезную тамбовскую деревню. Открылъ онъ свою шка-

*) По фински означаетъ — чортъ проклятый. Обычное *чертыханье* чухонъ, изрядныхъ ругателей.

Digitized by Google

тулку, разобралъ свои бумаги, письма и счеты, ненужные подъ столъ, билеты въ карманъ, выпилъ наскоро, держа ложечку въ рукѣ, послѣдній глотокъ чаю изъ стакана, поперхнулся, закашлялся, хотѣлъ плюнуть всторону и положить ложку въ стаканъ; но второпяхъ кинулъ ложку на полъ, а въ стаканъ плюнулъ.

— Давай, дуракъ, шубу!—кричитъ, осерчавъ, и повязалъ на шею, вмѣсто шарфа, столовую салфетку... Вышелъ, крикнувъ лакею:—вымети бумаги подъ столомъ!

Но лакей былъ совсѣмъ не таковъ: парень разсудительный, не торопкій. Баринъ сѣлъ на извозчика, а онъ отправился безъ шапки въ погребокъ.

И хорошо сдѣлалъ, потому что онъ успѣлъ и выпить, и вернуться въ нумеръ, вымести бумаги, и, запихавъ весь соръ въ каминъ, зажечь сѣрную спичку, какъ вдругъ дверь распахнулась съ такимъ вѣтромъ, что и спичка погасла.

— Гдѣ бумаги?—кричитъ баринъ.

— Въ печкѣ-съ

— Что за несчастіе!

Но несчастія не случилось. Бумаги, вмѣстѣ съ соромъ, еще не были подожжены, и оказалось, что торопкій баринъ засунулъ въ свой карманъ ненужныя письма и старые счеты, а банковые билеты кинулъ подъ столъ, откуда они и были выметены и впихнуты въ каминъ.

— Вотъ спасибо!—кричалъ обрадованный баринъ, вытаскивая изъ золы билеты;—какъ ты умно сдѣлалъ, что ходилъ, разумѣется, въ кабакъ.

— То-то и есть, — отвѣтилъ лакей; — вы хуже маленькаго ребенка, сударь.

— Вѣдь это—сорокъ тысячъ, телячья ты башка! — кричалъ баринъ, хлопая по вытащеннымъ изъ сора билетамъ.

— Да вамъ хоть сто сорокъ тысячъ давай, все тоже будетъ! Будь на моемъ мѣстѣ другой — давно бы все сгорѣло, — ворчалъ лакей.

— Дѣйствительно—умница!.. спасибо тебѣ!—и, звонко хлопнувъ умнаго лакея по лысой башкѣ, веселый баринъ полетѣлъ снова въ ломбардъ.

— То-то и есть! Одно слово—шалыганъ!—проворчалъ лакей и завалился спать;—дескать—дальше отъ грѣха!

Черезъ часъ громъ и трескъ разбудилъ его на самомъ сладкомъ мѣстѣ храпа и носоваго свиста; точно команда чертей ворвалась изъ ада въ комнату.

Это пріѣхалъ изъ ломбарда баринъ.

Digitized by Google

— Чаю! завтракать!—кричалъ онъ.—А ты дрыхалъ?

— Зачѣмъ дрыхать? отдохнуть прислонился...

И лакей повернулся было идти за чаемъ и завтракомъ.

— Постой! гдѣ-бишь? что-бишь? Тово... какъ оно?. — сбросивъ шубу, въ недоумѣніи разсуждалъ баринъ.

— Чево—какъ оно?

— А деньги гдѣ?

— Какія деньги?

— Бѣги, болванъ, внизъ! держи его, возьми его! то-есть деньги забылъ у извощика!..

— У какого извощика?

И, толкнувъ въ шею лакея, баринъ самъ, безъ шапки, кинулся по лѣстницѣ внизъ, на улицу. За нимъ бѣжалъ лакей.

На тротуарѣ стояли: баринъ, швейцаръ, лакей, и всѣ трое, разинувъ ротъ, глядѣли во всѣ стороны ..

— Я забылъ въ саняхъ деньги, сорокъ тысячъ, на извощикѣ! — вопилъ баринъ.

— Прикажите подавать-съ —подчивали разные извощики; но того „ваньки“, на которомъ баринъ пріѣхалъ, и слѣдъ простылъ...

— Ахъ, ты, чортъ тебя возьми!.. — кричалъ помѣщикъ; — вѣдь сорокъ тысячъ!..—онъ былъ въ отчаяніи.

— То-то и есть,—ворчалъ свое лакей.

— Это случается,—сказалъ свое мнѣніе швейцаръ.

— Ахъ, въ ротъ тѣ малина! — вопили извощики; — неужто сорокъ тысячъ, братцы?

Что теперь дѣлать?

II.

Бѣлоглазый петергофскій чухна *Сáтана-Пѐргеле*, какъ называли его въ извощичьей артели всѣ, и лужскіе, и гдовскіе, и нарвскіе „ваньки“, былъ безталаннѣйшій изъ всѣхъ безталанныхъ чухонъ. Онъ ѣздилъ уже лѣтъ восемь на своей рыжей „ведкѣ“—т. е. шведкѣ, на плохихъ санишкахъ съ собачьей полостью, безъ всякаго успѣха, хотя ошморгалъ весь свой кнутишка и уже употреблялъ въ дѣло кнутовище.

На Большой Мѣщанской толстый баринъ выходилъ съ узломъ изъ ломбарда и крикнулъ ему:—подавай!—Ткнувъ тычкомъ кнутовища въ хвостъ свою шведку, зачмокалъ и задергалъ возжами *Сáтана-Шѐргеле* и подкатилъ подъ крыльцо.—Пошелъ!—Поѣхали.

Дорóгой избалованному барину надоѣло держать на холоду въ рукахъ узелъ съ деньгами, которыя онъ завязалъ въ сал-

Digitized by Google

фетку, захваченную вмѣсто шарфа въ своей гостиницѣ; онъ пихнулъ узелъ себѣ подъ ноги, ногами забилъ его подъ сидѣнье и такъ продолжалъ путь. На пути онъ попробовалъ было, отъ нечего дѣлать, засвистать, но оказалось холодно, —губы не дѣйствуютъ. Онъ задумался: сперва о борзой собакѣ у своего тамбовскаго сосѣда, потомъ о смазливенькой магазинщицѣ, у которой вчера онъ покупалъ перчатки, которыя вчера же и потерялъ, потомъ удивился длинѣ, въ обѣ стороны, Невскаго проспекта, и сейчасъ же заглядѣлся на бархатный хвостъ вальяжной барыни, выметавшей этимъ хвостомъ всю панель...

Въ такихъ разныхъ мысляхъ подъѣхалъ баринъ къ своей гостиницѣ.

— Стой!

— Вишь, бѣлоглазый, на рысакѣ подкатилъ.

— Ай да *Сатана-Пѣтеле*!..—трунили извощики, толпящіеся всегда у подъѣздовъ трактирныхъ.

Барину показалось занятнымъ такое имя.

— Развѣ такъ его и зовутъ?—спросилъ онъ у зубоскаловъ.

— Какъ же, ваше сіятельство: *Сатана*—имя, *Пѣтеле*—фамилія! Его весь Питеръ знаетъ.

Веселый баринъ и въ самомъ дѣлѣ повѣрилъ, что это такое имя.

— Вишь, какая знаменитость,—подумалъ онъ, кинулъ этой знаменитости двугривенный, выскочилъ изъ саней и полетѣлъ по своей лѣстницѣ.

— Чаю! завтракать! — кричалъ онъ, войдя въ комнату, и, какъ мы видѣли--спохватился о деньгахъ.

Тѣмъ часомъ, *Сатана-Пѣтелъ*, какъ говорится, повезло; чуть ссадилъ онъ барина—какая-то прохожая мадамъ, съ картонкой, наняла его куда-то далеко, вродѣ того, что „къ чорту на кулички“.

Привезъ онъ барыню, получилъ деньги и, не кормя лошади, опять повезъ какого-то купчика въ Измайловскій полкъ; оттуда снарядили его на Пески,—и пропалъ онъ изъ виду, чмокая, передергивая возжами и облупливая кнутовище о бока своей шведки.

Баринъ, съ швейцаромъ и лакеемъ, которыхъ мы оставили безъ шапокъ на тротуарѣ, мудро порѣшили, что скорѣе надо дать знать о такомъ казусѣ полиціи; поэтому баринъ поспѣшно отправился къ оберъ-полиціймейстеру, а лакей, не спѣша—въ кабачокъ.

Баринъ засталъ дома начальника полиціи и сталъ впопыхахъ

Digitized by Google

объяснять ему дѣло такъ, что сперва его приняли за пьянаго, потомъ за помѣшаннаго, наконецъ признали, такъ-себѣ, за придурковатаго; на томъ и остановились.

— Ну-съ, какія деньги?.. откуда?—спрашивалъ начальникъ.

— Изъ Мѣщанской, изъ ломбарда, изъ гостиницы, гдѣ я квартирую...

— Да говорите толкомъ:—чьи деньги?

— Это, ваше превосходительство, моя тетенька, черезъ другаго моего дяденьку, взыскала долгъ съ помѣщиковъ, братьевъ Краснохвостовыхъ, которые обанкрутились...—скороговоркой и съ брызгами залепеталъ-было баринъ; но полиціймейстеръ перебилъ его:—ваши деньги, что ли?

— Мои-съ.

— Гдѣ же они?

— Увезъ!..

— Кто?

— *Сатана-Пѣргеле*!..

Полиціймейстеръ поглядѣлъ барину въ глаза, повернулся и, махнувъ рукой, сказалъ:—ступайте въ больницу,—вы нездоровы.

— Ей-Богу, нѣтъ, ваше превосходительство! *Сатана-Пѣргеле* увезъ! свидѣтели есть! Сдѣлайте милость;—это извѣстный въ Петербургѣ извощикъ!

Къ великому счастію барина тутъ же стоялъ полицейскій офицеръ, знаменитый по части розысковъ и дознаній, Шерстоломовъ. Это былъ господинъ изъ тѣхъ немногихъ, и даже рѣдкихъ въ человѣчествѣ господъ, которые видятъ три аршина въ землю, да саженей пять подъ водой; а о прочихъ серьезныхъ мѣстахъ и толковать нечего,—отъ такихъ господъ, по этому случаю, нельзя никуда спрятать даже иголки; укралъ-ли, потерялъ-ли—все равно, онъ найдетъ. Всѣ говорятъ:—пропало!—а онъ говоритъ:—ничего не бывало,—вотъ оно-съ!—и покажетъ тебѣ вещь; да не только вещь, а даже и деньги могъ-бы найти, если бы захотѣлъ. Вотъ, начальникъ и сказалъ ему, указывая на барина:—опросите.

Дѣло объяснилось. Шерстоломову же порученъ и розыскъ.

На всѣ дознанія бѣдный баринъ ровно ничего не могъ сказать положительнаго и толковаго.

— Лошаденка, кажется, рыжая; одно ухо у нея, а можетъ быть и у другой лошади, съ которой она у самаго подъѣзда стукнулась лбомъ,—навѣрно не знаю,—а только рѣзаное, какъ у казанки. Одно, за что ручаюсь,—извощика зовутъ—*Сатана-Пѣргеле!*

Digitized by Google

— Дѣло глупо,—промолвилъ Шерстоломовъ;—теперь дѣлать нечего; подождемъ вечера.

— Помилуйте, до вечера онъ все пропьетъ!.. Жертвую три тысячи-съ!

— Дѣло, конечно, не совсѣмъ глупо,—возразилъ Шерстоломовъ,—но, всетаки, не горячитесь.

И ловкій развѣдчикъ принялся за дѣло по своему. На ноги подняты всѣ кварталы, и приказано расторопнымъ городовымъ находиться наготовѣ по близости каждой артели извощичьей, но скрытно, и, когда съѣдутся всѣ извощики домой—вдругъ запереть ворота и осмотрѣть у всѣхъ сани.

Такъ и сдѣлано.

Баринъ отправился на поиски съ самимъ Шерстоломовымъ.

Надо же такого ослинаго счастья: въ назначенный, уже поздній часъ, ворота у всѣхъ извощичьихъ дворовъ были заперты; и только успѣлъ войти слѣдователь съ бариномъ на одинъ изъ дворовъ, вдругъ кто-то крикнулъ въ темнотѣ: — эй, ты, *Сатана-Пѣргеле!* гляди, твоя шведка оглоблю сломаетъ, лѣшій!

— Гдѣ *Сатана-Пѣргеле?* — возопилъ баринъ; — сто рублей тебѣ!

Голоса засмѣялись.

— Огня! — крикнулъ слѣдователь; но не успѣли принести фонарь, а баринъ уже подбѣжалъ къ санямъ, въ которыхъ запряженная шведка пробовала лечь на оглоблю, а *Сатана-Пѣргеле* билъ ее кнутовищемъ.

— Здѣсь! вотъ они!—вопилъ баринъ и держалъ высоко надъ головой бѣлый узелъ.

Онъ нашелъ свои деньги тамъ, куда самъ же пихнулъ ихъ, въ саняхъ, подъ сидѣньемъ.

Воцарилось общее молчаніе; притащили еще два фонаря.

Баринъ вынулъ изъ своего боковаго кармана бумажникъ, а изъ него сторублевую бумажку.

— На тебѣ, честная душа, милѣйшій другъ, *Сатана-Пѣргеле*, на водку!—и предложилъ деньги остолбенѣлому чухнѣ.

— Вотъ такъ притча!—шептали извощики;—ай да баринъ!..

— А знаете ли вы, братцы, сколько тутъ всего, ась?.. Сорокъ тысячъ рублевъ, какъ дровъ!—и, развязавъ узелъ, баринъ показалъ изумленному міру цѣлую кучу денегъ...

— Ай-ай! Эва-на! Эх-ма!!.

Тихія восклицанія замирали въ устахъ; въ полумракѣ слышалось глотаніе слюнокъ, какъ будто надъ пирогомъ съ голодухи; нѣкоторые потирали себѣ животы, какъ въ легкую холеру.

Digitized by Google

— То-о-шнехонько!... Вотъ такъ на!.. Сорокъ тысячъ!!.

Городовой, изъ евреевъ, знатокъ и любитель денегъ въ какомъ угодно количествѣ, неподвижно уставленными глазами точно прогвоздилъ насквозь весь узелъ и самъ таялъ; деньги, казалось, шевелились и чуть не пищали:—пустите насъ къ этому дяденькѣ!..

Всѣ вздохнули.

— Сорокъ тысячъ, какъ одна копѣйка!—пѣлъ баринъ, точно на флейтѣ игралъ.

— Сорокъ тысячъ...—шепталъ сердобольный хозяинъ извощичьей артели и... не удержался—заплакалъ, сердечный;—я,—говоритъ,—очень радъ!—а у самого даже забурлило въ животѣ.

— Чтобъ тѣ лопнуть!—доносился изъ избы старушечій сердитый голосъ...—Вишь ты, сорокъ тысячъ!..

Кто-то кому-то въ потьмахъ, по ошибкѣ, далъ въ шею, и никто не обидѣлся, а всѣ прошептали:—сорокъ тысячъ!

Даже въ воздухѣ пронеслось какое-то вниманіе и луна бочкомъ поглядѣла съ темныхъ небесъ на узелъ барина, разумѣется, ничего не сказала, но, видно было, что хотѣлось и ей сказать:—сорокъ тысячъ!

Въ избѣ заплакалъ младенецъ.

— Спи, чертенокъ!—ругаясь, кто-то промолвилъ и шлепнулъ его звонко.

— Вотъ тебѣ, милѣйшій мой *Сатана-Перпеле*, еще сто рублей!—пропѣлъ баринъ,—и въ черствой рукѣ чухонца очутилась другая сотенная бумажка.

— Прощайте, друзья! Премного я доволенъ; дай Богъ вамъ ѣздить хорошо! Прощайте!..

Не вдругъ догадались всѣ отвѣтить привѣтливому барину: и ужъ когда онъ съ узломъ и съ слѣдователемъ сѣли въ сани — раздались голоса:—счастливо вамъ, баринъ! Прощайте. Еще побывайте!...

— И таки — еще поди сюда, *Сатана-Перпеле*! — крикнулъ баринъ.—Вотъ тебѣ, незабвенный мой, и еще сто рублей! — и опять въ рукѣ чухны прибавилась сторублевка.

Господа укатили. Полиція разошлась довольно мрачно, ибо было вообще темно...

И всѣ вздохнули свободнѣе, точно будто со всего двора, съ дома и со всей артели извозчичьей, свалился какой-то камень тяжелый, по крайней мѣрѣ въ сорокъ тысячъ пудовъ...

Однако, нѣкоторыя лошади такъ и остались не напоены, а

Digitized by Google

нѣкоторымъ не засыпано овса. И они будутъ помнить сорокъ тысячъ рублей.

Да, господа, не шутите: сорокъ тысячъ зеренъ гороху—и то объѣстся человѣкъ; а сорокъ тысячъ рублей серебромъ... да это въ сорокъ лѣтъ не проѣшь, не пропьешь!..

Извощики поахали, подивились, поужинали, помолились и залегли спать.

— Ну, господинъ хозяинъ!—(ужъ теперь не бѣлоглазый *Са́тана-Пѐргеле*), отзывались, ложась на покой, извозчики счастливцу,—завтра литки съ тебя!.. принимай поздравленіе! Вотъ заживешь-то...

Чухна молчалъ.

Всѣ погуторили, повздыхали и, всетаки, уснули.

III.

Въ избѣ всю ночь кой-кого щупалъ домовикъ; иного перло изъ-нутра словно кулакомъ въ подмикитки; другимъ пустило тошноту по всему животу: сорокъ тысячъ дѣйствовали... Одначе, всѣ спали.

Не спалъ одинъ—*Са́тана-Пѐргеле*.

Его мучила корысть,—сорокъ тысячъ стояли у него въ глазахъ. Да еще не спала луна; она глядѣла прямо въ глаза счастливцу.

И показалось ему, что луна смѣется надъ нимъ.

— Ну, чего ты пялишь въ меня глазища?—тихо и почухонски бормоталъ ей бѣлоглазый.

Луна ничего не отвѣчала, а только кивнула бочкомъ головой и, переломивши свой серебряный лучъ свѣта черезъ переплетъ оконной рамы, точно будто прошептала беззвучно:—дуракъ!

— Чего дуракъ? за што дуракъ? чево ты лаешься?—шепталъ *Са́тана-Пѐргеле*.

Луна опять молчала, а только раза два точно кивнула головой:—эхъ, ты, дуралей! полъ дня таскалъ на своей клячѣ сорокъ тысячъ и прозѣвалъ! На, выкуси теперь, болванъ!

Чухну передернуло наискосокъ живота со злости.

— Развѣ я зналъ? чего ты наругаешься? развѣ хоть бы чортъ шепнулъ мнѣ!—и ему точно терпугомъ повело по спинной кости...

Онъ заскрежеталъ зубами и зажмурился...

А луна усмѣхается лучемъ холоднымъ и лѣзетъ этимъ лучемъ ему подъ рѣсницы; чухна вздрогнулъ, хлопнулъ глазами—луна глядитъ.

Digitized by Google

— Эхъ, ты, бѣлоглазый сычъ! Лежитъ сорокъ тысячъ, а онъ, какъ свинья,—чмокаетъ, да претъ себѣ... Ужъ именно *Пе́ргеле*—слѣпыя бѣльма!..—только вотъ не скажетъ этого луна, а все это точно написано по ней.

Холодный потъ началъ выступать на лбу, на груди, на спинѣ чухны. Пальцы ногъ закрючились и коченѣли; ладони рукъ горѣли. Онъ вздохнулъ, какъ на берегу сухомъ рыба-сомъ.

— Эхъ ты, дуракъ-дуракъ! Образина ты слѣпая! Прощай, дуралеина!—и луна тихонько спряталась за уголъ оконный.

Еще покоробило бѣднаго чухонца; судорожно скорчился онъ и опять вытянулся. Водворилась тишина; всѣ храпѣли, сопѣли, носами свистали... спали...

Луна ушла далеко. Наступила темень, и сквозь нее сталъ брезжить чуть замѣтный свѣтокъ. Однако, пѣтухъ не проспалъ; онъ чуть-чуть встрепенулся, потомъ, переступивъ съ ноги на ногу на нашести, чтобъ держаться покрѣпче, похлопалъ крыльями, потомъ, вытянувъ шею, опустилъ хвостъ, прижмурился, взялъ высокую ноту и рѣзанулъ основательно,—да вдругъ оборвался, точно ему комаръ въ горло влетѣлъ—сконфузился на самой серединѣ пѣсни, которую онъ давно знаетъ наизусть...

— Что за оказія!—подумалъ пѣтулъ и испуганными глазами покосился на балку навѣса...

Подъ балкой качалась какая-то тѣнь....

Но, успокоившись, пѣтухъ повернулся однако хвостомъ къ балкѣ и пѣть какъ будто раздумалъ; только вывелъ очень тихую и непріятную, куриную ноту, нахохлился и уснулъ.

Извозчики проснулись и, одинъ за другимъ, выходили къ своимъ конямъ.

— Эй, Ванюха! Тришка! Съ нами сила крестная! Эй, робята, сюда!

— Чаво горланишь?

Однако, на зовъ товарища извозчики взглянули—и только руками всплеснули.

На возжахъ, привязанныхъ къ балкѣ, въ петлѣ, съ кривой улыбкой въ рыжей бородѣ, и съ полузакрытыми, неподвижными глазами—висѣлъ *Са́тана-Це́ргеле* скомкавъ въ окостенѣломъ кулакѣ триста рублей...

Значитъ, до сорока тысячъ не доставало у него тридцати-девяти тысячъ семисотъ рублей, кто знаетъ ариѳметику!...

Какъ не повѣситься дураку, коли зависть гложетъ сердце?

Digitized by Google

II.

Большой носъ.

Въ славномъ городѣ Бердичевѣ цѣлый день, кромѣ шабаша, кишмя кишитъ все почтенное населеніе промышленныхъ евреевъ; торопливые переговоры, восклицанія, божба и ругань ихъ сливаются въ какой-то безконечный стрекотъ и стоятъ въ воздухѣ.

Въ одинъ прекрасный день по главной улицѣ катила ровной рысцой четверня ражихъ, но усталыхъ коней; въ высокихъ краковскихъ хомутахъ, съ красными полотенцами и лисьими хвостами, четверка была запряжена въ прочную бричку, завѣшанную кожанымъ фартукомъ. На козлахъ сидѣлъ возница въ высокой молдаванской шапкѣ, похлопывалъ бичемъ и покрикивалъ на проходящихъ: — на-бокъ! — Въ бричкѣ покоилось какое-то, должно быть, очень важное лицо, но его не было видно,—величественно торчалъ только одинъ носъ, не совсѣмъ обыкновенныхъ, и даже рѣдкихъ размѣровъ.

Словно по командѣ, при въѣздѣ брички застрекотала вся улица; рядомъ съ колесами, ступеньками и пристяжными бѣжало побольше десятка факторовъ; всѣ горланили разомъ, махали шапками, тянули бричку каждый къ себѣ,—и издали могло-бы показаться, что эти скороходы сами несутъ на рукахъ и лошадей, и бричку, и нарочно вертятъ пальцами колеса. Бичъ щелкалъ по нимъ безъ всякой пользы, и только иногда, мѣтко попавъ кому-нибудь по икрѣ, обтянутой грязнымъ чулкомъ, заставлялъ его подскочить; зато гвалтъ и стрекотанье раздавались еще пуще. Такъ ловкій кузнецъ, раздувая мѣхомъ жаръ, плеснетъ туда водицы— и уголья затрещатъ, зардѣютъ въ горнилѣ и пыхнутъ бѣлымъ полымемъ.

Тутъ же, около факторовъ, по обѣ стороны, неслась стая разнаго возраста и пола мелкихъ торгашей; баранки, вакса, спички, кольца, мыло и всякая мелочь выкрикивалась пронзительно, и, какъ туча чиликающихъ и ныряющихъ пташекъ провожаетъ спокойный полетъ въ воздухѣ ястреба, такъ эта стая летѣла за бричкой.

Но ворота одного богатаго каменнаго заѣзднаго дома отворились, и, стуча въ деревянный помостъ копытами, нырнула туда четверка съ бричкой.

Ворота захлопнулись. Стая вздохнула; сейчасъ же всѣ перепугались, и нѣкоторые другъ друга мазнули по мордасамъ.

Digitized by Google

Лучшая комната въ домѣ, съ зеркаломъ въ золоченой рамѣ, съ серебряными шандалами, съ толстымъ ковромъ подъ диваномъ, съ люстрой на потолкѣ, и слоемъ пыли въ полтора пальца вездѣ, предложена гостю.

Хозяинъ, купецъ Шмуйлъ Юдель, пузатый, въ пестромъ жилетѣ, при часахъ, въ атласномъ халатѣ и бархатной, вышитой серебромъ и золотомъ по краямъ, ермолкѣ, самъ встрѣтилъ гостя.

— Оцень просимъ позаловаць!

Большой носъ, съ обладателемъ своимъ, вдвинулся въ комнату; а за нимъ кучеръ въ шапкѣ насилу тащилъ за мѣдныя ручки претяжелую, въ кожаномъ чехлѣ, шкатулку. Баринъ указалъ пальцемъ на столъ передъ диваномъ; кучеръ поставилъ шкатулку, крякнулъ, снялъ шапку и вышелъ.

— Може приказите съ дороги завтракъ, или цаю? — спросилъ, приподнимая ермолку, хозяинъ.

— Можно,—и баринъ огладилъ чехолъ шкатулки.

Черезъ полчаса хозяинъ уже сидѣлъ съ гостемъ за чаемъ, и они успѣли распросить другъ друга обо всемъ, что имъ надо. Хоть, по настоящему, какого же рожна нужно людямъ, встрѣтившимся въ первый и, можетъ быть, въ послѣдній разъ въ жизни; но поболтать надо, хоть для политики.

Хозяинъ разсказалъ, что онъ тутъ занимается по коммерціи и все больше казенными подрядами;—потому что, — объяснялъ онъ глубокомысленно,— все хорошо, а казенный подрядъ лучше всего!

Гость отвѣтилъ только:—гмъ! — и кивнулъ головой насчетъ казеннаго подряда; самъ же разсказалъ, что онъ занимался заводами и хозяйствомъ въ Бессарабіи; но и заводы и хозяйство ему надоѣли, и вотъ, сбывъ заводы и продавъ довольно выгодно пятнадцать тысячъ шпанскихъ овецъ, побывавъ въ Варшавѣ, отправляется онъ на Кіевъ, въ Одессу, и думаетъ открыть... Гость побарабанилъ пальцами по шкатулкѣ и, разсѣянно взглянувъ на окно, проговорилъ:—открыть какую-нибудь контору ..

— Банкирскую? — спросилъ Юдель и взялся пальцами за кончикъ своей бороды.

— Да, въ этомъ родѣ...

Юдель не могъ скрыть своего, внезапно утроеннаго, почтенія къ гостю; но гость не обратилъ на это даже и вниманія и высморкался такъ громко, что на улицѣ залаяла, мимо бѣжавшая собака.

— Контора—хоросее дѣло! Оцень хоросее дѣло! — вздыхая произносилъ Юдель.—А позвольте узнать васу фамилію?

Digitized by Google

— Моя фамилія очень извѣстная; насъ много не только въ Бессарабіи, но и въ Одессѣ, въ Москвѣ, въ Петербургѣ, а въ особенности на Кавказѣ; мы, такъ сказать, выросли оттуда. Вы, вѣроятно, слышали фамилію—Мецъ Кинтъ?

— Дѣйствительно слыхалъ,—припоминая, подтвердилъ Юдель.

— А знаете вы, что это значитъ въ переводѣ?

— Не могу этого знать!

— Это значитъ—большой носъ,—и гость улыбнулся, указывая на свой носъ.

— Дѣйствительно, знаменитая фамилія! — отвѣчалъ Юдель, съ почтеніемъ глядя на большой носъ.

— Да-съ!.. Однако, почтенный хозяинъ, я теперь отдохну немножко. Потомъ мнѣ надо часика на три, на четыре, толкнуться кой къ кому,—хотя я ровно никого здѣсь не знаю; — а завтра, послѣ чаю, въ путь!—и „Большой носъ“ протянулъ руку хозяину; тотъ раскланялся, задомъ ушелъ въ свою комнату, рядомъ съ комнатой гостя, и приперъ дверь.

Но гость былъ человѣкъ, видно, обстоятельный,—онъ заперъ за хозяиномъ дверь на ключъ.

* * *

Юдель остановился посреди своей комнаты и задумался глубоко, даже почему-то болѣзненно. Онъ крутилъ пальцами кончикъ своей бороды и глядѣлъ въ одну точку пола такъ упорно, какъ будто хотѣлъ глазами пробуравить тамъ дыру.

Что же его такъ озаботило?

Разныя мысли: во-первыхъ—шкатулка; — какъ сметливый и храбрый солдатъ съ одного взгляда видитъ и понимаетъ силу и вооруженіе идущаго навстрѣчу врага, такъ точно и сметливый еврей вмигъ смекнулъ,—чѣмъ заряжена эта тяжелая шкатулка;— во-вторыхъ, къ кому же гость хочетъ здѣсь толкнуться?.. самъ же онъ сказалъ, что никого здѣсь не знаетъ... Это отводъ; тутъ что-нибудь да не такъ! Какъ же было не задуматься Юделю, который весь стоитъ на деньгахъ и на хитростяхъ?.. Онъ думалъ упорно.

Вдругъ—за дверьми два раза щелкнулъ звонкой пружиной, должно быть англійской работы, замокъ... Юдель приподнялъ руку и, прислушиваясь, открылъ ротъ. Слышно было, что у гостя отворяется шкатулка, что-то шелеститъ, потомъ такъ тихо и звонко побрякиваетъ, какъ будто за темнымъ кустикомъ, или за уголкомъ, кто-нибудь украдкой цѣлуется.

Юдель тихонько принесъ къ двери стулъ, влѣзъ на него,

Digitized by Google

осторожно вынулъ изъ тонкой доски створчатой двери маленькую пробочку, вродѣ вывалившагося сучка,—открылась дырочка въ пятачекъ;—Юдель прилежилъ къ ней свой черный, сверкающій глазъ...

Что онъ тамъ увидѣлъ, того вы мои добрѣйшіе читатели, конечно, отъ роду не видали! Да и самъ-то я видѣлъ... право, не помню, чуть-ли не во снѣ.

Вотъ, что увидѣлъ Юдель...

Вся внутренность шкатулки, больше аршина длины, почти въ аршинъ ширины, и побольше полуаршина вышины, заставлена была въ нѣсколько рядовъ бѣлыми бумажными столбиками, въ двугривенный окружности и вершка въ два вышины каждый; точно патроны въ казенномъ ящикѣ. Но патронъ что такое?—каждымъ можно убить человѣка, и все тутъ; а тутъ каждый столбикъ, пожалуй, могъ чуть что не оживить мертвеца, право!

Гость сидѣлъ въ своей комнатѣ наискось отъ дырки, въ которую глядѣлъ, не моргнувъ, Юдель, и перебиралъ эти столбики; развернулъ одинъ и высыпалъ себѣ на ладонь, какъ жаръ свѣтлые червонцы, штукъ съ пятьдесятъ изъ столбика. А столбиковъ было видимо-невидимо, ряда въ три въ вышину... Юдель затрепеталъ, но не порушился ни одинъ волосъ въ его бородѣ.

Пять столбиковъ высыпалъ гость сперва на руку, потомъ тихо опустилъ золото въ свой кошелекъ, потомъ закрылъ шкатулку, два раза щелкнулъ замкомъ съ звонкой пружиной, а вынутый ключъ спряталъ въ чехолъ подъ шкатулкой и чехолъ застегнулъ на пряжки.

Гость всталъ.

Юдель скорѣе отскочилъ отъ дверной дырки, безъ малѣйшаго шума заткнулъ ее, какъ тѣнь спустился со стула и отнесъ его отъ дверей. Потомъ сѣлъ на диванъ, вздохнулъ и задумался. Какъ видно, былъ онъ человѣкъ задумчивый; а такіе выдумываютъ иногда очень замысловатыя вещи.

Пока гость ходилъ по комнатѣ,—и потомъ слышно было, что онъ вышелъ и заперъ за собою на ключъ двери,—Юдель уже выдумалъ какую-то, должно быть забавную, штуку.

Онъ сейчасъ-же кликнулъ прикащика своего, Сруля.

Явился, точно изъ огня, рыжій, съ золотистымъ отливомъ, и съ черными, какъ уголь, бѣгающими глазами, Сруль. Юдель отдалъ ему приказаніе, по которому Сруль вышелъ на крыльцо и внимательно занялся исправленіемъ какой-то мѣдной пряжки, съ ремнемъ. Но глаза его, какъ мыши изъ норъ, зиркали по

Digitized by Google

сторонамъ и, конечно, лучше видѣли всю улицу въ оба конца, нежели свою мнимую работу.

Тѣмъ часомъ Юдель занялся своею выдумкой. Сперва онъ заложилъ на крючекъ дверь своей комнаты, потомъ взялъ ключекъ бумаги и карандашъ, опустилъ верхнюю задвижку и поднялъ нижнюю въ половинѣ дверей сосѣдней комнаты, гдѣ остановился проѣзжающій, затѣмъ толкнулъ дверь—и обѣ половинки ея свободно отворились, хотя замокъ былъ запертъ на ключъ, но затворъ ключевой былъ очень коротокъ. Не теряя ни минуты, онъ подошелъ къ шкатулкѣ, досталъ ключъ изъ чехла, отперъ ее, пристально оглядѣлъ весь порядокъ уложенныхъ свертковъ, быстро выложилъ на столъ всѣ столбики, которыми была наложена шкатулка, затѣмъ записалъ число ихъ на своей бумажкѣ, потомъ изъ каждаго столбика вынулъ по одному золотому и прибавилъ ихъ къ каждому столбику нижняго яруса,—и все это опять позаписывалъ;—наконецъ, изъ крайняго нижняго столбика вынулъ три полуимперіала, досталъ изъ своего жилетнаго кармана кошелекъ и, взявъ изъ него пять голландскихъ червонцевъ, прибавилъ ихъ въ столбикъ вмѣсто трехъ золотыхъ. Не смотря на проворство, съ которымъ производилась эта продѣлка, прошло уже около часа времени. Юдель свѣрилъ все съ своей запиской, подумалъ минутку и побѣжалъ въ свою комнату, тамъ досталъ изъ шкафа двѣ какія-то, завернутыя въ бумажки, маленькія вещицы и бережно сунулъ ихъ въ промежутокъ нижнихъ столбиковъ; еще разъ обозрѣлъ все, заложилъ по прежнему бумагой и заперъ шкатулку, нисколько не нарушивъ положенія ни одного ремешка чехольнаго; затѣмъ вернулся въ свою комнату, заперъ дверь и засунулъ ее, какъ было, обѣими задвижками.

Тогда только Юдель вздохнулъ, но такимъ вздохомъ, какъ будто онъ сбросилъ съ плечъ, принесенный съ конца города, цѣлый куль муки. Онъ отеръ со лба и съ-подъ ермолки потъ.

Что такое выдумалъ Юдель и къ чему вела эта продѣлка, можетъ быть и не догадался бы самъ хозяинъ шкатулки, если бы даже былъ свидѣтелемъ повѣрки своихъ капиталовъ; но каждый, сколько-нибудь наблюдательный человѣкъ, поглядѣвъ на лицо Юделя, понялъ бы, что въ душѣ его происходило нѣчто весьма тревожное. Поглядѣвъ на него, неопытный докторъ сказалъ бы, что онъ очень нездоровъ, а опытный мошенникъ догадался бы, что онъ непремѣнно укралъ, и таки порядочную сумму. Но мы видѣли, что тутъ еще не было ни того, ни дру-

Digitized by Google

гого, хоть могло быть и то и другое. А, можетъ быть, все это шутка?..

Гость замѣшкался въ городѣ, сверхъ ожиданія; уже смеркалось, когда онъ вошелъ въ свою комнату. Юдель притаилъ дыханіе. Но минуты черезъ три гость небрежно засвистѣлъ такую безпечную ерунду, что даже Юделю стало повеселѣе на душѣ.

Вскорѣ слышно было, какъ гость кликнулъ своего кучера, разспросилъ о лошадяхъ и приказалъ къ восьми часамъ утра быть готовыми въ путь, а теперь принести ему подушки. Постучался онъ къ хозяину, позвалъ его, но Юдель молчалъ и притаился, какъ заяцъ въ капустѣ. Еще посвистѣвъ сквозь зубы неладную свою пѣсенку, гость завалился на диванъ и черезъ четверть часа захрапѣлъ, сперва какъ будто вдали, а потомъ далъ полную волю своему здоровенному носу. Носъ, видно, шутить не любилъ: сначала наладилъ все одну дрожащую басовую струну и долго пилилъ по ней очень ровную ноту, да вдругъ какъ жарнетъ, сорвавшися точно тромбонъ въ оркестрѣ, на минуту дождавшійся своей очереди—что даже самого хозяина своего разбудилъ. Тотъ повернулся, промычалъ досадливо. Носъ примолкъ, и только изъ-подтишка засвистѣлъ, убаюкивая барина; опять, значитъ, до крѣпкаго барскаго сна.

* * *

Ночь прошла. На разсвѣтѣ у Юделя на дворѣ случилось непріятное происшествіе. Съ вечера приглашенъ былъ досужій паробокъ-хохолъ рубить дрова; передъ ночью добродушный хозяинъ приказалъ дать ему „добре“ водки. Рѣдкій хохолъ не любитъ этого вообще, даже на свои деньги; а на даровщинку едва ли кто и изъ рѣдкихъ такъ не натрескается, что хоть ему изо рта зубы повынимай. Подчивавшій его Сруль и самъ выпилъ, а бѣднаго дровосѣка, по добротѣ хозяйской, накатилъ до пьяна; онъ и домой не пошелъ. Надъ нимъ посмѣивались и Сруль и вся челядь; онъ уснулъ очень сердитый. Зато на разсвѣтѣ, съ похмѣлья, паробокъ объявилъ безъ всякой надобности во всеуслышаніе:—що вси вы, жидюки, свиньи—подлицы, вси до едынаго!

— Какъ—и хозяинъ?—спросилъ Сруль.

— Винъ пэршій зъ подлицивъ свиня!

Это крупное мнѣніе потребовало со стороны Сруля доказательства,—онъ его и получилъ ввидѣ звонкаго треуха. Завязалась серьезная потасовка.

Digitized by Google

Дебелый паробокъ разсвирѣпѣлъ и вызывалъ весь дворъ на единоборство; но дворъ заблагоразсудилъ напасть на него сообща. Вслѣдствіе сего нѣкоторые носы были разбиты въ кровь, и добрѣйшій Юдель принужденъ былъ послать за полиціей. Полиція явилась въ слабомъ комплектѣ и тоже потерпѣла пораженіе. Тогда-то послано было за подкрѣпленіемъ и властями; то и другое прибыло кстати, ибо разъяренный паробокъ уже превзошелъ самъ себя и, пожелавъ „посбавить свѣтъ отъ нэхристя“, сгребъ Сруля поперекъ и поволокъ его къ колодцу. Іудеи, отбивающіе единовѣрца, дѣйствовали храбро, но безъ соображенія, и, желая наказать врага его же измышленіемъ, сдѣлали только то, что и паробокъ и Сруль, при общихъ воплѣхъ, обрушились въ колодезь.

Въ этотъ-то моментъ сраженія явилась полиція.

Разумѣется, утопленниковъ вытащили изъ мелкаго колодца безъ особенныхъ поврежденій. Паробка отправили въ полицію, и возстановился порядокъ. Квартальный былъ приглашенъ затѣмъ къ Юделю, на стаканъ пуншу. Уже подходилъ восьмой часъ; кони проѣзжаго были запряжены; бричка подъѣхала къ крыльцу.

Гость позвалъ хозяина, но онъ замѣшкался и вышелъ къ нему уже на крыльцо; гость разсчитался съ нимъ, поблагодарилъ его дружески, полюбопытствовалъ о ночномъ шумѣ на дворѣ, посмѣялся, сѣлъ и уѣхалъ. Юдель съ квартальнымъ возвратились къ пуншу.

Минутъ черезъ пять Юдель небрежно вошелъ въ ту комнату, въ которой ночевалъ гость и вдругъ вскрикнулъ, какъ будто хватили его обухомъ по головѣ:—гевалдъ! вей миръ! Ай-ай-ай!

— Что такое?—всполошился квартальный.

— Моя шкатулка; моя шкатулка! Гей! живо—коней, полицію сюда!

Отъ душевнаго потрясенія, онъ едва могъ объяснить квартальному ужасное похищеніе его шкатулки.

— Ви же сами видѣли ее прошлаго мѣсяца!—плакалъ онъ.

— Дѣйствительно, видѣлъ,—припомнилъ квартальный, видѣвшій, съ мѣсяцъ тому назадъ, у Юделя какую-то шкатулку.

Но разсуждать некогда. Опрометью дано знать въ полицію; вспыхнула тревога; осѣдлали и запрягли лошадей. Допивъ пуншъ однимъ глоткомъ, самъ квартальный, верхомъ, съ разсыльными, а за ними и Юдель, полетѣли въ погоню за шкатулкой.

Не станемъ разсказывать удивленія бессарабскаго господина и его кучера, когда ихъ догнала храбрая каваллерія и повернула

Digitized by Google

бричку на лѣво-кругомъ. Чѣмъ больше они удивлялись и сердились, тѣмъ очевиднѣе становилось ихъ наглое мошенничество,—украсть шкатулку у своего же добрѣйшаго, гостепріимнѣйшаго хозяина! Квартальный справедливо выразился, что:—это превосходитъ всякое воображеніе, что только тигръ, пожирающій своихъ дѣтей, или какая-нибудь свирѣпая гіена, вырывающая изъ могилъ мертвецовъ, могутъ дойти до такой подлости!..—это, просто, неблагородно въ высшей степени; и онъ, находясь на службѣ двадцать шесть лѣтъ, не только не видѣлъ, но даже не слышалъ о такомъ безпримѣрномъ мошенничествѣ...

— Однако, милостивый государь, какъ вы смѣете?..—вломился было въ амбицію бессарабскій баринъ; но громовое—молчать!—и поднятая на воздухѣ нагайка въ рукѣ квартальнаго—оборвали всякое объясненіе.

— Съ ворами я очень коротокъ! — прибавилъ квартальный, охорашиваясь въ сѣдлѣ.

И, въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ грозенъ и сидѣлъ на конѣ положительно молодцомъ, хоть держался за луку.

Вся процессія эта направилась прямо въ полицію.

Уже дано было знать стряпчему, судьѣ, жандармскому офицеру; гарнизонный и лекарь сами пришли; народъ толпился. Въ толпѣ показались барыни подъ зонтиками; толкотня была всеобщая.

— А-а-а! Пожалуйте-ка сюда!—съ крыльца привѣтствовалъ полиціймейстеръ гостя, который не безъ достоинства и оскорбленнаго самолюбія вылѣзалъ изъ брички.

— Ахъ, какой онъ интересный!—пропѣлъ женскій голосъ въ толпѣ.

— Если бы не носъ — очень авантаженъ,—пропѣлъ еще тоньше голосъ.

— Но, милая, носъ не всегда вредитъ красотѣ мужчины; инымъ, напротивъ, очень идетъ!—возразилъ голосъ потолще; но женскій то-жъ.

— Якій страсный!—шептали еврейскіе голоса.

— Какой душка!..—утверждалъ опять женскій голосъ.

* * *

Но душку повели подъ конвоемъ въ присутствіе; вынули изъ брички шкатулку и понесли туда же. При видѣ шкатулки въ въ толпѣ пронесся даже нѣкоторый стонъ, и всѣ вытянулись на носкахъ до невѣроятія и совершенно разинули рты. Къ экипажу и кучеру приставленъ караулъ.

Digitized by Google

Въ присутствіи, когда всѣ члены этой слѣдственной комиссіи усѣлись за столъ, на которомъ стояла величественная шкатулка, и когда водворился порядокъ и тишина, то всѣ взглянули на истца и отвѣтчика, переглянулись между собою и странно оробѣли.

И нельзя не оробѣть немножко; всѣ были взволнованы и удивлены такимъ дерзкимъ, нахальнымъ, публичнымъ мошенничествомъ посреди бѣлаго дня; и только двое сохраняли полнѣйшее спокойствіе и невозмутимое достоинство, и эти двое были: тотъ, кто укралъ, и тотъ, кто обокраденъ. Юдель и гость стояли точно судьи, которые сейчасъ будутъ судить всѣхъ остальныхъ. Положеніе неловкое.

Но стряпчій былъ въ очкахъ; а извѣстно, что меньше всѣхъ смущаются въ подобныхъ случаяхъ тѣ, у которыхъ глаза хоть сколько-нибудь защищены. Онъ и открылъ допросъ.

— Это ваша шкатулка, господинъ Юдель?

— Моя.

— Нѣтъ, моя!—твердо сказалъ бессарабскій баринъ.

— Подождите, васъ не спрашиваютъ! — строго замѣтилъ стряпчій.—Чѣмъ вы докажете, что это ваша шкатулка? — продолжалъ онъ, обратясь къ Юделю.

Юдель спокойно отвѣчалъ, что у него-то есть несомнѣнныя доказательства;—но чѣмъ этотъ господинъ,—и онъ, улыбаясь, указалъ на гостя,—докажетъ, что эта шкатулка его?—и, сказавъ это, Юдель пожалъ плечами и закрутилъ пальцами кончикъ бородки своей такъ насмѣшливо, что стряпчій сталъ втупикъ и подумалъ, что въ самомъ дѣлѣ онъ началъ допросъ не съ той стороны.

— Позвольте-съ!—произнесъ съ важностью полиціймейстеръ;—я вспомнилъ, что въ священной исторіи...—но тотчасъ же сбился и остановился, потому что дѣйствительно онъ вспомнилъ о судѣ царя Соломона надъ младенцемъ, принадлежавшимъ будто-бы двумъ матерямъ, и тоже рѣшеніе царя Соломона онъ хотѣлъ уже предложить и въ примѣненіи къ шкатулкѣ, да, къ счастью, вдругъ спохватился, что это будетъ глупо, ибо шкатулка не ребенокъ: два мошенника хотя, можетъ, и родили эту шкатулку, но все же не матери;—да и самъ-то я,—мелькнула у него довольно вѣрная мысль,—хотя и полиціймейстеръ, но какой-же я царь Соломонъ!

Притча не удалась, и потому Соломонъ началъ очень долго и, вѣроятно, безъ надобности, сморкаться.

Digitized by Google

Жандармскій офицеръ попытался опредѣлить вопросъ поясиѣе:—такъ вы оба утверждаете, что шкатулка ваша?..

— Именно моя... и моя!—отвѣчали оба.

— Странно!..—допросчикъ замолчалъ, какъ человѣкъ, который, для опыта, сказалъ все.

Докторъ шепотомъ замѣтилъ, улыбаясь, сосѣду, что только въ медицинѣ такой случай представляетъ единственное явленіе, и то между Сіамскими близнецами.

— О такихъ не слыхалъ,—прошепталъ сосѣдъ;—а между мошенниками—бываетъ сплошь и рядомъ.

Короче сказать, всеобщее положеніе становилось затруднительнымъ, еслибы писарь, только что выпившій, и потому очень смѣлый, сидя за особымъ столомъ надъ бумагами, не буркнулъ:—да допросить ихъ порознь, что есть въ шкатулкѣ?

— А ты молчи! — строго и справедливо замѣтилъ полиціймейстеръ и громогласно объявилъ:—а лучше, господа, сдѣлаемъ вотъ что... Ступайте-ка, господинъ Юдель, въ ту комнату,—онъ указалъ пальцемъ,—мы васъ позовемъ; а васъ, милостивый государь, бессарабскій баринъ, до-о-просимъ!

Мнѣніе господина полиціймейстера было принято единогласно всѣми, и всѣ вздохнули удовлетворительно; предсѣдатель уже окончательно почувствовалъ въ себѣ нѣкоторое наитіе царя Соломона.

Допросъ о шкатулкѣ кончился скоро. Бессарабскій баринъ разсказалъ подробно, что находится въ его шкатулкѣ и подписалъ свое показаніе, записанное писаремъ.

— Больше ничего нѣтъ въ шкатулкѣ?—еще разъ спросилъ стряпчій.

— Рѣшительно ничего!

И это записали.

Барина выслали, позвали Юделя, опросили, и оказалась большая разница въ показаніяхъ: главная сумма была та же, но голландскіе червонцы и два бриліантовыхъ перстня—въ показаніи барина не значились. Да и разница была, какъ мы знаемъ, въ столбикахъ втораго и третьяго яруса. Юдель тоже подписалъ свое показаніе.

Тогда свели тяжущихся и стали читать имъ ихъ показанія.

Юдель радостно ухмылялся, слушая показанія барина. Баринъ удивленно, но презрительно улыбался, слушая показанія Юделя.

Полиціймейстеръ сдѣлалъ тяжущимся тоже предложеніе.

— Согласны ли вы оба напередъ?—чья правда, по вашему

Digitized by Google

показанію, окажется въ шкатулкѣ—тотъ и правъ, а кто совралъ—тотъ и виноватъ?

Оба согласились. Приступили къ вскрытію шкатулки.

Начинается повѣрка; считаютъ и свѣряютъ съ показаніями; и, по мѣрѣ повѣрки, улыбка Юделя, становилась ядовитѣе, а изумленный взоръ барина все мрачнѣе и презрительнѣе.

Когда были вынуты и развернуты два бриліантовые перстня, то и квартальный, видѣвшій ихъ когда-то у Юделя и восхищавшійся ими, не удержался и воскликнулъ:—очевидное воровство!

Оправданіе было невозможно; уличенный преступникъ и не пробовалъ оправдываться,—ему мерещилась Сибирь.

— Признаете вы себя виновнымъ?—спросилъ его полиціймейстеръ.

— Признаю,—отвѣчалъ онъ, къ общему изумленію твердо.

— Вы обокрали сего достойнаго гражданина?—не выдержавъ, воскликнулъ квартальный.

— Я!

Всѣ опустили руки и изумились уже торжественно. Длилось молчаніе.

Но, неожиданно для всѣхъ, добрѣйшій и гостепріимнѣйшій Юдель во всемъ блескѣ явилъ свое несказанное, именно достойное гражданина, великодушіе; онъ шепнулъ полиціймейстеру и стряпчему пару словъ и выступилъ съ слѣдующею рѣчью.

— Почтенные и благородные гаспадины!—и онъ положилъ руку на сердцѣ и опустилъ глаза.—Цалавѣкъ—оцень грѣсный; такъ родился, такъ іонъ и помрецъ,—сами изволите знать!..—(почти всѣ вздохнули).—Богъ сказалъ цаловѣкамъ:—такъ ви и, будете грѣсить! ступайце! — Этотъ благородный господинъ, — и онъ указалъ на барина,—несцастливъ!.. согрѣсилъ и признался!.. Отпусцимце его сцасливо въ дорогу. За тое и насъ Богъ просциць въ разныхъ другихъ слуцаяхъ зизни!..—и онъ вздохнулъ глубоко.

— Какой-то торжественный трепетъ прошелъ по собранію, (вѣроятно при мысли „о слуцаяхъ зизни"), и полиціймейстеръ всталъ, сказавъ съ влажными глазами:—конечно, господа, всѣ мы грѣшны! Знаю, что законъ святъ,—и кто-жъ этого не знаетъ?.. Если отпустимъ грѣшника, и насъ Богъ проститъ, а начальство, можетъ быть, и не узнаетъ.. Но оно и великодушно!

Всѣ, по краткомъ размышленіи, согласились, взявъ, однако напередъ съ барина подписку въ томъ, что „увезенная имъ, яко

Digitized by Google

бы по ошибкѣ, шкатулка купца Юделя возвращена имъ по принадлежности, и никакого иска онъ вчинять не будетъ".

А Юдель, съ своей стороны, на семъ же засвидѣтельствовалъ:—„увезенная отъ меня, по ошибкѣ шкатулка съ золотомъ „на сто семьдесятъ пять тысячъ рублей полуимперіалами, полу„чена мною сполна, какъ моя кровная и трудовая собствен„ность; и я остаюсь доволенъ".

Всѣ поздравляли Юделя, какъ великодушнаго гражданина, а барина—какъ благороднѣйшаго *въ душѣ* человѣка; рукопожатіямъ не было конца. Юдель даже предложилъ шампанскаго: но гость отказался и просилъ позволенія уѣхать. Его отпустили.

— Однако, пожалуйте сюда!—и полиційместеръ увелъ Юделя въ особую комнату.

— Тамъ всѣ, по одиночкѣ, переговорили съ нимъ шепотомъ и всѣ вышли чрезвычайно довольными изъ присутствія.

— Осторозно несице скатулку! — крикнулъ Юдель будочникамъ, укладывавшимъ шкатулку на его нейтычанку, или повозку.

— Какъ бы опять не ушла по знакомой дорожкѣ!—сострилъ стряпчій.

Юдель далъ цѣлковый „на цай" будочникамъ, которые, поблагодаривъ, тоже сострили: — чай, чай, примѣчай, куда чайки летятъ!—и полетѣли въ кабакъ.

Всѣ расходились, восхваляя всѣхъ; одинъ былъ великодушнѣе одного и другой другого.

— Но, въ самомъ дѣлѣ, ужъ слишкомъ большой носъ у этого мошенника, а не то онъ былъ бы очень недуренъ,—замѣтила одна барыня.

— Ну ужъ! безъ шкатулки онъ все равно, что совсѣмъ безъ носу!—промолвила, отставивъ губку, другая.

— Вотъ это вѣрно сказано!— шаркнувъ, отпустилъ комплементъ инвалидный офицеръ;—прекрасно сказано-съ!

Всѣ разошлись.

* * *

Три большіе обѣда, шесть завтраковъ, девять прогулокъ за городъ съ дамами и двѣнадцать вечеровъ съ картами отпраздновалъ Бердичевъ въ двѣ недѣли съ небольшимъ и насилу успокоился. Юдель на все это золото не трогалъ,—у него былъ капиталецъ и въ ассигнаціяхъ. Шкатулка стояла у него въ спальнѣ, въ окованномъ сундукѣ, подъ двумя замками, внутреннимъ и

Digitized by Google

висячимъ. На сундукъ былъ втащенъ тяжелый шкафъ, и на немъ шесть мѣдныхъ шандаловъ въ полпуда каждый. Золоту едва-ли не легче было лежать въ своемъ дикомъ видѣ, подъ землей, нежели теперь, подъ этой громадной тяжестью; но Юдель боялся проѣзжихъ изъ Бессарабіи, да и изъ прочихъ мѣстъ Россійской Имперіи бариновъ.

Исторія о шкатулкѣ скоро улеглась и забылась, какъ забывается все на свѣтѣ, кромѣ развѣ какихъ-нибудь милліардовъ неуплаченной контрибуціи.

Но тогда милліардовъ еще не было даже въ ариѳметикѣ; и черезъ три недѣли все пошло по старому въ славномъ городѣ Бердичевѣ.

Вдругъ, — ни съ того, ни съ сего, а здорово живешь, — по Бердичеву раздается трезвонъ почтовыхъ колокольчиковъ — мимо синагоги скачетъ четверней коляска; въ ней офицеръ и запыленный жандармъ, съ ямщикомъ на козлахъ, за коляской тройкой — бричка, и тоже офицеръ и два жандарма, сзади — перекладная тройка, и опять два жандарма, и все это вскачъ. И, не говоря худого слова, весь поѣздъ, какъ по командѣ, осадилъ передъ домомъ великодушнаго гражданина Юделя, который, пообѣдавъ щукой съ перцемъ и мацой, спалъ сномъ невинности.

Безъ всякихъ докладовъ два жандарма, съ обнаженными саблями, вошли въ спальню и встали по сторонамъ сундука со шкафомъ и шандалами.

Юдель протеръ глаза, вскочилъ и опять сѣлъ на постель, какъ опрокинутый вѣтромъ овсяный снопъ на нивѣ; передъ нимъ стоялъ жандармскій штабъ-офицеръ...

Городскія власти явились очень скоро, и точно съ мельницы,—лица у всѣхъ были бѣлѣе муки блѣднехоньки.

Довольно того, что стащили шандалы, и шкафъ, вытащили изъ сундука шкатулку, по приказанію полковника отворили ее. и стали снимать съ Юделя допросъ.

Но надо быть великодушнымъ гражданиномъ Юделемъ, чтобы отвѣчать съ такимъ скромнымъ и гордымъ достоинствомъ, какъ отвѣчалъ онъ·

— Это все—твое?

— Мое трудовое, господинъ полковникъ.

— Гдѣ его подписка? — спросилъ полковникъ полиціймейстера.

— Вотъ она-съ!—уже квартальный слеталъ за ней, предвидя въ ней потребность.

— Позвать раввина.

Digitized by Google

Раввинъ стоялъ уже наготовѣ, въ корридорѣ, и пошелъ, поклонясь гордо.

— Приведите его къ присягѣ въ томъ, что онъ будетъ говорить сущую правду и не откажется отъ своихъ словъ.

Обрядъ кончился очень скоро; и затѣмъ еще спокойнѣе и невозмутимѣе были отвѣты Юделя. Онъ подтвердилъ свою подпись, объяснилъ происхожденіе золота трудовымъ способомъ своихъ коммерческихъ оборотовъ и безупречныхъ казенныхъ подрядовъ. На вопросъ: — давно-ли у него шкатулка и знаетъ-ли онъ ее *всю*, все устройство ея?—Юдель слегка улыбнулся и даже выразился съ ветхозавѣтнымъ краснорѣчіемъ: — ви понимаеце, васе высокородіе, кто создалъ дусу, (душу), тотъ далъ ей и тѣло: я знаю, цто въ скатулкѣ, а скатулку знаю какъ... какъ... какъ свое сердце!..

— Такъ она у тебя давно? и для тебя дѣлана?

— Тридцать лѣтъ, и для меня, и при мнѣ сдѣлалъ ее первый мастеръ въ Бродахъ.

Тогда полковникъ выложилъ все, что было въ шкатулкѣ. Лакированное дно ея лоснилось; тамъ даже пылинки не было... Всѣ заглянули на это дно, а полиціймейстеръ, глазами, кажется, желалъ провалиться чрезъ это дно, на всякій случай.

— А для чего этотъ серебряный гвоздикъ? — спросилъ Юделя полковникъ, указывая въ ребрѣ шкатулки на шляпку гвоздика.

— Для *симитріи*, васе высокородіе, — лукаво отвѣчалъ Юдель.

— Для какой *симитріи?*

— Для красоты; на обоихъ ребрахъ шкатулки, извольте видѣть, есть такіе гвоздики.

— Ну-ка, притисни эту *симитрію* пальцемъ покрѣпче!— приказалъ полковникъ.

Великодушный гражданинъ Юдель поднялъ руку, вытянулъ палецъ,—и этотъ бѣдный палецъ вдругъ задрожалъ, и даже не могъ попасть на шляпку гвоздика.

Полковникъ помогъ пальцу и тиснулъ имъ шляпку.

Доска дна точно лопнула и отскочила кверху; подъ нею лежалъ листъ бумаги, съ крупною надписью—*Большой Носъ!*

— Это что такое?—спросилъ грозно полковникъ.

Глаза Юделя уже были мутны, какъ свинцовые; голосъ его выходилъ точно изъ глубины живота; губы и борода дрожали. Но великодушный гражданинъ еще побѣдилъ таки себя самого; онъ тихо улыбнулся и сказалъ съ нѣкоторою застѣнчивостію:— я забылъ долозить вамъ, господинъ полковникъ, цто на памяць

Digitized by Google

масенничества, которое васему высокородію звѣстно, я приказалъ написаць имя масенника и спрятаць его сюда,—больсе для потомства, для дѣцей...—и онъ приложилъ руку къ сердцу.

— А подъ бумагой что?—спросилъ ласково полковникъ.

— Ничего; само дно.

— Правда?

— Сама исцинна правда...

— Возьми бумагу.

Юдель снялъ писаный листъ, взглянулъ, затрясся и грохнулся о-земь... Всѣ ахнули... Въ бархатныхъ гнѣздышкахъ, рядышкомъ, лежали и сверкали, англійской работы, стальные инструменты для дѣланія фальшивой монеты...

Дѣло въ томъ, что спустя недѣли двѣ послѣ покражи шкатулки, губернаторъ получилъ письмо съ надписью „въ собственныя руки". Въ письмѣ доносилось, что въ Бердичевѣ, въ домѣ Юделя, хранится шкатулка съ фальшивыми золотыми деньгами и съ инструментами, которыми онъ, Юдель, дѣлаетъ деньги. Объясненъ секретъ, какъ открывается потаенный ящикъ.

Ловкій офицеръ заранѣе распорядился накрыть мошенника, въ минуту допросилъ въ корридорѣ служанку, гдѣ хранится шкатулка, и накрылъ все сразу.

Юдель, по излеченіи отъ страха, ушелъ по той дорогѣ, о которой напрасно упрекаютъ Макара, будто онъ туда телятъ не гоняетъ,—эй, гоняетъ!

Далеко, за Ураломъ, какъ-то сошлись на ночлегѣ двѣ партіи ссыльныхъ уголовныхъ арестантовъ и соединились въ одну партію. Въ эту минуту Юдель, уже одряхлѣлый съ горя, сидѣлъ, понурясь, на нарахъ и, вѣроятно, мечталъ о Бердичевѣ. Могучая рука опустилась ему на плечо, и знакомый голосъ спросилъ:—какъ поживаете, великодушный гражданинъ?

Юдель вздрогнулъ, звякнувъ кандалами, поднялъ голову и тихо ахнулъ,—передъ нимъ стоялъ „Большой Носъ", въ хорошихъ кандалахъ.

— Какъ... ви?..—съ ужасомъ спросилъ Юдель.

— А очень просто... Чортъ дернулъ написать губернатору доносъ *по почтѣ*; а по штемпелю, на конвертѣ письма, до меня и добрались въ Одессу. И вотъ—какъ видите...

Юдель и тутъ овладѣлъ собою и началъ-было поучительно:—всѣ ми грѣсные...—но твердый голосъ закричалъ:—молчать! по мѣстамъ!.. спать—и ни гу-гу!

Digitized by Google

III.

Господинъ Сковородинъ.

Бываютъ люди, которымъ отъ самаго рожденія какъ не повезетъ, такъ ужъ пиши пропало! Всю жизнь, за чтобы не взялся такой человѣкъ—за хорошее, или худое—все равно, не везетъ, хоть лопни.

Точно таковъ былъ и господинъ Сковородинъ. Онъ и родился-то, можно сказать—насилу родился, весь домъ привелъ въ ужасъ, и бѣдную родительницу свелъ въ могилу, пока родился. Да въ такомъ вкусѣ продолжалась и дальнѣйшая его жизнь. Описывать ее въ подробности не станемъ, а только коснемся главныхъ случаевъ этой неудачной жизни и остановимся на послѣднемъ, замѣчательно неудачномъ и даже невѣроятномъ, однако достовѣрномъ, случаѣ.

Главную, какъ сказать, пружину всей его жизни составляла любовь; но пружина была такая же неудачная, какъ и его рожденіе. При томъ же его сердечныя похожденія обходились такъ дорого родителю его, что все богатое состояніе ихъ таяло, какъ сало въ кашѣ.

Но молодой господинъ Сковородинъ не обращалъ на это вниманія. Служа еще въ полку, юнкеромъ, онъ какъ-то удосуживался, сидя подъ арестомъ, заготовить очень много писемъ простаго, но пріятнаго содержанія: — „любезный папенька! Я, слава Богу, здоровъ, цѣлую васъ! пришлите денегъ!“—и потомъ только подписывался, то черезъ мѣсяцъ, то черезъ недѣлю; а иногда повезетъ—такъ и сряду двѣ-три почты. Отецъ литературой не занимался, читать длинныхъ рукописей не любилъ; сынъ у него былъ одинъ, аки зеница въ окѣ. Оставалось, прочтя письмо, вздохнуть и посылать деньги этой зеницѣ, которая стоила здороваго бревна.

Первая любовь господина Сковородина была очень замѣчательна.

Полкъ стоялъ въ Варшавѣ, гдѣ въ то время всѣ воинскіе чины гарнизона, почти по списку, начиная отъ фурлейта и вверхъ, находились въ крайней необходимости влюбиться, по одному, иные же по два и болѣе разъ. Сковородинъ влюбился въ такую восхитительную дѣву, что весь полкъ завидовалъ ему и называлъ его счастливцемъ. Пламенная клятва соединиться

Digitized by Google

бракомъ, какъ только онъ выйдетъ въ офицеры, дана была въ сумерки, въ саду, при пѣніи соловья, какъ слѣдуетъ... Всѣ бланки, то-есть готовыя письма, живо улетѣли къ родителю. Но, спасибо, друзья товарищи, тоже влюбленные, какъ-то засѣли втроемъ съ нимъ и, точно въ полковой канцеляріи, навалили цѣлую охапку новыхъ писемъ, — „любезный папенька! я счастливъ! цѣлую васъ! Пришлите денегъ!“ — а счастливецъ только подписывался.

Приближался смотръ, затѣмъ представленіе въ офицеры. Наша прекрасная пара горѣла нетерпѣніемъ; счастье было на носу, но именно съ нимъ и осталось... Въ одинъ прекрасный день невѣрная прелестница—возьми, да и обвѣнчайся совершенно съ постороннимъ шалопаемъ!..

Гнѣвъ, ревность, смѣхъ друзей, обида и отчаяніе терзали Сковородина. Онъ заперся въ комнатѣ на ключъ, рыдалъ, рвалъ на себѣ волосы, скрежеталъ зубами, да вдругъ — схватилъ со стѣны пистолетъ... разъ, два! — раздался выстрѣлъ; товарищи выломили дверь, входятъ... о ужасъ!

— Ха-ха-ха-ха!

Сковородинъ лежитъ на диванѣ съ дымящимся пистолетомъ и ругается... Онъ нацѣлилъ себѣ прямо въ лобъ, но въ комнатѣ было много мухъ,—одна, въ моментъ спуска курка влѣзла ему въ носъ,—онъ чихнулъ, выстрѣлилъ... и пуля влѣпилась прямо въ лобъ одному невинному созданію изъ того стада, которое пасъ ветхозавѣтный блудный сынъ на картинѣ, висѣвшей на стѣнѣ. Общій хохотъ ввалившихся въ комнату друзей поразилъ Сковородина.

— Какъ ты это ошибся лбами? — трунили надъ нимъ товарищи; а эскадронный командиръ подтрунилъ посерьезнѣе: — очень жаль,—говоритъ,—что вы промахнулись.

Съ горя и стыда, онъ написалъ любезному папенькѣ, вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Петербургъ, проклиная всѣ предести эхиднаго коварства, и, торжественно поклявшись — до гроба отказаться отъ этого демонскаго искушенія.

Но гробъ былъ не за горами. Недолго страдалъ и хандрилъ онъ. Скрываясь въ лѣсахъ и дебряхъ петербургскихъ дачъ, на „Минерашкахъ“, съ ужасомъ встрѣтилъ онъ такое „небесное созданіе“, которому, по красотѣ, прежняя богиня его не годилась и въ горничныя. Клятвопреступникъ не устоялъ. Опять любовь, опять „любезный папенька“, и цѣлый рай блаженства; и опять-таки сейчасъ же послѣ взаимныхъ клятвъ вѣчной вѣр-

Digitized by Google

ности, наканунѣ самаго вѣнца счастія, прелестная нимфа улетѣла куда-то въ безвѣстныя страны, съ гусаромъ!..

Изступленное отчаяніе, въ сравненіи съ которымъ первое можно назвать развѣ насморкомъ, овладѣло всѣмъ существомъ господина Сковородина. Застрѣлиться онъ не хотѣлъ,—это казалось ему позорно, да опять-таки и мухъ было много; — онъ страдалъ невыносимо, безнадежно; жизнь была ему противна. А посему, однажды, идя черезъ Николаевскій мостъ на Невѣ, воскликнулъ:—нѣтъ! я не могу жить!.. прощай, коварный свѣтъ!— и, не успѣлъ городовой крикнуть: — что вы, куда вы, господинъ?—какъ господинъ Сковородинъ летѣлъ вверхъ тормашкой, чрезъ перила моста, въ кипучую бездну и, съ размаха, треснулся... Чортъ дернулъ рѣчной пароходъ на Невѣ наклонить трубу, скользнуть подъ мостъ и выскользнуть по другую сторону моста именно въ то мгновеніе, когда самоубійца, летящій въ бездну, шлепнулся на мягкій равентухъ, натянутаго надъ пассажирами навѣса... Однако, быстрота паденія взяла свое;—бѣдный Сковородинъ, прорвавъ башкой навѣсъ, воткнулся, какъ свайка, въ прекраснѣйшія колѣна...

— Ахъ, мейнъ готтъ!—воскликнула въ ужасѣ блондинка, и ей сдѣлалось дурно.

Но и ему было нехорошо. Конечно, могло бы быть и хуже; однако въ публикѣ разразился такой всеобщій хохотъ, что даже пароходъ насилу удержался на волнахъ Невы и стремительно поплылъ далѣе.

Тогда-то, проклявъ уже окончательно все и всѣхъ вообще, а прекрасныхъ богинь въ особенности, нашъ герой на другой же день написалъ отцу: — „любезный папенька! я несчастливъ! ѣду къ вамъ! пришлите денегъ!“

Онъ уѣхалъ. Отца онъ засталъ за столомъ, именно—за жирной телятиной. Обрадованный родитель, въ ожиданіи своего блуднаго сына, цѣлую недѣлю ѣлъ, зарѣзаннаго, для дражайшаго пріѣзда, упитаннаго тельца. Сынъ былъ дѣйствительно голоденъ, какъ евангельскій блудный сынъ, ибо успѣлъ прокутить дорогой все до копѣйки.

Въ деревнѣ Бѣдокуровѣ, (такъ называлось имѣніе), онъ рѣшился остепениться, заняться хозяйствомъ, и сталъ помогать набожному и тучному родителю, что было весьма легко, ибо имѣніемъ управлялъ экономъ, а набожный и тучный родитель провождалъ жизнь по способу весьма стараго пѣтуха, не удаляющагося отъ той кучи сору, которая всегда окружена обществомъ пестрыхъ куръ, съ безчисленными семействами цыплятъ. Въ рос-

Digitized by Google

кошныхъ садахъ, рощахъ и бесѣдкахъ, клятвы и проклятія шалопая понемногу охладѣли; нимфы стали попархивать въ таинственныя тѣни садовъ, а отечественный курятникъ рѣдѣлъ и пустѣлъ. На тучнаго родителя напала старческая тоска, и, когда въ одни прекрасныя сумерки онъ подглядѣлъ изъ своего окна послѣднюю свою надежду и подпору старости, — шмыгнувшую въ садъ ключницу,—внезапно хватилъ его тотъ латинскій сорванецъ, котораго называютъ у насъ почему-то „Кондрашкой". Къ утру родитель лежалъ на столѣ. Никто не плакалъ; сынъ не догадался, а остальные попробовали, но музыки не вышло.

Едва господинъ Сковородинъ былъ введенъ во владѣніе отцовскимъ богатымъ имѣніемъ, какъ пришлось ему вводить въ то-же владѣніе управителя своего и человѣкъ пятнадцать разныхъ наслѣдниковъ чужихъ имѣній; всѣ они были ему болѣе или менѣе близки по векселямъ...

За общимъ раздѣломъ, на долю его выпало тысячъ около десяти—и счастливый наслѣдникъ полетѣлъ прокучивать ихъ поскорѣе въ Москву.

Въ то доброе время путь до Москвы былъ однообразенъ и утомителенъ, какъ степное пространство: ни рельсовъ, ни вагоновъ, соскакивающихъ съ нихъ — ничего интереснаго не было; господинъ Сковородинъ безбѣдно летѣлъ въ Москву. Но надо же было́, на бѣду его, одному изъ великихъ князей Московскихъ догадаться, въ XVI столѣтіи, по дорогѣ въ Москву, построить городъ Фатежъ! И это бы ничего, ибо въ Фатежѣ, кромѣ аптеки съ Карломъ Ивановичемъ, продававшимъ уксусъ, и кромѣ извѣстнаго богослова, мѣщанина Блохина, отлично рвавшаго зубы, ничего не было. Такъ нѣтъ, — господина Сковородина и тутъ угораздило напороться на такія прелести, передъ которыми всѣ варшавскія, петербургскія и бѣдокуровскія были то-же, что объѣденный ослами бурьянъ передъ пышной розой;—а именно...

На станціи, въ ту минуту, когда ему подали лихую тройку, къ крыльцу подкатила коляска, и изъ нея съ трудомъ вылѣзъ толстый, съ просѣдью, господинъ, и выпорхнула прелестнѣйшая въ мірѣ брюнетка, съ огненнымъ взглядомъ. Это бы ничего; но господинъ былъ болѣнъ, а брюнетка умоляющимъ голосомъ просила смотрителя, совершенно заспаннаго и довольно разбитаго лица:—ради Бога, скорѣе отыскать домъ, гдѣ бы она съ захворавшимъ дяденькой могла остановиться! Смотритель, видимо, способенъ былъ только смотрѣть, но не могъ понять о чемъ рѣчь: съ похмѣлья онъ ничего, кромѣ треску въ своей собственной головѣ, не слышалъ.

Digitized by Google

Господинъ Сковородинъ встрѣтилъ такой нѣжный, умоляющій взоръ брюнетки, что только могъ прошептать: — сейчасъ буду имѣть честь проводить васъ и почтеннѣйшаго дяденьку вашего на приличную квартиру.

Нечего и говорить, что черезъ часъ прекрасная путешественница, съ хворымъ дядюшкой, были устроены въ лучшемъ видѣ— въ чистомъ и тепломъ домикѣ, на единственной улицѣ Фатежа; а еще черезъ часъ—въ противолежащій домикъ былъ принесенъ со станціи и чемоданъ учтиваго кавалера.

Чудная, крошечная, бѣленькая ручка крѣпко пожала руку господина Сковородина, и глаза красавицы открыли ему всю пламенѣющую благодарностію до дна душу ея. Объ устахъ даже и сказать не умѣемъ,—въ нихъ сіяло отверстое небо!

Отъ Фатежа въ Москву полетѣли эстафеты; — обратно мчались тюки съ посылками; уютныя комнатки дома мѣщанки Гнилощепиной, (квартира красавицы), обратились въ маленькій рай: ковры, бронза, цвѣты и благовонія.

— Откуда все это?—спрашивала хозяйку красавица.

— Ефто послѣ мого покойнаго мужа въ складахъ лежало,— врала мѣщанка, божась, какъ цыганъ на ярмаркѣ.

А красавица вѣрила, какъ ребенокъ, или набитая дура.

Господинъ Сковородинъ блаженствовалъ въ своей рабской и невиннѣйшей преданности. Дядю лечилъ Карлъ Ивановичъ, что обѣщало безконечное блаженство .

Такъ прошла недѣля.

Красавица много говорила и вздыхала о бабушкѣ и дѣдушкѣ,—она была круглая сирота; господинъ Сковородинъ отправлялъ отъ нея письма этимъ старцамъ Она ожидала даже пріѣзда родственниковъ, какъ вдругъ—письмо на имя господина Сковородина, съ покорнѣйшей просьбой передать Аделаидѣ Ферапонтьевнѣ, т. е. красавицѣ. Онъ съ восторгомъ летитъ представить письмо; ему горячо жмутъ руку, читаютъ...

— Ахъ, чортъ васъ побери въ таръ-тарары!—сорвалось совершенно гусарское восклицаніе съ ея прелестныхъ губокъ... Но, не можетъ быть! господину Сковородину это послышалось; а ей сдѣлалось дурно,—воды, воды, уксусу, духовъ!..

— Что такое?—спрашиваетъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Увы, мой неоцѣненный другъ,—томно отвѣчаетъ красавица,—я должна ѣхать, уѣхать и навсегда отсюда!..

Едва устоялъ на ногахъ Сковородинъ.

— Нѣтъ!.. это невозможно, ангелъ мой!

Digitized by Google

Она ахнула, а Сковородинъ стоялъ на колѣняхъ у ногъ ея;—отдайте мнѣ вашу руку и сердце! . отдайте, отдайте!.. или я...—онъ хотѣлъ сказать:—застрѣлюсь, или утоплюсь,—но, подумавъ, сказалъ:—повѣшусь, — ибо двѣ первыя операціи ему были ненавистны уже до невозможности повторить ихъ.

Какъ заря, покраснѣвъ, опустила красавица длинныя рѣсницы свои, вздохнула, улыбнулась, закрыла лицо платочкомъ—и прекрасная, горячая рука ея принадлежала обезумѣвшему счастливцу...

— Но скорѣе, скорѣе! завтра, не теряя минуты блаженства!..—оралъ господинъ Сковородинъ.

— О, дядюшка! благословите насъ! не разрушайте наше младенческое, невиннѣйшее счастіе!

Куда тебѣ!.. Дядя расходился, осерчалъ, назвалъ племянницу балбесомъ, что ужасно возмутило-было Сковородина; но племянница повѣсилась на шею дядѣ, поцѣловала, или шепнула ему въ ухо что-то—звѣрь смягчился.

— Ну, чортъ васъ побери!—и, однако, спохватился грубый служака старыхъ временъ, и даже прослезился, чихая и благословляя на законный бракъ...

Черезъ два дня, скромно, при Карлѣ Иванычѣ и станціонномъ смотрителѣ, и кое-комъ изъ туземныхъ мѣщанъ и мѣщанокъ, совершился бракъ.

Не говоримъ о первомъ поцѣлуѣ новобрачныхъ — онъ испепелилъ оба сердца. Вечеромъ шампанское полилось рѣкою, не уступающею рѣкѣ Сейму, на которой стоитъ самъ Фатежъ. Свидѣтели страшно натрескались; дядя и господинъ Сковородинъ—точно также. Молодая, въ пылу восторга и счастія, вышивъ цѣлую бутылку, такъ обняла мужа, что тотъ вскрикнулъ бы. если бы могъ, но онъ только икнулъ. Дядю перевели подъ руки на квартиру молодаго, и счастливецъ остался одинъ съ прелестной женой... Но увы! — счастливецъ спалъ безъ заднихъ ногъ. Ночь спустила свой таинственный покровъ надъ счастливцами...

Проснувшись, Сковородинъ вспомнилъ все и удивился — зачѣмъ онъ валялся въ первой комнатѣ на диванѣ?..

Тихо отворилъ онъ двери спальни, заглянулъ, выпучилъ глаза—и чуть не обмеръ. Комната была пуста; никакой *молодой* тамъ и слѣда не оставалось. На столѣ лежала только записка и при ней—спинкой кверху—портретъ.

Онъ жадно сталъ читать.

Digitized by Google

„Милостивый государь!“

„Я васъ люблю, но, простите! я—корнетъ такого-то гусарскаго „полка; имѣлъ несчастіе убить на дуэли важнаго человѣка и „скрываюсь подъ видомъ вамъ извѣстнымъ. Третьяго дня я былъ „въ опасности отъ преслѣдованія, и мнѣ ничего не оставалось, „какъ выйдти замужъ; а вчера получилъ извѣстіе, что соперникъ мой, слава Богу, живъ. Спѣшу въ полкъ.

„Вашъ, невозможный въ прежнемъ видѣ, другъ
„Еремѣй Чертоломовъ“.

„P. S. Впрочемъ, если вы считаете себя обиженнымъ и „потребуете удовлетворенія, то я къ вашимъ услугамъ; адресъ „мой—на портретѣ“.

Въ онѣмѣніи злости, стыда и негодованія, онъ схватилъ портретъ, взглянулъ... въ ментикѣ и доломанѣ, опершись на саблю, передъ нимъ была прекрасная Аделаида Ферапонтьевна, съ дерзкимъ, вызывающимъ взглядомъ и съ полною готовностію во всей своей фигурѣ дать какое угодно удовлетвореніе, кромѣ, разумѣется, невозможнаго...

Сковородинъ неистово треснулъ о-земь портретъ—стекло его разлетѣлось въ дребезги. Первое движеніе было—стрѣляться, но отвращеніе отъ пистолета взяло верхъ; второе—топиться, но въ Фатежѣ это географически невозможно. Опрометью кинулся онъ на станцію и приказалъ запрягать лошадей. У него оставалось еще тысячи четыре; онъ полетѣлъ въ Москву.

Если въ Фатежѣ въ недѣлю можно ухнуть шесть тысячъ, то во сколько же дней въ Москвѣ можно ухнуть четыре? Ариѳметика простая: господинъ Сковородинъ разрѣшилъ задачу и, на пятый день, онъ уже подъ Сухаревой башней продавалъ свое щегольское пальто, на шестой бѣлье и т. д. Черезъ недѣлю его попросили очистить нумеръ гостиницы Бубнова; онъ, по горло въ долгу, гордо удалился. Еще черезъ недѣлю, кромѣ того, что было на немъ, у него не было ничего, даже нелишняго, и ни копѣйки въ карманѣ. Не смотря на осенній холодъ, онъ еще переночевывалъ то въ Сокольникахъ, на чистомъ воздухѣ, то на бульварахъ, подъ скамейками. За жилетъ два раза въ четыре дня пообѣдалъ хлѣба съ квасомъ и колбасой, напился чаю. Попробовалъ наняться въ какую-нибудь работу; на первый же вопросъ нанимателя:—а что ты умѣешь?—онъ отвѣтилъ удивленіемъ: — какъ что? — и только подумавъ, промолвилъ:—ничего! Съ такимъ искусствомъ нигдѣ состоянія не составишь, а умереть съ голоду можно гдѣ угодно. Тоска, за нею голодъ, за

Digitized by Google

нимъ отчаяніе—начинали угнетать благородную душу господина Сковородина.

На мигъ блеснулъ еще ему лучъ надежды ввидѣ мигача московскаго, смекнувшаго издали птицу по полету; онъ ударилъ голоднаго барина по плечу и весело сказалъ:—не робѣй, голова! пойдемъ и выпьемъ!

— Не-на-что, любезный.

Мигачъ окинулъ его однимъ глазомъ;—вотъ фофанъ! а сюртукъ чему учился?

— И то правда!

Сюртукъ былъ промѣнянъ на истасканную чуйку; часть денегъ отъ придачи пропита, а съ остальными мигачъ путешествовалъ въ лавочку за табачкомъ, но, вѣроятно, заблудился и уже назадъ не попалъ. Это случается съ многими путешественниками.

Но урокъ не пропалъ даромъ,—сѣмя мудрости упало на благодарную почву; — щегольское *трико*, исподнее платье, промѣняно на холщевое, съ придачей двухъ рублей...

А больше, кромѣ собственной кожи, за которую ничего не дадутъ, и мѣнять было нечего. Онъ задумался:—надо порѣшить съ собой. Дѣйствительно, это было самое надежное предпріятіе. Но пистолетъ, во-первыхъ, надо купить, во-вторыхъ—еще мухи не всѣ застыли. Глядѣлъ онъ съ моста въ Москву-рѣку, глядѣлъ и въ Яузу... Но если съ размаху кинуться, то, увязнувъ головой въ днѣ, оставишь надъ водой ноги, за которыя первый взбалмошный городовой можетъ вытянуть человѣка и швырнуть на берегъ...

— Любезный! что стоитъ эта веревка?—спросилъ онъ, какъ нарочно проходящаго мимо съ какими-то постромками, рабочаго человѣка.

— Кака веревка?

— А вотъ эта!

— Да на што тебѣ, нѣшто повѣситься?

Прозорливость путника сконфузила его, но онъ отвѣтилъ:—а хоть бы и такъ, — и улыбнулся принужденно. За восемь копѣекъ онъ пріобрѣлъ совершенно благонадежную на данное употребленіе веревку и пошелъ, куда глаза глядятъ...

Но попробуйте, — наше мѣсто свято! — мой милѣйшій читатель!.. Однако, попробуй охочій человѣкъ въ Москвѣ, или, еще хуже, въ Петербургѣ повѣситься! Положительно мѣста нѣтъ, словно у итальянцевъ въ театрѣ,—не то, что всѣ мѣста заняты а ни одного не пріищешь. Чрезвычайно тѣсно города построены,

Digitized by Google

и любопытныхъ глазъ пропасть. Правда, люди вѣшаются же но; зато сколько же ихъ и снимаютъ съ петли раньше срока! Это по газетамъ видно. А снимутъ, вылечатъ и подъ судъ отдадутъ,— тройная работа, и безъ всякой пользы.

Господинъ Сковородинъ шелъ, думалъ, зашелъ въ какой-то переулокъ, глядь — древній каменный домъ въ саду; почти всѣ окна забиты досками. На полуотворенной калиткѣ бумага наклеена; онъ прочелъ:—„сей домъ продается". Онъ безъ всякаго смысла зашелъ въ калитку. Никого нѣтъ. Толстая вѣтвь клена, какъ спасительная рука, услужливо протягивалась изъ-за разрушеннаго полисадника... Онъ перекинулъ черезъ нее обрывокъ и снялъ галстухъ.

— Кого вамъ?—закричалъ хриплый голосъ издали.

— А что, почтенный, этотъ домъ продается?

— Продается.

— Можно взглянуть?

— Можно.

Сѣдой старикъ вынулъ изъ жилета ключъ, отворилъ дверь и повелъ покупателя.

— Я, батюшка, слѣпъ, да ужъ и темновато кажись; осматривайте, что увидите,—сказалъ онъ гостю.

Сковородинъ вошелъ и задумался. Онъ увидѣлъ въ углу одной комнаты сломанную софу и столикъ.

— Видишь что, любезный,—сказалъ онъ нерѣшительно,—я пріѣзжій; вотъ тебѣ рубль на чай, — я здѣсь переночую; рано утромъ осмотрю домъ, и потолкуемъ.

— Какъ угодно, баринъ.

— Я сію минуту приду сюда, только распоряжусь въ городѣ покупками.

— Извольте.

Господинъ Сковородинъ сбѣгалъ въ лавочку и въ кабачекъ, купилъ водочки, закусочки и сальную свѣчку—кутнулъ на весь послѣдній рубль.

— Посижу, побалуюсь, разсчитаюсь съ жизнью; умирать—такъ умирать!..

Возвращаясь съ покупками, захватилъ онъ съ клена свой обрывокъ веревки, приказалъ старику-дворнику разбудить себя завтра въ восемь часовъ, а до того не безпокоить, и заперся въ своемъ домѣ.

Засвѣтивъ свѣчу, онъ осмотрѣлъ комнату. Это была зала стариннаго барскаго, ветхаго дома, съ полинялыми сырыми стѣнами, съ рѣзнымъ, обвалившимся карнизомъ, и крючкомъ для

Digitized by Google

люстры на потолкѣ... На него онъ устремилъ свои мрачные взоры. Изнутри ставни оконъ были заперты. Хорошо!..

Онъ выпилъ, закусилъ; но прежде,—дай,—подумалъ,—устрою все.—Потолки были очень высоки; въ другихъ комнатахъ отыскалъ онъ разную, никуда негодную, поломанную мебель, и началъ громоздить ее; скоро зданіе было готово; онъ прикрѣпилъ петлю и спустился, чтобы окончить свой ужинъ.

Точно вызванная изъ забытья, возстала передъ нимъ вся шумная, безпутная жизнь его. Какъ-бы ни было ожесточено испорченное и растлѣнное сердце, какъ бы ни была разорена душа, и какимъ бы нравственнымъ мусоромъ ни были загромождены и засорены всѣ способности этой души, но совѣсть до послѣдней минуты жива въ человѣкѣ. Онъ вспомнилъ все—и все оплакалъ; содрогнулся и скорѣе... выпилъ.

Впереди, кромѣ нищенства, срама, безчестья и полнѣйшей негодности своей ни къ какому труду, онъ не видѣлъ ничего. Допилъ остатокъ въ бутылкѣ, задумался, задремалъ—и уснулъ...

Разбудила его жгучая боль. Онъ продралъ глаза, и испугался: столъ, и на немъ истаявшая свѣча, горѣли тихимъ пламенемъ, и платье его тлѣлось, наполняя комнату смрадомъ. Онъ вскочилъ и, въ страхѣ неудачи порѣшеннаго дѣла, скорѣе кинулся къ своей нагроможденной постройкѣ, вскарабкался наверхъ, торопливо надѣлъ на шею петлю, толкнулъ ногой нагроможденное подножіе свое... Съ грохотомъ полетѣли всѣ стулья и столы, веревка вытянулась; но въ ту-же минуту, съ легкимъ трескомъ, вырвался изъ гнилаго потолка крюкъ—и висѣльникъ, ударенный крюкомъ, и весь осыпанный какими то огненными кружками, изъ прогнившей дыры крюка—рухнулся на изломанную мебель...

Онъ лежалъ какъ мертвый. Пламя стола разгоралось и освѣщало безобразное разрушеніе, промежъ котораго сверкали какіе-то блестящіе кружки.

Извѣстно, что даже основательно повѣшенные преступники иногда срываются съ веревки,—это очень недавно было въ Англіи, а ужъ тамъ ли не мастера?—а любители, или вольнопрактикующіе, срываются сплошь и рядомъ; тутъ мало одной охоты—необходимо и нѣкоторое искусство. Господинъ Сковородинъ всю жизнь свою, даже отъ рожденія, ничего не умѣлъ сдѣлать путнымъ образомъ, всюду оказывая свое полнѣйшее невѣжество. Такъ и теперь, онъ кашлянулъ, судорожно оттянулъ рукой веревку и, съ помятыми боками, приподнялся, сѣлъ и дико озирался. Совершенный дуракъ!

Но каково же было его дурацкое удивленіе, когда, попробо-

Digitized by Google

вавъ встать, онъ уперся рукой на горсть чего-то холоднаго, металлическаго. Взялъ эту горсть,—свѣтъ пылалъ въ комнатѣ,—поглядѣлъ въ рукѣ — стариннаго чекана чистѣйшіе полуимперіалы и имперіалы сверкали у него въ рукѣ, и кругомъ него, по полу.

Онъ забылъ даже свое изумленіе. Не снимая съ шеи веревки, онъ принялся собирать въ карманы золото, мало заботясь о возможности пожара. Поглядѣлъ вверхъ — черная дыра зіяла, поднялъ ножку сломаннаго стула, швырнулъ ею въ дыру,—дождь червонцевъ хлеснулъ оттуда.

Еслибы онъ, какъ и слѣдовало умному человѣку, вдругъ одурѣлъ-бы — ну, тогда бы и все пропало, сгорѣлъ-бы непремѣнно; но, напившись до одури, онъ вдругъ отрезвился и — спасся; подобралъ червонцы, принялся гасить огонь, и загасилъ.

Потомъ, дрожа, какъ осиновый листъ, отъ страха, похмѣлья, радости и глупости, прикурнулъ на диванѣ; какъ разсвѣло, взялъ горсть червонцевъ, припрятавъ въ диванъ остальные, потомъ—въ городъ,—купилъ хорошее платье, чаю, припасовъ и пріѣхалъ на дрожкахъ домой.

Дальше нечего разсказывать.

Въ благодѣтельной дырѣ оказался источникъ золота. Какъ ни былъ глупъ господинъ Сковородинъ, но онъ вычерпалъ этотъ источникъ и купилъ этотъ же домъ.

Надо объяснить, что домъ этотъ принадлежалъ когда-то богачу откупщику, обвиненному въ уголовномъ преступленіи. Скрывая свое богатство, онъ собственноручно вырылъ на чердакѣ глубокую яму, вставилъ туда сундукъ и перетаскалъ въ него все свое золото и засыпалъ сундукъ мусоромъ. Потомъ, схваченный врасплохъ, онъ уже не вернулся домой, а угодилъ въ Сибирь и на дорогѣ умеръ. Домъ проданъ былъ съ публичнаго торга. Потомъ, переходя изъ рукъ въ руки, достался, наконецъ, малолѣтнимъ наслѣдникамъ. Домъ давно стоялъ въ запустѣніи. Разумѣется, сундукъ гнилъ, гнилъ, да и сгнилъ; а крюкъ, привинченный въ потолокъ, по приказанію одного изъ бывшихъ владѣльцевъ, попалъ винтомъ въ дно сундука. Это-то гнилое дно, не выдержало такого великаго грѣшника, какъ господинъ Сковородинъ, и обломилось вмѣстѣ съ крюкомъ; а золото, какъ мы видѣли, и посыпалось.

Сумма была чуть не милліонная.

Въ богатствѣ, роскоши, нѣгѣ, въ цвѣтахъ, обезьянахъ и попугаяхъ, въ кругу услужливыхъ друзей и раболѣпныхъ слугъ, провождалъ господинъ Сковородинъ свои драгоцѣнные дни. Шам-

Digitized by Google

панское лилось, благовонія курились; онъ зѣвалъ и скучалъ, какъ монастырская собака.

Надо бы жениться; но именно это и было невозможно,—въ каждой хорошенькой дѣвицѣ онъ подозрѣвалъ корнета и въ ужасѣ бѣжалъ отъ нея.

И, въ самомъ дѣлѣ, хорошенькія дѣвицы бываютъ иногда очень и очень похожи на корнетовъ.

Въ страхѣ такого бракосочетанія, онъ скучалъ и съ друзьями, и съ благовоніемъ, и съ шампанскимъ; только еще обезьяны и попугаи нѣсколько утѣшали его; одни высовывали ему языкъ, а другіе кричали:—дурракъ!

Такъ, въ тоскѣ снѣдающей роскоши, лести и подобострастія, окружающихъ растлѣннаго человѣка, только наивная природа и холодный голосъ правды могутъ хоть немножко утѣшать его.

Наконецъ-то, нѣкая прелестная вдовушка сжалилась надъ страдальцемъ,—нашла какой-то вѣрный и рѣшительный способъ убѣдить его, что она не корнетъ,—и осчастливила его своимъ нѣжнымъ сердцемъ и таковою же рукою, а впослѣдствіи, въ особенности, послѣднею.

И помирился господинъ Сковородинъ съ судьбою и со всѣми корнетами, которые уже не выводились въ его роскошномъ дому. Залы его съ утра до вечера кипѣли блестящимъ обществомъ. Онъ блаженствовалъ.

А всетаки, улуча минутку, любилъ онъ выскользнуть втихомолку изъ шумныхъ залъ, къ своимъ любезнымъ обезьянамъ и попугаямъ; они радостно привѣтствовли его высунутыми языками и зычнымъ поздравленіемъ:—дурракъ!

Съ тоскливой и глупой улыбкой слушалъ онъ привѣтствіе и, возводя глаза горѣ, вожделѣнно поглядывалъ на здоровый крюкъ потолка;—на крюкѣ сіяла люстра; завидовалъ ей господинъ Сковородинъ.

Давно, за Петровскимъ паркомъ, въ яру, говорятъ, лежалъ камень, на которомъ кто-то намазалъ сердобольною рукою надпись:—„жизнь самоубійцы не стоитъ обрывка той веревки, на которой эта жизнь кончена“.

Надпись давно стерлась. А куда дѣвался господинъ Сковородинъ—никому неизвѣстно, вѣроятно потому, что никто объ этомъ и знать не хотѣлъ...

Digitized by Google

ПЕРВЫЙ ВИНОКУРЪ.

Древнее сказаніе.

„Во время оно, когда не было ни неба.
„ни земли, а стоялъ одинъ только пле-
„тень—грѣха на свѣтѣ не было.."
Изъ древнѣйшаго сказанія.

Въ древнія незапамятныя времена люди были просты сердцемъ и безхитростны разумомъ. Жили они въ тишинѣ и согласіи великомъ и даже не умѣли согрѣшить порядкомъ, пока не искуситъ и не наведетъ ихъ на грѣхъ нечистая сила. Былъ на землѣ непочатый край, и нечистая сила рыскала и сновала промежъ людей, стараясь устраивать различныя пакости и худыя дѣла; а самъ по себѣ человѣкъ грѣшить никакъ не догадывался.

Въ оное древнее время чортъ былъ работящъ, искусенъ и заботливъ; а человѣкъ былъ добръ и безтолковъ на всякій грѣхъ.

Нынчѣ—не то!

Нынчѣ человѣкъ перехитрилъ чорта и совсѣмъ дуракомъ его сдѣлалъ,—самъ для себя устраиваетъ всякія худыя дѣла почище чорта и потчуетъ его только тѣмъ, что ужъ никуда не годится:—„чортъ, возьми!"—говоритъ.

И не показывается нынѣ чортъ въ люди, сидитъ въ тоскѣ и скукѣ, во глубинѣ преисподней, ибо ему людей стыдно — глупъ сталъ.

Однажды, тысяча лѣтъ тому назадъ, откомандированъ былъ, по дѣламъ своей службы, изъ ада на землю, въ числѣ прочихъ, одинъ молодой чертенокъ. Онъ посланъ былъ для посѣянія межъ людей разныхъ недоумѣній и для наущенія худымъ дѣламъ.

По молодости лѣтъ и крайней своей неопытности, блуждалъ оный чертенокъ по различнымъ, все болѣе лѣснымъ, овражи-

Digitized by Google

стымъ и нежилымъ мѣстоположеніямъ и не находилъ себѣ никакого прибыточнаго занятія; пробовалъ было обдирать борти, раззорять гнѣзда птичекъ, лупить рогамн кору деревьевъ, но былъ выгнанъ изъ лѣсу лѣшимъ, который крикнулъ ему:—въ чужое дѣло не суйся!—и пустилъ по немъ свистъ, называемый „лѣшевой дудкой“, весьма непріятный чертямъ. Поджавши хвостъ, чортикъ стрекнулъ изъ лѣсу; въ тоскѣ и въ страхѣ бродилъ онъ по опушкѣ лѣса, съ ужасомъ помышляя о той минутѣ, когда надо будетъ вернуться въ адъ и дать отчетъ самому старшому, Сатанѣ, о своихъ суточныхъ занятіяхъ. Было уже за полдень, а онъ еще не устроилъ никакой порядочной пакости, хотя посланъ былъ ровно въ полночь, когда обыкновенно производится у чертей перекличка, разсчетъ и всѣ наряды.

Уже онъ собирался завыть волкомъ съ горя, но... за кустами увидѣлъ ниву; а на нивѣ оралъ мужичекъ свою полосу.

Чертенокъ притаился за кустомъ; — погляжу, — думаетъ, — нельзя ли тутъ что-нибудь накаверзничать?

Мужичекъ оралъ отъ бѣлой зари, самъ умаялся, и лошаденка его попристала. Пора отдохнуть, подкрѣпить силы и лошаденку пустить попастись.

Распрегъ онъ сивку своего, пустилъ на травку и самъ сѣлъ подъ кустъ, у ручейка, развязалъ свою торбу берестяную, добылъ изъ нея горбушку хлѣба и хотѣлъ было укусить ее, да призадумался:—ребятъ у меня цѣлая дюжина, и всѣ хлѣба просятъ, а хлѣба у насъ совсѣмъ мало, — до новаго зерна хватитъ, нѣтъ-ли...—поглядѣлъ онъ на горбушку, вздохнулъ и все тоже думаетъ:—съѣмъ теперь — вечеромъ опять захочется; перемогусь лучше до вечера, по крайности домой сытый вернусь, ужинать не захочется, дѣткамъ больше останется... Погожу ѣсть;—и, еще разъ вздохнувши, спряталъ мужичокъ горбушку въ торбу, а самъ изъ ручья воды напился, отдохнулъ маленько— и снова за работу.

Чертенокъ изъ за куста все это дѣло видѣлъ и всѣ эти мысли слышалъ. Покоробило его отъ удовольствія:—есть дѣло; будетъ грѣхъ! — и съ этой бѣсовской думки затрепеталъ кустъ всѣми листиками и началъ вянуть, а трава на сажень кругомъ начала жолкнуть.

Время идетъ; солнце садится. Призамолкли пташки въ кустахъ; пошепталъ и притихъ лѣсъ; звончѣе зажурчалъ въ тишинѣ ручей, и во всѣхъ ложбинахъ закурился сизый туманъ,— вечеръ находилъ. Мужикъ оретъ и не видитъ, что чортъ изъ торбы горбушку укралъ.

Digitized by Google

— Пора повечерять,—думаетъ мужичекъ, глянувъ на закатъ; а у самого совсѣмъ жарко во рту, языкъ въ лыко высохъ, понадъ-бровями потъ бѣжитъ, и подъ лопатками покалываетъ; умаялся человѣкъ,—на то работа.

Сѣлъ онъ опять, подъ кустъ у ручейка, развернулъ свою торбу берестяную, глядь — а тамъ и крошекъ нѣту, не токма горбушки.

— Кто-бы это взялъ?—думается ему;—знать, кто-то голодный прошелъ тутъ и съѣлъ горбушку. Ну, на здоровье ему. А намъ не стать привыкать куликать,—не умру до завтра! И, отдохнувъ крошечку, еще съ десятокъ бороздъ прошелъ мужичекъ сохой по нивѣ.

Чертенокъ очень радъ. Одно только удивляетъ и безпокоитъ его:—отчего мужикъ не клянется, не ругается, а еще говоритъ:—на здоровье?—аль не пакость я сдѣлалъ, что-ли? Одначе, пора летѣть съ отчетомъ въ адъ; старшой ждать не будетъ.

Взлетѣлъ чортъ на семь орлиныхъ полетовъ кверху, перекувырнулся семь разъ въ воздухѣ и оттуда, какъ стрѣла, свиснулъ въ пропасть рогами сквозь-земь;—загудѣла земля, пыль поднялась вихремъ; а на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ провалился чортъ, брызнулъ изъ земли сѣрный ключъ кипучій.

Въ главномъ углу преисподней, въ синемъ полымѣ, въ черныхъ клубахъ дыма, на каменномъ престолѣ, сидѣлъ Сатана. Ужи, жабы, падалицы и ящерицы извивались и кишали у подножья. Неподвижныя, растрепанныя вѣдьмы, со змѣями въ волосахъ, избоченившись, курили смраднымъ зельемъ кругомъ его.

Сумрачный, черный, съ щетинистой мѣдной бородой, дремалъ Сатана, позѣвывая, какъ скучающая на цѣпи собака. Изрѣдка зиркалъ онъ бѣльмами изъ подъ навислыхъ бровей, пыхтѣлъ темнымъ дымомъ и рычалъ, какъ сквозь сонъ.

Сатана принималъ доклады чертей, возвратившихся изъ дневныхъ командировокъ, съ земли. Онъ былъ золъ, недоволенъ,—мало грѣховъ посѣяли черти. Грѣховъ былъ ворохъ — но чорту все мало.

Сталъ передъ нимъ старый, комолый и кривой чортъ; рапортовалъ онъ глухимъ рыкомъ:—по тремъ деревнямъ *краснаго пѣтуха* пустилъ; двадцать семь дворовъ, семнадцать гуменъ и одна часовня до тла сгорѣли.

Сатана зиркнулъ и прорычалъ:—чьихъ рукъ поджогъ?

Digitized by Google

— Дранаго плетьми изъ острога,—отвѣтилъ кривой чортъ—и оробѣлъ.

Скрежетнулъ зубами Сатана; желтая пѣна и зеленый дымокъ вырвались у него изъ пасти; съ конца языка закапалъ бурый ядъ.

— Аль не могъ натравить на грѣхъ честнаго человѣка, а-а?—заревѣлъ онъ, и кривой чортъ, со страстей, весь скорежился, какъ берестина на огнѣ, ажъ затрещалъ весь.—На сто лѣтъ внизъ головой, въ курево ладона повѣсить стараго чорта за хвостъ!—прогремѣлъ Сатана,—и только застоналъ старый чортъ.

Вѣдьмы, черти кинулись, схватили его, кто за хвостъ, кто за копыта, закрутились вьюгой; жабы, змѣи, ящерицы засычали имъ слѣдомъ; свистнуло, стонуло по всему аду—и опять тихо; только полощутся да чуть шипятъ огненные языки пламени. Сатана нахмурился и опять задремалъ.

Всталъ передъ нимъ другой чортъ, невеличкій, весь рыжій, и хвостъ въ сажень, рапортуетъ:—опекунъ сироту пустилъ по міру.

Сатана покосился, зажмурился и рыкнулъ:—какая сирота?

— Еще ребенокъ, а подъучить маленько—и украсть ужъ сможетъ,—отвѣчалъ спокойно рыжій чортъ.

— А опекунъ что?

— А деньгу копитъ, безпутнымъ дѣтямъ оплаканное добро собираетъ; еще будетъ намъ работа.

Сатана кивнулъ рогами, потянулся, зѣвнулъ, рыгнулъ и выплюнулъ гнѣздо ящерицъ и трехъ скорпіоновъ.

— Ладно, ступай,—говоритъ.

Всѣ черти и вѣдьмы завистливо осклабились на рыжаго чорта, а онъ почесалъ рогомъ плечо свое, стоитъ, не уходитъ.

— Что еще?—спросилъ Сатана.

— Да ничего; эта ужъ седьмая хорошая служба, а мнѣ все ничего,—грубо отвѣчалъ рыжій и копытомъ поскребалъ у себя за ухомъ,

Сатана сопнулъ. Сѣрый паръ пошелъ у него изъ ноздрей:—дать ему сорокъ бочекъ смолы кипучей и трехъ удавленниковъ!

Рыжій чортъ ушелъ, весело подмахивая и пощелкивая, какъ плетью, своимъ длиннымъ хвостомъ; а самъ облизывается.

Подошелъ съ докладомъ коренастый бѣсъ, со свисткомъ на мѣдной цѣпочкѣ на шеѣ:—помутилъ окіанъ и два корабля потопилъ.

— Съ чѣмъ?

— Одинъ съ грузомъ пшеницы...

— Хорошо!—буркнулъ старшой.

Digitized by Google

— А другой—шелки и шесть боченковъ золота.

— Дуракъ!--взрычалъ Сатана и засверкалъ бѣльмами;--золото да шелки больше натворятъ грѣховъ, чѣмъ всѣ вы, лѣнтяи, вмѣстѣ! Сейчасъ спасти товары, а золото прибить волной къ и занести пескомъ,—пусть кладъ будетъ, пусть по ночамъ блудящій огонекъ надъ нимъ бѣгаетъ и сова кошкой мяучитъ!.. Слышь?

— Слышу.

— А люди съ кораблей гдѣ?

— Всѣ пошли ко-дну; только купецъ съ фальшивымъ безмѣномъ да два карманныхъ вора на обломкѣ мачты выплыли; — люди полезные.

Сатана кивнулъ рогами.

Коренастый чортъ отошелъ, а на мѣсто его сталъ очень развязный мелкій бѣсъ, съ собачьей мордочкой, на козлиныхъ ножкахъ, и со стеклышкомъ въ глазу; шаркая, съ большой развязностію отрапортовалъ, что онъ соблазнилъ нѣкоторую прекрасную и вертлявую даму, имѣющую глупаго мужа. За сей рапортъ мелкій бѣсъ лишился глаза и нѣсколькихъ зубовъ, ибо Сатана двинулъ его копытомъ въ морду, прорычавъ:—болванъ! гдѣ жена вертлява, а мужъ глупъ—тамъ и безъ тебя грѣхъ будетъ!

Становились по очереди еще разные черти и все больше сердили Сатану, ибо ничего путнаго, то есть особенно темнаго и проклятаго, на землѣ не произвели, а все больше перебивались пустяками: то лѣсныхъ воровъ подучили лѣсъ поджечь, то для дорожныхъ мошенниковъ дороги попортили, весьма немногихъ, и то по пустякамъ, соблазнили удавиться. А одинъ даже очень озлобилъ Сатану, отрапортовавъ, что стравилъ двухъ плѣшивыхъ мудрецовъ подраться за найденный гребень беззубый,—и опозорились мудрецы при всемъ глупомъ народѣ.

Разъярился Сатана· всѣ были въ страхѣ. Тутъ-то на очереди всталъ, на свое несчастье, и нашъ знакомый чортикъ.

— Ты что?—ревнулъ старшой.

— У голоднаго мужика послѣдній кусокъ хлѣба укралъ, — пропищалъ чортикъ.

— Что-о?!

Чортикъ затрепеталъ и повторилъ рапортъ.

Сатана выкатилъ бѣльмы, налилъ ихъ кровью, приподнялся на престолѣ, выпустилъ на четверть изъ подъ шерсти всѣ когти свои и пыхнулъ огнемъ.

— Что такое?—зарычалъ онъ грозно.

Digitized by Google

Чортикъ, дрожа какъ осиновый листъ, чуть внятно пересказалъ свое дѣяніе.

— Ахъ, ты, недоносокъ вѣдьмы кривой, слѣпой щенокъ бѣшеной собаки!.. аль ты со мной шутки шутишь?..—да какъ схватитъ его за хвостъ, какъ крутнетъ надъ головой, словно кнутомъ,—только свиснуло, да со всего размаху какъ треснетъ въ каменную стѣну ада...—разсѣлась стѣна, іокнулъ бѣсъ и ушелъ въ нее совсѣмъ, и съ хвостомъ, на тридцать косыхъ саженъ.

Глухой стонъ прокатился по аду; заколыхались языки огненные; зашипѣли змѣи; засмердѣло гнилой гарью;—и все смокло.

А Сатана заревѣлъ гнѣвнымъ ревомъ: — вынуть эту бестію, послать на землю; пусть служитъ у обокраденнаго мужика батракомъ три года, чтобы мужикъ разбогатѣлъ непремѣнно, и чтобы непремѣнно вышла изъ того великая пакость! А не то — весь адъ затрещитъ у меня! Всѣ пошли вонъ!—зыкнулъ Сатана, насупился и захрапѣлъ на своемъ тронѣ такъ, что за каждымъ храпомъ лопался то одинъ, то другой камень въ аду. Вѣдьмы заворкотали кошками, напустили густаго дыму бѣлены и чертополоху. Змѣи зашипѣли, играя жалами, и испуская ядъ на горючіе камни. Скорпіоны и пауки живо уткали передъ спящимъ Сатаной завѣсу. Онъ спитъ...

А въ аду кипитъ работа. Триста чертей, съ ломами, кирками, мотыгами и прочимъ шанцевымъ инструментомъ, добываютъ изъ стѣны чорта. Добыли его, а онъ весь въ дребезгахъ: звенятъ въ мохнатой шкурѣ его косточки, какъ въ мѣшкѣ разбитая бутылка...

Семь ночей складывали его вѣдьмы: плевали, клеили, смазывали, вспрыскивали,—кое-какъ ожилъ чортъ и, какъ мокрая ворона, полетѣлъ на землю.

Въ курной хатѣ, на колодѣ ольховой, сидѣлъ знакомый нашъ мужичекъ и заканчивалъ лыковой лапоть. Передъ нимъ дымилась лучина. На печи постонывала усталая хозяйка. На припечкѣ и по лавкамъ сидѣли на корточкахъ голодные ребятишки, и была ихъ цѣлая дюжина.

Дождь лилъ; вѣтеръ выл; избенка поколыхивалась.

— Плохо намъ съ тобой, женка; хлѣбъ на исходѣ, до новаго хлѣба далеко; а еще шматъ поля не дооранъ и не засѣянъ.

— И такъ плохо, что лучше и не говори!—отвѣтила женка.

— Мама, хлѣба!—рюмили ребятишки.

Digitized by Google

— Ни-шкни, дѣтки! слышь, вѣтеръ воетъ; ложись спать!

— И вотъ какъ плохо,—молвилъ мужичекъ;—не знамо, какъ и быть, коли никто не поможетъ.

— Развѣ бѣсъ тутъ поможетъ,—прошептала жена.

Кто-то стукнулъ въ сѣняхъ. Въ хату вошелъ мокрый человѣкъ.

— Пустите переночевать.

— Ночуй, только ѣсть не проси; сами голодаемъ,—отвѣтилъ хозяинъ.

Но прохожій выложилъ изъ мѣшка своего ковригу хлѣба и самъ всѣхъ поподчивалъ. Всѣ поѣли; стало веселѣй.

— Откуда и куда Богъ несетъ?—спросилъ хозяинъ.

Прохожій поморщился.

— Несетъ меня нелегкая издалека, самъ не знаю куда; хотѣлось-бы къ безхлѣбному хозяину, въ пустой домъ, въ голодную семью батракомъ поступить. Прими въ работники,—будешь доволенъ.

— Ой-ли!.. а за дорого?

— За два фунта дыму; а бей сколько влѣзетъ. Только бей либо вдоль, либо поперегъ, а на-крестъ не моги ударить, ибо такой зарокъ на роду-племени моемъ изъ вѣка положенъ.

Мужикъ подивился.

— Чудакъ ты первой руки долженъ быть. Умный попъ тебя крестилъ, да жаль, что не утопилъ.—Однако, пошептавшись съ женкой, принялъ мужичекъ прохожаго въ батраки.

Ночь прошла; встало солнце. А батракъ ужъ давно въ полѣ, и дооралъ всю полосу. Пришелъ хозяинъ—только плечами пожалъ. Въ одинъ день обсѣялись, въ тотъ-же и заборонили. А черезъ недѣльку пошли всходы густые, что твой бархатъ венецейской...

Въ свое время зацвѣлъ хлѣбъ; налились колосья, созрѣли, пожелтѣли; словно золотомъ поле усыпано. Собрали хлѣбъ, свезли, уложили въ скирды;—такого урожая мужичекъ и съ роду не видывалъ. А умолотъ—умъ прочь! словно кто-нибудь лопатой подъ цѣпы зерно подсыпаетъ.

Поправился мужичекъ.

Годъ прошелъ,—батракъ разсчету не проситъ.

— Заодно,—говоритъ,—потомъ разсчитаемся.

На другой годъ совѣтуетъ батракъ хозяину разорать цѣлину по смугамъ да низинамъ болотнымъ:—лѣто будетъ сухое, ибо муха больно кусается; на мочежинѣ уродитъ хлѣбъ важно.

Digitized by Google

Послушался хозяинъ,—оретъ по болоту. Дивятся сосѣди: — никакъ онъ съума спятилъ?

Стоитъ сухмень. Ни росы, ни дождинки, ни капельки бѣдной не падетъ на землю. У всѣхъ всходы повыгорѣли, а у нашего мужичка только кустятся. И заколосился всякій хлѣбъ ахтительно, и зацвѣлъ, какъ серебромъ подернулся, и налился, какъ янтарь цареградскій; и опять такой урожай, что только подъ возомъ оси поютъ, снопы возючи:—вывози, сивка!

Разбогатѣлъ мужикъ.

Другой годъ прошелъ,—батракъ разсчету не проситъ.

— Заодно,—говоритъ,—опосля разочтемся.

На третій годъ совѣтуетъ батракъ мужику разорать новину по холмамъ да по взгоркамъ:—будетъ мокрое лѣто,—говоритъ,— ибо комаръ гудетъ толсто; пологія нивы всѣ водой зальетъ, а по взгоркамъ только сыро будетъ: уродитъ хлѣбъ важно.

Послушался хозяинъ,—оретъ по горкамъ да по крутямъ. Дивятся сосѣди:—никакъ онъ рехпулся?

Какъ ударили съ Егорья дожди, такъ лили-лили безъ поры, безо-временья, все потопили; только холмы да пригорки у нашего мужичка стоятъ-зеленѣются.

Пришло жниво. Воютъ сосѣди сѣрымъ волкомъ; а нашъ мужичекъ ходитъ гоголемъ,—опять у него хлѣбу числа нѣтъ.

Мужика-богача ужъ и рукой не достать.

Третій годъ прошелъ; батракъ у хозяинъ разсчетъ проситъ:— позволь,—говоритъ,—за службу, три ночи въ трубѣ посидѣть.

— Сиди хоть четыре!

Ночь. Всѣ легли спать;—храпятъ, сопятъ, носами свистятъ,— хорошіе сны видятъ. А въ трубѣ воетъ, гудитъ, шипитъ, пищитъ,—чортъ-батракъ съ вѣдьмами совѣтъ держитъ.

Люди выспались, а чортъ все еще ничего не выдумалъ.

И такъ до трехъ ночей. А на третью ночь, только пропѣлъ пѣтухъ свою пѣсню, и еще отбоя не вывелъ—трахъ!—лопнула труба, и батракъ провалился въ печь.

— Нашелъ!—кричитъ изъ-за заслонки.

— Что нашелъ?—вопитъ мужикъ.

— Себѣ честь, тебѣ прибытокъ, и всѣмъ великую радость!

Хозяина любопытство взяло. Скоро разбогатѣлъ, жаденъ сталъ;—говори скорѣй, не стерплю!—крикнулъ онъ и вытащилъ батрака изъ печи.

— Такъ и такъ,—разсказываетъ батракъ,—хочу я по себѣ оставить тебѣ и всему міру память.

— А ну!—понукаетъ хозяинъ.

Digitized by Google

— Не запрегъ, такъ не нукай; а говорятъ—такъ слушай! Жита у тебя—прудъ пруди; дѣвать некуда, а?

— А некуда,—отвѣтилъ мужикъ, позабывши, что по всему селу нужда и бѣдность; забылъ мужикъ свою прежнюю нужду; а этого чорту и нужно.

— Варили мы съ тобою изъ ячменя пиво? — спрашиваетъ батракъ.

— Варили.

— А попробуемъ-ка теперь изъ жита, чѣмъ ему такъ гнить, веселое пойло варить.

— Ой-ли?

— Да ужъ ладно!

— Ладно!

Чуть свѣтокъ, принялся батракъ за дѣло: сбѣгалъ въ кузню къ кривому ковалю, сбѣгалъ на край села къ хромому бондарю;—сдѣлайте мнѣ то и то, такъ и такъ; а я самъ покажу какъ.

Пошла работа. Сопитъ мѣхъ, лѣтятъ искры, до-бѣла желѣзо накаливается; а коваль съ молотобоемъ куютъ, дуютъ да наваравают, очень складно приговариваютъ.

А бондарь съ бондаренкомъ — все стругаютъ да постругикаютъ.

— Готово!..

Устроилъ батракъ у мужика заводъ. Стоятъ чаны, ушаты, лопаты, мѣдныя трубы, желѣзные кубы. Кипитъ дѣло: мѣшаютъ, затираютъ, варятъ, шпарятъ, студятъ;—что-то будетъ?

Воду варишь—вода будетъ; а изъ хлѣба, пожалуй, что выйдетъ и водочка.

Такъ оно и вышло. Поглядѣлъ мужикъ—чисто какъ стекло, попробовалъ—такъ и запекло.

— Загорѣлась глотка! — кричитъ мужикъ, насилу духъ переводя.

— Ну, такъ пусть будетъ *горѣлка!* — молвилъ батракъ. — Хватимъ-ка еще по чаркѣ! свыкнется—слюбится!

Хватили, закашлялись, крякнули: — ничаво! — говоритъ мужикъ.

— А ну, по другой!

Хватили по другой—и только крякнули:—хорошо!—кричитъ мужикъ.

— Ну, такъ и по третьей!

Хватили и по третьей, и даже не крякнули.

Digitized by Google

— Лучше быть не надо! — заоралъ мужикъ и полѣзъ на стѣну.

А стѣна на него; а онъ въ нее лбомъ; а она его въ лобъ,— и танцовать мужику захотѣлось. Вотъ такъ сусло!

Батракъ стоялъ, руки въ бока уперши, и глядѣлъ на пьянаго мужика, ухмыляючись.

— Ну,—говоритъ,—теперь прощай!.. И ты, и дѣти твои, и внуки, и правнуки, и весь родъ, и все племя твое вѣки-вѣчные не забудутъ меня, ибо я—*первый винокуръ!*

Пьяному мужику показалось, что *первый винокуръ* провалился сквозь землю.

Сорокъ тысячъ чертей, вдвое больше вѣдьмъ, и тьма тьмущая змѣй и разныхъ гадовъ, съ крикомъ, гикомъ, пѣньемъ и шипѣньемъ встрѣтили нашего чорта въ преддверіи ада. Самъ Сатана выѣхалъ верхомъ на остовѣ носорога навстрѣчу *первому винокуру*. А *перваго винокура* везли семьсотъ крокодиловъ, запряженныхъ въ дубовую сороковку, полную неразбавленнаго спирта, (чего нынчѣ и не бываетъ).

Сто ночей длился балъ. Текла густая смола, горѣла сѣра, клубился дымъ; гремѣла музыка: черти стучали въ литавры и барабаны, обтянутые кожей душегубовъ, пилили выточенными изъ косточекъ распутницъ смычками, по жиламъ висѣльниковъ, натянутымъ на лопаты, дули во флейты, сверленыя изъ костей лжецовъ и обманщиковъ, и съ хохотомъ перекидывались черепами разныхъ мошенниковъ.

Чертенята играли въ бабки; а бабки были вылущены изъ суставовъ лихоимцевъ, свинчатки-же—изъ пальцевъ ростовщиковъ.

Посереди ада, надъ бѣлъ-горючь камнемъ, горѣлъ разными огнями огромный щитъ, и въ щитѣ изображался *полуштофъ за печатью*.

На сто первую ночь Сатана всталъ посреди ада, треснулъ кулачищемъ въ бѣлъ-горючь камень—и все смолкло.

Обратился онъ къ *первому винокуру* и прорычалъ: — удивилъ, одарилъ и возвысилъ ты весь адъ, — у всего крещенаго міра горбушку хлѣба укралъ, изобрѣлъ *распой*, *пропой* и *запой!* За то дарю я тебѣ, отнынѣ по вѣкъ... — всѣ души *опившихся* и *опивающихъ!*

И по всѣмъ угламъ ада грянуло—ура!..

Digitized by Google

Съ той поры, съ легкой чортовой руки, по всей землѣ, то тамъ, то сямъ, то винокурня выстроится, то кабачекъ выростетъ, какъ грибы поганые въ дождикъ.

Ходятъ люди—кто съ носомъ разбитымъ, кто съ фонаремъ подъ глазомъ; а кто—спился, опился, легъ и лопнулъ, какъ жаба подъ колесомъ.

Толстѣютъ откупщики кабацкіе, палатъ понастроили, носы позадирали; а ничего не знаютъ, не вѣдаютъ они, что въ адѣ преисподнемъ лежитъ бѣлъ-горючь камень, а на немъ когтемъ чертовскимъ уже отмѣчено—„мой!“

Это все *первый винокуръ* своимъ душамъ счетъ ведетъ.

А у всѣхъ бѣдныхъ людей горбушка хлѣба таки украдена...

Digitized by Google

Digitized by Google

ПТИЧІЙ ДАРЪ.

Восточное сказаніе.

Язуръ, царь индѣйскій, сидѣлъ въ саду, на крыльцѣ великолѣпнаго дворца своего, и думалъ царскія думы.

Былъ тихій весенній вечеръ. Пальмы, рододендроны, платаны и кипарисы не шелохнулись ни однимъ листкомъ своимъ. Воздухъ дышалъ благовоніемъ. Ни малѣйшій шелестъ не раздавался близъ дворца; только тихо роптали фонтаны, сверкая брызгами, позлащенными лучемъ заходящаго солнца, и чуть слышалось дыханіе древняго мудреца, который стоялъ неподвижно, въ углу, и ожидалъ мановенія своего повелителя.

Вдругъ... раздался пронзительный писк птичій.

Язуръ поднялъ голову и увидѣлъ пташку; она трепетала крыльями и жалостно пищала, летая надъ гнѣздомъ своимъ, свитымъ въ вѣтвяхъ пальмы. Приглядѣвшись, царь замѣтилъ на деревѣ змѣю. Она извивалась около гнѣзда и зіяла пастью надъ птенцами; но пташка крыльями и клювомъ отчаянно защищала своихъ пичужекъ.

Царь повелѣлъ подать свой лукъ китовой кости и золоченую стрѣлу, оперенную пухомъ страуса. Мѣткимъ ударомъ стрѣлы онъ убилъ змѣю.

Пташко радостно защебетала надъ птенцами своими и, порхая надъ царемъ, опускалась все ниже и ниже. Царь взглянулъ на нее и увидѣлъ, что она держитъ въ клювѣ и въ коготкахъ три зерна. Пташка кружилась, опустилась низко и уронила къ ногамъ царя три зерна.

Царь поднялъ зерна, сталъ разсматривать ихъ и изумился,— такихъ зеренъ онъ не видывалъ никогда.

Позвалъ царь мудреца, показалъ ему зерна и спросилъ его:— о, мудрецъ! какія это зерна? и видѣлъ-ли ты такія въ нашемъ великомъ царствѣ?

Digitized by Google

— О, царь,—отвѣчалъ мудрецъ, глядя на зерна,—сіи зерна не нашей страны, а, вѣроятно, изъ странъ неизвѣстныхъ, ибо такихъ здѣсь никогда не бывало.

— Что-же съ ними дѣлать?—спросилъ царь.

— О, царь, пусть земля, мать всего ростущаго, приметъ ихъ въ свои нѣдра. Она возраститъ изъ нихъ полный плодъ, и тогда мудрый рабъ твой скажетъ тебѣ, что есть въ ономъ плодѣ: польза и наслажденіе, или вредъ и огорченіе.

— Быть такъ, мудрецъ!

И призвалъ царь главнаго садовника своего и повелѣлъ ему посадить эти зерна и бережно соблюдать ихъ, подъ страхомъ смерти.

Зерна были посажены подъ древнимъ деревомъ и хранимы денно и нощно.

Вскорѣ выпрыснулъ изъ земли зеленый всходъ ихъ; и сталъ крѣпчать молодой подростъ и обвиваться вкругъ древняго дерева. Потомъ показались, межъ широкихъ, лапчатыхъ листьевъ, мелкіе гроздья и стали наливаться на солнцѣ.

Среди лѣта гроздья выполнились и сквозились какъ дорогіе каменья: одни—краснаго цвѣта, другіе—темнаго, золотистаго цвѣта. Чрезъ прозрачную оболочку ягодъ виднѣлись зерна. Плодъ, видимо, созрѣлъ; но никто не осмѣливался прикоснуться къ нему, боясь, нѣтъ-ли въ немъ смертельнаго яда.

Царь позвалъ мудреца:—о, мудрецъ! скажи, что дѣлать съ сими плодами?

— О, царь! можетъ быть плодъ сей есть весьма полезный, а потому прежде всего повели сохранить сѣмяна его.

Царь приказалъ принести хрустальныя чаши, выдавить въ нихъ сокъ изъ гроздей, и бережно выбрать сѣмяна.

Когда исполненъ былъ приказъ, то всѣ съ изумленіемъ увидѣли прозрачную и чистую жидкость: въ одной чашѣ краснаго цвѣта, какъ камень рубинъ, въ другой темнаго, какъ камень гранатъ, а въ третьей золотистаго и яснаго цвѣта, какъ само солнце.

И отъ чашъ разнеслось несказанное благоуханіе по дворцу царскому. И всѣ удивились.

Но никто не смѣлъ прикоснуться къ этимъ благовоннымъ жидкостямъ.

— О, мудрецъ!—спросилъ царь,—что можетъ быть въ сихъ жидкостяхъ?

— О, царь!.. мудрость гласитъ: — подъ розами таятся змѣи и скорпіоны, въ цвѣтущихъ, прекраснѣй розъ, благовонныхъ,

Digitized by Google

устахъ дѣвы—ютится ложь, въ блестящихъ, какъ звѣзды, очахъ красоты—кроется измѣна...

— Правда,—сказалъ, нахмурясь, царь.

— Въ сей прозрачной и благовонной жидкости, — боги и шайтаны знаютъ про то,—можетъ быть, почіетъ смерть.

И царь задумался, а всѣ ужаснулись. Мудрецъ опустилъ покорно голову, а самъ глядѣлъ изъ-подлобья, ибо былъ мудръ.

Язуръ повелѣлъ призвать старѣйшаго изъ вѣрныхъ рабовъ своихъ и сказалъ ему такъ: — вѣрный рабъ мой! ты дряхлъ и хворъ, и всякую минуту ждешь смерти; часы твои сочтены богами. Сослужи намъ послѣднюю вѣрную службу — испей этой неизвѣстной жидкости!

— О, царь мой!—отвѣтилъ дряхлый рабъ;—я дряхлъ и хворъ, и ожидаю смерти; часы мои сочтены богами. Двумъ смертямъ не бывать, одной не миновать, — радъ стараться въ угоду твоего величества!..—и выпилъ одну чашу

Всѣ въ ужасѣ глядѣли на дряхлаго раба.

А дряхлый рабъ бодро поднялъ голову, вдругъ запѣлъ весьма развеселую пѣсню и попросилъ вторую чашу.

Выпилъ дряхлый рабъ вторую чашу.

Всѣ въ сугубомъ ужасѣ глядѣли на него.

А дряхлый рабъ вдругъ пустился плясать, очень проворно выдѣлывать весьма веселыя штуки и попросилъ третью чашу.

Выпилъ дряхлый рабъ третью чашу.

Всѣ въ несказанномъ ужасѣ глядѣли на него.

А дряхлый рабъ зѣвнулъ во всѣ салазки, икнулъ, свалился и покатился подъ столъ... Тамъ и остался безъ движенія.

И всѣ ужаснулись окончательно, ибо дряхлый рабъ лежалъ мертвъ.

— Жаль, — сказалъ царь; — померъ рабъ; а добрый рабъ былъ!—и повелѣлъ царь похоронить со всею индѣйскою честію дряхлаго и окончательно умершаго раба.

Но случилось несказанное чудо. Пока дряхлаго раба мыли и скоблили, духами умащали и въ шелки пеленали, носъ и уши перцомъ и имбиремъ набивали и, какъ слѣдуетъ индѣйцу, на тотъ свѣтъ снаряжали—вдругъ, онъ чихнулъ, вскочилъ и ожилъ... То-есть просто проснулся, ибо спалъ за-мертво, напившись неизвѣстнаго напитка.

Царедворцы въ трепетѣ доложили царю, что дряхлый рабъ воскресъ, а посему—не повелитъ-ли царь прекратить сей безпорядокъ пальмовой дубиной?

Digitized by Google

Царь удивился и повелѣлъ призвать къ себѣ дряхлаго раба.

И когда предсталъ предъ царя дряхлый рабъ, то царь повелѣлъ ему разсказать со всею откровенностію, и ничего не утаить, что онъ чувствовалъ, когда пилъ первую, вторую и третью чашу, что было съ нимъ потомъ, до самаго воскресенія его, и—какъ и почему онъ воскресъ?

И сталъ разсказывать дряхлый рабъ такъ: — великій государь!.. часы сочтены богами,—врать мнѣ не приходится;—разъ воскреснувъ, говорю, какъ передъ могилой. Выпилъ я первую чашу—и вдругъ, позабылъ всѣ мои горести и печали, недуги и болѣзни и всю мою ветхую дряхлость; а стало мнѣ такъ хорошо, какъ будто я снова на свѣтъ народился. Выпилъ я вторую чашу—и вдругъ, почувствовалъ въ себѣ молодую, давно забытую силу, и великую охоту, — не при твоемъ величествѣ будь сказано,—цѣловаться и веселиться; и потому я пустился плясать, и это мнѣ было очень утѣшительно. Выпилъ я третью чашу — и все позабылъ!.. а захотѣлось мнѣ спать, что я презрѣнный рабъ твой и учинилъ безъ малѣйшаго страха, а съ отмѣннымъ удовольствіемъ. И когда я спалъ, то былъ такъ счастливъ и во снѣ видѣлъ такія прелестныя вещи, что, по дряхлости моей и говорить о нихъ совѣстно, а вспоминать про себя — несказанно пріятно; и теперь, позабывъ о дряхлости моей, чувствую себя очень хорошо, и по всѣмъ статьямъ, безъ сравненія съ прежнимъ, здоровѣе и крѣпче.

И, говоря это, дряхлый рабъ значительно прибодрился, подтянулся и облизался.

Царедворцы коварно улыбались, закрываясь изъ почтенія къ царю широкими рукавами; а дряхлый рабъ подтвердилъ, что все онъ сказалъ по чистой совѣсти, ничего не утаилъ, въ чемъ и побожился по-индѣйски.

Всѣ слушали съ удивленіемъ. А мудрецъ развелъ руками и доложилъ царю такъ:—великій государь!.. совершилось чудное происшествіе за твой мудрый, благодѣтельный и храбрый подвигъ,—за убіеніе царской рукой твоей зловредной змѣи, ничтожная пташка отблагодарила тебя и одарила великое царство твое неизвѣстными чудесными плодами; мудрость открываетъ мнѣ, что нѣтъ въ напиткахъ сихъ никакого вредоноснаго яда, а заключается въ нихъ немаловажное удовольствіе...

Но царь махнулъ рукой:—дескать, это мы и безъ тебя понимаемъ.

И повелѣлъ царь призвать главнаго садовника своего и глав-

Digitized by Google

наго начальника своей дворцовой стражи и отдалъ имъ слѣдующій приказъ.

— Бережно насадить всѣ зерна сихъ плодовъ удивительныхъ на всѣхъ подсолнечныхъ мѣстахъ моихъ царскихъ садовъ, ко всякому разсаднику поставить на стражу по кровожадному дракону, церберу и крокодилу на мѣдныхъ цѣпяхъ, и каждый день рапортовать мнѣ о благополучіи и исправности.

Все было исполнено съ индѣйской точностію.

И въ короткое время сады царскіе зазеленѣли новымъ, удивительнымъ зеліемъ кустарнымъ. Лоза зелія гнулась подъ тяжелыми прозрачными гроздіями. Чаши наполнились благовонными и чудными напитками. Запахъ отъ нихъ разносился по всѣмъ палатамъ и тайнымъ покоямъ дворца. И никто не смѣлъ прикоснуться къ чашамъ устами, ибо мудрый царь Язуръ издалъ слѣдующій указъ:—„напитокъ сей открытъ ничтожной пташкой „мнѣ, царю Язуру, за мою собственную мудрость и храбрость; „посему онъ есть—царскій; и кто прикоснется къ нему—да бу„детъ казненъ смертію".

И, дѣйствительно, Язуръ пилъ одинъ этотъ удивительный напитокъ. Бочки уже не вмѣщались въ погребахъ дворцовыхъ, а царь пилъ одинъ. И такъ Язуръ пилъ одинъ до конца своей жизни, и жизнь его была очень весела даже до самой смерти.

Однажды Язуръ испилъ удивительнаго напитка всласть, но не по мѣрѣ утробы, и потому уснулъ, и уже не проснулся. Мудрецы справились по книгамъ и сказали:—значитъ,—померъ.

Придворные ужаспулись и отъ великаго ужаса устремились въ погреба; а за ними послѣдовала стража; а за стражей повалилъ и весь народъ; и всѣ испили всласть удивительныхъ напитковъ; и все индѣйское царство стало вдругъ пѣть, плясать, цѣловаться, кувыркаться и, наконецъ... повалилось и уснуло.

А проснувшись, разумѣется, что было—то забыто и началось снова,—слово въ слово, какъ сказано въ сказкѣ:—стоитъ дубъ, а на дубу мочала—начинай съ начала!—и такъ до нашихъ временъ.

А въ наши пресловутыя времена, по всѣмъ заграничнымъ государствамъ, уже у каждаго бобыля, у котораго есть изгородь, вьется по изгороди оное удивительное индѣйское зеліе, именуемое виноградомъ, и дающее сочные прозрачные гроздія, изъ которыхъ дѣлается вино. А посему, не токма каждый мужикъ, но и всякая незначительная баба,—всѣ и съ домочадцами,—пьютъ удивительный напитокъ, а напившись—поютъ, цѣлуются, пляшутъ, кувыркаются и засыпаютъ сладкимъ сномъ; живутъ, значитъ очень весело даже до самой смерти.

Digitized by Google

До нашего обширнаго отечества такое пріятное усовершенствованіе, къ великому сожалѣнію, еще не дошло, ибо виноградъ побивается морозомъ. А зато у насъ въ ходу — трехпробное пѣнное, тоже пойло, по вкусу и качествамъ, очень отмѣниое. Одно въ немъ неудобство: испивъ его всласть, вмѣсто того чтобъ цѣловаться—смерть хочется подраться.

Но на семъ свѣтѣ чѣмъ что слаще, тѣмъ скорѣе и проходяще;—виноградъ все впередъ подвигается, а пѣнникъ все водой разбавляется.

Digitized by Google

ЛѢШЕВЪ ХУТОРЪ.

Очень страшное, но сомнительное происшествіе.

КОЕ-ЧТО О СКАЗКАХЪ.

Всѣ повѣсти, разсказы, сказки, записки и воспоминанія—въ стихахъ и прозѣ—называются произведеніями *изящной* словесности, (беллетристикой).

Въ нихъ описываются происшествія, приключенія и случаи, или *истинные*, или *вымышленные*. Сравнительно, *истинное* происшествіе, быль, всегда предпочитается *вымыслу*, или сказкѣ; но и тѣ и другіе равно полезны для образованія ума и сердца человѣка; незначительный, то есть не имѣющій никакого, ни умственнаго, ни нравственнаго значенія и, слѣдовательно, нелюбопытный и непоучительный разсказъ *истиннаго* происшествія, конечно, менѣе полезенъ, нежели *вымыселъ* разумный и нравственный: изъ перваго человѣкъ ни чему не научится, а изъ втораго можетъ почерпнуть много назидательнаго и полезнаго.

Въ числѣ вымышленныхъ произведеній есть еще такія, которыя описываютъ невѣроятныя и даже неестественныя происшествія. Эти произведенія называются *сказочными*, *баснословными*, (фантастическими, отъ слова — фантазія, воображеніе). Вѣрить имъ нельзя, но читать можно, и съ удовольствіемъ, и съ пользою: они уничтожаютъ суевѣріе, представляя его въ смѣшномъ видѣ. Такъ, напримѣръ, небольшой стихотворный разсказъ Пушкина „Гусаръ“—

„Скребницей чистилъ онъ коня“...

описываетъ происшествіе неестественное, невозможное; но разсказъ прекрасенъ, и не только безвреденъ, но и полезенъ, поучителенъ; никто изъ читателей не повѣритъ гусару, будто онъ, въ самомъ дѣлѣ, леталъ черезъ трубу, на Лысую гору, на празд-

Digitized by Google

никъ вѣдьмъ, а каждый пойметъ, что, выпивъ черезчуръ, можно принять сонъ за быль и потомъ бредить на яву. Нетрезвые сны такіе, обыкновенно, представляютъ человѣку именно то, что составляетъ его ремесло, или занятіе, только въ извращенномъ видѣ: такъ, напримѣръ, солдатъ чаще всего видитъ во снѣ что-нибудь изъ служебной жизни своей, но въ превратномъ видѣ.

Таковъ и предлагаемый разсказъ — „Лѣшевъ хуторъ". Извѣстно, что ни лѣшихъ, ни домовыхъ, ни вѣдьмъ на свѣтѣ нѣтъ; но необразованнымъ, суевѣрнымъ, да притомъ пьянымъ людямъ мерещится многое такое, чего на свѣтѣ и быть не можетъ. При чтеніи о такихъ невозможныхъ чудесахъ надо обращать вниманіе на цѣль разсказа—на то, чѣмъ кончаются въ разсказѣ всѣ небылицы. А кончаются онѣ почти всегда одинаково: невѣжество, суевѣріе и пьянство—вводятъ человѣка въ неминучую бѣду.

Digitized by Google

ЛѢШЕВЪ ХУТОРЪ.

(ДІДЬКИВЪ ХУТОРЪ).

Изъ воспоминаній стараго солдата.

Что нынчѣ? Нынчѣ—ничего! Нынчѣ, напримѣръ, походомъ, насилу разберешь, по которой губерніи идешь; всюду версты писаныя, дороги окопаныя, у каждой деревни пестрый столбъ, и на немъ формуляръ: деревня прозывается такъ-то, дворовъ — столько-то, душъ мужеска пола—столько-то, женска—столько-то. Войдешь въ избу—мое почтеніе: бѣлая печь, окна свѣтлыя, да, пожалуй, и самоваръ на полкѣ. Все по формѣ; хозяинъ, какъ хозяинъ, а баба—чуть не *мадамъ*; а ребятишки—не то что, бывало, какъ воробьи отъ людей, кто куда строконутъ,—нѣтъ, теперь просто въ глаза тебѣ глядятъ:—ну-ка, молъ, дяденька, каково вы маршируете?

А вотъ, въ наше время—и-и-и!.. и Боже мой! безъ проводника ино мѣсто ни-за-что рота и до ночлега не дойдетъ. Въ одной губерніи спросишь дорогу—говорятъ тебѣ: — иди боромъ *на воловій рыкъ*, потомъ смугомъ — *на собачій брехъ*, а тамъ буеракомъ—*на свиной хрюкъ*; выйдешь на поляну—*по сорочьему стрекоту* дойдешь до старыхъ пряселъ; поверни налѣво — *пѣтуха* услышишь,—тутъ она и есть деревня; держи *на дымокъ*, не то *на огни*; тамъ и квартирьера встрѣтишь! Только, Боже сохрани, не попади на мостъ: шею, или ногу сломаешь! А есть тамъ бродокъ, всего по колѣно малышу, а пьяному—по шею... ступай!..

Въ другой губерніи, какъ учнутъ, бывало, объяснять тебѣ дорогу *по клинамъ* да *стрѣльбищамъ*—идешь-идешь—въ глазахъ темно!

— Далеко ли, бабушка до села?—спросишь прохожую.

— А вотъ, за горой будетъ долъ, а за доломъ—взгорокъ, а за нимъ—*камнемъ кинуть*—ручей; а отъ ручья, по лугамъ, до

Digitized by Google

перелѣска *рукой подать*; а оттоль—вотъ какъ *плюнуть*—и село за горой!

И, главное — все вретъ. А почему она вретъ, никому неизвѣстно; только такъ и знай, что вретъ.

А бывало еще и такъ.

Рота выходитъ съ ночлега, — полы завернуть! фельдмаршъ, пѣсенники впередъ!—а другой лоботрясъ и лба не перекрестилъ; и тутъ еще иная вѣдьма, не доискавшись курицы, возьметъ, да нарочно передъ авангардомъ съ пустыми ведрами дорогу перейдетъ,—ну, и шабашъ! Особенно подъ вечеръ, да проселкомъ,—броди до завтра Квартирьеры непремѣнно проспятъ, а рота и пошла гулять,—лѣшій почнетъ водить. Часа три пропрешь и придешь на то-же мѣсто, откуда вышли!

Само начальство было извѣстно о томъ.

— Отчего проспали мошенники?—кричитъ бывало.

— Не могимъ знать, ваше благородіе; глазъ не смывали;—мѣсто попорченое.

И, поди же, что сталось-приключилось: нашелъ моровъ, въ глазахъ песокъ, въ носу свистъ, въ глоткѣ храпъ, и чуть присѣлъ—такъ и померъ, уснулъ человѣкъ; только носъ играетъ, а самъ все позабылъ.

— Это, братцы, куриная слѣпота.

— А можетъ и пѣтушиная, коли не поросячья!

Ужъ чья-нибудь хозяйка переходъ испортила; такъ и порѣшатъ бывало. Много было порчи!

Нынчѣ все это перевелось; ничего такого и не слыхать; нынчѣ каждый лоботрясъ въ книжку глядитъ. Пошла грамотность, значитъ, всякое причитаніе,—ну, всѣ эти лѣшіе, домовые, водяные отъ человѣка и отшатнулись;—что, молъ, съ нимъ водится, коли въ насъ не вѣритъ?—Ну, и винища меньше пьютъ;—нѣтъ, стало быть, никакого пріятнаго заблужденія. А притомъ лѣса, буераки, проселки—все это расчищено и пронумеровано; никакой тайной силѣ ходу нѣтъ. Все ясно, и разговору нѣтъ. А, бывало, послушать — волосъ на башкѣ шевелится. Просто страсти, и смерть любопытно!

Это шли мы, никогда не забуду, по Кіевской губерніи. Приходимъ на дневку, въ село Бровары, всего одинъ переходъ до Кіева. Ну, днемъ, ничего не слышно, — солдатъ вѣдь крѣпкій человѣкъ, ничего во время не разскажетъ, молчитъ какъ камень;—а ужъ потомъ, черезъ два-три перехода, и брякнетъ: — ничего вы, господа мои милостивые, не знаете; а вѣдь на дневкѣ было худо... дѣло, значитъ, нечистое!

Digitized by Google

Ну, всѣ къ нему:—что и какъ? говори скорѣй.

— Весь вечеръ хозяйки не было дома, вотъ что!

— Ну, такъ что-жъ?

— А вотъ то-жъ... Самъ своими глазами видѣлъ,—на свѣту, передъ тѣмъ, чтобъ пѣтуху запѣть, вдругъ—заслонка въ печи стукнула,—гляжу,—а она и лѣзетъ, какъ мать родила, изъ печи въ избу, и, какъ теперь вижу—сзади у нея хвостикъ торчитъ, перста въ два, коли не въ три...

— Что за оказія!

— Черезъ трубу, значитъ, съ Лысой горы вернулась...

— Не врешь ли, братъ?

— За что?.. развѣ ты заплатилъ за вранье? Какъ на тебя гляжу—все видѣлъ!

— Тьфу ты, бѣсъ, прости Господи!

А можетъ быть, баба, просто, въ печкѣ парилась, по тамошнему обычаю; вѣдь у нихъ бань нѣтъ. Ну, этого никому ни пришло въ голову. Рѣшено—баба вѣдьма!..

И вотъ-съ, днюемъ мы въ Броварахъ. А въ Броварахъ четыре винокурни, по-малороссійски—бровара; затѣмъ они и Бровары. И былъ у насъ артельный конь, битюгъ, двѣсти рублевъ, кромѣ литокъ, заплаченъ, старый конь; при немъ вышло изъ роты въ *чистую* и въ *безсрочный*, и поступило вновь въ роту, человѣкъ безъ малаго семьдесятъ. И фельдфебель при немъ же изъ унтеровъ произведенъ; два капральныхъ смѣнилось при немъ же. Былъ онъ почтенный конь, въ ротѣ служилъ девять лѣтъ. Уже другой козелъ состоялъ при немъ,—первый подъ Селистріей подъ колесо попалъ, а второй отъ молдаванъ, за полъ пайка, у капитенармусской *кононицы* въ роту купленъ;—отличный козелъ: второй въ полку по рогамъ, а по бородѣ — первый по дивизіи. Бурка, старый песъ, придворной породы, тоже числился при немъ.

Битюгъ былъ безотказный;—вали вся рота весь свой экипажъ, и всѣ женатые всю мебель—претъ, какъ ничего. Попало колесо въ выбоину, въ колюжину, хоть со ступицей — вырветъ, коли оглобля не хрястнетъ. Золотой-конь былъ, да и умная же скотина такая, что только не говоритъ. Крикнешь ему:—стой, Самсонъ Петровичъ!—стоитъ;—трогай, Самсонъ Петровичъ!—идетъ;—вправо, Самсонъ Петровичъ!—онъ вправо; влѣво—влѣво.—Назадъ равняйсь!—осадитъ, какъ слѣдуетъ. Одного только утерпѣть не могъ: какъ ударятъ фельдмаршъ—ни на что не взирая, наложенъ-ли возъ, перевязанъ-ли, нѣтъ-ли,—дѣла ему нѣтъ,—по-

Digitized by Google

претъ Самсонъ Петровичъ за ротой, и не удержишь его. Разлюбезная животина!

И вотъ, въ этихъ Броварахъ, въ эту безсчастную дневку, что случилось: двѣ оказіи—одна другой хуже.

Каптенармусъ, артельщикъ, кашеваръ, и весь ротный штабъ, квартировалъ на дневкѣ въ одной изъ винокурень, въ броварѣ. Тамъ-же, значитъ, пребывалъ и битюгъ, Самсонъ Петровичъ, съ козломъ Васькой и брехуномъ Буркой. Съ вечера, съ дозволенія винокура, Самсона Петровича пустили на траву, по широкому, окопанному и заросшему травой, двору винокурни. Хорошо-съ. Тамъ они и прокладаются... И былъ у насъ въ ротѣ рекрутикъ изъ чувашъ, Василій Иванычъ, изъ богатаго дома; два череза угревыхъ на себѣ носилъ, оба съ золотыми, да еще Екатерининскими; одинъ застегнутъ подъ колѣномъ, другой—кругомъ пояса. А извѣстно, что никакихъ крупныхъ капиталовъ солдатъ при себѣ имѣть не долженъ; но рекрутъ таился и денегъ не объявилъ. И былъ еще въ ротѣ ротный писарь, мастакъ бѣдовый: на обѣ руки писалъ, и гуляка примѣрный. Наготовитъ, бывало, рапортовъ и рапортичекъ, — фельдфебель только числа проставляй,—да такъ загуляетъ, что никогда самъ въ роту не придетъ, а всегда приведутъ его, даже привозили иногда. И такой же былъ у насъ цирюльникъ, изъ іерусалимскихъ дворянъ, тоже дока: на обѣ руки брилъ, и брался оскоблить человѣка на маршѣ; только ужъ не останавливайся, а то безъ носу будешь. Оба искусники были страшные, каждый по своей части, и оба—по части выпивки.

Вотъ, съ вечера, является на квартиру Василія Ивановича невзрачный, кривой и весьма ободранный хохолъ-батракъ.

— Вы,—спрашиваетъ,—Василій Ивановичъ?

— Я Василій Ивановичъ.

Вотъ онъ и вручаетъ Василію Ивановичу записку.

— Такъ и такъ, — говоритъ, — тетушка вамъ кланяется и очень проситъ васъ къ себѣ на свадьбу.

Василій Ивановичъ вытаращилъ глаза.

— Какая тетушка? На какую свадьбу?—держитъ записку;—да, я,—говоритъ,—и читать не умѣю.

А писарь, какъ нарочно, съ цирюльникомъ, мимо идетъ.

— Что за переписка? давай я прочту.

— Сдѣлайте милость!

И читаетъ писарь Василію Ивановичу такъ и такъ:

— „Былъ у васъ, Василій Иванычъ, въ Казанской губерніи, „Мамадышскомъ уѣздѣ, родной вашъ дядюшка, тоже Василій

Digitized by Google

„Иванычъ, (извѣстно, что всѣ чуваши — Василіи Иванычи), и „служилъ въ солдатахъ. Квартируя въ Кіевской губерніи, здѣш- „няго уѣзда, дядюшка вашъ обженился со мною, а потомъ по- „шелъ въ походъ, и въ Туретчинѣ убитъ на повалъ. Осталась я, „ваша тетка, совсѣмъ вдовой, и, съ великой печали и скуки, „теперь опять хочу окрутиться“ то есть замужъ выйдти. А „свадьба моя сегодня вечеромъ; потому и запрошаю васъ, сród- „ника и племянника моего, на оную свадьбу. Отпроситесь у коман- „диров, да еще сдѣлайте милость такую — запросите съ собой „въ гости твердо грамотнаго человѣка, который бы могъ про- „писать мнѣ хорошенько нужный документъ; и еще запросите „съ собой въ гости такого человѣка, который могъ бы подголитъ „затылокъ и пристроить чуприну моему жениху. И очень прошу „васъ, и съ гостями, безпремѣнно прибыть скорѣй на мою „свадьбу. Низенько кланяюсь.

Очень любящая васъ, тетка ваша —

„Соломаха Дідькина“.

— Что-жъ ты думаешь?—сказалъ писарь Василію Иванычу;— надо проситься у фельдфебеля. Да кого же возьмешь изъ грамотныхъ?

Василій Иванычъ почесалъ въ головѣ; — а ужъ васъ попрошу,—говоритъ.

— Ну, а другаго, подголить чуприну?

— А ужъ ихъ, — и Василій Иванычъ указалъ на цирюльника.

— Въ жизнь ни для кого не пошелъ бы!—возразилъ цирюльникъ,—а тебѣ отказать не могу, ибо ты... очень хорошій человѣкъ!

— И я тоже, только для тебя соглашаюсь идти,—промолвилъ писарь;—ступай къ фельдфебелю, просись на свадьбу тетушки, и скажи, что и насъ очень приглашаютъ.

Василій Иванычъ пошелъ къ фельдфебелю и криваго батрака взялъ съ собою. Фельдфебель очень удивился:—какъ такъ, у рекрута изъ Казанской губерніи нашлась тетушка подъ Кіевомъ? но дѣло объяснилось, и батракъ завѣрилъ, что точно такъ,—есть настоящая тетушка. Доложивъ капитану, фельдфебель уволилъ всѣхъ троихъ на свадьбу.

— Да, гляди у меня, къ вечерней перекличкѣ, какъ листъ передъ травой, быть на своихъ мѣстахъ!

— Слушаю-съ.

Но къ перекличкѣ никто изъ нихъ не явился; значитъ—къ утру придутъ.

Digitized by Google

Въ четыре часа барабанщики ударили генералъ-маршъ. Люди почали вставать, приготовляться къ походу. Слышитъ артельщикъ—Бурка что-то воетъ, и Васька блеетъ; всталъ онъ, пошелъ на дворъ.

Бьютъ сборъ; рота помаленьку выходитъ, строится.

Поглядѣлъ артельщикъ на дворъ—и только руками всплеснулъ,—вотъ такъ грѣхъ! — около опрокинутаго винокуреннаго чана лежитъ Самсонъ Петровичъ,—вздуло его горой, и всѣ четыре ноги вытянуты; лежитъ какъ колода, дыханья нѣтъ; видимо дѣло—сдохъ...

— Можетъ ли быть?—вопитъ артельщикъ, а самъ чуть не рыдаетъ:—неужели-же ты, Самсонъ Петровичъ, сдохъ? Что же мы теперь станемъ дѣлать?..

Васька блеетъ; Бурка воетъ; Самсонъ Петровичъ лежитъ, какъ настоящая падаль...

— Послѣ этого ты же совсѣмъ подлецъ, Самсонъ Петровичъ!—проговорилъ плачевно артельщикъ, поднялъ валяющуюся дубину и вытянулъ ею во все пузо битюга.

Но только гулъ пошелъ, какъ изъ пустой бочки, а Самсонъ Петровичъ и ногой не дрыгнулъ. Значитъ—въ самомъ дѣлѣ сдохъ.

—Ну, не свинья ли ты, на полпути сдохнуть? — вопилъ артельщикъ;—этого отъ тебя я ни въ жизнь не ожидалъ.

Пришелъ каптенармусъ, кашеваръ, хлѣбопекъ и двѣ солдатки; всѣ бѣдовали, какъ по роднѣ, всѣ попробовали разбудить его дубиной, и всѣ въ концѣ концовъ обругали Самсона Петровича подлецомъ. Только Васька и Бурка видимо тужили, съ большимъ сожалѣніемъ, и даже обнюхивали сдохшаго пріятеля.

Узнала рота—и вѣрить не хотѣла:—этого быть никакъ не можетъ!—и, однако, всѣ увидѣли сами, что Самсонъ Петровичъ сходъ, безъ всякаго сомнѣнія.

— Вотъ удралъ штуку!.. Вотъ одолжилъ!.. Вотъ осоюзилъ!—покрикивали люди.

— А и всякой твари на землѣ часъ не извѣстенъ,—произнесъ кто-то поучительно.

— И, поди же этакой богатырь,—и лопнулъ.

И всѣ очень сожалѣли Самсона Петровича.

Доложили капитану. Онъ пришелъ съ офицерами.

— А поверните-ка его.

Перевернули; битюгъ перевалился, какъ колода,—сдохъ, какъ слѣдуетъ.

— Ну, нечего дѣлать!.. взять пару воловъ подъ телѣгу, а

Digitized by Google

съ него содрать шкуру, да расковать,—зачѣмъ пропадать вещамъ?—сказалъ капитанъ и пошелъ къ ротѣ.

Фельдфебель доложилъ при этомъ, что Василія Иванова, писаря и цирюльника тоже нѣтъ,—не прибыли.

— Хороши гуси!—сказалъ капитанъ и приказалъ оставить унтеръ-офицера въ Броварахъ,—пусть разыщетъ ихъ, и всю тетушкину свадьбу.

Живо два сапожника и опытный кожемяка содрали съ Самсона Петровича шкуру, оторвали подковы, и уложили это добро на ротную телѣгу. Живо наняли (подъ квитанцію) пару воловъ, впрягли ихъ, и телѣга выѣхала въ арьергардъ.

— Полы завернуть! пѣсенники впередъ, фельдмаршъ!—скомандовалъ капитанъ.

Рота зашла, по отдѣленіямъ направо,—прямо, дирекція направо!

Запѣвало затянулъ:

„Ужъ какъ было да подъ славнымъ городомъ Парижемъ,
„Было подъ Парижемъ!...“

И, поахивая и похваливая прежнюю службу Самсона Петровича, рота двинулась по дорогѣ.

— А якъ будете вертатися, сердце Семене, знову до мэнѣ!..—пропѣла сдобная бабенка черезъ прясла.

Семенъ Лещукъ, ефрейторъ и показной вѣстовой, покраснѣлъ до ушей.

— Добре, добре, ласточка-бабочка!—кричали изъ фронта;—представимъ его къ тебѣ во всей цѣлости!...

— А цуръ вамъ!—завизжала, убѣгая, бабенка.

Хохотъ прошелъ по рядамъ.

— Ближе идти!—покрикивалъ дежурный.

Пѣсенники заливались:—„было подъ Парижемъ!“—Но подъ Парижемъ въ то время еще ничего особеннаго не было, а подъ Броварами, дѣйствительно, вышло очень нехорошо, просто — страсти.

Изъ арьергарда кричали ротѣ: — стой! Самсонъ Петровичъ идетъ!.. ей-Богу идетъ!..

Капитанъ, идя передъ ротой, обернулся, взглянулъ, нахмурившись;—кто тамъ вретъ?

— Вправо!.. вправо! — кричали люди; запыхавшійся солдатикъ, съ примкнутымъ штыкомъ, изъ арьергарда, бѣгомъ опережалъ роду.

— Неужели?—спрашивали его изъ фронта.

Digitized by Google

— Ей-Богу, самъ видѣлъ!

Онъ догналъ капитана, взялъ подъ-прикладъ и отрапортовалъ неподобную вещь:—по фельдмаршу, ободранный Самсонъ Петровичъ всталъ, фыркнулъ и пошелъ, гогоча, за ротой, весь въ крови, голый,—только глаза выпучены...

— Что ты врешь!..

Однако капитанъ, съ офицерами, смѣясь, остановился, пропустилъ мимо роту и пошелъ поглядѣть на Самсона Петровича.

— Вотъ, братцы, что значитъ дружба!—толковали солдаты:—любилъ насъ—и умирать не хочется; безъ шкуры за нами поперъ.

— Да, этакого дива и въ сказкахъ не слыхать!

— Ай да Самсонъ Петровичъ!.. Значитъ, братцы, не дали крови у него застыть... Вотъ такъ животина!—одно слово, сердешная!

— Не былъ бы, ребята, оборотень?..

— А и то,—какъ знать?

— Да не вранье ли только?..

Такіе разные голоса раздавались по ротѣ. На крутомъ поворотѣ дороги всѣ оглянулись;—идетъ! лопни глаза—идетъ!

Дѣйствительно, за ротою шла, понурясь, какая-то совершенно ободранная кляча. Бурка провожалъ ее лаемъ, козелъ блеялъ... Смущеніе было всеобщее.

— Вправо, вправо!—кричали въ рядахъ.

Капитанъ, съ офицерами, смѣясь, обогнали роту и пошли впереди. Пѣсенники пѣли. А во фронтѣ уже извѣстна была вся исторія; вотъ что случилось.

На дворѣ бровара стоялъ чанъ съ брагою. Артельщикъ позабылъ съ вечера напоить Самсона Петровича, и битюгъ, дорвавшись до хмѣльной браги, выпилъ ее всласть, охмѣлѣлъ и повалился за-мертво. Поутру нашли его будто сдохлаго, содрали съ него кожу; только недоуздка не могли доискаться,—такъ и пропалъ. Очнувшись, вѣроятно отъ боли, и заслышавъ барабанъ, Самсонъ Петровичъ всталъ и пошелъ, по привычкѣ, за ротою.

Такъ ли все это было доподлинно, по сю пору ничего неизвѣстно. Должно быть, отчасти люди врали, а отчасти было тутъ, на одну осьмую, и правды. Дѣло темное.

А на другой день вышло другое дѣло, еще темнѣе,—не даромъ же говорятъ о кіевскихъ вѣдьмахъ;—такая чертовщина вышла, что и ума не приложить.

На другой день, поздно вечеромъ, унтеръ-офицеръ привелъ изъ Броваровъ всѣхъ троихъ гостей тетушкиныхъ, видимо со

Digitized by Google

свадьбы,—у всѣхъ портреты попорчены: у кого глазъ, у кого носъ, у кого лобъ подбитъ; одинъ съ оборваннымъ воротомъ, другой безъ обшлага на шинели, а Василій Ивановичъ—совсѣмъ безъ сапогъ, въ дырявыхъ опоркахъ пріѣхалъ; увѣряетъ—на конѣ;—значитъ, напраздновались.

Фельдфебель поглядѣлъ и поздравилъ ихъ:—очень хорошо!—говоритъ,—и повелъ къ капитану.

Капитанъ взглянулъ;—отлично!—говоритъ;—ну, положимъ, вы, люди очень извѣстные, — сказалъ капитанъ писарю и цирюльнику; — а этого-то дурака зачѣмъ въ такую бѣду втравили, а?

Писарь и цирюльникъ, что называется, глазомъ не сморгнули, какъ будто очень удивлены были — откуда такая напасть? А Василій Ивановичъ задергалъ носомъ, и посыпались у него изъ глазъ слезища:—виноватъ, ваше благородіе! я одинъ виноватъ! голова мнѣ надо рубить! — провизжалъ онъ, и заплакалъ, какъ ребенокъ.

Капитанъ былъ добрый, но терпѣть не могъ слезъ: — молчать! — крикнулъ и приказалъ фельдфебелю отвести всѣхъ подъ арестъ, но прежде допросить Василія Иваповича, чтобъ онъ разсказалъ со всею откровенностію, ничего не утаивая, какъ что было.

Фельдфебель отослалъ писаря и цирюльника подъ арестъ, а съ Василія Ивановича началъ снимать допросъ: — говори все, какъ было!

— Какъ передъ Богомъ все скажу, сударь!—пропищалъ Василій Иванычъ и началъ свою чудную повѣсть.

А вѣстовой, за дверьми, все до слова слышалъ и пересказалъ намъ, а мы—вамъ.

Digitized by Google

ПОВѢСТЬ ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА

О ТЕТУШКИНОЙ СВАДЬВѢ

на «лѣшевомъ хуторѣ».

„Когда я пошелъ на службу, батюшка далъ мнѣ двадцать золотыхъ и *черезъ* поясной, да матушка дала десять золотыхъ и *черезъ* поменьше, подколѣнный. До самаго поступленія моего въ нашу роту никто не зналъ, что у меня есть такіе капиталы; а тутъ, въ банѣ, цирюльникъ замѣтилъ, и я признался ему, что у меня есть большой капиталъ. Скоро и другіе узнали, что у меня два *череза*, но я объявилъ, что въ нихъ всего пятнадцать цѣлковыхъ. Дядька взялъ изъ нихъ двѣнадцать и представилъ фельдфебелю, а фельдфебель внесъ ихъ на сохраненіе въ ротный ящикъ.

„Но цирюльникъ и писарь подмѣтили разъ, что я мѣнялъ золотой, и съ того часа очень подружились со мною; и я видѣлъ, что они люди хорошіе, только любятъ погулять; и больше ничего.

„Въ разговорахъ я разсказалъ имъ про свой домъ, про отца и мать, и сказалъ, что еще былъ у меня дядя, да я его не помню: давно въ солдаты ушелъ, и, сказывали убитъ на войнѣ.

„Вотъ, вчера приходитъ кривой батракъ и зоветъ меня на тетушкину свадьбу, непремѣнно съ писаремъ и цирюльникомъ. Мы отпросились и пошли.

„Прежде всего зашли въ корчму, къ жиду, и тамъ писарь съ цирюльникомъ сперва попотчивали меня и себя, а потомъ набрали на свой счетъ пива, меду, вина и наливки — все въ большихъ посудахъ. Наняли и самаго жида съ гуслями, чтобы играть на свадьбѣ. Пошли къ тетушкѣ. Она увидала меня, кинулась мнѣ на шею, заплакала и стала цѣловать. Только показалось мнѣ, что борода у нея не очень нѣжная и немножко царапается; а, впрочемъ, все остальное было какъ слѣдуетъ— настоящая тетушка.

Digitized by Google

„И стала она мнѣ разсказывать про моего дядюшку Василія Ивановича, и все разсказала вѣрно, потому что я его никогда не видалъ, а если и видѣлъ, то не могъ помнить,—я еще былъ въ люлькѣ, когда онъ на службу пошелъ. Одначе я слышалъ, что онъ былъ очень храбрый, и тетушка это весьма подтверждала.

„Я спросилъ тетушку:—когда же, и гдѣ будетъ ваша свадьба?—А она отвѣтила:—сейчасъ, всѣ пойдемъ на мой хуторъ; тамъ и вѣнецъ произойдетъ.

„И вытащила она изъ печи разныя хорошія кушанья: вареники, макухи, варенецъ, поросенка, а сыры и колбасы взяла изъ ставца Все это сложили по мѣшкамъ, да горшкамъ, и всѣ шестеро: насъ трое, тетушка, батракъ и жидъ съ гуслями—отправились за хуторъ.

„Правда, пока мы шли черезъ деревню, всѣ ребятишки хохотали надъ нами; а одинъ хохолъ, проѣзжая на возу, даже стебанулъ тетушку длинною плетью и крикнулъ:—давже-жъ на „дідькинъ футоръ“ зъ москалями поблудыла!

„Но всѣ его обругали, а я думалъ, что это такой обычай.

„Вышли мы на дорогу, свернули на тропинку, пошли по ярамъ до буеркакамъ, потомъ по дубовому лѣсу; дальше, гуще—и очутились мы посреди самой трущобы, на очень прекрасной лужайкѣ; а посреди ея стоялъ пень, какъ столъ...

„Не смѣю говорить, сударь, что дальше было“,—пропищалъ Василій Ивановичъ.

— Все говори, до слова!—приказалъ фельдфебель.

И Василій Ивановичъ продолжалъ...

„Вотъ, сейчасъ разложили около пня хорошій огонь, застлали пень скатеретвой, наставили всякаго пивнаго и съѣстнаго, и посадили жида съ гуслями подъ орѣховымъ кустомъ. И стала тетушка посреди компаніи, налила большущій стаканъ перцовки, подняла его выше головы и кричитъ:—за мое здоровье!—выпила до дна; а жидъ ударилъ въ гусли; лѣсъ колыхнулся и зашумѣлъ, въ лѣсу загудѣла „лѣшева дудка“, мяукнули и завыли совы, заквакали жабы—и вдали раздался хохотъ лѣсной.

„У меня пробѣжалъ по спинѣ морозъ. А тетушка налила стаканъ и опять кричитъ:—кто меня любитъ, пей до дна! — и поднесла мнѣ.

„Я спужался и выпилъ до дна; жидъ заигралъ поздравленіе; весь лѣсъ загудѣлъ, и опять разсыпался хохотъ.

„Обнесла тетушка всѣхъ. Всѣ пили, всѣмъ жидъ игралъ поз-

Digitized by Google

дравленіе, и весь лѣсъ хохоталъ.—Тоже самое! снова начинай!—скомандовала тетушка,—и началось все тоже самое снова.

Да такъ до трехъ разъ. Слышу — у меня глаза лѣзутъ на лобъ; однако страхъ прошелъ, мнѣ стало весело, — и я почувствовалъ въ себѣ нѣкоторую гордость:—глядите, молъ, какая у меня тетушка!

„И вдругъ, тетушка выросла, точно изъ земли, на цѣлый аршинъ,—въ рукахъ у меня очутилась лопата, на чемъ бабы въ печь хлѣбы сажаютъ,—и зычнымъ голосомъ завопила:—въ честь моего любезнаго племянника играй танецъ-полонезъ!

„Жидъ треснулъ въ гусли, и залопотало по всему лѣсу, точно сто пустыхъ бочекъ катилось по каменьямъ; и завизжали рога, —трескъ, кваканье, шипѣнье и лѣшевъ хуторъ раздались по трущобѣ; а тетушка не своимъ голосомъ что-то завопила. Посадили меня на козла. Гляжу...

„Лѣсные барабаны и рога забили и запищали и вдругъ... дробь, и турецкій барабанъ—тырръ-тырръ, бумъ-бумъ! Жидъ взмахнулъ руками, ударилъ въ гусли, — по правую его руку, изъ орѣшника, высунулся саженный, красный носъ, съ кларнетами въ ноздряхъ, а по лѣвую — отъ дуба до дуба, по натянутымъ струнамъ, запрыгали сороки, а по гуслямъ забѣгали четыре бѣлки,—и раздалась такая удивительная музыка, какой не слыхивалъ никто въ мірѣ; а жидъ—только махалъ руками, какъ капельмейстеръ...

„Гляжу — страсти! Мимо меня въ такту прыгало сто большущихъ зеленыхъ лѣсныхъ жабъ, за ними потомъ—сто мѣдяницъ, всѣ согнувшись въ букву *г*...

— Сссъ-сссъ-ссъ!—прошипѣло сто высунутыхъ жалъ...

„Идетъ потомъ за ними сто черепахъ... потомъ — ящерицы, потомъ—улитки!.. И опять барабаны и рога бьютъ и играютъ.

„Жидъ взмахнулъ руками,—тырръ-тырръ-бумъ-бумъ!—разлилась музыка;—идетъ сто журавлей, за ними—цапля; за тѣми—пугачи, и потомъ сычи... Потомъ барсуки, потомъ — вепри, и, наконецъ,—меня подрало маленько по кожѣ,—медвѣди..

„Я думалъ, что все кончено, какъ вдругъ зашумѣло, зашелестило, громче забили барабаны, и затрубили рога — тырръ, бумъ-бумъ!..

„Двинулась куча кленовъ, съ лапчатыми листьями; потомъ липа, за ней ясень, дубъ и разныя деревья. Все валило стѣной и шумѣло зелеными вершинами...

„И опять—рога, барабаны, музыка и невыносимый вой.

„Вижу—страсти!.. идутъ лѣшіе, всѣ въ волосахъ, на козьихъ

Digitized by Google

ножкахъ, съ заячьими хвостиками, и съ уморительной рожей и рожками на лбу; все валитъ мимо меня. Подходя ко мнѣ, лѣшіе такъ загоготали, что козелъ подо мной заблеялъ, подпрыгнулъ и повернулся къ нимъ задомъ; я насилу усидѣлъ на немъ... За лѣшими шли русалки, потомъ водяники; наконецъ,—вотъ гдѣ я ужъ совсѣмъ струсилъ,—жидъ ударилъ по гуслямъ: тысяча сковородъ, разбитыхъ горшковъ и бутылей зазвенѣли черепьями— и мимо меня пробѣжали на лопатахъ — кіевскія вѣдьмы... Такого страху, чудачества, мороку и потѣхи я сроду и не слыхивалъ: молодыя, чернобровыя, старыя, горбатыя, носастыя, безносыя,—невообразимая разнокалиберщина, — всѣ съ распущенными и всклокоченными волосами, въ пестрыхъ лохмотьяхъ, въ мережахъ, полунагія... Какъ засвиститъ, да захохочетъ весь лѣсъ!—заквакали жабы, зашипѣли гады, а вдали завыли голодные волки... Вотъ такъ полонезъ! — Ну, конецъ!.. начинается балъ!—взвизгнула тетушка — и все стало униматься, смолкать, и совсѣмъ притихло, — ни гу-гу!.. — Янкель! потѣшь москаля, красную шапку!—крикнула тетушка.—За-разъ!—икнулъ жидъ и пробѣжалъ пальцами по струнамъ гуслей...

„Въ глубокой тишинѣ вдругъ послышались, словно *бульки* изъ воды, отрывистые стеклянные звуки, за ними — тихій протяжный посвистъ, потомъ—мелкая дребезжащая трель; все это слилось въ тонкую, нѣжную, будто издали, слышную пѣсню, и, отчетливо вымолвливая каждую ноту... вдругъ заговорила струна:

„Ахъ, ты, этакой комаринскій мужикъ“!..

„Передо мною стоялъ нашъ писарь. Нога на каблукѣ—впередъ, рука — въ бокъ, другая вверхъ, плечо внизъ, — тряхнулъ головой, да какъ дернетъ-дернетъ: — „ты, разъ-этакой комаринскій мужикъ“!—и пошли колѣнца.

„Отхватывалъ онъ и вприсядку, и носокъ на вскидку, отмачивалъ бочкомъ, и съ выкидкой, откалывалъ и на однихъ каблукахъ, тычкомъ носокъ; да какъ шарахнетъ дробь съ каблука, на всю подошву!.. а музыка все громче да громче, да забористѣе; а онъ, языкъ межъ зубовъ, да какъ пуститъ посвистъ на весь лѣсъ—только въ ушахъ зазвенѣло!.. А онъ подскочилъ, перекувырнулся на лету и всталъ на каблуки, ноги врозь и шапка въ рукѣ.

— Ну,—думаю,— пропадай сторона, а лицомъ въ грязь не ударю!

„Онъ стоитъ, а пошелъ я .. и, хоть убей, не помню, какъ пошелъ, но ужъ пошелъ; одно слово—пошелъ!. удивительно пошелъ!

Digitized by Google

— Вина сюда!—крикнула тетушка;—залью́сь, запью́сь, захлебнусь до-смерти, такъ распотѣшилъ племянничекъ!

„И начали всѣ мы нить. Пили-пили, ѣли-ѣли, да опять пить... И вдругъ, тетушка махнула рукой:—первая пара! голубца!

„Янкель двинулъ по гуслямъ. Отколь не возьмись—заяцъ съ лягушкой!.. какъ начали крутиться — страсти-ужасы, катайся со смѣху; вторая пара—цапля съ ракомъ—еще лучше; третья — козелъ съ нашимъ цирюльникомъ,—глазамъ не вѣрю!.. Вдругъ, дубъ сорвался съ корней, подхватилъ рябину горькую,—катай „метелицу“!—и пошли писать...—Раздерусь пополамъ! такъ весело!—кричитъ дубъ съ трескомъ.

„Дальше и разсказывать не смѣю сударь“, — промолвилъ Василій Ивановичъ фельдфебелю.

— Ври до конца!—приказалъ фельдфебель, и Василій Иванычъ продолжалъ врать.

„Я совсѣмъ ошалѣлъ; одначе, вижу — дѣло любопытное; гляжу—всѣ перетанцовали: и лѣса, и грибы, и гады, и медвѣдь съ колодой... ай, хорошо! Вдругъ, тетушка зыкнула:—послѣдняя пара—самъ дѣдко, съ моей старшей кумушкой, Ягой-бабой!

„И лѣсъ зашумѣлъ, затрещалъ, приклонился до земли вершиной, опять выпрямился, и весь дрожитъ; а Янкель ударилъ въ струны...

„Что я тутъ увидѣлъ—такъ и словъ не пріищу, какъ разсказать: сѣдой, лохматый, съ однимъ глазомъ во лбу, выскочилъ самъ дѣдко-лѣшій, а супротивъ его, въ мѣдной ступѣ съ желѣзнымъ пестомъ — Яга-баба. У меня и въ глазахъ-потемнѣло...

„Крутились они, крутились, земля стонала, лѣсъ вылъ, и, собравшися загрохотали тучи. Я стоялъ, прислонясь къ пню, въ полъ-живѣ и въ полъ-памяти, кругомъ свистѣли вихри...

— Подъ облака его!—вскрикнула тетушка, и всѣ кинулись ко мнѣ!

„Нашъ же писаръ запѣлъ:

„Какъ на горочкѣ, на горкѣ на горѣ“!..

„Вѣдьмы подхватили:

„Ахъ, и нѣтъ у насъ такого молодца,
„Какъ Василія Ивановича“!..

„Дикія свиньи захрюкали:

„Мы тебя любимъ сердечно“!..

„Медвѣди зарычали басами:

„Будь намъ начальникомъ вѣчно“!..

Digitized by Google

„Весь лѣсъ загудѣлъ...

„И я полетѣлъ подъ облака... Да такъ по три раза; и всякій разъ стукнули меня башкой въ тучу. А послѣдній разъ, какъ опустился стремглавъ, летомъ внизъ, треснулся о пень, растянулся, — да такъ и померъ, показалось мнѣ; а это мнѣ только память отшибло. Когда происходила свадьба—ужъ этого не помню; но, кажись, прежее пляски съ Дідкомъ-лѣшимъ".

Василій Ивановичъ замолчалъ.

— Ну,—сказалъ фельдфебель!

„Не смѣю говорить", пропищалъ Василій Ивановичъ.

— Ври до конца!—приказалъ фельдфебель, и Василій Ивановичъ продолжалъ врать до конца.

„Долго-ли, коротко-ли лежалъ я, — ничего не знаю-съ. А только лежалъ я замертво на пнѣ; ноги свѣсились въ одну сторону, голова—въ другую, руки—въ третью и четвертую. Ничего не помнилъ съ...

„Вдругъ, слышу — топотъ; кто-то идетъ ко мнѣ; пришелъ, сопнулъ мнѣ въ лицо, и вдругъ надо мной заржалъ...

— Никакъ,—думаю сквозь сонъ,—это Самсонъ Петровичъ?—а глазъ открыть не могу...—Я и есть!—гоготалъ Самсонъ Петровичъ, — я самъ, вашъ артельный битюгъ; открой глаза—и увидишь, что со мной подѣлалось.

— Не могу, Самсонъ Петровичъ, со страстей весь я обезсилѣлъ!

— Погоди, откроешь и увидишь, — и началъ Самсонъ Петровичъ гоготать тихо и жалостливо: — сторона здѣсь бѣдовая; всюду полно вѣдьмъ, лѣшихъ и всякаго искушенія, а особенно винокурень, или броваровъ...

— Это дѣйствительно такъ!—подумалъ я...

— И вотъ, мы съ тобой впали въ несчастье; оба натрескались...

— Можетъ ли быть? И вы тоже, Самсонъ Петровичъ?

— И я тоже. И вотъ, видишь—меня расковали; да и тебя, братъ, переобули изъ сапоговъ въ лапти; пощупай-ка свои череза!

„Я пощупалъ,—оба были пусты. Я вздохнулъ.

— Это еще цвѣтки!—гоготалъ Самсонъ Петровичъ,—а ягодки у тебя впереди;—въ пьяномъ видѣ меня приняли за сдохлаго и ободрали мою шкуру...

— Быть не можетъ!— вскрикнулъ я и продралъ глаза, — передо мной стоялъ Самсонъ Петровичъ, весь въ крови, и безъ шкуры... я и ротъ разинулъ.

Digitized by Google

— Не удивляйся; садись на меня, — сказалъ Самсонъ Петровичъ; я сѣлъ на него и вотъ-съ, пріѣхалъ"...

— Можетъ-ли быть? — вскрикнулъ фельдфебель и треснулъ кулакомъ по столу.

Чернильница подпрыгнула и пролилась на бумагу.

„Съ мѣста не сойти, сударь, — все истинная правда"! — отвѣтилъ Василій Иванычъ; — „вотъ, и недоуздокъ у меня остался".

Фельдфебель поглядѣлъ—такъ и есть! А его искали.

— Правда и есть,—промолвилъ, улыбаясь, фельдфебель,—ибо Самсонъ Петровичъ не совралъ тебѣ ни единаго слова. Отправляйся подъ арестъ!

Обо всемъ доложили капитану, и, по слову Самсона Петровича, сказано-сдѣлано, какъ отпечатано,—Василій Иванычъ шелъ за арьергардомъ, почти также, какъ вчера Самсонъ Петровичъ; а писарь съ цирюльникомъ—немножко похуже.

* * *

Послѣ всего этого сами судите, какова сторона Бровары и Лысая гора съ окрестностями.

Все это было такъ давно, такъ давно, что, можетъ быть, ничего этого и не было. Однако, говорили потомъ, что битюгъ, Самсонъ Петровичъ, опять сдохъ, уже окончательно; рекрутъ Василій Иванычъ поправился, и изъ него вышелъ исправный солдатъ.

А писарь и цирюльникъ остались въ прежнемъ званіи.

Но съ той поры, въ ротѣ, чуть кто выпьетъ не въ мѣру, или, Боже избави, опоздаетъ къ перекличкѣ, такъ всѣ и дразнятъ:—что, молъ, на тетушкиной свадьбѣ былъ?—или:—съ Самсономъ Петровичемъ угощался?

Ну, и не ладно!

Digitized by Google

СОЛДАТСКОЕ ПИВО.

ПОВѢСТЬ.

„Попалъ топоръ въ сучекъ".

I.

Корнѣй Ивановъ справлялъ свадьбу своего сына.

Корнѣй былъ мужичекъ съ деньгой. Сынъ у него одинъ; дѣтей больше не было. Гостей на свадьбу собралось много. Стоитъ пиръ горой; пива-меду вдоволь; виномъ—хоть залейся.

Гости и не зѣвали; еще далеко было до вечера, а ужъ многіе совсѣмъ осовѣли и начинали болтать неизвѣстныя рѣчи. Иные пили и цѣловались, другіе говорили другъ другу оба вдругъ, третіе только сопѣли. Но были и такіе, что, какъ говорится, ни въ одномъ глазу,—находились въ своемъ видѣ.

Батюшка-священникъ сидѣлъ въ красномъ углу, за столомъ, выпилъ стаканъ меду, всталъ и началъ собираться домой. Корнѣй ублажалъ его, подчивалъ, просилъ еще посидѣть; но батюшка отказался: — спасибо, другъ мой, я таки понагрузился; пора по домамъ!

Бабы и старики подошли къ нему просить благословенія и проводили его изъ избы, и до самыхъ воротъ. Батюшка ушелъ.

Говоръ въ избѣ загудѣлъ шумнѣе. Красный уголъ, почетное мѣсто, оставалось незанятымъ. Сталъ просить хозяинъ дьячка Гуся сѣсть за столъ, на почетное мѣсто, но Гусь отговорился и продолжалъ свою бесѣду съ сѣдымъ старикашкой, древнимъ пасѣчникомъ. Усѣлись они у печи, на коникѣ, и толковали о своемъ дѣлѣ. Гусь, съ краснымъ, ядреным и вспотѣлымъ носомъ, съ коротенькой косичкой, торчащей на затылкѣ, жаловался древнему старику, что у него между пчелами завелось худое дѣло, воровство-грабительство.

— Прилетаютъ,—говорилъ онъ, — къ моимъ пчеламъ чужія

Digitized by Google

пчелы, а чьи—не знаю, и разбоемъ выносятъ отъ моихъ медъ и улетаютъ, а куда—не вѣдаю; а какъ помочь дѣлу—и ума не приложу.

Старикъ качалъ бѣлой головой своей.

— Бываетъ, бываетъ!—говорилъ онъ;—а дѣло это очень худое.

Тѣмъ часомъ, въ красномъ углу, по просьбѣ Корнѣя, помѣстился пожилой человѣкъ, понураго и строгаго вида, въ синемъ кафтанѣ, подпоясанъ чернымъ кушакомъ. Хозяинъ очень подчивалъ его; хозяйка подносила то пива, то меду; бабы все придвигались поближе къ столу. Понурый человѣкъ этотъ былъ прежде мельникомъ; а теперь, говорятъ люди, ничѣмъ такимъ трудовымъ не занимается, но живетъ въ деревенькѣ „Жабій смугъ“ хорошо, и, слышно, большія деньги имѣетъ. Прозывается онъ Антропъ Антипычъ, знахарь и колдунъ такой, что на сто верстъ кругомъ, не то что бабы, а и всѣ ребятишки знаютъ его.

И точно, Антипычъ былъ не простой человѣкъ. Съ глазу-ли кого ломаетъ, съ уроку-ли кого трясетъ, али кто съ наговору сохнетъ, приди къ Антипычу, съ низкимъ поклономъ, съ прошеніемъ и приношеніемъ—возьмется лечить, и ужъ будетъ дѣло. Перво-на-перво велитъ онъ больному помолиться на образъ, потомъ отплеваться на всѣ четыре стороны, и засадитъ за столъ. На столъ поставитъ чашку съ водой, велитъ больному снять съ себя крестъ и опустить въ эту чашу; потомъ туда-же кинетъ камешекъ,—есть у него такой, весь въ дырочкахъ;—вотъ. и говоритъ больному:—гляди и молчи!

Глядитъ больной. Какъ только кинетъ Антипычъ тотъ камешекъ въ чашу—вода въ ней и закипитъ; пузырьки такъ и пойдутъ кверху. Страхъ возьметъ человѣка; и каждый оробѣть долженъ, ибо это все не спроста. Потомъ ужъ Антипычъ лечить начинаетъ. Лечитъ, лечитъ, ну, и всегда до чего-нибудь человѣка непремѣнно долечитъ: кто поправляется, а кто на погостъ отправляется, хоть и пѣшкомъ, да не своими ногами. А не то и на лошаденкѣ сволокутъ—для спокойствія — окрестивъ лобъ да уложивъ въ гробъ.

Гдѣ и падежъ на скотъ случится—идутъ къ Антипычу; онъ и скоту помогаетъ, коли скотъ по своей глупости не сдохнетъ. А гдѣ и воровство приключитси—опять къ Антипычу; и, коли хорошенько поклонятся да приношеніемъ не скупятся, такъ бываетъ, что онъ и укажетъ, гдѣ искать пропажи, и укажетъ не наобумъ, а навѣрно: такъ тамъ ее и найдешь, гдѣ онъ скажетъ, словно онъ своими руками твое добро положилъ туда. А не захочется ему указать прямо, такъ заговоритъ такими намеками

Digitized by Google

да обиняками, что глупый ничего не пойметъ, а умный и разумъ потеряетъ.

— Снесено,—говоритъ, — черезъ двѣ изгороди и три перекрестка, за тихую воду, до глубокой ямы. Лежитъ,—говоритъ,—подъ ячной соломой, привалено камнемъ. А снесъ человѣкъ, съ родимымъ пятномъ на такомъ причинномъ мѣстѣ, что онъ и самъ его не видитъ, и другимъ не показываетъ.

И прочія такія вѣрныя примѣты.

А ужъ гдѣ свадьба — тамъ безъ Антипыча и пиру быть не можетъ. Не позови-ка его съ поклономъ на пиръ свадебный — ну, такъ и плачъ потомъ; — и кони-то подъ молодыми перебѣсятся, и тѣсто изъ квашни уйдетъ,—пиръ безъ пирога будетъ,—и подъ вѣнцомъ молодая заслабѣетъ, а молодой икать почнетъ; а послѣ вѣнца еще хуже что-нибудь такое станется,—и грѣхъ и смѣхъ выйдетъ. Словомъ, безъ Антипыча—пиръ не въ пиръ, свадьба не въ свадьбу.

Вотъ, затѣмъ-то Корнѣй его и подчивалъ, и Корнѣиха утыкивала; а бабье все поближе къ нему жалося:—не скажетъ-ли Антипычъ чего-нибудь диковиннаго?

Такъ и вышло. Антипычъ сказалъ немного, да закорючисто.

Одна чернявая бабенка, гостья изъ дальней деревни, спросила его:—а скажи ты, родненькой, правда-ль люди баютъ, что на Подберезьѣ Данилка, что вотъ Аксюшку Ѳедькину взялъ, пропалъ безъ вѣсти?

— Пропалъ, — сурово сказалъ Антипычъ, и, помолчавши, промолвилъ:—да не совсѣмъ; пусть побѣгаетъ!

— Ахти, Господи! такъ неужто-жъ это онъ?

Знахарь ничего не отвѣтилъ на это и отвернулся. Бабы зашушукали промежъ собой, и чернявая разсказала полушепотомъ, что около Подберезья показался волкъ, и, что ночь—то противъ полосы Данилкиной сидитъ и воетъ на мѣсяцъ. Всѣ бабы заахали, головами покачивали, руками всплескивали. Всѣ толковали объ *оборотнѣ*.

Нѣсколько мужиковъ, кто потрезвѣе, тоже присунулись къ столу. Антипычъ сталъ разсказывать имъ что-то очень любопытное и, должно-быть, страшное; всѣ слушали робѣючи.

Одинъ только человѣкъ, хоть и не безъ робости, но глядѣлъ на знахаря съ злобной усмѣшкой, и, когда Антипычъ сказалъ громко про кого-то:—ну, ужъ будетъ онъ помнить меня!—врешь!—раздалось изъ угла избы.

Всѣ оглянулись туда. Гусь сидѣлъ, опустившись, злостно и не безъ трусости улыбаючись, глядѣлъ въ землю. Гусь былъ уже

Digitized by Google

достаточно хмѣленъ; носъ у него, какъ спѣлая вишня, покраснѣлъ до синевы, чуть не лопнетъ, кажется. Съ минутку всѣ попримолкли, и дьячекъ опять началъ втихомолку бесѣду съ пасѣчникомъ. Антипычъ покосился на дьячка, крякнулъ и продолжалъ свою рѣчь. Всѣ слушали его очень внимательно.

Вдругъ, подъ окномъ кто-то закричалъ: — господинъ десятскій!

— О-го! — отозвался въ углу избы десятскій, приподнялся было съ лавки, да опять шлепнулся на нее.

— Что надо?—спросилъ, отсунувъ окно, хозяинъ.

Прохожій солдатъ просился отдохнуть съ походу и за тѣмъ искалъ десятскаго.

— Милости просимъ; будьте гостемъ! — пригласилъ Корнѣй прохожаго къ себѣ.

Вошелъ въ избу пожилой усачъ, перекрестился на образъ и пожелалъ всѣмъ здравія.

Хозяйка поднесла ему чарку и объявила, что вотъ, у нихъ пиръ свадебный. Солдатъ поздравилъ, кого слѣдуетъ, выпилъ и поблагодарилъ хозяевъ; снялъ онъ ранецъ и скромно сталъ у печи. Дьячекъ Гусь подвинулся на коникѣ и пригласилъ кавалера присѣсть. Скоро они познакомились, и, разсказывая всю свою бѣду съ пчелами, Гусь обращался и къ кавалеру.

— Съ чего это моихъ пчелъ чужія пчелы обворовываютъ, чьи пчелы воровствомъ занимаются, куда они улетаютъ—ничего не знаю!

Старикъ пасѣчникъ отвѣчалъ, что, стало быть, въ его пасѣкѣ есть неисправность какая-нибудь: или пчелы его слабы, или не пролилъ-ли онъ меду около ульевъ, когда подрѣзывалъ соты; что-нибудь да есть.

— Ничего нѣтъ!—завѣрялъ Гусь;—и кто обворовываетъ—не знаю, чьи такія пчелы...

Бывалый солдатъ слушалъ дьячка со вниманіемъ и сдѣлалъ свое замѣчаніе на жалобу Гуся:—да можетъ быть свои же пчелы и воруютъ.

— А что вы думаете!—воскликнулъ дьячокъ.—Да какъ-же это узнать, вотъ штука-то?

— А очень просто, — отвѣтилъ солдатъ; — когда замѣтите этихъ воровъ-грабителей, пчелъ, такъ обсыпьте ихъ мукой,— ну, и увидите, въ какой улей полетятъ они.

— Вишь ты, какая догадка! Попробую, непремѣнно попробую,—сказалъ Гусь и поблагодарилъ кавалера за добрый совѣтъ.

Digitized by Google

Такъ они балякали между собой. Солдатъ вынулъ изъ-за голенища тавлинку, понюхалъ, поподчивалъ дьячка. Дьячекъ понюхалъ, восхваляя забористый табачокъ солдатскій. Солдатъ поподчивалъ пасѣчника; но старикъ отказался, говоря, что кто ходитъ за пчелами, тотъ не долженъ нюхать табаку, ибо пчела этого зелья не любитъ.

— Эва, что! — промолвилъ Гусь; — въ первый разъ слышу! Значитъ, „вѣкъ живи, вѣкъ учись,—а помрешь дуракомъ...“ О, Господи, Господи!..

И Гусь вздохнулъ.

Между тѣмъ Антипычъ, за столомъ, въ красномъ углу, разводилъ свои лясы внимательно слушающимъ его собесѣдникамъ. Всѣ глядѣли ему въ глаза. Мужички кивали бородами на каждое крѣпкое слово его; бабы ахали, охали и раскачивали головушками. А знахарь распустилъ куранты свои всѣмъ на удивленіе. Онъ говорилъ о неблагодарности человѣческой.

— Примѣрно сказать, заѣхалъ ко мнѣ писарь волостной, или старшина, или становой, или хоть другое лицо начальственное; вѣдь я долженъ его принять, чествовать и, чѣмъ могу, одарить, ибо оное лицо не простое, и можетъ въ каждомъ случаѣ жизни твою жизнь тебѣ прекратить, то есть даже довести человѣка до тюрьмы, и хуже того. А коли такое лицо имѣетъ съ тобой дружественное обхожденіе и говоритъ тебѣ:—ты меня не бойся, я къ тебѣ заѣхалъ не къ худу,—то, понятное дѣло, что человѣкъ долженъ чувствовать благодарность и одарить то лицо по чувствію своему и по своимъ средствіямъ. Ну, то-же самое и каждый, такъ сказать, мудрый человѣкъ, значитъ, взысканъ Богомъ. И если человѣкъ сей можетъ тебѣ причинить порчу, напустить болѣсть, или совсѣмъ волкомъ пустить, а не дѣлаетъ этого единственно по своему благодушію, такъ развѣ ты не долженъ чувствовать къ нему благодарности? развѣ ты скотъ безсловесный? Собака тебя не укуситъ,—и ту ты погладишь за то; а мудрый человѣкъ тебѣ зла не хочетъ, а еще, къ слову сказать, въ компаніи, съ тобой пристоитъ,—какъ же ты можешь, какъ смѣешь не чувствовать за то благодарности? Глупые тѣ люди, которые могутъ думать, что ихнее пустое добро, ихнія яйца, крупы, трубки холста, и даже самыя деньги, превышаютъ силу, или мудрость человѣческую!..

Дьячокъ Гусь и прохожій солдатъ молча стали прислушиваться къ рѣчамъ этимъ; а Антипычъ сурово обозрѣлся кругомъ и, замѣтивъ страхъ на лицахъ бабъ, прибавилъ громко:—ну, а если я тебя кликушей пущу? что тогда будетъ, а?

Digitized by Google

— Врешь!—крикнулъ Гусь—и самъ струсилъ.

Онъ скорѣе протянулъ персты къ кавалеру и попросилъ табачку. Солдатъ, улыбаючись, подставилъ ему тавлинку. Всѣ оглянулись на Гуся; но никто не молвилъ ни слова. Антипычъ нахмурился, даже не поглядѣлъ на дерзкаго дьячка, и понемногу опять началъ свои турусы.

— Что это за комендантъ такой у васъ?—спросилъ солдатъ потихоньку у дьячка.

Гусь шепотомъ разсказалъ кавалеру объ Антипычѣ всю правду-матку.

— Это—шельма, такой бѣдовый проходимецъ, что съ нимъ и не вяжись! Вретъ, пакоститъ, обираетъ народъ, а ты ему не смѣй и дорогу перейдти — сейчасъ причинитъ зло! А все, что говоритъ—до единаго слова брехня!

— Отчего-жъ вы молчите? Его можно осадить сразу.

— Пробовано,—нельзя! силы настоящей не имѣется; а словесно его не доѣдешь никакимъ правиломъ, ни закономъ.

— Это отчего?

— Оттого, что—будь самъ Соломонъ—словеса не дѣйствуютъ. Ты ему скажешь божескую истину, супротивъ которой отвѣту нѣтъ, а онъ тебѣ крошку хлѣба положитъ,—на,—говоритъ,—съѣшь! потомъ и поглядимъ, какъ ты пѣтухомъ запоешь, или волкомъ завоешь?—Ну, кто же знать можетъ, что есть въ оной крошкѣ?—и возьметъ тебя страхъ, уйдешь отъ врага; ибо сказано: отойди отъ зла и сотвори благо.

— Такъ-то такъ, — сказалъ солдатъ, — а только не изъ чего быть тутъ страху. Этого пройдоху можно въ бараній рогъ свернуть.

— Отецъ, благодѣтель! — возопилъ придушеннымъ голосомъ дьячекъ, — сверни его въ бараній рогъ; рубля не пожалѣю! Окажи божескую милость, уничтожь гнуснаго врага! по-крайности—посрами его всенародно! Буду поминать тебя съ родителями моими!

— Можно-съ, — промолвилъ солдатъ, и, спрятавъ за рукавъ тавлинку, всталъ и подошелъ къ столу.

Съ минутку глядѣлъ онъ, не сморгнувъ, на знахаря; но знахарь воротилъ морду всторону, какъ собака отъ палки, и никакъ не хотѣлъ взглянуть въ глаза солдату.

— Имѣю къ вамъ слово, господинъ Антипычъ,—проговорилъ твердо солдатъ.

Знахарь поглядѣлъ на него пристально.

— Что требуется, господинъ служивый?

Digitized by Google

— Да вотъ, слушалъ я, какъ вы тутъ толковали о мудрости разной и о неблагодарности человѣческой...

— Ну, такъ что-жъ?

— А вотъ то-жъ: по моему разуму, сдается мнѣ, что вы, не въ обиду вашей чести, а въ резонъ вашей милости сказать—все врали.

Знахаря передернуло маленько; однако онъ не сконфузился, а улыбнулся ѣдко и промычалъ:—вотъ какъ!

— А ужъ такъ!—продолжалъ солдатъ;—врали, какъ сивый меринъ. И слѣдуетъ вамъ передъ добрыми людьми признаться, что, молъ, такъ и такъ: за вашу же хлѣбъ-соль я вамъ,дескать, и набрехалъ, какъ собака.

Знахарь помутился было, но всетаки выдержалъ, и, скрывая сердце, спросилъ солдата:—вишь ты, какой мудрецъ! А коли по твоему выходитъ, что вралъ, такъ ты самъ скажи праведнѣе. По твоему-то какъ выйдетъ?

— Что тутъ толковать!.. По моему выходитъ то-же, что и по людски: коли Богъ далъ кому мудрость, такъ далъ не для того, чтобы мудростью людей пугать, да обирать простаковъ; а мудрость дается отъ Бога для того, чтобы помогать бѣднымъ и темнымъ людямъ; и страшнаго въ ней ничего нѣтъ, вотъ что.

— Истинно такъ!—воскликнулъ Гусь и, ставъ позади солдата, вытаращилъ глаза на Антипыча.

Бабы только вздыхали, какъ придавленныя. Гости смотрѣли во всѣ глаза на спорящихъ мудрецовъ.

— Эва какъ!—сказалъ знахарь и осклабился на солдата;—такъ ты ничего, значитъ, не боишься?

И онъ глядѣлъ на него, не сморгнувъ, и все усмѣхался сатанинской усмѣшкой.

— Какъ не бояться?—отвѣтилъ солдатъ:—боюсь, да не мудрости, а глупости человѣческой. А что касается мошенничества, такъ, братецъ ты мой, хоть ты и мудрецъ, одначе мы и сами съ усами, только носъ не оросъ!..

— Неча сказать—рѣчистъ, да разумомъ нечистъ!—промолвилъ знахарь.—Что съ тобой толковать! а лучше вотъ что...

Говоря это, знахарь окинулъ глазами столъ и налилъ изъ ендовы порядочную кружку пива. Пошепталъ онъ надъ кружкой, сплюнулъ направо, и налѣво — и поставилъ ее передъ солдатомъ: — ты, братъ служивый, хорошо поешь, да не знамо, гдѣ сядешь; а вотъ, возьми-ка, выпей это, коли ничего не боишься.

— Господи, Іисусе Христе! — послышался бабій шепотъ. — Вотъ, страсти-то! — толковали люди вполголоса.—Кормилецъ,

Digitized by Google

Антропъ Антипычъ!—взмолился хозяинъ,—пожалѣй ты насъ, не губи казенную душу;—со становымъ не раздѣлаешься!

— А что!—сказалъ знахарь и избоченился очень важно;—али храбрость въ пятки ушла?

— Нѣтъ еще, на своемъ мѣстѣ! — отвѣтилъ солдатъ, перекрестился, взялъ кружку и, расправивши усы, началъ пить...

— Помоги ему, Мать, Пресвятая Богородица! Николай чудотворецъ, выручи! пособите всѣ угодники!—шептали гости.

Солдатъ пилъ, не переводя духа; только кадыкъ игралъ у него на вытянутой глоткѣ и отзывался за каждымъ глоткомъ, какъ отзывается у здороваго коня на рыси исправная селезенка.

Перекувырнувъ подъ носомъ кружку, солдатъ крякнулъ и звонко поставилъ ее на столъ.

— Аминь! — произнесъ не безъ трепета Гусь и вздохнулъ глубоко.

Знахарь глядѣлъ свирѣпо, усмѣхаясь.

— А ну-ка, что теперь чувствуешь? — спросилъ онъ таинственно солдата.

Всѣ глядѣли въ глубокомъ молчаніи.

— А то чувствую,—отвѣтилъ солдатъ,—что при людяхъ, да еще за хлѣбомъ-солью, и сказать не приходится.

— Ну, служивый, не взыщи, коли началъ походъ на двухъ ногахъ, а кончишь на четырехъ,—самъ напросился. Теперь ступай дальше!—сказалъ знахарь, отвернулся и рукой махнулъ.

— Нѣтъ, пожди, дражайшій!—возразилъ солдатъ; — сперва, сдѣлай честь, расквитайся!

И, взявши ендову съ пивомъ, сталъ солдатъ наливать кружку. Наливаетъ онъ, а самъ приговариваетъ:—глянь-ка, хозяйка, въ окошко, сѣло ли солнышко?.. не увидѣло бы ясное большой пакости, что станется надъ мудрецомъ Антропомъ Антипычемъ...

Разумѣется, всѣ невольно глянули въ окно; а солдатъ, тѣмъ часомъ, проворно высыпалъ въ кружку весь табакъ изъ своей тавлинки, и сдѣлалъ это такъ ловко, что никто не замѣтилъ.

— Ну-ка, мудрецъ, въ темя небитый! выкушай во здравіе! и ужъ не взыщи, что началъ ты пузо отращивать, а теперь пришлось ему лопнуть! Шептать я на пиво не стану, и плеваться мнѣ не надобно; а вотъ только позволь дунуть, по пиву рябь пустить, да солдатскимъ духомъ заправить его!—и онъ дунулъ на кружку.

По пиву, дѣйствительно, рябь прошла, и, должно быть, заправилось оно солдатскимъ духомъ.

Digitized by Google

— Ну, теперь пей!

— А думаешь—нѣтъ? страшно небось?—спросилъ, ухмыляюсь, знахарь.

— Пей, не робѣй, пока не лопнешь... Твоя череда!

Гусь разставилъ руки, разинулъ ротъ и не безъ ужаса поглядывалъ то на знахаря, то въ затылокъ солдату. Всѣ, кажись, и дышать перестали.

— Гмъ!—мыкнулъ знахарь и принужденно зѣвнулъ, потягиваясь;—нѣшто не охота пить-то.

— Ну, ужъ извини, мудрецъ!.. понатужиться можешь; а выпить надо, ибо хозяинъ нашъ радъ гостямъ, а и насъ не обидѣлъ Господь угостительными средствіями.

Солдатъ при этомъ положилъ на столъ свой тяжелый кулакъ.

— Выпить надо!

Всѣ глядятъ. И знахарь глядитъ. Стоитъ на столѣ кружка пива полная; ужъ на пивѣ и рябь прошла. Лежитъ при кружкѣ здоровый кулакъ, темный, какъ прикладъ ружья казеннаго; а косточки въ немъ изъ-желта бѣлѣются, точно желтой мѣдью оправленъ кулакъ, да еще и перевязанъ, для крѣпости, жилами, какъ веревками; а каждая жилка играетъ. Знахарь живо сообразилъ, что лучше выпить пиво. Но онъ не показалъ ни малѣйшей робости; куда тебѣ,—взялъ кружку, улыбнулся да и говоритъ съ насмѣшечкой:—такъ, небось, лопну?

— А не хошь лопнуть, такъ разорветъ нехотя, — отвѣтилъ солдатъ и поигралъ кулакомъ по столу.

Знахарь покачалъ головой и, сказавши:—эхъ, ты, хвастливъ не по силѣ!—началъ пить.

— А вотъ, увидимъ,—промолвилъ солдатъ.

Пьетъ знахарь. И у него каждый глотокъ слышенъ, хоть кадыка за бородой не видать, какъ онъ играетъ тамъ. Глядятъ люди, не переводя духу. У знахаря въ глоткѣ глотокъ пріостановился; видно — отдыхаетъ.. Опять заиграло, пьетъ... Вотъ, икнулось ему; вздохнулъ... опять пьетъ. Опять икнулъ въ кружку; лобъ побѣлѣлъ у него... Сопитъ—и не пьетъ.

— А что?—спросилъ солдатъ.

— Ничево!—буркнулъ знахарь въ кружку, и опять пьетъ.

Однако, на лбу показались двѣ крупныя капли поту; знахарь вынулъ носъ изъ кружки, отдувается и пыхтитъ.

— Не могу больше,—промолвилъ, тряхнувъ головой.

— Врешь, пей!—крикнулъ солдатъ и пошевелилъ свой кулакъ на столѣ.

Зиркнулъ знахарь на столъ и сунулъ скорѣй носъ въ кружку.

Digitized by Google

Кадыкъ заигралъ неровно, съ разстановкой; заиграло и пузо знахарево, пробурлило вдругъ; красные глаза прослезились... Остановился совсѣмъ.

— Пей!—крикнулъ солдатъ.

Сдѣлалъ знахарь два глотка — и чихнулъ въ кружкѣ; пиво плеснуло ему въ бороду и усы.

— Хоть ты себѣ што хошь—не могу!—возопилъ онъ, пересталъ пить и поднялъ оплесканную образину.

— Пей, мошенникъ!—крикнулъ солдатъ и треснулъ по столу кулакомъ такъ, что знахарь чуть не влѣзъ весь въ кружку, но проглотить ужъ ничего не могъ.

Попробовалъ онъ еще поспорить съ солдатомъ:—да ты здѣсь что за командиръ?—и глянулъ на людей; но всѣ въ страхѣ молчали. Гусь крякнулъ для храбрости.

— Пей!—крикнулъ солдатъ — и взвылъ мудрецъ:—ой, пощади! отецъ, не погуби! не казни, дай покаяться!

— Ну, ладно! такъ сей-же часъ и кайся, старый воръ!

— Охъ, отецъ родной, покаюсь! только не неволь ты меня!—вся душенька изъ меня вонъ просится.

— Ну, объявляй, во-первыхъ, что ты все вралъ; такъ и признавайся:—я, молъ, добрые люди, все вралъ.

— Какъ-же это, самъ посуди, благодѣтель! — началъ было знахарь; но солдатъ грозно крикнулъ ему:—ну, такъ пей!

Знахарь поторопился признаться.

— Вралъ, добрые люди, все до слова вралъ! то есть хуже собаки брехалъ! Только ты ужъ, родненькой, отъ пива-то избавь меня... Охъ, животики мои надрываются!

Знахаря видимо мутило; гости глядѣли съ любопытствомъ и страхомъ; самъ Гусь оробѣлъ, глядя на солдата.

А солдатъ продолжалъ допросъ.

— Объявляй, что ты не можешь ни свадьбы испортить, ни кликушей бабу сдѣлать, ни оборотнемъ человѣка пустить,—что все это вздоръ!

— Вздоръ, вздоръ! не могу, ей-Богу, не могу!

— Объяви, что всѣ твои нашептыванія, приплевыванія и наговоры,—морокъ людской, больше ничего!

— Ничего, съ мѣста не сойдти, больше ничего!.. одинъ то есть морокъ!

— Говори, состоялъ-ли въ стачкѣ и дружбѣ съ разными ворами и конокрадами? Вѣдь потому только ты и отгадывалъ о покражахъ,—ну!

Digitized by Google

— Ужъ это, прости ты меня, кормилецъ ты мой, не могу же сказать...

— Ну, такъ пей,—твердо сказалъ солдатъ, подвигая къ нему кружку; но знахарь подхватилъ скорѣй:—то есть былъ грѣхъ... какъ не знать ихъ, воровъ-подлецовъ,—ужъ что-жъ, ужъ грѣшенъ, признаюсь...

— Ну, и никакихъ травъ и лекарствъ пользительныхъ не знаешь, а лечишь обманомъ?

— То есть не то, чтобы...—началъ было знахарь оправданіе, но, встрѣтивъ грозный взглядъ солдата, прямо ляпнулъ:—то есть гдѣ намъ дуракамъ знать? — ни синя пороху не знаю; одинъ обманъ и больше ничего.

— Ну, значитъ, ты кругомъ мошенникъ?

— Охъ, золотой ты мой, мутитъ же меня... не могу, не могу...

Солдатъ взялся за кружку, а знахарь завопилъ: — мошенникъ, мошенникъ! весь какъ есть мошенникъ!—и рванулся, расталкивая народъ, къ двери.

На дворѣ онъ, схватившись за верею, остановился.

Его совсѣмъ раскачало. Табачище подѣйствовалъ, какъ слѣдуетъ; пустило тошноту по всему животу.

Народъ словно столбнякомъ сталъ; всѣ молчатъ съ дива и съ робости. Солдатъ поднялъ свой ранецъ, вскинулъ его на плечи, взялъ шапку и обратился къ хозяину съ такой рѣчью:—ну-съ, покорно благодарю за угощеніе! Теперь вы, и всѣ честные гости ваши, видите, чай, что за птица вашъ колдунъ и знахарь? — обманщикъ, больше ничего; самъ онъ признался. А теперь моя череда. И я признаюсь, что и я его обманулъ, для того, чтобы вывести мошенника на чистую воду.

Солдатъ подошелъ къ столу, взялъ бережно кружку, недопитую знахаремъ, слилъ въ миску пиво и вытряхнулъ изъ кружки осѣвшую табачную гущу.

— Вотъ, извольте смотрѣть,—сказалъ онъ; — на два гроша убытку понесъ—всю тавлинку сюда высыпалъ. Не взыщите на малости!

— Вотъ благодѣтель-то!—воскликнулъ Гусь, всплеснувъ руками, и разразился смѣхомъ, — капиталу не пожалѣлъ, а мошенника уличилъ! Вотъ спасибо!—и онъ хохоталъ во все горло, придерживаясь за бока.

Но люди все еще недовѣрчиво глядѣли на солдата. Бабы не хотѣли повѣрить, чтобы служивый самъ не былъ знахарь первой руки. Однако, сперва одинъ, потомъ другой и третій изъ гостей

Digitized by Google

понюхали табачную гущу, а кто и на язычекъ отвѣдалъ, и, отплевываясь, расхохотались вмѣстѣ съ дьячкомъ. А дьячекъ и себя не помнилъ на радостяхъ, что вотъ-де, наконецъ-таки, нашелся богатырь и доѣхалъ лютаго врага его.

— Вотъ тѣ и знахарь!—толковали гости; — пропалъ ни за понюшку табаку!

А бабы все еще перешептывались: — нѣшто тутъ не то, а нѣшто другое есть! Ой, мать моя, не спроста все это!

— Знахарь знахарю рознь, — сказалъ солдатъ; — настоящій, знающій человѣкъ, волшебникомъ не прикидывается, а дѣйствуетъ открыто. А вашъ знахарь—мошенникъ. Ну, такъ пусть помнитъ *солдатское пиво*! Прощайте, господа; счастливо оставаться!

Всѣ распрощались съ солдатомъ, благодарили его за то, что проучилъ лиходѣя. Хозяева проводили его до воротъ, а Гусь захотѣлъ непремѣнно проводить еще дальше.

Проходя черезъ дворъ, они увидѣли Антипыча подъ изгородью; сунулся онъ головой въ крапиву и не то охалъ, не то просто хрюкалъ.

— Ужъ дайте ему молочка тепленькаго,—пусть оправится,— попросилъ солдатъ хозяевъ и распрощался съ ними.

— Сдѣлайте мнѣ такую великую честь, господинъ кавалеръ, откушайте у меня съ медкомъ чаишку безгрѣшнаго! — просилъ Гусь кавалера.

— Съ величайшимъ моимъ удовольствіемъ! — отвѣтилъ кавалеръ.

И Гусь снялъ шапку и обнялъ кавалера, говоря:—ибо чувствую внезапное почтеніе и робкую радость при видѣ человѣка разумнаго и храбраго!

И они повернули направо, то есть къ Гусю.

II.

Вернулся нашъ Антропъ Антипычъ со свадьбы домой въ деревушку „Жабій смугъ“. Свадьбы онъ не испортилъ, а самъ совсѣмъ испортился; всю ночь метался онъ, бредилъ, вскакивалъ и кричалъ благимъ матомъ:—мошенникъ, мошенникъ, мошенникъ я!—Уснетъ на минутку, и опять вскочитъ,—видитъ во снѣ чорта, въ полной походной аммуниціи, на бочкѣ пива верхомъ, и закричитъ вдругъ воплемъ:—ахъ, я мошенникъ, мошенникъ, мошенникъ!

Правда, говорится—„худая слава бѣжитъ,“—не только бабы, а и всѣ ребятишки „Жабьяго смуга“ и прочихъ деревень уже знали посрамленіе знахаря. Разумѣется, молва чѣмъ дальше шла, тѣмъ

Digitized by Google

становилась чуднѣе и безобразнѣе. Дошла эта худая молва и до благопріятеля знахарева, колченогаго Спирки, такъ прозывалъ народъ за-глаза господина цѣловальника, Спиридона Псоича, засѣдавшаго въ кабакѣ, на проселкѣ, въ урочищѣ „Тараканій бродъ“;—зашелъ въ этотъ кабакъ тараканій шляющійся прощалыга одинъ и разсказалъ про Антропа такія страсти, что самъ цѣловальникъ—ужъ ничего на свѣтѣ не боится—и тотъ ахнулъ.

— Пришелъ,—говоритъ, — на свадьбу къ Корнѣю Иванову *неизвѣстный*, съ однимъ глазомъ во лбу, посередкѣ, подошелъ при всемъ народѣ къ столу, налилъ кружку пива и не своимъ голосомъ крикнулъ на Антипыча:—пей, чортова затычка!—Антипычъ испужался, началъ пить; а *неизвѣстный* вдругъ пропалъ,—никто и не видѣлъ, куда онъ дѣвался. Только слышутъ люди, что не то изъ кружки, не то изъ глотки Антипыча вопитъ голосъ:—либо ты меня проглони, либо выплюнь; а такъ провождать время я не могу!

— Что-жъ Антипычъ?—крикнулъ въ изумленіи цѣловальникъ.

— А что Антипычъ,—отвѣчалъ прощалыга; — хотѣлъ плюнуть, да со страху глотнулъ, вотъ что.

— Ахъ, ты, грѣхъ! — воскликнулъ цѣловальникъ, ударивъ руками себя по бедрамъ;—такъ я и думалъ! Никишка, запрягай кобылу!—крикнулъ онъ работнику.—Да ты не врешь?—спросилъ онъ прощалыгу.

— Чего врать-то? нѣшто такъ врутъ?—отвѣтилъ прощалыга;—этакъ не соврешь.

— И то правда!..

Вотъ какія вѣсти колесомъ пошли про Антипыча, кругомъ на сто верстъ, коли не больше. А одна баба, бывшая на свадьбѣ у Корнѣя и всегда таскающаяся по всѣмъ окольнымъ свадьбамъ, родинамъ, крестинамъ и похоронамъ, вездѣ божилась, что сама видѣла, какъ Антипычъ хрюкалъ подъ заборомъ, и дымъ валилъ съ него, и сѣрой на весь дворъ смердѣло, и что-то торчало у него изо рта.

— Мучился сердечный;—всего проглонулъ, а хвоста-то и не могъ полыкнуть!.. Страсти да и только!

Однако, все это было вздоръ; Антипычъ выходился скоро. Да и вранье людское пообмололося, а стала всплывать наружу правда о *солдатскомъ пивѣ* съ табакомъ.

Надъ знахаремъ почали подсмѣиваться люди, сперва втихомолку, а потомъ и прямо ему въ уши шуточки пускали. Не прошло и мѣсяца—ужъ ребятишки стали дразнить нашего колдуна:—не хошь-ли, дядюшка, *солдатскаго пива?*

Digitized by Google

Знахарь желтѣлъ, чернѣлъ, и сталъ зеленѣть со злости, но молчалъ, какъ глухой. Перестали наѣзжать къ нему разные простаки-просители съ приношеніями да подачками; прошло даровое житье прибыльное. А отъ работы давно онъ отсталъ; — пришлось жить съ копѣйки. Ну, да вѣдь у него въ коморѣ окованный сундучекъ, люди говорятъ, въ край серебромъ насыпанъ,— хватитъ на долгій вѣкъ.

Но скаредность и скупость заѣдала Антипыча. Съ каждымъ рублемъ разставался онъ пуще, чѣмъ съ жизнью, кажется. Да дѣлать-то нечего,—надо жить.

Старшина, писарь, и прочее начальство, помаленьку словно позабыло о немъ; теперь никто не останавливался проѣздомъ въ „Жабьемъ смугѣ". А бывало, что ни колокольчикъ, то все у воротъ Антипыча попримолкнетъ. Толкнулись къ нему двати три цыгана, да еще какая-то сибирка потасканная, — все старые пріятели, — раза два заѣзжалъ Спирка колченогій, закадычный другъ прежній,—и какъ оборвалося; никто больше ни ногой.

Прошло полгода. Антипычъ высохъ весь и позеленѣлъ.

Разъ какъ-то, подъ осень, поздно ночью, зазвенѣлъ по „Жабьему смугу" колокольчикъ и остановился у воротъ десятскаго, черезъ двѣ избы отъ Антипыча.

Черезъ часъ мѣста, десятскій тихо постучалъ въ окно къ Антипычу.

— Что надо?—спросилъ изъ окна хриплый голосъ.

— Переговорить надыть,—отвѣчалъ тихо десятскій.

Впустилъ Антипычъ десятскаго въ калитку. Долго они шептались въ сѣняхъ. Только и слышно было, о какихъ-то краденыхъ коняхъ толковали.

— Дѣло давнее,—говорилъ Антипычъ.

— Слѣдъ есть,—шепталъ десятскій. — А лучше поклонись; завтра *самъ* будетъ,—къ слѣдству притянутъ.

— Ничаво не будетъ, ступай!—прохрипѣлъ Антипычъ.

— Какъ знаешь,—отвѣтилъ десятскій и ушелъ, пробираясь, какъ кошка, осторожно, около стѣнокъ да изгородей.

Антипычъ было опять залѣзъ подъ кожухъ, вздремнулъ, и вдругъ, видитъ—передъ нимъ чортъ, въ полной походной аммуниціи, командуетъ:—пей!—Вспотѣлъ Антипычъ, но не крикнулъ, а только подумалъ:—мошенникъ, мошенникъ!—то есть все же про себя. Всталъ онъ, накинулъ кожухъ на плечи, пошарилъ въ припечкѣ, и началъ присѣкать огня къ труту. Придувши огня къ угольку, вздулъ онъ лучину, взялъ пустой горшокъ и отпра-

Digitized by Google

вился въ комору. Вотъ, отперъ онъ замокъ коморы ключемъ, что висѣлъ у него на поясѣ, вошелъ туда и приперъ за собой дверь на крючекъ.

Воткнулъ онъ въ щель стѣны лучину, подставилъ подъ нее горшокъ, взялъ съ пояска другой ключъ, и, ставши на колѣнки, началъ отворять окованный сундучекъ порядочной величины; повернулъ два раза ключъ, — вдругъ остановился и навострилъ ухо,—гдѣ-то, вдали, послышался протяжный и жалобный собачій вой... Сердце іокнуло у знахаря.

— Что-бъ тебѣ здохнуть!—прошепталъ онъ, обозрѣлся и поправилъ лучину.

Еще повернулъ ключъ, открылъ сундукъ, взглянулъ... и весь побѣлѣлъ, какъ полотно. Пошатался, потрепеталъ бѣдняга, растопыривъ пальцы, скрипнулъ зубами, вытаращилъ бѣльмы—да такъ, какъ снопъ, и сунулся головой въ сундукъ. Крышка хлопнула его по затылку; сундукъ покачнулся впередъ и вдругъ всталъ ребромъ; а взъерошенная голова знахаря выскочила за отвалившимся дномъ сундука и ударилась въ полъ. Сломанный сундукъ былъ пустъ. Знахарь лежалъ какъ мертвый.

Лучина трепетала полымемъ. Въ выломанное оконце коморы сверкнула желтыми глазами своими кошка, и шмыгнула опять во дворъ. Повѣялъ вѣтеръ въ оконце; лучина попригасла на мигъ, и опять вспыхнула ярче. Но, дойдя до стѣны, полымя пробѣжало по сухому моху и снова погасло. Горячій уголь сгорѣвшей лучины, точно черная лента съ золотыми окраинами, завился завиткомъ, подымилъ; потрещалъ и погасъ. Въ коморѣ стало темно и тихо, какъ въ гробу.

Кто это такъ удружилъ Антропу Антипычу — ничего неизвѣстно.

На утро, рано, изъ калитки дома десятскаго вышелъ какой-то заспанный стрекулятникъ, въ затасканномъ сертучишкѣ, съ ржаной лепешкой на головѣ,—подумали-бы бабы;—а это былъ засаленный картузъ. Онъ курилъ трубочку, отплевывался и сердито поглядывалъ въ даль. Прошла баба съ ведрами, поклонилася. Стрекулятникъ отвернулся.

Изъ-за прясель, въ зеленыхъ кудряхъ хмѣля, торчали головенки ребятишекъ;—кто ихъ знаетъ, откуда взялись они. Они глядѣли, не моргнувъ, на стрекулятника и начали шушукаться. Стрекулятникъ сталъ озираться и даже подъ стрѣху заглянулъ, потомъ вдругъ увидѣлъ головенки. Какъ воробьи порхнули ребятишки куда-то. Стрекулятникъ нахмурился, потомъ улыбнулся,

Digitized by Google

и опять сталъ сердито сосать свой чубукъ... Въ воздухѣ было ясно, свѣжо и тихо.

— Ѣдетъ!—сказалъ онъ громко.

Десятскій высунулся въ окно, прислушался. Вдали звенѣлъ колокольчикъ.

Это былъ письмоводитель становаго; онъ ждалъ самого становаго.

— Экія же свинья у васъ! Такъ ничего и нѣтъ?—спросилъ онъ, вышедшаго изъ избы, десятскаго.

— Ничего нѣтъ, ваше благородіе,—понуро отвѣтилъ десятскій,—все благополучно.

Оба молчали.

— То-ли дѣло—тѣло!—промолвилъ про себя стрекулятникъ.

И опять молчаніе. Словно плачъ младенца, гдѣ-то далеко, слышался звукъ приближающагося звонка.

Какъ изъ земли, выскочилъ и сѣлъ на прясла пѣтухъ, захлопалъ крыльями, покосился на стрекулятника... и не запѣлъ.

— Босыя ноги! босыя ноги, дядюшка, ноги! — звонко кричали ребятишки и бѣжали что есть духу отъ старой полуразвалившейся бани, что стояла безъ крыши, на берегу ручья.

— Ноги, босыя ноги!—съ испугомъ вопили они, запыхавшись.

— Какія ноги, бѣсенята?—крикнулъ стрекулятникъ.

— Босыя, дяденька! — отвѣчалъ быстроглазый пострѣлъ, указывая пальцемъ на баню.

Пошелъ туда, то-есть къ банѣ, стрекулятникъ; десятскій, еще два мужика, баба съ ведрами, баба безъ ведеръ, еще баба, чуть-что не безъ сорочки—двинулись туда-же, и всѣ ребятишки провожали ихъ, божась, что тамъ висятъ босыя ноги.

— Молчать, чертенята!—ругнулъ десятскій.

Черная, точно погорѣлая, баня стояла, покачнувшись, надъ ручьемъ; еще чернѣе ея виднѣлась отворенная дверь. Лучъ утренней зари сверкнулъ было въ темномъ нутрѣ бани, сквозь пазъ, словно ясный клинокъ сабли блеснулъ тамъ,—и опять все черно.

— Ноги, ноги, босыя ноги! —кричали ребятишки.

Въ самомъ дѣлѣ, подходящіе люди увидѣли надъ разоренной каменкой, неподвижно висѣвшія, двѣ босыя ноги.

Народъ пріостановился. Стрекулятникъ храбро вошелъ въ баню.

— А-а, вотъ оно что!—промолвилъ онъ.

Люди подошли, заглянули подъ притолоку, — на постромкѣ, закрѣпленномъ у потолочины, висѣлъ Антропъ Антипычъ.

Digitized by Google

Солнце опять сверкало сквозь разошедшійся пазъ банной стѣны, и косой лучъ его прошелъ прямо черезъ посинѣлое лицо знахаря. Висящій знахарь глядѣлъ тусклыми, полузакрытыми, мертвыми глазами, съ неподвижною улыбкой, точно задумался о чемъ-то; и когда стрекулятникъ тронулъ его перстомъ—онъ, кажется, кивнулъ ему головой.

— И то ладно!—сказалъ стрекулятникъ про себя.

— Дѣло не ладно,—сказалъ десятскій, тоже про себя, и при этомъ почесалъ затылокъ.

Знахарь висѣлъ, съ мертвой, недоумѣвающей улыбкой, и какъ-будто думалъ:—на всѣхъ васъ не угодишь!

III.

Прошелъ годъ. Могила знахаря — въ яру, что тянется за „Жабьимъ смугомъ“ и до „Тараканьяго брода“—поросла бурьяномъ. Чья-то добрая христіанская рука, зла непомнючи, поставила надъ ней крестъ.

Худо завершилъ ты, Антропъ Антипычъ, свой путь земной; но могила замиритъ тебя со всѣми обиженными и обманутыми тобою. Простили тебя люди—миръ тебѣ!

— Стало быть, въ какомъ хошь непотребствѣ провождай человѣкъ жизнь, обижай и обманывай темный народъ, а потомъ умри, или повѣсься—и ты правъ, все шито-крыто и позабыто?

Для человѣка—да; грѣшный человѣкъ долженъ забыть сердцемъ все, простить всякое зло своему брату умершему, такому же грѣшнику.

Но для правосудія божескаго — нѣтъ забвенія; вѣчно и невидимо творитъ оно свой строгій и правый судъ. Грѣхи мертвыхъ не умираютъ, живутъ для этого суда...

Черезъ годъ послѣ смерти знахаря, въ тарakановскомъ кабакѣ, за полуштофомъ водки, поссорились два цыгана съ цѣловальникомъ, Спиркой колченогимъ. Прощалыга, радъ случаю выпить, былъ тутъ-же. Попрекнулъ Спирка цыгановъ какимъ-то пѣгимъ мериномъ,—а такого разыскивала земская полиція въ ту пору,—цыгане ему въ отвѣтъ ляпнули такое слово, что у Спирки и носъ побѣлѣлъ,—самъ не радъ, обмолвившись. Прощалыга и уши навострилъ.

— Да ты, кудлатая башка,—ворчалъ Спирка, — и чести не

Digitized by Google

знаешь: съ конемъ,—такъ мимо кабака, а съ пустыми руками—нашъ гость.

— Эгегеге!.. батенько!—заоралъ одинъ изъ цыганъ, оскаливши бѣлые, какъ сахаръ, зубы свои, — бывали мы у тебя и не съ пустыми руками, да дѣлиться-то съ тобой, батенько, накладно! Аль забылъ Антропку-то? Кто варганы ковалъ?.. а ты только на нихъ игралъ! Мы въ коморѣ—а ты у воротъ; а какъ пошло въ дѣлежъ,—ты себѣ тысячи—а намъ по сотнягѣ!

— Молчи, черный песъ!—буркнулъ Спирка.

Но цыганъ обозлился пуще и, ругаючись на весь кабакъ, спьяна проболтался о сундукѣ, подломанномъ ими всѣми вмѣстѣ у знахаря.

Подъ шумокъ прощалыга юркнулъ въ дверь. А черезъ часъ-мѣста въ кабакъ вошелъ сотскій, съ мѣдной бляхой на груди, за нимъ понятые, а позади всѣхъ—прощалыга.

Недолго думаючи, накрыли Спирку и гостей его, учтиво попривязали имъ ручки проворныя и повели путемъ-дороженькой.

Путь черезъ разныя мытарства привелъ прямо въ острогъ.

И долго-долго сидѣли они, — для важности въ цѣпяхъ, разумѣется,—пока производилися обыски, справки, очныя ставки, допросы и передопросы; и много-много народу попритянуто было къ дѣлу. А всѣ такія дѣла пахнутъ однимъ духомъ — сыромятной плетью.

Деньги розыскали—воровъ наказали.

Прячь, зарывай, запирай на замки, какъ хошь тай трудовыя, потомъ и слезами облитыя копѣйки, обманомъ и обидой вырванныя изъ рукъ рабочаго бѣдняка—онѣ найдутся. Рано-ли, поздно-ли—всплывутъ наружу обманъ, и воплемъ завопитъ, ревомъ взревутъ этотъ обманъ на площади, при тысячахъ народа.

За каждый обманъ темнаго бѣдняка ужъ кто-нибудь да заплачетъ горько, кровавыми слезами.

Ну, да и каждый-же дуракъ, пока не поумнѣетъ, ужъ будетъ обманутъ непремѣнно.

Это—и къ бабѣ не ходи!

Digitized by Google

ЧЕРТОВЩИНА.

Повѣсть.

„Мели кривая—грошъ на полкѣ".

Это было въ 1842 году. Храбрая пѣхтура нашего полка сломала походъ не маленькой; уже оставалось всего перехода четыре до зимнихъ квартиръ. Была поздняя осень; погода стояла сердитая; вѣтры дули изъ неизвѣстныхъ дыръ такіе, что, спасибо, коли приходились сзади,—только ноги переставляй, а самъ точно въ колескѣ сидишь,—такъ и несетъ тебя; а какъ дунетъ спереди, въ лицо — гнись, какъ офеня вязниковской, — насилу прешь ранецъ. А тутъ еще прохожую тучу въ поднебесьи прорветъ; хлынетъ дождь, да такъ всполоснетъ тебя, что отъ загривка подъ сумой до самыхъ пятокъ холодокъ пройдетъ; — струя черезъ всю, значитъ, спину. Точно въ такомъ мокромъ видѣ, однажды, встрѣтили насъ квартирьеры, сами сухіе мошенники,—подъ мостикомъ дождь переждали. Къ тремъ часамъ пополудни всѣ мы были разставлены по квартирамъ.

Со старикомъ унтеромъ Кашинымъ въ одну избу назначено было шесть человѣкъ. Изъ нихъ только Елизаръ Лаптевъ—старый солдатъ, съ нашивкой, сапожникъ и, какъ водится притомъ, табачникъ; а всѣ прочіе почти что лоботрясы: кто безъ году недѣля въ службѣ, а кто—съ годомъ двѣ. Однако сошлись все парни удалые, одинъ другаго мудрѣе. То есть — въ ложки-ли пріударить кругомъ миски, за калачемъ-ли въ корчму забѣжать, на походѣ ногу стереть, пуговку потерять—мастера были первой сортъ. А притомъ и лясники тоже изъ первыхъ; хорошенько подъѣвши, поврать, аль послушать вранья — это ихъ дѣло.

Вотъ-съ, пришелъ унтеръ Кашинъ съ своей командой въ избу, аммуницію долой—и пошли порядки походные: то сотри, это просуши, другое зашей, третье зачини. Извѣстно, походомъ

Digitized by Google

у дыръ, праздникъ; одна за другой нарождаются,—тутъ зашилъ, а тамъ порется!

Ну, сходили на кашу, прошлись по деревнѣ, глядь—и вечеръ на дворѣ. Хозяинъ, добрый человѣкъ, принесъ съ пять сноповъ соломки; унтеру, человѣку немолодому, предложилъ: — не завгодно-ли вашей милости на полати?—Кашинъ не прочь: — а и то дѣло,—говоритъ,—старымъ костямъ будетъ потеплѣе,— и полѣзъ на полати.

Вся семья хозяйская еще съ утра перебралась въ комору и уже спала; весь домъ угомонился; ночь подходила. Только попискивали спросонья куры на нашестяхъ, на дворѣ тихонько гоготали гуси, да въ свиномъ хлѣву ино слышалась претензія какого-нибудь подсвинка и строгое хрюканье борова. Да еще за воротами, очень заботливо и неровно, брехалъ песъ, какъ будто что-то объяснялъ слушающему въ лѣсу волку, и добрехивалъ ему свое собачье прика̀заніе: — ты, дескать, подлецъ, сюда не подходи, ибо я спать не буду, а буду караулить!—и опять, помолчавши, какъ будто брехалъ подтвержденіе:—если я и усну, такъ все услышу!—и, еще погодивши, опять брехнетъ:—я, братъ, не сплю, рака̀лія ты лѣсная!..

Но и это усердное бреханье слышалось глухо, потому что на дворѣ вѣтеръ дулъ, вылъ, нылъ, свисталъ такъ, что крыша трещала, а въ трубѣ точно пѣли да приголашивали вѣдьмы.

Зато въ избѣ, гдѣ расположилась на соломкѣ наша команда, ахти хорошо было! да и тихо же... Сверчокъ пѣлъ за печкой, какъ по нотамъ, очень ровно, и ни разу не ошибался; въ стѣномъ бревнѣ червякъ сверлилъ себѣ потаенный корридорчикъ, и и постукивалъ, какъ карманные часы маятникомъ; кошка мурлыкала про себя въ печуркѣ. А Елизаръ Елизаровичъ, заправивъ въ рѣдьку сальный огарочекъ, сидѣлъ у лавки и пошмаргивалъ варными концами, на отмашь, кулаками въ обѣ стороны; это онъ заплатку ставилъ на чоботъ, надо быть, хозяйской, потому что самъ хозяинъ тутъ же сидѣлъ и очень любопытствовалъ, какъ за шиломъ вылѣзали изъ дырочки вдругъ двѣ щетинки. Оно и въ самомъ дѣлѣ пріятно глядѣть, какъ щетинки-то лѣзутъ вдругъ: одна—туда, другая—сюда, а за ними—и концы варные, аршина, безъ малаго, по полтора.

Да, правду сказать, и каждая дѣльная работа на свѣтѣ любопытна: шей, пори, стругай, хоть лапти плети,—дѣло, кажись, совсѣмъ простое, — шило, игла, ножъ, кочедыкъ — всѣ на одинъ простой манеръ ковыряютъ, — а вѣдь глядѣть не прискучитъ. Попробуй-же теперь поглядѣть на какое-нибудь бездѣлье,—вѣдь

Digitized by Google

надоѣстъ скоро. Да не только простое бездѣлье, валянье да лежанье, а поглядишь, какъ люди съ бездѣлья хоть-бы водку пьютъ, да тебя не подчуютъ — такъ и то смотрѣть мерзко. На всякое-же, хоть бы самое маленькое дѣло, глядѣть всегда пріятно. Это, должно быть, оттого, что самое маленькое и дрянненькое дѣло лучше и почтеннѣе самаго важнаго и богатѣйшаго бездѣлья.

Такъ вотъ, сударь мой, Елизаръ Елизарычъ ставилъ заплатку, а всѣ прочіе въ избѣ ничего не дѣлали, лежали на соломѣ, а спать еще не хотѣлось. Попробовалъ было одинъ изъ лоботрясовъ заиграть съ котенкомъ, да тотъ, вырвавшись шмыгнулъ на печь. А Елизарычъ замѣтилъ на это:—что, молъ, дуракъ тотъ человѣкъ, который врага своего забавляетъ и ласкаетъ; кошка,—говоритъ,—бабій другъ, и притомъ тварь хитрая; солдату-же она супротивна, ибо любитъ молочное потреблять; а въ томъ намъ никакой выгоды нѣту! Всякой другой звѣрь во сто кратъ лучше ея,—разсуждалъ Елизарычъ; — хоть-бы, напримѣръ, пѣтухъ—птица разумная и откровенная: и время знаетъ, и насчетъ яицъ стараніе имѣетъ, и самъ, послѣ смерти своей, удовольствіе принести можетъ; хоть вари его, хоть пеки, не то — жарь.

Молодежь переглянулась; другой фыркнулъ въ кулакъ потихоньку; а Елизарычъ, завязавши на заплатѣ узелъ, концы урѣзалъ и началъ молоткомъ дѣло заканчивать. Опять тихо.

И въ это тихое время, хозяинъ—должно быть подхлебатель порядочный—тоже сказалъ нѣкоторыя слова супротивъ кошки, и разсказалъ притомъ, что однажды, ночью, онъ спалъ, потѣлъ, кряхтѣлъ, и душилъ его, онъ думалъ, что домовой; а, пробудившись, ощупалъ, что на шеѣ у него, подъ бородой, кошка прикурнула.

— Вона, змѣя какая!—порѣшилъ хозяинъ.

Съ этого пошла рѣчь о домовыхъ, потомъ о лѣшихъ и о разной бѣсовщинѣ. Но напередъ надо сказать кое-что обстоятельное о самомъ Елизарѣ Елизарычѣ, что это за человѣкъ былъ.

Елизаръ Елизаровичъ Лаптевъ былъ человѣкъ очень разумный, ибо пятнадцать лѣтъ шагалъ вдоль и поперегъ по всей матушкѣ Россіи; видалъ и Польшу, и Украйну, и Жидовъ, и Маймистовъ, и Чухну бѣлоглазую, и примѣчалъ разные обычаи. И былъ онъ человѣкъ очень почтенный, ибо шилья и концы варные всегда и вездѣ имѣлъ при себѣ, просящему отказу не давалъ, и мастерству своему былъ вѣренъ. И былъ онъ чело-

Digitized by Google

вѣкъ честный, ибо продавалъ зеленчакъ, хотя и въ долгъ, подъ жалованье, а никогда ни стекла толченаго, ни другой пакости не подбавлялъ въ него. А также рубчики на подметки, даже рекрутамъ, пришивалъ дратвой, а не наколачивалъ одними гвоздиками деревянными; и башмаки бабамъ шилъ изъ покупнаго козла, а не изъ бритыхъ шкурокъ, перегорѣлыхъ, найденныхъ по задворкамъ; и въ стельку синей бумаги сахарной, или бересты, безъ мѣры не клалъ, какъ это дѣлаютъ иные искусники.

И былъ онъ человѣкъ любящій и терпящій, и поэтому квартирныя хозяйки его, уходя на работы, скоро привыкали покидать на него своихъ ребятишекъ ползающихъ, зная, что Елизарычъ не токмо-что не тронетъ молока, имъ поставленнаго, а еще этой же мелкотѣ ползающей оботретъ носъ, да и не одинъ носъ. Да и мало того что оботретъ, а и уйметъ, коли мелкота эта расплачется, и еще дастъ ей колодку свою поиграть:—позабавься,—говоритъ, — да, гляди, не испорти! — И даже, на досугѣ, мальчишкѣ изъ лучинокъ мельницу сдѣлаетъ;—на, мошенникъ, играй, только не плачь!—И дѣти, даромъ что малы и какъ будто несмысленны, однако прежде всѣхъ узнавали добродѣтель Елизарыча, и совсѣмъ не боялись его, хотя лицомъ Елизарычъ, неизвѣстно отчего, очень походилъ на большаго паука. А какъ сядетъ сапожничать, скорчится, учнетъ мотать свою дратву—такъ какъ разъ большой паукъ.

И притомъ-же терпящій человѣкъ былъ Елизарычъ, ибо никого, ни-за-что, и никогда онъ, бывало, не изругаетъ сильно, а все больше по-братски; ни вора, ни пьяницу не опорочитъ онъ послѣдними словами, а всегда пожалѣетъ его:—эхъ, молъ, братъ любезный, какая ты скотина!—или этакъ: — сотворенъ то ты у Бога хорошо, а изъ себя-то какой подлецъ! жаль мнѣ тебя! — говоритъ. И затѣмъ, всѣ имѣющіе какую-нибудь пакость, всѣ отъ себя терпящіе, всегда слонялись и терлись около Елизарыча. И ужъ если кто попалъ въ штрафъ, грѣшнымъ дѣломъ—вспрыснутъ маленько,—то ищи его у Елизарыча; онъ сидитъ, значитъ, съ красными глазами и молча глядитъ, какъ Елизарычъ сапожничаетъ; а Елизарычъ постукиваетъ и примолвливаетъ ему что-нибудь хорошее: — эхъ-ма! — говоритъ,—жаль, братецъ, жаль! То есть шкуры твоей мнѣ не жаль, хоть по ней зорю колоти,—все равно, что собачья шкура,—у пьяницы, аль мошенника обвыклая шкура;—а вотъ, души твоей жаль; душа твоя такая-же, какъ и у всѣхъ крещеныхъ! Жаль, — говоритъ, — что ты, Божій человѣкъ, и притомъ такой скотъ! Оченно, братецъ мой,

Digitized by Google

жаль!—Ну, и такими утѣшеніями совсѣмъ разжалобитъ человѣка, размягчитъ какое хошь черствое сердце.

И вотъ, при такомъ разумѣ и добродѣтели, Елизарычъ имѣлъ одну слабость: одну, то есть, по фронту, — ужъ ровно ни въ какой парадъ и церемонію не годился;—а другую, — какъ баба любилъ слушать и самъ разсказывать про всякую чертовщину. Медомъ его не корми, а плети ему про бѣсовъ да лѣшихъ.

И какъ только разсказалъ хозяинъ, какъ душилъ его домовой, то Елизарычъ отложилъ и потягъ и шило на лавку, понюхалъ табаку и сказалъ очень утвердительно: — да, бываетъ, бываетъ такой случай! Домовой часто душитъ; ай-ай, какъ это часто бываетъ! Стояли мы,—говоритъ,—на Украинѣ... такъ хозяйку мою, вдову,—такая изъ себя бѣлая была,—каждую ночь домовой душилъ. Спала она за перегородкой, а мнѣ все и слышно. Спрошу, бывало, поутру: — что это у васъ, хозяюшка, такъ неспокойно въ коморкѣ-то?—Ну, она сама признавалася:—черти—говоритъ,—у меня гуляютъ... Встанетъ, бывало, поутру такая измученная, словно всю ночь на ней воду возили, и сама же признается—черти гуляютъ.

— И разъ, самъ видѣлъ ночью—лѣзетъ изъ окна отъ нея точно какъ будто нашъ унтеръ,—въ образцовый полкъ ушелъ теперь;—я его окликнулъ; а онъ мнѣ языкъ высунулъ. На другой день я его спрашиваю; а онъ осмѣялъ меня порядочно: — экъ, тебѣ что пригрезилось! Стану я тебѣ языкъ высовывать! Это, вѣрно,—говоритъ, — тебя чортъ дразнилъ! — Мнѣ, признаться, было и очень сомнительно; да только вдова оченно скромная, и унтеръ не изъ такихъ, чтобы по окнамъ лазить и языки высовывать. И ломалъ ее, хозяйку-то, домовой до самой осени; а потомъ — и ничего. Старуха ей на воду шептала, выпить велѣла—и ничего. Все какъ рукой сняло! Тутъ, какъ разъ, у насъ, помню, была выборка въ образцовый полкъ; а потомъ мы и ушли. Дальше ничего и не знаю.

— Вишь ты, онъ, нечистый, можетъ всякой видъ принимать,—промолвилъ хозяинъ,—можетъ взять на себя чинъ какой ему надо! У насъ, у самихъ, на селѣ было вотъ какое диво:—и хозяинъ началъ разсказывать диво, а всѣ сѣли на солому и стали слушать.

— Верстъ восемь отъ села, за „Чернымъ смугомъ“, начинается большущій лѣсъ, ажъ въ чужу губернію проходитъ, такой лѣсъ. Завтра вы мимо него пойдете. Лѣсъ самъ чистый, все боровое мѣсто; а что глубже, въ середку — все мокрѣй, и все больше лому, сушняку и валежнику; а въ самой серединѣ лѣса—

Digitized by Google

кислое болото; а по болоту все окна, окна. То-есть, словно колодцы бездонные, и поверху ихъ вода ажъ зарудѣла. И ни зиму, ни лѣто человѣку нѣтъ туда ходу; опричь звѣря да птицы никто и не бываетъ. Сказываютъ старые люди — есть тамъ, за тѣми окнами, непроходимыми, островъ, и всякія растенія растутъ тамъ, и во множествѣ плодится разное звѣрье. И посередь того острова стоитъ дубъ-дерево великанское; на томъ дубу живутъ орлы-птицы; а подъ дубомъ этимъ растетъ разрывъ-трава, папороть-огнецвѣтная, и цвѣтетъ она во сто лѣтъ единъ часъ, въ полночи, на Ивана-Купалу. И вотъ, господа вы мои, воины служивые,—молвилъ хозяинъ, гладючи себя по бородѣ,—еще скажу вамъ вотъ что. Былъ у насъ, на селѣ, кузнецъ Вахрамей, по прозвищу Молчокъ. Въ тѣ поры былъ я еще парнишкомъ махонькимъ, а его помню. Былъ Вахрамей человѣкъ страшенный,—больно суровъ: глазъ черный, бровь черная, въ перстъ ширины, ажъ свѣсилась и черезъ переносье прошла, борода черная, башка черная, и весь самъ какъ котелъ; а носъ имѣлъ сизый, скажи вотъ,—огонекъ на немъ игралъ, на носу-то. Все ходилъ Молчокъ и молчалъ; а какъ загуляетъ — все кругомъ пей! Передъ собой велитъ поставить четверть, пьетъ, потѣетъ, и все пуще супится, а ни съ кѣмъ ни слова. Только и хороводился онъ со старухой Феклистихой,—черезъ двѣ избы отъ насъ была такая, третій годъ какъ померла, тоже худой смертью. Старуха-то была кликуша и знала очень много: и бобы метала, и завитки завивала, и черезъ ножъ воду лила, и всякіе заговоры производила, и зелье знала. И была у нея внучка—бѣсъ-дѣвка, ражая такая,—передъ филиповкой за-прошлаго года замужъ ушла за мельника, верстъ за сто отсюда. И вдругъ, передъ Иваномъ-Купалой, кузнецъ Вахрамей пропалъ; а какъ вернулся, черезъ мѣсяцъ, на село — и не узнать его, такой богатырь сталъ: наковальню завелъ въ семь пудовъ, мѣхъ купилъ новый, и при кузницѣ комнатку бѣлую поставилъ; и принялъ онъ къ себѣ издалека хозяйку, ахтительную раскрасавицу, и тоже чудливую; все, бывало, сидитъ она съ прялкой у окна, а при ней котъ черный, еще чернѣе, чѣмъ самъ Вакрамей. И съ той поры сталъ Вахрамей совсѣмъ нелюдимъ, ни съ кѣмъ, и даже съ Феклистихой, не водился. Взялъ криваго работника,—Оська Комолый звался Кто придетъ по дѣлу на кузницу, только его и увидитъ; а самъ кузнецъ не показывался. А всѣ знали, что ходилъ онъ на Ивана-Купала въ боръ, на островъ, по разрывъ-траву... И вотъ, судари вы мои, пропадаетъ это у кузнеца жена, — съ Оськой Комолымъ сбѣжала, говорили; — а вскорѣ и самого кузнеца

Digitized by Google

нашли въ оврагѣ—нехорошею смертію умеръ. И въ это самое время пришли къ намъ на постой солдаты, неизвѣстно какихъ полковъ,—воротъ красный, а наплечники были бѣлые; и сталъ къ старухѣ Феклистихѣ на постой солдатикъ, — свои-то Яшкой Жаръ-ухомъ прозывали его,—парень бравый, а только загулять любилъ. И спознался солдатъ-Яшка со старухою, все звалъ ее бабушкой родной, а она его внучкомъ родимымъ; а дѣвка—будто и ничего. И вдругъ, услышали мы, что солдатъ Яшка Жаръ-ухо на Ивана-Купалу, по тѣмъ-же значитъ кузнецовскимъ слѣдамъ, пропалъ безъ-вѣсти; и пропалъ онъ совсѣмъ какъ слѣдуетъ. Стоялъ у насъ унтеръ, ну, и сказывалъ дѣло:—пропалъ,—говоритъ, — солдатъ; я ужъ и *лепортъ* подалъ. — А коли *лепортъ* подалъ, такъ, значитъ, совсѣмъ пропалъ. Ну, вотъ и пропалъ солдатъ... Только черезъ недѣлю — находятъ человѣка въ бору, при лѣсной дорожкѣ, подъ колодой голый лежитъ. Дѣвки по грибы, значитъ, ходили, и набрели на голаго человѣка. Дали знать, побѣжали люди; прибѣгли, глядятъ — ажно это Яшка Жаръ-ухо лежитъ, и еще живъ, — дыханіе имѣетъ. Вотъ и отвезли его въ лазаретъ. Мучился, сказывали, больше мѣсяца, а какъ пришелъ въ себя, такъ вотъ что по допросу показалъ. — Ахти,—говоритъ,—согрѣшилъ окаянный! Наслушался я, — говоритъ, — бабы колдуньи и пошелъ, супротивъ ночи на Ивана-Купалу, въ лѣсъ, на островъ, цвѣта-папоротника добывать; и сдѣлалъ все, какъ баба велѣла. На перекресткѣ раздѣлся я до нага, взялъ съ собою платъ бѣлый, двѣ жерди, и, съ *вилочной косточкой* отъ черной кошки, въ зубахъ, пришелъ на кислое болото, къ бездоннымъ окнамъ. Одну жердь положу — перейду по ней, положу другую, а первую-то опять сниму — да съ ней перейду. И такъ шелъ я долго, раза три обрывался по шею въ болото, одначе косточки изъ зубовъ не выронилъ, плата не потерялъ, и на островъ перешелъ. Тамъ я дубъ увидалъ великанской, очертилъ косточкой кругомъ него кругъ и всталъ въ этотъ кругъ, лицомъ къ мѣсяцу, глаза зажмуривши, и съ *вилочной косточкой* въ зубахъ. И стало молчаніе страшное; только слышу, какъ сердце-то у меня ходитъ. И вдругъ, вижу я закрытыми глазами—передо мной, подъ самымъ дубомъ — звѣзда яркая пламенемъ горитъ, на тонкомъ стеблѣ трепещетъ и колышется. И въ тишинѣ слышу нѣжный дѣвическій голосъ: — не тронь меня! — И подошелъ я къ звѣздѣ, накрылъ ее платомъ, сорвалъ,—и повела она меня впередъ; такъ и тянетъ, куда идти слѣдуетъ, словно ведетъ за руку. И привела меня звѣзда, цвѣтъ огненный, къ журчащему ручью; а черезъ него свѣсилась ива

Digitized by Google

нокляпая. И сталъ опускаться цвѣтъ, вмѣстѣ съ рукой, подъ ту иву, подъ самый корень, въ ручей — и вдругъ остановился. И другой рукой ощупалъ я въ водѣ крѣпкую дужку, потянулъ за нее—и вытащилъ котелокъ; гляжу—полонъ онъ чистаго золота! Взялъ я этотъ кладъ многоцѣнный и пошелъ, не оглядываючись, скорѣй изъ острова; а цвѣтокъ огненный опять словно ведетъ меня за руку. И въ это время начались страхи-ужасти неподобные: кругомъ задрожала земля, лютый вепрь-свины преисподняя, со змѣями вмѣсто щетинъ, и съ двумя пламенями замѣстъ клыковъ, летитъ разъяренно; а я иду... У ногъ моихъ онъ разсыпался прахомъ; по лѣсу прошелъ вой и великіе стоны... И опять ничего. И вдругъ, опять летитъ на меня драконъ огненный, змѣй-аспидъ зовомый, шипитъ, свиститъ и кажетъ пламенну пасть; а я иду. Предо мной треснулся онъ о-земь, весь въ искорья разсыпался; по лѣсу пошелъ стонъ и свистъ,— и опять ничего! И вдругъ, таки-опять бѣжитъ на меня гадъ-крокодилъ восьминогой, весь въ чешуѣ, глаза какъ жаръ, пасть широко открыта, и зубы въ ней въ четыре ряда, какъ пилы большущія. Я всетаки иду, и онъ передо мной опять весь разсыпался,—и опять ничего! Такъ прошелъ я всѣ оные великіе страхи—и не дрогнулъ, хоша,—говоритъ,—ни живъ, ни мертвъ, и чуть душа въ тѣлѣ. И вотъ, вышелъ а на тропу-дорожку, и ста шаговъ не оставалось мнѣ до перекрестка, и уже начиналъ по-надъ лѣсомъ брежжать свѣтокъ, и пѣтуху запѣть бы слѣдовало. А ступилъ бы я на перекрестовъ, запѣлъ бы пѣтухъ — и кладъ былъ бы мой... И видитъ чортова сила, что кладъ у нея исхищенъ, и что всѣ страхи оные храбрости моей не одолѣли,— и тогда все затихло, какъ померло! Десяти шаговъ не оставалось до перекрестка,—вдругъ гляжу—катитъ во весь духъ шестерикомъ коляска; деньщикъ на козлахъ; вершникъ кричитъ:— держи лѣвѣй!—а я ни съ мѣста. Вдругъ, коляска стала супротивъ меня, а въ ней сидитъ нашъ полковникъ, и, строго глянувъ на меня, закричалъ грозно: — руки по швамъ, брось котелокъ!—Упустилъ я котелокъ—и все разсыпалось прахомъ: кони, коляска, полковникъ—все словно сквозь-земь провалилось; а по лѣсу раздался свистъ, трескъ, хохотъ, и, кажись, всѣ, всѣ до единаго, черти адскіе завопили:—струсилъ, струсилъ, струсилъ! Солдатъ Яшка Жаръ-ухо струсилъ!—дальше,—говоритъ,—ничего не помню!.. — Вотъ оно какое дѣло случилося; и это вѣрно. А какъ оно вѣрно, — промолвилъ хозяинъ, про то никто и ничего не знаетъ: солдаты ушли, баба померла, а въ боръ, на островъ, и по-нынь день никто ходить и думать не смѣетъ. Вотъ и все.

Digitized by Google

Елизарычъ слушалъ всю исторію, и бровью не сморгнулъ. А лоботрясы — и толковать нечего; ужъ хозяинъ рѣчь покончилъ, а они, рты открывши, все еще въ глаза ему глядѣли.

И вотъ, Елизарычъ опомнился первый и понюхалъ табаку.

— А что ты думаешь,—говоритъ,—вѣдь правда!

— Да и така она правда,—отвѣтилъ мужикъ,—что и думать тутъ нечего!

— Безпремѣнно такъ! Цвѣтъ папоротный добыть очень трудно; а чортъ, бестія, догадливъ, знаетъ чѣмъ спужать солдата,—примолвилъ Елизарычъ и чихнулъ раза четыре, приговаривая:—ахъ, чтобъ-те порвало!—а кого порвало—не сказалъ.

И, надумавшись, самъ началъ новую исторію.

— Да въ нашемъ же полку, — началъ Елизарычъ, — была тоже окказія, лѣтъ семьдесятъ, а можетъ и побольше, тому назадъ. И чудная, признаться, окказія!—противъ ночи не хорошо бы и говорить; а вотъ она, какая окказія была. Былъ, разсказывали люди, у насъ при полку музыкантскій чиновникъ, человѣкъ свое дѣло очень прекрасно знающій, но характеръ имѣлъ грозный. Сердце имѣлъ очень строгое, а съ виду былъ совсѣмъ спокойный человѣкъ. Ну, этакіе-то еще хуже горячихъ. Ужъ если, бывало, онъ кого посадилъ на флейту—такъ свисти, не говори, что губы болятъ, а свисти; а кого посадилъ на трубу — такъ труби! дуй, и не смѣй думать, что духу не хватаетъ,—хоть тресни, а дуй! А не то,—въ рукахъ у него была палочка желѣзная, камертономъ нарочно прозвана;—и, Боже избави, замѣтитъ онъ, что ты свистишь, или дуешь не такъ какъ слѣдуетъ, не по откровенности, а съ задержкой какой-нибудь,—вѣдь иной въ хору, вмѣсто того, чтобы дунуть впередъ, отъ себя, возьметъ да и дунетъ назадъ, къ себѣ,—значитъ, отдохнуть ему хочется;—ну,—думаетъ,—пройдетъ, не замѣтитъ чиновникъ. — А чиновникъ-то былъ таковъ, что чуть дунь не такъ — сейчасъ замѣтитъ. Сорокъ человѣкъ у него разомъ дуютъ, а только одинъ дунулъ не такъ—онъ ужъ и идетъ:—это ты,—говоритъ,—такъ хочешь играть?.. а вотъ я-те поучу! Слушай, какая нота должна выйдти!—да этимъ камертономъ-то по башкѣ—стукъ, стукъ! — Слышишь какая нота?—а камертономъ по башкѣ только—тинь, тинь! Очень тонкая нота.—Нѣтъ, любезный! ты у меня,—говоритъ,—только дуй откровенно, а ужъ скрытая нота сама выйдетъ наружу, и музыку ужъ я самъ устрою; да зато ужъ ты дуй! А не будешь ты дуть, такъ, извини, въ моей палочкѣ на всѣхъ васъ,—говоритъ,—духу довольно!—И подобнымъ обращеніемъ напустилъ чиновникъ на свою музыку страху такого, что

Digitized by Google

онъ, заткнувши себѣ уши на-глухо, могъ видѣть, кто совретъ ноту и не такъ дунетъ; ибо кто только совретъ, такъ сейчасъ-же со страстей поблѣднѣетъ. Ну, чиновникъ и идетъ къ нему съ палочкой:—а-а!—говоритъ,—такъ ты такъ-то!—И былъ, отцы мои благодѣтели, въ хору музыкантскомъ одинъ рекрутикъ, по прозванію Андронъ Пѣвецъ, назначенъ въ музыканты по неспособности ко фронту, не хуже меня грѣшнаго.

Эти слова Елизарычъ сказалъ хозяину, на молодежь-то и не глянулъ; хозяинъ на это только головой покачалъ, а молодцы кашлянули слегка.

— Ну, такъ вотъ-съ, Андронъ Пѣвецъ безталанный поступилъ въ музыканты, и, что называется, ни въ дудочку, ни въ сопѣлочку, — ни свистѣть, ни дуть никакъ не могъ выучиться. Не давалась ему музыка, все единственно, что мнѣ грѣшному фронтъ. А посаженъ онъ былъ на кларнетъ, инструментъ оченно удивительный: беретъ тонко, звонко, и ужъ слишкомъ чувствительно. На немъ соврать — не роди ты меня мать! потому что каждый другой инструментъ еще можетъ соврать средственно: флейта, напримѣръ, совретъ—какъ будто икнула, дѣло неважное; труба вретъ—похоже, какъ будто отрыжка какая-нибудь, или гдѣ-то распоролося маленько, тоже не очень забористо; волторна совретъ — словно кашлянетъ слегка, почти что и не соврано; а кларнетъ совретъ — такъ, шельма, треснетъ... хоть бѣги, непристойно треснетъ! Словомъ, на кларнетѣ соврать — очень нехорошо. А нашъ бѣдный Пѣвецъ что ни дунетъ, то совретъ, бывало; и такъ, повадился Пѣвецъ врать, а чиновникъ повадился по башкѣ ему камертономъ стучать; камертону отъ этого большаго изъяну не было, а у Пѣвца по башкѣ, какъ по еловой шишкѣ, вскорѣ ажно чешуя пошла. Худо дѣло! И потерялъ нашъ Пѣвецъ всякое терпѣніе. Пришелъ онъ разъ на квартиру, съ наколоченной башкой, заплакалъ горько, положилъ кларнетъ свой на полку, плюнулъ на него, взялъ шапку и пошелъ въ лѣсъ. А зачѣмъ шелъ въ лѣсъ, никому о томъ не сказался; а только ходитъ по лѣсу, да все по деревьямъ здоровые сучья соображаетъ, да высматриваетъ. Зачѣмъ ему надобны здоровые сучья — тоже ничего неизвѣстно; но извѣстно, что въ каждомъ лѣсу здоровый сукъ непремѣнно есть. Онъ такой и нашелъ.—Ну,—говоритъ,—теперь прощай, чиновникъ! не будешь ты больше по моей башкѣ стучать своей палочкой! И ты, подлецъ-кларнетъ, прощай; я себя порѣшу!—И вяжетъ Пѣвецъ на суку петлю... Глядь—а передъ нимъ убогій старецъ стоитъ. Пѣвецъ испужался:—что тебѣ,—говоритъ,—надо, ста-

Digitized by Google

рецъ убогій?—а самъ дрожитъ какъ осина, ибо старецъ имѣлъ видъ очень нехорошій, и сзади, изъ подъ лохмотьевъ, торчалъ у него небольшой хвостикъ, на манеръ свинаго, съ закорючиной.—Что тебѣ надо? — спрашиваетъ Андронъ Пѣвецъ.—А то мнѣ надо, что тебѣ не надо,—отвѣтствуетъ старецъ —Я твоему горю,—говоритъ,—пособлю; а ты мнѣ дай росписку и ступай домой, живи и играй, себѣ на славу и міру на удивленіе. А ужъ что будешь ты играть какъ никто—въ томъ мой отвѣтъ!—Ободрился Андронъ Пѣвецъ; подумалъ, глянулъ кругомъ — въ лѣсу такъ хорошо, умирать не хочется. — Изволь, — говоритъ Андронъ,—даю тебѣ росписку; только я не могу росписаться, ибо грамотѣ не знаю.—Не надо,—говоритъ старецъ,—расписываться; а поклонись мнѣ въ ноги одинъ разъ, и перекувырнись съ восходу на закатъ три раза,—вся тутъ и росписка.—А нельзя ли не кляняться въ ноги?—говоритъ Андронъ, ибо былъ хоша и безталаненъ, но гордъ;—а за то я перекувырнусь хошь шесть разъ.

— Нельзя,—говоритъ старецъ;—вся сила въ поклонѣ. Кувыркаться ты будешь для себя, а поклонъ для меня; а въ этомъ дѣлѣ я постарше тебя.—Еще разъ оглянулся по лѣсу Андронъ—никого нѣтъ,—онъ и чубурахъ старцу къ ноги, да поскорѣй три раза, какъ собака, черезъ голову — трахъ, трахъ и трахъ! И стоитъ передъ старцемъ. — Возьми сіе перышко камышиное,—говоритъ ему старецъ, и подалъ ему перышко камышиное, — и всегда держи его при себѣ, за лѣвой пазухой; и какъ только надо играть, приправь его къ кларнету, а казенное перышко спрячь; и, какъ начнется игра, ты только кларнетъ въ зубахъ держи, да пальцами помимо дирочекъ по кларнету какъ-нибудь перебирай, и не дуй, пожалуй,—ужъ музыка сама пойдетъ; а ты не безпокойся ни о чемъ. А коли придетъ твой часъ, такъ не позабудь насъ. А теперь прощай! вотъ гдѣ я! — перекувырнулся старецъ — и нѣтъ ничего. Только поднялась сова, мяукнула кошкой, полетѣла въ гущавникъ, а по лѣсу-то пошло: — го-го-го! да—ги-и!—и все тутъ...

— Пришелъ домой Андронъ Пѣвецъ, задумался, перехворалъ со страстей и рапортовался больнымъ три дня; а потомъ взялъ свой кларнетъ, какъ голландскую селедку, въ два пальца, и пошелъ въ школу. Приходитъ, начинается музыка, командуетъ чиновникъ;—развернуть ноты! номеръ такой-то!—а самъ, скосясь, и свою палочку приподнявши, поглядываетъ на Андрона Пѣвца. А Андронъ потихоньку новое-то перышко возьми и вложи.—Начинай! разъ, два, три... четыре! — и пошелъ такой

Digitized by Google

маршъ, что еще никогда такого и не бывало. Заливается, сударь мой, кларнетъ—что твой соловей курской! то плыветъ, какъ уточка по струйкѣ, то пуститъ трель—ррр-ръ! и опять тоненько-распретоненько и длинно вытянетъ, и опять тюр-люль!.. тюр-люль!—пуститъ жаворонка. Музыканты дуютъ, да только на него покашиваются; а чиновникъ—все забылъ; плаваетъ, сердечный, руками-то, какъ муха въ маслѣ, какъ журавль въ небѣ,—ахъ, молъ, хорошо! очень прекрасно! иди такъ! еще, еще маленько!—Музыка деретъ... Поднялъ чиновникъ надъ головой камертонъ, треснулъ по нотамъ, и—какъ оборвалось... тпру!.. ни гугу! А Пѣвецъ-то перышко скорѣй за лѣвую пазуху. Обтеръ чиновникъ платкомъ лобъ—и прямо къ Пѣвцу; подошелъ, обнялъ его:—ну,—говоритъ,—Андронъ Пѣвецъ, ты первый у меня музыкантъ! Будь ты отнынѣ впредь музыкантской староста, и солистъ на кларнетѣ!—А солистъ въ музыкѣ, ординарецъ по фронту, пригоньщикъ въ сапожничествѣ, это, какъ есть—все единственно. Андронъ молчитъ. Музыканты носы повѣсили, да съ подлобья на него поглядываютъ. А чиновникъ поднялъ глаза къ потолку, руки развелъ и божился родителями, что послѣ того, какъ они его на свѣтъ спородили, въ первый разъ онъ видитъ на свѣтѣ этакой талантъ. Ну, про это мы знаемъ, какой онъ, шельма, талантъ!..

— Нечего и толковать, въ какую славу пошелъ Андронъ Пѣвецъ. Это еще ничего, что самъ чиновникъ всегда поднесетъ ему стаканъ роду, какъ только придетъ къ нему Пѣвецъ. А потребуютъ, бывало, Андрона Пѣвца къ полковнику командиру, да позовутъ прямо въ залу; барынь тамъ соберется—какъ мухъ на сахаръ; да поставятъ Пѣвцу стулъ, да еще спросятъ:—чего вамъ угодно, чаю, или сперва водочки?—И подойдетъ къ нему, къ этой башкѣ-то битой, иная барыня, вся сама какъ сахаръ бѣлая,—глазки словно миндалинки, и губки—маковый листочекъ, перегнется, мошенница, очень пріятно на бочекъ, и тоненькимъ голоскомъ спрашиваетъ:—какъ ваше здоровье, Андронъ Пѣвецъ? А можете ли вы съиграть намъ „матрадуру въ два колѣна, съ хорошимъ финаломъ на концѣ?“—или, — говоритъ, — кадриль „мейнъ либеръ Августенъ, шляфенъ-зи воль?“ — или какую-нибудь другую отмѣнную и пріятную штуку? А онъ, бестія:—все, — говоритъ,—можно-съ; вотъ только высморкаюсь!—Ну, извѣстно, никакая барыня не станетъ смотрѣть, и всякая отворачивается, когда нижній чинъ сморкается; а онъ въ это время перышко-то воткнетъ—и пошелъ откалывать матрадуру въ два колѣна, или шляфенъ-зи воль! Да отдеретъ такъ, что у барынь только глазки закатываются;—ахъ, какъ хорошо! тре-жоли!—говорятъ;—ахъ,

Digitized by Google

какой милый музыкантъ! ахъ, талантъ, ахъ, душка!—Да нельзя ли его, душенька, произвести во что-нибудь?—жалобнымъ голосомъ попроситъ мужа полковница. Полковникъ только плечами пожимаетъ:—больше нельзя, душенька! все сдѣлано по положенію... Его и патруль никогда на гаубтвахту не беретъ,—валяется гдѣ ему угодно!—Ахъ, тиранство!—говоритъ полковница;—ему слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, дать разные штатскіе чины!—Одначе разныхъ штатскихъ чиновъ ему не дали, а вотъ что вышло...

Лѣтъ десять пьянствовалъ Андронъ Пѣвецъ, и при томъ игралъ очень хорошо, даже совсѣмъ пьяный. Извѣстно, что съ такими способами и козелъ игралъ бы очень хорошо, не только ученый музыкантъ. Только разъ пришелъ какъ-то Пѣвецъ изъ музыкантской школы на квартиру свою и, во хмѣлю, что ли, поставилъ на лавку, въ уголъ, свой кларнетъ, а самъ за двери; а перышко-то вынуть и забылъ. Кларнетъ стоитъ и валяетъ какой-то маршъ. Ребятишки увидѣли, рты разинули, закричали и позвали батьку; тотъ кликнулъ женку; а женка послушала, поглядѣла, да за ворота стрѣлой, — а у нея, у самой, горло не хуже кларнета было;—она какъ взвигнетъ на все село:—ахъ, батюшки, черти! отцы мои, черти! съ мѣста не сойдти, дьяволы! родные мои, бѣсы!—Народъ сбѣжался; дали знать по командѣ, въ штабъ. Пріѣзжаетъ полковникъ, со штабомъ и съ барынями, глядятъ,—а кларнетъ стоитъ, уткнувшись перышкомъ въ уголъ, да такъ и закатываетъ матрадуру въ два колѣна съ финальнымъ концомъ и прочія рѣдкости! Гдѣ Андронъ?.. гдѣ Пѣвецъ?—крикъ, шумъ... Кто-то видѣлъ, что онъ безъ шапки побѣжалъ въ лѣсъ. Кинулись туда.—Ау-ау!.. Андронъ Пѣвецъ, ау!—ни-гугу въ отвѣтъ. Искать да искать, глядь — а онъ на суку виситъ себѣ, руки по швамъ. Люди къ нему, подходятъ,—вспорхнула сова, мяукнула кошкой, и пропала въ трущобѣ; а на суку только петля изъ хозяйскихъ постромокъ виситъ. Вотъ и все!..

— Теперь, поди, и разсуждай, какъ кто знаетъ! — примолвилъ Елизарычъ, понюхивая табачекъ. — А я, — говоритъ, — больше ничего не скажу! — и сталъ чихать, приговаривая за каждымъ разомъ:—чтобъ тебя, шельму, порвало!

Ну всѣ слушатели, разумѣется, только:— ахъ, да ахъ! одно слово—музыкантъ; взялъ—да и повѣсился!

Всѣ очень удивились такой оказіи: — это, именно—рѣдкая оказія.

А одинъ изъ лоботрясовъ, подивившись, отозвался вотъ такъ: — у насъ на селѣ былъ тоже музыкантъ, да и теперь,

Digitized by Google

должно быть, живетъ; меня въ рекруты брали, такъ еще жилъ.

— Ну, такъ чтожъ, что музыкантъ? — промолвилъ Елизарычъ.—Этотъ, Пѣвецъ вишь ты, какой, одно слово — талантъ! Такъ его самъ чиновникъ прозвалъ, и господа подтвердили. А твой какой же музыкантъ? небось, лыковой! Во что онъ играетъ?

— Въ скрипку,—отвѣтилъ лоботрясъ.

— Ну, такъ что-жъ, что въ скрипку? мало-ли кто играетъ въ скрипку? Другой только морду-то на-бокъ держитъ, какъ настоящій скрипачъ, а самъ, болванъ, зудитъ, какъ шерстобой на своей струнѣ,—а тоже... числится скрипачемъ.

— Нѣтъ, этотъ хорошо играетъ,—продолжалъ лоботрясъ;— да это бы еще ничего, а главное—у него правой ноги нѣтъ.

— Ну, такъ что-жъ, что ноги нѣтъ? стало-быть костыль есть?

— И костыля нѣтъ, Елизаръ Елизарычъ; а есть нога-деревяшка, съ желѣзнымъ набалдашникомъ. Да и это бы ничего; а вся суть въ томъ, какъ нога то порѣшилась у него, вотъ что.

— Ну, а какъ?—спросилъ Елизарычъ.

— А вотъ какъ, — и лоботрясъ началъ исторію о хромомъ скрипачѣ.

— Былъ у насъ, на селѣ, парнишко, Ерема Зудила звался, корявый, косный, немудрый, совсѣмъ почти дуракъ, и ни къ какому дѣлу негожъ. Пасъ онъ свиней: да свинопасъ изъ него вышелъ плохой,—уснетъ въ горохѣ, а свиньи этотъ же горохъ и растаскаютъ. Ну, потомъ Ерему за то потаскаютъ люди; да мало-ль что... на завтра опять гдѣ-нибудь потрава. А подъ конецъ таки влѣзъ, и со свиньями, къ попадьѣ въ бобы. Тутъ увидѣли люди, что ничего съ него не будетъ, — парень оченно глупъ,—и велѣли ему отъ должности идти прочь, находиться не причемъ, и быть на селѣ дуракомъ. Вышелъ Ерема изъ свинопасовъ въ отставку и сталъ совсѣмъ дуракъ; куда ни сунется—вездѣ ему въ лобъ щелчокъ,—ступай дальше, говорятъ. И дошелъ онъ до того, что не токма ребятишки стали наругиваться ему, а и собаченки-то проходу не давали. А прибиться не къ кому; круглый сирота былъ, неизвѣстныхъ родителей. И вотъ, не хуже того, какъ и вашъ, сударь, Андронъ Пѣвецъ, — лоботрясъ при этомъ адресовался къ Елизарычу, а Елизарычъ кивнулъ головой и сказалъ:—хорошо!—не хуже того—и нашъ Ерема пошелъ передъ ночью въ лѣсъ, сталъ супротивъ дубоваго пня и началъ слезно плакаться на свою недолю:—да и что мнѣ горькому распочать съ собой? какъ на свѣтѣ быть?.. да хоть бы пособилъ кой чортъ!..—глядь — а передъ нимъ стоитъ, не хуже вашего,

Digitized by Google

съ хвостикомъ, древній старецъ.—А что ты, дѣтинушка, горько плачешься?—вопрошаетъ старецъ Ерему. Ерема ему въ отвѣтъ:—и какъ же мнѣ горько не плакаться, коли житья мнѣ на свѣтѣ никакого нѣтъ, ибо я совсѣмъ безталанный дуракъ!—А какого же талану ты, дуракъ-дѣтинушка, себѣ желаешь?—вопрошаетъ древній старецъ. — А по мнѣ, — говоритъ Ерема,—все равно; хоть бы дрянненькой, да только бы таланъ.—Ну, хорошо, я тебѣ дамъ таланъ хорошій, только ты мнѣ за то службишку сослужи.—Да я,—говоритъ Ерема,—какъ есть ничего не умѣю. Коли у тебя свиньи есть, такъ лучше пусти ихъ по волѣ ходить, нежели за моимъ досмотромъ,—я вѣдь совсѣмъ дуракъ, никакой службы служить не могу,—всего пробовалъ!—Старецъ покачалъ головой:—правда, что дуракъ. Одначе есть и дуракамъ служба, только возьмись.—Берусь,—говоритъ Ерема; — давай таланъ!—На!—говоритъ древній старецъ—и даетъ ему двѣ щепки. — Да что мнѣ въ нихъ? — спрашиваетъ Ерема.—Играй, — говоритъ древній старецъ,—ибо сіе скрипка и смычокъ.—Ой-ли? не можетъ быть!—Одначе, взялъ дуракъ щепку, которая побольше да потолще, управилъ ее подъ-бороду, голову склонилъ на-бокъ, ногу выставилъ, ухо навострилъ, а другой-то, тоненькой щепкой, словно смычкомъ—какъ хватитъ! Ахъ, въ ротъ тѣ ноги! только гулъ пошелъ по лѣсу, да маковки сосенъ въ бору заколыхалися; а онъ такъ и рѣжетъ:—„ты, такой-сякой комаринскій мужикъ! Ахъ, вы, радости, веселости мои!“—Все заслушалось: и дрозды, и малиновки, и жабы, и всякая каракатица, только головки набочекъ, и прислушиваются. А дуракъ играетъ—ай-ай, какъ хорошо!—Полно!—скомандовалъ древній старецъ,—видно, что ты дуракъ, ибо дѣлу конца не знаешь. Теперь сослужи мнѣ службишку маленькую.—А какую?—спрашиваетъ дуракъ.— А вотъ какую, — старецъ повернулся спиной къ Еремѣ, принагнулся маленько;—ну, теперь,—говоритъ, — разбѣгись что есть духу и дай мнѣ пинка колѣномъ въ непоказанное мѣсто. Да, гляди, изо всей дурацкой силы дай.—Ладно!—говоритъ дуракъ,—такъ дамъ, что больше не захочется тебѣ!—А самъ отошелъ, разбѣжался что есть духу, да колѣномъ-то—трахъ!.. Нога пополамъ, дуракъ съ ногъ долой; а передъ нимъ стоитъ дубовой пень,—никакого старца древняго и не видать кругомъ!

— Ахъ, чтобъ тебѣ треснуть на двое!—вскрикнулъ Елизарычъ.—Ну, и больше ничего?

— Больше ничего. Нога, точно, треснула на-двое. Провалялся съ ней Ерема мѣсяца три, пока какой-то добрый человѣкъ, изъ знающихъ, отпилилъ ему сломанную ногу и приста-

Digitized by Google

вилъ деревяшку. А зато теперь онъ и вотъ какой музыкантъ! Свадьба-ли гдѣ, праздникъ, хресьбины, пьянство — ужъ Ерема тамъ; безъ него и пиво не варится. А въ кабакѣ онъ первый человѣкъ; цѣловальникъ такъ въ глаза ему и смотритъ: — что прикажите, молъ?

— Вишь ты, что она, нечистая сила, творитъ!— промолвилъ хозяинъ, и всѣ опять дивились немало.

А другой лоботрясъ, на соломѣ сидя, тоже захотѣлъ отозваться:— нечистая сила,—говоритъ,—все можетъ, только не сама по себѣ, а надо ей заклятья человѣческаго; а безъ того она — ничево.

— А что ты думаешь? — проговорилъ Елизарычъ; — вѣдь даромъ что лоботрясъ, а сказалъ правду.

— У насъ, у самихъ, на нашемъ-же селѣ, — а наше село съ версту отъ жидовскаго мѣстечка Шматкова,—у насъ очень нехорошее дѣло было,—прибавилъ тотъ-же лоботрясъ.

— А ну, говори, какое?

И лоботрясъ началъ про нехорошее дѣло.

— Есть у насъ мужикъ, Тимоха Жихарь прозывается, еще мнѣ роднымъ дядей приходится, а баба его — моя родная тетка выходитъ...

— А дѣти ихнія—небось, тебѣ братья? — подхватилъ Елизарычъ.

— Отгадали, дядюшка,—отвѣтилъ, улыбаючись, лоботрясъ и продолжалъ про нехорошее дѣло.

... — И Тимоха Жихарь, то есть дядя мой родный, отродясь вина не потребляетъ, не знаетъ какой въ немъ скусъ. А самъ—ахти богатъ, да зато-же и скупъ! Богатъ онъ такъ, что въ коморѣ стоитъ у него бодня, карбованцами насыпана,—четверика три будетъ;—а скупъ такъ, что у него въ кожухъ пошло четыре барана, а пятая собака вшита; изъ барановъ-то кожухъ не вышелъ, а у сосѣда собака пропала, волчины объѣвшися,— дядя-то шкуру съ нея содралъ, самъ выправилъ, да такъ и носитъ кожухъ собачій. На селѣ, признаться, такъ и зовутъ его—*собачій кожухъ*. А псы, какъ послышутъ его — такъ и заливаются.

— Хорошая кличка!—замѣтилъ Елизарычъ.

— А кожухъ-то здоровый,— промолвилъ лоботрясъ, и опять свое продолжалъ.

... — А въ мѣстечкѣ Шматковѣ жидокъ Іосель корчму держитъ; жидокъ очень важный, и корчма со столами, и жиденятъ въ корчмѣ, что таракановъ за печькой—ажъ кишатъ! И ходила

Digitized by Google

къ Іоселю въ корчму за баранками, а больше за тѣмъ, чтобъ выпить, лекарка,—за мѣстечкомъ живетъ такая,—она же, люди баютъ, и чаровница,—все можетъ сдѣлать: высушить человѣка, прилучить, отлучить, паука въ сердце всадить, и тоску напустить — все дѣлаетъ! И вотъ, одного разу, сталъ плакаться и бѣдовать передъ ней самъ Іосель, что дѣла плохо идутъ:—вей миръ! бѣда, — говоритъ, — очень, молъ, худо: люди мало водки пьютъ, торговля стоитъ; а ребятъ у меня,—говоритъ, — что въ оврагѣ мухоморовъ, и опять женка *грубо ходитъ*; бѣда!—Знахарка на это смолчала, а только сказала: — а брешете, пане Іосель, — вси люди кругомъ добре пьютъ; брешете вы, якъ собака!—Іосель на то не разсердился, а только всталъ, поправилъ ермолку, заложилъ большіе пальцы за кушакъ, и вытянулъ шею,—ну, добре!—говоритъ,—зобачемъ кто брешетъ! поглядимъде кто вретъ! а Мацько Жихарь пье? а? Кто теперь брешетъ, а?—Знахарка застыдилася. А Іосель—хитрый бестія: — ничего, зробте вы мнѣ,—говоритъ,—чтобы Мацько водку пилъ, такъ я вамъ за тое двѣ кварты водки подарую! — А четыре?—сказала знахарка.—Нехай—три,—отвѣтилъ Іосель.—А вси четыре?—строго спросила старуха.—А нехай и цатыре! — проворно сказалъ жидъ, и ударили по рукамъ; продана душа! И приказала знахарка Іоселю къ будущей пятницѣ безпремѣнно достать волосокъ изъ бороды Мацько Жихаря,—больше ничего.—Только,—говоритъ,—достань, такъ зроблю, что Мацько тутъ, у бочки, и умирать будетъ.—Ой, ка-бъ вы мнѣ тое зробили, еще бы кварту соли вамъ даровалъ!—сказалъ Іосель. Назавтра, какъ прибѣжала въ корчму за перцемъ Параска, Мацькова работница, такъ Хоня, женка Іоселя, пошла съ ней въ комору, затворила за собой дверь, налила ей стаканчикъ вишняку сладкаго, подарила запонку оловянную съ позолотой и уговорила дѣвку принести непремѣнно волосокъ изъ Мацьковой бороды. — Добре, Хоня, принесу завтра! — сказала Параска и побѣжала домой. Одначе, ночью взяло ее раздумье: догадалась дѣвка, что бѣда будетъ. А у моего дяди, Мацьки Жихаря, борода рыжая; а на горѣ, на чердакѣ значитъ, ужъ два мѣсяца какъ висѣла шкура съ рыжей коровы, что на весну пала у Мацьки. Параска возьми, да и вырви изъ хвоста волосокъ, и принесла Хонькѣ. Хоня опять вишняку стаканчикъ, да еще колечко цыбулей вызолоченное, съ краснымъ камнемъ стекляннымъ, на фольгѣ посередкѣ. Добре! Въ пятницу видѣли люди, что знахарка была въ корчмѣ что-то долго варила въ печуркѣ и все приплевывала. Назавтра, въ самый шабашъ, вечеромъ, засвѣтилъ жидъ всѣ свои шандалы,

Digitized by Google

подъ потолкомъ и на стѣнахъ, и на каждое окно прилѣпилъ по двѣ сальныя свѣчки-грошевки, надѣлъ свою полосатую ризу—лапсердакъ съ цицлями и абеканфесъ—привязалъ ремнемъ на лобъ и на лѣвую руку по ящичку черному, засѣлъ за столъ, за большую книгу, усадилъ всѣхъ ребятишекъ тоже, за книжки поменьше—и давай пѣть на всякіе тоны! Поютъ жиды съ жиденятами такъ, что хохолъ, на возу лежа, на волахъ мимо ѣдучи, только глянулъ и сказалъ про себя:—да вже-жъ взчалась брехня!—и проѣхалъ мимо. Но хохолъ совралъ, ибо смѣяться надъ этимъ грѣхъ... Жиды поютъ. А на самомъ важномъ мѣстѣ пѣсни—грымъ-стукъ!—двери настежъ; лѣзетъ въ корчму коровья шкура рыжая—и прямо къ столу.—Ой, гвалтъ! Швартъ-юръ!—а она лѣзетъ!..

Въ эту самую минуту, въ самомъ дѣлѣ, раздался въ избѣ—грымъ-стукъ!—всѣ вздрогнули:—съ нами сила крестная!—а съ полатей лѣзетъ унтеръ-офицеръ Кашинъ, да спросонья пустую квашню съ припечки опрокинулъ.

— Ахъ, вы, грѣховодники, чтобъ вамъ пусто было!—строго молвилъ Кашинъ;—слушалъ я, слушалъ, да и терпѣнья не стало. Вмѣсто того, чтобъ дрыхать, вишь, что плетутъ! Ну, пусть ужъ молодежь глупая, это еще туда-сюда,—а тебѣ-то, старый хрѣнъ, не стыдно-ли? А еще сапожникъ! Да и хозяинъ тоже, бородой-то по уши обложился, а самъ вретъ какъ баба простоволосая!

— Что-жъ, сударь,—отвѣтилъ Елизарычъ,—поговорили маленько; а, впрочемъ, вранья тутъ я не вижу никакого; все дѣла бывалыя.

— И не совѣстно тебѣ, охлоботинѣ старой, вѣрить такимъ баснямъ?

— Какія-жъ басни? Что бѣсы чудятъ на свѣтѣ, про то, сударь, каждый малый ребенокъ знаетъ.

— Развѣ что ребенокъ, да еще глупый; а разумный—такъ надъ тобой-же посмѣется.

— Ну, нѣтъ, сударь, этакъ говорить нельзя!

И Елизарычъ началъ доказывать, что бѣсы, лѣшіе, водяные, домовые, и прочая преисподняя шваль, въ самомъ дѣлѣ чудятъ на свѣтѣ, и что еще не было на всемъ свѣтѣ такого человѣка,—кромѣ нѣкоторыхъ дурачковъ и юродствующихъ,—который бы перечудилъ чорта, или не вѣрилъ въ него.

Кашинъ остановилъ Елизарыча:—постой, не горячись, я тебѣ докажу дѣло просто.

— Доказывайте!—воскликнулъ сапожникъ;—пусть дѣло су-

Digitized by Google

противъ ночи—нужды нѣтъ, ничего не боюсь... Я про чортаничего обиднаго не скажу.

— Ладно!—молвилъ унтеръ;—ну, теперь скажите, кто-нибудь изъ всѣхъ разсказчиковъ-то, видѣлъ-ли кто изъ васъ самолично чорта, или лѣшаго, или старца древняго съ хвостикомъ, или какого угодно другаго бѣса?

Всѣ переглянулись между собой, а Елизарычъ подхватилъ:—ну, такъ что-жъ что никто не видалъ? а дѣла-то ихнія видѣли, вотъ что!

— Погоди, врешь,—сказалъ Кашинъ;—какія дѣла, говори!

— Мало-ли какія! Ну, вотъ, хозяинъ разсказывалъ про Солдата-Яшку, ну—Андронъ Пѣвецъ, Ерема Зудила, коровья шкура,—мало вамъ, что-ли?—вопилъ Елизарычъ.

— Ладно,—сказалъ унтеръ;—теперь, гляди, я сдѣлаю допросъ по порядку.

И началъ унтеръ допросъ по порядку съ перваго, съ хозяина:—говори, видѣлъ ты солдата-Яшку? да говори правду!

— Видѣлъ, глаза лопни, коли не видѣлъ; вотъ—какъ васъ вижу, видѣлъ его!—божился хозяинъ.

— А что?—пришепнулъ Елизарычъ.

Но унтеръ продолжалъ свой допросъ:—и онъ тебѣ разсказывалъ про свой походъ на островъ за папоротникомъ?

— Разсказывалъ!..

— А что?—опять шепнулъ Елизарычъ.

А хозяинъ продолжалъ:— и таки разсказывалъ—отъ соцкаго, говоритъ, слышалъ.

— А соцкой отъ десяцкаго, что-ли?

— А кто ихъ вѣдаетъ,—можетъ и отъ самого старшины.

— Ну, вотъ тебѣ и вранье!—сказалъ Кашинъ Елизарычу:—Яшка-то запивалъ,—ну, видно, напился до чертей, заблудилъ, да въ горячкѣ ему и привидѣлось все, что бабы наплели.

— Да этакъ-то, пожалуй!—завопилъ Елизарычъ, махнувъ рукой съ тавлинкой кверху, — этакъ все можно разсудить! Ну, чортъ съ нимъ, съ Яшкой, положимъ; а Пѣвецъ по вашему, какъ выходитъ?

— А ты видѣлъ Пѣвца-то?

— Какъ-же его прикажете видѣть, коли ужъ семьдесятъ лѣтъ, какъ онъ повѣсился?

— Ну, такъ ужъ лучше про твоего Пѣвца совсѣмъ, братъ, молчи, повѣсь, поди, опорокъ на осину, да соври что-нибудь людямъ,—повѣрь, братъ, что пойдутъ разсказы: сосѣдъ-сосѣду,

Digitized by Google

сватъ деверю, свекоръ кумѣ, и черезъ семьдесятъ лѣтъ непремѣнно ты будешь у нихъ самъ висѣть, да еще за ноги!

— Тфу!.. противъ ночи, что вы это!.. Одначе, позвольте! — опять таки вопитъ Елизарычъ,—а Зудила? Ну-ка, что вы скажете объ Зудилѣ?

— Да все то-же, братецъ, — отвѣчалъ Кашинъ. — А ну, ты, лоботрясъ, говори, видѣлъ ты, какъ Зудила ногу себѣ вышибъ?

— Никакъ нѣтъ-съ,—отвѣтилъ лоботрясъ,—не могимъ сказать, что видѣлъ; а ужъ ноги нѣтъ, играетъ отмѣнно—это вѣрно знаю!

— Еще бы не играть!—молвилъ Кашинъ;—онъ-же и прежде учился, скрипку-же имѣлъ?

— Скрипку-то, надо правду сказать, я у него и прежде видѣлъ. Онъ-то все таился, а наши парни про эфто узнали.

— Эхъ, ты, фефела-язычникъ!—сказалъ ему на то унтеръ;— а вѣдь, поди-же, какъ складно вралъ, даромъ, что еще и губа не поросла!

— Да вѣдь, сударь, люди говорятъ! Ну, другіе, конечно, и не то сказывали; была она, поголоска, что Ерема-то съ липы рой пчелиный снималъ, да оборвался и переломилъ ногу. Ну, да кто-жъ ихъ знаетъ!

— Вотъ вамъ вся и чертовщина!—примолвилъ Кашинъ.—А ужъ объ шкурѣ нечего и спрашивать;—это ты, братъ, совралъ для компаніи? лучше признавайся прямо,—при этихъ словахъ унтеръ взглянулъ на племяша Мацькова.

— Никакъ нѣтъ-съ,—отвѣчалъ племяшъ,—я не то чтобы совралъ, а шкуру-то, въ самомъ дѣлѣ, въ судъ взяли; становой, то есть, увезъ ее. Былъ у насъ падежъ на скотину, а дядька-то, по скупости, падаль въ землю не зарылъ, а сперва шкуру снялъ; а жидъ Іосель на него былъ сердитъ—за то что онъ водки не пьетъ—и донесъ въ полицію. Ну, потомъ пріѣхалъ становой, остановился у Іоселя; шкуру туда, значитъ, къ Іоселю, и потащили. Вотъ оно дѣло-то и вышло.

Елизарычъ слушалъ и началъ конфузиться

— Что-жъ ты, дурное полѣно, врешь и на право и на лѣво?—крикнулъ онъ Мацькову племяннику.

А тотъ отвѣчалъ очень тихо:—чего врать-то, дядюшка?—коли пошло на разсказы, такъ вотъ, и я разсказалъ.

— Одначе, позвольте, сударь!—опять-таки завопилъ Елизарычъ,—пусть все это и вранье будетъ; ну, пусть они все совра-

Digitized by Google

ли,—ужъ такой народъ скверноязычный,—хорошо-съ... А почему, позвольте васъ спросить,—и Елизарычъ подперся руками въ бока,—почему мнѣ самому чортъ языкъ высунулъ, когда я думалъ, что это унтеръ-офицеръ, а не чортъ; а оказалося, что это не унтеръ-офицеръ, а чортъ,—ась?

Елизарычъ объявилъ этотъ вопросъ такъ важно, и такую судейскую морду скорчилъ при этомъ, что не только Кашинъ, а и молодежь-то, глядя на него, порскнула со смѣха. Но этимъ-то дѣло и попортили, ибо Елизарычъ сейчасъ же пересталъ конфузиться и очень разсердился; онъ больше ничего не хотѣлъ слушать, швырялъ свои колодки, шилья, и даже тавлинку, опять поднималъ ихъ, и опять швырялъ, и кричалъ, что:—кому-кому, а какому-нибудь лоботрясу за такіе смѣшки, пожалуй, можно-бы кой-куда и заѣхать!—при этомъ Елизарычъ заѣхалъ, примѣрно, тавлинкой себя же въ салазки.

— И очень можно!—кричалъ онъ,—ибо подобнымъ дуракамъ еще оченно далеко до нашивки, и, слѣдовательно,—вопилъ онъ,—если другой мякинникъ принесетъ мнѣ кривой сапогъ, такъ вѣдь можно мякинника-то кривымъ сапогомъ въ лобъ! вотъ что-съ! Хорошо, что на меня напали,—продолжалъ онъ вопить,—а не на другаго; я никогда ничего такого сдѣлать не могу, ибо я человѣкъ смирный; а будь это не я, а другой—что-бы тогда было, ась?

И тутъ ужъ, кажись, ничѣмъ нельзя было его урезонить; даромъ что смирный человѣкъ, а разшумѣлся на всю избу.

— Не можетъ быть,—кричалъ онъ,—чтобы унтеръ-офицеръ высунулъ мнѣ языкъ! Знать ничего не хочу, и слушать не буду! Ни одинъ унтеръ мнѣ этого не сдѣлаетъ!

— А вотъ тебѣ, коли на то пошло!—и Кашинъ высунулъ ему языкъ.

Разумѣется, всѣ опять фыркнули; а Елизарычъ совсѣмъ ошалѣлъ, и ужъ тутъ совсѣмъ сконфузился; онъ замолчалъ, обернулся къ окну и началъ всматриваться въ стекло, за которымъ чернѣла, какъ котелъ, темная ночь. Въ стеклѣ, какъ въ зеркалѣ, увидѣлъ онъ свою собственную фигуру и сконфузился еще пуще.

Тогда Кашинъ дружески взялъ его за плечо, посадилъ на лавку, самъ сѣлъ подлѣ него и началъ очень тихую рѣчь.

— Эхъ, братъ, Елизарычъ, напрасно ты сердишься! И лучше послушай стараго камрата: сами мы немудры, а все-же таки прочтешь иной разъ кой-какую книженку; а въ книгѣ смысла побольше будетъ, чѣмъ въ нашихъ съ тобой головахъ. Человѣкъ ты не

Digitized by Google

молодой, не глупый, да еще и мастеръ; а видишь, какую глупость рѣзонулъ—чортъ ему языкъ высунулъ!

— Да коли оно такъ было!—воскликнулъ Елизарычъ.

— А такъ оно было, какъ и теперь,—такой же самый чортъ тебѣ языкъ высунулъ и тогда, какъ теперь,—отвѣтилъ Кашинъ.

— Ну, чортъ съ нимъ!—перебилъ его сапожникъ;—лучше разсказывайте, что въ книжкахъ-то пишется про лѣшихъ, да чертовщину, и про всякое волшебство. Ну-кось, какъ оно по вашему-то выходитъ?

— А вотъ, какъ оно выходитъ... Разскажу, что знаю, сполна; только, чуръ, слушать со вниманіемъ и съ понятіемъ, чтобы опять не мерещились вамъ домовые, лѣшіе и разные черти долгоязыкіе!

И Кашинъ началъ такую рѣчь.

— Кто живетъ на свѣтѣ честно, промышляетъ не хитростью, а трудомъ, надѣется на Бога, да на себя, начинаетъ и кончаетъ день молитвою—у того въ головѣ и въ сердцѣ спокойно, чисто; никакіе дьяволы не являются ему, и не повѣритъ онъ никакимъ волшебствамъ и блудящей чертовщинѣ. А если, грѣшнымъ дѣломъ, пригрезится ему что-нибудь нехорошее, страшное такое, чего онъ и понять не можетъ,—перекрестясь, сотворитъ молитву,—и опять спокоенъ;—сильнѣе Бога силы нѣтъ. А тотъ, кто ведетъ жизнь праздную, кто на хитрость и лукавство свое полагается, а трудъ и работа ему не по зубамъ, кто спитъ и думаетъ, какъ бы тамъ надуть, тутъ смаклачить, кто ужъ пошелъ по бездѣльной дорогѣ—тому на каждомъ шагу, какъ бревно подъ ноги, помѣха и неудача. Дѣла-то у него все темныя, часто не клеятся и не ладятся; передъ людьми сознаться ему нельзя, а оправдаться надо;—вотъ, онъ и валитъ всякую неудачу свою на нечистую силу. Бродилъ гдѣ-нибудь ночь, да добычи высматривалъ,—гдѣ былъ?—спрашиваютъ его;—лѣшій,—говоритъ,—водилъ меня!—А укралъ, попался, вздули,—чортъ дернулъ,—говоритъ. Пропьянствовалъ до зари, да всталъ по утру съ измятой образиной,—домовой,—говоритъ,—душилъ; а разбился,—бѣсъ на бѣду нанесъ!—Ну, другой дуракъ въ похожденіяхъ такихъ и ногу сломаетъ, не хуже скрипача Зудилы;—какъ тутъ признаться? Дай лучше совру про древняго старца съ хвостикомъ; все какъ-то передъ людьми не такъ совѣстно! Ну, и все прочее на этотъ-же ладъ выходитъ. Да и самъ-то человѣкъ, замышляя худое дѣло, ходитъ всегда подъ страхомъ; самому ему всегда мерещится, что вотъ-вотъ откроется его замыселъ,—и, какъ пуганая ворона куста, такъ и онъ боится всякаго шороха, и даже тѣни своей. Съ этого и начинается разная чертовщина въ че-

Digitized by Google

ловѣкѣ. А къ тому-же есть еще и разное непотребное старье, изволочившееся смолоду, никакому ремеслу не выучившееся, ни въ какой работѣ не привычное. Старье это:—знахари, знахарки, чаровницы, колдуньи, и прочая врущая и надувающая шваль; привыкла она къ одному промыслу—людской глупостію промышлять; съ этого имъ хлѣбъ. Поселится такая корга въ деревнѣ, гдѣ-нибудь на яру, поотдаль отъ добрыхъ людей, обзаведется кошками да тараканами, обставится да обвѣситъ углы лачуги своей зельемъ разнымъ, мухоморами сухими да всякой дрянью, надымитъ да начадитъ въ избѣ—и сидитъ, какъ въ облакахъ;—все,—говоритъ,—вижу, все знаю! все, что хочу, сдѣлаю!.. и приворочу, и отворочу, и въ щепку высушу, и на вѣкъ страдать пущу человѣка оборотнемъ!—А темные, безграмотные люди и вѣрятъ. Да чуть болѣзнь приключилась, или бѣда какая стряхнулась, или захотѣлось другому пустому человѣку чего-нибудь незаконнаго—онъ и лѣзетъ къ вѣдьмѣ старой:—помоги!—А ей и пожива; нашепчетъ, навретъ, дастъ больному зелья какого-нибудь проноснаго; выздоровѣлъ—всѣ бабы въ набатъ пріударятъ:—да ужъ она такая—все можетъ!—А померъ,—да ужъ онъ такой,— говорятъ,—никто бы не помогъ ему!—Ну, тоже самое и воровство откроетъ, пожалуй, коли сама съ ворами въ долѣ была, да воры-то при дѣлежкѣ обсчитали ее; ну, и дѣвку приворотитъ, коли дѣвка только и ждетъ, какъ-бы приворотиться ей; ну, и свадьбу испортитъ, коли всѣ пьянѣе ея на свадьбѣ. Словомъ—сдѣлаетъ всякую пакость, которая безъ нея можетъ быть и разошлася бы какъ-нибудь, и не сдѣлалась бы. Все это называется суевѣріемъ, и больше ничего не означаетъ, какъ мошенничество праздныхъ и хитрыхъ пройдохъ, и великую глупость темныхъ и безграмотныхъ людей. Эти-то, темные и безграмотные люди, по большей части люди рабочіе, добрые, сами же и распускаютъ по свѣту славу о своихъ злодѣяхъ, колдунахъ да знахаряхо, поятъ, кормятъ, да еще боятся и славятъ ихъ. А главные запѣвалы на всякую чушь и сплетни—это бабы. Что-нибудь совсѣмъ глупое, пустое, да только диковинное, услышитъ баба—и пошла звонить; такъ и свербитъ у нея языкъ, поскорѣй кумѣ разсказать хочется, и съ прибавочкой отъ себя, пожалуй; а кума—сватьюшкѣ, да и свое словцо прикинетъ; а та—золовкѣ, да навретъ такъ ловко, что изъ пустяковины выростетъ диковина, страсти-ужасти! Деревня-то иногда большая, длинная, сто хатъ; а въ хатахъ—сто бабъ; а у бабъ—сто словъ, и все одно другаго глупѣе. Глядишь, на одномъ концѣ села потерялъ солдатъ шило, а на другомъ ужъ копья ищутъ; тутъ нашелъ мужикъ

Digitized by Google

грошъ,—тамъ божатся, что котелъ съ золотомъ выкопалъ. Ну, а чтожъ, коли такимъ кумушкамъ попадетъ на язычокъ какая-нибудь чертовщина? Пойдетъ вранье, что твоя музыка!... Суевѣріе, какъ и всякая вредная глупость, запрещено закономъ; и у насъ-же, въ артикулахъ, есть о томъ пунктикъ. Но, извѣстное дѣло, ни артикулъ не поможетъ, ни начальство не углядитъ за всякой мерзостью,—страхомъ ее не выведешь. А выведется и сгинетъ она современемъ сама собой; грамотность, ученье, познаніе откроютъ людямъ глаза, и тогда всѣ ваши Яшки, Пѣвцы и Зудилы окажутся чистыми мошенниками, или шутами и плутишками; а вы, господа—не во гнѣвъ вашей милости—колпаками! Не про васъ будь сказано, Елизаръ Елизарычъ и хозяинъ почтенный, а вотъ про этихъ лоботрясовъ. Ты, Елизарычъ, старый солдатъ, и притомъ сапожникъ, а это земледѣлъ, и притомъ хозяинъ дома,—у васъ есть столько заслуги и разума, что одна глупость не въ счетъ; а вы, ребята, молодежь, не оказались еще ничѣмъ,—ну, такъ, по крайности, дурачками-то сразу не сказывайтесь, да не повторяйте бредней бабьихъ! Ну-съ, теперь отбой! По мѣстамъ, на-бокъ! Ужъ и до сбора не далеко.

Кашинъ кончилъ рѣчь и полѣзъ на полати. Елизаръ Елизарычъ переглянулся съ хозяиномъ. Оба крякнули и пожелали унтеру спокойной ночи и пріятнаго сна. Хозяинъ ушелъ; Елизарычъ началъ укладывать свой инструментъ; а прочіе улеглись.

— Экое, подумаешь, мошенничество на бѣломъ свѣтѣ, да и простота-же ахти слѣпая!—ворчалъ про себя Елизарычъ.—А что, сударь, хочу я вамъ сказать,—молвилъ онъ, задравши голову на полати;—самъ я хоть грамотѣ и не знаю, а послушалъ бы, какъ на этотъ счетъ въ книжкахъ пишется.

— А вотъ, придемъ на квартиры, заходи ко мнѣ,—пожалуй, прочту тебѣ.

— А развѣ у васъ есть объ этомъ книжка?

— Есть маленькая, подъ заглавіемъ—„Чертовщина“.

— Вишь какое заглавіе! Ну, такъ спокойной вамъ ночи!

И кавалеры захрапѣли.

А на дворѣ бушуетъ погода.

Вѣтеръ то свиститъ, то взвоетъ, то вдругъ шарахнется, какъ звѣрь испуганный; и въ трубѣ дикими голосами визжатъ, какъ будто, вѣдьмы. Всѣ спятъ.

Полежалъ, полежалъ Елизарычъ, да и сѣлъ въ темнотѣ. Понюхалъ табаку, прислушался,—ничего, поглядѣлъ въ потьму,—тоже ничего; а только, какъ будто-бы, то круги, то дырья, то опять чуть видимые свѣтики блѣдные въ бездонной потьмѣ ко-

Digitized by Google

лышутся... И показалось ему, чуть-чуть кто-то съ потьмы высунулъ ему языкъ...

— Врешь ты,—подумалъ Елизарычъ,—вѣдь тебя, подлеца, и на свѣтѣ нѣтъ!

А самъ поскорѣе залегъ, закутавшись въ шинель, и съ головой. Но, надо полагать, что въ самомъ дѣлѣ тамъ ничего не было.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПУТЕШЕСТВІЕ НА ЛУНУ

ИЗЪ КОРЧМЫ, ПО ПУТИ ДОМОЙ.

Разсказъ Кирила Курилыча всѣмъ, у кого душа мѣра.

Врать противъ ночи, добрые люди, я не стану; такъ-ли все это было, какъ осталось оно у меня въ памяти, или все это примерещилось мнѣ — хоть убей, не знаю! По настоящему, по крещеному, этого ничего не могло быть, ибо дѣло это совсѣмъ невозможное, не только человѣку, но даже и птицѣ. Однако-же, руки у меня порѣзаны, бока отбиты; и вчера мальчишки нашли и представили сотскому; а сотской отнесъ становому, именно такую казенную мѣдную штуку, которая какъ разъ похожа на отбитый рожокъ луны, на кончикъ свѣтлаго мѣсяца; и нашли именно около моей хаты.

И теперь еще по всей деревнѣ ребятишки и старыя бабы болтаютъ, что нашли отбитый и застывшій кусокъ молодика, то есть новаго мѣсяца, и повезли его въ станъ. Дѣло это, какъ сами видите, совсѣмъ глупое. А только я, человѣкъ простой, врать не люблю, покаюсь передъ вами и разскажу всю истину. Вотъ какъ это было

Сидимъ мы это въ „Растеряевомъ“ кабакѣ: — Анисимъ съ „Бору“, Кузьма со „Мховъ“, Данило съ „Гнилокъ“ и Семенъ съ бабой—„Перепертинскіе“. Ну, ничего, сидимъ, испиваемъ; *дешевка* такъ изъ посуды въ животъ и просится, словно на нее такой зарокъ положенъ; пьемъ. Вотъ, пьемъ да пьемъ, а языки свое дѣло работаютъ.

— Не можетъ того вѣкъ быть, — кричитъ Кузьма, — чтобы на издѣльной повинности было вольготнѣе! — оброкъ — святое дѣло!

— Какъ кому, а у меня отродясь разомъ пяти рублевъ въ рукахъ не было, — говоритъ Данило;—барщина, выходитъ, сподручнѣе.

Digitized by Google

— Да я,—говоритъ Кузьма,—оброкъ на сторонѣ заработаю, зато знаю, что самъ себѣ панъ!

— Вишь ты, бродить по сторонамъ гораздъ!—запѣла Семениха;—а нѣшто я своего отпущу?—Онъ семи кабаковъ не пройдетъ, на восьмомъ безъ сорочки останется!

— Пей, баба, только не бреши! — промычалъ Семенъ, расплескивая передъ носомъ ея чарку.

— А ужъ и выпью и правду;—баба выпила и поперхнулася; вотъ она какая правда.

И этакъ мы пили, говорили. Одинъ завелъ про новую волю, и другой сказалъ, что воля не лапти, не износится, новой не потребуется; третій сболтнулъ, что на свѣтѣ одна воля, что вѣтеръ въ полѣ, только вѣетъ съ разныхъ, сторонъ. Подъ конецъ всѣ болтали, мычали и икали такъ, что никому и ничего стало неизвѣстно, кто, и что, и про что мычитъ и болтаетъ.

Послѣднее разумное слово сказалъ цѣловальникъ.

— Такъ и такъ, — говоритъ, — вижу я, что вы люди очень разумные, пока молчите да пьете. Есть у меня про васъ задача; а задача — вотъ какая... Былъ-жилъ богатырь семи пядей во лбу, съ бездоннымъ карманомъ, побивалъ онъ множество народу, разнаго рода, и побивалъ не боемъ, а честнымъ опоемъ. Ну, нашлись люди—и его побили и похоронили. И осталось по немъ завѣщанье, всѣмъ на прощанье,—вотъ оно!—и цѣловальникъ поставилъ передъ нами, на столъ, полштофъ какой-то зеленой водки, и примолвилъ: — только за это заплатите подороже, потому что это и слезами оплакано, и акцизомъ оплачено, и крѣпости тутъ вдвое,—тутъ и мертвое, и живое!

Ну, мы переглянулись, перемигнулись, да такъ натянулись, что никто ужъ и лыка не вязалъ. Вижу я—дѣло дрянь;—уберусь,—думаю,—восвояси, пока не повалился за-мертво.—Втихомолку пробираюсь по стѣнкѣ за дверь, выхожу на улицу, гляжу—а лошаденки-то моей и нѣтъ; видно соскучилась, отвязалась и домой убѣжала. И я пошелъ домой. Пошелъ не краешкомъ, а во всю ширину дороги, отъ канавы до канавы;—извѣстно,—думаю,—вольный человѣкъ, значитъ—ходи шире!—Однако все помню, иду. Прихожу къ перекрестку—что за притча? былъ мостъ, гляжу—моста нѣтъ! я направо—нѣтъ моста, я налѣво — и тамъ нѣтъ; я прямо—а вода поднимается, не пускаетъ. Человѣкъ я не сердитый, а не ночевать-же тутъ,—я разсердился,—хоть бы чортъ перенесъ меня! — крикнулъ я въ сердцахъ. — Глядь — а за рѣчкой, противъ меня, стоитъ, не къ ночи будь

Digitized by Google

сказано, самъ *онъ*, легокъ на поминѣ, киваетъ рожками, и вертитъ хвостикомъ.

— Здравствуй,—говоритъ,—Кирила Курилычъ, хорошій человѣкъ! что тебѣ угодно?

Я было струсилъ, но опять думаю—что-жъ будешь дѣлать? чѣмъ чортъ не шутитъ? а безъ него, видно, и домой не попасть; притомъ же онъ меня и знаетъ.

— Здравствуй,—говорю,—землякъ.—Вотъ, со мной бѣда случилась—мостъ куда-то ушелъ, а баба дома дожидается.

— Захохоталъ чортъ:—ну, ужъ бѣда! да я тебя мигомъ перенесу!

— Сдѣлай милость,—говорю ему.

— Изволь!

Разъ, два, три—хлопъ объ землю!—чорта нѣтъ, а огромный орелъ, косая сажень въ крыльяхъ, летитъ чрезъ рѣчку и круто подплываетъ по воздуху ко мнѣ,—словно барину коляска,—подставляетъ мнѣ свою спину.

Не долго думаючи, я къ нему на спину, верхомъ, и держусь за шею;—пошелъ домой!—крикнулъ.—Онъ только разъ взмахнулъ крыльями, и мы полетѣли подъ облака...

Рогатый мѣсяцъ блеститъ въ темномъ небѣ; облака летятъ, какъ дымъ изъ овина; кругомъ темно. какъ въ печкѣ за заслонкой. Я глянулъ внизъ—а тамъ, словно серебромъ, подернуло по землѣ свѣтомъ мѣсяца; сверкаетъ рѣка, вьются дороги, темными кустами лежатъ лѣса, и, какъ снопы на пожнѣ, торчатъ соломенныя крыши хатъ деревенскихъ... Въ одной, какъ искорка, мелькаетъ въ окнѣ огонекъ... Всматриваюсь... такъ и есть—наше село, и огонекъ въ моей хатѣ,—видно, баба ждетъ меня домой.

— Господинъ орелъ! ваше воздушное высочество!—кричу,—вотъ моя хата! Куда это вы несете меня въ облака? я такой высоты не желаю!..

— Молчи, дурачина!—проворчалъ орелъ; — не видишь, что въ насъ цѣлится какой-то охотникъ, шатунъ ночной? Сиди да держись крѣпче, а то тряхну—такъ и полетишь кувыркомъ на свою хату, въ трубу головой!

Орелъ еще разъ взмахнулъ крыльями,—ажъ свиснуло и похолодѣло кругомъ,—и мы понеслись за облака... У меня занимался духъ...

Земли не стало видно, заволокло ее струистымъ туманомъ. Мы все летѣли выше. Туманъ сгустился въ облака подъ нами, ходилъ волнами и клубами. Эти волны догоняли другъ друга, сливались вмѣстѣ, гнались дальше за убѣгающими клубами, настигали и поглощали ихъ; а мы все летѣли...

Digitized by Google

Вотъ, ужъ не видно и облаковъ, а только темная туча чернѣетъ подъ нами... И вдругъ, словно брызнуло огнемъ, ударило свѣтомъ; я поднялъ голову,—передъ самымъ моимъ носомъ торчитъ золотой рогъ мѣсяца...

— Держись!—крикнулъ голосъ; я въ ужасѣ растопырилъ руки, весь пошатнулся, шапка съ головы слетѣла, самъ валюсь...

Въ эту минуту мы летѣли подъ самый рогъ мѣсяца. Со страху я ухватился за рогъ; орелъ шмыгнулъ изъ подъ меня и полетѣлъ далѣе... Только крылья шумѣли въ воздухѣ, какъ сатанинскій хохотъ; а я повисъ надъ темной бездной... Вишу на лунѣ...

Что будешь дѣлать въ этакомъ скверномъ положеніи, котораго человѣкъ и во вѣкъ не испыталъ? Висѣлъ я, висѣлъ, глядѣлъ я, глядѣлъ все внизъ; страхъ прошелъ, а я ничего не могъ выдумать. Опустить руки—бѣда; а съ облаковъ до земли, каждый дуракъ знаетъ, каково летѣть. То есть именно—хорошо летишь, да гдѣ сядешь? вотъ въ чемъ вся штука. Однако, и такъ висѣть не приходится; надо искать этому дѣлу конецъ. Я поднялъ голову, глядь на луну—ба!.. Макаръ Макарычъ, Богъ помочь! что здѣсь подѣлываешь?—Староста Макаръ, что́ чужихъ телятъ къ себѣ въ хлѣвъ гонялъ и позапрошлаго году померъ, гляжу—по мѣсяцу вилами навозъ раскидываетъ.

— Какъ живешь, землякъ?—спрашиваю,—каково, молъ, здоровье? Да не хочешь-ли табачку?—у меня есть рожокъ за пазухой.

— Пошелъ прочь; мнѣ съ тобой калякать некогда; убирайся по добру по здорову!—проворчалъ мнѣ Макаръ.

— Да куда мнѣ идти, голова? аль не видишь, что я вишу, чуть держусь? и, Боже избави, мѣсяцъ переверну—такъ оба мы полетимъ, я и самъ не знаю куда. Помоги, Макаръ Макарычъ!

А Макаръ Макарычъ, будто не ему говорятъ, свое дѣло дѣлаетъ; только потъ съ него льется. И припомнилъ я, что онъ, еще на томъ свѣтѣ, то есть на этомъ, на нашемъ, будучи старостой, на толокѣ парня побилъ; а бабка парнишки именно тѣмъ и прокляла его:—погоди, живодеръ, будешь, молъ, самъ по мѣсяцу навозъ раскидывать!—такъ оно аккуратъ и вышло...

Однако у меня руки отекать стали.

— Сдѣлай милость,—говорю,—помоги, Макаръ Макарычъ!

А онъ мнѣ опять свое:—убирайся, пока цѣлъ!

— Чудакъ ты, куда убираться-то? вѣдь вишу, погляди—ноги болтаются!

— Пошелъ прочь, а то шею накостыляю!

Ну, я на это разсердился:—врешь,—говорю,—твое время,

Digitized by Google

міроѣдъ, прошло; а костылять каждому дураку я себя не дамъ, и самъ сдачи сдамъ,—я вольный... то есть—временно-обязанный...

Не говоря ни слова, подошелъ ко мнѣ Макаръ, замахнулся вилами, да какъ хватитъ—по мнѣ не попалъ, а по концу мѣсяца такъ и звякнулъ... Конецъ хряснулъ, какъ соль, отскочилъ; а я съ концомъ такъ и полетѣлъ внизъ стрѣлой...

— Увидишь нашихъ—кланяйся своимъ!—кричалъ мнѣ негодяй.

— Чтобъ тебѣ ни дна ни покрышки!..

Закричалъ было я, да совсѣмъ захлебнулся воздухомъ, и пошелъ въ перевертъ, какъ снопъ, скинутый со скирды: то головой, то ногами кверху...

Летѣлъ долго, даже скучно стало; нечего дѣлать,—лечу... Что-то зашершало, и на носу у себя я послышалъ каплю; это мы сквозь облака пролетѣли. Опять лечу, и совсѣмъ бы скучно, да все дожидаю—вотъ, треснусь о землю!

Отъ такой мысли, извѣстно, скука проходитъ. Лечу... Видѣть ничего не могу, потому что верчусь, какъ швыркомъ кинутая палка; даже тошно становится...

Вдругъ, слышу шумъ крыльевъ и гусиный гоготъ...

— Кирилу Курилычу, наше почитаніе!

Что за оказія? гляжу — это летитъ стадо дикихъ гусей, и поводырь, старый гусакъ, узналъ меня; онъ частенько со стадомъ, въ прежнія лѣта, пасся на моей нивкѣ. Ну, я охотой не не занимаюся, да и не люблю пугать птицу вольную, — онъ и узналъ меня.

— Путемъ дорога, гуси-лебеди!—отвѣтилъ я.

— Отколь Богъ несетъ?—гогочетъ мнѣ гусакъ.

— Долго разсказывать,—говорю, а самъ перевертываюсь.— Вотъ, не хотѣлось бы о землю шмякнуться, — не ровенъ часъ, не натрафить бы мягкимъ мѣстомъ на тынъ!..

— А коли завгодно,—загоготалъ гусакъ,—ухватись за мою ногу; преотличнѣйшимъ способомъ спустимся къ тебѣ-же на ниву!

— Сдѣлайте милость,—говорю,—окажите дружбу!

Гусакъ со всѣмъ стадомъ подлетѣлъ ко мнѣ; я его за ногу— и полетѣли!.. Голова такъ было завертѣлось, что я чихнулъ съ удовольствіемъ.

Внизу, на краешкѣ земли, показалась искорка, потомъ свѣтокъ;—заря занималась.

— Вотъ, и деревня ваша!—прогоготалъ гусакъ.

Digitized by Google

— Ужъ сдѣлай милость, не тащи меня на ниву, а спусти у хаты!—попросилъ я.

— Изволь!.. Только ужъ мы садиться не станемъ, а спустимся до земли. У своей хаты отпусти мою ногу,—всего аршина на два отъ земли полетимъ,—не ушибешься; притомъ же на улицѣ у васъ грязно, значитъ мягко...

— И то дѣло. Спасибо!

И вотъ, шмарганувъ носомъ, слышу я запахъ блиновъ, — ужъ не моя ли баба печетъ мнѣ на закуску? — Вижу крыши; изъ трубъ вьется голубой дымокъ; слышу—пѣтухи поютъ, овцы блеютъ, свиньи хрюкаютъ... Наша деревня.

Мы опустились и вереницей полетѣли вдоль улицы... Со дворовъ загоготали гуси, залаяли собаки...

— Путемъ дорога!—кричали пастухи, выгоняючи за деревню стадо...

— Вотъ, и твоя хата,—прогоготалъ гусакъ.

Я сказалъ: — спасибо! — выпустилъ изъ рукъ его лапу — и шлепнулся въ лужу...

И такъ я измучился съ этого путешествія и такъ усталъ, что, какъ шлепнулся въ мягкое, такъ сейчасъ-же и уснулъ тутъ. И только во снѣ слышу, что подошла ко мнѣ наша же свинья, потыкала мордой мнѣ,—ужъ истинно свинья!—въ самый носъ и, похрюкивая, улеглась возлѣ меня...

Не знаю, долго-ли мы съ ней проклаждались. Только такая вышла пакость, что мои-же родные ребятишки выбѣжали на улицу и какъ шальные заорали всѣ вдругъ:—тятенька, свинья! Свинья, тятенька! Ахъ, свинья, свинья! ахъ, тятенька, ахъ, свинья!—и побѣжали въ хату...

И слышу я, и не могу проснуться, и злость меня беретъ. А свинья рядомъ лежитъ и только хрюкаетъ. А ребятишки и въ избѣ дерутъ горло:—свинья, тятенька! свинья! — Этакіе поросята!..

Вышла моя баба и тоже самое вретъ:—ахъ, ты, Курилычъ, муженекъ, и опять—свинья!—И еще сосѣдки пришли, и—всего хуже—старикъ сосѣдъ, хорошій человѣкъ, подошелъ и все тоже:—ай да Курилычъ, и притомъ—свинья!..

— А гдѣ твоя шапка?—спрашиваетъ жена.

— Вотъ оно и есть,—говорю,—у насъ шапки нѣтъ.

— Знаю, что у свиньи шапки нѣтъ!

И хозяйка повела меня, всего въ грязи, подъ руку домой; а свинья за нами пошла.

Digitized by Google

— Безстыжій!—кричитъ мнѣ моя баба; — Сивка вчера вернулся одинъ, а ты гдѣ былъ?

Я говорю:—на лунѣ!

— Всѣ захохотали, а баба у меня—у-ухъ, долгой языкъ!—были вы,—говоритъ,—на одной лунѣ со свиньей; вотъ тѣ и все!.. Вишь, бредишь со сна!

Да неужели же это сонъ?

Однако шапки моей нѣтъ, руки порѣзаны, и вся деревня знаетъ, что кусокъ луны нашли на улицѣ и повезли въ станъ. Да и дикихъ гусей всѣ ребятишки сами видѣли. А что никто мнѣ вѣры неметъ, такъ это ужъ такой скверный случай вышелъ. Вольно-же свиньѣ придти да и лечь въ лужу, коли видитъ скотина, что ужъ тамъ лежитъ человѣкъ!

Въ чемъ и подписуюсь, — *Кирилъ Курилычъ Непролей-капли.*

На другой день послѣ этой оказіи, на берегу рѣчки, въ десяти шагахъ отъ моста, котораго не могъ найти Кирила, пастухи нашли его шапку. Въ то-же время, въ становую квартиру пришелъ солдатъ, потерявшій наконечникъ тесака, — онъ слышалъ, что эта казенная вещь отыскана;—и въ то-же время какой-то баринъ проѣзжалъ *на своихъ* черезъ деревню и какъ разъ въ Кирилиной лужѣ опрокинулся съ своей бричкой.

— Гдѣ хозяинъ?—кричалъ, весь въ грязи, баринъ подъ окнами Кирилиной хаты.

— Я!—отвѣтилъ Кирило, выглянувши изъ окна.

— Ну, братъ, ты порядочная свинья!..—началъ рѣчь баринъ; но Кирило перебилъ его:—я это и безъ васъ слышалъ! — и захлопнулъ окошко.

Такъ вся эта исторія и кончилась, и больше ничего обстоятельнаго о ней по сю пору неизвѣстно.

Digitized by Google

Digitized by Google

МУДРЫЙ СУДЬЯ.

Восточное сказаніе.

«Богъ умудряетъ человѣка, любящаго правду».

Въ Аравійскомъ государствѣ царствовалъ Калифъ Гарунъ-аль-Рашидъ, государь добродѣтельный и мудрый. Далъ онъ народу своему справедливые законы и самъ наблюдалъ, чтобы законы эти исполнялись точно, чтобы сильные не утѣсняли слабыхъ, богатые не обременяли бѣдныхъ, чтобы судьи судили всѣхъ равно, по совѣсти и правдѣ.

И не могли обмануть мудраго Калифа ни министры его, ни губернаторы, ни судьи, ибо онъ самъ зналъ все, что дѣлается въ его государствѣ, и все хотѣлъ видѣть своими глазами. Для этого онъ часто, переодѣвшись въ простое платье, тайно уходилъ, или уѣзжалъ, изъ дворца своего и обращался между народомъ. Никто не узнавалъ переодѣтаго государя — и всякъ дѣлалъ свое дѣло безъ всякой опаски: честные и добрые дѣлали свое простое дѣло, а плуты и мошенники свое хитрое дѣло. А мудрый Калифъ все видѣлъ.

Возвратясь во дворецъ свой, онъ посылалъ награды и похвалы честнымъ и добрымъ, а худымъ людямъ присуждалъ наказаніе. И дивился народъ, какъ царь все знаетъ, что дѣется въ его царствѣ обширномъ? И счастливо жили добрые и честные люди; а худые жили въ боязни и трепетѣ за свои незаконныя дѣла.

Однажды, тайно, въ убогой одеждѣ, Калифъ выѣхалъ верхомъ изъ дворца своего, проѣхалъ столицу свою, городъ Багдадъ, и отправился въ недальній городъ Бассору. По дорогѣ нагналъ онъ хромаго путника. И сталъ просить его хромой путникъ: — эй, кавалеръ! возьми меня на свою лошадь и довези до Бассоры!

Digitized by Google

Гарунъ-аль-Рашидъ посадилъ хромаго сзади сѣдла своего и довезъ до Бассоры. У городскихъ воротъ стояла стража.

— Слѣзай,—сказалъ Гарунъ-аль-Рашидъ хромому;—теперь дойдешь, куда тебѣ надо.

Но хромой закричалъ стражѣ: — вотъ разбойникъ! я изъ милости довезъ его сюда, а онъ меня гонитъ съ моей лошади!

Стража приступила къ нимъ и стала спрашивать:—о чемъ споръ?

Гарунъ-аль-Рашидъ объяснилъ, какъ было дѣло; но хромой сказалъ:—этотъ мошенникъ, за то, что я его довезъ, хочетъ отнять у меня мою лошадь!

— Пойдемъ къ судьѣ,—сказалъ Калифъ, — пусть онъ насъ разсудитъ!

— Пойдемъ!—и они пошли къ судьѣ.

Въ судѣ было немало народу. Судья сидѣлъ въ своихъ судейскихъ креслахъ и всенародно чинилъ судъ и расправу. Калифъ съ любопытствомъ глядѣлъ, какъ судья судитъ народъ въ его государствѣ.

Подходятъ къ судьѣ два человѣка.

— Въ чемъ ваше дѣло?—спрашиваетъ ихъ судья.

Одинъ говоритъ:—я торгую оливковымъ масломъ; этотъ человѣко пришелъ въ мою лавку купить масла и, пока я отмѣривалъ ему масло, онъ стащилъ у меня со стола *динарій*, (то есть червонецъ); а когда я уличилъ его, онъ сталъ кричать и спорить, что это собственный его динарій; динарій этотъ хранится у меня уже нѣсколько лѣтъ.

Другой говоритъ:—динарій мой, а онъ лжетъ; онъ увидѣлъ его у меня въ рукѣ и захотѣлъ присвоить себѣ; а я самъ заработалъ его,—я мельникъ.

— Есть-ли свидѣтели по этому дѣлу?—спросилъ судья.

— Свидѣтелей нѣтъ,—отвѣчали оба.

— Давай сюда динарій,—сказалъ судья.

Мельникъ отдалъ ему динарій. Судья положилъ его въ свой карманъ и говоритъ:—приходите завтра.

— Ай да судья!—подумалъ Гарунъ-аль-Рашидъ.

Подходятъ къ судьѣ опять два человѣка.

— Въ чемъ ваше дѣло?—спрашиваетъ судья.

Одинъ говоритъ: — я *ученый* и занимаюсь науками. Этотъ человѣкъ попросилъ у меня на нѣсколько дней святую книгу *Коранъ*, (то есть магометанскую Библію), а теперь не хочетъ мнѣ возвратить ее.

Другой говоритъ:—я портной, и эта дорогая книга — моя

Digitized by Google

собственная; я читаю ее по вечерамъ. А этотъ человѣкъ, увидѣвъ ее у меня на столѣ, захотѣлъ присвоить ее, и утверждаетъ, что книга эта принадлежитъ ему.

— Есть ли свидѣтели по этому дѣлу?—спросилъ судья.

— Свидѣтелей нѣтъ,—отвѣтили оба.

— Давай сюда книгу!—сказалъ судья.

Портной отдалъ книгу. Судья положилъ ее на свой столъ и говоритъ:—приходите завтра.

— Вотъ такъ судья!—подумалъ Калифъ.

Просителей больше не было; и вотъ, подходятъ къ судьѣ Калифъ и хромой.

— Въ чемъ ваше дѣло?—спрашиваетъ судья.

Калифъ разсказалъ ему свое дѣло; но хромой сталъ утверждать, что лошадь принадлежитъ ему:—я хромъ и за тѣмъ держу эту лошадь, что не могу ходить далеко; и можетъ ли быть, чтобы я пустился пѣшкомъ изъ Багдада въ Бассору? Я ѣхалъ на моей лошади и нагналъ этого здороваго молодца; онъ просилъ подвезти его; а теперь, въ благодарность, хочетъ завладѣть моей лошадью.

— Есть ли свидѣтели по этому дѣлу?—спросилъ судья.

— Свидѣтелей нѣтъ,—отвѣтили оба.

— Поставить лошадь въ мою конюшню!—сказалъ судья;—а вы приходите завтра.

— Молодецъ судья!—подумалъ Калифъ.

Судъ кончился. Судья всталъ съ своего судейскаго кресла и пошелъ въ свои покои. Народъ разошелся по домамъ.

И стало Калифу очень любопытно такое невиданное правосудіе. Остановилъ онъ одного старика изъ народа и спросилъ:—неужели всегда вашъ судья такъ судитъ?

— Всегда такъ! — отвѣтилъ старикъ и пошелъ своей дорогой.

— Ай да судья!—подумалъ Калифъ; — однако, посмотримъ, что будетъ завтра.

И очень доволенъ былъ мудрый Калифъ этимъ случаемъ:—теперь я узнаю, какъ судятъ народъ мой въ Бассорѣ! — думалъ онъ.

На-завтра всѣ просители явились въ судъ. Судья сидѣлъ уже въ своихъ судейскихъ креслахъ. Стража стояла при немъ. Множество народу толпилось и шумѣло въ судѣ. Началось правосудіе—и всѣ смолкли.

Судья началъ судъ.

— Взять этого нечестнаго человѣка!—повелѣлъ онъ стражѣ и указалъ на мельника, — и дать ему двадцать ударовъ палкой

Digitized by Google

по пятамъ! А ты, — сказалъ онъ торговцу оливковымъ масломъ,—возьми свой динарій.

И судья отдалъ ему золотой динарій.

А стража повела на дворъ мельника и отпустила ему вѣрнымъ счетомъ двадцать паловъ.

Калифъ слушалъ и глядѣлъ съ удивленіемъ.

— Взять этого нечестнаго человѣка!—повелѣлъ судья стражѣ и указалъ на портнаго,—и дать ему пятьдесятъ ударовъ веревкой по спинѣ! А ты—сказалъ онъ *ученому*,—возьми свою святую книгу.

И судья отдалъ ему *коранъ*.

А стража повела на дворъ портнаго и отпустила ему ровно пятьдесятъ ударовъ веревкой.

Калифъ слушалъ и глядѣлъ съ удивленіемъ.

— Взять этого нечестнаго человѣка!— повелѣлъ судья стражѣ и указалъ на хромаго,— и посадить его на цѣлый годъ въ темницу! А ты,—сказалъ онъ Калифу,—возьми свою лошадь и ступай съ Богомъ.

Стража повела хромаго въ темницу, а лошадь Калифа привязали къ кольцу у крыльца.

Калифъ слушалъ и глядѣлъ съ удивленіемъ.

Судъ кончился. Народъ разошелся по домамъ; стража удалилась; а Калифъ стоялъ, задумчивый, передъ судьей и дивился его мудрости.

— Что тебѣ еще надо?—спросилъ судья, когда они остались вдвоемъ.

— Господинъ судья!—сказалъ Калифъ Гарунъ-аль-Рашидъ,— я дивлюся твоей мудрости. Видно, самъ Богъ и великій Пророкъ просвѣтили разумъ твой, ибо рѣшенія твои и скоры и справедливы! Скажи мнѣ, какъ могъ ты узнать безъ всякой улики, кто правъ и кто виноватъ изъ насъ?

— Очень просто, — отвѣчалъ судья. — Ты слышалъ слова торговца масломъ, что динарій этотъ у него уже нѣсколько лѣтъ... Вчера опустилъ я динарій этотъ въ чашу горячей воды, а сегодня утромъ увидѣлъ на водѣ плавающій жиръ масла. — значитъ, динарій дѣйствительно былъ долго въ рукахъ торговца масломъ, и принадлежитъ ему.

— Правда!—сказалъ Калифъ.—А какъ ты могъ узнать, кому принадлежитъ Святая книга?

— Еще проще,—отвѣчалъ судья.—Я смотрѣлъ эту Святую книгу и замѣтилъ пятна отъ пальцевъ именно на тѣхъ страницахъ, гдѣ напечатаны слова Пророка о томъ, что всѣ право-

Digitized by Google

вѣрные должны просвѣщать разумъ свой науками,—значитъ, эти страницы любилъ читать ученый человѣкъ, а не портной, который занимается ремесломъ, а не науками; слѣдовательно—книга эта принадлежитъ ученому.

— Истина!—сказалъ Калифъ.—Но какъ же ты узналъ, что лошадь принадлежитъ мнѣ, а не хромому?

— Это рѣшилъ-бы и ребенокъ! — отвѣчалъ судья, улыбаючись.—Я приказалъ поставить лошадь въ конюшню, мимо которой вамъ обоимъ надо было проходить сегодня. Хромой пришелъ прежде тебя, и, когда онъ проходилъ мимо конюшни, лошадь была спокойна. Но когда проходилъ ты, то она заслышала шаги твои и заржала, узнавъ своего хозяина. Лучшаго свидѣтеля не надо; — дѣло ясное, что лошадь твоя, и хромой лжетъ.

— Правда! — сказалъ удивленный Калифъ.—Да будетъ надъ тобой благословеніе Божіе за твою мудрость и правосудіе!

— Я не ищу мудрости, — отвѣчалъ судья,—а ищу правды. А правду Богъ открываетъ всѣмъ, кто ее ищетъ. Ступай съ Богомъ, честный человѣкъ!

Тогда Калифъ Гарунъ-аль-Рашидъ распахнулъ убогую одежду свою. На груди его сіяло алмазное изображеніе солнца—знакъ царскаго достоинства. Судья преклонился въ удивленіи.

— Я — Калифъ твой. Послѣдуй за мной въ Багдадъ; — за правосудіе твое назначаю тебя главнымъ судьей всего моего государства.

Мудрые даютъ счастье народу; а Богъ умудряетъ человѣка, любящаго правду.

Digitized by Google

Digitized by Google

О СЛАВНОМЪ МОГУЧЕМЪ БОГАТЫРѢ

АЛЕШѢ ГОЛОПУЗОМЪ *).

СКАЗКА.

Въ нѣкоромъ царствѣ, неизвѣстномъ государствѣ, жилъ-былъ мужикъ съ бабой. Шесть лѣтъ жили они въ любви и совѣтѣ и были бездѣтны; а на седьмомъ году побранились и помирились, и на Алексѣя Божія-человѣка родился у нихъ сынъ. Обрадовалися мужичекъ и баба и назвали сына Алешей.

Стали отецъ и мать Алешу воспитывать да упитывать; а онъ живетъ да ростетъ не по днямъ, а по часамъ. И отъ самаго малолѣтства, объяснилась въ немъ великая храбрость и не малое богатырство: первая—у каши, а второе—на печкѣ. Словомъ сказать—ѣлъ малый за троихъ, спалъ за четверыхъ, а по бездѣлью изо всѣхъ былъ первый. И притомъ ходилъ онъ въ одной сорочкѣ; а сорочка была отъ ворота до пупа распорота, все поло—и пузо голо. Вотъ тебѣ на!

По такой причинѣ прозвали его—Алешей Голопузымъ.

Долго-ль—коротко-ль, выросъ нашъ Алеша въ добраго батрака; а польза отъ него отцу очень невелика, ибо о работѣ у него не было и помысла, и, кромѣ ѣды и спанья, не зналъ онъ никакого промысла. И говоритъ ему однажды отецъ:—а ну-ка, молодецъ, брось-ка тѣшить свою охоту,—не пора ли тебѣ приниматься за работу?

---

*) Сказки: «О славномъ могучемъ богатырѣ Алешѣ Голопузомъ», «Счастливая рубашка», «О Соколѣ Сизокрыловичѣ, о Соколихѣ Сизокрыловнѣ и о Куликѣ-Мудрецѣ Носатомъ» и, помѣщенная далѣе, въ числѣ прочихъ стихотвореній, сказка «Три желанія»—въ отдѣльныхъ изданіяхъ носятъ общее названіе «Пестрой книжки»; названіе это здѣсь мы ввидѣ общаго заголовка не ставимъ, такъ какъ оно характерно лишь для *отдѣльнаго* изданія всѣхъ этихъ четырехъ сказокъ.

Прим. Ред.

Digitized by Google

— Подождемъ, батько, до усовъ, — отвѣчалъ Алеша Голопузый и повернулся на другой бокъ, такъ что затрещала печь.

На томъ и порѣшили, и Алеша зѣвнулъ да и заснулъ.

— Нечего съ тобой терять времени,—сказалъ отецъ;—пождемъ до усовъ!

Долго-ли, коротко-ли — ужъ у нашего молодца пробился и усъ.

— А ну-ка, молодецъ, — говоритъ ему отецъ — не все же тѣшить свою охоту,—не пора ли теперь приняться за работу?

А Алеша ему на то: —знаешь, батька, что? не было бы мнѣ съ того какой вереды?.. Пождемъ-ка, батька, до бороды! — и Алеша Голопузый повернулся на печи, такъ что посыпались кирпичи, икнулъ, зѣвнулъ—и опять заснулъ.

— Договорюсь я съ тобой до бѣды! — думаетъ отецъ;— нечего дѣлать—пождемъ до бороды!

Долго-ли, коротко-ли—у Алеши Голопузаго выросла и борода, что твои ворота.

И говоритъ ему отецъ; — ну-ка, вставай, молодецъ! бери-ка ты коня, соху и хлѣба вволю—и ступай пахать поле. А коли еще окажешь какую-нибудь причину, такъ я тебѣ и свою прикину, такую, что рублемъ да прижимомъ прозывается, а впрочемъ, и для спины пригождается!

Слыша такія непріятныя рѣчи, Алеша Голопузый слѣзъ съ печи, взялъ со стола хлѣба каравай, — даютъ, такъ, молъ, не зѣвай!—впрегъ кобылку въ соху, покряхтѣлъ да поохалъ, и, почесавшись въ охоту, поѣхалъ на работу.

И вотъ, господа вы мои читатели, ума-разума собиратели, и, господа вы мои слушатели, чужаго ума кушатели, случилася съ нашимъ Алешей Голопузымъ такая печаль, что и разсказывать жаль! Сталъ онъ, вишь ты, поле пахать, а кобыла хвостомъ махать,—и все бы хорошо было, — да вдругъ, напала на нихъ несмѣтная супротивная сила.

Не трубы трубятъ—комары жужжатъ; черезъ лѣса дремучи несутся тучи, шумитъ бѣда,—летятъ слѣпни да овода,—по-просту сказать: такъ какъ время было жарко и сухо, то на Алешу Голопузаго напала муха.

И настала бѣда неотразимая, ни рукавомъ, ни хвостомъ неотгонимая;—муха кусается, кляча лягается, Алеша мается и очень ругается; а работа ни на шагъ не подвигается. Плохо дѣло! у нашего пахаря все тѣло очень засвербѣло. И осерчалъ Алеша Голопузый на неотвязную муху:—больно,—говоритъ,—кусаешься—да спокаешься!—Снялъ онъ съ клячи хомутъ, рас-

Digitized by Google

поролъ подхомутникъ, вырѣзалъ кожу на манеръ лопуха, привязалъ его къ кнутовищу.

— Ну,—говоритъ,—муха! готова на тебя хлопуха!

И давай бить мухъ, оводовъ, слѣпней и комаровъ. Бьетъ онъ часъ, другой, третій и четвертый, а толку не выходитъ ни чорта; муху онъ храбро побиваетъ, а она еще храбрѣе на него нападаетъ. Вотъ, ужъ солнце садится за тучу,—наколотилъ Алеша мухъ немалую кучу; подошла вечерняя пора,—передъ нимъ мухъ цѣлая гора. Приближается ночь,—мухи кои побиты, а кои улетѣли прочь.

Кричитъ Алеша:—ура! отдохнуть пора; силу побѣдилъ, мухъ побилъ!

А передъ тѣмъ, чтобы отдыхать, слѣдуетъ сосчитать побитую рать.

И, переведя духъ, давай считать мухъ. Считаетъ, свѣряетъ, смѣту наводитъ,—сотни и тысячи выходятъ. Вышло бы и больше, разумѣется, да у Алеши въ башкѣ числа не имѣется; все какъ-то сбивается а, на сотнѣ спотыкается, на тысячѣ мѣшается и на всемъ счету завирается.

— Сказано—несмѣтная рать,—не стоитъ ее и считать!—говоритъ Алеша;—пора домой, одначе.

Привязалъ онъ соху къ хвосту клячѣ и поперъ домой, очень доволенъ, и самъ собой, и своей судьбой.

А отецъ его ждетъ-поджетъ, все стоитъ у воротъ и думаетъ:—каково-то истомился мой сынище, трудовой батрачище, день-деньской работаючи, на жаркомъ солнышѣ таючи, на холодной зарѣ прохлаждаючись, поздней ночкой домой воротчаючись!

— Ну-ка, батька, принимай кобылу, а я тебѣ разскажу какъ что было,—говоритъ отцу сынище, трудовой батрачище.

— Ладно, молодецъ!—отвѣтилъ отецъ;—ступай въ избу, помой руки, прекрестись, да за столъ садись; день-деньской работалъ, чай, и по хлѣбѣ заскучалъ?

— Да, батька,—говоритъ Алеша,—есть поѣсть охота; да была же, судырь мой, и работа!

— Небось, весь косякъ запахалъ?

— Держи карманъ!—все на одномъ мѣстѣ стоялъ!

— Такъ что-же ты дѣлалъ? али спалъ, дурачище?

— Нѣтъ, братъ, была работа почище! Погоди, вотъ только ложкой помахаю, щей похлебаю, да надъ кашей потужу—и все, какъ есть, тебѣ разскажу.

И засѣлъ нашъ Алеша Голопузый за столъ, краюху хлѣба

Digitized by Google

да миску щей оплелъ, горшокъ каши опустошилъ и горшкомъ молока ужинъ запилъ. И, отерши бороду, наѣвшися, началъ разсказывать, отсопѣвшися.

— Прибыли мы съ кобылой на ниву, очень счастливо. Вдоль старой борозды всталъ я съ сохой и съ кобылой,—все какъ надо было. Да вдругъ, на насъ налетѣла вражья сила, Божій свѣтъ затмила, въ трубы трубитъ, въ конецъ истребить грозитъ. И почуялъ я въ себѣ богатырскую мочь—давай эту силу бить и толочь! Билъ ее часъ, другой, третій и четвертый,—натолокъ ее до чорта. Стала подходить ночь; вражья сила улетѣла прочь; а я давай побитыхъ считать,—а счету конца не могъ отыскать; все какъ то счетъ сбивается, на сотняхъ спотыкается, на тысячахъ мѣшается, и весь какъ есть завирается. И вышло всего счету—смѣты нѣту!

Испужался Алешинъ отецъ.

— Ты,—говоритъ,—спородился, хоть съ виду упырь, или нетопырь, а обычаемъ и повадкой сталъ прямой богатырь! Вишь, набилъ народу безъ памяти и числа, на диву всему свѣту... и смѣты нѣту!

— Да,—говоритъ,—Алеша Голопузый;—набито довольно народу!—а самъ молчитъ—какого роду народу.

— Будь же ты,—говоритъ отецъ,—не пахарь и не земледѣлецъ, а богатырь могучій, разныхъ царствъ владѣлецъ. Есть у меня по тебѣ сивка-бурка, вѣщая каурка, конь доморощенный,—ноздри рваныя, уши рѣзаныя, и самъ обезхвощенный, вспоенъ росой, выкормленъ пшеницей, летаетъ соколомъ-птицей,—заржетъ—горы шатаются, лѣса преклоняются, трава вянетъ въ лугахъ, вихры крутятся въ поляхъ; а ударитъ въ землю копытомъ — земля лопнетъ, какъ корыто, и бьютъ съ подъ копыта ключи живой воды. Ну-ка, поди сюды!

И повелъ отецъ Алешу Голопузаго въ конюшню. Въ дубовомъ стойлѣ, на смоляномъ арканѣ, стоитъ сивка-бурка, вѣщая каурка. Сѣдло на немъ моржовое, торока сыромятные, стремена булатныя. Послышавши по себѣ сѣдока, заржалъ сивка-бурка;—горы зашатались, лѣса преклонялися, завяла въ лугахъ трава; а Алеша говоритъ:—намъ все это трынь-трава!

И попрощался Алеша съ отцомъ-матерью, сѣлъ на сивку-бурку; передъ нимъ путь-дорога лежитъ скатертью. Выѣхалъ онъ во чистое полѣ, оправился въ сѣдлѣ и обозрѣлся,—лежитъ чистое поле—широкая воля, путей много, всюду дорога; выбирай любую, не то ступай, куда хочешь.

Digitized by Google

И поѣхалъ Алеша Голопузый куда глаза глядятъ—прямо, то въ горы, то въ яму.

Вдругъ, навстрѣчу ему, на лихомъ конѣ, могучь-богатырь. На головѣ мѣдный шеломъ въ два ведра, на груди кольчуга желѣзная кованая, налокотники и наколѣнники стальные литые, взоръ его весьма лютъ, а въ рукѣ шелепуга въ сорокъ пудъ.

Осадилъ онъ коня и глядитъ на Алешу Голопузаго; а Алеша Голопузый, въ батькиномъ треухѣ, въ кафтанѣ локти драны, въ лаптяхъ на босу ногу, въ рукѣ держитъ хлопуху ременную, и сорочка, отъ ворота до пупа, распорота,—все поло—и пузо голо. Вотъ тебѣ на!

— Кто ты, молодецъ? кто твой отецъ? и пошто выѣхалъ на рать, аль воронъ пужать?—спрашиваетъ его богатырь.

— Я человѣкъ хорошій,—отвѣчаетъ Алеша;—а коли и ты не худъ, такъ скажи, кто ты такой и зачѣмъ ты тутъ?

— Коли ты не слѣпъ, какъ упырь, такъ видишь, что я могучь-богатырь!

— А сколько ты силы побилъ?

— Я, съ небольшой тугой, побилъ сто головъ моей шелепугой.

— Ну, братъ,—говоритъ Алеша, видно, и я тебя не плоше. Я, безъ всякой туги, и безъ шелепуги, побилъ въ охоту силы безъ счету; считалъ да смѣтилъ, да выбился изъ силъ,—значитъ, и смѣты нѣту... Понимай притчу эту!

И оробѣлъ богатырь передъ Алешей,—думаетъ:—вотъ такъ лѣшево чадо!

— Поѣзжай за мной, — говоритъ Алеша; — намъ такихъ и надо!

И поѣхалъ Алеша Голопузый, надувшись какъ упырь; а за нимъ поѣхалъ богатырь.

И опять имъ навстрѣчу,—закованный въ латы, въ желѣзо и булаты другой могучь-богатырь на конѣ. И тѣмъ-же порядкомъ онъ сталъ, Алешу озираетъ и вопрошаетъ:—что ты за молодецъ? и кто твой отецъ?

И опять отвѣчаетъ Алеша:—я человѣкъ хорошій; а коли и ты не худъ, то говори, какъ тебя зовутъ, и сколько ты побилъ силы?

— Я, съ небольшой тугой, побилъ триста головъ моей шелепугой.

— А я, безъ туги, и безъ шелепуги, побилъ въ охоту головъ безъ счету...

И подумалъ богатырь:—вотъ такъ лѣшево чадо!

Digitized by Google

— Поѣзжай за мной, — говоритъ Алеша; — намъ такихъ и надо!

И втроемъ они путь продолжаютъ, и опять богатыря встрѣчаютъ; и,—дальше въ лѣсъ да больше дровъ,—навстрѣчали они триста богатыревъ—все людей оченно хорошихъ; а ни одинъ не взялъ супротивъ Алеши, ибо самый могучій набилъ головъ кучу, да все подъ числомъ, и по счету, а Алеша Голопузый, въ свою охоту, и на диво всему свѣту, набилъ столько головъ, что и смѣты нѣту.

Ну, и порѣшили богатыри, что хоша Алеша и голопузъ, одначе, изъ всѣхъ богатырей онъ первый тузъ; и наградили его большимъ саномъ—выбрали своимъ атаманомъ.

И вотъ, отъ зари до зари, ѣдутъ наши богатыри, и со своимъ атаманомъ, по горамъ, долам, лѣсамъ и дубравамъ — ищутъ себѣ чести и славы, и богатырской забавы, шелепужной работы; анъ ничего не встрѣчается,—никакъ атаманъ безъ пути блыкается?

Только разъ, на зарѣ, видятъ они городъ на горѣ; а подъ горой великая сила оный городъ въ полъ-круга обложила.

И говоритъ Алеша богатырямъ:—намъ того и надо!

Глядь, а къ нимъ скачетъ гонецъ изъ онаго града.

Прискакалъ гонецъ и держитъ такую рѣчь:—славные, могучіе богатыри! кто у васъ голова, тому буду бить челомъ и скажу слова!

Алеша отвѣчаетъ:—я всѣмъ голова,—бей мнѣ челомъ и говори мнѣ слова!

И говоритъ гонецъ;—такъ и такъ,—королевство наше очень богато и обширно; король нашъ царствуетъ очень храбро и мирно. Вдругъ, ни съ того, ни съ сего, а здорово живешь—напала на насъ, какъ на дурака вошь, несмѣтная вражья сила, столицу обложила, въ трубы трубитъ, въ конецъ истребить грозитъ. Войска наши кои побиты, кои изуродованы, патроны всѣ израсходованы, ѣсть нечего и жить очень не весело; словомъ, вышелъ такой артикулъ, хоть кричи караулъ. И вотъ, при такомъ худомъ слѣдствіи, мой король, озираючи съ высокой башни всѣ эти бѣдствія, завидѣлъ вашу дружину богатырскую и повелѣлъ мнѣ просить васъ, честныхъ гостей, къ себѣ на пиръ честной, хлѣба-соли откушать, печенаго лебедя рушить, крѣпкихъ винъ и сладкихъ медовъ отвѣдать, и свое честное имя повѣдать передъ его королевскимъ высокородіемъ и ея благородіемъ, королевною, преславною своею красотой несказанною!

Понравилися Алешѣ Голопузому такія слова:—ладно,—го-

Digitized by Google

воритъ,—баешь, голова! давненько-де намъ сладко не пилося и не ѣлося!

И къ королю во гости ему захотѣлося.

— Отвѣть,—говоритъ,—твоему королю, что сейчасъ, со всей дружиной, я къ нему въ гости привалю. Желаю отвѣдать вина крѣпкія, да меды сладкіе,—мы на это, молъ, люди падкіе,—да и королевскую прекрасную дочь обозрѣть мы не прочь!

Гонецъ ускакалъ къ королю съ рапортомъ; а Алеша заломилъ треухъ на бекрень, глядитъ чортомъ. У городскихъ воротъ, и по улицамъ, народъ толпится, и дивится, какъ Алеша Голопузый, съ богатырями, въѣзжаетъ въ столицу.

И вотъ, подъѣхали богатыри къ королевскому дворцу.

Алеша слѣзаетъ съ коня; ведутъ его по крыльцу; за нимъ всѣ богатыри, въ рядъ по двое, идутъ въ королевскіе покои. Блестятъ всѣ покои золотомъ и серебромъ, зеркалами и хрусталемъ; и, на литомъ золотомъ тронѣ, сидитъ самъ король, въ алмазной коронѣ; а рядомъ съ нимъ, опершись о его плечо бѣлой ручкой, какъ солнышко возлѣ тучки, стоитъ прекрасная королева,—вся осыпана алмазами, брови маленько подмазаны—пущей-де красоты для,—подъ носомъ сопля, во всю щеку румянецъ; а впрочемъ, такой несказанной красоты, что Алеша только поглядѣлъ и сказалъ:—ай-да ты!

— А вотъ, и я!—говоритъ рѣчь королю Алеша.—Не осуди на словѣ; мы люди хорошіе, всѣ мы твоей милости служить состоимъ наготовѣ, и за столомъ бранымъ, и въ полѣ широкомъ работаемъ чисто; а всѣхъ насъ:—я одинъ, да вотъ—ихъ триста!

Король выпучилъ глаза; а королевна на Алешу поглядѣла и вся покраснѣла. А Алеша стоитъ безъ конфуза, какъ есть голопузый,—сорочка отъ ворота до пупа распорота; все поло, и пузо голо. Вотъ тебѣ на!

— Кто ты таковъ и какъ тебя звать?—спрашиваетъ король.

— Я-то?

— Ты-то.

— Я—богатырь хорошій,—отвѣчалъ Алеша;—побилъ, на свой пай и на диво свѣту, такую силу, что ей и смѣты нѣту.

— А эти господа кто такіе?

— А тоже богатыри, мои подручные, люди тоже по своей части не скучные.

Богатыри при семъ словѣ поклонились, отдали честь,—и отъ доспѣховъ ихъ по всему дворцу свѣтъ блеснулъ. А Алеша при этомъ только икнулъ.

Король пожалъ плечами, повелъ усами, нахмурился и по-

Digitized by Google

темнѣлъ пуще ночи; королевна опустила очи. Одначе, дѣлать нечего,—гости званые,—приглашаетъ онъ богатырей на честный пиръ.

Дубовые столы застланы скатертями браными, уставлены явствами сахарными и питіемъ отборнымъ; засѣли за нихъ гости званые, богатыри голодные;—мы,—говорятъ,—люди не модные, а походные!

Король и королевна богатырей угощаютъ, а и богатыри не зѣваютъ. Алеша сразу пять серебряныхъ стопъ опрокинулъ на лобъ, и проситъ шестую изъ рукъ королевны:—не будьте, молъ, на меня гнѣвны!.. ибо у меня такая повадка: а вино оченно сладко!

И вотъ, посреди пиршества, говоритъ король гостямъ такую рѣчь:—такъ и такъ, господа могучіе богатыри! окружили мою столицу враги, чортъ ихъ побери! Въ трубы трубятъ, истребить грозятъ. Пожалѣйте вы меня и мою дочь бѣлолицу, защитите отъ враговъ мою столицу; а я,—говоритъ,—не какой-нибудь татаринъ,—буду вамъ премного благодаренъ, почестями и золотомъ васъ одарю, и притомъ словесно поблагодарю!

Богатыри глянули на Алешу, ибо имъ отвѣчать неповадно. А Алеша говоритъ:—ладно! за твою хлѣбъ-соль и хорошее слово—изволь, король, драться мы готовы!

И сейчасъ же посылаетъ онъ перваго богатыря:—бери шелепугу, садись на коня, и побей вражью силу, или возьми ее въ полонъ; а мы пока посидимъ за столомъ!

Первый богатырь всталъ, шелепугу взялъ, королю и королевнѣ поклонился—и скрылся.

А остальные все пируютъ—и въ усъ себѣ не дуютъ.

Черезъ часъ прибѣгаетъ гонецъ и говоритъ королю:—худой конецъ! богатыря враги убили, голову ему отрубили, на копье вонзили. То видя, народъ плачетъ и стонетъ протяжно.

Алеша говоритъ:—это не суть важно!—и приказываетъ двумъ богатырямъ:—ну-ка, други, берите шелепуги, садитесь на коней, и побейте вражью силу, или возьмите ее въ полонъ; а мы пока посидимъ за столомъ!

Богатыри встали, шелепуги взяли, королю съ королевной поклонились—и скрылись. Остальные пируютъ—и въ усъ не дуютъ.

И черезъ часъ тоже самое—прибѣжалъ гонецъ:—опять, молъ, худой конецъ! Опять народъ стонетъ протяжно.

— И это не суть важно!—опять говоритъ Алеша и посылаетъ четырехъ богатырей на враговъ-же.

Но и съ ними конецъ все таковъ-же.

Digitized by Google

А Алеша только пьетъ-попиваетъ да богатырей на смерть посылаетъ; и все пируютъ, и въ усъ не дуютъ.

Дѣло къ вечеру подвигалось; богатырей ужъ немного осталось.

И вотъ, посылаетъ Алеша послѣднихъ и приказываетъ имъ:—безпремѣнно уничтожить враговъ дерзновенныхъ, или взять ихъ въ полонъ; а мы,—говоритъ,—посидимъ пока за столомъ!

Богатыри взяли шелепуги, подтянули свои кольчуги, поклонились, скрылись да и не воротились, ибо всѣ жизни рѣшились; то-есть, были головы отрублены, значитъ—совсѣмъ люди погублены.

Когда въ послѣдній разъ прибѣжалъ гонецъ возвѣстить такой худой конецъ, тогда король съ кресла своего всталъ, весьма осерчалъ и сказалъ Алешѣ очень гордо:—ахъ, ты, пьяная морда! Богатырей погубилъ, а враговъ не истребилъ, меня объѣлъ и опилъ, и столицы моей не защитилъ! Такъ вотъ же тебѣ мое послѣднее королевское слово:—теперь начинай снова—самъ иди, и погибни, или побѣди! Если же не пойдешь добровольно, такъ я накажу тебя очень больно; передъ моей гибелью, по крайности, себя потѣшу и тебя, голопузаго, посреди столицы моей повѣшу!...

Тутъ король разрыдался, съ королевною прекрасною прощался, и притомъ не забылъ отдать приказаніе, построить посреди столицы небольшое зданіе:—два столба съ перекладиной, и съ веревочной петлей, къ перекладинѣ прилажденной.

— Крути, не крути—а надо померти!—подумалъ Алеша и говоритъ королю такъ:—не изволь, король, меня ругать, ибо я ѣду на рать.

Король возрадовался несказанно, сталъ Алешу обнимать, и говоритъ ему очень пространно:—о, Алеша Голопузый, богатырь могучій! Знаю, что бываетъ громъ не только изъ тучи, а и изъ навозной кучи! Если ты истребишь вражью коварность, то окажу тебѣ мою благодарность—отдамъ тебѣ королевства цѣлую половину, и къ тому же еще мою прекрасную дочь тебѣ прикину, то-есть, выдамъ ее за тебя замужъ! Каково тебѣ съ нею будетъ—подумай самъ ужъ!

— Да, было бы таково хорошо съ нами, кабы не надо висѣть да болтать ногами!—подумалъ Алеша Голопузый, и подумалъ весьма справедливо.

Однако, попрощался:—оставайтесь счастливо!—взялъ свою хлопуху, сѣлъ на коня и, поневолѣ, поѣхалъ во чистое поле.

И видитъ онъ—стоитъ рать, считай годъ, такъ ее не сосчи-

Digitized by Google

тать; а передъ ратью торчатъ пики, одна другой острѣй. и на нихъ торчатъ головы трехсотъ богатырей...

Оробѣлъ нашъ Алеша Голопузый, какъ заяцъ кургузый. Забылъ онъ и полъ-царства и прекрасную дочь,—очень желательно ему удрать отсюда прочь; да лиха бѣда—передъ нимъ, на пикахъ, торчатъ богатырскіе лбы, а позади его, въ столицѣ, уже стоятъ столбы, да еще съ перекладиной и веревкой.

Дѣло совсѣмъ неловко!

Двумъ смертямъ не бывать, одной не миновать—надо умирать! Кстати стоитъ передъ нимъ дерево сыръ-дубъ. Алеша нашъ—не будь глупъ—придумалъ такъ:—пусть король тамъ какъ угодно бѣсится, а ужъ лучше мнѣ самому повѣситься!

Штука эта не мудра, не велика. Отвязалъ онъ отъ сѣдла моржовые торока, приладилъ изъ нихъ петлю на крѣпкой сукъ,—и такъ, какъ каждый дуракъ не сдѣлаетъ простаго дѣла кое-какъ, то и Алеша выдумалъ такую затѣю:—разгонюсь я на конѣ и съ наскоку суну въ петлю шею! По крайности, дѣло будетъ и скоро, и споро.

И своего сивку-бурку онъ во весь духъ разогналъ, да того, что будетъ, не разсчиталъ;—сивка-бурка со всего лету головой въ петлю угодилъ прежде сѣдока,—и, такъ какъ сила у коня была непомѣрно велика, то вырвалъ онъ дубъ и съ корневищемъ, полетѣлъ, и съ деревомъ, и съ дурачищемъ, на всю вражію рать—и давай ее направо-налѣво валять! Алеша держится за гриву, бьетъ-разитъ враговъ дерево очень счастливо; битва не продолжалась и полчаса—на полѣ осталась только трава, да на травѣ роса, вся кровавая.

Возвращается Алеша въ столицу со славою. Сидитъ на конѣ подбоченившись, страхъ забылъ, глядитъ взъерепѣнившись. А въ столицѣ музыка играетъ, артиллерія стрѣляетъ, пѣхота честь отдаетъ, и въ барабаны бьетъ. Народъ, что есть духу, оретъ:—въ честь Алеши Голопузаго богатыря, закричимъ, не жалѣя глотки—ура!

Алеша у дворца съ коня слѣзаетъ. Король его встрѣчаетъ, обнимаетъ, во дворецъ провожаетъ, проситъ забыть обиду напрасную, призываетъ свою дочь прекрасную, и, опустивъ передъ Алешей въ знакъ почтенія свой мечь, говоритъ слѣдующую рѣчь:—за твои великія добродѣтели,—да будутъ мнѣ лѣшіе свидѣтели!—отдаю тебѣ моего королевства часть и прекрасную мою дочь тебѣ въ супружескую власть. И, въ знакъ моего веселія, задаю пиръ—на весь міръ!—Музыканты, играй! барабанщики, бей! Весь народъ—веселися и пей!

Digitized by Google

И, по смыслу сего приказа, дымъ коромысломъ пошелъ сразу; то-есть начался пиръ, именно—на весь міръ: музыканты трубили, барабанщики били, а народъ, на бочки наперши, пріударилъ въ ковши!

Въ золотыхъ своихъ чертогахъ, пировалъ король, въ кругу придворныхъ многихъ. Алеша Голопузый сидѣлъ на первомъ мѣстѣ, при своей невѣстѣ; къ стопѣ золотой устами прикасаючись, поглядывалъ на нее улыбаючись; и душа у него рада, — намъ-де того и надо! А королевна, какъ алый цвѣтокъ, краснѣла за ужиномъ, и была немножко сконфужена, ибо у Алеши сорочка, отъ ворота до пупа, распорота; все поло—и пузо голо. Вотъ тебѣ на!

Не взирая на то, одначе, пиръ стоялъ горой, тѣмъ паче. Затѣмъ, Алеша съ королевной пошли да повѣнчалися; а мы съ вами такъ и осталися! Значитъ, дѣлу вѣнецъ, а сказкѣ—

КОНЕЦЪ!

Digitized by Google

Digitized by Google

СЧАСТЛИВАЯ РУБАШКА.

Восточное сказаніе.

Было дѣло въ глубокой древности.

У одного восточнаго царя была единственная дочь необычайной красоты и великаго разума. Царь любилъ и берегъ ее, какъ зеницу ока, но прекрасная царевна, безъ всякой причины, вдругъ, захворала. Царь созвалъ всѣхъ докторовъ, мудрецовъ и звѣздочетовъ, осыпалъ ихъ дарами и приказалъ вылѣчить свою любезную дочь.

Доктора, мудрецы и звѣздочеты не спали ни дня ни ночи, употребляли всѣ средства, перепробовали всѣ лѣкарства—ничего не помогало; царевна день-ото-дня становилась слабѣе, и таяла какъ свѣча. Царь рыдалъ у ея изголовья и обѣщалъ всю свою казну тому, кто вылѣчитъ его любезную дочь.

Но никто не смѣлъ вызваться на такое дѣло. Всѣ средства, и всѣ лѣкарства уже были испытаны,—всѣ оказались безполезными. Добраго царя всѣ любили; никто не хотѣлъ его обманывать; всѣ плакали вмѣстѣ съ нимъ, ибо спасти царевну было невозможно.

Вдругъ, является предъ царемъ столѣтній старецъ, мудрецъ пустынникъ и звѣздочетъ великій; и говоритъ онъ царю:—многіе дни, не вкушая пищи, сидѣлъ и читалъ я великія тайныя книги, многія ночи, не вкушая покоя и сна, читалъ я великую Божію книгу—небесную твердь, съ разсыпанными по ней безчисленными звѣздами; и, что день, что ночь, просвѣщался мой темный разумъ, и прояснялось мое слабое зрѣніе. И, наконецъ, вычиталъ я великую тайну—отъ невѣдомыхъ болѣзней есть одно вѣрное лѣкарство. Прикажи, о, царь, добыть его—и твоя любезная дочь будетъ спасена въ мгновенье!

Воспрянулъ царь, обнялъ мудреца могучими руками и,

Digitized by Google

цѣлуя его мудрую голову, радостно воскликнулъ: — о, мудрецъ великій! Полъ-царства моего отдамъ тебѣ. — говори, какое это лѣкарство?

— Не надо мнѣ полъ-царства, — отвѣчалъ мудрецъ; — трехъ шаговъ земли съ меня довольно; а чудное лѣкарство найдти нетрудно. Великодушные цари дѣлаютъ счастливыми свои народы; ты милосердъ — и въ твоемъ царствѣ есть много счастливыхъ...

Но царь въ нетерпѣньи перебилъ его слова: — говори скорѣй, какое это лѣкарство?

— *Рубашка счастливаго человѣка* излѣчитъ болѣзнь мгновенно. Прикажи добыть ее и надѣнь на твою любезную дочь, нашу прекрасную царевну — и она будетъ здорова, — отвѣтилъ мудрецъ.

И сейчасъ же приказалъ царь герольдамъ огласить по всѣмъ улицамъ и площадямъ столицы такой указъ:

— „Кто представитъ во дворецъ *рубашку счастливаго человѣка*, тотъ получитъ все, чего желаетъ; а если юноша, то ему „будетъ отдана рука прекрасной царевны. Если же кто обманомъ дастъ рубашку не съ плечъ счастливаго человѣка, „тотъ — по сказанію звѣздочета — самъ въ минуту умретъ лютою „смертію".

И, не успѣли герольды протрубить въ серебряныя трубы, какъ триста юныхъ витязей именитѣйшихъ фамилій пустились на лихихъ коняхъ, и каждый со свитой, во всѣ концы обширнаго царства; и каждый изъ нихъ готовъ былъ отдать все имѣнье и полъ-жизни своей за одну *рубашку счастливаго человѣка*

Еще-ли не найдти за золото и серебро такую бѣдную добычу!

И кинулись они по городамъ и селамъ, по великолѣпнымъ палатамъ, и скромнымъ хижинамъ.

Входитъ витязь въ палаты — встрѣчаетъ его хозяинъ, усаживаетъ на мягкіе ковры и диваны; — я весь къ твоимъ услугамъ; — скажи, что тебѣ угодно?

— Счастливъ ли ты? — спрашиваетъ его витязь.

И, вздохнувъ, благодаритъ Бога счастливый хозяинъ: — по милости нашего великодушнаго царя все у меня есть: и богатство, и чины, и почести, и... былъ бы я самый счастливый человѣкъ въ мірѣ, если бы еще мнѣ..

И, не дослушавъ его, вскакиваетъ витязь съ дивана, бѣжитъ изъ палатъ, садится на коня и летитъ дальше.

Digitized by Google

— Нѣтъ, не счастливъ тотъ, кто еще чего-то желаетъ!— думаетъ онъ, шпоря своего коня.

Скачетъ витязь и видитъ, — надъ ручьемъ, промежъ цвѣтовъ и плодовыхъ деревьевъ, стоитъ пріютная хижина. Онъ осадилъ коня, бѣжитъ въ хижину; тамъ, въ кружкѣ прекрасныхъ, здоровыхъ дѣтей, сидитъ сѣдой, бѣлый, чистенькій старичекъ; увидѣвъ витязя, онъ проситъ его: — милости просимъ, витязь, будь гостемъ! Что тебѣ угодно, приказывай!

— Мнѣ немного надо, — отвѣчаетъ витязь; — скажи мнѣ, почтенный старикъ—счастливъ-ли ты въ кругу твоихъ прекрасныхъ внучатъ?

— О, какъ счастливъ!—воскликнулъ старикъ, поднявъ глаза къ небу;—всякій день благодарю Бога за посланныя мнѣ блага, и былъ бы совсѣмъ спокоенъ и счастливъ, если бы дожить мнѣ до...

Витязь не дослушалъ—ушелъ, вскочилъ на коня и, шпоря его, полетѣлъ далѣе.

По дорогѣ онъ встрѣтилъ прекрасную молодую и нарядную дѣвушку-поселянку.

— Счастлива ли ты, моя милая?—спросилъ онъ ее, осаживая коня.

— Вотъ сумасшедшій!—засмѣявшись отвѣтила красавица.

Но витязь уговорилъ ее признаться откровенно, счастливали она?

— О да,—отвѣчала, улыбаясь, дѣвушка;—меня всѣ любятъ, и каждое мое желанье въ минуту исполнено. А если бы еще мой милый пастушокъ,—и, говоря это она покраснѣла и вздохнула,—не любилъ никого кромѣ меня, то я была бы счастлива какъ птичка...

Вонзилъ витязь шпоры коню въ бока и стрѣлой пустился далѣе.

И сотни людей разнаго званія и состоянія встрѣчалъ и допрашивалъ онъ, чуть замѣтивъ, что они живутъ въ довольствѣ и изобиліи. И всѣ разсказывали про свое счастіе, но непремѣнно прибавляли въ концѣ разсказа еще какое-нибудь желанье, которое мѣшало ихъ полному счастію.

И всѣ триста юныхъ витязей точно также скакали вдоль и поперегъ всего царства, ища *счастливаго* человѣка, и точно также находили много счастливцевъ, но не нашли ни одного, у котораго не было бы *еще хоть одного* неисполненнаго желанья.

Digitized by Google

А тотъ не вполнѣ счастливъ, у кого есть какое-нибудь еще неисполненное желанье.

И, понапрасну измучивъ борзыхъ коней, сами измученные, возвращались печальные витязи съ безуспѣшныхъ поисковъ; никто не нашелъ счастливца, никто не могъ добыть и рубашки счастливаго человѣка.

Съѣхались они близъ столицы, на проселочной дорогѣ, и, передавая другъ другу свое великое горе, ѣхали шагомъ къ большой столбовой дорогѣ.

— О, какой позоръ!—восклицали они,—въ нашемъ прекрасномъ и обширномъ царствѣ нѣтъ ни одного истинно-счастливаго человѣка, и наша прекрасная и добрая, какъ ангелъ, царевна должна умереть! О срамъ! о позоръ! о несчастіе! Горе намъ живущимъ въ странѣ несчастной!

Убитые печалью, подъѣзжали они по проселку къ большой дорогѣ, и видятъ—передъ ними дорожныя ворота заперты; а у воротъ, въ шалашѣ, лежитъ босоногій сторожъ и поетъ глупую пѣсню.

— Эй, дурачина! отворяй ворота!—кричитъ ему верховая свита.

— Погоди, допою пѣсню,—отвѣчаетъ сторожъ и допѣваетъ свою глупую пѣсню.

Потомъ всталъ, отворилъ ворота и началъ потягиваться и зѣвать сладко, не глядя на витязей.

Витязи проѣхали, улыбаясь; послѣдній, видя бѣдность босаго и безъ шапки сторожа, кинулъ ему золотую монету. Но чудакъ не поднялъ, а взглянулъ на нее презрительно, затворилъ ворота и опять улегся въ свой шалашъ.

— Подними золото и возьми себѣ!—кричитъ ему витязь.

— А на что мнѣ оно?—отвѣчаетъ чудакъ.

И витязь осадилъ своего коня. Слѣзъ онъ съ сѣдла, подошелъ къ шалашу и началъ разспрашивать чудака:—чего ты хочешь?—все тебѣ дамъ!

— Я ничего не хочу и ничего мнѣ не надо,—отвѣчаетъ чудакъ.

— Такъ ты счастливъ?—спрашиваетъ, задыхаясь отъ радости, витязь.

— А разумѣется— счастливъ!

— И совершенно ничего не желаешь?

— И ни-ни, ни синя пороху!

И, въ несказанномъ восторгѣ, окружили витязи, чудака схва-

Digitized by Google

тили его на руки, посадили на самаго лучшаго коня и, съ воплемъ радости, поскакали въ столицу, прямо къ царскому дворцу.

А тамъ ужъ, издали, съ высокихъ башенъ видятъ герольды радостный поѣздъ; дали знать—и по всей столицѣ загудѣли колокола, по улицамъ и домамъ развѣялись цвѣтныя знамена; тихая музыка играетъ торжественную встрѣчу, и народъ провозглашаетъ царевнѣ многія лѣта, а витязямъ честь и славу.

Несутъ чудака-счастливца на рукахъ во дворецъ; встрѣчаетъ его обрадованный царь, и витязи кричатъ:—ура! государь, прекрасная царевна спасена!...

—Сюда, прямо, сюда вести его, къ ложу моей страждущей дочери!—кричитъ царь.

И самъ кинулся къ нему:—скорѣй раздѣть его, снять съ него *счастливую рубашку!*... О, радость!...

Снимаютъ съ чудака ветхой армякъ... О ужасъ!... Во всемъ царствѣ нашелся одинъ счастливый человѣкъ—да и тотъ безъ рубашки;—на чудакѣ, подъ армякомъ, ничего, кромѣ своей собственной кожи, не было.

И въ эту минуту—царевна умерла...

Digitized by Google

Digitized by Google

О СОКОЛѢ СИЗОКРЫЛОВИЧѢ,

о Соколихѣ Сизокрыловнѣ

И О КУЛИКѢ-МУДРЕЦѢ НОСАТОМЪ.

СКАЗКА.

Въ дремучемъ лѣсу, на древнемъ дубу, въ широкомъ гнѣздѣ, сидѣлъ Соколъ Сизокрыловичъ, съ подругой своей Соколихой Сизокрыловной.

Правилъ-повелѣвалъ Соколъ Сизокрыловичъ всѣмъ пернатымъ царствомъ, птичьимъ народомъ: отъ Пичужки до Кречета, отъ Кулика до Лебедя, на семьсотъ семьдесятъ семь верстъ кругомъ своего гнѣзда во всѣ четыре стороны,—по всѣмъ лѣсамъ, перелѣскамъ, полямъ, лугамъ, болотамъ и мочежинамъ.

Правилъ онъ милостиво и справедливо: взвивался подъ облака, обозрѣвалъ свое царство и, охоты ради, спускался иногда стрѣлой на гусей-лебедей, на жирную перепелицу и прочую красную птицу. А ястребамъ и кречетамъ не давалъ воли,—держалъ ихъ въ острасткѣ; подѣлилъ имъ лѣса и поля на участки,—всякъ у себя живись, ѣшь, пей, и мелкую птицу бей, а въ запретные лѣса залетать не смѣй! Все, значитъ, было, какъ слѣдуетъ, въ порядкѣ.

Но правда на свѣтѣ одна—„что у людей говорится, то и у звѣрей творится“. А сказано слово не ново:—„гдѣ хвостъ начало—тамъ голова мочала!“

Точно такая же бѣда приключилась и съ Соколомъ Сизокрыловичемъ. „Всѣмъ бы Куликъ, да носъ коротокъ!“—говоритъ пословица; и Соколъ Сизокрыловичъ былъ—всѣмъ бы Соколъ, да сердце имѣлъ слабо,—командовала имъ его баба, то есть Соколиха Сизокрыловна.

Холилъ онъ ее и ласкалъ, и до того избаловалъ, что прихотямъ ея не стало и конца: и то ей не такъ, и это не эдакъ;

Digitized by Google

нахохлится начупыжится, и сидитъ, обозлившись. Соколъ передъ ней круги выписываетъ и такъ, и сякъ:—не хочешь ли того, и сего, со дна морскаго, изъ-подъ каменныхъ горъ, съ облаковъ поднебесныхъ?

— Ничего не хочу!—ворчитъ Соколиха.

— Что за лихо?—думаетъ Соколъ;—да скажи же, что тебѣ угодно?—все добуду.

— А вотъ, что угодно,—ворчитъ Соколиха:—на плетеномъ гнѣздѣ сидѣть мнѣ обидно и стыдно! Нѣшто я насѣдка какая?..

— Какого же гнѣзда ты желаешь?

— Хочу, что бы былъ построенъ дворецъ изъ косточекъ всѣхъ птицъ, какія въ нашемъ царствѣ есть!

— Давно бы сказала!

И взмахнулъ Соколъ крыломъ, — только посвистъ по лѣсу раздался, — крикнулъ ястребамъ, кречетамъ и копчикамъ проворнымъ: —сейчасъ, сію минуту, и какъ можно поскорѣй, стремглавъ летѣть по всѣмъ трущобамъ, лѣсамъ, перелѣскамъ, по кустовью, низовью, лугамъ, смугамъ и болотамъ, и собрать изъ всѣхъ птицъ, всякаго племени и роду, по двѣ,—значитъ, всякой твари по парѣ,—и представить всѣхъ ихъ къ нему, Соколу Сизокрыловичу, на послѣдній смотръ и всеконечное избіеніе.

И по всему лѣсу загудѣло, засвистѣло, затрещало и запищало.

Въ трепетѣ прячутся птицы по бурелому и древесному лому, по густымъ кустамъ и глубокимъ дуплинамъ; кречеты и ястреба выбиваютъ ихъ оттоль взмахомъ крылинымъ, тащутъ за хохлы, за чубы, за шиворотъ,—крыльями внизъ, ногами на выворотъ,—и всѣхъ сажаютъ рядкомъ предъ гнѣздомъ Соколинымъ.

Сидятъ, повѣся носы, аисты, цапли, журавли, гуси, лебеди, утки болотныя, свиристѣли и дрозды перелетные, желна, иволга, перепелица, и всякая прочая птица; всѣ пріуныли, хвосты опустили, жалобно попискиваютъ и вздыхаютъ—неминучей смерти себѣ ожидаютъ.

— Всѣ-ли?—вопитъ Соколъ.

— Всѣ,—отвѣчаетъ Кречетъ.

— Провѣрить по списку!

Тутъ и начались писки; значитъ,—пошла перекличка. Грамотный пугачъ, придворный сказочникъ и ночной писатель, сталъ выкликать птицъ по порядку. Всѣ откликались:—я.

А подъ самый конецъ списка кричитъ:—Куликъ!

Никто и не пикъ!

Digitized by Google

— Куликъ!.. — надрывается Пугачъ; а его нѣтъ — хоть ты плачъ!

И пошла суматоха...

Всѣ кречеты и ястребы опять разлетѣлись Улика искать по смугамъ, низинамъ и болотамъ, — по Куликовымъ охотамъ, — а Улика нѣтъ какъ нѣтъ; его и слѣдъ простылъ.

Соколиха обозлилась. У Сокола глаза кровью налились. Всѣхъ объяло трепетомъ; летитъ кречетъ за кречетомъ; а Улика— нѣтъ какъ нѣтъ!

Соколъ съ Соколихой въ конецъ разъярилися, и всѣ кречета въ конецъ истомилися. Ужъ и солнце хочетъ за лѣсъ садиться; вдругъ, видятъ—летитъ Куликъ.

— А, вотъ я тебя, долгоносый! —завопилъ Соколъ.—Казнить его сейчасъ!

— Не прикажи, государь, казнить, а прикажи говорить, — промолвилъ спокойно Куликъ и, въ знакъ почтенія, опустилъ носъ, а крылья сложилъ за спиной.

— Гдѣ ты пропадалъ и отчего опоздалъ?

— Я для твоей славы по царству леталъ.

— Врешь, мошенникъ, ты хотѣлъ улетѣть изъ подъ моей власти!

— Никакъ нѣтъ; я занимался по ученой части.

— А вотъ увидимъ, —говоритъ Соколъ;—я самъ стану тебя экзаменовать, — чуть соврешь — велю въ пухъ и перья расклевать!

— Слушаю-съ.

— Ну, говори мнѣ, чего въ моемъ царствѣ больше—земли, или воды?

— Воды,—отвѣчаетъ Куликъ.

— Какъ такъ?—закричалъ Соколъ;—всего одинъ ручей бѣжитъ по болоту, а земли у меня безъ счету! Ты врешь!

— Никакъ нѣтъ-съ. Земли у насъ, дѣйствительно, видно больше, но она вся тутъ, сколько ее видно; а вода и въ ручьѣ, и въ болотѣ, и всюду тамъ, гдѣ ее и не видно; гдѣ ни копнешь носомъ поглубже—вездѣ вода. Значитъ, воды у насъ больше.

— Правда,—проворчалъ Соколъ.—Ну, говори, чего въ моемъ царствѣ больше—горъ, или долинъ?

— Горъ больше,—отвѣчалъ Куликъ.

— Какъ такъ?.. горы у насъ всѣ счетомъ, а ровнаго мѣста и глазомъ не обозрѣть!.. Ты врешь!

— Никакъ нѣтъ-съ. Это только кажется, что у насъ меньше

Digitized by Google

горъ, а, въ сущности, между двухъ горъ всегда одна долина; значитъ—горъ вдвое больше.

— Правда,—воркнулъ Соколъ.—Ну, говори, котораго пола въ моемъ царствѣ больше—бабъ, или мужчинъ?

— Бабъ больше,—отвѣчалъ Куликъ.

— Теперь-то врешь!—возопилъ Соколъ;—я доподлинно знаю, что всѣхъ у насъ по парѣ; значитъ, ровнехонько — и бабъ, и мужчинъ!

— Это совершенная правда,—отвѣтилъ покорно Куликъ;—одначе, и тотъ самецъ, который слушаетъ свою бабу — самъ баба:—слѣдовательно, бабъ у насъ выйдетъ гораздо больше.

Нахмурился Соколъ, встрепенулся, зыркнулъ на Соколиху, махнулъ крыломъ и крикнулъ всѣмъ птицамъ: — пошли прочь! летайте на волѣ!

И вспискнули, сорвавшись, птицы, полетѣли и весело защебетали по лѣсамъ, перелѣскамъ, лугамъ, полямъ и мочежинамъ, и все царство огласилось радостной пѣсней:

„Честь и слава Кулику болотному, мудрецу долгоносому!

„Ура“!..

И это слышно было вездѣ,—даже въ Соколиномъ плетеномъ гнѣздѣ!

Digitized by Google

БОЖЕСКОЕ ПРАВОСУДІЕ *).

ТРИ РАЗСКАЗА.

ОТЪ АВТОРА.

Добро и зло, правда и ложь—отъ вѣка враждуютъ и борются между собою на свѣтѣ. Въ этой неустанной борьбѣ ложь очень часто торжествуетъ, но торжество это—временное; а побѣда въ концѣ всегда остается за правдой, потому что защитникомъ правды является самъ Богъ.

Конечно, и человѣческіе законы защищаютъ только правду, а все злое и лживое преслѣдуютъ и карaютъ. Но—одинъ Богъ безъ грѣха; а людямъ, даже самымъ разумнымъ и добрымъ, свойственна погрѣшимость, ошибочность.

Защита добра и правды противъ зла и лжи называется *правосудіемъ*. Поэтому, нѣтъ ничего выше и почтеннѣе правосудія; оно защищаетъ наше спокойствіе и счастіе противъ всякаго зла.

Но, какъ сказано, человѣку свойственно ошибиться; слѣдовательно—и правосудіе человѣческое несовершенно; самые добросовѣстные и проницательные судьи могутъ быть обмануты хитростью и изворотливостью лжи. Были примѣры, что честнѣйшіе и мудрые судьи не только оправдывали преступныхъ, но даже осуждали невинныхъ. Это—попущеніе Божіе!

Въ чаяніи такихъ ошибокъ, преступные и лживые люди предъ судомъ часто лгутъ, клевещутъ, изворотами и запира-

*) Настоящіе разсказы хотя и сопровождаются въ большинствѣ изданій скромной помѣткой «подъ редакціей А. Погосскаго», но, на самомъ дѣлѣ, принадлежатъ перу именно этого автора. Правда, сюжеты ихъ заимствованы; однако это ничуть не умаляетъ достоинства разсказовъ и не лишаетъ А. Ѳ. Погосскаго права быть ихъ истиннымъ авторомъ. *Прим. ред.*

Digitized by Google

тельствомъ стараются обмануть проницательность судей; и это иногда удается.

Но удача эта не прочна. Кромѣ суда людскаго, есть еще судъ безошибочный и всевидящій—судъ Божій. Судъ этотъ неизбѣженъ,—ни одно преступленіе, ни даже малѣйшая ложь не минетъ этого суда; оправданный людьми, преступникъ осуждается Богомъ. Рано, или поздно, но непремѣнно разразится надъ головой виновнаго правосудный приговоръ, отъ котораго нельзя ни оправдаться, ни укрыться.

Если бы знали и вѣрили преступники, что только одно скорое и искреннее сознаніе, и одно покаяніе можетъ предотвратить грозный и справедливый судъ Божій надъ ними, то въ ужасѣ поспѣшили бы они открыть всѣ самые тайные проступки свои предъ судомъ людскимъ, и заслуженною карою искупить свою виновность. Никто не сталъ бы лгать, запираться и клеветать, а какъ дитя спѣшилъ-бы сознать вину свою, чтобы очистить совѣсть передъ всевидящимъ Богомъ,—да помилуетъ его Господь!

Къ несчастью, не всѣ понимаютъ это, не все вѣрятъ въ неизбѣжность кары справедливой.

А кара эта неминуема, и чаще всего постигаетъ виновнаго именно тогда, когда онъ не ожидаетъ ее. Онъ уже оправданъ людьми, помирился съ совѣстью своею, забылъ преступленіе и думаетъ только о своемъ счастьи,—какъ въ это самое время. въ эти самыя сладкія минуты самозабвенія, и разражается надъ нимъ *правосудіе Божеское.*

Поздно узнаетъ оправдавшійся преступникъ, что отъ справедливаго гнѣва Божія нигдѣ не скроешься, и что на землѣ нѣтъ счастья безъ правды.

Въ предлагаемыхъ разсказахъ описаны три истинныя происшествія. Для человѣка вѣрующаго—они убѣдительны, для маловѣрнаго—назидательны, для всѣхъ—любопытны.

Въ первомъ разсказѣ объясняется долготерпѣніе Божеское, ожиданіе раскаянія преступника и, наконецъ, судъ Божій надъ нимъ. Происшествіе это извѣстно въ народѣ *).

Второй разсказъ написанъ самимъ подсудимымъ, со всею откровенностью честнаго человѣка. Въ этомъ происшествіи совокупилось такъ много назидательнаго, что, вникнувъ во всѣ по-

*) Считаемъ необходимымъ добавить отъ себя, что и до сихъ поръ, съ разными варіантами, разсказываютъ въ Бѣлоруссіи о событіяхъ описываемыхъ въ разсказѣ «Судъ Провидѣнія.» *Прим. ред.*

Digitized by Google

дробности его, нельзя не дивиться и не благоговѣть предъ Провидѣніемъ, которое обличило и искустно скрытое, забытое преступленіе, и несовершенство суда людскаго, и даровало торжество чистой душѣ невинной дѣвицы, образовавшей свой умъ и сердце трудомъ и наукой, и, наконецъ, наградило испытуемаго честнаго человѣка.

Разсказъ этотъ переведенъ съ англійскаго языка, литература котораго очень богата прекрасными произведеніями чисто христіанскаго направленія.

Третій разсказъ—также общеизвѣстное происшестіе. Застарѣлый злодѣй, многіе годы укрывавшійся отъ правосудія, казнится самъ собою на мѣстѣ преступленія *).

Прочтя эти невымышленные разсказы, невинный человѣкъ убѣдится, что само Провидѣніе хранитъ покой и счастіе добрыхъ; а виновный и несущій кару—утѣшится, — наказаніе искупаетъ его грѣхъ и спасаетъ его душу отъ страшнаго всякому христіанину гнѣва Божія.

*) Преданіе объ этомъ истинномъ происшествіи было уже разсказано О. И. Сенковскимъ, подъ этимъ же заглавіемъ. Считаемъ себя вправѣ пересказать его въ иной формѣ нашимъ читателямъ. *Прим. авт.*

Digitized by Google

Digitized by Google

СУДЪ ПРОВИДѢНІЯ.

I.

Въ началѣ 1820-хъ годовъ, въ Бѣлоруссіи появилась шайка бродягъ, прозванныхъ, по имени предводителя своего—Тришками. Этотъ Тришка сперва пошаливалъ, какъ обыкновенный бродяга, воруя лошадей и подламывая крестьянскія коморы и господскія кладовыя; но вскорѣ набралъ онъ шайку разныхъ бѣглецовъ, вооружилъ ихъ, и распространилъ ужасъ не только по проселкамъ и захолустьямъ, но и по большимъ дорогамъ и мѣстечкамъ. Въ то время земская полиція была еще плохо устроена, и всѣ усилія ея поймать Тришку не удавались.

Дерзкій разбойникъ по-часту являлся одинъ — то въ корчмахъ, то въ избахъ зажиточныхъ крестьянъ, и даже видывали его на сельскихъ ярмаркахъ. На лихомъ конѣ, шапка на бекрень, съ трубочкой въ зубахъ, проѣдетъ, бывало, чрезъ всю ярмарку, кивая головой знакомымъ цыганамъ, жидкамъ и корчмарямъ. Не успѣютъ дать знать становому приставу, или кому-нибудь изъ полиціи—ужъ его и слѣдъ простылъ.

Всѣ облавы и засады противъ него и его шайки кончались ничѣмъ; тутъ его обходятъ—а онъ, въ то же время, уже верстъ за тридцать натворитъ такой бѣды, что страшно слушать. Если же попадется, бывало, то всегда вывернется, или прорвется, даже сквозь цѣпь вооруженныхъ людей. Два раза, однако, онъ былъ пойманъ и подъ крѣпкимъ конвоемъ отвезенъ въ острогъ, но въ оба раза бѣжалъ самымъ хитрымъ способомъ: разъ—прошелъ въ ворота острога, переодѣтый старой бабой, съ коромысломъ и ведрами, другой разъ — вывезенъ въ возѣ мусора изъ острожнаго двора, при чемъ такъ ловко закопался въ навозъ, что подводчикъ, вывозившій мусоръ, и не подозрѣвалъ, какое сокровище везетъ онъ, и только за городомъ, сваливъ возъ въ

Digitized by Google

ярь, съ ужасомъ увидѣлъ предъ собой Тришку. Разбойникъ преспокойно всталъ, выпрягъ коня, сказалъ спасибо остолбенѣлому ротозѣю—и былъ таковъ, и съ конемъ вмѣстѣ, ускакалъ.

Разумѣется, всѣ эти похожденія разсказывались въ народѣ съ такими прикрасами и чудесами, что всѣ вѣрили въ сверхъестественную силу хитраго разбойника. Всѣ были убѣждены, что ни пуля, ни сабля не берутъ его, никакія оковы не держатъ, и никакая человѣческая сила ничего съ нимъ не подѣлаетъ. При томъ же Тришка безпощадно и звѣрски грабилъ только богатыхъ, а бѣдныхъ не трогалъ, и даже пособлялъ имъ, особенно тѣмъ, которые помогали ему, скрывая его и передавая ему разныя вѣсти. Поэтому-то и трудно было поймать его.

Но Тришка злодѣйствовалъ страшно. Звѣрскія дѣла его наводили ужасъ на всѣхъ сколько-нибудь зажиточныхъ людей не только въ селеніяхъ, но и въ городахъ, — и тамъ бывали примѣры ночнаго грабежа, иногда съ убійствомъ. И не только въ Бѣлоруссіи, но и въ сосѣднихъ губерніяхъ скоро узнали Тришку горькимъ опытомъ.

Тогда начальство приняло строжайшія мѣры: приказано было во что бы то ни стало, поймать Тришку и всю его шайку.

Почти у самой заставы небольшаго города П* была маленькая усадьба съ надворными постройками, садомъ и огородомъ. Въ ней издавна жила старушка, вдова какого-то чиновника. При ней былъ старикъ-работникъ и солдатка-работница. У старухи было небольшое хозяйство: коровы, мелкая скотина, птица; люди сказывали, что въ спальнѣ ея, въ окованномъ сундучкѣ, хранился изрядный капиталецъ, оставшійся по покойникѣ мужѣ, великомъ скопидомѣ.

Пріѣхала къ старушкѣ изъ губернскаго города овдовѣвшая дочь ея, съ грудным ребенкомъ, и поселилась у матери.

Вскорѣ послѣ пріѣзда ея, въ одно воскресенье, старушка отпустила слугъ своихъ въ городъ, къ ранней обѣднѣ. Сама она, по нездоровью, идти не могла; дочери также нельзя было отлучиться отъ груднаго ребенка;—онѣ и остались вдвоемъ.

Часа черезъ три старикъ съ солдаткой, закупивъ кое-что изъ съѣстнаго, возвратились домой, и, каковъ былъ ихъ ужасъ, когда они, войдя въ домъ, увидѣли разбитый сундукъ, а старушку и дочь ея — на полу, лежащими бездыханно, въ лужѣ крови!

На крикъ и отчаянные вопли солдатки сбѣжались сосѣди: вскорѣ пришли полицейскіе чиновники, лекарь и много народу.

Digitized by Google

Заглянули въ колыбель, — проснувшійся ребенокъ улыбался и протягивалъ ручонки. Его пощадили злодѣи.

Начались разспросы и допросы людей;—никто ничего не видалъ и не слыхалъ. Одинъ только парень показалъ, что, идя съ ведромъ по-воду, къ криницѣ, которая была у самаго въѣзда въ городъ, онъ замѣтилъ двухъ человѣкъ верхомъ, поскакавшихъ по дорогѣ, какъ будто отъ усадьбы, потому что мимо его не проѣзжали, и больше негдѣ имъ быть, какъ на хуторѣ.

Въ толпѣ вскрикнуло нѣсколько голосовъ: — Тришка злодѣй!..— его рукъ дѣло!

Парень подтвердилъ эту догадку и такъ описалъ вершниковъ, что и сомнѣнія не оставалось, что это былъ самъ Тришка.

Слѣдователи спросили о собакахъ. Оказалось, что въ усадьбѣ ихъ было двѣ: одна большая, увязалась за работниками, проводила ихъ до самой церкви и съ ними же возвратилась; а маленькую, комнатную, скоро нашли подъ кроватью издыхающую, съ разбитой головой.

Допросили толкомъ и парня—почему онъ оставался дома и ходилъ за водой во время обѣдни? Оказалось, что онъ единственный сынъ бѣдной вдовы, которая уже два мѣсяца лежала въ постели больна. Люди показали, что парень, хоть и нелюдимъ какой-то, но занимается поденщиной и кормитъ свою больную мать. Вдову эту нашли почти умирающею, уже безъ языка; именно въ этотъ день она перестала говорить и глядѣла въ нѣмомъ предсмертномъ отупленіи.

Подозрѣній ни на кого не было. Составили протоколъ. Никакой родни у покойницъ не нашлось; одинъ, изъ бывшихъ тутъ, старикъ, отставной офицеръ, вдовый и бездѣтный, изъявилъ желаніе взять ребенка на свое попеченіе. Нашлась добрая женщина—покормила мальчишку грудью своей, и впредь обѣщала навѣщать до пріисканія кормилицы. Маленькій Павелъ Жердинъ—имя ребенка—записанъ наслѣдникомъ усадьбы. Слѣдствіе кончено.

На другой день прошелъ слухъ, что недалеко отъ города, по той же дорогѣ отъ усадьбы, ограбленъ и избитъ проѣзжій еврей. Къ вечеру его привезли въ городъ полуживаго; однако, кое-какъ добились отъ него показанія, что онъ ограбленъ тремя вершниками. Видимое дѣло — тѣ же, что убили женщинъ: то есть Тришка, съ своей шайкой.

Дневной разбой, почти въ городѣ, возмутилъ всѣхъ. Послано донесеніе губернатору. Всѣ, и старъ и малъ, стали вооружаться и вызывались идти противъ Тришки.

Digitized by Google

Но не прошло и недѣли, какъ пронесся слухъ, что шайка Тришки вся разбита и переловлена, а онъ самъ убитъ при поимкѣ. Слухъ подтвердился; пойманныхъ разбойниковъ допрашивали; слѣдственное дѣло объ убійствѣ въ усадьбѣ также потребовано въ губернскій городъ, и понемногу все успокоилось. Разбой и грабежи прекратились; уѣздная жизнь пошла по старому, тише воды.

Почтенный старичекъ-офицеръ очень привязался къ своему пріемышу, сироткѣ Павлушѣ. Прошло десять лѣтъ; онъ его выучилъ грамотѣ и всему немногому, что самъ зналъ.

Лѣтъ черезъ пять потомъ добрые люди совѣтовали старику опредѣлить названнаго сына его въ земскій судъ канцеляристомъ.

— И ни-ни! и, Боже, упаси!—отвѣчалъ старый служака.— Что бы я сдѣлалъ его *рябчикомъ!* — ни за что! не давай Царь пайка! Пусть идетъ по моей дорогѣ—во фронтъ!

Такъ и сталось. Пришелъ пѣхотный полкъ на стоянку въ эту губернію, — старикъ тотчасъ напялилъ свой двубортный „александровскій“ мундиръ, повезъ молодца въ полковой штабъ, и опредѣлилъ его юнкеромъ.

II.

Въ той же губерніи, и тоже почти у заставы другаго городка, стояла усадьба, вродѣ постоялаго двора, съ огородомъ. Лѣтъ двадцать спустя послѣ знаменитаго Тришки и убійствъ его, эту усадьбу купилъ и поселился въ ней какой-то пришлый мѣщанинъ, по ремеслу мясникъ, и открылъ здѣсь свою торговлю. Былъ онъ человѣкъ одинокій и держалъ двухъ работниковъ. Весь городъ зналъ Ивана Филатовича—такъ прозывался мясникъ— и полъ города было у него въ долгу, — кто до жалованья, кто до заработковъ.

Иванъ Филатовичъ былъ не злой человѣкъ, но только большой чудакъ и угрюмаго нрава; бесѣдъ онъ не любилъ; а если и выпьетъ съ людьми, при случаѣ, то скорѣе наровитъ либо домой—и запрется въ своей комнатѣ—либо въ лѣсъ, подальше, въ чащу, и бормочетъ тамъ что-то скучное про себя. Такой, значитъ, характеръ; а всетаки человѣкъ онъ былъ добрый, только почему-то не любилъ дѣтей. И это случается съ добрыми людьми, хотя очень рѣдко. На младенца и не взглянетъ, бывало. Потому, говорятъ, и не женился; а мужикъ ражій, за сорокъ

Digitized by Google

нѣтъ ему будетъ, и очень состоятеленъ, чуть что не купецъ. Не даромъ на дворѣ держитъ трехъ собакъ такихъ, что каждая съ волкомъ управится;—капиталъ, значитъ, есть.

Разъ какъ-то, въ субботу, оба работника отпросились у него въ баню. Иванъ Филатовичъ остался дома одинъ, усѣлся на завалинѣ и смотритъ на дорогу. Вечерѣло. Ѣдетъ мужичекъ незнакомый и остановился.

— Что, хозяинъ, не купишь-ли теленка? Возилъ въ городъ и не продалъ; ночевать не хочется,—что-то не можется, домой хочу.

— Изволь.

По недолгомъ торгѣ, купилъ Филатовъ теленка. Мужичекъ сказалъ спасибо и уѣхалъ.

— Кстати,—думаетъ мясникъ,—завтра воскресенье,—продамъ. А чѣмъ такъ сидѣть, дай—освѣжую его.

Затащилъ теленка на задворокъ, зарѣзалъ его, сталъ снимать шкуру,—а ужъ стало темнѣть; — вдругъ, слышитъ такой вопль, какъ будто человѣка грабятъ:—спасите, помогите! караулъ!—Кинулъ онъ теленка и, какъ былъ, съ ножемъ въ рукѣ, выбѣжалъ на дорогу. Голосъ крикнулъ отчаяннѣе:—рѣжутъ!—Филатовъ пустился бѣгомъ по дорогѣ,—былъ онъ не трусливъ,—пробѣжалъ съ полверсты. Дорога идетъ лѣсомъ; еще разъ вскрикнулъ, какъ будто невдалекѣ, придушенный голосъ, — мясникъ припустилъ шибче, и, хоть было довольно темно, но онъ видѣлъ, какъ вдали два человѣка перескочили канаву и кинулись въ лѣсъ. Подбѣгаетъ онъ къ этому мѣсту—у дороги лежитъ человѣкъ; недалеко отъ него—коробъ; а по дорогѣ, слышно, скачетъ кто-то верхомъ.

Чрезъ минуту, видитъ — прискакалъ офицеръ и, выставивъ пистолетъ, кричитъ: — стой, разбойникъ, ни съ мѣста! не то—убью!

— Господь съ тобою, баринъ!.. какой я разбойникъ?—я самъ прибѣжалъ сюда на крикъ.

— Стой! — и, обернувшись, офицеръ закричалъ: — эй, ребята! бѣгомъ сюда!—а самъ не сводитъ пистолета съ мясника.

Вскорѣ прибѣжала цѣлая команда солдатъ; всѣ въ походной аммуниціи.

— У кого есть огонь? засвѣти!—велѣлъ офицеръ.

Добыли огня; тьма озарилась. На краю дороги лежалъ зарѣзанный человѣкъ, какъ видно—коробейникъ; тутъ же лежалъ его коробъ съ ремнями; грудь убитаго была открыта. шея глубоко прорѣзана. А передъ нимъ стоялъ мясникъ, съ широ-

Digitized by Google

кимъ окровавленнымъ ножомъ, заткнутымъ, какъ видно, второпяхъ за поясъ...

Всѣ такъ и ахнули:—ахъ, ты, извергъ!

Мясникъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, но клялся всѣми святыми въ своей невинности. Трудно, однако, было вѣрить ему,—улика на-лицо.

— Да на твоемъ ножѣ еще не остыла кровь! — крикнулъ ему офицеръ.

Мясникъ объяснилъ трепещущимъ голосомъ, что онъ только-что зарѣзалъ теленка.

— Взять его! — приказалъ офицеръ.—Веди насъ, гдѣ твой теленокъ!

— А пойдемъ, ваше благородіе.

Мясника повели.

Это была этапная команда, возвращавшаяся послѣ отвода какихъ-то арестантовъ.

Подошли къ усадьбѣ мясника. Офицеръ сошелъ съ лошади.

— Пойдемъ баринъ: вотъ, и теленокъ только-что зарѣзанъ...

Но на задворкѣ, на томъ мѣстѣ, къ которому мясникъ привелъ офицера и нѣсколькихъ солдатъ, никакого теленка не оказалось. Засвѣтили свѣчу, осмотрѣли тщательно весь дворъ. Кровь, какъ на каждомъ мясномъ дворѣ, видна кое-гдѣ, а теленка—нѣтъ.

Ужасъ объялъ мясника; лицо его исказилось, широко-широко раскрытые глаза глядѣли не моргая, на лбу выступилъ потъ..

— Разбойникъ!—произнесъ съ гнѣвомъ и презрѣніемъ офицеръ.—Связать его!

И команда повела мясника въ городъ. Надо же къ этому,—во ста шагахъ встрѣтились работники, возвращавшіеся изъ бани.

— Что за люди?—обозвалъ офицеръ.

Такіе-то и такіе.

Первый вопросъ, который обратилъ къ нимъ офицеръ, довершилъ бѣду.

— Какого теленка зарѣзалъ безъ васъ хозяинъ?

— Да никакого, баринъ. Никакого теленка у насъ и не было: вчера мы рѣзали быка послѣдняго живаго.

Мясникъ началъ было объяснять трепещущимъ голосомъ сущую правду о покупкѣ теленка; но правда казалась такой безстыдной ложью, что раздраженный офицеръ крикнулъ:—молчать, разбойникъ, душегубецъ!—и приказалъ забрать и работни-

Digitized by Google

ковъ, но вести отдѣльно, подальше, чтобы они не сговорились съ преступнымъ хозяиномъ.

Въ прежнее время, какъ извѣстно, судъ былъ не гласный, и производился обыкновеннымъ канцелярскимъ порядкомъ. Впрочемъ, едва-ли и гласный публичный судъ помогъ бы несчастному мяснику,—дѣло казалось слишкомъ очевиднымъ. Офицеръ и солдаты подъ присягой дали точныя и совершенно правдивыя показанія. Работники присягнули, что никакой скотины, кромѣ убитаго и уже разнятаго по частямъ для продажи быка, въ субботу у нихъ не было. На убитомъ коробейникѣ деньги найдены въ цѣлости; кошелекъ въ карманѣ и бумажникъ надѣтъ былъ на шеѣ, на ремешкѣ, и засунутъ за пазуху; видимо было, что убійца не успѣлъ сорвать этотъ бумажникъ. Коробъ былъ тоже не тронутъ.

Приступили къ обыску дома мясника. Онъ уже ободрился и настаивалъ на обыскѣ двора, надѣясь, что, по крайней мѣрѣ, шкура теленка найдется. Но полиція прежде произвела самый тщательный обыскъ въ его собственной комнатѣ. Въ сундукѣ, запертомъ двумя замками, оказалась порядочная сумма денегъ, банковый билетъ, очень старый, и нѣсколько серебряныхъ и золотыхъ вещей хорошей работы.

При видѣ этихъ вещей Филатовъ поблѣднѣлъ, задрожалъ, и вся бодрость его исчезла; онъ даже отказался отвѣчать, откуда достались ему билетъ и вещи. При обыскѣ двора его водили всюду и требовали указанія всѣхъ мѣстъ, складовъ и чулановъ; онъ молчалъ упорно и только трясся, какъ въ лихорадкѣ.

Три огромныя собаки, удержанныя отъ лая работниками, виляли хвостами при видѣ своего хозяина; онъ не обратилъ на нихъ вниманія и даже не высказалъ предположенія, что онѣ могли затащить теленка куда-нибудь въ кусты.

Словомъ, несчастнымъ мясникомъ овладѣлъ какой-то столбнякъ. Вопросы—откуда у него столько разныхъ денегъ и вещей?—пришлось обращать къ работникамъ. Они отвѣчали, что не знаютъ положительно, но что хозяинъ почасту получалъ деньги бумажныя, серебряныя, и золотыя, и даже соглашался принимать вещи отъ должниковъ вмѣсто денегъ.

При неоднократныхъ вопросахъ о самомъ убійствѣ, онъ ничего не говорилъ въ свое оправданіе, и даже не могъ, казалось, повторить связно своего перваго показанія, какъ онъ, снимая шкуру съ теленка, услышалъ крикъ и побѣжалъ съ ножемъ на этотъ крикъ. Онъ повторялъ одно:—не я убилъ этого человѣка.

Пригласили священника. Но и увѣщанія духовнаго отца не

Digitized by Google

развязали языка уличенному; онъ твердилъ все свое:—не я убилъ этого человѣка.—Приказано наблюдать за нимъ въ острогѣ; но и тамъ ничего не замѣтили. Спалъ онъ мало, а все больше лежалъ съ открытыми глазами, или сидѣлъ, не шелохнувшись, какъ будто думалъ глубокую думу, и постоянно молчалъ. Видимо было, что имъ овладѣло тихое и ожесточенное отчаяніе. Были добрые люди, которые отгадывали неповинность мнимаго преступника, и даже священникъ выразилъ передъ судомъ свое сомнѣніе въ его виновности. Но доказательства были слишкомъ очевидны: онъ пойманъ на мѣстѣ преступленія съ окровавленнымъ ножомъ, онъ ясно солгалъ, ссылаясь, что рѣзалъ теленка, котораго не оказалось даже и шкуры, онъ не могъ объяснить, у кого онъ купилъ этого теленка. Да и работники выразили удивленіе, какъ въ такое короткое время ихъ отсутствія хозяинъ успѣлъ купить и самъ освѣжевать теленка? Этого никогда прежде не случалось. Священникъ, одинъ изъ всѣхъ присутствовавшихъ, сомнѣвшійся въ виновности подсудимаго, предложилъ опросить работниковъ:—былъ ли хоть разъ примѣръ, чтобы собаки ихнія утащили мясо и съѣли бы его?—Работники прямо отвѣчали, что собаки у нихъ всегда были сыты остатками послѣ бойни, негодными къ продажѣ, и никогда не случилось, чтобы онѣ таскали мясо.

— Да и собаки наши пріучены не трогать ничего, кромѣ того, что имъ кинутъ,—подтвердили работники.

Священникъ самъ усомнился. Въ особенности настаивалъ въ своихъ показаніяхъ молодой этапный офицеръ. Онъ съ омерзеніемъ говорилъ о безстыдствѣ преступника до той минуты, пока тотъ надѣялся отолгаться, ссылаясь на свое ремесло, не думая, конечно, что офицеръ съ солдатами пойдетъ на задворокъ, удостовѣриться, дѣйствительно-ли онъ зарѣзалъ теленка.

— Но когда ложь обнаруживалась,—говорилъ офицеръ,—то достаточно было видѣть его искаженное лицо, ужасъ и трепетъ его, чтобы ни на минуту не усомниться въ его звѣрскомъ преступленіи.

Вся опрошенная команда показала подъ присягой тоже самое.

Подсудимый былъ осужденъ, безъ всякихъ смягчающихъ вину обстоятельствъ. Упорное молчаніе его только подтверждало въ глазахъ судей его виновность.

Но если-бы человѣческое правосудіе могло прозрѣть всѣ тайны дѣла, разсматриваемаго имъ, то какимъ стыдомъ и ужасомъ покрылось бы оно на этотъ разъ, и съ какимъ мучитель-

Digitized by Google

нымъ сокрушеніемъ свидѣтели узнали бы свою неисправимую ошибку!

Но—человѣку не давно божественнаго всевидѣнія. Мы видимъ ясно только то, что намъ кажется яснымъ; и ложь часто торжествуетъ на землѣ, хотя торжество ея никогда не прочно. Одно Провиденіе владѣетъ несокрушимымъ и вѣрнымъ оружіемъ *правды;* Оно одно вѣрно направляетъ и человѣческую руку. Дѣти грѣха, мы грѣшимъ иногда, даже выполняя божественные законы правосудія.

Подсудимый осужденъ, и приговоръ суда повелѣно исполнить.

III.

Съ самаго ранняго утра на городской площади толпится народъ. Старики, женщины, даже дѣти стекаются туда съ разныхъ сторонъ, кто крестясь и причитая молитву, кто приговаривая сердитыя угрозы всѣмъ беззаконнымъ: — ужо-тка, будетъ ему, окаянному!..

Посреди площади, въ тѣсномъ кругу народа, возвышается какая-то неладная постройка.

— Вона, глянь-ка, кобылка стоитъ! — пошептывались ребятишки.

Молодая женщина глядитъ, опустивъ сложенныя руки; на румяныхъ щекахъ ея блестятъ перекатываясь слезинки;—это-жъ его, сердечнаго, сказнятъ!

— Молчи, дурочка!—молвитъ мужъ, съ жиденькой бородкой мѣщанинъ; — кабы-то всякаго душегуба да миловать, такъ на свѣтѣ добрымъ людямъ и житья не стало-бы.

— Идетъ, идетъ самъ! Катъ идетъ!—зашептали кругомъ.

Толпа раздалась. Въ сопровожденіи двухъ полицейскихъ, вошелъ въ кругъ палачъ, съ своимъ подручнымъ, который несъ подъ мышкой какой-то приборъ.

Всѣ глаза устремились на него съ выраженіемъ нѣкотораго страха. Онъ снялъ съ себя кафтанъ, кинулъ его подручному, приподнялъ шляпу, перекрестился и поклонился народу.

Въ скулистомъ лицѣ его было что-то насмѣшливое и холодное; узкіе глаза какъ будто ни на кого не глядѣли; рыжая окладистая борода лежала на груди и по широкимъ плечамъ. Онъ сталъ расчесывать ее мѣднымъ гребнемъ, потомъ передернулъ плечами, какъ бы охорашиваясь, обтянулъ свою красную

Digitized by Google

кумачевую рубаху и, потирая руки, кивнулъ подручному:—дайко-сь его!

Толпа то шушукалась, то смолкала, не спуская глазъ съ палача; изрѣдка слышался невольный возгласъ со вздохомъ:—Господи, помилуй насъ грѣшныхъ!

Палачъ развернулъ свой инструментъ, какъ фокусникъ, вынимающій изъ ящика чудовищную ядовитую змѣю предъ народомъ, и на лицѣ его изобразилась та же насмѣшка, какъ и у фокусника:—а вотъ, я-де ее ничуть не боюсь! глядите!

— Везутъ, везутъ!—раздались голоса.

Привезли преступника и повели его на лобное мѣсто. Подошелъ къ нему священникъ, тихо почти шепотомъ увѣщевалъ его покаяться, въ сокрушеніи передъ Господомъ Богомъ, въ послѣдній часъ свой и съ миромъ воспріять достойную, искупающую великій грѣхъ его, кару земную.

Преступникъ глубоко молчалъ, сотворивъ земной поклонъ, крестное знаменіе, и поцѣловалъ наперстный крестъ священника.

Тогда чиновникъ громко сталъ читать указъ о приговорѣ преступнику. Всѣ сняли шапки, перекрестились. И затѣмъ исправникъ подалъ знакъ начать экзекуцію.

Преступникъ тихо попросилъ позволенія попрощаться съ народомъ и сказать послѣднее свое покорное слово. Ему это дозволено.

Онъ взошелъ на верхній приступокъ подмостокъ, перекрестился, и низко поклонился на всѣ четыре стороны, провелъ рукой по блѣдному, какъ полотно, лицу своему, и, въ общей мертвой тишинѣ, началъ не громкимъ, но внятнымъ голосомъ:—народъ православный! каюсь передъ тобой, все едино, какъ передъ Самимъ Господомъ Богомъ милосерднымъ!..

Глухой вздохъ прошелъ по всей толпѣ.

— Непригоже мнѣ теперь сказать неправду,—скажу по истинѣ: казнитъ меня не судъ человѣческій, а судъ Самого Господа всевѣдущаго и всевидящаго. Въ смерти этого человѣка, что зарѣзанъ теперь—видитъ Богъ—я неповиненъ...

Стоявшій поодаль молодой этапный офицеръ съ негодованіемъ произнесъ было:—ссъ!..—какъ бы желая заставить замолчать лгущаго; но преступникъ продолжалъ, словно нехотя возвышая голосъ:—а побольше двадцати лѣтъ тому назадъ, далеко отсель, сотворилъ я, окаянный, грѣхъ горше этого—въ окаянности моей, прибытку ради, ограбилъ я домъ и убилъ старуху слабую, и женщину, мать младенца еще безсловеснаго...

Digitized by Google

— Боже всемогущій!—раздался голосъ.

Всѣ обернулись.

Молодой офицеръ вышелъ впередъ толпы и тихо сказалъ преступнику:—ты убилъ мою мать...

Офицеръ этотъ былъ именно—сирота Павелъ Жердинъ.

Онъ ушелъ, закрывъ лицо руками. Всѣхъ объялъ трепетъ; а преступникъ не могъ выговорить ни слова; ужасъ сковалъ ему языкъ. Онъ простоналъ и упалъ на колѣни.

Въ мертвой тишинѣ тысячи людей чувствовалось присутствіе невидимой, но необоримой таинственной силы—силы правосудія божескаго.

Оказалось что Иванъ Филатовъ былъ тотъ самый парень, который двадцать лѣтъ назадъ, убивъ старуху и дочь ея, далъ показаніе слѣдователямъ, будто видѣлъ двухъ вершниковъ, ускакавшихъ съ усадьбы. Двадцать лѣтъ никто на свѣтѣ не зналъ о его преступленіи,—и вотъ, онъ объявилъ о немъ самъ, всенародно.

Несчастный былъ казненъ, и не вынесъ давно заслуженной казни,—его подняли мертвымъ.

Молитвенникъ моей жены.

Лѣтомъ 1854 года небольшой пароходъ „Король Августъ“, на пути изъ Бразиліи, остановился въ гавани нашего города Бостона. Онъ запасся свѣжими припасами и долженъ былъ плыть далѣе, къ Нью-Іорку. Я былъ очень молодъ и давно собирался оставить родной городъ, чтобы попытать счастья въ другихъ мѣстахъ; мнѣ хотѣлось побывать именно въ Нью-Іоркѣ. Забравъ свой небольшой скарбъ, я отправился на пароходъ и получилъ мѣсто въ каютѣ, уже занятой однимъ пассажиромъ.

Въ тѣснотѣ люди знакомятся скоро. Товарищъ мой оказался очень непокладливымъ человѣкомъ; высокій, неуклюжій и угрюмый, онъ былъ порядочно неотесанъ, но богатъ, и потому считалъ себя вправѣ обращаться со всѣми грубо. Чѣмъ больше знакомился я съ нимъ, тѣмъ противнѣе онъ становился мнѣ; точно то-же, какъ кажется, чувствовалъ и онъ ко мнѣ; а такъ какъ у насъ была общая и довольно тѣсная каюта, то поне-

Digitized by Google

волѣ приходилось намъ сталкиваться частенько, и очень непріятно.

Онъ назывался Вильгельмомъ Пигеромъ.

Какъ-то разъ, послѣ ужина, сидѣли мы въ своей каютѣ за столикомъ и молча пили пуншъ. Вдругъ, пароходъ отъ быстраго поворота сильно качнулся, стаканъ мой опрокинулся, и горячій пуншъ полился прямо къ Пигеру на колѣни.

— Медвѣдь!—закричалъ онъ,—развѣ вы не можете вести себя приличнѣе и не обливать кипяткомъ?

Я хладнокровно отвѣтилъ ему, что тутъ нѣтъ ничего медвѣжьяго и неприличнаго съ моей стороны,—виноватъ случай.

— Случай!.. такіе случаи между нами ужъ слишкомъ часты. Однако же, за этотъ я потребую у васъ удовлетворенія, какъ только мы будемъ на твердой землѣ. Если вы мужчина—что очень сомнительно—то я принужу васъ...

— Вы меня принудите?..

— Да, вылить на меня другой стаканъ пуншу,—прервалъ онъ, презрительно улыбаясь.—Трусъ!..

Я вспыхнулъ, схватилъ его за шиворотъ и такъ встряхнулъ, что онъ едва не упалъ. Но, вскочивъ на ноги, онъ выхватилъ изъ кармана пистолетъ и выстрѣлилъ. Пуля свиснула надъ моей головой и разбила окно. Разъяренный сумасбродъ выхватилъ другой пистолетъ; но я поймалъ его руку,—мы стали бороться. Въ эту минуту на выстрѣлъ ворвался въ каюту капитанъ съ матросами; насъ разняли, и Пигера укротили.

Я объяснилъ въ чемъ дѣло. Капитанъ потребовалъ отъ насъ обоихъ честнаго слова удержаться отъ всякихъ споровъ, пока мы на пароходѣ; иначе онъ обѣщалъ держать насъ взаперти до конца путешествія. Онъ не хотѣлъ слушать никакихъ возраженій; пришлось покориться.

— Для меня рѣшительно все равно, господа,—объявилъ капитанъ;—разстрѣляйте вы другъ друга какъ вамъ угодно, только не на моемъ пароходѣ; здѣсь я ничего подобнаго не позволю. Если желаете, я васъ высажу на берегъ хоть сейчасъ и позабочусь о вашихъ трупахъ; но здѣсь ведите себя спокойно, непремѣнно!

Я остался въ каютѣ, твердо рѣшившись никогда не произнести ни одного слова съ Пигеромъ. Онъ вышелъ изъ каюты на палубу и не приходилъ всю ночь.

На другой день мы завтракали въ общей каютѣ; Пигеръ не являлся. Послѣ завтрака капитанъ взялъ меня подъ руку, отвелъ всторону и сталъ очень дружески предостерегать насчетъ Пи-

Digitized by Google

гера: — будьте на сторожѣ, избѣгайте этого человѣка; онъ не задумается при случаѣ столкнуть васъ за бортъ, или всадить вамъ потихоньку ножъ въ бокъ. Я привыкъ узнавать людей съ перваго взгляда,—остерегайтесь!

Онъ пожалъ мнѣ руку, значительно кивнулъ головой и ушелъ.

Черезъ минуту онъ громко спросилъ повара:—отчего вы не убираете со стола?

— Господинъ Пигеръ еще не завтракалъ,—отвѣтилъ поваръ.

— Кто не является въ свое время къ столу, тотъ, значитъ, ѣсть не хочетъ. Господинъ Пигеръ, какъ кажется, питается своей злобой. Убирайте со стола.

Я вышелъ на палубу и оставался тамъ все время, пока колоколъ не прозвонилъ къ обѣду. Мы сѣли за столъ: капитанъ, штурманъ, должностныя лица парохода и я. Пигера не было.

— Позовите же господина Пигера,—приказалъ капитанъ;— мы не желаемъ изъ-за него ѣсть холодный обѣдъ.

Поваръ постучалъ въ каюту—отвѣта не было; онъ отворилъ дверь, заглянулъ туда:—господина Пигера тутъ нѣтъ, господинъ капитанъ.

— Какъ нѣтъ? гдѣ же онъ? Кто видѣлъ его сегодня?

Начались разспросы. Никто Пигера не видалъ въ этотъ день. Машинистъ сказалъ, что онъ будто бы видѣлъ его вчера, поздно вечеромъ, на палубѣ, но не ручается навѣрное — онъ-ли это былъ?

— Куда же онъ дѣвался?—спросилъ капитанъ, обводя всѣхъ глазами, и, остановивъ ихъ на мнѣ, продолжалъ:—Пигеръ непремѣнно долженъ быть на пароходѣ, если только кто-нибудь не перетолковалъ по своему моихъ предостереженій...

Меня это кольнуло; но тотчасъ же, овладѣвъ собою, я отвѣтилъ спокойно: — увѣряю васъ, капитанъ, что я не выходилъ изъ каюты всю ночь до завтрака, а до обѣда былъ на палубѣ, и со вчерашней непріятности въ глаза не видалъ Пигера.

Стали розыскивать по всему пароходу, допрашивать всѣхъ,— все напрасно. Поваръ, однако, вспомнилъ, что вчера, послѣ нащей ссоры, Пигеръ очень много пилъ пуншу; а машинисту показалось, что человѣкъ, котораго онъ ночью принялъ за Пигера, имѣлъ очень нетвердую походку, хотя онъ опять-таки не ручается, что это былъ непремѣнно Пигеръ.

При розыскѣ обнаружилось только одно странное обстоятельство—въ желѣзной цѣпи рулевой лодки замѣтили окованную мѣдью скобку; она такъ застряла въ узлѣ цѣпи, что ее съ тру-

Digitized by Google

домъ вытащили оттуда. Она была новая и блестящая, и, видимо, кинута туда сильнымъ швыркомъ. Стали догадываться, откуда взялась эта скоба; наконецъ, нашли, что это одна изъ запасныхъ скобъ, которыя хранились за рѣшеткой у мачты. Посторонній человѣкъ не могъ бы ее оттуда вытащить. Обстоятельство крайнѣ странное. Однако, Пигера нѣтъ!

Дѣло занесли въ пароходный журналъ—и все пошло по прежнему, какъ будто ровно ничего не случилось. Но я не могъ не замѣтить, что на меня посматривали не совсѣмъ довѣрчиво; за мной втихомолку слѣдили, надо мной, видимо, тяготѣло подозрѣніе. Мнѣ стало такъ грустно и тяжело, что иногда, въ безотрадномъ раздумьѣ, я даже завидовалъ Пигеру, безмятежно покоившемуся на днѣ океана. Ничего не можетъ быть тягостнѣе подозрѣнія честныхъ людей.

Путешествіе наше близилось къ концу. Мы вошли въ нью-іорскую гавань. Капитанъ тотчасъ же представилъ все дѣло о Пигерѣ въ надлежащее судебное мѣсто. Послѣ надлежащаго изслѣдованія всѣхъ, даже самыхъ мелочныхъ обстоятельствъ, и по опросу всего экипажа, судъ очень скоро рѣшилъ, что ни противъ кого, и въ особенности противъ меня, нѣтъ никакихъ достаточныхъ доказательствъ. Нетрезвый Пигеръ могъ и самъ кинуться, или свалиться за бортъ. Я былъ объявленъ свободнымъ.

Пароходъ ушелъ; а я тотчасъ же рѣшился возвратиться домой, и уѣхалъ, поклявшись въ душѣ никогда болѣе не бывать въ Нью-Іоркѣ и его округѣ.

Прошло десять лѣтъ послѣ этого несчастнаго происшествія. Я занимался въ банкирской конторѣ. Мнѣ, что называется, повезло, и къ концу десятаго года я уже имѣлъ собственную контору, болѣе ста тысячъ рублей капитала, и пользовался полнѣйшимъ довѣріемъ всѣхъ честныхъ людей. Жизнь мнѣ улыбалась, ничто не омрачало ее; я давно забылъ ту печальную исторію, въ которой былъ совершенно невиненъ; даже имя Пигера изгладилось изъ моей памяти. Счастливый и независимый, я задумывался порой только надъ моимъ одиночествомъ; но, благодаря Бога, я имѣлъ всѣ права на полное счастіе. Я былъ еще молодъ, богатъ, здоровъ; наружность моя даже нравилась честнымъ женщинамъ; дѣла мои не мѣшали мнѣ заниматься усовершенствованіемъ моего образованія; а въ Бостонѣ, какъ и вездѣ, милыхъ и достойныхъ дѣвицъ довольно. Я мечталъ о женитьбѣ.

Однажды, утромъ, прихлебывая кофе, я перелистывалъ газеты. Въ послѣднемъ номерѣ въ широкой черной рамкѣ, вижу—объявленіе:

Digitized by Google

„Десять тысячъ награды тому, кто доставитъ извѣстіе, какимъ образомъ въ ночь на 23 августа 1854 года, на пароходѣ „Король Августъ“, погибъ Вильгельмъ Пигеръ? Адресъ: Іаковъ „Шарцеръ, собственникъ. Нью-Іоркъ, улица Фультонъ, № 246“.

Не съумѣю описать, какое дѣйствіе произвело на меня это объявленіе. Я задрожалъ всѣмъ тѣломъ, грудь мою стиснули судороги, холодныя капли пота выступили у меня на лбу; откинувшись на спинку кресла, я чувствовалъ, что холодѣю, какъ трупъ.

Опомнясь, я, конечно, понялъ, что это не болѣе какъ нервный припадокъ, и, припоминая всѣ обстоятельства дѣла, ясно видѣлъ неповинность мою въ смерти Пигера. Это меня успокоило, но не надолго; напрасно старался я забыть чуждую мнѣ исторію, — мысли мои возвращались къ ней и трепетали, какъ птички подъ обаяніемъ змѣи. Я предчувствовалъ что-то злое, даже былъ убѣжденъ, что объявленіе это принесетъ мнѣ горе и всѣвозможныя бѣдствія. Я не могъ отвести глазъ отъ этихъ отвратительныхъ строкъ въ черной рамкѣ, и, когда отворачивался отъ нихъ, они съ страшною ясностію отпечатлѣвались въ моемъ мозгу. Годы, отдѣлявшіе этотъ роковой день отъ настоящей минуты, исчезли; они казались мнѣ тяжкимъ сномъ, отъ котораго я сейчасъ только пробудился, и ясно слышу отвѣтъ повара: — его нѣтъ тамъ, господинъ капитанъ!

На другой день я проснулся еще печальнѣе. Предчувствія томили меня еще сильнѣе; тоска все больше и больше увеличивалась; на душѣ лежала невыносимая тяжесть. При всемъ убѣжденіи въ своей невинности въ смерти этого человѣка, я чувствовалъ, что несчастная ссора моя съ нимъ въ тотъ вечеръ, когда онъ такъ загадочно исчезъ, должна была опять вызвать подозрѣнія на меня. Мнѣ казалось, что и слуга мой, и хозяинъ, и всѣ, кого я случайно встрѣчалъ, глядятъ на меня какъ-то сомнительно, и въ каждомъ шопотѣ, въ каждомъ долетающемъ до меня звукѣ я слышалъ страшныя слова: — его нѣтъ тамъ, капитанъ!

Каждый шорохъ у моихъ дверей заставлялъ меня вздрогнуть,—за мной идутъ, требуютъ къ суду... Прошли двѣ мучительныя недѣли. Но и все на свѣтѣ проходитъ; — я начиналъ надѣяться.

Разъ, утромъ, въ контору мою вошелъ какой-то господинъ.

— Я долженъ уплатить вамъ по векселю на господина Гассе, — сказалъ онъ, вынимая изъ кармана бумажникъ. — Не угодно-ли написать квитанцію?

Digitized by Google

Я подошелъ къ моему столу, написалъ росписку и подписалъ. Посѣтитель стоялъ подлѣ стола и съ напряженнымъ вниманіемъ глядѣлъ на росписку. Когда я подписалъ свое имя и и сдѣлалъ обычный росчеркъ, онъ положилъ мнѣ руку на плечо и сказалъ твердо: — именемъ закона арестую васъ за убійство Вильгельма Пигера!

Я такъ привыкъ къ мысли о неизбѣжности ареста, что это объявленіе вовсе не поразило меня. Я хотѣлъ было оправдаться:—увѣряю васъ, что я...

Онъ перебилъ меня: — я обязанъ передать суду слово въ слово все, что вы теперь скажете; поэтому, если вы будете молчать о дѣлѣ, для васъ же лучше... Ну-съ, какъ идутъ торговыя дѣла въ здѣшнемъ городѣ? Въ Нью-Іоркѣ они идутъ вяло, — продолжалъ онъ, какъ бы перемѣняя разговоръ.

Но я былъ такъ смущенъ, что не могъ отвѣчать ему.

Немного помолчавъ, онъ спросилъ меня тихо:—какимъ образомъ желали бы вы ѣхать со мною въ Нью-Іоркъ? Конечно, безъ всякой огласки? Такъ, мнѣ кажется, лучше для васъ; но это зависитъ опять-таки отъ васъ.

Сказавъ эти слова, онъ, какъ будто нечаянно, высунулъ изъ кармана своего пальто ручку пистолета и пару ручныхъ оковъ. Я отскочилъ назадъ.

— Гораздо пріятнѣе путешествовать безъ этого украшенія,— промолвилъ онъ,—но...

Я поспѣшилъ сказать, что послѣдую за нимъ безъ малѣйшаго сопротивленія, но просилъ дать нѣсколько часовъ времени на устройство моихъ дѣлъ.

Онъ посмотрѣлъ на меня пристально.

— Извольте, я вамъ дамъ время; но намъ уже придется ѣхать съ экстреннымъ поѣздомъ, за который должны заплатить вы, потому что полиція не обязана платить въ такихъ случаяхъ. Мнѣ кажется, я могу довѣриться вамъ; но помните—я ввѣряю вамъ мою честь, честь полицейскаго чиновника. Приводите ваши дѣла въ порядокъ, а я тѣмъ временемъ пойду осмотрѣть городъ; я никогда еще не бывалъ въ Бостонѣ. Въ пять часовъ идетъ экстренный поѣздъ,—постарайтесь покончить къ этому времени ваши дѣла; я заѣду за вами. Прощайте.

Ударъ разразился! Счастіе мое разбито въ прахъ; да и все то, что я пріобрѣлъ въ теченіе болѣе десятка лѣтъ, не щадя силъ и трудовъ, приходилось теперь употребить на защиту своей жизни. Законы наши неумолимы. Передо мной неясно мелькала отвратительная картина висѣлицы.

Digitized by Google

Я отправился къ моему адвокату, доктору Флетчеру, и разсказалъ ему всѣ подробности моего положенія. Выслушавъ меня съ глубочайшимъ вниманіемъ, онъ вдругъ сказалъ:—глупо! очень глупо! Вамъ только-что начало везти счастіе. Совершенно глупо!..

— Но я не виновенъ,—возразилъ я.

— Вѣрю; но что въ томъ толку? Теперь надо подумать, какъ бы скорѣе обратить все ваше заведеніе въ наличныя деньги. Когда ваше дѣло огласится, это будетъ очень трудно. Во сколько вы цѣните все?—тысячъ во сто?

— Около ста пятидесяти тысячъ.

— Надо продать, какъ можно скорѣе продать. Нельзя терять ни минуты. Я берусь отыскать купца, если вы согласитесь отдать все, какъ есть все, тысячъ за шестьдесятъ чистоганомъ. Можете перевести деньги на меня; а я попытаюсь сдѣлать все, что можно. Приходите часамъ къ четыремъ. Приготовлю вамъ всѣ запродажныя бумаги для подписи.

Адвокатъ мой былъ человѣкъ честный, но обстоятельства были крайнѣ трудны. Однако я замѣтилъ ему, что шестьдесятъ тысячъ за полтораста—слишкомъ мало.

— Согласенъ,—отвѣтилъ онъ;—и отъ васъ зависитъ отказаться отъ этого предложенія. На всякій случай скажите мнѣ крайнюю цѣну вашу, и я посмотрю, что можно будетъ сдѣлать. Но не забывайте, что времени остается четыре часа. Едва-ли завтра утромъ сдѣлали бы вамъ такое предложеніе. Тутъ некогда торговаться.

— Нечего дѣлать! Постарайтесь выручить тысячъ семьдесятъ пять; а ужъ, если нельзя—то согласенъ и на шестьдесятъ. Затѣмъ, пріѣзжайте съ первымъ поѣздомъ въ Нью-Іоркъ защищать мое дѣло.

— Очень хорошо. И такъ, къ четыремъ часамъ бумаги будутъ готовы для подписи. До свиданія!

Я отправился къ себѣ, собралъ всѣ наличныя мои деньги, подарилъ дочкѣ моего домоваго хозяина богатое ожерелье, и очень удивилъ добраго старика извѣстіемъ, что сегодня же ѣду въ Нью-Іоркъ и оттуда напишу ему насчетъ моей квартиры и мебели. Затѣмъ я пошелъ въ контору, объявилъ моему старшему прикащику, что, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, продалъ все мое заведеніе, и послѣ обѣда представлю новаго владѣльца. Совершенно разбитый, опустился я въ мое покойное кресло, которое служило мнѣ самымъ пріятнымъ отдыхомъ цѣлыя десять лѣтъ.

Digitized by Google

Боже мой, какъ грустно было прощаться съ счастіемъ, думая объ этихъ годахъ?..

Я и не слышалъ, какъ вошелъ и сталъ передо мной какой-то человѣкъ, съ темной бородой, въ одеждѣ боцмана.

— Вы-ли господинъ Антонъ Уеръ?—спросилъ онъ.

— Да... Что вамъ угодно?

— Когда вы объясняли ваше дѣло доктору Флетчеру, въ конторѣ его, я работалъ за перегородкой, въ кабинетѣ, подлѣ конторы, дверь которой была при томъ полу-отворена; поэтому я невольно сдѣлался участникомъ вашей тайны, я все слышалъ...

— Что-жъ дальше?

— По уходѣ вашемъ господинъ Флетчеръ даже вскрикнулъ:—глупо, глупо! тутъ и помочь нельзя!..—Я хорошо знаю, чѣмъ кончаются такія неисправимыя дѣла. Мнѣ показалось, что я долженъ подать вамъ маленькій совѣтъ, хоть и не имѣю чести васъ знать. Извольте видѣть, черезъ четыре часа у васъ будетъ въ рукахъ тысячъ шестьдесятъ; почему бы вамъ не... бѣжать?..

Бѣжать!—это слово раздалось въ моихъ ушахъ, какъ голосъ спасенія. Я вдругъ переродился. Изнеможеніе мое прошло; я почувствовалъ въ себѣ новыя силы. Бѣжать! Да, только въ бѣгствѣ было спасеніе. Я вскочилъ и всплеснулъ руками.

— Боже мой!—крикнулъ я;—объ этомъ я и не подумалъ!

— Это было видно изъ вашего разговора съ адвокатомъ,—улыбаясь, сказалъ боцманъ.—Не теряйте времени! Какъ только деньги будутъ у васъ въ рукахъ—бѣгите. Въ Техасѣ, или гдѣнибудь на югѣ Соединенныхъ Штатовъ, вы будете безопасны, и можете начать новую жизнъ, подъ другимъ именемъ. У меня тамъ есть братъ; я, пожалуй, вамъ дамъ письмо къ нему. Онъ поможетъ вамъ пристроиться, или пробраться куда угодно.

Вмѣстѣ съ моимъ доброжелателемъ я поспѣшилъ къ адвокату и сообщилъ ему новый мой планъ дѣйствій.

— Лучше этого вы ничего не можете сдѣлать!—сказалъ адвокатъ.—Я обдумалъ ваше дѣло;—не смотря на вашу невинность, въ которой ничуть не сомнѣваюсь, исходъ дѣла весьма и весьма сомнителенъ. Полное подозрѣніе и вѣроятность противъ васъ, и ни одного доказательства за васъ, тѣмъ болѣе, что прошло уже десять лѣтъ. Гдѣ-же искать свидѣтелей? Этотъ добрый человѣкъ,—прибавилъ онъ, указывая на боцмана,—правъ. Вотъ ваши деньги; съ ними вы можете пробраться въ Техасъ и зажить снова припѣваючи.

Онъ сунулъ мнѣ бумаги.

Я, съ боцманомъ, возвратился въ контору, съ судорожной

Digitized by Google

поспѣшностію уложилъ свой дорожный сундукъ и, съ новымъ другомъ, полетѣлъ на станцію желѣзной дороги.

Пріѣхали. Оставалось двадцать минутъ до отправленія поѣзда. Мысль о моемъ спасеніи совсѣмъ убаюкала меня. Я былъ въ такомъ обаяніи счастія, что мнѣ и въ голову не пришло подумать—изъ-за чего же этотъ, совершенно незнакомый и чужой мнѣ человѣкъ, принимаетъ во мнѣ такое горячее участіе? Я сидѣлъ въ вокзалѣ желѣзной дороги, слушалъ моего совѣтника и, какъ ребенокъ, ловилъ каждое его слово.

— Ко всему этому,—говорилъ онъ,—подумайте только, что у васъ здѣсь никого нѣтъ родныхъ, что у васъ нѣтъ ничего, что могло бы удержать, или обязывало васъ оставаться здѣсь...

— Ничего, что обязывало бы!..

Эти слова коснулись моей дремлющей совѣсти, и она вдругъ встрепенулась; честное слово, данное мною полицейскому, встало въ моей памяти, какъ бы начертанное пламенными письменами.

— Я ввѣряю вамъ мою честь...—звенѣло въ моихъ ушахъ.

Вскочивъ, какъ ужаленный, я протянулъ руку моему проводнику и сказалъ твердо: — благодарю васъ за готовность помочь мнѣ, но я не могу воспользоваться ею; я *долженъ* остаться здѣсь!

— Съ ума вы сошли!—возразилъ онъ съ удивленіемъ.—Вы уже рѣшили, и что же можетъ остановить васъ? Билетъ у васъ въ рукахъ; черезъ десять минутъ машина свистнетъ, — вы спасены. А вы хотите остаться! Въ умѣ-ли вы?

— Я долженъ спѣшить въ мою контору, и не могу никуда ѣхать, потому что далъ честное слово остаться. Не понимаю, какъ я могъ забыть данное слово? Къ счастію, еще не поздно. Прощайте!

— Кому вы дали слово?

— Полицейскому чиновнику.

— Но, подумайте, что вы дѣлаете? И кто же держитъ слово, данное полицейскому чиновнику? Ха-ха-ха! и онъ засмѣялся какъ-то принужденно. — Не понимаю такого честнаго слова!

— Очень жаль... А я понимаю; и мнѣ на свободѣ невыносимо было бы вспомнить, что я обманулъ человѣка, который мнѣ довѣрился. Я долженъ спѣшить домой.

— Да вѣдь это глупость, ребяческая глупость, въ которой вы горько раскаетесь. Вѣдь вы рискуете жизнью. Еще шесть минутъ—и вы въ дорогѣ.

Digitized by Google

— Нѣтъ, я иду въ контору. Человѣкъ мнѣ сказалъ, что онъ ввѣряетъ мнѣ свою честь; я обѣщалъ явиться къ пяти часамъ. Не понимаю, какое омраченіе заставило меня забыть это. Прощайте!—я протянулъ ему руку.

— Нѣтъ, это ужъ слишкомъ нелѣпо! Слово, данное полицейскому чиновнику—это смѣхъ!.. Отъ роду не слыхалъ ничего подобнаго. Но, ужъ если вы непремѣнно хотите исполнить вашу удивительную идею,—пойдемте вмѣстѣ въ контору.

— Сдѣлайте одолженіе. Вы получите вознагражденіе за вашу услугу; но, я право не понимаю, почему именно вы принимаете во мнѣ такое участіе?

— Мнѣ пріятно помогать бѣдствующимъ.

На это нечего было отвѣчать.

Мы возвратились въ контору. Я пошелъ въ свой кабинетъ; онъ остался въ первой комнатѣ. Я опять впалъ въ глубокую думу. Пробило пять часовъ; полицейскій не являлся.

— Судьба покровительствуетъ вамъ,—прошепталъ мой искуситель въ замочную скважину:—пять часовъ пробило—вы теперь свободны отъ вашего обѣщанія. Вы ждали до пяти часовъ; вы—свободны.

Это было страшное искушеніе.

Мой новый другъ говорилъ правду, но голосъ совѣсти заговорилъ громче, — я не хотѣлъ потерять своего собственнаго уваженія.

— Буду ждать!—сказалъ я твердо;—онъ могъ опоздать невольно; но, повторяю, я не могу обмануть человѣка ввѣрившаго мнѣ свою честь. Онъ найдетъ меня здѣсь, хоть бы пришлось ждать до полночи. Оставьте меня въ покоѣ.

Я сидѣлъ, откинувшись, въ изнеможеніи, на спинку кресла. Искуситель вошелъ ко мнѣ въ кабинетъ. Онъ сдѣлалъ быстрое движеніе рукой—и парика съ бородой какъ не бывало; передо мною стоялъ полицейскій чиновникъ...

— Извините меня,—сказалъ онъ;—вамъ не слѣдуетъ оставаться ни минуты больше въ этомъ мучительномъ положеніи. Вы—честный человѣкъ. Въ теченіе тридцатилѣтней службы моей я не встрѣчалъ такого человѣка. Это послужитъ вамъ въ пользу; вашъ защитникъ будетъ стоять за васъ, какъ за самого себя.

Я былъ такъ изумленъ, что не зналъ хорошенько, сердиться мнѣ за то, что онъ сыгралъ со мной такую штуку, или радоваться тому, что самъ не попался въ разставленныя сѣти.

— Намъ предстоитъ большое путешествіе, — продолжалъ

Digitized by Google

онъ, — и я сдѣлалъ опытъ, можно ли довѣрять вамъ дорогой? Вамъ же лучше, что вы такъ безупречно выдержали это испытаніе. Поѣдемте.

Онъ скинулъ съ себя нарядъ боцмана, смылъ съ лица и рукъ темную краску. Мы вышли. Онъ позвалъ извозчика, и мы отправились опять на станцію желѣзной дороги.

Въ вагонѣ онъ сталъ очень разговорчивъ и разсказалъ мнѣ, по какому случаю давно забытое дѣло о Пигерѣ воскресло такъ внезапно.

— Вотъ какъ это сталось. Покойный Вильгельмъ Пигеръ имѣлъ хорошее состояніе; собираясь ѣхать для своего удовольствія въ Европу, онъ, безъ вѣдома родственниковъ, застраховалъ жизнь свою въ пользу своего брата, которому страховое общество и должно было выдать деньги по смерти его. Свидѣтельство страховое онъ уложилъ, вмѣстѣ съ прочими бумагами, въ желѣзный, несгораемый ящикъ и сдалъ его на храненіе банкиру. Когда узнали о его смерти, то разсмотрѣли бумаги, но свидѣтельства, о которомъ никто не зналъ, не нашли,—оно было засунуто въ бумаги, относящіяяя до арендной земли; срокъ этой аренды кончался черезъ десять лѣтъ. Теперь, когда истекъ этотъ срокъ, братъ Пигера сталъ разбирать арендныя бумаги и нашелъ свидѣтельство о застрахованіи жизни Вильгельма Пигера въ пользу его, на сумму около ста пятидесяти тысячъ рублей. Братъ предъявилъ свидѣтельство страховому обществу и потребовалъ денегъ. Но страховая контора отказалась платить, на томъ основаніи, что въ 1854 году было опубликовано слѣдственное дѣло въ Нью-Іоркѣ о смерти Вильгельма Пигера; по слѣдствію оказалось, что хотя и падало подозрѣніе въ томъ преступленіи на господина Уера, поссорившагося наканунѣ съ Пигеромъ, но, по бездоказательности, и по опросу подъ присягою всего экипажа, показавшаго что Пигеръ былъ въ этотъ вечеръ сильно пьянъ, Уеръ оправданъ, и, можно полагать, что Пигеръ самъ бросился за бортъ; а за самоубійцъ общество не платитъ. Однако, братъ Пигера, ввиду изрядной суммы, причитавшейся ему, на этомъ не остановился. Видимо, что дѣло шло только о томъ, чтобы доказать одно изъ двухъ: добровольно-ли Пигеръ бросился въ море, или кто-нибудь другой пособилъ этому прыжку? Въ надеждѣ на разъясненіе, онъ и напечаталъ вышесказанное объявленіе, и, разумѣется, не пожалѣлъ даже половины страховой суммы, только бы найти виновнаго. Между тѣмъ, уже носятся слухи, что нашлись два свидѣтеля противъ насъ. Жаль, очень жаль! но это ясно—ваше дѣло плохо, очень плохо!

Digitized by Google

Я отвернулся отъ него, съ сокрушеніемъ и почти отчаяніемъ. Дѣло, дѣйствитеьно, было ясно для меня! Если старикъ, капитанъ парохода, умеръ, то едва-ли есть на свѣтѣ хоть одно лицо, способное защитить меня личнымъ свидѣтельствомъ; а всѣ обстоятельства были противъ меня.

Не стану распространяться о нашемъ путешествіи и прибытіи въ Нью-Іоркъ. Очень скоро обычныя формы предварительнаго слѣдствія были окончены, и мое несчастное дѣло предано суду присяжныхъ.

Медленно тянулись цѣлыхъ два мучительныхъ мѣсяца. Мой бостонскій адвокатъ, послѣдовавшій за мною, не теряя ни минуты въ Нью-Іоркѣ, не останавливался ни передъ какой жертвой, перепробовалъ всѣ попытки, чтобы найти хоть кое-какія благопріятныя для меня показанія,—все было напрасно.

Несчастная ссора моя съ Пигеромъ была самымъ яснымъ доказательствомъ въ рукахъ противной стороны; а, къ довершенію бѣды, нашлось двое матросовъ парохода „Король Августъ", которые брались свидѣтельствовать подъ присягой, что послѣ той ссоры видѣли меня вмѣстѣ съ Пигеромъ, именно у той мачты, подъ которой хранились мѣдныя скобы, что мы въ темнотѣ опять боролись другъ съ другомъ, и что я его убилъ скобой и выбросилъ за бортъ. Не желая являться всенародно свидѣтелями, они въ то время не выступили противъ меня обвинителями, при прежнемъ судебномъ разбиратетьствѣ, и отправились въ Техасъ; но когда, недавно возвратившись въ Нью-Іоркъ, прочли въ газетахъ извѣстное объявленіе, то рѣшили, для удовлетворенія правосудія, дать свои показанія.

Клевета была очевидна только для меня; какая-же надежда оставалась мнѣ послѣ такихъ доказательствъ? Капитанъ парохода умеръ. о поварѣ не было никакихъ извѣстій, а эти два безсовѣстные человѣка были закуплены обѣщаніемъ богатой награды. Я былъ жертвой награды, жертвой денежнаго барыша.

Сознаюсь, тупое отчаяніе душило меня; я просилъ Бога скорѣе не оправдать меня, а порѣшить судьбу мою; я былъ близокъ къ ожесточенію.

Наконецъ, насталъ роковой день. Меня повели, въ сопровожденія двухъ стражей, къ суду. Зала была полна народу. Судьи и адвокаты сидѣли уже въ обычныхъ одеждахъ своихъ; они весело разговаривали между собой, даже посмѣивались иногда.

Поданъ знакъ молчанія. Присяжнымъ сдѣлана перекличка. Появился президентъ суда и занялъ свое мѣсто. Онъ холодно обвелъ глазами собраніе, кивая головою знакомымъ лицамъ.

Digitized by Google

Хорошо одѣтыя женщины и мужчины сидѣли всѣ вмѣстѣ; тѣснота была такая, что яблоку упасть негдѣ, словно дѣло шло о какимъ-нибудь диковинномъ торжествѣ.

При видѣ этой блестящей и беззаботной толпы, я какъ-то начиналъ успокаиваться и сосредоточиваться. Я видѣлъ свою безпомощность и кругомъ себя одно праздное леденящее любопытство;—оно было презрительно.

Прокуроръ выступилъ впередъ. Онъ сказалъ очень толковую рѣчь, обвинялъ меня безпощадно, и въ особенности настаивалъ на ссорѣ, не забылъ ни одного мелкаго обстоятельства, и кончилъ тѣмъ, что вызвалъ свидѣтелей.

Прежній каютный юнга и штурманъ выступили впередъ. Оба разсказали о ссорѣ именно какъ было, по справедливости. Затѣмъ явился машинистъ. Онъ подтвердилъ свое давнишнее показаніе, что видѣлъ въ послѣдній разъ покойнаго поздно вечеромъ на палубѣ, но не убѣжденъ, дѣйствительно-ли это былъ онъ.

Настала очередь допроса двухъ ложныхъ свидѣтелей. Защитникъ мой потребовалъ, чтобы они были допрошены порознь. Это было уважено; одинъ изъ нихъ удаленъ изъ залы, другой—остался. Я какъ теперь вижу его безстыдное и дерзкое лицо. Онъ началъ показаніе.

— Я былъ въ ночномъ караулѣ. Пробило одиннадцать часовъ, когда я увидѣлъ на бакѣ двухъ человѣкъ; они о чемъ-то сильно спорили, и я сразу узналъ по голосу ихъ обоихъ: покойнаго и арестанта. Я притаился за парусомъ; они не могли меня видѣть; но отъ меня не скрылось ни одно изъ ихъ движеній. Ссора продолжалась только нѣсколько минутъ. Вдругъ, арестантъ, выхвативъ изъ своего кармана мѣдную скобу, ударилъ ею по головѣ покойнаго такъ сильно, что тотъ зашатался и упалъ; убійца потащилъ его къ борту и скинулъ въ море. Я съ испугу не скоро и опомнился. Тутъ подошелъ ко мнѣ, крадучись, мой товарищъ и посовѣтовалъ мнѣ никому и ничего не говорить объ этомъ. Онъ полагалъ, что современемъ мы можемъ получить за это кое-что; а если разсказать теперь, то насъ оставятъ на берегу, задержатъ въ Нью-Іоркѣ, пока будутъ производить дѣло; а это можетъ длиться долго, и мы лишимся заработка. Я согласился съ товарищемъ, и мы молчали. А поразсудивъ хорошенько, ничего не намекали и арестанту, хотя рѣшили было требовать отъ него платы за наше молчаніе. Вотъ и все. Къ этому ничего прибавить я не могу.

Мой защитникъ всталъ. Онъ спросилъ свидѣтеля:—во время спора вы узнали арестанта только по звуку голоса его?

Digitized by Google

— Нѣтъ,—отвѣчалъ свидѣтель—я видѣлъ его лицо; въ это время уже взошелъ мѣсяцъ и освѣтилъ весь бакъ. Мѣсяцъ свѣтилъ такъ ярко, что нельзя было ошибиться,—я видѣлъ ясно.

Его отпустили, призвали другаго свидѣтеля, товарища его.

Это былъ рыжеволосый человѣкъ, блѣднаго лица, съ маленькими свиными глазами, бѣлыми рѣсницами и съ некрасивымъ носомъ, какъ будто раздвоеннымъ на кончикѣ какимъ-нибудь острымъ инструментомъ.

— Я сидѣлъ,—началъ онъ свое показаніе,—на бакѣ. Матросы спали; только мы двое не спали: я и товарищъ мой. Вдругъ, я увидѣлъ, какъ пришли на бакъ двое: покойный и арестантъ. Они очень грубо спорили изъ за ссоры, случившейся между ними въ тотъ же день. Вдругъ, арестантъ взмахнулъ рукой—сверкнула скоба и ударила Пигера по головѣ. Тотъ только вздохнулъ и зашатался; а арестантъ схватилъ его и бросилъ за бортъ. Я слышалъ, какъ онъ упалъ, волны всплеснули, и я такъ испугался, что не могъ даже вскрикнуть. Опомнясь, я подползъ потихоньку къ товарищу, тоже испуганному, какъ и я, и мы условились лучше молчать объ этомъ. Какое намъ дѣло до Пигера?

— Предлагали-ли вы товарищу продать со временемъ ваше молчаніе за хорошую награду?—спросилъ мой защитникъ.

— Да вѣдь я уже сказалъ, что Пигеръ былъ для насъ совсѣмъ чужой человѣкъ.

— Но вѣдь вы же понимали, что должны были объявить объ этомъ суду?

— Это зачѣмъ?.. Да если бы мы заикнулись хоть словомъ объ этомъ, то капитанъ не спускалъ бы съ насъ глазъ до конца переѣзда, а потомъ сдалъ бы насъ полиціи въ Нью-Іоркѣ, для показаній на судѣ, вмѣсто того, чтобы гулять на свободѣ, затѣмъ отправиться, какъ мы и сдѣлали, въ Техасъ. И за все это время намъ давали бы по нѣсколько копѣекъ въ день! Нѣтъ-съ, кому нужны наши показанія передъ судомъ, тому не угодно-ли заплатить намъ цѣну покруглѣе!

— Разсказывали-ли вы кому-нибудь въ теченіе всѣхъ этихъ лѣтъ объ этомъ происшествіи?

— Нѣтъ; арестанта я потерялъ изъ виду и скоро позабылъ всю эту исторію. Я былъ на югѣ, на Золотомъ берегу, гдѣ изъ-за одного какого-нибудь пьянаго человѣка не станутъ хлопотать, какъ здѣсь.

— Почему же вы теперь даете свои показанія?

— А потому, что я прочелъ въ газетахъ объявленіе и раз-

Digitized by Google

судилъ, что не мѣшаетъ честнымъ образомъ заработать тысячъ пять.

— Кому вы первому разсказали объ этомъ дѣлѣ?

— Разумѣется, по адресу—брату покойнаго. Онъ обѣщалъ намъ вдвое болѣе объявленнаго, если намъ удастся обличить преступника.

На галлереяхъ залы послышались восклицанія негодующихъ зрителей; шумъ прекратился только послѣ нѣсколькихъ приказаній молчать.

— Вспомните, — сказалъ судья свидѣтелю строгимъ голосомъ,—вы присягали, и говорите, что смертельный ударъ нанесенъ арестантомъ?

— Я очень ясно видѣлъ его, какъ ужъ и говорилъ, когда мѣсяцъ освѣтилъ его лицо. Свѣтила полная луна, и на морѣ было свѣтло какъ днемъ.

Этого человѣка отпустили, приказавъ дожидаться, вмѣстѣ съ товарищемъ, въ передней окончанія судопроизводства.

Генералъ-прокуроръ, улыбающійся человѣкъ, пріятной наружности, началъ свою рѣчь. Онъ еще разъ очертилъ все дѣло, представилъ всѣ подробности, налегая въ особенности на несчастную ссору. Онъ не обвинялъ меня въ зломъ умыслѣ, но полагалъ очень естественнымъ, что ссора должна была взволновать меня и привести въ слѣпой гнѣвъ, и заключилъ рѣчь свою обращеніемъ къ присяжнымъ. Онъ приглашалъ ихъ взвѣсить все это внимательно и по совѣсти, не забывать, что хотя это темное преступленіе скрывалось многіе годы, и кости убитаго, конечно, уже истлѣли, но доказательства живы понынѣ; и, какъ-будто обезображенное смертными судорогами, лицо убитаго только что промелькнуло передъ нами, какъ-будто пораженный сильнымъ ударомъ, онъ только-что грянулся въ волны морскія, простирая холодныя руки, съ безмолвной просьбой о правосудіи и возмездіи безчеловѣчному убійцѣ...

Онъ смолкъ и сѣлъ на свое мѣсто. Воцарилась мертвая тишина.

Всѣ взоры обратились на меня. Умъ мой помутился; мнѣ смутно казалось, что я, въ самомъ дѣлѣ, виноватъ. Краснорѣчивое изложеніе дѣла почти убѣждало меня, что въ минуту умственнаго помраченія гнѣвомъ, я, въ самомъ дѣлѣ, могъ совершить ужасное преступленіе, самъ не сознавая того.

Тутъ всталъ мой защитникъ. Онъ говорилъ все, что только могъ сказать отецъ и другъ за своего сына. Онъ настаивалъ въ особенности на долголѣтнемъ молчаніи свидѣтелей, на подозри-

Digitized by Google

тельныхъ свойствахъ этихъ людей, и на той доброй славѣ, которую я пользуюсь въ своемъ родномъ городѣ Бостонѣ. Онъ просилъ присяжныхъ обратить полное вниманіе на то обстоятельство, что показанія свидѣтелей, которыя они только-что слышали, вызваны надеждой на значительное вознагражденіе, куплены за деньги. Напомнилъ имъ, какъ много было случаевъ, когда такія показанія оказывались — къ сожалѣнію поздно — ложью и клеветой. Онъ говорилъ строго, съ жаромъ, съ увлеченіемъ; голосъ его звучалъ убѣжденіемъ; онъ сдѣлалъ все, что только могъ. Но еще задолго до того, когда онъ кончилъ и предсѣдстель всталъ, я уже чувствовалъ, я зналъ, что я осужденъ.

Президентъ еще разъ держалъ рѣчь и разсмотрѣлъ каждое отдѣльное обстоятельство. Онъ говорилъ спокойно, безстрастно,— какой-то лучь надежды мелькалъ въ его рѣчи и чуть свѣтился мнѣ,—пока онъ не дошелъ до разсужденія о томъ, какъ долго скрывалось это гнусное преступленіе отъ правосудія. Тутъ и онъ вспыхнулъ, оживился; онъ ясно изобразилъ невозможность и позоръ нераскрытаго преступленія въ странѣ, управляемой мудрыми законами и нелицепріятнымъ правосудіемъ, которые, рано, или поздно, но во что бы то ни стало, съумѣютъ изобличить преступника. Онъ увлекся самъ тѣмъ жаромъ, какимъ дышала его мудрая рѣчь, и, кончивъ ее, сѣлъ на свое мѣсто съ видомъ побѣдителя, упоеннаго своимъ торжествомъ. Публика безмолвствовала. Присяжные тихо встали и медленно вышли изъ залы суда.

II.

Я былъ словно въ безпамятствѣ, а между тѣмъ слышалъ, съ страшною ясностью, каждое слово этой длинной и громовой рѣчи. Безсознательно и тупо я поднялъ глаза, обвелъ ихъ по всему собранію и снова опустилъ ихъ въ нѣмой тоскѣ. Вдругъ, я почувствовалъ на себѣ, какъ мнѣ сдалось, чей-то устремленный взглядъ. Я невольно вскинулъ глазами;—въ галлереѣ зрителей, надъ мѣстомъ президента, я увидѣлъ прекрасную дѣвушку. Она и глядѣла на меня и не глядѣла; она какъ-будто глядѣла сквозь меня, на что-то находившееся внѣ меня. Проницательное вниманіе и грустная задумчивость, кажется, слились, въ этомъ взглядѣ. Мои глаза встрѣтились съ ея глазами, полными слезъ— и очарованіе рушилось; она опустила, опушенныя длинными рѣсницами, вѣки.

Digitized by Google

Безмолвное сочувствіе ея пахнуло на меня несказаннымъ утѣшеніемъ. Боже!.. какою отрадой усладила она, хоть на мигъ, мою гнетущую скорбь! Я не могъ не взглянуть на нее еще разъ. Она вздрогнула, поблѣднѣла и опустилась на стулъ, съ котораго было привстала для того, чтобы, нагнувшись впередъ, еще взглянуть на меня. Я это видѣлъ ясно. И вдругъ, она сдернула съ рукъ перчатки, вынула изъ кармана небольшую книгу и карандашъ, оперлась на перила и стала быстро писать на первомъ листкѣ этой книги, какъ мнѣ показалось, какое-то вычисленіе. Прилежно, безъ устали, переставая только на мигъ, какъ бы припоминая, писала она, забывъ, кажется, все, что ее окружало. Глаза мои приковались къ ней; она на меня не глядѣла. И я забылъ, что, можетъ быть, черезъ минуту отворятся роковыя двери, и роковое „виновенъ“ навсегда разлучитъ меня,—не съ этимъ свѣтомъ—онъ уже исчезъ для меня,—а съ этимъ ангеломъ, котораго свѣтлый взглядъ провожалъ меня въ позорную могилу... Какъ прекрасны казались мнѣ, въ самомъ отчаяніи моемъ, эти послѣднія минуты мои!

Она писала почти четверть часа, вдругъ—спрятала карандашъ въ карманъ, внимательно перечла еще разъ все написанное, закрыла книгу и взглянула на меня внизъ. Чудная улыбка освѣтила ея лицо; губы ея шевельнулись, словно прошептали слово—надѣйся!..

Быстро встала она со стула и силилась пройти галлерею, биткомъ набитую зрителями, которые безпечно ѣли, пили, разговаривали, какъ-будто мой допросъ и приговоръ былъ нарочно устроенъ для ихъ удовольствія. Но я видѣлъ, какъ она, съ поднятой книгой, словно скользила мимо толпы; всѣ уступали ей дорогу. Черезъ нѣсколько минутъ она вошла въ залу, переговорила съ приказнымъ служителемъ; онъ подвелъ ее къ моему защитнику. Она не взглянула на меня, торопливо сказала ему нѣсколько словъ и показала исписанную страницу книжки. Защитникъ мой измѣнился въ лицѣ и вскочилъ отъ испуга со стула. Я облокотился на перила „палаты бѣдныхъ грѣшниковъ“—такъ называется мѣсто подсудимыхъ въ судѣ—и явственно слышалъ, какъ онъ восклицалъ:—Боже всемогущій! какъ я могъ забыть это? Садитесь, ради Бога, и ободритесь!—промолвилъ онъ торопливо дѣвушкѣ и громко подозвалъ служителя.

Всеобщее вниманіе обратилось на эту сцену. Служитель торопливо прошелъ черезъ залъ, и сейчасъ послѣ этого явился президентъ. Онъ сѣлъ на свое мѣсто. Все смолкло.

— Мнѣ сію минуту сдѣлано сообщеніе, которое чрезвычайно

Digitized by Google

важно, какъ для подсудимаго, такъ и для правосудія,—громко сказалъ мой защитникъ;—прошу васъ, господинъ президентъ, остановить совѣщаніе господъ присяжныхъ и вызвать ихъ сюда; необходимо выслушать это сообщеніе прежде окончательнаго приговора.

— Вы просите совершенно небывалое, господинъ адвокатъ,— отвѣтилъ президентъ.

— Согласенъ,—но необыкновенное обстоятельство требуетъ этого. Сообщеніе, которое услышатъ господа присяжные, измѣняетъ все дѣло. Я требую законнаго и принимаю на себя отвѣтственность за послѣдствія. Медлить нельзя.

— Я долженъ посовѣтоваться съ моими товарищами, и увѣдомлю васъ.

Президентъ вышелъ.

Не слыша разговоровъ адвоката и дѣвушки, я не зналъ, что было между ними. Нѣтъ, я не ошибался,—я никогда не видалъ ее до этого дня.

Какъ мучительно долго, какъ страшно тянулось время! Въ эти минуты я прожилъ, кажется, цѣлые годы,—годы истощающей скорби и роковыхъ событій. Неподвижно сидѣлъ я на скамьѣ „бѣдныхъ грѣшниковъ", терзаемый какою то безъименною тревогой. Все, что я вытерпѣлъ когда-либо до этой минуты, и что мнѣ довелось вытерпѣть послѣ этой минуты—ничто, въ сравненіи съ мукой, которая теперь раздирала мнѣ грудь. Нѣмое отчаяніе овладѣло мною; я видѣлъ все, что передо мной происходило, но началъ терять смыслъ и даже чувство удрученія...

Разсыльные и служители уходили и приходили. Мой пріятель, полицейскій чиновникъ, привезшій меня въ Нью-Іоркъ, сновалъ безпрестанно чрезъ залу. Онъ принесъ большую толстую книгу, которую мой защитникъ и молодая дѣвушка принялись перелистывать проворно, и перелисывали до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не доискались желанной страницы. Пробѣжавъ ее, оба вдругъ повеселѣли. Затѣмъ, полицейскій привелъ какого-то толстаго господина, очевидно зажиточнаго купца, поставилъ его передъ моимъ защитникомъ, и, наконецъ, раздалось воскли цаніе:—тише!

Вошелъ президентъ суда и снова сѣлъ на свое мѣсто.

— Я совѣтовался съ господами судьями,—сказалъ онъ защитнику;—принимая во вниманіе важность обстоятельствъ, вамъ представляется, за вашей *собственной* отвѣтственность, призвать назадъ присяжныхъ. Но прежде позвольте вамъ напо-

Digitized by Google

мнить, что подобный поступокъ можетъ повредить вамъ окончательно.

— Я настаиваю на своемъ требованіи,—отвѣтилъ защитникъ.

— Хорошо-съ!

Президентъ отдалъ приказаніе. Служитель отправился въ комнату совѣщаній. Присяжные возвратились; на лицахъ ихъ выражалось нескрываемое удивленіе, которое придавало имъ видъ только что проснувшихся людей.

— Господа присяжные! — началъ президентъ. — Господинъ защитникъ проситъ, чтобы вы, прежде окончательнаго рѣшенія, выслушали еще одно показаніе, по его мнѣнію, очень важное и необходимое. Конечно, вы не придадите особеннаго значенія этому показанію, хотя оно и является какъ какая-то внезапная необходимость.

Эти слова были произнесены съ выраженіемъ неудовольствія, да и на лицѣ президента замѣтно было дурное расположеніе его духа.

— Андрей Мюллеръ!—произнесъ защитникъ.

Служитель вышелъ и возвратился со свидѣтелемъ Мюллеромъ, однимъ изъ опрошенныхъ матросовъ. Защитникъ мой попросилъ позволенія президента сдѣлать свидѣтелю еще нѣсколько вопросовъ.

— Вы показали подъ присягою, что узнали въ лицо арестанта и видѣли, какъ онъ нанесъ смертельный ударъ Пигеру?

— Да, я видѣлъ все также ясно, какъ теперь; тогда было полнолуніе, какъ я уже сказалъ прежде; я не могъ ошибиться.

— Не было-ли на пароходѣ кого-нибудь похожаго на арестанта ростомъ, фигурой, или одеждой?

— Нѣтъ, не было; а если бы и былъ, такъ я уже говорилъ вамъ, что я видѣлъ ясно, и ошибиться не могъ.

Защитникъ велѣлъ призвать другаго свидѣтеля матроса и обратился къ нему.

— Передъ этимъ вы говорили, что хорошо видѣли, какъ арестантъ нанесъ смертельный ударъ противнику своему и что вы узнали его въ лицо.

— Узналъ, какъ нельзя лучше; я видѣлъ его такъ же отчетливо, какъ вижу и теперь.

— Какова была ночь?

— Свѣтлая, мѣсячная,—ясно видна была каждая бездѣлица; я ужъ говорилъ объ этомъ.

— Не было-ли на пароходѣ другаго пассажира, похожаго на арестанта?

— Нѣтъ; да и другихъ пассажировъ не было.

Digitized by Google

— Сколько же всѣхъ людей было на пароходѣ?

— Двадцать три человѣка, какъ уже я объяснилъ.

— И между этими двадцатью тремя не было ни одного, похожаго на арестанта, ростомъ, или одеждой?

— Ни одного; да притомъ, въ это время было полнолуніе; я видѣлъ его, какъ нельзя лучше, въ лицо. Я присягнулъ въ этомъ, какъ вы знаете; ошибки никакой тутъ быть не можетъ.

— Можете идти,—сказалъ защитникъ и вызвалъ: — дѣвица Леонора Галль!

Я вздрогнулъ. Незнакомая молодая дѣвушка, сидѣвшая все это время возлѣ защитника, встала и приблизилась къ столу свидѣтелей.

— Вы Леонора Галль?

— Да.

— Ваше званіе?

— Учительница въ пансіонѣ господина Фильдингъ.

— Знакомы-ли вы съ подсудимымъ?

— Нѣтъ.

— Что вы имѣете сообщить?

— Я внимательно слушала допросы свидѣтелей. Всѣ показанія свидѣтелей, какъ я поняла, основывались только на признаніи его личности именно тѣмъ, что его видѣли совершающимъ преступленіе. Но, мнѣ кажется, прежде всего необходимо изслѣдовать—*можно-ли было его видѣть*? Я сдѣлала исчисленіе, — оно у защитника; — по росписанію праздничныхъ дней, въ моемъ молитвенникѣ, который случайно теперь со мною, видно, что пасхальное полнолуніе въ 1854 году приходилось 12 апрѣля. Отъ одного полнолунія до слѣдующаго проходитъ 29 дней 12 часовъ и 44 минуты. Слѣдовательно, послѣ полнолунія 12 апрѣля. слѣдующія должны были быть:—11 іюня, 9 іюля и 8 августа. Выходитъ, что 15 дней спустя послѣ 8 августа, то есть 23 августа, было не полнолуніе, а новолуніе,—и арестанта *нельзя было видѣть*, потому что *мѣсяца тогда вовсе не было*.

Мертвая тишина царствовала въ залѣ все время, когда дѣвушка говорила; тишина эта продлилась съ минуту и послѣ ея рѣчи. И вдругъ, общіе крики публики слились въ такой вопль, что задрожалъ домъ. Люди, незнакомые между собою, пожимали другъ другу руки, смѣялись, плакали, кричали, махали платками и шляпами. Защитникъ мой подошелъ ко мнѣ съ поздравленіемъ. Пріятель мой, полицейскій, привѣтствовалъ меня издали самыми невоздержными знаками радости. Минутъ пять въ залѣ стоялъ

Digitized by Google

такой сумбуръ, что нельзя было разобрать даже своихъ собственныхъ словъ.

Молодая дѣвушка, создавшая эту бурю, сидѣла неподвижно подлѣ моего защитника. Яркая краска залила ея лицо и понемногу опять смѣнилась блѣдностью.

Наконецъ, спокойствіе возстановилось. Президентъ всталъ.

Онъ спросилъ у защитника:—нѣтъ-ли у васъ другихъ доказательствъ, болѣе точныхъ, нежели исчисленія молодой дѣвушки по ея молитвеннику? Во всякомъ случаѣ эти вычисленія требуютъ провѣрки.

— Не угодно-ли вамъ взглянуть въ этотъ морской календарь 1854 года,—и защитникъ поднесъ ему ту толстую книгу, которая принесена была полицейскимъ; — по немъ легко убѣдиться, что вычисленіе молодой дѣвицы совершенно вѣрно—22 августа 1854 года было новолуніе.

Президентъ и судьи заглянули въ морской календарь съ видимымъ любопытствомъ.

— Хорошо-съ! Не будетъ-ли излишнимъ дальнѣйшій допросъ свидѣтельницы?—спросилъ президентъ адвоката противной стороны.

Тотъ поспѣшно отвѣтилъ:—напротивъ,господинъ президентъ,— я даже прошу привести свидѣтельницу къ присягѣ.

Блѣдное личико дѣвушки на мигъ вспыхнуло румянцемъ. Защитникъ мой нагнулся къ ней и прошепталъ нѣсколько, вѣроятно, ободрительныхъ словъ. Она спокойно подошла къ столу свидѣтелей и твердо, отчетливо, и съ очевиднымъ благоговѣніемъ повторила прочитанную ей форму присяги.

— Теперь отвѣчайте по совѣсти и присягѣ:—знакомы-ли вы съ арестантомъ?—такъ начался допросъ.

— Нѣтъ.

— Почему вы пришли сегодня сюда?

— Мнѣ давно хотѣлось посмотрѣть на судопроизводство, но я мало располагаю свободнымъ временемъ. Вчера я услышала о сегодняшнемъ разбирательствѣ, и меня поразила фамилія арестанта,— это фамилія одного изъ самыхъ близкихъ и дорогихъ друзей моего покойнаго отца. Я подумала, что очень можетъ быть, что это родственникъ его.

— Какъ же вамъ кажется теперь, когда вы видите его?

— Я готова считать его за ближайшаго родственника, можетъ быть, сына друга отца моего,—такъ онъ похожъ на портретъ, который мнѣ достался въ числѣ вещей послѣ моего отца.

Digitized by Google

— Знали вы, какія показанія будутъ даны здѣсь противъ арестанта?

— Нѣтъ.

— Почему же вы взяли съ собой вашъ молитвенникъ съ календаремъ?

— Я вышла изъ дому довольно рано, и, по обыкновенію, заходила въ церковь.

Адвокатъ отступилъ назадъ.

— Вы можете идти, госпожа Галль,—сказалъ президентъ, привставая;— но сперва примите глубокую благодарность отъ имени всего присутствія и господъ присяжныхъ.

Онъ поклонился ей.

Во всей залѣ снова раздался взрывъ рукоплесканій и восторженныхъ криковъ. Спасительница моя встала и направилась къ выходу. Проходя мимо меня, она взглянула на меня свѣтлымъ и полнымъ участія взоромъ. Я вздохнулъ глубоко, напутствуя душевнымъ благословеніемъ моего ангела-хранителя.

Я былъ свободенъ.

Громъ рукоплесканій провожалъ ее и насилу унялся только тогда, когда полицейской подвелъ къ столу свидѣтелей новое лицо, очень похожее на зажиточнаго кущца.

— Мнѣ необходимо дать показаніе, господинъ президентъ, близко касающееся настоящаго случая.

Президентъ приказалъ привести новаго свидѣтеля къ присягѣ и, обратясь къ защитнику моему, сказалъ:—ваше дѣло богато неожиданностями.

— Да, господинъ президентъ, и очень пріятными.

— Что вы имѣете сказать?—спросилъ стряпчій свидѣтеля.

— Я здѣшній ювелиръ и часовщикъ. Мнѣ кажется, что часовая цѣпочка съ брелоками, которыя я видѣлъ на одномъ изъ свидѣтелей матросовъ—моей работы, по заказу покойнаго Пигера, передъ отъѣздомъ въ Европу.

— Поклянетесь-ли вы въ этомъ?

— Да, если мнѣ позволятъ сперва взглянуть поближе на эти вещи.

Привели матроса Андрея Мюллера, на жилетѣ котораго красовалась цѣпочка съ брелоками.

Когда ювелиръ дотронулся до цѣпочки, этотъ человѣкъ вздрогнулъ, точно его укололи, и лицо его исказилось до безобразія.

— Это—именно моей работы; я могу доказать это приходной книгой, которая у меня въ магазинѣ, и подтвердить присягой.

Digitized by Google

Меня освободили. Присяжные не сочли даже нужнымъ выходить въ комнату совѣщаній для этого рѣшенія.

Послѣ я узналъ, что оба матроса сознались въ убійствѣ. Совершивъ убійство, они раздѣлили между собою часы съ цѣпочкой, перстни и порядочную сумму денегъ, которую нашли въ карманахъ покойнаго. Передъ отправленіемъ въ судъ, одинъ изъ убійцъ забылъ снять съ себя часы,—случай странный и, однако, очень обыкновенный въ лѣтописяхъ преступленій;—люди самые ловкіе, принимая всѣвозможныя мелочныя предосторожности, для избѣжанія подозрѣній, часто упускаютъ изъ виду именно самое главное.

На другой день послѣ моего освобожденія я лежалъ уже въ безпамятствѣ, въ постели. У меня развилось воспаленіе мозга; оно грозило отнять у меня только-что подаренную мнѣ жизнь.

Прошло двѣ недѣли полной безсознательности. Однажды, утромъ, въ томительной полудремотѣ, я ощутилъ какое-то неясное, но сладкое чувство пробужденія; въ тишинѣ мнѣ сдавалось, что за мною ухаживаетъ мать, или сестра. Когда я открылъ глаза, и въ помраченномъ умѣ моемъ вспыхнула первая искра сознанія, то мнѣ показалось, что я очутился на небѣ между ангелами,—на меня вѣяло блаженствомъ. Я видѣлъ ангела; я подумалъ, что я сошелъ съ ума.

Но не ангелъ-ли была та, которой свѣтлый взоръ встрѣтилъ мое пробужденіе?.. Она сидѣла въ ногахъ моей постели, съ блѣднымъ кроткимъ лицомъ, образъ котораго неизгладимо запечатлѣлся въ моемъ сердцѣ, въ самыя трудныя минуты моей жизни. Не ангеломъ-ли была для меня она, спасшая меня отъ позора казни? Не ей-ли обязанъ я счастіемъ видѣть теперь ее же?

Она опять сжалилась надо мною, сыномъ лучшаго друга ея отца; когда мой добрый полицейскій чиновникъ описалъ ей безпомощное мое положеніе, она покинула свои полезные труды и окружила меня своимъ материнскимъ попеченіемъ.

И Господь Богъ благословилъ ея жертву. Я выздоровѣлъ, хотя нескоро; но уже до полнаго возстановленія моего здоровья наши сердца слились въ одномъ чистомъ и святомъ чувствѣ любви, безраздѣльной и безпредѣльной.

Прошли годы. Насъ уже окружаютъ дѣти наши. Несчастье мнѣ принесло счастье—счастье всей жизни. Грустныя минуты у насъ рѣдки; радость живетъ въ моей семьѣ.

Но и въ радости, и въ горѣ, и въ веселыя, и въ грустныя минуты всѣ мы вмѣстѣ читаемъ молитвы и почерпаемъ утѣшеніе и силу—въ *молитвенникѣ моей жены.*

Digitized by Google

Висячій гость.

На одной изъ лучшихъ улицъ столицы, въ хорошемъ домѣ, одно богатое семейство занимало цѣлый этажъ—комнатъ двѣнадцать. Квартира была убрана роскошно: отличная мебель, картины, дорогіе ковры, зеркала и бронза украшали всѣ комнаты. Но главное богатство, то есть деньги, и золотыя вещи, и драгоцѣнныя женскія украшенія, какъ брилліанты, жемчугъ и разные дорогіе каменья, хранились, разумѣется, въ кабинетѣ самого господина и въ спальнѣ госпожи.

Слугъ въ большихъ домахъ всегда довольно; но безопасности отъ разныхъ случаевъ, какъ напримѣръ пожара, или кражи, нисколько не больше, какъ и въ каждомъ небогатомъ домѣ. Безопасность зависитъ отъ порядка; а порядокъ не тамъ, гдѣ много слугъ да сторожей, а тамъ, гдѣ эти люди вѣрны и сами добропорядочны.

Въ домѣ, о которомъ идетъ рѣчь, разныхъ слугъ было довольно; всѣ они были честны и надежны, но имѣли одну, къ несчастью очень обыкновенную у многихъ людей, слабость,—чуть хозяева выѣдутъ со двора—и они разойдутся по гостямъ, или въ ближайшій трактирчикъ.

Въ числѣ слугъ была одна молоденькая горничная, еще не привычная „летать со двора“, какъ говорится вообще объ этомъ прекрасномъ полѣ.

Даша была пригожая, лѣтъ шестнадцати, дѣвушка, но скромная и немножко боязливая. Госпожа ее очень любила за ея умѣнье и ловкость по части причесокъ и нарядовъ, и за ея веселый, невинный и скромный нравъ.

Однажды господа отправились, съ дѣтьми, гувернанткой (то есть учительницей) и няньками, на имянины къ родственникамъ. Всѣ люди знали, что празднованіе имянинъ этихъ кончается поздно; къ тому же, возвратившійся съ каретой, кучеръ объявилъ дворнѣ, что приказано пріѣзжать каретѣ къ двѣнадцатому часу. А пока, значитъ, можно и намъ толкнуться на имянины своего брата, тоже знакомаго кучера. Словомъ, всѣ: камердинеръ, лакей, кучеръ, старшая горничная, прачка—всѣ разошлись, уговоривъ Дашу никуда не отлучаться ни на минуту и запереться и съ парадnаго хода и съ кухни.

Даша такъ и сдѣлала.

Digitized by Google

Оставшись одна въ пустыхъ комнатахъ, она сперва, какъ это дѣлаютъ всѣ трусы, запѣла, потомъ попробовала поиграть оа фортепьянахъ; но этотъ негодный инструментъ привыкъ только къ умѣлымъ рукамъ, а подъ ея пальцами брянчалъ какую-то дребедень. Ударивъ за то цѣлой ладонью по этой музыкѣ и набравшись немножко храбрости, она взяла свѣчку и пошла въ барынину уборную. Увидѣла себя въ огромномъ зеркалѣ и помаленьку заглядѣлась... Въ самомъ дѣлѣ, дѣвушка была очень недурна, и справа, и слѣва, и всячески — какъ ни вертѣлась она передъ зеркаломъ. Дай попробую надѣть барынину шаль? Накинула — еще лучше! А что, если — шляпку? Разумѣется, вышло заглядѣнье! Да не зажечь-ли еще свѣчку? При двухъ— ума помраченье!

Да такая барышня свела бы съ ума, пожалуй, весь Невскій проспектъ, что, впрочемъ, и не особенно мудрено иногда.

Вертѣлась она передъ зеркаломъ, пробовала улыбаться, присѣдать, кланяться, и даже дѣлать ручку,—вѣдь многія молодыя, и даже грамотныя дѣвушки бесѣдуютъ съ зеркаломъ гораздо охотнѣе и пріятнѣе, нежели, напримѣръ, съ самой любопытной книжкой;—Даша наша совсѣмъ забесѣдовалась ..

Пока происходила эта, хоть и пустая, но невинная бесѣда, въ ближайшемъ трактирчикѣ велась другая бесѣда, и далеко не невинная, а скорѣе винная. Кучеръ съ лакеемъ, вмѣсто имянинъ, завернули туда выпить по-малости. Встрѣтился, на радость, еще знакомый лакей, такой же досужій человѣкъ;—и мои, говоритъ, въ кіятрѣ; до полночи гуляй! А ваши гдѣ?

Кучеръ отвѣчалъ: — наши всѣ на имянинахъ, тоже до полночи.

— Ладно; забѣгу къ кумѣ, къ вашей прачкѣ Аксиньѣ, — сказать слово надобно.

— Дома нѣтъ,—отвѣчалъ кучеръ; — у насъ всѣ, какъ есть до единаго, разошлись—кто куда. Одна нелюдимка Даша дома. Садись, пей!

Лакей усѣлся; чарочки пошли по столику.

Разговоръ этотъ былъ, кажется, совсѣмъ пустой; но въ углу комнаты, въ полутьмѣ, сидѣлъ какой-то, неблагонадежнаго вида, оборванецъ, и изподтишка прислушивался.

Разумѣется, никто на него и не обратилъ вниманія. Онъ сидѣлъ, клевалъ носомъ и казался совсѣмъ пьянымъ. Когда трое пирующихъ основательно занялись своимъ дѣломъ, объявивъ еще разъ, что тутъ можно просидѣть часу до одиннадцатаго, а потомъ и на имянины поспѣть, пьяный оборванецъ, шатаясь, всталъ и,

Digitized by Google

придерживаясь за стѣнку, насилу дверь нашелъ — вышелъ изъ трактира.

А тѣмъ временемъ, въ господскомъ домѣ, наша Дарья Петровна—пригоженькая горничная—все еще вертѣлась передъ зеркаломъ, и даже, развалясь на софѣ, попробовала обратиться къ зеркалу съ очаровательной улыбкой, спрашивая: — команъ ву порте-ву, мусье?—что, вѣроятно, значитъ что-нибудь вродѣ французскаго разговора.

Вмѣсто отвѣта, вдругъ—раздался тихій колокольчикъ.

Дѣвушка вздрогнула, скорѣе сбросила съ себя наряды, погасила одну свѣчу и стала прислушиваться. Сердце ея билось такъ сильно, что она только и слышала каждое біеніе его... Всѣ двери, до самой кухни, были отворены. Тихій звонокъ повторился, и именно—со стороны кухни.

— Сейчасъ!—громко сказала она.

Ей пришла простая мысль, что кто-нибудь изъ своихъ людей вернулся домой.

Она пошла скорыми шагами въ кухню, поставила на столъ свѣчу, и опять мелькнуло у нея въ головѣ: — а что, если это воръ?

Она пошла къ двери, перекрестилась и громко спросила:— кто тамъ?

— Изъ магазина,— отвѣчалъ не громкій голосъ,—съ коробкой.

— Съ какой коробкой?

— Не знаю-съ; хозяинъ сказалъ, что вашъ баринъ приказалъ отнести сюда.

— Господъ нѣтъ дома!

— Знаю-съ, да деньги заплачены; приказано отнести.

Голосъ, нѣсколько хриплый и нечистый, казался однако ласковымъ.

Это ободрило Дашу; она спросила:—да кто вы?

— Какъ кто?.. Господь съ вами!.. — человѣкъ старый, служитель въ магазинѣ, — и еще тише добавилъ: — какъ вамъ угодно-съ,—можно и назадъ отнести.

Послѣ минуты нерѣшимости, Даша нетвердою рукою подняла крюкъ дверной и—отскочила въ ужасѣ...

Ворвавшись въ кухню, быстро захлопнувъ за собою одну дверь на крюкъ, а другую на ключъ, и спрятавъ ключъ въ карманъ—передъ ней стоялъ небритый, всклокоченный оборванецъ. Сермяга его была подпоясана веревкой.

Не успѣла испуганная Даша вскрикнуть, какъ онъ нагнулся, вынулъ изъ-за голенища большой, сверкающій ножъ и, грозя ей,

Digitized by Google

произнесъ хриплымъ голосомъ:—ницкни! не то... тутъ тебѣ и карачунъ!

Даша зашаталась, открыла ротъ,—онъ поддержалъ ее и еще тише сказалъ:—не снанешь кричать—не трону; а чуть пикнешь—смерть!..

Потомъ взялъ со стола свѣчу и, ведя за руку трепещущую и обезпамятѣвшую дѣвушку, сказалъ ласково:—пойдемъ-ко отсель; некогда калякать,—помогуй работать.

Она вся дрожала, но повиновалась, не проронивъ ни звука; страхъ смерти отнялъ у нея языкъ.

— Ну-съ, перво-на-перво—гдѣ деньги?—говори, касаточка, не робѣй; надо сказать!

— Тамъ,—глухо произнесла Даша, указывая дрожащимъ пальцемъ.

— Пойдемъ; веди, умница.

Они пришли въ кабинетъ. Оборванецъ приступилъ къ работѣ, сталъ ломать письменный столъ.

Окна кабинета выходили на улицу; фонари на ней горѣли ярко, народъ сновалъ, колеса экипажей гремѣли... Дѣвушка понемногу пришла въ себя, и, въ самую ту минуту, когда воръ взламывалъ какимъ-то долотомъ ящикъ стола, она уже почти рѣшилась, уже шевельнулась, чтобы схватить, что попало, разбить окно и закричать — „караулъ“; но опытный мошенникъ, работая надъ ящикомъ, взлянулъ на нее, улыбаясь:—ни, ни! и не думай, красавица моя! ничего не думай! я, братъ, затылкомъ вижу. Прежде, чѣмъ ты пошевельнешься, я всажу тебѣ подъ самое сердечко вотъ эту штуку!—и онъ положилъ свой блестящій, широкій и длинный ножъ на столъ.

Дѣвушка опять обомлѣла, однако произнесла:—не буду...

— То-то-съ! Лучше посвѣти! да, Боже тебя избави, погасить свѣчу!

Она повиновалась злодѣю, едва переводя духъ.

Онъ проворно обшарилъ всѣ ящики стола, и, находя деньги, похваливалъ хозяина и дѣвушку.

— Важный господинъ! Вишь, сколько золота напряталъ! Умница дѣвушка! А какъ тебя зовутъ, красавица?

— Дарья,—отвѣчала она трепетно, чуть внятно.

— А по батюшкѣ?

— Петровна.

— Вотъ, и ладно, Дарья-свѣтъ Петровна моя!—молвилъ онъ, набивая бездонные карманы оборванныхъ и заплатанныхъ штановъ деньгами.

Digitized by Google

Увидѣвъ золотые часы на столѣ, онъ ихъ тоже прибралъ.

— Пригодится для времени!.. Время, Дарья Петровна, дорого. Ась? какъ вы думаете?

— Дорого-съ,—шептала Даша.

— То-то-съ! Ну-съ, а гдѣ-жъ эти, какъ ихъ, баринины бральянты?—то есть, въ какихъ палестинахъ хранятся они? Ну-ко-сь, Дарья Петровна, покажите, пособляйте работѣ—время дорого-съ, ась? Такъ-ли?

— Такъ,—пропищала Даша и повела разбойника въ спальню.

— Фу, какая жизнь-то у нихъ!—промолвилъ злодѣй, окинувъ глазами комнату.

— Посвѣти-ко-сь... Сперва это прибрать.

И онъ началъ совать въ свои прорвы-карманы разныя драгоцѣнныя вещи, лежавшія на столикахъ, около зеркала.

— Ну-съ, а главный-то складъ гдѣ?

Дѣвушка указала пальцемъ на высокій комодъ.

— Ладно-съ; свѣти-ка-сь!

И опять заскрипѣло толстое и острое долото; ящикъ затрещалъ, замокъ выскочилъ, оторвавъ пластинку лакированнаго дерева. Воръ живо началъ рыться въ комодѣ, раскидывая все, что не нравилось ему по неукладности своей, и припрятывая небольшія, цѣнныя вещицы. Вдругъ, онъ остановился и строго посмотрѣлъ въ глаза устрашенной дѣвушкѣ.

— Ты меня не надувай, красавица! грѣхъ надувать, не хорошо обманывать; за это человѣку худо бываетъ.. ась?

— Нѣтъ, нѣтъ!—умоляющимъ голосомъ произнесла несчастная.

— То-то-съ! Гдѣ же самый-то смакъ?.. гдѣ драгоцѣнности-то ваши?

Она опять указала пальцемъ на большую, обитую сафьяномъ, съ серебряными углами, шкатулку, стоявшую на комодѣ.

— То-то-съ!

И долото заработало сильно, то визжа по желѣзу замка, какъ змѣя, то съ трескомъ расщепляя дерево шкатулки.

Открылись футляры; брилліанты и самоцвѣтные каменья засверкали цвѣтными огнями; они мигали, тухли, снова сверкали, и точно сыпали искры... Глаза злодѣя горѣли, точно въ нихъ отражался блескъ дорогихъ камней. Дѣвушка чуть дышала; даже сердце ея, казалось, перестало биться.

Карманы вора были набиты; онъ встряхивалъ и оглаживалъ ихъ.

— Да тутъ одному нечего и заниматься!—мычалъ онъ, блуж-

Digitized by Google

дая жаднымъ взоромъ кругомъ себя;—тутъ артелью поработать слѣдуетъ, ась? Какъ думаешь?

— Артелью,—повторила дѣвушка.

— То-то-съ!.. А эти шандальчики, небось, серебряные, вызолочены?—спросилъ онъ, указывая на подсвѣчники стоявшіе на столикѣ.

— Золотые,—шептала Даша.

— Ой-ли? Эко горе! куда ихъ?.. а оставить грѣхъ!

Онъ засунулъ и подсвѣчники въ карманы, уже до-верху набитые.

— Ну-съ, полно съ насъ! А какъ ты думаешь, красавица, будетъ тутъ тысченокъ на десять?

— Будетъ съ.

— Ладно! А серебро, значитъ,—столовое-то есть,—гдѣ у васъ?

— Тамъ...

— Пойдемъ-съ!—и онъ пошелъ за дѣвушкой въ столовую.

Вдругъ, въ гостиной зашипѣли и зазвонили часы; въ ту же минуту шипѣнье и звонъ отозвались и въ столовой. Злодѣй вздрогнулъ и пошатнулся. Дѣвушка тоже вздрогнула,—и свѣча чуть не выпала изъ рукъ ея. Но онъ въ мигъ оправился, взялъ у нея свѣчку и строго сказалъ: — смотри! этакъ ты обезсвѣчишь меня! Эй, берегись!.. Сколько это было?

Дѣвушка не могла собраться ни съ силами, ни съ памятью; но онъ самъ посвѣтилъ къ часамъ.

— Э-э! да всего девять! Успѣемъ, успѣемъ! Не робѣй, красавица! Это, стало быть, буфетъ?—спросилъ онъ, войдя въ столовую.

— Буфетъ-съ.

Буфетъ былъ не запертъ, и злодѣй отворилъ какъ разъ тотъ шкапчикъ, гдѣ стояли вина

— Доброе дѣло! На охотника и звѣрь бѣжитъ! Хорошее дѣло! А куда выходятъ эти окна?

— На улицу-съ.

— Доброе дѣло! Отличное дѣло! Хуже бы было, еслибъ на дворъ! Такъ-ли?

— Такъ-съ.

— Ну, такъ вотъ что... время у насъ еще есть; мы засвѣтимъ еще другую свѣчку, на всякій случай... Дай-ко-сь сюда водочки. Да вѣдь есть же у васъ, надо полагать, и закусочка какая-нибудь, ась?

— Есть.

— Ну, такъ и ее тащи.

Digitized by Google

Дѣвушка выставила на столъ графинчикъ водки, бутылки винъ, подала сыръ двухъ сортовъ, бѣлый хлѣбъ.

— А рюмочку, да побольше.

Она поставила и рюмку.

— А другую.. Вмѣстѣ выпьемъ, красавица. Ничего, что ты такая мамзель, надо пить! надо, свѣтъ мой, ко всему привыкать,—неровенъ часъ, выйдешь замужъ за пьяницу. Такъ, что-ли?

— Такъ...

— Хе-хе-хе! умница!—и грязный разбойникъ, ухмыляясь, щипнулъ ее за блѣдную со страху щечку.

Она вспыхнула и опять поблѣднѣла, какъ полотно.

— Ничего, ничего! Надо ко всему привыкать, радость ты моя!

Онъ налилъ изъ графина обѣ рюмки и, чокнувшись своей рюмкой о другую, приглашалъ дѣвушку пить. Она повиновалась; но рюмка плескалась въ ея рукѣ.

— Ничего, ничего!.. Пей, пей!

Онъ выпилъ, похвалилъ водку и, отломивъ кусокъ сыру, принялся закусывать.

Дѣвушка выпила и уставила свои неподвижные глаза на столъ...

Мерзавецъ тотчасъ же налилъ другую рюмку и пытался заводить съ нею разговоръ, заставилъ ее выпить еще рюмку вина, а самъ принялся за закуску.

Такъ прошло съ четверть часа.

По третьей, или четвертой рюмкѣ, городя всякую околесную, онъ упрашивалъ ее пить.

— Ты не бойся меня! пей! Вѣдь все равно, ты не знаешь меня...

Она взглянула на него съ ужасомъ.

— Али знаешь?—строго спросилъ онъ.

— Знаю,—безсознательно промолвила она.

— Ой-ли?—и онъ закачалъ головой.—Плохо дѣло! очень плохо!... А и то, можетъ знать.. Я тутъ на дворѣ бывалъ.

Онъ выпилъ еще и и посмотрѣлъ на часы.

— Однако, зѣвать нечего, радость ты моя!

Всталъ, осмотрѣлъ буфетъ. Серебра оказалось очень много; только кое-что еще влѣзло въ его карманы.

— Баста! на сей день довольно!—прорычалъ онъ, и, упершись въ бока, покачиваясь и сожалительно мотая безобразной головой своей, повелъ ужасную рѣчь:—знаешь что, свѣтъ мой?.. Охъ, плохо! оченно, то есть, плохо! А я, старый дуракъ, ду-

Digitized by Google

малъ того... Думалъ, то-есть—зачѣмъ трогать умницу такую? Послужила съ почтеніемъ... Да, вишь, ты меня знаешь. Экая бѣда твоя, свѣтъ ты мой, Дарья Петровна!... Зачѣмъ ты меня знаешь, ась?

Дѣвушка улыбалась тою отчаянною улыбкою ужаса, которая какъ-то невольно слагается на устахъ въ минуты безнадежности. Она не понимала словъ злодѣя, но темно почувствовала висящую надъ нею бѣду. Она поняла ее, когда онъ продолжалъ свою нетрезвую, злодѣйскую и безпощадную рѣчь.

— Кабы это ты не знала меня—ну, ничего,—можно бы связать да заткнуть глотку, и все тутъ. Можно бы привязать такъ, что и не шелохнулась бы; а я бы ушелъ... Экая бѣда! А то ты, вишь, знаешь меня! Признаешь, значитъ, или это разскажешь:—такой, молъ, изъ себя!.. Экая бѣда!

—Ни слова не скажу! Богомъ, всѣми святыми клянусь—ни единаго слова!—завопила дѣвушка,начиная ясно понимать ужасъ его словъ, и грянулась передъ разбойникомъ на колѣни.

— Эва поешь! Ну, какъ не сказать? посуди сама, какъ тебѣ не сказать? Это со страстей присягаешься. А какъ можно не сказать?—все разскажешь, ей Богу!..

И, не слушая ни клятвъ, ни убѣжденій, злодѣй сказалъ рѣшительно:—нельзя мнѣ тебя отпустить! И самому жаль тебя, умницу, то есть вотъ какъ жаль,—а нельзя. Никакъ не можетъ этого быть.

Она ползала въ его ногахъ; все сознаніе возвратилось ей; обнимая колѣни его, она просила пощады, — и злодѣй вдругъ осерчалъ: — слышь, молчи! не то пырну!—и онъ погрозилъ ножемъ.

Дѣвушка вся сжалась и притихла у ногъ его.

— Одно, что могу... Вижу, ты ужъ оченно боишься ножа.

— Боюсь, дяденька, родненькій!..—пищала она.

— То-то! ну, такъ тово, еще могу вотъ что .. — и онъ задралъ свою голову въ потолокъ, — могу еще развѣ вотъ что... повѣсить тебя; вотъ—и крюкъ.

— Повѣсь, повѣсь, дяденька!.. О, Господи, Мать Пресвятая Богородица!—молилась она, рыдая безъ слезъ.

— Ну, Господь съ тобой! — богохульствовалъ извергъ; — я, человѣкъ, то есть, какъ есть—добрый. Ты вѣдь вотъ, ребенокъ совсѣмъ; ну, не хочу, не хочу проливать твою кровь... Изволь! для тебя, только для тебя... изволь, повѣшу!

И онъ сталъ распоясываться; серебро, засунутое за пазуху, зазвенѣло по полу, и онъ опять осерчалъ.

Digitized by Google

— Вишь, дуракъ! вотъ что надѣлалъ! э-эхъ, съ вами дурами!

Дѣвушка спѣшила поднять ему серебро. Онъ поглядѣлъ сомнительно.

— Постой, развѣ вотъ что,—и онъ бережно снялъ свою сермягу и положилъ на столъ, потомъ не безъ труда влѣзъ на столъ и потребовалъ кресло.

Даша въ безпамятствѣ исполняла всѣ его приказанія,—подала кресло. Онъ поставилъ кресло на столъ, стулъ на него; но до потолка оставался почти аршинъ высоты отъ его руки.

Онъ снова разсердился и, ругаясь, хотѣлъ сойти со стола, но Даша на колѣняхъ умоляла его не рѣзать ее, а непремѣнно повѣсить.

— Будь отецъ родной! Буду за тебя Бога молить! Умилосердись, дяденька родный, повѣсь, повѣсь меня, а не рѣжь!..

И, какъ будто убаюканная тихимъ рыданіемъ и нѣжной отчаянной просьбой, свирѣпость разбойника смягчилась; онъ искривилъ уста, оглядѣлъ комнату и, подумавъ съ минуту, приказалъ подать себѣ небольшой столъ, стоявшій въ углу. Даша бѣгомъ принесла ему столикъ. Спустивъ кресло безъ шуму, онъ утвердилъ на большомъ столѣ принесенный столикъ, велѣлъ подать стулъ плетеный и поставилъ его на столикъ, довольно твердо вскарабкался на него сразу, и снялъ, висѣвшую на крюкѣ, лампу. Передавая ее дѣвушкѣ, приказалъ подать веревку, которою онъ былъ подпоясанъ, и которая лежала на столѣ,—и это было исполнено.

— Ну, красавица, ужъ ни для кого на свѣтѣ не сдѣлалъ бы я этого!—ворчалъ онъ, прикрѣпляя узломъ веревку на крюку;—провались сквозь землю—ни для кого!..

Даша благодарила его, рыдая. Онъ сдѣлалъ на концѣ веревки мертвую петлю.

— Ну, кажись, ладно; лѣзь на столъ!

Даша встала, зашаталась, взглянула на петлю и какъ будто залилась слезами; но слезъ не было—это былъ сухой плачъ—плачъ ужаса, ввиду близкой смерти.

— Дядюшка родный, кормилецъ!.. зарѣжь! зарѣжь лучше, не могу!..

— Эхъ, ты, привередливая дѣвченка! стану я няньчиться съ тобой!.. Молчать!

Она смолкла и схватилась за столъ.

— То повѣсь—то зарѣжь! вишь, капризная! Вотъ, постой,—не сорвалось бы, дай еще попробовать!

Digitized by Google

И онъ, съ ловкостію привычнаго висѣльника, просунулъ сквозь петлю свою правую руку, крѣпко ухватился за веревку выше петли и потянулъ для пробы разъ-другой съ такою силою, что даже самъ, скорчась, приподнялся на носкахъ. Вдругъ, носокъ ноги, скользнувъ по краю стула, сорвался,—стулъ полетѣлъ со столика, какъ кинутый швыркомъ, столикъ опрокинулся, — злодѣй остался на-вѣсу, и вмигъ, рука, скользя по веревкѣ, затянулась мертвою петлей подъ самой кистью... Онъ повисъ на вытянутой рукѣ; голова мгновенно откинулась на сторону, и лѣвая рука напрасно силилась подняться и ухватить другую—она не доставала даже до локтя...

— Стулъ! стулъ скорѣе, мерзавка!—ревѣлъ висячій разбойникъ.

По какому-то слѣпому страху спѣшила повиноваться дѣвушка, схватила стулъ и, кинувшись къ столу, въ опьяненіи и ужасѣ, не успѣла приподнять довольно стулъ, съ разбѣгу ударила имъ въ ребро стола и, оттолкнутая ударомъ, крѣпко треснулась о-земь вмѣстѣ со стуломъ.

— Стулъ! стулъ! Зарѣжу, стулъ! — вопилъ злодѣй; но, къ счастію, Даша такъ ударилась головой о полъ, что обезпамятѣла; въ глазахъ у нея потемнѣло.

Медленно крутясь на разсучивавшейся веревкѣ, стоналъ и скрежеталъ зубами висячій злодѣй.. На мигъ онъ смолкъ, сдѣлалъ послѣднее невѣроятное усиліе, вытянувшись, вдругъ сжался, и, воздушнымъ прыжкомъ, успѣлъ схватить лѣвой рукой свою правую руку у локтя; еще усиліе, прыжокъ... хотѣлъ перехватить выше, но лѣвая рука сорвалась—и, всею тяжестію своего грузнаго тѣла, онъ снова повисъ на одной правой рукѣ, весь искривившись отъ страшной боли. .

— Ой! караулъ!—заревѣлъ онъ неистово...—Помоги, Дарья! помоги!

Какъ шальная поднялась Даша и, взвизгнувъ, кинулась стрѣлой на кухню, въ дверь; но выходная дверь была заперта на ключъ. Въ отчаяніи отскочила она, ринулась въ темную комнату кухарки, за что-то зацѣпилась и полетѣла стремглавъ, головой въ ворохъ какого-то бѣлья. Тамъ она и застряла, безъ чувствъ, безъ памяти, обмотавъ себѣ голову разными половиками и попавшимъ подъ руку тряпьемъ. Она ничего на слышала...

А повѣшенный кричалъ, умолялъ, проклиналъ, рычалъ, какъ лютый звѣрь, и медленно вертѣлся на то разсучивавшейся, то опять ссучивавшейся собственной веревкѣ...

Digitized by Google

Веревка слегка потрескивала, но—спасибо—была крѣпка, и крюкъ надежный.

Къ двѣнадцати часамъ кучеръ уже уѣхалъ за господами; веселой гурьбой возвратились домой подгулявшіе слуги и позвонили съ чернаго хода. Двери не отворялись. Позвонили еще — нѣтъ отвѣта. Что за оказія?

— Постой, я позвоню!

Пробовали дергать звонокъ всѣ поочереди, но трезвонъ былъ напрасенъ.

— Вишь, какъ уснула, окаянная!

Однако, время шло;—какъ бы не подкатили господа?—Лакей побѣжалъ кругомъ, черезъ дворъ, звонить съ параднаго хода;—та же исторія; никто не откликался. Сбѣгали за дворникомъ—тотъ зазвонилъ такъ, что оборвалъ звонокъ.

И возились до тѣхъ поръ, пока загремѣла карета—господа пріѣхали. Господинъ кричалъ, горячился; госпожа и няньки ахали, дѣти зѣвали и начинали плакать Рѣшено было выломать кухонную дверь и отворить изнутри парадную. На всякій случай, привычный дворникъ послалъ своего помощника за полиціей.

А господа ждутъ и дрогнутъ на парадной лѣстницѣ, и ума не приложатъ, что тамъ случилось.

Нечего разсказывать объ общемъ ужасѣ, обморокахъ и страстяхъ всего дома, когда увидѣли эту дикую картину, освѣщенную двумя горящими свѣчами.

Висѣльникъ тихо вертѣлся на своей веревкѣ. Безобразное, небритое лицо его покрылось синебагровымъ цвѣтомъ; пѣна съ кровью запеклась на устахъ. Видимо, его пришибъ кровяной ударъ.

Дашу насилу нашли, полуживую. И только послѣ долгой горячки, мѣсяца черезъ два, оправившись, могла она разсказать всѣ подробности этой ужасной повѣсти о висячемъ гостѣ.

Digitized by Google

СУДЪ БОГО-ЧЕЛОВѢКА

въ Іерусалимѣ на праздникѣ Кущей.

Истекалъ третій годъ общественнаго служенія Іисуса Христа. Слава милосердія о святой мудрости Его разнеслась по всѣмъ странамъ Іудейскаго царства. Нищіе, недужные, всѣ труждающіеся и обремененные съ вѣрою и умиленіемъ произносили имя Его. Считали милостію Божіею узрѣть ликъ Его, услышать слово и прикоснуться къ одеждамъ Его. Женщины, старцы, дѣти—всѣ слабые силами—съ великою радостію слушали разсказы о святомъ защитникѣ всѣхъ немощныхъ, и всюду съ нетерпѣніемъ ждали Его пришествія.

Словомъ, все, что было въ народѣ бѣднаго, утружденнаго, слабаго—въ Немъ одномъ видѣло свою надежду. Все таковое увѣровало въ Учителя слова Божьяго.

Но книжники и фарисеи *) и всѣ друзья ихъ возмутились кроткимъ ученіемъ Іисуса Христа. Они видѣли въ немъ изобличеніе своей неправды. Въ школахъ и синагогахъ (храмахъ) не могли они испортить ясной, праведной и всѣмъ понятной рѣчи Его, не осмѣливались вызывать Его на явный судъ, но старались внушить народу, что Христосъ говоритъ не по закону, что Онъ хочетъ разорить законъ.—Народъ не вѣрилъ фарисеямъ и жаждалъ слушать святыя слова Учителя.

Во всѣхъ странахъ Палестины уже знали про чудеса, совершенныя Іисусомъ Христомъ, и повторяли божественныя слова, сказанныя Имъ къ апостоламъ и угодникамъ, въ „Нагорной рѣчи“.

---

*) *Книжниками и фарисеями* назывались учители еврейскаго народа; они гордились своею праведностью и знаніями, но въ сущности были самыми хитрыми лицемѣрами, которыхъ Іисусъ Христосъ постоянно обличалъ.

Прим. авт.

Digitized by Google

„Блаженны нищіе духомъ, ибо ихъ есть царствіе небесное. Блаженны плачущіе, ибо они утѣшатся. Блаженны кроткіе, ибо они наслѣдуютъ землю. Блаженны алчущіе и жаждущіе правды, ибо они насытятся. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будутъ. Блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога узрятъ. Блаженны миротворцы, ибо они нарекутся сынами Божіими. Блаженны гонимые за правду, ибо ихъ есть царствіе небесное. Блаженны вы, когда будутъ поносить васъ, гнать и всячески злословить неправедно за Меня; радуйтесь и веселитесь, ибо велика вамъ награда на небесахъ. Такъ гнали и пророковъ, бывшихъ прежде васъ".

— Я пришелъ,—училъ Спаситель, — не разорить законъ, а исполнять его во всей точности и паучить исполненію его. И требую отъ васъ дѣла закона и законной непорочности. И потому сказываю вамъ:—ежели праведность ваша не превзойдетъ праведности фарисеевъ и книжниковъ, то вы не взойдете въ царствіе небесное. Они искажали, или не выразумѣли законъ божественный, и праведность ихъ пуста и лицемѣрна. Я объясню вамъ, въ чемъ они погрѣшаютъ, и въ чемъ вы должны превзойти ихъ. Сказано древнимъ:—не убивай,—фарисеи разумѣютъ подъ этимъ только явное, насильственное отнятіе жизни, забывая, что есть тысячи утонченныхъ средствъ къ смертоубійству. И такъ,—Я говорю вамъ,—что всякое средство къ отнятію жизни ближняго законопреступно; неправедный гнѣвъ также осуждается, какъ самое смертоубійство. И если кто изъ васъ станетъ бранить ближняго своего, напримѣръ, словомъ—пустой человѣкъ (рака),—то подлежитъ синедріону, т. е. верховному суду, или уголовному. Если назоветъ его безсовѣстнымъ, то заслуживаетъ жестокое наказаніе. И не думайте, что при ненависти къ ближнему ваше усердіе къ Богу будетъ благопріятно. Сказано древнимъ:—не прелюбодѣйствуй.—Книжники разумѣютъ подъ этимъ только явное и грубое нарушеніе чистоты брачной. А Я вамъ сказываю:—если кто взглянетъ на женщину съ похотствованіемъ, тотъ уже любодѣйствавалъ съ нею въ сердцѣ своемъ. Сказано древнимъ:—не нарушай клятвы.—А Я вамъ говорю:—вовсе не клянитесь. Будь только честенъ и справедливъ, чтобы простыя слова твои—да-да, нѣтъ-нѣтъ,—заслуживали полное довѣріе.

Сказано древнимъ: — плати равное равнымъ, око за око и зубъ за зубъ.—А Я вамъ говорю: — не противься обижающему, и будь такъ твердъ въ терпѣніи, что если, напримѣръ, получишь ударъ въ правую щеку твою, то не возмущайся противъ утѣснителя, и будь готовъ принять ударъ въ лѣвую. Если лишишься

Digitized by Google

рубашки, безъ ропота теряй и кафтанъ. Любите всѣхъ, даже и враговъ вашихъ, оскорбляющихъ васъ. Вы — дѣти одного Отца Небеснаго, а Онъ велитъ восходить солнцу надъ злыми и добрыми и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ. Когда вы даете милостыню, то давайте такъ, чтобы лѣвая рука ваша не знала, что дѣлаетъ правая,—тайно, а не такъ какъ дѣлаютъ лицемѣры. Всевидящій Отецъ Небесный не оставитъ твоего благодѣянія безъ награды. Когда вы молитесь, молитесь не какъ лицемѣры—въ синагогахъ и на перекресткахъ улицъ,—но молитесь въ скрытной своей комнатѣ и, еще болѣе, въ потаенной храминѣ своего сердца. Отецъ вашъ Небесный видитъ тайное и воздастъ вамъ явно. И не думайте, подобно язычникамъ, что вы будете услышаны за продолжительныя молитвы и многословныя прошенія. Отецъ вашъ Небесный знаетъ ваши нужды прежде вашего прошенія. Когда вы поститесь—поститесь не какъ лицемѣры, съ мрачными лицами и съ притворнымъ унынiемъ. Не показывай предъ людьми поста своего. Постись предъ Небеснымъ Отцомъ тайно—и Онъ воздастъ тебѣ явно. Не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ, не ищите на ней себѣ славы, богатства и счастья; лучше посвятите себя Богу и добрымъ дѣламъ. Вы скажете:—какъ же намъ не помышлять о пищѣ и одеждѣ, когда онѣ намъ необходимы, когда мы связаны нуждами семейства и государства?—Отвѣчаю вамъ:—помышляйте, заботьтесь, трудитесь, но не теряйте спокойствія духа, и не забывайте главнаго долга человѣка. Посмотрите на птицъ, которыя не сѣютъ, не жнутъ и не собираютъ въ житницы—и Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ; посмотрите на полевыя лилiи предъ ногами вашими,—онѣ не трудятся и не прядутъ, а одеждою своею превосходятъ пышность одеждъ Соломоновыхъ. Если Богъ такъ питаетъ враговъ, если такъ одѣваетъ траву, то не болѣе-ли заботится объ васъ, маловѣрные?.. И такъ, Я вамъ сказалъ:—если вы хотите служить Богу, то служите Ему всецѣло и искренно, живите въ мірѣ и любви съ ближними, и поступайте со всѣми такъ, какъ желаете чтобы съ вами поступали. Ибо не всякій, кто скажетъ мнѣ:—Господи! Господи!—войдетъ въ Царствіе Божіе, но только исполняющій волю Отца Моего Небеснаго.

Народъ сохранялъ въ памяти и въ сердцѣ это святое ученіе и вѣрилъ Сыну Божію. И по единому слову Его исцѣлялись недужные, прозирали слѣпотствующіе, смягчались сердцемъ ожесточенные, утѣшались страждущіе.

Видѣли это фарисеи и книжники и возненавидѣли Христа. Ложная власть ихъ падала—истина Христова утверждалась. Они

Digitized by Google

искали случая уличить Его передъ народомъ и унизить Его, но находили только свое собственное униженіе. Безъ гнѣва изобличалъ Христосъ лицемѣріе ихъ, и самые мытари *) стали признавать Его Мессіей **) Сыномъ Божіимъ.

Приближался праздникъ Кущей. Праздникъ этотъ былъ одинъ изъ трехъ главныхъ праздниковъ Іудейскихъ. Онъ совершался въ память сорокалѣтняго странствованія іудеевъ по пустынѣ Аравійской, когда они жили подъ шатрами изъ древесныхъ вѣтвей, а также въ благодарность за плодородіе года, ибо празднованіе происходило послѣ собиранія плодовъ и винограда, около половины нынѣшняго сентября. Оно продолжалось семь дней, съ блистательною торжественностію и веселіемъ.

Праздникъ Кущей былъ уже въ половинѣ, когда Іисусъ Христосъ неожиданно явился въ Іерусалимъ и всенародно училъ во храмѣ. Тоже дѣлалъ Онъ и въ послѣдующіе дни. Народъ съ изумленіемъ и радостію слушалъ Его.

Архіереи и фарисеи вознегодовали и приказали слугамъ своимъ взять Его; но слуги отказались отъ сего, говоря:—никогда человѣкъ не говорилъ такъ, какъ сей человѣкъ!—Злоба и зависть фарисеевъ возрастала.

А Іисусъ продолжалъ поучать народъ кротости, смиренію, любви и пренебреженію суеты мірской, изобличалъ лицемѣріе книжниковъ и фарисеевъ надменныхъ, возвеличивалъ вѣрующихъ нищихъ и праведниковъ убогихъ, словомъ и прикосновеніемъ своимъ исцѣлялъ недужныхъ и страждущихъ. И народъ вѣрилъ, что Онъ Мессія, посланный творить волю Божію.

Кончился торжественный праздникъ Кущей, и на другой день народъ готовился въ тишинѣ къ молитвѣ, и спѣшилъ ко храму, чтобы возблагодарить Бога за веселіе свое. Солнце сіяло надъ Іерусалимомъ, успокоеннымъ послѣ священнаго торжества.

Вдругъ, на площади зашумѣла толпа народа; съ улицъ стекались туда люди, тѣснились и окружали фарисеевъ. Съ крикомъ и угрозами, поднимая въ рукахъ камни, требовали они правосудной казни за нарушеніе и осквернение священнаго народнаго торжества. Негодованіе и злоба изображались на всѣхъ лицахъ. Въ толпѣ, передъ фарисеями, стояла, въ изорванной одеждѣ, блудница, пойманная на мѣстѣ прелюбодѣянія. Народъ требовалъ казни ея.

---

*) Мытари —сборщики податей по откупу у Евреевъ.

**) Мыссія —по еврейски означаетъ:—обѣтованный Спаситель всего рода человѣческаго.

Прим. авт.

Digitized by Google

Законъ Моисеевъ опредѣлялъ за такое преступленіе—смерть, а талмудъ *)—удавленіе, или побіеніе каменьями. Законъ этотъ исполнялся строго, и не было примѣра спасенія преступницъ. Народъ вопіялъ неистово; но фарисеи медлили приговоромъ и совѣщались между собою.

Чего же медлили они, всегда алчные до жертвы? Или они хотѣли помиловать ее?

Нѣтъ, фарисеи видѣли, что эта жертва отъ нихъ не уйдетъ; но имъ хотѣлось изловить на нее и другую, болѣе важную и желанную для нихъ жертву. Они предложили народу представить блудницу на судъ Іисусу. Зная милосердіе Его, они надѣялись, что Онъ ожесточитъ народъ противъ себя, если станетъ отвергать законъ Моисея.

— Что скажетъ ваш Учитель? — говорили они народу, скрывая свою коварную радость; — пусть Онъ рѣшитъ; пойдемъ къ Нему!

Съ воплями, въ свирѣпомъ торжествѣ, повлекъ народъ свою жертву по стопамъ фарисеевъ, на судъ къ Іисусу. Старцы порицали влекомую преступницу; народъ плевалъ на нее, наругался надъ нею и грозилъ каменьями; дѣти въ ужасѣ прижимались къ матерямъ своимъ. Несчастная была въ безпамятствѣ.

Толпа нашла Іисуса у храма. Сидѣлъ Онъ на ступени, задумчиво наклонясь головою, и чертилъ перстомъ на землѣ, не обращая внимая на приблизившуюся толпу.

Лукавые фарисеи приступили къ Іисусу:—Учитель! эта женщина взята въ самомъ дѣйствіи порока. Моисей повелѣлъ намъ побивать такихъ каменьями. Ты что на это скажешь?

И вся толпа затихла; всѣ ждали приговора Судіи, Котораго каждое слово считалось голосомъ самого Бога.

Затрепетала блудница, какъ трепещетъ, наклонившій голову подъ сѣкиру палача, преступникъ.

Фарисеи глядѣли пытливо и ждали роковаго слова.

Іисусъ, не поднимая головы, молчалъ и чертилъ перстомъ по землѣ

— Что же молчишь, или не признаешь святаго закона Моисеева? — повторили фарисеи, нетерпѣливо ожидая отвѣта, который погубилъ бы Учителя въ глазахъ народа.

Іисусъ поднялъ голову и взглянулъ на лукавыя лица фарисеевъ; всѣ притаили дыханіе.

Тихо и твердо произнесъ Христосъ:—кто изъ васъ безъ

*) Талмудъ—еврейскій сводъ законовъ и преданій. *Прим. авт.*

Digitized by Google

грѣха, пусть первый броситъ камень въ нее, — и, наклонившись, опять сталъ чертить перстомъ по землѣ.

Молча, какъ бы украдкой, отхлынула толпа народа; опустились руки, державшія камни; въ стыдѣ люди тѣснились другъ за другомъ; и, какъ воры, укрылись фарисеи въ толпѣ пристыженнаго народа.

Затрепетала и упала въ прахъ лицомъ грѣшница; и только изумленныя дѣти остались вблизи, глядя въ удивленіи на своего любимаго Учителя.

Не смѣя вѣрить въ свое чудесное, примѣра не имѣвшее избавленіе, лежала несчастная; наконецъ, робко подняла голову, обозрѣлась со страхомъ...

Іисусъ взглянулъ на нее и сказалъ милостиво: — женщина! гдѣ твои обвинители?.. никто не осудилъ тебя?

— Никто, Господи!—отвѣчала она въ трепетѣ.

— И Я не осуждаю тебя; встань и не грѣши!

И, вскрикнувъ, распростерлась она у ногъ Спасителя своего, не смѣя прикоснуться къ нимъ, и проливая слезы радостнаго избавленія.

Іисусъ всталъ, пошелъ отъ храма, и дѣти пошли за Нимъ, въ безмолвіи и съ ангельскою улыбкою глядя на Божественнаго Искупителя.

Digitized by Google

ЛѢСЪ И КНИЖКА.

Лѣтомъ о праздникѣ, собрались ребятишки всей деревни въ лѣсъ по грибы. Лѣсъ густой, непролазный; грибовъ тамъ — гребломъ греби.

Ходили они, бродили, аукались да перекликались, и набрали грибовъ полны кузовки. Вернулись домой. Отцы сидятъ на улицѣ,— дѣло праздничное; мамки обряжаются; а ребятишки—домой, печь грибы на угольках въ печуркѣ. Спекли, да и съѣли всласть.

Только, черезъ часъ-другой, приключилася бѣда: кому — ничего, а кого тошнитъ, у кого животъ болитъ, а другой и совсѣмъ свалился да ногами дрыгаетъ.

Кто набралъ хорошихъ грибовъ: боровиковъ, подосиновиковъ, груздей, да бѣлянокъ, тотъ съѣлъ и здоровъ. А кто въ кузовъ поганку вкинулъ, съѣлъ—ему и тошно. А кто съ-дуру мухоморовъ наѣлся, тотъ и ноги протянулъ. Всѣ въ одномъ лѣсу грибовъ искали, да не всѣ нашли себѣ на здоровье,—другой нашелъ себѣ бѣду и смерть.

Что въ лѣсу — то и въ грамотѣ, то и въ книгѣ: въ лѣсу есть грибы хорошіе и худые, а и въ книгѣ есть слова хорошія и худыя. Но не для пищи людской ростутъ въ лѣсу поганые грибы—не для подражанія и правила человѣку пишутся въ книжкахъ худые намеки, а для отвращенія человѣка отъ всякаго худа, чтобы обѣгать худа.

А кто набьетъ себѣ въ голову худыхъ словъ и примѣровъ, что мухоморовъ въ кузовъ, тотъ самъ виноватъ,—и не быть добру съ его чтенія.

Digitized by Google

Digitized by Google

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЛАГЕРЬ *)

(отрывокъ изъ сказки „Солдатъ Искра“ Соч. Ив. Меркулыча Щиpаго **).

Ну, сударь мой, время по бѣлу свѣту
Какъ-будто хромой инвалидъ ковыляетъ, —
Конца нѣтъ походу! Всего-то увидитъ:
Ненастья, и стужи, и красной погодки;
И вотъ, оно стало весной любоваться,
Какъ тотъ инвалидъ хороводомъ веселымъ
Любуется въ праздникъ, идя чрезъ деревню.
Весна-жъ разгулялась, скажи вотъ, красотка,
Сама разубралась, что міру на диво:
Какъ бархатъ зеленый—луга шелковые,
Хрустальныя рѣки—что ленты струятся,
Что темныя кудри—лѣса да дубравы;
И краснымъ денечкомъ она разсмѣялась,
И по міру сыплетъ утѣху, да радость;
Но, будто всгруснувши въ раздумьѣ любовно,
Вдругъ вспыхнетъ румяной зарею, повѣетъ
Духами цвѣточковъ лазурныхъ, зальется
Она задушевной соловушки пѣсней
И капнетъ на землю жемчужной росой.
А темная ночка, какъ думой сердечной,
Ее пріукроетъ на время. И снова
Она засверкаетъ привѣтной улыбкой,
И снова по свѣту разсыплетъ утѣху.
А нашему брату солдату, извѣстно,

*) Настоящій отрывокъ въ первый разъ былъ напечатанъ въ журналѣ «Чтеніе для Солдатъ», откуда нынѣ и перепечатывается.

**) Псевдонимъ А. Ѳ. Погосскаго. *Прим. ред.*

Digitized by Google

Веспа-красноличка—горячее время:
Смотры, да ученья, разводы, парады,
И мало-ль какія по службѣ продѣлки!
Тутъ, смотришь, прощайся съ хозяйкой, и въ лагерь—
На чистую службу. Кто не былъ въ походахъ,
Тому не случалось горячаго, братецъ,
До слезъ нахлебаться и шиломъ побриться;
А отбылъ кто службу и въ лагеряхъ не былъ—
Помретъ дуракомъ, и ужъ безъ отговорки!
Важнѣйшее, братцы, житье тамъ солдату;
Всего не разскажемъ, какой онъ есть, лагерь,—
Увидите сами. Какъ лебеди словно,
Бѣлѣютъ палатки сдалеча, а ближе,—
Такъ городомъ городъ,—и людно и чисто,
Подѣланы всюду такіе проспекты,
Что Питеру въ зависть—ходи себѣ, шаркай
Для ради куража; а если охота
Пришла разгуляться—на линіи задней
Что хочешь, то спросишь; была бы копѣйка.
Трактиръ благородный, другой попростѣе,
И тамъ писаришки чаекъ попиваютъ,
И въ трубочку курятъ, табакъ все картузный,
Не то, на гитарѣ играютъ; а рядомъ
Шалашъ съ калачами; тамъ вашъ братъ рекрутикъ
Овсяную деньгу на лакомство тратитъ,
И дядька случится—ужь больше для шутки
Загубитъ ни за что пятакъ—съѣстъ калачикъ.
А тутъ въ лотерею, какой нибудь дока,
Штукарь музыкантскій, играетъ; по гривнѣ
Билетикъ. Кто выйгралъ за тѣ капиталы
Кисетъ, аль жилетку—такъ рѣдко въ накладѣ:
Въ походное время на трутъ пригодится;
Другой зашибетъ и часы—при несчастьѣ...
Ну, что твоя, братецъ, кастрюля! Ходили-бъ—
Да ногъ не имѣютъ! Наплачешься, вѣрно,
Когда не избавитъ отъ нихъ каптенармусъ;
Не то ужъ цырюльникъ, изъ жалости развѣ,
На старую бритву смѣняетъ. Эхъ, важно
Жить въ лагеряхъ, братцы!.. Промежду палатокъ,
Отъ зари до зари, разносятъ что хочешь;
Шумятъ сарафаны, звенятъ голосишки:
— Купите, вотъ яблочки, вишни, малина!—

Digitized by Google

Съ калиной и съ разнымъ при томъ искушеньемъ.
А тамъ съ пирожками, да самъ припѣваетъ:
— Сейчасъ только съ жару, за гривенникъ пару!
Самъ ѣлъ бы, да денежки нужны!—И правду, того,
Ѣдать приходилось,—что въ ротъ, то спасибо!
Но всѣхъ поважнѣе тамъ старый солдатикъ,
Въ отставкѣ лѣтъ сорокъ,—Суворова помнитъ,—
Съ бутылочкой ходитъ и съ мѣркой грошевой,
По части табачной ведетъ прибаутку:
— Вотъ сыромолотный, табакъ бергамотный,
Табакъ, кавалеры, по грошу за мѣру,—
Тоску разгоняетъ, кручину сшибаетъ,
Куражъ производитъ, на разумъ наводитъ;
Кто станетъ моимъ табачкомъ заниматься,
Тотъ будетъ во фронтѣ на славу ровняться! —
Бывало, не нужно, а купишь,—такъ складно
Табакъ похваляетъ, служивый почтенный.
И то сказать надо—табакъ то важнѣйшій;
Золы тамъ не много, все чистая зелень;
Вѣдь такъ и зарѣжетъ, какъ шиломъ, скажи вотъ,
Сердечный, заколетъ, да въ лобъи ударитъ;—
Чихнешь здоровепно,—ну, жилы не рвутся,
А кость о другую, должно быть, пристукнетъ;
Суворовскій, видно, табакъ богатырскій!
Да въ лагеряхъ только его и достанешь.
Хорошъ, братцы, лагерь и службы довольно,
Зато удовольствія всякаго полно:
Что хочешь, то спросишь—была бы копѣйка,
Торговцы шныряютъ, что мыши въ амбарѣ.
Но вотъ, зашипитъ, взовьется ракета,
И тамъ вотъ, не больше какъ сажени за три
Отъ неба, вдругъ лопнетъ; а бабушка пушка,
Глядя на нее, вдругъ простонетъ, и заря
Разсыплется дробью. Пробьютъ на молитву—
И въ лагерѣ шумномъ, какъ въ морѣ, затишье..
Подымется мѣсяцъ безсмѣнный на небѣ,
Глядитъ за порядкомъ; все тихо, спитъ лагерь;
Палатки бѣлѣютъ, какъ будто красотки,
Закутавшись па ночь; а вѣтеръ-проказникъ,
Ну, словно какой скоморохъ безталанный,
Шныряетъ межъ ними: то ту, то другую

Digitized by Google

Затронетъ, то къ пушкамъ метнется, съ досады
Просвищетъ въ затравку, да вдругъ пронесется,
Шинель на дневальномъ встеребитъ и, съ злости,
Еще ему дунетъ въ усъ пылью. И только
Одинъ онъ, безпутный, покою не знаетъ!..

Digitized by Google

ШТЫКЪ И ПУЛЯ.

Басня.

— Гляди, какъ я хвачу далеко!
А у тебя, братъ, не беретъ,—

Хоть видитъ око,
Да зубъ нейметъ!

Въ цѣпи застрѣльщичьей такъ пуля просвистѣла
Штыку—и въ лобъ врагу засѣла...
— Пождемъ! что скажетъ барабанъ?—
Отвѣтилъ пулѣ штыкъ въ смиреньи.
А барабанъ забилъ вдругъ „наступленье“!
И баталіонъ поперъ въ штыки, какъ ураганъ.
Ура!.. сверкаетъ штыкъ, ударитъ влѣво, вправо—
Купается въ крови, подъ ребрами скрипитъ.

Врагъ опрокинутый бѣжитъ...
Ура! штыку и честь слава!

— Ну, что?—трунитъ надъ пулей штыкъ:
— Пока работа шла, чай, выспалась, сестрица?
Вѣдь только издали свистѣть ты мастерица;
А нашъ братъ отвѣчать и за тебя привыкъ.
Подслушавъ то, ружье имъ прогудѣло:
— Не хвастайте и не теряйте словъ;

Вы порознь—половина дѣла;
Вы вмѣстѣ—гибель для враговъ!

Digitized by Google

ПѢСНЯ.

— Полюби меня, красна дѣвица,
Ты разлапужка, безприданница.
— Гой, ты молодецъ, удалой солдатъ,
Сваху шлетъ ко мнѣ гость изъ-за моря.
— Чѣмъ же лучше онъ, чѣмъ почетнѣе
Меня, молодца, гость изъ-за моря?
— Онъ богатъ, мой гость; у него въ мошнѣ
Все червончики, да цѣлковые.
— Али бѣденъ я?... У меня въ сумѣ
Есть патрончики, да свинцовые.
— У него сундукъ полонъ жемчугомъ,
Да каменьями самоцвѣтними.
— Ахъ,—не стать занять,—въ ранцѣ есть моемъ
Кремни-камешки, искрометные!
— На его груди золотая цѣпь,
Да косыночка шамаханская.
— На моей груди крестъ серебряный,
Подъ нимъ пуля есть басурманская.
— У него словцо распріятное,
И съ улыбкою рѣчь примѣрная.
— А у насъ, спроста, сердцу внятная,
Рѣчь нехитрая, слово вѣрное.
Полюби меня, красна дѣвица!
— Я на вѣкъ твоя, добрый молодецъ!

Digitized by Google

МОРСКІЯ ПѢСНИ.

Бригъ „Меркурій.“

Ужъ какъ было въ Черномъ морѣ—
Крейсируетъ на просторѣ
Нашъ Меркурій бригъ,—
Малъ, да больно лихъ!

* *
*

Вдругъ, за нимъ летятъ стрѣлою
Кораблей турецкихъ двое,
По слѣду валятъ,
Изъ пушекъ палятъ!

* *
*

А такихъ у нихъ игрушекъ—
Было чуть не двѣсти пушекъ;
А у насъ едва,
Что десятка два!

* *
*

Видятъ наши—плохо дѣло!
За живое всѣхъ задѣло;
Надо порѣшить—
Какъ тутъ, братцы, быть?

* *
*

Капитанъ у насъ Казарскій
Не разводитъ рѣчи барской—
Молвитъ:—да, иль нѣтъ?
Собирай совѣтъ!

* *
*

Digitized by Google

На военномъ на совѣтѣ
Младшій первый сталъ въ отвѣтѣ
И промолвилъ такъ:
— Славенъ русскій флагъ!

***

— Драться, сколько хватитъ силы,
До морской-ли до могилы:
А не устоять—
Ну, такъ бригъ взорвать!

***

Такъ на томъ и порѣшили;
Пистолетъ кладутъ на шпилѣ,—
Ждутъ... на абордажъ,—
Ну, тогда шабашъ!

***

Турки бригу закричали,
Паруса чтобъ убирали;
Такъ велитъ паша.
— Хочешь-ли шиша?

***

Съ брига былъ отвѣтъ имъ дружій
Изъ орудій и изъ ружей;
За Русь, за Царя
Грянуло—ура!..

***

— Стой до смерти; насъ немного,—
Всѣ сосчитаны у Бога;
Всѣ—благословись
И съ врагомъ свались!

***

Недвижимъ въ чугунной бурѣ,
Мечетъ молніи „Меркурій“,
И пылаетъ бой;
Всякъ матросъ—герой!

***

Digitized by Google

Грянулъ въ турку правымъ бортомъ,
И корабль убрался къ чорту,
И ложится въ дрейфъ,
Тамъ справляетъ кейфъ!

* *
*

Бригъ хватилъ повеселѣе,
Перебилъ другому реи,—
Къ бѣсу тотъ пошелъ,—
Въ бейдевиндъ привелъ!

* *
*

Надымили, начадили
И на веслахъ мы уплыли;
— Прощай, магометъ!—
И простылъ нашъ слѣдъ!

* *
*

— Ну, спасибо за работу!
Слава Богу, слава флоту!
И крики—ура!
За Русь и Царя!

* *
*

И промолвилъ нашъ Казарскій,
Флагъ высоко поднявъ царскій:
— Да здравствуетъ флотъ!—
И пошелъ впередъ.

* *
*

Царь сказалъ: —спасибо, други!
За геройскія услуги,
Пусть Георгій самъ
Грудь украситъ вамъ!

* *
*

Вотъ какъ, братцы, въ службѣ Царской
На „Меркуріѣ“ Казарскій
Съ храбрыми ходилъ,
Турокъ больно билъ!

* *
*

Въ честь и славу тѣмъ героямъ,
Всѣмъ матросамъ, храбрымъ воямъ,
Флоту и Царю—
Грянемъ-ко „уру!..“
Ура!!!

Digitized by Google

Фрегатъ „Александръ Невскій."

Кто не хаживалъ въ море синее
— Богу не молился;
Кто не видывалъ грозной бурюшки
— Горюшка не видѣлъ;
А кто выдержалъ самъ крушеніе
— Проживетъ два вѣка.

* * *

Ужъ какъ по морю, по широкому,
Шелъ фрегатъ нашъ славный;
Соименникъ онъ Царя-батюшки,
„Александра Невскій".
А съ фрегатомъ-то Царь съ Царицею
Ждали къ себѣ гостя,
Съ дальнихъ плаваній, сына милаго,
Князя Алексѣя.
И вошелъ фрегатъ бѣлымъ лебедемъ
Въ Нѣмецкое море.

* * *

Вдругъ, встаетъ со сна сѣдой сиверикъ,
Нордъ-остъ полуночный,
И промолвилъ онъ грознымъ посвистомъ
Ко синему морю:
— Разыграйся-ко, море синее,
Штормомъ-ураганомъ,
Да пугнемъ-ко мы страхомъ-трепетомъ
Князя Алексѣя!

* * *

Всколыхалося море синее
Бѣлыми волнами,
Мечетъ-гонитъ ихъ, брызжетъ пѣною

Digitized by Google

На берегъ буруномъ;
И ударило со полуночи
Нашъ фрегатъ о камни.
Онъ въ галфвиндъ залегъ, фокъ и гротъ трещатъ,
Отданы марсъ-шкоты;
И матросики пріударили
Въ топоры по мачтамъ...
А фрегатъ трещитъ, палятъ пушечки
— Бѣду повѣщаютъ...

* * *

Катеръ спущенъ ужъ въ волны ярыя,
Шестерка надежна;
Удальцы-гребцы—все охотники—
И два лейтенанта,
Заринъ съ Икскулемъ, плывутъ къ берегу,
Чтобъ конецъ доставить.
Но высокій валъ подхватилъ ихъ вдругъ,
Грозно поднялъ шлюпку,
Повернулъ ее и швыркомъ метнулъ
Впоперегъ буруна...
Сердце замерло у товарищей—
Храбрые погибли...

* * *

Вызывается удалецъ-матросъ,
Масленниковъ храбрый;
Осѣнясь крестомъ, въ море кинулся
И поймалъ ракету.
Море ярое звѣремъ мечется,
И свиститъ буруномъ;
Но ужъ съ берега есть спасеніе,—
Лодка подплываетъ;
А на катерѣ поплылъ къ берегу
Мичманъ Остелецкій,
И съ матросами въ бурунахъ свершилъ
Четырнадцать рейсовъ.
Ступилъ на берегъ нашъ Великій князь;
Вздохнули матросы—
И святыхъ крестомъ осѣнилися.
Воздавъ Богу славу!..

* * *

Digitized by Google

И примолкъ-затихъ грозный сиверикъ,
Словно устыдился;
Улеглась волна, унялся бурунъ,
Заропгало море:
— Исполать тебѣ, грозенъ-сиверикъ,
Вѣтеръ полунощный!
Не спужать тебѣ бурей-пострахомъ
Россійскаго князя;
Не страшливъ-пужливъ уродился Князь—
По Отцу и Дѣду,
И по Прадѣду, Петру Первому,
Строителю флота.

Digitized by Google

ТРИ ЖЕЛАНІЯ.

Сказка.

Въ уголочкѣ нѣмецкаго царства,
Въ захолустьѣ, стояла избушка,
Вся кривая, ветхая, покрыта
Черепичной и дырявой крышей.
Въ той избушкѣ жили-поживали
Старичекъ и со своей старушкой.
Не имѣлося у нихъ достатковъ,
И въ избушкѣ—ни ложки, ни плошки;
А питались они какъ попало:
Ягодки, грибочки, и ракушки,—
И не брезгали ничѣмъ, что даромъ
На землѣ родится и плодится.
Въ уголку ихъ хижины убогой
Камелекъ пылаетъ и дымится;
И при немъ старушка, по-нѣмецки,
Призадумавшись, чулокъ свой вяжетъ;
А старикъ, въ очки носъ ущемивши,
Починяетъ свои панталоны,
И заплатку на заплатку ставитъ.
Такъ живутъ они да поживаютъ:
Починяютъ, штопаютъ вздыхаютъ
На свою судьбу, вздыхая, ропщутъ,
Но покорно, тихо, по-нѣмецки...
Какъ-то разъ, до ночи засидѣвшись,
Нашъ старикъ вдругъ возропталъ печально:
— Ахъ, зачѣмъ это на свѣтѣ люди
Недовольны всѣ и ненасытны?
А меня еслибъ судьба спросила:—
Чего ты хочешь?—Я бы ей отвѣтилъ:

Digitized by Google

— Мнѣ одно желанье лишь исполни!..
— А я сказала-бъ:—три желанія исполни!—
Старушка мужа перебила живо,
И недовязанный чулокъ свой опустила
Съ улыбкой на свои колѣни.
— Эй, баба, много хочешь сразу!
Ну, пусть хоть два желанья,—полно будетъ!
— Нѣтъ, три!—заспорила старуха.
— Намъ надо—три, а два все будетъ тоже,
Что и одно,—почти что ничего!
Съ упорной бабой спорить невозможно,
Статья эта одна у всѣхъ народовъ,
Нѣмецкихъ, русскихъ, прусскихъ и китайскихъ;
Всѣ знаютъ—баба переспоритъ чорта.
— Ну, быть по-твоему!—старикъ отвѣтилъ;—
Пусть три, такъ три!—и продолжалъ, вздохнувши,
Чинить свои худые панталоны.
И, горько улыбнувшися, старушка
Вздохнула тоже надъ своимъ вязаньемъ.
Но вдругъ... избушка ихъ вся засіяла
Какимъ-то дивнымъ, несказаннымъ блескомъ,
Какъ будто облачко, облитое лучами
Зари, вдругъ опустилось въ ихъ лачугу,
Растаяло и разлилося свѣтомъ
По всѣмъ угламъ убогаго жилища.
Изумлены старикъ и со старухой,
Открыли рты и руки опустили,
Глядятъ, глазамъ не вѣрятъ... На порогѣ
Стоитъ малютка, въ бѣлой рубашонкѣ,
Самъ розовый, а глазки голубые;
Два маленькихъ крыла пушистыхъ
За плечиками у него сложились;
Босыя ножки чуть коснулись пола,
Какъ будто онъ сейчасъ только слетѣлъ
Съ обителей надзвѣздныхъ, и не знаетъ,
Ступить ему на землю, или нѣтъ...
И точно, будто бы, запѣлъ онъ
Слова такія передъ бѣдняками:
— Судьба услышала прошенье ваше
И къ вамъ меня прислала;—говорите
Всѣ *три желанья* ваши—и въ минуту
Они исполнятся...—Старикъ, старуха,

Digitized by Google

Такъ оробѣли, что застряло слово
Въ нѣмыхъ устахъ.—Скорѣе говорите!—
Поетъ малютка. И, глотнувши слюнки,
Промолвила голодная старушка:
— Колбасиковъ теперь бы я поѣла,—
И вдругъ, предъ ними на широкомъ блюдѣ,
Колбасики вареныя дымятся—
И духъ пошелъ по всей избушкѣ...—Дура!—
Кричитъ старикъ,—тебѣ бы на носъ эти
Колбасики!..—И вдругъ, изъ блюда на носъ
Колбасики повѣсились...—Скорѣе
Скажите третіе желанье ваше!—
Поетъ малютка... Что тутъ будешь дѣлать?
Старуха воетъ, плачетъ; старый струсилъ,
И третіе желанье молвитъ:—чтобы
Колбасики отъ носа отцѣпились...
Исчезло все: и свѣтъ, и мальчикъ,
И блюдо съ колбасами... Три желанья
Исполнились. И вотъ, какъ прежде,
Въ уголку ихъ хижины убогой
Камелекъ пылаетъ и дымится,
И при немъ старушка, по-нѣмецки,
Чулокъ свой вяжетъ; а старикъ съ очками,
Чинитъ свои худые панталоны...

Digitized by Google

ЖИЗНЬ БЕЗЪ ГОРЯ И ПЕЧАЛИ.

СОЛДАТСКАЯ СКАЗКА

ИВА МЕРКУЛЫЧА ЩИРАГО *), ЗЕМЛЯКАМЪ СЛУЖИВЫМЪ НА ЗАБАВУ.

«Если судить какъ слѣдуетъ, то выйдетъ, что на походѣ и самыя хитрецкія лясы не стоятъ пары плохихъ подметокъ».

(Старый солдатъ).

— Что-жъ, Меркулычъ! до привала
Хоть-бы сказочку сказалъ,
Коли сила не устала;
А вѣдь, помнишь, обѣщалъ...
— Стой! завралися ребята!
Да въ умѣ-ль вы, колпачье?
Что-бы стараго солдата
Съ силы сбило-бы ружье!
Что-бъ солдатское веселье
Стиснулъ ранецъ, аль сума,—
Дудки! просто вы съ похмѣлья,
Или спятили съума.
Былъ я, братцы, подъ Рыванью,
И подъ Шумлу подходилъ,
Перевѣдывался съ дрянью,
И на удаль находилъ,
Не бывалъ еще въ отсталыхъ,
Подъ ружьемъ не уставалъ;
А зато въ бѣдѣ, бывало,
Штыкъ меня и выручалъ.

*) Псевдонимъ А. Ѳ. Погосскаго. *Прим. ред.*

Digitized by Google

Въ бусурманщинѣ, вѣдь тоже,
Есть отчасти храбрецы;
Есть, что въ бѣлый свѣтъ не гожи,
Ну—а есть и молодцы,
Такъ что, если-бы подправить
Стойку, малость подтянуть—
Можно-бъ къ намъ во фронтъ поставить,
И не стыдно-бы взглянуть.
Мы видали ихъ довольно;
Звонко рубятъ... ну, а штыкъ,
Такъ сказать, не любятъ,—больно
Угостителенъ старикъ.
Делибашъ—стрѣла изъ луку:
— „Мухаметъ Али-алла!“—
Тутъ-же—съ темпикомъ „на-руку“
Взялъ ему,—замерзъ алла.
Чище батюшки роднова
Онъ служилъ мнѣ на вѣку;
Всякъ бывало! не здорово.
Приходилось старику;
Были грозныя замашки
Надъ побѣдной головой,—
За нее удары шашки
Принималъ товарищъ мой;
За меня дробилъ булаты
О граненое ребро,
И въ груди врага печаталъ
Вѣковѣчное тавро.
Ну-съ, чего же вы-то взяли,
Что-бъ я съ нимъ когда усталъ?
Вы походовъ не видали,—
Я довольно ихъ ломалъ.
И походъ, по мнѣ—бездѣлка,
Только всѣ резонты знай
Про походныя продѣлки,
Да ходулей не стирай.
Штука вся,—была-бъ плотнѣе
Обувь около ноги,
Да что-бъ были повольнѣе,
И не жали сапоги.
Маршъ! спокойно, не бросайся.
Вольной поступью иди,

Digitized by Google

Да верстами не считайся,
И воды не обходи.
— „Стой“,—ужъ скажутъ барабаны;
А безъ нихъ иди сто лѣтъ,
Развѣ встрѣтишь окіаны,
Гдѣ забитъ досками свѣтъ;
И тогда топчись на мѣстѣ
До отбоя... Ну, такъ, братъ,
Приписать ужъ можно чести—
Натуральный ты солдатъ!
А устать, кому-же?—хвату
На десяткахъ трехъ верстахъ;—
Ахъ, ты, баба! да солдату
И подумать это страхъ.
Будь герой, подъ пулей прыгай,
Честь поддерживай свою,
Умирай—ногою дрыгай:
Нѣмецъ всторону!.. убью!...
— Ну, Меркулычъ, не гнѣвися;
Съ рѣчи сбился, маху далъ;
Ужъ прости, да помирися;
Просто—съ глупости сказалъ.
— То-то, въ словѣ будь почище;
Да опять, какая-жъ стать,
На походъ съ собой, дружище,
Глупость глупую таскать?—
Пусть она въ заморскомъ фракѣ,
Съ бородой, разиня ротъ,
Путешествуетъ на ракѣ,
А солдатъ идетъ впередъ.
Вотъ, для бодрости и силы
На походѣ пѣсни пой;
Эхъ, землякъ! кому не милы
Пѣсни родины святой?
И сказать ужъ, что за пѣсни
На святой Руси у насъ!
Какъ зальется,—хоть ты тресни,
А слезу не держитъ глазъ.
А какъ грянутъ плясовую,
Бубны громомъ загремятъ,—
Подъ присвистку удалую,
Всѣ суставы говорятъ.

Digitized by Google

Такъ и тянетъ, нѣтъ терпѣнья,
Не удержишь каблука,
Говори:—мое почтенье!—
Ужъ отдерну трепака!
Нѣтъ, родной, братъ, жарокъ пламень!
Грязь родная пригожа!
Развѣ вмѣсто сердца камень,
Деревянная душа.
Вотъ еще вамъ благодарный
Мой совѣтъ,—по немъ иди,—
На походъ, партикулярной
Трубки, братъ, не заводи;
А такую носогрѣйку,
Что-бы лѣзла за сапогъ,
Что-бъ сберечь себѣ копѣйку
На квартирный случай могъ.
Ну, тамъ можно и съ кистями,
Съ мѣдной цѣпью щегольской,
Важно братъ! передъ гостями,
Знаешь, видъ совсѣмъ другой;
Разлихватская замашка,
Да походка съ локотка,
И корабликомъ фуражка
Къ уху правому слегка,
Въ шароварахъ—канты въ нитку,
Въ сапогѣ—что солнца свѣтъ,
Да шинель себѣ въ накидку,
И на пуговкѣ кисетъ;
Глазъ съ отвагой, усъ колечкомъ,
Волоса пригладь кваскомъ;—
Ну хозяюшка, съ сердечкомъ
Распростись предъ молодцомъ!
Старикамъ оно не къ рожѣ,
Мы ужъ вамъ не артикулъ;
Ну, а будь я помоложе—
Васъ бы за поясъ заткнулъ!..
Устарѣлъ теперь немножко;
А бывалъ и мнѣ почетъ...
Въ слободѣ стучатъ окошки,—
Ивъ Меркулычъ, знать, идетъ!..
А любилъ какую душку!
Фу, ты, роскошь!.. Маковъ цвѣтъ,

Digitized by Google

Что вотъ розанъ, что игрушка,
И всего семнадцать лѣтъ!
А теперь,—ужъ для привару,
Есть пріятный человѣкъ,
И купецъ то по товару,
Да и то слыхалъ попрекъ...
Молодцомъ не быть же вѣчно;
Правду молвить, былъ-то конь,
Да изъѣздился, сердечный,—
Видѣлъ воду и огонь.
Нюхать, нѣту позволенья
До нашивки, и не-слѣдъ
Толковать объ заведеньи;
Вамъ въ тавлинкѣ нужды нѣтъ.
Вотъ, другой живетъ домишкомъ,
Есть и сито и горшокъ,
И съ расчетцемъ и съ умишкомъ,
Производитъ онъ торжокъ.
Ну, да это капитальный,
Ужъ почти мастеровой;
Онъ табачникъ патуральный,
А не кто-нибудь другой.
А вотъ нашъ братъ, изъ драбантовъ,
Бездоходный, на-шермакъ
У такихъ вотъ фабрикантовъ
Зашибаетъ зеленчакъ;
Какъ зарядишь по-плотнѣе,
Щепоть до мозгу вобьешь,—
Только искры!.. Умъ свѣтлѣе,
Умиралъ—такъ оживешь.
Кто послужитъ—самъ узнаетъ,
Какъ идетъ, и что къ чему,
Всѣ причины испытаетъ,
И раскуситъ почему.
Вотъ, объ сказкѣ,—ни полъ слова,—
Для потѣхи молодца,
Состоитъ лихое слово,
И начало хоть съ конца;
Только я такого права,
Что за сказкой не гонюсь;
Навѣщу тавлинку справа,
Слѣва трубкой затянусь,

Digitized by Google

Не собьемся, братецъ, съ такты!
Тамъ какая есть у насъ,—
Все-же такта... Ну, вотъ такъ-то,
Начинается разсказъ.
Разъ взмолилась осетрина
У артельщика въ котлѣ,—
Распрегорькая судьбина,
Знать, постигла на землѣ.
Ты пусти меня, желанный,
Въ море синее гулять,
Воевода мой избранный!
Дай маленько подышать!
Я тебѣ за-то-бъ достала,
Изъ подъ ярыхъ волнъ морскихъ,
Самоцвѣтнаго коралла
И жемчужинъ дорогихъ;
На потѣху-же, за ласку,
Разскажу тебѣ я сказку.
Диво видитъ кашеваръ,—
Ключъ кипитъ на днѣ котлиномъ,
Встала буря, вьется паръ
Въ океанѣ осетриномъ,
Волны ходятъ за волной,
И сверкаютъ изъ подъ пару,
По янтарному навару,
Все жемчужною крупой;
А на днѣ котла—пучина
Бьетъ ключемъ, визжитъ, кипитъ,
И съ музыкой осетрина
Небылицу говоритъ.
Вотъ, отъ слова и до слова
Кашеваръ мнѣ повторилъ,
То сказанье осетрово;
Я продамъ—за что купилъ.

Глава I.

Въ неизвѣстномъ славномъ царствѣ,
Заграничномъ государствѣ,
Что за тридевять земель
Будетъ, съ хвостикомъ, отсель,
На дорогѣ до полъ-свѣта,

Digitized by Google

Гдѣ разряженное лѣто
Передъ голою зимой
Похвалялось красотой,
Осень горькая тамъ плачетъ,
Что весна привольно скачетъ,
Созывая цѣлый міръ,
Улыбаючись, на пиръ;
А моря о томъ рыдаютъ,
Что вѣтры волну толкаютъ;
Ужъ такая, издавна,
Вѣтру волюшка дана:
Знай, гудитъ, шумитъ, да свищетъ,
Да себѣ простору ищетъ.
На сторонкѣ славной той,
Межъ высокими горами,
И дремучими лѣсами,
По долинѣ луговой
Пробѣгалъ ручей широкій,
Быстротечный и глубокій,
Съ звонкой музыкой въ струяхъ,
Упадаючи въ оврагъ.
А на днѣ того оврага,
Мало ночью, даже днемъ
Шла такая передряга,
Что и лѣшій станетъ пнемъ;
Вѣчно свистъ, да дикой хохотъ,
Да такіе голоса,
И такой страшенный грохотъ,
Что дыбятся волоса;
Словно тамъ чертей когорта,
Вблизь никто не подойдетъ;
И, вѣстимо,—что возметъ
Наша храбрость противъ чорта?
Есть оно и изъ людей
Башковатые такіе,
Что не ставятъ въ грошъ чертей;
То ужъ люди не простые:
Кто бывалый, по усу,—
Только взглянетъ,—по облику
Узнаетъ такого сбику,
Съ чертовщиною въ носу.
Ну, да всторону съ чертями,

Digitized by Google

Прахомъ всѣ они лети!
Коли начато локтями,
Такъ котомку не плети.
Вотъ, на той-ли на долинѣ,
Подъ крутой горой, въ ложбинѣ,
Гдѣ ручей бралъ поворотъ,
Красовалася избушка;
Къ ней пристроена клѣтушка,
Дворъ, амбары, огородъ.
На ручью же, водяная,
Мельница была большая,
И, разсерженной кумой,
Водяной бурлитъ водой;
А другая, на горушкѣ,
Машетъ крыльями слегка,
Будто сваха на пирушкѣ
Выхваляетъ жениха.
Обѣ въ дѣлѣ безъ отбоя,
Нѣтъ ни день, ни ночь покоя.
И владѣлъ постройкой той
Вдовый, хилый и невзрачный,
И сухой, какъ листъ табачный,
Мельникъ старый и сѣдой.
Но зато ужъ былъ хозяинъ,—
Чуть настанетъ бѣлый день—
Онъ таскается, какъ Каинъ,
По хозяйству, словно тѣнь.
Слышно было, что въ амбары
Старый хрычъ набилъ биткомъ
Не хлѣба и не товары,
А мѣшки все съ серебромъ.
А откуда,—лѣшій знаетъ,
Добылъ столько онъ добра,
Эту пропасть серебра,
И живетъ да поживаетъ;
Былъ про то различный слухъ,
И ходила вѣсть въ народѣ,
Что ему нечистый духъ
Роетъ клады въ огородѣ;
Ну, да есть-ли правда гдѣ?
Всѣ хоть это и болтали,
А спроси, такъ не видали

Digitized by Google

Чорта съ заступомъ нигдѣ.
Вотъ другимъ—такъ больше вѣры,
Что не диво услыхать:
Говорили, что нечистый,
Вмѣсто вѣтру, день и ночь
Дуетъ въ мельницу что мочь,
Такъ и мелетъ хлѣбъ зернистый.
Вѣдь разсудишь, такъ оно
Не совсѣмъ и мудрено:
Бѣсъ не вѣдаетъ устатку,—
Такъ ужъ созданъ вражій сынъ,—
Ну, а мельникъ, для достатку,
Договоръ и сладилъ съ нимъ.
Фрицъ, тотъ мельникъ прозывался,—
Видно Ѳирсъ,—ну, да у нихъ
Ужъ совсѣмъ языкъ измялся,
Не узнаешь и своихъ.
Ваньку прозвали Юганомъ,—
Ну, такой шальной уставъ,
Знать объѣлися дурманомъ,—
Нашъ Гаврило—ихъ Густавъ.
Оно тоже, ни полъ-слова,
Да лутошко вѣдь не жердь,—
Что Иванушкѣ здорово,
Ужъ Югану вѣрно смерть.
Но нашъ Фрицъ людскаго толку
Не боялся, заживалъ,
Да исправно, втихомолку,
Капитальцы зашибалъ.
Всѣмъ на свѣтѣ по талану,
А уроду два,—и дочь
У него, у басурмана,
Красотой была—ужъ прочь!
Загляженна—что картина,
Постановкой хороша,
Губки—что твоя малина!
Глазки,—ну, прощай душа!
Просто, братецъ, съ непривычки,
Съ перестрѣлки этихъ глазъ,
Будто рекрутъ въ первой стычкѣ,
Оробѣешъ ты какъ разъ.
А коса, да вѣдь какая!

Digitized by Google

Вѣдь легко сказать—коса,—
Темнорусая, большая,
Не коса, а чудеса.
Плечи, ручки какъ вѣдь бѣлы!—
Что тамъ снѣгъ да сахаръ твой,—
Братъ, совсѣмъ другое дѣло,
Это счетъ совсѣмъ другой;
То есть—просто чудо! Ножка,—
Ну, цѣлуй хоть въ башмачекъ;
Вся войдетъ, такая крошка,
Хоть въ огнивный чехолокъ.
Словомъ—кралечка дѣвчина!
Больно видъ зазнобливъ былъ...
Есть другая, что картина,—
Похвалилъ да и забылъ,
Что воды хлебнулъ;—а эта
На хвалу не наведетъ;
Просто, братъ, невзвидишь свѣта,
Разомъ за сердце возметъ.
Ужъ семнадцать лѣтъ Алинѣ,—
Такъ красавица звалась,—
А она въ своей долинѣ
Молодецкихъ жгучихъ глазъ
Не видала. Старый мельникъ
Ввѣкъ бесѣды не любилъ,
И ни съ кѣмъ такой отшельникъ,
Хлѣба-соли не водилъ.
Кто къ нему пріѣдетъ съ житомъ,
Свалитъ въ мельницѣ мѣшки,—
Ни гугу! какъ будто вбиты
Между плечь у нихъ горшки,
А не головы; и знали
Всѣ удачу эту въ немъ,
А за тѣмъ и не держали
Съ нимъ и рѣчи ни о чемъ.
Ну, а все-жъ нельзя безъ слова
Разузнать у старика,
Скоро-ль молотье готово?
Не хрустальная башка,
И сквозь лобъ мыслей не видно;
А ему-то—вострый ножъ,—
И отвѣтитъ такъ обидно,

Digitized by Google

Что и спросы проклянешь.
Но никто не смѣлъ сердиться
И ругать его въ глаза;
Какъ въ амбицію вломиться?
Вѣдь исправная гамза,
Да вдобавокъ чертовщина,
Какъ про то насился слухъ,
Да въ семнадцать лѣтъ Алина—
Пособьютъ бранчивый духъ.
Ну, оно ему и въ руку;
Онъ живетъ какъ господинъ.
Годъ идетъ, другой—и штуку
Вдругъ придумалъ чортовъ сынъ;—
— Дай-де выкину колѣнцо,
Людямъ въ зависть, мнѣ же въ честь,—
Такъ ужъ водится у нѣмца,
Такъ за тѣмъ оно и есть,—
Надъ крыльцомъ, съ разсудкомъ споря,
Надпись онъ прибилъ—„*Живу*
„*Безъ печали и безъ горя*“.
Вишь, какъ сбредилъ на яву!
Ѳирсъ Антипычъ, мы слыхали,
Что и смерть не за горой,
А для горя да печали
Будетъ дочери одной.
Прихвастнулъ... ну, да извѣстно,
Чортъ пособитъ, такъ оно
Не фигура; а ужъ честно
Жить безъ горя мудрено.
Но живетъ нашъ мельникъ славно,—
Честно, нѣтъ-ли, что за счетъ?—
Обстоятъ дѣла исправно,
Горе въ мысли не идетъ.
Плохо тѣмъ—лица живово,—
Такъ безлюдно,—не видать,
Перемолвить не съ кѣмъ слова,
Голосъ не кому подать.
Пусть ужъ онъ, а то и дочка
Съ нимъ такую жизнь вела,
И она, пышнѣй цвѣточка,
Въ захолустьѣ разцвѣла.
Разъ, подъ окна ихъ свѣтлицы

Digitized by Google

Подъѣзжаетъ молодецъ,
Съ возомъ жита, аль пшеницы,
Парень съ виду удалецъ,
Привернулъ коня къ забору,
Прибоченился рукой;
А красотка, въ эту пору,
Выходила за водой,
Увидала, поклонилась;
Онъ хотѣлъ ей честь отдать,
И рука остановилась...
Ну, не можетъ шапки снять,
Хоть ты лопни! самъ дивится,
Что за сила обошла?
А красотка, какъ зарница,
Промелькнула и ушла.
Это, братцы, кромѣ сказки,
А вездѣ ужъ такъ, въ подрядъ,
У красавицъ тоже глазки,
Что у егеря зарядъ;
Сердце—тетеревъ,—попала
Порошиночка любви,
Братецъ, и пиши пропало,
Ужъ своимъ и не зови!
И задумалъ нашъ дѣтина
Думу-думушку, какъ быть?
И взяла его кручина,
Какъ-бы горю пособить?
Этимъ временемъ, выходитъ
Старый мельникъ на крыльцо,
Съ хватомъ рѣчи не заводитъ,
Не глядитъ ему въ лицо.
Идутъ къ мельницѣ—ни слова;
Парень даже не кричитъ
На присталаго гнѣдова,—
Развѣ плетью ободритъ;
Но, случись же, не управилъ,
Али возжи опустилъ,
Али мельникъ шагъ убавилъ,
Только шасть... Оглоблей въ тылъ!
Шапка на-земь покатилась,
Полетѣлъ нашъ Ѳирсъ навзничь,—
Вотъ вѣдь горе приключилось!..

Digitized by Google

Взбѣленился старый хрычъ,
И летитъ онъ съ кулаками
Къ парню прямо, на трезвонъ;
Хоть бы тотъ моргнулъ глазами,—
Принагнулся только онъ.
Ну, извѣстно, кто же станетъ
Бить?—лежачаго не бьютъ,—
Духомъ сердце вѣдь отстанетъ,
Какъ себя въ полонъ даютъ.
Мельникъ самъ остановился,
— Гмъ!..—вотъ только и сказалъ,
И за шапкой воротился
Да въ затылкѣ почесалъ.
Самъ же думаетъ:—такого
Мнѣ бы надо батрака;
Вишь—не мечетъ даромъ слова;
Самъ надую простака.—
Вотъ, назадъ вернувшись вмѣстѣ,
Проситъ Ѳирсъ его зайти:
— Къ намъ да,—молвитъ,—ради чести,
Коли стало по пути.—
Безотказно, во свѣтлицу
Гость заходитъ отдохнуть,
Онъ и хочетъ, и боится
На зазнобушку взглянуть.
Съ опущенными глазами,
Прислонясь она къ окну,
Шемаханскими шелками
Вышиваетъ новину.
Все въ свѣтелкѣ чисто, статно,
Все пріубрано кругомъ;
А изъ печки, распріятно
Пахнетъ прѣснымъ пирогомъ;
На лежанкѣ котъ сибирской
Сказки сказываетъ вслухъ,
И, съ осанкой командирской,
Подъ столомъ кричитъ пѣтухъ.
Ну, свѣтелка, словомъ, чудо!
Вотъ, Антипычъ, наконецъ,
Говоритъ:—скажи откуда,
Кто ты родомъ, молодецъ?
— Родомъ-племенемъ и саномъ

Digitized by Google

Я, какъ видишь, изъ крестьянъ,
И зовутъ меня Юганомъ,—
Отвѣчалъ ему Юганъ.
— Ну, Юганъ, сядь, гостемъ будешь;
Полюбилъ я разумъ твой;
Хоть кого—такъ ты принудишь
Хлѣбъ да соль водить съ тобой;
А меня такъ и подавно,—
Добрымъ людямъ радъ я вѣкъ,
И извѣстенъ всѣмъ издавна,
Какъ простой вотъ человѣкъ.
Ну, Алиночка, стели-ка
Скатеретку намъ на столъ,
Да подай сюда индыка,
Да телятины мосолъ,
Да пирогъ прѣсной съ борканомъ,
Да хрустальный полуштофъ,
И съ узорчатымъ стаканомъ,
Что съ просторомъ для усовъ.
— Тфу, братъ! что-то водянисто
Мнѣ становится во рту.
Эхъ! ужъ выпилъ бы я чисто,
Закусилъ на чистоту!
Дай-ка трубку!—Продолжаетъ
Мельникъ способомъ такимъ,
Какъ тутъ сказано, сажаетъ
Молодца за столъ, и съ нимъ
Самъ садится, и въ хрустальный,
Вровень съ краемъ, свой стаканъ
Льетъ напитокъ натуральный
Старичище-басурманъ.
Ужъ совсѣмъ не то, что воду, —
Тутъ что капля, то звѣзда!
Ухъ, братъ! тяпнулъ бы съ походу,
Такъ бы и зашибъ дрозда!
— Просимъ милости,—подноситъ
Гостю, тотъ благодаритъ
И его обратно проситъ,
Чтобы самъ во-первыхъ пилъ.
Словомъ, знаетъ политичность,
И разумныя слова
Отпускаетъ на отличность.

Digitized by Google

Ужъ сказать, что голова!
Вотъ, честнымъ пиркомъ пируютъ,—
Мельникъ выпить былъ не глупъ,—
И Югана ужъ трактуетъ,
На припасы онъ не скупъ,—
Все, кажись, что есть въ заводѣ,
Къ угощенью подано;
Пьютъ, и оба ужъ на взводѣ,
Въ головахъ закачено.
— Ну, Юганъ!—теперь ужъ смѣло
Говоритъ ему старикъ,
— Потолкуемъ и про дѣло,
Благо движется языкъ.
Видишь что,—нужна помога
Мнѣ, по старости моей;
Бѣдняковъ-то есть и много,
Но мнѣ нуженъ работей,
Не гульливый и разумный...
Ты на мой пришелся глазъ,
И, какъ быть, ты парень умный,
Какъ мнѣ надо, въ самый разъ.
Договоромъ не обижу,
Ни-за-чѣмъ не постою,
Коли только я увижу
Службу вѣрную твою.
Въ мѣсяцъ разъ, на новолунье,
Мой обычай съ давнихъ лѣтъ,
Намъ Алиночка шалунья
Понастряпаетъ обѣдъ;
Мы закусимъ на порядкахъ,
Какъ душѣ угодно пей,
Пой, пляши, и хоть въ присядку
Дерни,—въ волѣ все твоей.
Но потомъ, на мѣсяцъ цѣлый—
Ни гугу! безъ лишнихъ словъ,
Молча, братецъ, дѣло дѣлай,—
Мой обычай ужъ таковъ.
Что, согласенъ?—Не скрываю,
Ѳирсъ Антипычъ! очень радъ,
У тебя служить желаю;
Мнѣ такой хозяинъ—кладъ.
А за службу—денегъ-злата

Digitized by Google

Не хочу съ тебя я брать;
Только то возьму въ уплату,
Что не станешь ты считать.
— Гмъ! подумалъ Ѳирсъ,—попался!
Ужъ меня не обочтешь.
Самъ пріятель навязался,—
Годъ прослужишь ни за грошъ.
Ты ништо таки, хитренекъ!
Ну, да, молвитъ, что за счетъ!
Уговоръ дороже денегъ,—
По рукамъ на цѣлый годъ!—
Приключился въ той свѣтелкѣ
Кто-нибудь еще тогда,
Вѣрно-бъ понялъ, съ этой сдѣлки,
На кого глядитъ бѣда; —
Ужъ держитесь, алы губки!
Старику и невдомекъ,
Что ко гнѣздышку голубки
Пріютился воркунокъ.
Да, почтенный Ѳирсъ Антипычъ,
Безъ печали голова!
Погорюй, садись на припечь!
Ну, а на надпись—на дрова.
Видно горе не съ усами,—
По обличью не узнать!
То-то!—сказано не нами,—
Не хвались, идя на рать!...
Вотъ, живутъ они ужъ трое,—
Счетъ, конечно, не великъ,—
Но тутъ есть кой что такое,
Что не знаетъ и старикъ:
Есть покража, да такая,—
Дѣлай обыскъ не найдетъ;
Нѣтъ, головушка сѣдая!
Позабылъ, такъ не пойметъ.
Не сыту, не медъ воруютъ,—
Все считаешь это ты,—
Дочь твою Юганъ цѣлуетъ,
Слаще меду и сыты.
И не считаннымъ товарамъ
Ни-по-чемъ расходъ держать;
Только знаешь—вѣдь пожаромъ

Digitized by Google

Искра можетъ заиграть.
Скажутъ:—какъ-же? чуть сошлися—
Ужъ слюбились! Вѣкъ живи,
Говорятъ, и вѣкъ учися,—
Много-ль надо для любви?..
Въ передѣлкѣ рукопашной,
Привелось, передо мной,
Разъ трубачъ одинъ безстрашный
Вдругъ схватился съ пѣхтурой,
Съ нашимъ братомъ. Бьется сила,
Штыкъ и сабля... Еще мигъ—
Сабля черепъ раздвоила,—
А въ боку рубаки штыкъ.
Поквитались чисто!.. Что же?
Тутъ не надо лишнихъ словъ;
Понимаешь, чай... Ну, тоже,
Такъ сражаетъ и любовь.
Такъ-съ!.. ну, долго-ль до устатку?
Духъ вѣдь надо перевѣсть;
Не пора-ли въ носъ закладку,—
Вѣдь нюхнуть охота есть.
Братъ Панкратьичъ, угости-ка
Закадышнымъ! впрямь сказать,
Ты такой табачный сбика,
Что другова поискать.
Вынь-ко, камаратъ, съ развальцемъ,
Твой узорчатый рожекъ;
Тутъ ужъ нѣтъ приволья пальцамъ,
Развѣ вышибитъ кружокъ.
Вотъ, дивлюсь я человѣку,
Сколько онъ произошелъ
Всѣхъ земель,—а нѣтъ и вѣку
Этой дряни!—Аль нашелъ
Ты въ немъ смакъ какой особый?..
Ну, да стоитъ кой чего!
Вѣдь въ туречинѣ мы оба
Угощались изъ него.
Фу, ты, какъ онъ затаскался!
Да какой моральный видъ;—
Вишь, и съ шашкой цѣловался
Да и пулею пробитъ.
А бѣда мнѣ съ нимъ, признаться,—

Digitized by Google

Не успѣешь носъ набить—
Такъ и тянетъ вотъ подраться,
Турку бестію побить.
Мфъ! братъ, лихо! Мффъ!! Забрало!
Вѣдь зарѣзъ—не зеленчакъ,
Ажъ скрипитъ! что-бъ те порвало!
Эхъ, братъ, стоющій табакъ!..
Просто, братъ, мое почтенье,—
Не табакъ, а объяденье!
Вишь, слеза!!..

Глава II.

Какъ на морѣ-окіанѣ,
Надъ пучиною, въ туманѣ,
Дивнымъ дивомъ на весь міръ,
Виденъ камень Алатырь.
Какъ на камнѣ Алатырѣ,
Что ни есть дивнѣе въ мірѣ,
Красна дѣвица сидитъ,
Зарей личико горитъ.
Море буйное стихаетъ,
Рѣчь дѣвица начинаетъ;
Рѣчи серебромъ звенятъ,
Очи яхонтомъ горятъ;
И дѣвица прослезилась,
И дневальному взмолилась:
— Гой, еси ты, молодецъ!
Господинъ ты мой, дневальный!
Будь родной ты мнѣ отецъ,
Въ лютой долюшкѣ печальной!
Ужъ какъ я млада терплю,
Да меня взлюбило горе;
Окіанъ широкой море,
Да его я не люблю.
Какъ взойдетъ заря румяна,
Я умоюся слезой,—
И слезинка въ окіанѣ—
Станетъ жемчугъ дорогой;
А кудрями шелковыми
Оботруся только я,—
Янтарями дорогими

Digitized by Google

Потечетъ съ кудрей струя;
Улыбнуся дню привѣтно —
И улыбочку волна,
Съ устъ коралломъ самоцвѣтнымъ
Для морскаго смоетъ дна.
Господинъ ты мой, дневальный,
Безпардонный молодецъ!
Будь же мнѣ родной отецъ,
Въ лютой долюшкѣ печальной!
И отказу не давай
На привѣтливое слово,
А солдатика лихова
Мнѣ въ забаву присылай.—
Тучи по небу летаютъ,
Море ярое реветъ,
Буйны вѣтры завываютъ,
Въ морѣ рыба-китъ плыветъ;
На спинѣ у рыбы-кита
Кашеваръ сидитъ Никита,
Киту въ голову стучитъ,
Къ красной дѣвицѣ спѣшитъ;
И стучитъ не какъ попало,
А какъ должно, по сигналу,
Припѣваючи при томъ,
То басомъ, то дискантомъ:
— Хоть какую переправу—
Перейдемъ ее на славу!
А зачѣмъ и почему,
На китѣ плыветъ Никита—
Кромѣ дѣвицы и кита,
Не извѣстно никому.
Какъ при городѣ Подолѣ
Заблудился лѣшій въ полѣ;
А на Лысой на горѣ,
О полуночной порѣ,
Подъ присвистку, съ перевертомъ,
Молодая вѣдьма съ чортомъ,
Подпершися подъ бока,
Задуваетъ трепака;
Бѣси зарятся на пляску;
А кто хочетъ—слушай сказку.
Мѣсяцъ зорюшку смѣняетъ,

Digitized by Google

Ночка темна настаетъ,
Заря мѣсяцъ прогоняетъ,—
Время по міру идетъ.
Ѳирсъ Антипычъ богатѣетъ;
У него батракъ лихой,—
Дать работы не успѣетъ—
Дожидается другой.
И, покончивши работы,
Нѣтъ вѣдь, чтобы отдыхать,—
Ѳирсъ пока наводитъ счеты,
Какъ бы что не просчитать,—
Онъ пособитъ и Алинѣ:
То снести, за тѣмъ сходить,
А въ анбарѣ и овинѣ
Мало-ль есть, что пособить?
Былъ-ли толкъ съ того пособья,
Нѣтъ извѣстій никакихъ;
Только волкомъ изъ подлюбья,
Ѳирсъ поглядывалъ на нихъ.
Непріятный случай вышелъ;—
Разъ,—ужъ какъ тамъ ни толкуй,—
А въ потьмахъ, онъ самъ услышалъ,
Чмокнулъ будто поцѣлуй.
Ну, да знаете вы сами,
Вѣдь не свой же братъ любовь!
Сами, братцы, мы съ усами,
И у насъ не рыбья кровь.
Да не даромъ-же Алина
Полюбила молодца,—
Вѣдь и стоилъ онъ, хватина,
Хоть какого удальца:
И высокій, и плечистый,
Грудь какая, перехватъ,
И такой рѣчами чистый,
Весь ефрейторской и складъ,—
Вотъ недѣльку-бъ на ученье,
Да пригнать ему мундиръ—
Просто братъ, мое почтенье!
Хотя на Царскій смотръ, въ ранжиръ!
Такъ-то-съ... Ѳирсъ Антипычъ злится,
Да молчитъ и сроку ждетъ;—
Скоро сказка говорится,

Digitized by Google

Дѣло иначе идетъ,
Помаленьку. Въ эту пору,
Подходилъ и годъ къ концу,
И служить, по уговору,
Срокъ кончался молодцу.
Нѣтъ надежды оставаться,—
Вѣдь Антипычъ не слѣпой,
И не станетъ торговаться,
Рядомъ стоючи съ бѣдой.
А Югану жизнь постыла;
Грусть-тоска его гнететъ,
Отъ ѣды совсѣмъ отбило,
Да и сонъ на умъ нейдетъ.—
Да, была бѣда лихая,
Разъ, съ рекрутства, надо мной...
Приглянулась мнѣ такая
Краля—сталъ вѣдь самъ не свой...
Разберешь ружье—не знаешь
Какъ и быть потомъ... бѣда!
Гайки всѣ перемѣняешь,
Шрупы вертишь не туда;
Да капральный былъ службистый,
Про любовь мою узналъ,—
Подсказалъ ему нечистый,—
Какъ рукой кручину снялъ!
Говоритъ:—любить любися,
Да ружье забыть не-слѣдъ;
Все исправно—осмотрися
И люби хоть цѣлый свѣтъ.—
— Что тутъ дѣлать?—размышляетъ
Въ темной ночи нашъ Юганъ,
Съ горя мельника ругаетъ:
— Ужъ какъ ты-де, басурманъ,
Да ты иродъ, я-бъ те кинулъ
Безъ сапогъ да на морозъ,
Али просто на осину,
Бестіанской виртуозъ!..
Все-же плохо происходитъ;
Бранью города не взять,—
Какъ не кинь, все клинъ выходитъ;
Видно, я ему не зять.—
И опять Юганъ встоскуетъ,

Digitized by Google

И учнетъ онъ горевать:
— Да зачѣмъ на свѣтъ,—толкуетъ,—
Спородила меня мать?
Лучше-бъ стало провалиться!—
Анъ глядитъ во всѣ глаза,—
Въ темнотѣ ему примнится
Темнорусая коса,
Плечи, личико... Алина...
— Такъ-бы чмокнулъ горячо,—
Молвитъ, чуть дыша, дѣтина,—
Въ лебединое плечо!—
Глядь—анъ это самъ хозяинъ,
Съ рожей скривленной стоитъ.
— Провались сквозь-земь ты, Каинъ!—
И опять Юганъ взгруститъ:
— Знать, изсохну одинокой
Сиротою, какъ ковыль,
На пескахъ степи широкой,
Сохнетъ въ мелкостную пыль.
Нѣтъ, терпѣнье все пропало!—
Съ горемъ молвилъ молодецъ;—
— Ужъ во что-бы-то ни стало,—
Завтра выведу конецъ!..—
Вотъ, пришло и завтра. Праздникъ,
Новолунье. Хрычъ сѣдой!
Вишь, онъ выдумалъ, проказникъ,
Праздникъ рѣдкостный какой!
День былъ ясный, воздухъ чистый,
Солнце встало надъ горой,
Бьетъ огнемъ въ ручей струистый,
Сыплетъ искры подъ волной.
Все кругомъ, какъ на картинѣ,
Не шелохнется, свѣтло,
Пышно такъ, и на долинѣ,
Какъ въ самомъ раю тепло,
И такъ тихо; только струйки,
То сверкнутъ, какъ стволъ стальной,
То, какъ мѣдныя чешуйки,
И бренчатъ промежъ собой
Мелкимъ темпомъ... Ну, да словомъ,
Вы бывали на смотрахъ,
Гдѣ во всемъ лощеномъ, новомъ,

Digitized by Google

И въ открытыхъ киверахъ,
Въ аммуниціи походной,
Чисто,—ярко набѣленъ
И нафабренъ,—благородно
Развернется баталіонъ...
— Смирно!—не моргнешь усами,—
Слышно, муха пролетитъ;
А распущенное знамя
Со штыками шелеститъ
И полощется... Парадно,
Важно, братцы, созданъ строй!
И стоять-то въ немъ отрадно,
Съ русскимъ сердцемъ и душой.
Все блеститъ, горитъ, смѣется,
Мечетъ искры,—чудный видъ!—
И стоитъ, не шелохнется,
И, что камень, все молчитъ,
Ждетъ приказа... Ну, бываетъ
И погода такъ смирна:
Вѣтеръ, словно чуть вздыхаетъ,
Всюду свѣтъ и тишина...
Въ самый этотъ день-то чистый
Рано всталъ, какъ должно быть,
Ѳирсъ Антипычъ нерѣчистый
И спросилъ перехватить.
За столомъ рѣзнымъ, дубовымъ,
Ѳирсъ съ работникомъ сидятъ,
И въ карманъ они за словомъ
Ужъ не лѣзутъ,—говорятъ
Безъ умолку. Мельникъ старый
Словно сдѣлался не тотъ,—
Какъ распуститъ тары-бары—
Только слушай, настежъ ротъ.
И Юганъ хитеръ въ вопросахъ,
Одурачитъ,—берегись!
Да турусы на колесахъ
Такъ подпуститъ, что держись!
Все, однако-же, отлично
Чередомъ своимъ идетъ;
Угощеніе прилично
Имъ Алина подаетъ,
Ровно на двадцать четыре

Digitized by Google

Человѣка,—вотъ тебѣ!
Дружелюбно, чинно, въ мирѣ,
Знай ѣдятъ они себѣ,
И ѣдятъ со вкусомъ; вѣрно
Ужъ Алина—дѣвка бой
Въ разсужденіи, примѣрно,
Заведенціи съѣстной;
Не собьется, знаетъ славно,
Твердо кухонный весь ладъ,—
Былъ-бы инструментъ исправный,
Сковородникъ да ухватъ...
Варка чудная такая—
Просто ложка въ ней стоитъ,
И съ наваромъ, и густая...
А блины имѣютъ видъ
Важный,—крошечку съ подгарцемъ,
Зарумянены чуть-чуть, —
Вотъ, тряпичкой жирной, съ сольцей,
Такъ легонечко смахнуть—
Фа! Языкъ со всѣмъ проглотишь;
Аппетитно!.. Да, блины—
Важно-кушанье! какъ хочешь,
Если съ толкомъ спечены.
Вотъ, ѣдятъ они исправно,
И винцо да пиво пьютъ,
И безъ шуму, благонравно,
Рѣчь веселую ведутъ.
А Алина,—бабье дѣло,—
Все хлопочетъ вкругъ стола,
И съ посудой больно смѣло
Построенье повела:
— Строй каре изъ поросенка!
Миски въ кучки забѣгай!
И пальбу, рядами, звонко,
Правымъ флангомъ начинай!
Стройся, гусь, въ колонну справа,
Вилки на руку! впередъ!
Маршъ! дирекція направо!
Направленье прямо въ ротъ!
Боевая вся пригонка,—
Полуштофъ, какъ штабъ-горнистъ,
Изъ посуды, братецъ, звонкой,

Digitized by Google

А стаканъ, такъ сигналистъ.
Вотъ бы насъ туда, въ резервы,
Братъ Панкратьевичъ, съ тобой,—
Ухъ, открыли бы маневры!
Живо грянули-бъ отбой!..
Да, ужъ видно, не судьба намъ,
Обошелся пиръ безъ насъ.
Производятъ Ѳирсъ съ Юганомъ
Перехватку, въ добрый часъ.
Не съ того и не съ другова,
Вдругъ, беретъ вина Юганъ,
Не сказавъ худово слова,
Наливаетъ онъ стаканъ.
— Что его такъ повернуло?—
Ѳирсъ подумалъ. Смотритъ, хлопъ!..
Только донышко сверкнуло,
Опрокинувшись на лобъ.
Ѳирсъ отъ дива поднялъ плечи;
Добрый молодецъ встаетъ
И такіе молвитъ рѣчи:
— Ѳирсъ Антипычъ! вотъ ужъ годъ,
Какъ служу тебѣ я честно,
Изо всѣхъ стараюсь силъ;
Самому тебѣ извѣстно,
Я награды не просилъ,
А теперь прошу расчета.—
— Что-же?—молвитъ Ѳирсъ,—прощай,
Коли вдругъ пришла охота.
Уговоръ ты помнишь, чай?—
Всѣ пожитки и товары
Я давнымъ-давно прибралъ
Въ кладовыя и амбары,
Ужъ наврядъ что просчиталъ...
Что найдешь—твое, извѣстно.
— Коли такъ,—Юганъ сказалъ,—
Ну, такъ вотъ моя невѣста.—
Онъ за бѣлу ручку взялъ
И подвелъ къ нему Алину.
Какъ ногами застучитъ,
Скорчивъ съ злости образину,
Да воскликнетъ старый жидъ:
— Ахъ, ты, нищій! спятилъ что-ли,

Digitized by Google

Ты съума на этотъ разъ?
Вишь, набрался сколько воли...
Вонъ отсюда сей-же часъ,
Съ глазъ долой!.. —Но чу!.. что это?
Ѳирсъ снѣмѣлъ,—не до угрозъ,—
Со страстей не взвидѣлъ свѣта,
По спинѣ подралъ морозъ,—
На подьорьѣ шумъ поднялся
Да такой страшенный громъ,
Гамъ и грохотъ раздавался,
Ажно весь трясется домъ.
Глядь въ окно:—ахти! что рати,
Что народу на коняхъ!—
Вскрикнулъ Ѳирсъ—и на полати,
Словно кошка... Силенъ страхъ.
На подворьѣ, у свѣтлицы,
Коней безъ-счету, табунъ,—
То пріѣхалъ изъ столицы
Царь великій, Карачунъ.
Съ нимъ вельможъ довольно было,
Много графовъ и князьевъ,
Да съ полсотни привалило
Стремянныхъ и холуевъ.
На охотѣ потѣшался
Онъ, со свитою своей,
И за краснымъ звѣремъ гнался;
Тотъ махнулъ черезъ ручей,
А за нимъ и царь, со штабомъ,
Погнался во весь опоръ,
Чрезъ овраги, по ухабамъ,
Чуть не къ мельнику на дворъ.
Проскакалъ бы, слова нѣту,
Мимо,—глядь... на верхъ крыльца—
Надпись. Всѣмъ она въ примѣту;
Осадилъ онъ жеребца.
Стала свита; всѣ вготовѣ
Надпись хаять, аль хвалить;
Карачунъ нахмурилъ брови—
И пустились всѣ бранить.
Обращается къ вельможамъ
Карачунъ и рѣчь ведетъ
Грознымъ голосомъ:—а кто-же

Digitized by Google

Здѣсь, скажите мнѣ, живетъ?—
Всѣ молчатъ, по той причинѣ,
Что не знаютъ ничего
Даже о самой долинѣ.
— Вижу ясно, изъ всего,
Господа мои вельможи,—
Говоритъ имъ царь тогда,—
Вы хоть быстры, ну, а все же,
Мѣшковаты иногда.
Кто-же смѣлъ, съ разсудкомъ споря,
Дерзко такъ писать—„живу
Безъ печали и безъ горя?“
Кто такъ сбредилъ на яву?
Странно, очень странно это!
Я и царь, силенъ, могучь,
Я владѣю частью свѣта;
Войска у меня,—что тучъ,
Въ поднебесьи заряженныхъ
И громами и огнемъ;
Много, златомъ нагруженныхъ,
Сундуковъ стоитъ въ моемъ
Казначействѣ; много въ морѣ,
Съ грузомъ рѣдкостныхъ вещей;
Для торговли, на просторѣ,
Много ходитъ кораблей,—
Все мои... А эта слава,
Уваженье дальныхъ странъ,—
Чѣмъ горда моя держава,—
Разнеслась за окіанъ,
За моря. И всѣ отрады
Можетъ мнѣ народъ принесть...
Али не найду отрады?
Захочу, скажу—и есть.
Что-жъ, и я пытаю горе,
Не красенъ и мой то вѣкъ.
Можетъ быть я пролилъ море,
Много слезъ,—я человѣкъ.
Вдругъ, я вижу, безъ печали
Здѣсь живетъ такой чудакъ,
Какъ на свѣтѣ не живали
Люди. Какъ-же это такъ?—
Всѣ, по-прежнему, ни слова,

Digitized by Google

Затаивши духъ, молчатъ,
И одинъ да на другово
Только наискось глядятъ.
— Кто, съ разсудкомъ здравымъ споря,
Пишетъ дерзостно—„живу
Безъ печали и безъ горя“,—
Кто такъ сбредилъ на яву—
Пусть предстанетъ предо мною!—
И вельможи всѣ, бѣгомъ,
Безобразною толпою,
Къ Ѳирсу кинулися въ домъ.
Слышитъ Ѳирсъ слова такія,—
Въ пятки вся душа ушла.
— Ахъ, отцы мои родные!
Знать смеретушка пришла!—
Вопитъ мельникъ устрашенный,
И взмолился батраку:
— Будь мнѣ въ горѣ обороной,
Услужи ты старику!
Да скажи, что ты надъ домомъ
Надпись глупую прибилъ,—
Что-бъ ее расшибло громомъ,
Что-бы чортъ ее стравилъ!—
Правый глазъ, моя надежа!—
— Ѳирсъ Антипычъ, вижу я,
Видно, къ тѣлу ближе кожа
Не чужая, а своя,—
Ѳирсу парень отвѣчаетъ;
А того прижучилъ срахъ:
Ну, вотъ такъ и умоляетъ,
И катается въ ногахъ
У Югана:—сдѣлай дружбу,
Не сгуби души, ступай!—
— Хорошо! а ты за службу,
Мнѣ Алиночку отдай!—
— Охъ, да съ нею-жъ какъ разстатся?—
— Ну, такъ самъ и выходи;
Слышишь, въ дверь давно стучатся?—
— Ой, отдамъ, твоя... иди!—
Ѳирсъ бормочетъ оробѣлый.
— Коли такъ, покоенъ будь,
Ѳирсъ Антипычъ, въ шапкѣ дѣло;

Digitized by Google

Только словъ не позабудь!—
Вотъ, Юганъ схватилъ остатки
Въ ставцѣ гречневой муки,
Да пелы загребъ изъ кадки,
На себя соритъ съ руки;
Словно мельникъ натуральный,
Весь въ мукѣ, со всѣхъ сторонъ,
Не смотря на видъ моральный,
Такъ къ царю выходитъ онъ.
Царь Югана озираетъ,
Смотрятъ графы и князья.
— Это ты?—царь вопрошаетъ.
— Царь великій! это я!—
— Какъ-же ты, съ разсудкомъ споря,
Надпись смѣлъ прибить—„живу
Безъ печали и безъ горя,“—
Аль ты сбредилъ на яву?—
— Предъ тобой, о царь! открыта
Вся, какъ есть, душа моя,—
Надпись здѣсь затѣмъ прибита,
Что и взаболь счастливъ я.—
— Счастливъ ты? да споконъ вѣку,
Во всѣхъ странахъ всей земли
Не бывало человѣка,
Что-бъ печали не нашли
И его не одолѣли;
Всѣ бывали въ этомъ злѣ.
Я-бъ повѣрилъ, въ самомъ дѣлѣ—
Да живемъ мы на землѣ.
Что-жъ ты скажешь?—царь вѣщаетъ.
Смотрятъ графы и князья.
Парень смѣло отвѣчаетъ:
— Царь! скажу, что счастливъ я!—
— О, вельможи! что совѣты
Ваши скажутъ? дать отвѣтъ!—
Вотъ, и стали, для отвѣта,
Составлять они совѣтъ,
И рѣшили:—такъ какъ мельникъ
Чернокнижникъ, долженъ быть,
И художникъ и бездѣльникъ,
То, въ примѣръ другимъ, казнить!—
Царь вельможамъ ухмылился,

Digitized by Google

Ничего не отвѣчалъ,
Къ молодцу оборотился
И, подумавши, сказалъ:
— Вотъ, тебѣ мое рѣшенье:
Ты отвѣтъ мнѣ долженъ дать
На вопросныя рѣченья,
И числомъ ихъ будетъ пять.
Скажешь истину прямую—
Награжу тебя казной,
А за ложь и кривду злую,
Помни—голову долой!
Вотъ вопросы:—далеко-ли
Отъ земли и до небесъ?
Какъ измѣрить,—глубоко-ли,—
Дно морское, дно чудесъ?
Гдѣ земли всей середина?
Что я стою?—да какъ разъ;—
И потомъ скажи, дѣтина,
Что я думаю сейчасъ?
Отвѣчай, да хорошенько!—
Царь Югану продолжалъ.
— Дай, подумаю маленько.—
Вотъ, подумалъ и сказалъ:
— Исполняю повеленья
Многотрудныя твои,—
И на всѣ твои рѣченья,
Вотъ отвѣты всѣ мои:
Царь великій! Я открою,
Что съ земли и до небесъ—
Ровно триста верстъ съ верстою.
Хоть я отъ роду не лѣзъ
Выше, видишь, той осины,
Хоть по ней не доставалъ
Даже и до середины,
Ну, а вѣрно ужъ сказалъ.—
И вельможи зашумѣли:
— Что онъ бредитъ? это вздоръ!—
И жужжатъ, скажи вотъ, шмели:—
— Просто, онъ обманщикъ, воръ!—
— А не хочешь мнѣ повѣрить,—
Говоритъ царю нашъ хватъ,
— Прикажи хоть имъ измѣрить!—

Digitized by Google

Всѣ попятилась назадъ.
Ужъ сказать, лихи вельможи!
Говорятъ, что мельникъ плутъ,
Ну, однако, отъ чего-же
Сами въ небо не идутъ?
— Ну-ко, выведи наружу,
Какъ морское смѣритъ дно? —
— Да вотъ такъ, какъ эту лужу,
Царь,—не больно мудрено!—
Поднялъ камень онъ и кинулъ
Въ лужу.—Вѣрно говоря,
Этотъ камень дна достигнулъ
Въ этой лужѣ,—и въ моря,
Если взять, швырнуть его-же,
Онъ,—такъ, видно, создалъ Богъ,—
Упадетъ опять на дно-же;
И ужъ плыть-то бы не могъ.—
Спору нѣтъ! отвѣтъ удалый,—
Хоть какая глубина,
Ну, а, камень, самый малый,
Всю вѣдь вымѣритъ, до дна.
— Правда,—молвитъ царь,—причина!
Слово каждое хоть вѣсь!
Гдѣ-жъ земли то середина?—
— Середина?—да вотъ здѣсь!—
И уткнулъ онъ подъ ногами,
Прямо въ землю палецъ свой.
И опять жужжатъ пчелами
Тѣ вельможи межъ собой:
— Какъ же это?..—Да вѣстимо,
Ужъ коли земля кругла,
Такъ гдѣ хочешь середина,—
Вѣдь на шарѣ нѣтъ угла.
Я съ рекрутства зналъ про это;
Пономарь мнѣ толковалъ,
Что такой ужъ видъ у свѣта,
Словно шаръ. Коли не вралъ,
Видно, правда. И божиться
Не боялся онъ грѣха,
Что земля еще вертится;—
Вотъ ужъ это—чепуха!
Вѣдь, кажися, мы не мухи,—

Digitized by Google

Какъ же-бъ это намъ ходить?
Нѣтъ, братъ! на-двое старуха
Говорила, стало быть.
Да чего тутъ!—ну, хоть мы-бы
Зацѣпились безъ труда,—
А моря то всѣ стекли-бы,
Просто, чортъ знаетъ куда.
Есть у всѣхъ свои просторы:
Бабѣ—печка да чуланъ,
Мореходу—сине море,
Нѣмцу—звѣзды да туманъ;
А меня затѣмъ, отчасти,
Любопытство шевелитъ,
Что земля по нашей части,
По пѣхотѣ состоитъ.
Я у писаря справлялся,
Какъ то разъ, на этотъ счетъ,—
Ну, и онъ, тверезый, клялся,
Что вертится свѣтъ. Эхъ, лжетъ!
Выпить любитъ... ну, случится
Подъ хмѣлькомъ идти домой—
Вотъ, земля и завертится;
Ну, а онъ-то—съ ногъ долой.
Вотъ и все тутъ. Да, шутите,
Я въ походахъ вѣдь бывалъ
Самолично,—какъ хотите,
А на врядъ бы прозѣвалъ,
Если-бъ выдалась примѣта.
Да, оно легко сказать,
А почти подъ четверть свѣта
Намъ случилось отшагать;—
Какъ тарелка!.. Были горы,
Ну, да это трынъ-трава;
Для солдата, просто, вздоры—
Переходъ, а много два.
Пусть земля кругла въ наукахъ,—
Я, безграмотный солдатъ,
Зги не вижу въ азахъ-букахъ,—
Ровенъ свѣтъ, какъ плацъ парадъ!
И запишемъ такъ!.. Случится
Во хмѣлю, когда-нибудь—
Самъ повѣрю, что вертится;

Digitized by Google

А просплюся—не надуть!
Впрочемъ, всякъ судить какъ знаетъ,—
Въ головѣ свой умъ вѣщунъ.
Такъ-то-съ!—Вотъ, и продолжаетъ
Рѣчь къ Югану Карачунъ:
— Говори же, что я стою?—
— Царь, труденъ такой вопросъ;
Но отвѣчу,—головою,
Что-бъ отвѣтить не пришлось.
Царь—родной отецъ народу,
Почитаетъ цѣлый свѣтъ
Это имя и породу,
И цѣны ему здѣсь нѣтъ.
Но когда-бъ Искаріотомъ
Ты былъ проданъ и цѣненъ,
То на сребренники, счетомъ,
Двадцать девять, взялъ-бы онъ.—
Чуть дыша, молчатъ вельможи,
Ждутъ грозы; но царь на то
Не сердился. И на что-же
Тутъ сердиться, и за что?
Рѣчь безхитростную видитъ—
Рѣчь его и не гнѣвитъ;
Кто-жъ царя и чѣмъ обидитъ?
Кто-жъ его и оцѣнитъ?
— Ну, теперь отвѣтъ послѣдній—
И тебя я одарю,
Съ ногъ до головы побѣдной,
Такъ, какъ слѣдуетъ царю.
Вотъ послѣдняя загадка,—
Все сказалъ ты безо-лжи,—
Ну, для полнаго порядка,
Что я думаю? скажи!—
— Я не знахарь, не бездѣльникъ,
Рабъ величья твоего.
Царь! ты думаешь—я мельникъ,—
Нѣтъ, работникъ я его!—
Братъ Панкратьичъ! ну-ко, снова,
Смаршируй-ка за обшлагъ!
Твой ужъ стоитъ дорогово,
Забубенный зеленчакъ.
Мфъ!.. ты, роскошь! тфу! ты, право!

Digitized by Google

Ну, никакъ не утерплю,—
Своего не сломишь нрава,—
Такъ вѣдь турку не люблю!
Ну, кажись, съ чего-бы мнѣ то?..
Да ужъ я на нихъ жестокъ,
Не люблю за Мухамета,
Да опять за твой рожокъ.
Вѣдь оно пустякъ! а все же,
Хоть мнѣ голову долой,
Хоть съ меня дери ты кожу—
Не люблю! ужъ я такой.
Мфъ!.. значительная штука!
Право, если-бъ не табакъ,
Вѣдь заѣла-бъ въ свѣтѣ скука.
Какъ кому, а мнѣ ужъ такъ!..
Эхъ, важнѣйшій зеленчакъ!..

Глава III.

Какъ за боромъ, на болотѣ,
По желанью да охотѣ,
Шелъ за тридевять земель,
Птаху сватать журавель.
Вотъ, идетъ онъ къ птахѣ съ спросомъ,
И увязъ въ болотѣ носомъ;
Да журавъ-то былъ не простъ,—
Засадилъ туда и хвостъ.
Такъ онъ путь-дорогу ладитъ:
Носъ потянетъ, хвостъ засадитъ,
Хвостъ потянетъ, носъ забьетъ,—
Все впередъ себѣ идетъ.
Вотъ, приходитъ журавъ къ птицѣ,
Молвитъ:—какъ бы-де жениться?—
А ему въ отвѣтъ на спросъ:
— У тебя де дологъ носъ.—
Журавъ взадъ дорогу ладитъ:
Носъ потянетъ, хвостъ засадитъ,
Хвостъ потянетъ, носъ забьетъ,—
Все впередъ себѣ идетъ.
Вотъ, такимъ то, братцы, родомъ,
За ногой нога походомъ,
Слово къ слову въ рѣчь заплѣсть,

Digitized by Google

Переходъ—и сказка есть.
Такъ-съ!.. На томъ, вѣдь, стало дѣло,
Что Юганъ отвѣты далъ
На вопросы бойко, смѣло.
Царь тогда ему сказалъ:
— Ну, любезный, ужъ на славу
Одолжилъ меня въ конецъ!
Ты, я вижу, парень бравый,
То есть просто—молодецъ,
Изъ важнѣйшихъ! Ну, ты воленъ
И награду выбирать;
Я премного самъ доволенъ,—
Слово надобно сдержать;—
Хочешь серебра, аль злата,
Аль каменьевъ дорогихъ—
Приходи въ мои палаты,—
У меня довольно ихъ.
Да къ тому-жъ, какъ ты собою
Распребойкій, видный хватъ,
Не мѣшаетъ и женою
Завестися... Я твой сватъ;
У меня, въ моей столицѣ,
Фрейлинъ—что цвѣтовъ въ садахъ;
Все такія, знаешь, лица—
Поглядишь, да только:—ахъ!..—
Выбирай любую... Что-же?—
Парень блѣденъ и молчитъ;
Смотрятъ графы и вельможи;
Царь, нахмурившись, глядитъ.
Трепетъ-страхъ забралъ хватину,—
Предъ царемъ онъ въ ноги палъ,
И свою любовь-кручину,
Всю на тонкость, разсказалъ.
— Что же,—молвитъ царь Югану,—
— Тутъ ужъ воля не моя;
Я вамъ ворогомъ не стану.
Гдѣ-жъ невѣста-то твоя?—
Парень въ домъ стрѣлой пустился,
Сбилъ съ ногъ Ѳирса, торопясь,
И съ Алиной воротился,
Карачуну на показъ.
Царь взглянулъ—сдивился. Снова

Digitized by Google

Поглядѣлъ на красоту—
И не можетъ молвить слова,—
Такъ и таетъ рѣчь во рту.
Слуги царскіе дивятся,
И вельможи и князья,
Всѣ глядятъ, не наглядятся,
Словно глазъ отвесть нельзя
Отъ красавицы Алины,
Словно огорохъ ихъ взялъ.
Ужъ Юганъ, съ такой причины,
И затылокъ почесалъ.
А она, какъ розанъ бѣлый
Предъ травою лебедой,
Передъ свитой онѣмѣлой
Такъ и блещетъ красотой.
Солнце ей глядится въ глазки,
Зорька пышетъ на устахъ,
Вѣтеръ сказываетъ сказки,
Притаившися въ кудряхъ...
Ну, за взглядъ такой вотъ любки—
За годъ жалованьемъ квитъ;
А усами тронуть губки—
Безъ пайка по горло сытъ!
— Да,—промолвилъ царь,—признаться,
Вся изъ прелестей слита!
Есть чему и удивляться;
Ужъ сказать, что красота!
Коли слюбно вамъ, не худо—
По рукамъ да подъ вѣнецъ;
Кстати дѣло, я ужъ буду
Посаженный вамъ отецъ.—
Вотъ-то праздничекъ поднялся,
И приволье да разгулъ!
Ѳирсъ маленько поломался,
Да кису и разстегнулъ.
И вотъ, этакимъ манеромъ,
Заварили пиръ да балъ.
Царь былъ самъ для всѣхъ примѣромъ—
Первый кубокъ наливалъ;
А подъ видомъ поздравленья
И казны не пощадилъ—
Тысячъ сто, на заведенье,

Digitized by Google

Молодымъ онъ подарилъ.
А за нимъ потомъ вельможи
Пили, графы и князья,
А потомъ другіе тоже,
А потомъ хватилъ и я.
И невѣстѣ, на булавки,
Въ обшлагѣ моемъ нашлось
Сорокъ тысячъ, и съ прибавкой,
Да все мѣдью. Такъ пришлось!
И, кажись, я пилъ немало,
Да остался сухъ языкъ,
Въ ротъ ни капли не попало,
Все, какъ водится, сбѣжало
По усамъ, за воротникъ...

— — —

Вотъ, вамъ сказка для забавы...
Въ шуткѣ дѣло примѣчай:
Не хвались для доброй славы,
А живи да правду знай;
Будь солдатъ нелицемѣрный,
Чистъ, какъ свѣчка алтаря,
Неизмѣнный, твердый, вѣрный
Въ службѣ Бога и Царя;
Что-бъ кипѣла грудь любовью,
Къ Руси-матушки родной,
И душой своей и кровью
За нее безъ страха стой!
Что-бъ, какъ солнце въ окіанѣ,
Храбрость искрилась въ очахъ,
И, какъ дробь на барабанѣ—
Правда-матка на устахъ!
И тогда, бѣды не зная,
Съ безпардонною душой,
Вѣкъ отбудешь, припѣвая,
Пока грянетъ смерть „отбой!“
Что-же, мы не показали,
Братъ Панкратьевичъ съ тобой,
Какъ съ Москвы француза гнали?..
Вынь-ко, братъ, рожокъ-то свой!..

Digitized by Google

Походныя замѣтки для пѣхоты *) **).

—„Волка ноги кормятъ“,—молвитъ пословица, да есть тутъ недомолвка; всѣ на свѣтѣ, какъ волки, только тѣмъ живутъ и кормятся, что не сидятъ сиднями на мѣстѣ, да не всѣмъ одна линія вышла,—кому на кораблѣ, кому на конѣ, кому на рыдванѣ, а нашему брату, пѣхтурѣ, приспособлено ничѣмъ не хуже сѣраго волка, на собственныхъ крѣпостныхъ ходуляхъ; зато ужъ маршируемъ навѣрняка,—своя ступня не обманетъ. Корабль о камень треснулся—мореходъ на дно, конь споткнулся—сѣдокъ въ пыль головой, въ рыдванѣ пружина хряснула—баринъ прогуливайся на тонкость; а нашъ братъ-землемѣръ, свой человѣкъ съ сумой походной, знай—отмѣривай по аршину съ четвертью, пока теленокъ подъ барабанной палкой не замычитъ:—ой, стой! не въ моготу мнѣ!

Разумѣется, солдатъ долженъ пріучить свои ходули къ службѣ безъ устали, чтобы онѣ не развинчивались и раньше барабана не задумывали о привалѣ. Большихъ попеченій и ремонту нога не требуетъ; просторный, крѣпкій сапогъ, плотно навернутая на ногу мягкая портянка—вотъ все, что нужно; да еще, если

---

*) Каждому, даже ребенку, извѣстно, что лучше плыть на кораблѣ, или ѣхать на конѣ, чѣмъ тащить на своей спинѣ весь свой домъ, да еще и спину-то эту тащить на собственныхъ ногахъ. Но, въ утѣшеніе пѣхоты, чай, не безъизвѣстно господамъ матросамъ и каваллеристамъ о старой, завалящейся, дрянненькой, да проведной пословицѣ—„умѣй кататься, умѣй и саночки возить“,—случалось, чай, иной разъ попробовать этой правды.—Слѣдовательно, надо объяснить, что всякая служба ровна, лучшей и худшей нѣтъ; и у пѣхоты есть свои преимущества; это только ледащему тамъ хорошо, гдѣ его нѣтъ, а добрый человѣкъ вездѣ—„терпи горе, горе, пей медъ“!—*на то мы всѣ Богомъ созданы.* *Прим. авт.*

**) „Походныя замѣтки для пѣхоты“ въ первый разъ были напечатаны въ журналѣ „Чтеніе для Солдатъ“, откуда нынѣ и перепечатываются.

Прим. ред.

Digitized by Google

роскоши ради, свѣчнымъ огарочкомъ, или свинымъ сальцемъ смахнуть ступню,—маршъ! и не думай, что идешь; можно и ни-вѣсть куда зайти при такихъ способахъ.

Разумѣется, иди хоть вольно, да стройно, рѣдьку не сади,—не то поджилки ослабнутъ,—на походѣ не пей ни воды, ни квасу, ни вина заморскаго,—а то въ потъ ударитъ и размокнешь, какъ швабра; не останавливайся ни-за-чѣмъ: ни трубку набивать, ни огня добывать, ни за другой причиной,—производи все на походѣ; ружье за ранецъ, на плечи — и хоть танцуй на рукахъ, нѣтъ запрещенья. Сказано—иди ровно, твердо, храбро, молодцомъ рисуйся, впередъ не суйся, въ бока не толкайся, и назади не оставайся,—это всего пуще! Не слѣдуетъ также часто перемѣнять носку ружья, да съ плеча на плечо его переметывать. Всякая аммуниція—вещь легкая; но ужъ коли ты задумалъ, что тяжело, такъ, извѣстно, хоть съ тебя мясо твое сними—тебѣ все тяжело будетъ, и костей своихъ не стащишь; а солдату тяжело быть не можетъ,—развѣ, часомъ, маленько жарко станетъ.

Вотъ, сударь ты мой!.. идешь ты такимъ сортомъ, на версты не заришься, воронъ по сторонамъ не считаешь, ногъ не переобуваешь; гаркнули пѣсельники,—а ты хоть по-голосу козлу двоюродныйб ратъ,—все же мурлычь себѣ подъ носъ. Пѣсня—дѣло задушевное,—голосу нѣтъ—душа поетъ. Не то старика послушай, какъ онъ службу происходилъ; или самъ, овсяннику-лоботрясу, лясы распусти о томъ, что видѣлъ да слышалъ, или хоть о томъ, какъ Иванъ, купецкой сынъ, надулъ всю Гишпанію. Тары-бары, хорошъ табачекъ, и прочіе, другіе-разные разговоры—и не замѣтишь, куда версты дѣвались; трещитъ фельдмаршъ, за горой дымокъ, и квартирьеры передъ носомъ.

Выбирать квартиры нельзя, да еслибъ и можно, то не должно; гдѣ выпало, тамъ и становись съ племянемъ, а хитрить неслѣдъ. Ну, замѣчаніе можно сдѣлать про себя:—гдѣ, молъ, напримѣръ, окошки расписанныя, кровля узорчатая, и конь рѣзной наверху выведенъ, а калитка тѣсная, чистая, скоромными руками не захватанная, да изъ подворотни голодный песъ толстымъ зыкомъ лаетъ—ну, тамъ не жди добра! въ избѣ вѣтромъ пахнетъ и въ печи пусто; затѣмъ и изба богата, что хозяинъ скупъ, мухоморъ старый. А вотъ, гдѣ избушка-то сѣренькая, у воротъ лавка вытертая, и жирный котъ съ ребятишками въ окно смотритъ—тамъ должны быть и въ печи, за заслонкой, и въ ставцѣ, за завѣской, прокъ и толкъ, да и клѣть не безъ молока,—про то котъ извѣстенъ,—а лавка вытерта сосѣдями, да

Digitized by Google

прохожимъ человѣкомъ, затѣмъ, что, видно, хозяйка тутъ покладливая.

Войдешь въ избу—помолись Богу, и первый привѣтъ печному коменданту, хозяюшкѣ; потомъ—хозяину; хоть съ нимъ не дѣтей крестить, да онъ голова дому; а красной дѣвушки поклонъ со словцомъ про запасъ держи,—время не уйдетъ, успѣемъ и въ сѣняхъ, и у воротъ встрѣтиться; а при людяхъ онѣ не такъ то привѣтливы съ табачникомъ окаяннымъ.

Солдатъ—воинъ Божій,—въ избѣ мѣсто ему въ переднемъ углу; ну, и положи туда хоть фуражку, для занятія квартиры, а самъ не раздѣвайся, и, того хуже, не разувайся горячій съ походу. Посиди да покаляй:—каковы-де хлѣба да горохи нынчѣ? Далъ-ли Богъ рѣдчину въ огородѣ, да не съѣлъ-ли червякъ капусту?—И о сѣнахъ спроси,—это по молочной части,—и насчетъ яичекъ закинь пунктикъ вопросный обинякомъ. Такимъ родомъ пройдетъ полчаса—и ты въ избѣ свой человѣкъ.

Тогда смахни аммуничку, вытри ружье, перемѣни портянки, смой пыль съ портрета своего, причеши гребеночкой, съ кваскомъ солодовымъ, виски, усъ поправь, и у раствореннаго окна, пожалуй, солдатку-носогрѣйку запали, не то выйди на завалинѣ посидѣть.

Солнышко пригрѣваетъ, вѣтерокъ продуваетъ, по синему небу плывутъ бѣлыя облачки; черезъ заборъ солдатскій виноградъ свѣсился на улицу да рдѣетъ на солнышкѣ; хмѣль вьется по тычинкѣ, колечками заплетается; пѣтухъ на старой боронѣ „караулъ“ кричитъ; и собака, сморщивъ носъ на-сторону, ворчитъ на тебя:—вишь, ты, храбрый какой!—а у тебя, съ походу и съ расгару, изъ косточки въ косточку мозжечокъ переливается, и кровь по жиламъ струится распріятно; и ѣсть и спать хочется, а и съ завалиной не разстался бы.... Окошко хлопнуло, и звенитъ голосокъ:—служивенькой! перехватить, чѣмъ Богъ послалъ, просимъ милости!

Поѣлъ ты, братецъ мой, по милости своей, и щей, и яичницы, и пирога конецъ двухъ-фунтовый, не то сухарей разсыпчатыхъ, съ водицей студеной да солью заморскою,—прездоровая вещь,—да какъ треснулся на сѣнникъ—свищи, душа, черезъ носъ!—что твой разводъ съ церемоніей! Спишь, какъ убитый. А тутъ, около тебя, всякое попеченіе: и муха-лекарка рожки ставитъ, и комаръ сухопарый суетится съ ланцетомъ своимъ, и неуклюжій клопъ ползетъ шпанскую мушку приложить, — съ походу,- молъ, кровь поочистить его милости, кавалеру;—а ты себѣ, какъ баринъ ка-

Digitized by Google

кой, спишь, и вниманія не обращаешь на все это немалое усерд и превеликіе хлопоты.

Наконецъ, и самъ пѣтухъ замѣтилъ, что солнышко а лѣсъ садится, жемчужная роса падетъ скоро:—солдатику, дескат встать да прогуляться нехудо,—и взберется онъ, сѣнной хозяинъ, пѣсельникъ рьяный, на насѣстъ, втихомолку приспособится тебѣ подъ самое ухо, да какъ пуститъ куранты свои вытянетъ подголоскомъ такъ, что съ конца въ конецъ деревн и за рѣкою слышно,—отъ уха даже въ носъ ударитъ тебѣ; а т ему чихнешь съ просонья, тоже деликатно—такъ, что и его телятъ въ загороди перепугаешь—потянешься и встанешь бодръ свѣжъ, здоровъ, молодецъ, какихъ мало вездѣ, а индѣ и совсѣм нѣтъ.

Дальше и разсказывать нечего; время дѣло покажетъ—искупаться-ли надо, аммуницію-ли поправить, въ храмъ-ли Божій буде есть, сходить, аль повеселиться и командира звонкой пѣсней потѣшить, да, разминки ради, коленцо-другое трепака выкинуть, съ присвистомъ да перевертомъ и фигурной выкрутасой. А есть и такой штукарь, что на гулянкахъ дѣвкамъ да молодцамъ обряжаться пособляетъ, хлопочетъ, сердечный, и съ ведромъ, и съ кадкой, и со снопомъ, и съ вязанкой,—не замай его. пусть горячку поретъ; ужъ такой, братцы, характеръ у него.

И вотъ, похлопывая въ заветлужскую тавлинку, съ ремешкомъ сыромятнымъ, господинъ ефрейторъ отдастъ тебѣ приказаніе. Сѣрые сумерки пали на землю, лысый мѣсяцъ плыветъ по небу, глядитъ за порядкомъ, чтобъ прохожія тучи въ небѣ лазурь не портили, а самъ и на землю покосится и въ клѣть заглянетъ, на изголовье сребро-пуховое красной дѣвицы, и на сѣновалъ, на постель солдатскую злато-соломенную, и не минетъ никакой щели, ни дырочки,—всюду ему надо посмотрѣть хоть ни въ чемъ ни пособить, ни помѣшать не съумѣетъ. а только мимоходомъ, словно мѣдникъ, жидъ проѣзжій, полудитъ посеребритъ и то и се на скорую руку, на короткій срокъ.

Ты спишь себѣ, а на самой серединѣ богатырскаго похрапа, какъ грянетъ громовая команда, генералъ-маршъ, поль голосъ хозяйки:

„Въ походъ пора, солдатъ *)!
Бьютъ барабаны, рога трубятъ:
Съ Христомъ Богомъ
Въ путь-дорогу;
Насъ не минуй, какъ пойдешь назадъ“!

*) Слова подъ бой генералъ-марша.

Digitized by Google

А тутъ—сборъ! Стройся! Авангардъ и арріергардъ, патрульные, дежурные и дневальные, впередъ и назадъ!—и фельдмаршъ разсыпался, какъ горохъ изъ прорваннаго мѣшка.

— Полы завернуть! Пѣсельники впередъ!—и пошла писать:—„ужъ ты, степь моя Саратовская"!.. да „вы, горы Воробьевскія"!..

Digitized by Google

Digitized by Google

НАШИ
ДОБРЫЕ СЛУГИ

ЧЕТВЕРОНОГІЕ.

„Блаженъ человѣкъ, иже скоты милуетъ".

Богъ создалъ человѣка господиномъ и хозяиномъ всѣхъ остальныхъ твореній на землѣ. Поэтому человѣкъ, какъ самое могучее и разумное созданье, называется „царемъ природы".

И нигдѣ такъ не привольна жизнь, какъ въ лонѣ самой природы—въ сельскомъ быту. Тамъ, человѣкъ дѣйствительно полный хозяинъ и господинъ всѣхъ окружающихъ его созданій, начиная отъ сильныхъ и громадныхъ животныхъ, которыя помогаютъ ему въ трудахъ, или питаютъ его семью, до пчелы и муравья, и до самой утлой, мельчайшей былинки, питающей животныхъ.

Сельская жизнь есть самая естественная, самая спокойная, значитъ—самая счастливая на землѣ. Но человѣкъ принадлежитъ обществу и государству; поэтому онъ *долженъ послужить* обществу и государству настолько, насколько требуетъ этого общественная и государственная надобность. Эту надобность опредѣляетъ *законъ*; а законъ—святъ для каждаго честнаго гражданина.

Счастливъ тотъ, кто родился, выросъ, окрѣпъ въ своей сельской семьѣ, и, честно отбывъ свои законныя обязанности—свою службу,—возвращается спокойно доживать свой вѣкъ подъ родную крышу. И чѣмъ болѣе и усерднѣе служилъ человѣкъ, тѣмъ краше и счастливѣе его отдохновеніе, тѣмъ полнѣе его наслажденіе своимъ счастіемъ.

Не станетъ говорить ни о бѣднякахъ, ни о богачахъ; пер-

Digitized by Google

вымъ—всюду плохо, вторымъ—всюду хорошо. Скажемъ о томъ состояніи сельской жизни, которое доступно каждому доброму, трудящемуся человѣку. При независтливомъ сердцѣ и при умѣренныхъ желаніяхъ, здоровый, трудящійся человѣкъ всегда можетъ окружить себя если не роскошью, то довольствомъ сельской жизни.

Да и что такое роскошь, богатство?—Другой недоволенъ и тысячью; а третьему—и ста тысячъ мало. Богатству ни мѣры, ни конца нѣтъ; безмѣрная и бездонная это штука. Другое дѣло—бѣдность; у нея есть очень ясный, хоть и неладный конецъ—когда ѣсть нечего. Но, не касаясь этихъ крайностей, возьмемъ середину, возьмемъ умѣренное довольство селянина.

Все у него есть: и серебро, и золото, и шелки, и парчи да бархаты, только, разумѣется, въ иномъ, противу богачей, видѣ. Звенятъ серебряныя струи ручья; горитъ золотомъ грошевый подсолнечникъ; пурпуромъ сіяетъ заря утренняя. Какъ парча, волнуется золотое море спѣлыхъ колосьевъ, и зеленымъ бархатомъ разстилаются широкіе луга... И дешево и сердито. Однако, иной богачъ отдалъ бы многія тысячи только за то, чтобы испытать это ощущеніе тихой радости, которое сплошь и рядомъ испытываетъ каждый трудящійся хозяинъ-пахарь, глядя на свои нивы, травы и все свое недорогое достояніе.

А неурожай, а падежъ на скотину, а сухмень, или ливни да потопы?—Правда—горе не маленькое! Но если бы никакого горя не было, то человѣкъ и Бога забылъ бы,—такъ бы и зажирѣлъ, объѣвшись всякой благодати. Оттого-то онъ и умѣетъ радоваться, когда ему хорошо, что выучился плакать да горевать, когда ему худо. А въ радостяхъ да въ веселостяхъ всю жизнь проживать все равно, что во хмѣлю, на перинѣ, маяться до одуренія. Вѣрьте, господа, плохо человѣку въ крайней бѣдности, да и не лучше того и въ роскоши и богатствѣ безысходномъ. На свѣтѣ случается—люди умираютъ съ голоду, а и того чаще—мрутъ объѣвшись. Это вѣрно.

Значитъ, тужить да завидовать никому не-слѣдъ. Трудись да хвали Бога—проживешь счастливо и въ скромномъ довольствѣ,—какъ говорится—ни шатко, ни валко, ни на-сторону. О томъ и рѣчь.

Напримѣръ, что можетъ быть пріятнѣе, спокойнѣе и счастливѣе отдохновенія добраго хозяина послѣ трудовъ дневныхъ, въ лѣтній вечеръ, на своей усадьбишкѣ, въ кругу своей семьи и всѣхъ *животовъ* своихъ?

На завалинѣ сидитъ хозяинъ; ребятишки копаются въ пескѣ,

Digitized by Google

и кругомъ ихъ куры; тутъ же и воришки воробьи попархиваютъ, въ чаяніи крохъ хлѣбныхъ; а собака наблюдаетъ издали, не уронитъ-ли малышъ ломтя, собачьей доли. Безкорыстный козелъ присутствуетъ тутъ-же, больше изъ любопытства, жуетъ свою жвачку и, подергивая бородкой, глядитъ очень внимательно, какъ будто собирается сказать неглупое слово. Въ растворенномъ окнѣ сидитъ и жмурится котъ, и поминутно вскидываетъ головой, провожая пристальными глазами, порхнувшаго подъ стрѣху воробья. Выпряженная изъ воза, или сохи, лошадь поодаль пощипываетъ траву, и, фыркая, принюхиваетъ себѣ на землѣ мѣстечко, гдѣ бы поваляться на усталой спинѣ, разминки ради.

А вотъ, запылилъ проселокъ; идетъ стадо; бѣгутъ, заботливо потряхивая ушами, нетерпѣливыя свиньи; блеютъ овцы; тихо мычатъ, завидя свои дворы, коровы; два сытыхъ бычка на прощанье пробуютъ пободаться,—но хлестко щелкнетъ въ воздухѣ бичъ пастуха—и прекращается ненужное единоборство...

Вотъ, на порогѣ, съ заткнутымъ за поясъ подоломъ сарафана, съ рѣшетомъ и ведромъ, показалась молодица-невѣстка—и опрометью, кто откуда, кидаются къ ней птицы и мелкія животныя,—пискъ, визгъ, хрюканье и блеянье раздаются задорнымъ хоромъ. Изъ дальныхъ сажалокъ и лужъ проворно ковыляютъ утки; бѣгутъ, подсобляя взмахами крыльевъ, съ ручья гуси; и, съ безсовѣстнымъ визгомъ, ломятся впередъ поросята и подсвинки, толкаясь своими тупыми рылами. Всѣ чуютъ поживу; и даже тихіе голуби закружились насъ пригожей молодицей, общей кормилицей всѣхъ животовъ домашнихъ. Всѣмъ сыпнетъ, плеснетъ, кинетъ она подачку,—никого не обдѣлитъ добрая и проворная рука ея.

Въ общей толкотнѣ, не безъ драки обходится вечерній пиръ. Покрикиваетъ на забіякъ хозяюшка, а кой-кому достанется и по лбу мѣшалкой, потому что иной невѣжа совсѣмъ, и съ ногами, влѣзетъ въ корыто, и норовитъ его опрокинуть. Но никто не гонится за толчкомъ и щелчкомъ,—каждый очень занятъ, понимая по опыту, что за такимъ дѣломъ зѣвать не приходится: всѣ усердствуютъ.

Крупные животы—коровы и кони,—не участвуя съ мелкотой въ этой свалкѣ и суетѣ, мычатъ слегка и гогочатъ, похрапывая—ждутъ своей череды.

Тѣмъ часомъ, въ избѣ хозяйка давно ужъ распоряжается съ ухватомъ около печи; и столъ накрытъ съ хлѣбомъ-солью. Ужинъ готовъ...

Благословясь, садятся всѣ за столъ; а въ то же время не-

Digitized by Google

премѣнно кому-нибудь икнется и у насъ, за кашей **солдатской**—значитъ, кто-нибудь въ семьѣ вспомянулъ:—гдѣ-то **нашъ** Ванюша, или Сенюша, или Степушка, сердечный, теперь **прохлаждается**? На походѣ, или въ караулѣ и на часахъ **стоитъ**, или отдыхаючи, книжечку читаетъ, желаненькій?..

Разумѣется, въ рѣдкой семьѣ нѣтъ сына, **племянника**, или брата на службѣ;—сказано—исполни законъ, отслужи **за семью** царю и отечеству, какъ подобаетъ истинному защитнику земли родной.

Но не только человѣкъ, а и вѣрный слуга и **помощникъ** его, животное безсловесное, точно также необходимо при немъ на службѣ царской, и точно также выдѣляется на время изъ среды своей и несетъ эту службу вѣрно и нелицемѣрно, а иногда и вѣкъ свой кончаетъ на ней.

Такихъ вѣрныхъ слугъ и помощниковъ солдатскихъ въ войскѣ немало, и есть между ними препочтенные и прелюбезные сослуживцы. Есть такія усердныя, дружественныя и умныя животныя, что, право, глядишь на него не какъ на скотину безсловесную, а просто какъ на вѣрнаго друга.

Первымъ слугой нашимъ, четвероногимъ сослуживцемъ солдатскимъ, является—**КОНЬ**.

Служба коня двухъ родовъ: строевая и нестроевая. Строевая—конница и артиллерія; нестроевая—обозъ. Строевая служба раздѣляется по роду войскъ на регулярную и иррегулярную каваллерію; нестроевая—на полковую, обозную, подъемную, и на обозную, ротныхъ и офицерскихъ обозовъ.

Въ регулярную конницу и артиллерію конь поступаетъ по всѣмъ правиламъ срочной службы; его осматриваютъ, свидѣтельствуютъ, записываютъ въ именной списокъ—составляютъ ему формуляръ. Имя, лѣта, ростъ, масть, особыя примѣты—все это прописывается въ точности. Такая новонабранная партія—ремонтъ—при конвоѣ препровождается въ полки, резервные и каваллерійскіе эскадроны и батареи, распредѣляется по мастямъ; и, своимъ порядкомъ, начинается тамъ обстрѣливаніе и одиночное обученіе коней.

Кони иррегулярныхъ войскъ—казачьи, кавказскихъ, татарскихъ и калмыцкихъ эскадроновъ—большей частью *доморощенные*; человѣкъ еще дома, въ семьѣ, роститъ и подготовляетъ коня для себя на службу, является со своимъ конемъ во фронтъ.

Нестроевые кони комплектуются различно; закупаютъ ихъ для полковыхъ обозовъ изъ разныхъ табуновъ и косяковъ, а чаще по одиночкѣ, гдѣ выпадаетъ сподручнѣе. Иногда изъ фронта.

Digitized by Google

забракованные по небольшимъ недостаткамъ, кони поступаютъ въ обозъ.

Вообще, на офицерскихъ строевыхъ и всѣхъ подъемныхъ и обозныхъ коней нѣтъ правила,—они пріобрѣтаются при всѣхъ удобныхъ случаяхъ, были бы годны въ дѣло.

Изъ всѣхъ, при войскѣ состоящихъ на службѣ, животныхъ только одинъ строевой конь поступаетъ на службу по всей установной формальности и на положенный срокъ. Прочія же лошади служатъ по усмотрѣнію начальства и ихъ хозяевъ—по мѣрѣ ихъ годности.

Принадлежность каждой конюшни—**КОЗЕЛЪ**, или **БАРАНЪ**. Онъ не полагается по штату, но, не зачисляемый по спискамъ, считается однако лицомъ необходимымъ. Лошади въ конюшнѣ безъ козла не только скучаютъ, но даже неспокойно проводятъ ночь. Извѣстный своимъ *козлинымъ духомъ*, очень пріятнымъ—только лошадямъ—онъ заглушаетъ запахъ пота и навоза конскаго, и какъ будто поправляетъ воздухъ конюшни. Продовольствіе, которое ему особо не полагается, онъ съ избыткомъ получаетъ тутъ же, около лошадей—вываливающееся изъ яслей сѣно, просыпанный овесъ; а, впрочемъ, великій пріятель всей конюшни, козелъ нисколько не стѣсняется, и если ему мало добычи на землѣ, то онъ преспокойно вскочитъ и въ ясли, и въ жолобъ, и ни одна лошадь не только не оттолкнетъ его, а еще очень предупредительно сама отсторонитъ морду отъ его роговъ, иногда очень развѣсистыхъ. Козелъ чаще всего прозывается Васькой; впрочемъ у насъ былъ и Сидоръ Ивановичъ. А въ нашей же, гренадерской артиллерійской бригадѣ извѣстенъ былъ, изъ породы барановъ, гордаго и серьезнаго вида Пентеха Сорокодумъ—весьма важная, задумчиваго характера скотина.

Но самымъ пріятнымъ, дружественнымъ и преданнѣйшимъ изъ всѣхъ неформенныхъ животныхъ, надо назвать, разумѣется, **СОБАКУ**. По большей части приставлыя, сманенныя и вольноопредѣляющіяся, любезныя твари эти пріобрѣли въ войскѣ не только всеобщую любовь, но и дѣйствительную, неомрачимую славу вѣрностью, а иногда даже подвигами своими. Храбрость и неустрашимость—слѣпая; неутомимость и заботливость—примѣрная; нетребовательность и терпѣніе—изумительныя; привязанность и всепреданность—самая горячая; наконецъ, смѣтливость, понятливость, умъ, нюхъ—иногда почти невѣроятные. Все это вмѣстѣ поселило въ войскахъ самую привѣтливую дружбу, а во многихъ случаяхъ даже нѣкоторое уваженіе къ почтенному роду этихъ четвероногихъ сослуживцевъ нашихъ.

Digitized by Google

Конечно, говоря вообще, и въ этой породѣ встрѣчаются воришки, трусишки, лакомки и, главное, бездомные, и ни къ кому непривязанные. Но въ войскахъ это нетерпимо, и—къ чести собачьей надо сказать—этого почти не случается. Не говоря о псахъ, рожденныхъ при войскахъ, гдѣ-нибудь близъ цейхгауза, манежа, или кухни, не говоря о поступившихъ къ намъ щенками, но даже старая собака, разъ приставшая къ ротѣ, или какой-либо командѣ, немедленно покидаетъ всѣ свои дурныя привычки, измѣняетъ наклонности, и становится добрымъ псомъ. Надо отдать справедливость мягкости, покорности и понятливости собачьей; послѣ первыхъ же потасовокъ, она немедленно и легко исправляется, и хорошимъ поведеніемъ очень скоро заглаживаетъ свои прошлые проступки

Мы видѣли,—да и кто-же изъ послужившихъ не видѣлъ?—собакъ, которыя могли быть образцомъ честности, воздержанія, усердія и переносливости. Мы видѣли примѣры смѣтливости и чутья, которымъ нельзя не изумляться. Наконецъ, кто же не знаетъ той беззавѣтной, слѣпой собачьей храбрости, которая заставляетъ иного кудлатаго героя, очертя голову, кидаться съ явною опасностію на какого угодно страшнаго звѣря по одному мановенію его начальника-сослуживца солдата.. Одно поощрительное слово:—катай его, каналью! не выдавай нашихъ!—и шерсть летитъ клочьями, своя и чужая шуба рвется въ пухъ и перья, вихрь и прахъ кругомъ,—и, непремѣнно—наша взяла, рыло въ крови! И, забывая раны и изъяны, самодовольно виляетъ хвостомъ, повизгивая, вся ободранная шавка, единственно за похвалы своего хозяина, или одноротца:—ай да песъ! ай да собакинъ сынъ!..

Конь, козелъ и собака обыкновенно живутъ въ большой дружбѣ; никогда никто изъ нихъ другъ друга не ударитъ и не укуситъ. Съ козломъ собака постоянно какъ будто въ маленькомъ раздорѣ, но это только кажется такъ,—напротивъ — они дружны, и задираютъ другъ друга для шутки. Есть вѣроятіе, впрочемъ, что собака сильно трунитъ надъ козломъ, ибо часто вводитъ его въ сердце, и тогда онъ становится еще смѣшнѣе въ безсильномъ гнѣвѣ.

Къ числу весьма нужныхъ и полезныхъ войску животовъ, больше по каптенармусской и особенно бабьей части, принадлежитъ—**КОШКА**. Животное ловкое, хитрое, пронырливое, оно несетъ службу по большей части въ цейхгаузѣ, и является въ казармы по приглашенію, чаще всего сапожника, у котораго подъ нарами обыкновенно хранятся нѣкоторые матеріалы, запахомъ

Digitized by Google

и вкусомъ своимъ привлекающіе мышей, какъ-то: свѣжія шкурки и подошвы, ворвань, сальный огарочекъ, и даже колодка, пропитанная саломъ. Еще иногда молодежь, только-что поступившая на службу, во-первыхъ—таскаетъ въ карманѣ какія-нибудь скоромныя коврижки, что весьма непротивно коту, во-вторыхъ—любитъ въ свободное время, полеживая да мечтая о родителяхъ и сродникахъ, пригрѣть, въ воспоминаніе о родной хатѣ, кота, прислушиваясь къ его мурлыканью. Все какъ будто дома, у припечки, или на лавкѣ отдыхаетъ себѣ.

Въ цейхгаузѣ, особенно по полученіи дачъ сапожнаго товара и провіанта, дежурство кота необходимо; тамъ онъ продовольствуется, благодаря своему проворству и когтямъ, и вообще наводитъ свои порядки со всѣмъ населеніемъ мышей и крысъ. У женатыхъ котъ надобенъ больше по привычкѣ женской и на забаву ползающимъ ребятишкамъ солдатскимъ. Впрочемъ, пригождается по своему ремеслу и противъ мышей, которыя больше водятся по помѣщеніямъ женатыхъ, находя тамъ разныя крохи послѣ ребятишекъ.

Кошка почти никогда не дружится съ прочими своими четвероногими сослуживцами, исключая собаки; съ собакой, разумѣется своей роты, или команды, она чаще въ пріятельскихъ отношеніяхъ, и прирожденная между этими породами вражда иногда замѣняется нѣжной и чистой дружбой.

Вотъ и всѣ почти, главные наши, добрые четвероногіе слуги. Смотря по мѣстностямъ, есть еще мулы и верблюды, ослы и волы; но эти животныя служатъ именно въ исключительныхъ, немногихъ мѣстахъ.

Мы не имѣемъ права умолчать еще объ одномъ, двуногомъ и пернатомъ слугѣ, который хотя ни въ какомъ случаѣ не принадлежитъ не только къ твердому фронту, но даже не полагается и при цейхгаузѣ, однако имѣетъ кое-какія и довольно близкія соотношенія съ нами.

Этотъ слуга и дружище—**ПѢТУХЪ**.

Пѣтухъ, на кантониръ-квартирахъ, очень важенъ по способности своей строго соблюдать и вѣрнѣе всякихъ часовъ съ курантами провозглашать *время*. Потомъ, нельзя не признать въ немъ храбрости; въ стычкѣ съ соперникомъ онъ весь—огонь, увлеченіе, картина! По пріемамъ своимъ онъ рѣшительно напоминаетъ—бойца на штыкахъ: та же выдержка, то же вниманіе, не сморгнувъ глазомъ, пристальное наблюденіе каждаго движенія врага, и вдругъ—ударъ, мѣткій и сильный. Не стоитъ говорить о каплунахъ и зажирѣлыхъ пѣтухахъ,—это дармоѣды, спокой-

Digitized by Google

ные и ничего не производящіе; но есть удальцы, ободранные, истрепанные ходаки въ куриныхъ похожденіяхъ, всегда зоркіе и готовые въ битву,—нельзя не отдать имъ даже нѣкоторой чести. Самыхъ красивыхъ перьевъ, цвѣтнаго султана, у такого героя мало: одно-два, да и то обломанныя, пера, уединенно торчатъ въ хвостѣ; но клювъ и шпоры, точно отпущенные къ битвѣ, вострые и длинные. Голова, часто до мозгу пробитая, гребень оборванный, иногда глазъ выклюнутый—все свидѣтельствуетъ о беззавѣтной храбрости куринаго любимца. И эту пробитую голову онъ несетъ высоко и гордо, и выразительно и дерзко глядитъ своимъ одинокимъ глазомъ.

Хорошій боевой пѣтухъ не очень-то боится даже ястреба; онъ не только смѣло кудахтаетъ при видѣ его, но и храбро мчится навстрѣчу, опускающемуся надъ курами, воздушному разбойнику.

Вообще, пѣтухъ—или Петръ Ивановичъ, а чаще Петька, какъ его иногда величаютъ—намъ весьма не чуждъ. И хотя онъ не имѣетъ ничего общаго съ фронтомъ, и считается по гражданской, то есть по сельской части, но были примѣры, что онъ принималъ участіе даже въ походахъ, гдѣ употребляли его для обезпеченія времени; а въ простыхъ переходахъ, въ прежніе годы, въ каждомъ баталіонномъ обозѣ непремѣнно было по пѣтуху, особенно на возахъ, гдѣ сложенъ скарбъ женатыхъ.

Есть даже преданіе, разумѣется, сказочное, будто-бы пѣтухъ служилъ во фронтѣ, солдатомъ. Во время оно, самъ Марсъ — языческій богъ военный—однажды ночью, въ боевое время, вздумалъ обойти всѣ посты и провѣрить часовыхъ. На первомъ же посту, вдругъ, видитъ—часовой спитъ. О, ужасъ! какая дисциплина! Въ справедливомъ гнѣвѣ своемъ, Марсъ вынулъ мечъ и ударилъ преступнаго часоваго два раза по головѣ и по бородѣ. Но часовой былъ дѣтина крѣпкій,—обагрился кровью, и не упалъ. Тогда разгнѣванный Марсъ проклялъ его:—обратись ты, отнынѣ на вѣки, въ безсонную птицу, въ пѣтуха, и ночью, каждые два часа, кричи—кукареку!—что по язычески значитъ:—слушай! не засыпай!

Часовой немедленно обратился въ пѣтуха, и вотъ,—неизвѣстно сколько тысячъ лѣтъ,—по ночамъ кричитъ:—кукареку!—то есть,—слушай! не засыпай!

Смыслъ этой басни какъ-то поучителенъ. Словомъ, не толкуя лишняго, пѣтуха надо считать нашимъ добрымъ двуногимъ пернатымъ слугою, видимое дѣло.

Наконецъ, послѣдній, очень скромный и совершенно почтен-

Digitized by Google

ный слуга военныхъ людей, явился неожиданно и недавно. Когда нѣмцы заперли французовъ въ Парижѣ, такъ что сквозь ихнія осадныя батареи и головы было не просунуть, и никакой лунатикъ не могъ проскользнуть за ихъ осадную линію, тогда, съ отчаянія, пришлось летать по воздуху,—и, дѣйствительно, многіе храбрецы полетѣли изъ Парижа на воздушныхъ шарахъ. Но это, во-первыхъ, оказалось трудно, во-вторыхъ — не ровенъ часъ—свалишься съ шаромъ и башку сломаешь. Вотъ, разные мудрецы и вспомнили о томъ, что давно было выдумано, — употребили **ГОЛУБЕЙ** на перевозку писемъ и реляцій, и учредили *голубиную почту*.

Такимъ способомъ, и неповинный голубь долженъ быть сопричисленъ къ военному вѣдомству; и, слѣдовательно — мы можемъ считать и его нашимъ добрымъ пернатымъ слугою.

Есть еще, признаться сказать, разныя, совсѣмъ мелкія и болѣе нежели четвероногія животныя, раздѣляющія съ нами не только квартирную, лагерную и караульную, но и походную, и даже боевую службу.

Мы промолчали бы о нихъ, но—изъ пѣсни слова не выкинешь,—на походѣ иногда нѣтъ средства уберечься отъ нихъ. Есть между ними и очень задорныя, весьма безпокоющія непривычнаго человѣка. Но всѣ они мелки до ничтожества, и по одиночкѣ не заслуживаютъ никакого вниманія. Однако, когда, по оплошности человѣка, эти бестіи начнутъ дѣйствовать сообща, артелью, то иногда и не отчешешься отъ нахъ,—безпокоютъ нещадно.

Ихъ, впрочемъ, немного сортовъ, и нападаютъ они только на плохихъ и неряшливыхъ людей, а въ особенности жалуютъ состоящихъ подъ арестомъ. Самые обыкновенные изъ нихъ двухъ видовъ: первый — скачущій и проворный, **ЗВѢРЬ ОТЪ-КАВАЛЛЕРІИ**, темнокаряго мундира, второй—ползающій бродяга, **ЗВѢРЬ ОТЪ-ИНФАНТЕРІИ**, въ бѣлой аммуниціи. Есть еще третій, весьма неблаговидный звѣрь—помѣщикъ **КЛОПЪ**; ну, этотъ больше домовитый, обитаетъ осѣдло, по перегородкамъ, и походовъ не терпитъ.

И еще есть, состоящій въ вѣдомствѣ господина каптенармуса, цейхгаузный пребыватель, и, не хуже марсоваго матроса, ловкій и цѣпкій ходокъ по снастямъ—**ПАУКЪ**, не терпимый ни въ казармахъ, ни на квартирахъ, наравнѣ съ тараканами, сверчками и прочими козявками.

Засимъ, можно сказать, что всѣ главные знакомцы наши, какъ весьма дружественные и даже почтенные, такъ, равно, и неблагопріятные, и никуда не годные—перечислены сполна.

Digitized by Google

Теперь приступимъ къ описанію, болѣе подробному, каждаго рода изъ нихъ, оставляя, разумѣется, всторонѣ непотребныхъ и непріятныхъ, для отстраненія которыхъ въ натурѣ у каждаго опрятнаго солдата есть достаточныя средства.

КОНЬ.

По силѣ и покорности своей, конь—первый полезный сотрудникъ человѣка. Начиная отъ тяжкаго труда пахаря, отъ борозды, окропленной пóтомъ, до воинскóй лихости, до аттаки въ кровавую схватку—конь безотказно и беззавѣтно служитъ господину своему, человѣку.

Поглядите на эту благородную, могучую скотину, во всякой работѣ ея. Сохой, управляемой земледѣльцемъ, оретъ она въ полѣ, ни на минуту не ослабляя натуги своей, глубокой бороздой рыхлитъ твердую землю, отъ восхода до заката солнечнаго, съ двухчасовымъ отдыхомъ, работаетъ съ труженикомъ, хозяиномъ своимъ, и ни на мигъ не пристанетъ...

— Ну, тащися, сивка, пашней-десятиной!
Выбѣлимъ желѣзо о сырую землю!
Красавицá зорькá въ небѣ загорѣлась,
Изъ большаго лѣса солнышко выходитъ,—
Весело на пашнѣ... Ну, тащися, сивка!..

И тащится сердечный сивка мѣрнымъ, твердымъ и вѣрнымъ шагомъ, пока самъ хозяинъ, перекрестясь, не опрокинетъ соху желѣзомъ кверху и не повернетъ домой.

Въ возу сивка тоже опять безотказно исполняетъ свою почтенную службу; претъ онъ сорокопудовый возъ — только гужи поскрипываютъ. Но вотъ, угодило колесо въ выбоину; шевельнувъ вправо и влѣво могучими плечами, понатужится, упрется въ землю остріемъ копытъ, дернетъ — и вырветъ изъ рытвины колесо, коли дуга не хряснетъ, и опять мѣрно везетъ тяжелый возище...

А наши обозныя тройки, съ возами въ полтораста пудовъ... Поглядишь на такой богатырскій обозъ — крѣпость идетъ! Глазамъ любо-дорого!..

Но вотъ, цвѣтъ русской удали, потѣха молодецкая,—что называется—раскоси твою малину!—тройка лихая, съ удалымъ ямщикомъ и соловьемъ колокольчикомъ валдайскимъ. Свѣтъ прой-

Digitized by Google

дешь—назадъ поворачивай,—ничего подобнаго на чужой сторонѣ и во-снѣ не увидишь!..

Гривастый звѣрь-иноходецъ, — ноздри пламенныя, и подъ густой холкой глазъ въ луковицу, въ корню, подъ дугой, въ узоръ раззолоченной; пристяжки змѣей извиваются, всѣ въ шлеяхъ сыромятныхъ, съ густымъ наборомъ мѣднымъ; и ямщикъ въ поддевкѣ плисовой, шапочка съ павлиномъ, а торжецкія рукавицы за поясомъ шелковымъ затѣнуты.

— Трогай!—и пошла музыка. Кони щиплютъ копытами землю, словно она горитъ подъ ногами у нихъ, и бренчитъ-звенитъ вся снасть, а колокольчикъ въ такту выщелкиваетъ.

— Пошелъ!—чуть повелъ рукой ямщикъ, чуть возжей тряхнулъ, будто нехотя, уронилъ словцо:—ай, вы, милые!—Мотнулъ гривой косматъ-корневикъ, отфыркнувшись; пристяжныя къ землѣ принакренились; сплошнымъ стукомъ колеса замололися,—и рванула, пошла тройка! Пошла она со всей своей музыкой, съ упоительной быстротой, льющей тебѣ въ грудь полный потокъ чистаго и свѣжаго воздуха.

— Эй, потѣшь колѣнцо!

И принагнулся ямщикъ, ничего, варваръ, не сказалъ, а только вскрикнулъ чуть: — эхъ, вы, сердечные!—и сквозь зубы пустилъ тонкій свистъ да рукой взмахнулъ. Рванулась-помчалась тройка. Гудитъ дорога; свиститъ и рѣжетъ вѣтеръ навстрѣчу; какъ струна, замирая, поетъ музыка набора съ колокольчикомъ; и все несется вихремъ, далеко-далеко оставляя за собою поля, лѣса, деревни и полосатыя версты...

Ужъ истинно—потѣха!

Но, поглядимъ на нашихъ военныхъ, тѣхъ-же животовъ любезныхъ. Наша пашня не десятинами считается ,— ни межи, ни предѣла ей нѣтъ. Сказанъ походъ—не знаешь, гдѣ остановишься; сгоряча зайдешь, пожалуй, туда, гдѣ и языкъ не дѣйствуетъ: ты говоришь, тебѣ говорятъ—все единственно, ничего но понимаешь. Зашелъ, значитъ, въ чужія границы; приходится только руками разсуждать

И вотъ тутъ-то, то есть на походѣ, у конницы и артиллеріи первый другъ — конь строевой, и у всѣхъ войскъ, то есть у конницы, артиллеріи и пѣхоты—конь обозный.

Начнемъ со строевой лошади.

Извѣстна служба каваллеріи. Всюду, гдѣ требуется невозможная людямъ быстрота, идетъ въ дѣло каваллерія. Каваллерія—

Digitized by Google

это окрыленный, летучій хранитель тяжелой силы арміи. Рекогносцировки, развѣдки и дальніе посты ведетовъ охраняютъ арміи отъ внезапныхъ нападеній, предупреждаютъ ее о движеніяхъ непріятеля, направляютъ ея собственныя движенія. Въ минуты боя каваллерія отходитъ, уступая мѣсто борьбѣ главныхъ силъ; а сама на чеку, каждое мгновеніе готова къ удару, прикрываетъ выдвинутую впередъ артиллерію, и, улучая минуту, сама врубаетсн въ непріятельскую батарею, а въ опасный мигъ летитъ на выручку пѣхоты. Были примѣры такихъ блистательныхъ атакъ каваллеріи, какъ, напримѣръ, атака кирасирскаго, принца Альберта полка подъ Балаклавой,—блистательный, безполезный, и несчастый для нея подвигъ. Наконецъ, не менѣе геройскій подвигъ совершенъ французской каваллеріею въ послѣднюю войну съ нѣмцами. Пять кирасирскихъ полковъ, по приказанію Макъ-Магона, прикрывая отступленіе его арміи, кинулись на вѣрную смерть—атаковали огромныя силы пѣхоты; они легли почти всѣ.

Когда Макъ-Магонъ прибылъ въ портъ Нанси, съ остатками своей арміи, его спросили:—гдѣ же ваши кирасиры?

— Ихъ больше нѣтъ!—отвѣтилъ онъ грустно.

Конечно, это грустно. Но, во всякомъ случаѣ, добрая каваллерія, это—всякую минуту готовый ударъ. Тресни, разбей въ пухъ и прахъ, хоть погибни,—это твой долгъ, твое назначеніе; какъ мѣткій выстрѣлъ — лети и бей! Что съ тобой будетъ—не твое дѣло. Двинутая на вѣрную смерть, каваллерія служитъ великую, священную службу—спасаетъ армію. Побѣда каваллеріи достается дорого; зато слава ея сіяетъ, какъ драгоцѣннѣйшій алмазъ въ коронѣ, которую составляетъ вся армія.

Каваллеристъ, какъ и матросъ, въ бою—отпѣтые люди; подъ ними нѣтъ почвы. Беззавѣтная и слѣпая храбрость — это не только долгъ, а духъ и плоть каваллериста.

То-ли дѣло средь мечей!
Тамъ о славѣ лишь мечтаешь,
Смерти въ когти попадаешь—
И не думаешь о ней!
Я люблю кровавый бой;
Я рожденъ для службы царской!..

Подъ нимъ нѣтъ почвы, зато подъ нимъ—конь. Подъ нимъ—вихрь, сила и огонь! Что можетъ быть прекраснѣе, стрѣлой несущаго въ бой, каваллериста? это—громъ и молнія!

Digitized by Google

Для этой могучей и чудной картины человѣкъ долженъ быть воспитанъ такъ, чтобы вся беззавѣтная удаль его съ быстротою мысли, передавалась его коню; для этого долженъ быть воспитанъ и конь.

Вотъ, примѣръ послѣдствій добраго воспитанія.

Въ 1840 году, при выступленіи гренадерскаго корпуса изъ лагерей подъ Княжимъ дворомъ, одинъ эскадронъ гусарскаго, короля Вюртембергскаго полка опоздалъ къ переправѣ черезъ рѣку Шелонь, широкую, глубокую и быструю. Паромъ уже отошелъ, и артиллеристы подтрунивали съ парома надъ опоздавшими гусарами.

Но лихой ротмистръ не задумался; по командѣ его—шагомъ маршъ! — къ общему изумленію, весь эскадронъ, въ походной формѣ, поплылъ по быстрымъ струямъ сердитой рѣки. Гусары обогнали артиллеристовъ.

Порядкомъ промоченный въ глубокихъ водахъ, лихой эскадронъ этотъ, конечно, съумѣлъ бы обсушиться, при случаѣ, въ какомъ угодно огнѣ.

Если онъ лихостью своей такъ озадачилъ земляковъ своихъ, очевидцевъ, то каково же озадачилъ бы онъ въ военное время другихъ очевидцевъ, нежданно, по непроходимымъ мѣстамъ, очутясь у нихъ, напримѣръ, въ тылу?

Такова должна быть каваллерія. Для нея нѣтъ невозможнаго,—и страхъ будетъ летѣть передъ ней на своихъ черныхъ крыльяхъ, гоня враговъ.

Благородный, сильный, неустрашимый товарищъ храбраго сѣдока своего, конь, съ гордой покорностью подчиняется каждому мановенію, не только шпоры и шенкеля, но и легкому движенію, голосу, чуть что не мысли его. Можно-ли не любить такого преданнаго сослуживца?

И добрый каваллеристъ любитъ коня своего, какъ друга,—самъ недоѣстъ, недоспитъ—заботится прежде о конѣ, чиститъ, холитъ его, бережетъ и на стоянкѣ, и на походѣ. Зато же и привязанность коня къ хозяину своему безмѣрна; добрый конь слышитъ голосъ своего хозяина въ сотнѣ шумныхъ голосовъ и повинуется этому голосу съ полной покорностью.

Въ одномъ изъ нашихъ гусарскихъ полковъ былъ конь, по имени Рѣзвунъ. Онъ удивлялъ всѣхъ своею понятливостью и покорностью; игривый и дѣйствительно рѣзвый, по первому слову своего хозяина, онъ становился недвижимъ. Часто полковой, или эскадронный командиръ, когда у нихъ бывали гости, особенно

Digitized by Google

дамы, призывали гусара съ конемъ его, чтобы полюбоваться прекраснымъ и разумнымъ животнымъ.

Безъ недоуздка являлся Рѣзвунъ за гусаромъ—и начиналась потѣха. Не говоря о томъ, что, по командѣ хозяина, конь шелъ разными аллюрами, описывалъ вольты, и выдѣлывалъ всѣ уставные пріемы, но и тихимъ словамъ гусара:—ложись! вставай на колѣна!—конь мгновенно повиновался. Иногда, завидя какую-нибудь шавку, солдатъ скомандуетъ: — убей ее!—и, съ мѣста, маршъ-маршемъ рванется Рѣзвунъ, преслѣдуя испуганную собаченку.—Стой, равняйсь!—онъ станетъ какъ вкопанный.

Въ другомъ полку, уланъ необыкновенно любилъ и холилъ свою лошадь, но былъ охотникъ выпить, иногда черезъ край. И тогда, нигдѣ не ищи его,—онъ лежитъ подъ своей Гитаной. Уснетъ, размечется, храпитъ, раскидываясь подъ ней—и, какъ мать надъ ребенкомъ, стоитъ, не шелохнувшись, надъ нимъ преданная скотина, и никакая сила человѣческая не вытащила бы спящаго изъ подъ нея; она бьетъ ногами, кусается и никому не позволяетъ подойти къ хмѣльному другу.

Зато были и противные примѣры. Въ одномъ гусарскомъ полку былъ конь капризный, назывался Злобный, дѣйствительно неукротимый и непокорный. Только одинъ солдатъ въ эскадронѣ справлялся съ нимъ, но справлялся жестоко; Злобный дрожалъ подъ своимъ сѣдокомъ и боялся его какъ огня. О привязанности тутъ не было и помину; тутъ была только гроза и страхъ. А это—шагъ до ненависти. Какъ-то гусаръ былъ посланъ вечеромъ, съ конвертомъ; онъ сѣлъ на своего Злобнаго безъ сѣдла, съ однимъ недоуздкомъ... Назавтра гусаръ не явился. Стали искать, и нашли его на крутомъ косогорѣ, мертваго, и совсѣмъ истерзаннаго, и копытами, и зубами; а Злобный бѣжалъ. По справкамъ оказалось, что гусаръ, проѣздомъ мимо корчмы, сильно выпилъ, вѣроятно свалился, и сталъ жертвою мстительности свирѣпаго животнаго. Злобнаго поймали и разстрѣляли. Разсказываютъ, что когда вывели его на казнь, то кони всего эскадрона стонали и глухо гоготали.

Намъ привелось видѣть трогательную и величественную боевую картину. На поляхъ Чоргуна, гдѣ 13 октября 1854 года погибъ цвѣтъ англійской каваллеріи, валялось много убитыхъ и тяжело раненыхъ людей и лошадей. Когда убирали тѣла, многолюдная толпа собралась на одномъ пригоркѣ; на немъ лежалъ убитый вахмистръ, съ золотой нашивкой и короной на рукавѣ мундира; въ одной рукѣ, на темлякѣ—переломленная сабля, въ другой—повода его коня, у котораго были отбиты пушечнымъ

Digitized by Google

выстрѣломъ заднія ноги. Какой-то благочестивый солдатикъ покрылъ платкомъ лицо сраженнаго; однако сапоги съ него были сняты. Да и на что они ему?—въ царство небесное герои принимаются и босикомъ. Приподняли платокъ; прекрасное лицо сѣдаго ветерана, съ полузакрытыми глазами, какъ-будто улыбалось въ упоеніи боя; онъ былъ прекрасенъ и грозенъ... Но лошадь его, кровная тысячная кобыла—растрогала всѣхъ глядѣвшихъ; она ржала, била копытомъ, порывалась кусать каждаго, кто дотрогивался до ея убитаго хозяина, и, опуская надъ лицомъ его голову свою, жалобно гоготала и дышала на него.

Лихой казакъ какой-то, глядя на эту картину, прослезился, умилосердился, и покончилъ страданія благородной скотины пистолетнымъ выстрѣломъ ей въ лобъ.

Однажды, въ проѣздѣ моемъ, съ лѣсничимъ, по лѣсамъ Подольской губерніи, мнѣ привелось видѣть тоже трогательную картину. Въ той мѣстности стоялъ гусарскій полкъ, и всѣ выслужившія срокъ вещи и бракованные кони раскупались обыкновенно жителями. Проѣзжая мимо одного живописнаго хутора, я замѣтилъ вдали, за рѣкой, пасшуюся на левадѣ, сѣрую лошадь, понурую, по великолѣпныхъ статей.

— Это браковка, слѣпакъ,—объяснилъ намъ кучеръ.

Въ ногахъ у насъ, въ коляскѣ, лежала, тоже купленная въ кавалеріи, труба, которою лѣсничій призывалъ полѣсовщиковъ. Я взялъ трубу и сыгралъ „аппель“. Что сталось съ бѣднымъ слѣпакомъ—смотрѣть было жалко: онъ вдругъ вспрянулъ, хвостъ на-отлетъ, заржалъ повинуясь звукамъ полковой трубы, метнулся рысью и — въ дерево лбомъ. Я положилъ трубу,—жаль было ослѣпшаго фронтовика;—но долго-долго ржалъ онъ, охорашивался, билъ ногой землю и метался въ боевомъ азартѣ. Что перечувствовало бѣдное животное при одномъ, внезапно сказавшемся звукѣ своей безвозвратной боевой жизни? Отторженный, отверженный, забытый, онъ вдругъ услышалъ призывъ... напрасный, тщетный!

Извѣстенъ такой случай. Въ одной отдаленной стоянкѣ, въ Польшѣ, какъ-то разъ, близь мѣстечка учился эскадронъ. Вдругъ по командѣ—въ аттаку, маршъ-маршъ! — врывается во фронтъ конь съ жидомъ, огласившимъ все поле отчаянными воплями:—гевалтъ! вей миръ! калавуръ!—И никакъ не могли отогнать коня, нашедшаго свой ранжиръ, и храбро несшагося съ обомлѣлымъ жидомъ въ аттаку. Оказалось—конь бракованный, купленный жидомъ; онъ вспомнилъ свое старое, золотое время.

Были примѣры, что купленныя браковки оказывали рѣши-

Digitized by Google

тельное неповиновеніе и при первомъ удобномъ случаѣ бѣжали обратно, въ свои эскадроны. Значитъ—сосна и среди поля стоитъ, а все къ тому же бору шумитъ.

Но самые преданные изъ коней, это доморощенные—казацкіе. Жена, провожая мужа въ походъ, кланяется въ ноги коню:—прибереги моего сокола яснаго, мужа ненагляднаго, вынеси его изъ огня-полымя битвы и изъ глубокихъ струй и рѣкъ далекихъ, принеси его здраво и невредимо къ порогу родному!

И не разъ случалось, что казакъ въ походѣ, далеко отъ дома роднаго, гдѣ-нибудь на границѣ, сражается съ врагами; вѣсточки нѣтъ въ станицѣ, и вдругъ—подъ крылечкомъ ржетъ конь его. Падаетъ молодая жена передъ образомъ, творя слезную и задушевную молитву... Безъ устали мчался осиротѣлый конь, по лѣсамъ, горамъ и доламъ, за тысячи верстъ, къ родному Дону, и, исхудалый, ободранный, принесъ печальную вѣсть вдовѣ горькой...

Инстинктъ, то есть чувство естественнаго сознанія, у лошадей иногда удивителенъ. Въ послѣднюю французско-нѣмецкую войну, подъ Саарбрюкеномъ, нѣмцы въ первый и послѣдній разъ были разбиты. Одинъ поселянинъ узналъ, что сынъ его въ этомъ сраженіи тяжело раненъ. Онъ запрягъ свою доморощенную лошадку и отправился отыскивать сына Фрица. На мѣстѣ сраженія и въ госпиталяхъ Фрица не оказалось; однополчане утверждали, что онъ убитъ, и, послѣ долгихъ напрасныхъ поисковъ, бѣдный отецъ вечеромъ рѣшился возвратиться домой. Надо было повернуть коня; но, всегда покорное и смирное, животное вдругъ взбунтовалось и никакъ не слушало возжей. Старикъ взялъ ее подъ уздцы—ни съ мѣста! не пособилъ даже колъ, которымъ добрый нѣмецъ со злости вытянулъ своего коня по боку. Прошло съ часъ—хоть плачь, лошадь стоитъ. Вдругъ, она рванула впередъ, шаговъ черезъ сто остановилась,—передъ ней несли на носилкахъ раненаго солдата... Это былъ полуживой Фрицъ.

Артиллерійская лошадь, избираемая соотвѣтственно предстоящей ей службѣ, много разнится отъ каваллерійской: отъ нея требуется не столько легкости и казистости, сколько крѣпости и осадости. Въ походахъ военнаго времени, ей приходится натуживаться частенько; разныя мѣстоположенія, пахатныя поля, горы и косогоры, а пуще всего мочежины и броды, по которымъ случается перевозить орудія,— все это требуетъ двойныхъ и тройныхъ усилій отъ артиллерійской лошади. Въ дѣлѣ она чаще всѣхъ подвержена выстрѣламъ орудій и штуцеровъ, представляя самую заманчивую цѣль. Перебить лошадей и прислугу и

Digitized by Google

на уру!—это постоянно напоминаетъ георгіевскій крестъ. Зато всю службу свою артиллерійская лошадь бережется и содержится въ полномъ довольствѣ. Еще каваллерійскій конь сносенъ и поджарый, а батарея всегда должна быть *въ тѣлѣ*; сухопарыхъ коней въ артиллеріи нѣтъ.

Маленькая невыгода артиллерійской лошади та, что по браковкѣ она почти всегда поступаетъ въ дышловую службу. Каваллерійскій *бракъ* очень часто иначе не ходитъ, какъ подъ-верхомъ: не терпитъ ни дышла, ни оглобель, а это ему не ставится въ укоръ; отъ артиллерійской же бракованной лошади требуется, чтобы она непремѣнно ходила въ упряжи. Впрочемъ, и животинѣ, какъ человѣку, только подъ старость хорошо то, къ чему привыкъ съ молоду.

Наконецъ, поговоримъ о нашемъ почтенномъ и безотказномъ конѣ—артельномъ. Въ каваллеріи, гдѣ у каждаго солдата свой конь на рукахъ, артельная эскадронная лошадь, разумѣется, уважаема тоже всѣми; но въ пѣхотѣ ротный битюгъ, это, просто—баринъ, хозяинъ балованный. Ведетъ себя онъ, по обыкновенію, какъ усерднѣйшій слуга, но всѣми уважается отмѣнно, потому что каждый солдатикъ всей роты, не обладающій, кромѣ самыхъ мелкихъ, незримыхъ звѣрей, никакою живою собственностію, считаетъ ротнаго битюга тоже *своимъ*; какъ будто и онъ тоже хозяинъ его;—дай, молъ, пойду да погляжу на животовъ *нашихъ*, то есть на коня да козла.

И непремѣнно несетъ на эти смотрины припасенные ломти да краюшки хлѣба:—на, сердечный, съѣшь на здоровье!—Каждый, идя хоть въ аммуниціи мимо битюга, какъ будто непремѣнно долженъ погладить да потрепать его по шеѣ, дескать:—ахъ, ты *мой*!

А ужъ на ночлегѣ, или привалѣ—пошлютъ наносить травки битюгу—тащитъ цѣлый снопъ.—Нечаянно,—говоритъ,—овсеца прихватилъ, близко травы росъ.—Эка бѣда! А солдатка, бывало, тоже нечаянно, полный подолъ колосьевъ нашморгаетъ все тому же битюгу. Какъ же, тамъ у нее весь экипажъ, въ телѣгѣ-то: одинъ сундучишка красный, окованный, а другая „щекотулка" зеленая, съ розой-цвѣтомъ, подъ мѣшками везется; промежъ мѣшковъ два сопляка въ солдатскихъ фуражкахъ, и точно въ блинахъ масляныхъ на башкѣ, сидятъ; а на колѣняхъ у нихъ непремѣнно кошка спитъ; да тутъ же и ведерко полное, съ ложками да плошками; а на дужкѣ сидитъ пѣтухъ. Все свои, всѣхъ битюгъ везетъ,—какъ не постараться сердечному?

И битюгъ точно какъ будто очень хорошо знаетъ все это—

Digitized by Google

гогочетъ навстрѣчу каждому приношенію. Да и дѣйствительно, кромѣ артельныхъ котловъ, кулей и мѣшковъ, какого *экипажу* тамъ нѣтъ, въ телѣгѣ-то ротной? Растряхнуть иной мѣшокъ—ума помраченіе! Колодки, копылья, обрѣзковъ шкуръ охапка, льну пасмы, мундиръ безъ рукавовъ, рукава безъ шинели, три штанины, передникъ кожаный, мѣшечекъ съ инструментами, другой съ махоркой, третій съ пуговками разнокалиберными; а иной мастерище и пуда въ полтора колоду впихнетъ туда же—это его кресло сапожничье, шкурой обт..утое. Битюгъ претъ, не спрашиваетъ. А чѣмъ нагружали, бывало, женатыя команды сундуки да мѣшки свои, этого, кромѣ псковскаго мудреца на балаганахъ въ Питерѣ, никто и не разскажетъ:—салопъ на ватѣ, другой безъ ваты, на обоихъ двадцать четыре заплаты; три одѣяла, кромѣ дыръ ничего не бывало; два платка носовые ковровые, на тряпье готовые; дамскія вещи—молотокъ да клещи—и всего имѣнья—три пуда каменья... А битюгъ всетаки претъ безъ возраженій. И попретъ онъ возище свой верстъ тридцать; случись по проселочной мягкой дорогѣ, такъ на три года колею врѣжетъ на ней; весной ручьи текутъ по слѣдамъ колесъ. Онъ работаетъ, везетъ тысячу верстъ всю копѣечную рухлядь и ветошь эту такъ усердно, какъ будто цѣлое казначейство перевозитъ по казенной надобности.

Еще-ли не уважить такую почтенную скотину, когда она сама, не то что пристать, или заортачиться, а, кажется, только-вотъ не попросить усталаго:—что, молъ, господинъ юнкеръ, взопрѣли-съ? Ну, прпкиньте-ко ранчикъ то вашъ; мнѣ все равно, наплевать, свезу!—Или лоботрясу другому:—ну-ну! вижу, раскорячился,—пихни сюда ламзакъ-то съ мундиромъ да сапоженками! облегчись, овсянникъ любезный,—стащимъ!—А о кашеварѣ и толковать нечего;—всю ночь,—говоритъ,—у печи провозился,—смерть усталъ!—и самъ вспрыгнетъ на краешекъ воза; ужъ загодя поопросталъ себѣ мѣстечко. Битюгъ—и ухомъ не ведетъ; что тутъ разсуждать?—кашевары, хлѣбопеки, артельщики—полные хозяева. Не разсуждая претъ.

И тѣмъ охотнѣе претъ, что козелъ Васька тутъ же, о-бокъ его, у самой оглобли, маршируетъ съ прискочкой, и все это видитъ, и все внутренно весьма одобряетъ, и какъ будто шепчетъ ему:—отчего-же не помочь?—люди у насъ отличные, рота первая по фронту, кашеваръ очень добрый человѣкъ, и хвостики бураковъ не бросаетъ въ котелъ, а всѣ мнѣ; отчего-жъ не помочь людямъ? Ты и помоги,—на то ты—битюгъ. Ты былъ бы свинья, еслибъ не помогъ. Навались, любезный!. И битюгъ—

Digitized by Google

натягиваетъ гужи, хотя и смекаетъ отчасти, что Васька, подлецъ, самъ только по обочинамъ дороги траву пощипываетъ,— вся его и работа; везетъ битюгъ даже съ полнымъ удовольствіемъ.

Кромѣ всякихъ шутокъ, господа, мы и подумать не можемъ, и не подозрѣваемъ, что за дружеская преданность таится въ этихъ животныхъ безсловесныхъ къ человѣку, если мы не удручаемъ ихъ, не истомляемъ, а холимъ и бережемъ. Если пташка малая, или пчела трудящаяся, такъ знаютъ и привыкаютъ къ человѣку, который ходитъ за ними, то, тѣмъ болѣе, привыкаетъ и понимаетъ это сильное животное, переносящее вмѣстѣ съ человѣкомъ всѣ труды его.

Вѣрьте, что во всей природѣ живущей, между всѣми тварями, есть связь невидимая, но живая, и разливается она въ томъ общемъ чувствѣ, какое сообщаетъ человѣкъ всѣмъ окружающимъ его. Затѣмъ—онъ господинъ и хозяинъ природы. Благо тому, кто распространяетъ вокругъ себя снисхожденіе, дружество, любовь и уваженіе, ибо кругомъ насъ всякая тварь достойна и снисхожденія, и любви, и даже уваженія, въ мѣрѣ своихъ силъ и способовъ. И всѣ твари отвѣтятъ тебѣ на дружество твое полнѣйшимъ усердіемъ и преданнѣйшей любовью.

Пословицы говорятъ:—„на кнутѣ не уѣдешь!“ „не все хлыстомъ—ино свистомъ!“ „не конь везетъ, а овесъ“, „поровистаго коня не дубьемъ огладь, а рукой“, — главное—милуй, береги, люби его; отслужитъ онъ тебѣ за всю любовь твою и въ долгу не останется.

Старые солдаты всегда любили животовъ своихъ до страсти; и много розказней ходило о разныхъ похожденіяхъ артельныхъ коней солдатскихъ. Современемъ раскажемъ кой-что изъ старины, какъ, напримѣръ, въ одной ротѣ артельный битюгъ Самсонъ Петровичъ *), со всеусердіемъ и безотказно, прослужилъ десять лѣтъ и впалъ въ несчастіе. Какъ-то, походомъ, ночлегъ случился на винокуренномъ дворѣ; артельщикъ позабылъ напоить Самсона Петровича, а онъ добрался до чана браги и такъ натрескался, что и ноги протянулъ. На-завтра глядь—ахъ, да ахъ!—сдохъ Самсонъ Петровичъ! Ну, содрали съ него шкуру, расковали; въ ротную телѣгу впрягли воловъ.—По отдѣленіямъ направо! Фельдмаршъ!—Рота пошла. Глядь назадъ—а Самсонъ Петровичъ встаетъ, и поперъ за ротой безъ шкуры... Это не вытерпѣлъ, сердечный, барабанъ услыхавши!

Окказія! или, лучше сказать, вранье. А всетаки изъ онаго

*) См. разсказъ А. Ѳ. Погоскаго «Лѣшевъ хуторъ». *Прим. ред.*

Digitized by Google

вранья видно, какія чувства приписываютъ добрые люди своей скотинѣ усердствующей.

Но изъ всѣхъ коней, какъ фронтовыхъ, такъ и нестроевыхъ, нѣтъ и не можетъ быть равнаго тому, который имѣлъ счастіе родиться на службѣ и быть вскормленникомъ солдатскимъ.

Извѣстно, что въ каваллеріи строго наблюдается, чтобы никакого лишняго приплода не оказывалось на конюшняхъ. Но иногда, вдругъ, очутится у строевой кобылы жеребенокъ;—солдаты сейчасъ припрячутъ гостя, и давай его воспитывать.

Воспитаніе это ведется такъ усердно, что скоро походный соморощенникъ такой какъ будто забываетъ не только свое дворотство, но даже свое природное званіе, и по характеру становится похожимъ скорѣй на собаку, нежели на лошадь,—бѣгаетъ за солдатами, ѣстъ непремѣнно изъ рукъ, ѣстъ все, что угодно: хлѣбъ, картофель, селедку, даже мясо; щей нальютъ—уписываетъ, каши наложатъ—всю стрескаетъ, ничѣмъ не брезгаетъ. Зовутъ его непремѣнно Васькой, или Машкой, и онъ даже откликается на свою кличку, ржетъ и гогочетъ. Впослѣдствіи выходитъ изъ такого воспитанника невообразимо лихой конь, точно скозочный сивка-бурка вѣщая каурка.

Въ гренадерскомъ Малороссійскомъ, фельдмаршала графа Румянцева-Задунайскаго полку, смотритель полковаго лазарета, почтенный унтеръ-офицеръ Яковлевъ, съ шеврономъ на рукавѣ, купилъ у прохожихъ цыганъ, кажется за четвертакъ, только что родившагося жеребенка. Таборъ былъ на походѣ; не стоять же изъ-за жеребенка, и не тащить же его на возу,—цыгане хотѣли повѣсить его и содрать шкуру. Яковлевъ случился при этомъ и пріобрѣлъ сокровище; онъ воспитывалъ его при лазаретѣ. Я видѣлъ его уже годоваго,—эта была невѣроятная скотина. Прозывался жеребенокъ этотъ Цыганомъ, въ честь своихъ бродячихъ родителей и благодѣтелей. Въ лазаретѣ онъ зналъ не только всѣхъ докторовъ и всю лазаретную прислугу, но и всѣхъ больныхъ. Чуть прибудетъ новый больной солдатъ — Цыганъ является къ нему, прямо къ койкѣ, для знакомства. Никакой присмотръ не поможетъ; точно собака вотрется Цыганенокъ, при первомъ удобномъ случаѣ, въ палатку и начинаетъ обходить всѣ кровати. Каждый больной, разумѣется, даетъ ему подачку. Особенно любилъ онъ *трудныхъ* больныхъ;—отъ *слабой порціи* остается бѣлый хлѣбъ,—это ему нравилось. Если больной спитъ, то Цыганъ выражаетъ свое неудовольствіе, ржетъ ему въ носъ, и даже роетъ мордой одѣяло: — проснись-де!.. я пришелъ!

Digitized by Google

Дежурные вчастую гнали его и выпроваживали за холку, но это мало помогало; чуть кто скрипнулъ дверью—онъ ужъ тутъ какъ тутъ, и ходитъ, бестія, обирать остатки порцій; даже лекарство жралъ. И ничего,—только чихнетъ, бывало.

Цыганъ былъ статей обыкновенныхъ, но прочная и гладкая скотина; и получилъ онъ какую-то особенную морду, очень веселую, какъ будто улыбающуюся; глядитъ, бывало, на человѣка и, кажется, хочетъ спросить: — ну-ко сь, что у васъ тамъ для меня есть?

Солдаты, разумѣется, любили его до страсти; а Яковлевъ—и толковать нечего; — привычный, застарѣлый служака, онъ, кажется, затѣмъ только и въ отставку вышелъ, чтобы попробовать Цыгана: —ну-ко, молъ, довези меня домой!..

И, дѣйствительно, уѣхалъ на немъ, къ великому огорченію всего лазарета.

Ну, какъ же не сердечное животное?

Потомъ слова два не мѣшаетъ сказать о *скаковыхъ* лошадяхъ. Они раздѣляются на два вида: 1-я, очень полезныя, то есть фронтовыя лошади, и 2-я, пріятныя, или малополезныя, англійскія, поджарыя, похожія на борзыхъ собакъ, или ободранныхъ зайцевъ-скакуновъ.

Кончимъ весьма почтенной и всѣмъ намъ полезной, *докторской* лошаденкой, (у сѣдла которой иногда пришивается кожаная петля для правой руки его высокородія, ибо ученые люди всегда предпочитаютъ сидѣть въ креслѣ,—какъ-то понадежнѣе). О, какое милое животное это, напримѣръ, на полѣ битвы, послѣ сраженія!

Лучшею въ мірѣ породою лошадей считается—*арабская*. Къ сожалѣнію, она находится въ такихъ ненадежныхъ рукахъ, что на полѣ сраженія чаще всего представляется въ весьма предосудительномъ видѣ, убѣгающей отъ непріятеля.

Конечно, это смѣшно и позорно. Давно пора бы смѣнить сѣдока этому благородному животному; да, кажется, скоро такъ оно и будетъ.

Затѣмъ, выразимъ наше общее удовольствіе нашему общему другу, коню, во всѣхъ разнообразныхъ полезныхъ трудахъ его, и поблагодаримъ его нашимъ дружествомъ и попеченіемъ о немъ.

Digitized by Google

СОБАКА.

Послѣ лошади, въ ряду нашихъ слугъ и друзей четвероногихъ, первое мѣсто занимаетъ—собака.

Главные ротные приживатели: Блоховикъ, Фуфлыга и Брандахлыстъ, доставшійся отъ цѣловальника, и въ честь напитковъ его такъ и названный.

Блоховикъ—онъ же Шрупчикъ, Шпунтикъ, Фига и т. п., это—виляющая мелкимъ бѣсомъ, льстивая и даже подленькая собаченка, лазающая преимущественно по кухнямъ, и бѣгающая съ солдатками и съ бабьемъ больше на рѣчку, при стиркѣ бѣлья.

Въ схваткахъ—слабъ, сразу заливается поросенкомъ, и первый опрометью бѣжитъ съ мѣста сраженія, по блудливъ по съѣстной части.

Фуфлыга, или Задоръ, Кукишъ и проч.—искатель ссоръ и отбиватель костей, забіяка, всегда готовый задать и заполучить какую угодно трепку, любимецъ молодежи, и хорошо науськанный песъ, по приказанію мгновенно кидающійся хоть на самого медвѣдя; въ дракѣ—неподражаемъ,—самъ всегда затѣваетъ ее, и самого же его всегда дуютъ безъ милосердія. Но это ему — наплевать! ни своихъ, ни чужихъ ранъ и прорѣхъ въ грошъ не ставитъ, никогда не визжитъ; но зубы—наружу, лаетъ азартно, и, поперхнувшись чужою шерстью, откашливается до крови, и опять нагло и выразительно брешетъ, взрывая въ нетерпѣніи задними ногами песокъ. Иногда у него нѣтъ уха, а иногда и глаза. Лечится и вылизывается отъ увѣчья очень скоро, ибо некогда,—драться хочется.

Обѣ эти породы всегда присутствуютъ на ротныхъ и баталіонныхъ ученьяхъ и смотрахъ.

Брандахлыстъ—вродѣ Сибирлета, или Камуфлета — совсѣмъ серьезный песъ; это собачій хозяинъ въ ротѣ, другъ артельнаго битюга, покровитель козла при немъ, и великій порѣшитель собачьихъ битвъ и судебъ, иногда по всему баталіону. Лаетъ рѣдко, ворчитъ страшно, морща одну ноздрю и обнажая свой волчій зубъ; въ драки мелкихъ собаченокъ не входитъ. Никогда ничего не стянетъ, но чужую миску, или кость считаетъ своей неоспоримой собственностью, и медленно приближается къ ней, давая время улизнуть по-добру по-здорову завтракающей собаченкѣ; любитъ почетъ, и за неуваженіе задаетъ трепку безъ раз-

Digitized by Google

бора, даже капитанскому Трезору. Вообще, въ битвахъ является только въ крайности, къ общему ужасу всѣхъ сражающихся. Ученій не посѣщаетъ.

Но мы еще возвратимся къ этимъ пріятелямъ ротнымъ; сперва поговоримъ о собакѣ вообще.

Извѣстно, что изъ всѣхъ домашнихъ животныхъ, собака считается самымъ смышленымъ и вѣрнымъ. А при ея неутомимости, чуткости и отважности, въ сельскомъ быту она приноситъ незамѣнимую пользу. Множество породъ собакъ употребляются на различныя послуги человѣку. *Дворняга* — сторожитъ домъ и добро хозяйское; *стадная* и *овчарка*—охраняютъ стадо отъ звѣрей; *охотничьи*, различныхъ видовъ—*волкодавы*, *гончія*, *борзыя*, *лягавыя* и много другихъ — помогаютъ человѣку на охотѣ за звѣремъ и птицей. Въ Сибири собаки употребляются для ѣзды на саняхъ, устроенныхъ именно для запряжки собакъ. Въ чужихъ краяхъ на собакахъ возятъ разную нетяжелую кладь, напримѣръ зелень, или овощи на рынокъ.

Есть собаки большія и сильныя, отлично плавающія; ихъ держатъ на морскихъ берегахъ для спасенія утопающихъ, въ случаѣ кораблекрушенія. Онѣ называются *ньюфаундленскими*. Въ снѣжныхъ альпійскихъ горахъ держатъ тоже огромныхъ и сильныхъ собакъ, называемыхъ *санбернардскими*. Во время метелей и обваловъ снѣжныхъ, эти собаки отыскиваютъ забтудившихся, или занесенныхъ снѣгомъ, людей. На шею такой собакѣ привѣшивается колокольчикъ и корзина съ съѣстными припасами и виномъ.

Вообще, польза отъ собакъ чрезвычайно разнообразна; а привязанность собаки къ своему хозяину такова, что очень часто она не переноситъ тоски по смерти хозяина и издыхаетъ на его могилѣ.

Наши полковыя и ротныя собаки, конечно, не отличаются особою породистостью; большая часть ихъ—чистыя дворняжки. Но преданность и вѣрность ихъ своимъ ротамъ иногда изумительна. Добрая собака непремѣнно знаетъ всѣхъ людей той роты, которая ее призрѣваетъ и считаетъ своею. Нѣкоторыя шавки, напримѣръ, ходятъ за людьми въ караулы, по нѣскольку разъ въ сутки обѣгаютъ не только всѣ караулы, но и всѣ посты. Прибѣжитъ къ часовому, повиляетъ передъ нимъ хвостикомъ, прикурнетъ въ будкѣ и—маршъ, бочкомъ, на слѣдующій постъ. Въ 19-й пѣхотной дивизіи извѣстенъ былъ такой случай. Въ суровую зиму, въ одномъ ихъ городовъ Финляндіи, однажды рота занимала караулы. Дрянная съ виду собаченка ротная, какая-

Digitized by Google

нибудь Бурка, Жучка, или Блоховикъ, разсказывали люди, пошла съ ротой и подъ вечеръ обѣгала всѣ посты. На дворѣ была метель. Вдругъ, она залаяла у дверей караульни; ее впустили; шавка наша что-то очень суетится и громко лаетъ. Попробовали унять, кинули хлѣба—не беретъ и лаетъ, особенно передъ унтеръ-офицеромъ. Солдаты смекнули:—что-то неладно!—Ефрейторъ съ солдатами взяли ружья; собака къ двери, они за ней,—и привела ихъ собака за-городъ, къ магазину. Глядятъ—часовой у воротъ магазина лежитъ съ ружьемъ... Оказалось, что онъ внезапно захворалъ, упалъ и сталъ уже примерзать...

Надо полагать, что, выздоровѣвъ, солдатъ этотъ нескоро забылъ сметливую шавку.

Подобный случай собачьей сметливости и вѣрности описанъ въ короткихъ словахъ *).

„Священникъ села Троекурова, ѣхавши изъ Москвы, по смо„ленскому шоссѣ, близъ дер. Мозилово сбился съ дороги и по„палъ въ оврагъ, откуда никакъ не могъ выбраться. Священ„нику грозила неминуемая смерть, если-бъ не спасла его, бывшая „при немъ, собака. Она прибѣжала въ Мазилово и, подойдя къ „одной крестьянской избѣ, начала лапами скрести по окну. Уди„вленный крестьянинъ вышелъ на улицу и, увидавъ собаку, „ласкающуюся къ нему съ какимъ-то воемъ, подивился этому и „пошелъ сказать другому крестьянину, своему сосѣду. Когда они „оба вышли на улицу, собака еще болѣе стала къ нимъ ла„скаться и визжать. Крестьяне смекнули, что есть что-нибудь „въ ея ласкахъ и визгѣ особенное, дали ей ходъ, и она подвела „ихъ къ полузамерзшему священнику. Крестьяне вывели лошадь „на дорогу и, положивъ священника въ сани, привезли его въ „свою деревню, а оттуда проводили въ с. Троекурово. Священ„никъ такъ сильно пострадалъ отъ холода, что принужденъ былъ „лечь въ больницу, гдѣ, какъ говорятъ, у него была отнята кисть лѣвой руки“.

О смышленности и сообразительности собачьей есть очень много разсказовъ. Приводимъ нѣкоторые.

Одинъ полковой докторъ, узнавъ, что какой-то ротной собаченкѣ колесомъ переѣхали и сломали ногу, приказалъ притащить къ нему калѣченаго пса. Добрый и небрезгливый докторъ осмотрѣлъ изувѣченную ногу, самъ перевязалъ ее въ лубки и приказалъ, можетъ быть для ученыхъ наблюденій, тутъ же, въ своей комнатѣ, въ углу, подослать что-нибудь больной собакѣ и

*) Въ «Русскомъ Инвалидѣ» № 66-й, 7 Марта 1867 г., подъ заглавіемъ: «Спасеніе погибавшаго». *Прим. авт.*

Digitized by Google

уложить ее. Черезъ недѣли двѣ переломанная кость ноги срослась, и вылеченная собака убѣжала въ роту.

Прошелъ мѣсяцъ другой; докторъ уже и забылъ о собаченкѣ; однажды, рано утромъ, онъ сидѣлъ у своего письменнаго стола, слышитъ—кто-то скребется въ дверь. Докторъ отворилъ дверь—въ комнату входитъ знакомая, вылеченная собаченка, а за ней ковыляетъ другая, со сломанной ногой,—и обѣ смиренно глядятъ на доктора:—сдѣлайте, молъ, милость, ваше высокородіе, вылечите и мою пріятельницу!

Другой случай.

Одна офицерская собака, въ городской стоянкѣ, пріучена была бѣгать каждое утро, съ корзинкою въ зубахъ, за булками. По условію съ булочникомъ, онъ бралъ корзинку и изъ нея книжку, записывалъ въ книжку, сколько выдано сухарей и булокъ и, уложивъ ихъ въ корзинку, возвращалъ ее собакѣ. Съ полгода кудлатый посланникъ приносилъ провіантъ съ полнѣйшей аккуратностію. Вдругъ, разъ принесъ, и оказалась недостача—однимъ сухаремъ меньше; на другой день—тоже; и на третій тоже, — одного сухаря недостаетъ. Спросили булочника; онъ увѣрялъ, что такой ошибки быть не можетъ. Однако, на четвертый день, собака принесла еще меньше,—недоставало двухъ сухарей. Офицеръ былъ убѣжденъ въ вѣрности своей собаки, а булочникъ сталъ самъ отсчитывать сухари; и всетаки двухъ сухарей недоставало постоянно. Тогда рѣшили—наблюдать за собакой.

Выдавъ ей корзинку съ булками, булочникъ поглядѣлъ, куда она побѣжитъ. Собака стрѣлой пустилась въ противную отъ квартиры офицера сторону; булочникъ побѣжалъ за ней и издали увидѣлъ, какъ она юркнула подъ мостъ, а черезъ минуту опять бѣжала оттуда во весь духъ домой.

Булочникъ спустился подъ мостъ и увидѣлъ тамъ такое зрѣлище. Въ темномъ углу, подъ балкой, лежала сука съ десяткомъ новорожденныхъ щенятъ; она съ большимъ удовольствіемъ уписывала свѣжіе, только что изъ булочной, сухари.

Такъ, вѣрный песъ, ставъ отцемъ, соблазнился, и на хозяйскій счетъ содержалъ свое многочисленное семейство. Каковъ плутъ, однако!

Разумѣется, при всей смѣтливости собачьей, нельзя требовать отъ нея полной сообразительности; но этотъ недостатокъ и у людей бываетъ.

Вотъ, еще, напримѣръ, случай, съ сухарями да булками.

Полкъ стоялъ цѣлый годъ въ одномъ городкѣ въ Польшѣ.

Digitized by Google

Деньщикъ одного офицера каждый день посылалъ барскаго пуделя, тоже съ корзинкой, къ булочнику. Черезъ годъ полкъ былъ переведенъ въ другой городъ, верстъ за сто. Устроившись на новой квартирѣ, деньщикъ, на другой день, утромъ, по старой привычкѣ, далъ собакѣ корзинку въ зубы,—бѣги, молъ, за булками. Собака было замялась, не брала корзинки, но деньщикъ припугнулъ ее—она убѣжала съ корзинкой. Ждать-пождать — нѣтъ собаки, и къ обѣду нѣтъ, и къ ужину нѣтъ. Погоревали и улеглись спать. Вдругъ, передъ свѣтомъ, слышутъ—лаетъ собака у дверей. Впустили; булки принесены всѣ сполна, только въ страшной пыли; да и собака вся въ пыли, и насилу дышетъ, языкъ высунувши.

Оказалось, что она сбѣгала въ ту булочную, которую знала, то есть за сто верстъ, на старыя квартиры, въ знакомую булочную.

— Ахъ, ты, дуракъ-дуракъ!—укорялъ деньщикъ пуделя, лежащаго безъ заднихъ ногъ съ устатку.

— Ну, братъ, и ты-же мудрецъ!—промолвилъ офицеръ деньщику;—тутъ и не разберешь, кто изъ васъ сообразительнѣе?

Деньщикъ только въ затылкѣ почесалъ:—хороши, молъ, оба!

Подобныхъ случаевъ и анекдотовъ о собакахъ можно собрать многія сотни; не разъ собаки отыскивали утерянныя дорогія вещи, спасали жизнь людей, и, если иногда причиняютъ зло, то несравненно болѣе того приносятъ пользы человѣку.

Конечно, польза эта иногда почти незамѣтна, но она несомнѣнна. Собака, разумѣется, не всегда имѣетъ случай выполнить какую-нибудь послугу человѣку, но присутствіе ея между людьми всегда пріятно; нетребовательная и покорная, она развлекаетъ человѣка въ грустную минуту, забавляетъ его и вообще пополняетъ нашу обстановку, иногда невеселую.

Притомъ же собаку легко пріучить къ какому-нибудь посильному ей дѣлу; у инаго артельщика, ротнаго, или эскадроннаго собака такъ пріучена, что, какъ только она видитъ, что онъ задаетъ ротному битюгу овса — сейчасъ же бѣжитъ и ложится около лошади и остается все время при ней, пока та не съѣстъ своей дачи. И ужъ, пока лошадь ѣстъ, никого и не подпуститъ близко; а сунь кто руку въ овесъ—полы оборветъ. На ротномъ огородѣ собаки такъ караулятъ, что курицы въ огородъ не пустятъ. Были случаи, что собаки, обыкновенно сопровождающія свои роты на ученье, по окончаніи онаго, несли въ зубахъ найденныя ими, штыковыя ножны, или какіе-нибудь ремешки.

Digitized by Google

Впрочемъ, состоящія въ войскахъ, собаки, главнымъ образомъ, раздѣляются на два класса: собаки *офицерскія*, и собаки *солдатскія* (ротныя). Между ними огромная разница. Офицерскія собаки вообще гораздо породистѣе; самыя обыкновенныя породы офицерскихъ собакъ — *лягавыя* и *пуделя*, по пѣхотѣ и артиллеріи, *борзыя* и *сетеры*—по кавалеріи, и наконецъ, зубастые *британы* (бульдоги) и иногда *ньюфаундленскія*—по флоту. *Гончія*, хотя принадлежатъ всегда сухопутнымъ офицерамъ, но ходятъ и съ ротными охотниками на охоту, и потому чаще состоятъ при ротныхъ кухняхъ, и вообще вращаются въ низшихъ слояхъ штабовъ и ротныхъ дворовъ, и якшаются съ ротными дворнягами, тогда какъ прочія офицерскія собаки—по большей части комнатныя — сопровождаютъ своихъ господъ въ прогулкахъ и путешествіяхъ.

Есть еще офицерскія собаченки разныхъ породъ и небольшихъ размѣровъ:—*левретки*, *аглицкія*, *мопсы*, *моськи*, *болонки*, но они состоятъ преимущественно при семействахъ женатыхъ офицеровъ и не имѣютъ почти никакого значенія по части твердаго фронта войскъ.

Офицерскія собаки крупныхъ породъ держатся и ведутъ себя нѣсколько отдѣльно отъ солдатскихъ, и, снюхиваясь съ ними при встрѣчахъ, обнаруживаютъ свое превосходство. Они всегда содержатся чисто и сыто. Правда, и солдатская собака никогда не голодаетъ,—каждый солдатъ кинетъ ей съ удовольствіемъ корку хлѣба;—но особеннаго щегольства и опрятности въ наружности ихъ не замѣчается.

Поглядите, иногда осенью, въ дождь и слякоть, походомъ идетъ баталіонъ; непремѣнно тутъ же бѣгутъ, при своихъ ротахъ, разныя собаченки, мокрыя и заплепанныя по уши. Только облизываются да на солдатъ поглядываютъ. А случись кошка — маршъ-маршъ стрѣлой за нею, и усталь прошла. И всегда за версту еще встрѣтятъ квартирьеровъ; и, отъ удовольствія, покруче закрутятъ хвостики.

При входѣ въ деревню, на квартиры, въ мирное время ведутъ себя смирно и чинно, перенюхиваясь съ земляками. Но въ военное время, за границей—и ими овладѣваетъ духъ враждебности и воинственности. Приведемъ изъ „воспоминаній“ нашего достопочтеннаго дунайскаго и севастопольскаго ветерана, *именнаго солдатскаго лѣтописца—Петра Кашина*.

Вотъ, разсказъ съ его словъ.

Въ боевыхъ воспоминаніяхъ своихъ о солдатахъ, могъ-ли онъ забыть любезныхъ друзей солдатскихъ?

Digitized by Google

Въ княжествахъ Молдавіи и Валахіи жители держатъ много собакъ. На походѣ, всякій разъ, когда мы приближались къ ночлегу—къ огороду или селенію—навстрѣчу намъ слышался лай, постепенно усиливающійся. На этотъ, какъ бы вызывающій лай, молча спѣшили всѣ наши полковыя собаки, опережая свои роты, и собирались далеко впереди головы колонны. Изрѣдка какая-нибудь отставшая шавка нетерпѣливо брехнетъ, догоняя своихъ. Еще баталіонъ былъ иногда версты за двѣ отъ селенія, а уже тамъ завязывалась сильная перебрешка нашихъ собакъ съ туземными. А ввиду баталіона открывалась уже баталія; визгъ, вой и рычаніе грызущихся—усиливались съ приближеніемъ нашихъ. Офицерскія собаки, приберегаемыя хозяевами своими, составляли какъ будто резервъ, и только повизгивали и ободряли сражающихся зычнымъ взлаеваніемъ. Но вотъ — бой дошелъ до крайнихъ предѣловъ остервенѣнія; одиночныя схватки теряются въ борьбѣ кучекъ; вой и рычаніе сливаются въ непрерывный гвалтъ,—и вдругъ, раздается пронзительно знакомый визгъ... Срываются удерживаемыя, сытыя офицерскія собаки, устремляются въ схватку, и съ размаху бьютъ въ средину кучки. Дрогнула туземная сила, но и къ ней изъ дальнихъ закоульковъ несется подкрѣпленіе... Опять закипѣлъ равный, ожесточенный, отчаянный бой... Опять раздался знакомый взвизгъ; — нашимъ плохо! И вотъ, когда, отъ дальняго артельнаго обоза, весь разстилаясь по землѣ, языкъ на-бокъ, глаза въ крови, летитъ какой-нибудь Брандахлыстъ, порѣшитель судебъ собачьихъ .. — Направо, налѣво раздайсь!—громко трунятъ солдаты. — Выручай нашихъ!.. катай его!—Какъ вихрь мелькнулъ богатырь въ взъерошенной шубѣ; еще минута—и двадцать отчаянныхъ собачьихъ взвизговъ огласило поле сраженія; онъ ужъ тамъ, работаетъ... Ужъ не клочья шерсти, а цѣлыя шавки и моськи летятъ въ воздухъ, и, шмякнувшись, испускаютъ послѣдніе, безнадежные взвизги... Направо, налѣво, впередъ и назадъ рветъ, теребитъ, въ прахъ разбиваетъ косматый витязь необдуманно-дерзкаго врага, — и все, что не легло, поджавъ хвосты, утекаетъ безъ оглядки, еле взбрехивая и чуть переводя духъ. — Ай да ты! ай да молодчинище! Ахъ, ты, сердечный!—сыплются похвалы изъ фронта; и — весь рыло въ крови—возвращается въ притруску оборванный витязь, встряхиваясь и на мигъ присѣдая, чтобы почесать за прорваннымъ ухомъ, или пропоротымъ шиворотомъ, и взлаеваетъ отрывисто, точно ругаясь: — ты, молъ, кто? свинопасъ! нашихъ не тронь! -- и, продолжая путь, опять брехнетъ:—я этого терпѣть не могу! всю шкуру сдеру!—И, дѣйствительно, дранье шкуръ про-

Digitized by Google

исходило безпощадное. Но, увы! что-жъ дѣлать? и наши Бурки, Жучки, Лыски, и даже Гекторы и Ахиллы, возвращались изъ битвы иногда истрепанные немилосердно. Во всякомъ случаѣ—позиція оставалась за нами, и баталіонъ вступалъ въ деревню при весьма отдаленномъ и нерѣшительномъ лаѣ, проученныхъ туземныхъ скотовъ. Подобныя свалки повторялись однако и послѣ расквартированія войскъ, такъ что полковая собака всегда была, что называется, на-чеку.

Какъ смотрѣли на это солдаты, лучше всего объяснитъ наглядный примѣръ. Въ одной стычкѣ съ турками, нашему отряду, по какимъ-то обстоятельствамъ, не поспѣлъ на помощь сосѣдній отрядъ. Дѣло было жаркое; но мы управились и безъ подмоги, и расположились бивуакомъ близъ деревни. Былъ вечеръ; солдаты отдыхали; вдали послышался лай собачьей свалки. Жирный черный песъ спалъ невдалекѣ отъ бивуачнаго костра; мимо его проходилъ усачъ, старый солдатъ. Съ негодованіемъ подошелъ онъ къ спящей собакѣ; — ахъ, ты, подлая тварь!—крикнулъ:—тамъ грызутся *наши*, а ты спишь! — и хватилъ ее каблукомъ. Очнувшійся песъ взвизгнулъ и, сломя голову, полетѣлъ на лай, загладить свою позорную оплошность.

Все это конечно—„собаки между собою“; и это рыцарство болѣе потѣшно, нежели полезно. Но сколько было неизвѣстныхъ, или позабытыхъ случаевъ, когда собака приносила дѣйствительную пользу, а часто и спасеніе нашему брату! На Кавказѣ солдаты очень часто брали съ собою собакъ на развѣдки и рекогносцировки. Въ горахъ и трущобахъ этой живописной страны на каждомъ шагу есть удобное мѣсто для засады; каждый шагъ грозитъ человѣку смертью,—чуткіе и пріученые псы живо открывали непріятельскіе секреты и засады. Тоже самое случалось и въ Средней Азіи, гдѣ ташкентскія собаки замѣчательны по своимъ качествамъ.

Въ Севастополѣ мы видѣли огромнаго чернаго пса, четыре раза раненаго пулей. Ходила молва, что этотъ богатырь всегда сопутствовалъ своему хозяину, храброму флотскому офицеру, въ молодецкихъ ночныхъ вылазкахъ; и матросы съ убѣжденіемъ разсказывали, что каждую пулю песъ получалъ именно въ тотъ мигъ, когда бросался на грудь своему хозяину...

Погибшій послѣ Инкерманскаго дѣла, „Сибирлетка“, *) къ чести собачьей—не вымыселъ.

Трогательный разсказъ француза, спасеннаго собаченкой

*) См. повѣсть А. Ѳ. Погосскаго—«Сибирлетка» *Прим. ред.*

Digitized by Google

своей—въ тѣ минуты, когда онъ истекалъ кровью на полѣ сраженія—всѣмъ извѣстенъ.

А сколько нашихъ собакъ, на поляхъ придунайскихъ и крымскихъ, рыскало по побоищу, отыскивая *своихъ* раненыхъ друзей и господъ — солдатъ? Сколько изъ этихъ тварей принесло послѣдняго предсмертнаго утѣшенія однимъ своимъ присутствіемъ и привязанностью?... Да, собака—другъ честный, почтенный!

Въ мирное время большую услугу приносятъ войскамъ еще *охотничьи* собаки. Кромѣ лягавыхъ, гончихъ, борзыхъ, и прочихъ прирожденныхъ звѣролововъ и птицелововъ — у солдатъ очень часто ходятъ „подъ ружьемъ“ и простѣйшія *дворняжки*, и ходятъ превосходно. Вышколенная умнымъ охотникомъ, такая собака исправляетъ свою обязанность иногда лучше всякой охотничьей породы.

Особенно способны къ этому такіе псы, происхожденія которыхъ не разобрать никакому ученому собачнику.

И презанимательныя морды есть между ними. Другой уродъ будетъ два часа неподвижно сидѣть надъ застрѣленной птицей, устремивъ на нее задумчивый и сладострастный взоръ,—точно будто сочиняетъ, какое бы надгробное слово сказать погибшей во цвѣтѣ лѣтъ куропаткѣ? Или — надъ поваленнымъ мѣткой пулей лосемъ вздыхаетъ, развѣсивъ „брыле“, и распустивъ слюни,—знакъ полнѣйшаго собачьяго удовольствія и аппетита.

На кантониръ-квартирахъ, иногда—въ минуты бездѣлья и голода—нѣсколько псовъ, соединенной компаніей, отправляются одни на охоту. Кому случалось наблюдать такую собачью охоту, тотъ не можетъ не отдать полнѣйшей справедливости—соображеніямъ, сметливости и искусству, съ которыми собаки ведутъ это нелегкое дѣло.

Каждый звѣрь самъ сметливъ отъ природы; и не только хитрая лиса, а какой-нибудь безтолковый и косой русакъ, и тотъ отлично умѣетъ маневрировать въ своемъ родимомъ урочищѣ. Но собаки дѣйствуютъ точно по диспозиціи, заранѣе обдуманной, и такъ загоняютъ и засуетятъ бѣдняка „косаго“, что онъ непремѣнно вляпается прямо на зубы какому-нибудь Фуфлыгѣ.

Затѣмъ дѣлежъ и необходимыя послѣдствія его — взаимная свалка на пропалую,—шубы трещатъ!

Страшнѣйшіе враги волковъ, лисицъ и въ особенности зайцевъ—борзые. Пара добрыхъ борзыхъ загоняетъ и выбьетъ какого угодно звѣря.

Глупѣе всѣхъ по части охоты—пуделя. Быстрый, понятли-

Digitized by Google

вый, умный песъ этотъ, на охотѣ—совершенный дуракъ; и, кромѣ помѣхи, ничего отъ него не жди.

Не могу не вспомнить моего Медора, пуделя, котораго можно назвать „перломъ созданія“ этого рода. Вскормленный, съ третьяго дня рожденія, безъ матери, попеченіемъ прекраснѣйшей изъ чухонокъ, выношенный походомъ въ ранцѣ почтеннаго фланговаго Захарова, воспитанный сообща всей ротой, чего-чего не умѣлъ и не зналъ онъ еще въ юности своей? Особенно наловчили его почтенные однороцы мои—походомъ „своего не оставлять и чужаго не забывать.“

Первый подвигъ его, снискавшій ему всеобщее расположеніе.

На походѣ, уже за двѣ версты отъ ночлега, онъ вернулся и принесъ фельдфебелю, забытыя имъ на пряслахъ, при разсчетѣ роты, зеленыя перчатки.

Рота восхваляла его именно выше лѣсу стоячаго; начальство обратило на него вниманіе.

Впослѣдствіи, какъ-то, при переправѣ на паромѣ чрезъ быструю рѣку, съ артельнаго воза упалъ въ воду ламзакъ съ шинелью. Лодки близко не было; ламзакъ понесло.

— Медоръ, маршъ въ воду!

Онъ кинулся безпрекословно.

Спасеніе шинели длилось около часу, потому что дурачина перъ ее противъ теченія и не догадывался свернуть къ берегу. Но всетаки шинель была спасена. Обрадованный владѣлецъ шинели наговорилъ ему столько лестнаго, что и доброму человѣку впору бы, наконецъ снялъ киверъ и поклонился; одно слово—наше вамъ почтеніе, даромъ, что вы скотъ!

Случалось походомъ идти мимо жницъ,—Медоръ непремѣнно стянетъ что-нибудь и тащитъ въ роту. Разъ явился съ серпомъ; а другой разъ, преслѣдуемый крикомъ жницъ:—оборотень! оборотень!—улепетывалъ съ ведеркомъ молока, съ версту отъ мѣста добычи. Однако, закиданный шапками преслѣдователей, при хохотѣ роты, оставилъ добычу, но сильно обрехалъ преслѣдовавшихъ.

Храбрый и рѣшительный противъ кошекъ, онъ, однако, опозорился однажды такъ, что запятналъ въ глазахъ всей роты всю свою кудрявую породу; съ визгомъ, поджавъ хвостъ, онъ во всѣ лопатки утекалъ съ четверть версты... отъ зайца. Примѣръ, вѣроятно, единственный въ собачьей исторіи.

Это было такъ.

Разъ, на дневкѣ, бродя съ ружьями, вдвоемъ съ ротнымъ охотникомъ, мы пошли по межѣ, въ житѣ. Медоръ, погнавшись

Digitized by Google

за пташкой, очутился далеко впереди насъ и сѣлъ на межѣ, глазѣя впередъ. Вдругъ—передъ нашими ногами сорвался заяцъ и пустился стрѣлой по межѣ. Мы крикнули Медору,—онъ оглянулся, увидѣлъ ушастое страшилище, мчащееся на него, взвизгнулъ и, въ ужасѣ поджавъ хвостъ, припустилъ на-утекъ, что есть духу. Нельзя было не помирать со смѣху; но товарищъ мой, улыбнувшись, какъ будто огорчился:—какой знатный песъ и—трусъ!

Кончая о собакѣ, надо упомянуть, что между собакой и кошкой споконь вѣка идетъ, какъ извѣстно, неугасимая вражда. Про начало вражды этой между балагурами ходитъ такое преданіе.

Въ древности многія собаки считались рыцарями и имѣли на это званіе документы, писанные на пергаментѣ. Собаки-рыцари, вмѣстѣ съ прочими, снаряжались въ лѣса, на охоту, и хаживали на войну противъ другихъ непріятельскихъ племенъ. Кошки же всегда считались хозяйками-домосѣдками и никуда не отлучались отъ пепелищъ своихъ.

Однажды собаки пошли на войну противъ страшнаго врага, волковъ, и отдали документы свои на сохраненіе кошкамъ. Безграмотныя кошки спрятали документы небрежно, на чердакѣ, да подъ стрѣху и засунули.

Побѣдоносно возвратясь съ похода, рыцари потребовали свои документы. Кошки—хвать-по-хвать — документовъ нѣтъ; одни огрызочки остались,—мыши все съѣли!

Раздраженныя собаки задали кошкамъ приличную потасовку и постановили:—впредь, при встрѣчахъ, всегда трепать ихъ безъ милосердія. Ожесточенныя кошки кинулись на мышей и рѣшили:—впредь, ни въ какомъ случаѣ, не давать имъ пощады.

Отселѣ—вѣчная война.

А собаки, оставшись навсегда безъ документовъ, принуждены разъискивать между собой рыцарское происхожденіе свое простымъ способомъ перенюхиванья; имъ ничего больше не осталось, какъ разнюхивать другъ друга при встрѣчахъ.

Кошка, какъ было сказано, животное тупое, и всетаки хитрое; но она малоспособна и, кромѣ ловли мышей, ни къ чему непримѣнима.

Солдатъ, однако, преодолѣваетъ всякую неспособность.

Такъ, еще въ началѣ моей службы, въ 1831 году, у насъ въ ротѣ, былъ у солдатика Филиппова ученый котъ Васька, и тако-

Digitized by Google

вой же пѣтухъ Филька. Они умѣли танцовать подъ дудочку своего хозяина. Преуморительно было глядѣть на танцующаго и кувыркающагося кота, и выступающаго въ прискочку пѣтуха.

На совѣсти моей вѣчно лежитъ прискорбная смерть этого крылатаго плясуна Фильки. Каюсь!.. я, прости Господи, съѣлъ его... Не стану и разсказывать какъ,—разумѣется—варенаго.

Но, господа, изъ запертыхъ въ Парижѣ французовъ, не одинъ даже собаку съѣлъ,—что же за важность съѣсть пѣтуха, хоть бы и ученаго? Мы хоть и не подъ Парижемъ были, но, тоже, въ положеніи довольно трудномъ.

Было бы значительной неблагодарностію съ нашей стороны, если бы мы не упомянули здѣсь о почтенныхъ животахъ, состоящихъ по интендантской части, и служащихъ намъ очень пріятною и здоровою пищею, напримѣръ—о **БЫКѢ**.

И супруга его, **КОРОВА**—дама почтенная.

Распространяться не станемъ, но довольно замѣтить, что — кромѣ мяса — шкура и рога сихъ добродѣтельныхъ животныхъ приносятъ огромную пользу войску; и младенцы ихъ, ввидѣ телятъ, доставляютъ отличные ранцы на всю армію.

На кантониръ-квартирахъ, дойная корова у добраго хозяина тѣмъ болѣе почтенна, что, снабжая молокомъ семью, сегда даетъ достаточно и на долю постояльца; забѣленныя сметаной, сѣрыя щи—вещь столь же вкусная, сколько и здоровая.

Всѣмъ извѣстенъ случай съ заблудившимся охотникомъ, который, трое сутокъ бродя по трущобѣ, совсѣмъ потерялъ силы, и только подкрѣпился, встрѣтивъ пасущуюся корову — надоилъ себѣ молока въ шапку. Такая услужливость смирной скотины заслуживаетъ похвалы.

Наконецъ, два слова о твари, совершенно несправедливо, не только поруганной, но даже служащей именемъ своимъ въ ругани. Рѣчь идетъ—о **СВИНЬѢ**.

Что она любитъ грязь... ну, такъ вѣдь не въ пуховикъ же лѣзть ей? а въ грязи мягко и вольготно,—пусть себѣ валяется! А черезъ эту роскошь и мясо ея, какъ извѣстно всѣмъ нашимъ сотрапезникамъ, нарочито вкусно.

Передъ Остроленской битвой, въ 1831 году, гренадерскій корпусъ сдѣлалъ такое быстрое и внезапное движеніе черезъ мѣста неудобопроѣзжія, что обозъ нашъ очень опоздалъ догнать насъ. Корпусъ расположился на берегу небольшой рѣки, и таки чувствовалъ больше аппетита, нежели было средствъ удовлетво-

Digitized by Google

рить его. День былъ ясный, жаркій. Вдали, на противоположномъ берегу, располагался бивуаками непріятель. Котлы у него дымились; видимо было, что онъ не безъ привару. У насъ этой роскоши не было, и потому аппетитъ чувствовался вдвое. Притомъ же, у берега, на той сторонѣ, мирно паслось небольшое стадо свиней. Дѣло—дрянь!

2-й гренадерской роты Задунайскаго полка солдатикъ *Илья Герасимовъ* оказался особенно недоволенъ этимъ зрѣлищемъ. Онъ попросился у фельдфебеля „на фуражировку".

— Съума ты сошелъ — въ чистомъ полѣ фуражировать! — сказалъ фельдфебель.

— Никакъ нѣтъ-съ, сударь: я туда могу,—и онъ указалъ на другой берегъ.

Съ разрѣшенія капитана—дозволено.

Герасимовъ пошелъ къ рѣкѣ, раздѣлся, сапоги въ зубы, а въ сапогъ—вострый сапожничій ножъ. Переплывъ, онъ надѣлъ сапоги, и, какъ мать родила, съ ножемъ въ рукѣ, отправился къ свиньямъ.

Выбравъ борова пожирнѣе, онъ началъ бѣглымъ шагомъ, не торопясь, гонять его. Оба бивуака обратили вниманіе на чудака; громкій смѣхъ слышался съ обѣихъ сторонъ; всѣ были увѣрены въ безполезности этой гимнастики. Герасимовъ продолжалъ однако свое упражненіе, но постепенно прибавлялъ шагу, и, понемногу, направлялъ борова къ топкому берегу. Хохотъ усиливался. Но вдругъ—солдатъ метнулся къ борову; тотъ отъ него,—и завязъ по уши въ болотѣ. Изъ самой лучшей, мягкой части туши Герасимовъ живо вырѣзалъ фунтовъ пять...

Визгъ борова и хрюканье стада огласило всю окрестность. Непріятельскіе стрѣлки кинулись къ берегу. Но прокуратъ нашъ, оставивъ въ безвыходномъ положеніи злосчастнаго борова, уже плылъ по-саженно, держа въ зубахъ сапоги и добычу; а на нашемъ берегу тоже высыпали стрѣлки. Фуражира привѣтствовалъ весь отрядъ.

Черезъ полчаса, на шомполѣ, надъ огнемъ, кипѣло очень жирное жаркое; а еще черезъ десять минутъ, и капитанъ съ офицерами, и фельдфебель съ отдѣленнымъ отзывались очень одобрительно о хорошей породѣ непріятельскихъ свиней:—вкусъ,—говорятъ,—пріятный какой-то, особенно на-тощакъ!

Мы должны выразить благодарность нашу этой породѣ еще за важное пособіе чистотѣ—ввидѣ *щетокъ*, и отъ имени сапожниковъ — за *дратву*, всегда вооруженную щетиной на концѣ. Безъ этого—и ума не приложить бы!

Digitized by Google

Скажемъ словцо еще о **ЗАЙЦѢ**. Хотя этотъ трусишка вошелъ даже въ пословицу по своему крайнему малодушію, и ни въ какомъ случаѣ не достоинъ чести назваться нашимъ сослуживцемъ, но, во первыхъ, хорошо изжаренный — онъ вкусенъ, что извѣстно во фронтѣ, во-вторыхъ—на кантониръ-квартирахъ, на ротныхъ ученьяхъ, и, въ особенности, на походѣ, онъ очень часто выскакиваетъ тутъ же, изъ-подъ куста, у самаго фронта, и, точно скороходъ, развеселяетъ всѣхъ своими прыжками. На ученьяхъ иногда положительно мѣшаетъ; молодежь никакъ не можетъ отвести глазъ отъ его скачковъ.

— Смирно!—крикнетъ, осерчавъ, командиръ шеренги, иногда службистый унтеръ-офицеръ, да, забывшись, и самъ оглянется:— экъ, его, чорта косаго, мечетъ!

А онъ, какъ будто нарочно, вертится на виду.

Вообще—занятная тварь.

Разъ, какъ-то, гренадеры возвращались съ похода по-баталіонно. На одномъ переходѣ квартирьеры встрѣтили баталіонъ за восемь верстъ отъ мѣста ночлега. Пошли по-ротно. Квартирьеры одной роты доложили капитану, что если идти напрямикъ, то можно версты четыре выкинуть; только придется идти тропой и переходить рѣчку *по дубу*, то есть по сваленному дереву.

— Ладно, пойдемъ по дубу!

Подойдя къ рѣкѣ, рота вытянулась въ одинъ рядъ. Пошли *по дубу*. Дубъ былъ круглый, безъ коры, скользкій. Уже полъроты перешло. Вдругъ—сзади раздается вопль:—заяцъ! заяцъ! аяцъ!.. Гдѣ заяцъ? — и, одинъ за однимъ, восемь человѣкъ бултыхнули въ воду; два юнкера въ томъ числѣ. Выкупались по-поясъ отлично; таково неудержимое желаніе взглянуть—гдѣ заяцъ?

А его и не было; какой-то балагуръ пустилъ шутку; — уже знаетъ, что не выдержитъ молодежь.

Наконецъ, въ крымскую кампанію заяцъ поддержалъ-таки свое достоинство, и, ввиду двухъ армій, среди неумолчной канонады батарей двухъ линій, легъ отъ штуцерной пули, и боевою смертію на полѣ брани выкупилъ худую славу о своей робости.

Что его понесло въ эту свинцовую и чугунную кашу,—какъ знать? Вѣдь у звѣрей есть любопытство. Прислушавшись къ повсѣмѣстному погрому и залпамъ, поосвоившись съ грохотомъ,— дай, погляжу!—подумалъ,—каково *наши* дѣйствуютъ?.. исправно-ли?—Почемъ онъ зналъ, бѣдняга, что камчатецъ 11-й егерской роты *Ефимъ Кузнецовъ* сидитъ тамъ, въ ложементѣ, съ своимъ безпардоннымъ штуцеромъ, и сидитъ очень исправно?..

Digitized by Google

Однако, кивнемъ головой, господа, и зайцу дружески.

Затѣмъ о друзьяхъ и слугахъ нашихъ сказано почти все. Но считаемъ не лишнимъ еще разъ возвратиться къ однимъ изъ пріятнѣйшихъ друзей и слугъ нашихъ, къ собакамъ.

Разсмотрѣвъ серьезно многостороннія способности собакъ, невольно придешь къ заключенію, что доброе животное это, при обстоятельномъ воспитаніи и разумной выучкѣ, (но не дрессировкѣ), могло бы оказать величайшую пользу въ военное время правильными и ему одному посильными послугами арміи. Мы уже сказали, что на Кавказѣ и въ Туркестанѣ солдаты умѣли пользоваться способностями собакъ, и находили въ нихъ добрыхъ помощниковъ въ трудной и опасной службѣ своей. Извѣстно также, что въ войнахъ Наполеона I съ Испаніей, въ арміи и крѣпостяхъ испанскихъ нарочно содержали собакъ, какъ чуткихъ караульщиковъ. Въ послѣднюю французско-нѣмецкую войну, нѣмецкіе солдаты приспособили своихъ полковыхъ собакъ къ форпостной службѣ, и употребляли ихъ при развѣдкахъ. Все это дѣлалось, конечно, случайно, и безъ всякаго заранѣе обдуманнаго порядка; но эта-то, искони повторяющаяся случайность и служитъ доказательствомъ несомнѣнной полезности собакъ, устроенныхъ и обученыхъ правильно.

Все на свѣтѣ идетъ впередъ: покидаетъ устарѣлыя повѣрья и обычаи, учится, просвѣщается, совершенствуется. Конечно, и взглядъ человѣка на животныхъ проясняется. Уже повсюду есть „Общества покровительства животнымъ“. Какъ знать, что не будутъ „Общества образованія и воспитанія животныхъ“,—а по крайней мѣрѣ—разумнаго обученія животныхъ?

Мы не мечтаемъ о собачьей школѣ; но, не подлежитъ сомнѣнію, что, напримѣръ, развѣдывая пересѣченную мѣстность, человѣкъ всегда можетъ наткнуться на засаду, и что только собака способна открыть эту засаду заблаговременно. Или—пріученная собака легко можетъ переносить ночью, положимъ, изъ обложенной крѣпости, въ извѣстный пунктъ письма и донесенія.

Наконецъ, кто можетъ такъ легко и проворно обѣгать все поле сраженія и отыскать раненыхъ, какъ собака? А если приспособить ее къ этому, то она, съ корзинкой на шеѣ, разнесетъ дрогнущимъ ночью раненымъ страдальцамъ корпію, перевязки, питательныя подкрѣпленія силъ, вино, хлѣбъ и т. д.

Слѣдовательно, нельзя отвергать предположенія, что современемъ наши добрыя друзья животныя, и именно собаки, будутъ бдительными и признанными сотрудниками нашими въ трудномъ дѣлѣ войны, и пригодятся въ отрядахъ рекогносцировочныхъ, въ

Digitized by Google

крѣпостяхъ и, наконецъ—для вспомоществованія раненымъ, на полѣ сраженія.

Разумъ—великій указатель благихъ путей человѣчеству; но самымъ могучимъ двигателемъ по этимъ путямъ благимъ всегда пребудетъ сердце. Любите природу, какъ мать и семью вашу; любите въ ней все до послѣдней былинки; а животныхъ, помощниковъ нашихъ считайте друзьями нашими — и будете счастливы.

Блаженъ человѣкъ, иже и скоты милуетъ!

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google